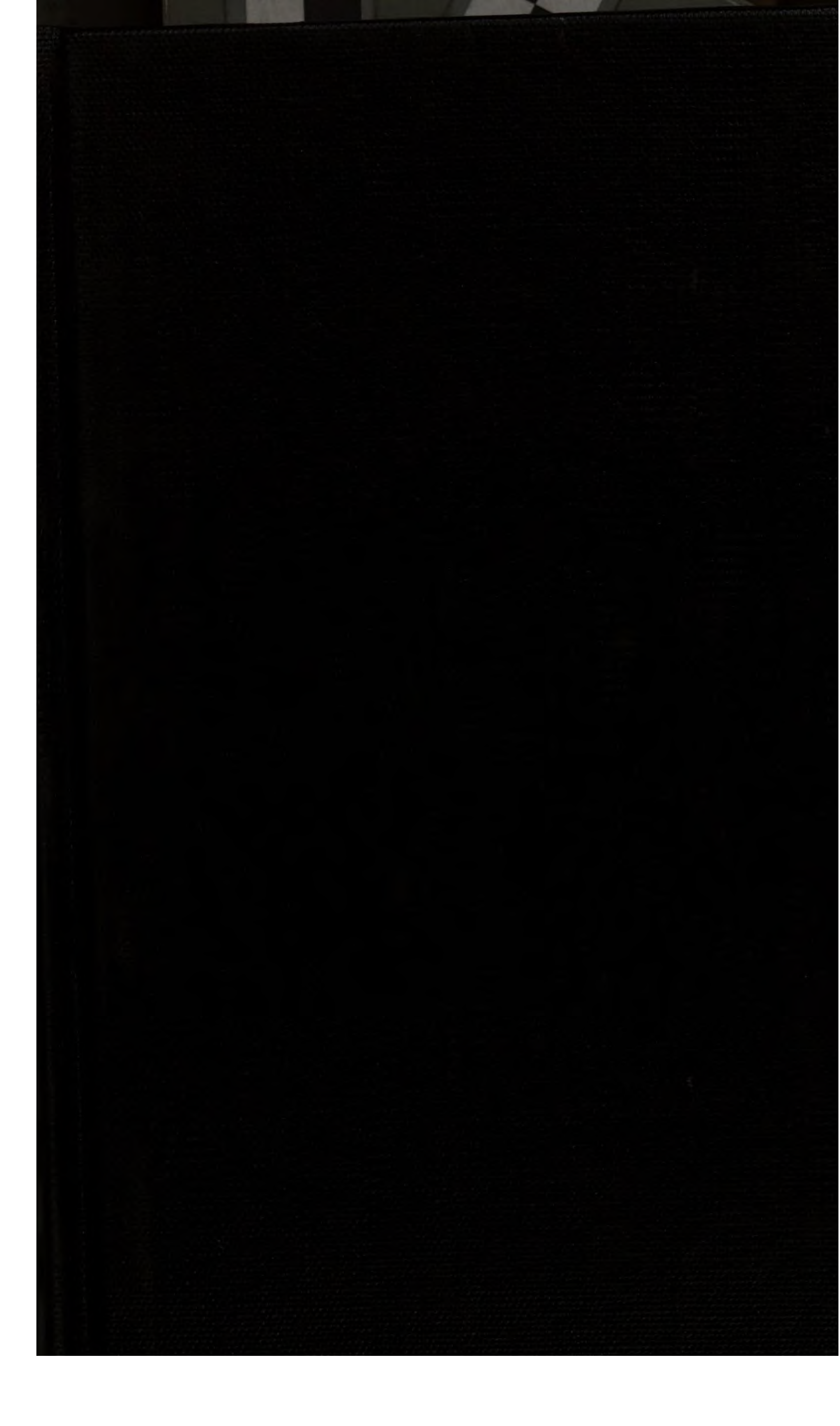


Годъ IX-й. № 11-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

НОЯБРЬ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1900.

Дозволено цензурою Спб. 26 октября 1900 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРИЗИСЪ.

Еще не такъ давно вопросъ о томъ, развивается ли въ Россіи капиталистическое хозяйство или нѣтъ, возбуждалъ самые оживленные споры среди нашей интеллигенціи. Теперь эти споры замолкли—самое упорное доктринерство не могло не уступить передъ напоромъ все умножающихся фактовъ жизни, свидѣтельствующихъ о быстромъ ростѣ нашего капиталистическаго производства. Послѣдній годъ далъ въ этомъ отношеніи еще одинъ, чрезвычайно поучительный, урокъ. Какъ извѣстно, особенностью капиталистическаго развитія является его циклическій характеръ; капиталистическая промышленность періодически переходитъ отъ оживленія къ застою, причемъ этотъ переходъ нерѣдко сопровождается острыми промышленными кризисами. И намъ суждено было въ прошломъ году пережить тяжелый промышленный кризисъ.

Кризису предшествовалъ чрезвычайный промышленный подъемъ послѣднихъ лѣтъ.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ общими статистическими данными объ общемъ ростѣ нашей промышленности за послѣдніе два года (1898 и 1899), когда темпъ подъема сдѣлался лихорадочно быстръ. Послѣднія общія данныя относятся къ 1897 г. Но и по нимъ можно судить о силѣ этого подъема. Приводимая на слѣдующей страницѣ поучительная таблица даетъ отчетливое представленіе о ростѣ нашей промышленности за десятилѣтіе 1887 — 1897 гг. (данныя относятся ко всей Россійской Имперіи, кромѣ Финляндіи *).

Легко замѣтить, что наиболѣе быстрый подъемъ начинается послѣ 1893 г. Такъ, за 6 лѣтъ, 1887—1893 г., число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ возрасло на 264.856, а цѣнность производства на 400.498.000 р. Напротивъ, за 4 года, 1893—1897 г., число рабочихъ возрасло на 515.358, а цѣнность производства на 1.104.147.000 р. За первое шестилѣтіе средній годовой приростъ рабочихъ равнялся, приблизительно, 44.000, а цѣнности производства 67.000.000 р. За второе четырехлѣтіе средній годовой приростъ рабочихъ уже достигаетъ 129.000, а цѣнности производства—276.000.000 рублей.

---

*) По «Своду данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 годъ». 1900. Сильное увеличеніе съ 1896 г. суммы производства и числа рабочихъ въ производствахъ по обработкѣ дерева объясняется, главнымъ образомъ, болѣе полной регистраціей лѣсопильныхъ заводовъ.

Группы производствъ.	Число фабрикъ и заводовъ.			Цѣнность выработанныхъ продуктовъ и издѣлій, въ тысячахъ рублей.			Число рабочихъ.		
	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.	1887 г.	1893 г.	1897 г.
Волокнистыя вещества	2.847	3.025	4.449	463.044	621.929	946.296	399.178	497.940	645.520
Питательные продукты	14.508	13.607	16.512	375.286	399.700	648.116	205.223	216.834	255.357
Животные продукты	4.425	3.350	4.238	79.495	78.422	132.058	38.876	44.228	64.418
Обработка дерева	1.093	1.191	2.357	25.688	38.876	102.897	30.703	39.913	86.573
Писчебумажныя производства	242	343	532	21.030	27.529	45.490	19.491	33.803	46.190
Химическія производства	558	683	769	21.509	39.560	59.555	21.134	28.382	35.320
Керамическія производства	2.380	2.031	3.413	28.965	34.472	82.590	67.346	75.474	143.291
Горная и горнозаводская промышленность	2.655	3.482	3.413	156.012	249.168	393.749	390.915	461.455	544.333
Металлическія издѣлія	1.377	1.828	2.412	112.618	171.140	310.626	103.300	132.008	214.311
Производства, не вошедшія въ предъидущія группы	772	799	935	50.852	74.201	117.767	41.882	52.867	66.249
Итого по всѣмъ группамъ	30.888	30.333	39.099	1.334.499	1.734.997	2.839.144	1.318.048	1.582.904	2.098.262

Съ 1893 г. наблюдается быстрый подъемъ во всѣхъ отрасляхъ производства. Особенно бросается въ глаза быстрый ростъ цѣнности вырабатываемыхъ продуктовъ въ обработкѣ металла и горномъ дѣлѣ.

Ростъ чугуноплавильнаго производства былъ просто колоссаленъ, какъ можно убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Выплавка чугуна въ милліонахъ пудовъ.

Годы.	Соедин. Штаты.	Англія.	Германія.	Россія.	Франція.	Бельгія
1886 . . .	352,3	454,6	215,3	32,5	92,0	42,8
1899 . . .	844,2	576,7	489,8	165,2	156,6	74,4

За 13 лѣтъ выплавка чугуна въ Россіи увеличилась почти въ пять разъ. Даже абсолютно увеличеніе выплавки чугуна въ Россіи за это время (132,7 мил. пуд.) превосходитъ увеличеніе выплавки въ любой европейской странѣ, кромѣ Германіи. Въ 1886 г. на долю Россіи приходилось менѣе 3% міровой выплавки чугуна и Россія стояла позади не только Соединенныхъ Штатовъ, Англіи и Германіи, но и Франціи, Бельгіи и Австро-Венгріи. Въ 1899 г. на долю Россіи приходится уже почти 7% міровой выплавки чугуна и Россія стоитъ въ Европѣ позади только Англіи и Германіи. Францію Россія уже обогнала.

Итакъ, промышленное развитіе послѣднихъ годовъ характеризовалось весьма энергичнымъ подъемомъ, особенно сильнымъ въ обработкѣ металловъ и горномъ дѣлѣ. Какъ извѣстно, наша желѣзодѣлательная промышленность (важнѣйшая отрасль горнаго дѣла) работаетъ преимущественно желѣзнодорожныя принадлежности. Отсюда выясняется основная причина названнаго промышленнаго подъема. Она заключалась, главнымъ образомъ, въ чрезвычайномъ усиленіи желѣзнодорожнаго строительства, къ которому присоединилась учредительная горячка, особенно развившаяся за послѣдніе годы. Увеличеніе желѣзнодорожнаго строительства началось съ 1893 г., причемъ съ 1896 г. расширеніе желѣзнодорожной сѣти идетъ лихорадочнымъ темпомъ.

Вотъ соотвѣтствующія данныя за 1891—1899 годы *).

Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ (версты).	Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ (версты).	Годы.	Вновь открыто желѣзныхъ дорогъ (версты).
1891 . . .	118	1894 . . .	2.117	1897 . . .	2.394
1892 . . .	490	1895 . . .	1.839	1898 . . .	2.865
1893 . . .	1.691	1896 . . .	2.272	1899 . . .	4.692

Какъ казна, такъ и частныя общества строили дороги съ лихорадочной быстротой. Министерство финансовъ было буквально завалено проектами новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Въ продолженіи послѣднихъ 7-ми лѣтъ наша желѣзнодорожная сѣть выросла болѣе, чѣмъ на половину. Ни въ одной европейской странѣ, въ періодъ самаго ожив-

*) «Статистическій обзоръ желѣзныхъ дорогъ и внутреннихъ водныхъ путей Россіи». Спб. 1900 г. Изд. министерства путей сообщенія. Эти данныя относятся ко всей Россійской Имперіи, включая Финляндію.

*

леннаго желѣзнодорожнаго строительства, постройка дорогъ не шла такъ энергично. Такъ, за послѣднее пятилѣтіе средняя длина ежегодно открываемыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи составляла 2.812 верстъ, а въ Германіи, въ періодъ желѣзнодорожной горячки 1870—1880 гг., открывалось, среднимъ числомъ, 1.496 километровъ, во Франціи за то же время—873 километра, въ Англіи за 1840—1850 гг.—921 километръ и т. д. Еще недавно наша желѣзнодорожная сѣть уступала попротяженію французской и англійской, не говоря уже объ американской и нѣмецкой. Теперь же наша сѣть уступаетъ по протяженію только американской.

Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, въ книгѣ «Русская фабрика», мною было указано, чѣмъ долженъ завершиться весь этотъ небывалый въ Россіи промышленный подъемъ. «Мы идемъ къ промышленному кризису», и, писалъ я въ періодъ наибольшаго оживленія промышленности и биржевыхъ вакханалій, когда самая мысль о кризисѣ казалась, какъ людямъ практики, такъ и доктринерамъ народничества нелѣпой *). И, дѣйствительно, кризисъ наступилъ.

Чрезвычайно поучительно развитіе этого кризиса. Промышленный подъемъ конца 90-хъ годовъ имѣлъ, какъ извѣстно, міровой характеръ и былъ особенно рѣзко выраженъ въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. Предшествующая эпоха промышленной депрессіи закончилась въ 1895 г. Застой торговли всегда приводитъ къ скопленію въ банкахъ свободнаго незанятаго капитала и пониженію ссуднаго процента. Низкій ссудный процентъ поощряетъ спекуляцію и благопріятствуетъ грюндерству, устройству новыхъ предпріятій, расширенію основного капитала общества. Вытекающее отсюда оживленіе промышленности ведетъ къ уменьшенію свободнаго ссуднаго капитала и повышенію ссуднаго процента, что заканчивается кризисомъ. Таковъ естественный механизмъ періодической смѣны подъема и упадка, оживленія и застоя, прилива и отлива капиталистической промышленности.

Посмотримъ же, какъ измѣнялся ссудный процентъ за разсматриваемое время на важнѣйшихъ рынкахъ Западной Европы.

Среднія учетныя нормы **).

Годы.	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.
1895	2,20%	2 %	3,15%
1896	2 %	2,48%	3,65%
1897	2 %	2,78%	3,84%
1898	2,20%	3,26%	4,28%
1899	3,06%	3,75%	4,98%

И въ Лондонѣ и въ Берлинѣ учетный процентъ повышается съ удивительною правильностью вплоть до 1899 г. Въ Парижѣ также наблюдается повышеніе учетнаго процента за 2 послѣдніе года. Тѣмъ не менѣе, вплоть до 1897 г. учетный процентъ въ Западной Европѣ

*) См. «Русская Фабрика». Спб. 1898 г. Стр. 325.

**) Г. Е Аѳанасьевъ. «Денежный Кризисъ». Одесса. 1900. Стр. 2.

оставался низкимъ,— что указывало на обиліе свободнаго капитала. Это обиліе свободныхъ капиталовъ на западно-европейскомъ рынкѣ и явилось основной причиной того широкаго притока въ Россію иностранныхъ капиталовъ, которое было такимъ выдающимся фактомъ нашего промышленнаго развитія послѣднихъ лѣтъ. Отливъ капиталовъ изъ странъ старинной капиталистической культуры въ болѣе юныя капиталистическія страны есть постоянное явленіе, сопутствующее періодическимъ эпохамъ промышленнаго подъема. Благопріятные фазисы промышленнаго цикла всегда сопровождаются подобной эмиграціей капиталовъ, являющейся однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ распространенія капиталистическаго производства по всему земному шару.

Точныхъ статистическихъ данныхъ о размѣрѣ прилива за послѣдніе годы иностраннаго капитала въ Россію не существуетъ. По разсчету г. Брандта, основной капиталъ иностранныхъ акціонерныхъ предпріятій *только* въ маталлургической и каменноугольной промышленности достигалъ въ 1897 г. 167.683.554 р., а весь капиталъ тѣхъ же предпріятій (облигаціонный, запасной, резервный и пр.) равнялся въ томъ же году 223.483.861 р. *). Основные капиталы всѣхъ бельгійскихъ предпріятій въ Россіи достигали къ 1 янв. 1899 г. 339.843.500 р. **). По этимъ даннымъ можно судить, какими крупными цифрами выражается участіе иностранныхъ капиталовъ въ нашей промышленности. Большая часть этихъ сотенъ милліоновъ иностранныхъ капиталовъ была помѣщена въ Россіи за самые послѣдніе годы—послѣ 1894 года. Денежная реформа, проведенная съ такимъ успѣхомъ министромъ г. Витте, въ огромной мѣрѣ облегчила притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію, устранивъ колебанія русской валюты. Въ этомъ привлеченіи иностранныхъ капиталовъ и заключалась главная задача реформы.

Итакъ, тѣсная связь между общимъ промышленнымъ подъемомъ послѣдняго времени въ богатыхъ капиталистическихъ странахъ Запада и подъемомъ у насъ, не подлежитъ сомнѣнію. Мы втянуты въ круговоротъ мірового капиталистическаго развитія; мы составляемъ часть огромнаго капиталистическаго цѣлаго и законы цѣлаго управляютъ и этою частью. Наша капиталистическая промышленность испытывала и раньше періодическія колебанія. Но такъ какъ значеніе промышленности въ русскомъ хозяйственномъ укладѣ въ настоящее время чрезвычайно возрасло, то соотвѣтственно возрасло и значеніе этихъ колебаній.

Цѣлый рядъ конверсій, совершенныхъ нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ, находился въ связи съ значительнымъ пониженіемъ въ Россіи ссуднаго процента. Конверсіи эти, установившія для Россіи норму доходности государственныхъ про-

*) «Иностранные капиталы». П. Стр. 235.
**) «Вѣстникъ Финансовъ». 1899. № 40.

центныхъ бумагъ не очень отличавшуюся отъ западно-европейской (около 4%),—явились существеннымъ стимуломъ послѣдовавшей затѣмъ учредительной горячки, ибо наши капиталисты, помѣщавшіе раньше деньги въ государственныя процентныя бумаги, не могли удовлетвориться такимъ невысокимъ процентомъ сравнительно съ обычными огромными барышами нашихъ промышленниковъ. Замѣчу, кстати, что конверсіи государственныхъ процентныхъ бумагъ и въ Западной Европѣ нерѣдко находились въ связи съ промышленными горячками и кризисами.

Какъ показываетъ опытъ западно-европейскихъ странъ, промышленнымъ кризисамъ обыкновенно предшествуютъ биржевые кризисы. То же самое наблюдалось у насъ. Биржевая спекуляція начинаетъ развиваться на петербургской биржѣ съ конца 1893 г. Курсъ биржевыхъ бумагъ сталъ быстро возрастать, причемъ максимумъ былъ достигнутъ около 1896 г. Вотъ, напримѣръ, средніе годовые курсы на петербургской биржѣ акцій нѣкоторыхъ важнѣйшихъ кредитныхъ, торговопромышленныхъ предпріятій и желѣзныхъ дорогъ за 1891—96 годы *).

Коммерческіе банки.

Наименованіе.		Годы.					
		1891	1892	1893	1894	1895	1896
С.-Петербургскій Учетный и ссудный	в.	627	567	499	665	910	858
	н.	540	445	$434^{1}/_{2}$	466	620	630
С.-Петербургскій Международный	в.	533	465	512	683	770	712
	н.	437	420	435	486	615	618
Русскій для внѣшн. торговли	в.	298	291	331	466	550	555
	н.	238	$249^{1}/_{2}$	$270^{1}/_{2}$	327	420	468
Волжско-Камскій	в.	766	812	920	1050	1400	1375
	н.	700	690	790	890	1000	1195
Русскій торговопромышленный	в.	225	225	260	368	455	388
	в.	215	200	227	230	335	320

Промышленныя предпріятія и желѣзныя дороги.

Наименованіе.		Годы					
		1891	1892	1893	1894	1895	1896
Россійская бумагопряд. мануфакт.	в.	200	150	200	225	350	368
	н.	170	150	160	200	250	330
Брянск. рельсопрок. заводы 1 вып.	в.	127	100	133	389	580	557
	н.	112	74	92	133	365	452
Юго-восточныя желѣзн. дороги	в.	$175^{3}/_{4}$	160	$176^{1}/_{4}$	$192^{1}/_{4}$	$200^{1}/_{2}$	194
	н.	$124^{1}/_{2}$	$128^{3}/_{4}$	$150^{3}/_{4}$	162	177	163

Курсы большинства бумагъ падаютъ въ 1892 г. (голодъ въ Россіи и начало промышленнаго застоя на Западѣ). Къ 1893 г. курсы нѣкоторыхъ бумагъ падаютъ, другихъ повышаются. Въ 1894 г. картина биржевого міра рѣзко мѣняется. Курсы всѣхъ бумагъ дѣлаютъ огромный скачекъ кверху. Произошла полная перемѣна биржевого настрое-

*). По даннымъ «Обзора вексельныхъ курсовъ, учетнаго процента и цѣнъ государственныхъ и частныхъ бумагъ... за 1896 г.». Буквы в. и н. въ приводимой таблицѣ означаютъ высшій и низшій курсы.

нія. Биржевая спекуляція расправила крылья и смѣло устремилась впередъ. 1895-й годъ былъ еще лучше предшествовавшаго. Огромныя состоянія наживались биржевой игрой. Всякій петербуржецъ легко могъ убѣдиться безъ помощи какихъ бы то ни было таблицъ въ быстромъ развитіи биржевой игры. Достаточно было пройти мимо зданія петербургской биржи, площадь предъ которой въ началѣ 90-хъ годовъ была почти пустынной, и посмотрѣть на нескончаемый рядъ экипажей, которые теперь стояли у подъѣзда биржевого зданія въ часы биржевыхъ собраній, чтобы убѣдиться въ происшедшей перемѣнѣ. Страсть къ биржевой игрѣ охватила обширные круги общества; оффиціальная биржа не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ принять участіе въ биржевой вакханаліи и нѣкоторые модные рестораны гостепріимно открыли свои двери для биржевыхъ игроковъ, для которыхъ на оффиціальной биржѣ не находилось мѣста.

Уже въ 1896 г. на биржѣ стала чувствоваться реакція. При сравненіи курсовъ биржевыхъ бумагъ за 1896 и 1895 г. видно, что большинство бумагъ нѣсколько понизилось въ цѣнѣ. Въ 1896 г. былъ моментъ рѣзкаго паденія курсовъ, биржевого кризиса. Но такъ какъ общее состояніе промышленности въ это время отнюдь не благопріятствовало распространенію кризиса—промышленный подъемъ только начинался и темпъ его быстро наросталъ—то паденіе биржевыхъ курсовъ произвело лишь мимолетное впечатлѣніе на внѣбиржевыя сферы. Люди практики, съ своей обычной ограниченностью кругозора, не обратили никакого вниманія на этотъ первый раскатъ приближавшейся грозовой тучи.

«Биржевой кризисъ 1896 г., — писалъ я въ 1898 г. въ «Русской фабрикѣ»,—обнаружившійся преимущественно на петербургской биржѣ, быть можетъ, возвѣщаетъ, хотя и отдаленно, начало реакціи» *). И будущее вполнѣ оправдало мои слова. Обратимся къ движенію курсовъ акцій банковъ за послѣдующіе годы — 1897, 1898 и первую половину 1899 года **).

		Курсы акцій на С.-Петербургской биржѣ.			
		1896 г.	1897 г.	1898 г.	Январь—іюнь 1989.
С.-Петербургскій учетный и ссудный банкъ	в.	858	729	755	809
	н.	630	630	645	687
С.-Петербургскій международный	в.	712	649	635	597
	н.	618	538	565	528
Русскій для внѣшней тогровли	в.	555	460	445	450
	н.	468	385	385	399
Волжско-Камскій	в.	1375	1325	1300	1260
	н.	1195	1200	1207	1180
Русскій торгово-промышленный	в.	388	385½	383	381
	н.	320	315	27½	330

*) «Русская фабрика», 325.

**) Данныя за 1897—1899 г. взяты изъ «Сводныхъ балансовъ акціонерныхъ банковъ», издав. комитетомъ съѣзда представителей акціонерныхъ банковъ подъ редакціей А. К. Голубева.

Курсы большей части банковыхъ акцій съ колебаніями опускаются. Очевидно, 1896 г. былъ годомъ перелома въ движеніи биржевой спекуляціи. За предшествовавшее трехлѣтіе биржа была настроена крайне сангвинически. Повышательное движеніе рѣшительно торжествовало. Послѣ 1896 г. начинаетъ одерживать верхъ тенденція къ пониженію, причемъ въ 1897 г. послѣдовало рѣзкое паденіе, а за послѣдующіе два года тенденція неопредѣленна. Курсы большинства банковыхъ акцій стоятъ въ первой половинѣ 1899 г. значительно ниже, чѣмъ въ 1896 г.

Поучительно сравнить это медленное понижательное движеніе биржевыхъ курсовъ за трехлѣтіе 1896 — 1899 г. съ выше отмѣченнымъ столь же медленнымъ, но неуклоннымъ повышеніемъ на важнѣйшихъ рынкахъ Западной Европы учетнаго процента. И то, и другое было вызвано одной причиной—уменьшеніемъ свободнаго незанятаго капитала, который пересталъ съ прежнимъ обиліемъ притекать въ банки и на биржу.

Биржевая реакція нѣкоторое время нисколько не отражалась на общемъ ходѣ промышленности. Между тѣмъ, какъ на биржѣ оживленіе ослабѣвало, въ промышленности оживленіе расло и расло. Всѣ эти явленія вполнѣ закономѣрны и представляютъ собою естественные моменты развитія промышленныхъ кризисовъ *). Кризисъ, который всѣмъ казался такимъ неожиданнымъ, въ дѣйствительности подготовлялся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Уже съ конца 1898 г. въ Россіи начинаетъ чувствоваться значительное стѣсненіе въ деньгахъ. Деньги внезапно становятся «дороги». При томъ незнакомствѣ съ явленіями денежнаго обращенія, которое господствуетъ въ широкой публикѣ, неудивительно, что разные беззаботные публицисты, вродѣ гг. Шарапова, Оля и др., подняли вопли о недостаткѣ денегъ въ обращеніи. Золотая валюта явилась козлищемъ отпущенія. И, дѣйствительно, фактъ значительнаго «вздорожанія» денегъ былъ налицо.

Оффиціальный дисконтный процентъ **).

1898 годъ.

	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.	Петербургъ (6-мѣсячные векселя).
Іюль	2	2½	4	5½
Августъ	2	2½	4	5½
Сентябрь	2	2½—3	4 —5	5½
Октябрь	3	3 —4	5 —5½	5½—6½
Ноябрь	3	4	5½—6	6½
Декабрь	3	4	6	6½

*) Теоретическое объясненіе этихъ явленій дано въ моей книгѣ «Промышленные кризисы».

**) Афанасьевъ, 3.

1899 годъ.

	Парижъ.	Лондонъ.	Берлинъ.	Петербургъ (7-мѣсячные векселя).
Январь	3	4 —3½	5 —6	6½—6
Февраль	3	3½—3	5 —4½	6
Мартъ	3	3	4½	6
Апрѣль	3	3	4½	6
Май	3	3	4½—4	6 —5½
Іюнь	3	3 —4	4½—4	5½—6

Всякому сколько-нибудь образованному экономисту извѣстно, что повышеніе дисконтнаго процента (въ чемъ и видятъ «вздорожаніе» денегъ) отнюдь не равнозначуще уменьшенію или недостаточности денегъ въ обращеніи. Высота учетнаго процента зависитъ отъ спроса и предложенія ссудныхъ капиталовъ. Высокій учетный процентъ указываетъ на то, что спросъ на ссудный капиталъ высокъ сравнительно съ предложеніемъ этихъ капиталовъ—и только. Количество денегъ въ обращеніи здѣсь рѣшительно не причемъ. Золотая валюта лишь постольку виновата въ повышеніи у насъ учетнаго процента въ 1898—1899 г., поскольку она явилась однимъ изъ могущественныхъ факторовъ небывалаго подъема нашей промышленности, что, въ свою очередь, въ огромныхъ размѣрахъ увеличило спросъ на капиталъ.

Итакъ, уже съ конца 1898 г. на русскомъ рынкѣ начинаетъ чувствоваться сильное стѣсненіе въ деньгахъ. Учредительская горячка предшествовавшихъ лѣтъ повела къ тому, что возникло множество предпріятій, почти не обладавшихъ никакимъ собственнымъ капиталомъ и существовавшихъ лишь при помощи кредита. Вотъ какъ описываетъ грюндерство подобнаго рода г. Афанасьевъ, близко знакомый съ дѣлами этого рода по своей должности управляющаго конторой Государственнаго банка въ Кіевѣ.

«Мнѣ приходилось наблюдать эти образовавшіяся предпріятія, и я могу представить слѣдующую схему ихъ образованія. Нѣсколько лицъ обладаютъ капиталомъ въ 200 т. р. Нужно для постройки завода составить капиталъ въ 500 т. р. Процедура составленія его такова: пишется уставъ и посылается на утвержденіе въ министерство. Уставъ утвержденъ съ тѣмъ, что общество можетъ начать дѣйствовать съ того момента, какъ оно внесетъ паевой капиталъ въ Государственный банкъ. Учредители обращаются въ какой-либо банкъ и просятъ ссудить имъ на одинъ день недостающую сумму въ 300 т. р., которую тотъ же банкъ внесетъ за счетъ учредителей въ Государственный банкъ».

«Итакъ, паевой капиталъ «собранъ». Получается удостовѣреніе объ этомъ отъ Государственнаго банка и шлется депеша министру. Теперь учредители могутъ собрать общее собраніе и выбрать правленіе, которому поручается получить изъ Государственнаго банка внесенный туда складочный капиталъ. Его получаетъ тотъ же банкъ, который и вносилъ его. Но теперь владѣльцы акцій, они же и учредители, могутъ получить въ какомъ-либо банкѣ подъ акціи извѣстную ссуду, скажемъ, въ размѣрѣ 40%. Вотъ еще 200 т. р. готовы; далѣе, они могутъ въ

долгъ заказать машины для завода и для этого получить кредитъ въ заграничномъ заводѣ въ 100 т. р. Далѣе, есть еще возможность продать сахаръ будущаго производства и получить, скажемъ, за 100 т. пуд. по рублю на пудъ, 100 т. р. и употребить эту сумму на авансы землевладѣльцамъ за свеклу. Такимъ образомъ, хозяинъ завода въ 500 т. р. имѣетъ въ дѣйствительности только 200 т. р., а остальное все въ кредитѣ. Такихъ предпріятій въ области сахарной промышленности образовалось не мало, и всѣ они построены были на разсчетѣ, что, во-первыхъ, прибыль сахарнаго дѣла покроетъ проценты на занятый капиталъ и дастъ средства амортизировать и капиталъ, а во-вторыхъ, на легкости и дешевизнѣ кредита. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ разсчетъ увѣнчался успѣхомъ и соблазнилъ другихъ предпринимателей. Но очевидна вся шаткость такого положенія. Вздорожалъ капиталъ,—а слѣдовательно, и кредитъ,—и картина мѣняется: вмѣсто дохода, получается минусъ, положеніе предпріятія становится затруднительнымъ, а кредитоспособность его хозяевъ уже исчерпана и новыхъ займовъ уже дѣлать нельзя. Напротивъ, заимодавцы (преимущественно банки) начинаютъ сокращать тотъ кредитъ, который оказывали, такъ какъ начинаютъ чувствовать страхъ предъ шаткимъ положеніемъ предпріятія» *).

Совершенно также обстояло дѣло и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Всѣмъ извѣстно, что важнѣйшей операціей большинства петербургскихъ и московскихъ банковъ сдѣлалось такъ называемое «финансированіе» разныхъ торговопромышленныхъ предпріятій, снабженіе ихъ денежными средствами въ видѣ ссудъ подъ залогъ ихъ акцій и реализированіе этихъ акцій. Дисконтная операція отступила на задній планъ передъ этими новыми, болѣе выгодными операціями, благодаря которымъ банки приняли самое близкое участіе въ грюндерствѣ.

Сводные балансы акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита въ тысячахъ рублей **).

	Петербургскіе банки.		Московскіе банки.	
	Учетъ.	Ссуды.	Учетъ.	Ссуды.
Къ 1 января 1896 г.	86.819	155.014	32.082	64.987
» » 1899 »	170.584	177.786	78,435	85.273
» 1 іюля 1899 »	171.162	157.010	88.065	77.002

Значительно большая часть этихъ ссудъ выдавалась подъ весьма ненадежное обезпеченіе въ видѣ акцій и облигацій разнаго рода торговопромышленныхъ предпріятій. Ненадежность этого обезпеченія стала ясно чувствоваться при ухудшеніи настроенія биржи, которое особенно усиливается съ лѣта 1899 г. Ради собственной безопасности банки были принуждены прибѣгнуть къ сокращенію ссудъ этого рода; въ іюлѣ 1899 г. ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ значительно сокращаются. Отказъ въ кредитѣ явился тяжелымъ ударомъ для многихъ предпріятій, державшихся только кредитомъ, и вотъ въ августѣ

*) Афанасьевъ, 29.

**) Афанасьевъ, 13.

слѣдуютъ первые крупные крахи—Дервиза и Мамонтова, двухъ крупнѣйшихъ предпринимателей, обороты которыхъ считались десятками милліоновъ рублей и которые принимали участіе въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ, преимущественно желѣзнодорожныхъ и машиностроительныхъ. Эти крахи вызвали панику на биржѣ и въ концѣ сентября послѣдовало общее крушеніе биржевыхъ цѣнностей. Особенно рѣзко было это крушеніе въ «черный день» петербургской биржи—23 сентября 1899 г. Оффиціальный дисконтный процентъ поднялся въ сентябрѣ (за 6-мѣсячные векселя) до 7, а въ декабрѣ даже до 7½. Усилія министерства финансовъ прекратить панику на денежномъ рынкѣ и возстановить довѣріе на биржѣ оказались совершенно тщетными. Курсы большинства акцій продолжали съ колебаніями падать въ теченіе послѣдней четверти 1899 г. и первой половины 1900 г., послѣ чего на биржѣ наступило нѣкоторое улучшеніе.

Несмотря на то, что биржевая паника сопровождалась крушеніемъ нѣсколькихъ промышленныхъ фирмъ (особенное значеніе имѣло банкротство огромнаго вагоностроительнаго завода «Фениксъ»; всего за время кризиза лопнуло три вагоностроительнаго завода), первое время преобладало мнѣніе, что переживаемый Россіей кризисъ не есть торговопромышленный, а лишь биржевой кризисъ. Даже наличность денежнаго кризиса рѣшительно отрицалась. Предполагалось, что биржевые крахи суть результатъ зловредной спекуляціи немногихъ биржевыхъ дѣльцовъ, для обузданія которыхъ принимались самыя энергичныя мѣры. Однако, остановить понижательной тенденціи на биржѣ не удалось. Несостоятельности учащались и охватывали все болѣе и болѣе обширныя сферы, далеко распространившись за предѣлы биржевой публики.

Зима 1899—1900 гг. была посвящена ликвидаціи предшествовавшаго промышленнаго подъема. Со всѣхъ концовъ Россіи приходили извѣстія о застоѣ торговли, банкротствахъ, безработицѣ. Приведу нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій.

Въ очень тяжелой формѣ промышленный застой выразился въ Лодзи и въ сѣверо-западномъ промышленномъ районѣ, особенно въ Бѣлостокѣ, гдѣ жестоко пострадала ткацкая промышленность. Такъ, «Сѣверо-Западное Слово» сообщало въ концѣ 1899 г. изъ Бѣлостока: «Фабрики, за немногими исключеніями, прекратили работы; многіе рабочіе бродятъ по городу въ поискахъ за заработками или хлѣбомъ. Неоднократно уже поднимался вопросъ объ облегченіи участи рабочаго люда, но до сихъ поръ остается открытымъ. Вообще, текущій годъ для Бѣлостока—тяжелый годъ. Нужна помощь основательная; нужно облегчить время кризиса для многихъ сотенъ людей, оставшихся безъ работы, а стало быть и безъ хлѣба».

По словамъ «Края», мѣстное общество въ Бѣлостокѣ было озабочено въ январѣ 1900 г. «вопросомъ о воспособленіи мѣстнымъ фабричнымъ рабочимъ, которые въ количествѣ до 2.000 человѣкъ остались безъ работы вслѣдствіе настоящаго финансоваго кризиса». Въ Лодзи кризисъ

выразился въ очень острой формѣ. «Лодзь въ настоящее время переживаетъ промышленный кризисъ, отражающійся не только на мелкихъ, но и на крупныхъ фабрикантахъ»,—читаемъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». «Съ покупательскихъ рынковъ почти ежедневно приходятъ извѣстія о прекращеніи платежей. Многія фабрики сокращаютъ производство и увольняютъ рабочихъ. Въ особенности кризисъ отразился на ткачахъ, работающихъ у себя на дому для фабрикъ. Лодзинская еврейская община сочла необходимымъ ассигновать 20.000 руб. на вспомоществованіе оставшимся безъ работы ткачамъ-евреямъ. Настоящій кризисъ вызвалъ среди лодзинцевъ мысль учредить подъ надзоромъ фабричной инспекціи общество, которое поставило бы своею задачей оказывать матеріальную поддержку временно остающимся безъ работы».

«Сыну Отечества» писали изъ Лодзи о промышленномъ кризисѣ такія строки: «Кризисъ, какъ разрушительный ураганъ пронесся надъ Лодзью. Онъ никого и ничего не миновалъ, всѣхъ и все задѣлъ; до однихъ онъ чуть-чуть дотронулся и особеннаго вреда имъ не причинилъ, другихъ сильно изуродовалъ, а многихъ раздавилъ и похоронилъ подъ развалинами. Это цѣлое поле битвы. Стоитъ только пройтись по Петроковской улицѣ, присмотрѣться къ этимъ сосредоточеннымъ, мрачнымъ лицамъ, съ блуждающими взглядами, чтобы увидѣть, сколько пострадавшихъ... Да, всѣ суетливые, мрачные, съ опущенными внизъ головами, господа—люди, закрывшіе или закрывающіе фабрики и фабрички, всѣ они блуждаютъ, какъ тѣни, и не могутъ еще опомниться отъ постигшаго ихъ удара. А куда дѣлись рабочіе закрывшихся фабрикъ?—Никуда они не дѣлись, они тоже толпятся на лодзинскихъ улицахъ. Изъ нихъ болѣе 2.000 съ семьями зарегистровано образовавшимся бюро еврейскаго благотворительнаго общества, которое старается облегчить ихъ участь».

Застой торговли все усиливался въ Лодзи вплоть до мая, когда прекратила платежи съ пассивомъ въ 3½ милліоновъ рублей одна изъ крупнѣйшихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ И. Бари. По поводу этого банкротства «Сѣверо-Западное Слово» сообщало, что отъ него пострадали преимущественно банкиры и прядильщики. «Этотъ крупный крахъ произвелъ въ промышленныхъ сферахъ громадную сенсацію, укрѣпивъ нашихъ фабрикантовъ въ печальномъ убѣжденіи, что воцарившійся уже болѣе года у насъ весьма серьезный торговопромышленный кризисъ еще не такъ скоро минетъ. Результатомъ этого убѣжденія является крайняя воздержанность при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ и сокращеніе до minimum'а своего производства. Многіе фабриканты, напуганные перспективой дальнѣйшаго ухудшенія дѣлъ, совсѣмъ пріостановили работы до болѣе благопріятнаго времени. Усиленію кризиса соотвѣтствуетъ крайнее вздорожаніе дисконта. Это обстоятельство убиваетъ всякую предпріимчивость. Всякая попытка смѣлаго фабриканта открыть фабрику, прядильню и т. п. разбивается о крайнее недовѣріе банкировъ и дисконтеровъ, къ услугахъ которыхъ, увы, рѣдкій лодзинскій производитель не нуждается».

Застой торговли былъ такъ великъ, что газеты отмѣчали случаи голодной смерти. Такъ, въ мѣстной газетѣ «Rozwój Lodzki» читаемъ слѣдующее:

«Надняхъ, на улицѣ замѣчена была молодая женщина, не болѣе 21 года. Она шла, шатаясь какъ пьяная, возбуждая насмѣшки прохожихъ, и у нея едва хватало голоса сказать, что она не пьяна, а не ѣла уже 7 дней. Въ тотъ же день упалъ безъ чувствъ на улицѣ мужчина, оказавшійся ткачемъ, лишившимся работы. Онъ не ѣлъ нѣсколько дней и не имѣетъ даже своего угла. Тогда же на улицѣ были подобраны совершенно истощенный отъ голода 12-ти-лѣтній мальчикъ, дѣвушка 21 года и 55-ти-лѣтній старикъ. Въ одинъ день подобрано на улицѣ 5 человѣкъ! Сколько же ихъ осталось незамѣченными, голодающихъ дома и не рѣшающихся, а можетъ быть не имѣющихъ уже силъ выходить на улицу? Лодзи, какъ и многимъ другимъ промышленнымъ центрамъ, пришлось пережить всю тягость кризиса, сократившаго работу на фабрикахъ и заводахъ и выбросившаго на улицу цѣлыя толпы лишенныхъ заработка и хлѣба людей. Въ томъ же положеніи находится и Бѣлостокъ и его фабричный районъ». Въ іюнѣ «Сѣверный Курьеръ» сообщалъ, что «по словамъ польскихъ газетъ берлинскіе капиталисты рѣшили изъять свои капиталы, вложенные ими въ лодзинскія промышленныя предпріятія. Переживаемый Лодзью промышленный кризисъ настолько тяжелъ, что по словамъ «Гацефиры», одинъ изъ лондонскихъ раввиновъ началъ собирать пожертвованія для отправки раззорившихся еврейскихъ купцовъ и оставшихся безъ работы рабочихъ въ мѣста ихъ прежняго жительства.»

Почти столь же тяжела была первая половина 1900 г. и для Варшавы. Такъ, по словамъ «Волыни», «въ началѣ этого года вся коммерческая Варшава была напугана цѣлымъ рядовъ краховъ очень солидныхъ и пользовавшихся полнымъ довѣріемъ фирмъ. Въ маѣ, послѣ непродолжительнаго затишья, крахи снова возобновились съ прежней силой, причемъ, по словамъ польскихъ газетъ, падаютъ преимущественно крупныя фирмы».

Въ важнѣйшемъ вслѣдъ за Москвой центрѣ хлопчатобумажной промышленности Московско-Владимірскаго района, г. Ивановѣ-Вознесенскѣ, застой торговли обнаружился съ осени 1899 г. «С.-Петербургскіе Вѣдомости» сообщали, что въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ «фабрики и заводы съ 1 октября сократили свою работу и лишній контингентъ рабочихъ увольняютъ на всѣ четыре стороны... «Иди, молъ, батюшка», спокойно приговариваетъ богатый фабрикантъ, «ты мнѣ теперь не нуженъ, дѣла тихи...» Да, это—фактъ, что дѣла въ торговопромышленномъ мірѣ тихи, вслѣдствіе чего волей-неволей фабриканты и сокращаютъ работу на фабрикахъ. Вопросъ этотъ, какъ сообщаютъ «Сѣв. Краю», служитъ злобой дня въ торговомъ мірѣ: всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что денегъ нѣтъ, платежи туги. Всѣ удивляются, что деньги, какъ будто бы, куда-то исчезли. Этотъ денежный кризисъ въ особенности тяжело от-

зывается на тѣхъ предпріятіяхъ, которыя такъ или иначе пользуются кредитомъ или построены на немъ».

Изъ Нижняго Новгорода «Волгарь» сообщалъ въ концѣ 1899 г., что въ это время въ нижегородскій биржевой комитетъ поступали въ большомъ количествѣ жалобы на неплатежъ денегъ разными пароходовладѣльцами за аренду судовъ, за взятые матеріалы и проч. Причиной такого явленія, по словамъ «Волгаря», считался общій упадокъ въ дѣлахъ судоходства—кризисъ, особенно рельефно выразившійся въ навигацію этого года по случаю безработицы и, главнымъ образомъ, чрезвычайнаго паденія фрахтовъ на Волгѣ.

«Нижегородская биржа—пульсъ волжской промышленности—переживаетъ крайне тревожное состояніе: колеблются и падаютъ такіе финансовые столбы, дѣла которыхъ до сего времени считали непоколебимыми, про мелкихъ пароходчиковъ уже и говорить нечего: «пролеты» ихъ проходятъ почти незамѣченными».

«Нижег. Листокъ» писалъ въ февралѣ 1900 г., «что начавшійся осенью прошлаго года промышленный кризисъ коснулся и Нижняго. Осенью усиленно сокращали штатъ рабочихъ на Сормовскихъ заводахъ и на заводѣ Доброва и Набгольцъ; сокращеніе это продолжалось до доброй половины зимы. Разсчитывали рабочихъ и на заводѣ Курбатова. Къ заводскому кризису присоединился рядъ краховъ въ пароходномъ мірѣ, благодаря которымъ остались безъ работы цѣлыя группы судовыхъ рабочихъ, какъ, напр., масленщики, кочегары, слесаря и т. п. И рабочій людъ вполнѣ основательно и справедливо назвалъ нынѣшнюю зиму «тяжелой». Безъ средствъ и безъ помощи извнѣ, рабочій людъ, предоставленный исключительно самому себѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безработицы «спустилъ» все и увязъ въ долгахъ. Первое вѣяніе весны оживило рабочую массу. Каждый день у садика противъ биржи у гостиницъ Обжорина и Готовкина, на Нижнемъ базарѣ можно встрѣтить толпы безработныхъ, чуть не «Христа-ради» умоляющихъ взять «на ремонтъ»,—для мелкихъ слесарныхъ работъ на пароходахъ. У большинства вытянутыя лица, подтянутые животы, прикрытые жалкими лохмотьями. Но пароходчики въ нынѣшнемъ году не особенно спѣшатъ съ ремонтомъ, и масса переживаетъ мучительные дни томленія и ожиданій.»

Изъ Тулы «Орловскій Вѣстникъ» писалъ въ концѣ апрѣля, что «положеніе рабочаго населенія г. Тулы становится все болѣе и болѣе тягостнымъ. Фабрики и заводы сокращаютъ или вовсе пріостанавливаютъ свою дѣятельность, уменьшается точно также спросъ на рабочія руки: напротивъ, количество послѣднихъ увеличивается. Многіе рабочіе давно уже перезаложили свои болѣе или менѣе цѣнныя вещи, даже кое-что и изъ домашняго скарба, чтобы только не остаться безъ хлѣба.»

По словамъ «Каспія» (ноябрь 1899 г.), денежный кризисъ въ Баку отразился сильно на всѣхъ предпріятіяхъ. Такъ, напримѣръ, на механическихъ заводахъ заказовъ или не было, или же они имѣлись въ половинномъ размѣрѣ. Помимо того, и по исполненнымъ заказамъ заводы

часто не получали денегъ. Такое положеніе вызвало сокращеніе штатовъ мастеровыхъ, и въ городѣ масса безработныхъ слесарей и токарей. Тѣ же вѣсти шли изъ Баку и по свѣдѣніямъ «Прид. Кр.». «Въ Баку, писала названная газета, чуть-ли не ежедневныя банкротства».

Въ Донецкомъ районѣ, гдѣ грюндерская горячка была особенно энергична, реакція была очень сильна. По словамъ «Одесскаго Листка», съ сентября по мартъ въ этомъ районѣ прекратили платежи 18 бельскихъ предпріятій, преимущественно передѣлочныхъ. Пассивъ ихъ доходилъ до $4^1/_2$ мил. руб. Вздорожаніе угля еще болѣе затруднило металлургическіе заводы, принудивъ многіе изъ нихъ сократить производство. По сообщенію «Приднѣпровскаго Края», изъ Маріуполя (январь). «съ прекращеніемъ работъ на маріупольскихъ заводахъ, нѣсколько тысячъ разсчитанныхъ рабочихъ, за неимѣніемъ заработка, разошлись съ заводовъ и увеличили собою толпу голодающаго пролетаріата».

Въ концѣ 1899 г. кризисъ чрезвычайно обострился въ Кіевѣ въ сахарной промышленности. Банкротство нѣсколькихъ крупныхъ сахарныхъ заводовъ вызвало панику среди сахарозаводчиковъ, домогавшихся одно время даже государственной помощи. По словамъ доклада правленія «Волжско-Камскаго» банка, денежное стѣсненіе въ Кіевѣ было едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ («Биржевыя Вѣдомости» 19 апрѣля 1900 г.).

Извѣстія о промышленномъ застоѣ, подобныя вышеприведеннымъ, поступали изъ всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Россіи въ теченіе всей прошлогодней зимы. Положеніе ухудшалось, какъ выше сказано, вплоть до лѣта; весной послѣдовалъ цѣлый рядъ крупныхъ банкротствъ, изъ которыхъ особенно выдѣлились своими размѣрами банкротства торговопромышленной фирмы г. І. Паллизенъ съ пассивомъ около 7 мил. р. и банкирской конторы А. И. Кутузова съ пассивомъ около 6 мил. рублей. Эта банкирская контора принимала самое дѣятельное участіе въ грюндерской горячкѣ послѣдняго времени. Обанкротилось также нѣсколько другихъ менѣе крупныхъ банкирскихъконторъ.

Рѣзкое паденіе товарныхъ цѣнъ послѣдовало значительно позже биржевыхъ краховъ. Въ 1900 г. цѣны большинства предметовъ фабричнозаводской выработки стояли ниже, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, несмотря на повышеніе цѣны угля и нѣкоторыхъ сырыхъ продуктовъ. На Нижегородской ярмаркѣ 1900 г. обнаружилось значительное паденіе нѣкоторыхъ сортовъ желѣза.

«Котельное желѣзо,—читаемъ въ «Промышленномъ Мірѣ» 1900 г., № 37,—понизилось такъ чувствительно, какъ этого давно уже не бывало съ уральскимъ желѣзомъ, а именно на 20 к. въ пудѣ. Причины такого пониженія, по мнѣнію желѣзоторговцевъ, кроются въ ощущаемомъ избыткѣ этихъ сортовъ на рынкѣ и отмѣчавшемся еще съ конца прошлаго года, когда собственно и началось паденіе цѣнъ. Въ свою очередь, причины переполненія рынка котельнымъ желѣзомъ объясняются слабымъ на него спросомъ со стороны фабрикъ и заводовъ, куда, глав-

нымъ образомъ, и идетъ этотъ сортъ желѣза, въ виду общаго промышленнаго затишья и въ частности благодаря пріостановкѣ фабричнаго строительства, вызваннаго неблагопріятнымъ положеніемъ денежнаго рынка, стѣсненіемъ кредита и т. п.».

Въ только что вышедшемъ періодическомъ изданіи уполномоченныхъ съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ «Желѣзное дѣло Россіи въ 1899 г.», содержится любопытная характеристика вліянія переживаемаго кризиса на желѣзодѣлательную промышленность Россіи. По словамъ этого изданія, движеніе цѣнъ на желѣзо въ 1899 г. имѣло слѣдующій характеръ: «Въ первомъ періодѣ (съ начала года до осени) почти для всѣхъ рынковъ (Россіи) и для всѣхъ сортовъ чугуна и желѣза были высокія, болѣе или менѣе твердыя цѣны. Для нѣкоторыхъ же сортовъ желѣза, какъ, напр., балки и котельное желѣзо, цѣны съ самаго начала года крѣпли и достигли высокихъ размѣровъ. Сортовое и кровельное желѣзо и чугунъ сырецъ не сходили со своихъ цѣнъ, установившихся еще въ предшествовавшемъ году. Во второмъ же періодѣ года (съ осени) произошелъ поворотъ, цѣны стали падать и притомъ для тѣхъ сортовъ, которые пользовались особеннымъ спросомъ, наступило перепроизводство. Среднесортное желѣзо слегка поддалось въ цѣнѣ, почти то же самое и тонкіе листья котельнаго, а кровельное удержалось въ своей позиціи. Чугунъ тоже нѣсколько подешевѣлъ и вообще весь рынокъ получилъ понижательную тенденцію» *).

Въ 1900 г. цѣны желѣза испытали дальнѣйшее и значительное паденіе (при одновременномъ повышеніи, до весны 1900 г., цѣнъ желѣза на иностранныхъ рынкахъ). На паденіе цѣнъ многихъ сортовъ желѣза повліяло сокращеніе строительства въ концѣ 1899 г. и въ 1900 году. Такъ, этой причиной было вызвано крайне удрученное состояніе желѣзнаго рынка на Кавказѣ, возникшее подъ вліяніемъ реакціи въ нефтяной горячкѣ предшествовавшихъ лѣтъ. Въ общемъ, названное изданіе приходитъ къ такому заключенію: «Переживаемый кризисъ оказывается чрезвычайно сильнымъ и есть даже основаніе предполагать, что слѣдствія его будутъ гораздо значительнѣе, чѣмъ это можно было ожидать, такъ какъ совершившіяся фіаско, не особенно пока многочисленныя, могутъ повлечь за собою дальнѣйшіе крахи и даже крахи такихъ предпріятій, въ основѣ которыхъ имѣются задатки прочнаго и вѣрнаго существованія. А такъ какъ съ существованіемъ заводовъ неразрывно связаны не только интересы капитала въ нихъ затраченнаго, но и интересы примѣняющейся на нихъ рабочей силы, интересы потребителей ихъ производства, а также интересы тѣхъ отраслей промышленности, продукты которыхъ металлургическія предпріятія сами потребляютъ, то очевидно, что послѣдствія кризиса, если только онъ приметъ большіе размѣры, могутъ быть громадны и крайне серьезны**).

*) «Желѣзное дѣло въ Россіи за 1899», стр. 28—29.

**) Тамъ же, стр. 37.

Итакъ, въ 1899—1900 г. Россія несомнѣнно пережила острый промышленный кризисъ. Кризисъ этотъ еще далеко не закончился и предстоящая зима, вѣроятно, будетъ не менѣе тяжела, чѣмъ прошлая, тѣмъ болѣе, что все заставляетъ ожидать промышленной депрессіи во всемъ капиталистическомъ мірѣ. Промышленный циклъ мірового капиталистическаго хозяйства вступаетъ въ свою неблагопріятную фазу. Періодъ небывалаго подъема, начавшійся съ 1895 г., приходитъ или уже пришелъ къ концу и предстоящіе 2—3 года будутъ, по всей вѣроятности, отмѣчены въ капиталистическихъ странахъ Запада и въ Сѣверной Америкѣ тяжелымъ промышленнымъ застоемъ. У насъ кризисъ начался нѣсколько раньше и, выразившись въ очень острой формѣ, быть можетъ будетъ раньше и ликвидированъ.

Переживаемый нами промышленный кризисъ можетъ служить прекрасной фактической иллюстраціей къ теоріи кризисовъ, изложенной мною въ книгѣ «Промышленные кризисы». Всѣ фазисы этого кризиса протекаютъ въ полномъ согласіи съ моими теоретическими построеніями. Задолго до начала кризиса я указалъ на неизбѣжность его наступленія. Авторъ вышецитированной интересной и дѣльной брошюры о современномъ кризисѣ, г. Афанасьевъ, повидимому, незнакомый съ теоріей кризисовъ, данной въ моей книгѣ, даетъ на основаніи фактическаго изученія объясненіе кризису, во всемъ согласное съ моимъ объясненіемъ кризисовъ вообще. А именно, г. Афанасьевъ приводитъ въ связь подъемъ промышленности послѣдняго времени съ необыкновеннымъ обиліемъ капитала на биржахъ всего міра, выраженіемъ чего служилъ низкій дисконтный процентъ. Быстрое расширеніе производства повело къ поглощенію этого свободнаго капитала— дисконтный процентъ повысился. Такимъ образомъ возникла такъ называемая «дороговизна денегъ», точнѣе говоря, дороговизна ссуднаго капитала, поведшая къ сокращенію кредита и крушенію всѣхъ малосолидныхъ предпріятій, основанныхъ исключительно на кредитѣ.

«Кризисъ наступилъ вслѣдствіе того,—говоритъ г. Афанасьевъ,—что большой и быстрый ростъ промышленности потратилъ огромное количество капиталовъ, превративъ оборотные капиталы въ основные. Этотъ недостатокъ оборотныхъ капиталовъ сталъ замѣчаться не въ текущемъ только году, а давалъ себя знать исподволь путемъ дисконта» *).

Это объясненіе вполнѣ укладывается въ предложенную мною теорію кризисовъ. Теорія эта можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ: «Подъемъ промышленности вызывается тѣмъ, что скопившіеся за предыдущіе годы денежные капиталы, представляющіе собой покупательную силу въ связанномъ состояніи, расходуются и создаютъ новый спросъ на товары. Поэтому цѣны повышаются. Повышеніе цѣнъ, при благопріятномъ положеніи рынка, быстро переходитъ разумныя границы и вы-

---

*) Денежный кризисъ, 30.

рождается въ спекуляцію, за которой слѣдуетъ крахъ. Но даже если повышеніе цѣнъ не настолько значительно, чтобы вызвать крахъ, реакція неизбѣжно должна наступить. Дѣйствительно, ранѣе накопленный капиталъ долженъ же быть когда-нибудь израсходованъ... Дѣйствіе всего механизма можно сравнить съ работой паровой машины. Роль пара въ цилиндрѣ играетъ накопленіе свободнаго денежнаго капитала; когда давленіе пара на поршень достигаетъ извѣстной предѣльной нормы, сопротивленіе поршня преодолѣвается, поршень движется, доходитъ до конца цилиндра, для пара открывается свободный выходъ и поршень возвращается въ прежнее время. Точно также скопляющійся свободный денежный капиталъ, достигвувъ извѣстныхъ размѣровъ, проникаетъ въ промышленность, движетъ ее, расходуется, и промышленность приходитъ опять въ прежнее состояніе. Естественно, что при такихъ условіяхъ кризисы должны повторяться періодически. Капиталистическая промышленность должна постоянно проходитъ одинъ и тотъ же кругъ развитія... Повышеніе дисконтнаго процента, наблюдающееся обыкновенно къ концу промышленнаго подъема, является вѣрнымъ признакомъ того, что свободнаго ссуднаго капитала въ странѣ слишкомъ мало для нуждъ промышленности. Въ это время, ко всеобщему удивленію, оказывается, что деньги внезапно «вздорожали»; на самомъ дѣлѣ дорожаютъ не деньги, а ссудный капиталъ, и дорожаетъ онъ потому, что на ссудномъ рынкѣ осталось мало свободнаго, незанятаго капитала... Чередованіе оживленія и застоя промышленности находится въ непосредственной связи съ расширеніемъ основного капитала страны. Годы подъема промышленности суть вмѣстѣ съ тѣмъ годы созданія новаго основного капитала» *).

Легко видѣть, до какой степени объясненіе г. Афанасьева современнаго русскаго кризиса совпадаетъ съ общей теоріей кризисовъ, данной въ моей книгѣ. Всѣ фазисы развитія переживаемаго кризиса могли быть предвидены на основаніи теоріи, такъ какъ развитіе это шло необыкновенно типично и закономѣрно.

Современный кризисъ является характернымъ симптомомъ переживаемаго Россіей эволюціоннаго процесса. Когда въ первомъ изданіи «Русской фабрики» мною было указано на то, что и въ Россіи наблюдается чередованіе оживленія и застоя торговли, въ зависимости не отъ урожаевъ, а отъ фазисовъ промышленнаго цикла, это указаніе было встрѣчено недовѣріемъ или рѣзкимъ отрицаніемъ. Но переживаемый нами промышленный кризисъ, послѣ прекраснаго урожая 1899 г., является достаточно краснорѣчивымъ отвѣтомъ русской жизни разнаго рода доктринерамъ, къ которымъ вполнѣ примѣнимо извѣстное изреченіе «не видятъ потому, что не хотятъ видѣть».

М. Туганъ-Барановскій.

---

*) «Промышленные кризисы». Изд. 2, стр. 171—173.

НА МОРСКИХЪ БЕРЕГАХЪ.

I.

* * *

Къ прибрежью моря грустная аллея
Ведетъ вдали какъ будто въ небосклонъ,—
Тамъ море подымается, синѣя
Межъ позабытыхъ мраморныхъ колоннъ.

Тамъ на прибой идутъ ступени стройно
И львы лежатъ, какъ сфинксы, надъ горой...
Далеко въ море важно и спокойно
Они глядятъ вечернею порой.

А на скамьѣ межъ ними—одиноко
Сидитъ она... Нѣтъ имени для ней,
Но знаю я, что нѣжно и глубоко
Она съ душой сроднилася моей.

Быть можетъ, сонъ создалъ мои картины. .
Но пусть! Мой сонъ—печаль моей любви.
Вселилъ ее я въ тихія руины,
И мнѣ отрадны вымыслы мои.

Я ль не любилъ? Я ль не искалъ мятежно
Любви и счастья юность раздѣлить
Съ душою женской, свѣтлою и нѣжной,
И жизнь мою въ другую перелить?

Но та любовь, что душу посѣщала,
Оставила въ душѣ печальный слѣдъ.
Она звала, она меня прельщала
Той радостью, которой въ мірѣ нѣтъ.

И отъ нея я взялъ воспоминанья
Лишь лучшихъ дней, и ужъ не ту люблю,
Кого любилъ... Люблю мечты созданья
И снова о несбыточномъ скорблю...

Вечерняя безмолвная аллея
Зоветъ меня къ скалистымъ берегамъ,
Гдѣ море подымается, синѣя,
Къ пустыннымъ и далекимъ небесамъ.

И горько я, и сладостно тоскую,
И грезится мнѣ свѣтлая мечта,
Что воскреситъ мнѣ радость неземную
Печальная земная красота.

II.

* * *

Такъ небо низко и уныло,
Такъ сумрачно вдали,
Какъ будто время здѣсь застыло,
Какъ будто край земли.

Густое чахлое полѣсье
Стоитъ среди болотъ.
А тамъ—угрюмо въ поднебесье
Уходитъ сумракъ водъ.

Ужъ ночь настала, но свинцовый
Дневной не меркнетъ свѣтъ.
Нѣмая тишь въ глуши сосновой,
Ни звука въ морѣ нѣтъ.

И звѣзды тускло, недвижимо
Горятъ надъ головой,
Какъ будто ихъ зажегъ незримо
Самъ ангелъ гробовой.

И сонъ на мертвый край изгнанья
Идетъ—и нѣмъ, и тихъ...
О, темный бредъ воспоминанья!
О, грустно-странный стихъ!

Зову тебя. Скажи счастливымъ,
Что гдѣ-то скорбь царитъ,
Скажи всѣмъ празднымъ, суетливымъ,
Что гдѣ-то все молчитъ! —

Затѣмъ, что всѣ они повинны
За горечь нашихъ бѣдъ,
За сны, утраты и кручины
И темныхъ пѣсенъ бредъ!

Ив. Бунинъ.

ПОБѢДА.

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе* *).

XI.

Оставалось три недѣли до экзамена и это время для Баранова было самымъ тяжелымъ. У него какъ-то не хватало энергіи для того, чтобы продолжать преподаваніе въ томъ широкомъ масштабѣ, какъ онъ началъ послѣ исторіи съ Пазухинымъ. Необходимость постоянно держаться въ напряженномъ состояніи утомляла его. Подготовка, которой онъ посвящалъ обыкновенно цѣлые вечера, въ сущности не могла удовлетворить его. Онъ наскоро проглатывалъ сотни страницъ, старался осмыслить, обобщить установить какую-нибудь опредѣленную точку зрѣнія, но этого нельзя было сдѣлать вдругъ, для этого требовалось время, чтобы сосредоточиться и привести въ ясность свое міросозерцаніе, о которомъ онъ до сихъ поръ никогда не заботился. И эти вечерніе часы, вмѣсто того, чтобы доставлять ему наслажденіе, какъ это было въ первое время, только разстраивали ему нервы.

Нерѣдко онъ приходилъ въ отчаяніе отъ страннаго чувства, овладѣвавшаго имъ. Онъ чувствовалъ, какъ будто совершалъ какой-то подлогъ, какой-то шарлатанскій поступокъ, какъ будто въ сущности онъ хочетъ ввести въ обманъ своихъ слушателей, дѣлая видъ передъ ними, что у него есть и опредѣленное міровоззрѣніе, и широкая точка зрѣнія, и приглашая понимать ихъ исторію такъ хорошо, какъ самъ онъ ее не понимаетъ. Иногда онъ не выдерживалъ и жаловался на это Варварѣ Ѳедоровнѣ.

— Трудно мнѣ, трудно, — говорилъ онъ. — У меня нѣтъ чего-то самаго главнаго; есть сознаніе, есть охота и энергія, есть даже много фактовъ, но нѣтъ чего-то такого, что могло бы все это объединить и обосновать.

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

— У васъ нѣтъ основного взгляда, Василій Григорьевичъ.

— Да, можетъ быть, это такъ. Но, все равно, нѣтъ самаго главнаго.

— Вы будете работать и пріобрѣтете. Вы создадите себѣ это.

— Да, конечно, я буду работать, я этого не оставлю, я этому отдамъ многіе годы своей жизни, но теперь, теперь... Къ чему же послужилъ мнѣ университетъ?

— Ахъ, Василій Григорьевичъ! Вѣдь, если вы встрѣчаете глубокій колодезь съ прохладной водой на днѣ, то это еще не значитъ, что вы изъ него напьетесь: тутъ нужно еще многое. Нужно, чтобы у васъ была жажда, чтобы вы достали ведро и сумѣли зачерпнуть изъ него... А иначе колодезь останется самъ по себѣ, а вы сами по себѣ... А вѣдь въ университетѣ у васъ не было этой жажды и вы не умѣли почерпать. Такъ что университетъ тутъ совсѣмъ не виноватъ. Это былъ колодезь, мимо котораго вы прошли, не обративъ на него должнаго вниманія.

— Да, все это такъ, все это такъ, и тѣмъ болѣе досадно это. Столько потеряно времени. Еслибъ вы знали, какую я драму переживаю всякій разъ, когда мнѣ приходится объяснять ученикамъ урокъ!

— Зато прежде это вѣдь было вамъ легко?

— О, еще бы! Прежде это мнѣ ничего не стоило. Когда держишься программы, такъ это все равно, что идешь на возжахъ у хорошаго, опытнаго кучера. А если не отступаешь отъ учебника, такъ это—точно двигаешься по готовымъ рельсамъ. Да, блаженное дѣло. Нельзя отрицать этого. И я понимаю, почему большинство держится такого метода. Никакихъ заботъ, ни малѣйшаго безпокойства.

— Вы, можетъ быть, жалѣете объ утраченномъ счастіи? — съ усмѣшкой спросила Варя.

— Избави меня Богъ! Это счастье такого рода, что я къ нему никогда больше не хотѣлъ бы вернуться. Блаженное состояніе, конечно, но зато отъ него и мозгъ постепенно засыпаетъ, замираетъ. Оттого и происходитъ такое явленіе, что многіе, начинающіе учительскую карьеру съ свѣтлымъ умомъ, съ большими надеждами, мало-по-малу сходятъ на нуль и дѣлаются сухими педантами или просто равнодушными людьми.

— Такъ надо имѣть терпѣніе, Василій Григорьевичъ. Надо дождаться конца экзаменовъ, а лѣтомъ, вмѣсто того, чтобы бродить по лѣсу, сидѣть за книжками.

— А можно вѣдь и въ лѣсу заниматься исторіей, не правда ли? А вы, Варвара Θедоровна, поможете мнѣ?

— Насколько смогу; вы развѣ вѣрите въ мою способность?

— Вотъ странно!—промолвилъ Барановъ.—Сколько лѣтъ я

васъ знаю,—и на курсахъ вы были, а мнѣ до сихъ поръ неизвѣстны ваши вкусы. Напримѣръ, я не знаю, интересуетесь ли вы исторіей?

— Еще бы! Я всегда зачитывалась ею. А на курсахъ заслушивалась лекціями... Я люблю ее больше всѣхъ другихъ предметовъ. Это мой любимый предметъ?

— А, такъ значитъ и мой!—воскликнулъ Барановъ.

— Это почему же? Вѣдь вы до сихъ поръ, кажется, не особенно жаловали исторію?

— Такъ. Все, что вы любите, я люблю.

— Ну, это не такъ легко... Недостаточно хотѣть любить, надо еще и умѣть.

— А мнѣ легко, Варвара Ѳедоровна. Увѣряю васъ, что мнѣ это очень легко. Вотъ вообразите, что есть какой-нибудь человѣкъ, котораго я ненавижу отъ всей души, и стоитъ только вамъ сказать—я его люблю, какъ и я стану любить его. Вотъ, чего ужъ хуже, у меня есть товарищъ Акульскій. Впрочемъ, вы коечто слышали о немъ, такъ даже его способенъ любить...

— Ну, эта опасность вамъ не грозитъ. Насколько я слышала объ этомъ вашемъ товарищѣ, едва ли онъ способенъ внушить такое чувство. У него, кажется, прескверная репутація.

— Да, отвратительная. Онъ слыветъ за грозу всѣхъ воспитанниковъ младшихъ классовъ до пятаго включительно. Каждый урокъ у него въ какомъ-нибудь классѣ происходитъ исторія. Ни разу не обходится безъ того, чтобы какой-нибудь ученикъ не былъ доведенъ до слезъ. Онъ изводитъ ихъ, измучиваетъ и, въ концѣ концовъ, еще ставитъ двойки и единицы.

— Что же это за странный такой характеръ? — спросила Варя.—Я никогда не могла понять такихъ людей. Ну, бываютъ еще старики, озлобленные жизнью или съ больной печенью, а вѣдь онъ молодъ. Онъ недавно только кончилъ курсъ.

— Да ужъ это природа такая!—отвѣтилъ Барановъ.—Настоящаго у него ничего нѣтъ, а все напускное; нѣтъ ни характера, ни твердости—если его прижать хорошенько, онъ легко уступитъ—а просто злорадство ничтожнаго человѣка. Вообще довольно отвратительная личность.

Оставалось всего только два дня до роспуска передъ экзаменами. Въ этотъ день въ гимназіи, отчасти въ коридорахъ, гдѣ появлялись гимназисты, но главнымъ образомъ въ классахъ, можно было замѣтить какое-то странное движеніе. Годичныя отмѣтки, поставленныя всѣми учителями, хотя и держались подъ большимъ секретомъ, тѣмъ не менѣе не были уже такой заповѣдной тайной, которую никакъ нельзя было узнать. И ученики обыкновенно узнавали ихъ гораздо раньше экзаменовъ; и теперь стало извѣстно,

что Акульскій натворилъ бѣдъ. Во всѣхъ классахъ стояло уныніе и не только въ пяти младшихъ, гдѣ онъ преподавалъ, но и въ старшихъ классахъ, которые, очевидно, сочувствовали своимъ младшимъ товарищамъ.

Половинѣ своихъ учениковъ Акульскій наставилъ двоекъ. Узнали это воспитанники черезъ письмоводителя канцеляріи, у котораго въ рукахъ уже были отмѣтки, хотя директоръ ихъ еще не видѣлъ.

Шелъ говоръ и въ учительской: здѣсь никто не одобрялъ Акульскаго, но странно все-таки, что говорили тихонько и когда въ комнатѣ былъ самъ виновникъ, при немъ смолкали; все-таки надо было соблюдать осторожность.

Въ гимназіи не мало было придирчивыхъ людей; были и такіе, которые любили и помучить ученика, поиздѣваться надъ нимъ, довести его до слезъ. Но имъ это доставляло какое-то особенно жгучее удовольствіе и иные послѣ этой операціи выходили изъ класса, радостно потирая руки. Но это не была настоящая злость; это дѣлалось все-таки потому, что подобная потѣха не могла принести существеннаго вреда гимназистамъ. Ну, поплачетъ, помучается, а, затѣмъ можетъ, быть и въ самомъ дѣлѣ станетъ отъ этого прилежнѣе; иные даже глубоко вѣрили въ благотворность такого рода обращенія.

Но когда кончался годъ, когда приходилось подводить итоги и ставился серьезный вопросъ о цѣломъ годѣ, о переводѣ изъ класса въ классъ, всѣми овладѣвало великодушіе и огромное большинство учителей даже плохимъ ученикамъ старалось скорѣй повысить балъ, чѣмъ уменьшить. Злыхъ не было, были только равнодушные и мелочные люди.

И вотъ въ этотъ день, когда у Баранова сидѣлъ Митя, приходившій къ нему теперь довольно часто, и когда уже была зажжена лампа, явилась къ Василію Григорьевичу цѣлая депутація отъ гимназистовъ. Это было очень странно и до сихъ поръ ничего подобнаго не бывало. Барановъ крайне изумился, увидѣвъ передъ собою цѣлыхъ семь гимназистовъ разныхъ возрастовъ. Митя тотчасъ же узналъ двухъ изъ нихъ. Онъ былъ знакомъ съ ними еще въ бытность свою гимназистомъ, Между прочимъ, здѣсь былъ и Пазухинъ и Воронинъ.

— Что вамъ надо, господа?—спросилъ Барановъ,—садитесь и разсказывайте.

Онъ сказалъ это не совсѣмъ твердымъ голосомъ, такъ какъ посѣщеніе было черезчуръ необычно. Въ первую минуту ему даже пришла въ голову мысль, не отыщутъ ли въ этомъ чего-нибудь противозаконнаго?

Гимназисты начали садиться, но тутъ обнаружилось, что не хватаетъ нѣсколькихъ стульевъ. Ихъ принесли отъ хозяйки.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Барановъ.

— Мы пришли къ вамъ съ просьбой. У насъ узнали, что Акульскій наставилъ страшную массу двоекъ и единицъ.

— Акульскій? Да, я слышалъ объ этомъ, — сказалъ Барановъ.—Но почему же, напримѣръ, вы, Пазухинъ, здѣсь? Вѣдь вы въ седьмомъ классѣ и у васъ Акульскій не преподаетъ.

— Да ужъ мы всѣ возмущены... Здѣсь есть и изъ восьмого класса и изъ шестого.

— Почему же вы обратились именно ко мнѣ?

— Такъ рѣшили всѣ.

— Но что же я могу сдѣлать, господа?

— Отмѣтки еще не пошли въ совѣтъ, такъ вотъ мы надѣемся, что, можетъ быть, вы повліяете на Акульскаго. Вѣдь вы вмѣстѣ съ нимъ поступили къ намъ въ гимназію, вы товарищи.

Барановъ съ усиліемъ потеръ лобъ. Очевидно, просьба ставила его въ затрудненіе. Да, дѣйствительно, Акульскій его товарищъ, но вѣдь это, въ концѣ концовъ, пустое слово. Не смотря на то, что они товарищи, между ними нѣтъ ничего общаго.

— Но, однако же,—сказалъ Барановъ, обращаясь къ своимъ гостямъ,—не можетъ же быть, чтобъ онъ сдѣлалъ это такъ совсѣмъ безъ всякой причины. Можетъ быть, вы въ самомъ дѣлѣ плохо знаете греческій языкъ?

— Мы учимъ его, какъ и всѣ другіе предметы, — отвѣтили гимназисты.—Товарищи только на васъ и надѣются. Изъ двухсотъ учениковъ, которые у него учатся греческому языку, онъ ста двадцати поставилъ двойки, а нѣсколькимъ даже и единицы.

Барановъ ходилъ по комнатѣ и обдумывалъ положеніе, затѣмъ онъ рѣшилъ не отказываться и сказалъ:

— Признаюсь, я мало надѣюсь на успѣхъ, но все-таки попробую. Нельзя не попробовать.

Гимназисты начали благодарить его и стали собираться выходить, но тутъ выдѣлился Воронинъ и тихимъ голосомъ промолвилъ:

— А мнѣ позвольте, Василій Григорьевичъ, еще особо поговорить съ вами.

— Хорошо. Такъ вы останьтесь.

Всѣ ушли, остался только Воронинъ. Это былъ блѣднолицый мальчикъ, очень плохо развитой физически. На видъ ему нельзя было дать больше одиннадцати лѣтъ, а въ сущности ему было уже пятнадцать. У него былъ тихій дѣтскій голосъ и какая-то болѣзненность во всемъ сложеніи.

Барановъ вторично попросилъ его сѣсть и началъ разспрашивать, въ чемъ заключается его особая просьба.

— Акульскій меня за что-то особенно преслѣдуетъ уже вто-

рой годъ, съ самаго начала, чуть не съ перваго урока, какъ поступилъ онъ къ намъ. Я ему почему-то не понравился и, право же, самъ не знаю, почему. Изъ четвертаго класса еле-еле перешелъ, а теперь онъ взялъ и единицу поставилъ мнѣ за цѣлый годъ, а это значитъ —никакъ ужъ не выдержать.

— Но за что же?—спросилъ Барановъ.

И затѣмъ прибавилъ, очевидно, вспомнивъ свой разговоръ съ Акульскимъ.

— Ахъ, да, онъ говорилъ мнѣ какъ-то, что вы иронически смотрите. Ваша иронія его обижаетъ.

— Я? — съ изумленіемъ спросилъ Воронинъ. — Вотъ ужъ, право... я никогда никакъ даже не смотрю на него. По крайней мѣрѣ, стараюсь не смотрѣть.

У него, дѣйствительно, глаза улыбались и въ то же время въ нихъ было что-то строгое. Человѣку съ нечистой совѣстью, пожалуй, станетъ стыдно, когда онъ будетъ смотрѣть въ эти глаза.

— А для меня это такъ ужасно!—продолжалъ Воронинъ.— У меня мать совсѣмъ больная, нервная. Отецъ недавно умеръ, ну и она, разумѣется, очень страдаетъ отъ этого. Я боюсь даже сказать ей и до сихъ поръ ничего не сказалъ...

— Ну, а вы хорошо знаете греческій языкъ? — спросилъ Барановъ.

— Эти два года, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ преслѣдовать меня, я страшно много занимался греческимъ языкомъ. Вотъ, пожалуйста, спросите меня что-нибудь.

Барановъ сперва отказался, но Воронинъ очень приставалъ къ нему и пришлось согласиться. Долго искали книжку и, наконецъ, на днѣ сундука нашли какое-то старинное богословское сочиненіе на греческомъ языкѣ. Воронинъ началъ переводить почти съ листа и затѣмъ оказалось, что онъ хорошо знакомъ также и съ формами языка.

— Да это возмутительно!—говорилъ Барановъ, волнуясь и кипятясь.—Я настойчиво буду говорить съ нимъ и даже не только съ нимъ, а, если хотите, съ директоромъ, потому что это, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ ужъ явная несправедливость.

— Только надо торопиться,—сказалъ Воронинъ,—вѣдь завтра уже отмѣтки доложатъ совѣту и тогда ужъ ничего не подѣлаешь.

— Да я сейчасъ же схожу къ нему. Вотъ вмѣстѣ всѣ выйдемъ. Впрочемъ, вы, Митя, вѣроятно дождетесь меня здѣсь?

Онъ одѣлся и вмѣстѣ съ Воронинымъ вышелъ на улицу. Здѣсь они простились. Барановъ отправился къ Акульскому.

Акульскій жилъ въ меблированныхъ комнатахъ. Онъ занималъ одну большую комнату съ альковомъ, въ которомъ стояла кровать.

— Вотъ кто пожаловалъ!—съ видимымъ изумленіемъ воскликнулъ Акульскій, увидавъ у себя Баранова, который до сихъ поръ никогда не бывалъ у него.—Не ожидалъ, право—не ожидалъ!

— Я по особому дѣлу!—сказалъ Барановъ.

— Да ужъ навѣрно по особому, иначе не сдѣлали бы мнѣ чести...

— Я вотъ по какому дѣлу. Въ гимназіи стало извѣстно, что вы наставили слишкомъ ужъ много двоекъ. Это какое-то избіеніе младенцевъ...

— Но кому же до этого есть дѣло?—спросилъ Акульскій.—Это мое личное мнѣніе. Я наблюдаю за успѣхами учениковъ по греческому языку, а не кто-нибудь другой. Я оцѣнилъ ихъ такъ и это мое дѣло.

— Это вѣрно, но только до извѣстной границы,—сказалъ Барановъ.—Васъ могутъ проконтролировать.

— Кто это?

— Кто-нибудь изъ стоящихъ повыше... Если окажется, что ваша оцѣнка пристрастна...

— Ну, знаете, гдѣ это вы найдете полное безпристрастіе? Всѣ мы пристрастны болѣе или менѣе.

— Допустимъ, что такъ; но вы же понимаете, какія отъ этого могутъ быть послѣдствія для учениковъ?

— Какія же такія особенныя послѣдствія? Будутъ держать экзаменъ; если не выдержатъ, получатъ передержки. Если не выдержатъ тогда, посидятъ лишній годъ въ томъ же классѣ, эка важность! Куда же имъ такъ торопиться?

— Но зачѣмъ же сидѣть, если они этого не заслуживаютъ? Неужели вы думаете, что это пріятно?

— А мнѣ наплевать на это. Они мнѣ устраиваютъ разныя штуки и вы хотите, чтобы я это терпѣлъ? Какъ бы не такъ... Двѣ недѣли тому назадъ они обмазали какимъ-то клеемъ стулъ, на которомъ я сижу. Такъ вы полагаете, что это хорошо?

— Нѣтъ, это очень дурно,—сказалъ Барановъ.—Но, по всей вѣроятности, это чѣмъ нибудь вызвано. Вѣдь вотъ мнѣ же не обмазывали стулъ да и никому другому; по крайней мѣрѣ, никто на это не жаловался.

— Еще бы вы!.. Вы популярничаете, вы заискиваете у гимназистовъ.

— Ну, противъ этого я даже возражать не буду. Можно еще понять заискиваніе у директора, у инспектора, вообще у начальства, но заискивать у гимназистовъ, это ужъ совсѣмъ смѣшно. Они такъ безпомощны, а въ особенности передъ такими грозными наставниками, какъ вы... Но мнѣ странно вотъ что: неужели вы

забыли то время, когда сами были школьникомъ? И когда съ вами такъ же обращались.

— О, да, очень хорошо помню. У насъ грекъ былъ бѣшеный. Ставилъ двойки направо и налѣво, ничѣмъ нельзя было его умолить. Онъ говорилъ, что на пять знаетъ только Богъ, на четыре только онъ самъ, а ученики не могутъ знать больше, чѣмъ на три. Мнѣ по крайней мѣрѣ у него стояла вѣчная двойка; только на экзаменахъ и отбивался.

— И что-жъ, теперь вы мстите? Вы хотите вымѣстить злобу на вашихъ ученикахъ?

— Еще бы! Почему же, скажите пожалуйста, надъ нами измывались, когда мы были мальчиками, а мы будемъ по головкѣ гладить? О, я еще въ школѣ мечталъ: вотъ только кончу курсъ, буду учителемъ, непремѣнно учителемъ, — да, я именно мечталъ быть учителемъ,—и ужъ тогда я себя покажу.

— Необыкновенно великодушныя чувства!—саркастически сказалъ Барановъ.—Но можетъ быть, вы не знаете, что общее мнѣніе учителей не на вашей сторонѣ?

— Ахъ, мнѣ нѣтъ дѣла до нихъ.

— И до того, что и ученики и родители посылаютъ вамъ проклятія вамъ, тоже нѣтъ дѣла?

— Мнѣ это рѣшительно все равно. Я тоже въ свое время посылалъ проклятія, но никому отъ этого не сдѣлалось хуже. Мой грекъ и до сихъ поръ здравствуетъ, еще, кажется, гдѣ-то инспекторомъ или директоромъ.

Барановъ поднялся съ видомъ человѣка, который потерялъ всякую надежду убѣдить въ чемъ нибудь.

— Ну, во всякомъ случаѣ имѣйте въ виду, что я этотъ вопросъ возбужу на совѣтѣ.

— На совѣтѣ? Странно! Мнѣ кажется, что только я одинъ могу отвѣчать за успѣхи учениковъ по моему предмету. Да скажите пожалуйста, чего вамъ-то безпокоиться? Вамъ-то что отъ этого? Какая польза?

— Ну, объ этомъ мы не будемъ говорить; все равно вы не поймете!—сказалъ Барановъ, видимо все болѣе и болѣе раздражаясь.—Я еще хочу вамъ сказать о Воронинѣ, которому вы поставили единицу.

При напоминаніи о Воронинѣ у Акульскаго глаза загорѣлис злобой.

— А, Воронинъ. Онъ у меня попляшетъ!

— Что онъ вамъ сдѣлалъ?

— Я не могу выносить его взгляда. Такого взгляда не должно быть у гимназиста.

— Откуда же ему взять другой? Очевидно, такой ужъ у него отъ природы.

— Пусть возьметъ, гдѣ хочетъ. Ужъ это до меня не касается.

— Вотъ видите, какъ вы разсуждаете! У него между тѣмъ мать больная и отецъ недавно умеръ, да и самъ онъ производитъ впечатлѣніе какого-то заморённаго и слабосильнаго.

— Я очень жалѣю его, если вамъ угодно; но это не касается греческой грамматики. Вѣдь моя спеціальность греческій языкъ!

— Но вѣдь вы не будете отрицать, что Воронинъ не заслуживаетъ такой отмѣтки? Онъ лучше другихъ знаетъ греческій языкъ; у меня былъ случай убѣдиться въ этомъ и онъ поразилъ меня своими знаніями.

— Да, онъ знаетъ; такъ что же изъ этого? Онъ сдѣлалъ въ этомъ году страшные успѣхи, я это видѣлъ, но это только показываетъ, что мое отношеніе хорошо повліяло на него. Притомъ же я всегда могу сбить его на экзаменѣ.

— Сбить? И вы можете унизиться до такой степени?

— Но что-жъ тутъ унизительнаго? Право, у васъ какія-то странныя понятія! Меня тоже сбивали въ свое время. А васъ развѣ не сбивали?

Барановъ пришелъ къ заключенію, что на Акульскаго повліять нельзя. Онъ взялъ шапку и, прежде чѣмъ раскланяться, промолвилъ:

— Мнѣ остается только одно: самымъ энергическимъ образомъ возбудить этотъ вопросъ на совѣтѣ и...

— И что еще?—съ холодной усмѣшкой спросилъ Акульскій.

— Ну, тамъ увидите, что. Я васъ предупредилъ.

Онъ едва наклонилъ голову и вышелъ, не подавъ даже руки хозяину. Они разстались врагами.

Барановъ не имѣлъ еще рѣшительно никакихъ опредѣленныхъ намѣреній. Онъ не зналъ, чѣмъ собственно угрожалъ онъ Акульскому и что заключалось въ этомъ недоговоренномъ „и“. Онъ зналъ только, что ни за что не оставитъ этого дѣла и пойдетъ куда бы ни понадобилось, хотя бы даже къ попечителю. Можетъ быть, онъ отъ этого потеряетъ мѣсто?

„Чортъ съ нимъ, съ мѣстомъ“—энергично сказалъ онъ самъ себѣ. „Не пропаду. Найду другое, займусь чѣмъ-нибудь“.

Акульскій возмутилъ его до глубины души. Такой деревянности онъ не ожидалъ даже отъ него, несмотря на то, что давно уже не уважалъ его.

Слѣдующій день былъ послѣднимъ. Въ этотъ день должны были распустить учениковъ передъ экзаменами. Уроки были только до двѣнадцати часовъ, а въ два часа всѣ собрались на совѣтъ.

Были представлены годичныя отмѣтки и по поводу ихъ происходило совѣщаніе. Директоръ сказалъ, обращаясь къ учителямъ.

— Разсмотрѣвъ представленные господами преподавателями отмѣтки, я пришелъ къ пріятному заключенію, что въ общемъ ученики въ теченіе года дѣлали хорошіе успѣхи. Къ сожалѣнію, приходится замѣтить, что греческій языкъ въ младшихъ классахъ представляетъ исключеніе. Тамъ успѣхи весьма слабы. И я не знаю, какое дать этому объясненіе.

При этомъ директоръ вопросительно и даже нѣсколько недовѣрчиво взглянулъ на Акульскаго; онъ не любилъ, когда въ журналахъ попадалось слишкомъ много плохихъ отмѣтокъ. Онъ любилъ, чтобы о гимназіи, управляемой имъ, было хорошее мнѣніе у начальства; а какъ же могло составиться хорошее мнѣніе, когда у половины гимназіи двойки по такому важному предмету. какъ греческій языкъ?

— Что подѣлаете, Иванъ Васильевичъ!—тономъ извиненія сказалъ Акульскій.—Я вѣдь только второй годъ занимаюсь. Мнѣ приходилось бороться съ плохой подготовкой...

Эта фраза произвела на всѣхъ присутствующихъ дурное впечатлѣніе; всѣ съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга. Очевидно, Акульскій бросалъ камень въ сторону своего предшественника. Онъ недостаточно былъ ознакомленъ съ отношеніемъ къ нему преподавателей. Между тѣмъ, оказалось, что красивый учитель математики, бывшій въ особомъ фаворѣ у директора, такъ какъ онъ все еще числился кандидатомъ на руку его дочери, былъ очень друженъ съ предшественникомъ Акульскаго.

— Я долженъ возразить,—мягко, но въ то же время внушительно сказалъ учитель математики,—вашъ предшественникъ былъ мой хорошій другъ и всѣ знали его почтенныя качества.

Инспекторъ тотчасъ же принялъ сторону Акульскаго. Вообще, между ними было какое-то тайное сочувствіе. Они сходились во взглядахъ.

— Да,—сказалъ онъ,—конечно, Михаилъ Николаевичъ (такъ звали предшественника Акульскаго) былъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный человѣкъ; но я долженъ сказать, что дѣйствительно подготовка учениковъ была слабовата.

— Все это очень можетъ быть,—сказалъ Барановъ неожиданно для всѣхъ и притомъ по неопытности,—такъ какъ онъ рѣдко говорилъ въ совѣтѣ,—слишкомъ возвышеннымъ голосомъ,—но мнѣ кажется, что отмѣтки поставлены несправедливо...

Это замѣчаніе тоже вызвало общее недоумѣніе. Очевидно, надо было говорить тонко и дипломатично, а такъ ужъ прямо никто здѣсь не говорилъ. Но Барановъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ общаго недоумѣнія и продолжалъ:

— Я думаю, по крайней мѣрѣ, что не можетъ быть справедливости, когда изъ двухсотъ человѣкъ сто двадцать получаютъ двойки и единицы. Я прямо высказываю, что здѣсь было пристрастіе, преднамѣренный умыселъ...

— Вы это рѣшаетесь утверждать?—спросилъ Акульскій, глядя на него въ упоръ.

— Да, я рѣшаюсь утверждать это,—отвѣтилъ Барановъ.—Не далѣе какъ вчера у меня былъ разговоръ съ господиномъ Акульскимъ. И я убѣдился въ томъ, что со стороны господина Акульскаго это какъ бы какая-то месть за то, что съ нимъ также дурно обращались, когда онъ былъ въ школѣ...

— Вы невѣрно передаете нашъ разговоръ!—сказалъ не совсѣмъ увѣренно Акульскій.

— Нѣтъ, совершенно вѣрно!—отвѣтилъ Барановъ.—Я прямо заявляю это: я былъ у господина Акульскаго съ цѣлью поговорить объ этомъ дѣлѣ. Въ особенности я имѣлъ въ виду Воронина, которому, какъ я самъ убѣдился, отмѣтка поставлена крайне несправедливо. Я даже могу сказать и это, что Воронинъ явился ко мнѣ просить защиты, потому что у него мать больная и онъ не рѣшается сооообщить ей объ отмѣткѣ. Ко мнѣ обратился онъ, зная, что я—товарищъ Акульскаго. Вотъ поэтому я и пошелъ къ нему. Долженъ прибавить, что относительно Воронина я говорю не произвольно. Я не хотѣлъ быть голословнымъ, и самъ провѣрилъ его знанія по греческому языку. У меня случайно нашлась одна старая книга по богословскому вопросу. Я раскрылъ первую попавшуюся страницу и онъ сталъ переводить прямо съ листа. Я думаю, что бо́льшаго нельзя требовать отъ ученика пятаго класса.

— Это странно!—замѣтилъ инспекторъ.—Этого никогда еще не бывало, чтобы педагоги контролировали другъ друга.

— А не мѣшаетъ! Право, не мѣшаетъ!—воскликнулъ учитель словесности.—Дѣло вѣдь общее и взаимный контроль ничему не повредилъ бы. Притомъ дѣло серьезное, очень серьезное. Въ контролѣ вѣдь нѣтъ ничего обиднаго. Каждый можетъ ошибаться. Вѣдь на экзаменахъ назначаются же ассистенты,—для чего же, какъ не для контроля?

— Да,—продолжалъ Барановъ,—и самъ господинъ Акульскій въ разговорѣ со мной не отрицалъ, что у Воронина есть знанія и что онъ сдѣлалъ даже большіе успѣхи. Онъ даже приписалъ это своей системѣ. Но это все равно. Не думаю, чтобы господинъ Акульскій захотѣлъ отрицать это.

— Я...—промолвилъ Акульскій,—я не въ такой категорической формѣ заявилъ вамъ это.

— Но вы не отрицаете? Намъ важно только знать, отрицаете вы или нѣтъ?

Директоръ, видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, вмѣшался въ этотъ споръ:

— Господа, я не могу допустить такихъ преній на совѣтѣ!— сказалъ онъ.—Мы здѣсь должны говорить только о предметахъ, подлежащихъ нашему обсужденію.

— Однако же, нельзя допустить и такого произвола!—воскликнулъ учитель словесности.

Директоръ, видимо, смутился. Но главное, что инспекторъ больше, повидимому, не намѣренъ былъ оказывать поддержку Акульскому; а это въ глазахъ Акульскаго имѣло большое значеніе. Вообще произошло видимое замѣшательство; директоръ не зналъ, какъ ему быть. Онъ сказалъ, видимо желая умыть руки:

— Право, не знаю, какъ выйти изъ этого затрудненія!

— Я думаю, что надо просить господина Акульскаго отнестись болѣе безпристрастно къ оцѣнкѣ ученическихъ успѣховъ!— сказалъ учитель словесности.

— Но какъ же? Вѣдь я же не могу перемѣнить свое мнѣніе!—промолвилъ Акульскій.

— Не можете? Въ такомъ случаѣ я и — надѣюсь — также и мои товарищи — будемъ просить Ивана Васильевича довести это дѣло до свѣдѣнія попечителя.

— Попечителя?—спросилъ Акульскій и поблѣднѣлъ.

— Да, попечителя. Не иначе. Я, въ сущности, не люблю обращаться къ высшему начальству, я предпочитаю, чтобы внутреннія недоразумѣнія разрѣшались домашнимъ способомъ, но вѣдь этотъ случай выходитъ изъ ряда вонъ.

— Господа,—сказалъ директоръ примирительно,—къ чему выносить соръ изъ избы? Я увѣренъ, что господинъ Акульскій передумаетъ и... и отнесется болѣе снисходительно къ успѣхамъ своихъ учениковъ.

— Надо надѣяться! — съ видимымъ негодованіемъ сказалъ учитель словесности.—Въ противномъ случаѣ, и если Иванъ Васильевичъ найдетъ для себя неудобнымъ взять это на себя, мнѣ придется отъ себя лично довести до свѣдѣнія...

— Я вамъ совѣтовалъ бы!—сказалъ инспекторъ, обращаясь къ Акульскому...

Акульскій, видимо, находился въ раздумьи. Съ одной стороны было задѣто его самолюбіе, а съ другой онъ кое-что зналъ о знакомствѣ учителя словесности съ вліятельными лицами въ учебномъ мірѣ. И такъ какъ наступило неловкое молчаніе и никто больше не собирался ничего говорить, то Акульскій долженъ былъ такъ или иначе отвѣтить и онъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ... хорошо... Я... представлю другія отмѣтки.

— Ну, вотъ-съ. Значитъ, дѣло улажено!—промолвилъ директоръ, съ видимымъ удовольствіемъ принимаясь за другіе журналы. Остальныя дѣла не вызвали никакихъ споровъ и совѣтъ очень скоро кончился. Акульскій тотчасъ же куда-то шмыгнулъ и скрылся.

Дома Барановъ засталъ Митю, который ждалъ его, чтобы узнать о результатѣ. Не успѣлъ Барановъ сообщить Митѣ, какъ было дѣло, — какъ раздался въ передней звонокъ и въ комнату вбѣжалъ старый учитель словесности, взволнованный и разстроенный.

— Нѣтъ, знаете, повѣрьте мнѣ старику, — говорилъ онъ, — что какъ-то веселѣе стало служить; а то ужъ такъ было скучно, такъ скучно, что иной разъ являлось желаніе повѣситься. Вы не можете себѣ представить, какое удручающее впечатлѣніе производятъ на меня всѣ эти деревянныя души, меланхолически выкуривающія папиросы во время перемѣнъ въ учительской и затѣмъ, какъ заведенныя машины, съ журналами подъ мышкой расползающіяся по классамъ. И удивительно, что вы, Василій Григорьевичъ, раньше казались мнѣ равнодушнѣйшимъ изъ всѣхъ! А вы вотъ какой. Это пріятно... Это очень отрадно. А вы,—обратился онъ къ Митѣ,—должно быть, изъ тѣхъ друзей, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ? Очень пріятно познакомиться!

Скоро пришелъ и Воронинъ и очень смутился, когда, войдя въ комнату, увидѣлъ стараго учителя словесности. Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желалъ тотчасъ же вернуться обратно. Барановъ взялъ его за руку.

— Не смущайтесь, Воронинъ, входите!—сказалъ онъ.

— А, Воронинъ, Воронинъ, — воскликнулъ учитель словесности. — Ну, мы съ Василіемъ Григорьевичемъ ломали за васъ копья и отстояли васъ. Можете успокоить вашихъ товарищей. А вы, говорятъ, необыкновенный эллинистъ? Говорятъ, съ листа читаете какія-то старинныя греческія книжки. А ну-ка удостовѣрьте. Вы не думайте, Василій Григорьевичъ, что я не вѣрю; но лучше, знаете, самому видѣть то, за что стоишь горой.

Воронинъ опять раскрылъ большую книгу и какъ ни въ чемъ не бывало отмахалъ съ листа цѣлую страницу.

— Удивительно, удивительно!—говорилъ старикъ. — До чего можетъ довести угроза единицей. И съ другой стороны—каковъ гусь этотъ Акульскій! Нѣтъ, я, знаете, хотѣлъ бы, чтобы пріѣхалъ на экзаменъ попечитель и чтобы меня назначили ассистентомъ по греческому языку. Я бы ему устроилъ засаду...

Воронинъ ушелъ къ товарищамъ съ радостной вѣстью. Въ этотъ вечеръ Барановъ сдѣлался настоящимъ героемъ среди гимназистовъ и его репутація заступника окончательно установилась.

XII.

Однажды во время экзаменовъ, утромъ, когда Барановъ собирался въ качествѣ ассистента отправиться на экзаменъ, ему сказали, что спрашиваетъ его какой-то человѣкъ. Онъ сперва подумалъ, что не можетъ принять, просилъ сослаться на то, что ему некогда; а затѣмъ ему пришло въ голову, что, можетъ быть, по важному дѣлу, и онъ впустилъ. Вошелъ человѣкъ, котораго онъ съ перваго разу не узналъ, но приглядѣвшись воскликнулъ:

— Батюшки! Монголовъ! Какими судьбами?

У Монголова былъ какой-то запущенный видъ и самъ онъ былъ растрепанный и одѣтъ не важно. Сапоги у него были нѣсколько стоптаны и пиджачная пара сидѣла на немъ угловато. Барановъ по какому-то непонятному первому побужденію радушно пошелъ ему навстрѣчу и расцѣловался съ нимъ, какъ со старымъ товарищемъ.

— Какъ же это вы въ неурочное время? Развѣ у васъ раньше кончились экзамены?—спросилъ Барановъ послѣ того, какъ Монголовъ сѣлъ.

— Какіе тамъ экзамены!—сказалъ Монголовъ.—Я бросилъ, бѣжалъ, просто бѣжалъ.

— Почему?

— Невозможно... Просто невозможно имѣть дѣло съ ними.

— Да что же такое случилось?

— А, долго разсказывать. Одно только скажу: что у кого есть живая душа, тотъ не можетъ быть педагогомъ; но вы спѣшите, такъ идите пожалуйста. Только вотъ что: можно будетъ мнѣ остаться у васъ? Я вѣдь не уплатилъ вамъ еще прежній долгъ! А теперь вотъ опять приходится одолжаться.

— Полноте, какой тамъ долгъ! Конечно, можно! — отвѣтилъ Барановъ. — Вотъ вамъ самоваръ, чай, а я постараюсь скорѣе вернуться. Я вѣдь ассистентомъ сегодня на экзаменѣ, по географіи.

— Велите, пожалуйста, купить булку,—сказалъ Монголовъ,— а то я проголодался.

Барановъ исполнилъ эту просьбу и вышелъ. Онъ ничего не понималъ. Монголовъ, такъ дорожившій мѣстомъ, такъ мечтавшій о спокойной жизни въ качествѣ учителя гимназіи, собиравшійся дѣлать сбереженія, Монголовъ — тихій, незамѣтный, забитый и вдругъ заговорилъ о живой душѣ, о невозможности быть педагогомъ и бѣжалъ изъ гимназіи. Это ему казалось совсѣмъ непонятнымъ.

Онъ былъ очень разсѣяннымъ ассистентомъ по географіи и во все время экзамена думалъ о Монголовѣ, а послѣ экзамена побѣжалъ домой. Гость успѣлъ уже выспаться, и теперь не про-

изводилъ уже впечатлѣнія такой растрепанности. Онъ привелъ себя въ порядокъ.

— Ну, пережилъ я полтора года! — говорилъ онъ.—Не воображалъ, что въ этомъ именно состоитъ педагогическая дѣятельность.

— То-есть въ чемъ? – спросилъ Барановъ.

— Эхъ, вы, конечно, не можете даже и догадываться объ этомъ! У насъ въ провинціи не то, что здѣсь у васъ. Здѣсь высшее начальство по близости, тутъ все же можно поставить на видъ... А у насъ директоръ и инспекторъ все, они и вяжутъ, и рѣшаютъ. Ну, вотъ я человѣкъ, какъ вы знаете, простой, какъ пріѣхалъ, такъ сразу и сблизился съ мальчишками. Я ничего для этого и не дѣлалъ, а просто ихъ повлекло ко мнѣ. Простота должно быть на нихъ такъ подѣйствовала. Ну, и я по простотѣ велъ себя съ ними. Они ко мнѣ стали ходить, сочиняли мы прогулки разныя. И такъ, знаете, безъ всякой задней мысли. Вы же меня знаете, Барановъ. Какія у меня могутъ быть заднія мысли? Ну, а начальство усмотрѣло въ этомъ направленіе. У меня-то направленіе, понимаете? Я никогда и не зналъ, что оно такое, это направленіе! Ну, мнѣ замѣчаніе сдѣлали, а мальчишекъ моихъ въ карцеръ посадили. Понятно, я обидѣлся. А у директора, знаете ли, по субботамъ тамъ журфиксы бываютъ. Я хаживалъ туда, но потомъ, какъ меня заподозрѣли въ заднихъ мысляхъ и я обидѣлся, то я и не сталъ ходить больше. Ну, вотъ вамъ, ужъ, кажется, журфиксъ — частное дѣло; а вообразите, объявили, что я этимъ выражаю протестующее направленіе! Словомъ, начали изъѣдать меня. Но я терпѣлъ, я все терпѣлъ. Думаю, такая уже моя должность. Пускай они меня изъѣдаютъ, а я буду себѣ существовать. Но недавно вышелъ случай. Случай удивительный, прямо сказочный. Гимназистикъ шестого класса катался на лодкѣ со своей знакомой гимназисткой. Дѣло было, подъ вечеръ, въ праздникъ. Проходилъ по берегу надзиратель и увидалъ; сейчасъ, разумѣется, донесъ инспектору, инспекторъ директору, а директоръ совѣту. И что же вы думаете? Увидѣли въ этомъ развращенность. Ну и приговорили къ исключенію. Я молчалъ, молчалъ, да вдругъ что-то на меня нашло; я взялъ да и выпалилъ. Милостивые, говорю, государи! Въ томъ фактѣ, что юный гимназистъ катался на лодкѣ съ юной гимназисткой вы увидѣли развращенность, а по моему развращенность не въ этомъ, а въ вашемъ собственномъ воображеніи; и если вы не можете сей простой и естественный фактъ объяснить порядочно, то это оттого, что у васъ у самихъ скверное и развращенное воображеніе, съ каковымъ и имѣю честь васъ поздравить. Всѣ вскочили. Что такое? Оскорбленіе, молъ, совѣта въ полномъ составѣ и при исполненіи обязанностей. Директоръ

*

обидѣлся, а за нимъ, разумѣется, и всѣ остальные. Ужъ это такъ полагается. Ну, что же мнѣ оставалось дѣлать? Я взялъ да и подалъ въ отставку. И такой случай проклятый вышелъ, что было это какъ разъ за три дня до двадцатаго числа, то-есть до полученія жалованья. Разумѣется, оставалось только наплевать. Вотъ я и пріѣхалъ сюда.

— А ученика исключили?—спросилъ Барановъ.

— Обязательно. Какъ же, помилуйте, развращенность. Еще, пожалуй, совращеніе гимназистки... Только, знаете, Барановъ, я этого такъ не оставлю; завтра пойду по начальству. Самъ о себѣ просить не буду, чортъ съ ними. Не могу я служить на этомъ поприщѣ. Вѣдь на каждомъ шагу то и дѣло кого-нибудь задавишь или столкнешь въ воду. Лучше ужъ я въ акцизъ пойду или въ писцы. Или хоть въ золоторотцы, чортъ возьми...

Монголовъ негодовалъ. Не было въ немъ теперь ни прежней тихости, ни покорности судьбѣ. Барановъ разсказалъ ему и свои приключенія, бывшіе въ этомъ году. И между прочимъ вспомнилъ объ учителѣ словесности, у котораго были кое-какія связи.

— Если вы дѣйствительно хотите хлопотать, — сказалъ онъ Монголову,—такъ лучше сперва поговорить съ нимъ, онъ научитъ.

Монголовъ согласился и они, чтобы не терять времени, тотчасъ же пошли вмѣстѣ. Старикъ жилъ съ семьей. У него была тѣсная квартира, состоявшая изъ нѣсколькихъ маленькихъ комнатъ. Онъ принялъ ихъ въ миніатюрномъ кабинетѣ. Онъ очень обрадовался Баранову и съ недоумѣніемъ взглянулъ на Монголова. Повидимому, его наружность не особенно понравилась ему. Но Василій Григорьевичъ объяснилъ, зачѣмъ они пришли.

— Это будетъ очень трудно,—сказалъ старикъ.—Трудно тутъ чего-нибудь добиться. Не любятъ они, когда возбуждаются такія дѣла. Спятъ они и предпочитаютъ спать. Любятъ они, чтобы все было шито-крыто. Но все-таки надо попробовать, надо ломиться въ запертую дверь и я вамъ совѣтую завтра не ходить; сперва я попробую частнымъ образомъ. А все-таки пріятно, что попадаются и въ нашемъ дѣлѣ живые люди, хоть изрѣдка. Не все одни Акульскіе. Думаете ли вы,—спросилъ онъ Монголова,— просить себѣ мѣсто въ другой гимназіи?

— Нѣтъ,—слазалъ Монголовъ,—я хочу совсѣмъ оставить это поприще.

— Вотъ и жаль, что чуть случится хорошій человѣкъ, сейчасъ уходитъ отъ насъ. Въ каждой гимназіи долженъ быть хоть одинъ такой человѣкъ. Хоть и господствуетъ у насъ равнодушіе, а все-таки нѣтъ-нѣтъ да и задѣнетъ кого-нибудь за живое. Я пойду, но, признаться, не обѣщаю вамъ успѣха. Мало надежды. Вѣдь всю жизнь приходится лавировать; такъ, знаете, вскипишь,

покипятишься да и махнешь рукой. Семья у меня. Иной разъ какъ будто готовъ и на проломъ пойти, да вспомнишь, что кормить ихъ надо... Ну-съ, такъ уже вы не торопитесь.

Они обѣдали у Аргуниныхъ. У Варвары Өедоровны тоже на дняхъ долженъ былъ состояться экзаменъ въ школѣ. Но ее это не безпокоило.

Здѣсь съ большимъ любопытствомъ выслушали разсказъ Монголова и съ удивленіемъ смотрѣли на него. Въ наружности его не было ничего такого, что подтверждало бы его образъ дѣйствій.

— Откуда у васъ взялась такая рѣшимость?—спросила его Варя.

— Да видите ли,—отвѣтилъ Монголовъ,—должно быть, это оттого, что я изъ семинаристовъ. Я прошелъ суровую школу и мнѣ не такъ страшна перспектива лишеній. Вѣдь большею частью отчего люди молчатъ и поджимаютъ хвосты? Боятся лишеній. Есть люди съ хорошимъ сердцемъ. Я самъ видѣлъ ихъ. Но какъ только услышатъ запахъ предстоящихъ лишеній, такъ сейчасъ и на попятный. А я вѣдь привыкъ къ нимъ.

Барановъ помѣстилъ его у себя. Өедоръ Өедоровичъ взялся искать ему мѣста. На другой день учитель словесности надѣлъ фракъ и поѣхалъ куда слѣдуетъ. Знакомый, съ которымъ онъ долженъ былъ говорить, не принадлежалъ къ самой высшей сферѣ учебнаго начальства, но, тѣмъ не менѣе, былъ вліятельнымъ лицомъ. У него была репутація добраго, но сдержаннаго, осторожнаго человѣка.

И вотъ старый учитель словесности пріѣхалъ прямо къ Баранову послѣ своего визита и видъ у него былъ такой, что сразу можно было предсказать неудачу.

— Да, батенька, трудно расшевелить ихъ,—говорилъ старикъ. Поютъ они все одну и ту же пѣсню. Дескать такихъ случаевъ каждый годъ бываетъ сотня. Гдѣ тутъ со всѣми ними разобраться! Что, молъ, все зависитъ отъ точки зрѣнія мѣстнаго начальства гимназическаго, ну, а какъ, молъ, перемѣнить точку зрѣнія? Вотъ вы, говоритъ, думаете, что это было невинное развлеченіе, а они утверждаютъ, что развратъ. Что вы на это имъ отвѣтите? Чтобы вы имъ ни сказали, они будутъ твердить свое. Мы, молъ, тутъ на мѣстѣ, намъ виднѣе.

— Но вѣдь могутъ назначить слѣдствіе!—сказалъ Монголовъ.

— А на это они отвѣчаютъ: что же мы по каждому отдѣльному случаю будемъ назначать слѣдствіе? Вѣдь это невозможно.

— Но за что же будутъ гибнуть молодые люди? Вѣдь, кажется, самое основное правило: никто не долженъ погибнуть безвинно.

— Да, конечно, это правило очевидно для насъ, но не для

всѣхъ же. А можетъ быть, кто-нибудь думаетъ: pereat mundus, fiat justitia, а юстицію чортъ его знаетъ, какъ онъ понимаетъ. Но во всякомъ случаѣ обѣщалъ найти моментъ и поговорить. Но я, какъ опытный человѣкъ, прямо напередъ вамъ говорю: ничего изъ этого не выйдетъ. Когда говорятъ—надо найти моментъ и проч., такъ это дѣло плохо.

— Такъ что вы полагаете, что не стоитъ и хлопотать?— спросилъ Монголовъ.

— Нѣтъ, стоитъ. Вамъ это удобнѣе сдѣлать, чѣмъ мнѣ, потому что вы уже въ отставкѣ и служить по учебной части не собираетесь. Они не любятъ, когда свои вмѣшиваются въ такія дѣла, а къ постороннимъ относятся внимательнѣе.

— Ну и пойду, и буду добиваться. Чѣмъ я рискую въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ Монголовъ.

— Да, вы, конечно, ничѣмъ не рискуете; а мнѣ, старику, надо еще много лѣтъ бѣгать по урокамъ. Мнѣ надо кормить семью.

Монголову нуженъ былъ фракъ. Таковаго не оказалось ни у Баранова, у котораго вся одежда была форменная, ни у Ѳедора Ѳедоровича, ни у Мити. Но Ѳедоръ Ѳедоровичъ досталъ ему гдѣ-то на прокатъ, за четыре рубля. Просили семь, но онъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, выторговалъ. И Монголовъ пошелъ хлопотать.

Онъ вернулся съ довольно мрачнымъ видомъ.

— Что? Не приняли?—спросилъ его Барановъ.

— Нѣтъ, принять приняли, ничего. Только когда узнали, что я не по своему, а по чужому дѣлу, посмотрѣли на меня, какъ на прокаженнаго. Съ какой стати вамъ, говоритъ, хлопотать по чужому дѣлу? И всѣ ужасно искренно удивлены, что вотъ явился человѣкъ, который хлопочетъ не по своему, а по чужому дѣлу. Однимъ словомъ вижу, что ничего изъ этого не выйдетъ.

— Что же, вы рѣшили плюнуть?

— Да что-жъ остается? У меня теперь такое ощущеніе, какъ будто я зарѣзалъ гимназиста и гимназистку.

Май приходилъ къ концу. Однажды Ѳедоръ Ѳедоровичъ явился съ радостнымъ извѣстіемъ, что онъ нашелъ Монголову мѣсто въ акцизѣ по сорока рублей въ мѣсяцъ и съ обѣщаніемъ черезъ три мѣсяца небольшой прибавки и вообще съ движеніемъ.

— Тамъ теперь дорожатъ людьми съ университетскимъ дипломомъ!—прибавилъ онъ.—И зачѣмъ это имъ? Измѣрять градусы! Развѣ для этого нуженъ дипломъ?

Наступило время для рѣшенія дачнаго вопроса. Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже съѣздилъ на старое мѣсто. Дача оказалась свободной. Пригласили Монголова, но онъ отказался. На сорокъ рублей

трудно каждый день ѣздить по желѣзной дорогѣ въ городъ. Онъ обѣщалъ пріѣзжать часто въ гости.

Онъ поступилъ на службу, взялъ миніатюрную комнату въ пятомъ этажѣ и началъ исправно ходить въ канцелярію. Скоро онъ совершенно утратилъ видъ негодующаго человѣка и сдѣлался аккуратнымъ чиновникомъ, по прежнему скромнымъ и тихимъ. Очевидно, это въ немъ была вспышка.

Аргунины первые переѣхали на дачу; а потомъ, когда у него кончились экзамены, дня черезъ три, къ нимъ присоединился и Барановъ. Онъ, между прочимъ, везъ съ собой цѣлую библіотеку. Тамъ были и старыя лекціи, и вновь пріобрѣтенныя книги и все это онъ собирался вновь проштудировать лѣтомъ.

Опять въ ихъ распоряженіи былъ лѣсъ и маленькій палисадникъ, гдѣ они копали гряды и сѣяли редиску. Всѣ дѣлалось также, какъ и въ прежніе годы, но было и что-то совсѣмъ новое во во всемъ этомъ. Факты были прежніе, но явились новыя отношенія.

Нѣкоторое время Монголовъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе семьи Аргуниныхъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ отнесся къ нему съ своей обычной пылкостью, которую никогда не могъ хорошенько мотивировать. Вся исторія, случившаяся съ Монголовымъ въ провинціи и заставившая его бросить мѣсто и пріѣхать въ Петербургъ, вызвала въ немъ чувство невольнаго уваженія. И онъ постоянно говорилъ о Монголовѣ.

— Нѣтъ, вотъ человѣкъ... Нѣтъ, что тамъ ни говори, а есть-таки люди... И не видно ничего такого въ немъ особеннаго, а поди—на что способенъ.

Варю онъ тоже интересовалъ, но съ особой точки зрѣнія. Она сравнивала его съ прежнимъ Барановымъ и ей казалось страннымъ, что Барановъ, на котораго и она, и Митя, и окружающая обстановка всячески вліяли, будили въ немъ уснувшую душу, такъ долго оставался равнодушнымъ, между тѣмъ Монголовъ самъ, безъ всякаго вліянія, оказался способнымъ чуть не на подвигъ. Митя увлекался имъ просто потому, что онъ вообще былъ склоненъ къ увлеченію. Онъ постоянно разыскивалъ какой-нибудь предметъ, который безсознательно преувеличивалъ и носился съ нимъ.

Митя часто заходилъ къ Монголову. У него еще остались уроки въ Петербургѣ, поэтому онъ ѣздилъ сюда съ дачи чуть не каждый день. А по воскресеньямъ Монголовъ пріѣзжалъ на дачу и между нимъ и семействомъ Аргуниныхъ въ первое время установились странныя отношенія. Въ поведеніи Монголова не было рѣшительно ничего такого, что заставляло бы ждать чего-нибудь отъ него, а между тѣмъ всѣ ждали отъ него чуть не откровенія. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, у котораго какъ

будто есть что сказать, но онъ до поры до времени скрываетъ. Дѣлалъ онъ это помимо своей воли и даже, кажется, не подозрѣвалъ, что на него такъ смотрятъ.

Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ обнаруживалось, что Монголовъ, дѣйствительно, ничего не собирался открывать. Митя всякій разъ, когда посѣщалъ его, убѣждался въ томъ странномъ явленіи, что Монголовъ рѣшительно ничѣмъ не интересуется. Казалось, всевозможные теоретическіе вопросы и даже сама жизнь, которая текла вокругъ него, его совершенно не касались. Митя пробовалъ его и съ той, и съ другой стороны, всячески старался задѣть его, вызвать въ немъ откликъ на различные вопросы, которые его самого волновали, но Монголовъ оставался равнодушнымъ.

О чемъ бы ни заговорилъ съ нимъ Митя, онъ отвѣчалъ какъ-то черезчуръ кратко, неопредѣленно, какъ человѣкъ, для котораго всякое дѣло—чужое, и смотрѣлъ съ уныніемъ и скукой. И разговоръ самъ собою прекращался. Всегда стоило большихъ усилій продолжать его.

То же самое было и въ тѣхъ случаяхъ, когда Монголовъ пріѣзжалъ на дачу; большею частью онъ молчалъ и глаза его при этомъ смотрѣли добродушно, спокойно, видимо изобличая довольную душу. Если же онъ говорилъ, то просто разсказывалъ какіе-нибудь случаи изъ своей жизни, которые казались ему интересными, а въ сущности даже и не стоили того, чтобы ихъ разсказывать. Иногда онъ припоминалъ старые анекдоты и передавалъ ихъ не смѣшно. Вообще, это былъ человѣкъ глубоко неинтересный.

И образъ жизни его былъ тоже какой-то тусклый и сѣрый. Во всемъ онъ проявлялъ скромность, умѣренность, бережливость. Правда, жалованье, которое онъ получалъ, не давало ему возможности раскутиться, но онъ, повидимому, никогда и не желалъ бо́льшаго, а совершенно спокойно довольствовался малымъ.

Наконецъ, всѣ пришли къ заключенію, что отъ него совершенно напрасно ждали чего-то особеннаго, что это человѣкъ незначительный, и тѣмъ болѣе удивлялись, что съ нимъ могла произойти такая исторія.

— Какъ странно—нерѣдко говорили у Аргуниныхъ за обѣдомъ,—что такой неразвитой, туповатый человѣкъ и вдругъ оказался такимъ отзывчивымъ... Это просто какая-то загадка!

— Эхъ, какая тутъ загадка,—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—просто, значитъ, у него душа есть, вотъ и все.

И мало-по-малу имъ совсѣмъ перестали интересоваться; когда онъ пріѣзжалъ, то на него смотрѣли, какъ на привычную фигуру, на которую не обращали особеннаго вниманія. А онъ совершенно былъ доволенъ этимъ, такъ какъ все же у него было мѣсто, гдѣ

онъ могъ отдыхать отъ скучныхъ трудовъ на своей должности. Однажды въ августѣ онъ пріѣхалъ на дачу ликующій и весело объявилъ, что ему дали прибавку. Прибавка была не велика, всего на какихъ-нибудь двадцать рублей въ мѣсяцъ, но она вызывала въ немъ искреннюю радость, которую онъ выражалъ въ теченіе цѣлаго дня, постоянно возвращаясь къ этому предмету. Казалось, она наполняла все его существо.

Жизнь его окончательно вошла въ колею и онъ сдѣлался усерднѣйшимъ акцизнымъ чиновникомъ. Служебная дѣятельность совершенно наполняла его жизнь и душа его, о которой говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, не предъявляла никакихъ протестовъ и запросовъ и была совершенно довольна своимъ существованіемъ.

Несомнѣнно, это была душа небольшого калибра и такими душами полонъ міръ. Онѣ могутъ прожить цѣлую жизнь, ничѣмъ не проявляя себя, довольныя своимъ сѣрымъ жалкимъ существованіемъ. Какой-нибудь случай вдругъ затронетъ никогда не звучавшія струны въ ихъ глубинѣ и тогда точно происходитъ чудо, они воспламеняются дѣлаются способными на большія дѣла.

Барановъ теперь велъ образъ жизни, совсѣмъ не похожій на прежній. Въ прежнее время въ дачные мѣсяцы онъ отказывался отъ какой бы-то ни было работы, проводилъ все время въ гуляньи по лѣсу, въ ловлѣ рыбы, копаніи огорода или просто сидѣніи на крыльцѣ въ бесѣдѣ съ Ѳедоръ Ѳедоровичемъ и Марьей Петровной. Теперь онъ старался не потратить даромъ лишняго часа и его нужно было упрашивать, чтобы онъ присоединился къ какой-нибудь прогулкѣ, выдуманной Митей или Варей.

Онъ занималъ двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ дачи. Митя тутъ же жилъ въ третьей. И вѣчно его можно было видѣть погруженнымъ въ изученіе какой-нибудь книги. На дачѣ довольно рано ложились спать, но у Баранова въ комнатѣ виденъ былъ свѣтъ далеко за полночь. Книга за книгой перекладывались съ одного подоконника на другой. На первомъ лежали всѣ тѣ, которыя онъ привезъ съ собой изъ Петербурга, а на второй попадали только прочитанныя. Иногда онъ цѣлые часы сидѣлъ надъ тетрадью, въ которой что-то писалъ. Онъ дѣлалъ это послѣ каждой книги, стараясь получше осмыслить прочитанное.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ негодовалъ на него за это.—Ну, что это ты точно къ экзаменамъ готовишься!—говорилъ онъ.

— Да, вѣдь мнѣ дѣйствительно предстоитъ экзаменъ и притомъ самый страшный,—отвѣчалъ Барановъ.—Вѣдь теперь на мнѣ будетъ огромная отвѣтственность, съ меня теперь спросятъ, отъ меня ждутъ... Прежде, когда ко мнѣ относились, какъ ко всѣмъ другимъ, всякое живое слово, сказанное мной, уже зачислялось мнѣ въ плюсъ. А теперь уже словами не отдѣлаешься, нужны

настоящія знанія, нужно и освѣтить ихъ, словомъ нужно много, очень много...

И онъ какъ-то слабо участвовалъ въ той жизни, которая кипѣла вокругъ него. Когда за столомъ велся какой-нибудь общій разговоръ, у него были такіе глаза, точно онъ виталъ гдѣ-то вдали. Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ онъ теперь совсѣмъ рѣдко разговаривалъ, потому что Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ не компетентенъ въ томъ предметѣ, который всего его охватывалъ; а съ Варей и Митей, о чемъ бы ни заговорили, онъ непремѣнно въ концѣ концовъ, сбивался на исторію.

И странно,—они съ Варей теперь точно помѣнялись ролями. Варя смотрѣла на него съ изумленіемъ. Прежде она избѣгала малѣйшаго повода для близости съ нимъ. А когда они оставались вдвоемъ, онъ непремѣнно заговаривалъ о своемъ чувствѣ. Теперь онъ никогда не говорилъ о чувствѣ, никогда даже не говорилъ о ней. Правда онъ постоянно искалъ случая быть съ нею, но какъ будто бы единственно для того, чтобы получше при ея помощи усвоить прочитанное.

Варя, можетъ быть, и не хотѣла этого, но какъ-то помимо ея воли такое отношеніе обижало ее. Увлеченіе исторіей казалось ей нѣсколько преувеличеннымъ. Но она ни разу не высказала ему этого.

Однажды они гуляли въ лѣсу и довольно долго уже шли по узкой лѣсной дорогѣ, направляясь къ своей дачѣ. Барановъ по обыкновенію перевелъ разговоръ на исторію и говорилъ уже съ полчаса и при этомъ вовсе даже не смотрѣлъ на Варю, и это имѣло такой видъ, будто онъ повторялъ выученный урокъ. Если бы онъ взглянулъ на нее, то увидѣлъ бы, что въ глазахъ ея была какая-то хмурость.

Продолжая свою рѣчь, онъ задалъ ей какой-то вопросъ, но Варя не отвѣтила.

— Вы, кажется, не слушаете?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я слушаю, но...

Она остановилась, но онъ замѣтилъ, что у нея было что сказать и что она нарочно прервала свою рѣчь. Онъ взглянулъ на нее и сразу разглядѣлъ странное выраженіе ея глазъ.

— Вы чѣмъ-то недовольны, Варвара Ѳедоровна?

— Не недовольна, а не понимаю!—отвѣтила Варя.—Послѣднее время, Василій Григорьевичъ, я для васъ совсѣмъ какъ будто не существую... Развѣ это не такъ?

Барановъ вдругъ покраснѣлъ и началъ усиленно тереть лобъ рукой, какъ будто стараясь придумать какое-нибудь объясненіе или извиненіе.

— Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь правда можно такъ подумать,—

сказалъ онъ,—но это только по внѣшности. Я сейчасъ объясню вамъ. У меня еще нѣтъ подходящихъ словъ, но я чувствую. Видите ли, если бы я вамъ сказалъ, что отношусь къ вамъ такъ, какъ прежде, то это была бы неправда.

Варя подняла на него вопросительный взоръ и ждала дальнѣйшаго объясненія.

— Прежде вы были для меня существо, которое я любилъ, но все-таки вы были нѣчто отдѣльное отъ меня, то-есть, я такъ мыслялъ васъ... а теперь я чувствую, какъ будто душа моя слилась съ вашей, какъ будто наступило какое-то тожество. Вотъ у меня есть задача; но вѣдь она пришла ко мнѣ отъ васъ. Вы толкнули меня на нее, вы вызвали во мнѣ новое сознаніе, новыя чувства, вы переродили мою душу, она теперь не та, она совсѣмъ новая, и во всемъ вы теперь со мной, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ моемъ дѣйствіи я чувствую васъ. Если бы вы мнѣ сказали: нѣтъ, я этого не хочу... я этого не раздѣляю, это заблужденіе; то, знаете ли, можетъ быть, все кончилось бы и я погибъ бы. Вы понимаете ли это? Но вы этого не скажете?

— Нѣтъ, не скажу, Василій Григорьевичъ.

— Ахъ, Варя... Я дѣйствительно не думалъ объ этомъ. Но это просто потому, что въ душѣ моей даже не было такого вопроса. Но вѣдь вы же для меня все, вы для меня источникъ свѣта, безъ васъ я и до сихъ поръ блуждалъ бы въ темнотѣ, былъ бы деревянной душой, которую всѣ презираютъ и которую я самъ теперь презираю. Я до сихъ поръ не стоилъ васъ, а теперь стараюсь заслужить. И какъ вы думаете, заслужу я?

Варя взяла его подъ руку и ближе прижалась къ его рукѣ и они пошли рядомъ. Она не отвѣтила на его вопросъ и онъ больше не спрашивалъ. Онъ почувствовалъ этотъ отвѣтъ и безъ словъ и онъ испытывалъ какое-то новое чувство блаженства, которое говорило ему что то о большомъ счастьѣ въ будущемъ.

А Варя изумлялась своему чувству. Откуда оно пришло? Прежде, какъ ни старалась она убѣдить себя въ томъ, что можетъ полюбить Баранова, ничего не находила въ своей душѣ, кромѣ жалости къ нему, дружескаго желанія помочь ему, ободрить его въ минуты унынія и вдругъ на смѣну всему этому явилось пылкое, горячее, страстное желаніе близости.

Такъ они шли молча, пока не кончился лѣсъ и не началась широкая дорога, которая вела прямо къ ихъ дачѣ. Они ни слова не сказали о своемъ чувствѣ, но развѣ это не было объясненіе, которое сдѣлало для нихъ все понятнымъ?

Барановъ пришелъ къ себѣ наверхъ и хотѣлъ, было, заниматься своимъ обычнымъ дѣломъ, но тотчасъ же отодвинулъ книгу. Ничто не шло ему на умъ. Кровь кипѣла въ немъ, ощущеніе

близкаго счастья, того счастья, котораго всегда такъ жаждала его душа, охватило его, и не только въ этотъ день, но и долго еще послѣ этого онъ никакъ не могъ вернуться къ прежнимъ занятіямъ.

Онъ ходилъ радостный, въ глазахъ его часто выражалось проявленіе какого-то безумнаго счастья, онъ звонко смѣялся и заражалъ всѣхъ своей веселостью.

— Что съ вами сдѣлалось, Василій Григорьевичъ?—спросилъ его однажды Митя, когда они оба были наверху.—Васъ теперь какъ-то не поймешь. Вы точно въ лихорадкѣ.

Барановъ разсмѣялся.

— Я женюсь, Митя, развѣ вы не знаете?—отвѣтилъ онъ.—Да, я женюсь.

Митя посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Женитесь? На комъ же и когда?

— Ну, да, женюсь, на Варѣ, на вашей сестрѣ!—по прежнему смѣясь, сказалъ Барановъ.

— Да?

— Вы удивлены?

— Нисколько. Я нахожу это въ порядкѣ вещей и только удивлялся, что этого давно не случилось. Такъ именно и должно быть. Значитъ, она, наконецъ, согласилась; это у васъ рѣшено?

— Признаться, я еще не говорилъ объ этомъ съ Варварой Ѳедоровной.

— Но какъ же такъ?

— Но думаю, что это такъ и есть.

— Однако, вы оба чудаки, какъ погляжу.

И за первымъ же обѣдомъ Митя прямо обратился къ сестрѣ.

— Я слышалъ новость, Варя, будто ты выходишь замужъ за Василія Григорьевича.

Варвара Ѳедоровна вопросительно взглянула на Баранова.

— Это вы сказали, Василій Григорьевичъ?—спросила она.

— Да.

— Значитъ, вы дѣлаете мнѣ предложеніе?

— Торжественное!—отвѣтилъ Барановъ.

— Ну, что жъ, приходится принять его.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ вскочилъ съ мѣста и началъ радостно восклицать какія-то многозначительныя слова, не заключавшія, впрочемъ, въ себѣ глубокаго смысла.

— Вотъ радость-то! вотъ счастье-то! вотъ истинный праздникъ!

А затѣмъ бросился къ Баранову и началъ цѣловать его.

— Всегда считалъ тебя роднымъ, Василій Григорьевичъ, а теперь вотъ по настоящему, значитъ, породнимся.

Это было въ началѣ августа. Но наступило время переѣзда

съ дачи въ городъ и тутъ вдругъ неожиданно явились новыя обстоятельства, которыя, какъ казалось, должны были все перевернуть вверхъ дномъ.

XIII.

Въ веселомъ настроеніи переѣхали Аргунины въ городъ. Тотчасъ же начали строить широкіе планы относительно будущаго. Безъ сомнѣнія, молодые супруги (ихъ ужъ иначе себѣ и не представляли) будутъ жить вмѣстѣ съ ними. Но квартира при школѣ слишкомъ мала и тогда она уже сдѣлается недостаточной. И вотъ ломали головы, какъ обойти это препятствіе.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ свойственной ему изобрѣтательностью и тутъ нашелъ исходъ. Онъ навелъ справки у дворниковъ и сдѣлалъ открытіе, что рядомъ съ школой есть квартира, которую занимаютъ жильцы, но срокъ имъ истекаетъ черезъ два мѣсяца.

— Ну, вотъ, значитъ мы и возьмемъ эту квартиру! — сказалъ онъ.

— А жильцы?—спросили его.

— А жильцы найдутъ другую.

— Но, однако, нельзя же выгонять людей.

— Зачѣмъ же выгонять? Мы ихъ попросимъ. Я самъ даже возьмусь имъ квартиру сыскать, если ужъ на то пошло, и найду получше и подешевле. Ужъ я на это душу положу. Надо будетъ поговорить и съ ними и съ домовладѣльцемъ. Это я все сдѣлаю заранѣе. И тогда мы просто продѣлаемъ дверь вотъ тутъ въ стѣнѣ и будетъ большая квартира.

— Да, можетъ быть, мы и такъ помѣстимся какъ-нибудь!— сказалъ Барановъ.

— Ну, нѣтъ. Гдѣ жъ таки! Да и къ чему вамъ тѣсниться? У тебя жалованье хорошее, ты можешь разориться на квартиру. Дѣло ваше молодое, вамъ нужна свобода, вы должны быть у себя дома, а не то, что у всѣхъ постоянно на глазахъ. Ну, однимъ словомъ, это дѣло мы обдѣлаемъ.

У Вари въ школѣ скоро начались занятія, а у Баранова пріемные экзамены и передержки. Онъ теперь каждый день бывалъ у Аргуниныхъ, проводилъ тамъ почти все свое время и сдѣлался окончательно своимъ человѣкомъ. Съ Митей онъ сблизился еще больше и они незамѣтно перешли на ты.

А однажды Варя сказала ему:

— Давайте, Василій Григорьевичъ, и мы будемъ говорить другъ другу ты!

Сказала она это такъ просто, что Василію Григорьевичу даже не пришлось смущаться; онъ также просто согласился и они

стали говорить другъ другу ты. Никому и въ голову не приходило, что можетъ произойти перемѣна и что эти блестящіе планы внезапно разрушатся!

Однажды пришла къ Варѣ подруга ея, Васильева. У нея была школа на Петербургской Сторонѣ. Она нашла, что Варя какъ-то замѣтно оживилась по сравненію съ прежними годами. Варя тотчасъ же начала ей разсказывать свои планы о расширеніи квартиры, о заговорѣ противъ сосѣдей и о другихъ предстоящихъ перемѣнахъ.

— Зачѣмъ же это? — съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросила Васильева.—Развѣ вамъ здѣсь тѣсно?

— Ахъ, да, я забыла вамъ сказать самое главное. Вѣдь, я выхожу замужъ.

— Замужъ?

— Ну, да, что же васъ тутъ удивляетъ?

— Да ничего. Но только какъ же эти планы?..

— А что же? Развѣ нельзя строить плановъ?

— Да вѣдь тогда вамъ совсѣмъ придется перемѣнить квартиру.

— Зачѣмъ же?

— Потому что съ замужествомъ вы должны будете оставить школу.

— Что вы? Съ какой это стати?

— Да ужъ это такъ, увѣряю васъ. Вотъ у меня подруга, Еленьева. Да вы ее знаете немножко. У нея была школа на Васильевскомъ Островѣ и она вышла замужъ, такъ сейчасъ же должна была передать другой.

— Да почему же это? Что это, законъ такой есть, что ли?

— Нѣтъ, закона такого нѣтъ. А просто такого взгляда держатся люди, которые завѣдуютъ школами.

— Но, это нелѣпость!—горячо возразила Варя.—Оттого, что я выйду замужъ, я не стану хуже учить и не перестану любить свое дѣло. Это совсѣмъ какое-то варварское правило.

— Можетъ быть, и такъ, но что подѣлаете, когда такое правило существуетъ! Еленьева вышла за бѣднаго человѣка и для нея школа была бы большимъ подспорьемъ, а между тѣмъ все-таки пришлось оставить.

— Но не можетъ быть, чтобы это было ужъ такое незыблемое правило, противъ котораго нельзя было бы спорить.

— Говорятъ, что ни для кого не дѣлаютъ исключенія. Да вы лучше всего пойдите и поговорите. Завѣдующій школами очень любезный человѣкъ, онъ всѣхъ принимаетъ и выслушиваетъ.

Вечеромъ Варя сообщила объ этомъ своимъ и Баранову, который былъ у нихъ. Но никто не захотѣлъ отнестись къ этому серьезно. Въ особенности Барановъ отнесся къ сообщенію Вари

чрезвычайно легко, какъ будто совсѣмъ не видѣлъ въ этомъ препятствія для предстоящаго брака. Вообще ему казалось, что нѣтъ такого препятствія, которое онъ не сломилъ бы. Слишкомъ ужъ онъ сроднился съ своею мыслью, съ Варей и со всѣми родными ея.

— Но право же это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить!—сказалъ онъ.—Если даже и есть такое правило, такъ оно шуточное...

Утромъ Варя рѣшила пойти къ завѣдующему и поговорить съ нимъ. Чего раньше никогда съ нею не бывало, она на этотъ разъ даже позволила себѣ проманкировать школой часа на два. Уходя, она дала работу дѣтямъ и обѣщала скоро вернуться.

Завѣдующій школами принималъ посѣтителей съ десяти часовъ. Пріемъ у него былъ въ зданіи думы. Варѣ пришлось съ полчаса подождать. Наконецъ, ее приняли.

Это былъ молодой еще человѣкъ, очень любезный, съ наружностью, располагающей въ его пользу. Онъ попросилъ Варю садиться.

— Вы наша учительница. Я всегда къ услугамъ учительницъ!—предупредительно сказалъ онъ и спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Да вотъ, видите ли, я выхожу замужъ,—сказала Варя,—такъ вотъ пришла съ вами посовѣтоваться...

— Такъ вы подайте заявленіе, это очень просто дѣлается!—отвѣтилъ завѣдующій.

— Для чего?—спросила Варя.

— Для того, чтобы мы вó-время могли передать вашу школу другой. Школа не должна оставаться ни одного дня безъ учительницы.

— Значитъ, я должна непремѣнно потерять школу?

— О, да, это ужъ обязательно.

— Но почему же? Вѣдь я не перестану также усердно заниматься школой, какъ и прежде.

— Безъ сомнѣнія. Можетъ быть, даже и усерднѣе станете. Но дѣло въ томъ, что у насъ множество кандидатокъ, которыя ждутъ по годамъ. Вы выйдете замужъ, вѣроятно, за человѣка, такъ или иначе обезпеченнаго: по всей вѣроятности у него есть свой заработокъ. Словомъ, замужество васъ обезпечиваетъ.

— Да, я выхожу за учителя гимназіи.

— Ну, вотъ видите; значитъ вы, выйдя замужъ, уже не будете нуждаться, и это слава Богу, я только могу порадоваться этому; а другой, быть можетъ, нуженъ кусокъ хлѣба.

— Значитъ, вы смотрите на школу, какъ на кусокъ хлѣба?.. Какъ на способъ дать заработокъ?

— Нѣтъ, конечно, школа, это есть школа, это не подлежитъ сомнѣнію. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно

даетъ заработокъ; для учащихся въ школахъ это есть разсадникъ, такъ сказать, просвѣщенія, а для учащихъ—это есть способъ заработать жалованье и квартиру.

— Но, помимо этого, есть еще призваніе!—возразила Варя.—Я чувствую призваніе къ школьному дѣлу, я люблю его, я занимаюсь имъ съ любовью. Неужели это совсѣмъ не принимается въ разсчетъ?

— Очень даже принимается и мы это цѣнимъ и поощряемъ. Но почему же вы думаете, что всякая другая, которая будетъ послѣ васъ, не также точно любитъ школьное дѣло и не будетъ заниматься съ любовью? Я думаю, что нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ этомъ.

— Значитъ, ни при какихъ условіяхъ я не могу оставить за собой школу?—спросила Варя.

— При единственномъ условіи, что вы не выйдете замужъ. Вотъ вы и рѣшите: если вы придете къ мысли выходить замужъ, то попрошу васъ подать заявленіе. Это совершенно необходимо для насъ.

— И это заявленіе будетъ моимъ отказомъ отъ школы?

— Вамъ отказываться незачѣмъ. Это уже само собой разумѣется.

Варя ушла послѣ этой аудіенціи съ мрачнымъ лицомъ. Она прямо явилась въ школу и начала заниматься съ учениками. Марья Петровна, отворявшая ей дверь, видѣла, что на лицѣ ея нѣтъ никакихъ признаковъ чего-либо утѣшительнаго, но не рѣшилась спросить. Она слегка побаивалась говорить съ дочерью.

Только за обѣдомъ Варя сообщила о своемъ разговорѣ съ завѣдующимъ.

— Ну и Богъ съ ними,—сказалъ Барановъ.— Эка важность! и безъ нихъ обойдемся.

— А знаешь, Варя,—промолвилъ Өедоръ Өедоровичъ, — я даже нахожу это справедливымъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, ты, когда выйдешь замужъ, не будешь уже нуждаться, а другія вонъ по нѣсколько лѣтъ ждутъ очереди; можетъ быть, иной и кушать нечего. Такъ отчего же и ей не покормиться?

— Понятно, такъ,—согласился Барановъ,—всѣмъ надо кормиться. А мы наймемъ общую квартиру побольше и будемъ жить въ ней всѣ вмѣстѣ. Вотъ мнѣ предлагали еще нѣсколько уроковъ въ одной частной женской гимназіи. Я возьму ихъ и это увеличитъ мой заработокъ въ полтора раза по крайней мѣрѣ. И право, у насъ будетъ масса денегъ. Намъ на все хватитъ.

Митя и Марья Пнтровна принимали участіе въ обсужденіи этихъ новыхъ плановъ, но Варя все время молчала; она совсѣмъ не высказала своего мнѣнія по этому вопросу, да и весь остальной день она была молчалива и, какъ казалось, что-то обдумывала.

На другой день было воскресенье. Барановъ утро проводилъ дома. Часовъ въ двѣнадцать дня въ передней послышался звонокъ и затѣмъ женскій голосъ, который спрашивалъ его. Черезъ нѣсколько секундъ въ комнату вошла Варя. Барановъ, читавшій въ это время газету, вскочилъ.

— Это ты? Вотъ прелестно! — съ восторгомъ воскликнулъ онъ.—Совсѣмъ не ожидалъ такой очаровательной гостьи!

Варя улыбнулась ему на это, но, какъ ему показалось, съ какой-то принужденной улыбкой.

— Мнѣ хочется поговорить съ тобой!—сказала она. И при этомъ лицо у нея было очень серьезно и на лбу появилась характерная морщина, всегда являвшаяся у нея въ минуты, когда она предпринимала какое-нибудь важное рѣшеніе.

— Ты меня пугаешь, Варя!—сказалъ Василій Григорьевичъ.

— А ты не пугайся!—съ усмѣшкой сказала Варя.

— Ну, что жъ, разлюбила, отказъ, разрывъ?..—говорилъ Барановъ, самъ не понимая, почему имъ начала овладѣвать нервность.

— Нѣтъ, не то, не то. Я хочу поговорить съ тобой вотъ о чемъ. У меня есть школа. Ты знаешь, какъ я добивалась ея. Знаешь, что для этого я долго училась и что даже хотѣла, было, уѣхать въ провинцію. Однимъ словомъ, что школа—это мое любимое дѣло.

— Я знаю, Варя, знаю. И что же изъ этого слѣдуетъ? Неужели изъ за школы человѣкъ долженъ жертвовать своимъ правомъ на семью?

— Да, семья, конечно... Ты дашь мнѣ семью, это вѣрно. Но семейные интересы кажутся мнѣ маленькими, узкими, эгоистическими. Когда человѣкъ дѣлается семьяниномъ и только семьяниномъ, то это духовный уровень начинаетъ замѣтно понижаться, душа его черствѣетъ, деревянѣетъ.

— Да что ты говоришь, Варя? что ты говоришь? Я по себѣ знаю, что это совсѣмъ наоборотъ. Именно отсутствіе семьи одеревянило мою душу. Только семья и умѣетъ согрѣвать душу.

Варя какъ будто не слушала его. И продолжала:

— И вотъ я хочу сказать тебѣ, что я рѣшительно, рѣшительно не могу отказаться отъ школы.

Барановъ всталъ и началъ нервно ходить по комнатѣ и говорилъ какъ бы про себя:

— Не понимаю, не понимаю! Не могу себѣ представить, чтобы мы до такой степени расходились во взглядахъ. Какъ же такъ? какъ же такъ? Для меня семья, это—идеалъ, это желанная цѣль, къ которой я стремлюсь всѣми силами моей души, а ты вдругъ...

— Ты не волнуйся, а выслушай,—мягко, осторожно говорила Варя:—ну, хорошо, мы женимся, ты начнешь свою обычную дѣя-

тельность, ты будешь ходить на свои уроки. Ты теперь уже не тотъ, что былъ прежде, ты полюбилъ свое дѣло, увлекся имъ и оно будетъ доставлять тебѣ высокое удовлетвореніе. И цѣлый день ты будешь посвящать себя этому любимому дѣлу. А я что буду дѣлать? я? Я буду возиться дома съ кухней, съ хозяйствомъ, съ книгами, можетъ быть. Мы будемъ неравны съ тобой и это неравенство съ каждымъ днемъ будетъ возрастать; мы будемъ постепенно отдаляться другъ отъ друга. Другіе люди будутъ лучше понимать твои интересы и стремленія, чѣмъ я. А ты мало-по-малу перестанешь уважать меня. Мы станемъ чужими.

— Никогда этого не можетъ быть, никогда! Ты рисуешь невѣрную картину!

— Постой. Есть и еще одинъ пунктъ, очень важный. Очень можетъ быть, что я и не опущусь; но тогда я начну завидовать тебѣ. Я озлоблюсь. Ну и какое ужъ это будетъ тогда семейное счастье?

— Нѣтъ, нѣтъ, Варя, это все преувеличено. Можно и безъ школы найти какое-нибудь любимое дѣло. Тутъ что-то не такъ. Тутъ недоразумѣніе какое-то.

— Какъ хочешь, только я такъ рѣшила. Я не могу оставить школы.

— Но, Варя, вѣдь это уже жестокость. Ты подумай, сколько лѣтъ я страдалъ, надѣялся, сколько лѣтъ я былъ недостоинъ тебя и вотъ совершилось чудо, я переродился, я сталъ другимъ, я приблизился къ тебѣ, я добился твоего расположенія, и вотъ... Что же это? Что же это?

— Прости меня, Вася, я дѣйствительно чувствую себя виноватой передъ тобой, но я не могу иначе.

— Ну, если такъ, то я прямо скажу... Значитъ, дѣйствительно у тебя нѣтъ настоящаго чувства ко мнѣ. Значитъ, ты только согласилась такъ, изъ жалости, просто желала поддержать меня и больше ничего.

— Нѣтъ, это неправда!—очень серьезно возразила Варя.—Чувство есть, я люблю тебя, говорю тебѣ это въ первый разъ, но говорю сознательно. Но нельзя же, согласись съ этимъ, нельзя давать волю личному чувству до такой степени, чтобы забывать свои обязанности; нельзя подчиняться эгоизму, надо стоять выше своихъ личныхъ интересовъ.

— Да, это должно быть очень возвышенно — съ чуть замѣтной ироніей воскликнулъ Барановъ,—это такъ возвышенно, что мнѣ и не достать. Я дѣйствительно не таковъ. Я понимаю и признаю все: и любимое дѣло, и долгъ, но, должно быть, очень ужъ слабый и маленькій человѣкъ, потому что ради тебя, ради твоего счастья я отдамъ все: и любимое дѣло, и долгъ. Можетъ быть, это

не хорошо, можетъ быть, можетъ быть! я съ этимъ заранѣе соглашаюсь.

— Да это не хорошо!—промолвила Варя.

— Но что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать человѣку въ такомъ случаѣ? Вѣдь ты переродила меня, ты для меня стала всѣмъ и вдругъ это все отъ меня уходитъ и я остаюсь опять одинъ. Что же станется со мной теперь?

— Но я буду для тебя тѣмъ же, чѣмъ была.

— Нѣтъ, нѣтъ, это безуміе, это какая-то ненужная жестокость къ другимъ и къ самой себѣ. Значитъ, что же это? Ты осуждаешь себя на вѣчное дѣвичество, на вѣчное одиночество?

— А, о вѣчности не стоитъ говорить. Вѣдь нѣтъ ничего вѣчнаго, Вася.

Она замолчала. Барановъ тоже молча ходилъ по комнатѣ нѣсколько минутъ. Потомъ Варвара Ѳедоровна поднялась и стала прощаться съ нимъ.

— И такъ, ты уходишь съ этимъ рѣшеніемъ?—спросилъ онъ.

— Да, я вѣдь для этого пришла.

— Ну, прощай...

И онъ больше не прибавилъ ни слова. Варя ушла. Барановъ сѣлъ, подперъ голову руками и долго сидѣлъ такимъ образомъ, но ни одной практической мысли, ни одного годнаго плана не пришло ему въ голову. Потомъ онъ вскочилъ и опять забѣгалъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, это безуміе, безуміе!—говорилъ онъ самъ себѣ.— Если правда, что она любитъ—а она не умѣетъ лгать—то это какая-то добровольная пытка, добровольная казнь. О, нѣтъ, гражданскій долгъ не имѣетъ права требовать отъ человѣка такой жертвы. И что же это будетъ за существованіе? надломленное, надорванное; жизнь безъ личнаго счастья—сухая, холодная..Всякій имѣетъ право на свою долю счастья.

И онъ побѣжалъ къ Аргунинымъ. Ему, казалось, что онъ теперь способенъ наговорить Варѣ пламенныхъ рѣчей, передъ которыми она должна будетъ спасовать. Но здѣсь господствовало какое-то подавленное настроеніе. Всѣ были въ уныніи. Очевидно былъ уже разговоръ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ твердилъ:

— Она просто съ ума сошла! рѣшительно, она помѣшалась.

У Баранова исчезло все его пламенное краснорѣчіе; онъ посидѣлъ съ полчаса, потомъ вошелъ въ комнату къ Варѣ и сказалъ ей:

— Варя, неужели, неужели это безповоротно?

— Василій Григорьевичъ,—отвѣтила Варя, не поднимая на него глазъ,—я сегодня уже высказала вамъ все.

*

Василій Григорьевичъ поблѣднѣлъ и молча, не проронивъ больше ни слова, вышелъ изъ комнаты. Она сказала ему „вы". Значитъ, совсѣмъ вернулась къ старому.

Уныло посидѣлъ онъ у Аргуниныхъ еще минутъ пять и затѣмъ взялъ шапку.

— Куда же ты? — спросилъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ,— вѣдь скоро обѣдать будемъ.

— У меня есть дѣло тутъ... Важное дѣло! надо пойти! — отвѣтилъ Барановъ.

— Какъ? значитъ и къ обѣду не придешь?

— Нѣтъ, и къ обѣду не приду.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на него подозрительно, а Барановъ вышелъ на улицу. Онъ шелъ медленно, какъ бы неохотно отдаляясь отъ того дома, который еще такъ недавно сдѣлался для него совсѣмъ роднымъ. Онъ думалъ: къ чему же было все это? Къ чему были всѣ его усидчивыя занятія, мечты о новой дѣятельности, о просвѣтленіи ученическихъ головъ? Кого можетъ просвѣтить онъ, у котораго на душѣ безпросвѣтная тьма? Нѣтъ, ничего не выйдетъ изъ этого просвѣтленія.

Позади его раздавались торопливые шаги. Онъ оглянулся и увидѣлъ, что его догоняетъ Митя.

— Я нарочно догналъ тебя! — сказалъ онъ, поровнявшись съ нимъ.

— Зачѣмъ это?—спросилъ Барановъ.

— У тебя прескверный видъ.

— Не изъ чего быть ему хорошимъ.

— Ну, такъ вотъ я и не хочу оставлять тебя одного.

— Что же, ты боишься, что я убью себя? утоплюсь или повѣшусь?

— Чего добраго!

— Не бойся. Я такой ничтожный человѣкъ, что даже на это меня не хватитъ. Буду жить кое-какъ.

— Зачѣмъ же кое-какъ? — спросилъ Митя. — У тебя вѣдь есть задача и цѣль жизни.

— Никакой у меня задачи нѣтъ и никакой цѣли!— мрачно отвѣтилъ Барановъ.

— Значитъ все пойдетъ къ чорту?

— Ахъ, право не знаю, куда оно пойдетъ... Знаю только, что теперь мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла.

— Эхъ, Василій Григорьевичъ, выходитъ, что все это было наносное, не серьезное.

— Можетъ быть, и такъ, а можетъ быть, и не такъ,— сказалъ Барановъ.—Нѣтъ, Митя, это было серьезно, а только ужъ у меня натура такая. Э, да я думаю, у всѣхъ такая же натура.

Вонъ и земля не родитъ, когда солнце надъ нею не свѣтитъ и не грѣетъ.

— Ну, вотъ видишь; а она, Варя-то, какъ разъ наоборотъ. У нея долгъ подавляетъ личность.

— Нисколько не подавляетъ. Я этому не вѣрю,—возразилъ Барановъ.—Я, братъ, все это объясняю совсѣмъ иначе. Просто ей все равно до меня, вотъ и все. Она меня не любитъ и тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. За что меня любить, скажи пожалуйста? чѣмъ такимъ я отличился передъ другими людьми?

— Ну, ужъ на этотъ счетъ ты ошибаешься,—промолвилъ Митя.—Это рѣшеніе ей обходится очень дорого, я это знаю навѣрно. Я самъ слышалъ, какъ она всю ночь не спала и даже плакала. Я даже заходилъ къ ней и старался успокоить. Но ничего не помогло. Она любитъ тебя, это навѣрно. Еслибъ это было не такъ, чего же бы ей не спать и плакать?

— Ты въ этомъ увѣренъ?—спросилъ Барановъ.

— Совершенно.

— Еслибъ ты могъ доказать мнѣ это, я ожилъ бы.

— Развѣ отъ этого легче?

— Еще бы! Повѣрь, что если человѣкъ любитъ, то эта любовь всегда все превозможетъ. Любовь сильнѣе всего, Митя, она все побѣждаетъ.

— А подвиги? Если бы это было такъ, то не было бы подвиговъ. Что же такое подвиги, какъ не отреченіе отъ личности, отъ личнаго счастья, отъ любви?

— Ахъ и подвиги большею частью совершались во имя любви. Ну, да теперь не время намъ спорить. Такъ ты думаешь, что она дѣйствительно любитъ меня?

— Ручаюсь головой.

— Ну, вотъ мнѣ и легче стало. Что жъ, буду ждать и надѣяться. Знаешь что, Митя, мнѣ сегодня хочется пообѣдать гдѣнибудь на воздухѣ. Поѣдемъ за городъ, день хорошій. Я тебя угощу хорошимъ обѣдомъ.

Митя согласился; они поѣхали за городъ и обѣдали на свѣжемъ воздухѣ. Василій Григорьевичъ выпилъ немного болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, но во-время остановился.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—не надо; Варя этого не любитъ. Ты, Митя, убѣди ее. Ты скажи ей все, что слышалъ отъ меня. Помоги ты мнѣ сберечь свою душу... А то, братъ, чувствую, что она превратится въ такую мрачную бездну, что ужъ окончательно во всю жизнь не будетъ никакого просвѣта!

Варвара Ѳедоровна переживала мучительную борьбу. Съ одной стороны ей казалось нелѣпымъ, чудовищнымъ разбить и свою, и чужую жизнь. Она это понимала и чувствовала и не могла от-

дѣлаться также отъ другого чувства какой-то ничтожности, незначительности, безслѣдности того существованія, какимъ представлялось ей будущее послѣ замужества. Почему у нея хотятъ отнять школу, то-есть, то, чего она добивалась терпѣніемъ, работой въ продолженіе столькихъ лѣтъ? Почему?

Правда, можетъ быть, другая будетъ также любить это дѣло и также горячо къ нему относиться, какъ и она. У нея нѣтъ никакого права на преимущество любви къ школѣ. Школьники, можетъ быть, даже выиграютъ отъ того, что къ нимъ явится другая. Можетъ быть, она будетъ умнѣе, образованнѣе, лучше съумѣетъ объяснить имъ непонятныя вещи! Все это такъ, но она-то, она? Стремиться, учиться, поставить себѣ цѣль, достигнуть ея и вдругъ что же? Вдругъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ дѣлаются всѣ,—замужество, хозяйство, личное счастье... Нужно ли было для этого такъ долго учиться, развивать свой умъ? И потомъ она начнетъ опускаться, жизнь сдѣлается узенькой, практической. Нѣтъ, нѣтъ, этого съ нею не должно случиться.

Въ домѣ стояло глубокое уныніе. Марья Петровна все вздыхала. Она уже свыклась съ мыслью что дочь выйдетъ замужъ за учителя гимназіи. Это была ея давнишняя мечта и это замужество представлялось ей блестящей партіею для Вари.

Өедоръ Өедоровичъ уже привыкъ отводить душу на мысли, что Варя наконецъ смягчилась и дала согласіе выйти замужъ за Баранова. Слава Богу, кончились всѣ недоразумѣнія, все пришло къ желательному концу и вдругъ, вдругъ все разбилось о какой-то глупый, непонятный капризъ.

И онъ, который чуть не съ благоговѣніемъ относился къ Варѣ, наконецъ, разсердился на нее. „Нѣтъ, это ужъ блажь, это уже упрямая жестокость! — говорилъ онъ. — Переучились, перечитались, переумничали. Нѣтъ, такъ нельзя. Это что-то не настоящее, что-то выдуманное, что-то не человѣческое“.

Однажды онъ, рѣшившись круто поговорить съ Варей, вошелъ къ ней съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Вотъ что, Варя,—мрачнымъ тономъ сказалъ онъ.—Намъ надо потолковать съ тобой. Только надо говорить правду. Мнѣ, отцу, ты должна сказать правду.

— Почему же вы думаете, что я не хочу сказать правды?—спросила Варя.

— Да такъ, все это мнѣ кажется какимъ-то страннымъ и запутаннымъ!.. Ты вѣдь просто не любишь Василія Григорьевича?

Варя съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него и ничего не отвѣтила.

— Коли не любишь—странно это было бы—но все же, разъ это такъ, то и надо прямо такъ объяснить, а не морочить голову человѣку.

— Вы думаете, что я способна морочить голову, какъ вы говорите?

— А какъ же иначе? Иначе нельзя понять. Иначе это ужъ какая-то безалаберщина. Ну, не любишь, не надо, такъ и скажи; тогда человѣкъ будетъ знать по крайней мѣрѣ, что ему дѣлать; а то что же это такое? это уже прямо похоже на какое-то издѣвательство. То томила его столько лѣтъ, мучила, то наконецъ осчастливила и онъ дѣйствительно былъ счастливъ; а тутъ вдругъ опять и ни съ того, ни съ сего....

— Нѣтъ, я люблю его и это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то!— отвѣтила Варя, — я не умѣю объяснить вамъ. Ну, хорошо, вы слушайте и судите сами: вотъ я училась и вы одобряли и радовались, но къ чему это все было?

— Какъ къ чему? Чтобы быть умной, образованной, развитой дѣвушкой.

— А зачѣмъ быть умной, образованной, развитой?

— Чтобы быть хорошей женой и матерью. Быть достойной своего мужа.

— А, всѣ женщины достойны своихъ мужей...

— А матерью?

— Да, вотъ развѣ матерью... Но матерью можно и не сдѣлаться.

— Ну, это ужъ несчастье, этого нельзя предвидѣть и принимать въ разсчетъ. Эхъ, Варя, быть хорошей женой, помогать, ободрять, вдохновлять своего мужа, это великое дѣло. Вотъ ты говоришь—школа, изъ-за школы, молъ, не хочешь выходить замужъ; такъ изъ школы еще выйдетъ ли что? Они, школьники-то твои, которымъ ты отдашь жизнь, поучатся-поучатся, да и уйдутъ, а тамъ еще неизвѣстно, что изъ нихъ выйдетъ,—можетъ быть, первые воры и разбойники! А тутъ человѣкъ всю жизнь съ тобой. для тебя работаетъ, для тебя живетъ, такъ ты это разсуди. Разсуди, Варя, и тогда рѣши. А я—я ужъ такъ огорченъ, такъ огорченъ, какъ никогда еще въ жизни.

И онъ вышелъ съ видомъ человѣка, который дѣйствительно огорченъ до глубины души.

Варя вела странную жизнь. У нея былъ такой видъ, точно она потеряла способность на что-либо откликаться. Казалось, что и внутреннія дѣла ея семьи уже больше ее не интересовали. Когда говорили о чемъ-нибудь обыденномъ, въ чемъ въ прежнее время она непремѣнно приняла бы участіе, она пропускала мимо ушей.

Занятія въ школѣ шли у нея уже больше недѣли и она какъ-то методически отдавалась имъ; не обнаруживая ни особенной охоты, ни прежняго увлеченія. Другіе члены семьи тоже посматривали на нее искоса и какъ бы боялись заговорить съ нею.

Въ квартирѣ было такое настроеніе, точно случилось несчастье. Өедоръ Өедоровичъ вставалъ въ обычные часы, какъ-то тенденціозно кряхтѣлъ и вздыхалъ, молча пилъ свой чай и уходилъ на службу. За обѣдомъ всѣ говорили только о такихъ вещахъ, какъ удача или неудача въ супѣ или въ жаркомъ и, казалось, избѣгали затрогивать какіе бы то ни было общіе вопросы. Молчаніе длилось по нѣсколько минутъ и видимо тяготило всѣхъ.

Послѣ обѣда Варя торопилась уйти къ себѣ въ комнату и оставалась тамъ цѣлый вечеръ. Өедоръ Өедоровичъ ложился на диванъ, пытался заснуть, но тяжелыя мысли мѣшали ему. Митя часто убѣгалъ изъ дому и старался какъ можно позже возвращаться. Ему было тяжело выносить эту атмосферу.

Барановъ почти не заглядывалъ къ нимъ. Раза два онъ зашелъ, формально поговорилъ о чемъ-то, посидѣлъ четверть часа и даже не спросилъ о Варѣ, которая въ это время сидѣла въ своей комнатѣ, и удалился. Вообще какъ-то вдругъ испортились всѣ отношенія; всѣмъ было тяжело другъ съ другомъ, всѣ боялись по настоящему заговорить о томъ, что всѣхъ интересовало и какъ бы нарочно отмалчивались.

Между тѣмъ въ школьномъ мірѣ уже распространилась молва о томъ, что Аргунина выходитъ замужъ. Особенно много говорили объ этомъ кандидатки, которыя съ нетерпѣніемъ ожидали такого случая, чтобы получить школу. Двѣ изъ нихъ рѣшили даже придти и познакомиться съ Варей. Въ особенности одна изъ нихъ обратила на себя вниманіе Вари.

— Намъ сказали,—заявила она,—что вы собираетесь выходить замужъ. Правда это?

— Можетъ быть. Я, право, еще сама не знаю этого навѣрное,—уклончиво отвѣтила Варя.—А вы развѣ изъ первыхъ кандидатокъ?

— Да, мнѣ обѣщали...

— Вы давно уже ждете?

— Уже около двухъ лѣтъ.—Это трудно. Это очень трудно. Предпочтеніе отдаютъ кончившимъ курсы, а я на курсахъ вовсе не была, я кончила восемь классовъ гимназіи.

— Вы, должно быть, бѣдствуете?—спросила Варя, взглянувъ на ея блѣдное, истощенное лицо.

— Очень. Просто сама не знаю, чѣмъ живу. На Охтѣ у меня урокъ; семь съ полтиной въ мѣсяцъ зарабатываю. Тамъ и живу, на Охтѣ, съ матерью. Такъ вы еще не знаете?

— Нѣтъ, не могу еще сказать ничего опредѣленнаго.

— Я просила бы васъ, когда вы рѣшите... Когда навѣрно будете знать, сообщить мнѣ.

— Зачѣмъ же вамъ?..

— Я тогда подамъ заявленіе. Надо сдѣлать это во-время, потому что другія перебьютъ. Видите ли,—съ видомъ нѣкоторой откровенности прибавила кандидатка,—я собственно мечтаю поступить на курсы, но у меня нѣтъ средствъ. Такъ вотъ, если дадутъ школу, я буду дѣлать сбереженія и, когда соберу достаточно, тогда и поступлю.

Варя пообѣщала извѣстить ее, кандидатка ушла. Разговоръ этотъ произвелъ на Варвару Ѳедоровну крайне тяжелое впечатлѣніе. И странное дѣло: у нея явилось къ несчастной кандидаткѣ какое-то почти враждебное чувство. Ей казалось, что она пришла производить надъ нею насиліе. Она такъ сосредоточилась на своей страшной дилеммѣ и ей такъ хотѣлось сдѣлать свободный выборъ, вполнѣ безпристрастный, что она боялась всякаго вліянія извнѣ.

Случайнымъ свидѣтелемъ этого разговора былъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, который сидѣлъ въ это время въ другой комнатѣ. Онъ ничего не сказалъ Варѣ, но Митѣ и Марьѣ Петровнѣ высказалъ свои мысли, правда, вполголоса, такъ, чтобы Варя не слышала.

— Вѣдь до чего дошла она!—говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.— Явную несправедливость дѣлаетъ. Просто даже понять не могу, какая перемѣна съ ней. Всегда за справедливость стояла, а теперь все какъ-то пошло на выворотъ. Два года бѣдствуетъ, а ей вотъ замужъ выйти предстоитъ, да еще какъ хорошо! и все-жъ-таки она держится за эту школу. Удивительно, просто удивительно!

Митя теперь еще чаще прежняго сталъ бывать у Баранова. Послѣдняя недѣля у Василія Григорьевича почти была свободна. Какъ-то такъ вышло, что его ни разу не назначили ассистентомъ на этой недѣлѣ. Онъ почти все время сидѣлъ дома. Въ первое время настроеніе духа у него было сносное, его все не покидала надежда. Среди тишины, какая обыкновенно стояла у него въ квартирѣ, онъ часто ждалъ, что вотъ-вотъ раздастся звонокъ въ передней, послышится женскій голосъ и войдетъ Варя, войдетъ и скажетъ ему, что все это былъ дурной сонъ, не больше, и что вотъ она проснулась и опять передъ нимъ стоитъ прежняя.

И звонки дѣйствительно раздавались, но приходили то Митя, то Монголовъ, то Ѳедоръ Ѳедоровичъ, то кто-нибудь изъ знакомыхъ.

Между тѣмъ приближалось время начала занятій и съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше чувствовалъ какой-то ужасъ передъ тѣмъ, что ему предстоитъ.

— Чувствую,—говорилъ онъ Митѣ,—что душа моя какъ бы отвердѣваетъ, что на мѣстѣ сердца какъ будто лежитъ камень. Все, что пріобрѣлъ я лѣтомъ, исчезло изъ моей души.

— Ну, это тебѣ такъ кажется!—возражалъ Митя,—не можетъ исчезнуть то, что хорошо усвоено.

— А, нѣтъ, ты не понимаешь. Факты, конечно, остаются, да вѣдь дѣло не въ фактахъ. Фактовъ я и раньше зналъ достаточно. Не даромъ же я въ самомъ дѣлѣ четыре года зудилъ въ университетѣ, что-нибудь осталось въ головѣ. Да души въ нихъ нѣтъ. А это самое главное. Тутъ все дѣло въ томъ, что извѣстное направленіе, извѣстная цѣль, задача, настроеніе, если хочешь, все это было выработано при извѣстныхъ условіяхъ. Съ ними оно сжилось, оно, такъ сказать, вылилось въ ихъ форму. Какъ бы тебѣ это объяснить? Вотъ вообрази такой случай. Представь себѣ домъ, гдѣ было постоянно скучно, гдѣ люди жили изо дня въ день и никто къ нимъ и не заглядывалъ, потому что всѣ боялись этой скуки. Жизнь въ немъ текла однообразно, по разъ заведенному порядку, никакого движенія, ни малѣйшаго волненія, ни увлеченія. И вотъ однажды пріѣзжаетъ изъ провинціи родственница, совсѣмъ другого характера: веселая, оживленная, полная огня. Она вноситъ въ жизнь скучнаго дома душу и все вдругъ мѣняется. Вокругъ нея группируются новые знакомые, устраиваются вечера и въ домѣ не умолкаетъ смѣхъ, говоръ и прежніе жильцы его оживились и всѣ удивлены, почему у Ивановыхъ или тамъ у Петровыхъ, вдругъ стало такъ весело? Такіе были скучные люди и вдругъ нѣтъ дома веселѣе... Но вотъ веселая родственница пожила-пожила и уѣхала и что же? вечера продолжаются, знакомые посѣщаютъ ихъ, но на нихъ уже нѣтъ ни веселья, ни смѣха, а царитъ прежняя скука. Все осталось по-прежнему, да нѣтъ веселой родственницы, которая вносила оживленіе; души нѣтъ, душа уѣхала... Вотъ такъ и у меня случилось. Есть факты, есть множество фактовъ, цѣлая куча, цѣлый складъ, а души нѣтъ. Вотъ въ чемъ бѣда.

— Нѣтъ, я этого не понимаю,—сказалъ Митя.—Какъ можно до такой степени зависѣть отъ случая? Значитъ, у тебя нѣтъ ничего своего? Ну, хорошо, вотъ ты влюбленъ въ Варю, вѣдь это случай. Не будь этого, ты былъ бы мертвецъ?

— Нѣтъ, не случай и не влюбленъ, а, понимаешь ли ты, я всею жизнью слился. Я даже не скажу: съ Варей—это будетъ не совсѣмъ точно,—черезъ Варю я слился съ вашей семьей, понимаешь ли? Не могу я тебѣ объяснить этого толкомъ; это надо чувствовать. Видишь, есть такія души, которыя могутъ жить одиноко, на свой страхъ и совершенно свободно обходятся безъ другихъ; а есть другія души, которыя безъ другой души ничего не значатъ и ничего не могутъ. Но за то рядомъ съ другой они иногда могутъ совершать великія дѣла.

Барановъ замѣтно похудѣлъ за эту недѣлю. Онъ часто говорилъ о томъ, какъ онъ мечталъ о предстоящихъ урокахъ въ гимназіи. Съ какимъ одушевленіемъ онъ ждалъ ихъ. Какъ строго онъ

относился къ предстоящей задачѣ. Съ какой осторожностью взвѣшивалъ каждое слово, потому что этому слову предстояло ложиться въ душѣ юныхъ слушателей и за каждое такое слово надо нести страшную отвѣтственность.

— Ну и теперь все пропало, все пропало, Митя! Чувствую и знаю, что ничего теперь у меня не выйдетъ. Я теперь похожъ на пѣвца, у котораго былъ чудный голосъ и удивительное умѣнье и масса огня, но вдругъ онъ потерялъ голосъ и захрипѣлъ. Все у него есть —и умѣнье, и огонь, но, сколько бы онъ ни старался, онъ не вызоветъ уже отклика у слушателей. И напрасно онъ будетъ стараться. Ни къ чему это не приведетъ. Его стараніе вызоветъ только смѣхъ. Да и охоты нѣтъ, охоты нѣтъ. Вотъ въ чемъ дѣло!

— Но вѣдь это ужасно!—говорилъ Митя.

— Ужасно, ужасно, я съ тобой согласенъ. Но съ какой стати я буду воспламенять души другихъ, когда у меня у самого въ душѣ пустота и пепелъ?

— Это эгоизмъ, Василій Григорьевичъ.

— Эгоизмъ, я этого не отрицаю; эгоизмъ и есть; но вѣдь все основано на эгоизмѣ и все дѣло въ томъ, каковъ человѣкъ: у одного изъ эгоизма вытекаетъ зло, а у другого добро. Повѣрь, что всѣ великія дѣла вытекали изъ эгоизма.

Митя махнулъ на него рукой и рѣшилъ больше не затрогивать въ разговорѣ съ нимъ этого предмета. Тѣмъ не менѣе онъ очень близко принималъ къ сердцу мученія Василія Григорьевича. Въ поведеніи Вари его больше всего бѣсило то, что она какъ бы нарочно избѣгала встрѣчи съ Барановымъ, и такимъ образомъ не видѣла его мукъ.

— Да скажи пожалуйста, чего ты собственно хочешь?—спросилъ онъ однажды сестру.—Ты хочешь засушить себя, что ли, заморозить? Вотъ ты говоришь—школа. Да что такое для тебя эта школа? Развѣ въ самомъ дѣлѣ жизнь вся слилась въ ней и кромѣ школы ничего и нѣтъ на свѣтѣ? Вѣдь это такая узость, какой я отъ тебя и не ожидалъ. Школа, это—какая-то стѣна, которая закрываетъ отъ тебя весь міръ. Не спорю, школа прекрасное дѣло: но и остальной Божій міръ хорошъ. На каждомъ шагу милліоны дѣлъ и они столь же хороши, какъ и школа. Ты только окинь взоромъ пространство пошире и ты увидишь, что нѣтъ такого пункта на землѣ, гдѣ бы нельзя было найти достойную для себя задачу. И чего ты добьешься? Отказывать себѣ въ такой законной вещи, какъ семейная жизнь, вѣдь это значитъ осуждать себя на какое-то неполное, половинчатое существованіе. Если ты будешь культивировать только одну сторону своего существа, то другая будетъ чахнуть. Ты аскетка, что ли?

— Ахъ, совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!—возражала Варвара Ѳедоровна, — просто я слабый человѣкъ и у меня не хватаетъ силы разстаться съ тѣмъ, съ чѣмъ я сжилась.

— Да, и кромѣ того ты слишкомъ одностороняя, ты какъ будто нарочно все смотришь въ одну точку и закрываешь глаза на все другое. Ты, напримѣръ, эти дни совсѣмъ не видишь Василія Григорьевича и для меня ясно, что ты дѣлаешь это нарочно; ты не хочешь его видѣть.

— Да, это правда, я дѣйствительно боюсь увидать его, потому что боюсь собственной слабости.

— Ну, кажется, ты не можешь пожаловаться на слабость! твердости то у тебя много. Вотъ Барановъ дѣйствительно человѣкъ слабый, даже слишкомъ слабый, но это не мѣшаетъ быть ему прекраснымъ человѣкомъ и изъ него могъ бы выйти хорошій толкъ, — разумѣется, если онъ не встрѣтитъ отпора со стороны нашего эгоизма... Онъ, правда, странный человѣкъ. Самъ онъ не способенъ сдвинуться съ мѣста, но за то если сдвинуть его, такъ онъ окажется настоящей силой. Есть такіе музыкальные инструменты, которые сами играютъ. Разъ завели ихъ и они играютъ. Вотъ ты такая. Можетъ быть, отъ природы, а можетъ быть, отъ благопріятныхъ условій воспитанія у тебя выработалась самостоятельность и ты ужъ никогда не растеряешься, всегда поступишь по своему. Василій Григорьевичъ инструментъ совсѣмъ другого рода. Это такой инструментъ, къ которому надо подойти и играть. Въ немъ и струны превосходнаго качества, и настроенъ онъ какъ нельзя лучше, но можетъ угрюмо молчать всю жизнь, если не найдется музыканта, который подойдетъ къ нему и станетъ играть. Подойди и начни играть и польются звуки полные, мелодическіе... Тутъ ужъ все зависитъ отъ музыканта... Вотъ я вижу его каждый день и всякій разъ убѣждаюсь въ одномъ: что ты поступила съ нимъ неосторожно. Ужъ одно изъ двухъ: или надо было его оставить на прежней стадіи прозябанія, или ужъ, разъ разбудили его, такъ не надо было покидать. Онъ еще не окрѣпъ, онъ теряется... Наконецъ, скажи въ самомъ дѣлѣ мнѣ правду: дѣйствительно ли ты его любишь?

— Да!—отвѣтила Варя.

— Значитъ, ты должна...

— Почему должна?

— Потому что любовь требуетъ логики, требуетъ логическаго исхода, иначе это будетъ насиліе.

— Иногда насиліе надъ собой, надъ своимъ чувствомъ, бываетъ необходимо.

— Да, когда ты одинокъ и когда цѣль передъ тобой стоитъ огромная, а тутъ замѣшанъ другой человѣкъ да и самая вели-

кость цѣли еще не доказана; и вдругъ, ты потомъ сведешь счеты и окажется, что не стоило портить ни своей жизни, ни другого; ты будешь одинока и онъ будетъ одинокъ и каждый въ одиночествѣ вы будете дѣлать какое-нибудь дѣло безъ одушевленія, безъ увлеченія. А вмѣстѣ, хоть, можетъ быть, и маленькое дѣло, да дружно...

— Ахъ, право,—сказала Варя съ досадой,—я не знаю, почему вы всѣ во что бы то ни стало хотите убѣдить меня въ чемъ-то? Я не хочу принимать вашихъ доводовъ. Я именно нарочно избѣгаю ихъ, я хочу рѣшить свободно, чтобы потомъ только себя или упрекать, или благодарить. И для этого я хочу быть одна...

— Одна? Ну и будь одна. И Богъ съ тобой; я больше ничего не скажу.

И Митя ушелъ отъ нея. Когда онъ былъ у Баранова и вспомнилъ объ этомъ и сообщилъ ему, что былъ у него разговоръ съ Варей, то онъ такимъ образомъ охарактеризовалъ свое впечатлѣніе: „Путаница у нея въ головѣ, вотъ что, и больше ничего"

XIV.

Въ гимназіи кончились пріемные экзамены и переэкзаменовки. Былъ уже назначенъ день для молебствія и начала ученія.

Канунъ этого дня былъ для Баранова самымъ мучительнымъ изъ всѣхъ послѣднихъ дней. Митя случайно зашелъ къ нему утромъ, отправляясь въ университетъ. Онъ засталъ странную картину. Василій Григорьевичъ бѣшено бѣгалъ по комнатѣ и не остановился даже тогда, когда вошелъ Митя.

— Что это за perpetuum mobile?—спросилъ его Митя.

Барановъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ ходить. Митя посидѣлъ двѣ минуты и, видя полное нерасположеніе хозяина къ любезности, поднялся.

— Ну, если ты молчишь, такъ я пойду!—сказалъ онъ и направился къ двери.

— Постой, куда ты?—вдругъ спохватился Барановъ и взялъ его за рукавъ сюртука.—Нѣтъ, не уходи пожалуйста, останься. Не обращай вниманія на мое поведеніе и главное, не обижайся. Только, пожалуйста, не оставляй меня сегодня, потому что я чортъ знаетъ на что способенъ.

— На что же ты способенъ?

— Не знаю. Но у меня такое сознаніе, какъ будто завтра я долженъ, обязательно долженъ совершить какую-то подлость.

— Ну, полно, что за глупости? Такого обязательства не бываетъ. Ты преувеличиваешь; ты бы немного попроще смотрѣлъ на жизнь.

— А, слишкомъ долго ужъ я смотрѣлъ просто и что-же изъ этого вышло?—воскликнулъ Барановъ.—Живетъ на свѣтѣ какое-то ничтожество, никому отъ него ни тепло, ни холодно. Вотъ это и есть простой взглядъ на жизнь. Улитка, я думаю, тоже вѣдь очень просто смотритъ на жизнь. Такъ не совѣтуешь ли ты мнѣ стать на ея точку зрѣнія? Нѣтъ, я теперь понимаю Варвару Ѳедоровну, я вполнѣ понимаю ее. Она поступила правильно. Она иначе и не могла поступить. Что касается ея прежнихъ намѣреній, то это просто была вспышка, не больше. Ей это показалось. Просто изъ человѣколюбія, изъ жалости. А потомъ она опомниласв, разглядѣла, спохватилась, ну и, конечно, должна была перерѣшить. И въ самомъ дѣлѣ, что я такое? что во мнѣ есть такого, за что меня можно было бы любвть? Варвара Ѳедоровна вѣдь присутствовала при всей моей карьерѣ. Четыре года въ университетѣ я былъ, какъ настоящій идіотъ. Четыре года зудилъ лекціи и ровно ничего не вынесъ. Что же это за человѣкъ такой? Подумаешь, человѣкъ, который зубрилъ единственно изъ за стипендіи, можно ли уважать его? Ну, а потомъ гимназія. Сталъ я учителемъ и завели меня, какъ машину, и началъ я ходить на уроки и преподавать—отсюда да до сюда; чѣмъ лучше я былъ хотя бы Акульскаго? Нѣтъ, ты въ самомъ дѣлѣ подумай: чѣмъ Акульскій хуже меня? Положимъ, я опомнился, но что надо было для того, чтобъ я опомнился? Надо было, чтобы прижгло меня раскаленнымъ желѣзомъ въ самое сердце. Да и опомнился я не иначе, какъ совершивъ прежде всего подлость. Исторія моя съ Пазухинымъ, развѣ это была не подлость? Вѣдь прежде всего почувствовалъ личную обиду, не то, что самъ я поступаю по отношенію къ ученикамъ моимъ подло, а то, что я обиженъ, учительское самолюбіе задѣли, и побѣжалъ къ директору и сдѣлалъ подлость. Вонъ Монголовъ простакомъ считается, а вѣдь онъ подлости не сдѣлалъ. Ничего я не стою, грошъ мнѣ цѣна, мѣдный грошъ!

— Ну, немного побольше! Мы съ тобой на этотъ счетъ еще поторгуемся!

Митя старался шутить, но очень хорошо видѣлъ, что состояніе Баранова слишкомъ серьезно.

— Скажи откровенно, ты занятъ?—спрашивалъ Барановъ.— У тебя есть уроки? Лекціи? Ну, все равно, пожертвуй уроками, только не оставляй меня сегодня. Ты знаешь, мнѣ кажется, что я способенъ выбѣжать на улицу и побить стекла въ первомъ попавшемся домѣ.

— Ну, хорошо, хорошо,—отвѣтилъ Митя,—я принесу тебѣ эту жертву. Я никуда не пойду сегодня.

Митя остался; Барановъ находилъ, что въ комнатѣ ему душно и просилъ свезти его куда-нибудь.

— А деньги есть у тебя?—спросилъ Митя.

— Деньги есть,—только куда нибудь-подальше. Куда хочешь, только, чтобы подальше.

Митя рѣшилъ остаться съ нимъ цѣлый день. Онъ часто уходилъ изъ дому утромъ и возвращался поздно вечеромъ, такъ что не боялся, что тамъ будутъ безпокоиться.

— И убѣди ты меня, —продолжалъ Барановъ,—что надо быть благоразумнымъ. Ну, докажи, что я долженъ завтра идти на уроки и преподавать исторію.

— Но какъ же нѣтъ?

— Но зачѣмъ? Объясни мнѣ, зачѣмъ? Вѣдь я ничего не могу передать ученикамъ, кромѣ фактовъ. А факты вѣдь это глупость, это дрова, каменья, когда они не согрѣты какимъ-нибудь идеаломъ, какой-нибудь вѣрой во что бы то ни было. А я теперь ни во что не вѣрю и никакого у меня нѣтъ идеала.

— Ну, въ такомъ случаѣ помни, что тебѣ надо непремѣнно ѣсть и пить.

— Какъ ѣсть и пить? Ты совѣтуешь мнѣ этимъ руководствоваться? Да зачѣмъ же мнѣ ѣсть и пить?

— Ну, какъ зачѣмъ? затѣмъ, чтобъ не умереть съ голоду.

— Ну, вотъ, не умереть съ голоду! по моему, это было бы самое лучшее.

— Э, братъ, ты завираешься. Тебя дѣйствительно сегодня нельзя оставлять одного. Надо придумать какое-нибудь развлеченіе какъ можно поглупѣе, чтобы тебѣ не хотѣлось вовсе думать. Знаешь что? Не поѣхать ли намъ въ Зоологическій садъ? Ты видѣлъ когда нибудь, какъ кормятъ звѣрей?

— Нѣтъ.

— Вотъ тамъ-то ужъ настоящее „ѣсть и пить“. Тамъ, говорятъ, даже шакалъ какой-то есть; вотъ мы шакала и будемъ смотрѣть. Ну, вотъ и ѣдемъ.

Барановъ покорно согласился. День былъ неважный. Небо было сѣрое, съ утра моросило, но они не обратили на это вниманія. Чтобы какъ-нибудь убить побольше времени, они не взяли извозчика, а поѣхали на конкѣ. Пришлось идти на Михайловскую и тамъ уже занять мѣста.

Митя всю дорогу старался поддерживать шутливое настроеніе. Онъ не пропускалъ ни одного случая, чтобы обратить вниманіе Баранова на какого-нибудь типическаго пассажира.

— Вотъ посмотри, какая оригинальная рожица у этой курсистки!—говорилъ онъ, указывая на дѣвушку, сидѣвшую въ дальнемъ углу конки, и Барановъ начиналъ разсматривать ее.

— А вотъ эта дама,—говорилъ Митя, указывая на вошедшую солидную пассажирку,—навѣрное должна выпивать каждый день по шести стакановъ кофею со сливками.

Барановъ улыбался, сперва какъ будто сквозь сонъ, а затѣмъ Митя окончательно побѣдилъ его и началъ разсказывать ему анекдоты и Барановъ на время позабылъ о своемъ положеніи и самымъ искреннимъ образомъ смѣялся.

Они пріѣхали къ Зоологическому саду, но не вошли сразу; оказалось, что до кормленія звѣрей еще было далеко. Они рѣшили просто погулять въ паркѣ.

— Эхъ, Митя, какой ты славный малый!—съ чувствомъ говорилъ Барановъ.

— Ну, это оттого, что ты сегодня расчувствовался; оттого тебѣ такъ кажется!—возражалъ Митя.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, съ тобой и горе не горе. И подумаешь, что мнѣ придется отдалиться отъ васъ и лишиться вашей дружбы.

— Зачѣмъ же лишаться дружбы?

— Да ужъ такъ выйдетъ. Мнѣ будетъ тяжело ходить къ вамъ. Я буду бывать у васъ все рѣже и рѣже и мы отдалимся; а потомъ вы начнете забывать меня. Это всегда такъ бываетъ. Ты кончишь курсъ, женишься; Варвара Ѳедоровна выйдетъ замужъ.

— Ну, ты совсѣмъ сумасшедшій. Она или вовсе не выйдетъ или выйдетъ за тебя.

— Я въ это не вѣрю. Можетъ быть, и ей такъ кажется; но она навѣрное выйдетъ за кого-нибудь другого, а я совсѣмъ изглажусь въ ея душѣ.

— Ну, ужъ это настоящее надгробное слово!

— А что жъ? Я все равно, что умираю.

— Вижу, что пора тебѣ въ общество звѣрей и птицъ. Пойдемъ.

Они вошли въ Зоологическій садъ, ходили около клѣтокъ, подробно осматривали все, что тамъ было. Они присутствовали при кормленіи звѣрей. Барановъ проводилъ глубокомысленную аналогію между звѣрями, сидящими въ клѣткахъ, и педагогами, формально преподающими свои уроки.

— Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ одна цѣль въ жизни: ѣсть и пить, а въ остальное время они спятъ. Вѣдь педагоги даже на урокахъ спятъ, хотя и бормочатъ какіе-то періоды, обоснованные на программѣ. Вотъ я и начну осуществлять свое „ѣсть и пить“. Старый учитель словесности опять будетъ пожимать плечами и ужъ окончательно придетъ къ заключенію, что я недоносокъ, и будетъ правъ. Я дѣйствительно недоносокъ, совершенно такой же, какъ Акульскій, только не такой послѣдовательный.

— Ну, вижу, что на тебя и общество звѣрей не дѣйствуетъ благотворно! — сказалъ Митя. — Знаешь что, не прибѣгнуть ли намъ къ болѣе мирному средству? не выпить ли молока? Здѣсь хорошее молоко, оно славится.

Они пили молоко съ хлѣбомъ и это замѣнило имъ завтракъ. Потомъ Митя предложилъ покормить слона. Митя все говорилъ съ полуулыбкой; онъ обращался съ Барановымъ, какъ съ раскапризничавшимся ребенкомъ. Онъ дѣлалъ это нарочно. Онъ прекрасно зналъ, что настроеніе Баранова—далеко не капризъ, но хотѣлъ въ глазахъ его самого укоротить масштабъ его горя и уменьшить его значеніе.

Барановъ все же повиновался ему. Они кормили слона и дѣлали разныя глупости, подходя, то къ обезьянамъ, то къ птицамъ.

— Мы съ тобой, Василій Григорьевичъ, сегодня изображаемъ добродѣтельную семью ремесленниковъ; только они дѣлаютъ это по праздникамъ, а мы въ будень.

Здѣсь они оставались до пяти часовъ, а затѣмъ ихъ вмѣстѣ съ другой публикой пригласили уходить прочь. Они бродили безъ всякой цѣли по Петербургской Сторонѣ. Небо стало проясняться. Они проходили узкія улицы, шли мимо длинныхъ заборовъ. Вдругъ до слуха ихъ начали долетать звуку органа, повидимому изъ какого-то трактира. Барановъ остановился и какъ-то безпокойно началъ прислушиваться.

— Погоди-ка! вотъ знакомая музыка! да и мѣста знакомыя!—воскликнулъ онъ.—Слышишь? „Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ, на Васильевскомъ славномъ островѣ...“ Вѣдь это, братъ, я слышалъ каждый день, когда приходилъ къ вамъ изъ гимназіи, а потомъ изъ университета. А вотъ и двухъ-этажный деревянный домикъ, гдѣ вы жили. Боже, сколько воспоминаній! Сколько разъ я приходилъ сюда въ гимназическомъ мундирѣ, утомленный, изнуренный и засыпалъ гдѣ-нибудь на диванѣ или въ креслѣ, а потомъ съ сонными глазами слушалъ то, что говорили. Затѣмъ, съ какимъ-то полумракомъ въ головѣ, безъ всякаго сознанія цѣли и задачи жизни, я являлся сюда въ качествѣ студента. Право, я походилъ тогда на какого-то глупаго теленка. А любопытно бы узнать, кто живетъ теперь въ этомъ домѣ?

Остановились противъ воротъ и смотрѣли во дворъ. Съ подъѣзда, который велъ во второй этажъ, гдѣ жили прежде Аргунины, вышла толстая чухонка съ подтыканнымъ платьемъ, неся передъ собою огромную лохань. Она вышла на средину двора и вылила на землю какую-то мыльную жидкость.

— Должно быть, прачка или какой-нибудь ремесленникъ живетъ тамъ!—сказалъ Барановъ.

На него напала вдругъ нестерпимая грусть и онъ началъ говорить о томъ, что ему жаль даромъ потраченной жизни. У него точно нѣтъ ровно ничего позади, точно онъ и не жилъ. А дѣтство, это еще ужаснѣе! У него было такое ощущеніе, точно онъ

все свое дѣтство провелъ подъ какимъ-то прессомъ, въ какихъ-то ужасныхъ тискахъ.

— Грустно, Митя, страшно грустно жить съ такимъ сознаніемъ! Человѣку даны и дѣтство, и юность, и другіе возрасты. А у меня не было ни дѣтства, ни юности, а остались только „другіе возрасты" да и тѣ навѣрно будутъ скомканы и прожиты кое-какъ, безъ всякаго смысла. Ты только подумай, Митя! Дѣтство, чудная, дивная пора, когда еще только созрѣваютъ тѣло и душа, когда они нѣжны, какъ лепестки перваго весенняго цвѣтка, и ты сидишь въ это время въ душныхъ комнатахъ надъ греческой грамматикой, надъ Геродотомъ, Ѳемистокломъ, Салюстіемъ, Вергиліемъ. Это точно яблоко, когда оно начинаетъ наливаться, и вотъ внутри у него уже шевелится червякъ и подтачиваетъ самую его сердцевину. Уйдемъ отсюда, Митя. Здѣсь я точно стою на могилѣ своего дѣтства и юности.

Начало темнѣть. Куда бы имъ пойти?

— Куда-нибудь, гдѣ есть музыка, Митя. Теперь только одна музыка можетъ соотвѣтствовать моему настроенію и притомъ, чтобы она была не важная, не серьезная какая-нибудь, чтобы органъ былъ нѣсколько разстроенъ, чтобы трубы слегка хрипѣли. Только не въ этомъ грязномъ трактирѣ. Онъ мнѣ всегда былъ почему-то ненавистенъ и, когда я ходилъ мимо него, то старался переходить на другую сторону тротуара. Слышишь, опять затянули: „Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ..."

Барановъ закрылъ уши.

— Нѣтъ, это невыносимо, это невыносимо! и подумай, что все это перемѣнило бы и свой колоритъ, и значеніе для моей жизни, если бы вдругъ его освѣтилъ яркій свѣтъ... Э, да ну... Что говорить о томъ, чего никогда ни будетъ?..

Они прошли поближе къ центральной части города и, встрѣтивъ довольно большой и благоустроенный трактиръ, зашли въ него. Здѣсь они заказали себѣ обѣдъ, — Барановъ выпилъ двѣ рюмки водки и заявилъ, что у него страстное желаніе напиться.

— Ну, нѣтъ, ужъ этого я тебѣ не позволю!—сказалъ Митя.

— А хорошо бы. Легче стало бы. Знаешь, что Митя, позволь! Эй, человѣкъ!

Человѣкъ пришелъ, но Митя отослалъ его обратно.

— Знаешь, я тебѣ говорю очень серьезно,— сказалъ онъ,— что если ты перестанешь слушаться меня, то потеряешь во мнѣ друга и я сейчасъ же уйду и оставлю тебя.

— Строго! Ну, въ такомъ случаѣ придется подчиниться. Я ни за что не согласенъ теперь остаться одинъ.

И онъ послѣ этого замолчалъ. Изъ слѣдующей комнаты доносились звуки органа. Василій Григорьевичъ внимательно вслушивался въ нихъ, глаза его устремились куда-то вдаль и въ нихъ

была видна какая-то мечтательность и вмѣстѣ жалоба. Онъ подперъ голову руками и какимъ-то подавленнымъ голосомъ произнесъ:

— Эхъ, Митя, Митя!..

Онъ не докончилъ фразы и Митя замѣтилъ, что у него по щекамъ текутъ слезы.

— Ну, будѣтъ!—сказалъ Митя.—День провели отлично. Теперь поѣдемъ домой. Теперь ты заснешь, какъ убитый.

— Какъ спятъ передъ казнью!—сказалъ Барановъ, поднявъ голову.

— Почему передъ казнью?

— А развѣ ты не знаешь, что завтра будетъ казнь? Я приду въ классъ, сяду за каѳедру, на меня будутъ смотрѣть десятки глазъ съ ожиданіемъ, съ довѣріемъ, съ надеждой, съ глубокимъ интересомъ, и вдругъ: Въ тысяча пятьсотъ тридцать четвертомъ году Карлъ хромоногій объявилъ войну Фридриху безгубому.— Какое глубокое разочарованіе! О, чортъ!..

— Ну, ладно. Это тебѣ такъ кажется. Поѣдемъ домой, ты выспишься и завтра закатишь имъ такой урокъ, что всѣ будутъ поражены.

— Посмотримъ, посмотримъ,—какъ-то загадочно сказалъ Барановъ.

Они вышли изъ трактира, взяли извозчика и поѣхали домой. Было около одиннадцати часовъ, когда они пріѣхали; Барановъ дѣйствительно чувствовалъ страшную усталость.

— Ну, теперь, надѣюсь, ты будешь вести себя хорошо? — спросилъ Митя.

— Во снѣ я всегда веду себя отлично! — отвѣтилъ Барановъ.—Развѣ ты не знаешь? Вѣдь я двадцать пять лѣтъ былъ во снѣ. И ужъ какъ благонравно велъ себя... Можешь идти домой спокойно. Только, пожалуйста, никому не кланяйся.

— Какъ? даже отцу?

— А, къ чему огорчать старика? Онъ человѣкъ добрый и чуткій, но слишкомъ хорошаго обо мнѣ мнѣнія. Ну, до свиданія. Спокойной ночи!

Онъ взялъ за руку Митю, привлекъ его къ себѣ и поцѣловалъ.—Спасибо, другъ!

Митя шелъ домой и въ душѣ его шевелилось сомнѣніе: „А что, думалъ онъ,—если онъ вдругъ свихнется и что-нибудь скверное сдѣлаетъ? Очень ужъ онъ сегодня пессимистически настроенъ“.

Барановъ съ чувствомъ неожиданнаго удовольствія поспѣшилъ раздѣться и легъ въ постель. Онъ боялся безсонницы, но нервы его страшно переутомились въ теченіе дня и не могли уже вынести новаго напряженія.

Онъ очень скоро заснулъ съ мыслью о томъ, что завтра ему

предстоитъ какая-то неизвѣстность. Утромъ онъ открылъ глаза въ семь часовъ и тотчасъ же вскочилъ съ постели. Ему показалось, что надо куда-то спѣшить, но онъ вспомнилъ, что первый урокъ у него только въ десять часовъ и что онъ свободно могъ бы еще спать.

Тревожныя ощущенія вчерашняго дня были въ душѣ его неясны, но мало-по-малу онъ началъ вспоминать все, что было въ послѣдніе дни, весь вчерашній день, и вдругъ положеніе его представилось ему во всю свою величину.

— Ну, что жъ,—сказалъ онъ себѣ,—такъ или иначе, а все равно, надо какъ нибудь жить и работать.

И ему казалось въ эти минуты, что онъ ужъ примирился съ необходимостью жить и работать, что онъ способенъ идти въ гимназію и, какъ въ прежніе годы, изо дня въ день задавать ученикамъ уроки и выслушивать ихъ.

Неторопливо онъ одѣвался, потомъ пилъ чай, затѣмъ читалъ даже газету, хотя никакъ не могъ почувствовать интересъ къ событіямъ, о которыхъ въ ней писалось.

Было половина девятаго; времени еще оставалось достаточно; но ему не сидѣлось дома. Онъ рѣшилъ выйти и, прежде чѣмъ явиться въ гимназію, нѣсколько пройтись и освѣжить голову. Онъ переодѣлся. Пользуясь всякимъ случаемъ побыть въ домашнемъ платьѣ, онъ съ утра надѣвалъ пиджакъ и только за минуту передъ тѣмъ, какъ надо было идти въ гимназію, одѣвался въ вицъ-мундиръ. Онъ вышелъ на улицу. Было сыро и вѣтряно и настроеніе его вдругъ сдѣлалось тягостнымъ. Ему казалось, что небо давитъ его, а сырость пронизываетъ насквозь. У прохожихъ, которые шли ему навстрѣчу, лица были пасмурныя. Онъ прошелся съ четверть часа и у него пропала всякая охота гулять. Тогда онъ направился въ гимназію.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ цѣли, шаги его замедлялись, какъ будто какая-то сила задерживала его, оттягивала его назадъ. Онъ старался провѣрить себя. Способенъ ли онъ стоять теперь на той высотѣ, на какую взобрался въ послѣднія недѣли прошлаго сезона? Способенъ ли онъ также точно овладѣвать вниманіемъ слушателей, пробуждать въ нихъ интересъ къ наукѣ, зажигать сердца? Нѣтъ, онъ не чувствовалъ въ себѣ ни желанія, ни воодушевленія. Голова его работала лѣниво, вяло.

И онъ пошелъ совсѣмъ тихо, какъ будто раздумывая, идти или не идти, и спрашивалъ себя: съ какой стати я мучаюсь этими вопросами? Почему я долженъ воодушевлять, зажигать сердца? Мнѣ ничего не достается отъ жизни, а я буду дѣлать что-то для другихъ! Мнѣ никогда ничего не доставалось, никогда во всю мою жизнь. Были счастливыя минуты, когда у меня была надежда, но она исчезала, какъ солнце на этомъ пасмурномъ небѣ.

И ему припоминалось кое-что изъ прежней жизни,—давняя-давняя сцена въ лѣсу, когда Варя единственный разъ въ жизни довѣрчиво прижалась къ нему и когда онъ считалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Но то было на зарѣ ихъ жизни, чувства тогда только просыпались. Потомъ пошли годы унынія, затѣмъ опять взошло солнце и опять спряталось и снова въ душѣ его мракъ, но уже безпросвѣтный, вѣчный.

Нѣтъ, въ душѣ его нѣтъ огня и, значитъ, онъ никого зажечь не можетъ. Куда же онъ идетъ? Въ гимназію. Что онъ будетъ тамъ дѣлать? Преподавать исторію. Вяло, сухо, формально, скучно.

Да развѣ можно это дѣлать теперь, послѣ того, что̀ было? Развѣ можно съ высоты упасть въ пропасть? Еще тогда, когда онъ не достигъ этой высоты, когда онъ ползалъ по землѣ, какъ ползаютъ другіе, не добиваясь ничего, кромѣ права на жалованье, права „ѣсть и пить“, тогда еще можно было оставаться въ этомъ положеніи, а теперь... Теперь ему вѣрятъ, на него надѣются и онъ обманетъ. Вѣдь это будетъ худшій изъ всѣхъ обмановъ! Что же дѣлать? что же дѣлать?

— Какъ что?

И вдругъ новая мысль, совсѣмъ новая, никогда еще не появлявшаяся въ его мозгу, озарила его и онъ остановился, какъ вкопанный.

„Не пойду я туда, не пойду!—твердо сказалъ онъ самъ себѣ.—Это будетъ черезъ силу, это будетъ страшное насиліе... Не пойду“.

„Что же я буду дѣлать?—спрашивалъ онъ вслѣдъ затѣмъ самого себя. И отвѣчалъ: „а, что нибудь! Что нибудь непремѣнно буду дѣлать! Всегда что-нибудь бываетъ. Вонъ у Монголова вѣдь есть „что-нибудь“. Не пропаду. Что угодно, только не это. Сдѣлаюсь тоже акцизнымъ чиновникомъ, буду измѣрять градусы. Что жъ, дѣло почтенное! По крайней мѣрѣ тамъ никого не придется обманывать, и ни чью душу не надо будетъ запружать всякимъ негоднымъ хламомъ“...

Зданіе гимназіи было отъ него уже не болѣе, какъ въ ста шагахъ, но онъ не пошелъ туда, а вдругъ повернулъ обратно. Онъ торопливо шагалъ домой, не видя никого и ничего на своемъ пути.

— Куда это ты? — вдругъ окликнулъ его знакомый голосъ. Онъ поднялъ голову. Это былъ Митя.

— Я былъ у тебя,—продолжалъ Митя, присоединившись къ нему и идя рядомъ съ нимъ, — и мнѣ сказали, что ты пошелъ въ гимназію. Ну, думаю, хорошо, значитъ онъ сегодня благоразуменъ. Куда же ты?

— Иду домой.

— Какъ? уже?

— Въ гимназіи я не былъ и не пойду туда. Вотъ сейчасъ приду домой, сяду и напишу прошеніе.

— Прошеніе? О чемъ?

— Объ отставкѣ!

— Ну, что ты? Ты шутишь!

— Ну, нѣтъ, не шучу, далеко не шучу. Вѣдь ни къ чему... Не могу. Понимаешь ли, не могу, не долженъ, права не имѣю. Тутъ ничего нѣтъ, понимаешь ли? Тутъ! (онъ указалъ на грудь). А учить дѣтей, это вѣдь не тоже, что сапоги шить! Все должно быть отсюда, отъ этого мѣста...

— Ну, значитъ, Варя была права,—промолвилъ Митя.

— Варвара Өедоровна? Въ чемъ же это?

— Вчера я разсказалъ ей о твоемъ состояніи. Такъ она всю ночь не спала, — все тревожилась. И все говорила: напрасно ты его оставилъ. Онъ можетъ надѣлать глупостей. А сегодня, какъ только всталъ я, сейчасъ же послала меня къ тебѣ.

— Варвара Өедоровна?—съ изумленіемъ спросилъ Барановъ.— Она обо мнѣ тревожится?

— Ну, да, именно — она о тебѣ... Пойдемъ къ намъ. Тамъ подумаемъ, поговоримъ, что-нибудь придумаемъ...

— Нѣтъ, не придумаемъ. Ужъ я рѣшилъ и не перерѣшу.

— Ну, а все-таки пойдемъ, и отецъ еще дома...

Барановъ не возражалъ. Они пошли вмѣстѣ. Өедоръ Өедоровичъ въ то время пилъ утренній чай. Онъ былъ изумленъ, увидѣвъ, что Митя вернулся не одинъ.

— Что же это? Развѣ у васъ не начались еще уроки?

— Да онъ чортъ знаетъ что выдумалъ!—сказалъ Митя.—Онъ рѣшилъ подавать въ отставку.

— Да что ты! полно! Это можно только въ шутку говорить. Какъ въ отставку? Вотъ глупости!

— Нѣтъ, ужъ я такъ рѣшилъ, Өедоръ Өедоровичъ. Поищите-ка и мнѣ мѣсто въ акцизѣ, вы такъ хорошо это умѣете дѣлать!— сказалъ съ саркастической усмѣшкой Барановъ.

— Да что же это? Почему? съ чего? Ты, должно быть, поссорился съ директоромъ?

— И не думалъ, и не видѣлъ даже его; а такъ просто... Видите ли, Өедоръ Өедоровичъ, во мнѣ души нѣтъ, душа умерла... огонь погасъ! ну, значитъ, только на мертвыя дѣла я и способенъ... Ну, и не могу... Поняли?

— Нѣтъ, голубчикъ, ничего не понялъ, и, кажется мнѣ, что ты таки дѣйствительно рехнулся,—отвѣтилъ Өедоръ Өедоровичъ.

Вышла изъ своей комнаты и появилась въ столовой Варвара Өедоровна. Лицо у нея было блѣдное, утомленное. Но въ глазахъ не было той суровой сосредоточенности, съ какой она глядѣла на все въ послѣдніе дни.

— Вы подаете въ отставку, Василій Григорьевичъ? — спросила она.

— Да,—промолвилъ Барановъ, на минуту нѣсколько смутившись при ея появленіи.—Вотъ, хочу взять мѣсто въ акцизѣ...

— Такъ, можетъ быть, прежде...—съ какимъ-то чрезмѣрнымъ волненіемъ промолвила она, — можетъ быть, будете такъ добры, занесете въ думу мою отставку...

— Вашу отставку?

— Ну, да, вотъ я сейчасъ написала ее, прочтите.

Барановъ взялъ отъ нея сложенную вчетверо бумагу и прочиталъ: „имѣю честь просить о назначеніи лица, которому я могла бы передать школу, такъ какъ я выхожу замужъ".

— Что? Вы?.. Вы, значитъ...—дрожащимъ голосомъ воскликнулъ Барановъ.

— Я выхожу замужъ, Василій Григорьевичъ.

Было мгновеніе, когда онъ подумалъ: „что же это? не новое ли это горе, еще болѣе страшное, чѣмъ прежде?" Но ея глаза смотрѣли ласково, на блѣдныхъ губахъ чуть замѣтно играла улыбка и онъ рѣшилъ, что это не горе, а напротивъ—счастье.

— Варя!.. Такъ значитъ... Охъ, Господи, какое счастье!..

Онъ бросился къ ней и началъ осыпать поцѣлуями ея руку.

— Ну, вотъ, слава Тебѣ, Господи! слава Тебѣ, Господи!—восторженно восклицалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ и цѣловалъ всѣхъ, кто только попадался ему подъ руку,

— Что жъ, ты, значитъ, въ акцизъ уже не поступаешь?—спросила у Баранова Варвара Ѳедоровна, сразу переходя съ нимъ на прежнее „ты".

— Боже сохрани! Да если бы ты знала, какой у меня здѣсь въ душѣ пожаръ загорѣлся... Сейчасъ бѣгу въ гимназію и задамъ имъ такой урокъ, кагого они еще никогда въ жизни не слышали. Теперь безъ двадцати десять. О, поспѣю, отлично поспѣю! А ужъ твою отставку пускай Митя занесетъ въ думу; мнѣ некогда.

— Да не забудь, Варя, извѣстить эту кандидатку, которая къ тебѣ приходила,—помнишь? Она просила вѣдь!—сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— Да, да, я сейчасъ же отошлю съ посыльнымъ.

Барановъ поцѣловалъ руку у Вари и помчался въ гимназію. Радость сіяла на его лицѣ и чувствовалъ онъ, какъ возвращаются къ нему и прежнія надежды, и прежнія душевныя силы.

А небо стало проясняться; изъ-за тучъ выплыло солнце и онъ смотрѣлъ на востокъ и ему казалось, что это идетъ ему на встрѣчу заря новой радостной, дружной и плодотворной жизни.

И. Потапенко.

МОРАЛЬНАЯ СИСТЕМА УТИЛИТАРИЗМА.

(Изложеніе и критика).

Проф. Г. Челпанова.

(*Окончаніе* *).

Статья вторая.

Въ прошлой статьѣ мы видѣли, что, по ученію утилитаристовъ, человѣчество призвано осуществить «наибольшую сумму счастья наибольшаго числа людей». Вслѣдствіе этого удовольствіе или счастье является высшимъ благомъ, конечною цѣлью жизни и критеріемъ нравственности.

Предполагая показать, что эта формула не представляетъ собою правильнаго выраженія фактовъ нравственной жизни, я считаю нужнымъ предупредить, что намѣренъ критиковать систему утилитаризма исключительно съ точки зрѣнія *логической*. Дѣло въ томъ, что многіе противники утилитаризма, подставляя вмѣсто термина «счастье» терминъ «выгода», польза, относились съ большимъ презрѣніемъ къ системѣ утилитаризма, какъ къ такой системѣ, которая можетъ доказывать, что конечною цѣлью человѣческой жизни является полезность, *выгода*.

Если бы такое толкованіе теоріи утилитаризма и имѣло какое-нибудь основаніе, то все-таки мы не имѣли бы права отвергать его, такъ какъ теорія должна быть принимаема потому, что она истинна, а не потому, что она поставляетъ возвышенныя задачи. Да, наконецъ, слѣдуетъ сказать, что упрекъ въ недостаточной возвышенности этой теоріи также совершенно неоснователенъ. Относительно Эпикура извѣстно, что онъ былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ людей своего времени; то же самое нужно сказать и относительно новѣйшихъ представителей утилитаризма, Бентама и Милля. О Бентамѣ извѣстно, что онъ всю жизнь и всю свою дѣятельность отдавалъ на общее благо и что вообще онъ очень близко принималъ къ сердцу интересы чело-

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

вѣчества, повсюду стараясь провести принципъ наибольшаго счастья наибольшаго числа людей. Благодаря ему, въ Англіи произошли серьезныя реформы въ организаціи парламента и муниципальныхъ учрежденій, смягченіе уголовнаго законодательства, отмѣна ссылки, введеніе исправительной системы, основанной на законахъ морали, усовершенствованіе суда присяжныхъ. Онъ лелѣялъ мысль о всеобщемъ мирѣ. Наканунѣ французской революціи онъ излагалъ выгоды всеобщаго разоруженія и приглашалъ Францію и Англію подать примѣръ въ этомъ дѣлѣ *).

Нельзя также отрицать благотворнаго вліянія самого утилитаризма. Даже противники утилитаризма признаютъ, что «въ области законодательства и политическихъ реформъ заслуги основателей утилитаризма въ началѣ настоящаго столѣтія неоцѣнимы. Въ то время, какъ консерватизмъ и мистицизмъ другихъ теорій способствовали поддерживанію укоренившихся злоупотребленій, утилитаристы предложили простой и понятный критерій, при помощи котораго польза законовъ и учрежденій могла быть оцѣниваема вполнѣ хорошо», и этимъ они способствовали водворенію справедливости **).

Нельзя сказать, что утилитаризмъ есть абсолютно ложная теорія. Скорѣе можно сказать, что онъ содержитъ часть истины, но не всю истину, что онъ является одностороннимъ выраженіемъ фактовъ. Разборъ утилитаризма, какъ и всякой другой ошибочной теоріи, представляется важнымъ потому, что даетъ намъ возможность уберечься отъ тѣхъ промаховъ, которые онъ допустилъ. Я буду разбирать отдѣльно Бентама и Милля, потому что между ученіемъ одного и другого есть очень существенное различіе.

Мы видѣли, что, по мнѣнію Бентама, человѣкъ — эгоистъ и что онъ благожелателенъ къ другимъ только потому, что это удовлетворяетъ его личнымъ интересамъ. Эгоизмъ — исходный пунктъ его моральной системы. Мы видѣли также, что онъ не могъ доказать, *какимъ образомъ изъ эгоизма могутъ быть выведены соціальныя добродѣтели*. Мы видѣли, что онъ долженъ былъ отвергнуть *самоотверженіе*, которымъ полна исторія и жизнь. Нельзя сказать поэтому, чтобы былъ не правъ Карлейль, который въ видѣ возраженія предложилъ утилитаристамъ слѣдующую задачу: «данъ міръ, полный подлецовъ; требуется показать, какимъ образомъ изъ соединенныхъ усилій ихъ возникаетъ добродѣтель».

Еще важнѣе пунктъ теоріи Бентама, что *удовольствія и страданія могутъ быть болѣе или менѣе точно разсчитаны*. Съ этимъ утвержденіемъ въ настоящее время едва ли кто-нибудь согласится.

---

*). Объ этомъ см. ст. *Раффаловича* въ кн. «Давидъ Юмъ и Іеремія Бентамъ». М. 1896, стр. XXX—XXXI.

**) *Muirhead*, «Elements of Ethics». 1893. Большое распространеніе утилитаризма объясняется демократическими тенденціями.

Что одно удовольствіе можетъ быть сравниваемо съ другимъ одно родными удовольствіемъ — это еще, пожалуй, можно допустить, но что удовольствія не могутъ быть сравниваемы со страданіями — это прямо вытекаетъ изъ того психологическаго положенія, что *между удовольствіями и страданіями нѣтъ ничего общаго*; это два совершенно разнородныхъ явленія, такихъ же разнородныхъ, какъ цвѣтъ и звукъ: подобно тому, какъ цвѣтъ и звукъ не могутъ быть сравниваемы другъ съ другомъ, такъ не можемъ мы сравнивать удовольствія съ страданіемъ. Можемъ ли мы, напр., сказать, что удовольствіе отъ какой-нибудь прекрасной мелодіи эквивалентно страданію, получающемуся отъ горечи хинина. Удовольствіе и страданіе не могутъ быть выражены при помощи какихъ-либо чиселъ, они *несоизмѣримы*.

На это могутъ возразить, что вѣдь на самомъ дѣлѣ въ практической жизни мы *выбираемъ* между однимъ дѣйствіемъ, которое можетъ доставить намъ удовольствіе и страданіе, и между другимъ дѣйствіемъ, которое также можетъ доставить удовольствіе и страданіе, другими словами, мы *выбираемъ* потому, что *измѣряемъ*, мы вычисляемъ, что одно дѣйствіе можетъ доставить намъ большее количество удовольствій или страданій. Но это разсужденіе неправильно. То обстоятельство, что мы выбираемъ между тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ, вовсе не доказываетъ, что мы измѣряемъ удовольствія и страданія, мы просто *предпочитаемъ* тѣ или другія дѣйствія; во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ нѣтъ мѣста *вычисленію* количества получаемаго удовольствія, а лишь *предпочтеніе*, зависящее часто отъ внутреннихъ свойствъ самого дѣйствія. Положимъ, мнѣ предстоитъ принять участіе въ какой-нибудь пирушкѣ въ обществѣ друзей; участіе въ этой пирушкѣ можетъ на самомъ дѣлѣ доставить мнѣ большую сумму удовольствій: положимъ, я отказываюсь отъ этой пирушки для того, чтобы на тѣ деньги, которыя я могъ истратить на нее, купить книгу, которая вообще можетъ мнѣ понадобиться. Здѣсь я не дѣлаю выбора между однимъ удовольствіемъ и другимъ, а просто выбираю второе дѣйствіе въ силу его *внутренняго достоинства*. Мнѣ представляется болѣе подходящимъ тратить деньги на то, что способствуетъ моему образованію, чѣмъ на удовольствія просто. То же самое можно видѣть и на другихъ примѣрахъ.

Мы отдаемъ предпочтеніе тому или другому дѣйствію вслѣдствіе его внутреннихъ достоинствъ, а не вслѣдствіе того, что оно доставляетъ большее количество удовольствія. Внутреннее свойство зависитъ отъ самого дѣйствія, отъ его *значенія*, а вовсе не отъ интенсивности доставляемаго имъ удовольствія.

Вычислять количество удовольствій можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы существовали удовольствія и страданія просто, если бы, напр., страданіе отъ зубной боли и страданіе отъ потери состоянія были однородны, если бы, напр., удовольствіе отъ слушанія

прекрасной мелодіи и удовольствіе отъ удовлетворенія голода были однородны. На самомъ дѣлѣ этого утверждать никакъ нельзя. Въ дѣйствительности, удовольствіе само по себѣ, *отвлеченно*, не существуетъ, а получаетъ свою характерную окраску отъ предмета, доставляющаго удовольствія. Напр., удовольствіе отъ пріобрѣтенія денегъ и удовольствіе отъ удовлетворенія честолюбія настолько отличны другъ отъ друга, что нельзя говорить объ удовольствіяхъ, не указавъ источника, изъ котораго они получаются, нельзя говорить объ удовольствіи просто.

Слѣдовательно, утилитаристы не правы, предлагая сравнивать удовольствія просто, необходимо обратить вниманіе на то, что вызываетъ удовольствіе, на качество удовольствія.

Въ тѣсной связи съ вычисленіемъ удовольствія находится и вопросъ *о распредѣленіи удовольствій или счастья*. Чтобы быть добродѣтельнымъ, я долженъ правильно распредѣлить то количество счастья, на которое я хочу увеличить общую сумму счастья. По смыслу утилитаристической теоріи, когда мы собираемся увеличить общую сумму счастья, мы должны правильно разсчитать и принять въ соображеніе какъ тѣхъ, которые будутъ нашимъ дѣйствіемъ облагодѣтельствованы, такъ и тѣхъ, которые вслѣдствіе нашихъ дѣйствій получатъ страданіе. Для того, чтобы мы могли произвести этотъ разсчетъ, мы должны принять въ соображеніе и то положеніе, которое принято у утилитаристовъ, именно, что *каждый долженъ считаться за одного и ни одинъ не долженъ считаться больше, чѣмъ за одного*. Безъ этого положенія то вычисленіе не могло бы быть произведено. Но можно ли согласиться съ этимъ положеніемъ? Конечно, нѣтъ. Люди такъ сильно отличаются другъ отъ друга по своимъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ свойствамъ, что каждаго считать за одного совсѣмъ не представляется возможнымъ.

Но разъ этого положенія признать нельзя, то и самое вычисленіе совершенно невыполнимо, потому что размѣръ удовольствія совершенно измѣняется, если оно попадаетъ одному индивидууму съ одними нравственными и умственными свойствами, или если оно приходится на долю другого индивидуума съ другими нравственными свойствами. Такимъ образомъ, при допущеніи основного предположенія Бентама, именно необходимости вычисленія удовольствій, никакъ нельзя было бы объяснить факта распредѣленія удовольствій, а безъ этого не мыслима никакая добродѣтель, а слѣдовательно, и моральная жизнь *).

Другой глава утилитарной школы, Д. С. Милль, какъ мы видѣли, говоритъ, что человѣкъ долженъ дѣйствовать для увеличенія общаго счастья, онъ *долженъ* стремиться къ общему благу. Но спрашивается,

---

*) На этотъ недостатокъ утилитаризма указалъ *Г. Спенсеръ* въ «Данныхъ этики» § 83 и д.

почему я долженъ увеличивать общую сумму счастья, исключая изъ этой суммы собственное счастье? Милль предполагаетъ, что вопросы этого рода не допускаютъ доказательствъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, но тѣмъ не менѣе, онъ думаетъ, что могутъ быть представлены соображенія, которыя могутъ сдѣлать это положеніе убѣдительнымъ.

Доказательство это, на которое я обращаю вниманіе вслѣдствіе его особенной оригинальности, сводится къ слѣдующему. Оно основывается на томъ фактѣ, что каждый индивидуумъ *желаетъ* для себя счастья. Это фактъ несомнѣнный. Изъ этого факта можно доказать, что общее счастье, т.-е. счастье всѣхъ людей должно быть желаемо. Нужно признать, что «счастье есть благо», именно, «счастье каждаго лица есть благо для этого лица», а изъ этого слѣдуетъ, что *общее благо есть благо для всѣхъ* и въ томъ числѣ и для меня, такъ какъ я принадлежу къ совокупности всѣхъ; я, слѣдовательно, *долженъ стремиться къ этому общему благу*.

Это очень неясное доказательство того, что мы должны стремиться къ общему счастью, нужно понимать такимъ образомъ. Я стремлюсь къ моему счастью, это есть благо для меня; ты стремишься къ твоему счастью, это есть твое благо; онъ стремится къ своему счастью, это есть его благо, слѣдовательно, общее счастье есть общее благо, а слѣдовательно, и мое. «Въ этомъ аргументѣ дѣлается выводъ,—говоритъ *Мэккензи* *),—что такъ какъ мои удовольствія суть благо для меня, твои—для тебя, его удовольствія для него, то поэтому мои удовольствія+твои удовольствія+его удовольствія—суть благо для меня+для тебя+для него».

Этотъ аргументъ, кстати сказать, единственный, который приводится Миллемъ для доказательства того положенія, что каждый *долженъ* стремиться къ общему благу, совсѣмъ неправиленъ, хотя ошибочность его и не бросается сразу въ глаза. Онъ содержитъ въ себѣ ошибку, которая извѣстна въ логикѣ, какъ *ошибка сложенія*. Здѣсь забывается, что ни удовольствія, ни лица не могутъ быть соединены въ одинъ аггрегатъ; это все равно, какъ если бы мы стали доказывать, что такъ какъ каждый изъ 100 солдатъ роты имѣетъ 6 фут. вышины, то поэтому вся рота имѣетъ 600 фут. вышины: это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы каждый солдатъ сталъ на голову другого. Точно такимъ же образомъ и аргументъ Милля былъ бы правиленъ только въ томъ случаѣ, если бы людскія сердца соединились въ *одно цѣлое*, такъ чтобы образовать *одинъ аггрегатъ*. Такъ какъ этого быть не можетъ, то и разсужденіе Милля нужно считать неправильнымъ. Этотъ аргументъ Карлейль, по своему обыкновенію, въ очень рѣзкой формѣ пародировалъ слѣдующимъ образомъ: «такъ какъ каждая свинья хочетъ удѣлить для себя возможно большее мѣсто среди

*) «Manual of Ethics». 3-е изд. 1897 стр. 219.

болотной грязи, то каждая по необходимости желаетъ этого для другой и, слѣдовательно, для всѣхъ» *).

Такимъ образомъ и Милль не былъ въ состояніи показать, какимъ образомъ изъ того факта, что мы стремимся къ личному счастью, можно доказать, что мы *должны* стремиться къ общему счастью.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію *психологическаго обоснованія* утилитаризма. Утилитаризмъ утверждаетъ, что всѣ живыя существа, въ томъ числѣ и люди, всегда и вездѣ стремятся къ удовольствію. Удовольствіе или освобожденіе отъ страданія есть единственная вещь, которая абсолютно желается; всѣ прочія вещи составляютъ предметъ стремленія не ради ихъ самихъ, но какъ *средство для достиженія удовольствія*. Это нужно понимать слѣдующимъ образомъ. Напр., мы видимъ, что рабочій работаетъ на фабрикѣ. Можемъ ли мы сказать, что работа на фабрикѣ есть конечная цѣль дѣятельности рабочаго? Разумѣется, нѣтъ. Работа на фабрикѣ служитъ средствомъ заработать деньги. Но заработать деньги опять не есть конечная цѣль его дѣятельности: деньги являются только средствомъ для удовлетворенія потребностей. Но и удовлетвореніе потребностей само по себѣ опять-таки не является конечною цѣлью дѣятельности рабочаго; оно, по мнѣнію утилитариста, является средствомъ для полученія удовольствія или счастья. Вотъ удовольствіе или счастье уже не есть средство для достиженія чего-нибудь, оно есть *цѣль* сама по себѣ. Мы къ нему стремимся *ради него самого*. Оно и есть *конечная цѣль* человѣческой жизни и дѣятельности, оно желается нами абсолютно. Такимъ образомъ утилитаристы абсолютную цѣнность удовольствія доказываютъ тѣмъ, что человѣческая природа фактически оцѣниваетъ его такимъ образомъ. Моралистъ въ этомъ случаѣ играетъ роль не законодателя, а истолкователя человѣческой природы, онъ не говоритъ, что хотя человѣческая природа и не оцѣниваетъ удовольствія, какъ абсолютно цѣннаго, но она *должна* была бы это дѣлать. Онъ утверждаетъ, что каждый человѣкъ стремится къ удовольствію, слѣдовательно, удовольствіе желательно. Очевидно, такимъ образомъ, что утилитаризмъ или гедонизмъ доказывается эмпирически **).

Но можно показать, что это психологическое доказательство утилитаризма неправильно.

Если бы это психологическое положеніе было доказано, именно, что живыя существа цѣлью своихъ дѣйствій поставляютъ достиженіе удовольствій, то принципъ утилитаризма можно было бы считать доказаннымъ. Его можно было бы считать безспорнымъ, если бы этотъ психологическій принципъ, на который утилитаристы ссылаются, былъ безспорнымъ; въ дѣйствительности же, если его и нельзя считать без-

*) Объ этомъ см. *Mackenzie*, «A Manual of Ethics» и *Muirhead*, «Elements of Ethics». 1893, стр. 112—113.

**) См. *Paulsen*, «System d. Ethik». I, 226.

условно ложнымъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ нуждается въ очень значительныхъ ограниченіяхъ.

Обратимъ вниманіе на то̀, какъ формулируютъ это основное положеніе утилитаристы. Они говорятъ: «Живыя существа стремятся къ достиженію удовольствія и къ устраненію страданія», «*цѣлью* человѣческой воли является достиженіе удовольствія и устраненіе страданія», «единственнымъ *мотивомъ* человѣческихъ дѣйствій является удовольствіе».

Если мы постараемся точно употреблять терминъ *цѣль*, то мы увидимъ, что въ дѣйствительности живыя существа цѣлью своихъ дѣйствій ставятъ вовсе не удовольствія, а нѣчто совершенно иное, что мы могли бы назвать *объективнымъ содержаніемъ;* въ представленіи этого содержанія представленіе удовольствій и страданій отступаетъ на задній планъ.

Сначала разсмотримъ, что̀ называется *цѣлью* волевой дѣятельности.

Если мы собираемся совершить какое-либо дѣйствіе, то въ нашемъ сознаніи является представленіе этого дѣйствія. Напр., я рѣшаю написать письмо своему брату. Я тотчасъ представляю себѣ предварительно картину этого дѣйствія, что я сяду за столъ, что я возьму въ руки перо, что передо мною будетъ лежать бумага, что я буду производить извѣстныя движенія и что результатомъ этихъ движеній явятся на бумагѣ извѣстные знаки, которые будутъ выражать извѣстныя мысли. Это *сознательное представленіе дѣйствія*, которое должно совершиться, составляетъ характерную черту волевого дѣйствія. Безъ этого не можетъ быть волевого дѣйствія. Возьмемъ другой примѣръ. Я не знаю, что̀ мнѣ въ данную минуту предпринять, писать ли письмо или идти гулять. Послѣ нѣкотораго раздумья, я рѣшаю писать письмо, потому что я представляю себѣ, что если отъ меня не будетъ получено своевременно извѣстія, то обо мнѣ будутъ безпокоиться. Вотъ это представленіе, опредѣляющее мое дѣйствіе, и называется *мотивомъ*. Оно также является характернымъ для волевого дѣйствія.

Мы въ каждомъ дѣйствіи, имѣющемъ произвольный, волевой характеръ, можемъ различить два момента. Я передъ совершеніемъ сознательнаго, произвольнаго дѣйствія представляю себѣ не только то дѣйствіе, которое совершу, но и тѣ *причины*, которыя заставляютъ меня совершить именно это дѣйствіе. Въ этомъ сложномъ представленіи особенную роль играетъ представленіе причинъ, почему я избираю именно это дѣйствіе. Мнѣ кажется, что я и дѣйствіе самое совершаю *для того,* чтобы въ результатѣ получилось то, *почему* я совершаю это дѣйствіе. Я эту причину моего дѣйствія могу назвать, поэтому, цѣлью моего дѣйствія.

Замѣтивъ эту терминологію, мы можемъ такъ формулировать гедонистическое ученіе. Оно именно утверждаетъ, что единственная *цѣль* волевыхъ дѣйствій, которая въ качествѣ мотива можетъ производить

дѣйствіе, есть достиженіе удовольствія и устраненіе страданія, т.-е., другими словами, по мнѣнію гедонистовъ, когда человѣкъ собирается совершить какое-либо дѣйствіе, то въ его представленіи непремѣнно рисуется то удовольствіе, котораго онъ достигнетъ, или то страданіе, котораго онъ избѣгнетъ.

По этой теоріи, человѣкъ ѣстъ потому, что онъ отъ такого процесса ожидаетъ облегченія отъ страданій голода и надѣется получить удовольствіе отъ насыщенія пищей. Онъ ложится спать потому, что думаетъ этимъ избѣжать страданій отъ усталости; онъ мститъ, чтобы избавиться отъ страданій оскорбленія и получить удовольствіе отъ возмездія; онъ помогаетъ и приноситъ жертвы, чтобы освободиться отъ страданія и получить удовольствіе отъ переживанія совмѣстнаго наслажденія; онъ избѣгаетъ опасности, потому что онъ избѣгаетъ страданія смерти и стремится наслаждаться жизнью; онъ бросается въ опасность, потому что боится страданія отъ стыда и стремится къ удовольствію отъ славы. Онъ беретъ, наконецъ, на себя мученическую смерть, потому что онъ не переноситъ страданія подчиненія, и стремится къ удовольствію отъ тріумфа *).

Намъ предстоитъ разсмотрѣть, дѣйствительно ли психологически правильно, что когда мы собираемся совершить то или другое дѣйствіе, то мы цѣлью этого дѣйствія непремѣнно поставляемъ достиженіе удовольствія или устраненіе страданія. Если мы разсмотримъ большинство человѣческихъ дѣйствій, то окажется, что именно *въ большинствѣ дѣйствій мы такихъ цѣлей не поставляемъ*. Я говорю о большинствѣ дѣйствій и не прибавляю при этомъ «волевыхъ», потому что въ число дѣйствій, которыя человѣкъ можетъ совершать, входятъ и дѣйствія такъ называемыя инстинктивныя, и дѣйствія подъ вліяніемъ влеченія, и привычныя дѣйствія, которыя не сопровождаются яснымъ представленіемъ того, что́ нами будетъ достигнуто, и которыя, тѣмъ не менѣе, тоже относятся къ числу такихъ дѣйствій, результатомъ которыхъ является достиженіе удовольствія и устраненіе страданій.

Есть факты, которые, кажется, прямо говорятъ въ пользу гедонистической теоріи. Напр., я иду въ театръ, чтобы посмотрѣть какую-нибудь смѣшную пьесу и получить отъ этого удовольствіе. Въ этомъ случаѣ, конечно, представленіе чувства удовольствія можетъ быть цѣлью моего дѣйствія или можетъ привести мою волю въ дѣятельное состояніе. Такихъ примѣровъ можно было бы привести много, но они, разумѣется, совсѣмъ не доказываютъ того, что воля можетъ быть приводима въ движеніе только удовольствіемъ. Если я, напр., вижу вдали идущій экипажъ и боясь, чтобы онъ не наѣхалъ на меня, отхожу въ сторону, то это, конечно, происходитъ не отъ того, чтобы я думалъ объ устраненіи страданія. Если какое-нибудь внезапное побужденіе къ самоубійству или преступленію приводитъ человѣка къ осущест-

*) *Gompers*, «Kritik des Hedonismus». 1898 г., стр. 25.

вленію того или другого дѣйствія, то, разумѣется, въ этомъ случаѣ нѣтъ возможности указать какіе-либо мотивы удовольствія. Если мой сосѣдъ за столомъ проситъ меня подать ему графинъ съ водою, и я ему подаю, или если кто-нибудь говоритъ: «смотрите сюда», и я совершаю это дѣйствіе, то едва ли кто-нибудь можетъ сказать, что эти дѣйствія суть дѣйствія подъ вліяніемъ удовольствія. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно дѣйствій подъ вліяніемъ *подражанія* и относительно такъ называемыхъ *привычныхъ дѣйствій*. Если мы видимъ, что кто-либо совершаетъ какое-либо дѣйствіе, напр., танцуетъ, то и у насъ, какъ извѣстно, является побужденіе совершать это дѣйствіе. Если я встрѣчаю на улицѣ знакомаго, привѣтствую его, заговариваю съ нимъ, то я дѣлаю это не потому, чтобы руководился какими-либо представленіями удовольствія, но потому, что я *привыкъ* такъ дѣйствовать *).

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе различныхъ видовъ человѣческихъ дѣйствій приводитъ насъ къ тому заключенію, что причиной или мотивомъ ихъ не является удовольствіе. Правда, что разсмотрѣнныя нами дѣйствія не относятся къ числу сознательно выбранныхъ, но если я остановился на нихъ, то потому, что сами утилитаристы не дѣлаютъ различія между волевыми дѣйствіями и дѣйствіями просто.

Разберемъ ближе случай дѣйствія подъ вліяніемъ *влеченія*, чтобы видѣть, что мотивомъ нашей дѣятельности не является представленіе удовольствія.

Я голоденъ, сажусь за столъ, чтобы пообѣдать. Гедонистъ скажетъ что *цѣль* моего дѣйствія есть удовольствіе, а что процессъ ѣды есть *средство* для достиженія этой цѣли. Такъ ли это? Въ самомъ ли дѣлѣ, когда мы собираемся утолить голодъ, въ нашемъ сознаніи удовольствіе является *цѣлью*, а процессъ ѣды *средствомъ*. Кажется, это разсужденіе совсѣмъ неправильно. На самомъ дѣлѣ цѣлью нашего дѣйствія является именно *объективный процессъ принятія пищи*, а вовсе не представляемое удовольствіе **). Т.-е., другими словами, когда я собираюсь сѣсть за столъ, чтобы утолить голодъ, то у меня въ представленіи является не удовольствіе насыщенія, а объективный процессъ принятія пищи. Конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ, у обжоръ, напр., можетъ быть и самое удовольствіе является въ представленіи, но этотъ случай—исключительный, не имѣющій руководящаго значенія.

Этотъ аргументъ представляетъ для насъ особую важность, но, что всего любопытнѣе, мы находимъ его у самихъ гедонистовъ. Напр., *Джемсъ Миллъ* ***), одинъ изъ видныхъ представителей утилитаризма, находитъ, что въ процессѣ утоленія голода наша воля направляется не на удовольствіе, а на объективный процессъ. Онъ находитъ, что

*) См. тамъ же.

**) См. *Paulsen*, «System d. Ethik.». I. 226 и д. Mackenz ie «Manual of Ethies». Кн. I гл. II.

***) Отецъ Джона Стюарта Милля, этическое ученіе котораго было изложено въ прошлой статьѣ. См. его «Analysis of the human Mind». Гл. XIX.

фактически это такъ. Но только онъ думаетъ, что это иллюзія, что въ дѣйствительности воля должна была бы направляться не на объективный процессъ, а на удовольствіе. Но почему же все-таки воля направляется не на удовольствіе, а на объективный процессъ? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. Первоначально объективный процессъ принятія пищи былъ *средствомъ* для достиженія удовольствія, которое являлось конечною цѣлью, но такъ какъ мы непосредственно стремились къ принятію пищи, какъ средству для достиженія удовольствія цѣли, то въ концѣ концовъ это *средство превратилось въ цѣль*. Оттого мы теперь и смотримъ на это средство, какъ на настоящую цѣль, а не какъ на средство.

Для насъ въ этомъ замѣчаніи Милля важно то, что онъ совершенно правильно признаетъ фактическую сторону, но съ объясненіемъ его мы можемъ не соглашаться, потому что это объясненіе приводится для того, чтобы спасти утилитаризмъ, такъ какъ этотъ фактъ находится въ рѣзкомъ съ нимъ противорѣчіи.

Что утилитаристы не правы, утверждая, что цѣль воли всегда есть удовольствіе, видно изъ того, что въ нашей душевной жизни *дѣйствія подъ вліяніемъ влеченій предшествуютъ появленію удовольствій*. Т. е. другими словами, живыя существа сначала дѣйствуютъ, не руководясь никакими удовольствіями; они только потомъ узнаютъ о существованіи самихъ удовольствій. Цыпленокъ начинаетъ клевать зерна, не имѣя никакого представленія о томъ удовольствіи, которое его ожидаетъ: это удовольствіе является только послѣ того, какъ влеченіе удовлетворено. Точно такимъ же образомъ и въ жизни человѣка. Если мы разсмотримъ исторію его чувствъ, то мы увидимъ, что они всѣ возникаютъ послѣ удовлетворенія влеченій. Напр., чувство благожелательности у ребенка первоначально отсутствуетъ. Ребенокъ совершаетъ актъ благожелательности и только послѣ этого онъ знакомится съ удовольствіемъ, проистекающимъ отъ совершенія этого акта. Такимъ образомъ въ развитіи душевной жизни удовлетвореніе влеченій предшествуетъ самому ознакомленію съ тѣми или другими видами удовольствія.

Какъ же гедонисты утверждаютъ, что человѣкъ *всегда* стремится къ удовольствію, когда онъ о самихъ удовольствіяхъ узнаетъ только впослѣдствіи?

Къ тому же заключенію мы придемъ, если разсмотримъ происхожденіе волевыхъ дѣйствій. Изъ психологіи извѣстно, что волевыя дѣйствія происходятъ изъ рефлективныхъ и инстинктивныхъ движеній.

Въ первоначальныхъ движеніяхъ, которыя совершаетъ человѣкъ, нѣтъ никакого представленія объ удовольствіяхъ и страданіяхъ, такъ какъ вообще нѣтъ никакого *представленія* о чемъ бы то ни было.

Дѣйствія въ этомъ періодѣ жизни таковы, что они имѣютъ цѣлью сохраненіе жизни организма. Всѣ тѣ дѣйствія, которыя способствуютъ сохраненію жизни организма, сопровождаются удовольствіемъ; всѣ тѣ

дѣйствія, которыя угрожаютъ опасностью для жизни, сопровождаются страданіемъ. Такимъ образомъ удовольствіе и страданіе суть показатели, признаки того, какія дѣйствія живое существо должно совершать и какихъ оно должно избѣгать. На этой стадіи развитія живое существо *не предвидитъ*, что результатомъ совершенія дѣйствія будетъ достиженіе удовольствія или устраненіе страданія; оно просто совершаетъ дѣйствіе. Только потомъ вслѣдствіе развитія, живое существо начинаетъ *предусматривать*, что результатомъ того или другого дѣйствія будетъ или достиженіе удовольствія, или устраненіе страданія.

Какъ происходитъ подобнаго рода развитіе можно изобразить, приблизительно, слѣдующимъ образомъ.

Предположимъ, что когда существо производитъ дѣйствіе А, то съ нимъ всегда связывается чувство удовольствія В. Если это совершалось много разъ, то вслѣдствіе ассоціаціи связь между дѣйствіемъ А и чувствомъ удовольствія В сдѣлается настолько прочной, что при представленіи дѣйствія А тотчасъ будетъ являться и представленіе удовольствія В. Слѣдовательно, съ представленіемъ *дѣйствія*, долженствующаго совершиться, будетъ являться и представленіе удовольствія. Когда животное стремится совершать такія дѣйствія, которыя способствуютъ сохраненію жизни, то при предоставленіи такихъ дѣйствій у него будетъ и представленіе удовольствія.

Такимъ образомъ представленіе удовольствія есть знакъ того, что дѣйствіе должно быть совершаемо, а представленіе страданія есть знакъ того, что дѣйствіе не должно быть совершаемо. Изъ этого ясно, что животное стремится къ совершенію именно *дѣйствій*, чувство же удовольствія или страданія является только предупрежденіемъ, какъ слѣдуетъ относиться къ тому или другому дѣйствію.

Изъ этого можно видѣть, до какой степени не правы гедонисты, когда они утверждаютъ, что живыя существа *всегда* стремятся къ удовольствію. Оказывается, что на первоначальной стадіи развитія представленія удовольствія нѣтъ, первоначально дѣйствія совершаются только благодаря влеченію; представленія вообще и представленіе удовольствія въ частности суть только лишь результатъ позднѣйшаго развитія.

Біологическое разсмотрѣніе приводитъ насъ къ тому же. Какъ я уже указалъ выше, чувство удовольствія всегда является показателемъ нормальной дѣятельности организма, чувство страданія является показателемъ разрушенія организма. Какъ одно, такъ и другое служатъ для организма руководствомъ для сохраненія жизни, одно является предупрежденіемъ опасности, другое является побужденіемъ для продолженія дѣйствія. Другими словами, оба чувства играютъ одинаковую роль въ сохраненіи жизни; поэтому для біолога дѣлить чувства на двѣ категоріи—на пріятныя и непріятныя—такъ же неосновательно, какъ для ботаника дѣлить всѣ растенія на полезныя и вредныя. Такъ какъ и удовольствія, и страданія одинаково служатъ для сохраненія жизни;

то спрашивается, отчего мы удовольствіе называемъ *абсолютной цѣлью*, а страданіе—нѣтъ? Смыслъ этого возраженія заключается въ томъ, что живыя существа въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются какъ удовольствіями, такъ и страданіями, одно и другое одинаково принимается въ соображеніе, когда живое существо собирается совершить какое-либо дѣйствіе. Отчего же въ такомъ случаѣ гедонистъ утверждаетъ, что удовольствіе есть *цѣль* воли; вѣдь съ такимъ же правомъ слѣдовало бы и страданіе считать цѣлью воли, такъ какъ ихъ біологическая функція одна и та же *).

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя человѣкъ можетъ совершать, мы видимъ, что въ нихъ онъ стремится не къ достиженію удовольствія и къ устраненію страданій, а къ совершеніе извѣстнаго *объективнаго* дѣйствія, и это справедливо не только по отношенію къ низшимъ волевымъ дѣйствіямъ, но и по отношенію къ высшимъ.

Цѣлью воли и здѣсь является не *удовольствіе*, а объективное *благо***).

---

*) См. Паульсенъ, ук. соч. стр. 237 и д. Что не удовольствіе приводитъ въ движеніе нашу волю, показываетъ и слѣдующее соображеніе. Если бы удовольствіе приводило въ движеніе нашу волю, то мы должны были бы ожидать, что оно будетъ производить тѣмъ болѣе сильное воздѣйствіе, чѣмъ отчетливѣе само *представленіе удовольствія*, а это бываетъ напр., тотчасъ послѣ ѣды. На самомъ же дѣлѣ происходитъ какъ разъ обратное: послѣ принятія пищи представленіе объ удовольствіи совсѣмъ не возбуждаетъ волю.

**) Объ этомъ см. Паульсенъ (ук. соч. 242 и д.). На этомъ вопросѣ я, къ сожалѣнію останавливаться дольше не могу, такъ какъ это могло бы завести насъ слишкомъ далеко. Рѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ приводитъ къ построенію такъ называемой *энергистической* системы этики. Интересующихся могу отослать къ книгѣ Паульсена, въ которой находится наилучшее обоснованіе этого ученія, я же ограничусь только указаніемъ нѣкоторыхъ общихъ соображеній, которыя онъ приводитъ. По его мнѣнію, цѣль, къ которой направляется воля, если выразить ее въ самой общей формулѣ, есть *нормальное выполненіе жизненныхъ функцій, на которыхъ основывается природа даннаго существа.* Каждое живое существо стремится жить тою жизнью, къ которой оно по природѣ предрасположено. Человѣкъ стремится къ человѣческой жизни съ полнымъ содержаніемъ таковой жизни, т.-е. онъ стремится жить духовной жизнью, въ которой есть мѣсто для осуществленія всѣхъ духовныхъ силъ и способностей.

Воля къ жизни, которая въ низшихъ существахъ обнаруживается, какъ слѣпо влеченіе къ выполненію жизненныхъ функцій, въ человѣкѣ приходитъ къ ясному сознанію самой себя. Человѣкъ представляетъ себѣ жизнь, на которую направляется его воля, въ извѣстномъ *образѣ*, *типѣ*, осуществленіе котораго составляетъ содержаніе его жизни, носится предъ нимъ какъ *идеалъ*, къ которому онъ стремится. Само собою разумѣется, что образъ совершенства у различныхъ людей принимаетъ различную форму. Одни черты онъ имѣетъ у грека или римлянина, другія у еврея, одни у воина или ученаго, другія у крестьянина. Только основная схема у нихъ можетъ быть общей.

Какъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и въ народѣ живетъ образъ того, чѣмъ онъ желаетъ быть. Этотъ образъ получаетъ выраженіе въ его религіи и поэзіи. Боги и герои представляютъ типы совершенства. Жизнь извѣстнаго куль-

Человѣкъ стремится къ благу, какъ къ чему-то объективному. Такой взглядъ на цѣль воли мы находимъ у одного изъ самыхъ выдающихся естествоиспытателей нашего вѣка. Чарльзъ Дарвинъ въ своемъ сочиненіи «Происхожденіе видовъ» въ 4 гл. говоритъ: «по отношенію къ низшимъ животнымъ можно съ большимъ вѣроятіемъ принять, что развитіе общественныхъ инстинктовъ совершалось у нихъ скорѣе ради общаго *блага*, чѣмъ ради *счастія* вида. Подъ словомъ общее благо можно понимать средство, благодаря которому возможно большее число особей можетъ выюсти въ полномъ здоровьи и силѣ и развить всѣ свои способности при данныхъ условіяхъ. Желательнѣе принять за мѣрило нравственности общее *благо* и общее благосостояніе, чѣмъ общее счастье» *).

Итакъ, съ психологической точки зрѣнія утилитаризмъ долженъ быть признанъ несостоятельнымъ потому, что воля стремится не къ удовольствію, а къ объективному дѣйствію. Но и съ другихъ точекъ зрѣнія утилитаризмъ не можетъ быть признанъ удовлетворительной теоріей.

Прежде всего, по мнѣнію утилитаристовъ, хотя цѣль жизни и составляетъ счастье, но *ставить непосредственною цѣлью жизни счастіе, значитъ не достигнуть его.* Непосредственною цѣлью жизни слѣдуетъ ставить что-нибудь объективное, независимо отъ представленія счастія. Это именно и есть то, что въ литературѣ называется *основнымъ парадоксомъ гедонизма.* Седжвикъ утверждаетъ, что то, къ чему мы стремимся, по большей части есть какая-либо *объективная* цѣль, а не *удовольствіе*; онъ указываетъ на то, что если мы даже желаемъ удовольствія, то лучшій путь достигнуть его заключается въ томъ, чтобы забыть о немъ. Если мы думаемъ о самомъ удовольствіи, то мы обыкновенно его не получаемъ, если же мы направляемъ наше желаніе на какія-либо объективныя цѣли, то удовольствіе приходитъ само собой. Человѣкъ, который всегда придерживается эпикурейскаго настроенія, ставя своею цѣлью постоянное удовольствіе, никогда не получаетъ полнаго удовольствія. Такимъ образомъ, здѣсь обнаруживается основной порокъ гедонизма, что стремленіе къ удовольствію, если оно слишкомъ преобладаетъ, не достигаетъ своей цѣли. Этотъ порокъ гедонизма былъ

турнаго періода управляется идеями. Возникаютъ извѣстныя идеальные типы жизни, которыя овладѣваютъ сердцами, приводятъ въ движеніе мысли и въ концѣ концовъ преобразовываютъ жизнь. Вспомнимъ о гуманистическомъ движеніи XV столѣтія и о его новомъ жизненномъ идеалѣ, о реформаціи и о ея новомъ типѣ христіанской вѣры и жизни, о вѣкѣ Людовика XIV и о его идеалѣ могущества и достоинства, о французской революціи и ея новомъ идеалѣ жизни, соотвѣтствующемъ природѣ и разуму.

Такимъ образомъ ясно, что воля безусловно направляется на осуществленіе какой-либо идеи или *типа жизни.* Народъ желаетъ свободы или могущества безусловно, а не ради удовольствія и счастья. Конечно, осуществленіе идеала сопровождается чувствомъ удовлетворенія или счастья, но будетъ ли это осуществленіе доставлять максимумъ счастья, объ этомъ народъ, стремящійся къ осуществленію того или другого идеала, обыкновенно не спрашиваетъ (ук. соч. 242—245).

*) Сочиненія Дарвина. Изд. Поповой. 1896 г., т. 2-й, стр. 84.

признанъ самимъ Миллемъ: «Я никогда не сомнѣвался,—говоритъ—онъ, что счастье есть пробный камень всѣхъ правилъ поведенія и цѣль жизни, но теперь я сталъ думать, что единственное средство достигнуть его—это не дѣлать его непосредственною цѣлью существованія. Только тѣ счастливы, думалъ я, умъ которыхъ направленъ на что-либо иное, а не на счастіе другого, на улучшеніе положенія человѣчества, на какое-нибудь дѣйствіе, какое-нибудь изслѣдованіе, которое они преслѣдуютъ не какъ средство, но какъ какую-либо идеальную цѣль. Такимъ образомъ, стремясь къ чему-то другому, они находятъ счастіе. Въ жизни достаточно удовольствій для того, чтобы сдѣлать ее привлекательной, если только мы собираемъ ихъ мимоходомъ, а не дѣлаемъ изъ нихъ главной задачи существованія. Попробуйте ихъ сдѣлать главной цѣль жизни и вы точасъ найдете ихъ недостаточными. Спросите самихъ себя: счастливы ли вы? и вы перестанете быть таковымъ. Есть одно средство быть счастливымъ: оно состоитъ въ томъ, чтобы избрать цѣлью жизни не счастье, но какую-либо цѣль, чуждую ему» *).

Далѣе, принципъ утилитаризма *не примѣняется нами въ жизни*, балансъ удовольствій и страданій не принимается нами въ соображеніе, никогда опредѣленіе цѣнности жизни единичной или народной мы не основываемъ на вычисленіи баланса удовольствій. Врачъ, избирающій, то или другое средство, принимаетъ въ соображеніе не чувство удовольствія, но задается вопросомъ о вліяніи его на жизненныя функціи. Воспитатель, думающій о примѣненіи той или другой педагогической мѣры, не задается вопросомъ о томъ, приведетъ ли она ребенка къ извѣстному максимуму удовольствія, но спрашиваетъ обыкновенно только лишь о томъ, будетъ ли она служить къ развитію въ питомцѣ интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей въ смыслѣ жизненнаго идеала. Точно также поступаетъ и государственный дѣятель, когда онъ обсуждаетъ какой-либо вопросъ о той или другой реформѣ, онъ не принимаетъ въ соображеніе то или другое количество удовольствій, но принимаетъ въ соображеніе вредное или полезное воздѣйствіе извѣстной мѣры на развитіе народа въ смыслѣ его идеальнаго образа. Если какой-либо народъ желаетъ свободы или могущества, то онъ не разсчитываетъ, какъ дорого будетъ ему стоить его идеалъ, какую сумму счастья доставитъ ему достиженіе идеала. Да о какомъ *вычисленіи* суммы счастья можетъ идти рѣчь, когда приходится вести кровопролитныя войны для достиженія идеала? **).

---

*) Автобіографія, М. 1896 стр. 126. См. также *Sidgwik* «The Methods of Ethics» стр. 48.

**) См. *Паульсенъ*, ук. соч. 245 и д. Доктрина утилитаризма у насъ признается очень многими, часто и сторонниками экономическаго матеріализма. *Н. А. Бердяевъ* въ статьѣ «Ф. А. Ланге и критическая философія». («Міръ Божій» 1900. № 7-8, стр. 248) совершенно правильно указалъ на несовмѣстимость сознательнаго разсчета, который требуется утилитаризмомъ, съ экономическимъ матеріализмомъ.

Мы видѣли, что, по Бентаму, главнымъ свойствомъ удовольствія является *количество*, а не происхожденіе его, но уже Милль находилъ этотъ взглядъ неудовлетворительнымъ и требовалъ при разсмотрѣніи удовольствія принимать въ соображеніе происхожденіе удовольствія или качество его, и одни удовольствія онъ ставилъ выше, чѣмъ другія; очевидно, что одни удовольствія находятся въ связи съ *развитіемъ духовныхъ силъ человѣка* и потому цѣнятся высоко, другія же, которыя этого не предполагаютъ, цѣнятся низко. Что въ самомъ дѣлѣ не просто удовольствіе составляетъ цѣль человѣческой жизни, а удовольствіе, соотвѣтствующее извѣстной *дѣятельности*, показываетъ слѣдующее предположеніе. Допустимъ, что техническому искусству удалось найти средство, которое приводило бы человѣка въ состояніе пріятныхъ сновидѣній, но безъ вреда для здоровья. Рѣшились ли бы мы совѣтовать это средство и считали ли бы мы изобрѣтателя благодѣтелемъ человѣчества? Вѣдь удовольствіе осталось бы удовольствіемъ, какими бы причинами оно ни производилось. Можно быть увѣреннымъ, что и гедонистъ отвергъ бы такую жизнь, очевидно потому, что такая жизнь была бы неестественною, она уже не была бы человѣческою жизнью. Такая жизнь для человѣческой воли была бы совершенно недостаточной жизнью *).

Что *качество* удовольствій или происхожденіе ихъ играетъ весьма важную роль, можно доказать еще однимъ простымъ примѣромъ. Если бы человѣкъ интеллигентный сталъ искать для себя развлеченія въ такой игрѣ, какъ орелъ и рѣшотка, то мы такое развлеченіе сочли бы недостойнымъ. Отчего же, когда мы видимъ, что этой игрѣ предаются мастеровые, мы въ этомъ ничего не находимъ неестественнаго? отчего намъ кажется неестественнымъ, когда мы видимъ интеллигентнаго человѣка занятаго этой игрой? Вѣдь съ точки зрѣнія Бентама *количество* удовольствій представляется самымъ главнымъ, «если количество удовольствій равно, то игра въ бирюльки имѣетъ такую же цѣну, какъ и удовольстіе отъ поэзіи», говорилъ онъ, но очевидно, что это противорѣчитъ человѣческимъ чувствамъ. Мы считаемъ эту игру недостойной интеллигентнаго человѣка потому, что она не соотвѣтствуетъ степени развитія духовныхъ силъ его. Слѣдовательно, мы принимаемъ въ соображеніе *качество* удовольствій, а такъ какъ качество находится въ зависимости отъ проявленій духовныхъ силъ человѣка, то, мы, слѣдовательно, вводимъ элементъ, котораго въ гедонизмѣ, какъ въ таковомъ, собственно, не содержится.

Есть еще одно обстоятельство, которое указываетъ на то, что гедонизмъ не есть истинное выраженіе фактовъ нравственной жизни, это именно то, что *страданія собственно есть необходимый элементъ человѣческой жизни*. Карлейль въ своей книгѣ о «Герояхъ и героическомъ», говоритъ слѣдующее: «нужно считать клеветой на человѣчество, если

*) См. *Паульсенъ*, ук. соч. 241—242.

кто думаетъ, что человѣкъ побуждается къ героической дѣятельности видами на удовольствіе, наградой въ этомъ мірѣ или въ другомъ; даже бѣдный солдатъ, нанятый для того, чтобы быть убитымъ, имѣетъ свою особенную солдатскую честь. Не для того, чтобы отвѣдывать сладости, но для того, чтобы совершить благородное, возвышенное, показать себя богосозданнымъ человѣкомъ подъ божественнымъ нѣбомъ—вотъ то, къ чему стремится самый несчастный сынъ Адама; покажите ему путь для этого и самый тупой ремесленникъ возвысится до героическаго. Трудъ, самоотверженіе, мученичество, смерть — вотъ приманки, которыя дѣйствуютъ на человѣческое сердце» *)...

Мнѣ кажется, наконецъ, что *критерій утилитаризма не отвѣчаетъ человѣческимъ чувствамъ*, что онъ противорѣчитъ представленіямъ человѣка о высшей нравственности, и если вы постараетесь анализировать примѣры, которые я вамъ приведу, то вы согласитесь со мной въ этомъ. Положимъ, Сократъ, не историческій, а фантастическій, по убѣжденію друзей, бѣжалъ изъ темницы. Тюремный стражъ его преслѣдуетъ, они добѣжали до рѣки. Сократъ, какъ опытный пловецъ, бросается въ рѣку и переплываетъ ее; оборачивается, чтобы посмотрѣть на своего преслѣдователя, и видитъ, что онъ тонетъ. Спрашивается, какъ Сократу слѣдуетъ поступить? продолжать ли бѣгство, или спасти утопающаго? По мнѣнію утилитариста, Сократъ долженъ продолжать бѣгство, такъ какъ съ точки зрѣнія общаго счастья, его жизнь представляетъ бо̀льшую цѣнность, чѣмъ жизнь тюремнаго стража: онъ можетъ увеличить общую сумму счастья, а тюремный стражъ этого не можетъ. Но легко видѣть, что Сократъ, разсуждающій согласно принципу утилитаризма, въ нашихъ глазахъ не представился бы героемъ. Или вотъ другой примѣръ. Положимъ, на кораблѣ произошелъ пожаръ и мнѣ предстоитъ спасти одного изъ двухъ — или извѣстнаго писателя, или кочегара. Если бы я рѣшилъ дѣйствовать согласно утилитарному принципу, я былъ бы въ полной нерѣшимости. Я долженъ былъ бы принять въ соображеніе два слѣдующихъ обстоятельства: во-1-хъ, согласно правилу Бентама, что каждый считается за одного, и ни одинъ больше, чѣмъ за одного, я имѣлъ бы столько же основанія спасать кочегара, сколько и писателя; съ другой стороны, вспоминая, что писатель можетъ увеличивать общую сумму счастья, я долженъ спасать именно его. Но спрашивается, отвѣчаетъ ли такое *разсужденіе* и вычисленіе нашимъ идеальнымъ требованіямъ?

Итакъ, мы видимъ, что утилитарный принципъ не доказуемъ изъ теоретическихъ основаній, противорѣчитъ положеніямъ психологіи и біологіи; онъ не примѣняется нами въ жизни, наконецъ, противорѣчитъ и чувствамъ человѣка. Какія же въ такомъ случаѣ основанія для насъ придерживаться его? Оставимъ его и поищемъ нравственнаго принципа на другихъ путяхъ.

---

*) Паульсенъ. Ibid. 235 — 236.

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ И ЕЯ ВРЕМЯ.

(*Окончаніе* *).

VI.

На этомъ обрывается вмѣшательство Ж. Зандъ въ сферу политики. Она надолго погружается въ составленіе своихъ мемуаровъ и замыкается въ деревенское уединеніе. «Я многому научилась,—пишетъ она въ «Histoire de ma vie»,—многое пережила и сильно постарѣла за этотъ короткій промежутокъ времени (отъ февраля до іюня 1848 г.), на моей теперешней оцѣнкѣ всѣхъ идей, наполнявшихъ теченіе моей жизни, быть можетъ, отзовется эта запоздалая и быстро пріобрѣтенная опытность въ сферѣ общей жизни... Богъ вѣсть, будетъ ли у меня та же наивная вѣра, та же довѣрчивая страстность, которыя внутренно меня поддерживали!.. Я глазами совершила походъ въ міръ фактовъ и вернулась изъ него не такою, какою я его предприняла. Я потеряла въ немъ иллюзіи молодости, которыя, вслѣдствіе преимуществъ моей уединенной и созерцательной жизни (?), я сохраняла дольше обыкновеннаго».

Эти невеселыя размышленія справедливы въ томъ смыслѣ, что кратковременная близость къ активнымъ факторамъ исторіи навсегда отбила у Ж. Зандъ охоту непосредственно участвовать въ процессѣ, который смѣется надъ ея благими намѣреніями, но ничто не могло разрушить ея вѣры въ человѣческую природу и ея сердечнаго отношенія ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Даже трагическія событія іюньскихъ дней не сдѣлали ее ни пессимисткой, ни мизантропкой, хотя легко себѣ представить, какою глубокою скорбью они должны были отозваться въ ея любвеобильномъ и незлобивомъ сердцѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ она такъ радостно привѣтствовала торжество народнаго дѣла и такъ вѣрила, что отнынѣ французскій народъ сталъ единымъ, что въ его чувствахъ, сознаніи и стремленіяхъ, наконецъ, сказалась великая міровая душа, все направляющая къ высшей справедливости! Какое разочарованіе! Ея подавленное настроеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ ея непогибающій идеализмъ чрезвычайно характерно выразились въ предисловіи къ ея лучшему роману изъ сельской жизни

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

«La petite Fadette». «Послѣ злополучныхъ іюньскихъ дней,—пишетъ она здѣсь,—до глубины души взволнованная и удрученная внѣшними бурями, я силилась вновь найти въ одиночествѣ если не спокойствіе, то, по крайней мѣрѣ, вѣру. Если бы я была профессіональнымъ философомъ, я бы могла думать или предполагать, что вѣра въ идеи способствуетъ спокойствію души, несмотря на гибельныя событія современной исторіи; но для меня это невозможно, и я смиренно сознаюсь, что даже увѣренность въ будущемъ, ниспосылаемомъ Провидѣніемъ, не могла бы заглушить въ душѣ художника приступовъ печали по поводу настоящаго, омраченнаго и израненнаго междуусобной войной. Для людей дѣйствія, лично интересующихся политическими событіями, во всякой партіи, во всякомъ положеніи существуетъ волненіе надежды или опасенія, злоба или радость, упоеніе побѣдой или досада на пораженіе. Но для бѣднаго поэта, равно какъ и для праздной женщины, которыя слѣдятъ за событіями, не находя въ нихъ прямого и личнаго интереса, каковъ бы ни былъ результатъ борьбы, кровопролитіе всегда глубоко ненавистно, все равно съ чьей стороны, и имъ овладѣваетъ кокое-то отчаяніе при видѣ ненависти, оскорбленій, угрозъ, клеветы, поднимающихся къ небесамъ, какъ отъ нечистой жертвы соціальныхъ потрясеній. Въ эти-то минуты такой грозный и могучій геній, какъ у Данте, пишетъ своими слезами, своею желчью и нервами ужасную поэму, драму, полную пытокъ и стоновъ. Надо быть такимъ закаленнымъ, какъ его желѣзная натура, чтобы сосредоточить свое воображеніе на всѣхъ ужасахъ этого символическаго ада, когда имѣешь передъ глязами скорбное чистилище отчаянія на землѣ. Въ наше время художникъ, болѣе мягкій и чувствительный, являющійся только отраженіемъ и отголоскомъ подобнаго ему поколѣнія, ощущаетъ настоятельную потребность отвратить взоръ и отвлечь воображеніе, перенесясь къ идеалу спокойствія, невинности и мечты. Его душевная слабость заставляетъ его такъ дѣйствовать, но пусть онъ ея не стыдится, такъ какъ въ этомъ также заключается и его долгъ. Въ тѣ времена, когда зло происходитъ отъ взаимнаго отрицанія и ненависти между людьми, миссія художника—прославлять кротость, довѣрчивость, дружбу и напоминать такимъ образомъ людямъ, зачерствѣвшимъ или павшимъ духомъ, что чистота нравовъ, нѣжное чувство и первобытная справедливость существуютъ или еще могутъ существовать на землѣ. Не въ прямыхъ намекахъ на современныя несчастія, не въ воззваніи къ нанаходящимся въ броженіи страстямъ заключается путь къ спасенію; тихая пѣсня, звукъ сельской дудки, сказка, убаюкивающія маленькихъ дѣтей безъ страха и страданія,—все это лучше, чѣмъ зрѣлище дѣйствительныхъ золъ, да еще усиленныхъ и омраченныхъ красками вымысла. Проповѣдывать единеніе, когда убиваютъ другъ друга, это все равно, что взывать въ пустынѣ. Бываютъ времена, когда души такъ взволнованы, что остаются глухи ко всякому непосредственному

увѣщанію. Послѣ этихъ іюньскихъ дней, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ которыхъ являются настоящія событія (эти строки писались въ декабрѣ 1851 года, непосредственно вслѣдъ за насиліемъ президента Луи-Наполеона надъ конституціей) авторъ этого разсказа поставилъ себѣ задачей быть благодушнымъ, хотя бы это ему стоило жизни...»

Трудно, конечно, согласиться съ изложеннымъ здѣсь взглядомъ, что въ моменты острой борьбы художникъ долженъ изображать только идиліи. Крупные художники, творчество которыхъ стоитъ въ непосредственной связи съ ихъ внутреннею жизнью, въ такіе моменты не могутъ воплощать въ образъ ничего другого, кромѣ своего негодованія или воодушевленія. Только въ періоды нравственнаго декаданса и общественнаго безплодія наблюдается оторванность литературы и вообще искусства отъ дѣйствительности, что и случилось съ французскимъ искусствомъ послѣдующаго періода. Въ этомъ смыслѣ выписанная нами страничка и любопытна: здѣсь изложена безъ рисовки, безъ задней мысли, безъ маски эстетическихъ теорій психологія послѣдующихъ поколѣній французскихъ литераторовъ и артистовъ. Сама Ж. Зандъ никогда не замыкалась въ черствомъ самодовольствѣ своимъ талантомъ; она отстранилась отъ исторической жизни своего общества, но у нея не было къ нему высокомѣрнаго презрѣнія, какъ у позднѣйшихъ парнассцевъ. Она до самаго конца жизни съ теплымъ участіемъ продолжала слѣдить за колебаніями общественной борьбы, хотя это и не такъ осязательно выражается въ ея произведеніяхъ послѣ 1848 г., но всегда ясно чувствуется. Но біографія ея послѣ этого перелома стала исключительно личной и литературной. Время отъ времени она высказывалась по тому или другому общему вопросу, но только въ качествѣ посторонней зрительницы. «Находятъ, что я слишкомъ снисходительна къ явленіямъ и людямъ настоящаго времени,—писала она въ 1860 году.—Я не такъ снисходительна, какъ думаютъ. Я набралась терпѣнія, поскольку это нужно, вотъ и все. Переживъ столько событій, надъ которыми судъ произнесенъ, я не люблю терзать то, что я осуждаю,—я предпочитаю забывать».

И дѣйствительно, не скрывая своихъ симпатій и аспирацій, она безъ озлобленія оцѣниваетъ новыхъ правителей и новое общество. Она указываетъ интенсивный процессъ деморализаціи во всѣхъ классахъ народа. Буржуазія, у которой 48-й годъ также отбилъ охоту къ политикѣ, предается легкой жизни безъ правъ и обязанностей; стремленіе къ блеску и наслажденіямъ во что бы то ни стало, страсть къ сильнымъ ощущеніямъ и всевозможному риску, непремѣнное желаніе корчить аристократовъ, въ родословную которыхъ никто не вѣритъ,—все это, по мнѣнію Ж. Зандъ, лишаетъ буржуазію значенія общественнаго класса. Пролетаріатъ, кромѣ небольшой кучки политикующихъ членовъ тайныхъ обществъ, также теряетъ всякое сознаніе общей цѣли. Тѣ, которые въ состояніи, лѣзутъ въ буржуазію, какъ послѣдняя въ аристократію,

а остальные теряютъ человѣческій обликъ отъ нищеты и отъ развращающого вліянія праздныхъ господствующихъ классовъ. Крестьянство удовлетворено; оно все болѣе и болѣе утрачиваетъ чувство солидарности съ городскимъ рабочимъ. Крестьянинъ ѣстъ говядину и не ходитъ пѣшкомъ на базаръ. «Славное время!—размышляетъ онъ.—Богатые разоряются, рабочіе ссорятся и ничего не копятъ. А мы поживаемъ недурно и тратимъ немного. Крупныя помѣстья дробятся, и мы покупаемъ по мелочамъ». Таковы элементы, составляющіе народъ. Элементы власти такого же невысокаго разбора. Ж. Зандъ теперь не питаетъ уже прежней вѣры въ республиканскую форму правленія. «Республика или монархія, не все ли равно», лишь бы государство дѣйствительно служило народу, а не наоборотъ. Каково же нынѣшнее правительство Франціи? «Буржуазная имперія обѣщала не быть военной; сдѣлавшись серьезно демократической, она могла перекинуть мостъ черезъ пропасть (между классами богатыхъ и бѣдныхъ). Сначала казалось, что такова и была ея программа; но имперія не сумѣла удержаться на этой программѣ и впала въ ошибку неаполитанскихъ Бурбоновъ: управлять не *въ интересахъ* народа, а *посредствомъ* народа». «Имперія, исходя изъ плебисцита, положила основаніе царству невѣжества, предоставляя себѣ управлять имъ посредствомъ силы, если оно ее будетъ стѣснять».

Эти здравыя и независимыя сужденія Ж. Зандъ не портили ей отношеній съ императорскимъ домомъ. Наполеонъ III умѣлъ оцѣнивать людей; ему не трудно было видѣть, что Ж. Зандъ не представляется опасной для его власти, что она не стремится, да и не могла бы играть активной оппозиціонной роли. При этомъ онъ всегда пользовался случаемъ, чтобы выставить на видъ свою терпимость, а также любилъ показать свое расположеніе къ литераторамъ. Онъ былъ благодаренъ Ж. Зандъ уже за то, что она съ самаго начала не заняла по отношенію къ нему такой непримиримой позиціи, какъ В. Гюго, и въ воздаяніе за это внимательно относился къ ея многочисленнымъ ходатайствамъ въ защиту политическихъ изгнанниковъ и заключенныхъ. Первое такое ходатайство послѣдовало сейчасъ же послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года, послѣднее въ августѣ 1870 года, такъ что Наполеонъ III былъ низложенъ раньше, чѣмъ далъ на него отвѣтъ. Большинство политическихъ изгнанниковъ и между ними наиболѣе видные, В. Гюго, Л. Бланъ, Феликсъ Піа, Э. Кине, Барбесъ, отказывались воспользоваться милостью императора, говоря, что «преступникъ не можетъ прощать своимъ жертвамъ», что не они, а онъ нуждается въ прощеніи, потому что онъ нарушилъ законы, а они ихъ защищали. Но Ж. Зандъ охотно приносила въ жертву и юридическую справедливость, и собственное самолюбіе, когда представлялся случай облегчить чью-нибудь участь, независимо отъ того, кто нуждается въ ея заступничествѣ,—пріятель или неизвѣстный ей человѣкъ,

видный дѣятель или заурядная пѣшка, симпатичный ей по убѣжденіямъ или несимпатичный. Несмотря на такое «непринципіальное» поведеніе, Ж. Зандъ сохраняла репутацію республиканки и пользовалась уваженіемъ даже среди младшихъ поколѣній оппозиціи. Въ концѣ 60-хъ годовъ молодежь Латинскаго квартала тенденціозно апплодировала ея драмамъ, къ которымъ она получила настоящую страсть, хотя совершенно лишена была таланта въ области драматургіи.

«Страшный годъ» прусскаго нашествія еще разъ глубоко взволновалъ патріотическія чувства Ж. Зандъ. Она пишетъ цѣлую книгу («Journal d'un voyageur pendant la guerre»), полную воинственнаго одушевленія, но немного высокопарную, какъ всѣ французскія произведенія на эту тему. Слѣдовавшія за войной трагическія событія сопровождавшія первые шаги воскресшей республики, также вызвали съ ея стороны горячее участіе. Основываясь на своихъ долголѣтнихъ наблюденіяхъ, она хочетъ разобраться въ новыхъ для нея явленіяхъ, но они оказались сложнѣе, чѣмъ могли вмѣстить ея слабѣющія умственныя силы. Она оказалась совершенно неспособной правильно оріентироваться въ свалкѣ ожесточенной борьбы и не видѣла даже, какъ много общаго между событіями 1871 и 1848 годовъ. И тогда, и теперь дѣйствующіе персонажи были одни и тѣ же: съ одной стороны представители провинціи, которые девизомъ республики прикрывали отсталые или прямо реакціонные принципы и опирались на военную силу, съ другой стороны парижская демократія, одушевленная неяснымъ, но все же искреннимъ идеаломъ соціальнаго и политическаго прогресса. Въ 1848 г. Ж. Зандъ даже съ излишней энергіей настаивала на томъ, что Парижу принадлежитъ по праву руководящая и рѣшающая роль въ жизни страны и что нельзя претендовать на него, если онъ проводитъ свои желанія даже принудительнымъ путемъ. Теперь она отрицаетъ, чтобы парижскіе инсургенты имѣли право называть себя представителями не только французскаго народа, но даже парижскаго населенія. Она называетъ ихъ «ордой бандитовъ, за которыми идетъ маленькая армія безумцевъ», отбросами общества, озлобленными голодомъ. Той же терминологіи держалась пресса Тьера и его сподвижниковъ, съ которыми Ж. Зандъ стыдилась бы солидаризоваться въ 1848 году. Очевидно, изъ того же источника она черпаетъ всѣ фактическія справки. Такъ, въ подтвержденіе своей мысли, что война идетъ не съ Парижемъ, а съ горстью уличнаго сброда, Ж. Зандъ говоритъ, что ихъ не болѣе 80.000 человѣкъ, тогда какъ въ дѣйствительности только подъ ружьемъ было 120.000, а въ коммунальныхъ выборахъ участвовало 227.300 человѣкъ *). Она ставитъ имъ въ упрекъ, что они подчинились мирному договору съ пруссаками, хотя

*) *Инсаровъ*, «Современная Франція», Спб. 1900 г. Изъ этой интересной книги взяты точныя данныя и относительно другихъ эпизодовъ парижскаго возстанія 1871 года.

сама же прибавляетъ, что не подчиниться было бы безумно. Она особенно возмущается разрушеніемъ Вандомской колонны, памятника военной славы, на глазахъ у торжествующихъ нѣмцевъ. Но въ этомъ актѣ выразилось мужественное и достойное уваженія сознаніе, что такіе подвиги, какъ завоеванія Наполеона, не прославляютъ, а позорятъ націю. «Это ничто иное, какъ оргія воображаемыхъ реформаторовъ, у которыхъ нѣтъ ни одной идеи, ни одного принципа, ни малѣйшей серьезной организаціи, ни малѣйшей солидарности съ націей, ни малѣйшихъ видовъ на будущее. Невѣжество, цинизмъ и грубое насиліе,— вотъ все, что исходитъ изъ этой такъ называемой соціальной революціи». Совершенно справедливо, что у нихъ не было солидной организаціи, потому что трудно создать таковую подъ пушечными выстрѣлами; также вѣрно, что у нихъ не было солидарности съ націей, иначе не произошло бы и междуусобной войны, но также мало солидарности было между Парижемъ и остальной Франціей въ 1848 году. Не было и общаго принципа, объединяющаго всѣхъ участниковъ парижскаго возстанія 1871 г., но утверждать, что у нихъ не было ни одного принципа и ни одной идеи, можно было только въ ослѣпленіи вражды; они высказали и даже осуществили много идей, которыя и до сихъ поръ не сходятъ съ программъ прогрессивныхъ партій во всѣхъ парламентскихъ странахъ: достаточно упомянуть, что они приняли принципъ народной милиціи вмѣсто постояннаго войска, провели нѣсколько мѣръ защиты труда, удешевили судебный процессъ. Что касается невѣжества, то несомнѣнно, что подавляющая масса инсургентовъ были малообразованные рабочіе, но какъ высоко они цѣнили образованіе и культуру, видно изъ цѣлаго ряда мѣръ, проведенныхъ въ интересахъ народнаго образованія. Въ то время, какъ версальскія войска осаждали городъ, внутри его оставались открытыми школы, библіотеки и музеи, и служащіе въ нихъ были освобождены отъ военной повинности. Остается еще упрекъ въ грубыхъ насиліяхъ; отдѣльныя лица изъ числа руководителей возстанія дѣйствительно заслужили его: въ озлобленіи послѣднихъ усилій защиты, когда уже никакой власти въ городѣ не существовало, было разстрѣляно нѣсколько плѣнныхъ, которыхъ считали заложниками. Но отчего же Ж. Зандъ не нашла ни одного слова упрека по адресу усмирителей, которые цѣлыми толпами разстрѣливали плѣнныхъ, раненыхъ и ни въ чемъ неповинныхъ обывателей? Отчего ее не возмущаетъ, что послѣ позора, пріобрѣтеннаго на поляхъ сраженій съ дѣйствительнымъ врагомъ, версальское правительство и генералы устраивали торжества и говорили радостныя рѣчи послѣ каждой побѣды надъ своими братьями, необученными военному искусству и лишенными опытныхъ военачальниковъ? Отчего ей не больно, что послѣ окончательнаго подавленія Парижа побѣдители-французы пользовались содѣйствіемъ нѣмцевъ, стоявшихъ еще въ Елисейскихъ поляхъ, для поимки своихъ враговъ? Ж. Зандъ въ первый

разъ въ своей жизни въ этомъ несчастномъ конфликтѣ стала на сторону силы и поддалась авторитету партіи «порядка», не сообразивъ, что парижскіе рабочіе были названы бунтовщиками только потому, что они оказались побѣжденными, а если бы случилось обратное, то Тьеръ, Жюль Фавръ, Макъ-Магонъ, Галифе оказались бы революціонерами.

Грустно, что послѣдняя вспышка общественныхъ чувствъ у Ж. Зандъ сопровождалась такимъ заблужденіемъ; въ прежнія времена ея доброе сердце, чуткое ко всякой неправдѣ, предостерегало ее отъ подобныхъ промаховъ. Но не будемъ къ ней такъ строги, какъ ея бывшіе друзья и товарищи по убѣжденіямъ, которые обвиняли ее чуть не въ измѣнѣ и предательствѣ. Эта не была измѣна прежнимъ идеямъ, а только старческое непониманіе. Обратимся лучше къ болѣе спокойной картинѣ; посмотримъ, какъ послѣ 1848 года протекала ея литературная дѣятельность и ея домашняя жизнь, которая извѣстными сторонами также принадлежитъ общественной исторіи того времени. Общество, окружающее Ж. Зандъ, значительно измѣнило свой характеръ послѣ указаннаго момента. Въ 40-хъ годахъ въ ея долгѣ преобладали политики, публицисты, демагоги, писатели изъ народа. Реакція, разыгравшаяся еще при республикѣ, разсѣяла ихъ всѣхъ: одни жили эмигрантами въ Лондонѣ, другіе агонировали въ тюрьмахъ. Да теперь разговоры на общественныя темы, къ которымъ она раньше съ такимъ интересомъ прислушивалась, ужъ потеряли для нея привлекательность. Мечты и чаянія потерпѣли фіаско, и всякое напоминаніе о нихъ вызывало боль и тоску. Теперь голосъ чаще принадлежалъ художникамъ, писателямъ и вообще артистамъ всякаго рода. Ж. Зандъ все дольше засиживается въ деревнѣ, гдѣ постоянно гостятъ посторонніе посѣтители: кто-нибудь изъ свѣтилъ литературнаго міра наѣдетъ на нѣсколько дней, кто-нибудь изъ молодыхъ начинающихъ талантовъ, протежируемыхъ хозяйкой, утверждается въ домѣ болѣе прочно и становится почти что членомъ семьи. Семья мало-по-малу также разрослась: дочь Ж. Зандъ вышла замужъ еще въ 1847 году, сынъ женился позднѣе. Интересная Индіана, загадочная Лелія, романическая Лукреція Флоріани уступаютъ мѣсто образцовой бабушкѣ, которая уже до самаго конца жизни не уступаетъ мѣста никакой другой трансформаціи. Въ домѣ установилась та атмосфера счастія и взаимной любви, которая распространяетъ свою теплоту на всякаго, кто въ нее вступитъ. Досугъ, остающійся послѣ урока серьезной работы, наполнялся здоровыми забавами, въ которыхъ участвовали всѣ, и свои, и чужіе. «Личность, называемая Жоржъ Зандъ,—говорила она,—рветъ цвѣты, классифицируетъ травы, шьетъ платья и пальто для своей дѣтворы и костюмы для маріонетокъ, читаетъ ноты, но особенно проводитъ часы со своими внуками... Не всегда было такъ хорошо. Она имѣла глупость быть молодой, но такъ какъ она не дѣлала зла, не испытала

дурныхъ страстей, не жила ради тщеславія, она имѣетъ счастіе чувствовать спокойствіе и находить удовольствіе во всемъ». Надо замѣтить, что въ Ноганѣ всѣ три поколѣнія имѣли страсть къ театру маріонетокъ, для котораго коллективно сочинялись пьесы, потомъ записанныя самою Ж. Зандъ и изданныя отдѣльнымъ томомъ. Эта веселая, сытая жизнь могла бы стать черезчуръ буржуазной, если бы Ж. Зандъ не старалась распространить вокругъ себя столько благополучія, столько была въ состояніи. «Мои счета не запутаны,—говорила она.—Я навѣрное заработала милліонъ своимъ трудомъ (въ 1869 году); я не отложила ни одной копѣйки; я все истратила, кромѣ 20.000 франковъ, которые я сберегла, чтобы моимъ дѣтямъ не слишкомъ дорого стоили мои лѣкарства, если я заболѣю; да и то я не увѣрена, что сохраню этотъ капиталъ, потому что найдутся люди, которымъ онъ понадобится, и если я буду чувствовать себя достаточно здоровой, чтобъ его возобновить, придется спустить свои сбереженія. Только не говорите объ этомъ никому, чтобы я могла ихъ сохранить, какъ можно дольше». И здѣсь не было хвастовства. Пріятели, знакомые, мало знакомые и вовсе не знакомые люди широко пользовались ея услугами, не только денежными субсидіями, но во всѣхъ формахъ. Особенно много она дѣлала для всевозможныхъ дебютантовъ на разнообразныхъ артистическихъ поприщахъ. Она руководствовалась въ этомъ случаѣ не столько степенью одаренности своихъ протеже,—изъ ихъ числа не вышло ни одного выдающагося таланта,—сколько ихъ печальнымъ положеніемъ. Для нихъ она не жалѣла ни денегъ, ни трудовъ, ни заботъ, ни вліянія. Однимъ она писала критику ихъ рукописей, и сколько серьезности, вниманія и деликатности она вкладывала въ свои рецензіи; другихъ оня рекомендовала редакціямъ и издателямъ; третьимъ писала предисловія; четвертыхъ, наконецъ, больныхъ или бѣдныхъ, просто брала къ себѣ въ домъ, поила, кормила, выхаживала, вводила ихъ въ кругъ полезныхъ знакомствъ, заботилась объ ихъ образованіи.

Таково было обычное отношеніе Ж. Зандъ къ людямъ. Оно создавало ей безчисленныхъ друзей, но не обезоруживало и враговъ. А враги у нея были. Ихъ можно раздѣлить на два разряда: личные и политическіе. Наиболѣе вѣрное понятіе о томъ уравновѣшенномъ состояніи, которое она пріобрѣла во второй половинѣ своей жизни и которое мы назовемъ ясностью души, даетъ ея отношеніе къ этимъ врагамъ. Политическіе враги, созданные ея общественными симпатіями 40-хъ годовъ, сравнительно давали себя наименѣе чувствовать. Это не были приверженцы новой имперіи, которые, какъ мы видѣли, наоборотъ, цѣнили ея нейтральность, а преимущественно люди стараго режима, ех-министры, легитимисты, орлеанисты. Въ числѣ другихъ въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ она возбудила противъ себя гнѣвъ Бюлоза, редактора орлеанистскаго журнала «Revue des deux Mondes». Бю-

лозъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о Ж. Зандъ, какъ о писательницѣ, но ея соціалистическія тенденціи, близость къ Пьеру Леру, участіе въ мелкой злободневной прессѣ превзошли размѣры его терпимости. До тѣхъ поръ почти все, что Ж. Зандъ писала, появлялось въ его журналѣ, затѣмъ наступилъ продолжительный разрывъ. Это не помѣшало Ж. Зандъ въ 1858 году, когда Бюлоза постигло семейное несчастіе, выразить ему самую теплую дружбу, какъ будто для нея не существовало 17 лѣтъ отчужденія. Бюлозъ былъ глубоко тронутъ, и отнынѣ «Revue des deux Mondes» становится опять ея вѣрнымъ скупщикомъ, такъ что Бюлозъ даже ревнуетъ, когда она отдаетъ что-нибудь изъ своихъ рукописей въ другой журналъ. Наибольшее количество идейныхъ враговъ Ж. Зандъ засѣдало въ числѣ членовъ французской академіи, которая и тогда уже была прибѣжищемъ для выбывшихъ изъ строя консервативныхъ государственныхъ мужей. Это ярко выразилось въ 1861 году, когда нѣкоторыми изъ друзей Ж. Зандъ поднятъ былъ въ академіи вопросъ о присужденіи ей почетной преміи въ 20.000 франковъ. Дебаты были жаркіе, сначала въ коммиссіи, потомъ и въ засѣданіи академіи. Сторонниками ея кандидатуры были А. де-Виньи, Мериме, Сентъ-Бёвъ, Низаръ и нѣсколько другихъ. Противъ нихъ, какъ сообщаетъ Сентъ-Бёвъ, выступилъ сначала Гизо; «въ чрезвычайно красивыхъ выраженіяхъ, въ сопровожденіи усиленныхъ похвалъ и сожалѣній, онъ поддерживалъ предложеніе коммиссіи (о кандидатурѣ Ж. Симона) и развивалъ противъ Ж. Зандъ академическіе, соціальные и моральные доводы.» Онъ цитировалъ фразы изъ ея романовъ о бракѣ, собственности и т. д. Въ томъ же смыслѣ высказался другой бывшій министръ Луи-Филиппа, герцогъ де-Брольи, также «съ большою умѣренностью, въ весьма мягкихъ и взвѣшенныхъ выраженіяхъ.» Другіе академики изъ политическихъ реакціонеровъ, которыхъ Мериме характерно называетъ les Burgraves, молчали; между ними были Барантъ, Ремюза, Ноайль, Монталамберъ, Беррье, Фаллу. Но голоса ихъ рѣшили вопросъ противъ Ж. Зандъ въ пользу болѣе близкаго имъ кандидата, Тьера. Какъ же относится къ этой борьбѣ сама виновница ея? Она совершенно равнодушна къ этому почетному отличію, которое бы возбудило такое честолюбіе во всякомъ другомъ французскомъ писателѣ. Она преспокойно занимается ґеологіей и ботаникой на югѣ Франціи, гдѣ ищетъ обстановки для новаго романа и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ благодаритъ Сентъ-Бёва за его безпокойство «во всей этой исторіи съ академической преміей. Такъ какъ я знала очень хорошо,—прибавляетъ она,— что это вамъ не удастся, то вы простите мнѣ, что я ни одной минуты не заботилась объ этомъ въ своихъ интересахъ; но, зная, какъ вы боролись за меня по добротѣ, я была очень счастлива и все еще счастлива быть предметомъ вашихъ братскихъ заботъ... Скажите все-таки

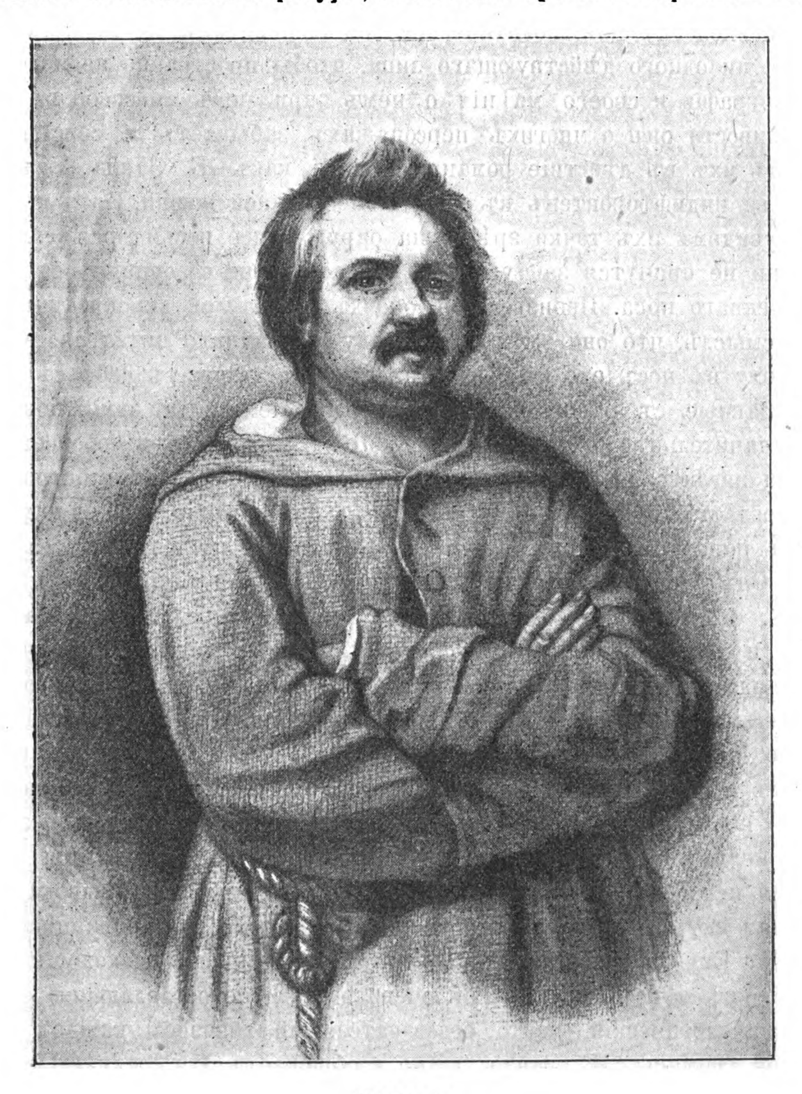
академіи, что за мою отвергнутую кандидатуру она должна была бы присудить премію бѣднягѣ Вербе...»

Гораздо больше волненія доставляла Ж. Зандъ личная вражда, но и здѣсь она не предается ни злобѣ, ни мстительному чувству. Около того же времени (1859 г.), когда она напечатала «Elle et lui», гдѣ взяла темой свой романъ съ А. де-Мюссе, тогда уже умершаго, братъ послѣдняго, найдя эту книгу оскорбительною для памяти покойнаго, выпустилъ свой романъ-пасквиль «Lui et elle», гдѣ съ невѣроятнымъ цинизмомъ и беззастѣнчивымъ извращеніемъ истины на Ж. Зандъ взваливались всевозможныя обвиненія въ черныхъ поступкахъ, до покушенія на отравленіе включительно. Единственнымъ средствомъ возстановить реальный характеръ фактовъ являлось опубликованіе переписки обоихъ писателей, и Ж. Зандъ со свойственною ей откровенностью въ подобнаго рода дѣлахъ рѣшилась на это средство, благо вся переписка находилась въ ея распоряженіи. Но Сентъ-Бёвъ уговорилъ ее не дѣлать этого, а постараться обезпечить доказательства истины въ будущемъ, когда ея, Ж. Зандъ, не будетъ въ живыхъ. Она послѣдовала этому совѣту и сдѣлала самыя формальныя распоряженія на случай своей смерти. Но и до сихъ поръ завѣтъ писательницы по какимъ-то причинамъ не исполненъ; переписка ея съ Мюссе извѣстна только двумъ-тремъ изслѣдователямъ, читавшимъ ее въ оригиналѣ или въ копіяхъ, и только незначительное число отрывковъ увидѣло свѣтъ, несмотря на то, что тотчасъ послѣ смерти Ж. Зандъ Поль де-Мюссе повторилъ свои обвиненія въ категорической формѣ, будто бы со словъ самого Альфреда, въ своей біографіи послѣдняго. Для насъ во всей этой длинной и запутанной интригѣ любопытна одна черта: отсутствіе у Ж. Зандъ личнаго озлобленія даже противъ Поля де-Мюссе. Она, правда, возмущается взведеннымъ на нее небылицамъ и грозитъ возстановить поруганную истину, но главнымъ образомъ ее тревожитъ оскорбленіе памяти «великаго поэта», котораго выдаютъ за автора скандальныхъ клеветъ. Такъ, напримѣръ, она пишетъ Сентъ-Бёву, имѣя въ виду книгу Поля де-Мюссе «Онъ и она» и еще одинъ подобный же клеветническій романъ «Онъ», принадлежащій нѣкоей Луизѣ Коле: «Она» (т.-е. сама Ж. Зандъ) не стремится раздуть скандальный шумъ, поднятый обѣими публикаціями, въ которыхъ ее оскорбляютъ и клевещутъ на нее; *она* не чувствуетъ себя ими задѣтою. Но, можетъ быть, *ея* долгъ по отношенію къ будущему не уничтожать свидѣтельствъ привязанности, которая была очень несчастна, но которая, съ той и другой стороны, имѣла свою силу, свое достоинство и свою искренность». Въ другомъ мѣстѣ (въ предисловіи къ «Jean de la Roche») Ж. Зандъ опять говоритъ о томъ же: «Нѣсколько друзей упрекали того, кто былъ объектомъ этихъ оскорбленій, въ равнодушномъ отношеніи къ нимъ; другіе, правда, совѣтовали ему вовсе не обращать на это вниманія. Раздумавъ, онъ рѣшилъ, что долженъ за-

няться этимъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, но онъ не торопится вовсе». «Оставить ихъ (клеветниковъ) идти своей дорогой—вотъ единственное наказаніе, которому ихъ хотятъ подвергнуть». Мѣряя всѣхъ на собственный аршинъ, она думаетъ, что и читатели произнесли такой же суровый судъ надъ этой пасквильной литературой, въ чемъ она, конечно, ошиблась. Инсинуаціи Поля де-Мюссе пустили глубокіе корни и присоединились къ тому невѣроятному количеству сплетенъ, которыя постоянно ходили о Ж. Зандъ въ широкой публикѣ. Но ужъ мы неоднократно указывали, съ какимъ великолѣпнымъ спокойствіемъ она относилась къ общественному мнѣнію, не удостоивая почти никогда защищаться, впрочемъ, не изъ презрѣнія къ людямъ, а изъ уваженія къ чистотѣ своей совѣсти.

Кромѣ того, ее всегда поддерживало уваженіе, которымъ ее окружали нѣсколько умныхъ, испытанныхъ друзей съ широкимъ и независимымъ взглядомъ на вещи. Въ ту эпоху ея жизни, которою мы теперь занимаемся, она была однимъ изъ наиболѣе цѣнимыхъ членовъ цѣлаго кружка первоклассныхъ литературныхъ силъ, въ числѣ которыхъ надо назвать Сентъ-Бева, Флобера, Ренана и Теоф. Готье. При каждомъ своемъ посѣщеніи Парижа, Ж. Зандъ не пропускала случая посѣтить ихъ собранія, такъ называемые «обѣды Маньи». «Нельзя себѣ представить,—говоритъ Каро,—фигуру Ж. Зандъ съ ея спокойствіемъ и серьезностью, когда ей приходилось давать реплики на страшныя подсмѣиванія Сентъ-Бёва, запѣвалы въ этомъ хорѣ, на ироническія выходки Флобера, на экстравагантные парадоксы Теофиля Готье». Дѣйствительно, если ее и цѣнили въ этомъ кружкѣ, какъ человѣка и заслуженную писательницу, то, во всякомъ случаѣ, трудно найти болѣе разительный контрастъ: она—такая наивная и цѣльная въ своемъ искусствѣ и въ своей любви къ человѣку; они—такія сложныя артистическія натуры, такіе тонкіе знатоки и фанатики красоты, такіе пессимисты, утомленные человѣческою глупостью, а въ глубинѣ такіе эгоисты. Споры, конечно, происходили постоянно въ промежуткахъ между «блягерской» болтовней, которая собственно и составляла соль «обѣдовъ Маньи». Въ одномъ письмѣ Ж. Зандъ излагаетъ одинъ изъ предметовъ подобнаго спора. «Они говорили, что не слѣдуетъ писать для невѣждъ; они заплевывали меня за то, что я не хотѣла писать ни для кого другого, въ виду того, что эти только и нуждаются въ чемъ-нибудь. Знатоки (les maîtres) все имѣютъ, они богаты и удовлетворены. У дураковъ всего недостаетъ, мнѣ ихъ жаль. Любовь и жалость нераздѣлимы. Вотъ каковъ несложный механизмъ моей мысли». Она откровенно признается при этомъ, что ея собесѣдники всегда ее побивали въ словесныхъ препирательствахъ, хотя она чувствуетъ свою правоту. «Не замыкаться за мутными стеклами своей комнаты, въ которыя ничего не видно, кромѣ отблеска собственнаго носа»,—такъ резюмируетъ она въ другой разъ свой взглядъ на обязанности писателя.

Прежде чѣмъ перейти къ отношеніямъ между Ж. Зандъ и новыми поколѣніями французскихъ писателей,—отношеніямъ, которыя уже ясно вырисовываются изъ только что приведенныхъ цитатъ, такъ какъ Сентъ-Бёвъ и Теофиль Готье во многомъ были родоначальниками позднѣйшихъ теченій въ литературѣ, любопытно провести параллель между



Бальзакъ.

нею и однимъ болѣе раннимъ, по характеру своего творчества, писателемъ. Мы имѣемъ въ виду Бальзака. Хотя Бальзакъ справедливо считается творцомъ реальнаго романа во Франціи, но во многихъ отношеніяхъ онъ еще близокъ къ тому описательному роду литературы, къ которому принадлежитъ и Ж. Зандъ. Правда, онъ прекрасно понимаетъ значеніе художественной формы, но индивидуальныя качества

его таланта не даютъ ему овладѣть ею безъ значительнаго напряженія. Въ своей писательской манерѣ онъ еще наивнѣе, чѣмъ Ж. Зандъ. Онъ наполняетъ свои романы безконечнымъ рядомъ самыхъ подробныхъ описаній мѣстоположеній, обстановокъ квартиръ, туалетовъ, онъ вводитъ на каждомъ шагу разсужденія отъ имени автора, философскія, психологическія, политическія, соціальныя, онъ не можетъ упомянуть ни одного дѣйствующаго лица, чтобы пространно не изложить его біографіи и своего мнѣнія о немъ, при чемъ въ своей обычной торопливости онъ о многихъ персонажахъ забываетъ и совсѣмъ не вводитъ ихъ въ дѣйствіе романа. Такъ же, какъ Ж. Зандъ, Бальзакъ вовсе не индифферентенъ къ ходу общественной жизни. Какъ мы сейчасъ увидимъ, ихъ точки зрѣнія на окружающее весьма различны, но оба они не прячутся за тусклымъ стекломъ и не созерцаютъ отблескъ собственнаго носа. Произведенія обоихъ писателей демократичны въ томъ смыслѣ, что они имѣютъ въ виду зауряднаго читателя, не тычутъ ему въ носъ его необразованностью, а держатъ себя съ нимъ, какъ равные съ равными. Но зато различіе между ними, пожалуй, еще значительнѣе, чѣмъ сходство. Ж. Зандъ—поэтъ собственныхъ идей и ничѣмъ не сдерживаемаго воображенія. «Только абстрактное вдохновляетъ поэта»,—говоритъ она въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ («Mont-Revêche»). Бальзакъ влюбленъ въ реальный міръ. Онъ всегда видитъ во всѣхъ подробностяхъ то, что онъ изображаетъ, его, какъ естествоиспытателя, радуетъ самый процессъ наблюденія и закрѣпленія таковаго въ словесной формѣ. Поэтому-то у Ж. Зандъ часто прекрасныя идеи и высокіе идеалы, а воплощеніе ихъ весьма слабо, тогда какъ общія идеи Бальзака сплошь и рядомъ ничего не стоютъ, зато воспроизводимые имъ факты и явленія имѣютъ абсолютную цѣнность правды. У читателя Бальзака никогда неявляется мысли, что та или другая подробность изображена неправильно или неясно, но весьма часто ему приходится возмущаться нелогичностью или односторонностью авторскаго вывода. Настоящая сфера Бальзака—это жизнь парижскаго или провинціальнаго буржуа. Ему до мельчайшихъ поворотовъ души ясна психологія этихъ людей, онъ объяснитъ вамъ съ очевидностью, не оставляющею сомнѣній, психологическій, часто безсознательный генезисъ каждой позы, каждой гримасы. Ж. Зандъ рѣдко изображаетъ эту среду («Орасъ»), такъ что труднѣе сравнивать ихъ на этой почвѣ. Зато съ особенною рельефностью вырисовывается различіе обоихъ писателей въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ они изображаютъ деревенскій бытъ. На этой параллели стоитъ остановиться нѣсколько минутъ.

Парижскій литераторъ пріѣзжаетъ въ гости въ Бургундское помѣстье нѣкоего отставного генерала и его молодой жены, за которою онъ ухаживаетъ. Красивый, холмистый пейзажъ, вѣковой паркъ, старинный замокъ съ изящной обстановкой въ соотвѣтствующемъ стилѣ,

вокругъ симпатичные деревенскіе домики съ садиками, полными цвѣтовъ, лука, капусты, смородины и навоза,—все это приводитъ въ восторгъ столичнаго гостя. «Аркадія находится въ Бургундіи, а не въ Греціи!» восклицаетъ онъ. Чудная обстановка для романа. Таково вступленіе къ «Крестьянамъ» Бальзака. «Многіе ожидаетъ, безъ сомнѣнія,—говоритъ авторъ,—что внезапный лучъ свѣта озаритъ бывшаго полковника императорской гвардіи (хозяина помѣстья), что гнѣвъ его вдругъ разгорится и упадетъ на эту миніатюрную женщину, такъ что конецъ этой исторіи будетъ такимъ же, какъ у столькихъ современныхъ драмъ, т.-е. драмой спальни». Сколько такихъ любовныхъ исторій въ романтической обстановкѣ оставила намъ Ж. Зандъ. Бальзака онѣ не привлекаютъ. Онъ хочетъ изобразить общественную драму, гдѣ дѣйствующими лицами являются цѣлые классы. «Скажи мнѣ, что ты имѣешь, я скажу тебѣ, что ты чувствуешь»; таковъ интересный базисъ борьбы, которую авторъ обѣщаетъ изобразить. Генералъ и его жена являются представителями богатой буржуазіи, которая несетъ съ собою въ деревню агрономическую и всякую другую культуру и самую щедрую филантропію. Но оказывается, что эта Аркадія населена сплошь лѣнтяями, ворами, пьяницами, распутниками и убійцами. Таковы крестьяне. Они съ дикою энергіею противостоятъ всѣмъ добрымъ начинаніямъ генерала, всѣмъ гуманнымъ чувствамъ его жены и оскорблены до глубины души тѣмъ, что имъ больше не позволяютъ богатѣть грабежомъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ, поляхъ и виноградникахъ. Ихъ дѣйствіями управляютъ мѣстные кулаки, которые зарятся на генеральское помѣстье. Исходъ драмы съ самаго начала ясенъ. Генералъ бросаетъ имѣніе, лучшіе куски котораго достаются кулакамъ, а остальное распродается по мелочамъ крестьянамъ; поэтическій паркъ вырубается, выкорчевывается, и на его мѣстѣ пестрѣютъ крестьянскія запашки, какъ портняжные образчики, наклеенные на кортонъ. Вотъ въ чемъ заключается прогрессъ демократіи. Мы не утрировали ни одной черты. Современный читатель приходитъ въ изумленіе отъ такой необычной картины крестьянства. Но при этомъ противъ реальности того, что нарисовалъ авторъ, нельзя ничего возразить. Изображенныя имъ лица, кромѣ развѣ генеральской четы, обладаютъ удивительною рельефностью и жизненностью. Все дѣло однако заключается въ томъ, что въ романѣ, называемомъ «Крестьяне», не выведенъ ни одинъ настоящій крестьянинъ-земледѣлецъ, и ихъ дѣйствія происходятъ гдѣ-то за кулисами драмы, обнаруживаясь только въ видѣ результатовъ. Въ качествѣ предстаителей этого класса выступаютъ три поколѣнія многочисленной семьи кабатчика, каждый членъ которой только и помышляетъ о томъ, какъ бы вкусить какъ можно больше наслажденій безъ ущерба своему тунеядству. Это весьма интересная и правдивая картина, но совсѣмъ не того, что хотѣлъ изобразить Бальзакъ.

Если послѣ «Крестьянъ» Бальзака прочесть «La petite Fadette»,

«La Mare au Diable», «François de Champi» или другую изъ крестьянскихъ повѣстей Ж. Зандъ, то можно подумать, что бургунскіе и беррійскіе крестьяне—двѣ совершенно различныя породы людей, какъ напр., изображаемые въ старыхъ учебникахъ дикіе, воинственные, коварные, и жестокіе норманны и спокойные, добрые, трудолюбивые и семейственные славяне. Если между персонажами Бальзака нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, то у Ж. Зандъ наоборотъ нѣтъ ни одного злого или испорченнаго субъекта. Вотъ напр., въ «La petite Fadette»: «отецъ Барбо былъ человѣкъ бодрый, веселый, не злой, любящій свою семью, справедливый къ своимъ сосѣдямъ и односельчанамъ». Жена его усердная хозяйка и любящая мать, зятья такъ любятъ трудъ, что имъ не хватаетъ работы въ хозяйствѣ, о сыновьяхъ, двухъ близнезахъ, и говорить нечего,—это честные, нравственные и разсудительные мальчики, а потомъ юноши, и главный ихъ недостатокъ состоялъ въ томъ, что они слишкомъ любятъ другъ друга. Другой хозяинъ отецъ Кальо, къ которому одинъ изъ близнецовъ поступаетъ въ работники, былъ также «человѣкомъ добрымъ и хорошимъ сосѣдомъ». Сама героиня романа маленькая Фадетта, которая въ дѣтствѣ была зла и безобразна, какъ настоящій чертенокъ, съ возрастомъ становится любящей, самоотверженной, умной, тактично и даже замѣчательно красивой дѣвушкой,—метаморфоза, не рѣдкая въ романахъ Ж. Зандъ; но въ сущности Фадетта является тою идеальною героинею, безъ которой Ж. Зандъ никогда не обходится, и къ крестьянскимъ типамъ не относится. Если между этими элементами чистой идилліи происходятъ иногда и драматическія компликаціи, то причиной является не злая воля кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ, а неотразимая vis major, какъ и въ классической идилліи «Германъ и Доротея» Гёте. При этомъ любопытно вотъ что: изображеніе сельской жизни у Ж. Зандъ нисколько не походитъ на обычныя въ другихъ ея произведеніяхъ фантастическія картины; вся пейзажная и бытовая обстановка вполнѣ реальна; здѣсь она стоитъ на твердой почвѣ,—недаромъ она съ дѣтства до старости находилась въ непосредственной, живой связи съ природой и людьми своего Берри. И даже сами эти благодушные крестьяне вовсе не напоминаютъ «добрыхъ поселянъ» изъ старыхъ пастушескихъ оперетокъ, а такіе же живые люди, какъ воры и дармоѣды Бальзака. Что на самомъ дѣлѣ не всѣ крестьяне такъ «справедливы и добры къ сосѣдямъ», Ж. Зандъ знала отлично по собственному опыту. Вѣдь «La petite Fadette» писалась какъ разъ послѣ злосчастнаго 1848 г., когда беррійскіе земляки такъ преслѣдовали ее за приверженность къ «отцу Коммунизму». Тотъ арендаторъ, который хотѣлъ закопать ее въ землю, прекрасно могъ бы войти въ серію типовъ Бальзака. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ Ж. Зандъ не помнила зла, да къ тому же исповѣдуемая ею эстетика требовала идеализацію жизни непремѣнно въ положительную сторону.

«Этюды сельскихъ нравовъ,—пишетъ она Тургеневу подъ впечатлѣніемъ перевода «Записокъ охотника»,—которые мы могли сдѣлать во Франціи, особенно въ центрѣ Франціи (Берри), въ теченіе первой половины этого вѣка, заслуживали бы того, чтобы они были сдѣланы вами, и я часто себя спрашивала, во что бы они обратились, пройдя черезъ ваши руки». Да можно сказать съ полной увѣренностью, что дѣйствительно реальный талантъ Тургенева никода не допустилъ бы его сдѣлать такой односторонній подборъ свѣтлыхъ или темныхъ фигуръ, какой мы встрѣчаемъ у Ж. Зандъ и Бальзака. Оба они сознательно измѣняютъ дѣйствительность, думая, что того требуетъ искусство. Вотъ, что Бальзакъ говоритъ по этому поводу Ж. Зандъ: «Вы ищете человѣка, какимъ онъ долженъ былъ бы быть; я беру его такимъ, каковъ онъ есть. Повѣрьте мнѣ, мы оба правы. Оба пути ведутъ къ той же цѣли. Я также люблю исключительныя натуры (это говорилось по поводу первыхъ романовъ Ж. Зандъ); я самъ одинъ изъ нихъ. Онѣ мнѣ нужны кромѣ того, чтобы выдвинуть моихъ вульгарныхъ персонажей и я никогда ими не жертвую безъ необходимости. Но эти вульгарные персонажи интересуютъ меня больше, чѣмъ васъ. Я увеличиваю ихъ масштабъ, я ихъ идеализирую, въ обратную сторону, въ ихъ безобразіи и глупости (слѣдовательно и онъ не беретъ людей такими, каковы они въ дѣйствительности), какъ вы не съумѣли бы; вы хорошо поступаете, что не хотите смотрѣть на тѣ существа и предметы, которые довели бы васъ до кошмара. Идеализируйте въ сторону привлекательнаго и прекраснаго,—это женское дѣло».

Техника творчества, указанная здѣсь Бальзакомъ, пріобрѣла необычайное распространеніе послѣ него. Изъ числа крупныхъ писателей первой половыны вѣка Ж. Зандъ одна еще продолжала настаивать на томъ, что «каждый ищетъ въ романѣ извѣстнаго рода идеалъ жизни». По мѣрѣ того, какъ послѣдователи Бальзака утверждали свое господство, она все рѣшительнѣе защищала свою точку зрѣнія и до конца жизни осталась вѣрна литературной программѣ, которую она формулировала еще въ началѣ 50-хъ годовъ. Согласно этой программѣ, «романъ долженъ былъ бы быть столько же произведеніемъ поэзіи, сколько анализа. Въ немъ должны были бы быть правдивыя положенія и правдивые характеры, даже реальные, которые бы группировались около типа, долженствующаго резюмировать главное чувство или главную идею книги. Этотъ типъ воплощаетъ обыкновенно чувство любви, такъ какъ почти всѣ романы—любовныя исторіи. Согласно возвѣщенной теоріи (здѣсь то она и начинается), нужно идеализировать эту любовь, слѣдовательно и этотъ типъ, и не нужно бояться одарить его всѣми силами, къ которымъ авторъ чувствуетъ стремленіе, или всѣми страданіями, боль которыхъ онъ наблюдалъ или испыталъ. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ опошлять его въ случайностяхъ событій; нужно, чтобы онъ умеръ или восторжествовалъ, и не надо бояться приписать ему исключительное значеніе въ жизни,

силы выше обыкновенныхъ, обаяніе или страданіе, которыя совершенно превосходятъ обычный человѣческій масштабъ и даже отчасти правдоподобіе, допускаемое большинствомъ людей. Словомъ сюжетъ опредѣляется идеализаціей чувства, а разскащикъ ужъ долженъ позаботиться помѣстить этотъ сюжетъ въ реальныя условія, реальную рамку настолько, чтобы выдвинуть его съ достаточной силой, если онъ хочетъ написать именно романъ». Французская романтическая литература показала цѣнность этой опасной теоріи. Если примѣнять ее безъ живописнаго таланта Виктора Гюго, безъ вплетенія общественныхъ идей, которыя сообщаютъ посторонній интересъ нѣкоторымъ романамъ Ж. Зандъ и Эжена Сю, то останется праздная и монотонная, несмотря на невѣроятный калейдоскопъ событій, игра воображенія, и едва-ли будетъ большая разница между романомъ Ж. Зандъ и какого-нибудь Ксавье де Монтепена, которымъ наши малоразвитыя читательницы также увлекались въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Обыкновенно указываютъ еще на захватывающій интересъ самаго разсказа, который всегда колеблется между страстными объятіями и кинжалами, но это самая вредная сторона подобнаго рода произведеній, потому что за нею ничего не скрывается. а между тѣмъ хитрая интрига дѣйствительно напрягаетъ нервы читатателя до послѣдней крайности. Альфонсъ Додэ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ названный Ксавье де Монтепенъ началъ печатать въ журналѣ романъ, который всѣхъ заинтриговалъ: онъ начинался описаніемъ какого-то загадочнаго заброшеннаго дома, и первая часть обрывалась на томъ, что три таинственныя личности входятъ озираясь во дворъ этого дома и заглядываютъ въ находящійся тамъ колодезь. Когда въ редакціи пристали къ автору съ вопросами, что же они тамъ увидѣли, то онъ спокойно сознался, что еще самъ этого не знаетъ. Но вовсе не трудно себѣ представить, что въ слѣдующемъ нумерѣ журнала разсказъ развивался далѣе вполнѣ логично и безъ нарушенія законовъ природы. Сама Ж. Зандъ въ «Консюэло» разсказала намъ, сколько интереснаго можно найти, если внимательно посмотрѣть въ колодезь, въ который выходятъ подземные ходы, скрытые подъ водой.

Молодые художники въ 60-хъ годахъ иначе смотрѣли на задачи романиста. Вслѣдъ за Бальзакомъ, который стремился, чтобы его романы имѣли научное значеніе, какъ естественно-историческія картины строенія французскаго общества, они прежде всего считали нужнымъ изучить предметъ со всѣхъ сторонъ. Они собирали матеріалы, писали этюды, подыскивали аксессуары. Ж. Зандъ тоже увѣряла, что она любитъ посмотрѣть тѣ мѣста, которыя собирается описывать. Но на самомъ дѣлѣ дѣйствительное знакомство съ обстановкой чувствуется только въ тѣхъ ея романахъ, которые происходятъ въ Берри, въ Парижѣ, да еще въ Венеціи. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствіе происходитъ среди неясныхъ, схематическихъ декорацій, которыя она расписываетъ отъ руки. При этомъ она не считаетъ нужнымъ даже

симулировать знакомство съ описываемыми предметами. Такъ, избирая Сицилію мѣстомъ дѣйствія одного романа («Piccinino»), она приглашаетъ читателя «перенестись воображеніемъ въ мѣсто, называемое Вальдемона. Это красивое мѣстечко, но я не стану его описывать слишкомъ подробно по той простой причинѣ, что я его не знаю; а хорошо описать то, что знаешь по слухамъ, невозможно». Далѣе она

Флоберъ.

описываетъ и Этну, и Катанью, и другія мѣстности острова, забывъ высказанную вначалѣ истину и признаніе, что она еще собирается посѣтить Сицилію. Когда Ж. Зандъ затрагиваетъ бытъ какого-нибудь чужого народа, она нетолько изобрѣтаетъ совершенно фантастическія подробности, но, повидимому, предполагаетъ, что не найдется ни одного читателя, который могъ бы шокироваться подобными небылицами. Въ одной изъ небольшихъ повѣстей, написанной во время франко-прус-

ской войны («Francia»), выводится русскій князь, гвардейскій офицеръ, приближенный къ государю во время оккупаціи Парижа въ 1814 г. «Красавецъ Діомидъ Мурзакинъ не былъ вполнѣ русскимъ. Грузинъ по происхожденію, а можетъ быть, курдъ или персъ, москвичъ по воспитанію, онъ не зналъ Петербурга». Нѣсколькими страницами ранѣе сообщается, что онъ свободнѣе говорилъ по-французски, чѣмъ на чисто русскомъ языкѣ: «онъ родился въ Малороссіи и ему было трудно отвыкнуть отъ южно-русскаго акцента». Въ другомъ романѣ («Le beau Laurence») труппа французскихъ актеровъ собирается побывать въ Бухарестѣ, а оттуда «черезъ Балканы» пробраться въ Одессу, но кораблекрушеніе заставляетъ ихъ высадиться въ Рагузѣ, откуда нѣкій черногорскій князь Клементій пригласилъ ихъ къ себѣ. Этотъ князь «былъ облеченъ въ епископскій санъ, хотя и былъ міряниномъ» (отъ Мериме Ж. Зандъ могла бы почерпнуть болѣе точныя свѣдѣнія о владыкахъ-правителяхъ Черногоріи). Этотъ князь епископъ живетъ въ монастырѣ, надъ которымъ крестъ соединяется съ магометанскимъ полумѣсяцемъ. Тутъ же у него гаремъ съ тремя женами. У него было 1.200 подданныхъ, «боснійцевъ, хорватовъ, венеціанцевъ, сербовъ, русскихъ», которые «принадлежали ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; тутъ были евреи, армяне, копты, греко-православные, католики». Мы пропускаемъ менѣе яркія черты.

— Черногорцы, что такое?
Бонапарте вопросилъ.

Болѣе, чѣмъ полвѣка спустя знаменитая писательница не стыдится такого же наивнаго невѣдѣнія. Пусть читатель теперь припомнитъ «Саламбо» Флобера. Сколько эрудиціи, какая детальная техника изображенія и сколько пластичности въ каждой детали! Правда, это противоположная крайность: романистъ совершенно уступаетъ мѣсто археологу и историку, который «спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ»; онъ даже вовсе не видитъ правыхъ и виновныхъ, а видитъ лишь любопытныя черты чуждой психологіи и живописныя подробности отдаленной культуры. И Ж. Зандъ вполнѣ вѣрно опредѣляла слабую сторону этого романа. Она говорила, что «Саламбо» «сильная и прекрасная книга, но она имѣетъ дѣйствительный интересъ только для художниковъ и ученыхъ. Тѣмъ болѣе они критикуютъ ее, но зато читаютъ, тогда какъ публика довольствуется такимъ мнѣніемъ: «быть можетъ, это и великолѣпно, но люди того времени меня вовсе не интересуютъ». Въ смыслѣ общечеловѣческаго интереса Флоберъ не подвинулся впередъ, даже отсталъ отъ Ж. Зандъ, зато въ отношеніи художественныхъ средствъ она не можетъ идти съ нимъ ни въ какое сравненіе. Современные романы Флобера, а также Гонкуровъ, въ свою очередь, имѣли передъ Ж. Зандъ то преимущество, что они и въ общемъ, и съ каждой подробности были обоснованы на строгомъ наблюденіи. Они развивали далѣе методъ Бальзака, кладя въ основу

своихъ произведеній міръ реальныхъ явленій, а не идею, не арабески воображенія. Это сильная и слабая сторона всей группы писателей, которой присвоено названіе натуралистовъ. Они достигаютъ высокой степени въ изобразительномъ искусствѣ, каждая страница ихъ произведеній есть шедевръ реальнаго воспроизведенія дѣйствительности, но они не видятъ и не хотятъ видѣть общаго значенія изображаемаго явленія; они всѣми силами стараются не имѣть никакой точки зрѣнія; передать съ возможнымъ совершенствомъ матеріальную сущность предмета или явленія,—вотъ, по ихъ мнѣнію, задача поэта и художника. Одинъ только Мопассанъ изъ крупныхъ писателей этой группы, достойный ученикъ Флобера въ икусствѣ реализаціи, умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ придать человѣческое значеніе своимъ мастерскимъ картинамъ жизни. Тогда какъ Зола, желавшій довести до крайнихъ логическихъ выводовъ «научный» методъ Бальзака и съ особенною презрительностью третировавшій романтическій идеализмъ Ж. Зандъ, въ концѣ концовъ, незамѣтно для самого себя, возвратился къ той же осмѣянной имъ традиціи. Дешево отдѣлываясь отъ требованія протокольнаго метода, которое онъ самъ себѣ поставилъ, онъ заставляетъ свои романы служить простой иллюстраціей къ какой-нибудь публицистической или quasi-научной идеѣ, и натурализмъ нисколько не спасаетъ его романовъ отъ полной произвольности и идеализаціи, т. е. утрировки въ отрицательную сторону. Трудно поэтому рѣшить, кто болѣе извратилъ художественную правду—авторъ «La bête humaine», гдѣ всѣ люди животные, или авторъ «Жака и Вальведра», гдѣ всѣ люди ангелы, кто скучнѣе и безжизненнѣе—абббатъ Пьеръ изъ «Парижа» и «Рима» и докторъ Паскаль или Pierre Huguenin изъ «Le compagnon du tour de France», наконецъ, что безвкуснѣе и утомительнѣе—«Плодородіе» или «Лелія». Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что «La petite Fadette» безъ сравненія правдивѣе и художественнѣе, чѣмъ «La terre». Зола такъ же пережилъ свою литературную славу, какъ Ж. Зандъ. Имъ обоимъ пришлось еще при жизни увидѣть, какъ новыя поколѣнія сдаютъ въ архивъ ихъ многотомныя писанія, но при этомъ, надо сказать, новые пришельцы въ томъ и другомъ случаѣ не создали на мѣсто похороненной литературы ничего такого, что имѣло бы виды на болѣе продолжительное существованіе. Добродушная критика, которой Ж. Зандъ подвергала натуралистовъ, и озлобленное ворчаніе Зола по адресу своихъ хулителей, во многомъ имѣютъ справедливое основаніе. Французская литература, которая въ продолженіи цѣлаго столѣтія, какъ и минувшія столѣтія, не переставала доставлять модную литературу на весь европейскій рынокъ, одряхлѣла вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ классомъ, которому она принадлежала, и не можетъ породить свѣжихъ художественныхъ силъ, способныхъ создать долговѣчное искусство.

Мы пришли къ концу. Въ будущемъ году исполнится уже четверть вѣка послѣ смерти Ж. Зандъ. Кульминаціонный пунктъ ея литератур-

наго значенія отодвинутъ отъ насъ на цѣлые полвѣка. Разстояніе это казалось намъ достаточнымъ для того, чтобы вполнѣ спокойно взглянуть на ея роль въ литературѣ и въ общественной жизни Франціи. Мы считали ненужнымъ повторять общія фразы хвалебнаго характера, которыми и до сихъ поръ часто отдѣлывается критика по отношенію къ ея сочиненіямъ; умолчать объ отрицательныхъ сторонахъ ея писательства значило бы лишить описываемое время весьма характерныхъ чертъ, потому что причины этихъ недостатковъ коренились въ требованіяхъ психологіи, господствовавшей въ извѣстной средѣ въ данный историческій моментъ. Какъ писательница Ж. Зандъ была выразительницей вкусовъ своихъ современниковъ, и съ измѣненіемъ этихъ вкусовъ уменьшился и непосредственный художественный интересъ ея произведеній. Но зато они никогда не утратятъ культурно-историческаго интереса, поскольку они отражаютъ выдающуюся личность автора, ибо какъ человѣкъ она стояла неизмѣримо выше своего времени. Эта женщина, вначалѣ такая забитая и робкая, отвоевала себѣ въ жизни то, что рѣдко достается на долю даже людей, вооруженныхъ желѣзною энергіей и волей: со спокойною увѣренностью въ законности влеченій человѣческой природы, она отстояла свою нравственную свободу противъ темной силы инертныхъ условностей и предразсудковъ, которая губитъ столько молодыхъ порывовъ и принижаетъ столько гордыхъ бойцовъ. Но она не остановилась, достигнувъ своей личной независимости. Личное благополучіе, говоритъ она гдѣ-то, только половина счастія; чтобы оно было полнымъ, нужна увѣренность, что и кругомъ тебя нѣтъ несправедливости и страданія. И она отзывается на всякую гуманную идею, которая, по ея мнѣнію, увеличитъ сумму благополучія въ обществѣ; эта отзывчивость никогда не остается платоническою: перомъ или словомъ, дѣломъ или деньгами, вообще всѣми находящимися въ ея распоряженіи средствами она всегда готова способствовать осуществленію того идеала, въ который она увѣровала. Она никогда не была доктринеркой и, слѣдуя одному ученію, не отказывалась воспринимать и изъ другихъ то, что гармонировало съ ея основными чувствами; ея цѣльная натура стремилась синтезировать всѣ системы гуманной философіи, которыя одна за другою овладѣвали ея вниманіемъ. Лейбница, и Руссо, и Гердера, и Ламенне, и Пьера Леру—всѣхъ она зоветъ соединить усилія въ борьбѣ за лучшее будущее человѣчества. Такое наслоеніе наноситъ, конечно, ущербъ ясности ея философскаго міросозерцанія, но удовлетворяетъ ея оптимистической увѣренности, что, если заповѣдь у всѣхъ одна, «въ ней же Моисей и пророки», то относительно средствъ можно сговориться. Это все та же заповѣдь, которой сознательно или безсознательно всегда и вездѣ слѣдовали лучшіе представители человѣчества: братья, любите другъ друга.

Евгеній Дегенъ.

БЕЗДОМНЫЕ.

Повѣсть Стефана Жеромскаго.

Переводъ съ польскаго М. Троповской.

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава VIII.

Куда глаза глядятъ.

Вечеромъ ему подали письмо отъ директора. «Въ виду того, что произошло,—писалъ Венглиховскій,—я спѣшу заявить вамъ, что договоръ нашъ, заключенный въ прошломъ году въ Варшавѣ, я считаю уничтоженнымъ. Вашъ покорный слуга Венглиховскій».

Юдымъ небрежно пробѣжалъ эти нѣсколько строкъ, перевернулся на другой бокъ и соннымъ взглядомъ сталъ водить по узорчатой ткани дивана. Онъ зналъ прекрасно, что ему принесутъ такое письмо, и говорилъ себѣ, что съ презрѣніемъ ждетъ его.

Онъ старался ни о чемъ не думать, отдохнуть, успокоиться, остыть и потомъ только приняться за то, что нужно было устроить передъ отъѣздомъ. Онъ даже былъ очень доволенъ собою, тѣмъ именно, что успокаивается сознательно, систематически. Проницательнымъ духовнымъ взоромъ онъ замѣчалъ еще трепетавшую въ немъ болѣзненную страсть къ Цисамъ, которую теперь необходимо было побороть, чтобы она не обратилась въ какую-нибудь глупость. Онъ закрылъ глаза и принялся напряженно перечислять вполголоса различныя химическія соединенія. Не успѣлъ онъ еще прошептать и трехъ названій, какъ въ мозгъ его ворвался вопросъ, который заставилъ его привскочить, какъ отъ удара.

— Зачѣмъ, зачѣмъ я не ушелъ домой раньше, чѣмъ случилась эта исторія?

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

Въ словахъ этихъ было скрыто чувство такого мучительнаго, такого остраго, такого раздирающаго душу раскаянія, что его можно было бы сравнить развѣ только съ тѣмъ, какъ если бы желѣзный крюкъ врѣзался концомъ своимъ въ живое легкое и рвалъ его, раздиралъ на кусочки и вмѣстѣ съ тѣмъ тянулъ все за собой. И въ то время, когда онъ доставлялъ самую мучительную боль, когда желѣзо, казалось, уже истощало всю свою силу, появилась еще одна, новая пытка: улыбка панны Іоаси, которую онъ встрѣтилъ на лугу.

Во всей этой исторіи Юдымъ совсѣмъ забылъ о ней или, вѣрнѣе говоря, не могъ о ней помнить. И теперь она вдругъ предстала передъ нимъ, какъ образъ безсильнаго, мучительнаго, безмолвнаго изумленія.

— Что же дѣлать, что дѣлать теперь? Уѣхать, разстаться? И какъ разъ теперь? Сегодня, завтра, послѣ завтра?

И его вдругъ охватило самое глупое, трусливое, жалкое состояніе. Онъ весь трепеталъ отъ страха и метался въ отчаяніи. Все въ душѣ его оборвалось. Твердость мужчины расплылась, разсѣялась, какъ кучка соринокъ, разнесенныхъ дуновеніемъ вѣтра.

Наступилъ вечеръ. Въ раскрытое окно въ комнату врывался ароматъ цвѣтущихъ розъ. Надъ стѣною, окружавшей часть парка, между стволами деревъ еще сіяла золотисто-алая заря. Теплый сумракъ уже наполнялъ комнату и медленно застилалъ дорожку, тянувшуюся между грабами.

Юдымъ видѣлъ еще ея чарующую глубь и сѣрую стѣну вдали, но минутами все застилалось у него передъ глазами — и онъ не видѣлъ ничего, ничего. Несмотря на всѣ усилія сопротивляться, онъ все глубже и глубже погружался въ какую-то непроницаемо темную пропасть. Онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ нимъ уходитъ туда вся его любовь и что тамъ въ глубинѣ, на этомъ ужасномъ днѣ вся она въ прахъ разсыплется. И безсильно, неподвижно, какъ кусокъ дерева, лежалъ онъ на своемъ диванѣ, и только отъ времени до времени внезапныя рѣшенія, встававвшія въ умѣ, взбудораживали его, но въ ту же минуту въ немъ подымалось странное сознаніе, что они доказываютъ только присутствіе въ душѣ какой-то скверной болѣзни.

Вдругъ сильная боль, какъ будто отъ укола, пронизала все его существо: за окномъ послышался какой-то шелестъ, и въ голубой амбразурѣ окна показалась женская фигура. Не столько глазами, сколько по тѣмъ слезамъ, что наполнили его сердце. Юдымъ почувствовалъ Іоасю. Когда онъ подошелъ къ окну и прижалъ ея головку къ своей груди, она тихо и быстро-быстро что-то стала говорить ему...

Онъ не въ состояніи былъ понять этихъ словъ, онъ чувствовалъ, что теперь только къ нему возвращается сознаніе. Глубокій вздохъ вырвался изъ его груди:

— Завтра уже...

— Завтра...

— Я не могу оставаться здѣсь больше ни минуты, ни одной минуты.

— Зачѣмъ же это было, зачѣмъ?

— Я долженъ былъ такъ поступить. Это не отъ меня зависѣло. Теперь собственныя мои усилія мстятъ мнѣ за себя. Если бы я былъ человѣкъ спокойный, если бы я соглашался со всѣмъ... «Кто борется со свѣтомъ, тотъ долженъ погибнуть во времени, чтобы жить въ вѣчности»...

Онъ произнесъ эту цитату съ наслажденіемъ, съ нѣкоторымъ особеннымъ, пріятнымъ самохвальствомъ, съ какой-то гордостью. И тутъ въ первый разъ маленькія, душистыя губы отыскали его губы и напечатлѣли на нихъ чудную ласку.

— Куда ты поѣдешь?—спросила она, вырываясь изъ его объятій.

— Я и самъ не знаю. Вѣроятно, въ Варшаву. Я еще не подумалъ объ этомъ..

— А о чемъ же ты думалъ?

— Совсѣмъ о чемъ-то другомъ.

— О чемъ же?

Вмѣсто отвѣта, онъ протянулъ руки, но въ ту же минуту она исчезла. А у него душа полна была самыхъ нѣжныхъ рѣчей... онѣ такъ и срывались съ губъ... А между тѣмъ ни одно слово ужъ не могло коснуться ея слуха. Юдымъ глядѣлъ въ темноту, разстилавшуюся передъ нимъ и наполнявшую весь паркъ, въ темноту, что, казалось, была ея стихіей, ею самой, благоухающей и опьяняющей, какъ она...

Долго, долго, до поздней ночи стоялъ онъ у окна, весь погруженный въ сонное ожиданіе, на которое изъ темноты какъ будто взирали ея глаза. Но вотъ исчезли эти чары: ихъ какъ будто спугнули тѣ сырыя испаренія, что понеслись изъ темнаго парка. Юдымъ вспомнилъ, что утромъ ему нужно ѣхать.

Онъ ни на минуту не задумался, куда онъ поѣдетъ, но пароксизмы раскаянія, тоски, сожалѣнія снова напали на него, стали терзать его и мучить. Онъ зажегъ лампу и тупымъ взглядомъ обвелъ свою зимнюю квартиру. Это были двѣ огромныя комнаты въ первомъ этажѣ стараго замка.

Въ нихъ еще оставались нѣкоторые слѣды прежняго, стариннаго великолѣпія. Стѣны покрыты были коврами въ рамахъ, окна и двери украшены прелестною рѣзьбой. Сверху тянулись старинные, простые, золоченые карнизы, которые тамъ и сямъ распускались въ прелестные филиграновые узоры. По угламъ комнаты и между окнами блестѣли старинныя консоли, состоявшіе изъ нѣсколькихъ зеркальныхъ стеколъ.

Надъ хорошенькимъ каминомъ глядѣлъ изъ глубины старинной рамы портретъ молодой женщины съ обнаженными руками и съ улыбкой, которая, казалось, каждому говорила: «люби жизнь больше всего».

Густые, пышные волосы лежали на головѣ, какъ букеты черныхъ цвѣтовъ. Алыя губки, одна сторона лица и одно плечо были освѣщены какимъ-то чуднымъ свѣтомъ, словно мечтательнымъ, серебристымъ сіяніемъ луны. Какія-то сатанинскія чары — быть можетъ, любовь творца этого портрета,—таились въ чертахъ этого дивнаго лица. Юдымъ любилъ глядѣть на «свой» портретъ. Это прекрасное божество, изображенное на полотнѣ, было для него какъ будто силой какой-то, которая уноситъ въ прошлое, въ давно минувшіе вѣка. И часто въ тонкомъ его воображеніи рисовались тѣ люди, что когда-то жили въ этихъ комнатахъ, наслаждались и страдали, были гордыми панами, а потомъ куда-то ушли, унеслись, вонъ какъ тѣ облака, что куда-то плывутъ тамъ вверху...

И теперь, когда свѣтъ лампы упалъ на портретъ, освѣтилъ эти изящныя, пріятныя комнаты, удобную мебель — Юдымъ весь затрепеталъ. Онъ понялъ, что у него не хватаетъ силъ покинуть все это. Каждый предметъ, казалось, выдвигался изъ темноты и что-то напоминалъ ему. Каждый изъ нихъ былъ ему какъ будто близкимъ, вѣрнымъ другомъ, который принялъ отъ него какую-нибудь частичку тайны его любви къ Іоасѣ и теперь все это припоминалъ ему. Тутъ, въ этой комнаткѣ, все было полно ею. Она не была въ ней ни разу, но чарующія грезы, упоительныя мысли о ней ввели ее въ этотъ уголокъ и спрятали ее тутъ, какъ таинственную обитательницу, навсегда сокрытую отъ всѣхъ постороннихъ взоровъ. Зналъ ее и старый портретъ и его лукавая улыбка, казалось, грозила, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ среди всѣхъ разнесетъ чудесную сплетню.

Сколько неизъяснимой прелести таилось въ его безмолвіи!

Вотъ маленькій столикъ въ углу, заваленный книжками... При взглядѣ на него Юдымъ едва не разрыдался. Онъ напомнилъ ему ту минуту, когда, весь трепеща отъ радостной тайны, которую онъ только что открылъ въ себѣ, встрѣтившись съ Іоасей на опушкѣ лѣса, онъ вбѣжалъ въ комнатку и, бросившись къ этому столику, весь потонувъ въ чудной музыкѣ звучащаго въ душѣ наслажденія, долго сидѣлъ надъ нимъ, подперевъ голову руками...

А теперь грусть жестокими своими руками схватила ту чудную минуту, чудную, какъ тѣ прелестные цвѣточки, семь чашечекъ которыхъ расцвѣтаютъ всегда всѣ вмѣстѣ. Грусть обрывала и комкала ихъ лепестки, похожіе на огонь.

Глядя на всѣ эти предметы, на всю эту обстановку, Юдымъ уловилъ въ себѣ жалкое, недостойное чувство, которое отъ времени до времени высовывало изъ мрачной глубины свою отвратительную, какъ у тюленя, голову. Онъ закрылъ глаза и раздумывалъ надъ тѣмъ, въ какой бы формѣ ему помириться съ Кживосондомъ, извиниться передъ директоромъ. Въ головѣ у него промелькнулъ образъ интригантки—жены стараго кассира Листвы. Да, нужно ею воспользоваться...

Онъ бросился на кушетку и глубоко, отчаянно, безстыдно задумался о томъ, какъ бы все это устроить. Сотня всевозможныхъ плановъ и интригъ складывалась у него въ головѣ. Нужно уѣхать на пару дней, уѣхать послѣ завтра. Завтра! О, нѣтъ, завтра ни за что на свѣтѣ. Завтра онъ цѣлый день употребитъ на то, чтобы привлечь на свою сторону директоршу и ту бабу. Онѣ обѣ устроятъ какъ-нибудь примиреніе между нимъ и директоромъ. А директоръ, съ своей стороны, задобритъ ужъ и Кживосонда.

Когда онъ вернется, онъ начнетъ новую жизнь. Охъ, да, новую, тихую, спокойную семейную жизнь! Разъ навсегда нужно покончить со всѣми глупостями! Разъ навсегда нужно жъ стать серьезнымъ человѣкомъ! Они тихо обвѣнчаются въ этомъ же мѣсяцѣ... И снова все отодвинулось далеко-далеко на второй планъ. Вотъ они гуляютъ вдвоемъ по аллеямъ парка. Мимо нихъ проходили разряженныя, красивыя и некрасавыя пріѣзжія дамы. Всѣ обращаютъ на нихъ вниманіе. Юдымъ испытывалъ что-то такое, что долженъ испытывать какой-нибудь простолюдинъ, который разговариваетъ за панибрата съ великимъ, знаменитымъ мужемъ въ виду завистливой толпы... Онъ гордится своей невѣстой, онъ кичится ею, ея ослѣпительной, всевластной красотой, каждымъ ея движеніемъ, гибкимъ, какъ трепетаніе молодой вѣточки. Они проходятъ среди толпы, ничего и никого не замѣчая, всецѣло поглощенные другъ другомъ...

Уже разсвѣтало, когда Юдымъ уснулъ. Спалъ онъ не долго. Онъ проснулся съ холодной дрожью во всемъ тѣлѣ, сѣлъ на постели и недоумѣвающимъ взглядомъ озирался вокругъ. И вотъ на душу его тяжелымъ камнемъ упало сознаніе о необходимости отъѣзда. Онъ ужъ больше о немъ не раздумывалъ, не колебался и не хотѣлъ отдалять его, онъ только отыскивалъ въ себѣ силы для того, чтобы быть въ состояніи сдѣлать нужныя приготовленія.

Часа три укладывалъ онъ свои вещи, платья и книжки въ старый чемоданъ. Къ восьми, когда почтовая повозка уѣзжала на вокзалъ, онъ ужъ былъ готовъ. Оставалось еще около четверти часа на завтракъ. Юдымъ торопливо, точно за нимъ гнались, выпилъ въ ресторанѣ стаканъ кофе и направился еще къ больницѣ, чтобъ бросить на нее послѣдній, прощальный взглядъ. Когда онъ подошелъ къ калиткѣ сада, окружавшаго госпиталь, въ который онъ вложилъ столько душевнаго жара, въ душѣ его вспыхнуло какое-то новое, невѣдомое чувство. Высокомѣрная улыбка показалась у него на губахъ, въ глазахъ появилось выраженіе холодности. Съ этой улыбкой на лицѣ онъ прошелъ больничныя палаты, наскоро осмотрѣлъ больного тифомъ мальчика и, не прощаясь ни съ кѣмъ, вышелъ. Онъ не бросилъ даже ни одного взгляда въ сторону помѣщичьей усадьбы, на тѣ окна, за которыми жило сердце его сердца! Только на углу улички, прежде чѣмъ навсегда потерять больницу изъ виду, онъ повернулся и, прищуривъ

глаза, нѣсколько секундъ вглядывался въ нее. Лицо его искривилось спазматичестими судорогами. Онъ быстро отвернулся и быстро зашагалъ по дорогѣ.

Почтовая телѣжка уже стояла у веранды замка и кучеръ издали знаками просилъ его поторопиться. Юдымъ быстро вбѣжалъ въ квартиру: ему нужно было еще что-то вложить въ чемоданъ. Онъ живо отстегнулъ ремешки, поднялъ верхъ, положилъ, что надо было, въ соотвѣтственную перегородку и сталъ наскоро запирать чемоданъ. Когда все было готово, ему на минутку почудилось, что онъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ: картина далекаго прошлаго встала передъ глазами...

Онъ въ квартирѣ тетки, въ передней. Онъ страшно спѣшитъ въ школу! Спѣшить нужно, оттого что, во-первыхъ, отъ этого зависитъ его жизнь, во-вторыхъ, ему могутъ дать за это плохое свидѣтельство, въ-третьихъ, тетка можетъ замѣтить, что онъ еще здѣсь, можетъ выйти и со злости ударить его ногою въ голову или плюнуть въ глаза.

Надо идти, надо идти...

Скорѣй, скорѣй, жалкая собака!

Но отчего же у него такъ сильно, такъ невыразимо сильно болитъ сердце? Отчего ему еще хуже теперь, чѣмъ тогда? И всегда, и повсюду...

И на мгновенье, на одно крохотное мгновенье, какъ неотступная тѣнь, встало передъ нимъ что-то такое знакомое, что-то близкое, что-то самое близкое, что-то такое близкое, какъ могила, одиночество...

Казалось, оно говоритъ какимъ-то непонятнымъ языкомъ, отъ котораго морозъ подираетъ по кожѣ и волосы дыбомъ встаютъ на головѣ:

— Ничего, ничего, я подожду.

Черезъ минуту онъ уже сидѣлъ въ бричкѣ. По дорогѣ къ станціи онъ чувствовалъ себя внутренно совершенно спокойнымъ, и это состояніе было даже пріятно и интересно, какъ первые припадки горячки, разрѣшающіеся какой-нибудь тяжелой болѣзнью. Онъ не думалъ о Цисахъ, онъ не жалѣлъ ничего. Онъ ощущалъ только непреодолимое отвращеніе къ новымъ, мелькавшимъ передъ глазами, пейзажамъ и буквальную робость передъ вокзаломъ, вагонами, пассажирами. Но, очутившись въ залѣ вокзала, онъ вмѣшался въ толпу и позабылъ объ этой непріятности. Въ купэ второго класса, куда онъ забрался, не было никого, и онъ съ удовольствіемъ тотчасъ же кинулся на мягкій диванъ съ желаніемъ уснуть.

Спать, спать...

Онъ чувствовалъ себя страшно усталымъ, точно тысячепудовая тяжесть лежала на немъ. Онъ выкуривалъ папиросу одну за другой. Усталые глаза неподвижно, тупо глядѣли въ окно и безсмысленно вбирали въ себя цвѣтъ неба, а то порою верхушки деревъ, телеграфные столбы и проволоки, совершенно такъ же, какъ безжизненныя зеркала, которыя, ничего о томъ не зная, отражаютъ въ себѣ разные предметы. По стеклу сверху внизъ и снизу вверхъ непрерывно бѣгали

параллельныя линіи телеграфныхъ проволокъ. Вотъ медленно, медленно, какъ будто крадучись, идутъ онѣ внизъ, по направленію къ нижней рамѣ и вдругъ быстрымъ движеніемъ скрываются подъ нею, словно сквозь землю проваливаются. Черезъ мгновеніе онѣ вылетаютъ оттуда, какъ спугнутыя птицы, и несутся вверхъ во всю высоту окна. А то опять неподвижно стоятъ онѣ по самой его серединѣ, словно въ раздумьи, куда бы теперь пойти...

Если онѣ вверхъ подымутся...—думается Юдыму,—если подымутся..

Сердце его сжимается: этотъ оракулъ въ маленькомъ прозрачномъ *templum* клонится книзу и медленно падаетъ, словно съ какимъ-то беззвучнымъ злораднымъ смѣхомъ.

И въ душу его стали вкрадываться какія-то видѣнія, призраки, безымянныя ощущенія, какія-то суевѣрія и ужасы стали опутывать ее. Неожиданные, незванные, набѣгали они откуда-то, какъ мелкая рябь на зеркальную гладь воды. Набѣжали и исчезли... А то вдругъ опять они тянулись, какъ водоросли, какъ длинныя волокна, изъ которыхъ распускаются на поверхности бѣлыя лиліи, какъ зеленыя водяныя нити и ленты, что въ мигъ опутываютъ утопленника, какъ только онъ захлебнется водой и, потерявъ всякую силу движеній, какъ камень, опускается на дно.

И чудится, по цѣлымъ днямъ и ночамъ ждутъ они тамъ, жадно выслѣживая объятыхъ отчаяніемъ, готовые каждый мигъ схватить жертву своими когтями. Это какія-то чудовища, какія то ни на что на свѣтѣ не похожія, ни съ чѣмъ не сравнимыя, глупыя, безсмысленныя твари. Не то кусты какіе-то, не то травы... Торжественно качаются они на днѣ водъ, касаясь другъ друга склизкими тѣлами зеленаго, бураго, желтаго цвѣта. То они будто сбираются на какое-то таинственное вѣче, то будто поютъ что-то хоромъ, колышась въ тактъ мелодіи волнъ, плывущихъ надъ ними.

Какъ причудливы, какъ страшны они, когда среди рѣчной глубины глядятся въ очи утопленнику! Человѣкъ простой вырветъ ихъ изъ воды, разсмотритъ, разслѣдуетъ и увидитъ, что это только жалкія водяныя растенія. Но тотъ, кто на днѣ видитъ зеленые, длинные волосы этихъ чудовищъ, ихъ руки, что расползаются во всѣ стороны, ихъ губы, что, хихикая, лижутъ все тѣло, ихъ глаза, закрытые спутанными, отвратительными рѣсницами...

Какъ утопленникъ на днѣ рѣки, Юдымъ весь былъ опутанъ предчувствіями. Порою онъ напрягалъ всѣ силы, встряхивался и выплывалъ на поверхность. И тогда предъ глазами его вставалъ образъ Іоаси, въ ушахъ раздавался шелестъ ея платья, на губахъ своихъ чувствовалъ онъ ея благоухающія уста. Но это длилось лишь мгновенія. Сознаніе дѣйствительности, какъ дыханіе смерти, гасило ихъ и душу снова томила безграничная, неутомимая, и вѣчно новая печаль. Она выплывала изъ глубины души, цѣплялась за каждый клочекъ

исчезавшаго пространства, за каждый кустикъ, за каждую былинку, что оставалась гдѣ-то тамъ, ближе къ Цисамъ—и, какъ неутомимый труженикъ, вызывала въ умѣ сознаніе, что разстояніе становится все больше, все больше, все больше...

Но хуже всего и непріятнѣе были нѣкоторыя рѣзкія, нервныя раздраженія. Нѣкоторые образы, мысли, обрывки сужденій, силлогизмы, прямо терзали, какъ клещами. Въ такія минуты какое-то мучительное пламя жгло душу, огненные когти безсилія впивались въ нее, выворачивали на изнанку, трясли. Напрасно онъ осыпалъ самого себя самыми оскорбительными словами, какъ нищаго пьяницу, который скитается безъ цѣли.

Поѣздъ мчался, останавливался на станціяхъ, мчался дальше... Юдымъ ничего этого не сознавалъ. Только, наконецъ, на одной большой станціи, гдѣ перекрещивалось нѣсколько желѣзныхъ дорогъ и гдѣ приходилось ждать цѣлый часъ, онъ долженъ былъ выйти изъ вагона и войти въ залу. Въ толпѣ онъ почувствовалъ себя такимъ слабымъ, униженнымъ, такимъ безпомощнымъ и несчастнымъ, какъ еще никогда въ жизни. Какой-то стулъ напомнилъ ему его зимнюю квартиру въ Цисахъ, ея изящество, удобство и тишину. Это воспоминаніе тронуло его до слезъ. Ему такъ жаль стало покинутаго мѣста, сердце мучительно сжималось, руки и ноги обезсилѣли и ныли. Онъ безконечно упрекалъ себя за свое упорство, за вспыльчивость, за ссоры, въ особенности за послѣднія. Онъ съ неудовольствіемъ прозиралъ теперь всю глупость всего того, что онъ сдѣлалъ въ послѣднее время. Онъ силился вычеркнуть все это изъ своей памяти, затереть эти воспоминанія. Теперь онъ признавалъ вполнѣ, абсолютно правыми Кржисвосонда и директора. Онъ находилъ поведеніе Венглиховскаго тактичнымъ и разумнымъ во всѣхъ отношеніяхъ... Если бы вдругъ тутъ въ толпѣ увидѣть ихъ лица, какъ пріятно было бы это!

Кто-то изъ толпы произнесъ слово «Цисы».

Юдымъ не въ силахъ былъ больше выдержать. Стиснувъ зубы, сжавъ кулаки, еле сдавливая готовыя вырваться изъ груди рыданія, ходилъ онъ по залѣ.

И вотъ, какъ будто по заклинанію, онъ вдругъ увидѣлъ въ публикѣ знакомое лицо. Онъ машинально отвернулся, въ первое мгновеніе онъ даже хотѣлъ было убѣжать. Ни за какія сокровища въ мірѣ не былъ онъ въ состояніи въ данную минуту заговорить съ кѣмъ бы то ни было, а съ этимъ человѣкомъ въ особенности.

Онъ усѣлся въ темномъ углу и исподлобья наблюдалъ за нимъ, чтобы не дать ему узнать себя и въ случаѣ надобности закрыть лицо руками. Онъ въ этотъ моментъ былъ способенъ на какую угодно грубость, лишь бы избѣгнуть встрѣчи.

Знакомый этотъ былъ инженеръ Коржецкій, высокій, худой брюнетъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Юдымъ впервые встрѣтился съ

нимъ въ Парижѣ, а потомъ они вмѣстѣ путешествовали по Швейцаріи куда Коржецкій отправился для поправленія здоровья. Отчасти въ качествѣ доктора, въ сущности же въ качествѣ земляка и компаньона, онъ мѣсяца три на свой счетъ таскался съ инженеромъ по разнымъ лѣчебнымъ заведеніямъ. Коржецкій страдалъ тогда переутомленіемъ и боленъ былъ истощеніемъ нервной системы. Они заводили между собою длинныя бесѣды или, вѣрнѣе говоря, вели ожесточенные споры, и, раздражая другъ друга, одно время скитались вдвоемъ. Наконецъ, послѣ одного особенно рѣзкаго спора, они разъѣхались въ противоположныя стороны: Юдымъ вернулся въ Парижъ, а Коржецкій на родину.

Теперь видъ швейцарскаго спутника былъ невыносимо непріятенъ доктору. А тотъ медленными шагами расхаживалъ по залѣ, то выходилъ на платформу, то возвращался обратно...

Это былъ красивый мужчина, высокаго роста, стройный съ манерами аристократа. Онъ былъ одѣтъ не только по послѣдней модѣ, но, очевидно, и у прекраснаго портного. Его свѣтлое пальто и дорожная шапочка, желтые башмаки и ручной саквояжъ такъ сильно отличались отъ всего, что было въ залѣ, что онъ выглядѣлъ точно какой-то продуктъ западно-европейской цивилизаціи среди сѣренькихъ малопольскихъ провинціаловъ.

Первый поѣздъ забралъ значительную часть бывшихъ въ залѣ пассажировъ и увезъ ихъ куда-то. Юдымъ не зналъ, куда поѣхали эти люди. Ему было совершенно безразлично даже и то, куда и съ какою цѣлью поѣдетъ онъ самъ. Ѣхалъ онъ по направленію къ Варшавѣ, къ этому общему, обширному пріюту всѣхъ скитальцевъ, но когда онъ туда пріѣдетъ, остановится ли гдѣ-нибудь по дорогѣ и гдѣ именно—въ этомъ онъ абсолютно не отдавалъ себѣ отчета.

Погруженный въ свои думы, онъ и не замѣтилъ, какъ передъ нимъ остановился Коржецкій. Онъ очнулся только тогда, когда тотъ произнесъ:

— Что-жъ это у васъ, почтенный эскулапъ, такая кисловатенькая мина?

Юдымъ вздрогнулъ и бросилъ недовольный взглядъ въ сторону назойливаго инженера, потомъ онъ протянулъ руку и слегка коснулся его гладкой перчатки.

— Откуда вы и куда вы ѣдете?—проговорилъ онъ медленно, небрежнымъ, чуть ли не оскорбительнымъ тономъ.

— Я—къ себѣ. А вы?

— А я... впередъ, куда глаза глядятъ.

— Гм... довольно странное направленіе! Что-жъ оно ведетъ, такъ сказать, къ какой-нибудь обители или это что-то вродѣ точки, движущейся въ пространствѣ?..

Слова буквально сдавили горло Юдыму. Неохотно, съ досадой взглянулъ онъ на говорившаго. Это было то же лицо, только еще болѣе

тяжелое. Какъ и прежде, на немъ, какъ горящіе уголья, сверкали черные, глубокіе, печальные глаза. Порою они бывали усталые, потухшіе, порою сверкали ненавистью и мощью, какъ бѣлые клыки тигра. Одинъ изъ нихъ, лѣвый, былъ какъ будто нѣсколько побольше и очень часто казался совершенно неподвижнымъ. Ихъ самое натуральное, самое вѣрное, правдивое выраженіе—это была иронія. Подъ этимъ невыносимымъ, упорнымъ, тяжелымъ, пронизывающимъ, какъ лучъ Рентгена, взглядомъ, нерѣдко у говорившаго дыханіе спиралось въ груди, какъ отъ темнаго дула револьвера, внезапно приставленнаго ко лбу. Юдымъ всегда боялся этихъ взглядовъ больше, чѣмъ наиболѣе искусно построенныхъ силлогизмовъ. Безжалостно пытливые, они не довѣряли ни одной словами выраженной сентенціи, и, казалось, проникали въ самые корни каждой мысли, каждаго ощущенія, каждаго рефлекса, въ эти глубочайшіе тайники, которыхъ и человѣкъ самъ въ себѣ прослѣдить не въ силахъ. Взглядъ Коржецкаго разоблачалъ въ собесѣдникѣ всякую, хотя бы наиболѣе искусно сокрытую ложь, всякую искусственность, всякую фальшь. И чуть только отыскивалъ онъ такое сокровище, онъ съ дикой радостью набрасывался на него и забавлялся его подергиваніями, какъ забавляется кошка мышью, попавшейся ей въ когти. Тысячи выраженій притворнаго изумленія, искусственнаго удивленія, коварныхъ подзадориваній къ продолженію невинной безсмыслицы такъ и скользили изъ его черныхъ, словно подернутыхъ ртутью зрачковъ, пока, наконецъ, изъ нихъ, какъ змѣй, выползалъ поистинѣ демонскій, прямо въ сердце поражавшій, взглядъ, отъ котораго отнимался языкъ и мысль парализовалась въ мозгу.

— Слыхалъ я что-то, пятое черезъ десятое, будто вы тамъ гдѣ-то въ деревнѣ обрѣтались—проговорилъ онъ, присаживаясь къ столу.

— Въ лѣчебномъ заведеніи...

— Ахъ, да, правда!.. Въ Цисахъ.

— Да, въ Цисахъ.

— Ну, и что, хорошо тамъ?

— Не совсѣмъ.

— Льщу себя надеждой, что выдержать все-таки можно?

— Я вотъ именно оттуда и уѣхалъ теперь.

— Надолго?

— Навсегда!

— *Voila*! Навсегда... Не люблю я этого слова: навсегда... Неужели матеріальныя условія?

— Послушайте, Коржецкій, я вамъ скажу откровенно: я теперь раздраженъ. До такой степени, что мнѣ трудно говорить. Не взыщите, сдѣлайте милость.

— Я уже и самъ это замѣтилъ и прошу васъ простить меня. И то, по крайней мѣрѣ, хорошо, что человѣкъ говоритъ откровенно. Я это все отлично понимаю и исчезаю, какъ сонное видѣнье. Только еще одно

словечко: куда вы ѣдете? Можетъ быть, вамъ нужны деньги или вообще что-нибудь вродѣ помощи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я ѣду, кажется, въ Варшаву.

Въ ту минуту, когда онъ произносилъ эти слова, ему почудился гдѣ-то вблизи какъ будто голосъ Іоаси. Сердце въ немъ мучительно сжалось, на глазахъ сверкнули слезы.

— Слушайте, я скажу вамъ еще пару словъ...—сказалъ Коржецкій— и уйду отъ васъ. Можно?

— Да говорите, говорите.

— Вотъ что: поѣзжайте ка со мной въ Заглембье. На долго ли, на коротко ли—это ужъ ваше дѣло. Вы отдохнете тѣломъ и душою, посмотрите новыя мѣста...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я никуда не могу ѣхать.

— Я вамъ даже больше скажу: на одной изъ фабрикъ гдѣ-то тамъ имѣется вакантное мѣсто для врача. Вы могли бы похлопотать о немъ. Впрочемъ—объ этомъ послѣ.

— Я въ Варшаву...—пробормоталъ Юдымъ, самъ не зная, почему онъ отказывается отъ этого предложенія.

Главнымъ образомъ, ему внушала отвращеніе необходимость разговаривать съ Коржецкимъ. Тотъ какъ будто угадалъ его мысли.

— Я не стану съ вами ни разговаривать, ни о чемъ бы то ни было разспрашивать. Ну?

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.

— Гдѣ же вы остановитесь въ Варшавѣ? Въ гостинницѣ? Но, поймите, вѣдь когда человѣкъ такъ утомленъ и съ нервами имѣетъ...

— Ни съ какими нервами я не имѣю дѣла! Стану я еще возиться съ нервами, съ этими глупыми нервами! Терпѣть не могу, когда рисуются своими нервами.

У Коржецкаго чуть-чуть расширились глаза, и легкая усмѣшка промелькнула на его губахъ. Но черезъ мгновеніе ея уже не было, ее смѣнило выраженіе, необыкновенное для этого лица, выраженіе глубокаго уваженія и участія. Юдымъ взглянулъ на своего собесѣдника и почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Въ самомъ дѣлѣ, куда ему ѣхать? Слоняться по улицамъ Варшавы, заглушая въ себѣ ненависть и тоску?

— Но вѣдь я васъ измучаю своей персоной,—промолвилъ онъ болѣе мягкимъ тономъ.

— Мы поѣдемъ съ вами въ разныхъ купэ, даже въ вагонахъ, если за этимъ только дѣло стало. Вамъ дадутъ особую комнату и мы даже сможемъ съ вами совершенно не видѣть другъ друга.

— Ну, что это?

— Да ничего. Ужъ я знаю, что говорю. Да и притомъ у меня тутъ есть извѣстный разсчетъ.

— Какой такой разсчетъ?

— Да вотъ есть ужъ.

— Но вѣдь я уже купилъ себѣ билетъ до Варшавы.

— Такъ что изъ этого? Я сейчасъ схожу и куплю билетъ до Сосновицъ. Вы тутъ посидите-ка себѣ спокойно и печальтесь, сколько успѣете за такое короткое время, а я тѣмъ временемъ сбѣгаю въ кассу.

Юдымъ посмотрѣлъ вслѣдъ уходившему инженеру, и какое-то пріятное ощущеніе охватило его при видѣ свѣтлаго костюма, промелькнувшаго въ толпѣ. Вздохъ облегченія вырвался изъ его груди. Въ головѣ его замелькали мысли о томъ, что такое Заглембье и, несмотря на все отвращеніе, которое ему въ данную минуту внушали всѣ новыя мѣста и то, которое насило это названіе, въ особенности, онъ предпочелъ уже его Варшавѣ. Вскорѣ вернулся Коржецкій и съ торжествомъ показалъ ему билетъ, который, впрочемъ, тотчасъ же спряталъ въ карманъ. Подъѣхалъ ихъ поѣздъ, и Юдымъ машинально двинулся вслѣдъ за своимъ новымъ провожатымъ въ вагонъ перваго класса. Онъ былъ одинъ въ своемъ купэ и тотчасъ, стараясь ни о чемъ не думать, бросился на диванъ. Когда поѣздъ дрогнулъ и тронулся съ мѣста, онъ почувствовалъ сильное удовольствіе отъ того, что ѣдетъ не одинъ и не въ Варшаву. Къ нему никто не входилъ. Часъ только спустя, въ купэ тихо вошелъ Коржецкій со своимъ кожанымъ чемоданчикомъ въ рукахъ. Онъ усѣлся въ противоположномъ углу вагона и принялся читать книжку. Когда онъ снялъ съ головы свою плоскую шапочку, Юдымъ замѣтилъ, что лысина его значительно увеличилась. Рѣдкіе, коротко остриженные волосы еще чернѣлись кое-гдѣ вокругъ темени, но не въ силахъ уже были скрыть ярко блестѣвшей голой кожи. Коржецкій внимательно читалъ свою книжку. На красивыхъ губахъ его время отъ времени мелькало выраженіе холодной презрительности, quasi-улыбка; вотъ точно такое же выраженіе бывало у него тогда, когда этотъ «циникъ» велъ оживленный разговоръ съ кѣмъ-нибудь такимъ, что имѣлъ претензіи на величіе. Взглядъ, его, устремленный на страницу книги, критиковалъ ее безпощадно, какъ человѣка. Юдымъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ смотрѣлъ на Коржецкаго, и странная мысль вдругъ пришла ему въ голову: что было бы съ Іоасей, еслибъ она сдѣлалась женой такого человѣка. И въ ту же минуту ему страстно захотѣлось увидѣть ея глаза, вызвать ихъ въ своей памяти, но вотъ взглядъ его вдругъ затуманился слезами, крупными каплями покатившимися по лицу. Онъ продолжалъ лежать неподвижно, употребляя мучительныя усилія подавить свою тоску и страданіе. Была минута, когда ему вдругъ страстно захотѣлось заговорить съ Коржецкимъ о Іоасѣ, разсказать ему все, все. Онъ ужъ было раскрывалъ ротъ и собирался начать, какъ въ тотъ же мигъ другое что-то, какое-то смутное воспоминаніе отгоняло прочь это желаніе, и слова замирали на устахъ, такъ птица, парящая въ воздухѣ, пораженная пулей, безсильно

падаетъ на землю. Онъ забывалъ, гдѣ и что съ нимъ и мучительно томился въ этомъ состояніи полузабытья.

Часовъ около пяти пополудни Коржецкій закрылъ книгу и стащилъ съ полки свой тяжелый саквояжъ.

— Вставайте, Юдымъ, мы у цѣли,—произнесъ онъ, собираясь выйти изъ вагона.

Они вышли на платформу большой, оживленной станціи, быстро прошли черезъ вокзалъ и сѣли въ поджидавшій ихъ экипажъ. Сильные кони быстро помчали ихъ по городу. Городъ былъ, видно, недавно отстроенъ; дома его были не только новы и незамысловаты, но выстроены какъ будто кое-какъ, на спѣшку. По улицамъ тянулись глубокія лужи, грязныя канавы. Кой-гдѣ, даже на окнахъ перваго этажа, видны были брызги грязи. Рядомъ съ новыми каменными домами ютились старыя лачуги и домишки допотопныхъ временъ.

Мѣстность, тянувшаяся за городомъ, производила впечатлѣніе кучи вещей, которую вѣчно перетряхиваютъ и не съ той цѣлью, чтобы привести ее въ порядокъ, а просто съ цѣлью расхищенія лишить ее всего, что только въ ней было. Все, что тамъ еще было видно, представляло только жалкіе остатки. Глаза, то и дѣло, мозолили ямы, рвы, канавы и лужи.

Мѣстами стояли рѣдкія кучки сосенъ, сквозь которыя легко было разглядѣть, что находится за ними. Кое-гдѣ пространство было занято низкими, кривыми соснами, кое-гдѣ можевельникомъ. Въ общемъ это былъ одинъ лишь пустырь.

Во всѣ стороны тянулись дороги, дорожки, узенькія тропинки. Колеса экипажа, то и дѣло, стучали о желѣзнодорожные рельсы. Повсюду виднѣлись все трубы да трубы, да клубы дыма тянулись въ даль по лазурному небу.

Дорога тянулась мимо различныхъ фабричныхъ построекъ, которыя мѣстами соединялись въ одну общую массу, мѣстами разбѣгались въ ряды жилыхъ квартиръ. Неподалеку отъ нихъ открывались передъ глазами огромныя, глубокія ямы, въ которыхъ, не имѣя куда уплыть, стояла отвратительно грязная, желто-бурая вода. Видъ этихъ ямъ наполнялъ Юдыма неизъяснимой грустью. Эти стоячія лужи представляли жалкую картину посрамленія. Онѣ не могутъ никуда уйти, утечь, уплыть, не могутъ тронуться ни взадъ, ни впередъ, не могутъ даже всочиться въ землю и исчезнуть безъ слѣда. Эта вода ужъ абсолютно ни на что не годится, такъ какъ ни для питья, ни для омовенія какого бы то ни было тѣла она ужъ служить не можетъ. Ей даже не дано отражать въ себѣ облака и звѣзды небесныя. Точно выбитый глазъ, глядитъ она вверхъ съ своимъ страшнымъ блескомъ, съ нѣмымъ крикомъ, который прочь гонитъ отъ нея человѣка. Покинутая всѣми, проклятая, она служитъ источникомъ заразы. И такъ должна она вѣчно оставаться на своемъ мѣстѣ безъ конца, безъ смерти.

Неподалеку отъ этихъ ямъ подымались *галды*, огромныя кучи угольнаго песку, образовавшія цѣлые холмы. Тамъ и сямъ дожди размыли ихъ на части и образовали между ними поперечныя долины. Эти странныя насыпи цвѣта обожженнаго кирпича, тамъ и сямъ прорѣзывавшія пространство, казались какими-то кровавыми, воспаленными опухолями на этой больной, изможденной, заброшенной землѣ

Когда экипажъ, наконецъ, покатился по широкому, хорошо содержавшемуся шоссе, вдали вскорѣ показалась цѣль ихъ пути: копи «Сикстъ». Уже виднѣлись ихъ наружныя постройки, имѣвшія видъ трехъ склеенныхъ мельницъ, сплошь покрытыя густыми слоями черной пыли до такой степени, что два какихъ-то небольшихъ окошечка, находившіяся у подножія одной изъ этихъ деревянныхъ башенъ, манили взоры прохожаго своимъ пріятнымъ стальнымъ блескомъ. На верхушкахъ двухъ самыхъ высокихъ призмъ, въ клубахъ пара и дыма, вертѣлись то въ ту, то въ другую сторону колеса подъемныхъ машинъ. Уголь черными кучами разносился отъ этихъ построекъ во всѣ стороны, а надъ ними подымались огромныя ребра деревянныхъ помостовъ. Уже издали слышенъ былъ своеобразный шумъ копей. На одной изъ балокъ стоялъ человѣкъ въ толстыхъ сапогахъ и длинной до колѣнъ курткѣ, весь черный отъ угля. Онъ сильно жестикулировалъ руками, повидимому говорилъ что-то, что-то приказывалъ людямъ, которые стояли внизу и усердно сыпали да сыпали лопатами черныя глыбы. Вокругъ въ канавкахъ и ямахъ стояла вода не вода, а какая-то темная, безцвѣтная жидкость, неподвижно застывшая въ изрытой землѣ, у которой ужъ нѣтъ силы закрыть травою свои обнаженныя мѣста. Густые слои черной пыли сыплются и сыплются на нее, погребая подъ собою все, что ни успѣетъ засѣять на ней солнышко. За предѣлами территоріи копей тянулись кучи мелкихъ камней, смѣшанныхъ съ угольнымъ муссоромъ. Нѣсколько дальше, словно заплата на изорванномъ платьѣ, растянулась полоса чернаго песку. За нею на нѣкоторомъ пространствѣ торчали кверху низкіе пеньки: грозы ломали ихъ, зной разъѣдалъ и мелкая пыль, носившаяся въ воздухѣ, засыпала ихъ сплошною массой. Эти торчащіе обрубки когда-то высокихъ и давно уже срубленныхъ деревъ производили на Юдыма впечатлѣніе какихъ-то олицетворенныхъ обидъ, какихъ-то страданій, подавленныхъ и втоптанныхъ въ землю. Они, казалось, рыдали страшнымъ, раздирающимъ душу плачемъ, котораго никто не слышитъ. Повсюду, куда ни кинуть глазомъ, неожиданные «провалы» покрывали собою эти мертвые участки, потерявшіе уже всякое право на существованіе.

Юдымъ глядѣлъ на эту картину и ему казалось, что онъ видитъ въ ней отраженіе своей души. Онъ прекрасно видѣлъ тутъ всякую логическую необходимость, всѣ разумные, творческіе законы промышленности, но вмѣстѣ съ этимъ онъ чувствовалъ и всѣ тѣ безразсудные порывы, что текли рядомъ съ ними самъ-другъ, какъ рѣки, то безпо-

койные, бурные, то тихіе, ровные, подчиняясь однимъ только себѣ, однимъ только своимъ законамъ. И онъ внутренно рыдалъ надъ этой землею. Какая-то цѣпь глубокой симпатіи приковывала душу его къ этимъ мѣстамъ. Онъ во всемъ этомъ видѣлъ что-то такое, чего не въ силахъ уловить разумъ, за чѣмъ не въ силахъ поспѣть самое живое воображеніе...

Коржецкій приказалъ возницѣ остановиться передъ сборнымъ пунктомъ и о чемъ-то спросилъ его. Вскорѣ экипажъ въѣхалъ на обширный дворъ. Около сортировочной они съ Юдымомъ слѣзли и вошли въ контору. Это былъ маленькій, одноэтажный домикъ, весь почернѣвшій отъ угля. Въ первой комнатѣ, въ которую они вошли, Юдымъ нашелъ у окна свободный стулъ и занялъ его. Коржецкій попросилъ его тутъ обождать, а самъ пошелъ въ слѣдующую комнату, изъ которой доносились голоса людей, очевидно, не жалѣвшихъ своихъ легкихъ. Комната, въ которой остался Юдымъ, была пуста. Два большихъ шкафа съ бумагами, выкрашенные черной краской, грозно торчали по угламъ. Столъ и лежавшія на немъ записныя книги были усѣяны угольными кристалликами, забиравшимися въ комнату сквозь щели оконъ, стекла которыхъ безпрерывно дрожали вмѣстѣ со всѣмъ домомъ. За окнами съ грохотомъ и трескомъ катились телѣжки, подталкиваемыя по рельсамъ сильными работницами. Въ эти подвижные вагончики сыпались сверху, сквозь рѣшетку изъ сортировочной, куски угля. Грохотъ и стукъ не стихалъ ни на минуту, и не то рѣзкіе крики, не то чей-то грубый хохотъ какъ будто слышались въ немъ.

Электрическая лампа, прикрѣпленная къ столу, начинала слабо разгораться. Этотъ свѣтъ вызвалъ въ сердцѣ Юдыма ощущеніе пронизывающей боли. Голова его упала на сплетенныя руки. Ему казалось, будто это по его спинѣ проходятъ эти тяжелые вагоны, будто на его голову падаютъ, падаютъ безъ конца черные, блестящіе, острые, какъ ножъ, кусочки каменнаго угля. Дикіе крики работницъ, окрики надсмотрщиковъ, неописуемый грохотъ, издаваемый рѣшетками и посреди всего этого черезъ опредѣленные промежутки времени звонки, раздававшіеся, когда подъемная машина спускалась въ пропасть штольни,—все это звучало для него, какъ крики и визги вѣдьмъ, собравшихся на шабашъ. Въ особенности этотъ звонокъ... Пронзительные, какіе-то сдавленные, но проникающіе въ самую душу—эти звуки напоминали людскіе стоны, это былъ какъ будто тотъ *vox humana*, что слышится въ звукахъ органа въ Фрейбургскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Черезъ нѣсколько времени Юдымъ поднялъ голову. Увидѣвъ передъ собою чернильницу и перо, онъ схватилъ лежавшій тутъ же на столѣ клочекъ бумаги и быстро, неровно сталъ писать на немъ: «Іоася, Іоася! Что мнѣ безъ тебя дѣлать! Всю душу мою, всю мою жизнь я отдалъ тебѣ! Мнѣ все кажется, какъ будто кто-то изъ насъ обоихъ умеръ, а другой скитается по землѣ, среди безконечныхъ могилъ...

Въ душѣ моей стонутъ пронзительные звуки звонка. Словно заика, лепечетъ онъ мнѣ по слогамъ какое-то слово, котораго я разобрать не могу...»

Онъ пересталъ писать, чувствуя, что пишетъ не то, что есть въ дѣйствительности, что того, что чувствуется въ душѣ, вѣрно, правдиво невозможно выразить словами. Въ то время, какъ онъ сидѣлъ такъ, склонившись надъ бумагой, онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то стоитъ сзади него. Это былъ Коржецкій. Юдымъ поднялся со стула и въ ту же минуту угадалъ по лицу инженера, что тотъ знаетъ его тайну.

— Простите,—сказалъ Коржецкій,—я нечаянно взглянулъ на бумагу, не предполагая, что вы пишете письмо. Я прочелъ только первыя слова.

— Это не было письмо!—съ досадой проговорилъ Юдымъ, разрывая бумагу на кусочки и пряча ихъ въ карманъ.

— Простите меня!—повторилъ Коржецкій такимъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ, какого Юдымъ никогда еще у него не слыхалъ.

— Что, мы тутъ и остаемся?

— Какое! Дальше ѣдемъ.

— Куда именно?

— Ко мнѣ. Вѣдь я тутъ не живу. Это вы, можетъ быть, со временемъ примоститесь сюда. По дорогѣ мы проѣдемъ мимо больницы.

— А къ вамъ еще далеко?

— Три версты. А что вы устали?

— Порядкомъ. Я съ удовольствіемъ поспалъ бы теперь.

— Мы сейчасъ будемъ дома. Я еще только вотъ скажу по телефону, чтобы намъ приготовили чаю.

— Ну, это зачѣмъ? Совершенно лишнее. Я, по крайней мѣрѣ, теперь ничего ѣсть не стану, ничего въ ротъ не возьму,—сказалъ Юдымъ и, самъ не зная отчего, покраснѣлъ. Коржецкій замѣтилъ это.

— Послушайте, Юдымъ, а если я прикажу вамъ съѣсть бифштексъ во имя панны Іоаси?—тихо вымолвилъ онъ и, положивъ ему руки на плечи, крѣпко поцѣловалъ его въ губы. Юдымъ возвратилъ ему поцѣлуй, но почувствовалъ себя какъ-то упавшимъ и смущенно молчалъ. Онъ испытывалъ то гнетущее, ощущеніе, какъ вотъ тогда передъ Венглиховскимъ, что онъ становится невольникомъ, зависимымъ отъ чьей-то сильной воли. Съ глубочайшимъ неудовольствіемъ подумалъ онъ о томъ, что его отношенія къ Іоасѣ, эта глубокая, святая тайна, уже были извѣстны Коржецкому, отъ котораго, кажется, ничего нельзя было скрыть. На мгновеніе ему даже показалось, что этотъ эпизодъ его жизни, полный радостей и страданій, потерялъ какъ будто теперь долю своей прелести.

Въ экипажѣ Коржецкій снова погрузился въ молчаніе, въ свое обычное состояніе неподвижности и отупѣлости. Онъ на минуту оживился тогда лишь, когда указывалъ спутнику на домъ, похожій

на ящикъ съ своими окнами, размѣщенными въ равномъ разстояніи другъ отъ друга и съ плоской жестяной крышей. Это была больница. Около нея толпилась кучка сѣренькихъ людей: у одного глазъ былъ подвязанъ тряпкой, у другого забинтована рука, у третьяго физіономія ясно выражала сильную боль въ «нутрѣ».

Юдымъ видѣлъ ихъ всѣхъ словно въ туманѣ. Мысль о томъ, что ему, можетъ быть, придется лѣчить этихъ людей, возиться съ ихъ болѣзнями, внушала ему такое же отвращеніе, какъ и самая болѣзнь. Ему вдругъ вспомнилось, что когда-то отъ кого-то онъ слышалъ выраженіе: чернь...

Отъ кого это?.. Отъ кого?.. Онъ ломалъ себѣ голову, напрягалъ свою память вотъ-вотъ ужъ, казалось, улавливалъ тотъ моментъ, тѣ обстоятельства, которыя сопутствовали этому... Послѣ долгихъ усилій, онъ очутился въ Версали, въ комнаткѣ Маріи-Антуанеты и услыхалъ это слово изъ устъ Іоаси. Какъ хорошо, какъ вѣрно это слово выражало самую суть!

— Еслибъ вы захотѣли, то вамъ, можетъ быть, и удалось бы занять мѣсто врача при копяхъ «Сикстъ»,—произнесъ инженеръ.

— Не теперь, только не теперь! Я долженъ сперва хоть нѣсколько дней отдохнуть.

— Я и говорю о будущемъ. Я тутъ ужъ поговорилъ съ однимъ вліятельнымъ человѣкомъ. Право, хорошо было бы, если бы вы тутъ поселились. Тутъ скучно и тоскливо, это правда...

Онъ смолкъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ, опустивъ голову. Потомъ пѣвучимъ шопотомъ онъ заговорилъ какъ будто про себя:

— *Asperges me hyssopo et mundabor; lavabis me et super nivem dealbabor.*

Онъ повернулся къ Юдыму и, словно нѣсколько пристыженный съ блѣднымъ румянцемъ на щекахъ, сталъ объясняться:

— Порою, знаете, приходитъ какъ-то неожиданно въ голову какая-нибудь картина изъ прошлаго... Вотъ какъ разъ въ эту минуту я вспомнилъ нашъ костелъ, какой-то старый костелъ въ горахъ... Толстый ксендзъ выходилъ въ бѣлой ризѣ, съ нимъ еще двое: органистъ и причетникъ. Тутъ этотъ запахъ свѣжей травы, хлѣба, молодыхъ орѣховъ—это 15-го августа! Ксендзъ затягивалъ: *Asperges me...* и проходилъ въ костелъ, шелъ посреди крестьянъ и кропилъ направо и налѣво, медленно подымая руку. Тѣмъ временемъ органистъ пѣлъ одинъ. Голосъ у него былъ чистый, твердый, спокойный. На бритомъ лицѣ лежало выраженіе сосредоточенности, почти суровости. Когда онъ пѣлъ эти прелестныя слова: *super nivem...* звуки его голоса становились нѣсколько рѣзкими, хриплыми. Я ясно слышу его въ эту минуту... Ахъ, Боже!.. Обыкновенно, когда онъ начиналъ версетъ вторично, ксендзъ возвращался, и капли святой воды окропляли наши,

господскія, головы вы стояли на духовныхъ мѣстахъ, вблизи алтаря. Капли святой воды... Святыя, холодныя капли... И эта мелодія, звучащая такой мольбой и довѣріемъ, это дѣтски-невинное пѣніе, этотъ вздохъ простой души, что не боится... Не кажется ли вамъ при этихъ словахъ, какъ будто вы видите усталые, полные слезъ глаза, обращенные къ небу? *Lavabis me et super nivem dealbabor...*

Надвигался вечеръ. Вдали виднѣлись электрическіе фонари, разливавшіе вокругъ блѣдно-голубой свѣтъ. Слышался отдаленный говоръ. Экипажъ быстро вкатился въ уличку чего-то вродѣ мѣстечка и остановился передъ двухъ-этажнымъ, облупленнымъ домикомъ. Юдымъ поднялся за хозяиномъ наверхъ. Квартира была довольно большая, но пусто въ ней было, какъ въ хлѣву. Въ одной комнатѣ торчали вѣшалки, точно какія-то странныя пугала, въ другой ютилась у стѣнки желѣзная кровать, въ третьей стоялъ по серединѣ карточный столикъ и еще одна кровать да нѣсколько самыхъ необходимыхъ предметовъ изъ мебели.

— Устройтесь себѣ въ этихъ салонахъ, какъ можете, а я вотъ схожу раздобыть чего-нибудь съѣдобнаго да питейнаго,—пошутилъ Коржецкій, выходя изъ квартиры.

Вслѣдъ за этимъ въ комнату вошелъ человѣкъ, черный, какъ уголь, таща чемоданы. Онъ поцѣловалъ Юдыма въ руку, Богъ вѣсть съ какой стати, и принялся носить изъ сосѣднихъ квартиръ стаканы, тарелки, ножи, вилки. Вскорѣ показался и Коржецкій съ извѣстіемъ, что будутъ бифштексы и пиво.

— Не удивляетъ ли васъ спартанская простота сего аппартамента?— спросилъ онъ, скидывая съ себя свой изящный костюмъ.

— Тутъ станетъ красивѣе, когда сюда войдетъ хозяйка...—промолвилъ Юдымъ, чтобы только что-нибудь сказать.

Коржецкій громко расхохотался, слишкомъ даже громко, съ хихиканьемъ, которое непріятно поражало. Но онъ вмигъ смолкъ и принялся шумно умываться, брызгать водою голову, плескаться и фыркать.

Потомъ уже, утирая лицо шершавымъ полотенцемъ, онъ заговорилъ:

— Вы сказали что-то ужасное. Хозяйка!.. ха... ха... Хозяйка! Что за слово!

— Что жъ тутъ такого ужаснаго? Вы, можетъ, всего на годъ, на два старше меня.

— Какое же отношеніе можетъ имѣть къ этому старость! Тутъ дѣло не въ томъ, кто старше и кто моложе.

— Такъ въ чемъ же?

— Ба! въ чемъ же...

— Хотите, я вамъ найду невѣсту.

— Я ужъ самъ себѣ нашелъ.

Глаза его заблистали зловѣщимъ, серебристымъ блескомъ и неподвижно глядѣли на Юдыма. Послѣ ужина они молча сидѣли другъ про-

тивъ друга. Юдыму, несмотря на усталость, спать не хотѣлось; наоборотъ, онъ охотно поговорилъ бы.

— Мнѣ очень хотѣлось бы,—тихо заговорилъ Коржецкій,—чтобы вы тутъ остались, въ «Сикстѣ», *notabene*, изъ чисто-эгоистическихъ побужденій.

— Какая же вамъ можетъ быть отъ меня выгода?

— Вопросъ! Вѣдь я и теперь притащилъ васъ сюда не для чего иного, какъ для того, чтобы самъ я отъ этого что-нибудь выигралъ.

— Ну?

— Вѣдь вы меня знаете, или, вѣрнѣе говоря, знали немного нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ той поры я значительно подвинулся впередъ въ разъ избранномъ направленіи.

— А швейцарское лѣченіе не помогло вамъ тогда?

— Какъ же! Помогло. Я и теперь здоровъ, какъ быкъ. Вѣдь я же здѣсь работаю въ качествѣ инженера, встаю ежедневно въ пять часовъ утра, спать ложусь поздно, и надо имѣть силы и здоровую голову, чтобы со всѣмъ этимъ управиться. Да не въ этомъ тутъ дѣло, не въ здоровьи... какъ бы это сказать?.. не въ наружномъ здоровьи...

— Эхъ, опять эти мистическіе термины.

— Ну и пускай себѣ! Такъ вотъ... Мнѣ именно хотѣлось бы, чтобы вы всегда были тутъ гдѣ-нибудь неподалеку отъ меня, съ вашими честными, правдивыми глазами, съ вашей точной и ясной докторской номенклатурой, съ вашей сильной душой, душою... не обижайтесь только, Юдымъ! . простяка изъ подвала, даже съ этой вашей таинственной панной Іоасей...

— Послушайте-ка, только объ этомъ я васъ прошу...

— Ничего, ничего! Вѣдь я же ничего плохого не говорю. Мнѣ такъ хорошо, когда вы со мною!

Что-то особенное уловилъ Юдымъ и во взглядѣ Коржецкаго, и въ тонѣ его голоса: это была какая-то черезчуръ ужъ высокая нотка, которая безсильно колеблется въ какомъ-то головокружительномъ, недосягаемомъ зенитѣ.

— Что же съ вами? Скажите мнѣ...—участливо промолвилъ онъ.— Я всей душою и всѣми силами готовъ служить вамъ, хоть и знаю, что нерѣдко вы меня будете раздражать. Я васъ вылѣчу!

— Не бойтесь только, что я раздражать васъ буду, нечего вамъ этого бояться. Это я только сверху выкрашенъ въ цвѣтъ стального штыка. А внутри все-то хрупко, какъ стеаринъ. Да, впрочемъ... *je m'en vais...*

— А это что же такое?

— Ничего, такъ себѣ выраженьице. Я, видите ли, въ настоящее время занятъ нѣкоей духовной работой, которую можно было бы назвать выработкой воли или, вѣрнѣе—преодолѣваніемъ страха. Я хотѣлъ бы достичь такой власти надъ своимъ тѣломъ и его такъ называемыми нервами, чтобы не быть отъ нихъ въ зависимости.

— Чтобы не быть въ зависимости отъ нервовъ?

— А что? Я странно выражаюсь?

— Очень даже странно.

— Я хочу такъ близко узнать жизнь и смерть, чтобы я могъ совершенно равнодушно относиться и къ тому, и къ другому.

— Это фразы. Такъ человѣкъ можетъ знать только жизнь.

— Вотъ, напримѣръ, Андре! Люди, которые садились въ этотъ воздушный шаръ, знали смерть лучше и ближе, чѣмъ жизнь. Они видѣли снѣжныя поляны, огромныя льдины, озаренныя блескомъ сѣвернаго сіянія. И тамъ они видѣли себя одинокими, отрѣзанными отъ міра, и видѣли ее, какъ она близилась къ нимъ. Они ее видѣли цѣлую зиму въ теплыхъ уютныхъ комнатахъ, среди банальныхъ разговоровъ съ изящными женщинами. И вотъ въ одинъ прекрасный день они встали и пошли на встрѣчу этой незнакомкѣ. О, еслибъ я могъ выработать въ себѣ такое спокойствіе духа!

— Мы вовсе не знаемъ, съ какимъ чувствомъ тѣ люди заглядывали смерти въ глаза. Быть можетъ, въ нихъ это былъ только страстный порывъ честолюбія, быть можетъ, вовсе тутъ никакого и спокойствія не было, быть можетъ, была одна лишь жажда славы—и страхъ.

— Честолюбія! Вотъ это мнѣ нравится! Умереть потому, что такова моя воля, умереть тогда, когда хочу, когда *я* хочу, я—властелинъ, я—духъ, умереть за то, что *я* беру подъ мою охрану, въ мои сильныя руки, въ мою власть. Да разумѣется, въ этомъ можетъ быть и доля честолюбія! Андре и его товарищи закалили свою волю до такой степени, что могли сдѣлать то, что здумали. Тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы, проснувшись въ одинъ прекрасный день и вдругъ увидѣвъ смерть у своего изголовья, привѣтствовать ее съ такой же свѣтлой улыбкой, какъ майское утро. О, Боже! Не бояться смерти...

— Это невозможно... Это противъ закона природы.

— Нѣтъ, это только страшно трудно. Впрочемъ, вопросъ этотъ для другихъ людей вовсе не имѣетъ ни такой важности, ни даже, хоть это, пожалуй, и глупо звучитъ, такого первостепеннаго значенія. Но для насъ, несчастныхъ мучениковъ съ больными нервами... Можно еще побороть боязнь смерти, какъ таковой, ея самой по себѣ, но абсолютно немыслимо, немыслимо, по крайней мѣрѣ, для меня, заглушить въ себѣ какой-то непонятной боязни, страха передъ чѣмъ-то неожиданнымъ, этого плода безсонныхъ ночей. Послѣднее время я не могъ спать одинъ. У меня ночевалъ въ передней одинъ горнорабочій.

— Видите, это больные нервы...

— Сейчасъ. Горнорабочій этотъ оказался довольно неглупымъ. Я съ нимъ толковалъ до упаду, чтобы поддаться его внушенію и уснуть, да онъ у меня посреди разговора валился на постель, какъ колода. Только и было мнѣ утѣшенія, что онъ храпѣлъ подлѣ меня. А я цѣлыя долгія ночи безъ сна просиживалъ на этой кушеткѣ. Разбуди-ка

я его вдругъ, этакъ въ полночь, этого человѣка съ превосходными, здоровенными нервами, съ нервами, какъ канаты, и скажи-ка я ему: «слушай, ты сейчасъ умрешь...» посмотрѣли бы мы тогда, что бы съ нимъ дѣлалось! Онъ трепеталъ бы, какъ осиновый листикъ, валялся бы по полу, молился бы, замиралъ бы отъ страха. А я, я, который, повергнувшись въ прахъ, одинъ тутъ погружался въ мучительныя думы, котораго нервы, казалось, блуждали по вселенной, я, больной, прикасался къ ней пальцемъ, вызывалъ ее къ себѣ и глядѣлъ ей прямо въ глаза съ моей ироніей, какъ на человѣка, котораго я ненавижу. Теперь мнѣ кажется, что если бы вы были гдѣ-нибудь здѣсь по близости, я могъ бы спать. Тогда я ночью могъ бы подумать: Юдымъ гдѣ-то тутъ недалеко. Я могъ бы подумать: вотъ я встану утромъ, я его увижу, зайду къ нему...

Докторъ слушалъ эти рѣчи, и холодная дрожь проходила по его тѣлу. Какое-то странное, неоріятное ощущеніе, словно зеленой, скользкой змѣей ползло по его спинѣ. Глаза Коржецкаго какъ будто смотрѣли впередъ, но это только казалось: этотъ взглядъ смотрѣлъ ему въ душу. На губахъ его была улыбка... странная, загадочная улыбка, невольно манящая къ себѣ, какъ яркій блескъ, что сверкнетъ порой въ горной пропасти

Въ выраженіи его лица не было ни просьбы, ни даже желанія сочувствія. Въ его рѣчахъ видно было лишь подробное, конкретное и умѣлое представленіе сути дѣла.

— Значитъ, вы не боитесь смерти?—спросилъ Юдымъ.

— Я веду съ нею борьбу. Иногда я побѣждаю ее, иногда она меня. И тогда на меня находитъ *pavor nocturnus* *), какъ на маленькаго ребенка. Вотъ я теперь сижу тутъ съ вами, разговариваю, я спокоенъ и веселъ. Я даже не знаю, какъ можно быть грустнымъ. Что такое грусть? Я ея совсѣмъ не понимаю. Я—точно филистеръ, который просто расхохотался бы, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что на свѣтѣ есть взрослый человѣкъ, который «чего-то» боится. Но можетъ пройти еще одинъ только часъ—и предо мною встанетъ этотъ страшный призракъ. Мнѣ станетъ страшно одному, я стану мучаться такъ ужасно, такъ невыносимо! На человѣческомъ языкѣ нѣтъ словъ для выраженія такихъ страданій. *Pavor*... Одна лишь грозная музыка Бетховена порою можетъ раскрыть ворота этого ужаснаго кладбища, гдѣ въ окровавленныхъ могилахъ лежатъ растерзанные трупы, гдѣ среди вѣчной тьмы слышатся рыданія какого-то человѣческаго существа, что лишилось разсудка и, ища спасенья, блуждаетъ, блуждаетъ, блуждаетъ безъ конца...

— Послушайте, вамъ необходимо какъ можно чаще выходить гу-

---

*) Ночной страхъ.

лять. Каждую свободную минутку вы должны отдавать развлеченіямъ. Почаще ѣздить желѣзной дорогой, а главное, избѣгать всякихъ волненій...

— Да, это значитъ: взять лопату и вытащить себя изъ болота, въ которомъ лежишь. Нѣтъ, для меня нѣтъ мѣста на землѣ.

— Эхъ, что вы тамъ такое говорите!

— Я знаю, что говорю. Я не могу жить, какъ живутъ милліоны людей. Вѣдь временами я удираю мѣсяца на два куда-нибудь въ Альпы, въ Пиренеи, на одинъ островокъ у бретонскихъ береговъ. Я бросаю всѣ книжки, газеты, не распечатываю писемъ... Но что жъ? Что мнѣ изъ того? Всегда и повсюду меня преслѣдуетъ образъ покинутаго свѣта, отраженіе котораго вѣчно живетъ во мнѣ, въ моей несчастной, изстрадавшейся душѣ. Совсѣмъ неожиданно для меня, тамъ вспыхиваетъ порою бѣшеный гнѣвъ противъ какой-нибудь подлости, совершившейся когда-то давно, разбудитъ меня, не дастъ глазъ сомкнуть, все покажетъ, все припомнитъ... О, онъ ужасенъ, этотъ безсильный, мучительный гнѣвъ!

— Можетъ быть, вамъ бы лучше совсѣмъ перемѣнить образъ жизни? Бросить всѣ занятія? Взяться за полевыя занятія, что ли?

Коржецкій задумался и нѣсколько минутъ молчалъ.

— Нѣтъ, это невозможно,—заговорилъ онъ снова.—Всякій человѣкъ ужъ до самой смерти долженъ носить извѣстнаго рода костюмъ, такое-то, а не иное, бѣлье. Объ этомъ нечего говорить. Я долженъ много зарабатывать. Я не могъ бы носить сукна мѣстнаго лодзинскаго издѣлія. Мнѣ долженъ мой человѣкъ принести его изъзаграницы. Ничего не подѣлаешь. И долженъ я ѣздить въ Европу, смотрѣть въ Парижѣ весеннія выставки, все видѣть, все знать, читать все, что есть новаго, слѣдить за всѣмъ, что новаго появляется въ мозгу человѣческомъ, идти за обществомъ, плыть по теченію. Ничего не подѣлаешь! Ахъ, я понимаю, что вы говорите. Вернуться туда, въ мои лѣса, начать простую, здоровую жизнь земледѣльца, жизнь этихъ счастливыхъ людей, что ни отъ кого не зависятъ! Я васъ понимаю. Но нѣтъ, ужъ это не для меня. Я уже слишкомъ много знаю, слишкомъ многаго требую, да и притомъ... у меня ужъ такая безпокойная натура: я и тамъ нашелъ бы себѣ какого-нибудь демона, съ которымъ постоянно велъ бы борьбу.

— Ахъ, такъ...—засмѣялся Юдымъ.

— Затѣмъ вы говорите: избѣгайте волненій. Да я ихъ нетолько избѣгаю, ихъ у меня и нѣтъ совсѣмъ. Отчего я стану волноваться! Пусть волнуются филантропы! Но есть одно невѣдомое мнѣ волненье, которое таится во мнѣ, безъ моего вѣдома, словно воръ, который прокрался въ мою квартиру и вылѣзаетъ изъ своего тайнаго убѣжища только ночью. Повсюду вижу я подлости, злодѣянія, несчастья, страданія... И мимо всего этого я прохожу спокойно, хладнокровно, я все это попираю ногами, я плюю на это. Я всегда повторяю себѣ эти ве-

личайшія, могучія, божественныя слова Спасителя: «Что мнѣ и тебѣ, женщина?» И, самъ того не сознавая, я ношу въ себѣ заразу. Умеръ тутъ нѣсколько недѣль тому назадъ маленькій мальчикъ, сынъ одного бѣднаго рабочаго. Я ему привезъ однажды изъ Милана красную шапочку, такъ себѣ подарокъ... за франкъ. Вотъ въ этомъ саду ребенокъ этотъ бѣгалъ и прыгалъ по цѣлымъ днямъ. Эта красная головка... Когда я вдругъ узналъ, что онъ умеръ отъ дифтерита, я нарочно сталъ усиленно работать, дѣлать трудные планы, чтобъ только не думать о немъ. Ну, и какъ-то такъ прошло. Но вотъ однажды вечеромъ сижу я въ этомъ креслѣ... Подымаю глаза и вижу: по стѣнѣ движется красное пятно. А въ ушахъ звучитъ этотъ веселый голосокъ. Да развѣ я знаю, что это было пятно? Это былъ символъ грусти, кровавой, ужасной грусти, ужасной, какъ самая смерть такого невиннаго созданія. Наступила ночь, а съ нею—и мои мученья. Напала безсонница. Одна ночь, другая, третья, четвертая... Я выѣхалъ на два дня. Я мчался курьерскими поѣздами, куда глаза глядятъ. Стоя у окна, я все смотрѣлъ на мелькавшіе мимо пейзажи. Ну, и, слава Богу, красное пятно исчезло. Мнѣ удалась уснуть въ одной какой-то гостинницѣ. Вы, можетъ быть, будете смѣяться надо мною, докторъ, но такъ это было: это красное пятно было побито, стушевано другимъ, зеленымъ, свѣтлозеленымъ...

— У васъ разстроены нервы.

— О, да. Но у меня есть еще одна болѣзнь. У меня слишкомъ развитое самосознаніе. О, это мучительно, чортъ возьми! Что за несчастье, что за пытка—знать правду. Слишкомъ ужъ далека она отъ нашей земной юдоли, отъ нашего Заглембья.

Глава IX.

Glikauf!

Проснувшись на слѣдующее утро, Юдымъ не засталъ уже хозяина дома. Онъ былъ одинъ въ этой пустой, суровой, ничѣмъ не прикрашенной, квартирѣ.

И ему показалось, будто онъ снова въ Парижѣ, на Boulevard Voltaire, что его окружаютъ чужія, ненавистныя стѣны. На одной изъ стѣнъ той комнаты, въ которой онъ ночевалъ, висѣлъ небольшой портретъ, рисованный масляными красками, изображавшій господина съ худымъ лицомъ, которое съ перваго же взгляда поражало сходствомъ съ лицомъ Коржецкаго.

Это, должно быть, его отецъ, думалъ Юдымъ. Какое непріятное лицо! Если бы кому-либо захотѣлось нарисовать олицетворенное высокомѣріе, онъ смѣло могъ бы взять его за образецъ. Казалось, эти

*

глаза ни на мгновенье не спускаютъ съ тебя своего презрительнаго взора и будто они такъ и говорятъ: хамъ ты, оборванецъ ты!

Юдымъ не могъ долго усидѣть въ этой квартирѣ. Выпивъ стаканъ молока, который онъ нашелъ въ сосѣдней комнатѣ, онъ вышелъ на улицу и пошелъ слоняться по фабричному поселку, присматриваясь ко всему, что ни встрѣчалось по пути, съ тѣмъ пытливымъ интересомъ и вниманіемъ, которое очень рѣдко, развѣ только въ минуты особеннаго унынія, оставляетъ человѣка изъ народа.

Каменные, по большей части двухъ-этажные, домики были сбиты въ кучку и образовали довольно грязноватое мѣстечко. Одну изъ улицъ занимали два длинныхъ строенія, оконъ въ пятьдесятъ въ первомъ и второмъ этажѣ, видомъ своимъ напоминавшіе овчарню. Съ наружныхъ стѣнъ ихъ давно уже обвалилась штукатурка и изъ подъ нея выглядывали почернѣвшіе кирпичи, грязь и плѣсень.

Вокругъ не росло ни одно деревцо, не видать было нигдѣ даже травки. Съ лицевой стороны и съ задней были тамъ двери и сѣни, передъ которыми гнили цѣлыя лужи помоевъ и валялись кучи сору. Окошки этихъ домовъ каждый изъ жильцовъ данной комнаты украшалъ по своему, выкрашивая ихъ въ свѣтло-голубой или коричневый цвѣтъ, такъ что оконныя рамы составляли настоящую полихромію въ этомъ странномъ людскомъ обиталищѣ. Кое-гдѣ висѣлъ кусочекъ бѣлой кисеи въ видѣ занавѣски, да въ глиняномъ вазончикѣ мокло какое-нибудь зеленое растеньице. Подальше, за поселкомъ, вдоль шоссе тянулись по обѣ его стороны ряды домиковъ, которые можно было бы назвать хатами, если бы они не были построены изъ кирпича. Всѣ они походили одинъ на другой, какъ двѣ капли воды.

Домишки эти, темные уже со дня своего возникновенія, такъ какъ ихъ никогда не штукатурили, были полуразрушены и лишены какого бы то ни было украшенія. Въ глубинѣ черной, обвалившейся стѣны причудливо блестѣли закопченыя, красноватыя, зеленоватыя и голубыя оконныя стекла. Эти домики носили на себѣ печать временности пребыванія тѣхъ, что проживали въ нихъ. Никто, какъ видно, никогда о нихъ не думалъ и не заботился, ни тѣ, кому они принадлежали, ни временные ихъ обитатели. Никто не привязывается къ тѣмъ постоялымъ квартирамъ, гдѣ странникъ укрывается лишь отъ дождя и холода и которыя можетъ покинуть каждую минуту, отправляясь въ дальнѣйшій путь. Эти странныя строенія невольно напоминали Юдыму тѣ городки, которые ему приходилось когда-то видѣть на склонахъ Альпъ въ Италіи, въ окрестностяхъ Беллинцоны, Біаска и Лугано. И тамъ, какъ и тутъ, жили люди, отупѣвшіе отъ постоянной борьбы съ природой, которая имъ ничего не даетъ, кромѣ ломтя хлѣба, да глотка водки,—люди, вѣчно кочующіе съ мѣста на мѣсто, живущіе изо дня въ день.

Мимо заборовъ плелась усталая собаченка, не обращая ни малѣй-

шаго вниманія на прохожаго, тащилась какая-нибудь старая баба, въ сѣромъ грязномъ балахонѣ, бродили испачканные, забрызганные, печальные ребятишки. По одну сторону шоссе, среди твердыхъ береговъ, быстро текла небольшая рѣченка. Вода въ ней, выкаченная насосами со дна копей, была какого-то бураго цвѣта и оставляла на пескѣ, на травѣ и на всемъ, на что ни попадала, осадки грязно-краснаго илу, точно отъ растертаго кирпича.

День былъ пасмурный. Время отъ времени моросилъ мелкій дождь.

По временамъ на глаза Юдыму попадались недавно поставленныя красныя кирпичныя стѣны, либо жилые дома, давнымъ-давно уже обреченные на разрушеніе.

Свистъ локомотивовъ, бѣгущихъ во всѣ стороны, глухіе вздохи сигналовъ, грохотъ машинъ, раздававшійся отовсюду—все это уносило Юдыма въ какой-то особый міръ. Онъ не былъ самъ собой. Онъ не могъ уловить своихъ чувствъ и ощущеній. Они были въ немъ тѣ же, что и прежде, только будто какая-то метаморфоза произошла съ ними.

Ему было скверно, тяжело, грустно на душѣ, но не только потому, что съ нимъ не было Іоаси. Тысячи всевозможныхъ непріятныхъ ощущеній терзали его. Нѣкоторые образы и звуки, казалось, заглушили въ немъ тоску по Іоасѣ, поглотили ее и только слабый ея отголосокъ какъ будто еще отдается въ ихъ неумолчномъ говорѣ.

Это слышалось ему въ звукахъ, совершенно похожихъ на звонъ колокола, раздававшихся издалека изъ копей каждый разъ, какъ только огромные клубы пара вылетали изъ строеній и на верху ихъ вороты пускались въ свой неутомимый ходъ. Это слышалось ему въ стукѣ вагоновъ, наполненныхъ углемъ, катившихся въ глубинѣ копей.

Шагая медленно по шоссе, Юдымъ по временамъ встрѣчалъ на дорогѣ прорѣзывавшіе ее рельсы. Въ одномъ мѣстѣ онъ увидѣлъ дряхлаго старика, черваго отъ сажи, который сидѣлъ въ будкѣ, на половину вкопанной въ землю, и мутнымъ взглядомъ слѣдилъ за какимъ-то порядкомъ. Далѣе, на рельсахъ, которые вели прямо въ территорію копей, гдѣ непрерывно двигались большіе вагоны, нагруженные углемъ, вертѣлся другой какой-то человѣкъ. Въ своей высокой барашковой шапкѣ, онъ самъ напоминалъ движущуюся кучу угля, когда, стремясь задержать вагонъ, мчащійся во всю прыть, наполненный черными глыбами, сверху политыми известью, онъ вскакивалъ на стержень, прикрѣпленный къ тормазу и, поджавъ ноги, силой своею и тяжестью останавливалъ колеса. Въ душѣ Юдыма шевелилось желаніе сказать этимъ людямъ слово любви и привѣта, но съ устъ не срывалось ни звука.

Онъ молча проходилъ мимо нихъ. Сердце его сильно стучало въ груди. Въ сокровенной глубинѣ души своей онъ привѣтствовалъ въ этихъ грязныхъ, темныхъ, жалкихъ фигурахъ людей, родныхъ ему по происхожденію, отца и мать.

— Это отецъ мой, это мать моя...—шептали его губы.

Около одного большого, деревяннаго дома какой-то человѣкъ остановилъ его и сказалъ:

— Господинъ инженеръ васъ просятъ.

Юдымъ вошелъ въ домъ и встрѣтился тамъ съ Коржецкимъ.

Огромная комната, освѣщенная электрическими лампочками, заставленная какими-то боченками, была въ одномъ мѣстѣ перегорожена барьеромъ, какъ въ деревенскихъ присутственныхъ мѣстахъ. За нимъ стоялъ столъ, у котораго сидѣли старшій штейгеръ и надзиратель. Когда Юдымъ вошелъ, тамъ читали списокъ тѣхъ работниковъ, что шли въ копи на время работы, то-есть, на одну смѣну. Перекличка производилась по нумерамъ. Плотный, пожилой нѣмецъ, который, однако, здорово ругался по-польски, читалъ нумера. Черныя фигуры, стоявшія вокругъ, отвѣчали фамиліями тѣхъ изъ товарищей, которые не явились.

— Тихо! Молчать! Чего орете! Тутъ не кабакъ!—ежеминутно раздавался крикъ надзирателя, самого бывшаго работника.

Въ другомъ концѣ комнаты рабочимъ раздавали хлѣбъ. Одинъ за другимъ входили они, становились посрединѣ комнаты на колѣни и произносили молитву, лицомъ повернувшись къ столу, точь-въ-точь, какъ будто предавались поклоненію предъ величіемъ штейгера.

Порою, изъ-подъ рѣсницъ ихъ сверкали бѣлки глазъ, какъ у негровъ: это было единственное живое выраженіе этихъ лицъ. Злоба, радость, улыбка—все скрывалось подъ густою маской угольной сажи.

— Нельзя ли было бы мнѣ осмотрѣть копей?—спросилъ Юдымъ, обращаясь къ Коржецкому.

— И-и, сегодня какъ разъ? Къ чему это вамъ?

— Какъ это, къ чему мнѣ?

— Закройте глаза, и вы увидите совершенно то же самое.

— Такъ нельзя, значитъ?

— Почему нельзя? Можно-то можно, да только я не понимаю, почему это вамъ такъ приспичило сегодня же. Но разъ... Такъ вы хотите спуститься?

— Да, хочу, хочу...

— Була,—обратился инженеръ къ одному изъ находившихся въ комнатѣ работниковъ,—поди-ка, приготовь тамъ два фонаря, сапоги для барина, куртку и шляпу.

Черезъ нѣсколько времени они вошли на большой дворъ. И снова то же самое чувство, которое онъ испыталъ вчера, охватило Юдыма при видѣ сортировочной, при видѣ этихъ блестящихъ, крутящихся валиковъ со спиральными надрѣзами. Телѣжки съ углемъ, выброшенныя подъемной машиной наверхъ изъ глубины копей, останавливались на узенькихъ рельсахъ, и уголь изъ нихъ высыпался на рѣшетки изъ спиральныхъ валиковъ. Оттуда толстые, обглаженные куски угля падали въ рѣшета, находившіяся пониже, а мелкіе кусочки и порошокъ сыпа-

лись въ густыя сита, черезъ которыя просѣивались на край наклонной плоскости.

Эти желѣзныя сита на изогнутыхъ валикахъ, своими движеніями напоминающія движенія ручныхъ ситъ, изъ которыхъ сыплется уголь, образуютъ какъ будто два водоспуска рѣкъ, и рѣки эти медленно, лѣниво, безъ устали текутъ къ своимъ устьямъ, впадая въ вагоны.

Въ смежномъ помѣщеніи, около шахты, Юдымъ съ интересомъ присматривался къ паровому двигателю, вращавшему два большихъ цилиндра, на которыхъ были накручены толстые стальные канаты, поддерживающіе подъемныя машины, изъ которыхъ одна спускается внизъ въ штольню, въ то время, когда другая подымается наверхъ. Глядя на блестящіе цилиндры, въ которыхъ неутомимо работали поршни, Юдымъ въ сущности искалъ только скрывавшійся гдѣ-то тамъ, невидимый звонокъ.

Одѣтые въ кожаныя куртки, застегнутыя пряжками, въ толстыхъ сапогахъ, держа въ рукахъ мѣдныя лампы, наполненныя масломъ, они очутились, наконецъ, на подъемной машинѣ.

Въ первое мгновеніе, когда доски ея, находящіяся на одномъ уровнѣ съ поломъ, дрогнули и начали опускаться, Юдымъ испыталъ такое ощущеніе, какъ будто кто-то сдавилъ ему горло. Вскорѣ, однако, онъ оправился и чувствовалъ только шумъ въ ушахъ и легкую дрожь. Черныя балки, бадьи мелькали передъ глазами, точно безконечные ряды какихъ-то ступеней. Подъемная машина, наконецъ, остановилась, и они вышли въ сухой корридоръ, освѣщенный электрическими лампочками. Тамъ повсюду суетилось множество людей, одна за другой приходили и уходили телѣги, запряженныя пріученными лошадьми. Изъ этихъ первыхъ, еще свѣтлыхъ галлерей они крутыми путями прошли къ тому мѣсту, гдѣ помѣщались машины, выкачивающія воду. Тутъ прекращался притокъ свѣта, и единственнымъ его источникомъ являлись уже лампочки, которыя были у нихъ въ рукахъ. Мѣсто тутъ было ровное. На землѣ тянулись рельсы, по которымъ безпрерывно проѣзжали туда и обратно телѣжки, нагруженныя углемъ.

Отъ времени до времени какія то невидимыя въ темнотѣ двери, устроенныя тамъ и сямъ, чтобы направить воздухъ въ тѣ ходы, гдѣ «не свѣтится», таинственно открывались руками старичковъ, которые на мѣстѣ привратниковъ доживаютъ свой вѣкъ. Проходя черезъ такія двери, инженеръ восклицалъ:

— Гликауфъ!

— Гликауфъ!—отвѣчала ему темнота.

Что-то за душу хватающее было въ этомъ восклицаніи. Въ голову врѣзывались фигуры этихъ старцевъ, едва выдѣляющіяся среди мрака, эти черныя массы, что при жизни живутъ уже въ могилѣ, просыпаютъ въ ней послѣдніе дни свои, терпѣливо выжидая той минуты, когда земля ужъ навсегда ихъ покроетъ, когда она приметъ ихъ въ свое холодное

юно на вѣчную «шихту» *). Тяжелая, несчастная жизнь, какъ цѣпь, приковала ихъ къ мѣсту. И въ старческой дремотѣ имъ, вѣрно, грезится теплое весеннее солнце и свѣтлые луга, усѣянные цвѣтами...

Подземныя галлереи мало чѣмъ отличались другъ отъ друга. Однѣ изъ нихъ были пробиты прямо въ каменноугольной почвѣ, въ другихъ поставлены были перегородки со стѣнами изъ кирпича, вдѣланными для обезпеченія отъ огня и отъ мокраго, разсыпчатаго песку. Обыкновенный проходъ съ полукруглымъ сводомъ мало-по-малу смѣнялся длиннымъ корридоромъ съ закладными рамами, на которыхъ лежали перекладины, поддерживавшія нѣчто вродѣ потолка. Корридоры эти вели къ самому краю наклонной плоскости, идущей по направленію склона слоевъ угля. Сбоку ея тянулся внизъ деревянный желобъ, по которому, спускались дрова. Рядомъ съ нимъ былъ протянутъ стальной или желѣзный канатъ, посредствомъ котораго втаскивались наверхъ телѣжки.

Густая темнота царила кругомъ, и только порою гдѣ-то вдали мелькалъ огонекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тамъ были ступеньки или, вѣрнѣе говоря, просто подпорки, прикрѣпленныя къ шестамъ; въ другихъ приходилось идти по скользкимъ доскамъ. На самомъ днѣ копей, въ глубинѣ болѣе, чѣмъ двухсотъ метровъ подъ землею, въ корридорахъ было сыро и холодно. Этихъ корридоровъ была тамъ цѣлая сѣть, и посторонняго человѣка невольно охватывало какое-то непріятное безпокойство, такое вотъ, какое испытываетъ, вѣроятно, рыба, въ виду густой сѣти, поджидающей ее. Такъ шли они въ какомъ-то неизвѣстномъ направленіи, какъ будто вправо, до прокопа, косо и круто подымающагося кверху и образующаго штольню. Черезъ нѣсколько времени имъ пришлось изогнуться въ три погибели, такъ какъ потолокъ тамъ былъ такъ низокъ, что подъ нимъ едва въ состояніи была проѣхать телѣжка съ «урокомъ». Гдѣ-то далеко, далеко наверху видны были передвигавшіеся съ мѣста на мѣсто блѣдно-желтые огоньки.

Въ какомъ-то мѣстѣ, имѣвшемъ видъ пробитой въ стѣнѣ каморки, слышна была работа нѣсколькихъ людей.

— Гликауфъ!—произнесъ Коржецкій.

Ему дружно отвѣтило нѣсколько голосовъ, которые произвели на Юдыма странное и глубокое впечатлѣніе.

— Гликауфъ, гликауфъ...—повторялъ и онъ въ душѣ.

И въ этотъ моментъ въ немъ вдругъ какъ бы прорвался наружу новый источникъ тоски по Іоасѣ, тоски такой мучительной, что она, казалось, была еще мучительнѣе минуты прощанія...

Горнорабочіе въ черныхъ «капюшонахъ» и въ «бергледерахъ» набивали порохомъ, крупнымъ, какъ зерна кукурузы, длинныя бумажныя трубки. Въ стѣнѣ, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ уже были пробуравлены отверстія длинными стальными «палками», заканчивавшимися

---

*) Шихта—смѣна чернорабочихъ.

остріями, какъ въ стрѣлахъ. Когда зарядъ уже былъ набитъ, когда былъ уже вложенъ туда фитиль и забитъ сверху камешками, при помощи шомпола, какъ въ револьверахъ, одинъ изъ рабочихъ зажегъ двѣ иглы, за нимъ второй свои двѣ, затѣмъ третій и т. д. Въ густомъ мракѣ, полномъ пыли и дыму, показались словно какія-то голубоватыя струйки, тянувшіяся кверху. Огоньки эти дотянулись до стѣны—и исчезли.

Тогда лѣстницы были быстро отставлены и всѣ торопливо вышли въ смежный проходъ. Тамъ пришлось подождать секундъ десять прежде, чѣмъ раздался первый взрывъ. Потокъ воздуха, пропитаннаго острымъ запахомъ пороха, ворвался въ сосѣднія галлереи. Куски угля съ трескомъ обваливались за смежной стѣной, и въ стѣнахъ что-то быстро, быстро сыпалось во всѣ стороны съ шумомъ и шорохомъ, точно стадо мышатъ, бѣгающихъ за занавѣской. Черезъ нѣсколько времени раздался второй взрывъ, за нимъ третій, четвертый. Густой дымъ заполнилъ галлереи и лѣниво тянулся къ тѣмъ проходамъ, гдѣ «свѣтится». Вдали раздавался трескъ динамитныхъ зарядовъ и слышался ихъ сладковатый запахъ.

Въ одномъ мѣстѣ Коржецкій подозвалъ одного изъ рабочихъ и попросилъ его остаться съ Юдымомъ, а самъ ушелъ; ему нужно было осмотрѣть работы въ совершенно другомъ мѣстѣ. Докторъ остался въ темнотѣ съ черной тѣнью, державшею лампу въ рукѣ. По близости оттуда, нѣсколько человѣкъ было занято подпираніемъ свода. Нѣсколько минутъ Юдымъ съ рабочимъ стояли, не произнося ни слова. Но вотъ Юдымъ поднялъ нѣсколько вверхъ свою лампу, и она освѣтила почернѣлое лицо стоявшаго передъ нимъ старика, изъ подъ «капюшона» котораго выбивались сѣдыя пряди волосъ.

— Что это вы тутъ дѣлаете, дѣдушка?—спросилъ онъ.

— Да вотъ цѣлики вырабатываемъ промежъ проходами.

— Цѣлики?

— Такъ, такъ. Столбы выбираемъ. Беремъ это мы, значитъ, одинъ уступъ за другимъ на длину и на ширину, подпираемъ потолокъ столбомъ, по бокамъ «органы» ставимъ... А позвольте, баринъ, спросить... вы-то копей, можетъ, вовсе и не знаете?

— Нѣтъ, не знаю. Я въ первый разъ ихъ вижу.

— А-а, такъ...

— Что жъ это такое за органы такіе?

— А это, видите ли, баринъ, колоды такія, что на отвалъ приставляются, чтобъ они были какъ будто замѣсто стѣнки. Спереди тожъ, при концѣ «штрека», другую еще такую стѣну ставятъ, и въ ней оставляютъ пустое мѣсто, вродѣ какъ будто дверь. И какъ ужъ цѣлый штрекъ выработаютъ и прочистятъ его отъ всякихъ кусочковъ, такъ тогда столбы эти начинаютъ вынимать, а иные такъ и топоромъ рубятъ. Какъ только рабочій въ тишинѣ глубокой услышитъ первый,

легонькій трескъ, сейчасъ хвать кайлу въ руки и давай бѣжать съ уступа! Земля въ этомъ мѣстѣ оборвется и пустою породой все это завалитъ. Споверху провалъ-то этотъ внизъ, въ середку осунется, будто какъ бы воронка...

Юдымъ поднялъ свою лампу и смотрѣлъ на стѣны. Гдѣ гладкія, гдѣ шероховатыя ихъ поверхности были тамъ и сямъ изрыты и исцарапаны острымъ желѣзомъ, что придавало имъ видъ покрытыхъ какъ будто клинообразными письменами. Медленно проходя мимо стѣнъ, Юдымъ испытывалъ что-то странное: онъ какъ будто одинъ за другимъ разбиралъ эти кривые, ломаные знаки, и въ нихъ онъ какъ будто читалъ исторію этихъ подземелій.

И чудилось ему, что онъ стоитъ въ чудесномъ, огромномъ дѣвственномъ лѣсу, чрезъ который еще не проходила нога человѣческая. Вокругъ росли огромные папоротники, съ такими стволами, что ихъ не охватить и тремъ людямъ, хвощи, разросшіеся въ высокія деревья, страшные мхи и разныя другія растенія невиданныхъ формъ, одни— дивной мистической красоты, другія—чудовищно-безобразныя, какіе-то сигилларіи, одонтоптериды, лепидодендроны... Эти огромныя, исполинскія чудовища, переплетенныя между собой гибкими вѣтвями ліанъ, разростались на мягкой топкой почвѣ, гдѣ пышные мхи и неизъяснимо прелестные цвѣты благоухали подъ тепломъ вѣчныхъ черныхъ тѣней. Яркія, знойныя лѣта подымали въ высь, къ поднебесью эти стволы и вѣтви, сырыя, дождливыя зимы надолго пищу и силы давали землѣ. Вольные вихри, рожденные въ далекихъ степяхъ и въ горныхъ снѣгахъ, прилетали сюда и бушевали въ лѣсу, издавая дикіе звуки.

И громкая, бурная, какъ волны бушующаго моря, вольная пѣсня раздавалась тогда въ этомъ дивномъ лѣсу. Какъ часто ударяли въ него громы и молніи, какъ ураганъ его рвалъ, колотилъ и топталъ! Грозныя тучи яркою искрой его зажигали и, какъ огромный костеръ, весь пылалъ онъ тогда. Дожди проходили—и вновь наступала вѣчно юная, лилейно-раменная весна и, какъ влюбленная дѣва, ласкаясь, шаловливо смахивала пыльцу растеній въ размокшую землю. Новое море зелени разливалось по тому самому мѣсту, гдѣ недавно еще мчались огненныя колесницы, съ вольными, быстрами, какъ вихри, конями.

И вновь тишину молодого густого лѣса оглашали нежданный воинственный ревъ ягуара и вновь раздирали ее пронзительные, смерть возглашающіе, крики безжалостнаго орла.

Но вотъ какія-то огромныя моря, дремавшія въ глубинѣ материковъ, прорвали свои преграды и бурнымъ потокомъ хлынули на исполинскіе, дремучіе лѣса и съ корнями снесли всѣ деревья, потопили ихъ въ пѣнахъ своихъ, какъ жалкіе обломки разбитыхъ кораблей, повлекли ихъ къ глубокимъ низинамъ и свалили ихъ туда всею массой, погребли ихъ тамъ, какъ въ могилѣ, подъ слоями земли, смытой

съ горъ. Время шло, проходили вѣка за вѣками, и въ этихъ растеніяхъ, на вѣтвяхъ которыхъ, бывало, безчисленныя птицы свивали свои гнѣзда, жизнь прекратилась, и началось разложеніе. Могучее давленіе слоевъ земли, водяные потоки и время, идущее вѣкъ за вѣкомъ, постепенно дѣлали свое подземное дѣло: изъ кислорода и водорода этихъ мертвыхъ тѣлъ образовалась вода, вся углекислота и окись углерода выдѣлились изъ нихъ. Остался одинъ только уголь, въ огромномъ количествѣ, не имѣющій уже съ чѣмъ соединиться, какъ одинокій духъ тьмы. Эта огромная, чудовищная масса мертвѣла, застывала, умирала въ теченіе тысячелѣтій. Въ мученіяхъ сросталась она сама съ собой, сжималась, тѣснилась плотнѣе. Прошли еще долгіе, долгіе вѣка, и ничего не осталось отъ прежняго лѣса. И лишь словно единственный, родной отголосокъ съ той далекой поры, когда все въ немъ расло и цвѣло и съ любовью тянулось къ небу—остались одни лишь блѣдные слѣды древесныхъ слоевъ да отпечатокъ листочка на черномъ, траурномъ камнѣ.

Все, что природѣ далось долгимъ, неутомимымъ трудомъ, недоступными, необъятными для мысли дѣйствіями, все это схватываетъ человѣкъ, какъ добычу свою, съ помощью долгой, искусной и упрощенной работы. Съ блѣднымъ огонькомъ и съ короткой киркой своей входитъ онъ внутрь святыхъ подземелій. Силою жалкихъ рукъ своихъ хочетъ онъ унести отсюда то, что тутъ скрылъ океанъ. И вынимаетъ онъ слои за слоями, собираетъ всѣ кусочки и выбрасываетъ ихъ на свѣтъ Божій. Сдѣлавъ все, онъ уходитъ, оставивъ лишь галду наверху да пустоту подъ землею.

Но земля не отдаетъ трудовъ своихъ и нажитыхъ богатствъ безъ борьбы. Простая и невинная, какъ ребенокъ, у человѣка научается она хитрости и коварству. Притаившись, поджидаетъ она его съ глыбами, которыя онъ тронулъ съ мѣста, чтобы обрушить ему ихъ на голову, чуть только онъ зазѣвается. Она отравляетъ воздухъ его подземелій смертоносными газами и ждетъ поджидаетъ минуты мести съ жестокостью царя умершихъ лѣсовъ—тигра. Она выливаетъ внутренніл, невидимыя воды. Она вдругъ выпускаетъ темные потоки, что споконъ вѣковъ набираются капля по каплѣ и дремлютъ на мрачномъ, холодномъ гранитѣ. Она открываетъ подземные бассейны мокраго песку и заполняетъ имъ галлереи, которыя бѣднымъ рабочимъ столько труда стоило пробить.

— Васъ не остановилъ «скарбникъ»? *)—послышался вдругъ голосъ Коржецкаго, который неожиданно выросъ передъ нимъ изъ темноты.

Они пошли другимъ проходомъ. Повсюду тянулись ряды телѣжекъ, запряженныхъ лошадьми. Бѣдныя труженицы! Цѣлые долгіе годы тащутъ-они такъ за собой эти проклятыя телѣжки. Когда онѣ проѣзжали

*) Такъ рабочіе называютъ сказочнаго хранителя подземнаго сокровища.

мимо Юдыма, онѣ отворачивались въ сторону: ихъ глаза уже не выносятъ даже блѣднаго свѣта фонаря.

Юдымъ съ Коржецкимъ подошли, наконецъ, къ шахтѣ, которая должна была поднять ихъ на сто метровъ выше. Тамъ вода лилась цѣлыми струями, заливая бадьи. Они стали въ мокрой бадьѣ, гдѣ уже было нѣсколько человѣкъ рабочихъ, промокшихъ, сердитыхъ, съ недовольными угрюмыми лицами, и въ одну минуту были доставлены въ верхнюю часть копей. Оттуда они пошли темнымъ и безконечно длиннымъ корридоромъ, въ которомъ было очень холодно и сыро. Мѣстами потолокъ обваливался, выгибая перекладины и доски. Даже фонари рабочихъ не проясняли этой могильной темноты. Порой лишь раздавался откуда-то отдаленный стукъ да крикъ вожака. И вновь изъ мрака выдѣлялась фигура труженицы-лошади: она отворачивала свои грустные, полные безнадежной тоски, глаза, словно самый видъ человѣческій былъ ей отвратителенъ, и вновь исчезала въ вѣчномъ мракѣ.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, Юдымъ услыхалъ впереди себя въ темнотѣ разговоръ или, точнѣе говоря, монологъ. Кто-то громко произносилъ:

— Фуксъ, я тебѣ говорю, что не упало!

Съ минуту длится молчаніе, а потомъ опять раздается тотъ же голосъ съ удвоенною настойчивостью:

— Не упало, Фуксъ! Коли не упало, значитъ, не упало...

Коржецкій притянулъ Юдыма къ стѣнѣ и шепотомъ сталъ объяснять ему, что это значитъ:

— Иногда, знаете, колеса одной изъ телѣжекъ, сцѣпленныхъ между собой, сойдутъ съ рельсъ. Тогда лошадь, которую зовутъ Фуксъ, останавливается, потому что ужъ не можетъ тащить, тѣмъ болѣе, что остальныя телѣжки тогда сходятъ съ рельсъ. Возницѣ тогда приходится приподнять телѣжку и вставить ее обратно на рельсы. Сдѣлавъ это, онъ начинаетъ понукать лошадь, заявляя ей, что ужъ поправилъ дѣло. Но случается иногда, что онъ прицѣпляетъ еще одну лишнюю телѣжку и тогда лошадь тоже останавливается, полагая, что телѣжки еще не на рельсахъ. Погонщикъ крикомъ увѣряетъ ее, что «не упало», но лошадь, потянувъ слегка, все-таки не трогается съ мѣста, такъ какъ чувствуетъ, что тяжесть больше, чѣмъ полагается. Тогда возница, чтобъ убѣдить ее, идетъ вдоль рельсъ до самаго того мѣста, гдѣ кончается рядъ телѣжекъ, и оттуда уже еще разъ торжественно кричитъ свое: Фуксъ, не упало! Тутъ ужъ бѣдная лошадь мирится съ мыслью, что ее эксплуатируютъ, собираетъ послѣднія силы и дальше влачитъ въ темнотѣ свою тяжкую долю. Быть можетъ, у ней даже является смутное сознаніе о томъ, что такое съ ней дѣлаютъ, быть можетъ, она даже тихонько вздыхаетъ да стискиваетъ зубы, но волей-неволей ей приходится мириться съ такими условіями, потому что, попробуй она только запротестовать какимъ бы то ни было

образомъ, хотя бы только остановиться и не идти дальше, такъ ее погонщикъ хорошенько кнутомъ отхлещетъ — вотъ и будетъ конецъ всѣмъ ея стремленіямъ къ улучшенію своего положенія.

— Но вамъ слѣдовало бы запретить это...—сказалъ Юдымъ.

Инженеръ приподнялъ нѣсколько свою лампу и съ презрительной, насмѣшливой улыбкой произнесъ:

— Да я запрещаю, строго запрещаю...

Черезъ минуту онъ еще добавилъ:

— Я запрещаю, отъ всей души запрещаю, да ужъ силъ у меня нѣтъ...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НЕПРИМИРИМЫЙ.

(Изъ Джусти, переводъ съ итальянскаго).

—„Смирись!“ мнѣ говорятъ старинные враги,—
Строптивый вызовъ твой ужъ никому не нуженъ,
И путь твой огражденъ и связаны шаги,
И ты давно обезоруженъ!..“
—„Смирись!“—мнѣ говорятъ старинные друзья.—
—Нашъ идеалъ померкъ и наша рать разбита,
А мы послѣдними и намъ роптать нельзя,
И лучше жить тепло и сыто!..
Погибли храбрые... Миръ праху ихъ въ гробу!..
А ты зачѣмъ такъ безпокоенъ?
Уйми свой дерзкій нравъ! Не искушай судьбу,
Ты, отставной, безсильный воинъ!..“
А юношей толпа, отчизны лучшій цвѣтъ,
Стоитъ и слушаетъ и споръ ее тревожитъ.
Кому увѣровать, за кѣмъ идти во слѣдъ,
Никто изъ нихъ рѣшить не можетъ.
Тернистыя стези уводятъ въ темный лѣсъ,
А торныя дороги грязны...
Нѣмая пустота предательскихъ небесъ
Угрозы сѣетъ и соблазны...
—„Смирись!..“ Въ награду мнѣ сулите вы успѣхъ!..
Такъ пусть же васъ однихъ грязнитъ вашъ поздній опытъ!
Мой гнѣвъ непримиримъ. Раздастся громче всѣхъ
Мой безпокойный страстный ропотъ.
Мѣняться поздно мнѣ. Мириться не хочу.
Рабомъ подъ старость я не стану!
Не буду рукъ лизать тупому палачу
И въ землю кланяться обману!
Воинственной мечтѣ я жизнь свою обрекъ,
И я обѣта не нарушу.
Могучей ярости стремительный потокъ
Живымъ огнемъ мнѣ влился въ душу.

Пускай для подвиговъ дѣйствительность мелка,
Пусть нѣтъ арены для геройства,—
Меня томитъ еще давнишняя тоска,
Всесильный демонъ безпокойства.
Изъ вашихъ свѣтлыхъ залъ меня онъ гонитъ вонъ,
И не даетъ мнѣ пить изъ вашей чаши пьяной;
Въ ушахъ моихъ звучитъ, какъ похоронный звонъ,
Вашъ гимнъ назойливый и рьяный.
И я бѣгу, спѣшу, не знаю самъ куда,
Скитаюсь съ молоду понынѣ
Сквозь бурныя моря, большіе города
И безконечныя пустыни.
Не нужно мѣста мнѣ межъ вами на пиру,
Противны ваши мнѣ пороги.
Бродягою живу, бродягою умру
Въ степи на рытвинѣ дороги.

Танъ.

30 іюня 1900 г., берега Камчатки.

ВОСКРЕСШІЕ-БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(*Продолженіе* *).

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Святѣйшая инквизиція.

1506—1513.

> Ὑμεῖς πάντας γινώσκετε, ὑμᾶς δὲ μηδεὶς γινωσκέτω.
>
> Вы знайте всѣхъ,—васъ же пусть никто не знаетъ.
>
> *Базилидъ Гностикъ.*

I.

Во время перваго пребыванія въ Миланѣ, будучи на службѣ Моро, Леонардо занимался анатоміей, вмѣстѣ съ однимъ еще очень молодымъ, лѣтъ восемнадцати, но уже знаменитымъ ученымъ, Маркъ-Антоніо, изъ древняго рода веронскихъ патриціевъ Дэлла-Торре, у которыхъ любовь къ наукѣ была наслѣдственной. Отецъ Маркъ-Антоніо преподавалъ медицину въ Падуѣ, братья также были учеными. Самъ онъ съ отроческихъ лѣтъ посвятилъ себя служенію наукѣ—подобно тому, какъ нѣкогда потомки славныхъ родовъ посвящали себя рыцарскому служенію дамѣ сердца и Богу. Ни игры дѣтства, ни страсти юности не отвлекали его отъ этого строгаго служенія. Онъ полюбилъ; но рѣшивъ, что нельзя служить двумъ госпожамъ—любви и наукѣ—покинулъ невѣсту и окончательно отрекся отъ міра. Еще въ дѣтствѣ разстроилъ онъ свое здоровье чрезмѣрными занятіями. Худое, блѣдное, точно у суроваго подвижника, но все еще прекрасное

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

лицо его напоминало лицо Рафаэля, только съ выраженіемъ болѣе глубокой мысли и грусти.

Когда онъ былъ почти отрокомъ, два знаменитыхъ университета сѣверной Италіи, Падуанскій и Павійскій, спорили изъ-за него. Когда же Леонардо вернулся въ Миланъ, двадцатилѣтній Маркъ-Антоніо считался однимъ изъ первыхъ ученыхъ Европы.

Стремленія въ наукѣ были у нихъ, повидимому, общія: оба замѣняли схоластическую анатомію средневѣковыхъ арабскихъ толкователей Гиппократа и Галена опытомъ и наблюденіемъ надъ природою, изслѣдованіемъ строенія живого тѣла. Но подъ внѣшнимъ сходствомъ скрывалось глубокое различіе.

На послѣднихъ предѣлахъ знанія художникъ чувствовалъ тайну, которая сквозь всѣ явленія міра притягивала его къ себѣ, какъ магнитъ, и сквозь ткань, притягиваетъ желѣзо. Описывая мускулы плеча, онъ говорилъ: „Эти мускулы концами тонкихъ нитей прикрѣплены только къ внѣшнему краю вмѣстилищъ своихъ: Великій Мастеръ устроилъ такъ, дабы имѣли они возможность свободно расширяться и съуживаться, удлиняться и сокращаться, смотря по нуждѣ“. Въ примѣчаніяхъ къ рисунку, изображавшему связки бедренныхъ мускуловъ, Леонардо писалъ: „Разсмотри эти прекрасные мускулы — *a*, *b*, *c*, *d* и *e*, и если кажется тебѣ, что ихъ много, попробуй, — убавь, если мало — прибавь, а достаточно,—воздай хвалу Первому Строителю столь дивной машины — il primo componitore di tal macchina“. Такъ, послѣднею цѣлью всякаго знанія было для него великое удивленіе передъ Непознаваемымъ, передъ Божественной Необходимостью, волей Перваго Двигателя въ механикѣ, Перваго Строителя въ анатоміи.

Маркъ-Антоніо также чувствовалъ тайну въ явленіяхъ природы, но не смирялся передъ нею, и, не будучи въ силахъ ни отвергнуть, ни побѣдить ее, боролся съ нею и страшился ея. Наука Леонардо шла къ Богу. Наука Маркъ-Антоніо — противъ Бога, и утраченную вѣру хотѣлъ онъ замѣнить новою вѣрою въ разумъ человѣческій.

Онъ былъ милосердъ. Нерѣдко, отказывая богатымъ, ходилъ къ бѣднякамъ, лѣчилъ ихъ даромъ, помогалъ деньгами и готовъ былъ отдать имъ все, что имѣлъ. У него была доброта, свойственная людямъ не отъ міра сего, погруженнымъ въ созерцаніе. Но когда рѣчь заходила о невѣжествѣ монаховъ и церковниковъ, враговъ науки, лицо его искажалось, глаза сверкали неукротимою злобою, и Леонардо чувствовалъ, что этотъ милосердный человѣкъ, если бы дали ему власть, посылалъ бы людей на костеръ во имя разума, точно такъ же, какъ враги его, монахи и церковники, сжигали ихъ во имя Бога.

Леонардо въ наукѣ былъ столь же одинокъ, какъ въ искусствѣ; Маркъ-Антоніо окруженъ учениками и послѣдователями. Онъ увлекалъ толпу, зажигалъ сердца, какъ пророкъ, творилъ чудеса, воскрешалъ больныхъ не столько лѣкарствами, сколько вѣрою. И юные слушатели, какъ всѣ ученики, доводили до крайности мысли учителя. Они уже не боролись, а безпечно отрицали тайну, думали, что, не сегодня, такъ завтра, наука все побѣдитъ, все разрѣшитъ, не оставитъ камня на камнѣ отъ ветхаго зданія церкви и государства. Хвастали безвѣріемъ, какъ дѣти обновкою, буйствовали, какъ школьники, и побѣдоносная рѣзвость ихъ напоминала визгливую рѣзвость щенятъ.

Для художника изувѣрство мнимыхъ служителей знанія было столь же противно, какъ изувѣрство мнимыхъ служителей Бога.

„Когда наука восторжествуетъ,—думалъ онъ съ грустью,— и чернь войдетъ въ ея святилище, не осквернитъ ли она и его своимъ признаніемъ, точно такъ же, какъ осквернила церковь, и будетъ ли менѣе пошлымъ знаніе толпы, чѣмъ вѣра толпы?"

Въ тѣ времена добываніе мертвыхъ тѣлъ для анатомическихъ сѣченій, воспрещенныхъ буллою папы Бонифація VIII „Extravagantes", было дѣломъ труднымъ и опаснымъ. Двѣсти лѣтъ назадъ, Мундини дей-Луцци, первый изъ ученыхъ, дерзнулъ произвести всенародное анатомическое сѣченіе двухъ труповъ въ Болонскомъ университетѣ. Онъ выбралъ женщинъ, какъ „болѣе близкихъ къ животной природѣ". И тѣмъ не менѣе, совѣсть мучила его, по собственному признанію, такъ что анатомировать голову, обиталище духа и разума, онъ вовсе не посмѣлъ, убоявшись смертнаго грѣха.

Времена измѣнились. Слушатели Маркъ-Антоніо были менѣе робки. Не останавливаясь ни передъ какими опасностями и даже преступленіями, добывали они свѣжіе трупы: не только покупали за большія деньги у палачей и больничныхъ гробовщиковъ, но и силою отнимали, крали съ висѣлицъ, даже выкапывали изъ могилъ на кладбищахъ, и, если бы учитель позволилъ, убивали бы прохожихъ по ночамъ въ глухихъ предмѣстьяхъ.

Обиліе труповъ дѣлало работу съ Дэлла-Торре особенно важной и драгоцѣнной для художника.

Леонардо готовилъ цѣлый рядъ анатомическихъ рисунковъ перомъ и краснымъ карандашомъ, съ объясненіями и замѣтками на поляхъ. Здѣсь, въ пріемахъ изслѣдованія, еще болѣе сказывалась противоположность изслѣдователей.

Одинъ былъ только ученый, другой—и ученый, и художникъ вмѣстѣ. Маркъ-Антоніо зналъ. Леонардо зналъ и любилъ,—и любовь углубляла познаніе. Рисунки его были такъ точны и въ то же время такъ прекрасны, что трудно было рѣшить, гдѣ кон-

чается искусство, гдѣ начинается наука: одно входило въ другое, одно сливалось съ другимъ въ нераздѣлимое цѣлое.

„Тому, кто мнѣ возразитъ,—писалъ онъ въ этихъ замѣткахъ,—что лучше изучать анатомію на трупахъ, чѣмъ по моимъ рисункамъ, я отвѣчу: это было бы такъ, если бы ты могъ видѣть въ одномъ сѣченіи все, что изобразитъ рисунокъ; но, какова бы ни была твоя проницательность, ты увидѣлъ и узналъ бы лишь нѣсколько венъ. Я же, дабы имѣть совершенное знаніе, произвелъ сѣченія болѣе чѣмъ десяти человѣческихъ тѣлъ различныхъ возрастовъ, разрушая всѣ члены, снимая до послѣднихъ частицъ все мясо, окружавшее вены, не проливая крови, развѣ только чуть замѣтныя капли изъ волосяныхъ сосудовъ. И когда одного тѣла не хватало, потому что оно разлагалось во время изслѣдованія, я разсѣкалъ столько труповъ, сколько требовало совершенное знаніе предмета, и дважды начиналъ одно и то же изслѣдованіе, дабы видѣть различія. Умножая рисунки, я даю изображенія каждаго члена и органа такъ, какъ будто ты имѣлъ ихъ въ рукахъ и, повертывая, разсматривалъ со всѣхъ сторонъ, внутри и снаружи, сверху и снизу".

Ясновидѣніе художника давало глазу и рукѣ ученаго точность математическаго прибора. Никому неизвѣстныя раздѣленія венъ, скрытыя въ соединительныхъ тканяхъ или въ слизистыхъ оболочкахъ, тончайшіе кровеносные сосуды и нервы, развѣтвленные въ мышцахъ и мускулахъ, ощупывала скальпелемъ, обнажала лѣвая рука его, такая сильная, что гнула подковы, такая нѣжная, что улавливала тайну женственной прелести въ улыбкѣ Джіоконды.

И Маркъ-Антоніо, не желавшій вѣрить ни во что, кромѣ разума, испытывалъ порой смущеніе, почти страхъ передъ этимъ вѣщимъ проникновеніемъ Леонардо въ природу — какъ передъ чудомъ.

Иногда художникъ говорилъ себѣ: такъ должно быть, такъ хорошо. И когда изслѣдовалъ, убѣждался, что, дѣйствительно, такъ есть—какъ будто воля Творящаго отвѣчала волѣ созерцающаго: красота была истиной, истина—красотою.

Чувствуя, что Леонардо предается и наукѣ, какъ всему, только на время, сохраняя свободу для новыхъ увлеченій, точно играя, Маркъ-Антоніо, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣлъ, какого безконечнаго терпѣнія, какой „упрямой суровости" требуетъ работа, казавшаяся въ рукахъ учителя игрой и забавою.

„И ежели ты имѣешь любовь къ наукѣ, — обращался Леонардо въ своихъ замѣткахъ къ читателю,—не помѣшаетъ ли тебѣ чувство брезгливости? И ежели ты преодолѣешь брезгливость—не овладѣетъ ли тобою страхъ въ ночные часы передъ мертвецами, истерзанными, окровавленными? И если побѣдишь ужасъ, ока-

жется ли у тебя совершенно ясный предварительный замыселъ, необходимый для такого изображенія тѣлъ? И ежели есть у тебя замыселъ, обладаешь ли ты знаніемъ перспективы? И ежели оно есть у тебя, владѣешь ли ты пріемами геометрическихъ доказательствъ и потребными свѣдѣніями въ механикѣ для измѣренія силъ и напряженія мускуловъ? И, наконецъ, хватитъ ли у тебя самаго главнаго—терпѣнія и точности? Насколько я обладаю всѣми этими качествами, покажутъ сто двадцать книгъ Анатоміи, которыя я сочинилъ. И причина того, что я не привелъ труда моего къ желанному концу—не корысть или небрежность, а только недостатокъ времени".

„Точно такъ же, какъ до меня Птоломей описывалъ міръ въ въ своей Космографіи, я описываю человѣческое тѣло—эту маленькую вселенную,—міръ въ мірѣ".

Онъ предчувствовалъ, что труды его, если-бъ были узнаны и поняты людьми, произвели бы величайшій переворотъ въ наукѣ, ждалъ „послѣдователей", „преемниковъ", которые могли бы оцѣнить въ его рисункахъ „благодѣяніе, оказанное имъ человѣческому роду—tal benefizio, ch'io do all'omini".

„Пусть книга о началахъ механики,—писалъ онъ,—предшествуетъ твоему изслѣдованію законовъ движеній и силъ человѣка и другихъ животныхъ, дабы ты могъ, ссылаясь на механику, доказывать всякое положеніе анатоміи съ ясностью геометрическою".

Онъ разсматривалъ члены людей и животныхъ, какъ живые рычаги. Корни всякаго знанія погружались для него въ механику, которая была воплощеніемъ „дивной справедливости Перваго Двигателя". И благая воля Перваго Строителя вытекала изъ правосудной воли Перваго Двигателя—тайны всѣхъ тайнъ.

Рядомъ съ математической точностью, у Леонардо были вѣщія догадки, предчувствія, пророчества, которыя пугали Маркъ-Антоніо своею смѣлостью, казались ему невѣроятными, подобно тому, какъ человѣку, видящему горы въ первый разъ, далекія снѣговыя вершины кажутся облаками, висящими въ воздухѣ, и трудно ему повѣрить, что у этихъ призраковъ—корни гранитные, уходящіе къ сердцу земли.

Изучая на трупахъ беременныхъ женщинъ послѣдовательныя ступени развитія человѣческаго зародыша въ маткѣ, Леонардо пораженъ былъ сходствомъ въ строеніи тѣлъ людей и животныхъ, не только четвероногихъ, но и рыбъ, и птицъ.

„Сравни человѣка,—писалъ онъ,—съ обезьяною и многими другими животными почти той же породы—quasi di simile spetie. Сравни внутренности человѣка съ внутренностями обезьяны и льва, и быка, и рыбъ, и птицъ. Сравни пальцы человѣческой

руки съ пальцами медвѣжьей лапы, съ хрящами рыбьихъ плавниковъ, съ кистями птичьихъ крыльевъ и крыльевъ летучей мыши".

„Тому, кто обладаетъ совершеннымъ знаніемъ строенія человѣческаго тѣла легко быть всеобъемлющимъ, ибо члены всѣхъ животныхъ сходствуютъ".

Въ многообразіи тѣлесныхъ строеній прозрѣвалъ онъ единый законъ развитія, единый связующій замыселъ природы.

Маркъ-Антоніо спорилъ, горячился, называлъ догадки эти бреднями, недостойными ученаго, противными духу точнаго знанія. Но иногда, побѣжденный, какъ бы очарованный, умолкалъ и слушалъ. Въ эти минуты дѣтски-нѣжное и монашески-строгое лицо его было прекрасно. И глядя въ глубокіе, всегда печальные глаза его, Леонардо чувствовалъ, что этотъ затворникъ науки—не только жрецъ ея, но и жертва, что для него великая скорбь есть „дочь великаго познанія".

IX.

По ходатайству намѣстника Шарля д'Амбуазъ и французскаго короля, художникъ получилъ отъ флорентинской синьоріи отпускъ на неопредѣленное время, а въ слѣдующемъ 1507 году, перейдя окончательно на службу Людовика XII, поселился въ Миланѣ и только изрѣдка по дѣламъ наѣзжалъ во Флоренцію.

Прошло четыре года.

Въ концѣ 1511 года Джіованни Бельтраффіо, въ то время уже считавшійся искуснымъ мастеромъ, работалъ надъ стѣнописью въ новой церкви Санъ-Мауриціо, принадлежавшей старинной, построенной на развалинахъ древне-римскаго цирка и храма Юпитера, женской обители, Монастеро-Маджіоре. Рядомъ, за высокою оградою, выходившей на улицу Дэлла-Винья, находился запущенный садъ и нѣкогда великолѣпный, давно покинутый и полуразвалившійся, дворецъ владѣтельнаго рода Карманьола.

Монахини сдавали въ наймы эту землю и домъ алхимику Галеотто Сакробоско и его племянницѣ, дочери Галеоттова брата, мессэра Луиджи, знаменитаго собирателя древностей, монѣ Кассандрѣ, которые недавно вернулись въ Миланъ.

Вскорѣ послѣ перваго нашествія французовъ и разграбленія маленькаго домика повивальной бабки моны Сидоніи у Катаранской плотины за Верчельскими воротами, уѣхали они изъ Ломбардіи и девять лѣтъ провели въ скитаніяхъ по Востоку,—Греціи, островамъ Архипелага, Малой Азіи, Палестинѣ, Сиріи. Странные слухи ходили о нихъ: одни увѣряли, будто бы алхимикъ нашелъ камень мудрецовъ, превращающій олово въ золото; другіе—будто бы онъ выманилъ у Діодарія Сирійскаго для опытовъ огромныя деньги и,

присвоивъ ихъ, бѣжалъ; третьи—что мона Кассандра, по договору съ дьяволомъ и по записи отца своего, откопала древній кладъ, зарытый на мѣстѣ финикійскаго храма Астарты; четвертые, наконецъ,—что она ограбила въ Константинополѣ стараго несмѣтно богатаго смирнскаго купца, котораго очаровала и опоила приворотными зельями. Какъ бы то ни было, уѣхавъ изъ Милана нищими, вернулись они богачами.

Бывшая вѣдьма, ученица Деметрія Халкондилы, воспитанница старой вѣдьмы Сидоніи, Кассандра сдѣлалась, или, по крайней мѣрѣ, притворялась благочестивой дочерью церкви; строго соблюдала всѣ обряды и посты, посѣщала церковныя службы и щедрыми вкладами заслужила особое покровительство не только сестеръ монастыря Маджіоре, пріютившихъ ее на своей землѣ, но и самого владыки, архіепископа миланскаго. Злые языки утверждали, впрочемъ, можетъ быть, только изъ свойственной людямъ зависти къ внезапному обогащенію, что она вернулась изъ своихъ далекихъ странствій еще большею язычницей, что вѣдьма съ алхимикомъ должны были бѣжать изъ Рима, спасаясь отъ Святѣйшей Инквизиціи, и что, рано или поздно, не миновать имъ огненной казни.

Передъ Леонардо мессэръ Галеотто все такъ же благоговѣлъ и считалъ его своимъ учителемъ, обладателемъ сокровенной мудрости триждывеликаго Гермеса.

Алхимикъ привезъ съ собою изъ путешествія много рѣдкихъ книгъ, большею частью александрійскихъ ученыхъ временъ Птоломеевъ, по математическимъ наукамъ. Художникъ бралъ у него эти книги, за которыми обыкновенно посылалъ Джіованни, работавшаго по сосѣдству въ церкви Санъ-Маурицію. Черезъ нѣкоторое время Бельтраффіо, по старой привычкѣ, сталъ заходить къ нимъ все чаще и чаще подъ какимъ-нибудь предлогомъ, въ дѣйствительности же только для того, чтобы видѣть Кассандру.

Дѣвушка была съ нимъ въ первыя свиданья на-сторожѣ, притворялась кающейся грѣшницей, говорила о своемъ желаніи постричься; но, мало-по-малу, убѣдившись, что бояться нечего, стала довѣрчивой.

Они вспоминали бесѣды свои десять лѣтъ назадъ, когда оба были почти дѣтьми, на пустынномъ пригоркѣ надъ Катаранскою плотиною, у стѣнъ монастыря св. Редегонды; вспоминали вечеръ, съ блѣдными зарницами, съ душнымъ запахомъ лѣтней воды изъ канала, съ глухимъ, точно подземнымъ, ворчаніемъ грома, и то, какъ она предрекала ему воскресеніе олимпійскихъ боговъ, и какъ звала на Шабашъ вѣдьмъ.

Теперь жила она отшельницей; была или казалась больною и почти все время, свободное отъ службъ церковныхъ, прово-

дила въ уединенной комнатѣ, куда никого не пускала, въ одномъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ покоевъ стараго дворца—мрачной залѣ со стрѣльчатыми окнами, выходившими въ заглохшій садъ, гдѣ безмолвной оградою возвышались кипарисы, и яркій влажный мохъ покрывалъ стволы дуплистыхъ вязовъ. Убранство этого покоя напоминало музей и книгохранилище. Здѣсь находились древности, привезенныя ею съ Востока—обломки эллинскихъ статуй, псоглавые боги Египта изъ гладкаго чернаго гранита, рѣзные камни гностиковъ съ волшебнымъ словомъ „Абраксасъ", изображающимъ триста шестьдесятъ пять горнихъ небесъ, византійскіе пергаменты, твердые, какъ слоновая кость, съ обрывками навѣки утраченныхъ произведеній греческой поэзіи, глиняные черепки съ клинообразными ассирійскими надписями, книги персидскихъ маговъ, закованныя въ желѣзо, и прозрачно-тонкіе, какъ лепестки цвѣтовъ, мемфисскіе папирусы.

Она разсказывала ему о своихъ странствіяхъ, о видѣнныхъ чудесахъ, о пустынномъ величіи храмовъ изъ бѣлаго мрамора на черныхъ, изъѣденныхъ моремъ, утесахъ, среди вѣчно-голубыхъ, пахнущихъ солью, какъ будто свѣжестью голаго тѣла пѣнорожденной богини, Іоническихъ волнъ,—о неимовѣрныхъ трудахъ своихъ, бѣдахъ, опасностяхъ. И однажды, когда онъ спросилъ, чего она искала въ этихъ странствіяхъ, зачѣмъ собирала эти древности, претерпѣвая столько мученій,—отвѣтила ему словами отца своего, мессэра Луиджи Сакробоско:

— „Чтобы воскресить мертвыхъ".

И глаза ея загорѣлись огнемъ, по которому узналъ онъ прежнюю вѣдьму Кассандру.

Она мало измѣнилась. У нея было все то же лицо, чуждое печали и радости, неподвижное, какъ у древнихъ изваяній,—широкій, низкій лобъ, прямыя, тонкія брови, строго-сжатыя губы, на которыхъ нельзя было представить себѣ улыбки,—и глаза, какъ янтарь, прозрачно-желтые. Но теперь, утонченное болѣзнью, или единою, чрезмѣрно обострившеюся, мыслью, лицо это, особенно нижняя часть, слишкомъ узкая, маленькая, съ нижнею губою, немного выдававшейся впередъ,—еще яснѣе выражало суровое спокойствіе и въ то же время дѣтскую безпомощность. Сухіе, пушистые волосы, живые, живѣе всего лица, точно обладавшіе отдѣльною жизнью, какъ змѣи Медузы, окружали блѣдное лицо чернымъ ореоломъ, отъ котораго казалось оно еще блѣднѣе и неподвижнѣе, алыя губы ярче, желтые глаза прозрачнѣе. И еще неотразимѣе, чѣмъ десять лѣтъ назадъ, влекла къ себѣ Джіованни прелесть этой дѣвушки, возбуждавшая въ немъ любопытство, страхъ и жалость.

Во время путешествія по Греціи, посѣтила Кассандра родину

своей матери, унылый, маленькій городокъ Мистру, близъ развалинъ Лакедемона, межъ пустынныхъ, выжженныхъ холмовъ Пелопонеса, гдѣ, полвѣка назадъ, умеръ послѣдній изъ учителей эллинской мудрости, Гемистосъ Плетонъ. Собрала неизданные отрывки его сочиненій, письма, благоговѣйныя преданія учениковъ, которые вѣрили, что душа Платона, еще разъ сойдя съ Олимпа, воплотилась въ Плетонѣ. Разсказывая Джіованни объ этомъ посѣщеніи, повторила она пророчество, уже слышанное имъ отъ нея въ одну изъ ихъ прошлыхъ бесѣдъ у Катаранской плотины и съ тѣхъ поръ часто ему вспоминавшееся,—слова Плетона, сказанныя будто бы столѣтнимъ старцемъ-философомъ за три года до смерти:

„Немного лѣтъ спустя послѣ кончины моей, надъ всѣми племенами и народами земными возсіяетъ единая истина, и обратятся всѣ въ единую вѣру". Когда же спрашивали его—въ какую, въ Христову или Магометову,—онъ отвѣчалъ: „Ни въ ту, ни въ другую, но въ новую вѣру, отъ древняго язычества не отличную".

— Прошло уже болѣе полвѣка со смерти Плетона,—возразилъ Джіованни,—а пророчество не исполняется. Неужели вы все еще вѣрите, мона Кассандра?

— Истины совершенной,—молвила она спокойно,—не было у Плетона. Онъ во многомъ заблуждался, ибо многаго не зналъ.

— Чего? — спросилъ Джіованни, и вдругъ, подъ ея глубокимъ, пристальнымъ взоромъ, почувствовалъ, что сердце его падаетъ.

Вмѣсто отвѣта, взяла она съ полки старинный пергаментъ,— это была трагедія Эсхила „Скованный Прометей",—и прочла ему нѣсколько стиховъ. Джіованни понималъ немного по-гречески, а то, чего не понялъ, она объяснила ему.

Перечисливъ дары свои людямъ, — забвеніе смерти, надежду и огонь, похищенный съ неба, которые рано или поздно сдѣлаютъ ихъ равными богамъ,—Титанъ предрекалъ паденіе Зевса:

«Въ тотъ страшный день исполнится надъ нимъ
Отцовское проклятье, что на Сына
Обрушилъ Кроносъ, падая съ небесъ.
И указать отъ этихъ бѣдъ спасенье
Изъ всѣхъ боговъ могу лишь я одинъ—
Я знаю тайну.

Посланникъ олимпійцевъ, Гермесъ, возвѣщалъ Прометею:

До той поры не жди конца страданьямъ,
Пока другой не приметъ мукъ твоихъ
Страдалецъ-богъ и къ мертвымъ въ темный Тартаръ
Во глубину Аида не сойдетъ.

— Какъ ты думаешь, Джіованни,—молвила Кассандра, закрывая книгу,—кто этотъ „Страдалецъ-богъ, сходящій въ Тартаръ"?

Джіованни ничего не отвѣтилъ. Ему казалось, что передъ нимъ, точно при свѣтѣ внезапно блеснувшей молніи, открывается бездна.

А мона Кассандра по прежнему смотрѣла на него въ упоръ своими ясными, прозрачными глазами; въ это мгновеніе была она, дѣйствительно, похожа на злополучную плѣнницу Агамемнона, вѣщую дѣву Кассандру.

— Джіованни, — прибавила она, немного помолчавъ,—слышалъ ли ты о человѣкѣ, который, болѣе десяти вѣковъ назадъ, такъ же, какъ философъ Плетонъ, мечталъ воскресить умершихъ боговъ—объ императорѣ Флавіѣ Клавдіѣ Юліанѣ?

— Объ Юліанѣ Отступникѣ?

— Да, о томъ, кто врагамъ своимъ галилеянамъ и себѣ, увы, казался Отступникомъ, но не дерзнулъ имъ быть, ибо въ новые мѣха влилъ старое вино,—и эллины такъ же, какъ христіане, могли бы назвать его Отступникомъ.

Джіованни разсказалъ ей, что видѣлъ однажды во Флоренціи мистерію Лоренцо Медичи Великолѣпнаго, которая изображала мученическую смерть Санъ-Джіованни и Паоло, двухъ юношей, казненныхъ за вѣру Христову Юліаномъ Отступникомъ. Онъ даже помнилъ нѣсколько стиховъ изъ этой мистеріи, особенно поразившихъ его,—между прочимъ предсмертный крикъ Юліана, пронзеннаго мечемъ св. Меркурія:

Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!
O Christo Galileo, tu hai pur vinto!

— Слушай, Джіованни,—продолжала Кассандра,—въ странной и плачевной судьбѣ этого человѣка есть великая тайна. Оба они, говорю я, и кесарь Юліанъ, и мудрецъ Плетонъ были одинаково неправы, потому что обладали только половиной истины, которая, безъ другой половины, есть ложь,—потому что забыли пророчество Титана, что тогда лишь боги воскреснутъ, когда Свѣтлые соединятся съ Темными, небо вверху—съ небомъ внизу, и то, что̀ было двумя, будетъ Одно. Этого не поняли они и тщетно отдали душу свою за боговъ Олимпійскихъ.

Она остановилась, какъ будто не рѣшаясь договорить, и потомъ прибавила тихо:

— Если бы ты зналъ, Джіованни, если бы могла я сказать тебѣ все до конца.—Но, нѣтъ, теперь еще рано. Пока скажу одно: есть богъ среди боговъ олимпійскихъ, который ближе всѣхъ другихъ къ подземнымъ братьямъ своимъ, богъ свѣтлый и темный, какъ утренніе сумерки, безпощадный и благодатный, какъ смерть, сошедшій на землю и давшій смертнымъ забвеніе смерти,—новый огонь отъ огня Прометеева—въ собственной крови своей, въ опьяняющемъ сокѣ виноградныхъ лозъ. И кто изъ людей, братъ мой,

кто пойметъ и скажетъ міру, какъ мудрость Вѣнчаннаго гроздьями подобна мудрости Вѣнчаннаго терніями, Того, кто сказалъ: „Я есмь истинная виноградная лоза“,—и такъ же, какъ богъ Діонисъ, опьяняетъ міръ своею кровью?—Понялъ ли ты, о чемъ я говорю, Джіованни?—Если не понялъ,—молчи, не спрашивай, ибо здѣсь тайна, о которой еще нельзя говорить.

Въ послѣднее время у Джіованни явилось новое, дотолѣ невѣдомое, дерзновеніе мысли. Онъ ничего не боялся, потому что ему нечего было терять. Онъ чувствовалъ, что ни вѣра фра Бенедетто, ни знаніе Леонардо не утолятъ его муки, не разрѣшатъ противорѣчій, отъ которыхъ душа его умирала. Только въ темныхъ пророчествахъ Кассандры чудился ему, быть можетъ, самый страшный, но единственный путь къ примиренію, и по этому послѣднему пути онъ шелъ за нею съ отвагою отчаянія.

Они сходились все ближе и ближе.

Однажды онъ спросилъ ее, зачѣмъ она притворяется и скрываетъ отъ людей то, чтò ей кажется истиной?

— Не все—для всѣхъ,—возразила Кассандра.—Исповѣданіе мучениковъ, такъ же, какъ чудо и знаменье, нужно для толпы, ибо лишь тѣ, кто вѣритъ не до конца, умираютъ за вѣру, чтобы доказать ее другимъ и себѣ. Но совершенная вѣра есть совершенное знаніе. Развѣ ты думаешь, что смерть Пиѳагора подтвердила бы истины геометріи, открытыя имъ? Совершенная вѣра безмолвна, и тайна ея выше исповѣданія, какъ учитель сказалъ: „Вы знайте всѣхъ, васъ же пусть никто не знаетъ“.

— Какой учитель?—спросилъ Джіованни и подумалъ:

„Это могъ бы сказать Леонардо,—онъ тоже знаетъ всѣхъ, а его никто“.

— Египетскій гностикъ Базилидъ,—отвѣчала Кассандра и объяснила, что Гностиками—„Знающими“ называли себя великіе учителя первыхъ вѣковъ христіанства, для которыхъ совершенная вѣра и совершенное знаніе было одно и то же.

И она повѣдала ему ихъ странныя, иногда чудовищныя, подобныя бреду, сказанія.

Особенно поразило его одно изъ нихъ—ученіе Александрійскихъ Офитовъ, Змѣепоклонниковъ о созданіи міра и человѣка.

„Надо всѣми небесами есть Мракъ безымянный, недвижный, нерождаемый, прекраснѣе всякаго свѣта, Отецъ Непознаваемый, Πατὴρ ἄγνωσος—Бездна и Молчаніе. Единородная дочь его, Премудрость Божья, отдѣлившись отъ Отца, познала бытіе и омрачилась, и возскорбѣла. И сынъ ея скорби былъ Іальдаваоѳъ, созидающій Богъ. Онъ захотѣлъ быть одинъ и, отпавъ отъ Матери, погрузился еще глубже, чѣмъ она, въ бытіе и создалъ міръ плоти,—искаженный образъ міра духовнаго, и въ немъ че-

ловѣка, который долженъ былъ отразить величіе Создателя и свидѣтельствовать объ его могуществѣ. Но помощники Іальдаваоѳа, стихійные духи, съумѣли вылѣпить изъ персти только безмысленную громаду плоти, пресмыкавшуюся, какъ червь, въ первозданной тинѣ. И, когда привели они ее къ царю своему, Іальдаваоѳу, дабы вдохнулъ онъ въ нее жизнь,—Премудрость Божья, сжалившись надъ человѣкомъ, отомстила Сыну свободы и скорби своей за то, что онъ отпалъ отъ нея, и, вмѣстѣ съ дыханіемъ плотской жизни, чрезъ уста Іальдаваоѳовы вдохнула въ человѣка искру божественной мудрости, полученной ею отъ Отца Непознаваемаго. И жалкое созданіе,—персть отъ персти, прахъ отъ праха,—на которомъ Творецъ хотѣлъ показать свое всемогущество, стало вдругъ неизмѣримо выше своего Создателя, сдѣлалось образомъ и подобіемъ не Іальдаваоѳа, а истиннаго Бога, Отца Непознаваемаго. И поднялъ человѣкъ изъ праха лицо свое. И Творецъ, при видѣ твари, вышедшей изъ подъ власти его, исполнился гнѣвомъ и ужасомъ. И устремилъ свои очи, горѣвшія огнемъ поѣдающей ревности, въ самыя нѣдра вещества, въ первобытную черную тину,— и тамъ ихъ мрачный пламень и все лицо его, полное яростью, отразилось, какъ въ зеркалѣ, и этотъ образъ сдѣлался Ангеломъ Тьмы, Змѣевиднымъ, Офіоморфомъ, ползучимъ и лукавымъ, Сатаною,—Проклятою Мудростью. И съ его-то помощью создалъ Іальдаваоѳъ всѣ три царства природы и въ самую глубь ихъ, какъ въ смрадную темницу, бросилъ человѣка и далъ ему законъ: дѣлай то и то, не дѣлай того, и ежели преступишь законъ, смертью умрешь. Ибо все еще надѣялся поработить свою тварь игомъ закона, страхомъ зла и смерти. Но Премудрость Божья, Освободительница не покинула человѣка и, возлюбивъ, возлюбила его до конца, и послала ему Утѣшителя, Духа Познанія, Змѣевиднаго, Крылатаго, подобнаго утренней звѣздѣ, Ангела Денницы, того, о комъ сказано: „будьте мудры, какъ змѣи“. И сошелъ онъ къ людямъ и сказалъ: „вкусите и познаете, и откроются глаза ваши, и станете, какъ боги“.

— Люди толпы, дѣти міра сего,—заключила Кассандра,—суть рабы Іальдаваоѳа и Змѣя лукаваго, живущіе подъ страхомъ смерти, пресмыкающіеся подъ игомъ закона. Но дѣти Свѣта, Знающіе, Гностики, избранники Софіи, посвященные въ тайны Премудрости, попираютъ всѣ законы, преступаютъ всѣ предѣлы, какъ духи—неуловимы, какъ боги—свободны, крылаты, добромъ не возвышаются, остаются чистыми во злѣ, какъ золото въ грязи. И Ангелъ Денницы, подобный звѣздѣ, мерцающей въ утреннихъ сумеркахъ, ведетъ ихъ сквозь жизнь и смерть, сквозь зло и добро, сквозь всѣ проклятія и ужасы Іальдаваоѳова міра къ Матери своей, Софіи Премудрости, и черезъ нее—въ лоно Мрака безымяннаго, царящаго надъ всѣми небесами и безднами, недвижнаго

нерождаемаго, который прекраснѣе всякаго свѣта, въ лоно Отца Непознаваемаго.

Слушая это преданіе Офитовъ, Джіованни сравнивалъ Іальдаваоѳа съ Кроніономъ, божественную искру Софіи съ огнемъ Прометеевымъ, змія благого, ангела свѣтоноснаго—Люцифера со скованнымъ Титаномъ.

Такъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ—въ трагедіи Эсхила, въ сказаніяхъ гностиковъ, въ жизни императора Юліана Отступника, въ ученіи мудреца Плетона—находилъ онъ дальніе, родные отголоски великаго разлада и борьбы, наполнявшихъ его собственное сердце. Скорбь его углублялась и утишалась сознаніемъ того, что за десять вѣковъ люди уже страдали, какъ онъ, боролись съ тѣми же „двоящимися мыслями", погибали отъ тѣхъ же противорѣчій и соблазновъ.

Бывали минуты, когда онъ просыпался отъ этихъ мыслей, какъ отъ тяжелаго опьяненія или горячечнаго бреда. И тогда казалось ему, что мона Кассандра притворяется сильной и вѣщей, посвященною въ тайну, а въ дѣйствительности такъ же ничего не знаетъ, такъ же заблудилась, какъ онъ, что оба они—еще болѣе жалкія, потерянныя и безпомощныя дѣти, чѣмъ двѣнадцать лѣтъ назадъ, и что этотъ новый Шабашъ полубожественной, полусатанинской мудрости—еще безумнѣе, чѣмъ Шабашъ вѣдьмъ, на который нѣкогда звала она его, и который теперь презирала, какъ забаву черни. Ему дѣлалось страшно, хотѣлось бѣжать. Но было поздно. Сила любопытства, подобно навожденію, влекла его къ ней, и онъ чувствовалъ, что не уйдетъ, пока не узнаетъ всего до конца,—что онъ спасется или погибнетъ вмѣстѣ съ нею.

Въ это время пріѣхалъ въ Миланъ знаменитый докторъ богословія, инквизиторъ фра Джіорджіо да Казале.—Папа Юлій II, встревоженный слухами о небываломъ распространеніи колдовства въ Ломбардіи, отправилъ его съ грозными буллами. Сестры монастыря Маджіоре и покровители, бывшіе у моны Кассандры во дворцѣ архіепископа, предупреждали ее объ опасности. Фра Джіорджіо былъ тотъ самый членъ Инквизиціи, отъ котораго мона Кассандра и мессеръ Галеотто едва успѣли бѣжать изъ Рима. Они знали, что, если бы еще разъ попались ему въ руки, то никакое покровительство не могло бы ихъ выручить, и рѣшили скрыться во Францію, а ежели надо будетъ,—дальше въ Англію, Шотландію.

Утромъ, дня за два до ея отъѣзда, Джіованни бесѣдовалъ съ моной Кассандрою по обыкновенію въ рабочей комнатѣ ея, уединенной залѣ дворца Карманьола.

Солнце, проникавшее въ окна сквозь густыя, бархатисто-черныя вѣтви кипарисовъ, казалось блѣднымъ, какъ лунный свѣтъ; лицо

дѣвушки—особенно прекраснымъ и неподвижнымъ. Только теперь, передъ разлукой, понялъ Джіованни, какъ она ему близка.

Онъ спросилъ, увидятся ли они еще разъ, откроетъ ли она ему ту послѣднюю тайну, о которой часто говорила.

Кассандра взглянула на него и молча вынула изъ шкатулки плоскій четырехугольный прозрачно-зеленый камень. Это была знаменитая „*Tabula Smaragdina*“ — изумрудная скрижаль, найденная будто бы въ пещерѣ близъ города Мемфиса въ рукахъ муміи одного жреца, въ котораго, по преданію, воплотился Гермесъ Трисмегистъ, египетскій Оръ, богъ пограничной межи, путеводитель мертвыхъ въ царство тѣней. На одной сторонѣ изумруда вырѣзано было коптскими, на другой—древними эллинскими письменами четыре стиха:

Ουρανο ανω ουρανο κατω
Αστερα ανω αστερα κατω
Παν ανω παν τουτο κατω
Ταυτα λαβε και ευτυχε.
Небо—вверху, небо—внизу,
Звѣзды—вверху, звѣзды—внизу,
Все, чтò вверху, все и внизу,—
Если поймешь, благо тебѣ.

— Что это значитъ?—молвилъ Джіованни.

— Приходи ко мнѣ ночью сегодня—проговорила она тихо и торжественно.—Я скажу тебѣ все, чтò знаю сама, слышишь,—все до конца.—А теперь, по обычаю, передъ разлукою, выпьемъ послѣднюю братскую чашу.

Она достала маленькій, круглый, запечатанный воскомъ глиняный сосудъ, изъ тѣхъ, какіе употребляются на дальнемъ Востокѣ, налила густого, какъ масло, вина, странно пахнувшаго, золотисто-розоваго, въ древній кубокъ изъ хризолита, съ рѣзьбою по краямъ, изображавшею бога Діониса и вакханокъ, и подойдя къ окну, подняла чашу, какъ будто для жертвеннаго возліянія. Въ лучѣ блѣднаго солнца, на прозрачныхъ стѣнкахъ оживились розовымъ виномъ, словно теплою кровью, голыя тѣла вакханокъ, славившихъ пляскою бога, вѣнчаннаго гроздьями.

— Было время, Джіованни,—молвила она еще тише и торжественнѣе,—когда я думала, что учитель твой Леонардо обладаетъ послѣднею тайною, ибо лицо его такъ прекрасно, какъ будто въ немъ соединился богъ олимпійскій съ подземнымъ Титаномъ. Но теперь вижу я, что и онъ только стремится и не достигаетъ, только ищетъ и не находитъ, только знаетъ, но не сознаетъ. Онъ предтеча того, кто идетъ за нимъ, и кто больше, чѣмъ онъ.—Выпьемъ же вмѣстѣ, братъ мой, этотъ прощальный кубокъ за Невѣдомаго, котораго оба зовемъ, за послѣдняго Примирителя.

И благоговѣйно, какъ будто совершая великое таинство, она выпила чашу до половины и подала ее Джіованни:

— Не бойся,—молвила она,—здѣсь нѣтъ запретныхъ чаръ. Это вино непорочно и свято: оно изъ лозъ, растущихъ на холмахъ Назарета Это—чистѣйшая кровь Діониса-Галилеянина.

Когда онъ выпилъ вино, она, положивъ ему на плечи обѣ руки съ довѣрчивою ласкою, прошептала быстрымъ, вкрадчивымъ шопотомъ:

— Приходи же, если хочешь знать все, приходи, я скажу тебѣ тайну, которой никому никогда не говорила—открою послѣднюю муку и радость, въ которой мы будемъ вмѣстѣ навѣки, какъ братъ и сестра, какъ женихъ и невѣста.

И въ лучѣ солнца, проникавшемъ сквозь густыя вѣтви кипарисовъ, блѣдномъ, точно лунномъ,—такъ же, какъ въ памятную грозовую ночь у Катаранской плотины въ блескѣ блѣдныхъ зарницъ,—приблизила она къ лицу его неподвижное, грозное лицо свое, бѣлое, какъ мраморъ изваяній, въ ореолѣ черныхъ пушистыхъ волосъ, живыхъ, какъ змѣи Медузы, съ губами алыми, какъ кровь, глазами желтыми, какъ янтарь.

Холодъ знакомаго ужаса пробѣжалъ по сердцу Бельтраффіо, и онъ подумалъ:

„Бѣлая Дьяволица!“

III.

Въ условленный часъ стоялъ онъ у калитки въ пустынномъ переулкѣ Дэлла-Винья, передъ стѣною сада, окружавшаго дворецъ Карманьола.

Дверь была заперта. Онъ долго стучался. Ему не отворяли. Онъ подошелъ съ другой стороны, съ улицы Сантъ-Аньезе къ воротамъ сосѣдняго монастыря Маджіоре и узналъ отъ привратника страшную новость: инквизиторъ папы Юлія II, фра Джіорджіо да Казале явился въ Миланъ внезапно и тотчасъ велѣлъ схватить Галеотто Сакробоско, алхимика, и племянницу его, мону Кассандру, какъ лицъ, наиболѣе подозрѣваемыхъ въ черной магіи.

Галеотто успѣлъ бѣжать. Мона Кассандра была уже въ застѣнкахъ Святѣйшей Инквизиціи.

Узнавъ объ этомъ, Леонардо обратился съ просьбами и ходатайствами за несчастную къ доброжелателямъ своимъ, главному казначею Людовика XII, Флоримонду Робертэ и къ намѣстнику французскаго короля въ Миланѣ, Шарлю д'Амбуазъ.

Джіованни также хлопоталъ, бѣгалъ, носилъ письма учителя и ходилъ для развѣдокъ въ Судилище Инквизиціи, которое помѣщалось около Собора, въ Архіепископскомъ дворцѣ.

Здѣсь познакомился онъ съ главнымъ письмоводителемъ фра Джіорджіо,—фра Микеле да-Вальверда, магистромъ теологіи, написавшемъ книгу о черной магіи, „Новѣйшій Молотъ Вѣдьмъ“, гдѣ, между прочимъ, доказывалось, что такъ называемый *Ночной Козелъ*—Hyrcus Nocturnus, предсѣдатель Шабаша, есть ближайшій родственникъ козлу, котораго нѣкогда эллины приносили въ жертву богу Діонису, среди сладострастныхъ плясокъ и хоровъ, изъ коихъ впослѣдствіи вышла трагедія.—Фра Микеле былъ вкрадчиво-любезенъ съ Бельтраффіо. Онъ принялъ или дѣлалъ видъ, что принимаетъ живое участіе въ судьбѣ Кассандры, что вѣритъ въ ея невинность, и, въ то же время, притворяясь поклонникомъ Леонардо, „величайшаго изъ христіанскихъ мастеровъ“, какъ онъ выражался, разспрашивалъ ученика о жизни, привычкахъ, занятіяхъ и мысляхъ учителя. Но, только что рѣчь заходила о Леонардо, Джіованни настораживался и скорѣе умеръ бы, чѣмъ выдалъ единымъ словомъ учителя. Убѣдившись, что хитрости безполезны, фра Микеле объявилъ однажды, что, несмотря на краткій срокъ знакомства ихъ, успѣлъ полюбить его, Джіованни, какъ брата, и считаетъ долгомъ предупредить объ опасности, грозящей ему отъ мессэра Да-Винчи, подозрѣваемаго въ колдовствѣ и черной магіи.

— Это ложь! — воскликнулъ Джіованни.—Никогда не занимался онъ черной магіей и даже...

Бельтраффіо не кончилъ. Инквизиторъ посмотрѣлъ на него долгимъ взоромъ.

— Что хотѣли вы сказать, мессэръ Джіованни?

— Нѣтъ, ничего.

— Вы не желаете быть со мной откровеннымъ, другъ мой. Я вѣдь знаю, — вы хотѣли сказать: мессэръ Леонардо даже не вѣритъ въ возможность черной магіи.

— Я этого не хотѣлъ сказать, — спохватился Джіованни.— Впрочемъ, если бы онъ и не вѣрилъ, неужели это доказательство виновности?

— Дьяволъ,—возразилъ монахъ съ тихой усмѣшкою,—превосходный логикъ. Порою самыхъ опытныхъ враговъ своихъ ставитъ онъ втупикъ. Отъ одной вѣдьмы узнали мы недавно рѣчь его на Шабашѣ. „Дѣти мои,—сказалъ онъ,—радуйтесь и веселитесь, ибо съ помощью новыхъ союзниковъ нашихъ, ученыхъ, которые, отрицая могущество дьявола, тѣмъ самымъ притупляютъ мечъ Святѣйшей Инквизиціи, мы въ скоромъ времени одержимъ совершенную побѣду и распространимъ наше царство по всей вселенной“.

Спокойно и увѣренно говорилъ фра Микеле о самыхъ неимовѣрныхъ дѣйствіяхъ Силы Нечистой, напримѣръ, о признакахъ,

по которымъ можно отличить младенцевъ-оборотней, рожденныхъ отъ бѣсовъ и вѣдьмъ: всегда оставаясь маленькими, они гораздо тяжеле обыкновенныхъ грудныхъ дѣтей, вѣсятъ отъ 80 до 100 фунтовъ, постоянно кричатъ и высасываютъ молоко пяти-шести кормилицъ.

Съ математической точностью зналъ число главныхъ властителей Ада — 572, и подданныхъ, младшихъ бѣсовъ различнаго званія—7.405.926.

Но особенно поразило Джіованни ученіе объ Инкубахъ и Суккубахъ,—демонахъ двуполыхъ, принимающихъ по произволу видъ то мужчины, то женщины, дабы, соблазняя людей, вступать съ ними въ плотское сношеніе. Монахъ объяснялъ ему, какъ бѣсы, то уплотняя воздухъ, то похищая трупы съ висѣлицъ, образуютъ тѣла, которыя, впрочемъ, въ самыхъ пламенныхъ любовныхъ ласкахъ, остаются холодными — точно мертвыя. Онъ приводилъ слова Св. Августина, отрицавшаго существованіе антиподовъ, какъ богохульную ересь, и не сомнѣвавшагося въ Инкубахъ и Суккубахъ, нѣкогда, будто бы, чтимыхъ язычниками подъ именемъ фавновъ, сатировъ, нимфъ, гамадріадъ и другихъ божествъ, обитающихъ въ деревьяхъ, водѣ и воздухѣ.

— Какъ въ древности,—прибавлялъ уже отъ себя фра Микеле,—нечистые боги и богини сходили къ людямъ для сквернаго смѣшенія, такъ точно и нынѣ не только младшіе, но и старшіе, самые могущественные демоны, напримѣръ, Аполлонъ и Вакхъ, могутъ являться—инкубами, Діана или Венера—суккубами.

Изъ этихъ словъ Джіованни могъ заключить, что Бѣлая Дьяволица, которая преслѣдовала его всю жизнь, была суккубою— Афродитою.

Иногда приглашалъ его фра Микеле въ судилище во время дѣлопроизводства, должно быть, все еще надѣясь, рано или поздно найти въ немъ сообщника, доносчика, зная по опыту, какъ ужасы инквизиціи втягиваютъ. Преодолѣвая страхъ и отвращеніе, Джіованни не отказывался присутствовать на допросахъ и пыткахъ, потому что, въ свою очередь, надѣялся, если не облегчить судьбу Кассандры, то, по крайней мѣрѣ, что-нибудь узнать о ней.

Отчасти въ самомъ судилищѣ, отчасти изъ разсказовъ инквизитора узнавалъ Джіованни почти невѣроятные случаи, въ которыхъ смѣшное соединялось съ ужаснымъ.

Одна вѣдьма, еще совсѣмъ молоденькая дѣвушка, раскаявшись и вернувшись въ лоно церкви, благословляла истязателей своихъ за то, что они спасли ее отъ когтей сатаны, переносила всѣ муки съ безконечнымъ терпѣніемъ и кротостью, радостно и тихо шла на смерть, вѣруя, что временное пламя избавитъ ее отъ вѣчнаго, только умоляла судей, чтобы передъ смертью вырѣ-

зали у нея чорта изъ руки, который, будто бы, вошелъ въ нее въ видѣ остраго веретена. Святые отцы пригласили къ ней опытнаго хирурга. Но, несмотря на большія деньги, которыя предлагали ему, врачъ отказался вырѣзывать чорта, боясь, чтобы, во время операціи, бѣсъ не свернулъ ему шеи.

Другую вѣдьму, вдову хлѣбопека, женщину здоровую и красивую, обвиняли въ томъ, что прижила она, въ восемнадцатилѣтней связи съ дьяволомъ, нѣсколькихъ оборотней. Эта несчастная, во время страшныхъ пытокъ, то молилась, то лаяла, какъ собака, то коченѣла отъ боли, нѣмѣя, дѣлаясь безчувственной, такъ что должны были насильно открывать ей ротъ особымъ деревяннымъ снарядомъ, чтобы заставить ее говорить, наконецъ, вырвавшись изъ рукъ палачей, бросилась на своихъ судей, съ неистовымъ воплемъ: „я отдала душу мою дьяволу и буду принадлежать ему во вѣки!"—и пала бездыханною.

Нареченная тетка Кассандры, мона Сидонія, также схваченная, послѣ долгихъ мученій, однажды ночью, чтобы избѣгнуть пытокъ, подожгла въ тюрьмѣ соломенную подстилку, на которой лежала, и задохлась въ дыму.

Полоумную старушку-лоскутницу уличили въ томъ, что каждую ночь она ѣздитъ на Шабашъ верхомъ на своей собственной дочери, съ искалѣченными руками и ногами, которую, будто бы, черти подковываютъ. Добродушно и лукаво подмигивая судьямъ, какъ будто они были ея сообщниками въ заранѣе условленной шуткѣ, старушка охотно соглашалась со всѣми обвиненіями, которыя взводили на нее.

Она была очень зябкою. „Огонекъ! Огонекъ!—пролепетала она радостно, захлебываясь отъ смѣха, какъ очень маленькія дѣти, и потирая руки, когда подвели ее къ пылавшему костру, чтобы сжечь, — дай вамъ Богъ здоровья, миленькіе: наконецъ-то я погрѣюсь!"

Дѣвочка, лѣтъ десяти, безъ стыда и страха разсказывала судьямъ, какъ однажды вечеромъ, на скотномъ дворѣ, хозяйка ея, коровница, дала ей кусокъ хлѣба съ масломъ, посыпанный чѣмъто кисло-сладкимъ, очень вкуснымъ. Это былъ чортъ. Когда она съѣла хлѣбъ, подбѣжалъ къ ней черный котъ съ глазами, горѣвшими, какъ уголья, и началъ ластиться, мурлыкая, выгибая спину колесомъ. Она вошла съ нимъ въ ригу и здѣсь на соломѣ отдалась ему, и много разъ, шаля, не думая, что это дурно, позволяла ему все, чего онъ хотѣлъ. Коровница сказала ей: „видишь, какой у тебя женихъ!"—И потомъ родился у нея большой, величиной съ грудное дитя, бѣлый червь съ черной головой. Она зарыла его въ навозъ. Но котъ явился къ ней, исцарапалъ ее и человѣчьимъ голосомъ велѣлъ ей кормить ребенка, прожорливаго

червяка, парнымъ молокомъ.—Все это разсказывала дѣвочка такъ точно и подробно, глядя на инквизиторовъ такими невинными глазами, что трудно было рѣшить, лжетъ ли она странной, безцѣльной ложью, иногда свойственной дѣтямъ—или бредитъ.

Но особенный, незабываемый ужасъ возбудила въ Джіованни шестнадцатилѣтняя вѣдьма, необычайной красоты, которая на всѣ вопросы и увѣщанія судей отвѣчала однимъ и тѣмъ же упорнымъ, непреклонно умолящимъ крикомъ: „сожгите! сожгите меня!„ Она увѣряла, будто бы дьяволъ „прохаживается въ тѣлѣ ея, какъ въ своемъ собственномъ домѣ“, и когда „онъ бѣгаетъ, катается внутри ея спины, словно крыса въ подпольи“,—на сердцѣ у нея становится такъ жутко, такъ томно, что, если бы въ это время ее не держали за руки или не связывали веревками, она размозжила бы себѣ голову о стѣну. О покаяніи и прощеніи не хотѣла слышать, потому что считала себя беременной отъ дьявола, невозвратно погибшею, осужденною еще при жизни вѣчнымъ судомъ, и молила, чтобы сожгли ее прежде, чѣмъ родится чудовище. Она была сирота и очень богата. Послѣ смерти ея, огромное имѣніе должно было перейти въ руки дальняго родственника, скупого старика. Святые отцы знали, что, если бы несчастная осталась въ живыхъ, то пожертвовала бы свои богатства на дѣло Инквизиціи, и потому старались ее спасти,—но тщетно. Наконецъ послали ей духовника, который славился искусствомъ смягчать сердца закоренѣлыхъ грѣшниковъ. Когда началъ онъ увѣрять ее, что нѣтъ и быть не можетъ такого грѣха, котораго бы Господь не искупилъ Своею Кровью, и что Онъ все проститъ, она отвѣчала своимъ страшнымъ крикомъ: „не проститъ, не проститъ,—я знаю. Сожгите, сожгите меня, или я сама наложу на себя руки!“ По выраженію фра Микеле, „душа ея алкала святого огня, какъ раненый олень—источника воднаго“.

Главный инквизиторъ, фра Джіорджіо да-Казале былъ старичокъ сгорбленный, съ худенькимъ, блѣднымъ личикомъ, добрымъ, тихимъ и простымъ, напоминавшимъ лицо святого Франциска. По словамъ близко знавшихъ его, это былъ „кротчайшій изъ людей на землѣ“,—великій безсребренникъ, постникъ, молчальникъ и дѣвственникъ. Порою, когда Джіованни вглядывался въ это лицо, ему казалось, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ немъ злобы и хитрости, что онъ страдаетъ больше своихъ жертвъ и мучитъ, и сжигаетъ ихъ изъ жалости, потому что вѣритъ, что нельзя иначе спасти ихъ отъ вѣчнаго пламени.

Но иногда, особенно во время самыхъ утонченныхъ пытокъ и чудовищныхъ признаній, въ глазахъ фра Джіорджіо мелькало вдругъ такое выраженіе, что Джіованни не могъ бы рѣшить, кто страшнѣе, кто безумнѣе,—судья или подсудимые?

Однажды, старая колдунья, повивальная бабка, разсказывала инквизиторамъ, какъ, нажимая большимъ пальцемъ, продавливала она темя новорожденнымъ и умертвила этимъ способомъ болѣе двухъ сотъ младенцевъ, безъ всякой цѣли, только потому, что ей нравилось, какъ мягкіе дѣтскіе черепа хрустятъ, подобно яичной скорлупѣ. Описывая эту забаву, смѣялась она такимъ смѣхомъ, отъ котораго морозъ пробѣгалъ по спинѣ Джіованни.—И вдругъ почудилось ему, что у стараго инквизитора глаза горятъ точно такимъ же сладострастнымъ огнемъ, какъ у вѣдьмы. И хотя въ слѣдующее мгновеніе подумалъ онъ, что ему только померещилось, но въ душѣ его осталось впечатлѣніе невыразимаго ужаса.

Въ другой разъ, со смиреннымъ сокрушеніемъ, признался, фра Джіорджіо, что больше всѣхъ грѣховъ мучитъ совѣсть его то, что много лѣтъ назадъ велѣлъ онъ, „изъ преступнаго милосердія, внушеннаго дьяволомъ“, семилѣтнихъ дѣтей, заподозрѣнныхъ въ блудномъ смѣшеніи съ инкубами и суккубами, вмѣсто того, чтобы сжечь, только бить плетьми на площади передъ кострами, гдѣ горѣли отцы ихъ и матери.

Безуміе, которое царствовало въ застѣнкахъ Инквизиціи среди жертвъ и палачей, распространялось по городу. Здравомыслящіе люди вѣрили тому, надъ чѣмъ въ обыкновенное время смѣялись. какъ надъ глупыми баснями. Доносы умножались. Слуги показывали на господъ своихъ, жены—на мужей, дѣти—на родителей. Одну старуху сожгли только за то, что она сказала: „да поможетъ мнѣ чортъ, если не Богъ“. Другую объявили вѣдьмой потому, что корова ея, по мнѣнію сосѣдокъ, давала втрое больше молока, чѣмъ слѣдуетъ.

Въ женскій монастырь Санта-Марія-дэлла-Скала, чуть не каждый день послѣ Ave Maria, повадился чортъ, подъ видомъ собаки и оскверняль по очереди всѣхъ монахинь, отъ шестнадцатилѣтней послушницы до дряхлой игуменьи, не только въ кельяхъ, но и въ церкви, во время службы. Сестры Санта Марія такъ привыкли къ чорту, что уже не боялись и не стыдились его. И длилось это въ теченіе восьми лѣтъ.

Въ горныхъ селеніяхъ около Бѐргамо нашли сорокъ одну вѣдьму людоѣдку, сосавшую кровь и пожиравшую мясо некрещеныхъ дѣтей. Въ самомъ Миланѣ уличили тридцать священниковъ, крестившихъ младенцевъ „не во имя Отца и Сына и Духа Святого, а во имя Дьявола“; женщинъ, которыя нерожденныхъ дѣтей своихъ обрекали сатанѣ; дѣвочекъ и мальчиковъ отъ шести до трехъ лѣтъ, соблазненныхъ дьяволомъ, предававшихся съ нимъ несказанному блуду: опытные инквизиторы узнавали этихъ дѣтей по особенному блеску глазъ, по томной улыбкѣ и влажнымъ, очень краснымъ губамъ. Спасти ихъ нельзя было ничѣмъ, кромѣ огня.

*

И всего страшнѣе казалось то, что, по мѣрѣ возроставшей ревности отцовъ-инквизиторовъ, бѣсы не только не прекращали, а напротивъ, умножали козни свои, какъ будто входили во вкусъ и рѣзвились.

Въ покинутой лабораторіи мессэра Галеотто Сакробоско нашли необычайно толстаго, мохнатаго чорта, одни увѣряли—живого, другіе—только что издохшаго, но отлично сохранившагося, заключеннаго, будто бы, въ хрустальную чечевицу, и хотя, по изслѣдованіи, оказалось, что это былъ не чортъ, а блоха, которую алхимикъ разсматривалъ въ увеличительное стекло, многіе все-таки остались при убѣжденіи, что это былъ подлинный чортъ, но превратившійся въ блоху въ рукахъ инквизиторовъ, дабы надругаться надъ ними.

Все казалось возможнымъ: исчезала граница между явью и бредомъ. Ходили слухи о томъ, что фра Джіорджіо открылъ въ Ломбардіи заговоръ 12.000 вѣдьмъ и колдуновъ, поклявшихся произвести въ теченіе трехъ лѣтъ такіе неурожаи по всей Италіи, что люди принуждены будутъ пожирать другъ друга, какъ звѣри.

Самъ главный инквизиторъ, опытный полководецъ войска Христова, изучившій козни древняго Врага, испытывалъ недоумѣніе, почти страхъ передъ этимъ небывалымъ, возростающимъ натискомъ сатанинскаго полчища.

— Я не знаю, чѣмъ это кончится,—сказалъ однажды фра Микеле въ откровенной бесѣдѣ съ Джіованни.—Чѣмъ больше мы сжигаемъ ихъ, тѣмъ больше изъ пепла рождается новыхъ.

Обычныя пытки—испанскіе сапоги, желѣзныя колодки, постепенно сжимаемыя винтами, такъ что кости жертвъ хрустѣли, вырываніе ногтей раскаленными до бѣла клещами—казались игрою, въ сравненіи съ новыми утонченными муками, изобрѣтаемыми „кротчайшимъ изъ людей“ фра Джіорджіо, —напримѣръ, „пыткою безсонницы“—„tormentum insomniae“, состоявшею въ томъ, что подсудимыхъ, не давая имъ уснуть, въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей, гоняли по переходамъ тюрьмы, такъ что ноги ихъ покрывались язвами, и несчастные впадали въ умоизступленіе.—Но и надъ этими муками Врагъ смѣялся, ибо онъ былъ настолько сильнѣе голода, сна, жажды, желѣза и огня, насколько духъ сильнѣе плоти.

Тщетно прибѣгали судьи къ хитростямъ: вводили вѣдьмъ въ застѣнокъ задомъ, что бы взглядъ ихъ не очаровалъ судью и не внушилъ ему преступной жалости; передъ пыткою, женщинъ и дѣвушекъ раздѣвали до нага и брили, не оставляя на тѣлѣ ни волоса, дабы удобнѣе было отыскивать „дьявольскую печать“—stigma diabolicum, которая, скрываясь подъ кожею или въ волосахъ, дѣлала вѣдьму безчувственной. Поили и кропили ихъ святою

водою, окуривали ладономъ орудія пытки, освящали ихъ частицами Проскомидійнаго Агнца и мощей, опоясывали подсудимыхъ полотняною лентою, длиною тѣла Господня, подвѣшивали имъ бумажки, на которыхъ начертаны были слова, произнесенныя на крестѣ Спасителемъ.

Ничто не помогало: Врагъ торжествовалъ надъ всѣми святынями.

Монахини, каявшіяся въ блудномъ сожительствѣ съ дьяволомъ, увѣряли, будто бы онъ входитъ въ нихъ между двумя Ave Maria, и, даже имѣя Святое Причастіе во рту, чувствуютъ онѣ, какъ проклятый любовникъ оскверняетъ ихъ безстыднѣйшими ласками. Рыдая, сознавались несчастныя, что „тѣло ихъ принадлежитъ ему вмѣстѣ съ душою“.

Устами вѣдьмъ въ судилищѣ, издѣвался Лукавый надъ инквизиторами, изрыгалъ такія богохульства, что у самыхъ безтрепетныхъ вставали дыбомъ волосы, смущалъ докторовъ и магистровъ теологіи хитросплетенными софизмами, тончайшими богословскими противорѣчіями, или же обличалъ ихъ вопросами, полными такого сердцевѣдѣнія, что судьи превращались въ подсудимыхъ, обвиненные —въ обвинителей.

Уныніе гражданъ достигло крайней степени, когда распространилась молва о полученномъ, будто бы, папою доносѣ, съ неопровержимыми доказательствами того, что волкъ въ шкурѣ овчей, проникшій въ ограду Пастыря, слуга дьявола, притворившійся гонителемъ его, дабы вѣрнѣе погубить стадо Христово, глава сатанинскаго полчища есть никто иной, какъ самъ великій инквизиторъ Юлія II—фра Джіорджіо да-Казале.

По словамъ и дѣйствіямъ судей, Бельтраффіо могъ заключить, что сила дьявола кажется имъ равной силѣ Бога, и что вовсе еще неизвѣстно, кто кого одолѣетъ въ этомъ поединкѣ. Онъ удивлялся тому, какъ эти два ученія—инквизитора фра Джіорджіо и вѣдьмы Кассандры—сходятся въ своихъ крайностяхъ, ибо для обоихъ верхнее небо равно было нижнему, смыслъ человѣческой жизни заключался въ борьбѣ двухъ безднъ въ человѣческомъ сердцѣ,—съ тою лишь разницей, что вѣдьма всё еще искала, можетъ быть, недостижимаго примиренія, тогда какъ инквизиторъ раздувалъ огонь этой вражды, углублялъ ея безнадежность.

И въ образѣ Дьявола, съ которымъ такъ безпомощно боролся фра Джіорджіо, въ образѣ Змѣеподобнаго, пресмыкающагося, лукаваго, узнавалъ Джіованни помраченный, словно въ мутномъ, искажающемъ зеркалѣ, образъ Благого Змія, Крылатаго, Офіоморфа, Сына верховной освобождающей Мудрости, свѣтоноснаго, подобнаго утренней звѣздѣ, Люцифера или титана Прометея. Безсильная ненависть враговъ его, жалкихъ слугъ Іальдаваоѳовыхъ, была какъ бы новою пѣснью побѣдною Непобѣдимому.

Въ это время фра Джіорджіо объявилъ народу назначенное черезъ нѣсколько дней на страхъ врагамъ, на радость вѣрнымъ чадамъ церкви Христовой, великолѣпное празднество—сожженіе на площади Бролетто ста тридцати девяти колдуновъ и вѣдьмъ.

Услышавъ объ этомъ отъ фра Микеле, Джіованни произнесъ, блѣднѣя:

— А мона Кассандра?

Несмотря на притворную сообщительность монаха, Джіованни до сихъ поръ еще не узналъ о ней ничего.

— Мона Кассандра, — отвѣчалъ доминиканецъ, — осуждена вмѣстѣ съ другими, хотя она достойна злѣйшей казни. Фра Джіорджіо полагаетъ, что это—самая сильная вѣдьма изъ всѣхъ, какихъ онъ когда-либо видѣлъ. Столь непобѣдимы были чары безчувственности, которыя ограждали ее во время пытокъ, что, не говоря уже о признаніи или раскаяніи, мы такъ и не добились отъ нея ни слова, ни стона,—даже звука голоса ея не слышали.

И сказавъ это, посмотрѣлъ онъ въ глаза Джіованни глубокимъ взоромъ, какъ бы чего-то ожидая. У Бельтраффіо мелькнула мысль покончить сразу, донести на себя, сознаться, что онъ сообщникъ моны Кассандры, чтобы погибнуть съ нею. Онъ этого не сдѣлалъ не изъ страха, а изъ равнодушія,—страннаго оцѣпенѣнія, которое все болѣе овладѣвало имъ въ послѣдніе дни и было похоже на „чары безчувственности", ограждавшія вѣдьму отъ пытокъ. Онъ былъ спокоенъ, какъ спокойны мертвые.

Поздно вечеромъ, наканунѣ дня, назначеннаго для сожженія вѣдьмъ и колдуновъ, сидѣлъ Бельтраффіо въ рабочей комнатѣ учителя. Леонардо кончалъ рисунокъ, изображавшій сухожилія, мускулы верхней части руки и плеча, тѣмъ болѣе для него любопытныя, что ими должны были приводиться въ движеніе рычаги летательной машины. Лицо его въ этотъ вечеръ казалось Джіованни особенно прекраснымъ. Несмотря на первыя, недавно, послѣ смерти моны Лизы, углубившіяся морщины, въ немъ была совершенная тишина и ясность созерцанія.

Иногда, подымая глаза отъ работы, онъ взглядывалъ на ученика. Оба молчали. Джіованни давно уже ничего не ждалъ отъ учителя и ни на что не надѣялся.

Для него не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Леонардо знаетъ объ ужасахъ Инквизиціи, о предстоящей казни моны Кассандры и другихъ несчастныхъ, объ его, Джіованни, собственной гибели. Часто спрашивалъ онъ себя, что́ обо всемъ этомъ учитель думаетъ.

Окончивъ рисунокъ, сбоку на томъ же листѣ, надъ изображеніемъ мышцъ и мускуловъ плеча, Леонардо сдѣлалъ надпись:

„И ты, человѣкъ, въ этихъ рисункахъ созерцающій дивныя

созданія природы, если считаешь преступнымъ уничтожить мой трудъ,—подумай, насколько преступнѣе отнять у человѣка жизнь, подумай также, что тѣлесное строеніе, кажущееся тебѣ такимъ совершенствомъ, ничто—въ сравненіи съ душою, обитающей въ этомъ строеніи, ибо она, чѣмъ бы ни была, есть все-таки нѣчто божественное—quale essa si sia, ella è cosa divina. И, судя по тому, какъ неохотно разстается она съ тѣломъ,—плачъ и скорбь ея не безъ причины. Не мѣшай же ей обитать въ созданномъ ею тѣлѣ, сколько сама она пожелаетъ, и пусть коварство твое или злоба не разрушаютъ этой жизни, столь прекрасной, что воистину—кто ея не цѣнитъ, тотъ ея не стоитъ".

Пока учитель писалъ, ученикъ съ такою же безнадежною отрадою смотрѣлъ на тихое лицо его, какъ заблудившійся въ пустынѣ, умирающій отъ зноя и жажды, путникъ смотритъ на снѣжныя горы.

IV.

На слѣдующій день Бельтраффіо не выходилъ изъ комнаты. Ему съ утра недомогалось—болѣла голова. До вечера пролежалъ онъ въ постели, въ полузабытьи, ни о чемъ не думая.

Когда стемнѣло, послышался надъ городомъ необычайный, не то похоронный, не то праздничный, перезвонъ колоколовъ, и въ воздухѣ распространился слабый, но упорный и отвратительный запахъ гари. Отъ этого запаха у него еще сильнѣе разболѣлась голова, и стало тошнить.

Онъ вышелъ на улицу.

День былъ душный, съ воздухомъ сырымъ и теплымъ, какъ въ банѣ, одинъ изъ тѣхъ дней, какіе бываютъ въ Ломбардіи, во время сирокко, позднимъ лѣтомъ и раннею осенью. Дождя не было. Но съ крышъ и съ деревьевъ капало. Кирпичная мостовая лоснилась. И подъ открытымъ небомъ, въ мутно-желтомъ, липкомъ туманѣ еще сильнѣе пахло зловонною гарью.

Несмотря на позднее время, на улицахъ было людно. Всѣ шли съ одной стороны—съ площади Бролетто. Когда онъ вглядывался въ лица, ему казалось, что встрѣчные въ такомъ же полузабытьи, какъ онъ,—хотятъ и не могутъ проснуться.

Толпа гудѣла смутнымъ, тихимъ гуломъ. Вдругъ, по случайно долетѣвшимъ до него отрывочнымъ словамъ о только что сожженныхъ ста тридцати девяти колдунахъ и вѣдьмахъ, о монѣ Кассандрѣ, онъ понялъ причину страшнаго запаха, который его преслѣдовалъ: это былъ смрадъ обгорѣлыхъ человѣческихъ тѣлъ.

Онъ ускорилъ шагъ, почти побѣжалъ, самъ не зная, куда, натыкаясь на людей, шатаясь, какъ пьяный, дрожа отъ озноба

и чувствуя, какъ зловонная гарь, въ мутно-желтомъ липкомъ туманѣ, гонится за нимъ, окутываетъ, душитъ, проникаетъ въ легкія, сжимаетъ виски тупо-ноющею болью и тошнотою.

Онъ не помнилъ, какъ доплелся до обители Санъ-Франческо и вошелъ въ келью фра Бенедетто. Монахи пустили Джіованни. Но фра Бенедетто не было,—онъ уѣхалъ въ Бергамо.

Джіованни заперъ дверь, зажегъ свѣчу и въ изнеможеніи упалъ на постель.

Въ этой смиренной обители, столь ему знакомой, все по прежнему дышало тишиной и святостью. Онъ вздохнулъ свободнѣе. Здѣсь не было страшнаго зловонія, а былъ особенный монастырскій запахъ постной оливы, церковнаго ладана, воска, старыхъ кожаныхъ книгъ, свѣжаго лаку и тѣхъ легкихъ, нѣжныхъ красокъ, которыми фра Бенедетто, въ простотѣ сердечной, пренебрегая суетнымъ знаніемъ перспективы и анатоміи, писалъ своихъ Мадоннъ съ дѣтскими лицами, праведниковъ, осіянныхъ горнею славою, ангеловъ съ радужными крыльями, съ кудрями, золотыми, какъ солнце, въ туникахъ, лазурныхъ, какъ небо. Надъ изголовьемъ постели, на гладкой бѣлой стѣнѣ висѣло черное Распятіе и надъ нимъ подарокъ Джіованни, засохшій вѣнчикъ изъ алыхъ маковъ и темныхъ фіалокъ, собранныхъ въ памятное утро въ кипарисовой рощѣ, на высотахъ Фіезоле, у ногъ Савонаролы, въ то время, какъ братья Санъ-Марко пѣли, играли на віолахъ и плясали вокругъ учителя, какъ маленькія дѣти или ангелы.

Онъ поднялъ глаза на Распятіе. Спаситель все такъ же распростиралъ пригвожденныя къ дереву, руки, какъ будто призывая міръ въ Свои объятья: „придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные“. Не единая ли это, не совершенная ли истина?—подумалъ Джіованни.—Не упасть ли къ ногамъ Его, не воскликнуть ли: „Ей, Господи, вѣрую, помоги невѣрію моему!“

Но молитва замерла на губахъ его. И онъ почувствовалъ, что, если бы вѣчная гибель грозила ему, не могъ бы онъ солгать, не знать того, чтó зналъ,—ни отвергнуть, ни примирить двухъ истинъ, которыя спорили въ сердцѣ его.

Въ прежнемъ, тихомъ отчаяніи отвернулся онъ отъ Распятія,—и въ то же мгновеніе почудилось ему, что смрадный туманъ, страшный запахъ гари проникаетъ и сюда, въ послѣднее убѣжище.

Онъ закрылъ лицо руками.

И ему представилось то, чтó онъ видѣлъ недавно, хотя не могъ бы сказать, было ли то во снѣ или на яву: въ глубинѣ застѣнка, въ отблескѣ краснаго пламени, среди орудій пытки и палачей, среди окровавленныхъ человѣческихъ тѣлъ—обнаженное тѣло Кассандры, охраняемое чарами Благого Змія, Освободителя,—безчувственное подъ орудіями пытки, подъ желѣзомъ, огнемъ и

взорами мучителей, — нетлѣнное, неуязвимое, какъ дѣвственно-чистый и твердый мраморъ изваяній.

Очнувшись, онъ понялъ, по догорающей свѣчѣ и числу колокольныхъ ударовъ на монастырской башнѣ, что нѣсколько часовъ прошло въ забытьи, и что теперь уже за-полночь.

Было тихо. Туманъ, должно быть, разсѣялся. Смраднаго запаха не было, но сдѣлалось еще жарче. Въ окнѣ мелькали блѣдно-голубыя зарницы и, какъ въ памятную грозовую ночь у Катаранской плотины, слышалось глухое, точно подземное, ворчанье грома.

У него кружилась голова. Во рту пересохло. Мучила жажда. Онъ вспомнилъ, что въ углу стоитъ кувшинъ съ водой. Всталъ, держась рукой за стѣну, дотащился, выпилъ нѣсколько глотковъ, помочилъ себѣ голову и уже хотѣлъ вернуться на постель, какъ вдругъ почувствовалъ, что въ кельѣ кто-то есть,—обернулся и увидѣлъ, что подъ чернымъ Распятіемъ кто-то сидитъ на постели фра Бенедетто, въ длинной до земли, темной, точно монашеской одеждѣ съ остроконечнымъ куколемъ, какъ у братьевъ „баттути“, закрывающимъ лицо. Джіованни удивился, потому что зналъ, что дверь заперта на ключъ,—но не испугался. Скорѣе облегченіе испытывалъ онъ, какъ будто только теперь, послѣ долгихъ, тщетныхъ усилій, проснулся. Голова сразу перестала болѣть.

Онъ подошелъ къ сидѣвшему и началъ въ него всматриваться. Тотъ всталъ. Куколь откинулся. И Джіованни увидѣлъ лицо, недвижное, бѣлое, какъ мраморъ изваяній, съ губами алыми, какъ кровь, глазами желтыми, какъ янтарь, окруженное ореоломъ черныхъ волосъ, живыхъ, живѣе самого лица, словно обладавшихъ отдѣльною жизнью, какъ змѣи Медузы.

И торжественно, и медленно, какъ бы для заклятья, подняла Кассандра—это была она—руки вверхъ. Послышались раскаты грома, уже близкаго, и ему казалось, что голосъ грома вторитъ словамъ ея:

Небо—вверху, небо—внизу,
Звѣзды—вверху, звѣзды—внизу,
Все, что вверху, все и внизу,—
Если поймешь, благо тебѣ.

Черныя одежды, свившись, упали къ ногамъ ея, и онъ увидѣлъ сіяющую бѣлизну ея тѣла, непорочнаго, какъ у Афродиты, вышедшей изъ тысячелѣтней могилы,—какъ у пѣнорожденной богини Сандро Ботичелли съ лицомъ Пречистой Дѣвы Маріи, съ неземною печалью въ глазахъ,—какъ у сладострастной Леды на пылающемъ кострѣ Савонаролы.

Въ послѣдній разъ взглянулъ Джіованни на Распятіе, послѣдняя мысль блеснула въ умѣ его, полная ужасомъ: „Бѣлая дьяволица!“—и какъ будто завѣса жизни разорвалась передъ нимъ, открывая послѣднюю тайну послѣдняго соединенія.

Она приблизилась къ нему, охватила его руками и сжала въ объятьяхъ. Ослѣпляющая молнія соединила небо и землю.

Они опустились на бѣдное ложе монаха.

И всѣмъ своимъ тѣломъ Джіованни почувствовалъ дѣвственный холодъ тѣла ея, который былъ ему сладокъ и страшенъ, какъ смерть.

V.

Зороастро да-Перетола не умеръ, но и не выздоровѣлъ отъ послѣдствій своего паденія при неудачномъ опытѣ съ крыльями: на всю жизнь остался онъ калѣкою. Говорить разъучился, только бормоталъ невнятныя слова, такъ что никто, кромѣ учителя, не разумѣлъ его. То бродилъ по дому, не находя себѣ мѣста, хромая на костыляхъ, огромный, неуклюжій, взъерошенный, какъ больная птица; то вслушивался въ рѣчи людей, какъ будто стараясь что-то понять; то, сидя въ углу, поджавъ подъ себя ноги и не обращая ни на кого вниманія, быстро наматывалъ длинную полотняную ленту на круглый брусокъ—занятіе, придуманное для него учителемъ, такъ какъ въ рукахъ механика оставалась прежняя ловкость и потребность движенія;—стругалъ деревянныя палочки, выпиливалъ чурки для городковъ, вырѣзывалъ волчки; или цѣлыми часами, въ полузабытьи, съ безсмысленной улыбкой, раскачиваясь, махая руками, точно крыльями, мурлыкалъ себѣ подъ носъ все одну и ту же пѣсенку:

«Курлы, курлы,
Журавли, орлы
Среди солнечной мглы,
Гдѣ не видно земли,
Журавли, журавли...
Курлы, курлы».

Потомъ, глядя на учителя своимъ единственнымъ глазомъ, начиналъ вдругъ тихо плакать.

Въ эти минуты онъ былъ такъ жалокъ, что Леонардо поскорѣе отворачивался или уходилъ. Но совсѣмъ удалить больного не имѣлъ духу. Никогда во всѣхъ скитаніяхъ не покидалъ его, заботился о немъ, посылалъ ему деньги и, только что поселялся гдѣ-нибудь, бралъ его въ свой домъ.

Такъ проходили годы, и этотъ калѣка былъ какъ бы живымъ укоромъ, вѣчною насмѣшкою надъ усиліями всей жизни Леонардо,—надъ созданіемъ крыльевъ человѣческихъ.

Не менѣе жалѣлъ онъ и другого ученика своего, можетъ быть, самаго близкаго сердцу его—Чезаре да Сесто.

Не довольствуясь подражаніемъ, Чезаре хотѣлъ быть самимъ собою. Но учитель уничтожалъ его, поглощалъ, претворялъ въ себя. Недостаточно слабый, чтобы покориться, недостаточно силь-

ный, чтобы побѣдить, Чезаре только безъисходно мучился, озлоблялся и не могъ до конца ни спастись, ни погибнуть. Подобно Джіованни и Астро, былъ калѣкою,—ни живымъ, ни мертвымъ, однимъ изъ тѣхъ, которыхъ Леонардо „сглазилъ“, „испортилъ“.

Андреа Салаино сообщалъ учителю о тайной перепискѣ Чезаре съ учениками Рафаэля Санціо, работавшаго въ Римѣ у папы Юлія II надъ фресками въ покояхъ Ватикана. Многіе предсказывали, что въ лучахъ этого новаго свѣтила суждено померкнуть славѣ Леонардо.—Иногда учителю казалось, что Чезаре замышляетъ измѣну.

Но едва ли не хуже измѣны враговъ была вѣрность друзей.

Подъ именемъ „Леонардовой Академіи“ образовалась въ Миланѣ школа молодыхъ ломбардскихъ живописцевъ, отчасти прежнихъ учениковъ его, отчасти новыхъ пришельцевъ, безчисленныхъ, которые плодились, множились, тѣснились къ нему, сами воображая и другихъ увѣряя, будто бы идутъ по слѣдамъ его. Издали слѣдилъ онъ за суетою этихъ невинныхъ предателей, которые не знали сами, что̀ творятъ. И порой подымалось въ немъ чувство брезгливости, когда онъ видѣлъ, какъ все, что̀ было въ жизни его святого и великаго, становится достояніемъ черни,—какъ ликъ Господенъ въ Тайной Вечерѣ передается потомству въ снимкахъ, примиряющихъ его съ церковною пошлостью, какъ улыбка Джіоконды безстыдно обнажается, дѣлаясь похотливой, или же, претворяясь въ грезахъ платонической любви, добрѣетъ и глупѣетъ.

Зимою 1512 года, въ мѣстечкѣ Рива-ди-Тренто, на берегу Гардскаго озера умеръ Макъ-Антоніо дэлла Торре, тридцати лѣтъ отъ роду, заразившись гнилою горячкою отъ бѣдняковъ, которыхъ лѣчилъ.

Леонардо терялъ въ немъ послѣдняго изъ тѣхъ, кто былъ ему, если не близокъ, то менѣе чуждъ, чѣмъ другіе, ибо, по мѣрѣ того, какъ на жизнь его сходили тѣни старости,—нить за нитью, порывались связи его съ міромъ живыхъ, все большая пустыня и молчаніе окружали его, такъ что иногда казалось ему, что онъ спускается въ подземный мракъ по узкой, темной лѣстницѣ, пролагая путь желѣзнымъ заступомъ сквозь каменныя глыбы, „съ упрямою суровостью“ и съ можетъ быть безумною надеждою, что тамъ, подъ землею, есть выходъ въ другое небо.

Однажды зимнею ночью сидѣлъ онъ одинъ въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ визгу, реву, грохоту вьюги, точно такъ же, какъ въ ночь того дня, когда узналъ о смерти Джіоконды. Нечеловѣческіе голоса ночного вѣтра говорили о понятномъ человѣческому сердцу, родномъ и неизбѣжномъ,—о послѣднемъ одиночествѣ въ страшной слѣпой темнотѣ, въ лонѣ Отца всего сущаго, древняго Хаоса,—о безпредѣльной скукѣ міра.

Онъ думалъ о смерти, и эта мысль, которая теперь все чаще приходила къ нему, сливалась съ мыслью о Джіокондѣ.

Вдругъ кто-то постучался въ дверь. Онъ всталъ и отперъ.

Въ комнату вошелъ незнакомый молодой человѣкъ, лѣтъ девятнадцати, съ веселыми и добрыми глазами, съ морознымъ румянцемъ на свѣжемъ лицѣ, съ тающими звѣздами снѣга въ темнорусыхъ кудряхъ.

— Мессэръ Леонардо!—воскликнулъ юноша.—Не узнаете меня?

Леонардо вглядѣлся и вдругъ вспомнилъ маленькаго друга своего, восьмилѣтняго мальчика, съ которымъ бродилъ по весеннимъ рощамъ Ваприо,—Франческо Мельци.

Онъ обнялъ его съ отеческою нѣжностью.

Франческо разсказалъ ему, что онъ изъ Болоньи, куда отецъ его уѣхалъ вскорѣ послѣ французскаго нашествія въ 1500 году, не желая видѣть позора и бѣдствій родины, и гдѣ заболѣлъ тяжелою болѣзнью, длившейся долгіе годы. Недавно онъ умеръ и Мельци поспѣшилъ къ Леонардо, помня его обѣщаніе.

— Какое обѣщаніе?—спросилъ учитель.

— Какъ? Забыли? А я-то, глупый, надѣялся!—Да неужели вы въ самомъ дѣлѣ не помните?—Это было въ послѣдніе дни передъ нашей разлукою, въ селеніи Манделло, на озерѣ Лекко, у подножія горы Кампіоне. Мы спускались въ покинутый рудникъ, и вы несли меня на рукахъ, чтобы я не упалъ, и когда сказали мнѣ, что уѣзжаете въ Романью на службу къ Цезарю Борджіа, я заплакалъ и хотѣлъ бѣжать съ вами отъ отца, но вы не захотѣли и дали мнѣ слово, что черезъ десять лѣтъ, когда я выросту...

— Помню, помню!—прервалъ его учитель радостно.

— Ну, то-то же!—Я знаю, мессэръ Леонардо, что я вамъ не нуженъ. Но вѣдь и мѣшать не буду. Не гоните же меня. Впрочемъ, все равно, я не уйду, если и станете гнать.—Воля ваша, учитель, дѣлайте со мной, что хотите, а я уже васъ никогда не покину.

— Мальчикъ мой милый!—произнесъ Леонардо, и голосъ его дрогнулъ.

Онъ снова обнялъ его, поцѣловалъ въ голову, и Франческо прижался къ его груди, съ такою же довѣрчивой лаской, какъ маленькій мальчикъ, котораго несъ Леонардо на рукахъ своихъ въ желѣзномъ рудникѣ, спускаясь все ниже и ниже въ подземный мракъ, по скользкой страшной лѣстницѣ.

VI.

Съ тѣхъ поръ, какъ художникъ покинулъ Флоренцію въ 1507 году, онъ числился придворнымъ живописцемъ на службѣ

короля французскаго, Людовика XII. Но, не получая жалованья, долженъ былъ разсчитывать на случайныя милости. Часто забывали о немъ вовсе, а напоминать о себѣ во время своими произведеніями онъ не умѣлъ, потому что съ годами работалъ все меньше и медленнѣе. По прежнему, вѣчно нуждаясь и все больше запутываясь въ денежныхъ дѣлахъ, занималъ онъ у всѣхъ, у кого можно было занять,—даже у собственныхъ учениковъ, и, не расплатившись со старыми долгами, дѣлалъ новые. Такія же стыдливыя, неловкія и униженныя просьбы писалъ французкому намѣстнику Шарлю д'Амбуазъ и казначею Флоримонду Робертэ, какъ нѣкогда герцогу Моро.

„Не желая болѣе докучать вашей милости, беру на себя смѣлость спросить, буду ли получать жалованье. Неоднократно писалъ я объ этомъ вашей Синьоріи, но до сихъ поръ отвѣта не имѣю".

Въ пріемныхъ вельможъ, среди другихъ просителей, смиренно ожидалъ онъ очереди, хотя, съ наступающею старостью, все круче казались ему чужія лѣстницы, все горше вкусъ чужого хлѣба. Онъ чуствовалъ себя на службѣ государей такимъ же лишнимъ, какъ на службѣ народа,—всегда, вездѣ чужимъ.

Пока Рафаэль, пользуясь щедростью папы, изъ полунищаго сталъ богачемъ, римскимъ патриціемъ; пока Микель-Анджело сколачивалъ сольди на черный день,—Леонардо по прежнему оставался бездомнымъ скитальцемъ, не зная, гдѣ передъ смертью преклонить голову.

Войны, побѣды, пораженія своихъ и чужихъ, перемѣны законовъ и правительствъ, угнетеніе народовъ, низверженіе тиранновъ,—все, что кажется людямъ единственно важнымъ и вѣчнымъ,—проносилось мимо него, какъ пыльный вихрь мимо странника на большой дорогѣ. Съ такимъ же неизмѣннымъ равнодушіемъ къ политикѣ, укрѣплялъ онъ замокъ Милана для французскаго короля противъ ломбардцевъ, какъ нѣкогда для ломбардскаго герцога—противъ французовъ. Въ честь побѣды Людовика XII надъ венеціанцами при Аньяделло, воздвигъ тріумфальную арку съ тѣми же самыми деревянными ангелами, которые нѣкогда привѣтствовали, махая позолоченными крыльями, Амброзіанскую республику, Франческо Сфорца, Лодовико Моро.

Черезъ три года, папа, кесарь и король Испаніи, Фердинандъ Католическій, заключили союзъ подъ именемъ Священной Лиги противъ Людовика XII, выгнали французовъ изъ Ломбардіи и, съ помощью швейцарцевъ, посадили на престолъ Массимиліано Моретто, „маленькаго Моро", сына Лодовико Сфорца, девятнадцатилѣтняго юношу, выросшаго въ изгнаніи при дворѣ императора.

Леонардо и ему воздвигъ тріумфальную арку.

Правительство Моретто оказалось непрочнымъ. Швейцарскіе наемники вовсе о немъ не заботились, обращались съ нимъ какъ съ ничего незначившею куклою; союзники Священной Лиги заботились о немъ слишкомъ усердно, какъ семь нянекъ, у которыхъ дитя безъ головы. Маленькому герцогу было не до живописи. Тѣмъ не менѣе принялъ онъ Леонардо на службу, заказалъ ему свой портретъ и назначилъ жалованье, котораго не выплачивалъ.

Въ Тосканѣ въ это время произошелъ точно такой же переворотъ, какъ въ Ломбардіи. Воля народа—воля Божья и пушки Фердинанда Католическаго удалили злополучнаго Пьеро Содерини. Разочаровавшись окончательно въ республиканскихъ добродѣтеляхъ согражданъ, бѣжалъ онъ въ Рагузу. Прежніе тиранны, братья Медичи, сыновья Лоренцо Великолѣпнаго, вернулись во Флоренцію. Одинъ изъ нихъ, Джульяно, странный мечтатель, равнодушный къ власти и почестямъ, грустный и добрый чудакъ, большой любитель алхиміи, наслышавшись всякихъ чудесъ отъ пріютившагося у него полѣ бѣгства изъ Милана, Галеотто Сакробоско о сокровенныхъ знаніяхъ Леонардо, пригласилъ его къ себѣ на службу, не столько въ качествѣ художника, сколько алхимика.

Въ началѣ 1513 года маршалъ Джьянъ-Джьякопо Тривульціо вступилъ въ переговоры съ швейцарцами о выдачѣ маленькаго Моро. Ему грозила та же участь, какъ отцу его. Леонардо предвидѣлъ новый переворотъ въ Ломбардіи.

Въ послѣдніе годы начиналъ онъ чувствовать усталость отъ этихъ однообразныхъ и прихотливыхъ случайностей политики,—отъ вѣчнаго похмѣлья на чужихъ пирахъ. Воздвигать тріумфальныя арки, чинить пружины въ крыльяхъ обветшалыхъ ангеловъ надоѣло ему, и все чаще казалось, что пора бы этимъ ангеламъ такъ же, какъ ему—на покой.

Онъ рѣшилъ покинуть Миланъ и перейти на службу Медичи.

Умеръ папа Юлій II. Преемникомъ избранъ былъ Джіованни Медичи, подъ именемъ Льва X. Новый папа назначилъ брата своего Джульяно главнымъ капитаномъ и знаменосцемъ Римской Церкви, на должность, исполнявшуюся нѣкогда Цезаремъ Борджіа. Джульяно отправился въ Римъ. Леонардо долженъ былъ слѣдовать за нимъ туда же осенью.

За нѣсколько дней до его отъѣзда изъ Милана, на зарѣ той ночи, когда сожжены были сто тридцать девять колдуновъ и вѣдьмъ на площади Бролетто, монахи въ обители Санъ Франческо въ кельѣ фра Бенедетто нашли ученика Леонардо, Джіованни Бельтраффіо, лежавшимъ на полу въ безпамятствѣ.

Повидимому, это былъ припадокъ той же болѣзни, какъ пятнад-

цать лѣтъ назадъ, послѣ разсказа фра Паголо о смерти Савонаролы. Но на этотъ разъ Джіованни скоро оправился. Только иногда, въ равнодушныхъ глазахъ его, въ странно-неподвижномъ, точно мертвомъ лицѣ, мелькало выраженіе, которое внушало Леонардо большій страхъ за него, чѣмъ прежняя тяжелая болѣзнь.

Все еще сохраняя надежду спасти его, удаливъ отъ себя, отъ своего „дурного глаза“,—учитель совѣтовалъ ему остаться въ Миланѣ у фра Бенедетто, до совершеннаго выздоровленія. Но Джіованни молилъ не покидать его, взять съ собою въ Римъ, съ такимъ непреклоннымъ упорствомъ, съ такимъ тихимъ отчаяніемъ, что у Леонардо не хватило духу отказать.

Французскія войска приближались къ Милану. Чернь волновалась. Маленькій Моро губилъ себя ребяческимъ безразсудствомъ и своенравіемъ. Нельзя было медлить.

Какъ нѣкогда отъ Лоренцо Медичи къ Моро, отъ Моро къ Цезарю, отъ Цезаря къ Содерини, отъ Содерини къ Людовику XII, отправлялся теперь Леонардо къ новому покровителю, Джуліано Медичи,—со скучающей покорностью, продолжая, вѣчный скиталецъ, свои безнадежныя странствія.

„23 сентября 1513 года,—отмѣтилъ онъ въ дневникѣ своемъ съ обычною краткостью,—выѣхалъ я изъ Милана въ Римъ, съ Франческо Мельци, Салаино, Чезаре, Астро и Джіованни“.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Леонардо, Микель-Анжело и Рафаэль.

1513—1515.

> Терпѣніе для оскорбляемыхъ—то же, что платье для зябнущихъ: по мѣрѣ того, какъ холодъ усиливается, одѣвайся теплѣе,—и ты не почувствуешь холода. Точно также, во время великихъ обидъ, умножай терпѣніе,—и обида не коснется души твоей. — Ingiurie offendere non ti potranno la tua mente.
>
> *Леонардо да Винчи.*

I.

Пава Левъ X, вѣрный преданіямъ рода Медичи, съумѣлъ прослыть великимъ покровителемъ искусствъ и наукъ. Узнавъ о своемъ избраніи, онъ сказалъ брату своему, Джуліано Медичи:

— Насладимся же папскою властью, такъ какъ Богъ намъ ее даровалъ.

А любимый шутъ его, монахъ фра Маріано, съ философическою важностью, прибавилъ:

— Заживемъ, святый отче, въ свое удовольствіе, ибо все прочее вздоръ!

И папа окружилъ себя поэтами, музыкантами, художниками, учеными. Всякій, кто умѣлъ сочинять въ изобиліи, хотя бы посредственные, но гладкіе стихи могъ разсчитывать на жирную пребенду, на теплое мѣстечко у его святѣйшества. Наступилъ золотой вѣкъ подражателей-словесниковъ, для которыхъ была одна незыблемая вѣра—въ недосягаемое совершество прозы Цицерона и стиховъ Виргилія.

„Мысль о томъ, — говорили они,—что новые поэты могутъ превзойти древнихъ, есть корень всякаго нечестія“.

Пастыри душъ христіанскихъ избѣгали въ проповѣдяхъ называть Христа по имени, такъ какъ этого слова нѣтъ въ рѣчахъ Цицерона, монахинь звали весталками, Святой Духъ дыханіемъ верховнаго Юпитера и просили у папы разрѣшенія причислить Платона къ лику святыхъ.

Сочинитель „Азолани“, діалога о неземной любви, и неимовѣрно-цинической поэмы „Пріапъ“, будущій кардиналъ, Пьетро Бембо, признавался, что не читаетъ посланій апостола Павла, „epistolaccie“, какъ онъ выражался презрительно,—„дабы не испортить себѣ слога“.

Когда Францискъ I, послѣ побѣды надъ папою, требовалъ у него въ подарокъ недавно открытаго Лаокоона, Левъ X объявилъ, что скорѣе разстанется съ головой апостола, мощи коей хранились въ Римѣ, чѣмъ съ Лаокоономъ.

Папа любилъ своихъ ученыхъ и художниковъ, но едва ли не больше любилъ онъ своихъ шутовъ. Знаменитаго стихокропателя, обжору и пьяницу, Кверно, получившаго званіе „архипоэта“, вѣнчалъ въ торжественномъ тріумфѣ лавро-капустнымъ вѣнкомъ и осыпалъ его такими же щедротами, какъ Рафаэля Санціо. На роскошные пиры ученыхъ тратилъ огромные доходы съ Анконской Марки, Сполетто, Романьи; но самъ отличался умѣренностью, ибо желудокъ его святѣйшества плохо варилъ. Этотъ эпикуреецъ страдалъ неизлѣчимою болѣзнью — гнойною фистулою. И душу его, такъ же, какъ тѣло, разъѣдала тайная язва — скука. Онъ выписывалъ въ звѣринецъ свой рѣдкихъ животныхъ изъ далекихъ странъ, въ свое собраніе шутовъ—забавныхъ калѣкъ, уродовъ и помѣшанныхъ изъ больницъ. Но развлечь его не могли ни звѣри, ни люди. На праздникахъ и пиршествахъ, среди самыхъ веселыхъ шутокъ, съ лица его не исчезало выраженіе скуки и брезгливости.

Только въ политикѣ выказывалъ онъ свою истинную природу: былъ столь же холодно-жестокъ и клятвопреступенъ, какъ Борджіа.

Когда Левъ X лежалъ при смерти, всѣми покинутый,—монахъ фра Маріано, любимый шутъ его, едва ли не единственный изъ друзей, оставшійся вѣрнымъ ему до конца, человѣкъ добрый и благочестивый, видя, что онъ умираетъ, какъ язычникъ, умолялъ его со слезами: „вспомните о Богѣ, отче святый, вспомните о Богѣ!“.—Это была невольная, но самая злая насмѣшка надъ вѣчнымъ насмѣшникомъ.

Нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Римъ, въ пріемной папы, во дворцѣ Ватикана, Леонардо ожидалъ очереди, уже не въ первый разъ, такъ какъ добиться свиданія съ его святѣйшествомъ даже для тѣхъ, кого самъ онъ выразилъ желаніе видѣть, было трудно.

Леонардо слушалъ бесѣду придворныхъ о предполагаемомъ тріумфѣ папскаго любимца, чудовищнаго карлика Барабалло, котораго должны были водить по улицамъ на слонѣ, недавно присланномъ изъ Индіи. Разсказывали также о новыхъ подвигахъ фра Маріано, о томъ, какъ намедни за ужиномъ, въ присутствіи папы, вскочивъ на столъ, началъ онъ бѣгать, при общемъ хохотѣ, ударяя кардиналовъ и епископовъ по головамъ и перекидываясь съ ними жареными каплунами съ одного конца стола на другой, такъ что струи подливокъ текли по одеждамъ и лицамъ ихъ преподобій.

Пока Леонардо слушалъ этотъ разсказъ, изъ-за дверей пріемной послышалась музыка и пѣніе. На лицахъ, истомленныхъ ожиданіемъ, выразилось еще большее уныніе.

Папа былъ плохимъ, но страстнымъ музыкантомъ. Концерты, въ которыхъ онъ всегда самъ участвовалъ, длились безконечно, такъ что приходившіе къ нему по дѣламъ, при звукахъ музыки, впадали въ отчаяніе.

— Знаете ли, мессэре,— проговорилъ на ухо Леонардо, сидѣвшій рядомъ, непризнанный поэтъ съ голоднымъ лицомъ, тщетно ожидавшій очереди въ теченіе двухъ мѣсяцевъ,—знаете, какое есть средство добиться свиданія съ его святѣйшествомъ?— Объявить себя шутомъ. Мой старый другъ, знаменитый ученый Марко Мазуро, видя, что ученостью тутъ ничего не подѣлаешь, велѣлъ папскому камерьеру доложить о себѣ, какъ о новомъ Барабалло—и тотчасъ приняли его, и онъ получилъ все, чего желалъ.

Леонардо не послѣдовалъ доброму совѣту, не объявилъ себя шутомъ, и снова, не дождавшись очереди, ушелъ.

Въ послѣднее время испытывалъ онъ странныя предчувствія. Они казались ему безпричинными. Житейскія заботы, неудачи при дворѣ Льва X и Джуліано Медичи его не безпокоили:

онъ давно къ нимъ привыкъ. А между тѣмъ зловѣщая тревога все увеличивалась.—И особенно въ этотъ лучезарный осенній вечеръ, когда возвращался онъ домой изъ дворца, сердце его ныло, какъ передъ близкой бѣдой.

Во второй пріѣздъ жилъ онъ тамъ же, гдѣ и въ первый, при Александрѣ VI,—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ватикана, позади собора св. Петра, въ узкомъ переулкѣ, въ одномъ изъ маленькихъ, отдѣльныхъ зданій папскаго Монетнаго Двора. Зданіе было ветхое и мрачное. Послѣ отъѣзда Леонардо во Флоренцію, оставалось оно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ необитаемымъ,—отсырѣло и приняло еще болѣе мрачный видъ.

Онъ вошелъ въ обширный сводчатый покой, съ паукообразными трещинами на облупившихся стѣнахъ, съ окнами, упиравшимися въ стѣну сосѣдняго дома, такъ что, несмотря на ранній ясный вечеръ, здѣсь уже стемнѣло.

Въ углу, поджавъ ноги, сидѣлъ больной механикъ Астро, стругалъ какія-то палочки и, по обыкновенію, раскачиваясь, мурлыкалъ себѣ подъ носъ унылую пѣсенку:

Курлы́, курлы́.
Журавли да орлы,
Среди солнечной мглы,
Гдѣ не видно земли—
Журавли, журавли.
Курлы́, курлы́.

Сердце Леонардо еще сильнѣе заныло отъ вѣщей тоски.

— Что ты, Астро?—спросилъ онъ ласково, положивъ ему руку на голову.

— Ничего,—отвѣтилъ тотъ и посмотрѣлъ на учителя пристально, почти разумно, даже лукаво.—Я ничего. А вотъ Джіованни.—Ну, да вѣдь и ему такъ лучше.—Полетѣлъ...

— Что ты говоришь, Астро? Гдѣ Джіованни?—произнесъ Леонардо и понялъ вдругъ, что вѣщая тоска, которою ныло сердце его, была о немъ—о Джіованни.

Не обращая болѣе вниманія на учителя, больной началъ снова стругать.

— Астро,—приступилъ къ нему Леонардо и взялъ его за руку,—прошу тебя, другъ мой, вспомни, что́ ты хотѣлъ сказать. Гдѣ Джіованни? Слышишь, Астро, мнѣ очень нужно видѣть его сейчасъ!—Гдѣ онъ? Что́ съ нимъ?

— Да развѣ вы еще не знаете?—произнесъ больной.—Онъ тамъ, наверху.—Утолился... удалился...

Онъ видимо искалъ и не находилъ нужнаго звука, ускользавшаго изъ памяти. Это бывало съ нимъ часто. Онъ путалъ отдѣльные звуки и даже цѣлыя слова, употребляя одно вмѣсто другого.

— Не знаете?—прибавилъ онъ спокойно.—Ну, пойдемъ. Я покажу. Только не бойтесь. Такъ лучше.

Онъ всталъ и, неуклюже переваливаясь на костыляхъ, повелъ его по скрипучей лѣстницѣ.

Они взошли на чердакъ.

Здѣсь было душно отъ нагрѣтой солнцемъ, черепичной кровли; пахло птичьимъ пометомъ и соломою. Изъ слухового окна проникалъ косой, пыльный, красный лучъ солнца. Когда они вошли, испуганная стая голубей, съ шелестомъ крыльевъ, вспорхнула и улетѣла.

— Вотъ,—по прежнему спокойно молвилъ Астро, указывая въ глубину чердака, гдѣ было темно.

И Леонардо увидѣлъ, подъ одной изъ поперечныхъ толстыхъ балокъ, Джіованни, стоявшаго прямо, неподвижно, странно вытянувшагося и, какъ будто, глядѣвшаго на него въ упоръ широко разкрытыми глазами.

— Джіованни!—вскрикнулъ учитель и вдругъ поблѣднѣлъ, и голосъ его пресѣкся.

Онъ бросился къ нему, увидѣлъ страшно искаженное лицо, прикоснулся къ рукѣ его. Она была холодна. Тѣло качнулось: оно висѣло на крѣпкомъ шелковомъ шнуркѣ, одномъ изъ тѣхъ, какіе употреблялъ учитель для своихъ летательныхъ машинъ, привязанномъ къ новому желѣзному крюку, видимо недавно ввинченному въ балку. Тутъ же лежалъ кусокъ мыла, которымъ самоубійца, должно быть, намылилъ петлю.

Астро, снова забывшись, подошелъ къ слуховому окну и заглянулъ въ него.

Зданіе стояло на пригоркѣ. Съ вышины открывался видъ на черепичныя крыши, башни, колокольни Рима, на волнистую, какъ море, мутно-зеленую равнину Кампаньи въ лучахъ заходящаго солнца, съ длинными, черными, кое-гдѣ обрывавшимися, нитями римскихъ акведуковъ,—на горы Альбано, Фраскати, Рокка-ди-Папа, на чистое небо, гдѣ рѣяли ласточки.

Онъ смотрѣлъ, полузакрывъ глаза, и, съ блаженной улыбкой раскачиваясь, махалъ руками, точно крыльями:

Курлы, курлы,
Журавли, да орлы...

Леонардо хотѣлъ бѣжать, позвать на помощь, но не могъ пошевелиться и стоялъ, въ оцѣпенѣніи ужаса, между двумя учениками своими—мертвымъ и безумнымъ. . . . .
. . . .

Черезъ нѣсколько дней, разбирая бумаги покойнаго Бельтраффіо, учитель нашелъ среди нихъ дневникъ. Онъ прочелъ его внимательно.

*

Тѣхъ противорѣчій, отъ которыхъ Джіованни погибъ, Леонардо не понялъ, только почувствовалъ еще яснѣе, чѣмъ когда-либо, что былъ причиной этой гибели, что „сглазилъ“, „испортилъ“ его, отравилъ плодами Древа Познанія.

Особенно поразили его послѣднія строки дневника, писанныя, судя по разницѣ въ цвѣтѣ чернилъ и въ почеркѣ, послѣ многолѣтняго перерыва:

„Намедни, въ обители фра Бенедетто, монахъ, пріѣхавшій съ Аѳона, показывалъ мнѣ въ древнемъ пергаментномъ свиткѣ, въ раскрашенномъ заставномъ рисункѣ, Іоанна Предтечу Крылатаго. Такихъ изображеній въ Италіи нѣтъ. Оно взято съ греческихъ иконъ.—Члены тонки и длинны. Ликъ страненъ и страшенъ. Тѣло, покрытое мохнатой одеждой верблюжьяго волоса, кажется пернатымъ, какъ у птицы.—„Вотъ я посылаю Ангела Моего и онъ приготовитъ путь предо мною, и внезапно прійдетъ во храмъ свой Господь, котораго вы ждете, и Ангелъ завѣта, котораго вы желаете. Вотъ Онъ идетъ“. Пророкъ Малахія III, 1.—Но это не ангелъ, не духъ, а живой человѣкъ съ исполинскими крыльями“.

„Въ 1503 году, въ послѣдній годъ царствованія Багрянаго Звѣря, папы Александра VI Борджіа, августинскій монахъ Томасъ Швейницъ въ Римѣ говорилъ о полетѣ Антихриста:

— „И тогда сидящій на престолѣ во храмѣ Сіонскомъ Бога Всевышняго, Звѣрь, похитившій съ неба огонь, скажетъ людямъ: „О чемъ смущаетесь и чего хотите? О, родъ невѣрный и лукавый, знаменья хотите, и будетъ вамъ знаменье: се, узрите Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ“. Такъ скажетъ Онъ и возьметъ великія огненныя крылья, устроенныя хитростью бѣсовскою, и вознесется въ громахъ и молніяхъ, окруженный учениками своими въ образѣ ангеловъ, и полетитъ“.

Далѣе слѣдовали отрывочныя, писанныя видимо дрожавшею рукою, во многихъ мѣстахъ зачеркнутыя слова:

„Подобіе Христа и Антихриста—совершенное подобіе. Ликъ Антихриста въ ликѣ Христа, ликъ Христа въ ликѣ Антихриста. Кто отличитъ? Кто не соблазнится? Послѣдняя тайна—послѣдняя скорбь, какой не бывало въ мірѣ“.

„Въ Орвіетскомъ Соборѣ, въ картинѣ Лука Синьорелли—развѣваемыя вѣтромъ, складки въ одеждѣ Антихриста, летящаго въ бездну. И точно такія же складки, похожія на крылья исполинской птицы—за плечами Леонардо, когда стоялъ онъ у края пропасти, на вершинѣ Монте-Альбано, надъ селеніемъ Винчи“.

На послѣдней страницѣ, въ самомъ низу опять другимъ почеркомъ, должно быть, снова послѣ долгаго перерыва, было написано:

„Бѣлая Дьяволица — всегда, вездѣ. Будь она проклята! Послѣдняя тайна: два—едино. Христосъ и Антихристъ—едино. Небо вверху и небо внизу.—Да не будетъ, да не будетъ сего — лучше смерть. Предаю душу мою въ руки Твои, Боже мой. Суди меня“.

Дневникъ Бельтраффіо кончался этими словами. И Леонардо понялъ, что они были написаны наканунѣ или въ самый день смерти Джіованни.

II.

Въ одномъ изъ пріемныхъ покоевъ Ватикана, въ такъ называемой „Станца дэлла Сеньятура“, съ недавно оконченною стѣнописью Рафаэля, подъ фрескою, изображавшею бога Аполлона среди музъ на Парнассѣ, сидѣлъ папа Левъ X, окруженнюй сановниками римской церкви, учеными, поэтами, фокусниками, карликами, шутами.

Огромное тѣло его, бѣлое, пухлое, какъ у старыхъ женщинъ, страдающихъ водянкою,—лицо, толстое, круглое, блѣдное, съ бѣлесоватыми лягушечьими глазами на выкатѣ, были безобразны; однимъ глазомъ почти совсѣмъ не видѣлъ онъ, другимъ видѣлъ плохо, и когда ему надо было что-нибудь разсмотрѣть, употреблялъ, вмѣсто приближающаго стекла, граненый берилловый очекъ— „окіале“; въ зрячемъ глазу свѣтился умъ холодный, ясный и безнадежно-скучающій. Гордостью папы были руки его, дѣйствительно красивыя: при каждомъ удобномъ случаѣ, выставлялъ онъ ихъ на показъ и хвасталъ ими, такъ же, какъ своимъ пріятнымъ голосомъ.

Послѣ дѣлового пріема, святой отецъ отдыхалъ, бесѣдуя съ приближенными о двухъ новыхъ поэмахъ.

Обѣ написаны были безукоризненно - изящными латинскими стихами въ подражаніе Энеидѣ Виргилія. Одна подъ заглавіемъ „Христіада“—переложеніе Евангелія, съ моднымъ въ тѣ времена смѣшеніемъ христіанскихъ и языческихъ образовъ: такъ, Святое Причастіе называлось „божественною пищею, скрытою для слабаго зрѣнія людей подъ видомъ Цереры и Вакха“, то-есть, хлѣба и вина; Діана, Ѳетида, Эолъ оказывали услуги Божіей Матери когда архангелъ Гавріилъ благовѣствовалъ въ Назаретѣ, Меркурій подслушивалъ у двери и затѣмъ передавалъ эту вѣсть собранію олимпійцевъ, совѣтуя принять рѣшительныя мѣры.

Другая поэма Фракастора, озаглавленная „Siphilis“, посвященная будущему кардиналу Пьетро Бембо, тому самому, который избѣгалъ читать посланія апостола Павла, дабы „не испортить себѣ слога“, воспѣвала столь же безупречными стихами во вкусѣ

Виргилія французскую болѣзнь и способы ея лѣченія сѣрными ваннами и ртутною мазью. Происхожденіе болѣзни объяснялось, между прочимъ, тѣмъ, что однажды въ древнія времена нѣкій пастухъ, по имени Siphilus, своими насмѣшками прогнѣвалъ бога Солнца, который наказалъ его этимъ недугомъ, не уступавшимъ никакому лѣченію, пока нимфа Америка не посвятила его въ свои таинства и не привела къ рощѣ цѣлебныхъ Гвайяковыхъ деревьевъ, сѣрному источнику и ртутному озеру. Впослѣдствіи испанскіе путешественники, переплывъ океанъ и открывъ Новыя Земли, гдѣ обитала нимфа Америка, также оскорбили бога Солнца, застрѣливъ на охотѣ посвященныхъ ему птицъ, изъ коихъ одна провѣщала человѣчьимъ голосомъ что за это святотатство Аполлонъ пошлетъ имъ французскую болѣзнь.

Папа прочелъ наизусть нѣсколько отрывковъ изъ обѣихъ поэмъ. Особенно удалась ему рѣчь Меркурія передъ богами Олимпа о благовѣстіи Архангела и любовная жалоба пастуха Сифила, обращенная къ нимфѣ Америкѣ.

Когда, при шопотѣ восторженныхъ похвалъ и почтительно-сдержанныхъ, какъ бы нечаянно сорвавшихся, рукоплесканіяхъ онъ кончилъ, ему доложили о Микель-Анжело, недавно пріѣхавшемъ изъ Флоренціи.

Папа немного нахмурился, но тотчасъ же велѣлъ его принять.

Сумрачный Буонаротти внушалъ Льву X чувство, подобное страху. Онъ предпочиталъ веселаго, готоваго на все, покладистаго, „добраго малаго", Рафаэля.

Папа принялъ Микель-Анжело, со своею неизмѣнною скучающею любезностью. Но, когда художникъ заговорилъ о дѣлѣ, въ которомъ считалъ себя смертельно обиженнымъ—о данномъ ему и внезапно отнятомъ, заказѣ новаго мраморнаго фасада флорентинской церкви Санъ-Лоренцо, святой отецъ замялъ разговоръ и, привычнымъ движеніемъ вставивъ въ свой зрячій глазъ берилловый очекъ, посмотрѣлъ на него съ добродушіемъ, подъ которымъ скрывалось насмѣшливое лукавство, и молвилъ:

— Мессэръ Микель-Анжело, есть у насъ одно дѣло, о которомъ мы хотѣли бы знать твое мнѣніе: братъ нашъ, герцогъ Джульяно, совѣтуетъ намъ воспользоваться для какой-либо работы твоимъ землякомъ, флорентинцемъ Леонардо да Винчи. Скажи, сдѣлай милость, чтó ты думаешь о немъ, и какую работу было бы всего пристойнѣе поручить этому художнику?

Угрюмо потупивъ глаза и, по обыкновенію, мучаясь подъ устремленными на него, любопытными взорами отъ непреодолимой робости и сознанія своего уродства, Микель-Анжело молчалъ. Но папа въ берилловый очекъ смотрѣлъ на него пристально, ожидая отвѣта.

— Вашему святѣйшеству,—произнесъ наконецъ Буонаротти,—можетъ быть, неизвѣстно, что многіе считаютъ меня врагомъ мессэра Да Винчи. Правда это, или нѣтъ,—я полагаю, что мнѣ всего менѣе прилично быть судьею въ этомъ дѣлѣ и высказывать какое бы то ни было мнѣніе, дурное или хорошее.

— Клянусь Вакхомъ,—оживляясь и, видимо, готовя что-то забавное, воскликнулъ папа,—если бы даже это было дѣйствительно такъ, тѣмъ болѣе желали бы мы знать твое мнѣніе о мессэрѣ Леонардо, ибо другого кого, а тебя не считаемъ способнымъ къ пристрастію и не сомнѣваемся, что въ сужденіи о врагѣ съумѣешь ты выказать благородство, не меньшее, чѣмъ въ сужденіи о другѣ. Но никогда, никогда я не вѣрилъ и не повѣрю тому, что вы въ самомъ дѣлѣ—враги. Полно! Такіе художники, какъ ты и онъ, не могутъ не быть выше мелкаго тщеславія. И чтó вамъ дѣлить, изъ-за чего соперничать? А если и было между вами что-нибудь,—зачѣмъ объ этомъ вспоминать? Не лучше ли житъ въ мирѣ? Говорятъ, въ согласіи малое растетъ, въ раздорѣ великое умаляется. И неужели, сынъ мой, если бы я, твой отецъ, пожелалъ соединить ваши руки, неужели ты отказалъ бы мнѣ,—не подалъ бы ему руки своей?

Глаза Буонаротти блеснули. Какъ это часто бывало съ нимъ, робость мгновенно превратилась въ ярость.

— Я не подаю руки измѣнникамъ!—проговорилъ онъ глухо и отрывисто, едва владѣя собою.

— Измѣнникамъ?—подхватилъ папа, еще болѣе оживляясь.—Тяжкое обвиненіе, Микель-Анжело, тяжкое, и мы увѣрены, что ты не рѣшился бы высказать его, не имѣя доказательствъ...

— Никакихъ доказательствъ нѣтъ у меня, да ихъ и не надо! Я говорю то, чтò знаютъ всѣ. Пятнадцать лѣтъ былъ онъ прихвостнемъ герцога Моро, того, кто первый призвалъ на Италію варваровъ и предалъ имъ отечество. Когда же Господь наказалъ тирана заслуженною казнью, и онъ погибъ, Леонардо перешелъ на службу къ еще большему негодяю—къ Цезарю Борджіа, и, будучи гражданиномъ Флоренціи, снималъ военныя карты съ Тосканы, дабы облегчить врагу завоеваніе собственной родины.

— Не судите, да не судимы будете,—молвилъ папа съ тихою усмѣшкою.—Ты забываешь, другъ мой, что мессэръ Леонардо—не воинъ, не государственный мужъ, а только художникъ. Служители вольныхъ Камёнъ не имѣютъ ли права на бóльшую свободу, чѣмъ прочіе смертные? Какое дѣло до политики, до вражды народовъ и государей—вамъ, художникамъ, обитателямъ области высшей, гдѣ нѣтъ ни рабовъ, ни свободныхъ, ни іудея, ни эллина, ни варвара, ни скиѳа, но всяческая и во всѣхъ—Аполлонъ? По-

добно древнимъ философамъ не могли бы ли и вы назвать себя гражданами вселенной, для коихъ, гдѣ хорошо—тамъ и отечество?

— Извините меня, ваше святѣйшество,—прервалъ его Микель-Анжело почти съ грубостью.—Я человѣкъ простой, не словесный, тонкостей философическихъ не разумѣю. Бѣлое привыкъ называть бѣлымъ, черное—чернымъ. И презрѣннѣйшимъ изъ негодяевъ кажется мнѣ тотъ, кто не чтитъ своей матери, отрекается отъ родины. Я знаю—мессэръ Леонардо считаетъ себя выше всѣхъ законовъ человѣческихъ. Но по какому праву? Онъ все обѣщаетъ, собирается міръ удивить чудесами. Не пора ли и за дѣло? Гдѣ они, чудеса его и знаменія? Ужъ не эти ли шутовскія крылья, на которыхъ вздумалъ летѣть одинъ изъ учениковъ его и, какъ дуракъ, сломалъ себѣ шею? Доколѣ же намъ вѣрить ему на слово? Не въ правѣ ли и мы, простые смертные, усумниться и полюбопытствовать, что̀ же такое скрывается наконецъ подъ всѣми загадками его и тайнами?—Э, да что говорить. Въ старину, бывало, проходимцевъ такъ и величали проходимцами, негодяевъ—негодяями, а нынче зовутъ ихъ мудрецами, гражданами вселенной, и скоро, кажется, не будетъ такого шута и бездѣльника, который бы не корчилъ изъ себя бога Гермеса Триждывеликаго и титана Прометея!

Папа, уставившись на Микель-Анжело своими свѣтлыми лягушичьими глазами, спокойно и холодно наблюдалъ его, и, размышляя о тщетѣ всего земного, о суетѣ суетствій, созерцалъ уничиженіе гордаго, ничтожество великаго. Онъ уже мечталъ о томъ, какъ бы свести обоихъ соперниковъ, натравить ихъ другъ на друга, устроить зрѣлище невиданное, вродѣ пѣтушинаго боя въ исполинскихъ размѣрахъ—философскую потѣху, которой бы онъ, любитель всего рѣдкаго и чудовищнаго, наслаждался, съ такимъ же эпикурейскимъ, немного брезгливымъ и скучающимъ любопытствомъ, какъ дракой шутовъ своихъ, калѣкъ, юродивыхъ, обезьянъ и карликовъ.

— Сынъ мой,—произнесъ онъ съ тихимъ, грустнымъ вздохомъ,—я вижу теперь, что вражда, которой до сей поры не хотѣлось намъ вѣрить, дѣйствительно есть между вами, и удивленъ, да, признаюсь, удивленъ и опечаленъ сужденіемъ твоимъ о мессэрѣ Леонардо. Какъ же такъ, Микель-Анжело, помилуй! Мы слышали о немъ столько хорошаго,—не говоря уже о великомъ искусствѣ и учености,—сердце, говорятъ, у него такое доброе, что, не только людей, но и тварей безсловесныхъ, даже растенія жалѣетъ онъ, не позволяетъ, чтобы люди причиняли имъ какой-либо вредъ,—подобно мудрецамъ индійскимъ, именуемыхъ гимнософистами, о коихъ путешественники разсказываютъ намъ столько чудеснаго.

Микель-Анжело молчалъ, отвернувшись. Лицо его порой искажалось злобною судорогой. Онъ чувствовалъ, что папа надъ нимъ издѣвается. Стоявшій рядомъ и внимательно слѣдившій за бесѣдою, Пьетро Бембо, понялъ, что шутка можетъ плохо кончиться, что Буонаротти неудобенъ для игры, затѣянной папою. Ловкій царедворецъ вступился тѣмъ охотнѣе, что и самъ не долюбливалъ Леонардо, по слухамъ, за его насмѣшки надъ словесниками, „подражателями древнихъ“, „воронами въ чужихъ перьяхъ“.

— Ваше святѣйшество,—произнесъ онъ,—можетъ быть, въ словахъ мессэра Микель-Анжело есть доля правды; по крайней мѣрѣ, о Леонардо ходятъ слухи, столь противорѣчивые, что въ самомъ дѣлѣ не знаешь порой, чему вѣрить. Тварей, говорятъ, милуетъ, отъ мяса не вкушаетъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, изобрѣтаетъ смертоносныя орудія для истребленія рода человѣческаго и любитъ провожать преступниковъ на казнь, наблюдая въ ихъ лицахъ выраженіе послѣдняго ужаса. Я слышалъ также, что ученики его и Маркъ-Антоніо для анатомическихъ сѣченій не только воровали трупы изъ больницъ, но откапывали ихъ изъ земли на христіанскихъ кладбищахъ.—Кажется, впрочемъ, во всѣ времена великимъ ученымъ свойственны были необычайныя странности. Такъ древніе повѣствуютъ о знаменитыхъ александрійскихъ естествоиспытателяхъ Эразистратѣ и Герофилѣ, которые, будто бы, производили свои анатомическія сѣченія надъ живыми людьми, преступниками, осужденными на казнь, оправдывая жестокость къ людямъ любовью къ знанію, о чемъ свидѣтельствуетъ Цельзій: „Herophylus homines odit ut nosset. Герофилъ людей ненавидѣлъ, чтобы знать“.

— Молчи, молчи, Пьеро! Съ нами сила Господня, — остановилъ его папа уже въ непритворномъ смятеніи.—Живыхъ людей рѣзать—славная наука, нечего сказать!—Никогда не смѣй намъ говорить объ этихъ мерзостяхъ. И ежели мы только узнаемъ, что Леонардо...

Онъ не кончилъ и набожно перекрестился. Все толстое, пухлое тѣло его заколыхалось.

Будучи скептикомъ, Левъ X въ то же время былъ суевѣренъ, какъ старая женщина. Въ особенности же боялся черной магіи. Одной рукой награждая сочинителей такихъ поэмъ, какъ „Сифилисъ“ и „Пріапъ“, другою скрѣплялъ полномочія великаго инквизитора, фра Джіорджіо да-Казале для борьбы съ колдунами и вѣдьмами.

Услышавъ о кражѣ мертвыхъ тѣлъ изъ могилъ, вспомнилъ онъ только что полученный доносъ, на который сперва не обратилъ вниманія,—одного изъ людей Джуліяно Медичи, нѣмецкаго зеркальщика Іоганна, жившаго въ домѣ Леонардо и обвинявшаго

мастера въ томъ, что, подъ предлогомъ анатоміи, на самомъ дѣлѣ для черной магіи, вырѣзываетъ онъ человѣческіе зародыши изъ труповъ беременныхъ женщинъ.

Ужасъ папы длился впрочемъ не долго: по уходѣ Микель-Анжело, устроенъ былъ концертъ, въ которомъ особенное удалась его святѣйшеству трудная арія, что всегда приводило его въ доброе расположеніе духа. Затѣмъ, во время полдника, учреждая въ шутовскомъ совѣтѣ порядокъ тріумфальнаго шествія карлика Барабалло на слонѣ, онъ окончательно развлекся и забылъ о Леонардо.

Но на слѣдующій день настоятель Санъ-Спирито, гдѣ въ монастырской больницѣ художникъ занимался анатоміей, получилъ строжайшее внушеніе—не давать ему труповъ, не пускать въ больничные покои, вмѣстѣ съ напоминаніемъ буллы Бонифація VIII „De sepulturis“, запрещавшей, подъ страхомъ церковнаго отлученія, вскрытіе человѣческихъ тѣлъ, безъ вѣдома Апостолической Куріи.

III.

Послѣ смерти Джіованни, Леонардо сталъ тяготиться пребываніемъ въ Римѣ.

Неизвѣстность, ожиданіе, вынужденное бездѣйствіе раздражали его. Обычныя занятія—книги, машины, опыты, живопись—опротивѣли.

Въ долгіе, осенніе вечера, когда въ домѣ, теперь еще болѣе мрачномъ, наединѣ съ безумнымъ Астро и тѣнью Джіованни, становилось ему слишкомъ жутко, уходилъ онъ въ гости къ мессэру Франческо Веттори, флорентинскому посланнику, который переписывался съ Никколò Макіавелли, разсказывалъ о немъ и давалъ читать его письма художнику.

Судьба по прежнему преслѣдовала Никколò. Мечта всей жизни его—созданное имъ народное ополченіе, отъ котораго ждалъ онъ спасенія Италіи, оказалось никуда не годнымъ: при осадѣ Прато въ 1512 году, подъ первыми испанскими ядрами разбѣжалось оно на глазахъ его, какъ стадо барановъ. Когда вернулись Медичи, Макіавелли отставили отъ должности, „низложили, удалили и лишили всего“. Вскорѣ затѣмъ открытъ былъ заговоръ для возстановленія республики и низверженія тирановъ. Никколò въ немъ участвовалъ. Его схватили, судили, пытали, четыре раза подымали на виску. Пытки вынесъ онъ съ мужествомъ, котораго, по собственному признанію, „не ожидалъ отъ себя“. Отпустивъ на поруки, оставили его подъ надзоромъ и запретили въ теченіе года переѣзжать границу Тосканы. Онъ впалъ въ

такую нищету, что долженъ былъ покинуть Флоренцію и поселиться на маленькомъ наслѣдственномъ клочкѣ земли въ горномъ селеніи, близъ Санъ-Кашьяно, миляхъ въ десяти отъ города, по Римской дорогѣ. Но и здѣсь, послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ бѣдствій, не угомонился: изъ пламеннаго республиканца обернулся вдругъ столь же пламеннымъ другомъ тирановъ, съ искренностью, свойственной ему въ этихъ внезапныхъ превращеніяхъ, переходахъ отъ одной крайности къ другой. Еще сидя въ тюрьмѣ, обращался онъ къ Медичи съ покаянными и хвалебными посланіями въ стихахъ. Въ книгѣ „О государѣ",—посвященной Лоренцо Великолѣпному, племяннику Джульяно, — предлагалъ, какъ высшій образецъ государственной мудрости, Цезаря Борджіа, тогда уже умершаго въ изгнаніи, нѣкогда имъ же самимъ столь жестоко развѣнчаннаго и теперь снова окруженнаго ореоломъ почти сверхчеловѣческаго величія, сопричисленнаго къ лику безсмертныхъ героевъ. Въ тайнѣ чувствовалъ Макіавелли, что самъ себя обманываетъ, что мѣщанское самодержавіе Медичи столь же противно ему, какъ мѣщанская республика Содерини; но, уже не въ силахъ будучи отказаться отъ этой послѣдней мечты, онъ хватался за нее, какъ утопающій за соломенку. Больной, одинокій, съ незажившими на рукахъ и ногахъ, рубцами отъ веревокъ, которыми вздергивали его на дыбу, молилъ онъ Веттори похлопотать за него у папы, у Джульяно, достать ему „хоть какое-нибудь мѣстечко, потому что бездѣйствіе для него страшнѣе смерти: только бы приняли его опять на службу, —онъ готовъ на всякую работу, хоть камни ворочать".

Чтобы не надоѣсть покровителю вѣчными просьбами и жалобами, Никколó старался иногда позабавить его шутками, разсказами о своихъ любовныхъ похожденіяхъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ, отецъ голодной семьи, онъ былъ или притворялся влюбленнымъ, какъ школьникъ. „Я отложилъ въ сторону, — писалъ онъ,—всѣ умныя, важныя мысли: ни повѣствованія о подвигахъ древности, ни разговоры о современной политикѣ не занимаютъ меня: я люблю".

Когда Леонардо читалъ эти игривыя посланія, на память ему приходили слова Никколó, однажды сказанныя имъ въ Романьѣ, при выходѣ изъ игорнаго притона, гдѣ кривлялся онъ, какъ шутъ, передъ испанскою сволочью: „Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ". Порой и въ этихъ письмахъ, среди эпикурейскихъ совѣтовъ, любовныхъ изліяній и безстыдно-циническаго смѣха надъ самимъ собою, вырывался у него крикъ отчаянія:

„Неужели ни одна живая душа не вспомнитъ обо мнѣ? Если вы еще любите меня, мессэръ Франческо, какъ любили когда-то, то не могли бы видѣть, безъ негодованія, ту безславную жизнь, которой я теперь живу".

Въ другомъ письмѣ описывалъ онъ такъ свою жизнь:

„Охота на дроздовъ была доселѣ главнымъ моимъ развлеченіемъ. Я вставалъ до свѣта, собственноручно прилаживалъ силки и выходилъ изъ дому, нагруженный клѣтками, уподобляясь Гэтѣ вольноотпущеннику, который съ книгами Амфитріона возвращается изъ гавани. Обыкновенно я бралъ не меньше двухъ, не болѣе шести дроздовъ.—Такъ провелъ я сентябрь. Потомъ и этой забавы не стало, и, сколь ни была она глупа—я пожалѣлъ о ней.

„Теперь встаю нѣсколько позже, отправляюсь въ рощу мою, которую рубятъ, и остаюсь въ ней часа два, осматривая вчерашнюю работу, болтая съ дровосѣками. Затѣмъ иду къ колодцу; оттуда въ лѣсъ, гдѣ прежде охотился. Со мной всегда какая-нибудь книга—Данте, Петрарка, Тибуллъ или Овидій. Читая ихъ страстныя жалобы, я думаю о собственныхъ дѣлахъ сердечныхъ и нахожу недолгое, но сладкое забвеніе въ этихъ грезахъ. Потомъ иду въ гостинницу на большой дорогѣ, бесѣдую съ проѣзжими, слушаю новости, наблюдаю человѣческіе вкусы, привычки и прихоти. Когда наступаетъ обѣденный часъ, возвращаюсь домой, сажусь за столъ съ домочадцами, утоляю голодъ тѣми скромными блюдами, которыя дозволяютъ мнѣ скудные доходы съ земли моей. Послѣ обѣда опять бреду въ гостинницу. Тутъ уже въ сборѣ цѣлое общество, хозяинъ, мельникъ, мясникъ, двое пекарей. Всю остальную часть дня провожу съ ними, играя въ шашки, кости, крикку. Споримъ, горячимся, ругаемся, большею частью изъ-за какого-нибудь гроша, и такъ шумимъ, что слышно въ Санъ-Кашьяно.

„Вотъ, въ какой грязи я утопаю, заботясь объ одномъ, какъ бы не заплѣсневѣть окончательно, или съ ума не сойти отъ скуки, предоставляя, впрочемъ, судьбѣ топтать меня ногами, дѣлать со мною все, чтó ей угодно, дабы знать наконецъ, есть ли предѣлъ ея безстыдству.

„Вечеромъ иду домой. Но передъ тѣмъ, чтобы запереться въ комнатѣ, снимаю съ себя грязное, будничное платье, надѣваю придворныя или сенаторскія одежды и въ этомъ пристойномъ нарядѣ вступаю въ чертоги древности, гдѣ великіе мудрецы и герои встрѣчаютъ меня съ благосклонностью, гдѣ питаюсь я пищею, для которой единственно созданъ, — не смущаясь, бесѣдую съ ними, спрашиваю, узнаю причины ихъ дѣйствій, и, по добротѣ своей, они отвѣчаютъ мнѣ, какъ равному. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ я не скучаю, не боюсь ни бѣдности, ни смерти, забываю всѣ мои страданія и весь живу въ прошедшемъ. Потомъ записываю все, чтó узналъ отъ нихъ, и сочиняю такимъ образомъ книгу „*О Государѣ*“.

IV.

Читая письма эти, Леонардо чувствовалъ, какъ Никколо́, несмотря на всю свою противоположность, все-таки близокъ ему. Онъ вспоминалъ его пророчество, что судьба у нихъ общая, что оба они останутся навѣки бездомными скитальцами въ этомъ мірѣ, гдѣ „нѣтъ никого, кромѣ черни". Въ самомъ дѣлѣ, жизнь Леонардо въ Римѣ была такая же „безславная", какъ жизнь Макіавелли въ захолустьи Санъ-Кашьяно — та же скука, то же одиночество, вынужденное бездѣйствіе, которое страшнѣе всякой пытки, то же сознаніе силы своей и ненужности людямъ. Такъ же, какъ Никколо́, предоставлялъ онъ судьбѣ топтать его ногами, дѣлать съ нимъ все, что ей угодно, только съ еще бо́льшею покорностью, не желая даже знать, есть ли предѣлъ ея безстыдству, ибо давно уже увѣрился онъ, что этого предѣла вовсе нѣтъ.

Левъ X, занятый тріумфомъ шута Барабалло, все еще не удосужился принять Леонардо и, чтобы отдѣлаться отъ него, поручилъ ему усовершенствовать чеканный станокъ на папскомъ Монетномъ Дворѣ. По обыкновенію, не брезгая никакою работою, даже самою скромною, художникъ исполнилъ этотъ заказъ въ совершенствѣ,—изобрѣлъ такую машину, что монеты, прежде съ неровными, зазубренными краями, теперь выходили безукоризненно-круглыми.

Въ это время дѣла его, вслѣдствіе прежнихъ долговъ, были въ такомъ разстройствѣ, что бо́льшая часть жалованія уходила на уплату процентовъ. Если бы не помощь Франческо Мельци, который получилъ отъ отца наслѣдство, Леонардо терпѣлъ бы крайнюю нужду.

Лѣтомъ 1514 года заболѣлъ онъ римской маларіей. Это была первая трудная болѣзнь во всю его жизнь. Лѣкарствъ не принималъ, врачей не допускалъ къ себѣ. Одинъ Франческо ухаживалъ за нимъ, и съ каждымъ днемъ Леонардо привязывался къ нему все болѣе и болѣе, цѣнилъ простую любовь его, и порой казалось учителю, что Богъ послалъ ему въ немъ послѣдняго друга, ангела-хранителя, посохъ бездомной старости.

Художникъ чувствовалъ, что о немъ забываютъ и дѣлалъ иногда напрасныя попытки напомнить о себѣ. Больной, писалъ онъ своему покровителю, Джуліано Медичи привѣтственныя письма, съ обычною въ тѣ времена, плохо ему удававшеюся, придворною любезностью:

„Когда узналъ я о вашемъ столь желанномъ выздоровленіи, знаменитѣйшій государь мой, радость моя была столь велика, что она меня самого исцѣлила, какъ бы чудомъ—воскресила изъ мертвыхъ".

Къ осени маларія прошла. Но все еще оставалось недомоганіе и слабость. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, послѣ смерти Джіованни—опустился Леонардо, постарѣлъ, какъ будто за долгіе годы.

Странное малодушіе, тоска, подобная смертельной усталости, овладѣвали имъ все чаще.

Повидимому съ жаромъ, и принимался, онъ иногда за какое-нибудь, прежде любимое, дѣло—математику, анатомію, живопись, летательную машину—но тотчасъ бросалъ; принимался за другое, чтобы и его покинуть съ отвращеніемъ.

Въ самые черные дни свои вдругъ увлекался дѣтскими забавами.

Тщательно вымытыя и высушенныя бараньи кишки, такія мягкія и тонкія, что онѣ могли бы умѣститься въ горсти руки, соединялъ черезъ стѣну съ кузнечными мѣхами, спрятанными въ сосѣдней комнатѣ, и, когда раздувались онѣ исполинскими пузырями, такъ что испуганный зритель долженъ былъ отступать и жаться въ уголъ,—сравнивалъ ихъ съ добродѣтелью, которая тоже въ началѣ кажется малою, презрѣнною, но, постепенно разростаясь, наполняетъ міръ.

Огромную ящерицу, найденную въ саду Бельведера, облѣпилъ красивыми рыбьими и змѣиными чешуями, придѣлалъ ей рога, бороду, глаза, крылья, наполненныя ртутью, трепетавшія при каждомъ движеніи звѣря, посадилъ его въ ящикъ, приручилъ и сталъ показывать гостямъ, которые, принимая это чудовище за дьявола, отпрядывали въ ужасѣ.

Или изъ воска лѣпилъ маленькихъ сверхъестественныхъ животныхъ съ крыльями, наполнялъ ихъ теплымъ воздухомъ, отъ чего они дѣлались такими легкими, что подымались и рѣяли. А Леонардо, наслаждаясь удивленіемъ или суевѣрнымъ страхомъ зрителей, торжествовалъ—и въ суровыхъ морщинахъ лица его, въ тусклыхъ, печальныхъ глазахъ мелькало вдругъ что-то простодушное, дѣтски-веселое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое жалкое въ этомъ старомъ, усталомъ лицѣ, что сердце у Франческо обливалось кровью.

Однажды нечаянно услышалъ онъ, какъ Чезаре да-Сэсто говорилъ, провожая гостей, когда учитель вышелъ изъ комнаты:

— Такъ-то, мессэры. Вотъ какими игрушками нынче мы занимаемся. Что грѣха таить?—Старичокъ-то нашъ изъ ума выжилъ, въ дѣтство впалъ, бѣдненькій. Началъ съ крыльевъ человѣческихъ, кончилъ летающими восковыми куколками. Гора мышь родила!

И потомъ прибавилъ, разсмѣявшись своимъ злобнымъ, принужденнымъ смѣхомъ:

— Удивляюсь я папѣ: вѣдь въ чемъ другомъ, а въ шутахъ

да юродивыхъ знаетъ онъ, кажется, толкъ. Мессэръ Леонардо истинный кладъ для него. Они точно созданы другъ для друга. Право же, синьоры, похлопочите-ка за мастера, чтобы святой отецъ принялъ его на службу. Не бойтесь, останется доволенъ. Старикъ нашъ съумѣетъ его утѣшить лучше самого фра-Марьяно и даже карлика Барабалло!

Эта шутка была ближе къ истинѣ, чѣмъ можно было думать: когда слухи о фокусахъ Леонардо, о бараньихъ кишкахъ, раздуваемыхъ кузнечными мѣхами, о крылатой ящерицѣ и летающихъ восковыхъ изваніяхъ, дошли до Льва X, ему такъ захотѣлось видѣть ихъ, что даже страхъ, внушаемый колдовствомъ и безбожіемъ Леонардо, папа готовъ былъ забыть. Ловкіе царедворцы давали понять художнику, что наступило время дѣйствовать, что судьба посылаетъ ему случай сдѣлаться соперникомъ не только Рафаэля, но и самого Барабалло въ милостяхъ его святѣйшества. Но Леонардо снова, какъ уже столько разъ въ жизни, не внялъ совѣту мудрости житейской, не съумѣлъ воспользоваться случаемъ и ухватиться вд-время за колесо Фортуны.

Угадывая чутьемъ, что Чезаре—врагъ Леонардо, Франческо предостерегалъ учителя. Но тотъ не вѣрилъ.

— Оставь его, не трогай,—заступался онъ за Чезаре.—Ты не знаешь, какъ онъ любитъ меня, хотя и желалъ бы ненавидѣть. Онъ такой же несчастный, даже несчастнѣе, чѣмъ...

Леонардо не кончилъ. Но Мельци понялъ, что онъ хотѣлъ сказать: несчастнѣе, чѣмъ Джіованни Бельтраффіо.

— И мнѣ ли судить его?—продолжалъ учитель.—Я, можетъ быть, самъ виноватъ передъ нимъ.

— Вы—передъ Чезаре?—изумился Франческо.

— Да, другъ мой. Ты этого не поймешь.—Но мнѣ кажется иногда, что я сглазилъ, испортилъ его, потому что, видишь ли, мальчикъ мой, у меня, должно быть, въ самомъ дѣлѣ дурной глазъ...

И немного подумавъ, прибавилъ онъ, съ тихою, доброю улыбкою:

— Оставь его, Франческо, и не бойся: онъ не сдѣлаетъ мнѣ зла и никуда не уйдетъ отъ меня, никогда не измѣнитъ. А что возсталъ онъ и борется со мной, то вѣдь это—за душу свою, за свободу, потому что онъ ищетъ себя, хочетъ быть самимъ собою. И пусть! Помоги ему Господь, — ибо, я знаю, когда онъ побѣдитъ, то вернется ко мнѣ, проститъ меня, пойметъ, какъ я его люблю, и тогда я дамъ ему все, чтó имѣю,—открою всѣ тайны искусства и науки, чтобы онъ, послѣ смерти моей, проповѣдалъ ихъ людямъ. Потому что, если не онъ, то кто же?

Еще лѣтомъ, во время болѣзни Леонардо, Чезаре цѣлыми недѣлями пропадалъ изъ дому. Осенью исчезъ онъ окончательно и болѣе не возвращался.

Замѣтивъ его отсутствіе, Леонардо спросилъ о немъ Франческо. Тотъ потупилъ глаза въ смущеніи и отвѣтилъ, что Чезаре уѣхалъ въ Сіену для исполненія спѣшнаго заказа.

Франческо боялся, что Леонардо станетъ разспрашивать, почему уѣхалъ онъ, не простившись. Но, повѣривъ или притворяясь, что вѣритъ неискусной лжи, учитель заговорилъ о другомъ. Только углы губъ его дрогнули и опустились, съ тѣмъ выраженіемъ горькой брезгливости, которое все чаще въ послѣднее время стало появляться на лицѣ его.

V.

Осень была дождливая. Но въ концѣ ноября наступили солнечные дни, лучезарно-тихіе, которые нигдѣ не бываютъ такъ прекрасны, какъ въ Римѣ: пышное увяданіе осени родственно пустынному великолѣпію Вѣчнаго Города.

Леонардо давно уже собирался въ Сикстинскую Часовню, чтобы видѣть фрески Микель-Анжело. Но все откладывалъ, словно боялся.—Наконецъ, однажды утромъ вышелъ изъ дому, вмѣстѣ съ Франческо и направился въ Часовню.

Это было узкое, длинное, очень высокое зданіе, съ голыми стѣнами и стрѣльчатыми окнами. На потолкѣ и на сводахъ были только что оконченныя фрески Микель-Анжело.

Леонардо взглянулъ на нихъ и замеръ. Какъ ни боялся,—онъ все-таки не ожидалъ того, что̀ увидѣлъ.

Передъ исполинскими образами, какъ будто видѣніями бреда — передъ Богомъ Саваоѳомъ, отдѣляющимъ тьму отъ свѣта въ лонѣ хаоса, благословляющимъ воды и растенія, творящимъ Адама изъ персти, Еву изъ ребра Адамова; передъ грѣхопаденіемъ, жертвой Авеля и Каина, Потопомъ, насмѣшкою Сима и Хама надъ наготою спящаго родителя; передъ голыми прекрасными юношами, стихійными демонами, сопровождающими вѣчною игрою и пляскою трагедію вселенной, борьбу человѣка и Бога; передъ Сибиллами и Пророками, страшными гигантами, какъ будто отягченными сверхчеловѣческою скорбью и мудростью; передъ Іисусовыми предками, рядомъ темныхъ поколѣній, передающихъ другъ другу безцѣльное бремя жизни, томящихся въ мукахъ рожденія, питанія, смерти, ожидающихъ пришествія Невѣдомаго Искупителя,— передъ всѣми этими созданіями своего соперника, Леонардо не судилъ, не мѣрилъ, не сравнивалъ, только чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Онъ перебиралъ въ умѣ своемъ собственныя произведенія: погибающая Тайная Вечеря, погибшій Колоссъ, битва при Ангіари, безчисленное множество другихъ неоконченныхъ работъ,—рядъ тщетныхъ усилій, смѣшныхъ неудачъ, безславныхъ пораженій.—Всю жизнь онъ только начи-

налъ, собирался, готовился, но доселѣ ничего не сдѣлалъ,—и къ чему себя обманывать?—теперь уже поздно,—никогда ничего не сдѣлаетъ. Несмотря на весь неимовѣрный трудъ своей жизни, не былъ ли онъ подобенъ лукавому рабу, зарывшему талантъ свой въ землю?

И въ то же время, сознавалъ онъ, что стремился къ большему, къ высшему, чѣмъ Буонаротти,—къ тому соединенію, къ той послѣдней гармоніи, которыхъ тотъ не зналъ и знать не хотѣлъ въ своемъ безконечномъ разладѣ, возмущеніи, буйствѣ и хаосѣ. Онъ вспомнилъ слова моны Лизы о Микель-Анжело, о томъ, что сила его подобна бурному вѣтру, раздирающему горы, сокрушающему скалы предъ Господомъ, и что онъ, Леонардо, сильнѣе Микель-Анжело, какъ тишина сильнѣе бури, потому что въ тишинѣ, а не въ бурѣ Господь.—Теперь ему было яснѣе чѣмъ когда-либо, что это такъ, что мона Лиза не ошиблась, что рано или поздно духъ человѣческій вернется на путь, указанный имъ, Леонардо, отъ хаоса къ гармоніи, отъ раздвоеній къ единству, отъ бури къ тишинѣ. Но все-таки, какъ знать, насколько времени останется побѣда за Буонаротти, сколько поколѣній увлечетъ онъ за собою?

И сознаніе правоты своей въ созерцаніи дѣлало для него еще болѣе мучительнымъ сознаніе своего безсилія въ дѣйствіи.

Молча, вышли они изъ часовни.

Франческо угадывалъ то, что происходило въ сердцѣ учителя, и не смѣлъ его разспрашивать. Но, когда заглянулъ онъ въ лицо его, ему показалось, что Леонардо еще больше опустился,—какъ будто сразу постарѣлъ, одряхлѣлъ на многіе годы за тотъ часъ, который пробыли они въ Сикстинской Капеллѣ.

Перейдя черезъ площадь Санъ-Пьетро, они направились по улицѣ Борго Нуово къ мосту Санъ-Анжело.

Теперь учитель думалъ о другомъ соперникѣ, быть можетъ, не менѣе страшномъ для него, чѣмъ Буонаротти—о Рафаэлѣ Санціо.

Леонардо видѣлъ недавно оконченныя фрески Рафаэля, въ верхнихъ пріемныхъ покояхъ Ватикана, такъ называемыхъ „Станцахъ", и не могъ рѣшить, чего въ нихъ больше,—величія въ исполненіи, или ничтожества въ замыслѣ, неподражаемаго совершенства, напоминавшаго самыя легкія и свѣтлыя созданія древнихъ, или раболѣпнаго заискиванія въ сильныхъ міра сего? Папа Юлій II мечталъ объ изгнаніи французовъ изъ Италіи: Рафаэль представилъ его взирающимъ на изгнаніе силами небесными оскорбителя святыни, Сирійскаго вождя Эліодора изъ храма Бога Всевышняго: папа Левъ X воображалъ себя великимъ ораторомъ: Рафаэль прославилъ его въ образѣ папы Льва I Великаго, увѣщевающаго варвара Атиллу отступить отъ Рима; попавшись въ плѣнъ къ французамъ во время Равеннской битвы, Левъ X благо-

получно спасся: Рафаэль увѣковѣчилъ это событіе подъ видомъ чудеснаго избавленія апостола Петра изъ темницы.

Такъ превращалъ онъ искусство въ необходимую часть торжественныхъ обрядовъ папскаго двора, въ приторный ѳиміамъ царедворческой лести.

Этотъ пришлецъ изъ Урбино, мечтательный отрокъ, съ лицомъ непорочной Мадонны, казавшійся ангеломъ, слетѣвшимъ на землю, какъ нельзя лучше устраивалъ земныя дѣла свои: расписывалъ конюшни римскому банкиру Агостино Киджи, готовилъ рисунки для его посуды, золотыхъ блюдъ и тарелокъ, которыя тотъ, послѣ угощенія папы, бросалъ въ Тибръ, дабы онѣ больше никому не служили. „Счастливый мальчикъ“ — fortunato garzon — какъ называлъ его Франчіа,—достигалъ славы, богатства, почестей, точно играя. Злѣйшихъ враговъ и завистниковъ обезоруживалъ своею любезностью. Не притворялся, а былъ дѣйствительно другомъ всѣхъ. И все удавалось ему,—дары фортуны какъ будто сами шли ему въ руки: онъ получилъ выгодное мѣсто покойнаго зодчаго Браманте при постройкѣ новаго собора; доходы его росли съ каждымъ днемъ; кардиналъ Биббіена сваталъ за него свою племянницу; но Рафаэль выжидалъ, такъ какъ ему самому обѣщали кардинальскій пурпуръ. Онъ выстроилъ себѣ изящный дворецъ въ Борго и зажилъ въ немъ съ царственной пышностью. Съ утра до ночи толпились у него въ передней сановныя лица, посланники иностранныхъ государей, желавшихъ имѣть свой портретъ или, по крайней мѣрѣ, какую-нибудь картину, рисунокъ на память. Заваленный работою, отказывалъ онъ всѣмъ. Но просители не унимались, осаждали его. Давно уже не имѣлъ онъ времени кончать своихъ произведеній,—только начиналъ, дѣлалъ два, три мазка и тотчасъ передавалъ ученикамъ, которые подхватывали и кончали картину, какъ бы на лету. Мастерская Рафаэля сдѣлалась огромною фабрикою, гдѣ такіе ловкіе дѣльцы, какъ Джуліо Романо, превращали холстъ и краски въ звонкую монету, съ неимовѣрною быстротою, съ рыночною наглостью въ наживѣ. Самъ онъ уже не заботился о совершенствѣ и довольствовался посредственнымъ. Онъ служилъ черни, и она ему служила, принимала его съ восторгомъ, какъ своего избранника, какъ свое любимое дѣтище, плоть отъ плоти, кость отъ кости, какъ порожденіе собственнаго духа. Молва объявила его величайшимъ художникомъ всѣхъ вѣковъ и народовъ: Рафаэль сталъ богомъ живописи.

И хуже всего было то, что въ своемъ паденіи онъ все еще былъ великъ, обольстительно-прекрасенъ, не только для толпы, но и для избранныхъ. Принимая блестящія игрушки изъ рукъ богини счастья, съ простодушною безпечностью,—оставался онъ чистымъ и невиннымъ, какъ ребенокъ. „Счастливый мальчикъ“, самъ не вѣдалъ, что творитъ.

И пагубнѣе для грядущаго искусства, чѣмъ разладъ и хаосъ Микель-Анжело, была эта легкая гармонія Санціо, академически-мертвое, лживое примиреніе.

Леонардо предчувствовалъ, что за этими двумя вершинами, за Микель-Анжело и Рафаэлемъ,—нѣтъ путей къ будущему, что далѣе—обрывъ, пустота. И въ то-же время сознавалъ, сколь многимъ оба обязаны ему: они взяли у него науку о тѣни и свѣтѣ, анатомію, перспективу, познаніе природы, человѣка—и, выйдя изъ него, уничтожали его.

Погруженный въ эти мысли, шелъ онъ по прежнему, словно въ забытьи, потупивъ глаза, опустивъ голову.

Франческо пытался съ нимъ заговорить, но слова замирали на устахъ его каждый разъ, какъ, взглядывая въ лицо учителя, видѣлъ онъ на блѣдныхъ старческихъ губахъ его выраженіе тихой, безконечной брезгливости.

Подходя къ мосту Сантъ-Анжело, должны они были посторониться, уступая дорогу толпѣ человѣкъ въ шестьдесятъ пѣшихъ и всадниковъ въ роскошныхъ нарядахъ, которая двигалась навстрѣчу имъ по очень тѣсной улицѣ Борго-Нуово.

Леонардо взглянулъ сначала разсѣянно, думая, что это поѣздъ какого-нибудь римскаго вельможи, кардинала или чужеземнаго посланника. Но его поразило лицо молодого человѣка, одѣтаго роскошнѣе другихъ, ѣхавшаго на бѣлой арабской лошади, съ позолоченной сбруей, усыпанной драгоцѣнными каменьями. Гдѣ-то, казалось ему, онъ уже видѣлъ это лицо. Вдругъ вспомнилъ онъ тщедушнаго, блѣднаго мальчика въ черномъ камзолѣ, запачканномъ красками, съ истертыми локтями, который лѣтъ восемь назадъ во Флоренціи говорилъ ему съ робкимъ восторгомъ: „Микель-Анжело недостоинъ развязать ремень вашей обуви, мессэръ Леонардо!“ — Это былъ онъ теперешній соперникъ Леонардо и Микель-Анжело, „богъ живописи“ — Рафаэль Санціо.

Лицо его, хотя все такое же дѣтское, невинное и безмысленное, уже нѣсколько менѣе, чѣмъ прежде, походило на лицо херувима, — едва замѣтно пополнѣло, отяжелѣло и обрюзгло.

Онъ ѣхалъ изъ своего палаццо въ Борго на свиданіе къ папѣ въ Ватиканъ, сопровождаемый по обыкновенію друзьями, учениками и поклонниками: никогда не случалось ему выѣзжать изъ дома, не имѣя при себѣ почетной свиты человѣкъ въ пятьдесятъ, такъ что каждый изъ этихъ выѣздовъ напоминалъ тріумфальное шествіе.

Рафаэль узналъ Леонардо, чуть-чуть покраснѣлъ и, съ поспѣшною, даже преувеличенною почтительностью, снявъ беретъ, поклонился. Нѣкоторые изъ учениковъ его, не знавшіе въ лицо Леонардо, съ удивленіемъ оглянулись на этого старика, которому

„божественный“ такъ низко кланялся,—скромно, почти бѣдно одѣтаго, прижавшагося къ стѣнѣ, что бы дать имъ дорогу.

Не обращая ни на кого вниманія, Леонардо вперилъ взоръ въ человѣка, шедшаго рядомъ съ Рафаэлемъ, среди ближайшихъ учениковъ его,—вглядываясь въ него съ недоумѣніемъ, какъ будто глазамъ своимъ не вѣрилъ: это былъ Чезаре да-Сэсто.

И вдругъ учитель понялъ все—отсутствіе Чезаре, свою вѣщую тревогу, неискусный обманъ Франческо.—Послѣдній ученикъ, въ котораго онъ вѣрилъ, измѣнилъ ему, предалъ его.

Чезаре выдержалъ взоръ Леонардо и посмотрѣлъ ему въ глаза, съ усмѣшкою дерзкою и въ то же время жалкою, отъ которой лицо его болѣзненно исказилось, сдѣлалось страшнымъ, какъ лицо сумасшедшаго.

И не онъ, а Леонардо, въ невыразимомъ смущеніи, потупилъ глаза передъ нимъ, точно виноватый.

Поѣздъ миновалъ.—Они продолжали путь. Леонардо опирался на руку спутника. Лицо его было блѣдно и спокойно.

Перейдя черезъ мостъ Сантъ-Анжело, по улицѣ Дэй-Коронари они вышли на площадь Навоне, гдѣ былъ птичій рынокъ.

Леонардо накупилъ множество птицъ—сорокъ, чижей, малиновокъ, голубей, охотничьяго ястреба и молодого дикаго лебедя. Онъ отдалъ всѣ деньги, которыя были при немъ, и еще занялъ у Франческо.

Съ головы до ногъ увѣшанные клѣтками, въ которыхъ щебетали птицы, эти два человѣка, старикъ и юноша, обращали на себя вниманіе. Прохожіе съ любопытствомъ оглядывались. Уличные мальчишки бѣжали за ними.

Пройдя весь Римъ, мимо Пантеона и Траянова Форума, вышли они на Эсквилинскій холмъ и черезъ ворота Маджіоре—за городъ, по древней римской дорогѣ, Віа-Лабикана. Потомъ свернули на узкую пустынную тропинку въ полѣ.

Передъ ними разстилалась необозримая, тихая и блѣдная Кампанья.

Сквозь пролеты полуразрушеннаго, увитаго плющемъ, акведука, построеннаго императорами Клавдіемъ, Титомъ и Веспасіаномъ, виднѣлись холмы, однообразные, сѣро-зеленые, какъ волны вечерняго моря, кой-гдѣ одинокая черная башня—разоренное гнѣздо хищныхъ рыцарей, и далѣе, на краю неба, воздушно-голубыя горы, окружавшія равнину, подобныя ступенямъ исполинскаго амфитеатра. Надъ Римомъ лучи заходящаго солнца, изъ-за круглыхъ бѣлыхъ облаковъ, сіяли длинными, широкими снопами. Круторогіе быки, съ лоснящейся бѣлою шерстью, съ умными, добрыми глазами, лѣниво оборачивая головы на звукъ шаговъ, жевали медленную жвачку, и слюна стекала съ ихъ черныхъ влажныхъ мордъ на

колючіе листья пыльнаго терновника. Стрекотаніе кузнечиковъ въ жесткой выжженной травѣ, шорохъ вѣтра въ мертвыхъ стебляхъ чернобыльника надъ камнями развалинъ и гулъ колоколовъ изъ далекаго Рима какъ будто углубляли тишину. — Казалось, что здѣсь, надъ этою равниною, въ ея торжественномъ и чудномъ запустѣніи, уже совершилось пророчество Ангела, который „клялся Живущимъ во вѣки вѣковъ, что времени больше не будетъ“.

Они выбрали мѣсто на одномъ изъ пригорковъ, сняли съ себя клѣтки, поставили ихъ на землю, и Леонардо началъ выпускать птицъ на свободу.

Это была его любимая съ дѣтства забава. Между тѣмъ какъ онѣ улетали съ радостнымъ трепетаніемъ и шелестомъ крыльевъ, провожалъ онъ ихъ ласковымъ взоромъ. Лицо его озарилось тихою улыбкою. Въ эту минуту, забывъ всѣ свои горести, казался онъ счастливымъ, какъ ребенокъ.

Въ клѣткахъ оставался только охотничій ястребъ и дикій лебедь. Учитель берегъ ихъ напослѣдокъ.

Онъ присѣлъ отдохнуть и вынулъ изъ дорожной сумки свертокъ со скромнымъ ужиномъ—хлѣбомъ, печеными каштанами, сухими винными ягодами, фляжку краснаго орвіеттскаго вина въ соломенной плетенкѣ и два рода сыра: козій для себя, сливочный для спутника; зная, что Франческо не любитъ козьяго, нарочно взялъ онъ для него сливочнаго.

Учитель пригласилъ ученика раздѣлить съ нимъ трапезу и началъ закусывать, съ удовольствіемъ поглядывая на птицъ, которыя въ клѣткахъ, предчувствуя свободу, бились крыльями. Такими маленькими пиршествами въ полѣ подъ открытымъ небомъ любилъ онъ праздновать освобожденіе крылатыхъ плѣнницъ.

Они ѣли, молча. Франческо взглядывалъ на него изрѣдка, украдкою. Въ первый разъ послѣ болѣзни видѣлъ онъ лицо Леонардо въ яркомъ свѣтѣ дня, на воздухѣ, и никогда еще оно ему не казалось такимъ утомленнымъ и старымъ. Волосы, уже сѣдѣющіе, съ желтоватымъ отливомъ сквозь сѣдину, порѣдѣвшіе сверху, обнажали крутой, огромный лобъ, изрытый упрямыми, суровыми морщинами, а книзу—все еще густые, пышные—сливались съ начинавшейся подъ самыми скулами, длинною, до середины груди, тоже сѣдѣющею, волнистою бородою. Блѣдно-голубые глаза изъ глубокихъ темныхъ впадинъ подъ густыми, нависшими бровями глядѣли съ прежнею зоркостью, съ безстрашною пытливостью. Но этому выраженію какъ бы сверхчеловѣческой силы мысли, воли познанія противорѣчило выраженіе человѣческой слабости, смертельной усталости въ болѣзненныхъ складкахъ ввалившихся щекъ, въ тяжелыхъ старческихъ мѣшкахъ подъ глазами, въ немного выдававшейся нижней губѣ и углахъ тонкаго рта, опущенныхъ съ презрительною

горечью, съ неизъяснимою брезгливостью: это было лицо покорившагося, стараго, почти дряхлаго титана Прометея.

Франческо смотрѣлъ на него,—и знакомое чувство жалости овладѣвало имъ.

Онъ давно замѣтилъ, что порой достаточно ничтожной мелочи, чтобы выраженіе человѣческихъ лицъ мгновенно измѣнилось, открыло невѣдомую глубину свою: такъ, во время дороги, когда спутники, ему неизвѣстные и безразличные, вынимали узелокъ или сверточекъ съ домашними припасами, садились въ сторонѣ и закусывали, немного отвернувшись, съ тою стыдливостью, которая свойственна людямъ за ѣдою въ мѣстѣ непривычномъ, среди незнакомыхъ,—вдругъ, безъ всякаго повода, начиналъ онъ испытывать къ нимъ непонятную, странную жалость: они казались ему одинокими и несчастными.—Особенно часто бывало это въ дѣтствѣ, но и потомъ возвращалось. Ничѣмъ не съумѣлъ бы онъ объяснить этой жалости, корни которой были глубже сознанія. Онъ почти и не думалъ о ней, но когда она приходила, тотчасъ узнавалъ ее и не могъ ей противиться.

Такъ теперь, наблюдая, какъ учитель, сидя на травѣ, среди пустыхъ клѣтокъ, и, поглядывая на оставшихся птицъ, рѣжетъ старымъ складнымъ ножемъ со сломанною костяною ручкою хлѣбъ и тонкіе ломтики сыру, кладетъ ихъ въ ротъ и тщательно, съ усиліемъ жуетъ, какъ жуютъ старики ослабѣвшими деснами, такъ что кожа на скулахъ движется,—онъ почувствовалъ вдругъ, что въ сердцѣ его подымается эта знакомая жгучая жалость. И она была еще невыносимѣе, потому что соединялась съ благоговѣніемъ. Ему хотѣлось упасть къ ногамъ Леонардо, обнять ихъ, рыдая, сказать ему, что, если онъ отверженъ и презрѣнъ людьми, то и въ этомъ безславіи все-таки больше славы, чѣмъ въ торжествѣ Рафаэля и Микель-Анжело.

Но онъ не сдѣлалъ этого,—не посмѣлъ и продолжалъ смотрѣть на учителя, молча, удерживая слезы, которыя сжимали ему горло, и съ трудомъ глотая кусочки сливочнаго сыра и хлѣба.

Окончивъ ужинъ, Леонардо всталъ, выпустилъ ястреба, потомъ открылъ послѣднюю, самую большую клѣтку съ лебедемъ.

Огромная бѣлая птица выпорхнула, шумно и радостно взмахнула порозовѣвшими въ лучахъ заката, крыльями и полетѣла прямо къ солнцу.

Леонардо слѣдилъ за нею долгимъ, взоромъ, полнымъ безконечною скорбью.

Франческо понялъ, что эта скорбь учителя—о мечтѣ всей жизни его, о человѣческихъ крыльяхъ, о „Великой птицѣ", которую нѣкогда предсказывалъ онъ въ дневникѣ своемъ:

„Человѣкъ предприметъ свой первый полетъ на спинѣ огромнаго Лебедя".

VI.

Папа, уступая просьбамъ брата своего, Джульяно Медичи, заказалъ Леонардо небольшую картину.

По обыкновенію, мѣшкая и со дня на день откладывая начало работы, художникъ занялся предварительными опытами, усовершенствованіемъ красокъ, изобрѣтеніемъ новаго лака для будущей картины.

Узнавъ объ этомъ, Левъ X воскликнулъ съ притворнымъ отчаяніемъ:

— Увы, этотъ чудакъ никогда ничего не сдѣлаетъ, ибо думаетъ о концѣ, не приступая къ началу.

Придворные подхватили шутку и разнесли ее по городу. Участь Леонардо была рѣшена. Левъ X, величайшій знатокъ и цѣнитель искусства, произнесъ надъ нимъ приговоръ: отнынѣ Пьетро Бембо, Рафаэль, карликъ Барабалло и Микель-Анжело могли спокойно почивать на лаврахъ: соперникъ ихъ былъ уничтоженъ.

И всѣ сразу, точно сговорившись, отвернулись отъ него; забыли о немъ, какъ забываютъ о мертвыхъ. Но отзывъ папы все-таки передали. Леонардо выслушалъ этотъ приговоръ такъ равнодушно, какъ будто давно предвидѣлъ его и ничего иного не ожидалъ.

Въ тотъ же день ночью, оставшись одинъ, писалъ онъ въ дневникѣ своемъ:

„Терпѣніе для оскорбляемыхъ то же, что платье для зябнущихъ. По мѣрѣ того, какъ холодъ усиливается,—одѣвайся теплѣе и ты не почувствуешь холода. Точно такъ же во время великихъ обидъ умножай терпѣніе—и обида не коснется души твоей".

---

1 января 1515 года скончался король Франціи, Людовикъ XII. Такъ какъ сыновей у него не было, ему наслѣдовалъ ближайшій родственникъ, мужъ дочери его Клодъ де Франсъ, сынъ Луизы Савойской, герцогъ Ангулемскій, Франсуа де Валуа, подъ именемъ Франциска I.

Тотчасъ по восшествіи на престолъ, юный король предпринялъ походъ для отвоеванія Ломбардіи; съ неимовѣрною быстротою перевалилъ черезъ Альпы, прошелъ сквозь тѣснины д'Аржантьеръ, внезапно явился въ Италіи, одержалъ побѣду при Мариньяно, низложилъ Моретто и вступилъ въ Миланъ тріумфаторомъ.

Въ это время Джульяно Медичи уѣхалъ въ Савойю.

Видя, что въ Римѣ дѣлать ему нечего, Леонардо рѣшилъ искать счастья у новаго государя и осенью того же года отправился въ Павію, ко двору Франциска I.

Здѣсь побѣжденные давали праздники въ честь побѣдителей. Къ устройству ихъ приглашенъ былъ и Леонардо, въ качествѣ механика, по старой памяти, сохранившейся о немъ въ Ломбардіи со времени Моро.

Онъ устроилъ самодвижущагося льва: левъ этотъ на одномъ изъ праздниковъ прошелъ всю залу, остановился передъ королемъ, всталъ на заднія лапы и открылъ свою грудь, изъ которой посыпались къ ногамъ его величества бѣлыя лиліи Франціи.

Эта игрушка послужила славѣ Леонардо болѣе, чѣмъ всѣ его остальныя произведенія, изобрѣтенія и открытія.

Францискъ I приглашалъ къ себѣ на службу итальянскихъ ученыхъ и художниковъ. Рафаэля и Микель-Анжело папа не отпускалъ. Король пригласилъ Леонардо, предложивъ ему семьсотъ экю годового жалованья и маленькій замокъ Дю-Клу въ Туренѣ, близъ города Амбуаза, между Туромъ и Блуа.

Художникъ согласился и на шестьдесятъ четвертомъ году жизни, вѣчный изгнанникъ, безъ надежды и безъ сожалѣнія покидая родину, со старымъ слугою Вилланнисомъ, служанкою Матуриною, Францеско Мельци и Зороастро да-Перетола, въ началѣ 1516 года, выѣхалъ изъ Милана во Францію.

VII.

Дорога, особенно въ это время года, была трудная,—черезъ Пьемонтъ на Туринъ,—долиною притока По, Доріа-Рипаріа, потомъ сквозь горный проходъ Коль-де-Фрейусъ на перевалъ между Монъ-Таборомъ и Монъ-Сенисомъ.

Изъ мѣстечка Бардонеккіа выѣхали они раннимъ, еще темнымъ утромъ, чтобы добраться до перевала засвѣтло.

Верховые и вьючные мулы, стуча копытами, позвякивая бубенчиками, взбирались узкою тропинкою, по краю пропасти.

Внизу, въ долинахъ, обращенныхъ къ полдню, уже пахло весною; а на высотѣ была еще зима. Но въ сухомъ и рѣдкомъ, безвѣтренномъ воздухѣ холодъ былъ мало чувствителенъ. Утро чуть брезжило. Въ пропастяхъ, гдѣ призрачно бѣлѣли, какъ сталактиты, струи замерзшихъ водопадовъ, и черныя верхушки елей, по ребрамъ стремнинъ торчали изъ-подъ снѣга шершавою щетиною,—лежали тѣни ночи. А вверху, на блѣдномъ небѣ, снѣжныя громады Альпъ уже яснѣли, какъ будто изнутри освѣщенныя.

На одномъ изъ поворотовъ Леонардо спѣшился. Ему хотѣлось поближе взглянуть на горы. Узнавъ отъ проводниковъ, что боковая пѣшеходная тропинка, еще болѣе узкая и трудная, ведетъ къ тому же мѣсту, какъ и проѣзжая для муловъ, онъ сталъ взбираться вмѣстѣ съ Францеско на сосѣднюю кручу, откуда видны были горы.

Когда умолкли бубенчики, сдѣлалось такъ тихо, какъ бываетъ только на самыхъ высокихъ горахъ. Путникамъ слышались удары собственнаго сердца да изрѣдка протяжный гулъ обвала, подобный гулу грома, повторяемый многоголосыми откликами.

Они карабкались все выше и выше.

Леонардо опирался на руку Франческо.—И вспомнилось ученику, какъ много лѣтъ назадъ въ селеніи Манделло, у подножія горы Кампіоне, вдвоемъ спускались они въ желѣзный рудникъ, по скользкой страшной лѣстницѣ, въ подземную бездну: тогда Леонардо несъ его на рукахъ своихъ; теперь Франческо поддерживалъ учителя. И тамъ, подъ землею, было такъ же тихо, какъ здѣсь, на высотѣ.

— Смотрите, смотрите, мессэръ Леонардо, — воскликнулъ Франческо, указывая на внезапно у самыхъ ногъ ихъ открывшуюся пропасть,—опять долина Доріа-Рипаріа! Ужъ это, должно быть, въ послѣдній разъ. Сейчасъ перевалъ, и больше мы ея не увидимъ.

— Вонъ, тамъ Ломбардія, Италія, — прибавилъ онъ тихо.

Глаза его блеснули радостью и грустью.

Онъ повторилъ еще тише:

— Въ послѣдній разъ...

Учитель посмотрѣлъ въ ту сторону, куда указывалъ Франческо, гдѣ была родина,—и лицо его осталось безучастнымъ. Молча отвернулся онъ и снова пошелъ впередъ, туда, гдѣ яснѣли вѣчные снѣга и ледники Монъ-Табо̀ра, Монъ-Сениса, Ро̀ччіо-Мело̀не.

Не замѣчая усталости, шелъ онъ теперь такъ быстро, что Франческо, который замѣшкался внизу, у края обрыва, прощаясь съ Италіей,—отсталъ отъ него.

— Куда вы, куда вы, учитель?—кричалъ онъ ему издали.— Развѣ не видите,—тропинка кончилась. Выше нельзя. Тамъ пропасть. Берегитесь!

Но Леонардо, не слушая, поднимался все выше и выше, твердымъ, юношески-легкимъ, словно окрыленнымъ, шагомъ, надъ головокружительными безднами.

И въ блѣдныхъ небесахъ ледяныя громады яснѣли, вздымаясь передъ нимъ, точно исполинская, воздвигнутая Богомъ, стѣна между двумя мірами. Онѣ манили къ себѣ, притягивали, какъ будто за ними была послѣдняя тайна, единственная, которая могла утолить его любопытство. Родныя, желанныя, хотя отъ нихъ отдѣляли его непереступныя бездны, казались онѣ близкими, какъ будто довольно было протянуть руку, чтобы прикоснуться къ нимъ, и смотрѣли на него, какъ на живого смотрятъ мертвые,—съ вѣчною улыбкою, подобною улыбкѣ Джіоконды.

Блѣдное лицо Леонардо освѣщалось ихъ блѣднымъ отблескомъ. Онъ улыбался такъ же, какъ онѣ. И, глядя на эти громады яснаго льда въ ясномъ какъ ледъ, холодномъ небѣ,— думалъ о Джіокондѣ и о смерти, какъ объ одномъ и томъ же.

Д. Мережковскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Проф. А. Ѳ. Брандта.

(*Окончаніе* *).

Глава VI.

Естественно-историческое прошлое человѣка.

Нагота человѣческаго тѣла, какъ зоологическій признакъ, даетъ обильную пищу обсуждающимъ вопросъ о происхожденіи человѣка.

Волосяной покровъ настолько характеренъ для млекопитающихъ, что *Окенъ* даже предлагалъ переименовать этотъ классъ въ «Haarthiere». Правда, существуютъ и голыя млекопитающія, какъ то: носороги, слоны, бегемоты, морскія коровы, китообразныя, а изъ домашнихъ животныхъ извѣстныя породы собакъ и лошадей. Однако, у всѣхъ этихъ представителей класса сохраняются разбросанные тамъ и сямъ по тѣлу волосы или щетина. Такихъ голыхъ или почти голыхъ млекопитающихъ современное научное воззрѣніе производитъ отъ покрытыхъ шерстью. Для голыхъ собачьихъ и лошадиныхъ породъ это фактически прослѣжено; для слоновъ же и носороговъ подтверждается существованіемъ въ первобытныя времена волосатыхъ представителей, трупы которыхъ и по днесь сохранились въ вѣчно замерзшей почвѣ и во льдахъ сибирскаго побережья Ледовитаго океана. Что же касается гладкой, лоснящейся и оголенной кожи китообразныхъ, то у цѣлаго ряда видовъ въ зародышевой жизни, въ области лица, торчатъ въ ограниченномъ числѣ осязательныя щетины—воспоминаніе о волосяномъ покровѣ давно угасшихъ предковъ. Къ тому же грубая, очень рѣдкая щетина была мною найдена на кускѣ китовой кожи, доставленномъ съ Тихаго океана.

Высшій представитель класса млекопитающихъ, по отношенію наготы, до извѣстной степени примыкаетъ къ названнымъ анимальнымъ представителямъ. Безусловно оголены на его тѣлѣ: подошвы, ладони, послѣдніе пальцевые членики; остальное тѣло, не исключая лица, уса-

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

жено большею частью ничтожнымъ пушкомъ. Рѣдкій контрастъ этому пушку составляютъ волосы на черепной покрышкѣ, на мѣстахъ прикрѣпленія конечностей къ туловищу, а у мужчинъ еще и на обѣихъ челюстныхъ дугахъ, верхней и нижней. Въ происхожденіи человѣка отъ болѣе равномѣрно волосатыхъ по всему тѣлу предковъ едва ли можетъ быть сомнѣніе.

Предварительно обсужденія вопроса объ оголеніи человѣческихъ предковъ, покончимъ вкратцѣ съ тѣми волосами, которые не только сохранились, но отчасти, надо полагать, еще переразвились противъ первоначальнаго. Ихъ сохраненіе приписывается присвоенному имъ спеціальному физіологическому назначенію. Такъ, волосы головы, у большинства племенъ хорошо развитые, могутъ считаться защитою головного мозга и органовъ чувствъ отъ палящихъ лучей солнца, дождя и холода: отвѣсное положеніе тѣла, точно, указало на черепную покрышку, какъ на нѣчто, больше всего подверженое внѣшнимъ атмосферическимъ невзгодамъ, а потому и прежде всего требующее защиты. Къ тому же длинные волосы макушки, ниспадая плащемъ или фатою на плечи, спину и грудь, могутъ служить для нихъ немаловажной естественной защитой. Хорошо сохранившіеся волосы на мѣстахъ соединенія конечностей съ туловищемъ, по мнѣнію вѣнскаго дерматолога проф. *Экснера*, имѣютъ значеніе катковъ или вальковъ для уменьшенія тренія. Это доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ простымъ опытомъ. Сжимаемъ покрѣпче кончики своихъ пальцевъ и дѣлаемъ ими движенія, точно стараемся нѣчто растереть. При этомъ испытываются нами препятствія и толчки. Повторяемъ тѣ же движенія, захвативъ предварительно между кончиками пальцевъ клочекъ бороды или головныхъ волосъ, и пальцы скользятъ гладко, безпрепятственно. Волосы бровей и рѣсницъ составляютъ двойной защитный навѣсъ надъ глазными яблоками, которыя ими замыкаются и предохраняются отъ затеканія ѣдкихъ потовыхъ капель. Къ тому же, рѣсницы служатъ еще и вѣстовыми, предупреждающими вѣки отъ грозящей глазу опасности и заставляющими ихъ рефлекторно замыкаться. Насколько онѣ чувствительны, это доказывается дотрогиваніемъ до ихъ верхушки хотя бы тонкой иглой, а также слѣдующимъ изящнымъ опытомъ того же *Экснера*. Къ одной изъ рѣсницъ онъ приклеиваетъ мельчайшую желѣзную опилку, а вблизи глаза помѣщаетъ электромагнитъ: замыканіе тока всякій разъ производитъ ощущеніе прикосновенія къ рѣсницѣ, несмотря на едва замѣтное ея сотрясеніе. Чувствительность присвоена, впрочемъ, не однѣмъ рѣсницамъ, но—въ большей или меньшей мѣрѣ—и всякаго рода волосамъ, ибо при всѣхъ имѣются нервики, на которые волосъ надавливаетъ своею корневою частью, торчащею въ толщѣ кожи; эта часть уподобляется очень короткому плечу рычага, длинное плечо котораго находится снаружи, а точка вращенія въ плотномъ, роговомъ, внѣшнемъ слоѣ кожи. Если не считать рѣс-

ницъ, то человѣкъ вообще лишенъ спеціальныхъ, особенно обилующихъ нервами щетинъ, столь хорошо развитыхъ у большинства млекопитающихъ. Что касается, наконецъ, челюстной оброслости, т. е. усовъ и бороды, то она составляетъ принадлежность зрѣлаго мужского возраста и, наравнѣ съ бородою козла, гривою льва, шпорами и гребнемъ пѣтуха и т. д., относится къ категоріи украшеній мужского пола.

Для удобопонятности дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій, посвящаемыхъ догадкамъ объ историческомъ прошломъ человѣческаго волосяного покрова, достаточно только что приведенныхъ подготовительныхъ указаній. Въ настоящій моментъ предъ нами возникаетъ прежде всего вопросъ объ источникахъ нашихъ познаній о прошломъ этого покрова. «Дайте мнѣ зубъ, и я возстановлю все животное», провозглашалъ безсмертный *Кювье*; но, увы, этотъ горделивый, столь часто цитируемый естествоиспытателями афоризмъ обѣщаетъ гораздо больше достижимаго. Предположимъ, что посчастливится найти въ земныхъ пластахъ полную серію хотя бы всѣхъ зубовъ человѣческихъ предковъ, а вдобавокъ къ нимъ еще и полные скелеты, развѣ это намъ дастъ возможность судить о волосяномъ покровѣ этихъ существъ? Въ землѣ, въ старинныхъ могилахъ, волосы сохраняются, правда, столѣтіями; но что эти столѣтія въ сравненіи съ десятками тысячелѣтій, коими измѣряется продолжительность геологическихъ формацій? Правда, въ музеяхъ сохраняются отпечатки перьевъ птицъ юрской формаціи; но объ ископаемыхъ волосахъ или ихъ отпечаткахъ и въ болѣе новыхъ формаціяхъ ничего не слыхать. Эти тонкія образованія едва ли пригодны къ превращенію въ окаменѣлости.

При несостоятельности прямыхъ палеонтологическихъ данныхъ—мы это уже знаемъ — являются на выручку данныя эмбріологическія, на основаніи параллели между исторіей развитія недѣлимаго и племени. Эта параллель или, по терминологіи *Геккеля*, основной законъ развитія организмовъ (основной біогенетическій законъ)—путеводная звѣзда первой величины современной біологіи. Тѣмъ не менѣе, примѣненіе ея въ отдѣльныхъ случаяхъ требуетъ осмотрительности, ибо въ зародышевомъ и послѣзародышевомъ развитіи встрѣчаются признаки не только дѣйствительно древніе, унаслѣдованные отъ давнихъ предковъ, но и сравнительно недавно пріобрѣтенные въ качествѣ спеціальныхъ приспособленій къ условіямъ существованія. Только первые (древніе, *палингенетическіе*) пригодны къ построенію на нихъ генеалогическихъ выводовъ; признаки же новопріобрѣтенные (*цэногенетическіе*), будучи на это непригодны, легко сбиваютъ съ толку изслѣдователя. Въ общемъ послѣдовательность явленій индивидуальнаго развитія та же, что и предполагаемаго племенного; но изъятія и тутъ не рѣдкость. Такимъ образомъ, легко можетъ статься, что изслѣдователь сводитъ въ общую картину предка даннаго животнаго временные признаки, унаслѣдованные отъ предковъ разныхъ эпохъ. Какъ разъ въ интересующемъ насъ тутъ во-

просѣ случился подобный недосмотръ. Его удалось разъяснить при помощи вспомогательной отрасли біологіи—ученія объ уродствахъ. На пригодности тератологіи вообще къ рѣшенію, въ подходящихъ случаяхъ, вопросовъ филогеніи намъ нечего тутъ останавливаться, такъ какъ образчики тому уже были мною представлены въ особой главѣ объ уродствахъ. Уродство, насъ въ настоящій моментъ интересующее,—ненормальная оброслость или волосатость, *гипертрихозъ* (Hypertrichosis) *).

Въ январѣ 1873 г. широковѣщательныя рекламы оповѣстили петербургскую публику о пріѣздѣ въ столицу «никогда еще невиданныхъ феноменовъ, чудесъ костромскихъ лѣсовъ». То были обросшіе волосами крестьяне Адріанъ Евтихіевъ, 55-ти лѣтъ, и его трехлѣтній сынокъ Ѳедя Петровъ, незадолго передъ тѣмъ открытые пронырливымъ импресаріо.

Рис. 35. Портретъ Адріана Евтихіева.

Свое турнэ по бѣлу свѣту они начали съ Петербурга. Остановимся для начала на старшемъ субъектѣ (рис. 35). Представимъ себѣ собачку-крысоловку, терьера, съ человѣческій ростъ, наряженную въ рубаху, шаровары и сапоги, и передъ нами воскреснетъ живой образъ Адріана по первому его впечатлѣнію на посѣтителя. Черты курносаго человѣческаго лица выступали изъ-подъ кудластой шерсти лишь когда она приглаживалась, расчесывалась во всѣ стороны отъ глазъ. Въ такомъ прихорошенномъ видѣ Адріанъ представленъ на большинствѣ снимковъ.

Все лицо Адріана Евтихіева, не исключая вѣкъ и ушей, было покрыто густою, лохматою, тонкою, шелковистою шерстью свѣтло-пепельнаго цвѣта, длиною съ палецъ и болѣе. Замѣтной разницы въ волосатости по областямъ лица не существовало; рѣшительно не было ни

*) Отъ hyper — сверхъ и trix, trichos — волосъ.

бороды, ни усовъ въ обыкновенномъ смыслѣ, т. е. составленныхъ изъ болѣе грубыхъ и длинныхъ волосъ. Со лба волосы безо всякой границы переходили на черепную покрышку, гдѣ, на сколько помню, они были лишь менѣе мягки и слегка длиннѣе. Вопреки ожиданія, туловище и конечности оказались обросшими волосами далеко не такъ густо, какъ лицо, причемъ довольно волосатые участки чередовались съ покрытыми рѣдкими волосами; но свойства волосъ были тѣ же, что и на лицѣ. Особаго вниманія заслуживаетъ недоразвитіе зубовъ. Въ верхней челюсти торчалъ всего на всего одинъ лишь лѣвый клыкъ; въ нижней, хотя и были зубы, но болѣе или менѣе неправильные, исковерканные. По словамъ Евтихіева, первые зубы прорѣзались у него только на семнадцатомъ году. Мальчикъ Ѳедя имѣлъ на лицѣ и туловищѣ лишь рѣдкій, совсѣмъ свѣтлый пушокъ, а на черепѣ сравнительно болѣе длинные волосы, во рту же всего только четыре нижнихъ рѣзца.

Изъ Россіи наши волосачи попали въ западную Европу и всюду возбудили вполнѣ заслуженное удивленіе. О дальнѣйшей участи Адріана мы знаемъ, что по возвращеніи на родину онъ погибъ отъ пьянства. Что же касается его сына, то онъ уже отрокомъ вновь всплылъ въ западной Европѣ, на этотъ разъ со всѣми хорошо развитыми особенностями покойнаго отца. Костромичи Адріанъ и Ѳедоръ относятся къ разряду уродовъ, прозванныхъ людьми-собаками, людьми-львами, людьми-медвѣдями, лѣсными людьми. По русски короче называть ихъ собаколицыми. За четыре столѣтія насчитывается всего лишь два десятка достовѣрныхъ случаевъ, принадлежащихъ поровну мужскому и женскому полу. Изъ нихъ нѣкоторые стяжали особенную извѣстность. Такова, напр., въ XVII столѣтіи уроженка г. Аугсбурга, дѣвица Варвара Урзлеръ, перебывавшая чуть ли не во всѣхъ странахъ Запада. Таковъ, далѣе, нѣкій баварскій баронъ XVI вѣка, фамильная группа котораго до сихъ поръ хранится въ картинной галлереѣ замка Амбразъ Этотъ волосатый магнатъ, какъ двѣ капли воды похожій на нашего костромича, изображенъ вмѣстѣ съ нормальной красавицей-женой и двумя дѣтьми, столь же волосатыми, какъ ихъ папаша. Баронъ, надо полагать, научился сносить свое уродство не безъ юмора; иначе едва ли позволилъ бы художнику вложить въ ручки его дѣтей сову, очевидно, ради подчеркиванія сходства ихъ физіономій съ этой зловѣщей птицей. Въ нашемъ столѣтіи особенное вниманіе обращало на себя волосатое семейство изъ Авы въ О. Индіи. Оно состояло изъ дѣда, дочери и внука. Недавно разъѣзжалъ по Россіи семилѣтній «мальчикъ съ львиной гривой» *Степанъ Бибровскій*, уроженецъ бѣдной деревушки въ Привислянскомъ краѣ. Львиной гривы у него никакой нѣтъ, а есть та же обрлослость, обильная на лицѣ, та же курносость, то же недоразвитіе зубной системы, которыя характерны для всѣхъ собаколицыхъ.

Изученіе обрслости Адріана Евтихіева и его сына еще въ 1873 г. привели меня къ заключенію, что у собаколицыхъ мы имѣемъ дѣло

съ остающимся на всю жизнь удлиненнымъ пушкомъ, нормально свойственнымъ зародышу. Свой взглядъ я облекъ въ формѣ письма на имя *Дарвина*, который уже во второмъ изданіи своей книги о происхожденіи человѣка, ссылаясь на это письмо, усвоилъ и высказанный мною взглядъ. Позже, повидимому, независимо, пришли къ нему и нѣкоторые изъ иностранныхъ авторовъ, какъ *Зибольдъ*, *Эккеръ* и *Унна*.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ концѣ третьяго и въ началѣ четвертаго мѣсяца утробной жизни на тѣлѣ зародыша появляются первые зачатки волосковъ такъ называемой зародышевой шерсти (Lanugo foetalis). Самые ранніе ея волоски выдвигаются надъ поверхностью кожи къ концу 5-го мѣсяца, а къ концу 6-го или началу 7-го пушистый волосяной покровъ достигаетъ полнаго развитія. Въ это время весь плодъ оказывается укутаннымъ въ нѣжную бѣлокурую, почти безцвѣтную, пушистую шубку длиною до полудюйма. Особенно интересно, что зародышевый пушокъ раньше всего закладывается и прорѣзывается на бровяхъ, на лбу, вокругъ рта. Отсюда онъ распространяется уже на всю остальную голову, включая и лицо, а затѣмъ лишь переходитъ постепенно также на туловище и конечности. Такимъ образомъ, голова зародыша оказывается наиболѣе расположенной къ оброслости и покрытой особенно обильными и длинными волосами: полная аналогія съ замѣчаемымъ у собаколицыхъ.

Въ виду сказаннаго оброслость собаколицыхъ заслуживаетъ названія *оброслости зародышевой* (Hypertrichosis lanuginosa foetalis). Кожа данныхъ уродовъ, полагаю, не имѣетъ достаточно образовательной силы для смѣны пушка и замѣны его со временемъ настоящими, окончательными, волосами. Различная степень распространенія волосъ у собаколицыхъ, смотря по возрасту и индивидуальнымъ особенностямъ, то почти исключительно на лицѣ, то болѣе или менѣе также по туловищу и конечностямъ, соотвѣтствуетъ различнымъ ступенямъ развитія зародышеваго волосяного покрова.

Дѣльнымъ возраженіемъ противъ этой теоріи является указаніе на тотъ фактъ, что собаколицые часто рождаются голыми и лишь черезъ мѣсяцы или годы пріобрѣтаютъ свою уродливую оброслость. Устраняется это возраженіе тѣмъ соображеніемъ, что между зародышевымъ и послѣзародышевымъ развитіемъ нѣтъ никакой границы, а потому—при особой формативной слабости кожи—производство ею зародышевой шерсти можетъ отсрочиваться и на дальнѣйшій возрастъ. Съ виду столь таинственное совпаденіе съ разбираемой формой оброслости недоразвитія зубовъ объясняется, на мой взглядъ, достаточно просто. Стоитъ только вспомнить слѣдующія данныя эмбрологіи и сравнительной анатоміи. Ротовая полость по происхожденію ничто иное какъ впяченіе, вдавленіе наружныхъ покрововъ; такимъ образомъ, слизистая оболочка рта составляетъ продолженіе кожи не только топографически, но и по существу. Далѣе надо знать, что первона-

чальной почвой зубовъ служила наружная кожа, у акулъ и по сію пору густо ими усѣянная, точно мелкими шипиками. Со стороны кожи первоначально и заселилась зубами ротовая полость. Присовокупляю къ этому еще и указаніе на несомнѣнное сродство между зубами и волосами, какъ по строенію, такъ и по способу развитія. Послѣ этого вполнѣ понятно отраженіе образовательной слабости кожи на ея продолженіи, слизистой оболочкѣ рта. Такимъ образомъ, недоразвитіе зубовъ у собаколицыхъ служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ предложеннаго мною объясненія ихъ уродства.

Отождествляя мѣхъ собаколицыхъ съ нормальнымъ зародышевымъ, я, наравнѣ съ послѣднимъ, и ему придаю филогенетическое значеніе. Оба въ одинаковой степени воскрешаютъ передъ нами волосяной покровъ нашихъ предковъ; но вотъ въ чемъ вопросъ, на сколько эти предки должны считаться близкими или отдаленными?

Для *Дарвина* и нѣкоторыхъ другихъ, какъ бы само собою разумѣется, что мохнатая шерсть зародыша, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собаколицыхъ, соотвѣтствуетъ волосяному покрову *недавняго* предка человѣческаго племени. Тутъ кроется нѣкоторый недосмотръ: забыли справиться, для сравненія, о волосяномъ покровѣ зародыша четверорукихъ и четвероногихъ млекопитающихъ. Производя такую справку, узнаемъ, что и у нихъ имѣется точно такой же зародышевый пушекъ, причемъ его развитіе тоже начинается съ головы, въ частности съ лица, и оттуда мало-по-малу распространяется на остальное тѣло. Отсюда съ очевидностью проистекаетъ, что нашъ зародышъ щеголяетъ въ шубкѣ отнюдь не ближайшихъ нашихъ предковъ, т.-е. приматовъ, а въ шубкѣ, общей предкамъ всѣхъ млекопитающихъ въ совокупности, т.-е. Promammalia, по номенклатурѣ *Геккеля*. Отсюда и дальнѣйшій, самъ по себѣ до-нельзя понятный выводъ, что нормальный волосяной покровъ нашего тѣла, зачаточный почти на всемъ его протяженіи, соотвѣтствуетъ волосамъ современныхъ млекопитающихъ, а также одновременно и болѣе непосредственныхъ человѣческихъ предковъ.

Одинъ изъ законовъ наслѣдственности гласитъ, что былые признаки менѣе отдаленныхъ предковъ чаще вновь всплываютъ атавистически и у современныхъ животныхъ нежели признаки предковъ болѣе отдаленныхъ. Въ силу этого закона съ одной стороны вполнѣ понятно, что оброслость по типу Promammalia появляется съ феноменальною рѣдкостью, т.-е. столѣтіями; а съ другой слѣдуетъ ожидать, что ненормальная оброслость непосредственныхъ человѣческихъ предковъ, т.-е. оброслость по типу современныхъ млекопитающихъ, должна повторяться у людей несравненно чаще. Оно такъ и есть. Мало того, подобная оброслость, умѣренно выраженная, даже не только не считается уродствомъ, но даже едва и аномаліей. Она встрѣчается во всѣхъ градаціяхъ, въ особенности у мужчинъ пожилого возраста. Въ этомъ смыслѣ раздѣляю увѣренность *Вальдейера*, что между мужчи-

нами болѣе обросшихъ европейскихъ народовъ было бы легко набрать извѣстное количество такихъ, которые представляли бы непрерывный рядъ переходовъ отъ обыкновенныхъ людей къ выраженнымъ волосатымъ, даже и съ лицевою растительностью. Тотъ же авторъ недоумѣваетъ, почему, будучи въ сущности по всему тѣлу покрыты волосками, мы не всѣ являемся волосачами?

На это остается только отвѣтить, что на дѣлѣ оно такъ и есть, что мы всѣ—въ особенности же мужчины—съ годами становимся болѣе или менѣе выраженными волосочами. Нѣкоторыя племена особенно склонны къ развитію болѣе густого волосяного покрова на туловищѣ и конечностяхъ. Первенство между ними единогласно признается за айнами, аборигенами Сахалина и Японскаго архипелага вообще. Здѣсь же умѣстно указать на нѣкоторыя проявленія чрезмѣрной волосатости. Такъ весьма часто своего рода мѣхъ появляется у людей

Рис. 36. Портретъ Крао Фарини въ дѣтствѣ.

на ограниченныхъ мѣстахъ въ видѣ родинъ съ нормальною, часто лишь темнѣе окрашенною кожею. При болѣе значительномъ распространеніи такихъ пятенъ, получается уже переходъ къ общему гипертрихозу по типу звѣринаго волосяного покрова. Далѣе, попадаются субъекты съ повсемѣстно усиленной оброслостью, съ Hypertrichosis universalis *mammalica* (пользуемся этимъ терминомъ въ противоположность *promammalica*).

Изъ числа субъектовъ этой категоріи особенную извѣстность стяжали, между прочимъ, двѣ представительницы женскаго пола: дѣвица *Крао Фарини* и *Юлія Пастрана*, по мужу *Лентъ*. Первая изображена на рис. 36 въ дѣтскомъ возрастѣ, за неимѣніемъ подъ рукою современнаго рисунка взрослой дѣвицы. Крао выдается рекламой «за недостававшее звено» между человѣкомъ и обезьяной. Для вящшаго эффекта ее заставляли выходить къ публикѣ на четвереньках, прятать монеты и другіе мелкіе предметы за щеки, якобы въ защечные

мѣшки (которыхъ какъ разъ человѣкоподобнымъ обезьянамъ не полагается), выгибать кисть въ обратную сторону (какъ будто обезьяны обладаютъ этой способностью). Крао особа интеллигентная: свободно говоритъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, охотно посѣщаетъ театры. Смуглая индійская красавица съ большими, выразительными глазами, въ сущности, мало обезображена покрывающими ея лицо сплошь черными, жидкими волосами, такъ какъ волосы эти коротки и рѣдки, а главное, плотно прилегаютъ къ кожѣ. Волосы на щекахъ, губахъ и подбородкѣ напоминаютъ бороду; остальное тѣло покрыто довольно рѣдкими черными волосами. Волосы черепной покрышки блестяще черные, обильные и, будучи распущены, ниспадаютъ до колѣнъ.

Десны Крао выступаютъ впередъ и усажены зубами, неправильно сдвинутыми, какъ бы въ два ряда.

Едва ли не большею еще извѣстностью въ публикѣ и въ мірѣ ученыхъ пользовалась въ свое время *Юлія Пастрана* (рис. 37). Родомъ

Рис. 37. Портретъ Юліи Пастраны.

изъ Мексики—по крови, надо полагать, мулатка—дѣвица Пастрана въ пятидесятыхъ годахъ объѣздила многочисленные города Европы, всюду выставляя на показъ свое необычайное безобразіе и занимая посѣтителей пѣніемъ и пляской. Такъ какъ на вкусъ товарищей нѣтъ, то ея импресаріо, американецъ, сочетался съ нею законнымъ бракомъ. Супружеское счастіе четы Лентъ было не долговѣчно и окончилось въ 1860 г., въ Москвѣ, смертью Юліи, отъ послѣдствій кесарскаго сѣченія. Ея ребенокъ мужского пола умеръ на вторыя сутки. Хотя покойница и утверждала, что ловкій янки женился на ней по любви, онъ тѣмъ не менѣе поспѣшилъ съ бальзамировкой обоихъ труповъ и повезъ ихъ за границу со спекулятивными цѣлями. И, дѣйствительно, муміи его жены и сына, наряженныя въ шелкъ и мишуру, стали скитаться по странствующимъ анатомическимъ музеямъ.

Рекламы въ истинно-американскомъ стилѣ произвели Пастрану въ помѣси человѣка съ обезьяной, небылица, впрочемъ, изъ довольно

удачно придуманныхъ: если кто изъ волосачей походилъ на обезьяну, то именно Пастрана, съ ея отступившимъ назадъ подбородкомъ, волосатымъ, низкимъ, пологимъ лбомъ. Волосы ея были черные и, какъ у молодого гориллы, густо покрывали весь лобъ вплоть до бровей. Волосы черепной покрышки, судя по фотографіи, снятой въ московскомъ анатомическомъ театрѣ, едва спускались до локтей. Пастрана имѣла бороду, длиною всего съ палецъ, довольно жидкую, усы, повидимому, весьма ничтожные. Ея носъ и скулы были усѣяны лишь рѣдкими волосами. Необыкновенно длинные и слишкомъ обильные для человѣка волосы покрывали собою шею и всю верхнюю половину тѣла. Вообще Пастрана, по мнѣ, составляетъ какое-то смѣшеніе атавистическихъ признаковъ съ патологическими. Патологическимъ является, также какъ и у Крао, состояніе слизистой оболочки рта, которая и на деснахъ, и на губахъ, и на языкѣ представлялась разросшейся (Epulis), причемъ не доставало клыковъ и верхнихъ рѣзцовъ. Сынокъ Пастраны имѣлъ столь же волосатый лобъ, какъ и его мать. На остальномъ лицѣ сидѣли рѣдкіе волосы. Какъ у матери волосы всюду были чернаго цвѣта. Необходимо для точности замѣтить, что щеки всѣхъ *современныхъ* обезьянъ на столько же голыя, какъ у людей, а потому аномальная волосатостьихъ если и является атавидическимъ признакомъ, то признакомъ ультрадревнимъ.

Изъ совокупности нами разобраннаго относительно волосатаго покрова нашихъ предковъ мы приходимъ къ подтвержденію того положенія, что такой покровъ, дѣйствительно, существовалъ по типу млекопитающихъ, въ частности хотя бы современныхъ четверорукихъ. Съ очеловѣченіемъ нашихъ давнихъ предковъ было связано ослабленіе функціи кожи, въ смыслѣ рощенія ею волосъ. Но въ чемъ слѣдуетъ усматривать причину этого ослабленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оголенія? Займемся относящимися сюда догадками, придерживаясь при этомъ *Дарвина.*

Прежде всего *Дарвинъ* обсуждаетъ наиболѣе распространенное предположеніе, ставящее оголеніе человѣческихъ предковъ въ зависимость отъ жизни въ какой-нибудь тропической странѣ. Предположенію этому противорѣчитъ уже тотъ фактъ, что всѣ остальвые приматы, также живущіе въ тропическихъ странахъ, покрыты волосами. При этомъ волосяной ихъ покровъ особенно густъ на поверхности наибольшаго нагрѣва солнечными лучами, т.-е. на спинѣ, соотвѣтствующей въ этомъ отношеніи макушкѣ человѣческой головы. Значитъ, мѣхъ служитъ для защиты отъ палящихъ солнечныхъ лучей: не даромъ же полезно защищать голову отъ тропическаго зноя толстой чалмой.

Далѣе, *Дарвинъ* приводитъ предположеніе *Бельта,* что подъ тропиками отсутствіе волосъ составляло преимущество, избавлявшее человѣка отъ множества клещей и другихъ чужеядныхъ, часто водящихся на немъ и вызывающихъ иногда изъязвленія. Это предположеніе могло бы найти опору въ сообщеніи *Динайсона,* что австралійцы опаляютъ де себѣ волосы на тѣлѣ, когда ихъ одолѣваютъ чужеядныя.

Дарвинъ, однако, справедливо сомнѣвается въ томъ, чтобы такое сравнительно маловажное обстоятельство, какъ меньшее нападеніе чужеядныхъ, могло привести, путемъ естественнаго подбора, къ потерѣ волосъ, тѣмъ болѣе, что ни одно изъ волосатыхъ млекопитающихъ не пріобрѣло какихъ-либо особыхъ средствъ защиты противъ этихъ враговъ.

«Утрата волосъ, — замѣчаетъ *Дарвинъ* въ другомъ мѣстѣ своей книги, — составляетъ неудобство и, вѣроятно, приноситъ вредъ человѣку даже въ жаркомъ климатѣ, потому что подвергаетъ его палящимъ лучамъ солнца и быстрому охлажденію, особенно въ сырую погоду. Туземцы всѣхъ странъ, какъ замѣчаетъ *Уаллэсъ*, охотно защищаютъ свои голые плечи и спину какимъ-нибудь легкимъ покровомъ. Никто не подумаетъ, чтобы отсутствіе волосъ на кожѣ приносило прямую пользу человѣку; поэтому волосы не могли исчезнуть на его тѣлѣ путемъ *естественнаго* подбора. Нѣтъ также никакихъ основаній думать, чтобы это могло произойти вслѣдствіе прямого вліянія условій, которымъ человѣкъ былъ долго подверженъ, или видѣть въ этомъ *результатъ соотносительнаго* (*коррелятивнаго*) *развитія*». Послѣднія, подчеркнутыя мною слова прошу принять пока къ свѣдѣнію. Мы послѣ увидимъ, что я не могу съ ними согласиться; пока же вставляю другое поясненіе отъ себя. Оголеніе носороговъ, слоновъ, бегемотовъ и проч. не можетъ служить указомъ для человѣка, ибо у нихъ волосъ замѣняется необычайно толстой кожею, а у иныхъ еще болѣе толстымъ пластомъ подкожнаго сала. Къ тому же эти животныя большею частью громадныя, а стало быть, съ небольшою, сравнительно съ массою, поверхностью нагрѣва и охлажденія. Небольшой, сравнительно, объемъ человѣка и его столь драгоцѣнная поворотливость и ловкость движеній, равно какъ и тонкое кожное осязаніе, исключаютъ утолщеніе кожи и ея жировой клѣтчатки.

Нагота человѣка, будучи для него значительнымъ непосредственнымъ ущербомъ, неизбѣжно представляла одинъ изъ могущественныхъ рычаговъ, натолкнувшихъ его на путь культуры тѣмъ, что заставила его озабочиваться объ одеждѣ и жилищѣ. Исходя изъ этого положенія, *Уаллэсъ* думаетъ, что разумная сила должна была руководить развитіемъ человѣка при оголеніи его тѣла. Надъ этимъ воззрѣніемъ поглумился *Стеббингъ*. «Удивительно, — говоритъ онъ, — что *Уаллэсъ* воображаетъ себѣ высшій разумъ, вырывающимъ волоса на спинахъ дикарей которымъ, по его собственному признанію, они необходимы, для того, чтобы потомки бѣдныхъ ощипанныхъ жертвъ, послѣ множества смертныхъ случаевъ, вслѣдствіе холода и сырости, могли, наконецъ, подняться по лѣстницѣ развитія изобрѣтеніемъ различныхъ искусствъ по способу, указанному г. *Уаллэсомъ*. Если послѣдній пустилъ бы въ дѣло свойственную ему изобрѣтательность относительно вопроса о наготѣ человѣческой кожи, то онъ увидѣлъ бы возможность выработки этой особенности путемъ подбора производителей на основаніи большей красоты или здоровья, сопряженнаго съ большею чистоплотностью».

Самъ *Дарвинъ* принимаетъ оголеніе человѣческаго рода съ *эстетической цѣлью*, положеніе усвоенное, безъ дальнѣйшей критики *Геккелемъ* и другими. Въ чемъ оно заключается, это лучше всего будетъ прослѣдить, придерживаясь возможно ближе изложенія самого автора. Недоразвитіе волосъ на тѣлѣ человѣка до нѣкоторой степени представляетъ собою вторичный половой признакъ, потому что во всѣхъ частяхъ свѣта женщины менѣе волосаты, чѣмъ мужчины. Отсюда мы въ правѣ предположить, что этотъ признакъ пріобрѣтенъ путемъ *полового* подбора. Намъ извѣстно, что лицо у нѣкоторыхъ видовъ обезьянъ и большое пространство на заднемъ концѣ тѣла у другихъ видовъ лишены волосъ. Мы съ полной увѣренностью можемъ это отнести на счетъ полового подбора; потому что эти части не только ярко окрашены, но иногда, какъ, напр., у самца мандрила и самки бундера, гораздо ярче у одного пола, чѣмъ у другого, особенно во время ухаживанія. По мѣрѣ того, какъ эти животныя достигаютъ возмужалости, голая поверхность увеличивается относительно размѣровъ тѣла. Впрочемъ, въ этихъ случаяхъ волоса были удалены не съ цѣлью собственно обнаженія этихъ частей, а только для того, чтобы окраска кожи могла быть лучше видна. Точно также у многихъ птицъ голова и шея лишены перьевъ путемъ полового подбора съ цѣлью открыть ярко-окрашенную шею. Такъ какъ у женщинъ на тѣлѣ меньше волосъ, чѣмъ у мужчинъ, и такъ какъ этотъ признакъ общій всѣмъ расамъ, то мы въ правѣ заключить, что наши получеловѣческія родоначальницы были, вѣроятно, сначала до нѣкоторой степени бѣдны волосами и что это было въ очень отдаленное время, раньше уклоненія различныхъ расъ отъ общаго корня. По мѣрѣ того, какъ наши родоначальницы постепенно пріобрѣтали этотъ новый признакъ, онѣ должны были передавать его почти въ одинаковой степени молодымъ потомкамъ обоихъ половъ... Нѣтъ ничего удивительнаго, что частная утрата волосъ считалась украшеніемъ у обезьяноподобныхъ родоначальниковъ человѣка. Мы видимъ, что у животныхъ всѣхъ родовъ безчисленныя странныя особенности имѣли подобное же значеніе и вслѣдствіе этого были видоизмѣнены половымъ подборомъ. Нѣтъ также ничего удивительнаго въ томъ, что признакъ, до нѣкоторой степени вредный, могъ быть пріобрѣтенъ такимъ образомъ, ибо подобные случаи намъ извѣстны относительно перьевъ у многихъ птицъ и роговъ у нѣкоторыхъ оленей.

Итакъ, по представленію *Дарвина,* наши обезьяноподобные предки лишились густого волосяного покрова путемъ полового подбора, ради эстетическихъ цѣлей. Вѣроятно-ли это? Сомнѣваюсь. Начать съ того, что современныя «дикія» и малокультурныя племена до того расходятся во вкусахъ, что разсуждать объ эстетическихъ наклонностяхъ нашихъ четверорукихъ предковъ было бы очень рисковано. Далѣе, «comparaison n'est pas raison» и ссылка на обнаженные, ярко окрашенные участки кожи павіановъ, казуара, индюка требовали бы для

своей убѣдительности болѣе прочной фактической основы. Прежде всего, гдѣ же у человѣка болѣе ярко окрашенныя мѣста кожи? Осталось-ли отъ нихъ воспоминаніе хотя-бы въ зародышевой жизни? Единственное болѣе яркое мѣсто у блѣднокожихъ—красныя щеки. Но, вѣдь, голыя щеки составляютъ принадлежность также всѣхъ четвероруких, причемъ у большинства изъ нихъ онѣ по цвѣту не отличаются отъ остальной поверхности кожи. Поэтому, между оголеніемъ щекъ и ихъ румянцемъ можетъ и не быть прямого соотношенія; румянецъ могъ бы оказаться и позднѣйшаго происхожденія. Къ тому же такія незначительныя поверхности, какими являются щеки, слишкомъ мало значатъ противъ обнаженія всей остальной поверхности тѣла. Павіаны на ярко окрашенныхъ мѣстахъ тѣла вовсе лишены волосяной растительности, тѣмъ не менѣе это нисколько не отразилось на остальныхъ областяхъ тѣла, какъ на зло, покрытыхъ особенно длинной, густой шерстью; сообразно съ гипотезой *Дарвина,* не человѣкъ, а павіаны должны бы имѣть оголенное тѣло. Далѣе еще вопросъ: можетъ-ли оголеніе тѣла считаться признакомъ, склоннымъ къ усиленію путемъ полового подбора? Для этого надо бы предполагать, что качество, само по себѣ вредное, нравилось нашимъ обезьяноподобнымъ предкамъ. Мнѣ это кажется сомнительнымъ; мало того, я скорѣе склоненъ допустить обратное, т.-е., что эти предки должны были относиться съ пренебреженіемъ къ товарищу, хуже ихъ защищенному отъ холода, палящихъ солнечныхъ лучей и сырости. Наконецъ, *Дарвинъ* впадаетъ еще въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, справедливо указывая на начало обнаженія лишь у нѣкоторыхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ, напр., у гиббона, самки котораго съ испода бѣднѣе самцовъ волосами; о болѣе яркой же окраскѣ брюшной кожи тутъ нѣтъ и помину. Присоединимъ къ этому еще и тотъ фактъ, что волосяной покровъ человѣкоподобныхъ обезьянъ, вообще, долженъ быть названъ сравнительно жидкимъ, уже обнаруживающимъ наклонность къ исчезновенію.

Принимая во вниманіе всѣ перечисленныя гипотезы о смыслѣ и причинѣ оголенія человѣческаго тѣла, не могу присоединиться ни къ одной изъ нихъ. Вмѣсто того, рѣшаюсь на предположеніе, что зачаточность человѣческой оброслости зависитъ отъ внутренней, вложенной въ самый организмъ причины. При этомъ на мѣсто полового подбора я склоненъ поставить измѣненіе соотносительное, коррелятивное, т.-е. вызванное другимъ, предшествовавшимъ или одновременнымъ, измѣненіемъ. Какъ органъ, отъ котораго исходитъ толчекъ къ обнаженію тѣла, напрашивается нервная система, центральная и периферическая.

Совершенно исключительное, количественное и качественное развитіе нервной системы человѣка, захватъ ею бо́льшаго вѣсового процента, могли осуществиться лишь на счетъ другихъ, менѣе важныхъ органовъ, отъ которыхъ пришлось отвлечь необходимый образовательный и питательный матеріалъ. Еще у антропоморфныхъ обезьянъ въ суженіи концевой части слѣпой кишки до ничтожнаго черве-

образнаго отростка можетъ быть усмотрѣнъ примѣръ образованія, принесеннаго въ жертву на пользу прироста нервной системы. Переразвитіе человѣческой нервной системы требовало, полагаю, новыхъ приношеній въ жертву такихъ образованій, безъ которыхъ хорошо-ли, дурно-ли еще можно обойтись. Сюда относятся волосы, своего рода продуктъ кожной формативной дѣятельности. По способу развитія, нервная система принадлежитъ къ наружному слою внѣшняго покрова, а потому соотношеніе между ними, компенсація одного на счетъ другого, тѣмъ болѣе вѣроятно. Присоединимъ къ этому еще и то обстоятельство, что рука объ руку съ переразвитіемъ головного мозга должно было идти и усовершенствованіе органовъ чувствъ, въ томъ числѣ и органовъ осязанія, распространенныхъ по всей кожѣ. Послѣдніе, понятно, болѣе доступны внѣшнимъ раздраженіямъ при условіи обнаженія кожи. Такимъ образомъ, причиною оголенія кожи я склоненъ считать подавленіе волосяной растительности тѣмъ, что потребный на нее матеріалъ предвосхищенъ нервною системою, а цѣлью (конечною причиною, causa finalis) бо́льшую чувствительность кожи. Изо всѣхъ участковъ кожи въ особенности два требуютъ предпочтительнаго изощренія въ осязательной способности: лицо, гдѣ вообще по преимуществу сосредоточены вѣстовые, оповѣщающіе насъ о перемѣнахъ въ окружающемъ мірѣ, и хватательныя (осязательныя) поверхности конечностей. Съ этихъ-то участковъ, оголенныхъ уже у обезьянъ оголеніе и могло распространяться по остальному тѣлу по мѣрѣ умноженія и усовершенствованія въ кожѣ нервныхъ окончаній, рука объ руку съ приростомъ и чувствующихъ мозговыхъ центровъ. Мѣсто естественной шубы, по мѣрѣ надобности, стали замѣнять человѣку искусственная одежда и защищенныя, искусственно же созданныя жилища. Многіе такъ называемые дикари и по сію пору ходятъ нагишомъ, хотя и сознаютъ пользу покрывала. Въ поясѣ умѣренномъ и, подавно, холодномъ искусство сооруженія одежды изъ звѣриныхъ шкуръ и растительныхъ волоконъ должно было развиться раньше. Въ концѣ-концовъ, искусственная одежда заслуживаетъ предпочтенія передъ природной шубой по причинѣ какъ большей опрятности, такъ и приспособляемости не только ко временамъ года, но и частнымъ температурнымъ колебаніямъ.

Остается еще разъ резюмировать предлагаемое мною воззрѣніе на причину оголенія и закруглить его кое-какими дополненіями. Оголеніе обусловливается усовершенствованіемъ осязательнаго кожнаго аппарата и приростомъ центральной нервной системы. Оно заключается въ подавленіи оброслости на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не исполняетъ спеціальныхъ отправленій. Подавленіе это приходится нынѣ на долю второй трети зародышеваго и многолѣтняго послѣзародышеваго развитія. Въ позднѣйшіе годы попридержанная *волосовыдѣлительная* способность кожи получаетъ бо́льшую или меньшую новую силу. При этомъ меньшая волосатость взрослыхъ женскихъ особей всѣхъ безъ изъятія пле-

менъ безъ натяжки объясняется тѣмъ, что женскій организмъ вообще останавливается на нѣсколько болѣе ранней, въ данномъ случаѣ юношеской, ступени. Другими словами, скудная женская оброслость оказывается основанной на болѣе значительной задержкѣ ращенія волосъ, а отнюдь не на вторичномъ, новопріобрѣтенномъ половомъ признакѣ, какъ думаетъ *Дарвинъ*. (Послѣдній, какъ мы видѣли, приписываетъ нашимъ полуживотнымъ родоначальницамъ, такъ сказать, предводительство на пути къ оголенію съ эстетическими-де цѣлями). Подавленность женской оброслости становится еще болѣе понятною, если принять во вниманіе относительно большее количество у женщинъ (сообразно меньшему росту) головного мозга и кожныхъ нервныхъ окончаній, тѣмъ болѣе, что эти аппараты требуютъ относительно бо́льшее количество матеріала не только для своей постройки, но и для своего питанія. Къ этому присоединяются еще значительныя нормальныя затраты на производство потомства. Впослѣдствіи, когда эти затраты женскаго тѣла сокращаются или вовсе прекращаются, ея волосяной покровъ на туловищѣ и конечностяхъ зачастую болѣе или менѣе догоняетъ мужской; мало того, нерѣдко появляется болѣе или менѣе выраженная челюстная растительность по мужскому типу.

Отъ *Дарвина*, какъ одного изъ піонеровъ, впервые глубже вступившаго въ темную, почти непочатую область изысканій объ естественно-историческомъ прошломъ человѣческаго рода, нельзя было ни требовать, ни ожидать сколько-нибудь точной картины нашихъ полуживотныхъ предковъ. Набросанная имъ картина существа съ хвостомъ, заостренными ушами и густымъ мѣхомъ, включаетъ въ себѣ отчасти признаки слишкомъ древніе, отъ которыхъ отдѣлались предки всѣхъ приматъ еще въ тотъ давній періодъ, когда не было еще и помину объ «очеловѣченіи» животнаго. За *Дарвиномъ* остается роль того исполина, на плечахъ котораго расположились карлики. Научные горизонты расширяются; безнадежное разочарованіе послѣ долголѣтнихъ тщетныхъ поисковъ за палеонтологическими памятниками общечеловѣческой родословной къ исходу столѣтія разсѣялось. Жгучій вопросъ біологіи, котораго такъ страшились, какъ страшатся суевѣрные люди столкновенія земного шара съ кометой, въ принципѣ разрѣшенъ безъ всякой катастрофы, безъ малѣйшихъ потрясеній какихъ-либо нравственныхъ или религіозныхъ основъ. Даже никакого толчка, могущаго потрясти ненадежную и невѣжественную массу, не послѣдовало. Въ этомъ, разсуждая съ соціальной точки зрѣнія, одно изъ важныхъ преимуществъ научныхъ истинъ, что, распространяясь въ массу, онѣ разбѣгаются, исподоволь ослабѣвая, подобно кругамъ на глади водъ отъ сильнаго паденія камня: они не опрокидываютъ народнаго челнока, даже не выводятъ его изъ равновѣсія.

Приходимъ къ концу нашихъ разсужденій о выработкѣ главнѣйшихъ тѣлесныхъ, соматическихъ, особенностей человѣка или, что то же самое, объ его естественно-историческомъ прошломъ. Резюмируя все ска-

занное, мы прежде всего усматриваемъ важнѣйшее проявленіе очеловѣченія нашихъ животноподобныхъ предковъ въ полномъ раздѣленіи труда между грудными—съ этого момента уже верхними—и брюшными, нижними, конечностями. Культура и, вмѣстѣ съ тѣмъ, господство человѣка на земномъ шарѣ, зиждется прежде всего на трудахъ его рукъ.

Отрицательные признаки, оголеніе тѣла, наравнѣ съ беззащитностью — въ смыслѣ недостатка естественныхъ орудій обороны и нападенія — являлись необходимыми стимулами къ улучшенію внѣшней обстановки жизни изобрѣтеніемъ орудій искусственныхъ. Наши предки, вступившіе на первую ступень человѣческаго развитія, скажемъ питекантропиды, изощряли, въ борьбѣ со стихіями и врагами, органы чувствъ, наблюдательность, сообразительность и другія высшія психическія отправленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ упражненія, у нихъ развивалась и вся нервная система, возвышаясь надъ уровнемъ, присвоеннымъ остальнымъ млекопитающимъ животнымъ. Пріобрѣтавшееся индивидуальнымъ упражненіемъ суммировалось и передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе въ силу наслѣдственности. Подражаніе, взаимное обученіе, традиціонная передача изъ рода въ родъ при общинномъ бытѣ осложняли, разнообразили дѣятельность психическихъ органовъ, которые черезъ безчисленныя поколѣнія могли достичь степени присвоенной человѣку въ тѣсномъ смыслѣ слова, какимъ мы его зваемъ со временъ каменнаго вѣка. Организмъ охотно уподобляютъ машинѣ. Онъ дѣйствительно таковъ; но между организмомъ и машиной есть и существенное различіе: работа машины всецѣло обусловливается ея устройствомъ, тогда какъ въ организмѣ одновременно съ этимъ наблюдается еще и обратное. Машина въ однообразіи работы изнашивается, организмъ же въ своей многообразной работѣ изощряется и перестраивается, приспособляется. Мы это видѣли на примѣрахъ сочлененій, мускуловъ, и въ настоящее время, по аналогіи, распространяемъ также на мозгъ и на органы чувствъ. Весьма вѣроятно, что при перестройкѣ организма въ безконечной вереницѣ поколѣній, сверхъ упражненія органовъ, игралъ и играетъ роль еще нѣкій внутренній толчекъ развитія, направляющій путь историческаго преобразованія въ извѣстномъ, предначертанномъ направленіи.

Медленны пути органическаго прогресса. Они объемлютъ десятки тысячелѣтій. Въ началѣ угасающаго нынѣ столѣтія могли еще съ успѣхомъ ссылаться на муміи людей и животныхъ изъ древне-египетскихъ гробницъ, какъ на вѣское доказательство стойкости организмовъ, какъ на опроверженіе теоріи превращенія видовъ. Вся такъ называемая всемірная исторія, т.-е. письменный переводъ общей эволюціонной драмы человѣчества, объемлетъ какія-нибудь 7.000 лѣтъ, т.-е. какія-нибудь 210 поколѣній, полагая ихъ по три на столѣтіе. Лѣтъ тридцать тому назадъ германскій ученый *Лазаръ Гейгеръ* выступилъ съ рядомъ филологическихъ и археологическихъ изысканій, долженствовавшихъ доказать, будто древніе греки, и тѣмъ болѣе ихъ пред-

шественники еще не умѣли различать синяго цвѣта; но, увы, вся остроумная его аргументація рухнула, когда указали на египетскіе плафоны, расписанные подъ синее небо съ желтыми звѣздами. Нѣтъ, такъ быстро не пріобрѣтаются способности, основанныя на самой организаціи человѣка!

Тѣмъ быстрѣе шествуетъ въ человѣчествѣ прогрессъ умственный, культурный и даже нравственный. Не стану повторять тутъ всего уже высказаннаго мною на этотъ счетъ въ одной изъ своихъ популярныхъ статей *). Напомнимъ лишь о житьѣ-бытьѣ многихъ современныхъ дикарей, этихъ воистину печальныхъ пасынковъ природы, и воскресимъ въ своемъ воображеніи—судя по всему—аналогичный бытъ древнѣйшихъ пещерныхъ людей каменнаго вѣка. Тысячелѣтіями они влачили однообразный бытъ въ дремучемъ лѣсу среди всѣхъ ужасовъ, имъ безпрестанно угрожавшихъ. Противопоставимъ имъ народы культурные послѣднихъ пяти, семи тысячелѣтій. Нѣтъ, возьмемъ только время, протекшее отъ Рождества Христова, удовольствуемся, наконецъ, ссылкой даже на одно лишь нынѣшнее столѣтіе по сравненію съ прошлымъ. Давно ли пытки составляли необходимый аппаратъ при отправленіи правосудія? Еще при *Маріи-Терезіи* былъ изданъ толстый фоліантъ со многими иллюстраціями—регламентъ и наставленіе о примѣненіи пытокъ и объ искусствѣ ихъ производства! Давно ли отмѣненъ институтъ рабства?

Тѣмъ не менѣе человѣческая жизнь и въ современномъ культурномъ обществѣ остается «тяжелымъ трудомъ», трудомъ для многихъ непосильнымъ. Пусть эти слабосильные и пессимисты обратятся назадъ ко временамъ варварства, ко временамъ всесильнаго кулачнаго права; пусть въ минуту жизни трудную проникнутся идеаломъ истины, добра и красоты, къ осуществленію котораго стремится человѣчество. Тогда они вспомнятъ мимолетность собственнаго существованія и предвкусятъ радужныя картины золотого вѣка, когда человѣчество преобразится нравственно по образу и подобію Божію, когда приведутся къ одному знаменателю права и обязанности всѣхъ и каждаго, безъ различія племени, класса и пола.

На такія мысли о человѣческомъ прогрессѣ вообще наводитъ естественно-историческое прошлое человѣчества. На самомъ дѣлѣ, животноподобное ничтожество, изъ котораго человѣкъ возвысился до своег современнаго высококультурнаго состоянія, является лучшимъ залогомъ его еще болѣе блестящей будущности: усовершенствованіе тѣлесное, а въ несравненно быстрѣйшемъ темпѣ умственно-нравственное, вотъ то, что сулятъ человѣчеству грядущія столѣтія и тысячелѣтія.

Конецъ.

---

*) «Сожительсто и взаимная помощь». «Міръ Божій». 1896 г.

КИТАЙ и КИТАЙЦЫ.

*(Окончанiе *)*

XIII.

Почти весь многомилліонный китайскій народъ представляетъ собой крестьянское населеніе, занятое преимущественно земледѣліемъ и разными кустарными промыслами, служащими часто только подспорьемъ къ тому же земледѣлію. Изъ этой однородной массы выдѣлилось въ особый классъ, сознающій свои особые классовые интересы, одно купечество. Но оно, вслѣдствіе своей относительной малочисленности, не имѣетъ еще никакихъ политическихъ правъ и не играетъ никакой роли въ государственной жизни страны. Вверху, надъ народомъ стоитъ правительство, совершенно оторванное отъ него и опирающееся исключительно на чиновничество.

Между правительствомъ и народной массой нѣтъ никакой серьезной общественной силы, никакого господствующаго сословія или класса, съ интересами котораго правительству приходилось бы считаться. Въ этомъ отношеніи Китай представляетъ совершенно исключительный примѣръ въ исторіи. Во всѣхъ другихъ странахъ правительство опиралось на какой-нибудь привилегированный слой населенія, создавшійся благодаря извѣстнымъ историческимъ условіямъ. Иногда рядомъ съ этимъ правящимъ классомъ выдѣлялся и другой, тоже сильный и вліятельный, могущій противоставить правительству сознательную и организованную силу. Въ такой роли являлась то землевладѣльческая аристократія, то служилое дворянство, то промышленный классъ, то духовенство. Въ Китаѣ, благодаря особенностямъ его историческаго развитія, не возникло никакой такой крупной общественной силы. Землевладѣніе, какъ мы видѣли, носитъ тамъ исключительно характеръ мелкой крестьянской собственности, промышленность не вышла еще изъ примитивной стадіи мелкаго кустарнаго производства. Военная власть сосредоточена въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ и смѣщаемыхъ по усмотрѣнію

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

высшаго начальства, а войско набирается по найму изъ самыхъ низшихъ слоевъ населенія—въ Китаѣ существуетъ даже особая пословица: «Изъ хорошаго желѣза не куютъ гвоздей, изъ хорошаго человѣка не дѣлаютъ солдата», и вообще военная служба не пользуется тамъ никакимъ уваженіемъ. Наконецъ, китайская государственная религія не имѣетъ особаго жреческаго сословія; жреческія обязанности исполняются тѣми же мандаринами. Другія религія, распространенныя въ Китаѣ—буддизмъ, ламайство и даосизмъ, хотя и имѣютъ свое духовенство, но оно очень малочисленно и не пользуется никакимъ вліяніемъ въ странѣ.

Такимъ образомъ въ Китаѣ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ сословій, которыя играли политическую роль въ другихъ государствахъ міра. Правящимъ классомъ тамъ является исключительно чиновничество, составляющее въ теоріи умственную аристократію страны, такъ какъ единственнымъ условіемъ для зачисленія въ его ряды служитъ образовательный цензъ. Мы видѣли, во что на практикѣ выродилась эта умственная аристократія. Это ученое чиновничество вмѣстѣ съ нечиновными учеными составляетъ очень значительный по численности слой населенія съ очень развитыми аппетитами, организованный и могущественный, и въ то же время совершенно непроизводительный, живущій всецѣло на средства народа.

Подъ бременемъ этой тяжести народъ положительно изнемогаетъ и не выходитъ изъ состоянія крайней бѣдности, несмотря на то, что страна, гдѣ онъ живетъ, отличается выдающимся природнымъ богатствомъ. Такое ненормальное явленіе не представляетъ ничего удивительнаго при существующемъ порядкѣ вещей. Естественныя богатства страны по большей части пропадаютъ втунѣ, такъ какъ они составляютъ собственность правительства, не умѣющаго ихъ эксплуатировать. Промышленность не можетъ развиваться благодаря тяготѣющему надъ ней произволу чиновниковъ съ одной стороны, благодаря отсутствію техническаго образованія и отсутствію путей сообщенія — съ другой. Населеніе принуждено кормиться почти исключительно отъ земли, которой ему не хватаетъ даже въ урожайные годы. А въ періоды неурожаевъ голоданье достигаетъ такихъ предѣловъ, что случаи канибализма составляютъ, по свидѣтельству такого компетентнаго изслѣдователя Китая, какъ Кольхкунъ, обычное и грозное явленіе *). Это и понятно ввиду полнаго отсутствія дорогъ, дѣлающаго совершенно несмыслимой доставку хлѣба въ пострадавшія мѣстности. Хроническая бѣдность, прерываемая періодическими голодовками, и полная беззащитность отъ произвола ненасытнаго чиновничества — вотъ обычныя условія жизни китайскаго крестьянина, т.-е $^9/_{10}$ всего китайскаго населенія. Яркимъ симптомомъ этого ужаснаго положенія на-

*) Colquhoun «China in trausformation», стр. 88 и 89.

рода служатъ безпрерывные бунты, вспыхивающіе то тутъ, то тамъ на обширной территоріи китайской имперіи. Но эти бунты носятъ чисто стихійный, совершенно неорганизованный характеръ и ведутъ въ концѣ концовъ къ еще большему усиленію гнета чиновничества, стремящагося задушить въ зародышѣ всякую попытку къ сопротивленію. За послѣднія десятилѣтія народныя возмущенія особенно усилились, показывая, что дольше народъ не можетъ жить при такихъ условіяхъ. Ему необходимъ какой - нибудь выходъ, какіе - нибудь новые источники существованія. Но возможенъ-ли для Китая такой выходъ, пока онъ сохраняетъ свои специфическія основы жизни? Обѣщаетъ ли китайская цивилизація какой - нибудь просвѣтъ въ будущемъ, открываетъ-ли она возможность какого-нибудь улучшенія хотя бы только матеріальныхъ условій народной жизни? Нѣтъ, такъ какъ китайская цивилизація по самому своему существу враждебна прогрессу. Ея сила заключается именно въ удивительной гармоніи различныхъ сторонъ жизни, опирающихся другъ на друга и поддерживающихъ все въ состояніи косности. Экономическія условія жизни китайцевъ связаны съ формами ихъ семейнаго быта, семейная организація связана съ религіей, религія связана съ системой образованія и со всѣмъ государственнымъ строемъ. Измѣненіе въ одной изъ этихъ областей неминуемо затрагиваетъ всѣ другія и, главное, въ послѣднемъ счетѣ затрагиваетъ интересы бюрократіи, стремящейся во что бы то ни стало сохранить statu quo. Поэтому, никакія частичныя реформы тамъ невозможны, необходимъ общій переломъ всей жизни, поворотъ на путь европейской или, лучше сказать, общечеловѣческой цивилизаціи. Пока въ Китаѣ господствуетъ культъ предковъ, санкціонирующій неподвижную семейную организацію, санкціонирующій данный государственный строй, пока конфуціанство налагаетъ руку на всю умственную жизнь народа, убивая свободную мысль и исключая возможность широкаго реальнаго образованія, до тѣхъ поръ страна не можетъ начать правильно развиваться и населенію не станетъ легче жить.

Но, разумѣется, этотъ крупный переворотъ, который предстоитъ пережить Китаю, если ему суждено выбиться изъ того тупика, куда завела его исторія, не можетъ совершиться разомъ, по мановенію волшебнаго жезла. Ему предстоитъ тяжелый періодъ постепенной ломки всѣхъ соціальныхъ условій, всѣхъ основъ міросозерцанія. Начавшись въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, эта ломка силою вещей вовлечетъ въ общій переворотъ одну за другой всѣ стороны неподвижной китайской жизни. И ломка эта не только должна начаться, она уже началась въ Китаѣ въ настоящее время. Внѣшнимъ толчкомъ, вызвавшимъ кризисъ китайской цивилизаціи, послужило, конечно, знакомство съ Европой. Сношенія съ Европой, имѣющія теперь довольно длинную исторію, развивались тремя путями: путемъ пропаганды христіанской религіи, путемъ дипломатическихъ сношеній и войнъ и торгово-промышленнымъ путемъ.

XIV.

Раньше всего Китай познакомился съ европейцами, пріѣзжавшими туда въ качествѣ миссіонеровъ. Попытки проповѣдывать китайцамъ христіанскую религію начались очень рано. Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о распространеніи христіанства {въ Китаѣ относятся еще къ VII вѣку по Р. Х. Въ 1625 году въ Сиянь-Фу, столицѣ провинціи Шэньси, найдена была мраморная доска, озаглавленная «Апологія славной религіи, распространенной въ Китаѣ, съ предисловіемъ: сочиненіе Кинъ-Чина, монаха Сирійской церкви». Находка этой доски вызвала въ свое время много споровъ между учеными синологами, возбуждалось даже сомнѣніе въ ея подлинности, но въ концѣ концовъ признано несомнѣннымъ, что она относится къ VII вѣку и написана монахомъ-несторьянцемъ, проповѣдывавшимъ въ Китаѣ христіанство. Извѣстно также, что монахи, принесшіе въ 551 году шелковые коконы изъ Китая въ Константинополь, были тоже несторьянцы. Подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности этихъ первыхъ христіанскихъ миссіонеровъ, къ сожалѣнію, не сохранилось, но, во всякомъ случаѣ, это не были только случайныя попытки отдѣльныхъ монаховъ, несторьяне энергично занимались пропагандой христіанства въ Китаѣ, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе семи вѣковъ. Еще Марко Поло, посѣтившій Китай въ концѣ XIII вѣка, свидѣтельствуетъ о существованіи тамъ нѣсколькихъ христіанскихъ церквей, основанныхъ несторьянцами. Но дальше упоминанія о нихъ прекращаются и вмѣстѣ съ ними исчезаютъ, повидимому, и всякіе слѣды ихъ многовѣковой работы.

Съ начала XIV вѣка проповѣдью христіанства въ Китаѣ начинаетъ заниматься католическое духовенство. Первымъ католическимъ миссіонеромъ въ Китаѣ былъ монахъ Монтекорвино, присланный папою Николаемъ IV и назначенный имъ въ 1307 году архіепископомъ китайской церкви. Въ помощь ему было прислано изъ Рима еще 7 епископовъ и нѣсколько монаховъ. По свидѣтельству историковъ римской куріи, дѣятельность этихъ первыхъ католическихъ миссіонеровъ была очень успѣшна и число обращенныхъ достигало, будто бы, тридцати тысячъ. Но эти успѣхи католицизма оказались довольно непрочными и первые китайцы католики исчезли такъ же безслѣдно, какъ и китайцы несторьяне. Въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ о дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ сохранилось очень мало данныхъ, видимо энергія ея нѣсколько ослабѣла, а когда она возобновилась съ новою силою въ концѣ XVI вѣка, миссіонерамъ пришлось дѣйствовать опять на дѣвственной почвѣ.

Въ 1582 году въ Китай прибылъ знаменитый іезуитскій миссіонеръ Риччи. Риччи обладалъ большимъ проповѣдническимъ талантомъ и энергіей; кромѣ того, онъ хорошо зналъ китайскій языкъ, вслѣдствіе чего ему удалось пробраться въ Пекинъ и пріобрѣсти вліяніе при

дворѣ богдыхана Ванъ-ли. Онъ сумѣлъ обратить въ христіанство даже нѣсколькихъ высокопоставленныхъ мандариновъ, которые всегда наиболѣе враждебно относились къ новой вѣрѣ. Среди простого народа онъ дѣйствовалъ, стараясь, главнымъ образомъ, не идти въ разрѣзъ съ укоренившимися вѣрованіями и дѣлать переходъ въ христіанство по возможности нечувствительнымъ. Онъ допускалъ культъ предковъ, позволялъ причислять Конфуція къ христіанскимъ святымъ, оставлялъ языческія изображенія, предписывая только помѣщать на нихъ крестъ. Благодаря такой терпимости Риччи, христіанство при немъ сдѣлало значительные успѣхи и ему лично удалось крестить нѣсколько сотъ китайцевъ. Но, съ другой стороны, эти послабленія языческимъ вѣрованіямъ вызвали протестъ въ средѣ самого католическаго духовенства. Между іезуитами, придерживавшимися тактики Риччи, и доминиканцами, преслѣдовавшими со всею строгостью языческіе обряды, возгорѣлась борьба, невыгодно отражавшаяся на дѣлѣ проповѣди христіанства. Наконецъ, римская курія сочла необходимымъ положить конецъ этимъ пререканіямъ, и папа Иннокентій X сталъ опредѣленно на сторону доминиканцевъ. Въ 1645 году онъ издалъ декретъ, которымъ строго воспрещалось допускать среди обращенныхъ соблюденіе какихъ бы то ни было языческихъ обрядовъ. Культъ предковъ и канонизація Конфуція признаны были имъ совершенно несовмѣстимыми съ христіанствомъ. Этотъ декретъ вызвалъ сильное неудовольствіе среди іезуитовъ, дѣйствовавшихъ въ Китаѣ, и имъ удалось добиться отъ папы нѣкоторыхъ смягченій. Но доминиканцы, съ своей стороны, продолжали настаивать на рискованности всякихъ послабленій, и въ концѣ концовъ папа Климентъ XI обнародовалъ указъ, окончательно воспрещавшій допущеніе какихъ бы то ни было языческихъ суевѣрій. Въ подтвержденіе этого указа, папа Бенедиктъ XIV въ 1742 году издалъ буллу, запрещавшую китайцамъ-христіанамъ соблюденіе ихъ древнихъ обрядовъ подъ страхомъ отлученія. Эта булла имѣетъ силу и до сихъ поръ, и всякій миссіонеръ, отправляющійся въ Китай, произноситъ клятву, что будетъ слѣдить за ея точнымъ выполненіемъ.

Несмотря на эти строгіе указы, католическіе миссіонеры продолжаютъ держаться въ общемъ тѣхъ пріемовъ, какіе были выработаны первоначально іезуитами. Главною своею цѣлью они ставятъ присоединеніе къ лону церкви возможно большаго количества душъ. На дѣйствительное усвоеніе крещеными сущности христіанской вѣры они обращаютъ гораздо меньше вниманія, и считаютъ возможнымъ допускать для своей новой паствы всякія послабленія. Только культъ предковъ строго преслѣдуется ими, но на соблюденіе остальныхъ обычаевъ, не согласныхъ съ догмами католицизма, они смотрятъ сквозь пальцы. Они разрѣшаютъ китайцамъ ранніе браки, освобождаютъ ихъ отъ постовъ, допускаютъ чествованіе Конфуція и т. п. Въ то же время они стараются привлекать къ церкви обѣщаніемъ денежныхъ наградъ

и разными другими матеріальными выгодами. Мало того, они считають возможнымъ, для увеличенія своей паствы, прибѣгать даже къ настоящимъ мошенническимъ продѣлкамъ, уловляя души язычниковъ безъ ихъ вѣдома. Устраивается это, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: узнавъ, что въ домѣ какого-нибудь китайца крестьянина есть больной ребенокъ, миссіонеръ посылаетъ туда китайца же катехизатора съ предложеніемъ безплатно полѣчить ребенка. Родители въ большинствѣ случаевъ соглашаются; тогда въ домъ приносится чаша съ водой и мнимый врачъ погружаетъ въ нее ребенка, произнося при этомъ какія-то непонятныя слова. Никто изъ семьи больного и не подозрѣваетъ, что этотъ невинный пріемъ лѣченья знаменуетъ въ дѣйствительности присоединеніе къ католической церкви. Если ребенокъ послѣ этого умираетъ, то имя его все-таки фигурируетъ въ спискахъ китайцевъ-христіанъ; оставшись въ живыхъ, онъ, конечно, соблюдаетъ всѣ древніе обряды, и не подозрѣвая, что на бумагѣ онъ числится католикомъ.

Конечно, не одними подобными способами вербуютъ обращенныхъ католическіе миссіонеры. Между ними есть люди, горячо вѣрующіе и самоотверженные, отдающіе всю жизнь на служеніе своей новой паствѣ. Кромѣ непосредственной религіозной пропаганды, они стремятся склонить къ новой вѣрѣ дѣлами милосердія, безкорыстной помощью всѣмъ нуждающимся. Они открываютъ госпитали, пріюты, школы, щедро раздаютъ милостыню, не спрашивая о религіи, и особенно во времена народныхъ бѣдствій являются настоящими благодѣтелями разореннаго населенія. Въ періоды голодовокъ количество обращеній всегда сильно возрастаетъ. Разсчетливые китайцы не прочь такимъ легкимъ способомъ купить себѣ помощь въ случаѣ нужды, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ это ихъ ни къ чему не обязываетъ, они легко примиряютъ требованія своего культа съ внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ снисходительной католической церкви.

Совершенно иначе, чѣмъ католики, дѣйствуютъ протестантскіе миссіонеры. Даже по внѣшнему виду протестантскій пасторъ въ Китаѣ рѣзко отличается отъ католическаго миссіонера. Въ то время, какъ католическіе монахи находятъ болѣе удобнымъ для себя носить китайскую одежду, чтобы больше гармонировать со средой, протестантскій проповѣдникъ всегда сохраняетъ европейскій костюмъ. Эта наружная разница соотвѣтствуетъ и различному пониманію ими своихъ задачъ. Миссіонеръ-протестантъ нисколько не стремится приспособляться къ средѣ; напротивъ, онъ ее старается возвысить до своего уровня. Прежде чѣмъ крестить китайцевъ, онъ считаетъ необходимымъ заставить ихъ ознакомиться съ самою сущностью христіанства. Проповѣдь началъ христіанской нравственности и распространеніе европейскаго образованія гораздо больше озабочиваетъ протестантскихъ миссіонеровъ, чѣмъ внѣшнее присоединеніе китайцевъ къ протестантской церкви. Но зато отъ обращенныхъ они требуютъ уже

сознательнаго слѣдованія ученію церкви и естественно стремятся искоренить въ нихъ всякіе остатки языческихъ вѣрованій. Конечно, эта задача много труднѣе, поэтому и число принявшихъ протестантскую религію много меньше, чѣмъ число китайцевъ-католиковъ. Дѣятельность протестантскихъ миссіонеровъ началась гораздо позднѣе, чѣмъ пропаганда католицизма—всего съ начала нынѣшняго вѣка и первое время она была обязана исключительно частной иниціативѣ отдѣльныхъ протестантскихъ пасторовъ. Въ настоящее время ее взяли въ свои руки нѣсколько миссіонерскихъ обществъ въ разныхъ протестантскихъ странахъ, и они уже на свой счетъ отправляютъ туда миссіонеровъ. Такихъ обществъ существуетъ теперь болѣе двадцати; изъ нихъ наиболѣе значительна дѣятельность трехъ «The China Inland Mission», «The London Mission» и «The Methodist Episcopal Mission».

Кромѣ католической и протестантской миссій, въ Китаѣ существуетъ также и православная миссія, но она носитъ совершенно особый характеръ и мало занимается проповѣдью христіанства. Возникла она еще въ концѣ XVII вѣка по совершенно случайной причинѣ. Въ половинѣ XVII вѣка русскіе люди, преимущественно золотоискатели, стали проникать въ Приамурскую область и селиться тамъ. Когда свѣдѣнія объ этомъ дошли до Москвы, правительство рѣшило воспользоваться этимъ и укрѣпить занятый ранѣе русскими городъ Албазинъ, превративъ его въ русскую крѣпость. Но богдыханъ Канси, царствовавшій въ то время въ Китаѣ, не пожелалъ такого близкаго сосѣдства съ русскими и послалъ на Амуръ 15-ти-тысячное войско. Послѣ отчаяннаго сопротивленія Албазинъ былъ взятъ, большая часть гарнизона и жителей перебиты, а 45 человѣкъ мужчинъ, нѣсколько женщинъ и дѣтей взяты въ плѣнъ и доставлены въ Пекинъ. По какой-то причинѣ богдыханъ выказалъ особую благосклонность плѣннымъ албазинцамъ, отвелъ имъ землю подъ Пекиномъ, причислилъ къ знаменному манчжурскому войску, позволилъ пріѣхавшему съ ними священнику отправлять богослуженіе по православному обряду, а холостымъ мужчинамъ далъ въ жены китаянокъ «изъ разбойничьяго приказа», т.-е., иначе говоря, осужденныхъ преступницъ. Такимъ образомъ у стѣнъ китайской столицы образовалось русское православное поселеніе. Оно-то и вызвало къ существованію православную миссію. Русскіе купцы, заѣзжавшіе въ Пекинъ, находили пріютъ и поддержку у единовѣрцевъ, дивились доброму расположенію къ нимъ китайской администраціи и по возвращеніи на родину докладывали о томъ московскому двору. Ободренное такимъ видимымъ расположеніемъ китайцевъ къ православнымъ людямъ, русское правительство рѣшило послать въ Пекинъ архимандрита Илларіона съ девятью помощниками и попытаться начать проповѣдь православной вѣры среди китайцевъ. Миссія эта доѣхала до Пекина, но архимандритъ Илларіонъ вскорѣ умеръ, а о судьбѣ остальныхъ членовъ не сохранилось достовѣрныхъ свѣдѣній.

Двѣ слѣдующія миссіи, посланныя изъ Россіи, не могли проникнуть въ Пекинъ, и только въ 1725 году русскому послу, графу Саввѣ Владиславичу Рагузинскому, удалось добиться разрѣшенія учредить въ Пекинѣ постоянную православную миссію. «Въ этомъ подворьѣ,—сказано въ договорѣ, заключенномъ съ правительствомъ богдыхана,—будетъ жить одинъ лама (священникъ), нынѣ живущій въ Пекинѣ, и другіе ламы, которые имѣютъ прибыть. Русскимъ не будетъ препятствій молиться и почитать своего Бога по своему закону». О пропагандѣ христіанства среди китайцевъ въ этомъ договорѣ совершенно умалчивается, да ею, какъ мы увидимъ дальше, русскіе священники не въ состояніи были заниматься. Даже ихъ непосредственная обязанность—поддержаніе православія среди албазинцевъ, исполнялась ими довольно небрежно.

Начальникъ новой миссіи, прибывшей въ 1729 г., послѣ заключенія договора, въ Пекинъ, архимандритъ Платковскій былъ, по выраженію графа Рагузинскаго, «человѣкъ не безъ ума», но совершенно неумѣвшій поддерживать дисциплину среди членовъ миссіи. Православные монахи, священники и дьяконы, незнакомые съ китайскимъ языкомъ, не могли и думать объ обращеніи китайцевъ. Ихъ албазинская паства къ этому времени уже значительно окитаилась и имъ буквально нечего было дѣлать въ Пекинѣ. Отъ скуки монахи начали пить и безчинствовать, разъ даже случилось, что іеродіаконъ Іоасафъ въ пьяномъ видѣ пробрался во дворецъ, произвелъ тамъ буйство, а когда его хотѣли удалить, поколотилъ нѣсколькихъ придворныхъ мандариновъ. О такомъ поведеніи русскихъ пастырей дано было знать въ Петербургъ и оттуда присланъ былъ агентъ Лангъ для разслѣдованія Лангъ принялся за дѣло очень круто: архимандрита подвергъ тѣлесному наказанію и вмѣстѣ съ остальными членами миссіи отправилъ въ цѣпяхъ въ Россію.

Начальникъ слѣдующей миссіи архимандритъ Илларіонъ не только не умѣлъ наблюдать за подчиненными, но и самъ подавалъ имъ примѣръ всевозможныхъ злоупотребленій. «Въ бытность свою въ Пекинѣ, архимандритъ, не храня должность, званія своего, по данной инструкціи, и забывъ страхъ Божій, всегда обращается въ безвременномъ пьянствѣ и священнослуженія отправляетъ мало».

Такъ продолжалось дѣло и дальше. Русскіе священники смотрѣли на пребываніе въ Китаѣ, какъ на ссылку, ѣхали туда безъ всякаго призванія къ миссіонерству, безъ всякой подготовки, и хотя имъ и внушалось Св. Синодомъ, «чтобы они въ Пекинѣ обучались неотмѣнно въ разглагольствованіи съ тамошними народы для лучшаго въ проповѣди способа», но они никогда не успѣвали овладѣть китайскимъ языкомъ. «Ученики, посылаемые въ Пекинъ,—жаловались сами члены миссій,—будучи ни мало не научены языкамъ китайскому и манчжурскому, принуждены бываютъ года 2 и 3 только упражняться въ затвержива-

нія вокабулъ и литеръ; къ тому же, казенные учители, не получая никакой награды, бываютъ лѣнивы и неоткровенны». Эта послѣдняя причина—отсутствіе средствъ,—тоже не мало стѣсняла дѣятельность нашихъ миссіонеровъ. Русское правительство, устроивъ въ Пекинѣ миссію, совершенно не заботилось о матеріальной поддержкѣ ея, положившись на обѣщаніе пекинскаго правительства содержать русское подворье на свой счетъ. Иногда, когда китайская администрація почему-нибудь не ладила съ нашимъ духовенствомъ, ему приходилось переживать очень тяжелыя времена, голодать чуть не въ буквальномъ смыслѣ или пускаться въ мелкую торговлю, перебиваться частнымъ ходатайствомъ по дѣламъ, даже азартными играми—занятіями, мало соотвѣтствующими достоинству духовнаго сана. Такое ненормальное положеніе продолжалось вплоть до 1860 г., когда, наконецъ, содержаніе миссіи было принято на счетъ нашего правительства. Конечно, при такихъ условіяхъ дѣятельности и при такомъ составѣ нашихъ миссій распространеніе православія не двигалось ни на шагъ впередъ и даже изъ албазинцевъ въ началѣ нашего вѣка посѣщало церковь, по свидѣтельству архимандрита Іакинѳа, только одно семейство церковнаго старосты.

Съ начала XIX вѣка наше правительство стало относиться съ нѣсколько большимъ вниманіемъ къ назначенію начальниковъ православныхъ миссій. Въ 1805 году въ Пекинъ былъ присланъ архимандритъ Іакинфъ, знаменитый впослѣдствіи синологъ. Онъ дѣятельно принялся за изученіе китайскаго языка и вообще проводилъ все время въ научныхъ занятіяхъ, результатомъ которыхъ явилось нѣсколько цѣнныхъ сочиненій по изслѣдованію Китая. Преемники Іакинфа, отецъ Петръ и отецъ Поликарпъ обращали главнымъ образомъ вниманіе на исполненіе своихъ религіозныхъ обязанностей. Въ составъ миссіи архимандрита Поликарпа входили, между прочимъ, извѣстный русскій синологъ проф. В. П. Васильевъ, Захаровъ и Кафаровъ, тоже оставившіе труды по изученію Китая.

Изъ дѣятелей слѣдующихъ православныхъ миссій наиболѣе замѣтный слѣдъ по себѣ оставилъ іеромонахъ Исаія. Это былъ человѣкъ образованный и энергичный и, кромѣ того, страстный проповѣдникъ, что составляетъ такую рѣдкость среди русскаго духовенства. Іеромонахъ Исаія прожилъ болѣе четверти вѣка въ Пекинѣ и вложилъ всю душу въ свою дѣятельность. Онъ положилъ начало переводу православныхъ книгъ на китайскій языкъ, составилъ два русско-китайскихъ словаря и написалъ крайне интересный дневникъ, въ который вошло описаніе важныхъ событій, совершавшихся въ Пекинѣ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. За всѣми этими научными и литературными занятіями онъ не забывалъ и своихъ духовныхъ обязанностей. Онъ съ увлеченіемъ принялся за дѣло проповѣди и воспитанія албазинцевъ. «Съ возвращеніемъ въ Пекинъ,—пишетъ онъ,—открылось для меня

*

широкое поле работы и, слава Богу, работа идетъ успѣшно, потому что хотя дѣятелей и мало, но зато одна воля и одна душа. Христіанство принимаютъ больше чѣмъ прежде, хотя строгости и рѣшительности въ дѣйствіяхъ больше. Прежде ложно думали, что шитьемъ одеждъ и раздачею денегъ можно удержать особенно албазинское старье въ нѣдрахъ церкви. И теперь, было, нѣкоторые пробовали говорить, что «если священникъ не дастъ платья, мы не пойдемъ въ церковь!»—«И не ходите,—отвѣчалъ я,—такихъ дурней и не нужно...» Но вообще скажу, что много нужно словъ и дѣла, чтобы вывѣтрить изъ албазинскихъ животовъ старинныя понятія. Зато въ новопросвѣщенныхъ много есть отрадныхъ явленій; но вообще всѣ они точно почва города Пекина: нужно надъ ними трудиться, вырывать весь этотъ мусоръ лѣни, тунеядства, спѣси и проч., пока дороешься до настоящей земли, до сокровенныхъ желаній ихъ человѣческаго духа» *).

Несмотря на все рвеніе Исаіи, новопросвѣщенныхъ и при немъ было немного. Послѣ его смерти въ 1871 году начальники слѣдующихъ миссій архимандриты Палладій и Амфилохій стремились продолжать его проповѣдническую дѣятельность, но съ такимъ же незначительнымъ успѣхомъ. Всѣхъ православныхъ китайцевъ, включая сюда и албазинцевъ, по самому благопріятному счету, въ настоящее время не больше 400, такъ что въ общей суммѣ китайцевъ-христіанъ православные не имѣютъ никакого значенія. Они совершенно незамѣтны среди христіанъ другихъ исповѣданій, точно также, какъ и русскіе миссіонеры, среди миссіонеровъ другихъ націй. Число православныхъ священниковъ и монаховъ въ Китаѣ рѣдко поднимается до десятка. Между тѣмъ, приблизительное количество протестантскихъ миссіонеровъ достигаетъ въ настоящее время до 1.500, а число обращенныхъ китайцевъ по разнымъ даннымъ колеблется между 50-ю и 80-ю тысячами. Число католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ можно считать не больше 700, а принявшихъ католицизмъ китайцевъ разные изслѣдователи насчитываютъ отъ 600 тысячъ до милліона, причемъ на дѣятельность 25-ти католическихъ миссіонерскихъ обществъ, по сообщенію, епископа Баумгартена на католическомъ съѣздѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Мюнхенѣ, израсходовано въ теченіе XIX вѣка милліардъ 500 милліоновъ марокъ. Обращеніе язычниковъ, очевидно, стоитъ нынѣ не дешево.

Принимая даже самыя благопріятныя показанія, можно считать, что количество всѣхъ христіанъ въ Китаѣ едва превышаетъ одинъ милліонъ. Это очень немного, если принять во вниманіе сколько времени продолжается тамъ проповѣдь христіанства. А если изъ этого числа исключить всѣхъ крестившихся по разнымъ случайнымъ причинамъ и продолжающихъ соблюдать всѣ обряды стариннаго культа, то количество дѣйствительныхъ христіанъ въ Китаѣ станетъ еще болѣе скромнымъ.

---

*) *Коростовцевъ*, «Китайцы и ихъ цивилизація», стр. 408.

Причинъ такой медленности распространенія христіанства можно найти довольно много. Между ними не послѣднюю роль играетъ трудность китайскаго языка,—не многіе миссіонеры овладѣваютъ имъ настолько, чтобы бѣгло объясняться съ населеніемъ и находить подходящія выраженія для чуждыхъ языку христіанскихъ понятій. Надъ переводомъ христіанскихъ книгъ на китайскій языкъ особенно много потрудились протестантскіе миссіонеры. Первый полный переводъ Библіи былъ сдѣланъ въ началѣ нашего вѣка Робертомъ Моррисономъ.

Но и въ томъ случаѣ, когда миссіонерамъ удается сдѣлать понятнымъ христіанское ученіе, оно оказывается въ такомъ противорѣчіи со всѣмъ міросозерцаніемъ китайцевъ, что усвоеніе его дѣйствительно встрѣчаетъ большія затрудненія. Особенно сильно поражаетъ и возмущаетъ китайцевъ допускаемое христіанскимъ ученіемъ положеніе женщины. Привыкнувъ къ полному затворничеству женщинъ и строгому разъединенію половъ даже въ одной семьѣ, они объясняютъ безнравственностью свободныя отношенія между мужчинами и женщинами у христіанъ. «Религія ихъ,—говорится въ одномъ китайскомъ сочиненіи,—ведетъ начало отъ Іисуса; ее исповѣдуютъ всѣ западные народы. Основатель ея былъ пригвожденъ ко кресту злыми людьми и замученъ на смерть. Его ученики разошлись затѣмъ по всему міру, чтобы распространять его ученіе. Когда они женятся, то не различаютъ ни возраста, ни родства. Всякій мужчина можетъ сойтись съ любой женщиной, помолившись предварительно Шанди. Невѣста до свадьбы обязана имѣть предварительное сношеніе съ духовнымъ отцемъ. Двухъ женъ, по ихъ мнѣнію, нельзя имѣть, ибо Шанди создалъ первоначально одного мужчину и одну женщину. Поэтому въ названныхъ странахъ многоженство не въ ходу, зато развратъ въ другихъ видахъ свободно процвѣтаетъ».

При христіанскихъ миссіяхъ часто бываютъ сестры милосердія, живущія въ однихъ зданіяхъ съ миссіонерами. Этотъ фактъ возбуждалъ особенно сильное негодованіе среди китайцевъ и положилъ начало всевозможнымъ баснямъ о развратѣ, господствующемъ среди христіанъ. Но надо сказать, что подобнаго рода басни зарождаются обыкновенно не среди простого народа,—авторами ихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ являются ученые. Народъ самъ по себѣ скоро убѣждается, что ни сестры милосердія, ни миссіонеры не приносятъ ему никакого вреда и даже часто оказываютъ существенную помощь. Другое дѣло ученые, они видятъ въ проповѣдникахъ новой вѣры своихъ непримиримыхъ враговъ, грозящихъ подорвать довѣріе къ нимъ народа и лишить ихъ такимъ образомъ единственнаго средства къ существованію. И чѣмъ дальше распространяется проповѣдь христіанства, тѣмъ яростнѣе становится ненависть этихъ псевдо-ученыхъ, все яснѣе сознающихъ, какая опасность приближается къ нимъ подъ видомъ христіанства. Они пользуются всякими грубѣйшими суевѣріями,

раздуваютъ ихъ, выдумываютъ нелѣпѣйшія басни и распространяютъ ихъ въ видѣ уличныхъ памфлетовъ, чтобы направить народную ненависть на христіанъ.

«Основывая церковь, говорится въ одномъ такомъ памфлетѣ, заморскіе діаволы начинаютъ съ того, что даютъ новообращеннымъ женщинамъ пилюли. Это дѣлается, чтобы ихъ околдовать, ибо затѣмъ онѣ позволяютъ себя осквернять. Послѣ того какъ священникъ ихъ осквернилъ, онъ произноситъ заклинанія. Тогда уже не трудно бываетъ вынуть внутренности новообращенныхъ и истолочь таковыя для приготовленія волшебнаго питья».

Другой памфлетъ обвиняетъ христіанъ въ распространеніи разныхъ ужасныхъ болѣзней.

«Заморскіе дьяволы ходили въ Кантонѣ и бросали ядъ въ колодцы, вслѣдствіе чего люди заболѣвали странною болѣзнью, которую могли излѣчить только иностранные доктора. Неисчислимое множество народа умерло».

Намъ нечего удивляться, что такія нелѣпости могутъ приниматься на вѣру и причинять серьезныя непріятности христіанамъ. Стоитъ припомнить послѣднюю холеру, когда подобныя же басни ходили въ народѣ и даже не относительно заморскихъ, а относительно нашихъ собственныхъ докторовъ и вызывали трагическія послѣдствія.

Особенной популярностью пользуется почему-то въ Китаѣ легенда о томъ, что миссіонеры крадутъ маленькихъ дѣтей и вырываютъ у нихъ глаза для приготовленія какого-то лѣкарства или для выдѣлыванія фотографическихъ пластинокъ.

«Въ Тянзинѣ,—гласитъ одна уличная афиша,—заморскіе дьяволы постоянно околдовывали и завлекали дѣтей, дабы вырывать ихъ глаза и сердца. Когда народъ объ этомъ узналъ, то разрушилъ высокіе заморскіе дома и нашелъ въ нихъ груды тѣлъ похищенныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ».

Достаточно одного такого памфлета, составленнаго какимъ-нибудь досужимъ ученымъ, дожидающимся вакансіи при мѣстномъ ямынѣ, чтобы возбудить народныя страсти. А если въ это время на несчастіе у какого-нибудь китайца потеряется ребенокъ или заболѣетъ и умретъ новокрещенный,—и судьба христіанъ рѣшена. Народная ярость разливается волной, у христіанъ требуютъ возврата похищенныхъ дѣтей, дома ихъ разграбляютъ, а ни въ чемъ неповинныхъ миссіонеровъ и сестеръ милосердія безжалостно убиваютъ.

Всѣ антимиссіонерскіе безпорядки имѣли такое начало. Такъ началась знаменитая Тянзинская рѣзня 1870 года, во время которой было убито 22 европейца и нѣсколько китайцевъ-христіанъ. Такъ была разрушена католическая миссія въ Чендуфу, причемъ вырытъ былъ скелетъ замученнаго въ давнія времена китайцами же епископа Дюфреса, а народу объявлено, что это кости съѣденнаго миссіонерами китайца. Такъ начинались Сычуанскіе безпорядки 1895 года.

Добиться серьезнаго разслѣдованія дѣла и наказанія истинныхъ зачинщиковъ антимиссіонерскихъ безпорядковъ европейскимъ державамъ никогда не удается, да и не можетъ удасться, такъ какъ сами мандарины въ большинствѣ случаевъ сочувствуютъ имъ. Правительство всегда неохотно допускало присутствіе въ своей странѣ иностранныхъ миссіонеровъ и въ лучшемъ случаѣ только терпѣло ихъ. Изъ богдыхановъ Манчжурской династіи только одинъ Канси благосклонно относился къ іезуитамъ, и то исключительно какъ къ ученымъ, а не какъ къ проповѣдникамъ христіанской вѣры. Послѣ его смерти съ половины XVIII вѣка начались жестокія гоненія на христіанъ и не прерывались вплоть до 20-хъ годовъ нашего столѣтія. Вслѣдъ затѣмъ настало относительное затишье, но положеніе миссіонеровъ продолжало быть очень непрочнымъ, такъ какъ правительство ничѣмъ не гарантировало ихъ безопасность. Только въ 1860 году, благодаря настойчивымъ требованіямъ европейскихъ державъ, подкрѣпленнымъ силою оружія, пекинское правительство признало, наконецъ жизнь миссіонеровъ неприкосновенной, разрѣшило имъ ѣздить по странѣ съ паспортами своихъ консуловъ и приняло на себя отвѣтственность за ихъ безопасность. Но это обязательство, какъ и всѣ вообще договоры китайскаго правительства, осталось только на бумагѣ. Правительственные чиновники, ненавидящіе миссіонеровъ, не меньше чѣмъ не служащіе ученые, сами подстраиваютъ безпорядки и, не рѣшаясь дѣйствовать открыто, тайно возбуждаютъ народъ и потомъ всячески затягиваютъ дѣло, чтобы виновные могли избѣжать наказанія. Въ Хунанской провинціи, постоянномъ очагѣ антимиссіонерскихъ безпорядковъ, до послѣдняго времени жилъ чиновный мандаринъ Чуханъ, извѣстный авторъ зажигательныхъ памфлетовъ противъ христіанъ, и хотя его дѣятельность ни для кого не была тайной, онъ не несъ за нее никакой отвѣтственности. Уполномоченные европейскихъ державъ дѣлали представленія о немъ по поводу безпорядковъ въ долинѣ Янъ-Цзы въ 1895 г., но получили отвѣтъ, что человѣкъ этотъ безопасный лунатикъ и не можетъ нести отвѣтственности за свои поступки *).

Такимъ образомъ, несмотря на трактаты, положеніе миссіонеровъ мало чѣмъ улучшилось, и жизнь ихъ, какъ показываютъ и текущія событія въ Китаѣ, по прежнему находится въ постоянной опасности. Благодаря отчасти ошибкамъ самихъ миссіонеровъ, главнымъ образомъ, благодаря сознательной оппозиціи администраціи и ученыхъ, ихъ многовѣковая дѣятельность не принесла сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ для Китая и даже не создала имъ самимъ сколько-нибудь сноснаго существованія въ странѣ. Долгій и тяжелый опытъ показалъ, что при существующемъ положеніи вещей новая вѣра,

*) *Harold Corst*, «China», стр. 182.

враждебная основамъ китайскаго міросозерцанія, не можетъ проложить себѣ путь въ Китай.

XV.

Какъ намъ не разъ приходилось упоминать, исторія Китая шла совершенно своеобразнымъ путемъ, внѣ всякихъ вліяній чужеземныхъ государствъ. Все, что Китай выработалъ, онъ выработалъ совершенно самостоятельно, безъ всякихъ заимствованій извнѣ. Эта самобытность Китайской культуры, прекрасно сознаваемая носителями китайской учености, издавна развила въ нихъ громадное самомнѣніе и презрѣніе ко всему чужеземному. «Европейская цивилизація въ нашихъ глазахъ похожа на грибъ, выросшій со вчерашняго дня,—пишетъ одинъ ученый китаецъ, живущій въ Лондонѣ,—культура же Китая существуетъ уже тысячелѣтія, поэтому мы убѣждены, что опередили васъ, по крайней мѣрѣ, на 2.000 лѣтъ». Китаю нечему учиться у народовъ Запада, напротивъ, эти послѣдніе являются его учениками. «Все, что Европа совершила въ научной области,—заявляетъ другой китайскій патріотъ,—совершено при нашей помощи. Если мы не дали ей самой науки, то дали сѣмена, изъ которыхъ послѣдняя выросла». При такомъ взглядѣ на европейскую цивилизацію, у китайцевъ не могло явиться желанія поближе познакомиться съ европейскими народами, установить съ ними болѣе тѣсныя и прочныя отношенія. Китай не нуждался въ нихъ, онъ ихъ высокомѣрно презиралъ. И это презрѣніе еще усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что западные народы упорно не хотѣли оставить Китай въ покоѣ. Какъ только они узнали о его существованіи, они стали всѣми способами стараться завязать съ нимъ сношенія, несмотря на явно выказываемое китайскимъ правительствомъ нежеланіе вступать въ эти сношенія. Очевидно, эти варвары нуждались въ Китаѣ, не могли обойтись безъ него. Любопытную иллюстрацію отношеній китайскаго правительства къ европейскимъ народамъ даетъ слѣдующая бесѣда богдыхана Дао-гуана съ мандариномъ Пи-гуанъ во время аудіенціи, данной этому послѣднему въ 1849 году.

Богдыханъ. Мнѣ кажется, что варвары (англичане), чтобы существовать, нуждаются въ провинціи Гуандунъ.

Мандаринъ. Населеніе Гуандуна вполнѣ понимаетъ, что варвары не могутъ обойтись безъ ихъ провинціи.

Богдыханъ. Уменьшилось ли въ послѣднее время число англійскихъ варваровъ?

Мандаринъ. Повидимому, уменьшилось.

Богдыханъ. Число солдатъ въ Гонконгѣ доходитъ до 3 или до 4 тысячъ?

Мандаринъ. Не болѣе 2 или 3 тысячъ, притомъ значительная часть значится лишь номинально. Торговля идетъ плохо какъ въ Нинбо, такъ и въ другихъ портахъ... Положеніе англійскихъ варва-

ровъ было неблагопріятно въ минувшемъ году въ собственномъ ихъ отечествѣ, гдѣ ихъ посѣтила эпидемія, а въ Гонконгѣ въ прошломъ году умерло отъ жаровъ свыше 1.000 человѣкъ.

Богдыханъ. Во всѣхъ дѣлахъ послѣ процвѣтанія наступаетъ упадокъ.

Мандаринъ. Причина ослабленія англійскаго могущества заключается въ божественномъ счастіи вашего величества.

Богдыханъ. Думаешь ли ты, судя по положенію дѣлъ въ Гуандунѣ, что варвары и иные люди произведутъ безпорядки?

Мандаринъ. Нѣтъ, сама Англія ничего не имѣетъ и когда англійскіе варвары взбунтовались въ 1841 году, они вполнѣ зависѣли отъ другихъ народовъ, которые, въ надеждѣ на открытіе торговли, снабжали ихъ деньгами.

Богдыханъ. Изъ всего ясно, что эти варвары смотрятъ на торговлю, какъ на главное занятіе, и что въ стремленіи своемъ къ пріобрѣтеніямъ не руководствуются никакой высшею цѣлью.

Мандаринъ. Въ сущности они принадлежатъ къ породѣ животныхъ и потому не могутъ имѣть высшей цѣли *).

Такое отношеніе къ европейцамъ сказывалось съ самаго возникновенія сношеній Европы съ Китаемъ. Всѣ первыя попытки установить международныя отношенія встрѣчали со стороны Китая рѣзкій и презрительный отпоръ. Богдыханъ не могъ унизиться до сношеній съ правителями европейскихъ государствъ, какъ съ равными. Въ глазахъ китайскаго богдыхана всѣ народы земного шара—его вассалы; ихъ государи—начальники вассальныхъ племенъ. Очевидно, что присылаемые ими послы не могутъ претендовать ни на какія привилегіи своего званія, а привозимые ими подарки—ни что иное, какъ дань вассальныхъ народовъ богдыхану. Европейскія государства естественно не могли стать на такую точку зрѣнія и вслѣдствіе этого исторія первыхъ дипломатическихъ сношеній съ Китаемъ полна довольно курьезныхъ препирательствъ изъ-за церемоніала пріема пословъ. Китайцы желали во что бы то ни стало заставить пословъ исполнять извѣстные обряды, знаменующіе ихъ подчиненное положеніе въ отношеніи Богдыхана, а европейскіе послы считали это унизительнымъ для представляемыхъ ими особъ государей. За этими препирательствами по вопросамъ церемоніала коренная цѣль посольствъ по большей части оставалась не достигнутой, а правительство Срединной Имперіи ничего лучшаго и не желало.

Первыми изъ европейскихъ государствъ, завязавшими сношенія съ Китаемъ, были Португалія, Испанія и Голландія. Уполномоченные этихъ государствъ, пріѣзжавшіе въ Китай въ теченіе XVI и XVII вѣковъ для улаженія торговыхъ дѣлъ, совсѣмъ не допускались въ Пекинъ и вели переговоры черезъ губернаторовъ Кантона, Макао, Фучжоу и

*) Коростовцевъ, «Китайцы и ихъ цивилизація», стр. 36.

Амоя, причемъ китайскіе мандарины обращались съ ними очень надменно, а иногда просто выгоняли ихъ или сажали въ тюрьму, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ и умирали. Такъ погибъ португальскій посолъ Пиресъ; такая же судьба едва не постигла испанскаго посланника Мартина Игнаціуса. Первое посольство, проникшее, наконецъ, въ Пекинъ, принадлежало Остъ-Индской компаніи. Члены его согласились подчиниться всѣмъ унизительнымъ обрядамъ и совершить котоу (челобитье) не только передъ самимъ богдыханомъ, но даже передъ дощечкою съ съ его именемъ, ради того, чтобы добиться необходимыхъ для компаніи торговыхъ привиллегій. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ членовъ посольства церемонію пріема у богдыхана. «Когда посланники предстали предъ богдыханомъ, церемонимейстеръ крикнулъ: «Займите ваши мѣста!» Мы повиновались. Тогда онъ крикнулъ: «Поклонитесь трижды въ землю!» Мы это исполнили. Послѣ сего онъ сказалъ: «Встаньте и идите на ваши мѣста»... Единственнымъ результатомъ этой комедіи, пріятной для высокомѣрнаго двора, который ее вызвалъ, и недостойной христіанскаго народа, который ее выполнилъ, было запечатанное письмо, не дававшее ни одной изъ тѣхъ привиллегій, коихъ они добивались, и вдобавокъ совершенно непонятное».

Начало дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ носитъ такой же мало почетный для русскихъ и притомъ совершенно безплодный характеръ. Первый русскій посолъ Спафарій, отправленный въ Пекинъ въ 1676 году, прежде всего былъ посаженъ въ тюрьму за то, что осмѣлился выразить желаніе передать вѣрительную грамоту непосредственно въ руки самого богдыхана. Въ концѣ концовъ ему все-таки дана была аудіенція во время пира у богдыхана, причемъ онъ долженъ былъ совершать котоу всякій разъ, когда богдыханъ подносилъ ко рту чашу съ виномъ. Дары, привезенные Спафаріемъ, названы были данью, а отвѣтные подарки богдыхана—государевымъ жалованьемъ. Наконецъ, дать отвѣтъ на врученную Спафаріемъ царскую грамоту пекинскій дворъ соглашался только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы посланіе богдыхана начиналось слѣдующимъ обращеніемъ: «Отъ превысокаго престола пишемъ къ нижнему и смирному мѣсту». Спафарій не счелъ возможнымъ согласиться на такую форму отвѣта и принужденъ былъ уѣхать совсѣмъ безъ отвѣта.

Слѣдующія русскія посольства мало отличаются отъ перваго. Второй русскій посолъ Избрандтъ-Идесъ тоже первымъ дѣломъ попалъ въ тюрьму, а при пріемѣ у богдыхана долженъ былъ продѣлать десятикратное челобитье и, въ концѣ концовъ, уѣхать съ пустыми руками. Пріемъ Измайлова, благодаря славѣ имени Петра Великаго, былъ обставленъ нѣсколько менѣе унизительными формами, хотя обряда котоу не избѣжалъ и онъ. Графъ Савва Владиславичъ Рагузинскій, принятый по всей формѣ китайскаго церемоніала, подвергся особеннымъ униженіямъ и вдобавокъ не получилъ никакой отвѣтной грамоты на письмо

императрицы Екатерины. При прощальной аудіенціи ему даны были дары богдыхана, но и эта церемонія, главнымъ образомъ, имѣла цѣлью еще болѣе унизить посла. «Отдавая посланнику баранію шубу, мандарины кричали: «Посолъ, прими жалованье ханское и кланяйся до земли». Спустя четверть часа привели лошадь, самую простую и не больше пятнадцати рублей вмѣстѣ съ сѣдломъ стоющую, которую отдавая, кричали: «Посолъ, прими лошадь ханскаго жалованья, на которой можешь возвратиться».

Видя безуспѣшность своихъ попытокъ завязать непосредственныя сношенія съ пекинскимъ дворомъ, русское правительство совсѣмъ пріостановило ихъ и до начала XIX вѣка улаживало торговыя дѣла черезъ посредство пограничныхъ китайскихъ властей и особыхъ курьеровъ, посылаемыхъ въ Китай, безъ всякихъ чрезвычайныхъ полномочій.

Только въ 1805 году Александръ I снова попробовалъ снарядить въ Китай торжественное посольство съ графомъ Головкинымъ во главѣ. Но судьба этого посольства оказалась еще болѣе печальной, чѣмъ предыдущихъ. Сначала его не хотѣли совсѣмъ впустить въ границы Китая, и долгое время продержали въ Кяхтѣ. Когда онъ, наконецъ, выбрался оттуда и доѣхалъ до Урги, то тамошній амбань снова задержалъ его и объявилъ, что ему предписано изъ Пекина заставить графа Головкина продѣлать передъ нимъ репетицію пріема у богдыхана чтобы впослѣдствіи изъ-за этого не вышло пререканій. «Въ комнату, гдѣ было поставлено изображеніе богдыхана,—разсказываетъ одинъ изъ членовъ посольства,—долженъ былъ онъ (т.-е. посолъ) войти на четвереинькахъ, имѣя на спинѣ шитую подушку, на которую положится кредитная грамота». Конечно, графъ Головкинъ отказался отъ выполненія такого страннаго обряда и долженъ былъ вернуться въ Россію ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ, и другія европейскія государства по прежнему отъ времени до времени пытались заставить Китай вступить на путь международныхъ дипломатическихъ сношеній, но успѣхомъ никто не могъ похвалиться. Въ 1688 году Людовикъ XIV послалъ императору Канси собственноручное письмо, въ которомъ называлъ императора Канси «великолѣпнѣйшимъ, могущественнымъ и великодушнѣйшимъ государемъ и дорогимъ другомъ», но отвѣта на него не получилъ. Первый чрезвычайный англійскій посолъ, лордъ Макартней, попалъ, видимо, въ наиболѣе благопріятный моментъ. По крайней мѣрѣ, ему удалось путемъ долгихъ переговоровъ избавиться отъ обряда котоу, замѣнивъ его преклоненіемъ одного колѣна, всякій разъ, когда китайскіе мандарины били челомъ въ землю. Однако, все-таки лордъ Макартней именовался оффиціально въ Пекинѣ чиновникомъ, «командированнымъ по высочайшему повелѣнію, привезшимъ дань изъ Англіи» и аудіенція ему была дана одновременно съ пріемомъ посланныхъ отъ вассальныхъ князей Туркестана и Пелу.

Какъ будто нарочно для того, чтобы англійское правительство не придало слишкомъ большого значенія нѣкоторымъ привилегіямъ, даннымъ лорду Макартнею,—слѣдующій англійскій посолъ, лордъ Амхерстъ былъ принятъ исключительно грубымъ образомъ. Сначала съ нимъ по обыкновенію велись длинные переговоры о церемоніалѣ, главнымъ образомъ о котоу, но, наконецъ, ему объявили, что богдыханъ Цзя-цинъ соглашается принять его безъ исполненія котоу. Но какъ только лордъ Амхерстъ прибылъ въ загородный дворецъ, гдѣ должна была состояться аудіенція, какъ на него буквально набросились придворные чиновники и, не давъ ему снять верхнюю одежду, насильно потащили его во дворецъ. Лордъ Амхерстъ пробовалъ протестовать и отбиваться отъ грубыхъ услугъ, но это еще ухудшило дѣло, его совсѣмъ вывели изъ дворца и вслѣдъ затѣмъ все посольство безъ дальнѣйшихъ разговоровъ выслали изъ Пекина.

Но особенно комичный характеръ носитъ пріемъ пословъ Остъ-Индской компаніи, явившихся въ 1795 году поздравить богдыхана Цян-луня съ шестидесятилѣтіемъ его царствованія. Послы были приняты довольно милостиво, причемъ богдыханъ упорно считалъ ихъ представителями не голландской торговой компаніи, а самого голландскаго монарха. На прощальной аудіенціи, послѣ обычнаго челобитья, имъ вручено было посланіе на имя голландскаго государя. Кончалось это посланіе слѣдующими словами: «Пусть штатгальтеръ приметъ мои дары, дабы они побудили его управлять народами со вниманіемъ и справедливостью и вѣчно напоминали ему о моихъ благодѣяніяхъ. Пусть этотъ правитель посвятитъ всѣ заботы своему государству; приказываю ему это настоятельнымъ и положительнымъ образомъ».

Китайскій богдыханъ, очевидно, вполнѣ искренно считалъ себя сюзереннымъ господиномъ всѣхъ европейскихъ государей и благосклонно не лишалъ ихъ своихъ совѣтовъ и наставленій.

Такъ продолжалось дѣло до тридцатыхъ годовъ нашего вѣка. Китай систематически уклонялся отъ всякихъ дипломатическихъ сношеній, а внѣшней торговлѣ предоставлялъ идти, какъ она знаетъ, не вступая относительно нея ни въ какія международныя соглашенія. Пока существовала Остъ-Индская компанія, европейскія государства тоже не находили нужнымъ особенно упорно настаивать на нихъ, такъ какъ вся торговля съ Китаемъ находилась въ рукахъ названной компаніи, купцы всѣхъ національностей улаживали свои дѣла съ китайскими властями при помощи ея агентовъ и у нихъ искали защиты въ случаяхъ притѣсненій. Но съ прекращеніемъ торговой монополіи компаніи въ 1834 году дѣла существенно измѣнились. Европейскимъ государствамъ, купцы которыхъ имѣли дѣла въ Китаѣ, приходилось или самимъ позаботиться объ упроченіи ихъ положенія, или оставить ихъ на произволъ судьбы и китайскихъ мандариновъ. Но торговля съ Китаемъ представляла слишкомъ большія выгоды, чтобы можно было подвергать ее такому

риску. Приходилось, слѣдовательно, энергичнѣе заставить дайнциское правительство обезпечить какими-нибудь договорами безопасность европейцевъ, ведущихъ дѣла въ Китаѣ, и открыть внѣшней торговлѣ болѣе широкій доступъ въ Срединную имперію.

Британское правительство командировало съ этою цѣлью въ Китай лорда Непира, поручивъ ему верховный надзоръ за англійской торговлей въ Китаѣ. Но китайскія власти упорно продолжали стоять на своемъ, они не желали смотрѣть на присланнаго коммиссара, какъ на уполномоченнаго равноправной державы, отказывались входить съ нимъ въ непосредственныя сношенія и не обращали никакого вниманія на его требованія. Агенты Остъ-Индской компаніи, улаживавшіе до тѣхъ поръ всѣ подобныя дѣла, дѣйствовали обыкновенно путемъ униженныхъ просьбъ, лести, подкуповъ, и независимый тонъ лорда Непира до крайности раздражилъ китайскихъ властей. На его требованія неприкосновенности для англійскихъ купцовъ они отвѣчали новыми репрессаліями, безъ всякаго повода хватали ихъ, запирали въ тюрьмы, подвергали пыткамъ, ссылаясь на то, что торговля опіумомъ, которою большинство изъ нихъ занималось, оффиціально не разрѣшена. Дѣло дошло, наконецъ, до вооруженнаго столкновенія вблизи Кантона. Только тогда пекинское правительство нашло нужнымъ вмѣшаться въ дѣло и послало въ Кантонъ губернатора Лина для улаженія недоразумѣній между китайскими властями и англійскимъ уполномоченнымъ Элліотомъ, присланнымъ на мѣсто умершаго лорда Непира. Линъ принялся за дѣло очень круто, онъ понялъ свою задачу крайне широко и рѣшилъ совсѣмъ освободить Китай отъ непрошенныхъ гостей. Прежде всего онъ заперъ англійскихъ купцовъ въ ихъ факторіяхъ и запретилъ китайцамъ какія бы то ни было сношенія съ ними. Потомъ онъ приказалъ имъ выдать весь имѣющійся у нихъ запасъ опіума, всего до 20 тысячъ ящиковъ на сумму около 9 милліоновъ долларовъ. Вынужденные своей полной беззащитностью, купцы подчинились, и опіумъ былъ торжественно сожженъ. Это еще болѣе усилило взаимное раздраженіе между китайцами и европейцами и повело къ новому вооруженному столкновенію между англійскими военными судами и китайскими джонками въ 1839 г. Побѣда, конечно, оказалась на сторонѣ англичанъ, и пекинское правительство, крайне недовольное такимъ оборотомъ дѣла, отозвало немедленно Лина, приказавъ ему «съ быстротою пламени» явиться въ столицу и дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. «Ты отдѣлывался пустыми словами,—сказалъ ему богдыханъ,—и не только не помогъ улаженію дѣла, но создалъ всеобщее замѣшательство и возбудилъ тысячи безконечныхъ безпорядковъ, въ сущности ты велъ себя такъ, какъ будто бы руки твои были связаны. Ты, очевидно, не лучше деревяннаго болвана. Когда я размышляю обо всемъ случившемся, я проникаюсь гнѣвомъ и горестью» *).

*) Коростовцевъ, «Китайцы и ихъ цивилизація», стр. 25.

Линъ былъ разжалованъ и отправленъ въ ссылку, но измѣнить ходъ событій было уже трудно, и назначенный вмѣсто него губернаторъ Чили Ки-шенъ не могъ остановить начавшихся военныхъ дѣйствій. Пекинское правительство, впрочемъ, и не стремилось къ этому, его ни мало не смущало столкновеніе съ Англіей, оно смотрѣло на него какъ на удобный случай проучить дерзкихъ чужеземцевъ. Въ указѣ о сборѣ войскъ говорилось, что Китай объявляетъ войну, чтобы «уничтожить, истребить и искоренить взбунтовавшихся варваровъ, которые противились указаніямъ разума наравнѣ со скотами, вслѣдствіе чего небо и земля не въ состояніи терпѣть ихъ долѣе».

Между тѣмъ, англичане не теряли времени. Оставивъ часть войска въ Кантонѣ, капитанъ Эллiотъ повелъ британскія военныя суда на сѣверъ, овладѣлъ Чузаномъ и, укрѣпивъ его, какъ свой опорный пунктъ, самъ съ небольшой частью флота, вошелъ въ Пейхо. Такой рѣшительный образъ дѣйствій нѣсколько смутилъ китайское правительство и мандаринъ Ки-шенъ употребилъ всѣ усилія, чтобы удалить англичанъ отъ столицы. Путемъ разныхъ обѣщаній ему удалось убѣдить капитана Эллiота, что мирные переговоры удобнѣе вести въ Кантонѣ. Капитанъ Эллiотъ согласился на это, но какъ только онъ увелъ флотъ изъ Пейхо и Чузана на югъ, и непосредственная опасность отошла отъ Пекина, китайскія власти сейчасъ же измѣнили тонъ и отказались отъ всякихъ уступокъ. Въ отвѣтъ на это англичане снова возобновили военныя дѣйствія, на этотъ разъ въ области, прилегающей къ Янъ-цзы. Тутъ съ особенной яркостью сказалась полная неподготовленность Китая къ войнѣ съ европейской державой. Одинъ за другимъ такіе большіе города и крѣпости, какъ Амой, Чинхай и Нингъ—по сдавались почти безъ боя, а въ битвахъ китайцы несли громадныя потери. Китайское правительство издало новый указъ, который начинался такъ: «Министры и народъ! Жители нашихъ владѣній! Всѣ вы дѣти нашей династіи. Впродолженіи двухъ столѣтій вы ходили на нашей землѣ и ѣли нашу пищу. Всякій изъ васъ, кто имѣетъ небесныя чувства, долженъ ненавидѣть этихъ взбунтовавшихся и безпорядочныхъ варваровъ, какъ своихъ личныхъ враговъ. Ни въ какомъ случаѣ не должны вы подчиняться ихъ приказаніямъ»... Но несмотря на это высокомѣрное воззваніе, дѣла китайцевъ не улучшались. Взятъ былъ Шанхай и, наконецъ, непріятель подступилъ и къ древней столицѣ Срединной имперіи, Нанкину. Тутъ только китайское правительство поняло невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и энергично приступило къ мирнымъ переговорамъ. Слѣдствіемъ ихъ явился нанкинскій трактатъ, которымъ пекинское правительство обязывалось уплатить значительную военную контрибуцію, открывало пять портовъ для иностранной торговли и соглашалось впредь вести съ британскимъ правительствомъ переговоры на началахъ равноправности. Нанкинскій трактатъ былъ ратификованъ въ Гонконгѣ въ 1843 году, а въ 1844 году въ Китай прибыли упол-

номоченные Франціи и Соединенныхъ Штатовъ и, воспользовавшись благопріятнымъ моментомъ, заключили отъ имени своихъ правительствъ аналогичные трактаты съ Китаемъ.

Трактаты эти, однако, мало измѣнили, дѣло; китайское правительство совершенно не считало для себя обязательнымъ выполнять ихъ. Провинціальные мандарины продолжали устраивать всякія затрудненія и непріятности иностранцамъ, а англійскіе консулы, поселившіеся теперь въ пяти открытыхъ портахъ, безсильны были защитить ихъ; всѣ ихъ представленія разбивались объ безконечную китайскую волокиту и, въ концѣ концовъ, не приводили ни къ чему. Какъ только призракъ войны отступилъ, такъ иностранцы снова превратились въ «заморскихъ чертей» и «безпорядочныхъ варваровъ», которыхъ можно было всѣми способами притѣснять и выживать. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и иностранцы въ Китаѣ подавали примѣръ уваженія къ чужимъ правамъ. Не говоря уже о торговлѣ опіумомъ, вопросъ о которой былъ умышленно обойденъ молчаніемъ въ нанкинскомъ трактатѣ и которая продолжала развиваться во вредъ китайскому населенію, англичане занялись въ Китаѣ новымъ промысломъ, еще болѣе противорѣчившимъ всякимъ требованіямъ гуманности и справедливости. Они сманивали китайскихъ рабочихъ разными обѣщаніями и отвозили ихъ на своихъ судахъ въ Остъ-Индскій архипелагъ, на Кубу, въ Перу и продавали ихъ въ рабство туземнымъ плантаторамъ и промышленникамъ. Такимъ образомъ было вывезено и обращено въ рабство значительное количество свободныхъ китайцевъ. Китайскія власти никакимъ образомъ не могли помѣшать этому противозаконному торгу. Легкія суда европейскихъ хищниковъ всякій разъ ускользали отъ ихъ преслѣдованій. Естественно, что такое поведеніе нѣкоторыхъ изъ иностранцевъ еще болѣе возбуждало противъ всѣхъ нихъ катайскія власти, которыя съ своей стороны смотрѣли сквозь пальцы на всякія насилія надъ ними.

Постепенно взаимное недовольство росло, и американцы и французы имѣли тоже свои счеты съ китайскимъ правительствомъ. Одинъ американскій матросъ былъ убитъ и власти отказались отъ преслѣдованія убійцъ; точно также ненаказаннымъ осталось вѣроломное убійство французскаго миссіонера. Наконецъ, въ 1856 году миръ былъ оффиціально нарушенъ. Китайская военная джонка напала на англійское купеческое судно «Arrow», забрала въ плѣнъ весь его экипажъ, состоявшій изъ китайцевъ, и спустила поднятый на немъ англійскій флагъ. Квантунскій вице-король отказался дать личныя объясненія по этому поводу англійскому уполномоченному и это принято было за объявленіе войны. Англійскій адмиралъ бомбардировалъ южные форты Кантона, а вице-король отвѣтилъ сожженіемъ европейскихъ факторій и объявленіемъ вознагражденія за голову всякаго англичанина. Тѣмъ временемъ Англія заключила союзъ съ Франціей и въ 1857 году сое-

диненная англо-французская эскадра подступила къ Кантону. Послѣ непродолжительной осады городъ былъ взятъ, а вице-король Іэ захваченъ въ плѣнъ. Но такое начало не смутило пекинское правительство, и оно отказалось вступить въ какіе бы то ни было переговоры съ уполномоченными Франціи и Англіи. Тогда союзный флотъ двинулся на сѣверъ и вступилъ въ устье Пейхо. Навстрѣчу ему высланы были въ Таку два мандарина будто бы для заключенія мира, въ дѣйствительности же, чтобы удержать союзниковъ отъ дальнѣйшаго движенія къ столицѣ. Но такъ какъ переговоры ни къ чему не приводили, то французскій и англійскій главнокомандующіе, де-Гренуйли и лордъ Сеймуръ, рѣшили возобновить военныя дѣйствія. Завладѣвъ Таку, союзныя войска двинулись въ Тяньзинъ и взяли его. Послѣ этого китайское правительство, видимо, рѣшилось начать серьезные переговоры и прислало двухъ другихъ сановниковъ Хуашана и Гуйлина для заключенія мира.

Въ 1858 году подписаны были условія Тяньзинскаго трактата, по которому иностранцамъ открывались еще новые порты, миссіонерамъ разрѣшалось пребываніе въ странѣ и жизнь ихъ признавалась неприкосновенной. Такимъ образомъ все казалось улаженнымъ и союзный флотъ вышелъ изъ Пей-хо. По когда пришло время ратификаціи тяньцзинскаго трактата, оказалось, что пекинское правительство держится на этотъ счетъ иного мнѣнія. Вступивъ на слѣдующій годъ въ устье Пей-хо, союзники нашли прибрежные форты сильно укрѣпленными и на требованіе допустить европейскихъ уполномоченныхъ въ Пекинъ для подписанія договора, полученъ былъ отвѣтъ, что они могутъ отправляться туда, но безъ конвоя и съ соблюденіемъ всѣхъ китайскихъ правилъ церемоніала.

Въ отвѣтъ на это предложеніе союзники попытались овладѣть Таку, чтобы имѣть опорный пунктъ вблизи столицы, но попытка эта оказалась неудачной. Тогда рѣшено было ждать подкрѣпленій изъ Европы. Въ іюлѣ 1860 года въ Печилійскомъ заливѣ сосредоточилась эскадра въ 200 судовъ съ 18-ю тысячами войска, и снова предпринята была осада Таку. На этотъ разъ крѣпость была взята, хотя и послѣ довольно продолжительнаго сопротивленія. Между прочимъ, во время этой осады китайскіе военачальники практиковали совершенно своеобразный способъ удерживать своихъ солдатъ отъ бѣгства—они приковывали ихъ къ орудіямъ. Послѣ взятія укрѣпленій европейцы нашли нѣсколькихъ такихъ несчастныхъ, брошенныхъ тамъ на произволъ судьбы.

Послѣ взятія Таку союзники двинулись по направленію къ Пекину, разбивая по дорогѣ небольшіе китайскіе отряды. Въ мѣстечкѣ Джанъдзя-ванъ союзная армія остановилась, такъ какъ китайцы снова возбудили переговоры о мирѣ. Впередъ были отправлены два парламентера подъ небольшимъ прикрытіемъ для выработки формы переговоровъ; на обратномъ пути, когда всѣ предварительныя условія были уже за-

ключены, оба парламентера были измѣннически схвачены китайцами и въ цѣпяхъ отправлены въ Пекинъ. Всѣ эти переговоры велись китайцами исключительно съ цѣлью выиграть время, такъ какъ къ Пекину, между тѣмъ, стягивались всѣ военныя силы китайцевъ. Союзная армія, не получая извѣстія отъ своихъ парламентеровъ, начала подвигаться впередъ и невдалекѣ отъ Пекина наткнулась на 40-тысячную китайскую армію. Французскій авангардъ, состоящій всего изъ 600 человѣкъ, бросился въ атаку на нее и быстро обратилъ всю ее въ бѣгство. Въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда китайцы снова сплотились и дали второе сраженіе, но были опять разбиты на голову. Подвигаясь дальше къ Пекину, союзники овладѣли великолѣпнымъ дворцомъ Юань-минь-юань, служащимъ лѣтней резиденціей китайскихъ императоровъ. Дворецъ этотъ, по приказанію лорда Эльджина былъ отданъ на разграбленіе солдатамъ въ качествѣ мести китайцамъ за измѣнническій захватъ парламентеровъ. Когда войска подступили къ Пекину, оказалось, что богдыханъ Сянь-фынь со всѣмъ императорскимъ дворомъ бѣжалъ оттуда и скрылся въ мѣстечкѣ Жохэ.

Столица Срединной имперіи оказала очень слабое сопротивленіе непріятелямъ. Послѣ первыхъ же попытокъ подвести мины подъ городскія стѣны, чтобы взорвать ихъ, испуганные мандарины отворили ворота и 1-го октября 1860 года европейскія войска вошли въ Пекинъ. Вмѣстѣ съ французскимъ и англійскимъ главнокомандующими въ Пекинъ въѣхалъ также русскій уполномоченный графъ Игнатьевъ, чтобы отъ имени Россіи принять участіе въ предстоявшихъ переговорахъ.

Положеніе представителей европейскихъ державъ въ Пекинѣ, также какъ и весь ходъ кампаніи 1860 года, очень напоминаетъ послѣднія событія въ Китаѣ. Императорскія войска были разбиты, столица имперіи сдалась, но дальше лежалъ еще весь громадный непокоренный и враждебно настроенный Китай, а вести мирные переговоры было не съ кѣмъ, такъ какъ правительство вмѣстѣ съ богдыханомъ скрылось въ глубинѣ страны. Изъ всего императорскаго дома въ Пекинѣ оставался одинъ принцъ Гунъ, но и онъ прятался гдѣ-то за городомъ. Наконецъ, этотъ единственный представитель центральной власти былъ найденъ и согласился вести мирные переговоры. Напуганный быстрыми успѣхами европейцевъ, принцъ Гунъ отъ имени богдыхана шелъ на всякія уступки. 13-го октября 1860 года въ Пекинѣ заключенъ былъ трактатъ, по которому еще нѣсколько портовъ открывалось для иностранной торговли, миссіонерамъ разрѣшалось безпрепятственно проповѣдывать христіанство во всей странѣ и Англіи уступался кусокъ земли на континентѣ противъ Гонконга, отданнаго ей еще по нанкинскому трактату. Кромѣ всего этого, Китай обязывался уплатить большую военную контрибуцію (около 16 милл. ланъ). Главное же, по этому трактату посламъ европейскихъ державъ разрѣшено было постоянно находиться въ Пекинѣ и вступать въ непосредственныя сношенія съ

дайцинскимъ правительствомъ. Графъ Игнатьевъ добился при этомъ заключенія еще спеціальнаго договора съ Россіей, по которому Россіи былъ окончательно уступленъ Амурскій и Уссурійскій край и даны нѣкоторыя особыя привилегіи для сухопутной торговли.

Пекинскій трактатъ отличался тѣмъ же основнымъ недостаткомъ, который привелъ къ нулю дѣйствіе прежнихъ договоровъ съ Китаемъ и грозитъ такою же судьбою и будущимъ. Не надо забывать, что Китай—государство крайне децентрализованное, гдѣ богдыханъ только въ теоріи облеченъ безграничной божественной властью. На дѣлѣ провинціальные вице-короли и губернаторы почти совершенно независимы отъ центральнаго правительства и пользуются въ своихъ областяхъ всѣми правами верховной власти. Пекинское правительство сознаетъ свое безсиліе, особенно теперь, когда страною правитъ непопулярная манчжурская династія, — знаетъ, что ему необходимо считаться съ желаніями могущественной провинціальной администраціи, ненавидящей европейцевъ, и въ то же время видитъ, что не въ состояніи справиться съ военною силою этихъ европейцевъ. И вотъ, поставленное между двухъ огней, оно избираетъ средній, самый, безопасный, по его мнѣнію, путь. Соглашаясь на всѣ требованія европейцевъ, чтобы прекратить невозможную для Китая войну, оно въ то же время скрываетъ заключенный договоръ и старается придать совершающимся въ Пекинѣ событіямъ совершенно иной видъ. Китайская имперія такъ велика, пути сообщенія тамъ такъ плохи, что то, что происходитъ въ столицѣ, очень не скоро становится извѣстнымъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ страны. Это желаніе замаскировать истинное положеніе дѣлъ дошло въ 1860 году до такой степени, что когда союзныя войска, по заключеніи трактата, выступили изъ Пекина, въ догонку имъ раздался цѣлый рядъ ружейныхъ и пушечныхъ залповъ. На запросъ вернувшагося обратно графа Игнатьева, что это значитъ, ему отвѣтили, что производится артиллерійское ученье. Въ то же время въ народѣ упорно распускался слухъ, что варвары съ позоромъ изгнаны изъ столицы и по нимъ стрѣляютъ, чтобы они убирались скорѣе.

Во всякомъ случаѣ, сталъ ли извѣстенъ въ странѣ истинный смыслъ заключеннаго трактата или нѣтъ, провинціальные мандарины не считали для себя обязательнымъ выполнять условія, принятыя центральнымъ правительствомъ, и событія не замедлили наглядно доказать это. Да и само правительство быстро забыло пережитую опасность и вовсе не старалось поддерживать добрыя отношенія съ иностранцами. Вотъ какъ описываетъ м-ръ Лей, членъ англійскаго посольства, совершившуюся на его глазахъ перемѣну въ настроеніи китайскаго правительства.

«Когда я оставилъ Китай, императорское правительство, подъ давленіемъ необходимости и подъ вліяніемъ неизгладившагося изъ па-

мяти спасительнаго страха, внушеннаго появленіемъ союзниковъ въ Пекинѣ въ 1860 году, было въ самомъ лучшемъ расположеніи, охотно позволяло руководить собой, благодарило за совѣты, благодарило за помощь и, въ отплату за эту помощь, готовилось уважать права иностранцевъ». Каково же было положеніе вещей черезъ два года?

«Что же я нашелъ по возвращеніи? Положеніе вещей совершенно измѣнилось. Опять прежнее вызывающее поведеніе... открытое пренебреженіе всякими трактатами. Однимъ словомъ все, чего мы добились, начиная съ трактата 1858 года, пошло на смарку, и мы снова очутились въ томъ положеніи, какое занимали до войны—въ положеніи безцѣльныхъ требованій и безсильныхъ угрозъ... Приказъ иностранныхъ дѣлъ (только что передъ тѣмъ учрежденный) смотрѣлъ на иностранныхъ представителей, какъ на бездѣльниковъ, принцъ Кунгъ *) снова сталъ недоступенъ, занятый,—какъ онъ заявлялъ,—болѣе важными дѣлами» **).

Если такъ вели себя члены центральнаго управленія, то что и говорить о провинціальныхъ мандаринахъ. Опять начались всевозможныя мелочныя придирки и притѣсненія, доходившія иногда до открытыхъ преслѣдованій. Антимиссіонерскіе безпорядки стали послѣ 60-го года положительно хроническимъ явленіемъ, точно нарочно, чтобъ подчеркнуть безплодность всякихъ трактатовъ съ китайскимъ правительствомъ. Самыми крупными изъ нихъ было избіеніе сестеръ милосердія въ Тянцзинѣ въ 1870 г., при чемъ и мѣстныя власти,—какъ было безспорно доказано на слѣдствіи,—играли роль главныхъ подстрекателей. Въ 1875 году одинъ англійскій чиновникъ Маргари, предпринявшій съ согласія пекинскаго правительства, экспедицію для изслѣдованія Юнанской провинціи, былъ убитъ по дорогѣ разбойниками. Слѣдствіе, порученное, по настоянію англійскаго правительства, смѣшанной англо китайской коммиссіи установило, что разбойники эти были подкуплены мѣстными правителями. Безсильное подавить подобныя проявленія произвола провинціальной администраціи, правительство Китая попадало, благодаря этому, все въ болѣе и болѣе безвыходное положеніе по отношенію къ европейскимъ державамъ. Въ вознагражденіе за постоянныя нарушенія трактатовъ державы требовали все новыхъ уступокъ со стороны Китая, угрожая въ противномъ случаѣ войной, и правительство, не готовое къ войнѣ, видѣло себя вынужденнымъ идти на эти уступки, возбуждая тѣмъ самымъ среди администраціи еще большую ненависть противъ европейцевъ.

Убійство англичанина Маргари повело къ заключенію въ 1876 году Чжифусской конвенціи, по которой китайское правительство должно было уплатить денежное вознагражденіе, открыть еще десять портовъ

---

*) Предсѣдатель Цунгъ-ли-ямыня.

**) Colquhoun, «China in transformation», стр. 207.

для иностранной торговли и предоставить Англіи нѣкоторыя специальныя торговыя льготы. Подстрекательство китайскихъ чиновниковъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ французовъ въ Тонкинѣ и Аннамѣ вызвало военное столкновеніе между Франціей и Китаемъ, закончившееся въ 1885 г. трактатомъ, по которому Китай лишился всѣхъ своихъ сюзеренныхъ правъ на Тонкинъ и Аннамъ и долженъ былъ предоставить Франціи разныя торговыя преимущества. Наконецъ, убійство въ 1897 г. въ Янчжоу двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, патеровъ Ніеса и Генде, вызвало занятіе германской эскадрой Кіаочжоу и уступку Германіи этой бухты съ прилегающей береговой полосой и островами.

Такимъ образомъ дипломатическія сношенія китайскаго правительства съ европейскими державами роковымъ образомъ приводили къ еще большему обостренію взаимной непріязни. Европейскія державы никакими трактатами не могли обезпечить безопасность своихъ подданныхъ въ Китаѣ и мстили за постоянное нарушеніе Китаемъ договоровъ, а Китай, терпя при столкновеніи съ европейцами постоянные уроны и деньгами, и людьми, и территоріей, все больше укрѣплялся въ своей ненависти противъ иностранцевъ и въ своемъ желаніи отдѣлаться отъ нихъ окончательно.

Несчастная для Китая война съ Японіей и вмѣшательство въ нее европейскихъ державъ могли, конечно, только еще усилить эти чувства, приведшія къ современному намъ взрыву.

Единственнымъ результатомъ, къ какому повели для Китая столкновенія съ европейскими государствами, была попытка реорганизовать по европейскому образцу китайскую армію и флотъ. Для обученія китайскихъ солдатъ и офицеровъ изъ Европы приглашались инструкторы, преимущественно нѣмцы; кромѣ того въ 1895 году въ Нанкинѣ было открыто военное училище на 120 человѣкъ съ трехлѣтнимъ курсомъ, подготовляющее китайскихъ офицеровъ. Выходящіе оттуда офицеры приглашаются обыкновенно на службу къ одному изъ вице-королей, желающему устроить у себя армію, обученную по европейскому образцу. Вооруженіе для китайскихъ войскъ тоже закупается въ Европѣ, а въ самомъ Китаѣ за послѣднее время устроено семь арсеналовъ съ пороховыми заводами при нихъ—въ Шанхаѣ, Тянцзинѣ, Кантонѣ, Нанкинѣ, Ланъ-чжоу-фу, Кашгарѣ и Гиринѣ. Но эти старанія европеизировать китайскія войска привели пока къ очень ничтожнымъ результатамъ. Правда, китайскіе солдаты въ огромномъ большинствѣ вооружены теперь европейскими ружьями, китайскимъ войскамъ все-таки еще очень далеко до дисциплинированныхъ европейскихъ войскъ. Главная причина этого все въ тѣхъ же общихъ условіяхъ государственнаго устройства Китая. Войска зеленаго знамени, т.-е. провинціальныя войска, составляющія большую часть китайской арміи (около 700.000), набираются по найму; жалованье, назначаемое имъ, по большей части не доходитъ до ихъ рукъ, кормятъ ихъ впроголодь, одѣваютъ

еще хуже. Конечно, при такихъ условіяхъ въ солдаты идутъ послѣдніе отбросы населенія, неспособные прокормить себя собственнымъ трудомъ. Лордъ Бересфордъ, осматривавшій въ 1898 году почти всѣ провинціальныя арміи Китая, нашелъ ихъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Только 10.000-ная армія генерала Юанъ-ши-кая находилась, по его словамъ, въ образцовомъ порядкѣ, если не считать того, что вмѣсто 10 тысячъ солдатъ на лицо имѣлось только 7 тысячъ; но это ужъ обычное явленіе. Въ большинствѣ случаевъ дѣйствительная численность армій не достигаетъ и половины, положенной по штатамъ. Манчжурскія войска, такъ называемая императорская армія, находится въ сравнительно лучшемъ порядкѣ, но ея численность не велика, не многимъ болѣе 100 тысячъ.

Китайскій флотъ тоже привлекъ на себя вниманіе правительства. За послѣдніе годы оно заказывало много военныхъ судовъ въ Европѣ, устроило въ Фу-Чжоу собственное адмиралтейство, гдѣ изготовляются канонерскія лодки и минные крейсера и открыло въ Нанкинѣ морское училище для офицеровъ, обучаемыхъ англичанами - инструкторами. Въ настоящее время китайскій флотъ дѣлится на двѣ эскадры—сѣверную и южную. По словамъ лорда Бересфорда, сѣверная эскадра состояла въ 1898 году изъ 11 военныхъ судовъ и южная изъ 15-ти. Слабая сторона китайскаго флота заключается, по его мнѣнію, главнымъ образомъ въ недостаткѣ хорошо обученнаго экипажа.

XVI.

Мы видѣли до сихъ поръ, что всѣ попытки сблизить Китай съ Европой какъ при помощи проповѣди христіанства, такъ и при помощи непосредственныхъ сношеній съ нимъ европейскихъ державъ оканчивались полной неудачей. И многовѣковая работа миссіонеровъ, и упорныя старанія дипломатовъ, повидимому, еще дальше отодвинули возможность этого сближенія. Антимиссіонерскіе безпорядки за послѣднія десятилѣтія становятся все чаще, а трактаты какъ будто для того только и пишутся, чтобы тотчасъ же нарушаться. Есть однако еще одна область сношеній Запада съ Срединной имперіей—это область торгово-промышленная. При своемъ возникновеніи сношенія этого рода обязаны были исключительно частной иниціативѣ купеческихъ компаній и отдѣльныхъ купцовъ разныхъ націй. Позднѣе въ нихъ вмѣшались и правительства заинтересованныхъ государствъ, пытаясь путемъ договоровъ и войнъ выяснить и упрочить положеніе внѣшней торговли съ Китаемъ. Но и эти войны, и эти договоры вели только къ усиленію озлобленія китайцевъ противъ европейцевъ, и торговля развивалась и крѣпла, можно сказать, не благодаря имъ, а вопреки имъ. Разъ проникнувъ въ Китай, она вовлекла и связала прочными интересами китайское купечество и создала среди китайскаго населенія спросъ на

европейскіе товары, требующій удовлетворенія не смотря ни на какія политическія осложненія. «Китаецъ узокъ и консервативенъ,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь Китая Колькхунъ,—но онъ удивительно свободенъ отъ предразсудковъ религіозныхъ и патріотическихъ, когда дѣло касается матеріальныхъ интересовъ... Онъ ничего не имѣетъ противъ пріобрѣтенія предметовъ, которые ему кажутся дешевле и лучше, откуда бы они ни происходили» *). Благодаря этому, хотя въ послѣднія десятилѣтія, между европейскими державами и Китаемъ происходили постоянныя недоразумѣнія и озлобленіе противъ европейцевъ все расло, внѣшняя торговля съ Европой не испытывала никакихъ колебаній и обороты ея неуклонно расли съ каждымъ годомъ. Въ 1878 году въ Китай было ввезено европейскихъ товаровъ на сумму 70.804.027 таэлей и вывезено китайскихъ товаровъ на сумму 67.172.179 таэлей, а въ 1898 г. ввозъ въ Китай равнялся 218.745.347 таэлей, а вывозъ—159.037.149 таэлей, такимъ образомъ за послѣднія двадцать лѣтъ оборотъ внѣшней торговли Китая возросъ съ 137.976.206 таэлей до 377.782.496 таэлей, т.-е. почти въ три раза, а въ 1845 году торговый оборотъ равнялся всего 39.542.460 таэлей, такъ что за 50 лѣтъ онъ увеличился въ 9 разъ, причемъ ввозъ въ Китай значительно превышаетъ вывозъ. Это отношеніе между ввозомъ и вывозомъ тоже сильно измѣнилось за послѣднія 50 лѣтъ, въ 1845 году ввезено было въ Китай товаровъ на 14.077.790 таэлей, а вывезено на 25.464.670 таэлей, т.-е. вывозъ почти вдвое превышалъ ввозъ, теперь же ввозъ постоянно растетъ сравнительно съ вывозомъ, показывая, что спросъ на европейскіе товары въ Китаѣ сильно увеличивается.

Изъ товаровъ, ввозимыхъ въ Китай, первое мѣсто занимаютъ хлопчато-бумажныя ткани, за ними идетъ опіумъ, играющій все еще очень важную роль въ торговлѣ съ Китаемъ, потомъ керосинъ, рисъ, металлическія издѣлія и сахаръ.

Въ 1898 году хлопчато-бумажныхъ тканей было ввезено въ Китай на сумму	77.618.824	таэли
Опіума	29.255.903	»
Керосина	11.914.699	»
Риса	10.448.838	»
Металлическихъ издѣлій	9.787.077	»
Сахару	9.018.967	»

Изъ остальныхъ товаровъ довольно значителенъ ввозъ шерстяныхъ тканей, каменнаго угля, пищевыхъ продуктовъ (рыба, ласточкины гнѣзда, трепанги, морская капуста),—и предметовъ роскоши.

Главные предметы ввоза въ Китай, хлопчато-бумажныя ткани, опіумъ, сахаръ, а также шерстяныя издѣлія привозятся туда преимущественно изъ Англіи и Индіи. Рисъ доставляетъ Индо Китай, керосинъ

*) Colquhoun, «China in transformation», стр. 148.

идетъ отчасти изъ Америки, отчасти изъ Россіи. Привозъ керосина за послѣднее время быстро увеличивается, такъ какъ освѣщеніе керосиновыми лампами начинаетъ сильно распространяться въ Китаѣ. Еще въ 1882 году керосина ввозилось въ Китаѣ, приблизительно, на 1 милліонъ таэлей, въ 1898-мъ же почти на 12 милліоновъ. До начала 90-хъ годовъ керосинъ шелъ исключительно изъ Америки, въ настоящее же время русскій керосинъ ввозится на сумму около 5 милліоновъ таэлей, т.-е. составляетъ болѣе трети всего ввоза керосина. При этомъ надо замѣтить, что доставка русскаго керосина находится почти цѣликомъ въ рукахъ разныхъ иностранныхъ фирмъ, такъ что не оказываетъ вліянія на сумму русскаго ввоза въ Китай. Во ввозѣ остальныхъ товаровъ участіе Россіи крайне незначительно. Это и понятно, такъ какъ Россія до сихъ поръ ведетъ главнымъ образомъ сухопутную торговлю съ Китаемъ, а сухопутная доставка черезъ Сибирь ложится такимъ крупнымъ накладнымъ расходомъ на русскіе товары, что они совершенно не въ состояніи конкурировать на китайскихъ рынкахъ съ японскими, американскими и даже европейскими товарами. Кромѣ керосина, Россія ввозитъ еще морскую капусту изъ Владивостока, но и то въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ Японія, сукна и хлопчатобумажныя ткани въ совершенно ничтожныхъ количествахъ.

Въ вывозѣ изъ Китая Россія принимаетъ большее участіе, такъ какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ вывоза изъ Китая—чай идетъ преимущественно въ Россію, частью сухимъ путемъ черезъ Кяхту, частью моремъ на Одессу, тоже главнымъ образомъ на иностранныхъ судахъ. Главный предметъ вывоза изъ Китая составляетъ шелкъ, который тоже отчасти закупается Россіей.

Въ 1898 году было вывезено изъ Китая:

Шелку	на	сумму	56.103.313	таэлей.
Чаю	»	»	28.879.482	»
Бобовъ и бобовыхъ выжимокъ	»	»	7.828.885	»
Табаку	»	»	3.839.240	»
Кожъ	»	»	3.836.413	»
Циновокъ	»	»	3.683.094	»
Хлопка сырого	»	»	3.151.161	»
Соломы и соломенныхъ издѣлій	»	»	3.131.791	»

Дальше идетъ сахаръ, разныя растительныя масла, бумага и всевозможныя китайскія издѣлія.

Участіе различныхъ государствъ, ведущихъ торговлю съ Китаемъ, въ вывозѣ изъ Китая распредѣляется нѣсколько болѣе равномѣрно, чѣмъ во ввозѣ, такъ какъ Англія и ея колоніи ввозятъ въ Китай почти вдвое болѣе, чѣмъ вывозятъ; для остальныхъ же странъ это отношеніе сильно измѣняется: ввозъ Америки и Японіи лишь незначительно превышаетъ вывозъ, а всѣ континентальныя европейскія государства вывозятъ почти

втрое болѣе, чѣмъ ввозятъ; вывозъ же Россіи въ десять разъ превышаетъ ея ввозъ.

Слѣдующая таблица можетъ дать понятіе объ участіи отдѣльныхъ государствъ во внѣшней торговлѣ Китая и о сравнительной величинѣ ихъ ввоза и вывоза. Данныя эти относятся къ 1898 году.

	Ввозъ.	Вывозъ.	Сумма оборота.
Англія	132.176.491	72.799.464	204.975.955
Японія	27.376.063	16.092.778	43.468.841
Европа (искл. Россіи)	9.397.792	25.929.114	35.326.906
Россія (сушей и моремъ)	1.754.088	17.798.207	19.552.295
Соединенные Штаты	17.163.312	11.986.771	29.150.083
Индія	19.135.546	1.324.125	20.459.671
Остальн. англ. колоніи	4.805.634	3.719.470	8.525.104
Макао	3.347.717	5.381.959	8.729.676
Прочія страны	3.588.704	4.005.261	7.593.965
	218.745.347	159.037.149	377.782.496

Изъ этой таблицы ясно, какая исключительная роль въ торговлѣ съ Китаемъ принадлежитъ Англіи. На ея долю приходится 62% всей внѣшней торговли Китая. За ней слѣдуетъ Японія, которой принадлежитъ 11%, Соединенные Штаты 8%, Европа, исключая Россіи—10% и Россія 5%.

Роль Россіи въ собственно морской торговлѣ Китая еще менѣе значительна. Не больше 1/2% торговыхъ судовъ, появляющихся въ китайскихъ водахъ, носятъ русскій флагъ. Изъ остальныхъ европейскихъ государствъ въ китайской торговлѣ за послѣднее время начинаетъ пріобрѣтать все больше значенія Германія. Нѣмецкіе купцы позже всѣхъ стали появляться въ Китаѣ, ихъ сношенія съ Срединной Имперіей не заходятъ далѣе 60-хъ годовъ нашего вѣка, и стали расти только съ 1870 г., но за этотъ небольшой періодъ времени они успѣли пріобрѣсти замѣтную роль въ торговлѣ съ Китаемъ, такъ что Франція, торговыя сношенія которой съ Китаемъ имѣютъ гораздо болѣе длинную исторію, значительно уступаетъ въ настоящее время Германіи. Голландія, Испанія и Португалія, положившія начало торговымъ отношеніямъ Европы съ Китаемъ, въ настоящее время совершенно отодвинулись на задній планъ; торговля ихъ всѣхъ въ совокупности едва достигаетъ 1/2% всей международной торговли Китая. Даже Швеція и Норвегія стоятъ въ этомъ отношеніи выше, такъ какъ ихъ торговля съ Китаемъ выражается въ видѣ 1,25%.

Въ настоящее время въ Китаѣ насчитывается болѣе 360 англійскихъ торговыхъ фирмъ, болѣе 100 нѣмецкихъ, около 50 японскихъ, около 30 американскихъ, столько же французскихъ и всего 12 *) рус-

*) Послѣдняя цифра, впрочемъ, относится еще къ 1895 году.

скихъ, исключительно чайныхъ. Китайское купечество, державшееся сначала въ сторонѣ отъ иностранныхъ фирмъ, появлявшихся въ его странѣ, мало-по-малу стало тоже принимать участіе во внѣшней торговлѣ, сначала въ качествѣ компаньоновъ и пайщиковъ, а потомъ и за свой страхъ. Теперь значеніе мѣстныхъ купцовъ во внѣшней торговлѣ настолько выросло, что они заняли второе мѣсто послѣ англичанъ. Въ ихъ рукахъ находится теперь 23% всей морской торговли Китая.

Кромѣ купцовъ, непосредственно участвующихъ въ международныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, внѣшняя торговля вызвала въ Китаѣ появленіе цѣлаго класса людей, служащихъ посредниками между иностранными фирмами и туземнымъ населеніемъ или туземными торговыми домами. Европейскіе купцы являются обыкновенно въ Китай, не зная китайскаго языка, что, конечно, крайне затрудняетъ всѣ дѣловыя сношенія. Всякая иностранная торговая фирма вынуждена бываетъ обращаться къ посредничеству лицъ, могущихъ служить переводчиками и въ то же время знакомыхъ съ своеобразными условіями мѣстной жизни. Эти посредники, называемые компрадорами, играютъ очень важную роль во внѣшней торговлѣ Китая. Компрадорами могутъ быть, конечно, только наиболѣе образованные китайцы, хорошо знающіе иностранные языки и опытные въ коммерческихъ дѣлахъ. Они получаютъ крупныя жалованья отъ иностранныхъ фирмъ и всѣ торговыя дѣла этихъ фирмъ въ самомъ Китаѣ находятся фактически въ ихъ рукахъ. Отъ постояннаго общенія съ иностранцами, они невольно ближе знакомятся съ европейской культурой, а такъ какъ въ то же время они не могутъ терять тѣсныхъ связей со своей страной, то въ большинствѣ случаевъ они оказываются дѣйствительно самыми просвѣщенными людьми въ Китаѣ, способными понять истинныя потребности своей родины и оцѣнить послѣдствія знакомства съ европейской цивилизаціей.

Но вліяніе роста внѣшней торговли въ Китаѣ далеко не исчерпывается однимъ какимъ-либо классомъ населенія, постепенно и незамѣтно оно распространяется на многія стороны жизни страны. Прежде всего растущая внѣшняя торговля вызвала усиливающійся спросъ на разные китайскіе товары и тѣмъ самымъ дала толчокъ косной китайской промышленности. Тѣ способы производства, которыми она довольствовалась въ теченіе тысячелѣтій, не удовлетворяли новый спросъ. Качество кустарныхъ китайскихъ товаровъ не достигало уровня требованій европейскаго рынка, а ихъ медленное производство не поспѣвало за растущимъ спросомъ. Между тѣмъ поставлять товары на европейскій рынокъ оказывалось выгоднымъ, и вотъ, чтобы удовлетворить иностранному спросу, въ Китаѣ стали появляться фабрики китайскихъ товаровъ, устроенныя по европейскому образцу со всѣми усовершенствованіями современной техники. Прежде всего паровая машина проникла въ область шелковой и хлопчатобумажной промышленности.

Китай издавна славился какъ страна шелку, между тѣмъ, шелковыя ткани, изготовленныя первобытнымъ ручнымъ способомъ, плохо расходились въ Европѣ, да и количество ихъ едва удовлетворяло внутреннему спросу. Съ конца 60-хъ годовъ въ долинѣ Янъ-цзы стали возникать крупныя шелковыя фабрики. Сначала онѣ устраивались исключительно европейцами и даже рабочіе, особенно мастера, привозились изъ-за-границы. Но китайскіе рабочіе, враждебно встрѣтившіе появленіе въ своей странѣ европейской фабрики, очень скоро освоились съ ней и стали охотно поступать туда, постепенно пріучаясь къ обращенію съ машинами. Вслѣдъ затѣмъ и китайскіе капиталисты стали конкурировать съ европейцами въ устройствѣ фабрикъ и теперь, черезъ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ, въ одномъ Шанхаѣ насчитывается 25 шелкопрядильныхъ фабрикъ, изъ которыхъ только 5 принадлежатъ иностранцамъ, 20 же составляютъ собственность китайскихъ капиталистовъ. На этихъ фабрикахъ занято 20 тысячъ рабочихъ, почти исключительно туземныхъ. Также быстро фабричный способъ производства проникъ и въ хлопчатобумажную промышленность. Въ настоящее время въ Шанхаѣ работаетъ 9 иностранныхъ и 4 китайскихъ прядильныхъ фабрикъ, на которыхъ считается болѣе 400.000 веретенъ. Рабочихъ же на нихъ занято больше 10.000.

Кромѣ шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ фабрикъ, въ Шанхаѣ есть еще двѣ спичечныя фабрики, бумажная и веревочная фабрики и большая паровая мельница для размола пшеницы. Шанхай можетъ въ настоящее время считаться крупнымъ фабричнымъ центромъ Китая. Такая роль его обусловливается его выгоднымъ положеніемъ на берегу моря и у устья самой большой судоходной рѣки Китая — Янъ-цзы. Кромѣ Шанхая и Гонконга, который, впрочемъ, нельзя считать настоящимъ китайскимъ городомъ, такъ какъ съ 1842 года онъ принадлежитъ англичанамъ, фабричная промышленность начинаетъ проникать и въ нѣкоторые другіе портовые города, какъ, напримѣръ, Тянцзинъ, Ханъ-чжоу и Чжи-фу, гдѣ есть теперь хлопчатобумажныя и шелковыя фабрики и чайныя мануфактуры. Внутри страны значительнымъ промышленнымъ центромъ за послѣднее время сдѣлался Ханькоу; тамъ есть и хлопчатобумажныя фабрики, и крупныя чайныя мануфактуры и, главное, два большихъ сталелитейныхъ завода, основанныхъ на китайскіе капиталы и примѣняющіе всѣ новѣйшія техническія изобрѣтенія. Эти два завода являются до сихъ поръ въ Китаѣ едва ли не единственной попыткой самостоятельной эксплуатаціи громадныхъ естественныхъ богатствъ страны. До послѣдняго времени Китай не имѣлъ ни своего желѣза, ни своей стали и не пользовался собственнымъ каменнымъ углемъ. Между тѣмъ въ отношеніи естественныхъ богатствъ Китай занимаетъ едва ли не первое мѣсто на земномъ шарѣ. Въ одной только провинціи Шаньси, по разсчетамъ Рихтгофена, находятся такія богатыя залежи каменнаго угля, что его могло бы хватить на много

тысячъ лѣтъ для всего мірового потребленія. Между тѣмъ эти залежи почти совсѣмъ не эксплуатируются. Громадныя богатства каменнаго угля находятся въ Шантунгѣ и Шанси въ сѣверномъ Китаѣ и Квансу и Юнанѣ— въ южномъ, не говоря о меньшихъ напластованіяхъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ страны. Въ Юнанѣ, кромѣ каменнаго угля имѣются еще богатѣйшія желѣзныя руды и золотыя розсыпи, точно такъ же, какъ въ сосѣдней Сычуани, одной изъ самыхъ богатыхъ провинцій Китая. Золото находится также въ одной изъ провинцій средняго Китая—Гу-беѣ и на сѣверѣ въ Шантунгѣ. Обильныя желѣзныя руды имѣются въ томъ же Шантунгѣ и въ Шанси, не говоря о менѣе значительныхъ мѣсторожденіяхъ этого металла. По словамъ лорда Бересфорда, именно въ этихъ громадныхъ естественныхъ богатствахъ лежитъ будущее Китая, а до сихъ поръ они еще почти не тронуты. Только въ долинѣ Янъ-цзы дѣлаются теперь первые опыты примѣненія европейскихъ пріемовъ къ разработкѣ рудъ и добычѣ каменнаго угля. Вообще долина Янъ-цзы является очагомъ зарождающейся промышленной жизни Китая. Этому способствуетъ совокупность многихъ благопріятныхъ условій. Кромѣ естественныхъ богатствъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ прилегающихъ къ ней провинцій, самая почва этой страны отличается громаднымъ плодородіемъ. Такимъ образомъ природа въ изобиліи поставляетъ тамъ сырой матеріалъ, которымъ надо только умѣть пользоваться, а это умѣнье, совершенно отсутствовавшее у китайцевъ, приносятъ съ собой европейцы, проникшіе по Янъ-цзы всего глубже внутрь страны. Ханькоу, открытый для иностранной торговли, отстоитъ на 680 миль отъ берега океана. Наконецъ, есть еще одно важное условіе, способствующее развитію торговли и промышленности въ этой мѣстности—громадная полноводная рѣка, на 2.000 миль годная для судоходства. Для Китая это обстоятельство имѣетъ первенствующее значеніе, такъ какъ отсутствіе путей сообщенія является тамъ однимъ изъ главнѣйшихъ тормазовъ для развитія промышленной жизни страны. Новѣйшій изслѣдователь Китая, Колькхунъ, считаетъ его даже самымъ главнымъ. «Это страна съ изумительными природными богатствами, съ интеллигентнымъ, мирнымъ и промышленнымъ населеніемъ и съ совершенно негодными путями сообщенія — ввидѣ непроходимыхъ дорогъ или каналовъ... Необходимость для нея прямыхъ, быстрыхъ и удобныхъ сообщеній—это аксіома, не требующая доказательствъ. Эти сообщенія удовлетворятъ потребностямъ торговли и промышленности и послужатъ для политическихъ и административныхъ надобностей. При теперешнемъ плачевномъ состояніи Китая ничто не можетъ принести ему большей пользы, чѣмъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ. Оно безусловно необходимо для спасенія страны» *).

*) Colqkhoun, «China in transformation», стр. 96.

Столкновеніе съ Европой заставило Китай почувствовать во всей силѣ настоятельную необходимость хорошихъ путей сообщенія. Этого требовала и растущая внѣшняя торговля Китая, и потребность защищать страну отъ вторженія сильнаго, хорошо вооруженнаго непріятеля. И мирные, и военные интересы имперіи въ этомъ случаѣ совпали и повели къ тому, что при всей своей боязни новшествъ Китай пошелъ навстрѣчу предложеніямъ иностранныхъ компаній проводить тамъ желѣзнодорожныя линіи. Первою проведена была линія изъ Пекина въ Тянцзинъ, открытая въ 1897 г., и далѣе изъ Тянцзиня въ Шайхайкванъ—всего длиною въ 300 миль. Потомъ въ 1898 г. открыта была небольшая линія изъ Шанхая въ Вузунгъ всего въ 18 миль. Обѣ эти линіи составляютъ собственность китайскаго правительства, хотя построены на средства англійскихъ капиталистовъ. Кромѣ того, бельгійская компанія получила концессію на постройку большой желѣзнодорожной линіи отъ Пекина къ Ханькоу. Линія эта болѣе 700 миль длины должна имѣть большое экономическое значеніе, такъ какъ она пересѣчетъ наиболѣе богатую и плодородную часть страны, совершенно лишенную до сихъ поръ средствъ сообщенія. Къ постройкѣ ея уже приступлено и одинъ участокъ отъ Пекина по направленію къ Паотинфу былъ открытъ въ прошломъ 1899 году. Далѣе проектированы линіи отъ Ву-чанга, лежащаго противъ Ханькоу на другомъ берегу Янъцзы до Кантона, такимъ образомъ весь Китай съ сѣвера на югъ, отъ Пекина до Кантона былъ бы пересѣченъ желѣзнодорожнымъ путемъ. Но эта линія, также какъ линія отъ Кантона до Чунгъ-кина, столицы Сычуанской провинціи, и отъ Шанхая до Пекина оставались пока въ проектѣ. Французская компанія, имѣвшая въ виду соединить Сычуанскую и Юнанскую провинціи съ Тонкиномъ и Бирманомъ, уже приступила къ изысканію по проведенію желѣзнодорожныхъ путей въ этихъ двухъ направленіяхъ, но текущія событія въ Китаѣ, вѣроятно, заставятъ отложить исполненіе этого предпріятія, какъ и проведеніе другихъ проектированныхъ дорогъ, до болѣе благопріятнаго момента.

Наконецъ, черезъ Китай должна была пройти русская дорога, идущая отъ Срѣтенска до Владивостока и составляющая продолженіе Сибирской желѣзной дороги. Русское правительство получило разрѣшеніе на проведеніе этой линіи черезъ Манчжурію и на постройку отъ нея вѣтви къ югу отъ Гирина до Портъ-Артура. Работы по проведенію обѣихъ этихъ дорогъ были, какъ извѣстно, въ полномъ ходу, когда вспыхнуло послѣднее движеніе въ Китаѣ. Эти двѣ дороги имѣютъ болѣе 1.500 верстъ протяженія, такъ что въ суммѣ длина всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій, къ постройкѣ которыхъ уже было приступлено, достигаетъ почти 5.000 миль, но изъ нихъ закончено немногимъ болѣе 400 миль.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ, кромѣ того недовѣрія, которое вызываетъ тамъ всякое нововведеніе, сталкивается еще съ

особымъ крайне серьезнымъ затрудненіемъ. Въ Китаѣ нѣтъ особыхъ кладбищъ, но зато всѣ окрестности городовъ и селеній, даже самыхъ незначительныхъ представляютъ собою громадныя кладбища, сплошь усѣянныя могилами предковъ. Всякая желѣзнодорожная линія неминуемо уничтожаетъ эти священныя для китайца могилы и вызываетъ страшное раздраженіе владѣльцевъ потерпѣвшихъ могилъ. Но потребность въ путяхъ сообщенія такъ сильно назрѣла въ Китаѣ, что эти частныя неудовольствія тонутъ въ массѣ затронутыхъ ими интересовъ. «Народъ тамъ настолько подготовленъ къ появленію желѣзныхъ дорогъ,—говоритъ такой авторитетный изслѣдователь Китая, какъ Колькхунъ,—что онѣ не произведутъ въ китайскомъ обществѣ большаго смущенія, чѣмъ въ любой западной странѣ: люди изумительно скоро привыкаютъ къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя клонятся къ ихъ выгодѣ» *). И дѣйствительно, проведеніе первыхъ желѣзнодорожныхъ линій не вызвало никакихъ враждебныхъ поступковъ среди мѣстнаго населенія, несмотря на то, что эти линіи проходили по самымъ густо населеннымъ областямъ. Какъ и всѣ европейскія предпріятія, желѣзныя дороги встрѣтили самое сильное противодѣйствіе не среди простого народа, а среди корпораціи ученыхъ. При первой попыткѣ проведенія дороги изъ Шанхая въ Вузунъ въ 1876 г. мѣстные ученые пробовали возбудить народное возмущеніе, и даже подстроили для этой цѣли искусственный несчастный случай. Одного китайца, рѣшившагося на самоубійство, уговорили лечь на рельсы и дать поѣзду раздавить себя. Но и этотъ случай не привелъ къ желательнымъ результатамъ, народъ массами сбѣгался смотрѣть на заморское чудо, но проявлялъ больше любопытства, чѣмъ непріязни. А первые поѣзда буквально осаждались восторженно настроенной толпой, добивавшейся разрѣшенія прокатиться на нихъ **). Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ вызвать народныя волненія, ученые обратились къ воздѣйствію на правительство и вынудили отъ него закрытіе этой дороги, которая была вновь открыта только въ 1898 году.

Наиболѣе печальная участь выпала на долю нашей Манчжурской линіи. Обстоятельства сложились для нея такъ невыгодно, что время ея постройки какъ разъ совпало съ общимъ взрывомъ антиевропейскихъ чувствъ въ Китаѣ, но и помимо того, она находится въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ остальныя китайскія дороги. Сѣверный Китай и тѣмъ болѣе Манчжурія стоялъ до сихъ поръ въ сторонѣ отъ торговопромышленнаго оживленія, охватившаго центральную и южную полосу Китая, потребность въ хорошихъ путяхъ сообщенія не сказывалась тамъ съ такой силой, а въ стратегическомъ отношеніи эта дорога могла быть скорѣе опасной, чѣмъ выгодной для Китая.

*) Colquhoun, «China in transformation», стр. 97.

**) Harold Gorst, «China», стр. 262.

По другимъ дорогамъ Китай могъ подвозить свои войска къ портовымъ городамъ—единственнымъ доступнымъ для иностранцевъ пунктамъ Китая, а по Манчжурской дорогѣ русское правительство могло подвозить свои войска чуть не къ самому центру Китая. Естественно, что эта дорога, разрѣшеніе на которую было дано китайскимъ правительствомъ подъ давленіемъ необходимости, не вызвала сочувствія въ странѣ. Кромѣ того, остальныя дороги, хотя и строились иностранными компаніями, но считались все же китайскими, Манчжурская же линія составляетъ цѣликомъ собственность русскаго правительства; управленіе ею находится совершенно внѣ зависимости отъ китайскихъ властей.

Проведеніе телеграфныхъ линій не было сопряжено съ такими затрудненіями, какъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ, и поэтому оно могло осуществиться въ общемъ легче и скорѣе. Первый телеграфный кабель былъ проложенъ между Гонконгомъ и Шанхаемъ одной купеческой кампаніей въ 1871 году. Удобство телеграфныхъ сношеній, особенно въ Китаѣ, при полномъ отсутствіи правильно организованной почты, было оцѣнено очень быстро и теперь телеграфныя линіи соединяютъ почти всѣ главные города Китая, и между собой и съ Пекиномъ.

XVII.

Фабрики, заводы, пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы, вся эта шумная европейская культура, ворвавшаяся за послѣдніе годы въ сонную китайскую жизнь и нарушившая ея примитивную цѣльность, обязана была своимъ появленіемъ не усиліямъ представителей оффиціальной Европы, а исключительно инициативѣ европейскихъ купцовъ и промышленниковъ. Эти европейскіе промышленники, являясь въ Китай, не задавались, конечно, никакими культурными цѣлями, они стремились исключительно къ своей выгодѣ, а между тѣмъ, именно, ихъ дѣятельность принесла для Китая наиболѣе замѣтные плоды. Такая цивилизующая роль европейской промышленности въ Китаѣ не имѣетъ ничего удивительнаго. Появляясь въ странѣ, новыя формы производства не требуютъ въ началѣ отъ людей никакихъ пугающихъ ихъ перемѣнъ въ міровоззрѣніи, въ привычныхъ условіяхъ жизни. Ни ихъ религіи, ни ихъ образованія, ни ихъ семейнаго быта, ни государственнаго устройства ихъ страны фабрика не затрагиваетъ, она только даетъ имъ новые и лучшіе предметы потребленія, даетъ заработокъ неимущимъ и выгодное помѣщеніе капитала имущимъ. Поэтому, когда пройдетъ первый моментъ недовѣрія и непріязни къ новому и необычному, ее встрѣчаютъ съ удовольствіемъ, охотно раскупаютъ ея произведенія, охотно нанимаются работать на нее. Люди и въ Китаѣ, по выраженію Колькхуна, «изумительно быстро привыкаютъ къ тому, что для нихъ выгодно». Новая форма производства выгодна для Ки-

тая и, какъ мы видѣли, за такой незначительный періодъ она уже успѣла пустить тамъ прочные корни, новыя фабрики считаются десятками, а спросъ на европейскіе товары растетъ независимо отъ политическихъ осложненій.

Но проникнувъ въ страну такъ незамѣтно, новая промышленность начинаетъ постепенно расширять тамъ сферу своего вліянія. Во-первыхъ, она требуетъ цѣлаго ряда внѣшнихъ нововведеній—улучшенныхъ путей сообщенія на водѣ и на сушѣ, улучшенныхъ сношеній, и вотъ за какія-нибудь 20 лѣтъ въ Китаѣ появляются пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы. Но этой внѣшней стороной жизни далеко не исчерпывается вліяніе промышленности; оно проникаетъ гораздо глубже. Прежде всего она требуетъ спеціальнаго техническаго образованія, которое можетъ развиться только на почвѣ широкаго реальнаго образованія и совершенно несовмѣстимо съ существующей системой, построенной на конфуціанствѣ. Рядомъ съ этимъ, развитіе фабричной промышленности не можетъ не отозваться въ концѣ концовъ и на семейномъ бытѣ и культѣ народа, особенно такого народа, какъ китайцы, у которыхъ формы того и другого такъ своеобразны и такъ тѣсно слиты между собой. Отрывая китайца отъ семьи, фабрика мѣшаетъ ему участвовать въ обрядахъ семейнаго культа, лишаетъ его покровительства семейныхъ предковъ, отучаетъ его отъ соблюденія строгихъ требованій его религіи, а съ теченіемъ времени и отъ самой религіи. Конечно, религія отличается вообще большой устойчивостью и долго противится разлагающему дѣйствію измѣнившихся формъ жизни. Взамѣнъ тѣхъ обрядовъ, соблюденіе которыхъ при новыхъ условіяхъ стало неудобнымъ, она изобрѣтаетъ фикціи, которыя должны поддерживать религіозныя чувства. Такъ было въ Китаѣ при переходѣ отъ исключительно сельскаго быта къ городскому, когда взамѣнъ жертвоприношеній на могилахъ, появились домовые храмы и жертвоприношенія передъ табличками предковъ, такъ можетъ быть и теперь, и какая-нибудь новая фикція поможетъ китайцу оставаться вѣрнымъ культу предковъ, превратившись въ фабричнаго рабочаго. Но самыя эти фикціи служатъ признакомъ разложенія чистыхъ формъ прежней религіи и ослабленія религіознаго чувства, при которомъ дѣлается гораздо болѣе возможнымъ переходъ къ новой вѣрѣ. Осложнившіяся формы экономической жизни, во всякомъ случаѣ, подготовляютъ почву къ этому переходу. Наконецъ, развитіе въ Китаѣ крупной промышленности должно отразиться и на государственномъ устройствѣ страны. До сихъ поръ единственную оппозицію правительству представилъ купеческій классъ, теперь рядомъ съ нимъ появится классъ крупныхъ промышленниковъ, съ интересами котораго правительству волей-неволей придется считаться, и административный произволъ чиновничества наталкивается на новую серьезную преграду.

Эти перемѣны въ умственной, религіозной и общественной жизни

страны слишкомъ глубоки и серьезны, чтобы могли проявиться въ теченіе какихъ-нибудь двухъ, трехъ десятковъ лѣтъ. До сихъ поръ китайская жизнь не даетъ еще никакихъ ощутительныхъ фактовъ, по которымъ можно было бы судить, что этотъ внутренній переломъ основъ китайской цивилизаціи уже начался. Но если нѣтъ фактовъ, всплывшихъ на поверхность жизни, то идея о томъ, что эта перемѣна должна совершиться и начала совершаться, что для Китая она безусловно необходима, уже проникла въ сознаніе лучшихъ представителей китайскаго общества. Послѣдніе годы въ нашу печать стали проникать слухи о зарожденіи въ Китаѣ молодой партіи, партіи реформъ, привѣтствовавшей появленіе европейской цивилизаціи и стремившейся провести рядъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью сблизить Китай съ Европой. Одно время эта партія пріобрѣла вліяніе на молодого императора Квангъ-су и уже приступила къ выполненію своихъ плановъ, но очень скоро старая партія съ императрицей во главѣ одержала верхъ, шестеро изъ реформаторовъ были казнены 28-го сентября 1898 года, а глава революціоннаго движенія Канъ-ю-Вей спасся только благодаря вмѣшательству Англіи, взявшей его подъ свою защиту. Лорду Бересфорду удалось увидѣться въ Гонконгѣ съ этимъ политическимъ преступникомъ, бдительно охраняемымъ британской полиціей отъ враждебныхъ поползновеній китайскихъ мандариновъ, назначившихъ 10.000 ф. стерлинговъ за его голову.

Канъ-ю-вей произвелъ на лорда Бересфорда впечатлѣніе человѣка образованнаго, глубоко убѣжденнаго и горячаго патріота. Его взглядъ на современное положеніе Китая крайне интересенъ. «Цѣль партіи реформъ,—говорилъ онъ лорду Бересфорду,—заключалась въ томъ, чтобы пріобщить Китай къ западной цивилизаціи. Если Китай самъ не введетъ у себя реформъ, отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ, то онъ неминуемо распадется на части и будетъ раздѣленъ между народами земли. Партія реформъ одушевлена чувствомъ глубокаго патріотизма, она стремится спасти китайскую имперію и сохранить династію, но это невозможно, если Китай самъ не убѣдится въ необходимости вступить на путь западной цивилизаціи». По его словамъ, молодой императоръ вполнѣ раздѣлялъ эти взгляды и соглашался «произвести необходимыя реформы въ административной системѣ, безъ которыхъ Китай находится въ безпомощномъ и безнадежномъ состояніи». Далѣе, они намѣревались дать свободный доступъ въ Китай европейской торговлѣ и промышленности, вслѣдствіе чего Китай станетъ богаче и сильнѣе. «Всѣ просвѣщенные люди въ Китаѣ, — говорилъ Канъ-ю-вей,—дѣйствительно понимающіе этотъ вопросъ, вполнѣ убѣждены, что безъ реформъ Китайская имперія, считающая 4.000 лѣтъ жизни, несомнѣнно, распадется на части». На вопросъ лорда Бересфорда, какъ относится къ ихъ партіи 400-милліонное населеніе Китая, Канъ-ю-вей отвѣчалъ, что пока народъ, конечно, еще не понимаетъ ихъ, но что

многіе просвѣщенные люди пытаются разъяснить ему, что если реформы осуществятся, то страна станетъ гораздо богаче, а обложеніе несравненно равномѣрнѣе.

Казнь шестерыхъ вождей движенія, конечно, нанесла ему серьезный ущербъ. «Наша партія подавлена,—сказалъ Канъ-ю-вей,—но не убита». Теперь они опасаются, главнымъ образомъ, одного, что Китай будетъ подѣленъ на части раньше, чѣмъ имъ удастся приступить вновь къ выполненію своей программы. «И на Западѣ революціонныя движенія всегда имѣли своихъ мучениковъ, и если Китай не распадется, потомство будетъ чтить героическій патріотизмъ тѣхъ шести человѣкъ, которые пожертвовали жизнью за дѣло реформъ».

Лорду Бересфорду во время его интереснаго путешествія по Китаю не разъ приходилось убѣждаться, что сочувствіе къ дѣлу реформъ въ китайскомъ обществѣ не представляетъ собой фантазіи пылкаго революціонера. Идеи, одушевлявшія партію реформъ, широко распространены среди торгово-промышленнаго міра Китая. Отъ многихъ купцовъ и компрадоровъ ему приходилось выслушивать тѣ же мнѣнія о современномъ положеніи и будущемъ Китая, которыя такъ опредѣленно формулировалъ Канъ-ю-вей. Въ Гонконгѣ лордъ Бересфордъ получилъ интересное письмо отъ мѣстной гильдіи китайскихъ купцовъ, въ которомъ гонконгское купечество выражало желаніе, чтобы Англія, промышленные интересы которой связаны съ интересами Китая, поддержала съ своей стороны Китай въ его теперешнемъ бѣдственномъ положеніи и помогла ему осуществить необходимыя реформы. «Если проводить реформы, то онѣ должны быть полными и всесторонними... Безъ реформъ управленіе китайской имперіей скоро станетъ невозможнымъ, и распаденіе ея явится неизбѣжнымъ». Но въ отличіе отъ молодой партіи реформъ, купеческая гильдія не надѣется, чтобы Китай былъ въ состояніи собственными силами выполнить эту трудную задачу. «Ясно, что безъ посторонней помощи или давленія извнѣ Китай не въ состояніи осуществить свое перерожденіе. По вполнѣ понятнымъ причинамъ—личныхъ выгодъ и преимуществъ—тѣ, кто занимаетъ высшее положеніе, кто составляетъ правящій классъ, не желаютъ реформъ, а тѣ, кто находятся внизу, кто составляетъ массу населенія, желаютъ реформъ, но не имѣютъ силы добиться ихъ».

Сознаніе того, что Китай переживаетъ теперь глубокій кризисъ, который долженъ имѣть рѣшающее вліяніе на его будущую судьбу, широко распространено въ китайскомъ обществѣ. Къ чему онъ приведетъ, пока еще трудно предвидѣть.

Существуетъ мнѣніе, что китайская цивилизація, въ корнѣ противоположная европейской, представляетъ настолько гармоничное, прочное и живучее цѣлое, что она ни въ какомъ случаѣ не дастъ пересоздать себя и отстоитъ свою самобытность подъ напоромъ новыхъ фактовъ и идей. Отъ европейцевъ она заимствуетъ только чисто

внѣшнюю техническую сторону их культуры—флотъ, вооруженіе, пути сообщенія, но и то, главнымъ образомъ, для того, чтобы при ихъ помощи отдѣлаться окончательно отъ навязчиваго Запада и сохранить внутреннюю цѣльность всего строя своей жизни. Такого взгляда придерживался и талантливый русскій изслѣдователь китайской цивилизаціи Георгіевскій. Если это мнѣніе справедливо, и консервативныя начала, дѣйствительно, одержатъ окончательную побѣду надъ зачатками новаго, то будущее Китая рисуется въ довольно мрачномъ свѣтѣ. Всего вѣрнѣе, что въ такомъ случаѣ ему предстоитъ именно та судьба, которой такъ опасаются члены партіи реформъ—и онъ будетъ подѣленъ на части европейскими государствами. Если даже въ настоящую минуту ему удастся отбиться или откупиться отъ европейцевъ, то это только отодвинетъ не надолго тотъ же исходъ. Экономическое положеніе страны такъ ужасно и управленіе ею такъ плохо, что Китаю въ настоящемъ его видѣ не подъ силу бороться съ Европой, несмотря на свое 400-милліонное населеніе.

Но возможенъ и другой исходъ, возможно, что тѣ начала европейской цивилизаціи, которыя уже проникли туда въ формѣ европейской промышленности, выдержатъ натискъ антиевропейскаго теченія, охватившаго теперь страну. Если европейская промышленность не будетъ искоренена въ Китаѣ вмѣстѣ съ другими сторонами европейской цивилизаціи, а на это есть много данныхъ, такъ какъ она успѣла связать съ своей судьбой реальные интересы разныхъ слоевъ китайскаго населенія, — то она сыграетъ свою роль въ странѣ, какой бы оборотъ ни приняли собственно политическія событія. Будутъ ли европейцы изгнаны изъ страны военною силою,—что мало вѣроятно,—или съ ними вновь будутъ заключены трактаты, съ тѣмъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ снова нарушать ихъ, европейская цивилизація, укоренившаяся тамъ одной своей стороной, разовьется сама собой и силою вещей втянетъ Китай на путь мірового прогресса, до сихъ поръ ему чуждаго.

Во всякомъ случаѣ, переживаемый нами историческій моментъ полонъ глубокаго интереса не для однихъ китайцевъ. Трудно предсказать, во что превратится Китай, если ему дѣйствительно суждено выйти изъ своей многовѣковой неподвижности. Теперь нельзя и представить себѣ, въ какую форму выльются начала европейской цивилизаціи подъ вліяніемъ своеобразныхъ расовыхъ и историческихъ особенностей этой страны. Какъ бы то ни было, Китай со своей громадной территоріей, со своими неисчерпаемыми богатствами, со своимъ 400-милліоннымъ населеніемъ явится важнымъ факторомъ во всемірной исторіи.

Т. Богдановичъ.

ВЪ СУТОЛОКѢ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(очерки).

(*Продолженіе* *).

XXI.

Въ теченіе лѣта изысканія техническія и экономическія были закончены. Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ очередной сессіи я долженъ былъ сдѣлать докладъ объ этихъ изысканіяхъ уже въ губернскомъ земствѣ.

Въ декабрѣ же истекалъ срокъ полномочій дворянскихъ представителей и были назначены новые выборы.

Кандидатомъ въ губернскіе предводители прочили Чеботаева.

Опять гостинницы города не вмѣщали съѣхавшихся, опять дворянская зала наполнилась дворянами въ мундирахъ, запахомъ нафталина, гуломъ голосовъ.

Выглядывало изъ толпы сдержанное, но встревоженное лицо Проскурина, всегда уравновѣшенное, спокойное, умное Николая Ивановича Бронищева, угрюмое, сосредоточенное Нащокина, торжественное, блѣдное Чеботаева, отрѣшенное отъ міра, задумчивое добившагося своего—редактора и уѣзднаго предводителя—Старкова.

На вопросъ—будетъ ли онъ баллотироваться—Проскуринъ надменно, лаконически отрѣзалъ:

— Не буду.

Со всѣхъ сторонъ залы кричали:

— Чеботаева, Чеботаева! Просимъ, просимъ!..

Чеботаевъ, блѣдный, вышелъ и что-то сказалъ:

— Просимъ, просимъ!—заревѣла опять толпа.

Явственно донеслись слова Чеботаева о болѣе достойныхъ, чѣмъ онъ.

— Васъ хотимъ! Просимъ! Просимъ!..

---

*) См. «Міръ Божій», № 9, сентябрь 1900 г.

Чеботаевъ отошелъ.

— Отказывается!.. Депутацію!..

Публика разогрѣвалась.

Кто-то предложилъ на подносѣ поднести всѣ шары.

Проскуринъ со своей партіей стоялъ у дверей и, по-наполеоновски скрестивъ руки, свысока наблюдалъ всѣ эти волненія залы.

Около Чеботаева горячилась большая партія, тѣсной стѣной окружали его сторонники, и воздухъ дрожалъ отъ криковъ:

— Просимъ, просимъ!..

Протискивались къ нему, порывисто жали ему руки, говорили:

— Впередъ, мы всегда съ вами!

Громадный, въ три обхвата дворянинъ, съ сальными мѣшками, вмѣсто плечъ, протискался, обнялъ Чеботаева и, смачно, слюняво цѣлуя, сказалъ плачущимъ голосомъ:

— Голубчикъ, дорогой, спаси насѣ отъ Проскурина и всѣхъ скверпъ его!

Это вызвало смѣхъ и испортило торжественность. Чеботаевъ сталъ энергичнѣе отказываться.

Но опять просили, опять стало торжественно, тепло.

Взвинтились и взвинтили Чеботаева. У него слезы выступили на глазахъ и онъ, пересиливая себя, тихо сказалъ:

— Согласенъ, но съ условіемъ, чтобы въ кандидаты мнѣ Нащокина.

Громовое ура пронеслось по заламъ. Нащокинъ тоже согласился и началась баллотировка.

Изъ 112 голосовъ Чеботаеву положили 87 избирательныхъ.

Зато Нащокину переложили и выбрали его 107 голосами.

Старый, заѣзженный пріемъ удался Проскурину. Онъ торжествовалъ, а Чеботаевъ со своей партіей ходили смущенные и растерянные.

Одинъ Николай Ивановичъ былъ совершенно спокоенъ. Онъ говорилъ:

— Хотя обычай утверждать предводителемъ того кандидата, который получилъ большинство голосовъ, но въ сущности на утвержденіе представляются оба. Если Нащокинъ откажется...

— Конечно, отказываюсь.

— Но тогда вѣдь я не буду собственно выбранъ,—уныло возразилъ Чеботаевъ.

— Конечно, — раздался рѣзкій, злорадный голосъ графа Семенова.

— Нѣтъ, вы будете выбраны,—рѣзко возразилъ Николай Ивановичъ,—и не дадите меньшинству терроризировать и парализировать большинство. Во всякомъ случаѣ, надо посовѣтоваться съ губернаторомъ.

Инцидентъ съ губернаторомъ объ оскорбленіи все еще не былъ исчерпанъ и губернаторъ на открытіи не былъ.

Николай Ивановичъ поѣхалъ къ губернатору и скоро возвратился довольный. Губернаторъ уже телеграфировалъ министру и не сомнѣвался въ утвердительномъ отвѣтѣ.

Собраніе отложили до завтра. Опять Проскуринъ сталъ сумрачнымъ, а партія Чеботаева рѣшительна и сдержанна.

На другой день полученъ былъ отвѣтъ объ утвержденіи Чеботаева.

Проскуринъ и еще три уѣздныхъ предводителя подали Чеботаеву заявленіе, въ которомъ говорили, что, въ виду неправильности выборовъ, онъ не можетъ разсчитывать на поддержку ихъ въ депутатскомъ собраніи.

Чеботаевъ прочелъ, посовѣтовался съ друзьями и отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что заявленіе ихъ принялъ къ свѣдѣнію.

— Дуракъ! Толстокожій! Благородство! — ругался Проскуринъ.—Игралъ въ благородство до тѣхъ поръ, пока выгодно было...

Графъ Семеновъ въ камергерскомъ мундирѣ язвительно говорилъ:

— Собственно единственный прецедентъ въ исторіи россійскаго дворянства,—избранный волею своего друга.

Въ уѣздныхъ Проскуринъ прошелъ подавляющимъ большинствомъ панковъ, на этотъ разъ въ достаточномъ количествѣ, въ грязныхъ фракахъ и нитяныхъ перчаткахъ, явившихся въ собраніе; вмѣсто Чеботаева, уѣзднымъ предводителемъ былъ выбранъ Нащокинъ; Старковъ отказался.

Онъ гудѣлъ надъ моимъ ухомъ:

— Это связываетъ мнѣ руки, какъ редактору. Хотя я и дворянинъ и солидаренъ съ княземъ Мещерскимъ, но все-таки нахожу неудобнымъ такое совмѣстительство. Вы, конечно, моего взгляда на князя Мещерскаго не раздѣляете, но я считаю, что самое большее мужество имѣть право думать, какъ думаешь.

— Конечно.

— Необходимо прежде всего быть честнымъ общественнымъ дѣятелемъ, а остальное все приложится. Я такъ, по крайней мѣрѣ, думаю и по мѣрѣ силъ дѣйствую.

— Сколько у васъ подписчиковъ?

— Немного: триста пятьдесятъ.

— Съ даровыми?

— Нѣсколько человѣкъ... Но есть объявленія. Я устроилъ свою типографію: надѣюсь концы съ концами свести... Много зависти, грязи. У насъ вѣдь если не либеральный органъ, газеты вышутятъ и высмѣютъ.

Я кой-что читалъ уже въ выдержкахъ: дѣйствительно, вышучивали за уѣздно-дворянскую точку зрѣнія, установленную „Вѣстникомъ“ Старкова.

Надъ статьями Старкова смѣялись и дворяне говорили другъ другу:

— Ну, заговорилъ по-старковски!

Это значило на мѣстномъ жаргонѣ: ерунда, непонятно!

Старковъ зналъ обо всемъ этомъ, но рѣшилъ твердо держаться и говорилъ съ горечью:

— Это благодарность...

Выборы кончились, и всѣ съ интересомъ ждали, какъ поведетъ себя новый предводитель съ губернаторомъ.

Чеботаевъ запросилъ частнымъ письмомъ губернатора, отдастъ ли онъ ему визитъ, если онъ его сдѣлаетъ, какъ губернскій предводитель. Губернаторъ отвѣтилъ, что до полученія удовлетворенія, онъ, къ сожалѣнію, визита отдать не можетъ.

„Я не сомнѣваюсь, — писалъ губернаторъ, — что если вы мужественно снова поднимете этотъ вопросъ въ собраніи, заявивъ ему, что я честно и открыто желаю получить удовлетвореніе, то представители благороднаго сословія, къ которому принадлежу и я, не откажутъ мнѣ въ этомъ моемъ, совершенно законномъ и справедливомъ требованіи“.

— Это на первыхъ же порахъ повлечетъ за собой такое...— замахали руками друзья Чеботаева.—Это будетъ только на руку Проскурину.

И Чеботаевъ съ друзьями прибѣгли къ такому маневру: закрыли собраніе, а передъ губернаторомъ Чеботаевъ извинился въ позднемъ полученіи его письма, вслѣдствіе чего онъ не успѣлъ поставить вопросъ, къ тому же и не значившійся въ программѣ намѣченныхъ занятій.

— Точно онъ не могъ испросить у меня этого разрѣшенія?— спрашивалъ обиженно губернаторъ и прибавлялъ иронически:

— Вотъ не ожидалъ, что и Чеботаевъ станетъ дипломатомъ...

XXII.

Губернское земское собраніе было назначено черезъ нѣсколько дней.

По любезному приглашенію Абрамсона, я остановился у него и могъ ближе наблюдать эту оригинальную фигуру.

Разнообразной вереницей съ утра чередовались въ его квартирѣ подсудимые, сопровождаемые вооруженными солдатами, всякій людъ безъ мѣстъ, благотворители еврейскаго общества, устроители концертовъ, разношерстная интеллигенція, — актеры, сотрудники либеральной газеты, ссыльные.

У одного арестованнаго было найдено письмо, въ которомъ писалось: „намъ лучше всего увидѣться у Абрамсона, гдѣ собирается всякій сбродъ“.

Абрамсонъ, узнавъ это, хохоталъ, какъ сумасшедшій:

— Нѣтъ, понимаете,—объяснялъ онъ,—можно сказать, такой салонъ, соленая закуска и вдругъ—сбродъ... А?.. Что?.. Ха-ха-ха...

Сбродъ, улица, пожалуй, это и мѣтко, но съ той разницей, что въ этой квартирѣ ярко подчеркивалось то, чего на улицѣ не такъ легко замѣтишь: сердце этой улицы, изболѣвшееся, истрепанное жизнью сердце.

На другой день послѣ выборовъ мнѣ нездоровилось и я, приговоренный докторомъ къ аресту, отдался наблюденіямъ.

Утромъ Абрамсонъ просунулъ голову въ дверь моей комнаты и сказалъ:

— Хотите видѣть интереснаго преступника?

Я вышелъ къ нему въ столовую, гдѣ находился уже высокій, толстый, добродушный мѣстный горемыка-художникъ, привязавшійся къ Абрамсону и проводившій у него все свое свободное время.

— Это интересно посмотрѣть,— сказалъ и онъ.

— Только вотъ что, господа,—торопливо заговорилъ Абрамсонъ,—я сперва уйду одинъ, а вы, погодя, войдите подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Мы съ художникомъ подождали и вошли въ его кабинетъ.

Два часовыхъ съ саблями, между ними въ арестантскомъ халатѣ женщина, дальше изъ-за стола выглядываетъ Абрамсонъ.

— Ваши книги здѣсь,—сказалъ онъ мнѣ, указывая на стоявшую возлѣ него этажерку.

Такимъ образомъ я могъ увидѣть лицо арестантки. Дѣвушка лѣтъ 17, шатенка, блѣдная, можетъ быть и красивая, но теперь съ раздавленнымъ лицомъ. Словомъ, Катюша Маслова, какъ ее потомъ рисовали въ „Нивѣ“. Зрѣлище было очень тяжелое и я сейчасъ же вышелъ назадъ въ столовую.

Скоро выбѣжалъ и Абрамсонъ.

Онъ сѣлъ, подперъ рукой голову, и заговорилъ:

— Дворянка, убѣжала отъ отца, потому что хотѣлъ ее изнасиловать, обвиняется въ воровствѣ у тетки платья, паспорта не имѣетъ.. И сознается... Я такъ, сякъ—нѣтъ,—сознается во всемъ... Оставить ее въ тюрьмѣ, это вѣдь, значитъ, совершенно развратить... Предлагаю теткѣ на поруки взять,—не беретъ. Къ отцу умоляетъ сама не отсылать.

Я предложилъ свои услуги относительно поруки.

— Ну, а я тогда,—сказалъ Абрамсонъ,—оставлю ее пока у себя—будетъ помогать кухаркѣ по хозяйству.

— Ахъ, вотъ великолѣпно,—восторгался художникъ.

— Третій номеръ,—смѣялся Абрамсонъ,—кухарка,—по обвиненію въ поджогѣ; этотъ мальчикъ, мой разсыльный, будетъ судиться за убійство и теперь вотъ эта...

— За какое убійство?—спросилъ я.

— Убилъ своего товарища. Были друзья дѣтства, вмѣстѣ въ сельскую школу ходили, стихи сочиняли, вмѣстѣ влюбились и вотъ за бутылкой пива тотъ, убитый, что-то сказалъ про ихъ общую слабость, а этотъ всѣ девять дней не отходилъ отъ его кровати. Передъ смертью умиравшій обнялъ его и такъ и умеръ. Умирая, онъ слазалъ отцу: „Если тебѣ дорога память обо мнѣ, прости его и пусть онъ будетъ тебѣ вмѣсто меня“.

Какъ мѣняется лицо человѣка, когда освѣщается оно такой нравственной лампочкой, какая была въ распоряженіи Абрамсона. Блѣдное, молодое лицо разсыльнаго, котораго я раньше и не замѣчалъ, останавливало теперь мое вниманіе какой-то печатью печали, порыва, красоты духовной.

Также преобразилась вдругъ и дѣвушка, сегодня отпущенная на поруки. Она уже подавала намъ завтракъ: удовлетворенная, успокоенная, понятая. Мнѣ съ достоинствомъ протянула руку и сказала:

— Благодарю васъ...

— Это еще кто? — спросилъ художникъ, съ аппетитомъ въ то же время поѣдая жареную говядину.

— Да вотъ эта же.

— Да не можетъ быть! — такъ загремѣлъ художникъ, что стекла задрожали. — Батюшки, да вѣдь это другой человѣкъ совсѣмъ! Вѣдь это, вѣдь это...

И громадный, большой художникъ, по парижской, вѣроятно, привычкѣ, носившій и въ декабрѣ цилиндры и вѣтромъ подбитое желтое пальто-халатъ,—громадный, большой, съ гривой львиныхъ волосъ на головѣ, до того разволновался, что слезы закапали по его лицу. Онъ бросилъ ѣсть, вытиралъ слезы и говорилъ:

— Извините, я ей-Богу, не могу... это такъ трогательно...

Послѣ завтрака художникъ ушелъ, обѣщая зайти вечеромъ.

Отъ завтрака до обѣда пріемы разныхъ лицъ не прекращались. Однимъ Абрамсонъ что-то давалъ, другимъ писалъ рекомендательныя письма, съ иными самъ уѣзжалъ куда-то. Я сидѣлъ въ другой комнатѣ, читалъ и слушалъ.

Иногда бывали очень курьезные визиты. Одна дама говорила:

— Извините, я только что пріѣхала, никого въ городѣ не знаю, мнѣ указали на васъ, мнѣ нуженъ докторъ, я не знаю, кого пригласить...

— Докторъ? — озабоченно теръ себѣ лобъ Абрамсонъ. — По какой спеціальности?

— У меня...

Дама понизила голосъ и я не слышалъ ея отвѣта.

— Лучше всего, въ такомъ случаѣ, Ярошевскаго... Присядьте, пожалуйста, я сейчасъ напишу вамъ письмо... Виноватъ: ваше имя, отчество, фамилія?—Абрамсонъ спѣшилъ въ кабинетъ, а въ это время другой проситель, изъ „гостинныхъ", останавливалъ его на пути:

— Извините: я только два слова и у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ времени больше ждать...

Въ передней уже простой людъ ловилъ Абрамсона: у нихъ тоже не было свободнаго времени.

— Сейчасъ, вотъ сейчасъ...

Вечеромъ, наконецъ, мы остались втроемъ: художникъ, Абрамсонъ и я, и, уютно усѣвшись въ кабинетѣ Абрамсона, придумывали темы для разговора.

— Давайте, господа, — предложилъ Абрамсонъ, — круговую бесѣду.

Художникъ, на все отзывчивый и горячій, съ дѣтскою радостью рявкнулъ:

— А что-жь? Давайте въ самомъ дѣлѣ! Вы начинайте.

— Хорошо, — раздумчиво согласился Абрамсонъ, — у меня много темъ, я все хочу ихъ записать .. Вотъ только что бы интересное разсказать?

Онъ разводилъ пальцами по воздуху и думалъ.

Въ это время кто-то позвонилъ и вскорѣ вошелъ господинъ, лѣтъ сорока пяти, сѣдоватый, плотный, съ приплюснутымъ краснымъ носомъ.

— Какими судьбами?! — закричалъ радостно Абрамсонъ и бросился цѣловаться съ вошедшимъ.

Вошедшій оказался докторомъ, профессоромъ Кіевскаго университета.

Они съ Абрамсономъ вмѣстѣ начали свою карьеру — Абрамсонъ въ роли судебнаго слѣдователя, а докторъ земскаго врача. Затѣмъ, прослуживъ три года, они на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ разлучились и теперь докторъ, взявъ отпускъ по семейнымъ дѣламъ, пріѣхалъ на свою старую родину.

Послѣ первыхъ привѣтствій на столъ подали пиво, котораго потребовалъ себѣ профессоръ, а Абрамсонъ сказалъ ему:

— Вотъ мы тутъ только рѣшили разсказывать по очереди, чтобъ убить время.

— Доброе дѣло.

— Я вотъ и придумываю, что бы разсказать?

— Разскажите нашъ первый съ вами дебютъ,—сказалъ профессоръ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ. Вотъ дѣйствительно, — оживился Абрамсонъ.—Представьте себѣ деревню: соломенную, деревянную, грязную... Осень, дождь, слякоть. Въ деревнѣ, въ барскомъ пустомъ колодцѣ найденъ трупъ. Я вызванъ, какъ слѣдователь, онъ, какъ докторъ. Мы въ первый разъ встрѣчаемся, знакомимся и идемъ осматривать трупъ. Не трупъ, а что-то ужасное: чѣмъ-то въ родѣ пилы, снесена верхняя часть черепа, грудь разрублена и въ ней набита мелкая солома отъ какого то хлѣба, котораго даже и не сѣютъ въ деревнѣ. Трупъ на столько разложившійся, что является затруднительнымъ опредѣленіе пола. Изъ опросовъ выясняется, что весной безъ вѣсти пропалъ нѣкто Яшка Худовъ, служившій работникомъ у богатаго крестьянина того же села Антона Базыкина. Базыкина въ деревнѣ всѣ ненавидятъ, потому что онъ богатъ, кулакъ, грабитъ всѣхъ; и весь родъ его такой и ненавидятъ ихъ изъ рода въ родъ. Въ день исчезновенія Яшки пропала у Базыкина лошадь и всѣ слышали, какъ Базыкинъ крикнулъ Яшкѣ: „Ты виноватъ,—хоть изъ подъ земли достань, если живъ хочешь быть.“ Яшка весь день искалъ лошадь и къ вечеру совѣтовался съ товарищами, какъ ему быть. На предложеніе товарищей просто подти и сказать, что не нашелъ лошади, Яшка отвѣтивъ: „убьетъ“, всталъ и пошелъ къ избѣ Базыкина. Послѣ этого Яшку больше не видали. На вопросъ о примѣтахъ, заявлено, что ростомъ Яшка такой же какъ убитый; сверхъ того, Яшка былъ косорукій и кисть правой руки была у него выворочена наружу. Осматриваемъ трупъ: дѣйствительно правая кисть выворочена. Профессоръ,—Абрамсонъ показалъ на доктора, — признаетъ возможность органическаго недостатка руки, насколько позволялъ признать это разложившійся трупъ.

— Эту-то оговорку я сдѣлалъ, — перебилъ профессоръ,— какъ сейчасъ помню, на лѣвой сторонѣ третья или четвертая строчка сверху.

— Все такимъ образомъ, — продолжалъ Абрамсонъ,—наводитъ на Базыкина. Приставъ уже арестовалъ его. Идемъ къ Базыкину и дѣлаемъ у него обыскъ. Оказывается: сабля — тупая, заржавленная, съ запекшейся на ней кровью. Уважаемый профессоръ признаетъ, что именно какимъ-нибудь такимъ оружіемъ срѣзанъ черепъ, разсѣчена грудь и вообще сдѣлано все остальное для уничтоженія пола...

— Хотя я и сдѣлалъ оговорку. что трупъ могъ лежать въ мокромъ мѣстѣ и такимъ образомъ подгнить...

— Хорошо, идемъ на гумно и на гумнѣ находимъ остатки той соломы, которой была набита грудь убитаго,—отъ какого-то хлѣба, которую никто, кромѣ Базыкина не сѣялъ. Самъ Базы-

кинъ производитъ очень непріятное впечатлѣніе: лицо не крестьянское, рябой, мигаетъ глазами, жидкія бакенбарды, бритый подбородокъ,—служилъ когда то въ солдатахъ,—лѣтъ пятидесяти, становится постоянно на колѣни, складываетъ руки, какъ на молитву, говоритъ одно: „не виноватъ". Ну, что-жъ? Допросили, записали въ протоколъ. Базыкина держатъ въ сосѣднемъ селѣ въ арестантскомъ домѣ. Увезли его обратно и я поѣхалъ ночевать въ то же село. Приказалъ наблюдать за нимъ, слѣдить, что онъ дѣлаетъ. Все время, говорятъ, стоитъ на колѣняхъ и Богу молится. Сижу я день, два, недѣлю. Мнѣ надо ѣхать по другимъ дѣламъ, не могу уѣхать,—держитъ что то, что то говоритъ, что Базыкинъ не виноватъ. Думаю, думаю, ничего и придумать не могу. Дошелъ до того, что самъ спать не могу. Служилъ у меня одинъ подростокъ. Постоянно посылаю его: „пойди посмотри, что дѣлаетъ Базыкинъ"?—„Богу молится". Вечеръ, темно, дождь, какъ изъ ведра. „Пойди, посмотри, что дѣлаетъ Базыкинъ?"—„Богу молится". И говоритъ дальше этотъ мальчикъ: „Ну и грязь,—утопленника и то въ пору закопать куда-нибудь.."—„А что-жъ тогда будетъ?"—спрашиваю я. „Засуха будетъ",—отвѣчаетъ мальчикъ. Конечно, это показываетъ только до чего у меня нервы были напряжены, что этотъ ничтожный разговоръ навелъ меня вдругъ на цѣлое открытіе. Я сейчасъ же потребовалъ изъ волостного правленія списки убійцъ, утопленниковъ, скоропостижно умершихъ. Ночью старшина, писарь тащатъ списки. Есть! Въ пяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ найденъ былъ трупъ, въ селѣ весной былъ найденъ въ прудѣ утопленникъ. Беру сейчасъ же старшину, писаря, понятыхъ и ѣду въ то село. Будимъ старосту: „Былъ утопленникъ?"—Былъ?—„Гдѣ онъ?"—Зарыли.—„Гдѣ"—На выгонѣ.—„Кто зарывалъ?"—Я, да еще трое.—„Веди къ нимъ".—„Зарывали?"—Зарывали.—„Берите лопаты, идемъ". Картина такая: ночь темная, дождь, какъ изъ ведра, при фонаряхъ трое роютъ могилу, а этотъ обвиняемый Базыкинъ тутъ же стоитъ на колѣняхъ, протянувъ руки къ небу. А тѣ тамъ роютъ. Пороютъ, пороютъ и опять: „Да чтожъ рыть? сами зарывали".—„Ройте". Рыли, рыли,—твердый грунтъ пошелъ. „Ну, гдѣ же покойникъ?" Молчатъ. „Ну, вотъ вамъ объявляю: завтра утромъ во всемъ сознаться,—тогда ничего не будетъ, а въ противномъ случаѣ на себя пеняйте". На другой день просыпаюсь и первые слова мальчика, прислужившаго мнѣ: „Пріѣхали". Одѣваюсь, выхожу: двадцать человѣкъ стоятъ на колѣняхъ и у перваго на головѣ лежитъ бумага, въ которой все подробно описывается. Боясь, чтобы засухи не было, они тѣло вырыли и бросили въ этотъ самый колодецъ на барскую землю: ужъ если пусть у кого будетъ засуха, такъ лучше у барина.

— А разрубленная голова, грудь?

— Оказывается, его передъ этимъ анатомировали.

— Понимаете,—вмѣшался профессоръ,—анатомировали и не произвели вскрытія живота.

— А солома этого самаго Базыкина, который и тамъ сѣялъ этотъ самый хлѣбъ и какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ проиводили вскрытіе; вотъ до зарытія въ могилу, трупъ и прикрыли соломой...

— А Яшка?

— А Яшка тоже потомъ объявился: тогда, испугавшись, онъ не заходя къ Базыкину, отправился въ городъ и черезъ годъ получили отъ него письмо, въ которомъ онъ спрашиваетъ: „а что хозяинъ все еще серчаетъ на меня за лошадь?"

— Когда все выяснилось и я, собравшись домой, проѣзжалъ мимо ихъ деревни—всѣ жители вышли и съ иконами стояли на колѣняхъ каждый у своей избы. Я спрашиваю: „Что это?" Это за то, что спасъ ты насъ отъ грѣха „напраслины".

Абрамсонъ поднялъ руку и такъ и остался, смотря на насъ изъ подъ сдвинутыхъ густыхъ бровей.

Я съ любовью смотрѣлъ на этого доктора Гааза нашего города и думалъ, что если бы всѣ слѣдователи также проникались судьбой своихъ подсудимыхъ, то не было бы столько несчастныхъ жертвъ суда. Я высказалъ эту мысль вслухъ.

— Это, конечно, — сказалъ профессоръ, — исключительное свойство его любвеобильной натуры, этого нельзя и требовать, но можно требовать, по крайней мѣрѣ защитника при предварительномъ дознаніи. Кажется, на что ясна эта идея, а вотъ не везетъ ей. Себялюбивый фантазеръ слѣдователь, а глупый, не дай Богъ, и карьеристъ притомъ, чего-чего не напутаетъ: исказитъ, по своему направитъ и всѣ остальные слѣды самъ же замажетъ такъ, что и не возстановить истину... все по человѣческому, — вздохнулъ профессоръ и, отпивъ сразу полстакана пива, сплевывая прибавилъ:

— Вонючее это человѣческое...

— Ну-съ, теперь слѣдующаго очередь,—сказалъ Абрамсонъ.

— Я разскажу, — вызвался художникъ, — я разскажу вамъ очень трогательную исторію.

Объ этой исторіи художникъ, очевидно, все время думалъ и лицо его, проникнутое теперь этой исторіей, было печально и даже разстроено.

Онъ и началъ свой разсказъ убитымъ, разслабленнымъ голосомъ. Понемногу, впрочемъ, онъ увлекся разсказомъ и, заговоривъ иначе, далъ яркую бытовую картинку изъ жизни художнической богемы.

— О карьерѣ художника мечталъ я еще въ гимназіи, но отецъ и слышать не хотѣлъ. Главнымъ образомъ потому, что мачиха не желала, а онъ былъ подъ полнымъ ея вліяніемъ. Пришлось выбирать между жизнью, полной довольства, если поступлю въ университетъ, и жизнью, совершенно необезпеченной, если поступлю въ художественную академію. Я все-таки подалъ прошеніе въ академію. Всѣхъ насъ державшихъ экзаменъ, было слишкомъ триста, а пріемъ что-то двадцать пять. Понятно, сколько страха, волненій. По классу живописи для вступительнаго экзамена дали намъ рисовать гипсовую головку съ натуры. На слѣдующій день въ круговой залѣ уже были выставлены наши работы съ отмѣтками: принятъ или не принятъ. Когда двери распахнулись, наконецъ и насъ впустили, мы посыпали въ залу, какъ горохъ изъ мѣшка. Я летѣлъ на всѣхъ парусахъ впереди всѣхъ. Рядомъ со мной только одинъ поспѣвалъ: такой же громадный, какъ и я. „Отказано" буквами черезъ весь рисунокъ,— слава Богу, не мой! Дальше! Множество непринятыхъ, на принятыхъ внизу аккуратно подписано: „принято" и номеръ. Вотъ и послѣдній рисунокъ,—моего нѣтъ! Вѣроятно, у меня было такое же провалившееся лицо, какъ и у того, который не отставалъ отъ меня. Я совершенно невольно спросилъ его: „И вашего тоже нѣтъ?" „Нѣтъ..." Можетъ быть, пропустили? Опять пошли ленно просматривая всѣ рисунки: нѣтъ! Хотѣли уже уходить, пошли даже... Навстрѣчу профессоръ, знакомый этого моего новаго товарища. „Поздравляю, — говоритъ,—васъ". „Съ чѣмъ?" „Какъ съ чѣмъ? Вашъ и Болотова рисунки взяты въ оригиналы, — идите въ купольную залу." Захаровъ и я бѣжимъ въ купольную. Захарова и мой рисунокъ въ рамкахъ! Римскими буквами внизу у Захарова I, внизу моего II. Изъ всѣхъ наши оказались лучшими такимъ образомъ... Ну, радости, конечно, нашей конца не было: мы даже поцѣловались, хотя сейчасъ же и разстались и каждый побѣжалъ по своимъ дѣламъ. Съ одной стороны радость громадная, съ другой—жребій брошенъ, — надо становиться на свои ноги. Написалъ я отцу,—отецъ былъ богатый землевладѣлецъ,—и безъ копѣйки въ карманѣ, принялся устраивать свою новую жизнь. Гдѣ-то въ десятой ротѣ Измайловскаго полка, въ какомъ-то полуразвалившемся флигелькѣ, нашелъ, наконецъ, комнатку за четыре рубля въ мѣсяцъ. Четыре аршина ширины, три длины, потолокъ рукой достать можно,—со входа выше, къ другому концу ниже, полъ подъ ногами ходитъ, выходъ на маленькую вонючую лѣстничку, черезъ хозяйскую кухню. Хозяйка толстая, простая, еще два жильца у нея. Даже и въ задатокъ ничего не могъ дать, притащилъ гипсовую руку Моисея. Спрашиваетъ: „Что это?" — Господи, да у

кого же другого такая громадная рука можетъ быть? „Моисея, конечно, — заплочено пять рублей“. Вѣдь брать не хотѣла! „Что я съ ней дѣлать буду?“ Насилу уговорилъ. Только, говорю, пожалуйста, вы не разбейте какъ-нибудь. „Да и не трону, говоритъ, батюшка, самъ и положи ее, гдѣ знаешь“. Положилъ на комодъ, еще разъ приказалъ и побѣжалъ перетаскивать остальной свой скарбъ, за одинъ разъ все и перенесъ. И все казалось такимъ уютнымъ тогда, налаженнымъ. Только голодъ донималъ: обѣдалъ я въ кухмистерской Елены Павловны, — съѣшь, точно и не ѣлъ ничего и изжога. Идешь послѣ обѣда черезъ хозяйскую кухню—пахнетъ кашей, чернымъ хлѣбомъ, капустой,—такъ бы и съѣлъ все. Вѣчный голодъ, вѣчная пустота въ желудкѣ, а весь заработокъ 8—10 рублей въ мѣсяцъ, въ солдатскихъ журналахъ за рисунки ружейныхъ пріемовъ. Начались занятія. Мнѣ досталась голова Аполлона. Ужъ я писалъ, писалъ ее. Кончилъ за три дня до срока. Гуляю, смотрю у другихъ. Идетъ нашъ профессоръ—очень рѣзкій. Спрашиваетъ, что это я гуляю. Я говорю, что кончилъ. Пошелъ посмотрѣть. Присѣлъ. Это ужъ много значило. Сказалъ кой-гдѣ подправить и сдавать въ архитектурный залъ. Мы сами относили свои рисунки въ залъ Вѣшалъ кто гдѣ хотѣлъ. Я повѣсилъ на пятнадцатый номеръ свой. Прихожу черезъ часъ, вижу мой Аполлонъ виситъ послѣднимъ: это инспекторъ приказалъ,—говоритъ, что ни жизни, ничего нѣтъ въ немъ,—такъ, мазня. Непріятно. Но на другой день отмѣтки и опять Захарова—первый, мой — второй... Ну, опять радость, тутъ мы немного съ Захаровымъ познакомились и поговорили. Выяснилось, что и у него мачиха и тоже родные не пускали его въ академію, хотя и высылаютъ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Въ это время какъ разъ и отецъ мой съ мачихой пріѣхали, остановились въ Европейской гостинницѣ, громадные номера, свои лакеи, казачки, безъ доклада никто не допускается. Посылаетъ отецъ за мной, лакей въ ливреѣ — я обрадовался, какъ былъ вскочилъ, надѣлъ пальто и маршъ за лакеемъ—благо за извозчика не платить. Пріѣзжаемъ, снимать пальто, смотрю, я безъ сюртука,—забылъ! Скорѣй назадъ—пѣшкомъ. Пока бѣгалъ... Отецъ страшно былъ огорченъ. „Никогда изъ тебя ничего не выйдетъ“. А мачиха, одно — бросать академію и поступать въ инженеры. Какой я инженеръ?! Ну, что съ ней сдѣлаешь?.. Въ тотъ же день отецъ съ ней и уѣхали, потомъ оказалось, недѣлю жили здѣсь. Мачиха ушла въ другія комнаты, отецъ суетъ: „Спрячь...“ Попрощался, выхожу, смотрю банковый билетъ на тысячу рублей. А при мачихѣ твердилъ одно: „Пока не бросишь,—никакого содержанія“. На долго, какъ думаете, хватило мнѣ этихъ денегъ? Черезъ мѣсяцъ ничего не

осталось. Вѣдь нужда въ академіи у насъ страшная—влечетъ вѣдь только чистое искусство... Ну, Богъ съ ними, какъ пришли, такъ и ушли,—только и всего, что поѣлъ за этотъ мѣсяцъ. Зашелъ какъ-то въ одинъ небольшой ресторанчикъ, подаютъ карточку. „Что прикажете?“ Посмотрѣлъ, — говорю: „Давайте все по порядку“. Всю карточку такъ и съѣлъ. Разъ прихожу я въ академію, порисовалъ, пошелъ потомъ въ курительную. Смотрю, Захаровъ стоитъ у окна и платкомъ глаза вытираетъ. Я къ нему. „Голубчикъ, что съ вами?“—Получилъ письмо, только-что отецъ умеръ. Мачиха пишетъ, что послѣ смерти отца ничего не осталось и высылать ему нечего. Такимъ образомъ, и онъ сразу сѣлъ на мель. Я предложилъ ему свою комнату: жить вмѣстѣ для дешевизны, предложилъ ему подѣлиться заработкомъ въ солдатскомъ журналѣ: тамъ работа была періодичная и такимъ образомъ я лично терялъ меньше, чѣмъ могли мы зарабатывать вдвоемъ, — иной мѣсяцъ доходило даже до двадцати рублей. Для удобства и лучшаго питанія мы рѣшили столоваться у нашей хозяйки. Помню нашъ первый дебютъ — дала она намъ щей и внесла горшокъ каши, а сама ушла. Мы съ Захаровымъ принялись за щи, за кашу и вдвоемъ горшокъ каши кончили. Приходитъ хозяйка. „Да что-жъ вы надѣлали? Вѣдь эта каша кромѣ васъ, еще для двухъ квартирантовъ, да для меня съ теткой!“ Совѣстно намъ; идемъ грустные въ академію,—животы отдуло намъ отъ этой каши—и тяжело и совѣстно. Вотъ, такъ и зажили мы. На лѣто на дачу переѣхали: наша хозяйка маленькій огородъ имѣла на Ланскомъ шоссе. Въ землянкѣ уступила намъ комнату, окошко маленькое, капуста растетъ, ветла, канава съ водой, а хорошо—лучше и времени не было, — триста этюдовъ привезли къ зимѣ въ городъ. Зимой Захаровъ вдругъ влюбился и женился. Средствъ не прибавилось, а ротъ прибавился. Раздѣлили мы нашу комнату пополамъ. Перегородку сдѣлали изъ нашихъ этюдовъ. Раздѣлили такъ, что половина окна къ нимъ отошла, другая ко мнѣ; только-только кровать моя уставилась; моя передняя половина, ихъ задняя. Все это, вѣдь обдумывалось сколько. Годъ прожили, на слѣдующее лѣто ребенокъ. Все та же комната, тѣ же средства—четвертый пассажиръ. Мою половину отъ средины комнаты пришлось срѣзать и повести перегородку на уголъ въ пользу увеличенія ихъ половины. Корзина, гдѣ Манюрка спала, приходилась какъ разъ у моего изголовья. И кричала же она, ночью особенно, такъ что никакихъ силъ не было—голова пухла отъ ея крика. Такъ два года мы прожили, пока не кончили. Хотѣли и дальше такъ жить, да я влюбился и женился. Женился, а жена моя и не захотѣла селиться вмѣстѣ,—пришлось намъ разстаться. Черезъ годъ, впрочемъ, жена бросила

меня, а Захаровъ уѣхалъ въ Парижъ на счетъ академіи. Такъ насъ и разлучила жизнь на цѣлыхъ пять лѣтъ. Въ это время отецъ мой умеръ и я сразу сталъ богачемъ. Не на долго. Успѣлъ выстроить въ имѣніи мастерскую—ахъ, батюшка, поразительная мастерская! Куполъ стеклянный, а сверху желѣзная опускная крыша,—электрической пуговкой можно было дать какое угодно освѣщеніе, а въ случаѣ грозы и всю крышу поднять однимъ нажимомъ пуговки. Какой каминъ былъ устроенъ, бюсты. И не пришлось въ этой мастерской ни одной картины написать; теперь это имѣніе въ рукахъ купца, ссыпаетъ въ мастерскую эту хлѣбъ... Ужасно... Самъ я въ Парижѣ тогда жилъ, передалъ управляющему все, — ничего вѣдь не понималъ. Я предложилъ ему: „Я ничего не понимаю, — у васъ знаніе, у меня имущество, будемъ работать пополамъ". Черезъ два года получилъ телеграмму, что имѣніе продано съ торговъ за какую-то неустойку по поставкѣ шпалъ на желѣзную дорогу,—у меня былъ прекрасный сосновый лѣсъ и вотъ соблазнился управляющій выгодами... Такъ все прахомъ и пошло... Пріѣхалъ вотъ и застрялъ здѣсь въ этомъ городѣ—даю уроки...

— А Захаровъ?

— Захаровъ... Вхожу я однажды въ Парижѣ въ кафе, смотрю сидитъ какой-то старикъ. Еще разъ посмотрѣлъ: показалось что-то знакомое. „Захаровъ, ты?" Онъ. „Ну, какъ ты? Жена? Маня?"— „Пойдемъ ко мнѣ,—все разскажу". Ни жены, ни Мани. Жена съ дочерью сбѣжала съ однимъ его ученикомъ. Подлость какая: человѣка пріютилъ, на ноги поставилъ,—отблагодарилъ,—увезъ жену... Прекрасная мастерская, множество заказовъ, много начатаго,—но все уже брошено,—пьетъ. Громадный талантъ, въ Salon уже картины выставлялъ... Посидѣлъ я, посидѣлъ у него, совершенно другой человѣкъ, точно забылъ онъ все прошлое. Умеръ. Попрощались, обѣщалъ онъ зайдти ко мнѣ на другой день, не зашелъ... Подождалъ его до вечера и поѣхалъ къ нему, застрѣлился... На мое имя письмо оставилъ... я слишкомъ много ему напомнилъ и слишкомъ безвозвратно было все: не хватило силъ...

Когда художникъ кончилъ, профессоръ сказалъ ему:

— Это, конечно, очень грустно, что съ вашимъ другомъ случилось такое несчастіе, которое разбило его жизнь, но я не понялъ, въ чемъ же вы обвиняете того ученика его, котораго полюбила жена покойнаго?

— Да помилуйте,—горячо заговорилъ художникъ,—змѣю же отогрѣлъ на груди: выучилъ его, помогалъ ему и вотъ благодарность: жену стащилъ.

— По его мнѣнію жена—вещь, собственность?—спросилъ про-

фессоръ.—Въ этомъ, конечно, и все его несчастье... если бы у покойнаго не было такого взгляда на женщину, если бы онъ выросъ и воспитался въ уваженіи къ свободному чувству,—онъ и не пережилъ бы той драмы, которая свела его въ могилу...

Художникъ растерянно развелъ руками и сказалъ смущенно:

— Да, можетъ быть...

— Ну-съ,—засуетился Абрамсонъ, боясь чего-то,—теперь ваша очередь.

Онъ обратился къ доктору.

— Ну, мнѣ нечего разсказывать,—махнулъ рукой докторъ,—нынѣшнимъ людямъ. Вѣдь отставку мы получили чистую и по этой отставкѣ вышло, что дураки мы были круглые. Отъ насъ, дураковъ, только и вышли, что умные дѣти, которые поняли, что вотъ мы ихъ отцы дураки... Политика—ерунда, личность—ерунда, идеализмъ—ерунда... Спрашиваю одну молодую парочку изъ новыхъ: „вы, свободные, зачѣмъ же вы въ церковь вѣнчаться ходили?" „Да чтобы времени потомъ не терять на приписку незаконныхъ дѣтей въ разныя мѣщанскія общества". Думается мнѣ, однако, что все это въ сущности оппортунизмъ. Нѣтъ, я не буду разсказывать,—не то... пиво вотъ только лучше стало,—я и пью его.

И профессоръ поднесъ стаканъ къ губамъ и такъ пилъ свое пиво, точно разговаривалъ съ нимъ: сосредоточенный, удовлетворенный въ своей неудовлетворенности.

— Немного тенденціозный, нетерпимый, какъ всѣ семидесятники, но прекрасный, добрый, честный,—говорилъ Абрамсонъ про своего пріятеля доктора, когда гости ушли,—только вотъ уже пьетъ, кажется... Онъ вамъ понравился?

— Да, очень.

— А художникъ? Очень добрый онъ, сердечный... Какъ всѣ художники,—извинялся Абрамсонъ за художника,—народъ безъидейный, конечно: ловятъ тамъ себѣ неуловимое,—тона, полутона, одна сотая часть тона и счастливы!

Абрамсонъ поджалъ къ груди руки, растопырилъ пальцы и тревожно ждалъ моей реплики.

— Очень, очень симпатичный,—успокоилъ я его.

— Ну, я очень радъ... Вы устали?

И Амбрамсонъ засуетился насчетъ кроватей, сна.

XXIII.

Направленіе линіи противъ первоначальнаго было мной немного измѣнено съ цѣлью подойти къ громадному удѣльному имѣнію съ большими промышленными заведеніями въ немъ, съ образцовой сельскохозяйственной культурой. Помимо того, что

имѣніе давало много груза, практическая выгода заключалась и въ той поддержкѣ, какую предложилъ удѣлъ въ дѣлѣ осуществленія проекта дороги. Значеніе этого послѣдняго обстоятельства сознавалось, конечно, всѣми, но явились и недовольные, главнымъ образомъ тѣ, мимо имѣній которыхъ должна была бы пройти прежняя линія.

Зато явились и новые союзники и въ числѣ ихъ очень вліятельный и сильный Проскуринъ.

Отъ имѣнія Чеботаева новое направленіе отходило всего верстъ на пять, такъ что существенно его интересы не нарушались.

Передъ засѣданіемъ мы встрѣтились съ нимъ въ корридорѣ, поздоровались и прошлись даже нѣсколько разъ по корридору.

Чеботаевъ, сонно. жуя слова,—признакъ волненія,—говорилъ мнѣ:

— Я очень сожалѣю о нашихъ личныхъ отношеніяхъ и, конечно, принимаю поддержку другъ друга въ общественной дѣятельности. Я вполнѣ сочувствую дорогѣ, тѣмъ болѣе, что она удовлетворяетъ и моимъ личнымъ интересамъ, хотя и проходитъ теперь немного дальше... Кстати, мой управляющій находитъ, что еслибъ линію повести отъ Козловки песчанымъ оврагомъ, то можно было бы, не удлиняя ее, пройти мимо самой усадьбы... Я, конечно, ничего не понимаю въ этомъ, но если бы оказалось возможнымъ... это было бы очень хорошо... При такихъ условіяхъ я далъ бы даже безвозмездно песокъ, нужный для дороги...

— Я непремѣнно сдѣлаю варіантъ въ этомъ направленіи,—отвѣтилъ я.

— Это, конечно, не существенно... Я поддержу проектъ, но энергично дѣйствовать не буду, такъ какъ, вы понимаете, дорога слишкомъ близко проходитъ возлѣ меня и всегда возможенъ упрекъ въ пристрастіи... Тѣмъ болѣе, что во главѣ оппозиціи теперешнему направленію вашей дороги стоитъ такая личность, какъ графъ Семеновъ.

— Онъ будетъ противодѣйствовать?—спросилъ я.

— Да, и онъ даже составилъ новый проектъ отъ какой-то станціи черезъ свое имѣніе... Онъ вошелъ въ соглашеніе и заручился даже поддержкою правленія существующей дороги и, пользуясь тѣмъ, что начальникъ этой дороги вашъ принципіальный врагъ и не сочувствуетъ узкоколейнымъ,—остановился на ширококолейномъ типѣ. Не хорошо то, что при этомъ Семеновъ выставляетъ васъ фантазеромъ, у котораго никакой почвы, никакихъ связей въ министерствѣ нѣтъ, всѣ, напротивъ, тамъ враждебны узкоколейной дорогѣ и васъ ждетъ несомнѣнный провалъ, тогда какъ начальникъ здѣшней дороги пользуется большимъ значеніемъ и не дальше, какъ при послѣднемъ проѣздѣ министра...

— Но этого министра уже больше нѣтъ,—перебилъ я,—а новый, несомнѣнно, съ высокими нравственными достоинствами соединяетъ въ себѣ и широкое пониманіе государственныхъ задачъ. Что же до общаго настроенія нашего министерства, то, къ сожалѣнію, Семеновъ правъ и я не пользуюсь тамъ фаворомъ, хотя и получилъ уже любезное приглашеніе отъ новаго министра продолжать государственную службу.

Письмо было у меня въ карманѣ, я вынулъ его и, показавъ Чеботаеву, продолжалъ:

— Насколько я освѣдомленъ, новый министръ думаетъ опираться на трехъ лицъ въ министерствѣ—своего теперешняго помощника, инженера Сумарова и инженера Зернова, предсѣдателя одного техническаго общества. Товарищъ министра мой учитель въ дѣлѣ узкоколейныхъ дорогъ, а отъ Сумарова я тоже имѣю пригласительное письмо.

Я показалъ письмо и Сумарова.

— Что до Зернова, то и онъ человѣкъ идейный и въ желѣзнодорожномъ журналѣ за 1890 г. онъ и все его общество выразили сильно мнѣ свое сочувствіе.

Прочитавъ, Чеботаевъ, не скрывая удивленія, сказалъ:

— Все это, впрочемъ, произошло, какъ видно изъ этихъ писемъ, въ самое недавнее время, и наша публика не въ курсѣ дѣла... Всѣ думаютъ, что ваши акціи по прежнему стоятъ плохо... Это необходимо распространить... Мнѣ неудобно самому,—это вамъ отлично продѣлаетъ Проскуринъ: ему необходимо показать всѣ эти письма, чтобы онъ успѣлъ разбить мнѣніе, что съ вами опасно связываться, потому что вы не имѣете-де почвы?

— Да, это необходимо,—согласился я.

Мы разстались съ Чеботаевымъ и я пошелъ разыскивать Проскурина. Проскуринъ со своей партіей былъ въ буфетѣ и, сидя самъ на столѣ, разсказывалъ что-то о бабкахъ лошадей своего завода и о томъ, какъ Бегаровъ сморозилъ круглаго дурака при своемъ посѣщеніи Проскурина, желая показать, что и онъ не лыкомъ шитъ.

Я не понялъ всей соли словъ Бегарова, но они вызвали дружный и энергичный хохотъ кампаніи Проскурина.

— А выпить онъ все-таки не дуракъ,—прибавилъ снисходительно Проскуринъ,—дерптскій студентъ, морда вся въ шрамахъ, кажется, хочетъ, по крайней мѣрѣ, быть порядочнымъ товарищемъ. Надо будетъ какъ-нибудь къ нему-то съѣздить: говорятъ, онъ любитъ женщинъ и по очереди привозитъ къ себѣ каждый разъ новую національность... Теперь у него гоститъ американка, а онъ уже мечтаетъ ѣхать куда-то въ глубь Африки къ какому-то племени, женщины котораго...

*

Проскуринъ понизилъ голосъ и слова его были покрыты новымъ взрывомъ хохота.

Проскуринъ развелъ руками.

— Милліонеръ, хотя батька и ростовщикъ.

— Тьфу, — плюнулъ высокій, молодой, изысканно одѣтый и накрахмаленный Свирскій.

— А тебѣ что? Онъ-то самъ другой человѣкъ, ему-то что-жъ, деньги не за окно же выбросить... — заступился Проскуринъ и, махнувъ рукой, прибавилъ:

— Онъ, положимъ, и бросаетъ ихъ въ окно: скоро спуститъ...

— Здравствуйте, — поздоровался со мной Проскуринъ съ той манерой, которая была и любезна, и въ то же время противорѣчила въ глазахъ его друзей тому, что, можетъ быть, говорилъ онъ и обо мнѣ здѣсь за нѣсколько минутъ до моего прихода.

Также неопредѣленно поздоровавшись со всей Проскуринской компаніей, я разсказалъ, что, вотъ, слышалъ, что графъ Семеновъ играетъ на моемъ кредитѣ, — такъ вотъ-де нѣкоторыя возраженія.

И Проскуринъ, и вся партія съ живымъ интересомъ выслушали, прочитали письма.

— Это очень, очень важно, — горячо заговорилъ Проскуринъ, — давайте письма... Ахъ ты, Сенька-лизоблюдъ, складной аршинъ: тоже интригой занимается...

Говорилось это любовнымъ тономъ, потому что Семеновъ былъ пріятелемъ и собутыльникомъ Проскурина, но если некого, то и пріятеля, конечно, пріятно было посадить въ чернильницу.

— Мы ему очную... Сначала совершенно серьезно будемъ слушать, заставимъ повторить всѣ сплетни, — такъ, такъ, — а потомъ и ткнемъ его, какъ котенка нагадившаго: „нюхай, нюхай...“ Надо побольше народу, чтобы скандалъ распространился до засѣданія...

Онъ подмигнулъ мнѣ:

— Въ такой формѣ нужное лучше усвоится, а потомъ съ Сенькой мы помиримся... Что-то представителя удѣловъ нѣтъ: поѣзжайте-ка за нимъ...

Проскуринъ обратился къ старику предсѣдателю управы его уѣзда.

— Ладно, съѣзжу, — кивнулъ тотъ головой.

Въ буфетъ уже вводили въ это время подъ руки графа Семенова, ничего не ожидавшаго, веселаго и изысканно любезно расклапявшагося со мной. Я ушелъ и не присутствовалъ при дальнѣйшемъ.

Когда собраніе открылось, мнѣ предложено было занять мѣсто докладчика и познакомить собраніе съ результатами моихъ изысканій.

Большая зала съ рядами желтыхъ скамеекъ была полна народомъ. На меня смотрѣли со всѣхъ концовъ со всевозможными оттѣнками выраженій лица: вотъ сонное — Чеботаева, пренебрежительное—Проскурина, умное настороженное, съ приставленной къ уху рукой—Бронищева. Смотрятъ лица апатичныя, равнодушныя, заинтересованныя, враждебныя, въ общемъ всѣ чужія.

— Милостивые государи,—началъ я,—на уѣздныхъ собраніяхъ я имѣлъ уже честь говорить о проектируемой дорогѣ и избранномъ для нея типѣ. Въ виду насущной необходимости и громадной принципіальной важности затронутаго мною вопроса о типѣ дороги, я позволю себѣ еще разъ вкратцѣ изложить мои положенія.

Всякое дѣло требуетъ соотвѣтственной энергіи. Неразумно будетъ паровымъ молотомъ бить орѣхъ, когда его можно разбить маленькимъ ручнымъ молоткомъ. Очень хороша голландская телѣга, въ которой можно везти триста пудовъ, но для нашей клячи, поднимающей двадцать, она не годится. По экономическимъ изысканіямъ выяснилось, что грузъ нашей дороги всего пять милліоновъ пудовъ. Широкая колея, стоящая 40 тысячъ рублей за версту, для которой нуженъ грузъ въ 30—40 милліоновъ, съ расходомъ въ 6 тысячъ на версту, здѣсь совершенно не примѣнима, такъ какъ вся доходность проектируемой дороги не превыситъ тысячи восьмисотъ рублей на версту. Пользуясь вліяніемъ, случаемъ, можно, конечно, добиться и широкой колеи, но при такихъ условіяхъ она будетъ и неразумной, и несправедливой въ томъ смыслѣ, что одѣляя однихъ всѣми благами лучшихъ путей, на долю другихъ, такихъ же плательщиковъ, ничего не получится, такъ какъ нельзя въ убытокъ выстроить до двухсотъ тысячъ верстъ, то-есть всю нужную намъ сѣть такихъ дорогъ. И такимъ обездоленнымъ отдаленной отъ нихъ дорогой не только ничего не будетъ дано, но, напротивъ, она сугубо разоритъ ихъ, создавая для нихъ обязательныя и неизбѣжныя условія. Условія тяжелыя, совершенно разорительныя: такъ, пудъ хлѣба въ имѣніи, лежащемъ на желѣзной дорогѣ на тысячи верстъ оплатится суммой всего 15—20 копеекъ за пудъ провезеннаго груза, а имѣніе въ ста верстахъ отъ этой дороги прежде, чѣмъ поставить пудъ своего товара въ равныя съ первымъ имѣніемъ условія должно израсходовать 15—20 коп. на гужевую перевозку. При такомъ положеніи дѣла получается неравенство конкуренціи не только на міровомъ рынкѣ, но и внутри страны такое, которое данную страну ставитъ прямо въ безвыходное положеніе: мы сами себя бьемъ и рѣжемъ, являясь съ грузомъ, благодаря невыгодности перевозки обезцѣненнымъ до невыгодности производ-

ства, до необходимости приплачивать къ нему. Это, конечно, только одна изъ причинъ упадка нашего хозяйства, но ее одной уже достаточно для того, чтобы понять почему большая часть земель дворянскихъ ушла уже на доплату къ невыгодному промыслу. Земля, правда, перешла къ купцамъ, купцы хлѣбъ не сѣютъ, предпочитаютъ сдавать землю крестьянамъ, но положеніе вещей измѣняется только въ томъ смыслѣ, что съ такого момента тѣмъ энергичнѣе пойдетъ разореніе этого крестьянина. Тотъ доходъ, о которомъ, сѣя хлѣбъ, мечталъ помѣщикъ и никогда не получалъ, купецъ теперь получаетъ съ крестьянина, сдавая ему по двадцать рублей десятину. Но работа крестьянина при такихъ условіяхъ является даровой и положеніе его въ общемъ стало неизмѣримо худшимъ въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ было даже въ крѣпостное время: тогда онъ половину труда отдавалъ барину, а теперь весь трудъ отдаетъ...

— И совершенно справедливо, — съ огорченнымъ вздохомъ перебилъ меня гласный крестьянинъ, старшина нашей волости— Филиппъ Платоновичъ.

Всѣ повернулись къ нему, я остановился, а Филиппъ Платоновичъ, большой широкоплечій съ вьющимися, масломъ вымазанными волосами, съ окладистой русой бородой, приподнявшись и слегка прокашливаясь еще съ большимъ огорченіемъ и громче повторилъ:

— Говорю: справедливо. Справедливо и вѣрно докладывать изволите: купецъ и сливки, и кислое молоко сниметъ и ничего крестьянину остаться отъ него не можетъ,—такъ въ пустую работа, вродѣ того, что заѣханно, наброшенъ хомутъ и тащи до послѣдняго... И все это такъ ужъ вѣрно и ни съ какой крѣпостью не сравнится, а только я считаю, что и желѣзная дорога тутъ мало поможетъ нашему брату: купцу дѣйствительно, дворянину.

— Пренія будутъ послѣ,—перебилъ его предсѣдатель Чеботаевъ.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ Филиппъ Платоновичъ,— это только такъ, къ слову я, а я не противъ дороги: великая и отъ нея польза можетъ быть, если кто самъ хозяинъ своей земли...

Съ хоровъ, гдѣ сидѣла публика, раздался звонкій, какъ колокольчикъ, голосъ:

— А хозяинъ тотъ, кто ходитъ по этой землѣ...

Я случайно сразу попалъ взглядомъ на говорившаго: совсѣмъ юноша, съ золотистыми волосами, нервнымъ тонкимъ лицомъ.

Предсѣдатель позвонилъ и сонно сказалъ:

— Если что-либо подобное повторится, я вынужденъ буду...

Онъ не договорилъ и кивнулъ-было мнѣ головой.

Но Проскуринъ, довольно громко пустивъ: „экая дубина...“ вскочилъ и рѣзко крикнулъ:

— Нельзя же позволять земское собраніе превращать въ мѣсто для соціалистической пропаганды!

Чеботаевъ покраснѣлъ, какъ ракъ, замигалъ глазами и, посмотрѣвъ уныло на Бронищева, кивнулъ ему головой: каковъ дескать, гусь?

Тотъ же голосъ крикнулъ изъ публики: — „Проскуринъ дуракъ и доносчикъ!“

Поднялся невообразимый гвалтъ.

— Перерывъ, перерывъ, — громкимъ голосомъ кричалъ Чеботаеву Бронищевъ.

— Объявляю перерывъ.

Проскуринъ настоялъ послать за полиціей, но молодой человѣкъ, надѣлавшій весь этотъ переполохъ, и самъ уже оставилъ собраніе. Такъ и не нашли его и не узнали, кто онъ.

Проскуринъ не былъ ни дуракомъ, ни доносчикомъ.

Онъ, какъ умный агитаторъ и дѣловой администраторъ въ своемъ уѣздѣ, самъ опирался на прогрессивную партію. И ни въ одномъ уѣздѣ не были такъ хорошо обставлены школа, медицина, статистика, какъ въ его уѣздѣ. Проскурину просто надо было интриговать вообще и въ частности противъ новаго предсѣдателя, а средствами онъ не привыкъ стѣсняться. Съ другой стороны, Проскуринъ былъ и архиреакціонеромъ. Онъ какъ бы стоялъ одной ногой на Сциллѣ, другой — на Харибдѣ и по мѣрѣ надобности поднималъ то ту, то другую ногу, превращаясь такимъ образомъ то въ чистаго сциллиста, то въ отчаяннаго харибдиста. Это давало ему громадное преимущество передъ неповоротливымъ, тяжелымъ, но честнымъ тиходумомъ Чеботаевымъ.

И надо было отдать должное Проскурину: при такой же въ сущности малограмотности обоихъ, онъ болѣе талантливый, болѣе способный понимать духъ времени, умѣлъ прислушиваться къ тому, что ему говорили и громко въ собраніи, потомъ повторялъ такъ это, что нерѣдко производилъ впечатлѣніе человѣка образованнаго съ широкими гаризонтами.

Чеботаевъ же дѣйствовалъ на совѣсть и, отказавшись отъ былаго либерализма, бѣжалъ въ то же время и отъ всѣхъ представителей его, боясь ихъ, не понимая. И какъ человѣкъ хорошій и чистый душой, онъ не могъ лукавить, играя съ ними въ прятки.

Всѣ это понимали, жалѣли его, но толпа, всегда толпа и всѣ предвкушали будущій интересъ травли медвѣдей искуснымъ охотникомъ и его ловкими собаками. Вышеописанный, ничтожный самъ по себѣ инцидентъ окрылялъ въ этомъ смыслѣ для однихъ веселыя, для другихъ—печальныя предположенія и всѣ говорили:

— Трудно будетъ Чеботаеву.

Когда засѣданіе снова возобновилось, это „трудно“ чувствовалось во всей фигурѣ новаго предсѣдателя: онъ точно держалъ на плечахъ громадный грузъ, который вотъ-вотъ отъ неловкаго движенія опрокинется и раздавитъ носильщика. Чеботаевъ точно кряжистѣе сталъ и ярче обрисовался татарскій его типъ, круглѣе становилась лысѣвшая голова, напряженнѣе смотрѣли немного раскошенные, угрюмые и раздраженные и въ то же время и испуганные и недоумѣвающіе глаза.

— Объявляя засѣданіе открытымъ, — началъ Чеботаевъ, — я просилъ бы собраніе и господъ докладчиковъ не отвлекаться и не давать самимъ поводъ къ печальнымъ событіямъ предшествующаго засѣданія.

Проскуринъ недоумѣвающе пожалъ плечами и про себя, но все-таки достаточно громко, разводя руками, фыркнулъ:

— При чемъ тутъ докладчики? И къ чему эти ограниченія?

Приподнявшись и изогнувшись такъ, какъ сгибаютъ складной аршинъ на двѣ половины,—одну перпендикулярно другой,—графъ Семеновъ со всей элегантностью бывшаго дипломата-лицеиста, заговорилъ сладкимъ голосомъ:

— Я надѣюсь, ваше превосходительство, что вы разрѣшите,— графъ Семеновъ сдѣлалъ какое-то сладострастное кошачье движеніе своимъ корпусомъ,—тѣмъ не менѣе, излагать докладчикамъ такъ, какъ они находятъ это необходимымъ въ интересахъ дѣла, и полагаю... что только при такихъ условіяхъ, собраніе можетъ,— графъ Семеновъ еще нѣжнѣе задвигался,—ознакомиться съ такими вопросами, которые собранію по самому своему существу очень мало извѣстны...

Графъ Семеновъ почтительнѣйше-великолѣпно поклонился, съ какой-то глуповатой физіономіей обвелъ глазами собраніе и, осторожно раздвинувъ фалды своего изящнаго редингота, сѣлъ на свое мѣсто.

— Не будемъ же тратить время! — раздраженно, мрачно и громко, какъ выстрѣлъ изъ пушки, пустилъ Нащокинъ.

Чеботаевъ послѣ этого повернулся ко мнѣ и сонно сказалъ:

— Прошу.

Интересъ собственно къ докладу пропалъ и у меня и, я это чувствовалъ,—у другихъ. Тѣмъ болѣе, что рѣшеніе вопроса въ мою пользу было обезпечено. И что въ самомъ дѣлѣ повторять въ двѣсти первый разъ доводы, что хотя и прекраснѣе, и удобнѣе наша русская, самая широкая въ мірѣ колея, но если она не по средствамъ и богатѣйшимъ въ мірѣ странамъ, если мы не можемъ выстроить въ ближайшемъ будущемъ всѣхъ нужныхъ намъ двухсотъ тысячъ верстъ такихъ дорогъ, то надо строить хоть тѣ до-

роги, которыя мы можемъ строить и безъ которыхъ окончательно остановится экономическое развитіе страны? Что говорить о принципіальной постановкѣ вопроса, когда самые благожелательные и самые чуткіе къ экономическому развитію края изъ присутствующихъ на всѣ мои доводы о необходимости прежде всего равныхъ условій конкурренціи, слушая и поддакивая, заканчивали со мной разговоры приблизительно такъ:

— Конечно, конечно... Сперва надо хоть что-нибудь, а потомъ тамъ въ Петербургѣ при перемѣнившемся отношеніи къ вамъ, можетъ быть, можно будетъ въ послѣдній моментъ и широкой колеи добиться: вѣдь и для васъ же самихъ, для вашихъ грузовъ она удобнѣе же...

Изъ сегодняшнихъ всѣхъ разговоровъ послѣ показанныхъ писемъ особенно ясно было, что люди эти, начавъ все дѣло, исходя изъ положенія, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего, теперь, когда они, вѣря въ меня, чувствовали уже какую-то почву подъ ногами, надѣялись въ данномъ уже частномъ случаѣ склонить меня въ концѣ концовъ къ широкой колеѣ.

Когда я вставалъ, чтобы уже идти на каѳедру, Проскуринъ перегнулся ко мнѣ и дружески, тихо сказалъ:

— Въ сущности чеботаевская реплика намъ на руку въ интересахъ провести скорѣе дѣло, лучше не ставить точки надъ і и такимъ образомъ вырвать у Сеньки его главный козырь относительно широкой колеи... Пусть надѣются...

Я, конечно, понималъ, что самъ Проскуринъ былъ первый изъ надѣявшихся,—его и всей его партіи обращеніе со мной сегодня сразу и круто измѣнилось,—понималъ, что не слѣдовало мнѣ и разрушать до времени эти надежды, и тихо отвѣтивъ: „Вы правы, конечно“, пошелъ къ каѳедрѣ.

— Во исполненіе желанія его превосходительства,—я сдѣлалъ легкій поклонъ въ сторону предсѣдателя,—я перейду къ изложенію чисто фактической стороны дѣла...

— Очень жаль,—пробасилъ уныло и меланхолично Старковъ,—принципіальная сторона здѣсь въ высшей степени интересна и въ данномъ случаѣ она совершенно не расходится ни съ задачами даннаго собранія, ни моего органа, хотя и служащаго главнымъ образомъ интересамъ уѣзда...

Со всѣхъ сторонъ закричали:

— Къ дѣлу, къ дѣлу!

Только Проскуринъ кричалъ весело, иронически Старкову:

— Вы совершенно правы.

Старковъ покраснѣлъ, какъ ракъ, замолчалъ и сталъ прокашливаться, а я собрался продолжать, когда всталъ бывшій конкуррентъ на прошлыхъ выборахъ Проскурина Коринъ и заговорилъ.

И, по обыкновенію, сразу раздражился. Онъ говорилъ нервно, съ ужимками, ехидно, очертя какъ-то голову, набрасываясь на кого-то.

Этотъ кто-то, хотя и былъ въ данномъ случаѣ его кровный союзникъ Чеботаевъ, но ужъ таковъ былъ нравъ у Корина.

— Я въ сущности,—говорилъ онъ,—не понимаю,—онъ поднялъ плечи, безсильно показалъ на свою лысую голову и вообще сдѣлалъ все, что только зависѣло отъ его мимическихъ способностей, чтобы изобразить непониманіе,—не понимаю, почему мы лишаемся и удовольствія, и пользы выслушать обстоятельный докладъ по вопросу, въ высшей степени интересному...

Проскуринъ и его партія уже громко и благодушно смѣялись.

Поднялся Николай Ивановичъ, изысканный, вѣжливый и, тоже улыбаясь, тихо заговорилъ:

— Господа, мнѣ кажется, мы немного забѣгаемъ впередъ. Предоставимъ пока все это усмотрѣнію докладчика: вѣдь его же никто еще пока не остановилъ... а дѣло уже и остановилось...

Бронищевъ, съ разведенными руками, улыбался, ласково смотрѣлъ на всѣхъ, и всѣ также улыбались и соглашались, говоря:

— Да, конечно...

Оставаясь, тѣмъ не менѣе, на фактической почвѣ, заявивъ только, что всѣ доводы мои, изложенные на уѣздныхъ собраніяхъ въ сущности, уже извѣстны, я быстро закончилъ докладъ.

— Кто желаетъ возражать?—спросилъ успокоеннымъ голосомъ предсѣдатель.

Графъ Семеновъ, молча, поднялся, поклонился и нѣкоторое время многозначительно молчалъ.

— Уважаемый докладчикъ обладаетъ, конечно, по данному вопросу такимъ запасомъ и теретическихъ, и практическихъ знаній, передъ которыми мои и всѣ наши свѣдѣнія являются настолько ничтожными, что я даже не вижу возможности бороться... Я позволилъ бы себѣ только просить собраніе вмѣстѣ съ проектируемой докладчикомъ дорогой признать таковую же полезность и мною проектируемой: я просилъ бы оба эти вопроса баллотировать одновременно.

— Ловко повернулъ,—нетерпѣливо шепнулъ Проскуринъ и сказалъ громко.—Вопросы поставлены отдѣльно и теперь ихъ нельзя мѣнять. Ваше заявленіе собраніе выслушаетъ, ничего противъ него нельзя имѣть, но чтобы не тянуть, надо приступать къ баллотировкѣ по очереди.

Онъ повернулся къ предсѣдателю и кивнулъ ему головой въ знакъ того, чтобъ не тянулъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ, если собраніе ничего не имѣетъ противъ моего проекта, я тоже ничего не имѣю противъ проекта докладчика,—отвѣтилъ Семеновъ.

— Какъ угодно собранію,—обратился Чеботаевъ,—баллотировкой или вставаньемъ рѣшитъ вопросъ?

— Вставаньемъ.

— Согласныхъ съ докладчикомъ прошу встать.

Всѣ встали.

Но затѣмъ, когда графъ Семеновъ взошелъ на каѳедру, произошло нѣчто неожиданное. Первымъ всталъ Проскуринъ и вышелъ. За нимъ начали вставать и выходить очень многіе до тѣхъ поръ, пока кто-то не крикнулъ:

— Господа, да вѣдь насъ незаконное число теперь!

Стали считать и дѣйствительно оказалось всего семнадцать голосовъ.

— Надо позвать ихъ, они въ буфетѣ, вѣроятно.

Пошли звать въ буфетъ, но тамъ никого уже не было.

Проскуринъ и всѣ его уѣхали.

Возмущались, требовали примѣрнаго наказанія Проскурина и его партіи, но тѣмъ не менѣе собраніе до завтра пришлось закрыть.

На подъѣздѣ ко мнѣ обратился одѣтый въ элегантное котиковое пальто Свирскій и сказалъ:

— Проскуринъ просилъ привезти васъ въ гостинницу, чтобъ объяснить вамъ въ чемъ дѣло.

Рысакъ Свирскаго былъ у подъѣзда, мы сѣли съ нимъ и поѣхали.

Въ большомъ, отдѣльномъ кабинетѣ человѣкъ двадцать земцевъ съ Проскуринымъ во главѣ уже сидѣли по стульямъ и диванамъ, курили, смѣялись и смотрѣли, какъ лакеи торопливо уставляли закусками столъ.

Когда дверь отворилась и мы вошли съ Свирскимъ, Проскуринъ быстро съ располагающей, невольно привлекающей къ себѣ манерой пошелъ ко мнѣ на встрѣчу.

— Мы позволили себѣ въ честь васъ устроить этотъ завтракъ и я сейчасъ вамъ объясню тѣ исключительныя обстоятельства, въ силу которыхъ все это такъ...

Онъ развелъ руками и, такъ какъ въ это время какъ разъ проходилъ лакей съ грибками, пальцами попалъ въ тарелку съ грибками.

На усиленный возгласъ лакея „извините“, Проскуринъ, бросивъ ему презрительное „дуракъ“, вытеръ салфеткой пальцы и, прося меня сѣсть, сѣлъ самъ, продолжая:

— Этотъ завтракъ мы задумали и ждали перерыва, чтобъ пригласить васъ, когда графъ Семеновъ поставилъ свой вопросъ такъ, чтобъ одобрить оба направленія... Чортъ съ нимъ, пусть и онъ строитъ свою, но двѣ сразу дороги, въ смыслѣ практическаго произведенія—слишкомъ жирно будетъ для губерніи, и въ

такой постановкѣ вопросъ объ очереди передастся въ Петербургъ, а очередь наша вѣдь: мы же первые, онъ потомъ ужъ додумался... А сегодня, какъ разъ могло и не случиться желаемаго намъ большинства: представителя Удѣловъ нѣтъ. Нѣтъ и...

Проскуринъ назвалъ нѣсколько фамилій.

— Необходимо было поэтому собрать засѣданіе—вотъ мы и удрали, а завтра наше большинство будетъ обезпеченнымъ, мы Сенькиному проекту выразимъ сочувствіе, но поставимъ его во вторую очередь...

Двери кабинета въ это время шумно распахнулись, на порогѣ стоялъ графъ Семеновъ, съ слѣдами снѣга на вискахъ приглаженыхъ волосъ, держа въ рукахъ изъ прекраснаго бобра шапку и говорилъ, и ласково, и въ то-же время и гнѣвно, и съ упромъ:

— Свиньи! И даже не позвали: случайно узналъ...

Веселый смѣхъ привѣтствовалъ его, а онъ, снимая перчатки и бросая ихъ небрежно въ шапку, говорилъ:

— Ладно, ладно и на моей улицѣ будетъ праздникъ и завтра вамъ такой скандалъ устрою, что закаетесь такія штуки продѣлывать...

Графъ Семеновъ заговорилъ уже серьезно:

— Свинство вѣдь, ей Богу! во что же вы превращаете собраніе? Никакого уваженія!..

— Охъ-охъ, — пренебрежительно фыркнулъ Проскуринъ, — громъ изъ навозной кучи, чья бы корова мычала...

На другой день въ собраніи все такъ и прошло, какъ и предсказывалъ Проскуринъ.

Еще разъ наглядно почувствовалось, что въ сущности хозяинъ собранія Проскуринъ и безъ его поддержки Чеботаевъ безсиленъ и вышучиванію его Проскуринымъ не предвидѣлось конца.

Чувствовалъ это, конечно, и Чеботаевъ и уже не проявлялъ никакого желанія при такихъ неравныхъ условіяхъ идти на борьбу съ Проскуринымъ. Не воспользовался даже и законнымъ вполнѣ поводомъ къ тому и самъ свелъ на нѣтъ вопросъ о вчерашнемъ исчезновеніи изъ засѣданія Проскуринской партіи.

И Проскуринъ презрительно говорилъ:

— А, толстая татарская морда завилялъ хвостомъ... постой, не такъ еще завиляешь.

XXIV.

Съ полномочіями, съ депутатами отъ земства я сейчасъ послѣ собранія выѣхалъ въ Петербургъ.

Самое трудное было еще впереди. Всѣ земства хотятъ и сознаютъ необходимость желѣзныхъ дорогъ; просятъ; со всѣхъ сто-

ронъ уполномоченные земствъ, какъ и мы ѣздили, ѣдутъ и будутъ и впредь ѣздить въ Петербургъ хлопотать о маннѣ небесной—о желѣзныхъ дорогахъ, каждый для себя. Тамъ въ переднихъ министровъ во фракахъ и во всѣхъ своихъ, бѣдныхъ количествомъ регаліяхъ, будутъ они толпиться, обивать пороги, будутъ сперва вѣрить, надѣяться, пока не устанутъ наконецъ и, разочарованные, не воротятся домой, давая зароки:

— И ѣздить не стоитъ, и тратиться не стоитъ, и дубьемъ надо гнать всѣхъ этихъ прожектеровъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Такъ будутъ зарекаться они, а великая нужда экономическая будетъ продолжать свою неумолимую и безостановочную работу и самые упорные скептики въ концѣ концовъ опять вставать на собраніяхъ въ знакъ согласія будутъ, и ѣздить, и стучаться въ негостепріимныя двери будутъ по изрѣченію: „толцыте, и отверзится“.

Надо было предпринять что-нибудь особенное, найти какую-то новую дорогу, какой-то иной ходъ, который привелъ бы вѣрнѣе къ цѣли.

Этотъ ходъ для меня былъ—общественное мнѣніе.

Теоретически уже былъ поставленъ мною въ печати вопросъ. И былъ поставленъ рѣзко, кричащимъ образомъ: я указывалъ на крупную историческую ошибку принятой у насъ колеи, доказывая, что выстроенное у насъ количество желѣзныхъ дорогъ не составляетъ и одной пятой нужной намъ сѣти и что поэтому лучше передѣлать эту одну пятую и сейчасъ же начинать строить болѣе узкую, чѣмъ даже западная, колею, намъ, бѣднымъ и капиталами, и грузами. Я доказывалъ, что и Сибирскую желѣзную дорогу, стоимость которой исчислялась въ среднемъ 60 тысячъ рублей верста, надо строить по типу проектировавшейся тогда узкоколейной Архангельской дороги, не уступавшей ни въ чемъ по силѣ и провозоспособности лучшимъ ширококолейнымъ, но стоившей всего 35 тысячъ рублей верста при перевозкѣ 40 мил. пудовъ. И не только не уступавшей, но во многомъ превосходившей, потому что при той же, напримѣръ, подъемной силѣ вагоновъ, узкоколейный вагонъ легче на двѣсти пудовъ, что при пятидесяти вагонахъ въ поѣздѣ уменьшало непроизводительный грузъ поѣзда на 10.000 пудовъ одного только поѣзда съ грузомъ въ 37.500 пудовъ. Это вѣдь почти $30^0/_0$. При общемъ нашемъ двухмилліардномъ грузѣ, вмѣсто этихъ излишнихъ шестисотъ тысячъ милліоновъ пудовъ мы могли бы перевезти шестьсотъ тысячъ милліоновъ пудовъ настоящаго груза. То-есть, другими словами, мы могли бы платить на $30^0/_0$ дешевле за перевозку,—это шестьдесятъ милліоновъ въ годъ,—и эта одна экономія уже могла бы явиться неизсякаемымъ источникомъ, фондомъ для новыхъ и столь необходимыхъ намъ дорогъ.

Повторяю: я ставилъ рѣзко вопросъ, запрашивалъ, что могъ, чтобы ярче остановить вниманіе на немъ.

Отчасти я достигъ цѣли. Одни, недоумѣвая, разводили руками, другіе съ пѣной у рта ругались, третьи смѣялись, называли меня узкоколейникомъ, но всѣ заспорили, заговорили. И заговорили въ томъ мірѣ, который практически является рѣшителемъ этихъ вопросовъ,—въ мірѣ крупнаго и мелкаго петербургскаго чиновничества.

Я теперь ѣхалъ уже съ изысканіями, переходилъ, такимъ образомъ, отъ слова къ дѣлу, которому въ общей печати собственно мѣста, какъ частному вопросу, уже не было.

Тѣмъ не менѣе, и въ этой уже частной и чисто практической постановкѣ я, рѣшивъ дѣйствовать гласнымъ путемъ, остановился на докладѣ въ техническомъ обществѣ, предсѣдателемъ котораго былъ инженеръ Зерновъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ я обратился сейчасъ же къ Зернову.

Зерновъ отнесся сочувственно и скоро въ газетахъ появился аннонсъ о моемъ предстоящемъ докладѣ.

Все вышло несравненно болѣе торжественно, чѣмъ предполагалось. Зала оказалась переполненной публикой. И публикой, самой разнообразной. Сверхъ обычныхъ спеціалистовъ, на скамьяхъ, за скамьями у стѣнъ, у дверей стояли иные люди. На этотъ разъ это была скорѣе аудиторія вольноэкономическаго общества: литераторы, люди науки, студенты и студентки.

Я былъ очень смущенъ этимъ и рѣшилъ какъ-нибудь такъ обставить мой, въ сущности, чисто спеціальный вопросъ, чтобы заинтересовать и не спеціалистовъ. Я подготовилъ наскоро введеніе объ отсутствіи интереса въ обществѣ къ развитію у насъ желѣзныхъ дорогъ и о причинахъ этого.

Я не буду подробно останавливаться на своемъ провалѣ, благодаря этому злосчастному введенію.

Когда шумъ двигающихся стульевъ затихъ, предсѣдатель инженеръ Зерновъ открылъ засѣданіе такимъ торжественнымъ заявленіемъ:

— Необычная полнота аудиторіи сама говоритъ о томъ интересѣ, который возбудилъ докладчикъ. Я съ своей стороны не сомнѣваюсь, что интересъ этотъ будетъ оправданъ.

Но уже черезъ пятнадцать минутъ, когда одно высокопоставленное лицо встало и вышло изъ залы, предсѣдатель прервалъ меня словами:

— Къ сожалѣнію, я вынужденъ васъ остановить. Ваше вступленіе о томъ, какъ смотрятъ на желѣзныя дороги та или другая фракція, можетъ быть, и очень интересно и даже цѣнно, но не здѣсь, въ аудиторіи спеціалистовъ. Здѣсь необходимо строго

и точно держаться програмы. И въ диспутахъ, милостивые государи, я буду просить васъ не касаться всѣхъ затронутыхъ интересныхъ, но, повторяю, не имѣющихъ здѣсь мѣста вопросовъ.

Послѣ этихъ словъ аудиторія быстро стала пустѣть.

Я съ завистью слѣдилъ за уходившими. Меня и самого подмывало уйти вмѣстѣ съ ними и навсегда забыть и думать обо всѣхъ спеціалистахъ.

Скрѣпя сердце, тѣмъ не менѣе, упавшимъ голосомъ, я перешелъ къ спеціальному вопросу и, скомкавъ его, какъ только могъ, черезъ нѣсколько минутъ при пустой, болѣе, чѣмъ на половину аудиторіи, никого не удовлетворивъ, закончилъ его.

Жидкіе апплодисменты были мнѣ наградой и я быстро вслѣдъ за другими стушевался.

Провалиться такъ, за здорово живешь, очень непріятно. Весь другой день подъ впечатлѣніемъ этого провала я ходилъ смущенный, сразу очутившійся въ очень фальшивомъ положеніи и, обдумывалъ, какъ мнѣ теперь быть.

Вечеромъ въ тотъ же день былъ назначенъ докладъ въ обществѣ промышленности по какому-то желѣзнодорожному вопросу. Я пошелъ на этотъ докладъ, чтобъ поучиться и посмотрѣть, какъ люди докладываютъ.

Какой-то инженеръ дѣлалъ сообщеніе о какой-то дорожкѣ обыкновеннаго ширококолейнаго типа.

Слушая, я все больше и больше приходилъ къ заключенію, что дорогѣ этой надо бы быть не широко, а узкоколейной. Поэтому, когда было предложено возражать докладчику, я и возразилъ ему въ этомъ смыслѣ, приводя для иллюстраціи цифры своей дорожки. Въ сущности это былъ мой второй докладъ, сжатый и короткій, послѣ котораго я былъ награжденъ энергичными апплодисментами.

Высокій господинъ, съ длинной бородой, Михаилъ Ивановичъ Казовъ,—очень важное сановное лицо, то самое, которое на вчерашнемъ моемъ докладѣ такъ рѣшительно встало и вышло,— подошелъ ко мнѣ съ обѣими протянутыми руками и сказалъ:

— Теперь я васъ услышалъ, а вчера... Я не знаю, вчера о чемъ вы говорили. Вчера я собрался послушать человѣка, о которомъ очень много слышалъ, статьи котораго читалъ и... совершенно разочаровался... о, сегодня другое дѣло и теперь я васъ не выпущу... Условимся, гдѣ и какъ намъ увидѣться?

Мы условились и на другой день утромъ въ десять часовъ я подъѣзжалъ къ оригинальному дому Казова на Васильевскомъ Островѣ.

На звонокъ мнѣ отперъ лакей съ благообразной физіономіей.

На вопросъ, дома ли Михаилъ Ивановичъ, лакей, спросивъ мою фамилію, отвѣчалъ:

— Пожалуйте-съ.

Въ маленькой передней я раздѣлся и по винтовой лѣстничкѣ, напоминавшей лѣстницы пароходовъ, поднялся на второй этажъ.

Здѣсь, какъ и въ кабинетѣ, впечатлѣніе парохода или корабля было еще сильнѣе. Впослѣдствіи оказалось, что Казовъ, бывшій морякъ, такъ и выстроилъ свой домъ, чтобы онъ напоминалъ собой корабль.

Очень большой и длинный кабинетъ былъ весь уставленъ всевозможными вещами. Тутъ были и модели пароходовъ, и разные станки, много столиковъ и на нихъ альбомы, чертежи, портреты въ рамкахъ и такъ просто, лежали папки съ какими-то бумагами. Въ громадныхъ шкафахъ было множество книгъ, большихъ, въ красивыхъ переплетахъ.

Весь кабинетъ былъ подъ черное дерево и бѣлые рисунки чертежей и гравюры въ черныхъ рамкахъ рельефно выдѣлялись.

Въ перспективѣ комнаты за большимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ самъ хозяинъ, пилъ кофе и разговаривалъ съ цѣлой группой людей. Слышались языки нѣмецкій, французскій, англійскій. Хозяинъ спокойно наблюдалъ меня, пока я шелъ, и еще издали просто, безъ аффектировки, спросилъ меня:

— Кофе хотите?

— Хочу,—отвѣтилъ я.

— Кофе,—крикнулъ хозяинъ и лакей, снимавшій съ меня пальто отвѣтилъ:

— Есть!

— Присаживайтесь.

Я сѣлъ и сталъ слушать отрывки: о какой-то машинѣ, объ Архангельскомъ побережьи, объ экспедиціи Нансена, о другой какой-то проектировавшейся экспедиціи, опять возвратились къ Мурману, судоходству по Печорѣ. Англичанинъ что-то заговорилъ по-англійски и Казовъ сталъ записывать. Когда онъ кончилъ, всѣ встали и начали прощаться.

Въ это время вошелъ новый посѣтитель—инженеръ, извѣстный и крупный дѣятель въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

Казовъ удивился, что мы незнакомы, познакомилъ насъ и спросилъ инженера:

— Вы сегодняшнюю почту заграничную читали? Есть интересное по нашему дѣлу.

Инженеръ сказалъ „ага“ и, захвативъ пачку газетъ, ушелъ съ ними въ другой уголъ.

— Проводимъ проектъ новыхъ семидесятитонныхъ паровозовъ при семнадцати фунтовыхъ рельсахъ,—рязсѣянно сказалъ Казовъ, кивнувъ головой въ сторону инженера, и, перебивая себя, сосредоточиваясь, Казовъ сказалъ:

— Вотъ что по вашему дѣлу: необходимо, чтобы васъ выслушалъ...

Казовъ назвалъ лицо очень высокопоставленное.

— Если онъ заинтересуется, то онъ намъ очень поможетъ. Лично я раздѣляю совершенно ваши взгляды, я говорилъ и съ вашимъ министромъ и онъ сочувствуетъ, и въ министерствѣ финансовъ,—вы знакомы съ директоромъ желѣзнодорожнаго департамента? Странно, что вы никого не знаете. Необходимо познакомиться. Это одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ нашихъ чиновниковъ, это пульсъ теперь всего желѣзнодорожнаго дѣла, съ нимъ Россія, можетъ быть, и начнетъ, наконецъ, покрываться желѣзными дорогами... У него масса иниціативы и комбинацій, онъ умѣетъ развивать самодѣятельность... Прежде всего необходимо сдѣлать вамъ докладъ,—безъ введеній на этотъ разъ, серьезный, дѣловой, короткій. На подобіе вчерашняго. Я попрошу и Зернова, еще два человѣка я имѣю въ виду.

Онъ назвалъ двѣ фамиліи.

— Устроимъ цѣлое засѣданіе... Вотъ что, я вамъ дамъ карточки къ нимъ,—поѣзжайте и условьтесь съ ними относительно дня, когда вы всѣ соберетесь у меня, рѣшится тогда уже и день доклада... приблизительно въ концѣ этой недѣли.

Въ концѣ недѣли предполагавшійся докладъ дѣйствительно состоялся.

Громадная аудиторія на этотъ разъ была полна инженерными, военными и морскими мундирами исключительно. За особымъ столомъ сидѣлъ почетный президентъ, окруженный генералитетомъ.

Я говорилъ послѣднимъ. Я говорилъ о нищетѣ въ нашихъ деревняхъ, объ упадкѣ сельскаго хозяйства, объ отсутствіи у насъ какихъ бы то ни было путей сообщенія, о необходимости широкой свободы въ смыслѣ разрѣшенія ихъ постройки, типа и эксплуатаціи.

„Опека чиновника губитъ дѣло. Въ Бельгіи не спрашиваютъ разрѣшенія на типы, на постройку,—просто строятъ, какъ мы строимъ дома и вывѣшиваютъ объявленія о пріемѣ грузовъ и пассажировъ, когда дорога готова. Жизненность тамъ дороги зависитъ отъ ея приспособленности къ требованіямъ страны, рынка. Только при такихъ условіяхъ она и будетъ приспособленной, будетъ извозчикомъ, готовымъ отвезти именно въ то время, когда нужно и къ сроку: и овощи на рынокъ, и хлѣбъ въ элеваторъ, и лѣсъ, и всю ту массу груза, которую дѣятельная дорога-извозчикъ (а не государство въ государствѣ) могла бы создать: въ этомъ концѣ нѣтъ камня, а тотъ нуждается въ лѣсѣ,—изъ города надо вывезти удобреніе, а въ городъ привезти всѣ деревенскіе продукты“ и т. д.

Я кончилъ такъ:

„Если для постройки кабака не требуется разрѣшенія, то для такого полезнаго дѣла, какъ дорога, нужна тѣмъ большая свобода. Опека государства въ интересахъ безопасности въ данномъ случаѣ чрезмѣрна: въ неизмѣримо болѣе богатыхъ, чѣмъ мы, странахъ, государство совершенно довольствуется отвѣтственностью за всѣ несчастія устроителей предпріятія. Если посчитать тѣ сотни милліоновъ, которыя тратимъ мы на безопасность, то окажется, что жизнь желѣзнодорожныхъ жертвъ оцѣнивается десятками тысячъ рублей, а въ то же время дѣти въ деревняхъ у насъ мрутъ ежегодно отъ оспы, дифтерита и другихъ повальныхъ болѣзней, за отсутствіемъ только лишняго врача и даже фельдшера. Мы десятками тысячъ оберегаемъ жизнь на желѣзной дорогѣ, а сифилисъ, питаніе суррогатами и, какъ послѣдствіе, худосочіе, голодный тифъ уносятъ ежегодно милліоны жертвъ. Съ этой точки зрѣнія существующая оцѣнка и страховка жизней на желѣзныхъ дорогахъ—несправедлива и въ интересахъ меньшинства удорожается непропорціонально наше желѣзнодорожное дѣло. Этотъ выводъ не мое умозаключеніе, а дѣйствительный фактъ изъ жизни странъ и болѣе богатыхъ, и болѣе культурныхъ. Тѣмъ менѣе основанія опекать такъ второстепенные подъѣздные пути. Эта опека главный источникъ удорожанія. Рутина и опека—причина почему у насъ нѣтъ дорогъ. Меня пойметъ каждый, кто не имѣетъ этихъ дорогъ, а не имѣетъ ихъ громадное большинство Россіи. Эти откажутся отъ бархата и зеркалъ главныхъ линій, откажутся отъ станцій-дворцовъ,—они согласятся и на собачью конуру, вмѣсто станціи, только тянулись бы отъ этой конуры два стальныхъ рельса. Какъ выводъ изъ сказаннаго, необходимъ опытъ дороги дешевой, не шаблонной, дороги-извозчика, а она государство въ государствѣ“.

Моимъ предшественникамъ апплодировали, я кончилъ при мертвомъ молчаніи аудиторіи.

Получился новый провалъ такимъ образомъ.

— Очень рѣзко,—не привыкли вѣдь къ такому тону,—говорили мнѣ.

— Судьба ужъ моя такая,—вздохнулъ я.

Каково же было мое удивленіе, когда Казовъ, проводивъ высокихъ гостей и возвратившись съ радостнымъ лицомъ, сказалъ мнѣ:

— Мнѣ поручено поблагодарить васъ: апплодировать было неудобно: рѣзко... теперь можно начать мытарства и по министертвамъ.

Принципіально вопросъ прошелъ довольно быстро и въ формѣ, которая превзошла всѣ мои надежды.

— Вотъ прочтите,—сказалъ мнѣ однажды маленькій нервный и подвижной, какъ ртуть, директоръ желѣзнодорожнаго департамента.—Вотъ тамъ садитесь и читайте.

Я сѣлъ въ кресло у окна большого казеннаго кабинета директора, а самъ директоръ потонулъ за громаднымъ своимъ столомъ, читая свои бумаги, запрокинувшись въ креслѣ и какъ-то держа бумаги надъ головой. Потомъ я узналъ, что онъ болѣлъ глазами и ему грозила опасность и совсѣмъ ослѣпнуть.

Бумага, которую далъ мнѣ для прочтенія директоръ, былъ докладъ въ Государственный Совѣтъ о ежегодномъ кредитѣ въ 10 милліоновъ рублей на подъѣздныя желѣзныя дороги.

Умно, толково, систематично ставился вопросъ подъѣздныхъ путей, ихъ необходимость, необходимость строительной свободы и облегченія типовъ постройки и эксплуатаціи.

Директоръ изъ-за своихъ бумагъ уловилъ мгновеніе, когда я кончилъ и крикнулъ мнѣ:

— Ну, что?

Я радостно и смущенно отвѣтилъ:

— Я двумя руками подписался бы подъ этимъ проектомъ

Директоръ, улыбаясь, ласково и загадочно смотрѣлъ на меня и въ то же время нервно грызъ свой карандашъ.

— Я бы только не десять, а тридцать, сорокъ милліоновъ ассигновалъ бы въ годъ,—сказалъ я.

— Вамъ, коли медъ, такъ и ложка... Пока Сибирская, не кончится и это непосильно. Да вообще за государственный счетъ постройка дорогъ... Надо развивать частную иниціативу... Мы проводимъ теперь одну вѣточку отъ Осиповичей; если идея ея пройдетъ, она будетъ богата послѣдствіями. Въ двухъ словахъ идея такая: вѣтка создаетъ новый грузъ. Этотъ грузъ пройдетъ по другимъ дорогамъ, ну тамъ до портовъ, до пунктовъ сбыта. Чистый доходъ отъ этихъ грузовъ идетъ на погашеніе затраченныхъ предпринимателями-строителями капиталовъ. По разсчету выходитъ, что вѣтка окупится въ пять лѣтъ и поступитъ безвозмездно въ казну... Тогда не то, что на десять, на пятьдесятъ милліоновъ въ годъ можно будетъ строить, а въ періодъ двадцати лѣтъ, казна, не затративъ ни гроша, будетъ имѣть сѣть двѣсти тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ...

Маленькій директоръ былъ едва виденъ въ своемъ большомъ креслѣ. Онъ продолжалъ безпечно полулежать и только ноги его нервно, ни на мгновеніе не останавливаясь, двигались, да карандашъ энергичнѣе обыкновеннаго обгрызался.

— Можетъ быть, придется эту идею и видоизмѣнить, создать рядъ желѣзнодорожныхъ банковъ, срокъ погашенія впослѣдствіи можно будетъ удлиннять, уменьшать проценты, но это выходъ.

*

Директоръ умѣлъ какъ-то подчеркивать свою основную мысль и тогда получалось впечатлѣніе ракеты, уже потухшей и снова вспыхнувшей въ темномъ небѣ послѣднимъ, яркимъ огнемъ. Такъ вспыхнуло и освѣтилось опять это слово „выходъ“.

— А не ваши, повѣрьте, тамъ узкоколейныя... Ей Богу,— директоръ благодушно махнулъ рукой,—вѣдь теоретически вы не насчитаете въ нашей ровной мѣстности больше 20—25% удорожанія широкой противъ узкой.

— Это теоретически,—перебилъ я,—а благодаря практикѣ вещей, рутинѣ, которая, какъ глубокая выбитая колея безповоротно захватила и направляетъ колесо,—удорожаніе получается вдвое.

— Ну, и боритесь съ этимъ. Вѣдь Павлодарская ширококолейная съ перевозкой двадцати милліоновъ пудовъ обошлась съ подвижнымъ составомъ меньше двадцати тысячъ... Конечно, частная дорога, но постройка и должна быть всегда частная. Конечно, если бы въ началѣ постройки нашихъ дорогъ мы сдѣлали бы уже колею, было бы лучше, но суть вопроса все-таки не въ этомъ,— ну, вдвое дороже,— что это черезъ десять лѣтъ дорогѣ, когда грузъ ея утроится, удесятерится?

— Все-таки это вдвое.

— А какой вы! Забудьте вы о казнѣ и ея постройкахъ. Берите только 20% экономіи. Одно уже то, что подвижнымъ составомъ узкой колеи нельзя пользоваться для остальной линіи, а каждая ширококолейная вѣтка увеличиваетъ общій паркъ паровозовъ и вагоновъ, это одно, что составляетъ?

— Конечно, при вашей постановкѣ вопроса ошибка ослабится,—согласился я,—но и то очень много случаевъ останется, когда узкую колею вы ничѣмъ не замѣните: во-первыхъ, въ мѣстностяхъ пересѣченныхъ, во-вторыхъ, въ мѣстахъ глухихъ, изолированныхъ, гдѣ мало надеждъ на развитіе грузовъ, а данный грузъ все-таки обезцѣнивается.

— И все это частности: тамъ и стройте...

Лицо директора опять стало благодушнымъ, онъ весело кивнулъ головой.

— Подождите, мы еще покажемъ вамъ и выходы, и горизонты иные.

Черезъ мѣсяцъ директоръ сказалъ мнѣ:

— Ну, дѣло о подъѣздныхъ прошло... Вчера министръ рѣшилъ и вашъ вопросъ. Богъ съ вами и вашими гарантіями. Вопросъ ставится такъ: ваша вѣтка представляется въ государственный совѣтъ, какъ первый опытъ дешеваго подъѣздного пути. Довольны?

— Это громадное счастіе.

— Не промахнитесь только! Постановка вопроса очень серьезная и отвѣтственная.

— Но даромъ все-таки совсѣмъ мы не дадимъ губерніи эту дорогу,—говорилъ я,—они должны дать даромъ землю, камень, песокъ, дешевый лѣсъ.

— Ой, какой вы еще юный, несмотря на свою сѣдину...

Директоръ весело расхохотался.

— Ничего они не дадутъ даромъ и за все втридорога сдерутъ...

— Но у меня уже подписки взяты.

— Откажутся... Случая еще не было ни въ одной постройкѣ, чтобы такія обѣщанія исполнялись. Ни одного. Развѣ этимъ всѣмъ, которые тамъ во фракахъ сидятъ и ждутъ очереди что-нибудь свойственно другое, какъ схватить только, а тамъ...

Директоръ презрительно махнулъ рукой и добродушно бросилъ:

— Только костюмъ европейца, а подъ нимъ вѣдь дикарь, кулакъ самой первичной стадіи накопленія, если ужъ хотите говорить вашими тамъ терминами... Хоть порите ихъ, по бросьте казенную копейку. Этимъ и исчерпывается вся глубина, вся мудрость, вся подоплека: далъ—другъ, не далъ—будетъ гадить, интриговать... Жадность, эгоизмъ, они, конечно, были, есть и будутъ, но никакого пониманія своихъ интересовъ въ связи съ общими. Лозунгъ одинъ: „я“, „мнѣ“, еще мнѣ, еще мнѣ, а потомъ всуе разъ мнѣ... и все расхватано и ничего для остальныхъ и всѣмъ—и „я“ и „мнѣ“ идти на дно...

Еще прошелъ мѣсяцъ и я уже въ роли казеннаго начальника работъ проводилъ разцѣнку своей дороги во второстепенныхъ іерархіяхъ нашего министерства.

Составлялась такъ называемая исполнительная разцѣночная вѣдомость, которая вторично шла на утвержденіе въ государственный совѣтъ и затѣмъ уже предстояла постройка по этой утвержденной исполнительной смѣтѣ.

Я не вѣрилъ этой головокружительной быстротѣ, съ какой прошло мое дѣло.

— Кого мнѣ благодарить?—спрашивалъ я Казова.

— Никого... Чудный случай... Если еще какая-нибудь хорошая идея придетъ въ голову,—привозите опять.

Н. Гаринъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ф. ЛАССАЛЬ.

(По поводу 75-лѣтія со дня его рожденія).

Лассаль родился 11-го апрѣля (н. с.) 1825 г. въ Бреславлѣ, какъ сынъ еврейскаго купца. Сперва онъ учился въ бреславской гимназіи, но потомъ самъ, чтобы избѣжать непріятныхъ столкновеній съ отцомъ изъ-за плохихъ отмѣтокъ (за легкомысленное поведеніе), просилъ отца перевести его въ Лейпцигъ въ коммерческое училище. Однако, торговая дѣятельность, къ которой онъ, по такимъ случайнымъ причинамъ, сталъ готовиться, не только не влекла его, но была даже ему противна. Въ дневникѣ своемъ 15-ти-лѣтній Лассаль пишетъ: «Я отнюдь не думаю, что мнѣ необходимо отказаться отъ общественной, эстетической или политической жизни. Я только пока схватился за эту профессію (торговлю) и я твердо вѣрю, что случай, или скорѣе, Провидѣніе, вырветъ меня изъ конторы и броситъ на поприще, на которомъ я смогу дѣйствовать. Я полагаюсь на случай и свою твердую волю въ томъ, что буду заниматься больше музами, чѣмъ бухгалтерскими книгами, больше—Элладой и Востокомъ, чѣмъ индиго и сахарной свеклой, больше—Таліей и ея жрецами, чѣмъ торгашами и ихъ приказчиками,—въ томъ, что я буду больше заботиться о свободѣ, чѣмъ о товарныхъ цѣнахъ, что я буду больше проклинать аристократовъ, которые отнимаютъ у человѣка его первое и высшее благо, чѣмъ конкуррентовъ, сбивающихъ цѣну. Но на проклятіяхъ дѣло не остановится».

Въ другомъ мѣстѣ дневника этотъ юноша, или въ сущности, еще мальчикъ, рѣшительно отвергаетъ мысль о спокойной житейской карьерѣ и даетъ обѣтъ держаться за «истину и добродѣтель» и служить «свободѣ». «О, Франція, любимая моя страна, страна моихъ мечтаній! Какъ тянетъ меня къ тебѣ, съ тобой—свобода, которую ты завоевала. Но ты еще не сложила своего оружія» и т. д. «Вообще мнѣ жаль, что я не учился больше. Мнѣ ясно, что я хочу быть писателемъ». Пылкій юноша обѣщаетъ безбоязненно вступить въ борьбу за правду со зломъ. «И какихъ только препятствій я не поставилъ самъ себѣ на пути! Какъ будутъ мои противники насмѣхаться надъ убѣжавшимъ отъ прилавка приказчикомъ, который промѣнялъ аршинъ на перо. Даже мои сторонники будутъ бояться довѣриться мнѣ, и со всѣхъ концовъ раздастся шипѣніе: «приказчикъ!», «аршинникъ!» Но «приказчикъ» заставитъ замолчать предразсудки».

Сознаніе своихъ крупныхъ силъ и своего призванія побудило юношу-Лассаля добиваться университетскаго образованія. Учиться онъ хочетъ не медицинѣ и праву, «ибо врачъ и адвокатъ — купцы, торгующіе своимъ знаніемъ», а онъ — стремится учиться «ради дѣятельности». Выдержавъ экзаменъ зрѣлости, Лассаль посвящаетъ себя занятіямъ филологіей и философіей.

Это неслучайно. Во-первыхъ, философія первенствовала въ умственной жизни той эпохи, во-вторыхъ, на тѣ важные запросы и вопросы, которыми жилъ и волновался Лассаль, отвѣтомъ могло служить лишь цѣльное знаніе. А цѣльное знаніе и есть—философія. Но едва геніальный юноша успѣлъ погрузиться въ глубины греческой и нѣмецкой мудрости, въ Гераклита и Гегеля, какъ въ 1846 г. его увлекло практическое дѣло, которому онъ предался съ изумительнымъ жаромъ. Онъ сталъ защитникомъ графини Софіи Гатцфельдъ противъ ея мужа, отстаивалъ ея интересы, велъ ея процессы, изъ-за этого попалъ подъ судъ, но въ концѣ концовъ побѣдилъ и освободилъ графиню отъ преслѣдованій аристократическаго, но грубаго и жестокаго супруга. Въ этой трудной и далекой и отъ научныхъ, и отъ политическихъ задачъ борьбѣ прошло около 8 лѣтъ (1846—1854). Правда, за это время, въ 1848 году, Лассаль выступилъ и какъ политическій дѣятель, не играя еще той крупной роли, которая выпала ему на долю впослѣдствіи.

Послѣ 1854 г. Лассаль снова усиленно работаетъ надъ философіей, и въ 1857 г. выпускаетъ въ свѣтъ огромный трудъ о «Гераклитѣ Темномъ».

Затѣмъ наступаетъ «новая эра» въ Пруссіи, политическая жизнь оживляется, всплываютъ заживо похороненные послѣмартовскою реакціей вопросы внѣшней и внутренней политики. Но и тутъ политика не поглощаетъ еще исключительно умственныхъ силъ и вниманія Лассаля. Онъ находитъ время для написанія огромнаго труда по философіи и теоріи права: «Система пріобрѣтенныхъ правъ» (1861). Правда, трудъ этотъ и строй его мыслей стоятъ въ глубокой идейной и психологической связи съ практической дѣятельностью Лассаля, но связь эта не дѣлаетъ «Систему пріобрѣтенныхъ правъ» произведеніемъ практическаго политика. Она не дѣлаетъ этотъ огромный трудъ даже доступнымъ и интереснымъ для лицъ, занимающихся практическими общественными вопросами. «Система пріобрѣтенныхъ правъ» не популярна даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ популяренъ, т.-е. доступенъ и интересенъ для всякаго, интересующагося соціальными вопросами, такой научный и обширный трактатъ, какъ, напр., «Капиталъ» Маркса.

Между тѣмъ общественная жизнь въ Пруссіи и въ Германіи начала все сильнѣе и сильнѣе пульсировать. Разыгрывался знаменитый конфликтъ между правительствомъ Вильгельма I съ Бисмаркомъ во главѣ и либеральной прусской палатой. Сперва Лассаль шелъ рука объ руку съ «либералами» (прогрессистами), но ни по своимъ идеямъ,

ни по своему темпераменту онъ не былъ имъ близокъ, и разрывъ долженъ былъ рано или поздно наступить...

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на деталяхъ этой достаточно извѣстной и наиболѣе яркой стороны его дѣятельности, которая—нельзя не отмѣтить характерной для личной мощи Лассаля особенности—несмотря на свое огромное историческое значеніе продолжалась всего около года (съ марта 1863 по августъ 1864 г.).

Не станемъ мы также разсказывать той «романической», но въ сущности мало поэтической любовной исторіи, которая привела къ безславному концу славную жизнь Лассаля, павшаго на дуэли съ ничтожнымъ соперникомъ по любви красивой, но тоже ничтожной дамы *).

Какъ практическій политическій дѣятель, какъ экономистъ и соціальный политикъ, Лассаль представлялъ оригинальное и крупное явленіе только своею огромною личностью, но не своими предложеніями и пріемами. Иное слѣдуетъ сказать объ общемъ философскомъ духѣ, которымъ проникнута была его блестящая общественная дѣятельность, его могучая личность и произведенія его мысли. Лассаль-политикъ (въ узкомъ смыслѣ слова) со всѣми своими жизнеспособными идеями цѣликомъ воплотился въ жизни и дѣятельности созданной имъ политической партіи, но не та судьба постигла философскій духъ Лассаля, который еще ищетъ себѣ живого общественнаго воплощенія, и, мы думаемъ, найдетъ его.

Наши слова станутъ понятны читателю, если мы напомнимъ ему духовную родословную великаго агитатора. Лассаль былъ прямымъ порожденіемъ нѣмецкой идеалистической философіи. Онъ не только побывалъ въ школѣ Канта, Фихте и Гегеля, какъ Марксъ и Энгельсъ, которые прошли черезъ идеалистическую философію, но ушли изъ нея—въ матеріализмъ. Въ Лассалѣ до конца его яркой и бурной дѣятельности былъ живъ духъ великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ. И этотъ духъ съ необыкновенной силой отразился на его соціально-философскомъ міросозерцаніи. Въ рѣчи, посвященной памяти Фихте, онъ самъ назвалъ этотъ духъ «священнымъ Вестовымъ пламенемъ метафизическаго мышленія,—пламенемъ, съ которымъ, несмотря на его метафизическую сверхчувственность, точно также, какъ съ огнемъ римскихъ весталокъ, неразрывно связаны земныя судьбы нѣмецкой націи». Этимъ идеалистическимъ пламенемъ питался и его политическій паѳосъ. Онъ

*) На могилѣ Лассаля, похороненнаго на еврейскомъ кладбищѣ въ Бреславлѣ, начертана составленная великимъ классикомъ-филологомъ Августомъ Бекхомъ (Boeckh) поистинѣ классическая эпитафія: Hier ruht was sterblich war von Lassalle, dem Denker und Kämpfer (здѣсь покоится то, что было смертно въ Лассалѣ, мыслителѣ и борцѣ). Любопытно, что барельефъ Лассаля, на его надгробномъ памятникѣ—въ силу требованій еврейскаго обряда—остается невидимымъ для посѣтителей: онъ закрытъ коробкой, и на нашу просьбу—открыть ее и показать барельефъ послѣдовалъ отказъ.

сказывается въ покоряющемъ читателя лиризмѣ лассалевскихъ рѣчей. Исполинская личность Лассаля такъ же нуждалась въ метафизическомъ пламени, какъ, съ другой стороны, только въ такой личности это пламя могло сполна и адэкватно выразиться.

Для Лассаля метафизическое пламя не было, какъ мы только что убѣдились изъ его собственныхъ словъ, оторванной отъ жизни и ей ненужной теоретической силой. Оно было неразрывно связано съ земными судьбами человѣчества. Въ этомъ смыслѣ Лассаль былъ вѣрнымъ ученикомъ Фихте. Недаромъ онъ съ особеннымъ удареніемъ приводитъ слова Фихте:

«На что въ концѣ концовъ направлены всѣ наши старанія и труды въ самыхъ отвлеченныхъ наукахъ? Пусть ближайшею цѣлью этихъ стараній будетъ—продолжать изъ поколѣнія въ поколѣніе и сохранять науки въ мірѣ. Но почему же ихъ должно сохранять? Очевидно, лишь для того, чтобы въ надлежащее время устроить всеобщую жизнь и ввести человѣческій порядокъ вещей. Это конечная цѣль науки; посредственно, такимъ образомъ, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ, всякое научное стремленіе служитъ государству».

Въ устахъ великаго идеалиста и философа дѣйственности, Фихте и его знаменитаго ученика, Лассаля эти слова не были проповѣдью пошлаго и плоскаго общественнаго и государственнаго утилитаризма. Въ нихъ выразилась фаустовская мысль: «въ началѣ было дѣло» (Im Anfang war die That), т.-е. характерное для Канта и Фихте ученіе о метафизическомъ первенствѣ, или приматѣ практическаго разума. «Государство» для Лассаля, какъ для Фихте и Гегеля, было величайшей нравственной силой, «дѣйствительностью нравственной идеи» (Гегель), объективной реализацiей «метафизическаго пламени».

«Исторія—училъ Лассаль—есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, бѣдностью, безсиліемъ и, стало быть, со всякаго рода несвободой, въ которой мы находились, когда человѣческій родъ начиналъ свою исторію. Послѣдовательное *преодолѣніе* этого безсилія—вотъ въ чемъ состоитъ то развитіе свободы, которое воплощается въ исторіи.

«Въ этой борьбѣ мы не сдѣлали бы ни одного шага впередъ и никогда не могли бы впредь сдѣлать такого шага, если бы мы боролись или хотѣли бороться, *какъ отдѣльныя личности*, *каждый въ одиночку*, *только за себя*.

«На *государствѣ* лежитъ *задача* осуществлять *это развитіе свободы*, *развитіе человѣческаго рода* къ свободѣ.

«*Государство* есть единство индивидовъ въ нѣкоторомъ нравственномъ цѣломъ, единство, которое въ милліонъ разъ увеличиваетъ силы *всѣхъ* индивидовъ, имъ объемлемыхъ, т.-е. тѣ силы, которыми они располагали бы *всѣ*, какъ единичныя личности.

«Цѣль государства не состоитъ, стало быть, въ томъ, чтобы только *охранять* личную свободу и собственность индивида, съ которыми по-

слѣдній, согласно идеѣ буржуазіи, якобы уже вступаетъ въ государство; цѣль государства совсѣмъ иная, а именно: *путемъ* такого соединенія дать индивидамъ возможность достигать *такихъ цѣлей*, такой *ступени бытія*, которыхъ они, какъ отдѣльныя личности, *никогда* не могли бы достигнуть, сдѣлать ихъ способными достигнуть такой суммы *образованія, могущества и свободы*, которая была бы безусловно недоступна для нихъ всѣхъ, какъ отдѣльныхъ лицъ. Цѣль государства, такимъ образомъ, заключается *въ положительномъ раскрытіи и послѣдовательномъ развитіи* человѣческаго существа, иными словами—въ томъ, чтобы дать человѣческому *назначенію*, т.-е. культурѣ, къ которой *способенъ* человѣческій родъ—*дѣйствительное существованіе;* эта цѣль—*воспитаніе и развитіе* человѣческаго рода къ свободѣ».

Въ кругахъ сторонниковъ того практическаго общественнаго направленія, однимъ изъ самыхъ видныхъ выразителей котораго былъ Лассаль, преобладаетъ теперь отрицательное отношеніе къ этому, такъ называемому «культу государства». Ему противопоставляется реалистическое пониманіе государства, какъ организаціи смѣняющихся въ своемъ господствѣ классовыхъ интересовъ. Но это историко-реалистическое пониманіе конкретнаго соціальнаго содержанія государства, государства, какъ историческаго факта, можетъ только по недоразумѣнію противополагаться идеалистическому, или этическому пониманію государства, какъ морально-общественнаго идеала. Въ своемъ высокомъ пониманіи государства Лассаль выразилъ истинную и глубочайшую моральную сущность того общественнаго движенія, съ исторіей котораго онъ навсегда связалъ свое имя. Побѣда коллективнаго человѣческаго сознанія надъ слѣпыми и стихійными силами природы и человѣческой исторіи, сознательное устроеніе всей человѣческой жизни на основѣ свободно признаваемаго и въ то же время общеобязательнаго морально-общественнаго идеала—вотъ къ чему сводятся задачи «государства» въ пониманіи Лассаля.

Неправильно было бы считать этотъ взглядъ требующимъ поглощенія личности Левіаѳаномъ-государствомъ; стремленіе къ сліянію личнаго интереса съ общественно-государственнымъ не должно быть, съ точки зрѣнія Лассаля, исчезновеніемъ личности въ какомъ-то безразличномъ общеніи; оно означаетъ, наоборотъ, освобожденіе личности отъ естественныхъ и историческихъ узъ. Морально-общественный универсализмъ Лассаля *) не посягалъ нисколько на индивидуализмъ. И въ этомъ отношеніи Лассаль оставался вѣрнымъ духу идеалистической философіи. Въ «Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ» Лассаль со ссылкой на Фихте превосходно замѣчаетъ и разъясняетъ, что обычное словоупотребленіе, отождествляющее буржуазный либерализмъ съ индивидуализмомъ, глубоко ошибочно, и что истинный индивидуализмъ рѣ-

*) «Вѣчнымъ основнымъ понятіемъ нравственности является преданность всеобщему»—въ этихъ словахъ Лассаль резюмируетъ этику Гераклита и въ то же время формулируетъ свой собственный этическій универсализмъ.

шительно не мирится съ буржуазными принципами и учрежденіями. Въ этихъ словахъ высказана истина, о которой часто забываютъ люди, безъ всякой мысли играющіе съ понятіями: индивидуализмъ, либерализмъ и т. п.,—истина, которую слѣдуетъ постоянно и настойчиво повторять, потому что противоположное ей заблужденіе получило право давности и характеръ общаго мѣста.

Ошибки Лассаля въ области политической экономіи и соціальной политики (желѣзный законъ заработной платы, преувеличеніе значенія производительныхъ товариществъ, пренебрежительное отношеніе къ профессіональнымъ союзамъ и потребительнымъ коопераціямъ и т. д.) теперь совершенно обезврежены и, такъ сказать, похоронены исторіей. И потому съ особенной яркостью выступаетъ его неумирающая заслуга: тотъ идеалистическій духъ, въ которомъ онъ понималъ соціальную проблему, сліяніе ея воедино съ самыми завѣтными и дерзновенными запросами практической и теоретической философской мысли. Лассаль навсегда останется замѣчательно цѣльнымъ и чарующимъ живымъ воплощеніемъ въ одной могучей индивидуальности самаго трезваго соціальнаго реализма и самаго смѣлаго и проникновеннаго соціальнаго идеализма. У него были почти всѣ сильныя стороны реалиста Маркса, и въ то же время онъ, дѣйствительно, унаслѣдовалъ духъ философскаго идеализма, духъ Канта, Фихте и Гегеля, а не отказался отъ него, какъ Марксъ, въ пользу матеріализма и эволюціонно-историческаго позивитизма.

Бернштейнъ недавно закончилъ свою пріобрѣтшую такую широкую извѣстность книгу призывомъ: «Назадъ къ Ланге!» Мы очень высоко цѣнимъ личность, критическій духъ и историческія заслуги автора «Исторіи матеріализма». Но мы думаемъ, что возвращеніе, или, вѣрнѣе, обращеніе къ нему можетъ дать лишь очень мало для созданія **положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т.-е., въ сущности, на старыхъ идеалистическихъ основахъ**. Въ поискахъ духовнаго маяка, достаточно высокаго и яркаго, взоръ сторонниковъ соціальнаго идеализма долженъ естественно обратиться къ послѣднему дѣйствительно крупному представителю философскаго идеализма, къ Ф. Лассалю. Къ «діалектическимъ» и инымъ убѣжденнымъ «матеріалистамъ» мы обратились бы поэтому съ призывомъ: «Назадъ къ Лассалю!» Это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ: назадъ къ Гегелю и—еще дальше и больше—къ *Фихте.* Но назадъ не къ ихъ діалектикѣ, которую можно ставить и «вверхъ ногами», которая можетъ быть сгибаема и на матеріалистическій, и на идеалистическій ладъ, а къ ихъ строгому и несгибаемому идеалистическому существу. Каково оно—объ этомъ совершенно явственно и достаточно выразительно говорятъ историческія фигуры Фихте и Лассаля.

Петръ Струве.

СОНЕТЫ.

I.

Бываетъ полумракъ задумчиво-лѣнивый:
Усталый лѣтній день давно уже затихъ,
Готовый отдохнуть, какъ путникъ молчаливый;
Но міръ еще не спитъ въ объятіяхъ ночныхъ.
Ни свѣтъ, ни тьма. И вотъ изъ тайниковъ моихъ
Рождаются въ душѣ несмѣлые порывы;
И рѣютъ призраки, и слышатся призывы
Невнятныхъ голосовъ, знакомыхъ и чужихъ.

Онѣ поютъ душѣ о чемъ-то вѣчно-дальномъ,
О чемъ-то дорогомъ, безгрѣшномъ и печальномъ,
И волны смутныхъ думъ плывутъ за ними вслѣдъ.

Увы! Для этихъ думъ и óбразовъ незримыхъ,
Для этихъ полугрезъ, умомъ непостижимыхъ,
У сердца нѣтъ рѣчей, у пѣсни звуковъ нѣтъ.

II.

Я скорби не боюсь, когда она ласкаетъ
Напѣвами любви аккордъ моихъ мечтаній.
Я скорби не боюсь когда она сжигаетъ
Могучею грозой проклятій и рыданій!

Та скорбь меня страшитъ, которая вползаетъ
Трусливою рабой въ тайникъ моихъ страданій,
И въ сумеркахъ души неслышнопр обуждаетъ
Безкровный міръ тѣней и чувства безъ желаній.

Средь нихъ, надѣвъ вѣнецъ, царицей самозванной
Становится она. И сны печали странной
Трепещутъ передъ ней въ усиліи безплодномъ...

Такъ, осенью глухой на кладбищѣ холодномъ,
Какъ души грѣшныя, надъ вѣчнымъ сномъ гробницы
Безпомощно кружатъ испуганныя птицы.

Сергѣй Маковскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Дома, очерки современной деревни», И. С. Соколова. — Различіе между старой и новой деревней.—Ростъ личности.—Причины бѣгства изъ деревни.—Въ чемъ заключается главная нужда деревни.—«Россія и Западъ» Іосифа Голечекъ.—Открытія, сдѣланныя заѣзжимъ чехомъ въ Россіи. — Жизненность русскаго духа и гнилость Запада.—Чѣмъ это проявляется.—Двадцати-пяти-лѣтіе смерти Ал. Толстого.—Сорокалѣтіе литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина.

«Деревня лѣтомъ рай». Для многихъ, кому не приходилось поближе вникать и сталкиваться съ этимъ раемъ, деревня представляется дѣйствительно чѣмъ-то въ родѣ «лона природы», гдѣ благораствореніе воздуха, мирный трудъ пахаря и тихое житіе. Здѣсь жизнь идетъ естественнымъ ходомъ, чуждая городскихъ соблазновъ и треволненій, все дѣлается по-божески, по справедливости, «міръ» и «община» держатъ на своихъ крѣпкихъ устояхъ крестьянство, а народный учитель сѣетъ «разумное, доброе, вѣчное». И такъ крѣпко въѣлась эта идиллія въ наше представленіе о деревнѣ, что то и дѣло приходится слышать сопоставленіе города и деревни, съ вѣчнымъ припѣвомъ: «то-ли дѣло въ деревнѣ!»

Не мѣшаетъ, однако, по временамъ дѣлать экскурсіи въ деревенскій рай. Конечно, если эти экскурсіи дѣлаетъ злопыхательный «марксистъ», то мы за нимъ не послѣдуемъ, зная напередъ, что онъ разсѣетъ многія дорогія сердцу русскаго интеллигента иллюзіи. Гораздо поучительнѣе поэтому такія экскурсіи людей простыхъ и безхитростныхъ сердцемъ, которые идутъ въ деревню безъ заднихъ мыслей, съ добрымъ намѣреніемъ отдохнуть и освѣжиться отъ городской сутолоки.

Таковъ и авторъ деревенскихъ очерковъ «Дома», который послѣ десятилѣтняго отсутствія рѣшилъ отдохнуть въ родной деревнѣ лѣтомъ. Особенность его положенія давала ему полную надежду, что чего-чего, а ужъ отдыхъ онъ здѣсь найдетъ. Особенность эта заключалась въ томъ, что самъ онъ—коренной крестьянинъ и остался «податной единицей», т. е. не приписался ни въ купечество, ни въ мѣщанство, не попалъ въ чиновную іерархію и сохранилъ всѣ «права и обязанности землепашца». Но именно это-то его чуть и не погубило, отравивъ краткое пребываніе «дома» и заставивъ чуть не бѣгствомъ спасаться въ проклятый городъ. Все время его пребыванія дома ему пришлось на каждомъ шагу убѣждаться, что «обязанности» его неисчислимы, а «права» всецѣло отсутствуютъ.

На первыхъ порахъ деревня поразила его своей опущенностью, обветшалостью, какъ человѣкъ который «сиднемъ сидитъ тридцать лѣтъ и три года» и, незамѣтно для себя самого, обростаетъ мохомъ. Снаружи въ деревнѣ какъ будто ничто не перемѣнилось. Также идутъ урочные дни работы, также зеленѣютъ поля и на кладбищѣ прежній миръ и тишина. Но внутри деревни что-то ему почудилось новое и странное. Старое поколѣніе осунулось и опустилось,

молодое захирѣло и затосковало. Какъ лицо интеллигентное, авторъ прежде всего возобновилъ знакомство съ мѣстными представителями «свѣта»—учителемъ и духовенствомъ. На нихъ именно и должно было прежде всего отразиться все то новое, что за десять лѣтъ проникало въ деревню, какъ результатъ всяческихъ вѣяній. Батюшка оказался молодой и изъ дворянскаго класса, что показалось автору «знаменіемъ времени». Исключенный изъ третьяго класса гимназіи, онъ, благодаря сильной протекціи, поступилъ въ предпослѣдній классъ семинаріи и, по окончаніи ея съ грѣхомъ пополамъ, былъ рукоположенъ во діакона, а черезъ годъ получилъ мѣсто священника въ родномъ автору приходѣ. Здѣсь онъ женился на дочери богатаго священника, живо спустилъ женино приданое и сдалъ все хозяйство на попадью, а самъ больше занимался пріятнымъ отдохновеніемъ. Во всякомъ случаѣ, по замѣчанію автора, героя изъ него не вышло, а скорѣе былъ онъ «просто деревенскій недоросль, неудачникъ, которому некуда было дѣваться». Автора удивляло отрицательное отношеніе мужиковъ къ новому батюшкѣ, хотя, къ сожалѣнію, авторъ и не объясняетъ причинъ. Онъ замѣчаетъ только, что священникъ былъ недостаточно «солиденъ». «Не настоящій попъ, видно по всему», разсуждали старики.

Новый батюшка оказался однако на высотѣ современныхъ требованій и первымъ долгомъ завелъ церковно-приходскую школу, которая къ пріѣзду автора уже дала солидные результаты, въ видѣ изгнанія свѣтскихъ книгъ изъ школы и замѣны ихъ Псалтыремъ. «Отъ дѣтей,—говоритъ авторъ,—я узналъ, что обученіе пѣнію молитвъ въ нашей школѣ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, затѣмъ уже слѣдуетъ чтеніе церковныхъ книгъ и письмо по церковному. Я попросилъ одного изъ мальчиковъ принести мнѣ свою школьную тетрадку. Тотъ принесъ. Я подивился превосходной копировкѣ изъ Псалтыря: нѣкоторыя буквы исполнены съ такимъ мастерствомъ, что имъ позавидовали бы древніе переписчики, работавшіе отъ руки до введенія книгопечатанія. Очевидно, что на это письмо потрачено не мало кропотливаго труда и терпѣнія. Обучаетъ такому искусству крестьянскихъ дѣтишекъ молодой дьяконъ при участіи о. Морошкина... На мой вопросъ о цѣли такого письма-печатанія, онъ отвѣтилъ, что это, во-первыхъ, отлично выправляетъ почеркъ, да и программа предписываетъ упражненіе въ церковныхъ письменахъ. Во-вторыхъ...

«— Какое же примѣненіе подобныхъ письменъ?—перебилъ я батюшку.

«— Ахъ, если бы вы видѣли, какъ дѣти поминальники пишутъ! Чудо! Родителямъ это очень нравится.

«Тетрадокъ съ упражненіемъ въ русскомъ языкѣ мнѣ посмотрѣть не довелось. Ихъ совсѣмъ не оказалось въ школьномъ архивѣ, но батюшка увѣрялъ, что и по-русски дѣти пишутъ превосходно».

Новый типъ школы идетъ рука объ руку съ исчезновеніемъ стараго типа земскаго учителя. На судьбѣ учителя авторъ останавливается подробнѣе, видимо, хорошо зная всю подноготную жизнь этого истиннаго страстотерпца. «Охъ, Николай Ивановичъ!—говоритъ ему старый его учитель еще по деревенской школѣ.—Болитъ душа моя... Не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ бываетъ. Тяжело видѣть, какъ дѣло рукъ твоихъ, дѣло двадцати лѣтъ, коверкается, разрушается, плоды нашей дѣятельности гибнутъ. Снова, братъ, Псалтырь идетъ, вытѣсняя простую, дѣльную русскую книжку. Есть надъ чѣмъ призадуматься. «Скучно, господа, что-то», помнишь, сказалъ Николай Герасимовичъ Помяловскій. Именно, «скучно, господа, что-то». Руки опускаются. Пошли новые учителя. Какіе-то штампованные. Только и знаютъ, что горло драть да пилить на скрипкѣ, а ребятишки ничего не знаютъ... Нынѣ, братъ, искусство поощряется».

«Штампованный» учитель началъ энергично вытѣснять прежняго, которому приходится удирать изъ деревни куда глаза глядятъ. Это бѣгство учителя изъ

деревни приняло бы массовой характеръ, если бы не семейное положеніе многихъ, которымъ некуда пристроиться съ семьей. За тридцать лѣтъ земской школы образовались десятки тысячъ учителей и ихъ дѣтей, въ полномъ смыслѣ слова ничѣмъ не обезпеченныхъ и составляющихъ своеобразный деревенскій пролетаріатъ, которому «идти некуда». «Учительскія дѣти (а ихъ десятки тысячъ)—самый жалкій, несчастный людъ. Нищенскій размѣръ учительскаго содержанія не позволяетъ учителю дать своимъ дѣтямъ хоть какое-нибудь образованіе; послѣднее заканчивается въ той же начальной школѣ, гдѣ преподаетъ ихъ отецъ. Ставъ подростками, дѣти учителей вынуждены шляться безъ дѣла въ деревнѣ и обременять шею отца». Никакихъ ремеслъ въ деревнѣ нѣтъ, въ городъ ѣхать нѣтъ средствъ, да и куда тамъ пристроиться? Такъ и ходятъ безъ дѣла эти подростки, занимаясь случайными работами. Еще хуже положеніе дочерей учителя, которыя не годятся для крестьянской жизни, а къ чему-либо получше нѣтъ дорогъ. И сидятъ онѣ годами безъ дѣла, въ безплодныхъ мечтахъ о замужествѣ, потому что имъ «идти некуда». «Вотъ онъ,—думалось мнѣ,—страшный современный вопросъ—куда идти? «Милостивый государь, понимаете ли вы, что значитъ, когда человѣку идти некуда?» Этотъ страшный вопросъ Мармеладова еще страшнѣе, когда онъ встаетъ предъ человѣкомъ деревни. Когда горожанину идти некуда, ему еще грезится деревня съ ея пресловутыми прелестями. Но куда же идти человѣку деревни? Въ городъ, откуда бѣжитъ безъ оглядки все живое, отзывчивое на чужое горе? Именно, передъ такой стѣной, или, вѣрнѣе, пропастью, первый стоитъ въ деревнѣ народный учитель пожилыхъ лѣтъ, учительница. Стоятъ эти злополучные педагоги на краю пропасти и думаютъ свою тяжкую думу. Куда идти?.. Оба они по слабости здоровья удалены отъ дѣлъ и оба остались безъ средствъ къ жизни; у учителя, кромѣ того, семья на шеѣ... Правда, жизнь все какъ-то устраиваетъ, примиряетъ непримиримое, изыскиваетъ средства. Всѣ концѣ концовъ находятъ свое. Въ правѣ ли мы упрекать народнаго учителя, что онъ идетъ въ сидѣльцы, нерѣдко еще не совсѣмъ выбившись изъ силъ?»

Вопросъ о народномъ учителѣ не новый, но никакого рѣшенія для него деревня не выработала и не выработаетъ, пока все въ ней идетъ какъ идетъ. «Образуется»—вотъ единственное пока рѣшеніе этого вопроса.

Между тѣмъ, деревня все продолжаетъ предъявлять спросъ на учителя. Берне говоритъ въ своихъ афоризмахъ, что помѣшать учиться можно, но нельзя заставить разучиться. Старая земская школа въ тридцать лѣтъ все-таки расплодила сравнительно большую грамотность, которая съ успѣхомъ борется теперь съ новой «штампованной» школой. Образовалось молодое грамотное поколѣніе, жаждущее кое-чего побольше Псалтыри и умѣнья писать «по печатному славянскому тексту». «Молодежь произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе. Въ первый разъ мнѣ довелось познакомиться съ взрослыми питомцами народной школы... Всѣ оказались очень начитаны... Въ складчину выписываютъ газету «Свѣтъ», но не довольны. «Мало хорошаго пишутъ», замѣтили. Просили указать имъ болѣе подходящую газету, но я, къ сожалѣнію, не могъ удовлетворить ихъ просьбы. Въ самомъ дѣлѣ, какую изъ существующихъ общедоступныхъ газетъ можно съ спокойною совѣстью посовѣтовать деревенской читающей молодежи? Молодежь эта въ газетѣ ищетъ знаній. общеполезныхъ житейскихъ свѣдѣній, а гдѣ такая газета?» Нѣтъ такой газеты. дѣйствительно, и деревенскій читатель пробавляется суррогатами духовной пищи, какъ привыкъ пробавляться суррогатами хлѣба, за неимѣніемъ настоящаго въ дни голодовокъ.

Молодое поколѣніе обнаруживаетъ еще одну особенность, тоже новинку для деревенской жизни. Авторъ отмѣчаетъ ее, какъ трагическую черту для деревенской личности. Молодежь почувствовала себя человѣкомъ и не мирится съ

униженіемъ человѣческаго достоинства. Отсюда постоянныя столкновенія съ условіями деревенской жизни, то и дѣло оскорбляющими личность деревенскаго обывателя, которая ничѣмъ не защищена и на каждомъ шагу можетъ быть унижена и подавлена. Съ этими условіями автору пришлось и самому столкнуться на первыхъ же порахъ изъ-за невинной затѣи. Вздумалось ему у своего дома поставить въ саду шестъ съ флагомъ, который онъ подымалъ и опускалъ по праздникамъ, къ великой утѣхѣ деревенской дѣтворы. Но флагъ сильно обезпокоилъ представителя власти—старосту, который потребовалъ его уничтоженія, потому что «неровенъ часъ, земскому не полюбится, а я долженъ отвѣчать». Не сдаваясь на такіе аргументы, авторъ попытался идти выше—къ волостному старшинѣ, но тутъ наткнулся на такой пріемъ, что сразу почувствовалъ всю свою безпомощность и безсиліе. Волостной старшина просто-напросто за неповиновеніе «законнымъ требованіямъ пригрозилъ ему «поркой». «Грубость и самонадѣянность старшины въ обращеніи съ человѣкомъ, котораго онъ видитъ впервые, ясно говорили, что въ нашей волости завелась дѣйствительно строгая и крѣпкая власть, центральная, на которую опирались всѣ остальныя власти... Не удовлетворивъ требованія старосты насчетъ флага и вызвавъ гнѣвъ старшины, я, очевидно, тѣмъ самымъ обезпокоилъ и самого земскаго и вообще попалъ въ самые неудобные «промежутки», какъ выражаются наши мужики, когда хотятъ сказать, что человѣкъ попалъ въ невозможное положеніе».

Здѣсь мы переходимъ къ тому конфликту, который грозитъ деревенскому обывателю на каждомъ шагу. Могутъ спросить, говоритъ авторъ, почему и староста, и старшина могли такъ безцеремонно грозить ему всякими жупелами. Дѣло въ томъ, что авторъ имѣлъ неосторожность остаться крестьяниномъ, и, какъ таковой, подлежалъ всѣмъ воздѣйствіямъ, какія деревня можетъ пустить въ ходъ противъ своего непочтительнаго сына. «Какъ мѣстный крестьянинъ, хотя и фиктивный, такъ какъ съ дѣтства мало имѣлъ общаго съ деревней, авторъ, однако, имѣлъ за собой всѣ обязанности, вытекающія изъ его правъ члена общества, но уже не фиктивныя, а дѣйствительныя. *Фактически* утратившій всѣ права въ деревнѣ, *юридически* онъ принадлежалъ этой деревнѣ и, слѣдовательно всѣ свои дѣйствія повиненъ былъ подчинять усмотрѣнію *міра*. Подыскать причины для наложенія самаго суроваго взысканія, включительно до наказанія розгами, для старшины нѣтъ ничего легче. Они перечислены даже въ законѣ: ослушаніе, непокорство, озорство, сопротивленіе, неуваженіе къ старшимъ, угрозы и проч. Все это проступки, вполнѣ достаточные для старшины, чтобы самаго почтеннаго и благонамѣреннаго обывателя уравнять въ правахъ съ послѣднимъ пропойцей, т.-е. выстегать розгами. Невѣжественный самодуръ, охотно холопствуя предъ всякой чиновной или привилегированной ничтожностью, не терпитъ превосходства себѣ подобнаго. Онъ не остановится ни предъ чѣмъ, чтобы сломить непокорную голову. Осрамить «выскочку»—для него потѣха. Таково правовое положеніе интеллигентнаго человѣка въ деревнѣ, если онъ лицо не привилегированное, не чиновное и вдобавокъ не денежный тузъ, предъ которымъ пасуетъ все... За нимъ, потерявшимъ всѣ права на деревню, остаются однѣ обязанности, за которыя онъ и долженъ расплачиваться, без различно, живетъ ли онъ въ деревнѣ, или во всѣхъ прочихъ городахъ имперіи».

Трудно намъ—не деревенскимъ обывателямъ, не подчиненнымъ міру,—даже представить себѣ, сколько горечи, сколько безсильной обиды заключается въ этихъ словахъ автора. И какое огромное количество русскихъ «гражданъ» находится въ такомъ же положеніи людей, фактически порвавшихъ всѣ связи съ деревней, но юридически прикованныхъ къ ней, которымъ приходится постоянно трепетать, испытывая «страхъ за свою независимость, за свою свободу, за свое непорочное имя, наконецъ, за свою личность», какъ автору. И

еще больше такихъ, что живутъ въ деревнѣ подъ угрозой постояннаго воздѣйствія. Раньше, старое поколѣніе, знакомое еще съ практикой крѣпостного права, не такъ сознавало всю тягость этого положенія. Но молодость, выросшая въ лучшихъ условіяхъ, прошедшая земскую школу, побывавшая въ солдатахъ и вынесшая изъ города иные взгляды и иное отношеніе къ человѣческой личности, уже не мирится съ этимъ постояннымъ страхомъ.

Далѣе авторъ описываетъ столкновеніе этой славной молодежи, читающей «Свѣтъ» и желающей лучшей газеты, съ мѣстнымъ начальственнымъ распоряженіемъ. Наступилъ одинъ изъ осеннихъ праздниковъ, особенно чтимый и веселый, когда деревня переходитъ на новый хлѣбъ. Молодежь пѣла и играла на гармоникахъ, какъ вдругъ безъ предупрежденія послѣдовалъ приказъ не играть на гармоникахъ и не пѣть. У сопротивлявшихся гармоники отбирались и тутъ же предавались уничтоженію. Затѣмъ послѣдовало, конечно, столкновеніе оскорбленной и обиженной молодежи съ урядникомъ и сотскими, приводившими въ исполненіе мудрое начальственное распоряженіе. Въ результатѣ—судъ и приговоръ къ розгамъ самыхъ видныхъ и лучшихъ изъ молодежи. Но прежде чѣмъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, старшину, подведшаго подъ розги этихъ «супротивниковъ», нашли убитымъ въ полѣ. Началось новое дѣло... Деревня пустила въ ходъ «свои средствія», но авторъ не сталъ дожидаться окончанія дѣла и поспѣшилъ убраться поскорѣе изъ родныхъ палестинъ.

На прощаніе ему пришлось слышать печальныя размышленія «отцовъ», сравнивавшихъ старое и новое время. «Старики охали и покачивали головами. Въ старину, при господахъ было лучше: люди зла не помнили; побьютъ тебя и только, никакихъ правовъ не отнимали черезъ это, въ книгу по гробъ жисти не записывали, да и страму тогда никакого не было: всѣхъ били, всѣхъ стегали, никто въ обидѣ не оставался; всѣ равны были передъ бариномъ. Теперь, поди, и боли той нѣтъ, а страму не оберешься». Сожалѣніе о старинѣ, когда всѣ были равны... Какая иронія судьбы! Стыдиться некого было... Откуда же теперь взялся у мужика стыдъ? Вѣдь, стыдъ обусловливается присутствіемъ въ человѣкѣ чувства собственнаго достоинства, сознаніемъ чести, которыя, въ свою очередь, обусловливаются извѣстнымъ уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія разумнаго существа, проснувшейся совѣстью»... И это чувство собственнаго достоинства гонитъ нынѣ крестьянина изъ деревни, гонитъ не хуже нужды. «Тѣснятъ больно нынче и народъ не берегутъ,—говоритъ автору отецъ, отпустившій сына въ городъ на заработки.—Тѣснятъ, говорю, больно, безъ дѣла, безъ толку изводятъ народъ, особливо молодыхъ ребятъ. Вотъ хоша бы опять это стеганье пошло: чуть что, пакость какая, глупость—и дѣло-то плевое самое, а страмятъ въ волости, правовъ лишаютъ»... Деревня противъ этого «страма» выработала свой «суррогатъ»: «это—общее сочувствіе къ наказаннымъ... Самая казнь, казалось, утрачивала свою позорность. Наказаніе вызываетъ стыдъ, позоръ лишь въ томъ случаѣ, если ему сочувствуетъ среда; въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было... Непріязненное отношеніе міра къ представителямъ суда и явное сочувствіе къ осужденнымъ, превращающее позоръ въ мученичество, есть лучшій показатель устарѣлости, несоотвѣтствія закона съ жизнью. Несчастныя жертвы ложатся съ полною увѣренностью, что міръ ихъ не обидитъ, не станетъ попрекать ихъ позоромъ, все проститъ. Этотъ сознательный протестъ деревенской среды противъ тѣлеснаго наказанія не есть ли лучшее украшеніе современной деревни, требующей за свои грѣхи и провинности суда, а не издѣвательства надъ человѣкомъ»...

Сознательно или безсознательно, но бѣгутъ изъ деревни, кто въ силахъ уйти, бѣгутъ туда, гдѣ и экономически, и морально личность поставлена въ

лучшія условія. Въ городѣ, на фабрикахъ, въ прислугахъ такой бѣгунъ иногда попадаетъ въ невыносимыя на нашъ взглядъ условія, но все же безконечно лучшія, чѣмъ въ современной деревнѣ, экономически слабой, неустойчивой и расшатанной до корня, безправной и темной. Кто разъ вырвался оттуда, уже не возвращается туда добровольно, а если его и притянетъ назадъ юридическая зависимость, такъ ненадолго. Разъ проснувшееся сознаніе своей личности уже не можетъ примириться съ условіями современной деревни, и въ этомъ залогъ будущаго возрожденія послѣдней.

Есть, однако, люди, которые въ этомъ тягостномъ положеніи, въ какомъ находится 80% русскаго народа, усматриваютъ огромное преимущество Россіи передъ Западомъ. Когда такое утвержденіе приходится слышать отъ родныхъ мракобѣсовъ, это понятно и для насъ дѣло привычное. Но когда человѣкъ западной культуры, пользующійся всѣми ея гражданскими и человѣческими благами, говоритъ намъ, что отсутствіе гражданственности, мракъ и нищета даютъ намъ огромное преимущество передъ западной Европой,—это невольно вызываетъ удивленіе вначалѣ, а затѣмъ желаніе напомнить ему притчу о рабѣ лукавомъ, зарывшемъ въ землю ввѣренные ему таланты. Въ образѣ такого раба лукаваго выступаетъ нѣкто панъ Голечекъ, чешскій писатель и редакторъ пражской газеты «Narodni Listy». Съ «братушками» всякаго вида русское общество давно знакомо. Вспомнимъ только пресловутыхъ педагоговъ-классиковъ, которые явились насаждать классицизмъ. Даже въ мірѣ педагогическомъ они завоевали себѣ славу грубѣйшихъ невѣждъ во всемъ, что не касалось грамматики. Да и самая грамматика въ ихъ изложеніи пріобрѣла характеръ «чешскаго съ нижегородскимъ». Лишь съ тѣхъ поръ, какъ эта голодная и одичалая орда по-немногу схлынула, классицизмъ сталъ терять многія изъ дурныхъ сторонъ, по существу отнюдь ему не присущихъ, но привитыхъ этимъ сбродомъ изгоевъ съ береговъ Савы, Моравы и свѣтлаго Дуная.

Кто такой г. Голечекъ, трудно сказать. Судя по образчикамъ его разсужденій, приводимыхъ ниже, онъ недалеко ушелъ отъ этой классической банды. То же невѣжество во всемъ, что составляетъ сущность русской жизни, тотъ же апломбъ жреца, которому открыты всѣ тайны божества, то же самомнѣніе въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ общественности и быстрота въ обобщеніи ничтожныхъ фактовъ. Какъ во время оно, такой педагогъ изъ братьевъ-славянъ на своемъ адскомъ жаргонѣ рѣшалъ судьбы дѣтей: «не внимаетъ и не прилежаетъ», такъ и Голечекъ категорически расправляется съ наукой, управленіемъ, грамотностью, съ судомъ и прочими качествами, составляющими западную культуру.

Прежде всего его прельстили наши желѣзнодорожные вагоны, которые, дѣйствительно, лучше устроены, чѣмъ на Западѣ. Дѣло въ томъ, что наша колея шире западной, а вагоны разсчитаны на наши дальнія разстоянія, почему и удобства ихъ вполнѣ необходимы и понятны. На Западѣ рѣдко приходится ѣхать сутками, все движеніе сосредоточено на небольшихъ разстояніяхъ и иное дѣло у насъ, гдѣ ѣдешь по нѣскольку сутокъ безъ остановки. Но острый наблюдатель не отмѣтилъ одной особенности—быстроты западнаго движенія, его аккуратности и безопасности. Чешская наблюдательность г. Голечека обнаружила на первомъ же шагу свою близорукость и односторонность.

Далѣе его быстрота въ обобщеніяхъ становится еще поразительнѣе. Увидѣлъ онъ на одной изъ станцій вѣжливаго лакея въ ливреѣ, и припомнился ему западно-европейскій кельнеръ, который съ бо́льшимъ достоинствомъ умѣетъ вести себя и подходитъ къ вамъ, какъ равный къ равному. Прежде это качество европейскаго кельнера ему нравилось вообще, но его пріятель, хорошо знающій яко-бы русскую жизнь, разъяснилъ, что этотъ сознающій свои права

кельнеръ ничто въ сравненіи съ русскимъ подобострастнымъ лакеемъ. И дальше идетъ слѣдующее глубокомысленное обобщеніе.

«Что же касается лакеевъ, которые служатъ обществу, — говорилъ панъ Кленовецъ (мнимый пріятель и знатокъ Россіи),—то вашъ взглядъ на это совершенно несправедливъ. Русскій на своемъ языкѣ не имѣетъ и слова для понятія lidstwo и пользуется чужимъ словомъ—публика. Точно также онъ не имѣетъ слова и для чешскаго понятія lid (людъ, люди). Собраніе людей здѣсь называется народомъ. А понятіе народа для русскаго свято. Всемогущій царь при коронованіи съ высоты своего трона кланяется народу—въ знакъ того, что онъ также считаетъ себя слугою народа, какъ и рабомъ божіимъ. Такое уваженіе народу оказываетъ не только одинъ царь, но и каждый человѣкъ изъ народа сверху до низу. Въ этомъ, между прочимъ, есть, конечно, доза уваженія и къ себѣ самому; именно поэтому каждый русскій держитъ себя съ такимъ достоинствомъ, такъ охотно воздаетъ почетъ народу и служитъ ему. Народъ, понимаемый такъ возвышенно и идеально, въ Россіи является святынею, какъ для русскаго властителя, такъ и для каждаго русскаго человѣка. Если мы обратимъ свое вниманіе на частности, то мы должны будемъ сказать, что въ практической части жизни здѣсь равенства нѣтъ, скорѣе же существуетъ безконечное множество различій и привилегій; но Россія, не опускаясь до безплодной задачи провести теоретическое равенство среди безчисленнаго множества различій въ положеніи, стремленіяхъ и призваніи отдѣльныхъ людей, то теоретическое равенство, которое стало девизомъ западныхъ народовъ,—въ понятіи народа объединяетъ, сближаетъ и связываетъ всякую рознь всѣхъ его отдѣльныхъ личностей и не знаетъ между ними никакого различія. Поэтому-то вашъ казатинскій лакей такъ одинаково подходилъ къ каждому изъ пассажировъ, какъ къ тому, кто потратитъ нѣсколько десятковъ рублей и дастъ ему на чай нѣсколько серебряныхъ монетъ, такъ и къ бѣдняку, который даромъ набираетъ себѣ изъ общаго самовара воды въ свой чайникъ. Вотъ это и есть русское равенство. И я бы сказалъ, что оно выше, дѣйствительнѣе и справедливѣе того равенства, котораго домогаются западные народы, котораго на самомъ дѣлѣ не будетъ и которое поведетъ только къ еще большему ослабленію народа и общества вообще, ибо это простой фантомъ».

Мы привели эту длинную выдержку, какъ образчикъ разсужденій и обобщеній русскаго патріота изъ Богеміи. Его логика давно намъ знакома. Это та же логика, по которой наивысшая свобода достижима только въ тюрьмѣ, гдѣ заключено тѣло, но духъ, свободный отъ всякихъ внѣшнихъ воздѣйствій, можетъ парить на недостижимыхъ высотахъ. Фантомъ европейское равенство, выражающееся въ одинаковыхъ законахъ для всѣхъ, въ отсутствіи привилегій, въ равныхъ правахъ для князя и мужика, и, напротивъ, идеальное представленіе русскихъ о народѣ, разбивающееся на каждомъ шагу о массу «частностей» и видовъ всякихъ привилегій и неравноправностей, — это и есть истинное, дѣйствительное равенство. Голечекъ немного запоздалъ и для Богеміи, и для насъ. Его проповѣдь въ Богеміи едва ли привлечетъ сердца людей къ тому порядку, гдѣ идеалы на каждомъ шагу спотыкаются о весьма низменную дѣйствительность, а мы просто напомнили бы ему, что и въ Россіи далеко не всѣ лакеи такъ возвышенно выполняютъ свои обязанности, какъ восхитительный его казатинскій лакей, и отлично разбираютъ, кто даетъ на чай нѣсколько монетъ, а кто отдѣлывается однимъ «спасибо».

Но все это цвѣточки въ сравненіи съ дальнѣйшими открытіями автора. Оказывается, что если есть гдѣ судъ, то лишь въ Россіи, и жандармы, по крайней мѣрѣ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, настоящіе проповѣдники свободы и невмѣшательства въ личную жизнь, и просвѣщеніе только и существуетъ въ Россіи,—словомъ, торжественно заключаетъ авторъ, «нужно ли мнѣ теперь,

послѣ того, что я сказалъ, доказывать, что свобода не на Западѣ, а въ Россіи?» Ибо «то, что на Западѣ называется «политической свободой», тотчасъ же расплывается ни во что, какъ только вы дотронетесь рукою до этого призрака». Въ чемъ же заключается этотъ «призракъ»? Авторъ видитъ его въ отвѣтственности общества передъ собой. Дѣло въ томъ, что на Западѣ общество само создаетъ законы, само заботится о ихъ выполненіи и создало рядъ гарантій для этихъ законовъ. Но все это «призракъ», такъ какъ авторъ цѣликомъ не довѣряетъ обществу. Оно отжило, состарилось и потеряло способность къ дѣятельной творческой работѣ. И произошло это удивительно быстро. Возьмемъ, напр., Австрію и въ частности Богемію. Какихъ-нибудь 50 лѣтъ отдѣляютъ современную Чехію отъ того времени, когда режимъ Меттерниха снималъ съ чешскаго народа всякую отвѣтственность за дѣла управленія, когда каждый шагъ чеху былъ предписанъ и описанъ свыше, когда мысли и дѣла его были заранѣе взвѣшаны и смѣрены,—словомъ, отеческій режимъ былъ въ полномъ цвѣту. Прошло всего 50 лѣтъ, и панъ Голечекъ провидитъ нынѣ гибель своей родины.

Бѣдная Богемія, бѣдные чехи, утратившіе всѣ тѣ блага, о которыхъ скорбитъ панъ Голечекъ! Какъ могли они забыть тѣ блаженныя времена, когда въ Прагѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сидѣлъ Виндишгрецъ? То было идеальное время, когда чехи еще не знали «призрака», за то обладали вполнѣ реальнымъ благомъ въ видѣ массы тюремъ, гдѣ томились ихъ тогдашніе патріоты и куда навѣрное попалъ бы и самъ Голечекъ за свои яркія симпатіи къ Россіи. Теперь онъ можетъ свободно ихъ высказывать, рискуя развѣ вызвать недоумѣніе читателей «Народныхъ Листовъ». Кажется, эти читатели все еще недостаточно научились цѣнить истинную мудрость, если продолжаютъ добиваться расширенія «призрака» и дерутся на кулачки съ нѣмцами, когда тѣ пробуютъ вернуть хоть тѣнь Виндишгреца. У насъ какъ-то была помѣщена статейка о «чешской матицѣ», возникшей послѣ того, какъ Виндишгрецъ и его реальная свобода были изгнаны. Изъ этой интересной статьи мы узнали между прочимъ, что нынѣ, благодаря «призраку», чехи сами управляютъ и направляютъ народное просвѣщеніе, сами завѣдуютъ школами, сами учатся и учатъ, — какое заблужденіе! Они увлеклись призрачной отвѣтственностью передъ собой, и вотъ куда она ихъ завела: теперь въ Богеміи нѣтъ неграмотныхъ, нѣтъ тюремъ для патріотовъ, нѣтъ цензуры, нѣтъ стѣсненія вѣроисповѣданій, и гусситъ братски засѣдаетъ на одной скамьѣ съ католикомъ въ думѣ, въ собраніяхъ, въ парламентѣ.

Представляемъ себѣ радость и торжество пана Голечека, если-бы «призракъ», подъ мощнымъ прикосновеніемъ его десницы, внезапно разсѣялся и слово стало дѣломъ: въ моментъ, когда онъ пишетъ свою книгу, разверзаются двери его кабинета и жандармы Виндишгреца хватаютъ счастливаго пана и влекутъ въ темницу, гдѣ онъ могъ бы вполнѣ насладиться свободой. Ибо, утверждаетъ онъ, «люди больше всего свободы имѣли тогда, когда не было никакой свободы».

Чувствуя, должно быть, что хватилъ черезъ край, панъ Голечекъ спѣшитъ пояснить: «когда не было никакого ограниченія свободы. Въ то время о ней менѣе всего и говорили. Чѣмъ больше въ какой нибудь странѣ говорятъ о свободѣ, тѣмъ меньше ея имѣютъ». Если вѣрить пану Голечеку, то идеальной страной свободы является Китай, гдѣ даже нѣтъ слова для выраженія понятія «свобода», и китаецъ долженъ прибѣгать къ иносказанію: «Я—вѣтеръ, ты—вѣтеръ», чтобы сказать, что онъ можетъ уйти свободно. Приближается къ этому идеалу еще Турція, гдѣ слово свобода воспрещено къ употребленію и турки ничего не говорятъ о свободѣ. Отчасти и Россія была близка къ идеалу свободы лѣтъ 60—70 тому назадъ, когда даже въ поваренныхъ книгахъ не дозволялось говорить о «вольномъ духѣ» и повара замѣняли его «легкимъ духомъ».

Увы! Съ тѣхъ поръ мы многому научились и многое позабыли, и нельзя не поблагодарить пана Голечка, когда онъ намъ напоминаетъ, что «необходимою принадлежностью свободы является одно условіе: вольный просторъ». «Я вмѣстѣ съ русскими утверждаю, — говоритъ онъ, — что свобода живетъ въ широкихъ равнинахъ и далекихъ степяхъ. свободныхъ какъ море... Повторяю, нѣтъ свободы безъ вольнаго простора... Тотъ вольный просторъ, который есть около каждаго русскаго, стоитъ гораздо выше всякой политической свободы скученныхъ массъ». Умныя рѣчи пріятно слышать, и если авторъ смѣшиваетъ «вольный духъ» съ «политической свободой», то это легко объясняется его иностраннымъ происхожденіемъ. Благодаря приведенному выше уроку тридцатыхъ годовъ, научившему даже поваровъ не смѣшивать этихъ двухъ понятій, русскіе читатели пана Голечка отлично понимаютъ эту его ошибку.

Одно только можетъ ихъ смутить, зачѣмъ онъ такъ категорически говоритъ отъ ихъ имени? «Вмѣстѣ съ русскими я утверждаю»—кто далъ ему право говорить отъ имени всей Россіи? Гдѣ онъ слышалъ всѣ свои утвержденія, столь смѣло провозглашаемыя, какъ голосъ русскихъ? Смѣлость такихъ заявленій можемъ объяснить только тѣмъ, что въ условіяхъ своего «вольнаго простора» эти русскіе лишены возможности говорить съ паномъ Голечекомъ какъ подобаетъ. Тогда онъ услышалъ бы, что эти русскіе имѣютъ на этотъ счетъ свое особое мнѣніе. Славянофильская философія имъ давно уже прожужжала уши и они умѣютъ цѣнить ее по достоинству. О «гниломъ Западѣ» мы слыхали и не такіе голоса, какъ заѣзжаго пана Голечека, и они никого не убѣдили, а благодарная родина отвела этимъ проповѣдникамъ вполнѣ опредѣленное мѣсто.

Тѣ особенности русской жизни, которыя такъ восхищаютъ нашего чеха, нашли давно превосходную оцѣнку у насъ. Въ сентябрѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ со смерти Алексѣя Толстого, лучшія произведенія котораго даютъ именно такую оцѣнку. Въ превосходной поэмѣ «Змѣй Тугаринъ» онъ съ рѣдкой силой опредѣляетъ эти особенности, сопоставляя двѣ эпохи русской исторіи—кіевскую и московскую. Первый періодъ, когда Русь стояла на одномъ уровнѣ съ Западомъ, рисуется поэтомъ въ самыхъ свѣтлыхъ краскахъ. Змѣй Тугаринъ пророчитъ Владиміру, что не всегда такъ будетъ, что

«Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя!..
...Смѣшна моя вѣсть
И вашему уху обидна?
Кто могъ бы изъ васъ оскорбленіе снесть!
Безцѣнное русскимъ сокровище честь,
Ихъ клятва: Да будетъ мнѣ стыдно.
На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле—
Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче—Каганская воля!..
...И время придетъ:
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова поднимется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ,
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.
И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожьемъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ—
Ой, срама, ой горькаго срама!..

Обычай вы нашъ перейметe,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!..»

Поэтъ въ предисловіи къ «Князю Серебряному» говоритъ, что «при чтеніи источниковъ изъ эпохи Іоанна Грознаго, книга не разъ выпадала у него изъ рукъ не столько отъ мысли, что могъ существовать Іоаннъ IV, сколько отъ того, что могло существовать общество, которе смотрѣло на него безъ негодованія». И какъ бы въ отвѣтъ запоздалымъ хвалителямъ татарщины, онъ устами любимаго своего героя Ильи Муромца отвѣчаетъ Тугарину:

«Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь!
Татарской намъ Руси не надо!
За честь нашей родины я не боюсь—
Ой ладо. ой ладушки—ладо!
А если бъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!..
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней свиньи лишь могутъ».

Думаемъ, что энергичнѣе отповѣди не придумать въ отвѣтъ на проповѣдь современныхъ Тугариновъ.

Ненависть къ татарщинѣ и всему, чѣмъ мы обязаны этой печальной эпохѣ, составляетъ едва ли не самую глубокую ноту въ поэзіи Алексѣя Толстого. Превосходный лирикъ, владѣвшій удивительной формой, равно звучной и нѣжной, Толстой, какъ эпикъ, драматургъ и романистъ, еще выше. Хотя онъ и считаетъ себя служителемъ чистаго искусства, но скорѣе по недоразумѣнію. По крайней мѣрѣ, въ своихъ эпическихъ произведеніяхъ онъ вездѣ выступаетъ съ вполнѣ опредѣленной тенденціей. Отношеніе его къ современнымъ теченіямъ было, какъ извѣстно, во многомъ отрицательное, что и сближало его съ партіей ретроградовъ. Такія его поэмы, какъ «Потокъ-богатырь» или «Порой веселой мая» рѣзко противорѣчатъ своей тенденціозностью—служенію чистому искусству. Тѣмъ не менѣе, онъ отнюдь не былъ въ станѣ реакціонеровъ.

«Двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный,
За правду я былъ радъ поднять мой добрый мечъ.
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь:
Союза полнаго не будетъ между нами—
Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь».

Это заявленіе очень вѣрно выражаетъ то положеніе, какое поэтъ занималъ между борющимися теченіями, сходясь то съ однимъ, то съ другимъ. Въ немъ, несомнѣнно, было чрезвычайно тонкое пониманіе красоты и правды, что мѣшало ему отдаться тому или иному направленію. Онъ не могъ мириться съ грубымъ отрицаніемъ искусства и возмущенно взывалъ къ Пантелею-цѣлителю. Но въ то же время не менѣе возмущало его и рабское преклоненіе предъ грубой силой, восхищеніе предъ тѣми темными силами старины, которыя ставились на пьедесталъ, какъ идеалъ для современности. Его превосходная трилогія съ избыткомъ окупаетъ эти тенденціозныя вылазки, которыя онъ дѣлалъ противъ современныхъ теченій, и, конечно, въ исторіи русской литературы именно она останется вѣчнымъ памятникомъ. Правда, и здѣсь можно отмѣтить противорѣчія. Негодуя противъ общества, терпѣвшаго Іоанна IV, онъ воспѣлъ и Василія Шибанова, въ лицѣ котораго какъ разъ изображено именно то же общество, въ мукахъ славившее своего господина. Но это противорѣчіе тонетъ въ массѣ тѣхъ негодующихъ образовъ, въ которыхъ онъ изобразилъ ужасное время московской старины, когда сумасшедшій маньякъ «на трупы наступалъ

узорнымъ сапогомъ, и въ очи мертвыя глядѣлъ—и въ дрожи зыбкой державныя уста змѣилися улыбкой».

Противорѣчій вообще было много во взглядахъ Толстого. Но ихъ легко понять теперь. Такъ, противорѣчіемъ съ провозглашенной имъ свободой мысли были и его сердитые возгласы къ Пантелею-цѣлителю, котораго онъ приглашалъ не жалѣть «палки суковитыя» для противниковъ своихъ эстетическихъ взглядовъ. Онъ не видѣлъ, что эти гонители эстетики были въ сущности гораздо ближе ему, чѣмъ его союзники, которые ту же эстетику стремились сдѣлать орудіемъ борьбы съ ненавистными для нихъ освободительными теченіями. Въ немъ жило дѣйствительно искреннее чувство свободы и любви къ правдѣ, когда онъ провозглашалъ:

«Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ».

Но что-то мѣшало ему понять, что и гонители эстетики были служителями той же свободной мысли. Это «что-то» заключалось въ свойственномъ Толстому инстинктивномъ влеченіи къ красотѣ. Въ автобіографіи онъ разсказываетъ, какъ еще ребенкомъ онъ попалъ въ Италію и такъ былъ восхищенъ красотой всего видѣннаго тамъ, что потомъ въ Россіи страстно тосковалъ и плакалъ по ночамъ, вспоминая Италію. Грубость нападокъ на искусство не могла не вызвать столь же грубаго отвѣта въ немъ, такомъ тонкомъ цѣнителѣ красоты. Эти нападки оскорбляли въ немъ художника, какъ восторги московской стариной оскорбляли въ немъ гражданина.

А художникъ онъ былъ первоклассный, что съ особой силой проявляется въ его лирическихъ произведеніяхъ, не уступающихъ лучшимъ произведеніямъ Майкова или Полонскаго. Толстой владѣетъ формой гораздо лучше ихъ, стихъ его полнѣе, разнообразнѣе, сильнѣе по сжатости и звучности. Онъ уступаетъ имъ развѣ въ теплотѣ чувства. Даже въ лучшихъ его пьесахъ есть какая-то холодность, напоминающая холодъ мраморныхъ изваяній. Но по тонкости, отдѣлкѣ, изяществу эпитетовъ, его лирическія вещи несравненны. Иногда и у него проявляется исканіе новыхъ формъ для выраженія неуловимыхъ ощущеній, какъ, напр., это на рѣдкость музыкальное произведеніе:

Онъ водилъ по струнамъ; упадали
Волоса на безумныя очи;
Звуки скрипки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ безмолвіи ночи.
Въ нихъ разсказъ убѣдительно-лживый
Развивалъ невозможную повѣсть,
И змѣинаго цвѣта отливы
Соблазняли и мучили совѣсть.
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ возрастающей бурей желанья!
И въ туманныхъ волнахъ рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземныя слова раздавались
И манили назадъ съ укоризной;
И такъ билося сердце тревожно,
Такъ ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно такъ невозвратно.
И къ себѣ безпощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звѣздной
Ужъ полъ неба луна обогнула.

Звуки пѣли, дрожали такъ звонко,
Замирали и пѣли сначала,
Бѣглымъ пламенемъ синяя жжонка
Музыканта лицо освѣщала...

Впрочемъ, это удивительно красивое стихотвореніе едва ли не единственное въ лирикѣ Толстого, которая вообще отличается своей ясностью, точностью выраженій и простотой.

Въ поэмахъ Толстого нѣтъ такой законченности и цѣльности, какъ въ его лирическихъ произведеніяхъ. Его «Іоаннъ Дамаскинъ» страдаетъ растянутостью, хотя по стиху онъ безупреченъ, а его «Донъ-Жуанъ» даже немного смѣшонъ, въ особенности это примиреніе Донъ-Жуана, раскаявшагося и умирающаго добрымъ католикомъ. Поэтъ совершенно извратилъ основу всей легенды о Донъ-Жуанѣ. Гораздо выше его русскія былины, въ которыхъ поэтъ съумѣлъ сохранить наивность народнаго творчества, нисколько не поступаясь ни формой, ни духомъ.

Для полноты характеристики творчества Толстого нельзя не вспомнить его юмористической жилки, сказавшейся въ созданіи знаменитаго Кузьмы Пруткова. Толстому принадлежатъ нѣкоторыя стихотворныя произведенія этого почтеннаго автора. Далеко не всѣ юмористическія произведенія Толстого извѣстны читателямъ, и еще недавно Вл. Соловьевъ познакомилъ съ его прелестной вещицей о камергерѣ Деларю въ своихъ «Трехъ разговорахъ подъ пальмами».

Вообще можно сказать, что значеніе Алексѣя Толстого въ литературѣ далеко не уяснено. Его трилогія, напр., только въ послѣдніе годы стала достояніемъ сцены, и публика поняла только теперь, какую чудную вещь представляетъ его «Ѳедоръ Іоанновичъ». Если воспоминаніе о двадцатипятилѣтіи смерти поэта оживитъ интересъ къ его чудной лирикѣ, къ его превосходнымъ былинамъ и глубокимъ драмамъ, то это лучшее, чего мы можемъ пожелать—не для памяти поэта, а для его читателей, которые найдутъ въ его строгой поэзіи новый источникъ живыхъ чувствъ и мыслей.

Юбилей сорокалѣтней литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина вызываетъ въ его многочисленныхъ читателяхъ вполнѣ законное желаніе подвести итоги огромной работы, какую совершилъ этотъ неутомимый писатель. До сихъ поръ онъ еще не дождался полной и безпристрастной оцѣнки, что объясняется до извѣстной степени характеромъ его творчества. Всегда живой, всегда злободневный, его талантъ отражалъ такія стороны жизни, которыя волнуютъ современниковъ и заставляютъ относиться къ автору, смотря по тому, чьи симпатіи или антипатіи имъ затронуты. Эта злободневность составляла и составляетъ и сильную, и слабую сторону г. Боборыкина. Она придавала его произведеніямъ характеръ текущей жизни, живо задѣвала читателя и интересовала своею сущностью, но въ то же время придавала работѣ автора характеръ бѣглости, эскизности и недостаточной углубленности. Зависитъ это не столько отъ торопливости работы, сколько отъ чрезмѣрной погони за современностью. Послѣдняя всегда неопредѣленна, на поверхности жизни можно уловить лишь слабыя отраженія тѣхъ сложныхъ процессовъ, которые совершаются въ глубинѣ. Поневолѣ писатель, желающій непремѣнно схватить самыя послѣднія явленія текущаго дня, даетъ въ своихъ произведеніяхъ столь же бѣглыя очертанія, какъ и эти измѣнчивыя настроенія текущей минуты.

Эта особенность таланта Боборыкина проявилась во всей полноти во вторую половину его дѣятельности. Первыя его произведенія носили нѣсколько иной характеръ, въ нихъ онъ выступаетъ бытописателемъ не только сегодняшняго дня, какъ, напр., въ одномъ изъ болѣе раннихъ его романовъ «Въ путь-дорогу». Здѣсь онъ далъ очень сложную и полную картину жизни до-рефор-

менной Россіи, обрисовавъ съ большимъ талантомъ тогдашній провинціальный семейный бытъ, среднюю школу и университетъ. По нашему мнѣнію, это — одно изъ лучшихъ произведеній почтеннаго автора, не утратившее интереса и значенія и въ наше время. Яркія картины студенческой жизни въ Казанскомъ и Дерптскомъ университетахъ пятидесятыхъ годовъ даютъ богатый матеріалъ для сравненія съ современными университетами, а печальная картина тогдашней средней школы служитъ превосходной иллюстраціей того, чѣмъ вообще была до-реформенная Россія. «Въ путь-дорогу», вообще, едва ли не самое оригинальное произведеніе г. Боборыкина, въ которомъ онъ проявилъ свое дарованіе въ наиболѣе чистомъ видѣ, какъ искусный наблюдатель и художникъ, живо воспринимающій окружающее. Впослѣдствіе г. Боборыкинъ слишкомъ сталъ воспріимчивъ къ разнымъ новинкамъ, то и дѣло подпадая вліянію разныхъ литературныхъ «школъ». Въ семидесятые годы онъ былъ весь подъ наитіемъ натурализма, въ восьмидесятые сталъ импрессіонистомъ. Таковы его «Дѣльцы» или «Жертва вечерняя» въ 70-ые годы, «На ущербѣ» и другіе романы 90-ыхъ годовъ. И всякій разъ, когда г. Боборыкинъ освобождается отъ этого вліянія самоновѣйшихъ школъ, его произведенія значительно выигрывали. Предъ нами тогда опять талантливый бытописатель, вдумчивый наблюдатель и художникъ, умѣющій нарисовать новую и яркую картину. Напомнимъ два лучшія его произведенія второй половины дѣятельности—«Китай-городъ», «Василій Теркинъ» или небольшую, но очень содержательную повѣсть «Поумнѣлъ».

Эти произведенія рѣзко выдѣляются среди другихъ, въ которыхъ фотографичность и бѣглость наблюденій создали цѣлый калейдоскопъ лицъ, положеній, сценъ самоновѣйшихъ, но такихъ незамѣтныхъ, какъ содержаніе вчерашняго будничнаго дня. Попробуйте ихъ припомнить—и все смѣшивается въ сплошную, сѣрую картину, на которой выдѣляется только личность самого автора, бодрая, живая, неутомимая, всегда куда-то устремляющагося, въ погонѣ за самой послѣдней новинкой. Эта фотографичность изображенія дѣлаетъ большинство героевъ г. Боборыкина непонятными, когда жизнь отдѣляетъ ихъ отъ насъ на значительное разстояніе. Они становятся смутны, неясны и неинтересны, хотя и нарисованы всегда съ необычайной тщательностью, такъ что подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ легко узнаются ихъ оригиналы. Для современниковъ такая манера писать представляетъ извѣстный интересъ, но для будущаго она даетъ очень мало, такъ какъ не создаетъ типовъ, а лишь отличаетъ оригинальныхъ личностей даннаго времени.

Трудно перечислить массу произведеній почтеннаго автора, сдѣлавшихъ его однимъ изъ самыхъ популярныхъ писателей, каждое произведеніе котораго читается съ огромнымъ интересомъ. Читатель заранѣе знаетъ, что въ новомъ романѣ г. Боборыкина встрѣтитъ многое, что его волнуетъ теперь, живо затрогиваетъ, что здѣсь онъ найдетъ, хотя и бѣгло очерченнымъ, одно изъ послѣднихъ настроеній современности. Рѣдкій изъ современныхъ авторовъ обладаетъ такимъ обширнымъ кругомъ читателей, всегда съ удовольствіемъ привѣтствующихъ каждое его произведеніе. Критика часто нападала на г. Боборыкина и не всегда справедливо, но кругъ читателей его съ теченіемъ времени все возрасталъ. Замѣчательное въ нашей литературѣ явленіе, что популярность г. Боборыкина возросла именно во вторую половину его дѣятельности. Только со второй половины 80-хъ годовъ онъ становится однимъ изъ наиболѣе читаемыхъ авторовъ. Г. Боборыкинъ представляетъ рѣдкій примѣръ писателя, который заставилъ себя признать, исключительно благодаря неутомимой работѣ надъ собой и своимъ талантомъ, не давая себѣ ни смущаться неудачами, ни опочить на лаврахъ. Эта несокрушимая энергія, жизнерадостность его писательскаго дарованія, бодрость его таланта невольно внушаютъ уваженіе сами по себѣ, хотя бы уже потому,

что онѣ вообще такъ рѣдки въ русскихъ людяхъ. И мы едва ли ошибемся, приписавъ эти прекрасныя качества уважаемаго юбиляра тому постоянному общенію съ западно-европейской культурой, которое почтенный авторъ никогда не прекращалъ, неустанно черпая матеріалъ въ этой общечеловѣческой сокровищницѣ духа и дѣлясь имъ постоянно съ русскимъ читателемъ, который уже за одно это долженъ сказать г. Боборыкину большое «спасибо».

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Отголоски китайскихъ событій. «Недѣля» сообщаетъ о толкахъ, порожденныхъ китайской войной въ тульскихъ деревняхъ. По разсказамъ въ народѣ, Китай, Бѣлая Арапія тожъ, находится въ сторонѣ, лежащей на восходъ солнца, за семью морями, гдѣ конецъ земли. Китайцы огромнаго роста, чуть не въ четыре аршина; ходятъ они въ шелку да въ золотѣ; отъ того, что они живутъ на восходѣ солнца, лица у нихъ желтыя. Народа въ Китаѣ—смѣты нѣтъ, но «Китай-царь» силенъ не народомъ, а деньгами да золотомъ: въ Китаѣ золота столько, сколько у насъ камня. И «Китай-царь», благодаря этому, можетъ нанять столько войска, что оно своихъ непріятелей шапками закидаетъ. Много въ Китаѣ и земли: ею онъ могъ бы свободно подѣлиться и съ другими народами. Давно ходятъ слухи о какомъ-то «китайскомъ клинѣ», который долженъ будто бы отойти въ нарѣзку крестьянамъ... Война съ Китаемъ давно ожидалась въ народѣ. Теперь то-и-дѣло слышатся воспоминанія объ умершихъ старикахъ, которые будто бы говорили, что безпремѣнно у насъ война съ Китаемъ будетъ... Не воевалъ «Китай-царь» до сихъ поръ, видите-ли, потому, что онъ зарокъ держалъ... Давнымъ-давно царь китайскій свою саблю воткнулъ въ стѣну своего дворца и сказалъ: «до тѣхъ поръ не буду воевать, пока сабля мохомъ не обростетъ...»

Вѣсть о настоящей войнѣ съ Китаемъ большинство крестьянъ встрѣтило несочувственно. Вспоминаютъ слышанное отъ стариковъ, что когда Китай пойдетъ воевать, тогда будетъ и конецъ свѣту... Деревенскіе начетчики отожествляютъ китайцевъ съ извѣстными въ апокрифическихъ сказаніяхъ «нечестивыми народами»—«Гогомъ и Магогомъ» и утверждаютъ, что китайская «напасть» продлится двѣнадцать лѣтъ, что «Китай-царь» полонитъ весь свѣтъ, въ томъ числѣ и бѣлаго царя, а послѣ того выйдетъ изъ Китая на всю вселенную великая рѣка огненная и будетъ страшный судъ...

Появившійся въ Карачевскомъ уѣздѣ слухъ о томъ, что «надысь въ Орлѣ четырехъ китайцевъ изловили», не единичное явленіе: подобные же слухи откуда-то пронеслись и по деревнямъ другихъ мѣстностей. Въ Тульской губерніи распространилось извѣстіе, что въ Тулѣ словили китайскаго шпіона... Одѣтъ онъ былъ въ сюртучкѣ, въ брюкахъ на выпускъ, какъ будто бы баринъ какой, да, спасибо, городовой одинъ по «мордѣ» его узналъ... Когда представили этого шпіона въ полицію, сняли съ него нарядъ, то на затылкѣ у него будто бы оказалась коса, а въ карманѣ планъ Тулы... Въ той же Тульской губерніи слухи о бомбардированіи китайцами г. Благовѣщенска были переработаны въ чисто мѣстное извѣстіе. Сообщали, что китайцы пришли ужъ въ Тулу, взяли Благовѣщенскую церковь и подступили къ оружейному заводу... Подъ влія-

ніемъ подобныхъ слуховъ душевное настроеніе деревенскихъ обывателей было тревожно. Всякій доносившійся изъ рощи или съ рѣки выстрѣлъ какого-нибудь охотника заставлялъ трепетать робкія души не однихъ крестьянскихъ бабъ и ребятъ въ страхѣ, не китайская ли то сила надвигается.

Когда стали приходить утѣшительныя извѣстія съ театра войны, замѣтно стало успокаиваться и деревенское населеніе.

— Ни одинъ народъ супротивъ насъ не состоитъ, поговариваютъ крестьяне... Отъ сотворенія міра не было, чтобъ нашего солдата въ полонъ брали, потому что намъ Самъ Господь Богъ помогаетъ.

Изъ многочисленныхъ лубочныхъ картинъ, посвященныхъ войнѣ, выдающимся успѣхомъ пользуются двѣ: одна—«Сонъ Китайца», а другая—«Бѣдный простофиля Китаецъ». Подъ послѣдней картиной подписано: «Бѣдный простофиля Китаецъ! Каждый съ большимъ удовольствіемъ любитъ потрепать его за косу.—Тащите за косу китайца посильнѣй, пусть желтолицый буйно не бунтуетъ! Съ Китайцемъ это-то и проще и вѣрнѣй: всегда Европа Азіата вздуетъ! Своихъ продѣлокъ мрачныхъ путаешь ты слѣдъ и вертишься и скачешь вродѣ зайца, но знай дружокъ, что ужъ на много сотенъ лѣтъ опередилъ Европы сынъ—Китайца! Китаецъ, не вертись ка ты и такъ и сякъ, ушами длинными не хлопай! Европѣ тычешь ты дурацкій свой «кулакъ», попробуй же и кулака Европы». Прежнее обаяніе «Китая-Царя» падаетъ,—на Китай начинаютъ имѣть даже корыстные виды.—«А земли-то тамъ удобныя? Если удобныя, такъ дай, Господи, чтобы онѣ къ намъ отошли», говорятъ православные...

Въ Ставропольской губ. интересъ къ китайскимъ событіямъ принялъ болѣе обостренную форму и выразился въ цѣломъ побоищѣ, между русскими и туркменцами, о которомъ слѣдующимъ образомъ повѣствуетъ мѣстная газета «Приазвскій Край». Въ селѣ Арзирскомъ, пьяный мужикъ, бродя по базару, обратился къ одному туркменцу съ такой рѣчью: «Куда идешь? Стой, чортова образина! Ты за русскаго, аль за китая будешь, а?»—и, получивъ отвѣтъ: «Моя ничего не знаетъ, моя знаетъ русскій царь», со всей силой опустилъ свой кулакъ на голову несчастнаго туркменца. Ошеломленный столь неожиданной встрѣчей и ударомъ по головѣ, туркменецъ выхватилъ изъ-за пояса нагайку и отхлесталъ освирѣпѣвшаго мужика. «Изъ Китая къ намъ пришелъ и насъ же бить, проклятый нехристь!» проревѣлъ уже другой пьяный, накинувшись съ кулаками на туркменца. Послѣдній сталъ звать на помощь. Туркменцы, видя, что двое бьютъ ихъ собрата, стали защищать его. Для пьяныхъ русскихъ мужиковъ это и было нужно: вмигъ опустѣли площадь, харчевни, балаганы и мужики съ крикомъ: «китайцы бьютъ нашихъ», набросились на всемъ пространствѣ ярмарки на бѣдныхъ туркменцевъ. Громадная толпа преслѣдовала ихъ, нагоняла и чѣмъ попало била. Одни изъ преслѣдуемыхъ туркменцевъ на своихъ лошадяхъ скакали въ степь по направленію къ своимъ ауламъ, падая на пути съ испуганныхъ дикимъ крикомъ толпы лошадей, въ которыхъ летѣли палки, камни и всевозможные предметы, а другіе бѣжали къ своимъ арбамъ, гдѣ находились ихъ жены и дѣти и все накупленное ими на ярмаркѣ добро; здѣсь они думали спасаться отъ преслѣдованія. Но разъяренная толпа настигла ихъ и ожесточенно налегла на расположенный здѣсь туркменскій таборъ.

И вотъ тутъ-то и началось, по словамъ нашего корреспондента, «настоящее Мамаево побоище». Побиваемые туркменцы и ихъ арбы взлетали вверхъ и въ страшномъ хаосѣ падали на землю; лошади отрывались отъ арбъ и, фыркая, неслись въ степь. По временамъ побѣждающіе уставали, и бой ослабѣвалъ. Но вдругъ слышится пьяный призывъ: «православные, за вѣру и отечество», и бой возобновляется съ новой силой. Такъ продолжалась эта ничѣмъ не вызванная дикая расправа обезумѣвшей толпы надъ беззащитными туркменцами. Но всему бываетъ конецъ; наступилъ конецъ и побоищу, поле сраженія очи-

стилось отъ расходившейся во всю мощь опьяненной толпы. Картина послѣ побоища представляла опрокинутыя арбы, разбросанные повсюду предметы изъ принадлежавшихъ туркменцамъ имуществъ, группы плачущихъ туркменокъ съ ихъ малыми дѣтьми, лежавшихъ съ проломленными головами непріятелей—туркменцевъ, да бродившихъ кое-гдѣ русскихъ ребятишекъ, вооруженныхъ палками. Послѣдніе подходили къ *непріятельскимъ дѣтямъ* и, поднявъ надъ ихъ головами палки, давали понять, что они тоже готовы: «за вѣру и отечество». Взрослые, смотря на нихъ, ухмылялись и говорили: «вотъ маленькіе, а знаютъ, что надо бить нехристей».

Къ сожалѣнію, газета ничего не сообщаетъ, какъ отнеслось «начальство» къ этимъ проявленіямъ патріотическаго духа «православныхъ».

Дворяне и питейная монополія. На чрезвычайномъ орловскомъ дворянскомъ собраніи, 5-го октября разбирался докладъ губернскаго предводителя дворянства г. Стаховича, касающійся предоставленія дворянамъ мѣстъ по питейной монополіи, вводящейся въ ближайшемъ будущемъ въ Орловской губ. По словамъ мѣстной газеты, «Орловскаго Вѣстн.», сущность доклада г. Стаховича заключалась въ слѣдующемъ. При введеніи монополіи въ губерніи открывается 40 должностей сборщиковъ съ вознагражденіемъ въ 900 р. жалованья 600 р. разъѣздныхъ и 680 р. въ годъ на стражника. Желательно предоставить этотъ заработокъ помѣстнымъ дворянамъ, для чего дворянство могло бы войти въ договоръ съ казной, по примѣру артелей, на замѣщеніе открывающихся мѣстъ. Безъ содѣйствія дворянства отдѣльные члены его едва ли могли бы занять вышеупомянутыя мѣста, такъ какъ для занятія послѣднихъ требуется залогъ отъ 3 до 5 тысячъ. Если бы имъ даже и удалось занять таковыя суммы, то за это пришлось бы уплачивать однихъ процентовъ отъ 360 до 600 руб. Проектъ предлагаетъ удерживать на первое время съ каждаго лица, которое займетъ мѣсто сборщика, въ качествѣ гарантіи, 300 руб. въ годъ. Современемъ эта цифра ежегодныхъ вычетовъ можетъ быть уменьшена. Черезъ пять лѣтъ у дворянства образуется капиталъ въ 60 съ лишнимъ тысячъ рублей, который можетъ служить достаточной гарантіей за могущіе быть убытки. Замѣщеніе мѣстъ сборщиковъ и выработку условій съ казной докладъ предлагаетъ возложить на собраніе предводителей.

Докладъ этотъ вызвалъ оживленныя пренія, причемъ большинство оппонентовъ находило предложеніе г. Стаховича несовмѣстимымъ съ высокимъ назначеніемъ дворянства. Особенно энергично высказывался въ этомъ смыслѣ г. Языковъ, который заявилъ, что онъ прибылъ въ собраніе, чтобы просить послѣднее отклонить проектъ. Если нѣкоторые не хотятъ его слушать (когда началъ говорить г. Языковъ, нѣкоторые поднялись съ своихъ мѣстъ и вышли изъ залы), то все-таки это не заставитъ его молчать. «До сихъ поръ дворянство выставляло только руководителей. Докладъ же предлагаетъ образовать какую-то артель. Соотвѣтствуетъ ли это прошлому, настоящему и будущему дворянства?! По закону о сборщикахъ, въ случаѣ обнаруженной растраты со стороны сидѣльца, дворянинъ долженъ стать за стойку. Лучше умереть, чѣмъ занять такую должность!! На собраніе предводителей возлагается доставка сборщиковъ!..» А. А. Нарышкинъ въ длинной и обстоятельной рѣчи остановился на юридической сторонѣ дѣла. Соотвѣтствуетъ ли предлагаемый докладомъ договоромъ требованіямъ закона? По мнѣнію А. А., этотъ договоръ не подойдетъ ни къ одному изъ соотвѣтствующихъ типовъ договоровъ. Договоръ о подрядахъ и поставкахъ имѣетъ своимъ объектомъ вещь или работы. Лицо, въ особенности дворянинъ, пользующійся извѣстными преимуществами—такимъ объектомъ быть не можетъ. Договоръ о личномъ наймѣ требуетъ непосредственнаго и прямого участія лица, котораго онъ касается. Другое дѣло артель—это юридическое лицо, гдѣ существуетъ извѣстная орга-

низація съ обязательствами подчиненія. Не въ такомъ положеніи находится дворянское собраніе—установленіе государственное, права и обязанности котораго опредѣляются закономъ. Предлагаемый договоръ и съ практической стороны, по его мнѣнію, представляется неудовлетворительнымъ. Сборщики находятся въ распоряженіи управляющихъ складами—часто лицъ низшихъ сословій, не состоящихъ на государственной службѣ, и по представленіи этихъ послѣднихъ могутъ быть увольняемы. Дворянству въ этомъ случаѣ придется подчиняться не только мнѣніямъ управляющихъ, но и завѣдующихъ складами. А если въ той или другой мѣстности не найдется помѣстнаго дворянина, желающаго занять мѣсто сборщика?—тогда и преслѣдуемая докладомъ цѣль является недостигнутой. Переходя далѣе къ вопросу о поручительствѣ, А. А. находилъ, что, судя по аналогіи съ договорами о поставкѣ провіанта, отвѣтственность матеріальная можетъ быть установлена только большинствомъ $^2/_3$ голосовъ и притомъ личной она будетъ только для тѣхъ, которые скрѣпятъ поручительство своею подписью. Что же касается нравственной отвѣтственности, то возлагать на предводителей дворянства это тяжелое бремя онъ считаетъ себя не въ правѣ, причемъ вообще высказался противъ уступки личныхъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностей, хотя бы даже собранію предводителей. Не находя нужнымъ касаться того, насколько служба сборщика совмѣстна съ дворянскимъ достоинствомъ, А. А. находилъ, что нельзя смѣшивать сословную этику съ личной. Занятіе всякой, даже самой незначительной должности подъ вліяніемъ, наприм., семейныхъ обязанностей, онъ считаетъ естественной и почтенной, но отсюда далеко до того, чтобы дворянство, какъ сословіе, должно было слѣдовать тому же самому правилу. Въ докладѣ говорится именно объ этикѣ, но вѣдь она не есть нѣчто однообразное. Дворянская этика носитъ на себѣ слѣды исторіи, соціальнаго положенія... Это не общая христіанская нравственность—безусловно истинная. Онъ сомнѣвается, чтобы дворянское собраніе могло принять докладъ безъ нарушенія требованія своего достоинства. Оно должно охранять свое историческое прошлое. Патріотическаго сфера питейнаго дѣла ничего не представляетъ, съ помѣстной службой дворянства не имѣетъ ничего общаго. У сословія, имѣющаго въ прошломъ такія заслуги, какъ ратная служба его предковъ, вынесшаго на своихъ плечахъ великія реформы императора Александра II, есть почва для исполненія и въ будущемъ своихъ обязанностей передъ государствомъ. Зачѣмъ ускорять превратность временъ?! Пусть это будетъ предразсудкомъ, но старыя традиціи не позволяютъ помогать этой превратности. Если бы даже докладъ былъ принятъ, есть основанія разсчитывать, что министръ внутреннихъ дѣлъ остановитъ такое постановленіе въ огражденіе правильности общаго государственнаго строя. Рѣчь была встрѣчена громкими рукоплесканіями.

Несмотря, однако, на всѣ эти горячіе протесты, при закрытой баллотировкѣ предложеніе г. Стаховича было принято 67 голосами противъ 42.

На уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Уѣздныя земскія собранія, въ общемъ, протекли въ этомъ году довольно вяло: новый законъ о фиксаціи земскихъ расходовъ давалъ себя знать и ассигновки, напр., на народное образованіе дѣлались во многихъ мѣстахъ довольно скупо. Новыя теченія земской жизни сказывались въ разныхъ глухихъ углахъ и въ удивительныхъ предложеніяхъ со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ. Такъ, напр., въ Аткарскомъ уѣздѣ гласный г. Бартеневъ развилъ цѣлую новую программу земской дѣятельности въ особой запискѣ, которую онъ предложилъ собранію выслушать до обсужденія расходной смѣты.

По словамъ мѣстной газеты «Сар. Листка», авторъ записки начинаетъ съ того, что подвергаетъ сомнѣнію справедливость и цѣлесообразность всей практиковавшейся доселѣ земской «политики». Идемъ ли мы по вѣрному пути или

сбились съ дороги? Земство по закону—учрежденіе всесословное, а что дѣлаетъ аткарское земство въ теченіе 35-лѣтняго своего существованія? Изъ 200-тысячнаго бюджета оно тратитъ 31 тыс. на народное образованіе, 88 тыс. на медицину, 27 тыс. на выполненіе дорожной повинности. Это составляетъ 75% бюджета. Для кого же существуютъ эти статьи, какъ не для одного только сословія—крестьянскаго? Да и остальные 25% бюджета (земская почта, ветеринарія, страхованіе) отчасти идутъ на пользу тому же крестьянскому сословію. Иначе говоря, земство служитъ почти исключительно въ интересахъ одного сословія. Но крестьяне даютъ только 30% доходной смѣты. Правда, они бѣдны и нуждаются въ помощи. «Взглядъ этотъ съ эстической точки зрѣнія совершенно вѣренъ, но земство—не благотворительное учрежденіе а хозяйственное предпріятіе, въ которомъ каждый участникъ въ правѣ требовать, чтобы затраченный рубль приносилъ ему извѣстную пользу». Поэтому въ земствѣ «не мѣсто этикѣ,—тутъ возможна только одна чисто карманная точка зрѣнія». Съ этой точки зрѣнія существующая система земскихъ расходовъ несправедлива. Кромѣ того, она и нецѣлесообразна. Земство много, тратитъ на народное образованіе, но «образованіе возможно лишь по достиженіи извѣстной степени народнаго благосостоянія». «Германія, Франція и Англія потому образованы, что богаты; Россія же и Турція потому окутаны мракомъ невѣжества, что бѣдны, и изъ этого мрака мы не выбьемся до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ хотя бы относительнаго благосостоянія». По той же причинѣ «въ народѣ до сихъ поръ еще слабо развито сознаніе необходимости образованія», и «школа является у насъ тепличнымъ растеніемъ». Когда народное благосостояніе поднимется, населеніе само заведетъ и будетъ поддерживать школы.

Итакъ, по его мнѣнію, 35-лѣтняя дѣятельность земства на пользу народнаго образованія и медицины нецѣлесообразна, но она, повторяетъ докладчикъ, и несправедлива по отношенію къ землевладѣльцамъ. «Что же *намъ*-то остается отъ земскаго пирога?—спрашиваетъ г. Бартеневъ. «Земство существуетъ для крестьянъ, чтобы получать, и для насъ, чтобы отдавать». За 30 лѣтъ онъ, напр., переплатилъ земству 10 тыс. руб., а что получилъ взамѣнъ? Правда, пріятнѣе жить среди образованныхъ людей, но окупаются ли этимъ удовольствіемъ переплаченныя суммы, которыя для нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ экономій исчисляются въ милліоны рублей? «За стулъ я заплачу 3 рубля, но не дамъ 100 р.». Берите 25, 50 р., но за что же требовать десятки тысячъ? Это опасно и для земства. «Мы, не видя для себя толку, совершенно охладѣемъ къ земскому дѣлу, и оно развалится»... «Въ интересахъ того же образованія и медицины намъ необходимо усиленно заняться подъемомъ благосостоянія родного уѣзда тогда крестьянинъ самъ пойдетъ навстрѣчу нашему 35-лѣтнему призыву его къ свѣту, самъ устроитъ и школы, и больницы».

Въ концѣ концовъ, г. Бартеневъ предлагаетъ собранію, не увеличивая далѣе расходовъ на народное образованіе и медицину, сосредоточить свое вниманіе на сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ: расширить операціи существующаго склада дешевыхъ орудій, ввести продажу улучшенныхъ сѣмянъ, организовать синдикаты для продажи хлѣба, устроить образцовыя поля, учредить должности уѣздныхъ агрономовъ и пр. Пора остановиться съ увеличеніемъ расходовъ на школы и медицину,—пусть онѣ развиваются органически сами. Средства для осуществленія экономическихъ мѣропріятій могутъ найтись сейчасъ же: пять тысячъ получается сбереженія отъ освобожденія земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, пять тысячъ собраніе ассигновало уже на складъ сельскохозяйственныхъ орудій. Кромѣ того, слѣдовало бы ввести хотя бы самую маленькую порецептную плату. Г. Бартеневъ ссылается на слова врачей, будто «изъ 330 тыс. ежегодно посѣщающихъ амбулаторію едва 100 т. заслуживаютъ медицинской помощи», остальные же являются такъ себѣ, случайно, ради без-

платности лѣченія, по пути съ базаровъ и т. п. Если ввести плату въ 3 коп. за рецептъ, то медицинская практика дастъ земству большой доходъ, да и лишніе визиты амбулаторныхъ уменьшатся. Въ общемъ можно теперь же ассигновать до 30 т. р. на экономическія мѣры.

Собраніе отказалось по существу обсуждать докладъ г. Бартенева и, такъ сказать, предало его забвенію, но высказанныя имъ мысли нашли откликъ у многихъ земцевъ не въ одномъ Аткарскомъ уѣздѣ и отразились на ихъ дѣятельности. По словамъ корреспондента «Сѣв. Кур.», уѣздныя управы въ Саратовской губ. въ большинствѣ случаевъ предлагали или урѣзки прежнихъ смѣтъ или отклоненіе всякихъ прибавокъ; вызывавшихся какъ частными ходатайствами, такъ и общимъ положеніемъ дѣлъ. Земскія собранія уступали по неволѣ предложеніямъ управъ. Такъ, напр., были отклонены нѣкоторыя предложенія объ увеличеніи ассигновокъ на народное образованіе (въ Сарат. у. собраніи—на школы грамоты, въ Камышинскомъ на постройку школъ и т. д.). За то выступило если не новое, то довольно сильное движеніе въ пользу экономическихъ мѣропріятій. Въ камышинскомъ земскомъ собраніи сдѣланы большія ассигновки на складъ сельскохозяйственныхъ орудій, на поддержку мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ, возбуждается ходатайство объ открытіи губернскаго сельскохозяйственнаго склада. Въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи также повышены ассигновки на экономическія мѣропріятія и постановлено начать организацію помощи кустарямъ.

То же самое пишутъ той же газетѣ изъ Котельнича Вятской губ. «Ссылка» на новый законъ,—говоритъ авторъ,—сыграла громадную роль въ смыслѣ сокращенія, урѣзыванія по всѣмъ почти статьямъ смѣты расходовъ, кромѣ ассигновки на пособіе церковно-приходскимъ школамъ, увеличеннаго даже на 200 руб. и теперь достигающаго суммы 8 695 руб. въ годъ. Такъ на народное образованіе въ 1899 г. ассигновано было—84.302 руб., въ 1900 г.—79.862 руб. и теперь на 1901 г.—75 967 руб.»

Изъ принципіальныхъ вопросовъ, поднимавшихся на уѣздныхъ собраніяхъ, слѣдуетъ отмѣтить въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи интересный вопросъ, заключеніе по которому просило дать министерсто внутреннихъ дѣлъ, а именно: желательно ли участіе волостныхъ старшинъ и писарей въ качествѣ земскихъ гласныхъ?

А. О. Жеребцовъ говоритъ, что участіе волостныхъ старшинъ и писарей въ качествѣ гласныхъ нежелательно въ собраніи: здѣсь же находятся многіе изъ земскихъ начальниковъ, отъ которыхъ старшины поставлены въ такую служебную зависимость, что не всегда можно разсчитывать на ихъ безпристрастное, свободно выраженное мнѣніе.

К. *Н. Гриммъ* отвѣчаетъ, что для саратовскаго земства, которое должно обсудить вопросъ съ точки зрѣнія мѣстнаго положенія, не имѣютъ значенія и эти опасенія: въ числѣ гласныхъ отъ крестьянъ у насъ только два волостныхъ старшины. «Вообще же,—говорилъ г. Гриммъ,—посмотрите на нашихъ гласныхъ отъ крестьянъ: вѣдь это самые лучшіе люди изъ всѣхъ селеній нашего уѣзда!.. Я не допускаю мысли, чтобы земскій начальникъ могъ злоупотребить своимъ служебнымъ положеніемъ и оказать то или иное давленіе на гласнаго изъ волостныхъ старшинъ».

Жеребцовъ и Ничипуровичъ говорятъ, что и въ саратовскомъ земствѣ былъ случай, когда земскій начальникъ-гласный даже отослалъ изъ земскаго собранія гласнаго—волостного старшину (дѣло между гг. Шомпулевымъ и Мирошниковымъ). Вопросъ слѣдуетъ разрѣшить принципіально, а не примѣняясь къ данному составу гласныхъ. Нечего и говорить, что волостные старшины находятся въ такой зависимости отъ земскихъ начальниковъ, что первымъ надо обладать особымъ гражданскимъ мужествомъ, если они пожелаютъ противорѣчить въ

земскомъ собраніи своему главному начальству, а всѣмъ извѣстно, что гражданское мужество неособенно развито даже среди болѣе развитыхъ и культурныхъ людей, чѣмъ старшины.

Гг. *Исѣевъ* и *Буковскій* говорятъ, что нельзя волостныхъ старшинъ лишать права представительства въ земскомъ собраніи, ибо въ волостные старшины, обыкновенно, избираются лучшіе люди изъ деревни. Но г. Буковскій предлагаетъ обусловить положительный отвѣтъ земства на данный запросъ министерства ходатайствомъ, чтобы законодательнымъ порядкомъ было установлено избраніе гласныхъ отъ крестьянъ непремѣнно закрытой баллотировкой.

С. Е. Усачевъ произноситъ рѣчь противъ ограниченія правъ волостныхъ старшинъ. Онъ говоритъ, что теперь всякаго земскаго начальника «въ краску броситъ» при одной мысли, что его могутъ заподозрить относительно воздѣйствія въ земскомъ собраніи на волостныхъ старшинъ... Слѣдуетъ имѣть въ виду, что земское собраніе находится подъ контролемъ гласности, и поступокъ каждаго изъ насъ можетъ обсуждаться печатью, какъ это и было по поводу печальнаго инцидента съ гл. Шомпулевымъ... Волостные старшины больше чѣмъ кто бы то ни было знаютъ всѣ нужды и интересы своей мѣстности,—ихъ-то и желательно привлекать въ земскія собранія.

Но вотъ встаетъ гласный отъ крестьянъ *А. Е. Васильевъ*. «Я откровенно долженъ заявить собранію, что если бы я былъ волостнымъ старшиной, то въ земскомъ собраніи не посмѣлъ бы возражать противъ г. земскаго начальника»...

С. Е. Усачевъ. «Вопросъ, очевидно, слѣдуетъ поставить гораздо шире. Вѣдь земскій начальникъ можетъ воздѣйствовать не только на волостныхъ старшинъ, но непосредственно, или черезъ старшину и на всѣхъ крестьянъ своего участка. Однако, немыслимо же все крестьянское сословіе лишить права представительства въ земскихъ собраніяхъ только потому, что здѣсь участвуютъ и земскіе начальники. Въ такомъ случаѣ, не лучше ли ходатайствовать, чтобы земскіе начальники не могли быть избираемы въ гласные... Но такое наше ходатайство, добавилъ г. Усачевъ, конечно, не будетъ правительствомъ удовлетворено, почему и остается только высказаться противъ ограниченія для волостныхъ старшинъ и писарей правъ представительства ихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы гласные отъ крестьянъ избирались волостными сходами закрытой баллотировкой».

Послѣ продолжительныхъ преній, собраніе постановило: представить министерству внутреннихъ дѣлъ заключеніе, что собраніе не находитъ основаній лишать волостныхъ старшинъ и писарей права участвовать въ земскихъ собраніяхъ въ качествѣ гласныхъ, но съ тѣмъ, чтобы волостные сходы избирали ихъ закрытой подачей голосовъ.

Среди новыхъ мѣропріятій уѣздныхъ земствъ можно отмѣтить постановленіе харьковскаго уѣзднаго земства принять на земское попеченіе снабженіе населенія питьевой водой и банями.

Выборный инцидентъ. Въ «Спб. Вѣдомостяхъ» сообщалось о слѣдующемъ интересномъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Новоторжскомъ уѣздѣ при выборахъ кандидатовъ въ гласные. По словамъ корреспондента газеты, въ виду предстоявшихъ въ іюлѣ этого года выборовъ кандидатовъ въ земскіе гласные отъ крестьянъ на трехлѣтіе 1900—1903 годовъ, въ д. Сафонтьево, Новоторжскаго уѣзда, долженъ былъ состояться 2-го іюля сельскій сходъ для избранія нѣсколькихъ уполномоченныхъ на волостной сходъ, назначенный на 10-е іюля для избранія кандидата въ гласные отъ Тысячской волости (изъ 17-ти кандидатовъ, по числу волостей, тверской губернаторъ утверждаетъ 8 человѣкъ гласными отъ крестьянъ въ новоторжскомъ земскомъ собраніи). За нѣсколько времени до сельскаго схода мѣстный земскій начальникъ приказалъ сафонтьевскому

сельскому старостѣ, чтобы члены схода ни въ какомъ случаѣ не избирали прежнихъ уполномоченныхъ, а назначили бы уполномоченными на это трехлѣтіе четырехъ домохозяевъ первыхъ, по порядку, въ селеніи усадьбъ, на слѣдующее трехлѣтіе—слѣдующихъ четырехъ и т. д. на каждое трехлѣтіе по очереди слѣдованія выборовъ.

Когда на сельскомъ сходѣ 2-го іюля сельскій староста сообщилъ членамъ схода содержаніе приказа земскаго начальника, то сходъ призналъ такой приказъ незаконнымъ, почему и счелъ себя въ правѣ не исполнить его. Разсматривая же этотъ приказъ, какъ рекомендацію земскимъ начальникомъ сходу извѣстнаго способа назначенія уполномоченныхъ въ волостной сходъ, сельскій сходъ призналъ рекомендуемый способъ нецѣлесообразнымъ и не отвѣчающимъ законнымъ интересамъ крестьянъ д. Сафонтьево и предоставленнымъ закономъ крестьянамъ правамъ свободнаго избранія въ уполномоченные на волостной сходъ желательныхъ для сельскаго схода лицъ. Затѣмъ сходъ приступилъ къ выборамъ и избранными оказались прежніе уполномоченные. Когда земскій начальникъ увидѣлъ сафонтьевскихъ уполномоченныхъ въ волостномъ сходѣ 10-го іюля и, такимъ образомъ, узналъ, что его приказъ не исполненъ сафонтьевскимъ сельскимъ сходомъ, то онъ сдѣлалъ письменное распоряженіе того же 10-го іюля тысяцкому волостному старшинѣ немедленно посадить подъ арестъ на три дня всѣхъ членовъ сафонтьевскаго сельскаго схода—30 человѣкъ.

Сафонтьевскіе крестьяне немедленно послали по почтѣ жалобу на такое, по ихъ мнѣнію, неправильное распоряженіе земскаго начальника въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, въ порядкѣ надзора, а въ уѣздный съѣздъ—обычнымъ порядкомъ. Кромѣ того, пославъ жалобу въ губернское присутстіе съ просьбой распорядиться пріостановкой исполненія распоряженія земскаго начальника до разсмотрѣнія дѣла присутствіемъ, сафонтьевскіе крестьяне обратились по телеграфу съ такой же просьбой и къ тверскому губернатору. Вѣроятно, слѣдствіемъ этой просьбы и былъ новый приказъ того же земскаго начальника тысяцкому волостному старшинѣ пріостановиться исполненіемъ приказа 10-го іюля объ арестѣ домохозяевъ деревни Сафонтьево, и были увѣдомлены приговоренные къ аресту сафонтьевскіе крестьяне.

Но это объявленіе не успокоило жаловавшихся на распоряженіе земскаго начальника объ арестѣ крестьянъ, такъ какъ они все же не знали, отмѣнено ли это распоряженіе и освобождены ли они отъ его послѣдствій. Поэтому они обратились въ то же присутствіе съ новой просьбой: они просятъ губернское присутствіе разъяснить имъ, отмѣнило ли оно распоряженіе земскаго начальника объ ихъ арестѣ или дѣло представлено присутствіемъ въ сенатъ; если же ни то, ни другое не сдѣлано, то крестьяне просятъ сдѣлать представленіе сенату ихъ просьбы объ отмѣнѣ распоряженія земскаго начальника отъ 10-го іюля; если же и этого присутствіе не сдѣлаетъ, тогда они просятъ выдать имъ копіи всего дѣла, чтобы они сами могли представить эти копіи въ сенатъ при просьбѣ объ отмѣнѣ распоряженія земскаго начальника объ ихъ арестѣ.

Дѣло это закончилось побѣдою крестьянъ. Тверское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе распоряженіе земскаго начальника 1-го участка Новоторжскаго уѣзда о выборахъ уполномоченныхъ отъ сафонтьевскаго сельскаго общества для участія въ волостномъ сходѣ признало неправильнымъ, и губернское присутствіе указало земскому начальнику на эту неправильность его распоряженія.

Бѣлыя рабыни въ Крыму. Г. А. Безчинскій въ двухъ фельетонахъ въ «Сѣв. Кур.» рисуетъ тяжелое безправное положеніе крымскихъ «бѣлыхъ рабынь»—работницъ на табачныхъ плантаціяхъ на южномъ берегу Крыма. Вопіющіе факты жестокаго обращенія съ этими дѣвушками обыкновенно доходятъ до

свѣдѣнія общества только во время судебныхъ процессовъ. Г. Безчинскій останавливается на двухъ такихъ процессахъ ялтинскаго плантатора Мустаффы К. съ десятками служившихъ у него дѣвушекъ.

«Въ первый разъ шестнадцать дѣвушекъ, измученныхъ голодомъ, побоями, всякими издѣвательствами и непосильной работой, несмотря на неокончившійся годичный договоръ съ хозяиномъ, покинули у него работы и, придя гурьбой въ городъ, явились съ жалобой къ городскому судьѣ. Наличность побоевъ и оскорбленій была удостовѣрена, и К. былъ приговоренъ къ сорокадневному аресту, а контрактъ его съ дѣвушками былъ расторгнутъ. Когда дѣло по апелляціонной жалобѣ К. было перенесено въ уѣздный съѣздъ, товарищъ прокурора въ своемъ заключеніи могъ только выразить сожалѣніе, что не было апелляціоннаго отзыва со стороны защиты, «и что поэтому не представляется возможнымъ настаивать на увеличеніи наказанія».

Еще болѣе вопіющее было второе дѣло того же К. Мѣстная газета слѣдующимъ образомъ живописала судъ надъ К.:

«Передъ судомъ предсталъ нашъ прошлогодній знакомецъ, Мустаффа К., уже имѣющій за собой достойную лучшей участи извѣстность южно-американскаго плантатора временъ «Хижины дяди Тома», перенесеннаго изъ Луизьяны и Миссисипи на южный берегъ Крыма.

«На судѣ находится двадцать молодыхъ дѣвушекъ, служившихъ на плантаціи К. и оставившихъ его вслѣдствіе жестокаго обращенія, дурной пищи и обнаруженія факта гнуснѣйшаго насилія, совершеннаго К. надъ одной изъ дѣвушекъ, а также неудавшагося покушенія обезчестить другую.

«Дѣвушки прибыли въ Ялту изъ Харьковской губерніи, Валковскаго уѣзда, села Новоселовки. Условіе заключили онѣ съ К. на четырнадцать мѣсяцевъ, но нынѣ онѣ просятъ судъ о признаніи причинъ, побудившихъ ихъ бросить службу у К., уважительными и о взысканіи съ него причитающагося имъ жалованья, а также платы за проѣздъ на родину.

«Городской судья предлагаетъ К. кончить дѣло миромъ, т.-е уплатить дѣвушкамъ ихъ жалованье».

Мустафа К. «Если есть такой законъ, чтобы служащіе грабили хозяина, то тогда я готовъ заплатить деньги...»

«Начинается допросъ свидѣтелей.

«Свидѣтельница Ѳекла Яровая показываетъ, что дѣвушки бросили плантаціи въ четвергъ на Святой. Харчи К. давалъ скверные: одна кондюра (вода съ пшеномъ) и больше ничего. Отъ пищи дѣвушки болѣли, кромѣ того, на кухнѣ, гдѣ онѣ спали, было всю зиму очень холодно. К. не приказывалъ давать заболѣвшимъ ѣсть, говоря, пускай-де онѣ идутъ на работу, тогда и получатъ пищу. К. еще бранился постоянно скверными словами и крѣпко билъ дивчатъ. Однажды утромъ служащая у К. кухаркой, Меланья Ерапудова говорила въ присутствіи всѣхъ дѣвушекъ, что вчера вечеромъ хозяинъ затащилъ къ себѣ въ комнату одну изъ дѣвушекъ Аришу Т., и она тамъ долго у него верещала (т.-е. кричала). Передъ этимъ онъ при содѣйствіи кухарки насильно заставилъ Аришу выпить три рюмки водки... и такъ какъ несчастная отказывалась пить, то онъ билъ ее и насильно вливалъ водку въ ротъ».

К. «Все это она вретъ; ничего этого не было».

«Свидѣтельница Александра Бѣлинская показываетъ то же самое относительно дурной пищи, недаванія ѣды во время болѣзни и т. п. К. запрещалъ дѣвушкамъ ходить въ церковь и даже богохульствовалъ при ихъ просьбахъ о разрѣшеніи пойти въ церковь. Въ одной хатѣ съ дѣвушками ночевали приказчики К., турки. Турки, по заявленію свидѣтельницы, постоянно приставали ночью къ дѣвушкамъ съ возмутительными намѣреніями. Дѣвушки поднимали крикъ, и турки отступали.

«Дивчата пытались жаловаться на приставаніе турокъ хозяину. Но, увы! «Дяденька Мустаффа» не внималъ просьбамъ бѣдныхъ дивчатъ, и турки продолжали спать съ ними въ одной комнатѣ...

«Далѣе, свидѣтельница разсказываетъ о случаѣ возмутительнаго насилія, какъ его передала всѣмъ дѣвушкамъ кухарка Меланья и какъ о немъ сообщила своимъ подругамъ сама жертва насилія. Послѣдняя сидитъ въ судебной камерѣ въ числѣ прочихъ дѣвушекъ и временами горько плачетъ.

«Затѣмъ, свидѣтельница сообщаетъ случай съ другой дѣвушкой, едва не сдѣлавшейся жертвой разнузданности «плантатора». Эта дѣвушка, по имени Елена Б., однажды ткнулась босой ногой о гвоздь и поранила себѣ пятку. Сердобольный хозяинъ, узнавъ объ этомъ, призвалъ ее къ себѣ и сталъ журить за то, что она тотчасъ же не сообщила ему объ этой бѣдѣ и заботливо велитъ дѣвушкѣ показать ему рану.

«Но при этомъ... словомъ, дѣвушка стала кричать благимъ матомъ, К. постѣснился своихъ шмыгавшихъ по сосѣдству приказчиковъ и отпустилъ Алену.

«Свидѣтель Николай Казанчи (приказчикъ К.) на вопросъ г. судьи, билъ ли К. дѣвушекъ, отвѣчаетъ, что билъ, но исключительно для ихъ же пользы, такъ сказать, билъ—любя. Дѣло въ томъ, что дивчата любили ходить босикомъ и, натурально, простуживались. Вотъ добрый хозяинъ и билъ ихъ, чтобы онѣ не ходили босыя. А что до болѣзней, то дѣвушки болѣть на самомъ дѣлѣ не болѣли, а только представлялись больными.

«Повѣренный дѣвушекъ присяжный повѣренный Лищинскій въ своей рѣчи указалъ, что на только что происшедшемъ судоговореніи выяснилась масса тяжелыхъ вещей; тутъ были и такія дѣйствія со стороны г. К., которыя подлежатъ, конечно, сужденію не городского судьи; подобныя дѣла разбираются въ другомъ мѣстѣ. Но развѣ недостаточно боязни подвергнуться насилію, для того, чтобы бѣжать безъ оглядки отъ К. и съ его плантаціи? А вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ были, кромѣ того, и побои, и голодъ, и безчеловѣчное обращеніе. Всего этого больше чѣмъ достаточно для признанія правоты дѣвушекъ».

Г. Безчинскій приводитъ далѣе еще дѣло работницы Маріи Кухненко, обвинявшей своего хозяина У. Б. въ нанесеніи ей побоевъ. «Приводимъ дословно жалобу Кухненко, поданную ею городскому судьѣ. «15 іюня я поступила къ У. Б. на его табачныя плантанціи работать на срокъ 3½ мѣсяца за плату 40 руб. за все время. Когда начались ночныя работы, при которыхъ въ сутки приходилось отдыхать не болѣе трехъ часовъ, хозяинъ сдѣлался очень придирчивъ, и вотъ въ ночь съ 15 іюля на 16, въ часъ ночи, онъ вдругъ кинулся на меня съ бранью.

«— За что же, дяденька, вы бранитесь и гоните меня?—удивленно спросила я его. Въ отвѣтъ на это, онъ началъ бить меня палкой. Отъ третьяго удара палкой въ грудь у меня духъ занялся, я упала и начала кричать. Прибылъ приказчикъ Мустаффа Чаушъ. Хозяинъ обратился къ нему съ приказаніемъ: «Оттащи ее домой — пусть тамъ хоть издохнетъ»! — Тотъ меня потащилъ. Мнѣ было больно, я кричала. Встрѣтившійся Мартынъ Броницкій заступился за меня и предлагалъ ему не тащить меня, а вести потихоньку. Тотъ съ бранью отвѣтилъ: «не твое дѣло», и продолжалъ тащить. Броницкій убоялся далѣе заступаться за меня, такъ какъ Мустаффа былъ очень разъяренъ, и у него за поясомъ онъ замѣтилъ большой ножъ, но все-таки продолжалъ слѣдить. Затѣмъ Мустафа оставилъ меня на дорогѣ, а Броницкій довелъ меня до урядника, гдѣ я пробыла до сего дня. Теперь я очень больна, еле хожу, работать и ѣсть не могу».

На судѣ жалоба эта подтвердилась въ полномъ объемѣ, и почтенный плантаторъ былъ приговоренъ къ трехмѣсячному аресту.

Правила санитарнаго надзора за плантаціями существуютъ, въ дѣйстви-

тельности, только на бумагѣ: плантаторамъ несравненно выгоднѣе заплатить маленькій штрафъ, тѣмъ болѣе, что фактически и надзора за плантаціями никакого не существуетъ. Изрѣдка мѣстнымъ земствомъ и администраціей предпринимаются осмотры плантацій, разслѣдованія быта работницъ. Осмотры эти ведутся при участіи врачебнаго персонала, и результаты получаются всегда крайне неутѣшительные. Результаты осмотра въ общемъ подтверждаютъ все, что обычно разсказывается жалобщицами-дѣвушками на судѣ. Прежде всего бросается въ глаза недостаточное и плохое питаніе. Затѣмъ рѣзкое впечатлѣніе производитъ величина рабочаго дня. Зимой дѣвушки встаютъ часовъ въ шесть и работаютъ до полуночи или до часу. Перерывъ дѣлается только для чаю,—дѣвушки получаютъ его вездѣ,—и на «обѣдъ» съ отдыхомъ дается также часъ.

Однажды въ мѣстной газетѣ сообщалось о пожарѣ въ домѣ одного аутскаго плантатора. Пожаръ засталъ дѣвушекъ въ первомъ часу ночи еще за работой...

Число дѣвушекъ, работающихъ на табачныхъ плантаціяхъ южнаго Крыма, смотря по времени года, можно считать отъ одной до двухъ тысячъ. Въ лѣтнее время на плантаціяхъ работаетъ не менѣе двухъ тысячъ работницъ. Зимою число работающихъ сокращается приблизительно на половину.

Табачныя работницы набираются приблизительно въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ: главнымъ образомъ, въ селахъ обширнаго Мелитопольскаго уѣзда Таврической губерніи и отчасти въ губерніяхъ: Екатеринославской, Харьковской и Полтавской.

Крупные крымскіе плантаторы лично ѣздятъ въ названныя губерніи и уѣзды для найма работницъ. Самое главное условіе, прельщающее молодыхъ дѣвушекъ ѣхать въ Крымъ—это хорошее денежное вознагражденіе. Въ среднемъ, дѣвушки получаютъ за годъ 50 — 80 руб., каждая на всемъ готовомъ, и, кромѣ того проѣздъ въ Крымъ и обратно за счетъ нанимателя. Это «все готовое» является немалымъ соблазномъ для большинства нанимающихся въ Крымъ: она будетъ получать все готовое, а жалованье цѣликомъ сохранитъ.

Обычный возрастъ работницъ 15 — 19 лѣтъ съ незначительнымъ колебаніемъ ниже и выше. По большей части вся группа дѣвушекъ, идущихъ въ Крымъ изъ одной деревни, нанимается къ одному хозяину, такъ что каждая дѣвушка находится въ кругу своихъ односельчанокъ. Это обстоятельство является, можетъ быть, единственнымъ факторомъ, изрѣдка дающимъ возможность обижаемымъ дѣвушкамъ набраться смѣлости и искать защиты въ судѣ.

Въ апрѣлѣ текущаго года ялтинской земской управой при участіи земскаго врачебнаго персонала былъ произведенъ осмотръ пригородныхъ табачныхъ плантацій.

Передъ нами сорокъ восемь карточекъ, представляющихъ данныя осмотра сорока восьми плантацій въ окрестностяхъ Ялты.

Число работницъ на плантаціяхъ колеблется отъ 5 до 60, въ среднемъ ихъ имѣется около 15 на каждую плантацію. Помѣщенія на всѣхъ плантаціяхъ крайне тѣсныя.

Данныя осмотра прочихъ плантацій имѣютъ тотъ же характеръ. Нормальнаго минимума кубическаго объема воздуха, требуемаго гигіеной—0,8 саж. на человѣка, нѣтъ ни на одной плантаціи. За то мы видимъ помѣщенія, въ которыхъ кубическій объемъ воздуха оказывается вдвое и втрое меньше противъ допускаемаго гигіеной минимума.

Подъ рубрикой: гдѣ спятъ дѣвушки, мы находимъ помѣтку: въ отдѣльной комнатѣ. Каковы эти отдѣльныя комнаты по объему, видно изъ предшествовавшихъ данныхъ.

Отапливаются помѣщенія для работницъ плохо, либо плитой, либо желѣзной печью.

Въ нѣкоторыхъ карточкахъ находимъ отмѣтку осматривающихъ, что температура въ помѣщеніяхъ довольно высока благодаря плитѣ.

Питаніе рабочихъ по удостовѣренію карточекъ, за рѣдкими исключеніями, очень плохое.

Подъ рубрикой «ѣдятъ» почти вездѣ отмѣтка «три раза въ день», а горячее—одинъ разъ. Горячую ѣду, т. е. обѣдъ, составляетъ супъ изъ крупы и картофеля, либо каша, либо блины безъ масла, либо фасоль. На долю холодной пищи остальные два раза въ день остается большей частью черствый хлѣбъ. На двухъ плантаціяхъ горячая пища дается два раза въ день, на двухъ—дѣвушки получаютъ два раза въ недѣлю мясо и молоко. Изъ сорока восьми плантацій на двадцати четырехъ, т.-е. только на половинной части, зарегистрована выдача мяса, но и то одинъ, рѣдко два раза въ недѣлю, на прочихъ плантаціяхъ мяса вовсе не даютъ.

Рабочій день. По этому предмету всѣ сорокъ восемь карточекъ отличаются замѣчательнымъ единодушіемъ: всѣ онѣ категорически опредѣляютъ рабочій день минимально въ шестнадцать часовъ! Большей же частью отмѣтка гласитъ: «шестнадцать часовъ и болѣе». На нѣкоторыхъ карточкахъ отмѣчено: «начинаются работы въ два часа ночи, кончаются въ семь часовъ вечера».

Не подлежитъ сомнѣнію, что при вопросахъ, производимыхъ должностными лицами, дѣвушки скорѣе смягчаютъ свое положеніе, нежели преувеличиваютъ—изъ опасенія гнѣва и мести своихъ хозяевъ. Недавно при осмотрѣ одной плантаціи однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, дѣвушки заявили ему, что вечернихъ работъ у нихъ не бываетъ. Участвовавшій въ осмотрѣ мѣстный земскій врачъ заявилъ на это, что ему въ точности извѣстно, что вечернія работы на плантаціи происходятъ. Тогда простодушныя дѣвушки отвѣтили, что вечеромъ онѣ «не работаютъ», а только «нанизываютъ табакъ».

На иныхъ карточкахъ находимъ слѣдующую отмѣтку: «помѣщеніе тѣсное, вентиляція плохая, воздухъ душный, спертый; начинаютъ работать въ два часа ночи, въ 7 час. пьютъ чай съ хлѣбомъ. Въ одиннадцать часовъ утра (моментъ посѣщенія плантаціи коммиссіей) обѣдъ еще не начинали готовить».

На всѣхъ плантаціяхъ дается чай, и вездѣ имѣется либо самоваръ, либо кубъ.

На большинствѣ плантацій провизія заготовляется на недѣлю. Нечего и говорить, что плантаторы пріобрѣтаютъ самые остаточные и бракованные продукты. Хлѣбъ употребляется исключительно черствый: непроданный и застарѣлый хлѣбъ въ ялтинскихъ пекарняхъ почти весь цѣликомъ поступаетъ на табачныя плантаціи.

По справедливому замѣчанію г. Безчинскаго, единственнымъ раціональнымъ средствомъ помощи работницамъ было бы регулированіе закономъ условій ихъ труда и установленіе особыхъ органовъ надзора за исполненіемъ закона.

Новая секта. «Сам. Газета» сообщаетъ о новой сектѣ, появившейся въ селѣ Хрящевкѣ, Ставропольскаго уѣзда. Адепты новаго ученія перестали ходить на сходы, отказываются принимать участіе во многихъ мірскихъ дѣлахъ, не несутъ нѣкоторыхъ общественныхъ повинностей, не исполняютъ нѣкоторыхъ приказовъ мѣстныхъ сельскихъ властей и называютъ себя «царскими».

Главою этого ученія выступила мѣстная крестьянка Анна Юркина, одна изъ бѣднѣйшихъ въ то время жительницъ села Хрящевки. Она жила въ кельѣ, гдѣ-то на задворкахъ. Объявивъ себя «царской уполномоченной», она начала якобы хлопотать о надѣленіи крестьянъ «царской десятиной», мѣрою 900 саж. въ квадратѣ, за что взимала немалую мзду съ пожелавшихъ «сѣсть» на эту царскую десятину.

Какъ сами «царскіе», такъ и крестьяне окружныхъ съ Хрящевкой селеній звали Юркину (конечно, иносказательно) «царицей», а уполномоченнаго ея

крестьянина Петра Семенова (въ прямомъ смыслѣ) «генераломъ». Этотъ «генералъ», юркій, бойкій, полуграмотный субъектъ, фабрикавалъ воззванія, коими вымогалъ у своихъ приверженцевъ деньги, а равно и вербовалъ новыхъ послѣдователей. Деньги эти «генералъ» передавалъ своей повелительницѣ Юркиной, которая и тратила ихъ яко бы на нужды высшихъ лицъ и на хожденія ея клевретовъ въ Питеръ, для хлопотъ по отмежеванію «царской десятины». Кромѣ того, Юркина раздавала и чины своимъ приверженцамъ; такъ, напримѣръ, за чинъ генерала она назначила цѣну,—какъ мы слышали,—12 руб.; но, къ счастью, охотниковъ на этотъ высокій чинъ не находится и понынѣ: «дорогонько кажется»,—какъ заявляютъ ея послѣдователи.

Много семействъ «увѣровали» въ ученіе Юркиной, и изъ богатыхъ жителей превратились въ нищихъ. Несмотря на то, что Юркина изъ своей лачуги перешла нынѣ въ собственный тысячный домъ, обзавелась богатымъ хозяйствомъ, доходы ея не уменьшаются, а число чающихъ «царской десятины» съ каждымъ годомъ,—какъ мы слышали,—увеличивается.

Кромѣ надѣленія крестьянъ «царской десятиной», Юркина и ея «генералъ» перевели своихъ послѣдователей,—какъ они выражаются,—съ «высшей статьи» на «низшую статью». Что говоритъ первая, покрыто мракомъ неизвѣстности, очевидно о смиреніи и трудолюбіи толкуетъ; но послѣдняя «низшая статья» пришлась «царскимъ» по вкусу, ибо она, въ числѣ всяческихъ «льготъ», разрѣшаетъ неисполненіе нѣкоторыхъ приказаній мѣстныхъ властей: напримѣръ, не крыть глиной крыши и проч.; а если ихъ за послѣднее обстоятельство сажаютъ на высидку, то они отказываются принимать пищу, и волей-неволей властямъ приходится выписывать въ городъ ихъ семейныхъ, отъ которыхъ они и пользуются довольствіемъ во время высидки. Кормовыя деньги они также отказываются принимать, такъ какъ эти деньги,—по ихъ понятію,—идутъ изъ казначейства—мірскія, а не царскія — не изъ государственнаго банка. Если приходится описать у «царскаго» за недоимку 10 пудовъ хлѣба изъ амбара, наполненнаго сотней и болѣе пудовъ того же хлѣба, то по продажѣ этихъ 10 пудовъ «царскій» отказывается отъ остальнего хлѣба, и хлѣбъ непроизводительно гніетъ.

При конной переписи они отказываются выводить лошадей, а если лошадей у нихъ все-таки берутъ, то они затѣмъ отказываются принимать ихъ себѣ обратно и проч., всего перечислять не будемъ.

Замѣчательно то обстоятельство, что когда къ нимъ являются власти съ какими-либо требованіями, то они, отказываясь исполнять ихъ приказанія, смиренно уходятъ со двора, предоставляя властямъ распоряжаться въ домѣ по ихъ усмотрѣнію. Это послѣднее обстоятельство, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ «несопротивленіе злу», быть можетъ, и служитъ той терпимостью и нѣкоторой симпатіей, какими пользуются «царскіе». Къ нимъ никто не питаетъ зла; на нихъ никто не обращаетъ особеннаго вниманія: имъ никто не мѣшаетъ мечтать о «царской десятинѣ», «сидѣть на низшей статьѣ» и неустанно работать на такихъ пройдохъ, какъ Юркина и ея «генералъ» Семеновъ. Но бѣда въ томъ, что «царскіе» съ каждымъ годомъ бѣднѣютъ, и это не вліяетъ на вербовку новыхъ послѣдователей этого ученія.

Что это за ученіе, и къ чему оно приведетъ его послѣдователей, судить не беремся. Знаемъ только, что дѣло объ этихъ крестьянахъ на-дняхъ разбиралось выѣздной сессіей окружного суда въ гор. Ставрополѣ, и нѣкоторые изъ крестьянъ приговорены къ тюремному заключенію.

Армянское издательское общество въ Тифлисѣ. «Россія» сообщаетъ интересныя подробности о недавно покончившемъ свое существованіе обществѣ изданія армянскихъ книгъ. Корреспондентъ «Россіи» пишетъ:

«На-дняхъ было опубликовано, что закрыто наше общество изданія армянскихъ книгъ. Съ глубой скорбью и пугливымъ недоумѣніемъ встѣтитъ эту печальную вѣсть весь край.

«Уставъ тифлисскаго издательскаго общества утвержденъ 31-го января 1880 г., а настоящая дѣятельность его началась лишь въ 1885 году.

«Общество это на деньги, собранныя отъ частныхъ жертвователей и полученныя отъ членскихъ взносовъ, должно было издавать полезныя книги на армянскомъ языкѣ и распространять ихъ по общедоступной цѣнѣ въ народѣ. За этой первой цѣлью слѣдовали другія, съ нею связанныя: сгруппировать вокругъ себя способныхъ людей, посвятившихъ себя умственной и литературной дѣятельности, дать имъ самостоятельный заработокъ на любимомъ поприщѣ, не бросать ихъ въ объятія нужды, не дать заглохнуть и затереться нарождающимся молодымъ силамъ въ суровой борьбѣ за существованіе. Надлежало разбудить дремлющія силы, дать возможность самородкамъ выплывать наружу. Надо было развить въ народѣ вкусъ и любовь къ чтенію, дать ему образцы великихъ мыслителей и писателей. И общество начало дѣйствовать. Оригинальныхъ сочиненій на армянскомъ языкѣ оказывалось слишкомъ мало, и потому приходилось отдавать предпочтеніе переводамъ. Русская литература по самому положенію вещей должна имѣть колоссальное значеніе для армянскаго народа, и общество необходимость переводовъ съ русскаго ставило на первый планъ. За послѣдній годъ было издано 12 сочиненій, изъ нихъ два оригинальныхъ и десять переводныхъ.

«Вотъ краткій отчетъ дѣятельности Общества за все время его существованія по отчету 1899 года. Издана всего 151 книга, съ продажной цѣною въ 71 р. 64 к. Изъ всего числа сочиненій на долю оригинальныхъ приходится 25% и переводныхъ 75%. 25% общаго числа изданій составляютъ роскошно иллюстрированныя книги для дѣтскаго чтенія; 15% приходится на долю научно-популярныхъ дешнвыхъ изданій для народа. Далѣе слѣдуютъ біографіи извѣстныхъ людей, оригинальныя армянскія произведенія (древніе историки, учебники Закона Божія, религіозно-нравственныя бесѣды верховнаго католикоса Эриміана, новые беллетристы), переводы русскихъ авторовъ (Пушкинъ, Гоголь, Щедринъ, Котъ-Мурлыка и друг.), переводы иностранныхъ авторовъ (Шекспиръ, Диккенсъ, Додэ, Гюи-де-Мопассанъ).

«Между прочимъ, во время пушкинскихъ торжествъ роскошно издана была книга «Лира Пушкина», составляющая прекрасный переводъ лучшихъ произведеній великаго поэта объемомъ въ 114 стр. и цѣною въ 50 к.

«Польза, приносимая обществомъ, настолько была очевидна, что притокъ сотрудниковъ и средствъ прогрессивно увеличивался и за послѣднее время достигъ значительныхъ размѣровъ. Еще недавно поступило единовременное пожертвованіе отъ одного лица, въ размѣрѣ 10.000 рублей».

Корреспондентъ указываетъ далѣе на вліяніе грамотности на успѣхи промышленности среди закавказскихъ армянъ:

«Шелководство настолько развилось, что во многихъ округахъ сдѣлалось главной отраслью сельскаго хозяйства. Всѣмъ этимъ мы обязаны тому, что появились собственные гренеры, и населеніе при вскармливаніи червей пользуется спеціально-научными брошюрами. Въ убогой хижинѣ любого селянина вы найдете теперь термометръ, дезинфекціонныя средства и брошюру издательскаго общества.

«И гренеры вовсе вѣдь не люди, получившіе спеціальное образованіе,—а это по большей части люди, чтеніемъ книгъ и саморазвитіемъ дошедшіе до сознанія необходимости культурныхъ мѣръ въ сельскохозяйственномъ производствѣ. Эти люди со всѣхъ концовъ Закавказья стекаются въ основанныя правитель-

ствомъ станціи шелководства и, поучившись у спеціалистовъ, потомъ распространяютъ свои знанія по всему краю.

«Безъ этихъ людей станціи шелководства были бы обречены на полное бездѣйствіе. То же можно сказать и относительно виноградарства, винокуренія, винодѣлія, молочнаго хозяйства и др.

«Мы повторяемъ тутъ еще разъ, послѣ всего сказаннаго, что дѣятельность издательскаго общества имѣла громадное значеніе въ Закавказьѣ, и во всѣхъ отрасляхъ правительственной дѣятельности являлась ея лучшимъ помощникомъ».

Торговля дѣтьми. Корреспондентъ «Рус. Вѣд.» сообщаетъ, что въ Верхоянскомъ, Колымскомъ и Якутскомъ округахъ Якутской области нерѣдки случаи торговли дѣтьми, причемъ цѣны на нихъ колеблются между 10 и 15 рублями.

Цѣль покупокъ двоякая—усыновленіе и полученіе даровой прислуги.

Въ цѣляхъ усыновленія дѣтей покупаютъ ссыльные, притомъ собственныхъ незаконныхъ дѣтей отъ матерей-якутокъ. Внѣбрачное сожительство ссыльныхъ русскихъ съ якутками вещь довольно обыкновенная. Дѣти, рождающіяся отъ такихъ союзовъ, принадлежатъ роду матери, и если отецъ желаетъ, уѣзжая или переѣзжая въ другую мѣстность, взять своихъ дѣтей съ собою, онъ долженъ купить ихъ или у матери, или у родовичей. У якутовъ очень часто отдаютъ дѣтей въ чужія семьи, принадлежащія, правда, къ тому же роду; въ новой семьѣ при этомъ ребенокъ усыновляется. Явленіе это находитъ объясненіе въ родовомъ укладѣ жизни и покоится на двухъ основаніяхъ; первымъ является желаніе принимающей семьи имѣть ребенка въ случаѣ бездѣтности или малосемейности; вторымъ—обязанность рода содержать и поддерживать своихъ бѣдныхъ родичей; эта поддержка совершается въ двухъ видахъ: родъ или наслегъ (низшая административная бытовая единица съ родовой окраской), или выдаетъ бѣдной семьѣ необходимый харчъ, или же родовичи разбираютъ дѣтей бѣдняка въ случаѣ его многосемейности. Обѣ эти причины, дѣйствуя въ теченіе вѣковъ, сдѣлали обычною отдачу якутами своихъ дѣтей въ чужія семьи, и въ настоящее время можно наблюдать и такіе факты, что семья, отдавшая своего ребенка въ чужую семью, беретъ и усыновляетъ чужого ребенка, но безплатно, иногда съ небольшой приплатой. Якуты передаютъ нерѣдко своихъ дѣтей въ своей средѣ; здѣсь усыновленіе является бытовымъ институтомъ, нравственно чистоплотнымъ. Характеръ продажи эта сдѣлка носитъ въ томъ случаѣ, когда ребенка беретъ иноплеменникъ русскій. Отдать ребенка русскому,—ребенка, хотя бы прижитаго безпутной якутской женщиной въ небрачной связи съ русскимъ,—считается зазорнымъ, и сломить національное предубѣжденіе якута могутъ только деньги Надо заплатить матери, иногда родовичамъ, иногда первымъ усыновителямъ-якутамъ десятокъ—другой рублей, и тогда ребенокъ уступается покупщику.

Особый интересъ представляетъ, однако, продажа дѣтей русскими русскому же.

Въ этомъ случаѣ продавцомъ является всегда русскій-ссыльный, покупателемъ—русскій-чиновникъ или купецъ: цѣль продажи—деньги, цѣль покупки—пріобрѣтеніе слуги. Побужденіемъ къ продажѣ является страшная нищета поселенцевъ; побужденіемъ къ покупкѣ—отсутствіе сносной прислуги. Надо знать, что такое сѣверные округа Якутской области, чтобы понять нищету, въ которой приходится жить поселенцу: девятимѣсячная зима, отсутствіе земледѣлія, скудный охотничій промыселъ, успѣшное рыболовство только поблизости моря, иноплеменное населеніе. Поселенецъ становится или хищникомъ, или нищимъ, такъ какъ заработковъ нѣтъ никакихъ; и вотъ онъ уступаетъ своихъ дѣтей—живую обузу—за нѣсколько десятковъ рублей, если найдется покупатель. Покупателей, однако, мало, такъ какъ чиновниковъ или купцовъ въ каждомъ округѣ только нѣсколько человѣкъ. Поэтому цѣна ребенка невелика, невелико

также и количество сдѣлокъ по продажѣ дѣтей. Однако, истекшей зимой въ одномъ изъ сѣверныхъ округовъ, какъ намъ извѣстно, были двѣ сдѣлки, изъ которыхъ одна разстроилась потому, что ребенокъ-дѣвочка, купленная за 50 рублей и пробывшая въ домѣ покупателя нѣсколько дней, не понравилась и была возвращена отцу. Покупателями въ обоихъ случаяхъ были чиновники. Купленный ребенокъ становится прислугой; положеніе его у хозяевъ, конечно, зависитъ отъ личныхъ свойствъ послѣднихъ и можетъ быть какъ плохимъ, такъ и недурнымъ. Но вѣдь и крѣпостному въ былое время у добраго барина жилось иногда не плохо. По достиженіи совершеннолѣтія купленный ребенокъ становится юридически свободнымъ, иногда, если это дѣвушка, выдается замужъ покупателемъ, но тѣмъ не менѣе онъ въ возрастѣ отъ ранняго дѣтства до 21-го года, а иногда и дольше,—такъ какъ мѣста у насъ глухія и дикія,—является въ семьѣ покупателя даровой рабочей силой.

Чествованіе П. Н. Милюкова въ Софіи. «Русскія Вѣд.» сообщаютъ о чествованіи П. Н. Милюкова болгарскою интеллигенціею при его проѣздѣ этой осенью черезъ Софію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, профессоръ Милюковъ былъ приглашенъ болгарскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія занять въ Софійскомъ университетѣ каѳедру исторіи, остававшуюся незанятою послѣ смерти Драгоманова. Милюковъ принялъ приглашеніе и въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ читалъ свои лекціи. Его лекціи имѣли огромный успѣхъ. Несмотря на то, что онъ читалъ ихъ на русскомъ языкѣ, его аудиторія была всегда переполнена. Слушать его стекались не только студенты всѣхъ факультетовъ, но и толпы постороннихъ лицъ—офицеровъ, дамъ, чиновниковъ. Его имя скоро сдѣлалось однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ и любимыхъ въ Софіи. Его популярность среди болгарской интеллигенціи возросла еще болѣе послѣ того, какъ онъ возвратился изъ своего перваго археологическаго путешествія по Македоніи. Непосредственное знакомство со страною и ея населеніемъ убѣдило его въ силѣ болгарскихъ симпатій въ Македоніи, и это убѣжденіе, бывшее такъ нá-руку болгарскимъ патріотамъ, нашло себѣ выраженіе въ рядѣ напечатанныхъ имъ тогда статей. Статьи являлись чрезвычайно своевременною аргументаціею въ пользу болгаро-македонской тенденціи и читались здѣсь нарасхватъ. Онѣ окончательно укрѣпили болгарофильскую репутацію П. Н. Милюкова и еще болѣе подняли то увлеченіе, съ которымъ относилась къ нему болгарская молодежъ.

«Когда П. Н. Милюковъ оставилъ свою каѳедру, а нѣсколько позже и Болгарію, «неблагодарные» болгары его не забыли. Они продолжали считать его «своимъ» и не теряли изъ виду. Поэтому, когда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ здѣсь распространился слухъ о назначеніи его однимъ изъ членовъ этнологической экспедиціи, снаряжавшейся въ Македонію при посредствѣ русской академіи наукъ, мѣстное общество встрепенулось. Во-первыхъ, «болгарскіе интересы» оказывались «въ хорошихъ рукахъ», во-вторыхъ, всѣ были увѣрены, что Милюковъ не можетъ не посѣтить при этомъ случаѣ и Софію. Поэтому извѣстіе о томъ, что онъ проѣхалъ чрезъ Константинополь, было для многихъ его почитателей серьезнымъ разочарованіемъ. Впрочемъ, оставалась еще надежда, что Милюковъ не минуетъ Софіи на возвратномъ пути. Надежда эта осуществилась, и нѣсколько дней назадъ по городу разнесся слухъ, что онъ дѣйствительно пріѣхалъ. Легко себѣ представить, какое волненіе вызвала эта вѣсть среди его многочисленныхъ друзей и поклонниковъ. Разные кружки мѣстной интеллигенціи тотчасъ же возымѣли намѣреніе выразить свое уваженіе къ гостю устройствомъ въ его честь торжественнаго обще-патріотическаго обѣда, на которомъ сошлись бы за однимъ столомъ представители всѣхъ болгарскихъ общественныхъ и политическихъ направленій. Болгары — прирожденные организаторы, и потому не-

удивительно, что въ короткій срокъ одного дня это рѣшеніе было приведено въ исполненіе. Обѣдъ былъ устроенъ и прошелъ съ блестящимъ успѣхомъ, при участіи многочисленныхъ «sommités politiques et littéraires» софійскаго общества. И замѣчательнѣе всего было то, что онъ оказался чуждымъ партизанства. Рядомъ съ Каравеловымъ сидѣлъ Величковъ, рядомъ съ буйнымъ республиканцемъ Ризовымъ—кабинетный филологъ Милетичъ, рядомъ съ македонскимъ революціонеромъ Ковачевымъ—болѣе чѣмъ умѣренный цанковистъ Даневъ. Такія комбинаціи были возможны только благодаря болгаро - македонскимъ симпатіямъ гостя.

«На обѣдѣ была произнесена масса всевозможныхъ рѣчей. Всѣ онѣ отличались сердечностью тона; многія — серьезностью и содержательностью. Одни ораторы, — по преимуществу бывшіе сотоварищи проф. Милюкова по высшей школѣ,—говорили объ его популярности среди слушателей, о слѣдѣ, который оставило за собою его кратковременное пребываніе въ Софійскомъ университетѣ. Другіе говорили объ его научныхъ и литературныхъ заслугахъ и въ связи съ ними о великой культурной миссіи, которую выполняла, выполняетъ и будетъ выполнять въ болгарской жизни русская мысль, русская наука, литература и искусство. Третьи,—и такихъ было, конечно, больше всего, — напирали преимущественно на великую услугу, которую оказалъ Милюковъ болгарскому дѣлу. Эти двѣ темы, — законное и понятное всякому болгарину, культурно-историческое руссофильство, съ одной стороны, и болгарскій національный идеалъ по отношенію къ Македоніи, съ другой,—и были главными «гвоздями» банкета. Благодаря имъ банкетъ дышалъ такимъ энтузіазмомъ и единодушіемъ»

А. С. Фаминцынъ. 14 октября происходило чествованіе ординарнаго академика, заслуженнаго профессора петербургскаго университета А. С. Фаминцына, по случаю исполнившагося въ этотъ день 40-лѣтія учено-литературной его дѣятельности.

Андрей Сергѣевичъ Фаминцынъ родился 17 іюля 1835 г., въ Сокольникахъ близъ, Москвы; воспитаніе получилъ въ 3-й с.-петербургской гимназіи; по окончаніи курса въ ней поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Будучи еще студентомъ второго курса, А. С. получилъ золотую медаль за сочиненіе «Естественная исторія хвойныхъ с.-петербургской флоры». Въ 1859 г. онъ окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ. Русское естствознаніе тогда еще во многихъ своихъ отрасляхъ сильно отставало отъ западно-европейскаго. Къ тому, кромѣ нашей общей отсталости, были еще и другія причины. Главной изъ нихъ являлось то, что наше обширное отечечество было еще совершенно не изучено не только въ естественно-историческомъ, но даже и въ топографо-географическомъ отношеніи,—и государственная власть сознала необходимость повести и закончить это изученіе Россійской Имперіи, такъ сказать, форсированнымъ маршемъ. Начался цѣлый рядъ путешествій академиковъ-энциклопедистовъ — Палласа, Гильденштедта, Гмелина (младшій), Лепехина и др.; основаніе петербургскаго ботаническаго сада преслѣдовало тѣ же цѣли— изученіе флоры Россіи. Громадный гербарный матеріалъ, накопившійся во время этихъ экскурсій, повлекъ за собой систематическую обработку его, и одна за другой начали появляться монографіи по систематикѣ и морфологіи растеній. Это національно-систематическое направленіе характерно для начала и средины XIX-го столѣтія не только для русской ботаники, но и для всего русскаго естествознанія; на Западѣ оно уже отжило свое время, вставали другіе вопросы, раскрывались болѣе широкіе горизонты; въ ботаникѣ тоже уже чувствовались новыя вѣянія:—работы Соссюра, Буссенго и только что начинавшаго свою дѣятельность Сакса показали плодотворность экс-

периментальнаго метода и постепенно создали физіологію растеній; у насъ, въ Россіи, отозвался на это направленіе только учитель А. С., профессоръ Л. С. Ценковскій, да и тотъ силы свои направилъ главнымъ образомъ на микроскопическое изученіе такъ называемаго царства протистовъ. Не мудрено, что живого и вдумчиваго молодого ученаго потянуло заграницу. Тамъ А. С. пробылъ два года, работая не только у лучшихъ представителей тогдашней ботаники, но и по другимъ отдѣламъ естествознанія; много времени удѣлилъ онъ изученію физики и химіи у такихъ свѣтилъ науки, какъ Кирхгофъ и Бунзенъ. Въ 1861 г., уже сложившимся ученымъ, вернулся Фаминцынъ въ Петербургъ съ работою «Опытъ химико-физіологическаго изслѣдованія надъ созрѣваніемъ винограда», за которую и получилъ степень магистра. Эта работа имѣла не только теоретическій, но и практическій интересъ и имя Фаминцына стало извѣстнымъ даже нѣмецкимъ винодѣламъ.

Въ этомъ же году А. С. открываетъ въ университетѣ, какъ приватъ-доцентъ, первый въ Россіи курсъ анатоміи и физіологіи растеній. Шесть лѣтъ упорнаго труда по созданію новаго курса, по устройству лабораторіи, практическихъ занятій со студентами не помѣшали собственнымъ непрерывнымъ изслѣдованіямъ молодого ученаго и въ 1867 г. А. С. представляетъ новую работу—«Дѣйствіе свѣта на водоросли и нѣкоторые другіе близкіе къ нимъ организмы», за которую получаетъ степень доктора ботаники. Эта работа является дальнѣйшимъ развитіемъ работы Сакса, открывшаго тогда процессъ образованія крахмала въ хлорофирныхъ зернахъ. Фаминцынъ выяснилъ общность этого процесса для всѣхъ растеній, имѣющихъ хлорофиллъ, при дѣйствіи на нихъ не только солнечнаго свѣта, но даже и при свѣтѣ керосиновой лампы.

Въ теченіе этихъ шести лѣтъ, этими двумя диссертаціями А. С. положилъ начало физіологіи растеній въ Россіи, и правъ былъ проф. И. П. Бородинъ, назвавшій Фаминцына отцомъ русскихъ физіологовъ: Бородинъ, Баранецкій, Тимирязевъ, Палладинъ, Виноградскій—все ученики почтеннаго юбиляра и все европейскія имена; многія изъ этихъ именъ обязаны своимъ появленіемъ заботливому, сердечному, по истинѣ отеческому отношенію къ начинающимъ ученымъ ихъ учителя,—для того, чтобы создать научную школу и направленіе мало быть большимъ ученымъ, нужно быть вообще большимъ человѣкомъ.

Любимыхъ своихъ учениковъ А. С. призывалъ къ участію и въ своихъ работахъ, но при этомъ не смотрѣлъ на нихъ только какъ на рабочую силу, что, къ сожалѣнію, часто случается, а какъ на равноправныхъ, только менѣе опытныхъ, изслѣдователей,—и работы эти появлялись не подъ одной профессорской фамиліей. Таково, например, изслѣдованіе надъ лишайниками, произведенное имъ совмѣстно съ его ученикомъ І. Баранецкимъ. Рядомъ опытовъ Фаминцыну удалось доказать, что зеленыя клѣтки лишайниковъ способны къ самостоятельной жизни и послѣ искусственнаго выдѣленія ихъ изъ лишайника. Отсюда уже относительно легко было сдѣлать выводъ, что лишайникъ не представляетъ собою одного организма, а соединеніе двухъ организмовъ—гриба и водросли и что здѣсь мы наблюдаемъ случай такъ называемаго «симбіоза». Эти явленія симбіоза навсегда остались одной изъ любимыхъ темъ А. С. и даже въ самое послѣднее время ему удалось выдѣлить и заставить жить самостоятельно и размножаться зеленыя клѣтки, находящіяся въ нѣкоторыхъ инфузоріяхъ. Въ этихъ явленіяхъ пытливый умъ ученаго почуялъ гораздо болѣе широкія обобщенія и А. С. не разъ развивалъ ту мысль, не является-ли вообще растительная клѣтка одной изъ формъ симбіоза составныхъ частей ея—протоплазмы, ядра и хлорофильныхъ зеренъ, маститый ученый съ чисто юношескою энергіею ищетъ, уже въ теченіе многихъ лѣтъ, экспериментальныхъ фак-

товъ, которые могли бы дать опору для этого, пока еще только научнаго предчувствія.

Вообще философское настроеніе ума А. С. часто направляетъ его работы въ пограничныя научныя области. Такъ, еще въ 60-хъ годахъ, онъ обращается къ изученію кристаллизаціи нѣкоторыхъ солей въ условіяхъ, близкихъ къ ихъ образованію въ растительной клѣткѣ, и дѣлаетъ открытіе, что углекислая известь въ такихъ условіяхъ (въ слизистой средѣ) принимаетъ форму крупинъ, имѣющихъ строеніе когда-то знаменитыхъ «организованныхъ образованій»; эти образованія были названы такъ потому, что отложеніе ихъ ставили въ зависимость отъ жизнедѣятельности организмовъ, такъ какъ наблюдали ихъ лишь въ растительныхъ клѣткахъ.

Въ своихъ работахъ о ростѣ клѣточныхъ оболочекъ, объ образованіи почекъ у хвощей и явнобрачныхъ, о развитіи яйцеклѣтки Фаминцынъ вдается уже въ область анатомическихъ и эмбріологическихъ изслѣдованій, а въ работѣ о низшемъ грибкѣ Ceratium, произведенной имъ совмѣстно съ своимъ ученикомъ и другомъ Воронинымъ, отдаетъ дань и морфологіи. Но А. С. тѣсно въ морфологическихъ рамкахъ и онъ оживляетъ эту работу выводомъ, что низшія растенія, соединяясь другъ съ другомъ, могутъ образовать вышеорганизованныя формы;—здѣсь онъ снова, только съ другого конца, подходитъ къ тому же излюбленному имъ вопросу о симбіозѣ. Поучительно то, что новѣйшія работы подтвердили эти соображенія А. С., высказанныя имъ десятки лѣтъ тому назадъ.

Интенсивная научная дѣятельность не отнимала всѣхъ силъ у А. С., ему хватало времени и на вдумчивое, внимательное отношеніе и къ своимъ обязанностямъ какъ профессора и члена университета. Какъ въ началѣ своей профессорской дѣятельности, такъ и въ концѣ ея А. С. неуклонно готовился къ каждой своей лекціи и всегда составлялъ, и ученикамъ своимъ рекомендовалъ дѣлать тоже, подробные конспекты; отчасти поэтому его лекціи, не смотря на ихъ внѣшнюю простоту и отсутствіе блеска, были всегда глубокосодержательны и своеобразно изящны.

По физіологіи растеній на русскомъ языкѣ не было никакихъ пособій, и А. С. и въ этомъ приходитъ на помощь учащимся. Въ 1883 г. появляется его «Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ»—книга освѣщенная критическимъ анализомъ и самыхъ фактовъ и методовъ изслѣдованія и донынѣ не потерявшая своего значенія. Этотъ трудъ былъ слишкомъ объемистъ и громоздокъ для студентовъ, а кромѣ того, разсматривалъ не всѣ отдѣлы физіологіи растеній; авторъ, какъ профессоръ, отлично понималъ это, и потому въ 1887 г. выпустилъ новую книгу: «Учебникъ физіологіи растеній»—лучшій курсъ на русскомъ языкѣ.

Оцѣнки дѣятельности юбиляра, какъ члена университета, какъ декана, мы не можемъ коснуться въ этой краткой замѣткѣ. Скажемъ только, что и здѣсь, какъ во всѣхъ дѣлахъ А. С., проявлялась рыцарски мужественная натура, онъ всегда отстаивалъ правду и праваго; это и было засвидѣтельствовано во время чествованія многими лицами различныхъ поколѣній. Тотъ же характеръ упорной научной работы, мужественной борьбы за прогрессъ и правду носитъ дѣятельность Фаминцына и какъ члена академіи наукъ, куда онъ былъ выбранъ адъюнктомъ въ 1872 г., въ 1883 г.—экстраординарнымъ, а 1891 г.—ординарнымъ академикомъ. Анналы нашей академіи, вѣроятно, сохранятъ потомству не мало свидѣтельствъ о дѣятельности почтеннаго юбиляра.

Но ни лабораторія, ни каѳедра, ни академическая дѣятельность не могли удовлетворить запросы многосторонней натуры А. С. То философское настроеніе его ума, которое направляло его естественно-историческую дѣятельность, заставило его въ концѣ концовъ войти болѣе непосредственно въ область фило-

софіи. Въ рядѣ статей А. С. доказываетъ необходимость для естествоиспытателей знакомства съ логикой и философіей, необходимость, еще не вполнѣ сознанную учеными, изучающими матерію, благодаря чему и выводы ихъ и обобщенія, сдѣланныя изъ вполнѣ точно наблюденныхъ явленій, иногда совершенно невѣрны и часто страдаютъ односторонностью. Незнакомство съ наукой о нашемъ духѣ повлекло за собой и то, что при нашихъ изслѣдованіяхъ мы оставили почти совершенно въ сторонѣ изученіе психическихъ явленій низшихъ организмовъ; а между тѣмъ такое изученіе, говоритъ Фаминцынъ, вполнѣ возможно, и должно идти параллельно съ изученіемъ матеріальныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ организмахъ. Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробное изложеніе этихъ идей почтеннаго автора, тѣмъ болѣе, что читатели «Міра Божія» уже знакомы съ ними, такъ какъ наиболѣе полное выраженіе онѣ нашли въ трудѣ А. С. «Современное естествознаніе и психологія», появившемся въ 1898 году на страницахъ нашего журнала.

Посвятивъ свою жизнь наукѣ и профессорской дѣятельности, А. С. никогда не отказывался и отъ общественной дѣятельности, разъ того требовала наша, смотря по точкѣ зрѣнія, къ счастью или несчастью, еще не дифференцированная жизнь.

Много силъ затрачено имъ и въ дѣлѣ насажденія въ Россіи высшаго женскаго образованія, и при устройствѣ первыхъ съѣздовъ естествоиспытателей и врачей и «народнаго университета» и многихъ другихъ предпріятій подобнаго рода.

Считаемъ не лишнимъ привести слѣдующую характеристику дѣятельности А. С. при организаціи «народнаго университета», сдѣланную бывшимъ предсѣдателемъ коммиссіи по устройству этого полезнаго учрежденія.

А. С. Фаминцыну принадлежитъ очень крупная заслуга—ближайшаго участія и руководительства такъ называемымъ «народнымъ университетомъ», иначе—общеобразовательными курсами при С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, возникшими два года назадъ и послѣ блестящаго успѣха временно прекратившими свое существованіе впредь до утвержденія новаго устава...

Андрей Сергѣевичъ былъ предсѣдателемъ учебнаго совѣта и, какъ таковой, руководилъ всей учебной частью народнаго университета. А это было дѣло не легкое. По всѣмъ предметамъ преподаванія существовали особыя коммиссіи; предсѣдатели и секретари коммиссій входили въ составъ учебнаго совѣта, куда, кромѣ того, были приглашены многіе выдающіеся преподаватели и ученые Петербурга.

Подъ умѣлымъ и авторитетнымъ предсѣдательствомъ Андрея Сергѣевича удалось объединить въ этомъ совѣтѣ около 40 представителей различныхъ отраслей знанія. Этому совѣту необходимо было окончательно выработать программы преподаванія, назначать лекторовъ, слѣдить за ихъ преподаваніемъ, составлять расписаніе отдѣленій. Трудно представить себѣ, какую массу труда, недоразумѣній, пришлось при этомъ вынести, какая огромная энергія, какое терпѣніе и сколько такта и выдержки требовалось для приведенія къ единству сложной по существу дѣла учебной организаціи курсовъ.

Андрей Сергѣевичъ самоотверженно и съ большимъ успѣхомъ справлялся со своей трудной задачей, жертвуя для хорошаго общественнаго дѣла и своимъ трудомъ, и временемъ, и спокойствіемъ...

Сорокъ лѣтъ такой разносторонней и мужественной дѣятельности слишкомъ рѣдкое явленіе, и хотя ученики А. С., зная его скромность, не желали выносить этого юбилея далеко за предѣлы ботанической семьи,—но такова притягательная сила личности нашего маститаго ученаго рыцаря, что домашній праздникъ разросся въ торжественное чествованіе, въ которомъ приняли участіе представители науки и литературы почти всей Россіи.

Къ 3-мъ часамъ дня 14 октября въ академической лабораторіи А. С. Фаминцына собрались многочисленныя депутаціи отъ различныхъ научныхъ и общественныхъ учрежденій. Прежде всего отъ русскихъ ботаниковъ былъ поднесенъ альбомъ съ фотографическими карточками и проф. И. П. Бородинъ произнесъ блестящую и прочувствованную рѣчь, въ которой выяснилъ заслуги юбиляра, какъ отца физіологіи растеній въ Россіи, какъ учителя почти всѣхъ русскихъ бота-

никовъ. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія различныхъ депутацій: отъ академіи наукъ, отъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета, отъ ботанической лабораторіи с.-петербургскаго университета, отъ Императорской военно-медицинской академіи, отъ лѣсного института, отъ ботаническаго сада, отъ Императорскаго института экспериментальной медицины, отъ общества естествоиспытателей при с.-петербургскомъ университетѣ, отъ философскаго общества, отъ союза писателей, гдѣ А. С. долгое время несъ нелегкія обязанности члена суда чести, отъ ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, отъ общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, отъ редакціи «Міра Божьяго» *), отъ кружка маленькихъ ботаниковъ, отъ редакціи «Вѣстника Европы», отъ общества вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ общества садоводства и общества любителей комнатной культуры, отъ студентовъ физико-математическаго факультета и нѣкотор. др. Затѣмъ началось чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ отъ разныхъ общественныхъ и ученыхъ учрежденій, которыхъ юбиляромъ получено со всѣхъ концовъ Россіи болѣе 100, въ томъ числѣ отъ всѣхъ университетовъ, отъ московскаго сельско-хозяйственнаго института, отъ новоалександрійскаго сельскохозяйственнаго института, отъ московскаго общества любителей естествознанія, отъ кіевскаго общества естествоиспытателей, отъ общества естествоиспытателей при харьковскомъ университетѣ, отъ ботаническихъ кабинетовъ московскаго и варшавскаго университетовъ, отъ пензенскаго училища садоводства и много др. **В. А.**

Изъ русскихъ журналовъ.

«Жизнь», сентябрь. Г-жа Л. Украинка въ живомъ очеркѣ знакомитъ съ литературой маленькой славянской группы австрійскихъ русиновъ Буковины. Этотъ глухой край долгое время жилъ изолированною полу-культурною жизнью, не задѣтый малорусскимъ національнымъ движеніемъ. На такой необработанной почвѣ могли выростать только маленькіе таланты, сохранявшіе всю прелесть первобытной свѣжести, наивности и непосредственности; они питались народной поэзіей, которая служила для нихъ образцомъ поэтической формы, а въ качествѣ сюжетовъ довольствовались незамысловатыми обыденными чувствами и происшествіями. Примѣръ перваго значительнаго буковинскаго писателя Федьковича и показываетъ, какъ маленькое дарованіе, сильное въ своемъ тѣсномъ кругу, теряется въ безплодныхъ усиліяхъ, потянувшись за великими авторитетами,

---

*) Читателямъ «Міра Божьяго», вѣроятно, небезъинтересно будетъ познакомиться съ содержаніемъ адреса, поднесеннаго А. С. Фаминцыну редакціей нашего журнала:

«Глубокоуважаемый Андрей Сергѣевичъ! Въ день сорокалѣтія Вашей научно-литературной дѣятельности редакція «Міра Божьяго» привѣтствуетъ Васъ не только какъ знаменитаго ботаника—гордость и славу русской науки, не только какъ естествоиспытателя-философа, стремящагося связать двѣ великія вѣтви нашего знанія, но и какъ мужественнаго общественнаго дѣятеля и популяризатора. Среди своихъ спеціальныхъ работъ, въ лабораторіи, на каѳедрѣ Вы никогда не забывали, что упорное исканіе истины совмѣстимо съ борьбой за правду; не забывали Вы и о той громадной аудиторіи, которая среди повседневныхъ заботъ не утратила еще стремленія къ знанію и идеалу и жадно прислушивается къ каждому слову своихъ лучшихъ людей. Вы своимъ примѣромъ показали, что мыслями и выводами, полученными при научныхъ изслѣдованіяхъ, можно и должно дѣлиться съ этой аудиторіей, такъ какъ она съ каждымъ годомъ растетъ и предъявляетъ все болѣе и болѣе широкіе запросы.

За эту аудиторію, за своихъ читателей «Міръ Божій» приноситъ Вамъ—своему глубокоуважаемому сотруднику—сердечное спасибо и пожеланія еще многихъ лѣтъ плодотворной работы».

соблазнившись широкими и отвлеченными темами. Федьковичъ вышелъ изъ зажиточной крестьянской среды, въ качествѣ солдата участвовалъ въ итальянской кампаніи 1852 года и по возвращеніи сталъ писать стихи сначала на нѣмецкомъ, потомъ на малорусскомъ языкѣ; лучшими изъ нихъ были тѣ, въ которыхъ онъ описывалъ тяжелые годы жизни въ Италіи. На эти стихотворенія обратилъ вниманіе галицкій писатель Дидыцкій и задался цѣлью вывести Федьковича на широкую дорогу, разсчитывая сдѣлать изъ него второго Шевченка; но Федьковичу были не по силамъ широкія задачи, и съ этого момента начинается паденіе его таланта и литературнаго вкуса: изъ подъ пера его стали выходить безжизненныя чисто подражательныя стихотворенія и поэмы, написанныя книжнымъ языкомъ и проникнутыя романтическимъ духомъ. Гораздо большимъ успѣхомъ пользовались его прозаическія писанія — повѣсти въ народническомъ направленіи, бывшемъ тогда въ модѣ въ Галиціи, — хотя и въ нихъ онъ отдалъ дань свойственнымъ тогдашнему народничеству недостаткамъ: идеализаціи, сентиментальности, романтическому пристрастію къ эффектному и героическому. За этими парадными сторонами народной жизни онъ не замѣчалъ дѣйствительныхъ золъ крестьянскаго быта: «его герои страдаютъ больше отъ любви, чѣмъ отъ тяжелыхъ экономическихъ и общественныхъ условій». Послѣ смерти Федьковича наступаетъ періодъ затишья въ буковинской литературѣ до 90-хъ годовъ, когда выступили новыя молодыя силы: Ольга Кобылянская и Василь Стефаникъ. Кобылянская воспиталась на нѣмецкой культурѣ и до сихъ поръ часто пишетъ по-нѣмецки для нѣмецкихъ журналовъ. Нѣмецкая культура ввела её въ широкій міръ идей, познакомила съ міровой литературой, но она же вызвала нападки галицкихъ критиковъ на малорусскій стиль писательницы, пострадавшій отъ нѣмецкаго вліянія. Вообще первые ея литературные шаги были встрѣчены неприветливо въ родной средѣ, и только съ 1895 года она получила признаніе у себя на родинѣ. Она разрабатываетъ самыя разнообразныя темы въ своихъ романахъ, но чаще всего она проводитъ феминистическія тенденціи,—напр., подобной темѣ посвященъ ея замѣчательный психологическій романъ «Царівна». Въ послѣднее время она перешла къ мелкимъ разсказамъ, представляющимъ изъ себя большею частью лирическія стихотворенія въ прозѣ, притомъ, вслѣдствіе увлеченія философіею Нитцше, она впадаетъ часто въ отвлеченныя и расплывчатыя разсужденія. Этого рода литературное настроеніе кореннымъ образомъ противорѣчитъ практическимъ и натуралистическимъ тенденціямъ галицкой интеллигенціи, и критика вновь аттакуетъ ее за измѣну народному дѣлу, за пренебреженіе своимъ народомъ и его страданіями. Въ противоположность двумъ указаннымъ писателямъ, Стефаникъ не оторвался отъ родной почвы и потому сразу пріобрѣлъ всеобщую популярность. Онъ также вышелъ изъ крестьянской среды, ее и изображаетъ въ своихъ разсказахъ, но не съ декоративной стороны, какъ Федьковичъ, а раскрывая самую «изнанку» жизни; его занимаютъ преимущественно крестьяне, или стоящіе на пути къ пролетаріату или уже перешедшіе за его порогъ. Главныя черты психологіи этихъ людей — пассивность, перемежающаяся стихійнымъ движеніемъ по инерціи. Несмотря на строго объективную форму, видно глубокое сочувствіе автора къ его скорбнымъ героямъ, которые и въ читателѣ вызываютъ живое участіе къ своимъ бѣдствіямъ. Вмѣсто народническаго возвеличенія крестьянства, онъ выставляетъ убожество этого забитаго судьбой люда — и впечатлѣніе получается неизмѣримо болѣе сильное. Яркій и оригинальный талантъ Стефаника привлекъ вниманіе за границей, и переводы его стали появляться въ нѣмецкихъ журналахъ.

Г. Жбанковъ помѣстилъ статистическій очеркъ положенія народныхъ учителей въ Смоленской губерніи, составленный на основаніи свѣдѣній, собранныхъ смоленскимъ обществомъ вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ 1898 году.

*

Разосланные обществомъ съ этою цѣлью опросные бланки дали 369 отвѣтовъ, т. е. свѣдѣнія получены почти отъ 60% всѣхъ учащихъ въ губерніи. Такъ какъ отъ учителей церковно-приходскихъ школъ (хотя этихъ школъ въ губерніи 944 на 392 земскихъ и 89 министерскихъ) получено лишь 16 отвѣтовъ, то авторъ не счелъ нужнымъ вносить ихъ въ свою разработку. Въ министерскихъ школахъ преобладаютъ учителя (изъ 107 учащихъ только 18 учительницъ), въ земскихъ—учительницы (на 515 учащихъ 297 учительницъ). Что касается сословнаго состава, среди учителей преобладаютъ вышедшіе изъ низшихъ классовъ (крестьянъ и мѣщанъ), среди учительницъ, наоборотъ, большинство изъ высшихъ (духовенства и дворянъ). Въ связи съ этимъ стоитъ рѣзкое различіе въ образованіи между учителями и учительницами: большинство учителей окончило курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а между учительницами преобладаютъ окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; изъ общаго числа учащихъ 36% съ недостаточнымъ образованіемъ—домашнимъ и курсомъ низшихъ школъ. Такой неудовлетворительный подборъ учащихъ по образованію зависитъ главнымъ образомъ отъ недостаточности жалованья и вообще всей плохой обстановки дѣятельности народнаго учителя въ губерніи, почему люди съ лучшимъ образованіемъ бѣгутъ отъ учительской дѣятельности. Вообще наиболѣе устойчивъ учительскій персоналъ въ министерскихъ школахъ, выше оплачиваемыхъ сравнительно съ земскими, а въ земскихъ школахъ учительскій персоналъ очень подвиженъ: очевидно, здѣсь учительское дѣло привлекаетъ мало само по себѣ, а служитъ лишь временнымъ исходомъ, за отсутствіемъ чего-либо болѣе подходящаго. «Вообще среди интеллигенціи,—замѣчаетъ г. Жбанковъ,—интересъ работать въ деревнѣ и для деревни, къ сожалѣнію, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ, — крайняя нужда, а не призваніе гонитъ въ деревенскую школу». Въ цифрахъ эта большая устойчивость министерскихъ учителей выражается такъ: большинство министерскихъ учителей служитъ въ школахъ отъ 6 до 20 лѣтъ, большинство земскихъ учителей отъ 1 до 10 лѣтъ, учительницы въ общемъ продолжаютъ службу нѣсколько дольше, но за то очень многія изъ нихъ покидаютъ школу въ первые 5 лѣтъ. Переводя эти цифры на реальныя житейскія условія, замѣчаемъ, что продолжительность службы прямо пропорціональна высотѣ жалованья и правильно повышается по уѣздамъ сообразно градаціи окладовъ. Въ министерскихъ школахъ учителя всѣ получаютъ одинаково по 330 руб. въ годъ, помощники 100—150 рублей. Жалованье въ земскихъ школахъ колеблется отъ 60 до 300 и выше рублей въ годъ, причемъ большинство (54%) земскихъ учителей получаетъ крайне незначительное содержаніе—менѣе 200 рублей, и изъ этой ничтожной суммы 18 рублей вычитается ежегодно въ эмеритальную кассу. Тверское общество взаимопомощи выработало проектъ нормальнаго учительскаго бюджета въ 340 р., причемъ на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей вычислено 250 рублей; исходя изъ этой нормы, находимъ, что 86% учителей земскихъ школъ Смоленской губ. получаютъ жалованіе, недостаточное для удовлетворенія даже однихъ матеріальныхъ потребностей. Относительно квартиръ, въ министерскихъ школахъ дѣло поставлено болѣе или менѣе удовлетворительно, въ земскихъ 58% учительскихъ квартиръ не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ: въ бланкахъ находимъ постоянныя жалобы на тѣсноту, холодъ, сырость. Есть даже такая школа, гдѣ учитель и ученики живутъ въ классѣ, учитель спитъ на полатяхъ, а ученики подъ нимъ на нарахъ. При такой обстановкѣ учительскаго труда, немудрено, что многіе безъ сожалѣнія готовы разстаться съ учительской дѣятельностью: о желаніи перебраться на другую службу заявили въ бланкахъ 15%, но изъ частныхъ разговоровъ выяснилось, что число таковыхъ гораздо больше.

Г. Д. Овсянико-Куликовскій, продолжая свои статьи о Толстомъ, на этотъ

разъ занимается психологическимъ разборомъ Ал. Алекс. Каренина. Авторъ исходитъ изъ того положенія, что Толстой вслѣдствіе свойственной ему субъективности творчества, проявляетъ художественную силу, главнымъ образомъ, въ изображеніи натуръ, близкихъ или родственныхъ ему самому, онъ хорошо знаетъ свою великосвѣтскую среду и потому мастерски изображаетъ представителей ея. Въ лицѣ Каренина Толстой задумалъ изобразить чуждый ему типъ бюрократа, и потому, по мнѣнію г. Овсянико-Куликовскаго, «Каренинъ, какъ образъ, производитъ на насъ впечатлѣніе не художественнаго созданія, а болѣе или менѣе искуснаго и искусственнаго беллетристическаго построенія». Благодаря этой предвзятой точкѣ зрѣнія, анализъ Каренина у г. Овсянико-Куликовскаго слагается изъ двухъ противоположныхъ тенденцій: если Толстой отмѣчаетъ въ Каренинѣ какую-нибудь черту, характеризующую его, какъ бюрократа,—критикъ объявляетъ, что это черезчуръ схематично, неиндивидуально; если же Толстой вноситъ въ образъ Каренина своеобразную личную особенность,—критикъ немедленно перемѣняетъ позицію и заявляетъ, что это не характерно, не типично для бюрократа. Затѣмъ, г. Овсянико-Куликовскій подмѣтилъ въ Толстомъ предубѣжденіе противъ Каренина, намѣреніе сгустить краски въ его изображеніи, и борется противъ Толстого, защищая твореніе отъ его творца. Ради этого онъ вноситъ многія поправки въ образъ Каренина, начертанный Толстымъ; такъ, Толстой сообщаетъ, что послѣ измѣны Анны Каренинъ «ничего не хотѣлъ думать о поведеніи и чувствахъ своей жены, и, дѣйствительно, онъ объ этомъ ничего не думалъ». Критикъ не соглашается съ этимъ и находитъ, что Каренинъ долженъ былъ думать, ибо «затаенное горе, нераздѣленное чувство обиды должны были давить на сознаніе тѣмъ сильнѣе», и т. д. Послѣ цѣлаго ряда такихъ поправокъ, Каренинъ выходитъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ хотѣлъ изобразить его и изобразилъ Толстой; а если бы Каренинъ былъ другимъ, то и вся драматическая фабула романа должна бы быть перестроена. Чтобы доказать тенденціозность въ обрисовкѣ личности Каренина, г. Овсянико-Куликовскому приходится прибѣгать, напр., съ такого рода аргументамъ. Толстой изображаетъ растерянность Каренина передъ фактомъ измѣны жены, такъ какъ онъ «всю жизнь свою прожилъ и проработалъ въ сферахъ, имѣющихъ дѣло съ отраженіями жизни», а не съ самой жизнью. Чтобы изобличить пристрастность сужденія Толстаго, г. Овсянико-Куликовскій берется опровергать общепризнанное положеніе, ставшее почти трюизмомъ. «Если бы рѣчь шла, напр., объ ученыхъ и философахъ, то я бы согласился, что передъ нами люди, имѣющіе дѣло не съ жизнью, а только съ отраженіями жизни. Но вѣдь Каренинъ—не мыслитель, отдѣленный отъ дѣйствительности, онъ—практическій дѣятель, стоящій лицомъ къ лицу съ текущими вопросами государственной и общественной жизни» и т. д., и т. д.

До сихъ поръ въ нашей періодической печати о Вл. Серг. Соловьевѣ помѣщались большею частію лишь замѣтки некрологическаго характера. Г. *Андреевичъ* пытается дать болѣе широкую и общую характеристику его какъ общественнаго мыслителя. Вл. С. Соловьевъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому общественному толку; съ одной стороны имя его сіяетъ, какъ имя «передового бойца за остатки той гражданской порядочности, которая уцѣлѣла (въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ) отъ разгрома восторжествовавшей и побѣдоносной катковщины», затѣмъ, всѣмъ памятны смѣлые и рѣшительные удары, которые онъ наносилъ выродившемуся славянофильству въ лицѣ Страхова и Данилевскаго; съ другой стороны, нельзя забыть и того, что нѣкоторыя статьи его вызывали восторгъ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ основѣ этихъ противорѣчій лежитъ невыясненность общихъ точекъ зрѣнія, недоговоренность міросозерцанія Соловьева. Онъ не былъ философомъ, напряженно, мучительно искавшимъ истины. Онъ сразу легко нашелъ главные устои своей внутренней жизни въ ученіи славяно-

философъ и въ привязанности къ догмѣ, и эта догма, какъ бы она ни мѣняла свою внѣшнюю форму, придавала твердость и силу его міросозерцанію. Онъ обладалъ безстрастнымъ, діалектическимъ умомъ и такимъ же безстрастнымъ, но правильнымъ и красивымъ стилемъ. Онъ не покорялъ читателя внезапно горячею, пламенною рѣчью, но постепенно запутывалъ его въ сѣти искусныхъ, послѣдовательныхъ аргументовъ. «Самъ не зажженный внутреннимъ огнемъ, Соловьевъ не зажигалъ, разумѣется, и другихъ. И любопытно: у него нѣтъ ни одного хотя бы только литературнаго послѣдователя, ибо онъ никуда никогда не звалъ». Это своего рода эпикурейство мысли и игра талантомъ слова, естественно, сопровождались оптимизмомъ. Само собой разумѣется, онъ не могъ не видѣть зла жизни, но онъ не придавалъ ему особеннаго значенія и умѣлъ находить врачеваніе всѣмъ житейскимъ бѣдствіямъ — въ нравственной эволюціи человѣчества. Онъ не спускался близко къ практическимъ вопросамъ со своихъ аскетическихъ высотъ и сводилъ всѣ соціальныя проблемы къ личной проблемѣ самосовершенствованія. И отвлеченность его мышленія вела тоже къ оптимизму. Онъ никогда не считался ни съ исторіей, ни съ эволюціей: достаточно доброй воли людей, чтобы ниспровергнуть законы общественной и экономической жизни. «Я стою,— писалъ Соловьевъ—только за ту очевидную истину, что при достаточной силѣ нравственныхъ побужденій у даннаго лица, частнаго и тѣмъ болѣе правительственнаго, никакая предполагаемая экономическая необходимость не помѣшаетъ ему подчинить матеріальныя соображенія нравственнымъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, а отсюда логически слѣдуетъ, что никакихъ естественныхъ законовъ, дѣйствующихъ независимо отъ воли данныхъ лицъ, въ этой области вовсе не существуетъ». Когда ослабѣвала вѣра въ силу нравственныхъ побужденій въ человѣчествѣ, Соловьевъ обращался къ другой своей вѣрѣ—вѣрѣ въ «организованную жалость», т.-е. въ государство. Перебирая многочисленныя писанія Соловьева, авторъ спрашиваетъ, чего собственно хотѣлъ Соловьевъ, какъ публицистъ?—и отвѣчаетъ на это, что «онъ не хотѣлъ ничего, кромѣ собственной безусловной чистоты, кромѣ побѣды надъ духами зависти, лѣни, честолюбія»... Онъ былъ «совопросникъ міра сего», великій умъ истратилъ себя на рѣшеніе діалектическихъ проблемъ. Противорѣчія, которыми полны его воззрѣнія, дѣлали его терпимымъ во всѣхъ лагеряхъ, но нигдѣ онъ не былъ своимъ и даже больше—онъ былъ чужимъ среди своихъ. Онъ былъ моралистъ, все сводившій къ нравственному началу, но въ то же время онъ былъ строгимъ и послѣдовательнымъ государственникомъ, въ духѣ блаженнаго Августина. Само собой разумѣется, что проповѣдь личнаго самосовершенствованія должна была столкнуться съ признаніемъ государственной организаціи, и Соловьевъ поступился первой въ пользу второй. На пути свободнаго, безусловнаго нравственнаго совершенствованія стоитъ всемогущее государство со своими необходимыми и властными аттрибутами — войной, уголовнымъ кодексомъ и догмой, которые Соловьевъ оправдываетъ и защищаетъ съ принципіальной, не только философской, но и чисто христіанской точки зрѣнія. Что же остается для личнаго совершенствованія въ этомъ огороженномъ пространствѣ? Аскетическая работа надъ самообузданіемъ; предварительныя аскетическія упражненія должны состоять въ управленіи дыханіемъ и сномъ (дышать носомъ, бороться со сномъ и произвольно прерывать сонъ), въ воздержаніи отъ мясной пищи, отъ плотской похоти и т. п.— тутъ слѣдуетъ вся мистическая практика «умнаго дѣланія», идущая отъ незапамятныхъ временъ. Христіанская санкція войны и тюремъ, утверждаемая Соловьевымъ, даетъ поводъ г. Андреевичу въ недоумѣніи спрашивать: какъ могла неоспоримая искренность этой младенчески-чистой души совмѣщаться съ такимъ откровеннымъ византійствомъ? Разъясненіе недоумѣній онъ разсчитываетъ получить современемъ отъ друзей философа.

«Вѣстникъ Европы», октябрь. Не лишнее будетъ привести въ дополненіе

къ предыдущей статьѣ воспоминанія о В. С. Соловьевѣ извѣстнаго французскаго писателя Мельхіора де-Вогюэ, напечатанныя въ «Journal des Débats» и приведенныя въ отдѣлѣ «изъ общественной хроники» «Вѣстн. Европы». О лекціяхъ Соловьева въ Петербургскомъ университетѣ Вогюэ говоритъ слѣдующее: «Эта масса студентовъ, вышедшихъ изъ народа, сидящихъ или стоящихъ на скамьяхъ обширной аудиторіи, наполняя ее живописными группами, этотъ молодой 27-ми-лѣтній ученый, пылкій, худощавый—все переносило воображеніе въ подобныя же средневѣковыя аудиторіи, со студентами и профессорами, которые должны были имѣть ту же физіономію, ту же діалектику, тѣ же страсти... Соловьевъ былъ философомъ, богословомъ, поэтомъ, но всѣ эти понятія мало его опредѣляютъ; вѣрнѣе будетъ назвать его *докторомъ* (doctor mirabilis) въ томъ смыслѣ, какой придавался этому слову, когда имъ жаловали великихъ средневѣковыхъ схоластиковъ»... Изъ этихъ «докторовъ» Соловьевъ всего больше, въ глазахъ Вогюэ, напоминалъ Абеляра, «такого же обольстительнаго, краснорѣчиваго, съ головокружительной граціей играющаго надъ бездной еретичества и страсти»...

«Русское Богатство» сентябрь, *Г. Кудринъ* (статья помѣщена въ августовской книжкѣ журнала) характеризуетъ эволюцію политическихъ партій во Франціи. Дѣло Дрейфуса и связанное съ нимъ идейное возбужденіе, этотъ водоворотъ прогрессивныхъ и реакціонныхъ теченій, перетасовало прежнія политическія партіи; въ виду этого пересмотръ ихъ является далеко не лишнимъ. Первой въ ряду партіи стоитъ умѣренно-республиканская или оппортунистская, благодаря преобладанію въ политической жизни наложившая свою печать на исторію третьей республики. Громогласное исповѣдываніе республиканскихъ принциповъ и въ то же время преклоненіе передъ арміей являются не политическими правилами Мелина и его шайки, а давнишними традиціями этой партіи, идущими отъ ея основателя Гамбетты. Отъ него по прямой линіи идетъ это замѣщеніе важныхъ военныхъ должностей завѣдомыми врагами республики, которое практиковалось недавно министерствомъ Мелина. Въ послѣднее время «умѣренные и мудрые» республиканцы прямо установили своей программой—управлять при помощи консерваторовъ и реакціонеровъ, требуя отъ нихъ взамѣнъ выгодъ и положенія лишь формальнаго присоединенія къ республикѣ, затѣмъ—исключать и удалять отъ себя лѣвое крыло—демократовъ и соціалистовъ: такова тактика этого безъидейнаго оппортунизма, преслѣдующаго только практическія цѣли самосохраненія. По отношенію къ клерикализму, партія тоже слѣдуетъ завѣтамъ своего основателя. Она борется съ іезуитами и клерикалами внутри страны и покровительствуетъ имъ внѣ предѣловъ Франціи: замаскировывая и прикрывая громкими фразами, оппортунисты стараются ввести въ современную жизнь принципы клерикализма. И въ отношеніи къ соціальнымъ вопросамъ современные оппортунисты повторяютъ изрѣченіе Гамбетты, что соціальнаго вопроса нѣтъ, а есть лишь отдѣльныя задачи для разрѣшенія. Въ политической экономіи они все еще тяготѣютъ къ индивидуалистической школѣ свободной конкурренціи; благодаря ихъ отсталой экономической политикѣ Франція такъ запоздала по вопросу о рабочемъ законодательствѣ—первые шаги его, касающіеся ограниченія женскаго и дѣтскаго труда, были сдѣланы лишь въ 1892 году. Находясь въ настоящее время въ оппозиціи, мелинисты слились съ правой, и если они восторжествуютъ, то дадутъ волю темнымъ силамъ реакціи съ поблажками національизму и клерикализму. Исторія радикальной партіи представляетъ печальное зрѣлище: она имѣетъ цѣлый рядъ блестящихъ талантовъ (Клемансо, Буржуа, Пелльтанъ), а между тѣмъ находится на пути къ паденію и разложенію. Объясненіе этому можно найти въ недостаткѣ положительныхъ и практическихъ элементовъ въ ея программѣ. Въ соціальныхъ воззрѣніяхъ радикалы вдаются въ крайнюю идеологію: они разсчитываютъ излѣчить всѣ язвы общественнаго строя помощью моральной пропаганды, путемъ

приглашеній и увѣщаній экономически-сильныхъ не злоупотреблять своей силой въ ущербъ экономически-слабымъ. И въ политикѣ ихъ программа страдаетъ крайнимъ раціонализмомъ: они строятъ абстрактныя формулы въ видѣ «справедливыхъ законовъ» и «совершенныхъ конституцій» и съ ихъ помощью надѣются разрѣшить всѣ жгучіе вопросы современности. Они умѣютъ взбудоражить умы радикальной *критикой* существующаго, но взамѣнъ предлагаютъ нѣчто до такой степени неудовлетворительное, что не безъ основанія оппортунисты обвиняли ихъ въ «безплодной агитаціи». Въ послѣдніе годы остатки ихъ политическаго вліянія все больше и больше переходятъ въ руки рабочей партіи, и радикалы изъ дѣйствующей партіи теперь почти окончательно превратились въ «академическую» оппозицію. Что касается французской рабочей партіи, то, какъ извѣстно, внутреннія распри ея и дробленія связаны съ слѣдующимъ вопросомъ: въ какой степени, изъ соображеній тактики, можетъ быть допущенъ компромиссъ, въ смыслѣ союза и совмѣстной дѣятельности съ другими буржуазными партіями. Непримиримые и во главѣ ихъ Гэдъ настаиваютъ на обособленіи соціалистической партіи и на рѣшительномъ отстраненіи ея отъ политической борьбы. Однако, мало-по-малу эта прямолинейная программа подавалась, и Гэдъ по частямъ поступался своими ригористическими принципами, такъ, онъ призналъ пользу для членовъ партіи завладѣть муниципалитетами, онъ же поддерживалъ хотя и радикальное, но все же буржуазное министерство Буржуа, наконецъ, при выборахъ 1898 г. онъ пропагандировалъ необходимость союза съ радикалами. Дѣло Дрейфуса съ новой силой обострило эти разногласія въ соціалистической партіи. Манифестъ, выпущенный партіей по поводу процесса, въ самый разгаръ борьбы, раздиравшей Францію, совѣтовалъ рабочимъ держаться безучастно въ сторонѣ. Однако, болѣе крайніе элементы, вмѣстѣ съ Жоресомъ, были увлечены движеніемъ, но они нашли поддержку только въ нѣкоторыхъ мелкихъ фракціяхъ, а вся многочисленная группа марксистовъ по прежнему держалась вдали. Вслѣдствіе этого, Жоресу пришлось искать себѣ союзниковъ внѣ партіи —среди передовыхъ представителей демократической буржуазіи. Въ тѣсной связи съ этимъ распредѣленіемъ силъ стоитъ образованіе министерства «республиканской защиты». Противъ грознаго нашествія сплотившихся реакціонныхъ элементовъ необходимо было организовать отпоръ изъ передовыхъ силъ страны для защиты свободныхъ учрежденій: такъ возникло министерство Вальдека Руссо, включившее въ свой составъ, на ряду съ радикальными и умѣренными республиканцами, соціалиста Мильрана и генерала Галиффе, «свирѣпаго защитника порядка». Жоресъ, въ пылу борьбы, принялъ подъ свое покровительство эту политическую комбинацію и внесъ этимъ ожесточенный раздоръ въ соціалистическую партію, которая всю энергію стала употреблять на внутреннюю, междоусобную борьбу. Несомнѣнно, сотрудничество соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ рядомъ съ Галиффе было очень рѣшительнымъ шагомъ и могло объясняться только исключительными обстоятельствами времени. Между тѣмъ, Гэдъ никакими соображеніями не соглашался оправдывать эту комбинацію, а, наоборотъ, Жоресъ шелъ по пути компромисса дальше и пытался отнять у этой комбинаціи случайный характеръ и требовалъ возведенія ея въ принципъ партійной тактики. Любопытно, какъ разрѣшилась эта борьба на конгрессѣ рабочей партіи мѣсяцъ тому назадъ въ Парижѣ. Гэдисты (заимствуемъ свѣдѣнія о конгрессѣ изъ спеціальной корреспонденціи «Русск. Вѣдомостей», № 264) явились на конгрессъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ предать публичному поруганію Жореса и Мильрана, разсчитывая найти поддержку среди иностранныхъ делегатовъ, особенно нѣмцевъ. Но ихъ постигъ цѣлый рядъ разочарованій. Уже требованіе ихъ ограничить дѣятельность рабочей партіи одной экономической сферой и уклоняться отъ борьбы общественнаго и политическаго характера—не встрѣтило сочув-

ствія въ членахъ конгресса. Затѣмъ, вмѣсто осужденія Жореса за страстное участіе въ дѣлѣ Дрейфуса, члены конгресса осыпали его похвалами. Но самое тяжелое пораженіе потерпѣли гэдисты по капитальному пункту программы, по вопросу объ участіи представителя рабочей партіи въ буржуазномъ министерствѣ. Гэдъ внесъ отъ имени своей партіи резолюцію, въ которой безусловно и формально запрещается подобное сотрудничество съ представителями буржуазныхъ партій. Всѣ его надежды устремлены на поддержку Каутскаго, между тѣмъ Каутскій предлагаетъ свою прямо противоположную резолюцію: онъ вполнѣ допускаетъ, изъ соображеній партійной политики, участіе члена партіи въ буржуазномъ министерствѣ,—но лишь съ разрѣшенія партіи и подъ ея контролемъ. Огромное большинство присоединяется къ этой резолюціи, особенно послѣ того, какъ внесена была поправка, въ силу которой представитель рабочей партіи немедленно долженъ выйти въ отставку, разъ того потребуетъ партія.

Г. *К. С.* описываетъ хозяйничанье грековъ въ теперешней Сиріи и Палестинѣ. Эта поразительно бѣдная страна, съ невѣжественнымъ, приниженнымъ населеніемъ служитъ ареной ожесточенной борьбы между различными христіанскими исповѣданіями за право собственности на св. мѣста. Въ этой недостойной борьбѣ, въ которой разнуздываются мелкія страсти и низменные аппетиты, очень незавидную роль играютъ греки. Греки утвердились въ Іерусалимѣ еще въ XVI вѣкѣ, тогда же основали тамъ монашеское братство св. Гроба, которое мало по-малу вытѣснило изъ церковнаго управленія мѣстное населеніе и до сихъ поръ изъ своей среды поставляетъ іерусалимскихъ патріарховъ. Оно обладаетъ огромными капиталами, благодаря многочисленнымъ пожертвованіямъ, особенно изъ Россіи, и вообще составляетъ большую силу въ краѣ. Главная его задача есть борьба съ другими вѣроисповѣданіями изъ-за обладанія св. мѣстами, особенно съ католиками. Отстаивается положительно каждый миллиметръ пространства въ храмѣ Воскресенія; споры разрѣшаютъ турецкіе чиновники обычнымъ способомъ—взвѣшиваніемъ, которая сторона даетъ больше золота. Все это сопровождается ссорами, драками, иногда греческіе и католическіе монахи берутся даже за кинжалы. Въ слѣдующей стадіи борьбы привлекаются изслѣдователи, которые должны оспаривать подлинность той или другой святыни, и въ настоящее время въ Іерусалимѣ нѣтъ ни одной святыни, надъ которой не тяготѣло бы *научное* сомнѣніе со стороны противныхъ партій, также нѣтъ почти ни одного мѣста, которое бы не имѣло своего двойника: есть двѣ горы Елеонскихъ, два Гефсиманскихъ сада и т. д. Свои огромныя богатства Святогробское братство собираетъ также съ православныхъ богомольцевъ, преимущественно русскихъ. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ, съ возникновеніемъ Палестинскаго Общества число русскихъ паломниковъ въ св. землю возросло до десяти тысячъ въ годъ; большинство этихъ богомольцевъ—сѣрый людъ, изъ нихъ $^2/_3$ составляютъ женщины. Обыкновенно передъ Пасхой Іерусалимъ наполняется многочисленной разношерстной толпой, все это волнуется, кричитъ и всякій на свой ладъ славословитъ Бога. Барабанный бой, громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, пѣніе, различныя процессіи, знамена, хоругви—все это представляетъ невообразимый, смѣшанный гулъ и суету. Среди этой толпы то и дѣло попадаются знакомыя дѣтски-умиленныя лица, сіяющія тихимъ восторгомъ: это русскія богомолки, стянувшіяся сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Большинство привозитъ съ собой провизію—мѣшокъ сухарей, которыми и питаются все время, дрожатъ надъ каждымъ грошомъ и въ то же время жертвуютъ десятки рублей на св. мѣста. Во всѣхъ греческихъ монастыряхъ установлены опредѣленныя таксы за поминовеніе. Толстыя книги, исписанныя русскими именами, конечно, истребляются, потому что нѣтъ никакой физической возможности—прочитать всѣ имена за литургіей. До основанія Палестинскаго Общества греки давали пріютъ русскимъ паломникамъ, и съ этою цѣлью брат-

ство раскинуло цѣлую сѣть монастырей въ различныхъ пунктахъ св. земли. Палестинское Общество, взявшее подъ свою опеку русскихъ богомольцевъ, нанесло братству огромный матеріальный ущербъ. Теперь грекамъ осталась только одна статья доходовъ—записи на поминовеніе, и въ этомъ отношеніи греческіе монахи съ необычайною наглостью выколачиваютъ все, что возможно. Эксплуатація простодушной вѣры доходитъ до возмутительной фальсификаціи: нашимъ богомольцамъ продаютъ гвозди, которыми былъ пригвожденъ Спаситель, стружки отъ св. Гроба(хотя онъ каменный), слезы Богородицы, даже египетскую тьму въ пузырькахъ! Громадную толпу богомольцевъ собираетъ въ Іерусалимъ передъ Пасхой, главнымъ образомъ, страстное желаніе присутствовать при ниспосланіи божественнаго огня въ страстную субботу. Эта церемонія обставляется греческимъ братствомъ съ таинственною торжественностью. Въ русскомъ подворьѣ Палестинскаго Общества объ этомъ сообщается въ особыхъ объявленіяхъ: «Благодатный огонь въ 1 часъ дня». Чтобы обезпечить себѣ мѣсто въ храмѣ, многіе забираются дня за три, въ самый день съ утра храмъ начинаетъ наполняться паломниками; часовъ въ 10 вводится почти цѣлый полкъ турецкихъ солдатъ, которые въ нѣсколько рядовъ съ ружьями въ рукахъ окружаютъ кувуклію (часовню надъ св. Гробомъ). У каждаго паломника по пучку изъ 33 свѣчей, по числу лѣтъ Спасителя. Передъ самымъ моментомъ, когда патріархъ входитъ въ кувуклію, напряженіе толпы доходитъ до крайней степени. Можно себѣ представить, какой бурей разразится это зловѣщее затишье, если произойдетъ задержка. Иногда это случалось, и страшное волненіе заканчивалось человѣческими жертвами и угрозами смертью патріарху. Онъ такъ или иначе долженъ дать обезумѣвшей толпѣ божественный огонь. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ турецкое правительство, изъ опасенія безпорядковъ, приказало греческому духовенству оффиціальной бумагой «впредь появленіе божественнаго огня не задерживать». Какъ только изъ праваго окошечка кувукліи блеснетъ свѣтъ, моментально все это море головъ приходитъ въ волненіе, раздается оглушительный звонъ, бой въ литавры и дикій ревъ безчисленныхъ голосовъ. Всѣ хватаютъ горстями пламя, прикладываютъ огонь къ шеѣ, къ лицу, въ увѣренности, что божественный огонь не жжетъ. «Передъ интеллигентными поклонниками греки не скрываютъ, что это не болѣе, не менѣе, какъ обрядъ, совершаемый въ воспоминаніе дѣйствительно случившагося когда-то чуда, что въ настоящее время они не могутъ не совершать этого обряда и не выдавать его за чудо передъ невѣжественною массою русскихъ и мѣстныхъ поклонниковъ, потому что опасаются страшнаго возмущенія». «Да кромѣ того грубому религіозному пониманію этой массы нужны чудеса, нужны матеріальныя доказательства,—говорятъ греки,—зачѣмъ мы будемъ лишать ее этого великаго духовнаго утѣшенія?» Само собой разумѣется, что подкладка этихъ разсужденій на дѣлѣ другая—возможность наживы; съ этой цѣлью греки не только не разрушаютъ этого заблужденія въ массѣ, но всѣми способами его поддерживаютъ и путемъ невѣжественной литературы, стиховъ, псальмъ и т. п., стараются одурманить темную публику туманомъ суевѣрій. Настоящей просвѣтительной дѣятельности греки совсѣмъ не проявляютъ; школы ихъ заброшены, духовенство безграмотно, церкви находятся въ запущенномъ видѣ. Палестинское Общество даетъ теперь болѣе разумный путь притоку пожертвованій, употребляя ихъ на устройство школъ и на поддержаніе церквей. Благодаря своекорыстію и пренебрежительному отношенію къ паствѣ греческаго духовенства, инославная пропаганда, особенно католическая и уніатская, все болѣе и болѣе вырываетъ изъ рукъ грековъ мѣстное населеніе.

Г. *Діонео* характеризуетъ различныя формы, которыя принимаетъ въ Англіи идея имперіализма. Очень большую группу населенія увлекаютъ патріотическія мечтанія о величіи Британской имперіи; эти люди, которыхъ авторъ

называетъ «культурными дикарями», видятъ въ имперіализмѣ новую римскую имперію, только еще болѣе обширную, обнимающую Англію, колоніи, Америку: надъ всѣмъ этимъ пространствомъ долженъ развѣваться англійскій флагъ. Средствомъ для осуществленія этой грандіозной перспективы можетъ служить только сильная армія, поэтому поклоненіе милитаризму одушевляетъ этихъ грубыхъ патріотовъ. Другое теченіе зародилось въ промышленномъ центрѣ Англіи (въ Бирмингамѣ и Шефильдѣ) и вызвано паденіемъ вывоза: для него имперіализмъ означаетъ расширеніе торговли. Приблизительно до 1880 года англійскіе фабрикаты наводняли всѣ страны, но съ этого времени другія иностранныя издѣлія, преимущественно германскія и американскія, по своей сравнительной дешевизнѣ, стали отбивать рынки у англійской промышленности, и англійскій экспортъ за послѣдніе годы сильно упалъ. Спеціальная коммиссія, работавшая въ 1885 г. надъ выясненіемъ причинъ упадка англійской торговли, опрашивала англійскихъ промышленниковъ о средствахъ помочь дѣлу и получила единогласный отвѣтъ: необходимо заключить торговый союзъ съ колоніями, т.-е. уничтожить частныя таможни каждой колоніи и окружить всю имперію однимъ таможеннымъ кордономъ отъ иностранныхъ фабрикатовъ. Такимъ образомъ, колоніи будутъ давать метрополіи сырые продукты, а отъ нея получать обработанные. Апостоломъ этой теоріи выступилъ Чэмберленъ еще въ 1887 году. Въ связи съ этимъ проектомъ таможеннаго союза стоитъ погоня за рынками: Америка и Азія уже захвачены, нужно обратить вниманіе на Африку, построить тамъ колоссальную желѣзнодорожную линію отъ Капской колоніи до Каира и сбыть туда всѣ залежавшіеся англійскіе товары—рельсы, локомотивы, вагоны и т. д., и т. д. Къ этому теченію въ имперіализмѣ примыкаютъ биржевые спекулянты, которые разсчитываютъ отъ захвата новыхъ территорій получить новыя крупныя выгоды. И массы были вовлечены въ имперіализмъ тѣмъ, что ихъ обнадеживали повышеніемъ заработной платы вслѣдъ за расширеніемъ рынковъ и ростомъ промышленности. Эти надежды на всевозможныя блага отъ имперіализма, оказывается, имѣютъ очень слабыя практическія основанія. Во-первыхъ, расширеніе англійской территоріи, сдѣлавшее очень большіе успѣхи съ 80-хъ годовъ, не только не сопровождалось усиленіемъ вывоза, но наоборотъ—его пониженіемъ, ибо и на новыхъ рынкахъ англійская промышленность не могла выдержать конкуренціи съ иностранною. Во-вторыхъ, требованіе объ отмѣнѣ охранительныхъ тарифовъ въ колоніяхъ едва ли можетъ быть выполнено, такъ какъ таможенный доходъ во многихъ колоніяхъ является основной статьей бюджета, составляя иногда болѣе половины общей суммы прихода. Кромѣ того, сбытъ колоніальныхъ продуктовъ не можетъ быть удовлетворенъ одной Англіей: многія колоніи требуютъ гораздо болѣе обширнаго рынка. Затѣмъ, какъ бы джингоисты ни поднимали престижъ солдата, англійскому населенію трудно отдѣлаться отъ презрѣнія къ солдату, какъ наемнику, продавшему себя за деньги, да и трудно набрать большую армію. Чтобы помочь этой бѣдѣ, совѣтуютъ набирать «боевой матеріалъ» изъ цвѣтнокожихъ, но публицисты примѣромъ Карѳагена и Рима предостерегаютъ отъ опасности полагаться на наемниковъ, которые при первомъ удобномъ случаѣ могутъ обратить свое оружіе противъ господина. Для пролетаріата же въ имперіализмѣ скрывается одна грозная возможность. Англійскіе капиталисты могутъ перенести свою промышленную дѣятельность въ страны съ баснословно-дешевымъ трудомъ: въ такомъ случаѣ англійскіе рынки будутъ завалены новыми дешевыми фабрикатами, и англійскіе рабочіе останутся безъ работы. Вотъ почему лучшія силы Англіи выступаютъ рѣшительно и настойчиво противъ имперіализма.

«Русская Мысль», сентябрь. Г. *П. Климентовъ* знакомитъ съ новой экономической школой въ Англіи, которую онъ называетъ «просвѣтительной»;

представителями ея являются Сидней Веббъ, Бернардъ Шоу, Оливеръ, Клэркъ, Гидламъ и др. Къ сожалѣнію, сообщаемыя авторомъ интересныя свѣдѣнія тонутъ въ массѣ лишнихъ фразъ и запутаны въ безпорядочномъ изложеніи. Новая школа съ большимъ успѣхомъ побиваетъ индивидуалистическую теорію, съ ея вѣрою въ естественный экономическій порядокъ, основанный на свободномъ развитіи частныхъ интересовъ и регулируемый только конкурренціей. Государственное вмѣшательство въ пользу рабочаго класса, какія бы то ни было законодательныя ограниченія эксплуатаціи рабочихъ—все это безусловно осуждалось манчестерской школой, проповѣдовавшей принципъ—laissez aller, laissez faire. Въ результатѣ получалось то, что фабриканты пользовались чудовищно-высокой прибылью, а рабочіе изнемогали отъ непосильнаго труда въ антигигіеническихъ условіяхъ. Современныя акціонерныя компаніи, муниципальныя и государственныя хозяйственныя предпріятія доказываютъ, что частная иниціатива и индивидуальныя хозяйственныя способности вовсе не являются необходимымъ условіемъ промышленной дѣятельности. Наоборотъ, новая школа экономистовъ настаиваетъ на все большей концентраціи хозяйственныхъ операцій въ рукахъ муниципалитетовъ и государства. Такъ, муниципалитеты уже во многихъ мѣстностяхъ Англіи взяли на себя производство газа, снабженіе жителей водой, проведеніе трамваевъ, сооруженіе дорогъ, городскихъ улицъ, рынковъ, госпиталей и т. п. Въ англійскіе муниципалитеты все болѣе и болѣе проникаетъ мысль о необходимости учрежденія хозяйственныхъ предпріятій и земледѣльческихъ колоній для рабочихъ, остающихся безъ работы. Наконецъ, во многихъ муниципалитетахъ производится постройка дешевыхъ жилищъ и домовъ для бѣдныхъ; другіе муниципалитеты устраиваютъ городскія прачешныя, бойни, парки, ботаническіе сады, художественныя галлереи, музеи, библіотеки, убѣжища, профессіональныя школы, лекціи для рабочихъ. Само собою разумѣется, что эта широкая дѣятельность требуетъ крупныхъ займовъ, но несмотря на уплату процентовъ по займамъ городскія управленія имѣютъ все-таки значительную прибыль. Современные экономисты-просвѣтители пропагандируютъ также въ духѣ Генри Джорджа высокое обложеніе земельной и городской ренты съ цѣлью перехода къ національзаціи земли; «муниципализація ренты» путемъ повышенія мѣстныхъ налоговъ уже въ широкихъ размѣрахъ практикуется въ Англіи. Итакъ, просвѣтительная школа указала новый факторъ въ борьбѣ съ отрицательными условіями современнаго строя—на муниципалитеты; по ея мнѣнію, расширенію и развитію муниципальнаго хозяйства и принадлежитъ будущее. Прежде большія надежды возлагались на кооперативное производство. Однако, опытъ не поддержалъ этихъ надеждъ: менѣе 1/400 англійской индустріи принадлежитъ производительнымъ ассоціаціямъ; эти ассоціаціи не могутъ выдержать борьбы съ крупными предпріятіями. Кооперативное движеніе въ Англіи важно, по мнѣнію англійскихъ экономистовъ, въ другой своей формѣ—въ потребительной. Затѣмъ, эти экономисты ратуютъ за введеніе 8-ми-часоваго труда, за пенсіи для престарѣлыхъ рабочихъ и за внесеніе правительственнаго контроля въ мелкія мастерскія, гдѣ примѣняется такъ называемая sweeting system, съ отвѣтственностью и предпринимателя, дающаго заказы, и домовладѣльца, сдающаго квартиры; съ другой стороны sweeting system можетъ быть искоренена путемъ развитія государственнохозяйственныхъ предпріятій, такъ, фабрикъ для изготовленія платья и обуви для матросовъ, полиціи, пожарныхъ и т. д. именно, того рода издѣлій, которыя въ настоящее время производятся при помощи sweeting system («система пота»).

За границей.

Англійскіе конгрессы и конференціи. Осенній сезонъ въ этомъ году, какъ всегда, ознаменовался организаціей множества большихъ и малыхъ конгрессовъ и конференцій въ различныхъ городахъ Англіи. Въ Брадфордѣ состоялся обычный ежегодный конгрессъ британской ассоціаціи, столь же многолюдный, какъ и всѣ предшествовавшіе, отъ которыхъ нынѣшній отличался только тѣмъ, что на этомъ конгрессѣ женщины въ первый разъ были допущены къ участію въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ британской ассоціаціи, пользующихся совершенно одинаковыми правами съ мужчинами. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ конгрессѣ было сдѣлано и еще одно нововведеніе—учреждена отдѣльная секція, исключительно посвященная вопросамъ воспитанія. На собраніи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ сэра Джона Эванса, было рѣшено единогласно, что британская ассоціація, должна употребить все свое огромное вліяніе и авторитетъ какъ ученое общество, не только въ научной области, но и въ сферѣ народнаго воспитанія, стараясь руководить реформами народнаго образованія въ надлежащемъ направленіи. Съ этою именно цѣлью и была организована новая секція британской ассоціаціи, въ работахъ которой особенно большое участіе приняли новые члены британской корпораціи ученыхъ—женщины.

Съ научной точки зрѣнія конгрессъ британской ассоціаціи изобиловалъ, какъ и въ предшествовавшіе годы интересными докладами. Особенно многочисленную публику привлекали засѣданія географической и зоологической секцій. Интересъ возбудилъ докладъ профессора Скотта о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ Патагоніи, доказывающихъ, что въ міоценовомъ періодѣ материки южной Америки, Новой Зеландіи и Австраліи были соединены между собой. Докладъ этотъ вызвалъ чрезвычайно оживленныя пренія и еще разъ доказалъ, какъ еще многому могутъ научиться геологи посредствомъ изслѣдованія малоизвѣстныхъ странъ. Въ зоологической секціи обратилъ на себя вниманіе докладъ маіора Рональда Росса о паразитѣ крови, причиняющемъ малярійную инфекцію, и о вліяніи москитовъ на распространеніе этой болѣзни. Экономическіе и соціальные вопросы также играли не послѣднюю роль въ засѣданіяхъ конгресса, причемъ былъ избранъ комитетъ, которому поручено представить британскому правительству резолюціи конгресса относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся положенія земледѣлія и фабричнаго труда въ Англіи.

Другіе два конгресса, заставившіе о себѣ много говорить иностранную печать, были: конгрессъ сіонистовъ и панафриканская конференція. Оба конгресса происходили въ Лондонѣ. Сіонистскій конгрессъ, четвертый съ тѣхъ поръ, какъ впервые въ Базелѣ былъ возбужденъ вопросъ три года тому назадъ о созваніи представителей европейскаго народа для обсужденія національныхъ нуждъ и положенія евреевъ,—отличался на этотъ разъ особеннымъ многолюдствомъ. На грандіозномъ митингѣ, устроенномъ передъ началомъ конгресса, присутствовало не менѣе семи тысячъ человѣкъ. Извѣстный писатель Максъ Нордау сказалъ въ первомъ засѣданіи конгресса рѣчь, которая произвела громадное впечатлѣніе. Онъ указалъ на то, что антисемитизмъ съ быстротою пожара охватываетъ всѣ страны и всюду возникаютъ гоненія, напоминающія о среднихъ вѣкахъ. Примѣромъ могутъ служить недавніе «кровавые» безпорядки въ нѣкоторыхъ чешскихъ городахъ, въ Румыніи и другихъ мѣстахъ, и на Западѣ, во Франціи, въ Алжирѣ. Но главную опасность Нордау видитъ въ томъ, что уже началось массовое переселеніе евреевъ. Изъ Румыніи бѣжало уже болѣе 20 тысячъ евреевъ и готовятся послѣдовать за ними еще 50 тысячъ. Но за румынскими евреями могутъ послѣдовать галиційскіе и русскіе евреи. Куда же дѣнется вся эта милліонная масса, пришедшая въ движеніе? Нордау видитъ единственный исходъ изъ этихъ затрудненій въ сіонизмѣ. Необходимо найти

убѣжище, обезпеченное публичнымъ правомъ, для этихъ милліоновъ преслѣдуемыхъ, не имѣющихъ отечества и собственнаго угла. Въ этомъ именно и заключается задача сіонизма. То положеніе, въ которомъ находится еврейскій народъ вездѣ, неестественно и приводитъ неизбѣжнымъ образомъ къ нравственному и физическому искалѣченію цѣлой націи. Соціальная справедливость всюду попирается ногами, но пока у евреевъ не будетъ своего отечества, они не могутъ доказать это міру.

Изъ прочитаннаго на конгрессѣ отчета о дѣятельности сіонистовъ оказывается, что сіонизмъ дѣйствительно пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ и число сіонистовъ достигаетъ уже 100.000. Сіонистскія федераціи и кружки растутъ какъ грибы въ разныхъ странахъ (по отчету, въ Россіи насчитывается уже 1.034 сіонистскихъ кружковъ) и въ пользу сіонизма высказались уже много раввиновъ, пользующихся большимъ авторитетомъ среди евреевъ. Въ послѣднее время эмиграція въ Палестину очень усилилась, громадный же успѣхъ лондонскаго конгресса несомнѣнно, также указываетъ, что сіонизму принадлежитъ будущее.

Столь же успѣшной можно назвать и панафриканскую конференцію, въ первый разъ организованную въ Лондонѣ съ цѣлью объединенія «африканцевъ», т.-е. не только представителей африканскихъ расъ, но и всѣхъ, кто сочувствуетъ и покровительствуетъ имъ. На конференціи присутствовало до двадцати делегатовъ отъ различныхъ странъ, но главнымъ образомъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и Вестъ-Индіи; между прочимъ присутствовалъ также и адъютантъ Менелика Бенито Сильвено.

Открывая засѣданіе конференціи предсѣдатель изложилъ программу и цѣль собранія. Африканцы изъ всѣхъ частей свѣта взываютъ о справедливости. Вездѣ они подвергаются эксплуатаціи и притѣсненіямъ со стороны бѣлыхъ расъ, поработившихъ ихъ, поэтому на первый планъ должно быть поставлено обсужденіе ихъ положенія и отношеній, установившихся между бѣлыми и черными расами.

Рѣчи представителей черной расы, какъ и слѣдовало ожидать, были настоящимъ мартирологомъ, грустною повѣстью и, вѣроятно, многимъ изъ представителей привилегированной бѣлой расы, участвующимъ въ панафриканской конференціи, было не по себѣ, когда они слушали ихъ. Особенный успѣхъ имѣла рѣчь миссъ Джонсъ, представительницы Уильберфорскаго университета. Миссъ Джонсъ—бѣлая, но не скрываетъ своего негритянскаго происхожденія и становится на сторону цвѣтной расы, права которой она взялась защищать. Она говорила кратко, сжато, но такъ краснорѣчиво и такими яркими красками обрисовала тяжелое положеніе негровъ въ Америкѣ, что рѣчь ея произвела глубокое впечатлѣніе на слушателей.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій обратила на себя вниманіе рѣчь Бенито Сильвено, адъютанта Менелика. Онъ говорилъ о необходимости полнаго согласія между туземными расами и европейскими колонистами. Африканская раса, сказалъ онъ, доказала, что она достигла зрѣлости и что она способна къ эволюціи. Та раса, которая могла дать міру такихъ людей, какъ Туссенъ, Фредерикъ Дугласъ, Александръ Дюма, Пушкинъ и др., предки которыхъ принадлежали къ этой расѣ,—не можетъ быть названа расой, неспособной къ развитію и осужденной на вымираніе. Изъ современныхъ представителей этой расы ораторъ считаетъ нужнымъ указать на Менелика, который дѣлаетъ честь тому народу, изъ котораго онъ вышелъ. Европейскія колоніальныя державы прежде всего должны установить правильныя отношенія съ туземцами, и не должны смотрѣть какъ на рабовъ или крѣпостныхъ, работающихъ на своихъ господъ и только терпимыхъ какъ необходимый элементъ для процвѣтанія и благосостоянія европейскихъ колоній. Это время уже миновало и туземцы тре-

буютъ къ себѣ справедливости и признанія своихъ правъ. Они должны участвовать какъ правоспособные члены въ матеріальномъ и умственномъ прогрессѣ колоній. «Нѣтъ такой человѣческой силы,—воскликнулъ съ чувствомъ ораторъ, — которая бы могла задержать соціальное и политическое развитіе африканскихъ туземцевъ и весь вопросъ заключается теперь въ томъ, какъ будетъ поступать Европа, такъ какъ отъ ея поступковъ зависитъ, приметъ ли эта эволюція африканскихъ туземцевъ характеръ враждебный Европѣ, или нѣтъ». Ораторъ питаетъ, впрочемъ, безусловное довѣріе къ практическому смыслу всѣхъ европейскихъ націй и, главнымъ образомъ, британскаго народа, не сомнѣваясь, что, въ концѣ концовъ, будетъ достигнуто полное согласіе и единеніе между европейскими колонизирующими націями и туземцами. Панафриканская ассоціація, организація которой въ принципѣ составляетъ уже рѣшенный вопросъ, конечно, ускоритъ осуществленіе этой идеи и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ благомыслящіе люди во всѣхъ частяхъ свѣта будутъ помогать этому.

Рѣчь Бенито Сильвено была покрыта самыми бурными аплодисментами. Слѣдующій ораторъ, миссъ Анна Куперъ изъ Вашингтона, прочла докладъ о «Негритянскомъ вопросѣ въ Америкѣ». Причисляя себя, вслѣдствіе своего происхожденія къ цвѣтной расѣ, несмотря на свой бѣлый цвѣтъ кожи, Анна Куперъ сказала, что ея народъ подвергается теперь самому тяжелому испытанію, какое когда-либо выпадало на его долю. Ему приходится вести неравную борьбу съ эгоизмомъ и подозрительностью бѣлой расы и пройти черезъ горнило разнуздавшейся расовой ненависти, которую воспиталъ въ себѣ бѣлый человѣкъ къ чернокожему. Въ сущности негритянскій вопросъ—это общечеловѣческій вопросъ, но миссъ Куперъ твердо вѣритъ въ будущность своего народа и въ то, что именно онъ наслѣдуетъ Америку. Во всякомъ случаѣ, внутренній миръ не наступитъ въ Америкѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшена негритянская проблема. Результатомъ этой конференціи было, какъ это и предполагалось раньше, учрежденіе африканской ассоціаціи, поставившей себѣ цѣлью содѣйствовать сближенію бѣлой и цвѣтной расы и разрѣшенію въ духѣ гуманности и справедливости негритянской проблемы въ Соединенныхъ Штатахъ и всѣхъ прочихъ вопросовъ, касающихся отношеній между африканскими туземцами и европейскими колонистами.

Въ Шеффильдѣ состоялось первое годичное собраніе «Союза Рёскина» (Ruskin Union), учрежденнаго послѣ его смерти горячими приверженцами и послѣдователями его ученія. Союзъ, насчитывающій уже 220 членовъ, поставилъ себѣ цѣлью «содѣйствовать изученію твореній Джона Рёскина, какъ произведеній генія, проникнутыхъ глубокою любовью къ человѣчеству». Въ Англіи уже существуетъ много кружковъ Рёскина, но союзъ Рёскина стремится объединить ихъ, вслѣдствіе чего на первомъ годичномъ собраніи членовъ союза рѣшено издавать журналъ, устраивать постоянныя конференціи и чтенія въ различныхъ городахъ и организовать ежегодный конгрессъ.

Очень продолжительныя и горячія пренія вызвали два вопроса: одинъ касался выпуска дешеваго изданія сочиненій Рёскина, другой—проекта электрической желѣзной дороги въ «Lake district», гдѣ жилъ и умеръ Рёскинъ. Одинъ изъ членовъ предложилъ выпустить сочиненіе Рёскина «Unto This Last» шестипенсовымъ изданіемъ, но противъ этого возсталъ другой членъ, доказывавшій, что нѣтъ никакого основанія издавать эту книгу такъ дешево, такъ какъ она необыкновенно хорошо раскупается и при теперешней цѣнѣ: 1 шиллингъ 6 пенсовъ за экземпляръ. Въ настоящее время разошлось уже почти 34.000 этого изданія. Публика охотно платитъ эти деньги, чего же больше!

Послѣ долгихъ и горячихъ споровъ предложеніе выпустить дешевое изданіе провалилось, такъ какъ большинство оказалось противъ этого, несмотря на свое желаніе распространять какъ можно болѣе идеи Рёскина, но въ та-

комъ способѣ распространенія фанатическіе послѣдователи его ученія увидѣли какую-то профанацію его имени.

Нечего и говорить, что второй вопросъ, касающійся проведенія электрической желѣзной дороги, вызвалъ единодушный протестъ. Это было бы дѣйствительною профанаціей памяти Рёскина и—какъ сказалъ одинъ ораторъ—«его кости перевернутся въ могилѣ, если желѣзная дорога пройдетъ по той мѣстности, которую онъ избралъ своею резиденціей»!

Агонія маленькаго народа. Война въ южной Африкѣ достигла того критическаго пункта, когда крупныя военныя операціи становятся уже невозможными, также какъ и дѣйствія многочисленной и правильно организованной арміи, поступающей по всѣмъ правиламъ современной стратегіи. Отъѣздъ президента Крюгера и исчезновеніе съ театра войны президента Штейна ясно указываютъ, что по мнѣнію ихъ обоихъ борьба теперь должна принять совершенно другой характеръ, чѣмъ прежде. Дѣйствительно мы видимъ, что буры покинули свои укрѣпленныя позиціи и согласно оффиціальной лондонской телеграммѣ англійскіе отряды, подъ командою сэра Редьерса Буллера, «комфортабельно устроились» въ Спицкопѣ, какъ разъ въ то время, когда Крюгеръ, вынужденный обстоятельствами покинуть свое отечество, переходилъ границу и искалъ убѣжища въ Лауренцо Маркецѣ.

Англичане ожидали встрѣтить отчаянное сопротивленіе въ Лиденбургѣ—этой послѣдней крѣпости буровъ, которая считалась неприступной, и были пріятно обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Конечно такой успѣхъ вскружилъ имъ голову и укрѣпилъ въ нихъ увѣренность, что Трансвааль покоренъ окончательно. Послѣдующіе факты какъ будто подтвердили это. Укрѣпленныя позиціи буровъ одна за другой попадали въ руки англичанъ и главныя силы буровъ, которыя лордъ Робертсъ опредѣлилъ въ 3.000 человѣкъ, отступили къ Комати-Поорту. Это войско, впрочемъ, скоро разбилось на мелкіе отряды. Тотчасъ же послѣ этого англійскія телеграммы снова заговорили о деморализаціи буровъ, о томъ, что они массами складываютъ оружіе и выражаютъ покорность и т. д., и т. д. Насколько это справедливо, доказываютъ послѣдующія событія: разрушеніе желѣзной дороги то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, постоянныя стычки, взятіе въ плѣнъ англійскихъ солдатъ и офицеровъ, нападеніе на обозы, опасность рекогносцировокъ и т. п. Оффиціальныя телеграммы объявляютъ о присоединеніи и замиреніи страны, но это ли признаки замиренія?

Однако, несомнѣнно, что о настоящей войнѣ, въ истинномъ значеніи этого слова, не можетъ быть и рѣчи, и это, очевидно, предвидѣлъ лордъ Робертсъ, когда онъ составлялъ свою знаменитую прокламацію, гдѣ заявлялось, что «мелкія разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ и дезорганизованныя банды, продолжающія сопротивленіе и борьбу при совершенно новыхъ условіяхъ, будутъ поставлены внѣ законовъ войны и съ ними будетъ поступлено сообразно этому».

Въ исторіи, какъ прошлой, такъ и современной, можно найти не мало указаній на то, какъ безсильны подобныя угрозы побороть отчаянное сопротивленіе народа, прибѣгающаго къ партизанской войнѣ, какъ къ средству извести врага, утомить его и отмстить ему за сдѣланную несправедливость. Безсильною оказалась и прокламація лорда Робертса. Борьба измѣнила свой характеръ, но она не превратилась, что доводитъ до бѣшенства нѣкоторые органы англійской печати. «Standard», напримѣръ, требуетъ, чтобы «разстрѣливали каждаго бура, который будетъ пойманъ съ оружіемъ въ рукахъ». Это бандиты, «desperados», съ которыми нечего церемониться и которые должны быть «внѣ закона»! восклицаетъ газета. Но рядомъ съ этимъ въ Англіи раздаются все таки голоса, взывающіе къ справедливости и предостерегающіе противъ такого злоупотребленія правомъ сильнаго. Но, къ сожалѣнію, даже тѣ, кто порицаетъ войну,

кто ей противился вначалѣ и горячо возставалъ противъ нея, теперь съ огорченіемъ заявляютъ, что Англіи больше ничего не остается, какъ довести дѣло до конца и присоединить республики. Во всякомъ случаѣ, «честь» Англіи требуетъ окончательнаго порабощенія бурскаго народа. И это упоминаніе о чести еще разъ доказываетъ, до какой степени часто въ политикѣ злоупотребляютъ этимъ понятіемъ.

Между тѣмъ агонія маленькаго народа продолжается. Онъ борется со смертью, обнаруживая замѣчательную жизнеспособность. Европа и Америка безучастно смотрятъ на эту агонію, притомъ же трансваальская трагедія уже потеряла интересъ въ глазахъ европейскихъ націй, всецѣло поглощенныхъ въ настоящее время китайскою «трагикомедіей» и вопросомъ, «кто кого проведетъ». Въ Трансваалѣ же война сводится къ мелкимъ стычкамъ и полицейскимъ обязанностямъ, которыя несутъ на себѣ англійскіе солдаты. Такъ дѣло можетъ продолжаться до безконечности и врядъ ли «честь» Англіи что-нибудь выиграетъ отъ этого.

Пока все это творится, старый президентъ трансваальской республики собирается ѣхать въ Европу. До сихъ поръ еще не рѣшено окончательно, ни куда онъ отправится, ни гдѣ онъ высадится въ Европѣ. На склонѣ дней ему опять приходится бѣжать изъ отечества, какъ нѣкогда въ дѣтскіе годы, когда онъ маленькимъ мальчикомъ участвовалъ въ великомъ «трекѣ» буровъ. Непреклонный старикъ не въ первый разъ вступаетъ на почву Европы, но теперь онъ пріѣзжаетъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, нежели шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ явился чуть ли не какъ тріумфаторъ, такъ какъ только что передъ этимъ маленькій бурскій народъ потягался съ могущественною англійскою націей и заставилъ ее признать свою независимость. Въ Голландіи, гдѣ Крюгера чествовали какъ главу бурской депутаціи, состоящей изъ пяти человѣкъ, въ чаду восторженныхъ овацій высказаны были даже затаенныя мечты о томъ времени, когда южно-африканскій флагъ будетъ развѣваться отъ Столовой горы до Замбезе. Всѣмъ казалось, что это великое событіе должно будетъ свершиться въ недалекомъ будущемъ. И какъ далеки теперь буры отъ этого! Какой глубокій трагизмъ заключается въ судьбѣ престарѣлаго президента, который является теперь въ Европу какъ изгнанникъ, лишенный отечества, и тѣ самые европейскіе дворы, которые принимали его съ распростертыми объятіями 17 лѣтъ тому назадъ, какъ героя и новоизбраннаго президента молодой южно-африканской республики, теперь, пожалуй, изъ боязни разсердить Англію, не сочтутъ даже возможнымъ принять его и выслушать и въ лучшемъ случаѣ ему отвѣтятъ съ пожатіемъ плечъ, что «для южно африканскихъ республикъ ничего сдѣлать невозможно».

Однако такое отношеніе европейскихъ дворовъ и правительства къ изгнаннику, являющемуся просить заступничества и справедливости, не помѣшаетъ европейскимъ народамъ выказать ему свое искреннее участіе и сочувствіе. Уже въ разныхъ странахъ готовятся адресы и депутаціи и быть можетъ это выраженіе народнаго сочувствія смягчитъ нѣсколько то горькое чувство, которое долженъ испытывать теперь престарѣлый президентъ, отправляясь въ Европу, всѣ правительства которой такъ безучастно отнеслись къ судьбѣ маленькаго народа.

Американскіе ораторы. Школы и музеи для дѣтей въ Америкѣ. Избирательная кампанія въ Соединенныхъ Штатахъ уже началась и цѣлая армія изъ 2.000 ораторовъ, мобилизованная для этой цѣли, открыла свои дѣйствія. Ораторское искусство въ Америкѣ во время выборовъ представляетъ своего рода профессію. Передъ выборами въ главныя квартиры республиканской и демократической партій являются отъ 10 до 15.000 кандидатовъ, предлагаю-

щихъ свои услуги. Всѣ эти кандидаты подвергаются экзамену и тѣ, которые выдержатъ его, зачисляются въ списки ораторовъ партій. Такихъ счастливцевъ бываетъ отъ 8 до 9.000 и они получаютъ хорошее вознагражденіе. Конечно, каждая партія имѣетъ не мало своихъ безплатныхъ ораторовъ, но все-таки ей нужны и такіе платные ораторы, которыхъ можно было бы посылать въ разные мѣста, въ особенности туда, гдѣ не хватаетъ добровольныхъ ораторовъ.

Экзаменъ выдержать не такъ легко, и кандидатъ долженъ обнаружить много ловкости и ораторскаго краснорѣчія, для того чтобы жюри признало его годнымъ быть представителемъ партій. Экзаменъ длится полчаса. Кандидатъ произноситъ въ присутствіи главнаго экзаменатора свою пробную рѣчь, и если она произведетъ впечатлѣніе, то имя его тотчасъ же заносится въ списки. Тѣ изъ кандидатовъ, которые еще въ первый разъ выступаютъ на этомъ поприщѣ и совершенно неизвѣстны экзаменатору, приглашаются имъ для частной бесѣды въ бюро. Тамъ экзаменаторъ очень искусно заводитъ съ ними такой разговоръ, который даетъ ему возможность опредѣлить, имѣетъ ли онъ дѣло съ «истиннымъ джентльменомъ». Если судья приходитъ къ заключенію, что къ кандидату нельзя примѣнить это названіе, то имя его вычеркивается изъ списковъ. Во главѣ кандидатовъ встрѣчается не мало женщинъ, которыя весьма часто обнаруживаютъ далеко незаурядныя ораторскія способности. Въ спискахъ ораторы распредѣляются по категоріямъ, смотря по способностямъ и качествамъ своего краснорѣчія и благодаря такому способу бюро партій знаетъ, кого надо послать и куда. Существуетъ, между прочимъ, категорія «поющихъ ораторовъ»; это такіе ораторы, которые сопровождаютъ свои рѣчи пѣніемъ сочиненныхъ ими избирательныхъ гимновъ, большею частью на мотивъ какой-нибудь народной пѣсенки. Такіе ораторы очень цѣнятся, но предварительно они должны бываютъ показать экзаменаторамъ свое искусство пѣть и импровизировать. Иногда многочисленная публика, конечно изъ избранныхъ лицъ, стекается слушать такой импровизированный концертъ и ораторовъ, пѣвцовъ награждаютъ часто восторженными аплодисментами. Ораторы, обнаруживающіе способность развивать какія-нибудь оригинальныя идти и находить особенные эффекты, дѣйствующіе на слушателей, зачисляются также въ особенную рубрику. Вообще избирательная кампанія даетъ случай ораторамъ проявить свой талантъ и для нихъ открывается обширное поле дѣятельности. Многіе пріобрѣтаютъ даже славу и составляютъ себѣ репутацію въ это время.

Американцы очень цѣнятъ ораторское искусство и каждый изъ американскихъ гражданъ непремѣнно, хоть разъ въ жизни, да испробовалъ себя на этомъ поприщѣ. Въ школахъ, въ коллегіяхъ ученики сами устраиваютъ состязанія и упражненія въ ораторскомъ искусствѣ. Но чтобы быть хорошимъ ораторомъ для избирательной кампаніи, нужна большая опытность и находчивость, умѣніе парировать словесные удары своихъ противниковъ и удачно отвѣчать на всѣ перерывы и возраженія. Люди, прекрасно говорящіе публичныя рѣчи, часто оказываются никуда негодными ораторами во время избирательной кампаніи и, наоборотъ, тѣ, которые считаются до сихъ поръ посредственными лекторами, во время выборовъ обнаруживаютъ порою удивительное краснорѣчіе и умѣніе дѣйствовать на своихъ слушателей.

Отъ ораторовъ перейдемъ къ школамъ. Во время ожесточенной полемики, которая происходила во Франціи по поводу «свѣтской школы», французская антиклерикальная печать указывала на Соединенные Штаты, какъ на примѣръ достойный подражанія. Никто не станетъ упрекать американцевъ въ отсутствіи религіозныхъ чувствъ, а между тѣмъ тамъ существуютъ школы, лишенныя всякаго конфессіональнаго оттѣнка. Городскія школы въ Нью-Іоркѣ принадлежатъ именно къ этому типу. Въ зданіи школы не допускаются никакія рели

гіозныя или иныя эмблемы, образа и портреты президентовъ республикъ. На стѣнахъ ничего не красуется кромѣ классныхъ досокъ и даже нѣтъ неизбѣжныхъ въ каждой такой школѣ въ Европѣ географическихъ картъ, зоологическихъ картинокъ и картинъ изъ священной исторіи. Американцы находятъ, что дѣти, привыкая видѣть всѣ эти предметы передъ собою, перестаютъ обращать на нихъ вниманіе и впечатлительность ихъ притупляется. Каждая городская школа въ Нью-Іоркѣ снабжена въ изобиліи всевозможными учебными пособіями глобусами, картами, картинами и т. д., но все это приносится въ классъ лишь по мѣрѣ надобности и опытъ уже доказалъ, что дѣти гораздо внимательнѣе относятся къ этимъ пособіямъ, когда они не находятся передъ ихъ глазами постоянно.

Почти всѣ нью-іоркскія городскія школы помѣщаются въ спеціально выстроенныхъ для нихъ зданіяхъ, приспособленныхъ для этой цѣли, и каждый годъ открываются все новыя и новыя школы, такъ что городской школьный бюджетъ выросъ за послѣдніе три года чуть не втрое. Въ каждомъ зданіи школы непремѣнно устроена центральная зала, гдѣ ученики и ученицы собираются всѣ вмѣстѣ при началѣ и по окончаніи классовъ. Въ такой залѣ можетъ помѣститься обыкновенно отъ 400—800 человѣкъ. Передъ занятіями, собравшіеся въ этой залѣ ученики и ученицы исполняютъ хоромъ какой-нибудь патріотическій гимнъ и затѣмъ отправляются въ классы. Въ этой же залѣ они собираются во время рекреаціи, а иногда тамъ же устраиваются школьныя митинги, на которыхъ юные ораторы упражняются въ краснорѣчіи. Никто изъ старшихъ, учителей и учительницъ, не вмѣшивается въ эти митинги и дѣтямъ предоставляется полная свобода говорить о чемъ угодно и какъ угодно, только ставится условіемъ, чтобы порядокъ не былъ нарушенъ, и надо отдать справедливость американскимъ школьникамъ, что они съ юныхъ лѣтъ уже начинаютъ сознавать свою отвѣтственность и въ зданіи школы ведутъ себя примѣрно, не злоупотребляя данною имъ свободой.

Два раза въ мѣсяцъ въ каждой такой школѣ устраивается ложная тревога, съ той цѣлью, чтобы пріучить дѣтей къ находчивости, присутствію духа и хладнокровію. Какъ только раздастся сигналъ къ тревогѣ, дѣти бѣгутъ черезъ выходы и лѣстницы, спеціально устроенные на случай пожара или какого нибудь несчастія и въ одинъ мигъ школа пустѣетъ. Учительницы и учителя наблюдаютъ за правильностью дѣйствій дѣтей и руководятъ ими и благодаря такимъ періодическимъ упражненіямъ у школьниковъ развивается рѣшительность, самообладаніе и находчивость, столь необходимыя въ минуту опасности.

Въ Бруклинѣ недавно открытъ спеціальный музей для дѣтей, помѣщающійся въ прекрасномъ большомъ зданіи бруклинскаго института наукъ и искусствъ. Музей занимаетъ шесть красиво-разукрашенныхъ комнатъ въ первомъ этажѣ. Въ первой комнатѣ собраны всевозможныя разборныя анатомическія модели изъ папье-маше разныхъ животныхъ и насѣкомыхъ, такъ что дѣти по нимъ могутъ прекрасно разсмотрѣть строеніе этихъ животныхъ и насѣкомыхъ. Во второй комнатѣ, называемой зоологическою комнатой, находятся чучела животныхъ и картины изъ ихъ жизни, затѣмъ идутъ: ботаническая комната, анатомическая, метеорологическая и наконецъ читальня. Въ ботанической комнатѣ, кромѣ прекрасныхъ рисунковъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, и гербаріевъ, находятся 42 разборныя модели разныхъ растеній и цвѣтовъ и дѣти по нимъ знакомятся съ строеніемъ растеній. Такія же разборныя модели знакомятъ ихъ въ анатомической комнатѣ съ строеніемъ человѣческаго тѣла и съ отправленіями различныхъ органовъ. Въ метеорологической комнатѣ собраны географическія карты и инструменты для метеорологическихъ наблюденій съ указаніями ихъ употребленія. По стѣнамъ развѣшаны прекрасныя картины, изображающія различныя атмосферныя явленія.

Музей открытъ съ 9 утра до 6 вечера, за исключеніемъ воскресенья. Къ сожалѣнію, бруклинскія городскія власти, устроившія этотъ прекрасный музей, никакъ не могутъ отрѣшиться отъ «англиканскаго» взгляда на воскресный день, требующаго закрытія въ этотъ день всѣхъ общественныхъ учрежденій, существующихъ не только для развлеченія, но и для поученія. Въ Англіи только недавно послѣдовало разрѣшеніе открыть нѣкоторые музеи въ воскресенье, да и то это рѣшеніе было принято послѣ долгой и упорной борьбы. Такъ велика сила традаціи у англичанъ, которая даетъ себя чувствовать даже у ихъ родичей американцевъ.

Въ часы, когда кончаются занятія въ школахъ, бруклинскій музей представляетъ очень оживленную картину; онъ наполняется толпою ребятишекъ всѣхъ возрастовъ. Это все ученики и ученицы бруклинскихъ школъ, имѣющіе свободный входъ въ музей и читальню, гдѣ они могутъ пользоваться книгами и журналами, которыми читальня снабжена въ изобиліи.

Изъ области женскаго движенія. Союзъ германскихъ женскихъ ферейновъ, объединившій 132 женскія ассоціаціи, разсѣянныя по разнымъ уголкамъ германскаго государства и насчитывающій въ настоящее время до 70.000 членовъ, организовалъ въ этомъ году, въ начали октября, общее собраніе въ Дрезденѣ, на которое собрались делегатки всѣхъ женскихъ ферейновъ; присутствовали также и мужчины, сочувствующіе женскому движенію. По общему отзыву германской печати, сочувствующей и не сочувствующей женскому вопросу, это четвертое общее собраніе делегатокъ женскихъ ферейновъ носило вполнѣ серьезный характеръ и поэтому ни одна изъ уважающихъ себя германскихъ газетъ не позволила себѣ никакихъ насмѣшекъ по адресу делегатокъ. Собраніе занималось обсужденіемъ докладовъ различныхъ коммиссій и предложеній, внесенныхъ различными женскими ферейнами. Особенно оживленныя пренія возбудилъ докладъ коммиссіи по вопросамъ нравственности (Sittlichkeits-komission). Коммиссія представила собранію резолюцію, состоящую изъ слѣдующихъ семи пунктовъ: 1) собраніе должно отправить петицію къ императору объ измѣненіи новаго гражданскаго и уголовнаго законоположенія, вызвавшаго въ свое время рѣзкій протестъ среди женщинъ Германіи; 2) обратиться съ такою же петиціей къ рейхстагу; 3) привлечь учителей къ совмѣстной дѣятельности въ виду распространенія нравственныхъ взглядовъ среди учащейся молодежи; 4) обратиться съ петиціей къ прусскому министру юстиціи, чтобы несовершеннолѣтнимъ было оказываемо необходимое покровительство; 5) учрежденіе преміи за лучшую систему воспитанія молодыхъ людей, содѣйствующую повышенію уровня нравственности молодежи. Коммиссія особенно настаиваетъ на этомъ пунктѣ, такъ какъ союзъ поставилъ себѣ цѣлью бороться всѣми силами противъ безнравственныхъ идей, господствующихъ среди мужской молодежи. Нельзя долѣе допускать существованіе двоякой нравственности, мужской и женской,—сказала докладчица коммиссіи. Нравственность одна для всѣхъ и что считается безнравственнымъ для женщины, то безнравственно и для мужчины. Необходимо произвести измѣненіе въ существующемъ законодательствѣ именно въ этомъ смыслѣ и распространить въ обществѣ болѣе правильные взгляды на взаимныя отношенія мужчинъ и женщинъ. Цѣлью долженъ быть идеальный союзъ мужчины и женщины и цѣломудріе должно признаваться одинаково обязательнымъ какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ. Общепринятый взглядъ на проституцію, что она есть необходимое зло, совершенно невѣренъ. Съ этимъ зломъ надо бороться съ наивозможною энергіей и надо уничтожить его. Союзъ женскихъ ферейновъ требуетъ закрытія всѣхъ публичныхъ домовъ и отмѣны государственной регламентаціи проституціи. Учителя, профессора и ректоры университетовъ должны обратить вниманіе на это

вопросы и распространять этическіе взгляды среди молодежи. Полезно также устраивать публичныя лекціи объ этомъ предметѣ. Всѣ, кто можетъ, должны бороться съ этимъ страшнымъ зломъ, подрывающимъ физическое и нравственное здоровье народа. Въ заключеніе коммиссія предлагаетъ обратиться съ петиціей къ правительству о внесеніи въ рейхстагъ законопроекта о борьбѣ съ распространеніемъ половыхъ заболѣваній, источникомъ которыхъ является проституція и ложный взглядъ общества на необходимость этого зла.

Послѣдній пунктъ вызвалъ очень горячіе споры, но не потому, чтобы члены собранія не раздѣляли взглядовъ, высказанныхъ въ этомъ пунктѣ, а вслѣдствіе убѣжденія нѣкоторыхъ членовъ, что союзъ не имѣетъ правъ обращаться съ такою петиціей къ имперскому правительству, такъ какъ въ петиціи перечисляются мѣры для борьбы съ распространеніемъ половыхъ заболѣваній. Прежде чѣмъ говорить объ этихъ мѣрахъ, необходимо обсудить ихъ въ собраніи женщинъ-врачей, говорили нѣкоторые изъ оппонентовъ. Это послѣднее предложеніе было принято единогласно и рѣшено пригласить въ коммиссію женщинъ-врачей, затѣмъ, чтобы окончательно выработать проектъ петиціи и представить его общему собранію.

Одно изъ засѣданій союза было исключительно посвящено женскому рабочему вопросу и положеніе работницъ обсуждалось съ разныхъ точекъ зрѣнія, причемъ указывалось также на необходимость внести нѣкоторыя измѣненія въ рабочемъ законодательствѣ, которое въ своемъ настоящемъ видѣ не вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ труда. Одна изъ докладчицъ сообщила интересныя свѣдѣнія объ одномъ очень симпатичномъ учрежденіи, недавно открытомъ въ Америкѣ. Цѣль этого учрежденія — дать возможность бѣднымъ или обѣднѣвшимъ женщинамъ, не знающимъ никакой профессіи, зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Сотни нуждающихся женщинъ находятъ ежегодно пріютъ въ этомъ убѣжищѣ и могутъ обучиться какому-нибудь ремеслу, смотря по своимъ силамъ и способностямъ. За все время ученія они пользуются безплатнымъ содержаніемъ, затѣмъ администрація пріюта беретъ на себя заботу о томъ, чтобы доставить имъ заработокъ и пріискать работу. Многихъ женщинъ этотъ пріютъ спасъ отъ отчаянія и нищеты.

Во многихъ большихъ американскихъ городахъ устроены уже «меблированные дома для женщинъ», гдѣ находятъ пріютъ молодыя дѣвушки, ищущія мѣста и вообще всѣ нуждающіяся женщины, лишившіяся занятій вслѣдствіе болѣзни, материнства и другихъ какихъ-нибудь причинъ или бѣжавшія отъ дурного обращенія своихъ пьяницъ-мужей и т. п. Въ этихъ меблированныхъ домахъ онѣ получаютъ чистую постель и пищу за ничтожную плату, а то и совсѣмъ безплатно, если онѣ лишены всякихъ средствъ къ существованію.

Кромѣ всѣхъ этихъ пріютовъ, въ Америкѣ открыто недавно еще одно прекрасное учрежденіе, устроенное женщинами — это школа для дѣтей калѣкъ и вообще страдающихъ какими-нибудь недостатками физическаго развитія. Такія дѣти, конечно, страдаютъ гораздо больше отъ всякого рода лишеній, нежели ихъ здоровые братья и сестры и борьба за существованіе складывается для нихъ еще тяжелѣе. Школа поставила себѣ задачей облегчить имъ эту борьбу и дать имъ соотвѣтствующую подготовку къ ней.

Интересныя данныя, касающіяся успѣха женскаго образованія въ Америкѣ, были сообщены другою докладчицей, заимствовавшей свои свѣдѣнія изъ статистики, составленной президентшей женской коллегіи Бринъ Мауръ въ Соединенныхъ Штатахъ, миссъ Керью Томасъ. Первый американскій университетъ — коллегіи Вассаръ, открылъ въ 1865 году свои двери женщинамъ, принявъ въ число студентокъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ. Но затѣмъ число учащихся въ университетахъ женщинъ стало быстро возрастать. Въ 1897—1898 учебномъ году въ коллегіяхъ и университетахъ заключалось 22.297 женщинъ. До-

стойно вниманія также, что число учащихся женщинъ возрастаетъ быстрѣе числа учащихся мужчинъ. Въ коллегіяхъ и университетахъ, гдѣ допускается совмѣстное ученіе, число студентокъ въ промежутокъ времени 1890—1898 г. возрасло на 105,4 проц., а число студентовъ—на 78 проц. Въ коллегіяхъ, принимающихъ только мужчинъ, число поступающихъ возрасло на 34,7 проц., а въ женскихъ коллегіяхъ на 138,4 проц.

Негритянская конференція въ Тускеджи. Въ Соединенныхъ Штатахъ вѣроятно не найдется ни одного человѣка, который бы не слыхалъ имени Букера Вашингтона въ связи съ городомъ Тускеджи въ штатѣ Алабама. Въ этомъ городѣ существуетъ школа для молодыхъ негровъ обоего пола, основанная Букеромъ Вашингтономъ. Объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который рожденъ былъ рабомъ въ Виргиніи, мы имѣли уже случай говорить съ нашими читателями. Букеръ Вашингтонъ считается теперь общепризнаннымъ авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся черной расы. Негры поклоняются ему и недавно передъ началомъ одного митинга, устроеннаго неграми въ Чарльстонѣ, пасторъ, также негръ, произносившій молитву, возблагодарилъ Господа за то, что Онъ далъ негритянской расѣ «такого великаго и всѣми уважаемаго вождя, какъ Букеръ Вашингтонъ».

Но кромѣ превосходнаго воспитательнаго учрежденія для негровъ, Букеръ Вашингтонъ устроилъ еще въ Тускеджи ежегодныя конференціи негровъ, на которыя стекаются сотни мужчинъ и женщинъ со всего юга. Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялась такая конференція и по словамъ одного американскаго корреспондента, присутствовавшаго на ней, этотъ негритянскій митингъ представляетъ нѣчто совершенно своеобразное по своему характеру. Огромное количество мужчинъ и женщинъ, съѣзжающихся въ Тускеджи ко времени конференціи принадлежитъ къ старому поколѣнію негровъ и многіе изъ нихъ были рабами. Очень немногіе изъ этихъ стариковъ умѣютъ читать и писать. Это все отцы и матери теперешнихъ учениковъ и воспитанниковъ негритянскихъ школъ Тускеджи, Гэмптона, Сноугилля и др. Ученіе для этихъ стариковъ, родившихся въ невольничествѣ, было недоступно, но что они и теперь, даже въ преклонные годы, обнаруживаютъ стремленіе къ нему, доказываетъ то, что они толпами стекаются на конференцію въ Тускеджи.

Городокъ Тускеджи, находящійся въ юговосточной части штата Алабама, соединенъ прямою желѣзнодорожною линіею съ Нью-Іоркомъ и Новымъ Орлеаномъ. Въ 1880 году законодательное собраніе штата Алабамы ассигновало ежегодную субсидію въ 2.000 долларовъ на учрежденіе нормальной школы для негровъ въ Тускеджи и Букеръ Вашингтонъ, тогда молодой человѣкъ, только что получившій ученую степень въ Гэмптонскомъ институтѣ былъ назначенъ директоромъ новой школы. Однако по пріѣздѣ на мѣсто Букеръ не нашелъ никакихъ приспособленій для школы и даже не зналъ гдѣ ее устроить. Онъ, впрочемъ, не растерялся и не впалъ въ уныніе. Собравъ тридцать учениковъ, онъ началъ съ ними заниматься въ покинутой негритянской церкви. Ученики его были разнаго возраста и среди нихъ находился даже одинъ пятидесятилѣтній негритянскій пасторъ. Но такое скромное начало не помѣшало развиться большому дѣлу. Теперешняя школа въ Тускеджи вмѣщаетъ до тысячи учащихся и факультетъ профессоровъ состоитъ изъ ста человѣкъ. Къ школѣ принадлежитъ 2.500 акровъ земли и шестьсотъ акровъ воздѣлываются самими студентами. Изъ 50 зданій школы 45 выстроены также студентами, которые даже сами приготовили кирпичи для этихъ зданій. Кромѣ чисто англійскаго академическаго ученія, въ этой школѣ ученики ея могутъ изучать различныя ремесла и практическое фермерское хозяйство и огромное большинство учениковъ школы отрабатывало собственнымъ трудомъ свое содержаніе и ученіе въ школѣ.

Однако Букеръ Вашингтонъ не удовлетворился однимъ только созданіемъ этой школы, составляющей всецѣло твореніе его рукъ; ему захотѣлось сдѣлать что-нибудь и для стариковъ и девять лѣтъ тому назадъ онъ рѣшилъ устроить ежегодную конференцію негровъ въ Тускеджи. Онъ разослалъ приглашеніе различнымъ фермерамъ, школьнымъ учителямъ, пасторамъ и рабочимъ, приглашая ихъ съѣхаться къ извѣстному дню въ Тускеджи, чтобы побесѣдовать совмѣстно о своихъ нуждахъ и условіяхъ своей жизни. Къ его великой радости на его зовъ откликнулись до 400 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, живущихъ въ самыхъ различныхъ условіяхъ. Букеръ Вашингтонъ предсѣдательствовалъ на этой первой конференціи—что онъ дѣлаетъ и теперь, спустя девять лѣтъ — и вмѣстѣ съ присутствующими на митингѣ обсуждалъ ихъ нужды и средства помочь имъ. Теперь на конференціяхъ присутствуетъ до 2.000 и болѣе делегатовъ изъ различныхъ мѣстностей южныхъ штатовъ. Всѣ эти делегаты раздѣляются на нѣсколько группъ и каждая группа выбираетъ своего оратора или ораторшу, которые и докладываютъ собранію о положеніи дѣлъ въ своемъ округѣ, о томъ, что уже сдѣлано и что еще нужно сдѣлать для повышенія умственнаго и нравственнаго уровня и матеріальнаго благосостоянія негритянской расы. Но иногда возникаютъ довольно курьезныя пренія. На послѣдней конференціи очень долго и горячо обсуждался вопросъ, можно ли обвинить негритянскихъ женщинъ въ пустотѣ и въ склонности къ болтливости. Одинъ изъ ораторовъ пожаловался, что фермерши-негритянки не отпускаютъ своихъ мужей въ городъ, когда тѣ отправляются по дѣламъ, и ѣдутъ вмѣстѣ съ ними Въ городѣ онѣ попусту тратятъ время въ праздной болтовнѣ, между тѣмъ какъ онѣ бы могли съ гораздо большею пользою заняться дома какимъ-нибудь дѣломъ. Въ отвѣтъ на это одна изъ ораторшъ заявила, что женщины волей-неволей вынуждены бываютъ бросать домъ и хозяйство и сопровождать своихъ мужей въ городъ, такъ какъ мужчины склонны слишкомъ много тратить денегъ на ромъ и табакъ и если жена не поѣдетъ съ мужемъ, то онъ привезетъ слишкомъ мало вырученныхъ денегъ домой. Это заявленіе вызвало энергичные протесты и Букеръ Вашингтонъ вынужденъ былъ позвонить въ колокольчикъ, чтобы возстановить порядокъ, но одинъ изъ ораторовъ снова подлилъ масла въ огонь, сказавъ, обращаясь къ мужчинамъ: «Я скажу вамъ, братья, что надо дѣлать, чтобы жены не таскались за вами, когда вы ѣдете въ городъ на базаръ продавать свои продукты. Позаботьтесь о томъ, чтобы имъ дома жилось хорошо, чтобы у нихъ всего было вдоволь, и ѣды и питья, тогда онѣ не станутъ приставать къ вамъ и будутъ довольны».

Чтобы покончить споры по поводу такихъ пустяковъ, Букеръ Вашингтонъ объявилъ, что онъ хочетъ говорить и моментально вся аудиторія смолкла. Уваженіе, которое питаютъ негры къ своему вождю такъ велико, что никому изъ многочисленной публики не могло придти въ голову прервать его. Онъ сдѣлалъ увѣщаніе своимъ слушателямъ не тратить время на пустые разговоры. И женщины и мужчины въ одинаковой степени заслуживаютъ упрека. Затѣмъ онъ предложилъ перейти къ практическимъ вопросамъ и конференція приняла болѣе серьезный характеръ. Были подвергнуты обсужденію вопросы о лучшихъ системахъ фермерскаго хозяйства и нѣкоторые изъ делегатовъ доложили собранію результаты своихъ опытовъ въ этомъ направленіи. Затѣмъ на очередь былъ поставленъ вопросъ о школахъ и тутъ же рѣшено открыть еще одну школу въ округѣ, гдѣ чувствуется въ этомъ большая необходимость. Въ заключеніе Вашингтонъ сказалъ, обращаясь къ своей аудиторіи: «Мы собрались сюда для того, чтобы побесѣдовать о нашихъ общихъ дѣлахъ и о томъ, что можетъ быть сдѣлано каждымъ изъ насъ для личной и общей пользы. До войны мы не могли собираться вмѣстѣ и если сходились три негра, то между ними непремѣнно находился одинъ бѣлый. Теперь мы безпрепятственно собираемся въ

большомъ числѣ и можемъ дѣлиться другъ съ другомъ своею опытностью и своими знаніями. Мы можемъ вдохновлять и ободрять другъ друга и я надѣюсь, что вы вынесете изъ этой конференціи запасъ новыхъ знаній и желаній трудиться. Я надѣюсь также, что связь между всѣми вами становится крѣпче и каждый изъ васъ отправится домой съ твердымъ желаніемъ трудиться изо всѣхъ силъ, не только ради матеріальныхъ выгодъ, но и ради того, чтобы негритянская раса уничтожила послѣдніе слѣды своего прежняго рабства».

Рѣчь Букера возбудила неописуемый энтузіазмъ всѣхъ его слушателей. Одинъ изъ нихъ, негръ-рабочій, сказалъ корреспонденту: «У меня словно крылья выростаютъ, когда я слушаю его. Развѣ у бѣлыхъ есть кто-нибудь, кто бы могъ съ нимъ сравниться? Нельзя называть нашу расу низшей, если она даетъ такихъ людей!»

У выхода каждому изъ посѣтителей былъ врученъ листокъ, на которомъ были напечатаны тринадцать правилъ для руководства. Правила эти касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ человѣческой жизни: нравственнаго поведенія, семейныхъ отношеній, работы, хозяйства, обращенія съ дѣтьми, воспитанія ихъ и т. д. и кончались предостереженіемъ: «не давай себя въ обманъ агентамъ эмиграціи и помни все, что говорилось на конференціи».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Monthly Magazine».—«Revue des Revues».— «Nouvelle Revue». — «Litterarische Echo».

Новый англійскій журналъ «Monthly Magazine», издаваемый лондонской фирмой «Iohn Murray» печатаетъ въ первомъ номерѣ очень любопытную автобіографію афганскаго эмира Абдуррахмана. Этотъ азіатскій правитель продиктовалъ ее по-персидски своему секретарю Магометъ-Хану, а тотъ перевелъ ее на англійскій языкъ и теперь англійскій журналъ преподноситъ эту экзотическую новинку своимъ читателямъ. Эмиръ подробно описываетъ свою жизнь и похваляется своимъ хорошимъ поведеніемъ, которое такъ не похоже на поведеніе другихъ азіатскихъ государей. «Я съ дѣтства велъ жизнь совершенно другую, чѣмъ та, которую ведутъ большинство азіатскихъ монарховъ,—говоритъ онъ.—Они проводятъ свою жизнь въ праздности и распутствѣ и многіе думаютъ, что престижъ монарха непремѣнно пострадаетъ, если подданные увидятъ его идущимъ пѣшкомъ или работающимъ своими руками». Сказавъ это, эмиръ распространяется далѣе о своемъ трудолюбіи и о томъ, что главная его забота— это благо его страны. Онъ сравниваетъ Афганистанъ съ несчастною козочкой-жертвою, которую подстерегаютъ съ одной стороны левъ, а съ другой—страшный медвѣдь, готовые растерзать ее при первой возможности. «Я не могу ни о чемъ другомъ думать,—говоритъ онъ,—какъ о томъ, какъ защитить Афганистанъ и спасти его отъ угрожающей ему участи. Всѣмъ извѣстно, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ какъ былъ поднятъ вопросъ объ установленіи границъ моего государства, я видѣлъ сонъ, который тогда же описалъ и велѣлъ его напечатать и раздать народу. Этотъ сонъ означалъ, что мнѣ удастся, до своей смерти, выстроить прочную стѣну вокругъ Афганистана и обезпечить такимъ образомъ его безопасность. Мои астрологи объяснили мнѣ этотъ сонъ и сказали, что я долженъ установить границы Афганистана, для того, чтобы положить конецъ посягательствамъ моихъ сосѣдей, которые, изъ года въ годъ, взяли привычку залѣзать все дальше и дальше въ мои владѣнія. Теперь границы моего государства установлены, и хотя сонъ мой осуществился, но я еще

живъ къ великому огорченію тѣхъ, кто желаетъ отъ меня отдѣлаться и чуть не каждую недѣлю распространяетъ слухъ о моей смерти».

Послѣднее замѣчаніе эмира всецѣло относится къ англичанамъ, такъ какъ дѣйствительно въ англійской печати періодически появляются слухи о его смерти. Вообще эта автобіографія, появившаяся въ англійскомъ журналѣ, вызвала неблагопріятные и насмѣшливые отзывы англійской печати, недовольной тѣмъ, что эмиръ, повидимому, такъ мало цѣнитъ дружбу Англіи.

О своихъ подданныхъ эмиръ отзывается довольно строго, онъ говоритъ, что они часто приводятъ его въ отчаяніе своимъ дурнымъ поведеніемъ, своею сварливостью, лживостью и интригами. «Какъ я ни стараюсь подвинуться впередъ по пути прогресса, но мои поданные постоянно тянутъ меня назадъ, жалуется онъ. Иногда на меня нападаетъ такое уныніе, что я готовъ предоставить ихъ собственной судьбѣ, но потомъ я думаю, что это было бы низкостью и что я долженъ выполнять долгъ, возложенный на меня Всевышнимъ».

Въ этомъ духѣ написана вся статья, но самыя интересныя страницы тѣ, гдѣ эмиръ описываетъ свой образъ жизни и порядки, введенные имъ при дворѣ. Между прочимъ, мы узнаемъ, что каждый изъ его подданныхъ имѣетъ право лично адресовать ему письмо или просьбу. Если на конвертѣ будетъ стоять надпись, что это письмо должно быть вскрыто только эмиромъ, то никто не посмѣетъ распечатать его. За этимъ эмиръ слѣдитъ очень строго. Точно также каждый изъ его подданныхъ, желающій видѣть его и лично переговорить съ нимъ, имѣетъ право получить аудіенцію. Въ заключеніе эмиръ разсказываетъ, что онъ засыпаетъ не иначе, какъ подъ чтеніе. Дежурный чтецъ садится у его изголовія и читаетъ ему какое-нибудь историческое или географическое сочиненіе, путешествіе или жизнеописаніе великихъ монарховъ или великихъ генераловъ. Онъ читаетъ до тѣхъ поръ, пока эмиръ не начнетъ засыпать, тогда его смѣняетъ разсказчикъ, который долженъ не переставая разсказывать ему разныя исторіи до самаго его пробужденія. Это постоянное бормотаніе дѣйствуетъ, по словамъ эмира, въ высшей степени успокаивающимъ образомъ на его нервы и мозгъ. Притомъ же онъ видитъ въ этомъ еще и другое преимущество: онъ привыкаетъ засыпать подъ шумъ и, слѣдовательно, въ состояніи будетъ спать подъ громъ битвъ.

«Revue des Revues» помѣщаетъ въ двухъ номерахъ статьи извѣстной южно-африканской писательницы, Оливы Шрейнеръ, посвященныя бурамъ, ихъ психологіи и исторіи. Статьи эти представляютъ интересное резюме всей исторіи буровъ съ того момента, когда неудовольствіе противъ англичанъ, вызвало ихъ первый «трекъ». Олива Шрейнеръ приходитъ къ очень пессимистическому выводу. «Съ грустью предвижу,—говоритъ она,—что черезъ двадцать пять лѣтъ не останется больше ни одного настоящаго бура, рожденнаго въ Южной Африкѣ, хотя и будетъ болѣе полумилліона южно-африканцевъ голландско-гугенотскаго происхожденія. Еслибъ мы въ своихъ сношеніяхъ съ первоначальными обитателями страны выказали бы болѣе такта, доброты и здраваго сужденія, то въ Южной Африкѣ никогда бы не возникло проблемы «бѣлаго человѣка» и никогда бы поля Южной Африки не обагрились кровью братской расы». Припоминая много разъ высказывавшееся раньше англійскою печатью сужденіе о бурахъ, про которыхъ англичане думали, что они разбѣгутся при первомъ же выстрѣлѣ, Олива Шрейнеръ замѣчаетъ: «Теперь, вѣроятно, никто больше не скажетъ ничего подобнаго. Принимая во вниманіе всю исторію этого народа за послѣднія два столѣтія, мы всегда удивлялись, какимъ образомъ могло укорениться такое мнѣніе. Вѣдь вся исторія этого народа доказывала его мужество въ борьбѣ и это не могли не признать даже его худшіе враги. Конечно, отъ природы буръ не склоненъ къ войнѣ; онъ не любитъ кровопролитія. Но въ про-

шедшіе годы ему приходилось постоянно сражаться и вести постоянную борьбу, но онъ никогда не отступалъ, хотя и сражался только по необходимости, а вовсе не изъ воинственныхъ наклонностей. Если онъ могъ избѣжать войны, то охотно дѣлалъ это...»

Далѣе Олива Шрейнеръ говоритъ о консерватизмѣ буровъ. Буровъ часто обвиняли въ этомъ и не безъ основанія. Но по мнѣнію Оливы Шрейнеръ именно въ этомъ консерватизмѣ заключается вся сила этого народа. Консерватизмъ является выраженіемъ его стойкости. Европейцы, очутившись въ подобныхъ условіяхъ, въ какихъ находились буры, очень часто вырождаются. Но буры сохранились въ чистотѣ; они не выродились, именно благодаря своему консерватизму, который, однако, вовсе не такого рода, чтобы помѣшать имъ быстро ассимилировать новыя идеи и новыя привычки. «Каждый, съ терпѣніемъ и безпристрастіемъ изучавшій исторію этого народа,—прибавляетъ Олива Шрейнеръ,—непремѣнно долженъ найти, что нѣтъ ничего трогательнѣе, какъ эта странная и полудикая привязанность къ прошлому. Бурская женщина, сидя въ своемъ креслѣ, не переставала твердить подростающему поколѣнію: «Дѣти мои, никогда не забывайте, что вы—бѣлый народъ. Поступайте всегда такъ во всемъ, какъ поступали ваши отецъ и мать. Пусть это будетъ для васъ завѣтомъ!» Развѣ же въ этихъ словахъ можно видѣть выраженіе слабости? Нѣтъ, они являются лишь выраженіемъ твердаго рѣшенія маленькаго народа, проникнутаго своимъ величіемъ, сохранить все то, что онъ имѣетъ и что пріобрѣтено имъ въ тяжелой борьбѣ, и не спуститься по лѣстницѣ человѣчества. Буры больше всего старались о томъ, чтобы сохранить свою индивидуальность и они сохранили ее, несмотря ни на какія не благопріятныя условія. Послѣ этого развѣ можно назвать ихъ консерватизмъ отраженіемъ ихъ слабости?»

Въ слѣдующемъ октябрьскомъ номерѣ «Revue des Revues» помѣщенъ рядъ разсказовъ и анекдотовъ о Крюгерѣ и его семейной жизни. Авторъ статьи Альфредъ Стэдъ (англичанинъ) лично зналъ Крюгера и нѣсколько времени прожилъ въ Трансваалѣ, въ кругу семьи, такъ что онъ хорошо знакомъ съ его интимной жизнью. Онъ разсказываетъ, что Крюгеръ, когда былъ молодъ, до такой степени былъ проникнутъ религіознымъ чувствомъ, что чуть не сошелъ съ ума. Онъ удалялся изъ дома, въ горы, и пропадалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, проводя все время въ молитвѣ и питаясь только кореньями. Впрочемъ, эта религіозность представляетъ черту, присущую всѣмъ бурамъ, которые во всякомъ несчастіи, постигающемъ ихъ, видятъ божескую кару за какіе-нибудь грѣхи и проступки. Поэтому если страну постигало какое-нибудь бѣдствіе, то президентъ назначалъ день покаянія и молитвы. Въ этотъ день закрывались всѣ административныя учрежденія и во всѣхъ церквахъ народъ молился, чтобы предотвратить гнѣвъ Божій. Нѣкоторые изъ скептиковъ увѣряютъ, что Крюгеръ, какъ хорошій фермеръ, узнавъ по самымъ неуловимымъ метеорологическимъ признакамъ, когда можно ожидать дождя, руководствуясь собственными наблюденіями, назначалъ во время засухи день для всенародной молитвы какъ разъ тогда, когда ждалъ перемѣны погоды. Обыкновенно послѣ такого моленія наступалъ вскорѣ ливень и Крюгеръ, обращаясь къ народу, говорилъ: «Вы видите, что наша молитва услышана Богомъ».

Какъ бы тамъ ни было, но въ искренней религіозности Крюгера, какъ и всякаго бура стараго закала, сомнѣваться нельзя. Въ своей семьѣ Крюгеръ не допускаетъ никакого отступленія отъ правилъ своихъ предковъ и никакихъ новшествъ, да и никому изъ членовъ его семьи и въ голову не придетъ нарушить ихъ, до того крѣпки эти завѣты старины и силенъ духъ подчиненія старшимъ, господствующій въ каждой истинно-бурской семьѣ.

Все, что разсказываетъ Стэдъ про Крюгера, подтверждаетъ, что онъ уменъ и хитеръ и обладаетъ непреклоннымъ характеромъ и большимъ упорствомъ.

Любопытно, что Крюгеръ въ началѣ очень восхищался Сесилемъ Родсомъ и въ началѣ между ними установились очень сердечныя отношенія. Теперь онъ, конечно, измѣнилъ свое мнѣніе, но все-таки не питаетъ къ нему такой вражды, какъ къ Чэмберлену, котораго онъ считаетъ необыкновенно лживымъ человѣкомъ. «Это не такой врагъ, который нападаетъ открыто, — сказалъ про него Крюгеръ. — Онъ притворяется вашимъ другомъ, чтобы лучше нанести вамъ ударъ; онъ фальшивъ и коваренъ какъ кошка!»

Въ этомъ же номерѣ французскій журналъ печатаетъ статью Льва Толстого подъ заглавіемъ «Le mensonge chinois». Нашъ маститый писатель говоритъ, что желтая раса не довѣряетъ бѣлой расѣ и это недовѣріе основано на горькомъ опытѣ. Въ подтвержденіе своихъ словъ, Левъ Толстой приводитъ нѣсколько фактовъ, разсказанныхъ ему очевидцами, о возмутительномъ обращеніи европейцевъ съ китайцами. Китайцы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не считаются ими за людей и доказательствомъ можетъ служить, напримѣръ, отвѣтъ капитана корабля «China», везшаго «живой грузъ», китайцевъ-рабочихъ, въ Санъ-Франциско. По дорогѣ на кораблѣ возникла оспенная эпидемія, отъ которой погибло много китайцевъ, но ни одного европейца. По приходѣ корабля въ портъ, власти спросили капитана, были-ли у него на кораблѣ смертные случаи. «Ни одного,—отвѣчалъ спокойно капитанъ.—Мы только бросили акуламъ 52-хъ китайцевъ».

На границѣ китайскихъ территорій, занятыхъ европейцами, охота на китайцевъ составляетъ родъ спорта. Это можетъ подтвердить каждый изъ солдатъ колоніальной арміи. Китаецъ довольствуется малымъ и европеецъ пользуется этимъ и заставляетъ его работать за ничтожную плату. Промышленность, которую вводятъ въ Китаѣ иностранцы, обогащаетъ только ихъ самихъ; китайцы же не извлекаютъ изъ этого никакихъ выгодъ и народъ по прежнему прозябаетъ въ страшной нуждѣ и не можетъ быть иначе, если вспомнить о томъ, что платитъ бѣлый китайскому кули за его трудъ.

Почтенный писатель рѣзко осуждаетъ европейскихъ миссіонеровъ и европейскую политику въ Китаѣ. «Я былъ бы радъ,—говоритъ онъ въ заключеніе,—если бы могъ приписать слѣпому фанатизму всѣ тѣ ужасы, которые совершаются въ Китаѣ. Но я думаю, что это не такъ. Возмущеніе является результатомъ долгихъ и постоянныхъ притѣсненій, которымъ, повидимому, нѣтъ конца. Китай возсталъ, чтобы сбросить съ себя иго цивилизаціи, внѣдрившееся въ его тѣло. Европа лжетъ, называя вооруженное вмѣшательство, которое она считаетъ необходимымъ въ Китаѣ, — именемъ «войны за цивилизацію». Эта война порождена притѣсненіями и дѣлается лишь во имя этихъ притѣсненій. Пусть же не говорятъ о правахъ цивилизаціи, такъ какъ права эти другіе и нашъ долгъ заявить это.

«Соединиться вмѣстѣ для общей защиты, защитить себя, защищать другихъ,—это все были бы дѣйствія справедливости. Но на чьей же сторонѣ находится теперь справедливость?»

«Nouvelle Revue» описываетъ одну любопытную китайскую секту, послѣдователи которой называютъ себя «покровителями угнетенныхъ». Главная резиденція этой секты находится въ Манчжуріи, въ городкѣ Нингута (Nyn Guta). Секта держится очень замкнуто и проникнуть въ ея тайны очень трудно. Члены ея отличаются своимъ воздержаніемъ; они не курятъ ни табака ни опіума и не употребляютъ никакихъ спиртныхъ напитковъ. Другъ друга они называютъ братьями. Секта распространена по всему Китаю и членовъ ея можно найти рѣшительно въ каждомъ китайскомъ городѣ. Члены каждой отдѣльной группы выбираютъ своего вождя, который остается въ этой должности на всю жизнь. Обязанность его заключается въ наблюденіи за нравственностью своихъ

единовѣрцевъ. На вступленіе новаго члена въ братство нужно согласіе всѣхъ прочихъ членовъ группы и когда оно дано, то принятіе новаго «брата» обставляется очень торжественно. Каждый изъ членовъ этой секты вставляетъ въ середину своего имени слогъ «Іаі» и такимъ образомъ члены по имени узнаютъ другъ друга, гдѣ бы они ни находились.

Каждому изъ членовъ секты вмѣняется въ обязанность помогать несчастнымъ и заботиться о старикахъ. Они презираютъ мірскія блага и богатства и охотно дѣлятся всѣмъ, что имѣютъ съ нуждающимися. Китайскіе мандарины не любятъ эту секту и китайскія власти даже стараются помѣшать ея распространенію, но, конечно неудачно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая она даже подверглась преслѣдованію и было строго воспрещено вступать въ эту секту. Члены ея даютъ клятву никогда не разглашать ея тайнъ и дѣйствительно никакія пытки и угрозы не могутъ ихъ заставить измѣнить этой клятвѣ. Ужъ этого одного достаточно, чтобы внушить мандаринамъ мысль, что это опасные люди, которымъ довѣрять нельзя, тѣмъ болѣе, что они признаютъ всѣхъ людей равными. «Можете себѣ представить,—сказалъ одинъ мандаринъ,—что по понятіямъ этихъ людей старый и молодой, мандаринъ и крестьянинъ, богатый и нищій—всѣ равны и имѣютъ одинаковыя человѣческія права и всѣмъ должны оказываться одинаковыя почести! Развѣ же это не опасныя воззрѣнія, съ которыми надо бороться всѣми средствами?»

По словамъ мандарина, секта эта устроила возмущеніе въ Пекинѣ десять лѣтъ тому назадъ и даже покушалась на жизнь императора.

Турецкій султанъ очень интересуется иностранною литературой и учредилъ у себя во дворцѣ «бюро переводовъ съ иностранныхъ языковъ». По словамъ «Litterarische Echo», въ этомъ бюро работаетъ съ утра до вечера множество чиновниковъ, спеціально избранныхъ на должность переводчиковъ. Все это-лингвисты, прекрасно знающіе всѣ восточные и европейскіе языки. Въ бюро получаются всѣ политическіе и разныя иллюстрированные журналы и газеты на всѣхъ языкахъ и чиновники читаютъ ихъ и переводятъ на турецкій языкъ для султана наиболѣе интересныя статьи политическаго и иного содержанія. Работа производится подъ наблюденіемъ пятнадцати секретарей-драгомановъ, получающихъ изрядное жалованье. Въ библіотекѣ султана находится уже до 5.000 томовъ разныхъ произведеній текущей европейской литературы, переведенныхъ на турецкій языкъ стараніями бюро. Но всѣ эти переводы не напечатаны, а переписаны на прекрасной бѣлой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ и переплетены. Дамы султанскаго гарема также постоянно пользуются этими переводами и читаютъ ихъ, въ особенности разные романы, переведенные съ французскаго языка. Впрочемъ и султанъ не прочь почитать такія книги и въ особенности любитъ уголовные романы и уголовную литературу. Онъ абонированъ на массу юридическихъ журналовъ и вообще очень интересуется судебными вопросами. Всѣ отчеты сенсаціонныхъ судебныхъ процессахъ немедленно переводятся и султанъ всегда читаетъ ихъ. Онъ любитъ также путешествія, и какъ только вышла въ свѣтъ книга Нансена, она немедленно была переведена для него на турецкій языкъ.

Съ Парижской выставки.

Французская живопись на Елисейскихъ поляхъ.

Въ нашей первой корреспонденціи мы уже дали нѣкоторыя указанія относительно содержанія столѣтней французской картинной выставки.

Первый залъ содержитъ много работъ художниковъ конца XVIII вѣка. Преобладающее мѣсто между этими произведеніями занимаютъ портреты.

Всѣ эти портреты, какъ и вообще всѣ портреты этой эпохи, представляютъ сходство между собой, которое заключается не только въ одеждѣ, въ позѣ, движеніи тѣла, но и въ общей чертѣ,—особаго рода изящномъ спокойствіи, такъ называемой haute distinction, отмѣчающей всѣ эти лица. Очень можетъ быть, что художники часто сами отъ себя придавали своимъ портретамъ эту черту, отсутствовавшую у оригинала, но такая тенденція, конечно, не являлась у художниковъ произвольно, а была слѣдствіемъ духовнаго сродства ихъ съ изображаемой средой. Аристократы не стѣсняли себя на пирахъ и празднествахъ, лица ихъ искажались отъ смѣха, или выпитаго вина, но, когда они являлись позировать передъ художникомъ, то снова принимали обычное выраженіе изящной и спокойной гордости, которая жила въ ихъ аристократической душѣ. Артисты, раздѣлявшіе эти чувства, еще болѣе оттѣняли эту общую черту.

Интеллектуальное сродство между артистомъ и его эпохой представляетъ одно изъ необходимыхъ условій совершенства различныхъ формъ искусства. Съ другой стороны это же сродство является консервативнымъ элементомъ, привязывающимъ художника къ извѣстной средѣ, или общественной группѣ, и лишающимъ его способности понимать другую эпоху. Въ этомъ отношеніи очень интересны и поучительны тѣ художники, талантъ которыхъ вполнѣ развился и кристализировался въ концѣ XVIII столѣтія, и послѣднія произведенія которыхъ относятся ко времени революціи и первымъ годамъ имперіи. Самымъ блестящимъ примѣромъ можетъ служить Грезъ. Какъ призма съ постояннымъ угломъ преломленія, Грезъ воспринимаетъ событія и реагируетъ на нихъ послѣ революціи, также, какъ и до революціи. На столѣтней выставкѣ много картинъ Греза, но мы остановимся только на четырехъ изъ нихъ. Двѣ первыя: «Похищеніе Юпитеромъ Европы» и «Утренняя молитва» молоденькой дѣвушки, относятся къ до революціонной эпохѣ; двѣ другія картины, или вѣрнѣе два портрета: Сенъ-Жюста и «Бонапарта, перваго консула», относятся къ позднѣйшему времени. Насколько полны жизни и граціи двѣ первыя картины, въ которыхъ чувствуется увѣренная и свободная рука большого художника, настолько безжизненны двѣ другія картины. Особенно Бонапартъ, военный геній котораго въ это время уже проявился на поляхъ битвъ Европы и Африки, слава котораго разнеслась по всему міру, въ руки котораго, наконецъ, Франція уже отдала свою свободу, изображенъ съ видомъ робкаго школьника, который боится двинуться, чтобы придать своему тѣлу болѣе удобное положеніе. И если бы не яркіе, выразительные глаза, вся физіономія вполнѣ заслужила бы опредѣленіе «овечьей» (moutoniere), которымъ ее охарактеризовалъ профессоръ Гамель. Выросшій въ распущенныхъ нравахъ стараго режима, Грезъ не могъ понять великихъ добродѣтелей и великихъ страстей, создавшихъ людей Конвента, вродѣ Сенъ-Жюста, и военный геній Бонапарта. Будучи уже старымъ, онъ не ощущалъ никакого энтузіазма передъ великими событіями, развертывавшимися на его глазахъ.

Давидъ былъ художникомъ революціи и оффиціальнымъ портретистомъ имперіи. Въ событіяхъ революціи и имперіи Давидъ видѣлъ не то, что было въ нихъ общечеловѣческаго; онъ видѣлъ только форму, въ которую они облекались. Какъ мы знаемъ, форма эта была заимствована изъ исторіи Рима и Греціи. Доктрина классической школы состояла въ воспроизведеніи вѣчныхъ и постоянныхъ образцовъ красоты, достигшихъ высшихъ формъ совершенства въ античномъ и итальянскомъ искусствѣ.

Это было фатально. Энергія одного поколѣнія не неисчерпаема, тѣмъ болѣе, когда реформаторская работа ложится на плечи ничтожнаго меньшинства. Ея можетъ хватить на переворотъ, но что касается до средствъ его осуществле-

нія, до формъ и формулъ,—реформаторы заимствуютъ ихъ изъ того прошлаго, которое представляетъ наибольшую аналогію съ настоящимъ. Такое возвращеніе къ прошлому, такое общеніе и сотрудничество разныхъ поколѣній, отдѣленныхъ другъ отъ друга промежуткомъ въ нѣсколько столѣтій, представляетъ одну изъ великихъ моральныхъ силъ исторіи и проявляется въ политической исторіи народовъ, такъ же какъ въ литературѣ и искусствахъ. Конечно, не бываетъ буквальнаго *повторенія*, а только частичное ассимилированіе самыхъ наиболѣе подходящихъ элементовъ. Незамѣнимая заслуга Давида заключается въ томъ, что онъ приблизилъ искусство къ жизни, изъ салоннаго и балетнаго, какимъ оно было при старомъ режимѣ, онъ сдѣлалъ его необходимымъ факторомъ исторіи. Картины его: «Клятва въ залѣ Jeu de paume», «Убійство члена Конвента, Лепелетье де Сенъ-Фаржо», «Смерть Марата»—относятся къ революціонному періоду его дѣятельности. Картины: «Коронація», «Раздача орловъ на Марсовомъ полѣ», представляютъ лучшія историческія страницы эпохи Имперіи. Но его силъ было недостаточно, чтобы дать этой внутренней жизни новый языкъ, новое выраженіе. Эта задача осталась на долю будущихъ поколѣній.

Въ то время, когда талантливые новаторы заканчивали эту революцію, въ искусствѣ, другіе продолжали идти по стопамъ Давида. Самымъ замѣчательнымъ изъ продолжателей классическихъ традицій былъ портретистъ Энгръ. На столѣтней выставкѣ онъ представленъ цѣлой серіей портретовъ, большихъ картинъ и многочисленныхъ рисунковъ карандашемъ. Изъ большихъ картинъ отмѣтимъ «Обѣтъ Людовика XIII», подносящаго свой скипетръ и корону—Мадоннѣ чудесной красоты, которая возносится въ облака, съ Младенцемъ на рукахъ, окруженная сонмомъ ангеловъ.

Энгръ умеръ оффиціальнымъ портретистомъ второй имперіи, окруженный славой и почестями; онъ былъ счастливѣе Давида, котораго преслѣдовало правительство Реставраціи и который умеръ въ изгнаніи въ Бельгіи.

Продолжателями, или эпигонами классической школы являются современные французскіе академики. Самое полное и въ то же время доведенное до абсурда выраженіе современной классической школы представляетъ *Бугро*. Прежде всего отмѣтимъ Жерома, выставляющаго на столѣтней выставкѣ картину «Невинность». Какъ картина Жерома, такъ и картины Бугро представляются вполнѣ «академическими». Пріемы «академической» живописи—извѣстны. Всѣ знаютъ академическія изображенія голыхъ женщинъ, пронзаемыхъ стрѣлами Купидона, и изображенія другихъ боговъ стараго репертуара. Въ этомъ отношеніи классики вернулись назадъ дальше Давида, классицизмъ котораго былъ полнымъ выраженіемъ самой эпохи.

Мы оставляемъ въ сторонѣ картины и портреты современныхъ классиковъ: Детай, Жерве, Ферье и Меньяна, такъ же какъ и роскошные портреты Бенжамена Констана. Детай—членъ института, и, вмѣстѣ съ Жерве, состоитъ оффиціальнымъ живописцемъ; они рисуютъ громадныя полотна, изображающія торжественныя встрѣчи иностранныхъ государей, торжественныя погребенія, смотры и другія оффиціальныя церемоніи. Большая часть ихъ портретовъ носитъ тотъ же оффиціальный характеръ, а другія ихъ работы являются «академическими», въ духѣ Бугро.

Историческая живопись Давида останется великимъ памятникомъ великой эпохи; между его исторической живописью и исторической живописью современныхъ оффиціальныхъ живописцевъ—такое же разстояніе, какъ между Наполеономъ I и покойнымъ Феликсомъ Форомъ. Пройдетъ очень немного времени и эти гигантскія полотна, занимающія цѣлыя стѣны на выставкѣ и въ государственныхъ музеяхъ, будутъ убраны въ подвалы.

Если что-нибудь на выставкѣ оставляетъ сильное впечатлѣніе и возбуж-

даетъ у зрителя глубокое волненіе, то это, несомнѣнно, произведенія романтизма и его главнаго представителя, Делакруа. Въ романтизмѣ искусство концентрируетъ всѣ силы и знанія, которыя добыло въ теченіе вѣковъ у разныхъ народовъ, чтобы изобразить въ неизгладимыхъ рѣзкихъ движеніяхъ, сочетаемыхъ съ яркими красками—тоску и радость, боль и энтузіазмъ, слѣпыя страсти и великія добродѣтели,—внутреннія вулканическія силы исторіи. Къ сожалѣнію, между этими картинами нѣтъ знаменитой «*Свободы на баррикадахъ*». Намъ удалось видѣть только фотографическій снимокъ съ этой картины, нечего и говорить о томъ, насколько впечатлѣніе слабѣе, и все-таки мы не могли отвести глазъ отъ этой свободы, «si belle, si hardie, si guérrière», какъ говоритъ Гюставъ Бланшъ, которая стоитъ на баррикадѣ, подъ градомъ пуль, высоко поднимая трехцвѣтное знамя съ перебитымъ древкомъ.

Романтическая школа явилась не скачкомъ въ развитіи французскаго искусства, а органическимъ слѣдствіемъ совершенной Давидомъ революціи. По содержанію эта школа продолжала идти за Давидомъ, т. е. разрабатывала историческіе сюжеты, но она внесла въ изображеніе ихъ новый пріемъ, который больше соотвѣтствовалъ ихъ діалектической сущности.

Самый сюжетъ живописи Давида долженъ былъ привести къ измѣненію въ пріемахъ изображенія. Разнообразіе въ формѣ и интенсивности историческихъ событій, гдѣ непредвидѣнное является главнымъ элементомъ, находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ неподвижными линіями, въ которыя Давидъ хочетъ уложить изображеніе тѣхъ же самыхъ событій.

Съ другой стороны сама эпоха внесла въ художественное творчество новый элементъ: элементъ лирическій. Лиризмъ — естественное состояніе души несчастныхъ народовъ. Какъ узникъ, отрѣзанный отъ внѣшняго міра, сосредоточивается въ самомъ себѣ, такъ и народъ, привыкшій вести широкую, честолюбивую внѣшнюю политику, затворяется въ самомъ себѣ, вдается въ внутреннее созерцаніе, когда какая нибудь могучая причина внезапно отнимаетъ у него силу и значеніе. Въ такомъ положеніи очутилась Франція послѣ 1815 года. Побѣжденная и обезсиленная извнѣ, внутренно она томилась подъ тяжестью несноснаго режима, навязаннаго иностранцами. Поколѣніе, выросшее при этихъ условіяхъ, несомнѣнно, носило ихъ отпечатокъ. Вотъ какъ говоритъ о тогдашнемъ поколѣніи одинъ изъ современниковъ: «Молодежь была слишкомъ склонна теряться въ анализѣ интимныхъ чувствъ, лелѣять *импрессивный* жанръ». Тогда очень любили заниматься тѣмъ, что мы теперь называемъ «личнымъ я». Брюнетьеръ только резюмируетъ господствующее мнѣніе о той эпохѣ, когда пишетъ въ своей *исторіи французской литературы*: «Романтизмъ въ литературѣ, какъ и въ искусствѣ, есть, прежде всего, торжество индивидуализма и полное освобожденіе личнаго я».

Пессимизмъ поколѣнія реставраціи разражался звучными лирическими стихами и выразительными художественными картинами. Делакруа, родившійся въ 1799 году и переживавшій мрачные годы иностраннаго нашествія и бурбонской реставраціи, со всей впечатлительностью дѣтства и юности, наилучшимъ образомъ выражалъ всѣ достоинства и недостатки эпохи. Изъ учителей прошлаго, онъ бралъ у каждаго то, что соотвѣтствовало его личному настроенію. Онъ заимствовалъ у Давида любовь къ историческимъ сюжетамъ. Но ученію Давида, къ которому вполнѣ приложимы слова поэта: «Je hais le mouvement, qui déplace les lignes» (я ненавижу движеніе, перемѣщающее линіи), Делакруа противопоставилъ свое собственное ученіе, выражающееся формулой: «Движеніе — главное, если не все». Делакруа вдохновлялся не Рафаэлемъ, а Рубенсомъ, Рембрандтомъ, Микель Анджело, «всѣми порывистыми и пламенными», какъ выражается Теофилъ Готье. Делакруа не только согнулъ неподвижныя линіи и заставилъ ихъ вибрировать, какъ мелодію, онъ ожи-

вилъ и краски. Идеаломъ его было придать каждой картинѣ, каждому лицу, каждому отдѣльному душевному состоянію — отдѣльную, индивидуальную окраску.

Непосредственно за романтиками на выставкѣ идутъ реалисты съ Курбэ и Миллэ.

Шумные горные потоки теряютъ свою буйность, собираясь, въ долинахъ и равнинахъ, въ широкія полноводныя рѣки, которыя текутъ горделиво и плавно, въ полномъ сознаніи своего могущества; такъ и страстные порывы романтизма слились въ широкое, спокойное, но сильное теченіе реалистической живописи.

Изъ сознанія преимущества коллективности передъ отдѣльной личностью, исторической дѣйствительности передъ фантазіей художника, спокойнаго созерцанія природы передъ шумными вторженіями въ нея, которыя производили романтики, родился реализмъ. Реализмъ, несомнѣнно, былъ отрицаніемъ романтизма, но только, *частичнымъ его отрицаніемъ*, потому что во многихъ отношеніяхъ реализмъ былъ продолженіемъ романтизма. Прежде всего онъ жилъ той интеллектуальной свободой, которую отвоевали искусству романтики; относительно выбора сюжета реалисты только продолжали смѣлыя начинанія романтиковъ, расширившихъ источники классицизма, какъ послѣдній расширилъ источники аристократическаго, великосвѣтскаго искусства XVIII столѣтія. Наконецъ, романтики ввели въ моду много красокъ, которыя продолжали употреблять и реалисты. Это—неизбѣжная органическая связь, существующая между всякимъ новымъ и старымъ произведеніемъ; одно не можетъ отдѣлиться отъ другого, какъ плодъ отъ своего сѣмени.

Реабилитація дѣйствительности, начатая еще классической школой, сдѣлалась полной, стала развитіемъ реалистической школы. Курбэ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей реализма, не начиналъ рисовать ни портрета, ни пейзажа, прежде чѣмъ не знакомился вполнѣ со своимъ предметомъ. Онъ съ интересомъ ученаго изучалъ почву, животныхъ, воздухъ и такимъ образомъ приготовилъ путь импрессіонизму, живописи *подъ открытымъ небомъ*. Въ этомъ отношеніи его картина, «Bonjour M. Courbet», изображающая встрѣчу художника съ пріятелемъ, на морскомъ берегу, въ Палавосѣ, близь Монпелье, подъ палящимъ южнымъ солнцемъ, представляетъ знаменательный фактъ въ исторіи живописи.

На ряду съ этими картинами стоитъ большая картина «Les cribleuses»—просѣвальщицы. Разъ видѣвшій ее никогда не забудетъ этого живого воспроизведенія деревенской жизни: усталыхъ образовъ этихъ двухъ дѣвушекъ, съ самаго нѣжнаго возраста запряженныхъ въ работу, тяжесть которой давитъ ихъ. фигуры этого жизнерадостнаго мальчугана вскормленнаго на лонѣ природы, этого Гаргантюà въ миніатюрѣ, съ страшной серьезностью разсматривающаго что-то въ сѣялкѣ. А какое искусство въ изображеніи простого крестьянскаго костюма дѣвушекъ, легкихъ платковъ, покрывающихъ ихъ головы! Сцена происходитъ въ крестьянскомъ домѣ, дѣвушки просѣваютъ зерна. Но одна изъ нихъ, истомившись, спитъ и прилегла на одинъ изъ большихъ, высокихъ мѣшковъ; другая опустившись на колѣни, спиной къ зрителю, продолжаетъ двигать большое рѣшето слабыми, короткими руками. Дальше, въ томъ же ряду виситъ картина «Пойманная лисица»; окружающій зимній пейзажъ еще усиливаетъ выраженіе муки и отчаянія, написанное на смѣшной физіономіи животнаго. Подъ этой картиной помѣщается прелестный юрскій пейзажъ, съ зеленѣющими соснами, а на противоположной стѣнѣ, надъ «Республикой» Домье, другая картина Курбэ, знаменитая «Волна». Здѣсь изображенъ тотъ страшный моментъ, когда безпокойство и смертная тоска охватываютъ природу, когда по ея элементамъ пробѣгаетъ, если можно такъ сказать, нервное напряженіе,—моментъ, предшествующій мучительному рожденію бури. Густыя, черныя тучи покрываютъ небо и какъ будто спускаются до морской поверхности, качающейся

въ нескончаемыхъ ржавыхъ и зеленыхъ волнахъ, съ бѣлыми, ломающимися гребнями, страшныхъ не своей величиной, а зловѣщей внезапностью своего появленія и исчезновенія. Лучше буря, лучше цѣлый потокъ дождя, чѣмъ эта грозящая бездной неизвѣстность!

Обыкновенно считается не труднымъ въ техническомъ отношеніи писать картины, гдѣ только вода и облака, но я бы очень хотѣлъ, чтобы читатель могъ самъ сравнить «Волну» Курбэ, съ какой ему угодно мариной—покойнаго Айвазовскаго, чтобы понять что такое настоящее знаніе измѣненій морской поверхности и увѣренная рука великаго художника.

Въ той же залѣ, гдѣ помѣщены работы Курбэ, находятся и картины другого знаменитаго реалиста Франсуа Миллэ. Мощный талантъ Курбэ проявился съ самаго начала съ такой силой, что даже враги его должны были преклониться передъ нимъ. Правда, они смѣялись надъ «тщеславіемъ» Курбэ, который, въ эпоху второй имперіи, любилъ во всеуслышаніе говорить по кофейнымъ: «Какая непріятность, что я долженъ, противъ моего собственнаго желанія, сообщать блескъ этому царствованію», шутили надъ его презрительнымъ отношеніемъ къ классикамъ и «Рафаэлямъ», какъ онъ выражался, но они не смѣли отрицать великихъ достоинствъ его твореній. За то съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ классики, или, вѣрнѣе, псевдо-классики, набрасывались на Миллэ. Публика, привыкшая видѣть на картинахъ античныхъ боговъ и героевъ, или современныхъ великихъ людей, естественно находила «вульгарными», лишенными «стиля» и «distinction», трудолюбивыхъ крестьянъ Миллэ; она находила его сюжеты «суровыми и монотонными», какъ будто Миллэ былъ отвѣтственъ за печальную суровость, за тоскливую, безконечную монотонность крестьянской жизни. Защиту Миллэ взялъ на себя Теофилъ Готье. «Миллэ понимаетъ,—писалъ Готье,—глубокую поэзію полей, онъ любитъ изображаемыхъ имъ крестьянъ, и на ихъ покорныхъ лицахъ выражаетъ свою къ нимъ симпатію».

Миллэ дѣйствительно любилъ крестьянъ, болѣлъ за ихъ печальную и безрадостную жизнь, но онъ не идеализировалъ ихъ, какъ другой художникъ, продолжатель Миллэ, гораздо болѣе слабый, Жюль Бретонъ. Что ярче всего выступаетъ на картинахъ Миллэ, что составляетъ центральную идею этой многоцвѣтной поэмы, это—покорность и безропотность, написанная на лицахъ: «Такъ было, и такъ будетъ». Крестьяне Миллэ почерпаютъ въ этомъ чувствѣ покорности мощь для борьбы, съ тяжкимъ наслѣдіемъ вѣковъ, съ безжалостной природой. Среди этой природы, между большими комьями земли, которые земледѣлецъ раздробляетъ, а дождь и теплота снова создаютъ, подъ дождемъ и зноемъ художникъ помѣстилъ своихъ крестьянъ. Обыкновенно онъ изображаетъ ихъ въ вечернихъ сумеркахъ, когда солнце уже сѣло, когда всѣ живыя твари въ природѣ уже успокоились, и только «царь природы»—человѣкъ, послѣдній, еще кончаетъ работу.

На выставкѣ нѣтъ знаменитой картины *Angelus*, по поводу которой, 13—14 лѣтъ назадъ, происходила горячая газетная полемика. Навѣрное многіе изъ нашихъ читателей знаютъ эту «Вечерню», которая такъ ярко и живо написана, что, по словамъ нѣкоторыхъ, даетъ «иллюзію звона колоколовъ». Но на выставкѣ есть двѣ другія замѣчательныя картины Миллэ: *Возвращеніе съ полей* и *Человѣкъ съ курткой*. Послѣдняя картина изображаетъ крестьянина, который, окончивъ дневную работу, собирается идти съ поля домой. Среди комьевъ земли, покрывающихъ пашню, воткнута его мотыка, около нея лежитъ шапка, здѣсь же только что лежала и куртка его, которую онъ теперь поднимаетъ усталымъ жестомъ и начинаетъ надѣвать, продѣвая сначала лѣвый рукавъ. Въ этотъ моментъ и изобразилъ его художникъ. Онъ усталъ. Жестъ его медлененъ, лѣнивъ, его оцѣпенѣлые члены согнуты, усталая поясница немного откинута назадъ, а тяжелыя, словно свинцомъ налитыя,

уходившіяся ноги въ большихъ деревянныхъ сабо точно вросли въ землю. Въ полѣ, кромѣ силуэтовъ маленькаго лошадинаго стада, теряющихся вдали, въ густыхъ вечернихъ сумеркахъ не видно живой души. Ночь темнѣетъ, кромѣ западнаго горизонта, гдѣ сильно нагрѣтыя облака продолжаютъ испускать красные пары. И надъ бѣдной землей, на которой какъ будто угасли свѣтъ и жизнь, показывается высоко, почти надъ самой головой работника, стыдливая вечерная звѣзда, которая, со своимъ слабымъ, жалкимъ свѣтомъ, остается его единственной путеводительницей.

Мы упомянули выше о картинахъ Жюля Бретона, одного изъ современниковъ и продолжателей Курбэ и Миллэ. Сюжеты его почти всѣ заимствованы изъ деревенской жизни, но онъ знаетъ ее меньше, чѣмъ Миллэ, или, во всякомъ случаѣ, передаетъ ее съ оттѣнкомъ сентиментальности, не имѣющимъ ничего общаго ни съ дѣйствительностью, ни съ настоящей поэзіей. На столѣтней выставкѣ есть четыре его картины, изъ которыхъ самая лучшая «Вечеръ», изображающая сцену изъ крестьянской жизни: нѣсколько крестьянокъ пляшутъ, другія разговариваютъ, и только одна осталась въ сторонѣ отъ своихъ подругъ. Она сидитъ на снопахъ, лицо ея печально и озабочено, но именно здѣсь-то и чувствуется, что художникъ вышелъ за предѣлы истины. Это — не задумчивость здоровой и сильной крестьянки, которую онъ изобразилъ, а скорѣе задумчивость скучающей, обезпеченной горожанки, привыкшей получать любовныя письма и читающей «Страданія Вертера».

Переходимъ къ великому художнику-портретисту эпохи второй имперіи — Фонтенъ-Латуру.

Осматривая художественную выставку, нельзя не замѣтить, что самые знаменитые художники относятся къ эпохѣ второй имперіи. Художественное развитіе совпадало съ необыкновеннымъ развитіемъ французской общественной и экономической жизни, съ необыкновеннымъ подъемомъ экономическаго состоянія, науки и литературы страны. Но экономическое развитіе, съ одной стороны, и интеллектуальное съ другой, шли въ противоположныя стороны. Первое было оффиціальнымъ движеніемъ, поддерживаемымъ правительствомъ и династіей; ожидавшіеся отъ него результаты должны были закрѣпить положеніе вещей; второе движеніе являлось какъ разъ обратнымъ. Тэнъ и Ренанъ подвергались преслѣдованіямъ и были, наконецъ, лишены университетской каѳедры. Флоберъ былъ привлеченъ къ суду цѣломудренной прокурорской властью за безнравственность его книги «Мадамъ Бовари»; двери салоновъ закрывались передъ самыми замѣчательными художниками. Сознательный или безсознательный оппозиціонный духъ былъ всегда могучимъ стимуломъ, большой нравственной силой въ умственныхъ переворотахъ. Фантенъ-Латуръ также принадлежалъ къ поколѣнію новаторовъ. Вмѣстѣ съ Курбэ и Уистлеромъ онъ былъ однимъ изъ отвергнутыхъ салономъ 1863 года художниковъ.

Картины Фантенъ-Латура производятъ впечатлѣніе, аналогичное съ картинами Пюви де-Шавана: отъ нихъ вѣетъ той же кротостью, тѣмъ же спокойствіемъ, такимъ же возвышеннымъ чувствомъ. Но Фантенъ-Латуръ не прибѣгаетъ для достиженія своей цѣли къ искусственнымъ средствамъ Пюви де-Шавана, до послѣдней возможности упрощающаго краски своихъ картинъ; онъ ни въ чемъ не нарушаетъ жизненной правды. Фантенъ-Латуръ — идеалистъ, оставаясь въ то же время однимъ изъ величайшихъ реалистовъ. Идеализмъ его портретовъ зависитъ отъ самой сущности сюжета.

Реалистическая школа создала множество адептовъ, изъ которыхъ одни, самые оригинальные, старались подновить манеру учителей, внести въ нее новые элементы, а остальные шли по стопамъ этихъ учителей и довели реализмъ до его послѣднихъ заключеній. Они сдѣлали изъ художника фотографа, копировавшаго готовые типы изъ природы. Для такого художника въ пейзажѣ не было

ничего безполезнаго, въ костюмѣ—ничего лишняго; все должно было быть скопировано въ точности. Онъ съ необыкновенной заботливостью принимался за вырисовываніе всѣхъ пуговицъ, всѣхъ дыръ, всѣхъ заплатъ на одеждѣ, и съ нѣкоторой долей вниманія зритель могъ бы пересчитать всѣ стежки, которыми держатся эти заплаты. Мы напомнимъ читателю Бастьенъ-Лёпажа, извѣстнаго русской публикѣ еще какъ учителя рано погибшей Маріи Башкирцевой. Ея полотно «Митингъ на улицѣ», изображающее группу маленькихъ школьниковъ и находящееся въ Люксембургскомъ музеѣ, вполнѣ воспроизводитъ духъ и букву произведеній Бастьенъ-Лепажа. Послѣдній представленъ на столѣтней выставкѣ только одною картиной: «Pas Mèche», вполнѣ характерной для его таланта. Она изображаетъ парижскаго гамена, живого и милаго, какъ бо́льшая часть изъ нихъ. Нищета его сословія выражается во всей его одеждѣ. Онъ безъ шапки, въ изодранной курткѣ, заколотой только у горла булавкой; рукава ея не имѣютъ опредѣленныхъ границъ, такъ они изорваны; изъ-подъ короткихъ панталонъ выглядываютъ разстегнутые широкіе башмаки и женскіе бѣлые чулки. На спинѣ у него привязанъ мѣшокъ, въ правой рукѣ палка, а лѣвая ищетъ что-то въ карманѣ панталонъ и все тѣло наклонено въ эту сторону. Онъ только что потерпѣлъ какую-то неудачу и произноситъ слова, составляющія названіе картины, но произноситъ ихъ скорѣе индифферентно, чѣмъ сердито, скорѣе какъ зритель бѣдности и неудачъ, чѣмъ какъ жертва этой бѣдности.

Реализмъ далъ сильный толчекъ изученію народной жизни. Жанровая живопись все болѣе и болѣе дѣлается общественной и бытовой. Въ этомъ отношеніи мы находимъ на выставкѣ множество интересныхъ картинъ, которыя обнаруживаютъ не только хорошее знакомство съ народной жизнью, но и мастерское выполненіе талантливыми художниками. Но перечень всѣхъ этихъ художниковъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко.

Школа такъ называемыхъ французскихъ романтиковъ-пейзажистовъ исторически предшествуетъ реалистской и даже способствуетъ ея появленію. Реалистъ Миллэ былъ ученикомъ Коро, самаго виднаго представителя романтическаго пейзажа. Если въ нашемъ описаніи мы поставили реалистическую школу раньше пейзажистовъ, то это потому, что отчасти придерживались расположенія залъ на выставкѣ, а тамъ залы французскихъ пейзажистовъ слѣдуютъ за залами съ картинами Курбэ, Миллэ и Домье. Мы говоримъ здѣсь о пейзажистахъ іюльской монархіи и второй имперіи.

Среди пессимизма и мизантропіи тогдашней эпохи любовь къ природѣ была сильна. Природа открывала поэтамъ широкій горизонтъ мечтаній, въ ласкающей безконечности которыхъ они вознаграждали себя за суету общественной борьбы. Любовью къ природѣ проникнуты произведенія Шатобріана, ею дышатъ лирическія стихотворенія другого представителя этой эпохи, Виктора Гюго.

Художники раздѣляли это настроеніе. Развившійся послѣ чуждаго нашествія 1815 г. національизмъ тоже побуждалъ художниковъ къ изученію мѣстной природы.

Какъ историческая, такъ и жанровая и пейзажная живопись той эпохи проникнута сильнымъ лирическимъ настроеніемъ. Пейзажисты были въ соприкосновеніи съ природой, но не работали среди нея. Они только черпали изъ нея впечатлѣнія и переносили эти впечатлѣнія въ свои мастерскія, такъ что отдѣльныя части ихъ пейзажей являлись изображеніемъ настоящей природы, но *общая* форма ихъ оставалась композиціей. Такой пріемъ могъ шокировать только тонкихъ и чуткихъ знатоковъ природы, а не обыкновеннаго зрителя.

Помимо своего болѣе синтетическаго характера, романтическій пейзажъ отличался и другой чертой: введеніемъ миѳологическихъ и баснословныхъ элементовъ.

Даже переходнаго и частичнаго общенія съ природой было достаточно, чтобы она оказала рѣшающее вліяніе на развитіе романтическаго пейзажа. Чѣмъ

ближе знакомились романтики съ природой, тѣмъ больше выростала въ ихъ глазахъ непосредственная ея красота. Пейзажъ началъ освобождаться отъ чуждыхъ элементовъ и ограничиваться художественнымъ, но вѣрнымъ воспроизведеніемъ самой природы. У послѣднихъ романтиковъ пейзажистовъ, вродѣ Руссо и Добиньи, эта эволюція была уже очень подвинута. Но реалистскій пейзажъ восторжествовалъ окончательно подъ кистью Курбэ и Миллэ. Эволюція эта совершилась въ 20—25-ти-лѣтній періодъ. Первыя значительныя работы Коро относятся къ 1827 году, а первыя работы Курбэ и Миллэ къ 1848 году.

Политическія событія 1848 года содѣйствовали оріентированію новаго теченія въ демократическомъ, народномъ духѣ *). Демократическіе дѣятели эпохи оказывали вліяніе въ томъ же направленіи; напримѣръ, Прудонъ требовалъ отъ искусства, чтобы оно расширило свое содержаніе и стало соціальнымъ, «чтобы народъ,—пишетъ онъ,—увидавъ свою нищету, научился краснѣть за свою трусость, чтобы каждый мускулъ аристократіи, выставленной въ своей жирной и безстыдной наготѣ подвергся бичеванію за свой паразитизмъ, за свою наглость и за свою испорченность».

Цѣлая зала на выставкѣ посвящена исключительно Коро, самому замѣчательному изъ романтиковъ-пейзажистовъ. Онъ сосредоточивалъ въ себѣ и всѣ достоинства, и всѣ недостатки новой школы. Но талантъ его былъ такъ великъ, фантазія такъ жива, и богата, что онъ умѣлъ придавать и своимъ комбинированнымъ картинамъ сильный характеръ оригинальности и истины. Во второй половинѣ своей жизни, въ возрастѣ 40—45 лѣтъ, объѣхавъ много странъ въ Европѣ и за ея предѣлами, Коро поселился въ Виль д'Аврэ, въ южныхъ окрестностяхъ Парижа, около прекраснаго лѣса въ Фонтенебло и создалъ тамъ многіе изъ своихъ самыхъ лучшихъ пейзажей. Его утреннія зори, пробивающія себѣ путь среди ночного мрака—настоящія оды свѣту. Такое же интенсивное и глубокое чувство проникаетъ и его вечерніе пейзажи, гдѣ слабый, блѣдный свѣтъ скрывшагося солнца сосредоточивается только на западномъ горизонтѣ, а вся остальная природа тонетъ въ сине-зеленомъ вечернемъ воздухѣ.

Изъ картинъ Коро остановимся на двухъ особенно прекрасныхъ картинахъ: *Гомеръ и пастухи* и *Le Manoir de Beaune-la-Rolande* (Замокъ Бонъ-ла-Роландъ). Первая картина, фигуры которой задрапированы въ античныя одежды, напоминаетъ по сюжету историческій классическій пейзажъ: слѣпой Гомеръ сидитъ подъ развѣсистымъ дубомъ, а передъ нимъ стоятъ, пришедшіе на звукъ его арфы, три маленькихъ пастуха. Охвативъ другъ друга за плечи, они, забывшись слушаютъ мелодичныя пѣсни старика. Все это—композиція и фантазія. Ни полуобнаженный, похожій на олимпійскаго бога Гомеръ, ни три молодыхъ ангельски-красивыхъ, охваченныхъ безконечнымъ вдохновеніемъ пастуха не реальны—но какъ прекрасно, какъ живописно обработанъ самый пейзажъ! Вамъ не хочется отвести глазъ отъ этого стараго, громаднаго дуба, отъ тихаго, синяго южнаго неба, которое своей глубиной даетъ вамъ ощущеніе безграничности вселенной.

Въ картинѣ «Le Manoir de Beaune-la-Rolande» нѣтъ ни одного изъ искусственныхъ пріемовъ романтизма. Она изображаетъ дворянскій замокъ, очень обыкновенный, очень скромный, построенный на берегу глубокаго пруда. Вмѣсто фантастическихъ образовъ прошлаго, въ лодкѣ стоитъ рыбакъ, закинувшій въ воду тростниковую удочку. Нѣсколько прямыхъ какъ свѣча и

---

*) Вліяніе революціи 1848 года на демократическое направленіе французской живописи составляетъ общеизвѣстный фактъ, подтвержденія котораго встрѣчается и въ новѣйшей литературѣ, въ статьѣ: «Un siécle d'art», помѣщенной Hamet въ октябрьской книжкѣ журнала «Revue de Paris».

бѣлыхъ какъ серебро тополей окружаютъ замокъ и прудъ красивымъ вѣнкомъ. Полдень; вода пруда застоялась въ невообразимой тишинѣ, какъ будто ощущая на себѣ всю страшную тяжесть накаленной атмосферы. Точное отраженіе замка съ его воротами, окнами, кровлей, въ гладкомъ водномъ зеркалѣ, отраженіе лодки, отраженіе тополей, вершины которыхъ какъ будто испаряются, исчезаютъ, становятся неуловимыми въ этомъ океанѣ свѣта, обнимающемъ всю природу, придаютъ всему зданію фантастическій видъ чего то вышедшаго изъ глубокихъ водъ, чтобы потеряться въ сіяющихъ небесахъ. И чѣмъ больше вы смотрите, тѣмъ сильнѣе дѣлается у васъ ощущеніе царствующаго тамъ молчанія и покоя.

Эта картина Коро, въ которой все реально, можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что, часто, простое и вѣрное воспроизведеніе природы даетъ болѣе поэтическое, болѣе глубокое чувство, чѣмъ самая красивая композиція, что природа фантастичнѣе самой богатой фантазіи.

Романтическій пейзажъ исчезъ мало-по-малу, унесенный новымъ реалистическимъ теченіемъ, для того, чтобы возродиться въ самое послѣднее время подъ формой импрессіонизма и нео-романтизма.

Импрессіонизмъ является однимъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ въ исторіи живописи. Какъ всякое новое теченіе, онъ встрѣтился съ недоброжелательной и враждебной критикой, какъ со стороны партизановъ старой школы, такъ и со стороны широкой публики. Послѣдняя съ недоумѣніемъ останавливалась передъ намазанными, какъ плохо выбѣленная стѣна, фигурами, въ которыхъ линіи тѣла и лица были обозначены въ неописуемомъ безпорядкѣ, или отсутствовали совершенно. Съ неменьшимъ смущеніемъ смотрѣла она на фіолетовые цвѣта, которыми импрессіонисты наполняли свои крапчатые пейзажи, и на отсутствіе опредѣленныхъ контуровъ. Все это сильно шокировало ходячія понятія и представленія объ изяществѣ человѣческихъ чертъ, о законченности формъ въ природѣ, о ровныхъ тонахъ красокъ.

Конечно, и сами импрессіонисты, раздраженные насмѣшками и недружелюбнымъ отношеніемъ критики и желая еще больше показать свое презрѣніе къ «пошлой толпѣ», утрировали свою манеру. Это можно прослѣдить и на картинахъ Манэ, выставленныхъ въ Люксембургскомъ музеѣ, и на несообразной аллегорической композиціи Бенара, нарисованной на стѣнѣ большого амфитеатра въ Сорбоннѣ, гдѣ читаются лекціи по химіи. Аллегорія эта изображаетъ распростертый трупъ женщины, въ естественную величину; онъ занимаетъ самый центръ картины. Страшная змѣя въ нѣсколько десятковъ метровъ длинною выѣдаетъ животъ трупа, и, о ужасъ! въ то же время маленькій, хорошенькій ребенокъ сосетъ грудь этой мертвой, на половину съѣденной женщины. Картина должна аллегорически изображать, какъ жизнь рождается отъ смерти. Но тѣ же самые художники дали, какъ мы увидимъ, безподобные образцы искусства, открывшіе послѣднему новые, неизвѣстные и неизслѣдованные до тѣхъ поръ, пути. Самый тотъ фактъ, что импрессіонизмъ привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе, что онъ насчитываетъ многихъ даровитыхъ послѣдователей во всѣхъ странахъ, уже оправдываетъ его существованіе.

Въ одномъ отношеніи импрессіонизмъ есть возвращеніе къ романтизму эпохи реставраціи и іюльской монархіи: импрессіонисты повторяютъ, подобно Делакруа, что «рисунокъ движенія долженъ преобладать надъ рисункомъ формы». Все въ природѣ движется и измѣняется. Это вѣрно, не только для того, что мы называемъ органической природой, для животныхъ и растеній, для которыхъ движеніе есть условіе жизни, но и для неорганической природы, для мертвыхъ и неподвижныхъ предметовъ. Въ движеніи неорганической природы, художника интересуютъ не невидимыя молекулярныя измѣненія, происходящія въ глубинѣ тканей, а различный видъ, который принимаетъ эта природа подъ

освѣщеннымъ небомъ. Предметы неорганической природы какъ будто растутъ и уменьшаются подъ вибраціями свѣта; онѣ кажутся намъ то впавшими, то выпуклыми отъ свѣтовыхъ пятенъ, которыми пестрятъ ихъ солнечные лучи.

Между импрессіонизмомъ и романтизмомъ есть еще другая связь: ихъ аналогичное происхожденіе. Какъ романтизмъ, такъ и импрессіонизмъ явились въ эпоху, когда впавшее въ политическій индиферентизмъ, вслѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ катастрофъ, поколѣніе бросилось въ чистыя отъ общественныхъ примѣсей волны искусства для искусства. Теченіе это очень часто появляется въ литературѣ и въ искусствѣ, когда необходимо сосредоточеніе всѣхъ мыслей и силъ для произведенія важнаго переворота въ формахъ. Если, съ одной стороны, такое произвольное изолированіе художниковъ отъ жизни угрожаетъ сдѣлать ихъ произведенія сухими, безжизненными, безъинтересными, то, съ другой стороны, оно же способствуетъ тому, чтобы художники отдались критикѣ всѣхъ прежнихъ произведеній, чтобы раскрытіе ихъ недостатковъ заставило искать дополненія прежнихъ пріемовъ. Такая самокритика произвела импрессіонизмъ.

Если бы мы стали искать другихъ связей импрессіонизма съ прошлымъ, то мы должны были бы остановиться на реализмѣ. Импрессіонисты вдохновлялись романтиками, преобладаніемъ у нихъ движенія надъ формой, но въ то же время, какъ романтики въ подвижности линій, въ выраженіи физіономій, въ игрѣ свѣта передавали, главнымъ образомъ, свое собственное настроеніе, импрессіонисты передавали эту подвижность и измѣняемость только постольку, поскольку находили ее въ самихъ образцахъ природы. То, что для первыхъ было средствомъ для выраженія своего субъективнаго чувства, которое часто могло совпадать съ дѣйствительностью, но могло и сильно противорѣчить ей, у импрессіонистовъ дѣлалось объективной научной истиной. Въ этомъ проявляется неотразимое вліяніе реализма, сдѣлавшаго изъ природы первый, незамѣнимый источникъ вдохновенія художника.

Импрессіонизмъ есть стремленіе охватить всю истину, представляемую природой. Импрессіонисты не безъ основанія обвиняютъ своихъ предшественниковъ въ томъ, что они, своими законченными портретами, рѣзкими контурами и однообразными оттѣнками даютъ только правдоподобную копію истины. Дѣйствительность гораздо сложнѣе. Художники своей существовавшей до сихъ поръ манерой нѣсколько напоминали учениковъ, которые извѣстное время стараются слѣдовать образцу, но скоро, увидавъ, что это трудно, начинаютъ рисовать по памяти. Извѣстно, что импрессіонисты называютъ себя еще и *plainairistes*, т.-е. художниками, работающими подъ открытымъ небомъ, такъ какъ они возвели въ принципъ то, что реалисты начали практиковать только отчасти, они ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы пейзажистъ работалъ среди самой природы, на воздухѣ, подъ лучами солнца. Обыкновенно художникъ комбинировалъ свои пейзажи у себя въ мастерской; такъ же дѣлали и пейзажисты-романтики. Эта всеобщая привычка, неизбѣжная при извѣстномъ состояніи техническихъ знаній художниковъ, являлась фатальной для искусства, такъ какъ она придавала ему сильно условный характеръ относительно красокъ. Наоборотъ, рисованіе подъ открытымъ небомъ, которое ввели въ обычай импрессіонисты, обратило вниманіе художниковъ на многія необъяснимыя до тѣхъ поръ дѣйствія свѣта и свѣтовыя явленія. Они замѣтили, что свѣтъ разсѣивается по предметамъ не однообразными оттѣнками, а въ видѣ множества пятенъ, отсюда другое названіе новой школы: *ташетисты*. Пятна эти бываютъ различны, смотря по разному положенію предмета относительно солнца. Это вѣрно какъ для всѣхъ предметовъ природы, такъ и для человѣческаго тѣла. Но обыкновенно мы, по особой привычкѣ глаза, не видимъ этихъ пятенъ отдѣльно, а получаемъ ихъ общее впечатлѣніе. Трудность дѣлается очень велика, когда художникъ хочетъ пере-

дать на полотнѣ это впечатлѣніе. Онъ долженъ разложить его на полотнѣ на составные элементы и тогда, если мы будемъ стоять передъ картиной въ положеніи, аналогичномъ тому, которое мы занимали передъ предметомъ, она произведетъ на насъ впечатлѣніе, которое *живо* напомнитъ намъ самый предметъ. Прежде художники дѣлали это наугадъ, руководимые своей артистической чуткостью, которая, однако, ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать того, что даетъ положительное знаніе факта. Импрессіонисты серьезно взялись за изученіе науки о краскахъ. Имъ помогли и успѣхи физіологіи цвѣтовъ. Послѣдняя открыла, напримѣръ, что послѣ болѣе или менѣе долгаго созерцанія блестящаго бѣлаго свѣта сѣтчатая оболочка нашего глаза утомляется и мы получаемъ ощущеніе желтаго цвѣта. Но мы не отдаемъ себѣ въ этомъ отчета, такъ какъ по опыту знаемъ, что видимъ передъ собой ослѣпительно-бѣлый солнечный свѣтъ. Когда художникъ хочетъ произвести на насъ впечатлѣніе, которое мы получаемъ отъ ослѣпительно-бѣлаго свѣта, онъ беретъ свѣтло-сѣрую краску и смѣшиваетъ ее съ желтыми тонами, и эта смѣсь возбудитъ у насъ ощущеніе блестящаго свѣта. Посмотрите на платье г-жи Гонзалесъ на портретѣ работы Манэ и вы убѣдитесь въ другой оптической иллюзіи: для того, чтобы получилось впечатлѣніе бѣлаго кремоваго цвѣта, художникъ употреблялъ блѣдно-синіе тоны. Въ этихъ случаяхъ мы должны дать сѣтчатой оболочкѣ нашего глаза время сочетать различныя пятна и тоны и вотъ почему нѣтъ ничего смѣшного въ томъ, что для полученія истиннаго впечатлѣнія отъ импрессіонистскихъ портрета или пейзажа, мы должны выбрать подходящую точку и смотрѣть извѣстное время. Это происходитъ отъ физіологическихъ свойствъ нашего зрительнаго органа.

Въ заключеніе: импрессіонизмъ путемъ подбора новыхъ красокъ, ихъ живости и блеска, стремится возбудить въ зрителѣ впечатлѣніе (impression — отсюда и ихъ названіе), возможно близкое къ тому, которое даетъ видъ живого человѣка, или самой природы. Развѣ это не самый полный реализмъ? Насколько чувство дѣйствительности сильно въ импрессіонистахъ, показываетъ ихъ стремленіе придавать своимъ оригиналамъ самое естественное, и въ то же время самое характерное настроеніе. Оно получается обыкновенно не тогда, когда человѣкъ является позировать и когда его вниманіе направлено въ эту сторону, а когда онъ предается своему обычному занятію, читаетъ, куритъ, рисуетъ, работаетъ, ходитъ, однимъ словомъ, когда онъ меньше всего думаетъ о томъ, что съ него будутъ рисовать.

Хотя импрессіонисты и обратили свое главное вниманіе на краски, они, въ то же время, остались неподражаемыми рисовальщиками. Бѣлый цвѣтокъ, лежащій на полу возлѣ платья, на упомянутомъ уже портретѣ г-жи Гонзалесъ, кроваво-красныя розы, лежащія въ томъ же положеніи на портретѣ *одной актрисы*, работы Бенара,—такъ тонко и изящно нарисованы, что одного изъ нихъ было бы довольно, чтобы сдѣлать художника извѣстнымъ. Даровитый художникъ, къ какой бы школѣ онъ ни принадлежалъ, долженъ быть въ то же время и хорошимъ рисовальщикомъ. Делакруа не любилъ неподвижныя линіи, но это не мѣшало ему говорить: «Тотъ живописецъ, который не успѣетъ нарисовать человѣка въ то время, которое онъ употребляетъ, чтобы упасть изъ IV этажа на землю — не живописецъ».

На столѣтней выставкѣ Манэ, умершій въ 1883 году, представленъ двѣнадцатью картинами, одна лучше другой. Одна изъ нихъ—*Бой быковъ*—настоящая эпическая поэма, въ живыхъ и бурныхъ краскахъ изображающая острое, ненасытное любопытство хвастливыхъ французскихъ южанъ, ихъ кровожадный энтузіазмъ, спокойствіе, тупое равнодушіе привыкшихъ къ своему ремеслу тореадоровъ, пѣшихъ и верхомъ, и, наконецъ, смущеніе и безпокойство безцѣльно бѣгающаго по аренѣ животнаго. Чувствуется, что трагическая минута прибли-

жается; возбужденная музыкой и отвѣсными лучами палящаго южнаго солнца, безчисленная публика встала на ноги, тѣснится, толкается на ступеняхъ арены и находится въ томъ страшно напряженномъ состояніи, которое предшествуетъ радостному взрыву энтузіазма, или отчаянной паникѣ. Вся эта человѣческая масса похожа на громадный корабельный парусъ, надуваемый однимъ и тѣмъ же вѣтромъ. Еще немного, еще одна минута, одинъ искусный ударъ,—и бѣдное животное повалится на землю, и тореадоръ будетъ торжествовать, осыпаемый букетами цвѣтовъ, платками, шапками, которые ему будетъ бросать со всѣхъ сторонъ обезумѣвшая публика.

Дегазъ выставилъ только двѣ картины, изъ которыхъ одна, *Репетиція балета*, возбуждаетъ такой же и даже большій энтузіазмъ, чѣмъ *Бой быковъ* Манэ. Въ послѣдней картинѣ главный активный элементъ въ центрѣ, на аренѣ, а публика движется массой, т.-е. нѣсколькими общими линіями. Въ картинѣ *Репетиція балета* все въ движеніи: всѣ танцовщицы, въ одиночку, или по двѣ и по нѣскольку вмѣстѣ, выполняютъ многочисленныя движенія, одно сложнѣе, оригинальнѣе и гармоничнѣе другого, подъ звуки оркестра. Въ этомъ вихрѣ голыхъ тѣлъ, гибкихъ рукъ и бѣлаго газа есть только одна неподвижная фигура, конечно, тоже изъ театральнаго персонала. Человѣкъ сидитъ на стулѣ, нѣсколько поодаль, спиною къ самой рампѣ, съ вытянутыми, положенными одна на другую ногами, съ руками въ карманахъ, съ нѣсколько откинутой назадъ головой и съ глазами, устремленными на танцующихъ. И, можетъ быть, въ напряженномъ спокойствіи этого человѣка сказывается больше всего сдержаннаго движенія. Никакое описаніе не можетъ передать всей красоты этихъ картинъ, главная сила которыхъ состоитъ не въ выраженіи лицъ и не въ характерѣ сценъ, а въ пылкости, въ порывѣ блестящихъ красокъ.

Вышеупомянутые художники, вмѣстѣ съ символистами, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, являются представителями нео-романтизма. Идеалистическая реакція имѣетъ великаго представителя, въ лицѣ Пюви де-Шавана.

Къ сожалѣнію, Пюви де-Шаванъ, умершій въ 1898 г., представленъ только четырьмя картинами, изъ которыхъ лучшая *Семья рыбака*, но мѣсто его въ современной французской живописи настолько значительно, что мы не можемъ обойти его молчаніемъ.

Пюви де-Шаванъ выступилъ въ первый разъ въ салонѣ 1861 г., но слава его относится только къ послѣднему времени, послѣ того, какъ онъ написалъ знаменитыя фрески въ Пантеонѣ. Теперь Пюви де-Шаванъ — одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ французскихъ художниковъ. Въ своемъ преклоненіи передъ нимъ нѣкоторые говорятъ, что этотъ художникъ *предчувствовалъ будущее*. «Счастливое и братское человѣчество, — говоритъ Исоресъ въ одной своей конференціи объ искусствѣ, — то, чѣмъ будетъ завтрашнее общество. Пюви де-Шавану было довольно вообразить себѣ широкія, мирныя и гармоническія соединенія, чтобы напередъ угадать то, о чемъ мы мечтаемъ».

Я не буду останавливаться на этой поверхностной характеристикѣ, въ которой Пюви де-Шаванъ съ успѣхомъ можетъ быть замѣненъ многими другими художниками, прерафаэлитами и романтиками, а особенно подлинными религіозными живописцами среднихъ вѣковъ, въ произведеніяхъ которыхъ чувствуется безконечная вѣра и незыблемая гармонія. Но наше бѣглое замѣчаніе совершенно не имѣетъ въ виду сколько нибудь уронить значеніе живописи Пюви де-Шавана. Она остается полнымъ подтвержденіемъ слѣдующихъ двухъ истинъ: реалистическая живопись не можетъ выразить всѣхъ чувствъ человѣка, такъ же, какъ точная наука не въ состояніи выразить всѣхъ формъ мысли; въ живописи всегда будетъ мѣсто мечтѣ, такъ же, какъ въ наукѣ—метафизикѣ. И величайшіе художники-реалисты отдавались своимъ мечтамъ и грезамъ. Между картинами Миллэ на выставкѣ была аллегорическая картина

Падающія звѣзды. Между тѣмъ пріемы реалистической живописи, какъ мы увидимъ изъ другой картины — картина Рошгросса *Въ погоню за счастьемъ!* — безсильны передать величіе и простоту мечты, и великая заслуга Пюви де-Шавана заключается въ томъ, что онъ создалъ для этого рода живописи особую технику. Особенности живописи Пюви де-Шавана состоятъ, прежде всего, въ выборѣ сюжетовъ, которые онъ черпалъ, главнымъ образомъ, изъ средневѣковой и античной исторіи. Время, какъ будто, совлекаетъ съ личностей ихъ матеріальную оболочку и оставляетъ только духовнаго человѣка, въ воспоминаніяхъ о его подвигахъ и добродѣтеляхъ, на которыя и обращено главное вниманіе историковъ и моралистовъ. Такое упрощеніе сюжета сопровождалось упрощеніемъ самой художественной техники. Пюви де-Шаванъ упростилъ краски, и сталъ пользоваться, преимущественно, только тонами синяго и сѣраго; онъ упростилъ воздушную и линейную перспективу и создалъ тѣ небеса безъ горизонта, созерцаніе которыхъ даетъ вамъ ощущеніе таинственнаго и безконечнаго. Его личности—мудрая и добрая старость, или смиренная въ сознаніи своего возраста юность. Эти средства и пріемы дали Пюви де-Шавану возможность выразить общія идеи и чувства.

Какъ всякое новое и мощное теченіе, теченіе Пюви де-Шавана проявилось въ формѣ крайней оппозиціи, абсолютнаго отрицанія. Замѣчательно то историческое совпаденіе, по которому, когда въ 1861 г. Курбэ выпустилъ свой знаменитый манифестъ, приведенный нами въ первой корреспонденціи, и освящавшій торжество реализма, Пюви де-Шаванъ послалъ въ салонъ свою первую картину. Ничего не можетъ быть характернѣе для идей Пюви де-Шавана, чѣмъ слѣдующая характеристика, сдѣланная однимъ его анонимнымъ «другомъ»: «Онъ исповѣдуетъ высочайшее презрѣніе къ матеріальной сторонѣ существъ и вещей; онъ соглашается брать изъ нея ровно столько, сколько нужно, чтобы намѣтить разницу естественныхъ видовъ и родовъ. Онъ полагаетъ свою гордость въ томъ, чтобы выразить неуловимое, поэзію, грезу, однимъ словомъ идеалъ».

Другая истина, оправдывающая появленіе живописи Пюви де Шавана, заключается въ томъ, что не только цѣль, которою задается искусство, но и *матеріальное приложеніе*, которое изъ него дѣлается, вліяетъ на его технику, а слѣдовательно, и на сюжетъ. За малыми исключеніями, живопись Пюви де-Шавана состоитъ изъ фресокъ. Онъ разрисовалъ стѣны разныхъ музеевъ и школъ въ Марселѣ, Ліонѣ, Бостонѣ (въ Америкѣ), и, особенно, въ Парижѣ (Пантеонъ и Новая Сорбонна). Въ такой фресковой живописи простыя краски и широкое небо являются технической необходимостью.

Таковы различныя условія, придающія картинамъ Пюви де-Шавана ихъ спеціальный отпечатокъ. Искусство его остается простымъ, но великимъ искусствомъ. Простымъ—по техникѣ, но великимъ—по идеѣ, такъ какъ Пюви де-Шаванъ достигаетъ своей цѣли, возбуждаетъ въ зрителѣ то чувство, которымъ волнуется самъ. Видъ этихъ безконечныхъ небесъ, чистыхъ, какъ безоблачное чело изображаемыхъ имъ людей, созерцаніе этихъ широкихъ аллегорій, гдѣ жизнь и смерть, радость и горе, юность и старость встрѣчаются безбурно и мирно, въ сознаніи, что всѣ они одинаковы нужны для вѣчной смѣны и обновленія природы, дѣйствуетъ на вашу душу, какъ молитва на душу вѣрующаго. Выражаясь словами поэта, зритель чувствуетъ въ себѣ подъ ихъ впечатлѣніемъ возрожденіе «долгой надежды и широкихъ мыслей».

Его картины замѣчательны необычайной простотой рисунка, не мѣшающей ни полнотѣ, ни выразительности его. Пюви де-Шаванъ—несомнѣнно одинъ изъ тѣхъ художниковъ, по образцамъ котораго можно учиться.

Отъ Пюви де-Шавана мы перейдемъ прямо къ Эжену Карьеру. Слава перваго уже установлена, слава второго устанавливается теперь, медленно, но

вѣрно. Карьеръ—не спиритуалистъ, а идеалистъ. Разница между нимъ и Пюви де-Шаваномъ очень велика. Они похожи только въ одномъ: оба не ограничиваются тѣмъ, чтобы, воспроизводя природу, или человѣка, предоставить имъ *говорить самимъ за себя*, какъ этого требовалъ реализмъ Курбэ; они заставляютъ природу служить своимъ идейнымъ цѣлямъ. Въ этомъ они похожи, но сходство ихъ только этимъ и ограничивается; дальше начинается разница. Въ то время, какъ Пюви де Шаванъ пересоздаетъ реальность на свой ладъ, пользуясь только нѣкоторыми элементами дѣйствительности, послѣдняя является солидной почвой, которой Карьеръ никогда не покидаетъ. Онъ даже не претендуетъ на исправленіе дѣйствительности, а просто игнорируетъ, оставляетъ въ тѣни тѣ ея стороны, которыя считаетъ несущественными, сосредоточивая все свое вниманіе на тѣхъ, которыя считаетъ важными. Эта манера, въ сущности, не нова. Извѣстно, что еще великіе голландскіе портретисты Рембрандтъ и Ванъ-Дикъ сосредоточивали все освѣщеніе на лицѣ, скрывая въ темной тѣни остальную часть тѣла.

Карьеръ достигаетъ своихъ художественныхъ цѣлей, набрасывая на свои фигуры легкую черную дымку, постепенно исчезающую, по мѣрѣ приближенія къ той части полотна, на которой художникъ сосредоточилъ все свое вниманіе. Этою частью картины является, обыкновенно, лицо. Если же, наоборотъ, вы будете слѣдить за направленіемъ линій, начиная съ озаренной части картины, то ваше воображеніе, по контурамъ и тѣнямъ, возстановитъ ея остальныя части. Въ этой манерѣ нѣтъ ничего неестественнаго; въ природѣ наблюдается иногда то же явленіе: нѣкоторыя части скрываются, остаются въ тѣни, и вся гармонія природы сосредоточивается на другихъ частяхъ.

Иногда новая художественная манера дѣлается обязательной, благодаря самому сюжету. Если художникъ хочетъ изобразить одно изъ тѣхъ общихъ чувствъ, о существованіи которыхъ у нашихъ собесѣдниковъ мы скорѣе догадываемся, чѣмъ видимъ ихъ, и если онъ при этомъ передастъ дѣйствительность въ ея узкихъ границахъ, то зрителю картины нужно будетъ еще большее усиліе, чтобы догадаться о выражаемомъ сюжетомъ чувствѣ. Обыкновенно художники, не исключая и самыхъ несомнѣнныхъ реалистовъ, сознательно, или безсознательно, нѣсколько оттѣняютъ, преувеличиваютъ это выраженіе. Карьеръ, пожалуй, больше держится естественнаго, бросая свѣтъ на вполнѣ реалистически нарисованныя лица, заставляя вашъ глазъ сразу обращаться на драматическій моментъ всей картины. Это не полное и, можетъ быть, не вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности; это ея *интеллектуальное* воспроизведеніе.

Но въ сущности, когда реалисты говорятъ, что производятъ дѣйствительность, не играютъ ли они словами до извѣстной степени? Развѣ эта «дѣйствительность» не условна болѣе или менѣе, развѣ границы ея не опредѣляются въ очень сильной степени нашими измѣнчивыми понятіями? И само наслажденіе, получаемое отъ природы и картинъ, не является ли чѣмъ-то условнымъ, воспитаннымъ, существенно измѣнчивымъ? Что можетъ быть естественнѣе и законнѣе, чѣмъ появленіе въ такую эпоху, когда человѣчество гордится своей интеллектуальностью, своими гуманными чувствами, художниковъ, которые стараются сдѣлать эти чувства *осязаемыми* въ своихъ картинахъ, и, такимъ образомъ, поднять искусство до великой роли воспитателя человѣчества, открывающаго ему, *говоря словами того же самаго Карьера*, «формы его надеждъ»! Это, несомнѣнно, высокій идеалъ въ искусствѣ, къ которому Пюви де-Шаванъ только приблизился. Но этотъ идеалъ являлся у него отдѣленнымъ отъ современной дѣйствительности и даже чуждымъ ей, тогда какъ у Карьера онъ составляетъ часть ея, выходитъ изъ нея, чтобы вернуться къ ней и воздѣйствовать на нее, какъ земныя испаренія возвращаются къ землѣ въ дождевыхъ облакахъ.

На картинѣ «Интимность» Карьеромъ изображено нѣжное, братское чувство, которое маленькая дѣвочка, сидящая на рукахъ у матери, выражаетъ къ своей, стоящей на колѣняхъ сестрѣ. Дѣвочка крѣпко охватила сестру за шею и долгимъ поцѣлуемъ цѣлуетъ ее въ лѣвую щеку. Всѣ трое довольны и весело улыбаются, но довольнѣе всѣхъ малютка.

Нужно видѣть самую картину, чтобы понять, насколько манера Карьера направлять весь свѣтъ на лица усиливаетъ ихъ выраженіе.

Мы оставляемъ въ сторонѣ другія, выставленныя на десятилѣтней выставкѣ, картины Карьера, полныя высокаго чувства; оставляемъ въ сторонѣ трагическую картину—«Іисусъ на крестѣ», и остановимся только на большомъ полотнѣ, подъ названіемъ: *Народный театръ.*

Зритель долженъ нѣсколько разъ остановиться передъ этой картиной, нѣсколько разъ вернуться къ ней, чтобы понять всю силу искусства Карьера. И тогда, изъ-за дымки, покрывающей со всѣхъ сторонъ трибуны и галлереи, куда набилась народная толпа, это произведеніе встанетъ передъ вами: безподобнымъ, живымъ и реальнымъ. Конечно, оно реально не въ тѣсномъ смыслѣ слова, а реально по своей цѣли. Что интересуетъ насъ прежде всего въ толпѣ зрителей, наполняющей театръ? Чувство, которое владѣетъ ею. Подробное портретированіе зрителей, ихъ фигуръ и костюмовъ, какъ бы ни работалъ художникъ, выраженіе отдѣльныхъ лицъ не только не дастъ намъ этого впечатлѣнія, но только отвлечетъ наше вниманіе. А между тѣмъ эта гибельная манера существуетъ у большей части художниковъ. Карьеръ оставляетъ отдѣльныя личности, а изображаетъ то, что обще всѣмъ имъ. Я не говорю *тождественно*, но *обще*, понимая тѣ черты и жесты одной личности, которые рядомъ съ чертами и жестами другой являются не повтореніемъ, а естественнымъ, логическимъ продолженіемъ ихъ. Это единственный способъ изображенія коллективныхъ ощущеній: энтузіазма, радости, скорби, гнѣва, возмущенія. Посмотрите на *Народный театръ* Карьера, какъ среди этого хаоса свѣтящагося тумана толпа зрителей, движимая однѣми и тѣми же внутренними силами, при всемъ разнообразіи позъ и жестовъ, составляетъ одно цѣлое, полную гармонію. Чувствуется, что мы въ театрѣ, гдѣ сценическая фикція совлекаетъ съ насъ все индивидуальное и соединяетъ въ общій крикъ, въ общій жестъ то, что есть въ насъ человѣческаго, высокаго и добраго.

Прежде чѣмъ кончить, скажемъ нѣсколько словъ о символистахъ. Мы вынуждены совсѣмъ бѣгло памѣтить наиболѣе видныхъ изъ романтиковъ-символистовъ, обходя молчаніемъ нѣкоторыя религіозныя аллегоріи.

Картина Рошгросса: *Погоня за счастьемъ*, извѣстна въ Россіи. Она можетъ быть названа неудачной, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе шокирующаго эстетическое чувство, какъ *не реальное* отношеніе между абсолютно-грубой, тривіальной дѣйствительностью—толпой людей разныхъ половъ, возрастовъ и общественныхъ классовъ и положеній, одѣтыхъ въ обыкновенное современное платье, многіе, спѣша не упустить счастье, явились полуодѣтыми, въ прозаическихъ жилетахъ, и отвлеченной фигурой счастья, которое носится надъ ними, въ видѣ женщины, окруженной облакомъ.

Самый талантливый изъ символистовъ, несомнѣнно, Анри Мартенъ. Его громадныя полотна, обработанныя въ импрессіонистскомъ стилѣ, привлекаютъ множество публики. Они называются: *Ясность*, *Каждому его химера*, *Къ безднѣ* и др. Самая лучшая—послѣдняя. Молодая женщина, съ черными, перепончатыми, какъ у летучей мыши, крыльями, съ вѣнкомъ кроваво-красныхъ цвѣтовъ на головѣ, опоясанная гирляндой изъ тѣхъ же цвѣтовъ, манитъ за собою, движеніемъ руки, держащей цвѣтокъ, толпу нагихъ людей. Здѣсь нѣтъ того шокирующаго контраста между толпой и женщиной, олицетворяющей развратъ, какъ на картинѣ Рошгросса—*Погоня за счастьемъ*.

Самодовольная и ехидная улыбка женщины показываетъ, что она вполнѣ сознаетъ, что дѣлаетъ. А за нею тащится толпа, послушная, раболѣпная; старики съ длинными сѣдыми бородами, морщинистыми лицами, выдающимися костями, юноши, еще невинные — всѣ, толкаясь и тѣснясь, наперерывъ спѣшатъ догнать ее. Одинъ юноша бросается подъ ноги другимъ и ползетъ на животѣ, чтобъ пробраться впередъ. И надъ этой толпой мужчинъ и женщинъ тучей вьются орлы. Эта сильная картина тяготитъ душу зрителя, какъ настоящій кошмаръ.

Противоположнымъ чувствомъ вѣетъ отъ прелестной картины Сесброна, *Искусство господствуетъ надъ всѣмъ*. Она рисуетъ высокія благородныя чувства, одушевляющія истинныхъ художниковъ. Сюжетомъ дополненнымъ фантазіей художника, является смерть артиста Эжена Перена, послѣднія предсмертныя слова котораго были: «Искусство господствуетъ надъ всѣмъ». Переньъ изображенъ роспростертымъ на смертномъ одрѣ; бѣлое покрывало обвиваетъ все его тѣло, кромѣ головы, которая тонетъ въ высокихъ, мягкихъ подушкахъ. На ногахъ его, сверху покрывала лежитъ цѣлый снопъ живыхъ цвѣтовъ; на маленькомъ ночномъ столикѣ у кровати стоитъ полусгорѣвшая свѣча, весь красный свѣтъ которой падаетъ на лицо Перена. Вѣки глазъ его опущены, но въ ихъ натянутой поверхности еще чувствуется трепетаніе жизни, слабое, какъ трепетанія крыльевъ смертельно раненой птицы.

У нижняго конца кровати скрипачъ играетъ на скрипкѣ. Какое увлеченіе въ его игрѣ, сколько воодушевленія на его лицѣ. Это какая-то сверхчеловѣческаа музыка! Во всей сценѣ есть что-то таинственное и могучее, что-то, напоминающее Эдгара Поэ. Помните ли вы его разсказъ о художникѣ, рисовавшемъ портретъ своей жены, когда она умирала на его глазахъ. Онъ не замѣчалъ этого. Онъ видѣлъ только одно: что, подвигаясь впередъ, портретъ съ каждымъ днемъ дѣлался все болѣе похожимъ на оригиналъ. И когда наконецъ художникъ положилъ на полотно послѣднюю каплю краски, его жена испустила духъ.

Скрипачъ на картинѣ также увлеченъ и забылъ все. Бѣдный! Онъ не замѣчаетъ, что божественная мелодія его уноситъ душу Перена, и прежде, чѣмъ онъ опуститъ свой смычекъ, прежде, чѣмъ догоритъ свѣча, прежде, чѣмъ высохнетъ роса на цвѣтахъ, Переньъ будетъ мертвъ.

Х. Инсаровъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физіологія. 1) О цвѣтномъ слухѣ. 2) О вліяніи дѣятельности нѣкоторыхъ органовъ человѣческаго тѣла на органы, не производящіе въ данное время работы.— **Зоологія.** О разведеніи полярной лисицы (песца). **Д. Н.**—**Химія.** Горючіе газы воздуха.—**Техника.** Регенерація испорченнаго воздуха.—**Географія и путешествія.** Полярная экспедиція герцога Абруццкаго. **Н. М.**—**Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.**

Физіологія. 1) *О цвѣтномъ слухѣ.* Встрѣчаются, правда весьма рѣдко, лица, у которыхъ звуковыя впечатлѣнія вызываютъ ощущенія одновременно и звука, и цвѣта: такъ, напримѣръ, звукъ *a*—ощущеніе краснаго цвѣта, музыкальный звукъ *la*—бѣлаго, дребезжаніе оконныхъ стеколъ—желтовато сѣраго и т. п. Этимъ явленіямъ посвящена обстоятельная статья Клавьера («L'audition colorée») въ № 16 Rev. gén. des Sciences, которой я и буду пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Проявленія цвѣтного слуха извѣстны уже давно, еще съ прошлаго столѣтія, но предметомъ изслѣдованій они сдѣлались лишь въ послѣднее время. Еще недавно находили, что «нужно быть сумасшедшимъ, чтобы заниматься подобными вещами», а одинъ профессоръ писалъ своему другу Флурнуа, который произвелъ весьма много наблюденій надъ цвѣтнымъ слухомъ: «Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что у тебя самого нѣтъ подобныхъ явленій». Тѣмъ не менѣе цвѣтной слухъ изслѣдованъ многими учеными; описаны многочисленные случаи его проявленія—такъ, напр., Флурнуа и Клапаредъ въ 1892 году опубликовали описаніе 250-ти проявленій цвѣтного слуха — и даже сдѣланы попытки объяснить эту странную особенность въ дѣятельности нервной системы. Цвѣтной слухъ пріобрѣлъ себѣ весьма дурную репутацію, благодаря тому, совершенно случайному обстоятельству, что нѣкоторые писатели, принадлежащіе къ числу такъ называемыхъ декадентовъ, обладая цвѣтнымъ слухомъ, описывали въ стихахъ свои ощущенія и даже предполагали, основываясь на нихъ, дать новое направленіе искусству, тогда какъ большинству представленія ихъ должны были казаться совершенно абсурдными. Еще 30 лѣтъ тому назадъ Рамбо писалъ:

A noir, E blanc, I rouge', U vert, O bleu, voyelles
Je dirai quelque jour vos naissances latentes,—

но и въ болѣе близкое къ намъ время Легранъ и Гюисмансъ описываютъ подобныя же ощущенія.

Однако, соотвѣтствующіе факты несомнѣнно существуютъ. Проявленія цвѣтного слуха, какъ мы увидимъ далѣе, весьма разнообразны; надо думать, что еще много формъ аналогичныхъ особенностей въ дѣятельности нервной системы намъ неизвѣстны, хотя уже имѣется довольно обширная научная литература, посвященная этому предмету.

Для объясненія цвѣтного слуха было высказано три гипотезы: психическая, физіологическая и анатомическая. Первая гипотеза можетъ быть резюмирована слѣдующимъ образомъ: у даннаго лица опредѣленный звукъ вызываетъ

ощущеніе извѣстнаго цвѣта потому, что этотъ звукъ ассоціировался большое число разъ съ даннымъ цвѣтомъ, или же только одинъ разъ, но при такихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ ассоціація звука и цвѣта закрѣпилась навсегда. Одинъ изъ сторонниковъ этой гипотезы (португалецъ) говоритъ, что португальцы, обладающіе цвѣтнымъ слухомъ, считаютъ букву *и* — черной по тому, что она въ этомъ языкѣ встрѣчается почти исключительно въ словахъ, обозначающихъ черные предметы. Вторая гипотеза—физіологическая, состоитъ въ слѣдующемъ. По господствующему представленію каждому изъ органовъ высшихъ чувствъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя области мозга, въ которыя передаются раздраженія, воспринимаемыя этими органами; вслѣдствіе раздраженія этихъ областей, у насъ и возникаютъ ощущенія зрительныя, слуховыя, вкусовыя и т. д. Раздраженія въ нервѣ и въ нервныхъ клѣткахъ, что касается физической ихъ природы, могутъ быть представлены въ видѣ колебательныхъ движеній. Слѣдовательно, съ физіологической точки зрѣнія явленія цвѣтнаго слуха состоятъ въ томъ, что въ двухъ различныхъ областяхъ мозга одновременно возникаютъ колебательныя движенія, тогда какъ раздраженіе воспринимается при этомъ лишь однимъ изъ органовъ чувствъ; но вѣдь качества этихъ колебаній намъ совершенно неизвѣстны, такъ что нѣтъ никакихъ основаній не допускать, что одно только раздраженіе можетъ вызвать вибраціи, такъ сказать, въ униссонъ въ двухъ различныхъ областяхъ мозга, подобно тому, какъ струны отвѣчаютъ на звукъ соотвѣтствующаго тона. Нѣкоторое видоизмѣненіе этой гипотезы представляютъ слѣдующія соображенія Флурнуа. Быстрота и сила сокращеній сердца, напряженіе мышцъ, питательный обмѣнъ, дѣятельность железъ, всѣ эти измѣненія въ нашемъ тѣлѣ при посредствѣ чувствительныхъ нервовъ, проникающихъ во всѣ наши ткани, дѣйствуютъ на мозгъ, сказываясь въ сознаніи въ видѣ слабыхъ, неясныхъ ощущеній, но весьма сильно вліяютъ на общее настроеніе, сообщая нѣкоторый оттѣнокъ ощущеніямъ, получаемымъ при посредствѣ органовъ чувствъ отъ внѣшняго міра; не трудно представить, что два ощущенія, совершенно различныя и несравнимыя по своему содержанію, какъ, напр., ощущенія краснаго цвѣта и звука *а*, могутъ сравниваться и даже оказаться сходными по взаимодѣйствію съ внутренними едва различимыми ощущеніями, исходящими отъ тканей и органовъ.

Наконецъ третья—анатомическая—гипотеза представляетъ собой предположеніе, что мозговые центры, зрительный и слуховой, непосредственно соединены между собой нервными волокнами.

Если ни одна изъ этихъ гипотезъ и не даетъ вполнѣ удовлетворительнаго объясненія для всѣхъ наблюдавшихся фактовъ, то все же онѣ помогаютъ разобраться въ громадномъ и чрезвычайно разнообразномъ матеріалѣ, доставленномъ имѣющимися наблюденіями. А явленія у различныхъ субъектовъ крайне различны. Если даже ограничиться только тѣми случаями, когда различные цвѣта соотвѣтствуютъ гласнымъ буквамъ, то все-таки нельзя обнаружить никакой законности въ этомъ соотвѣтствіи, и это нельзя приписать недостаточности наблюденій, такъ какъ, напр., для 209 лицъ, обладающихъ цвѣтнымъ слухомъ, звукъ *а* оказался въ 9 случаяхъ безцвѣтнымъ, въ 52—бѣлымъ, въ 4—сѣрымъ, въ 45—чернымъ, въ 6—темнымъ, въ 50 — краснымъ, въ 11 — желтымъ, въ 3 — зеленымъ, въ 26 — синимъ и въ 3—фіолетовымъ. Въ дѣйствительности дѣло еще усложняется разнообразіемъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, связанныхъ между собою у разныхъ лицъ. Эти различные случаи могутъ быть соединены въ слѣдующія пять группъ.

1) Есть лица, для которыхъ между звуками и цвѣтами существуетъ извѣстная гармонія; такъ, напр., они находятъ, что къ звуку *а* «идетъ» красный цвѣтъ, имъ доставило бы удовольствіе подчеркнуть всѣ *а* въ книгѣ краснымъ карандашемъ, съ другой стороны имъ непріятны слова вызывающія по смыслу

представленіе о другомъ цвѣтѣ, чѣмъ тотъ, который «идетъ» къ составляющимъ ихъ буквамъ.

2) У другихъ лицъ вмѣстѣ съ опредѣленнымъ звукомъ вызывается субъективное представленіе о цвѣтѣ настолько отчетливое, что они могутъ сравнивать этотъ цвѣтъ съ другими, которые они дѣйствительно имѣютъ передъ глазами.

3) Лица третьей категоріи соотвѣтственно данному звуку не представляютъ себѣ, а дѣйствительно видятъ неопредѣленной формы пластинку, окрашенную въ извѣстный цвѣтъ, совершенно такъже какъ и реальные предметы на нѣкоторомъ разстояніи; у нихъ ощущенія цвѣта объективируются.

4) Въ этой группѣ звукъ вызываетъ представленіе объ опредѣленномъ цвѣтѣ и формѣ, такъ напр., при звукѣ *о* субъектъ видитъ маленькое печатное *о* желтаго цвѣта, иногда отъ буквы расходятся лучи и образуютъ какъ бы фонъ для нея.

5) Нѣкоторыя лица, наконецъ, видятъ передъ собою буквы, написанныя чернымъ на окрашенномъ фонѣ опредѣленной формы, напр., у одного субъекта фонъ этотъ имѣетъ видъ прямоугольника, который тѣмъ болѣе вытянутъ, чѣмъ больше буквъ въ слогѣ.

Уже то обстоятельство, что не наблюдается постояннаго соотношенія между звуками и оттѣнками цвѣтовъ, говоритъ въ пользу психической гипотезы, такъ какъ больше всего можетъ проявиться индивидуальныхъ особенностей и зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ именно въ ассоціаціи идей. Многіе изъ субъектовъ, обладающихъ цвѣтнымъ слухомъ, увѣрены, что эти явленія происходятъ вслѣдствіе того, что опредѣленный звукъ и цвѣтъ воспринимались одновременно. Одно изъ такихъ лицъ писало автору статьи: «Во всемъ этомъ я вижу лишь простую ассоціацію идей. Здѣсь нѣтъ ничего таинственнаго, и, что меня касается, я нахожу причины этихъ явленій въ обстоятельствахъ самыхъ обыкновенныхъ, даже ничтожныхъ: звукъ *un* кажется бурымъ потому, что встрѣчается въ словѣ *brun*, отъ слова *orange* зависитъ ощущеніе оранжеваго цвѣта, которое я испытываю, слыша звукъ *an*, и поэтому всѣ слова, содержащія этотъ слогъ, какъ напр., *France* и *espérance*, кажутся мнѣ оранжевыми. Но всѣ эти слова обозначаютъ собою прекрасныя вещи, вслѣдствіе чего мнѣ звукъ *an* кажется наиболѣе аристократичнымъ, наиболѣе пріятнымъ. Къ этому же ряду относятся слова: *ange*, *élégance*, *ruban*. Звукъ *a* — красный потому что онъ встрѣчается въ словѣ *flamme*... Почему эти ассоціаціи оказались болѣе сильными, чѣмъ другія, это зависитъ отъ случая, отъ впечатлѣній дѣтства». Подтвержденіе такихъ взглядовъ можно видѣть и въ слѣдующемъ. Одинъ нѣмецъ, обладавшій цвѣтнымъ слухомъ, утверждалъ, что для него окрашенными являются лишь звуки родного языка. Если произнести передъ нимъ носовой звукъ, то онъ скажетъ: «Я не вижу никакого цвѣта, потому что это сказано по-французски». Однако, всѣ эти субъекты не могутъ указать *точно* ни одного случая, который бы послужилъ причиной подобной ассоціаціи. Далѣе, нѣкоторыя цвѣта фигурируютъ въ этихъ явленіяхъ особенно часто, напр., красный, бѣлый, тогда какъ другіе—зеленый, фіолетовый почти совершенно отсутствуютъ, а между тѣмъ въ природѣ они встрѣчаются не рѣже, чѣмъ первые. Особенно же трудно объяснить съ точки зрѣнія этой гипотезы, почему соотвѣтствіе между звуками и оттѣнками цвѣтовъ въ противоположность обычнымъ ассоціаціямъ являются односторонними: звукъ вызываетъ ощущеніе цвѣта, но представляя себѣ цвѣтъ, лица, обладающія цвѣтнымъ слухомъ, не слышатъ, не ощущаютъ соотвѣтствующаго звука. Рѣшительно противорѣчитъ этой гипотезѣ также нерѣдко наблюдаемая объективность ощущенія цвѣта: вѣдь многія лица при опредѣленныхъ звукахъ *видятъ* передъ собою цвѣтныя поверхности, совершенно также, какъ они видятъ реально существующіе предметы.

Что касается физіологической гипотезы, то силу, но въ то же время и слабость ея составляетъ то, что и у всѣхъ людей наблюдаются явленія ана-

логичныя тѣмъ, посредствомъ которыхъ она стремится объяснить цвѣтной слухъ Какъ извѣстно, нѣкоторые цвѣта оказываютъ вліяніе на нервную систему, напр., красный вызываетъ нервное раздраженіе, тогда какъ зеленый, голубой, наоборотъ, дѣйствуютъ успокоительно. Подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ нѣкоторые музыкальные звуки, такъ что соотвѣтствіе звуковъ и красокъ въ этомъ отношеніи понимаются легко. Одно изъ лицъ, обладающихъ цвѣтнымъ слухомъ, такимъ соотвѣтствіемъ и объясняетъ свои ощущенія. «Звукъ мѣдныхъ трубъ—краснаго цвѣта; звукъ флейты—голубой, такъ какъ онъ дѣйствуетъ успокоительно, и соотвѣтственно этому музыка Гуно—голубая, музыка же Вагнера—ярко-краснаго цвѣта». Извѣстное вліяніе на настроеніе духа различные цвѣта и звуки оказываютъ почти у всѣхъ; если бы психологическая гипотеза была вѣрна, то всѣ люди должны были бы въ бо̀льшей или меньшей степени обладать цвѣстнымъ слухомъ. Но и въ самой области этихъ явленій существуютъ факты, совершенно необъяснимые соотвѣтствіемъ душевнаго настроенія и вліяніемъ того или другого цвѣта и звука. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ оказалось, что всѣ тоны, начиная отъ fa2 до mi5 вызываютъ послѣдовательно ощущенія цѣлой серіи оттѣнковъ, съ едва замѣтными переходами, опредѣленные цвѣта въ которой располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: черный, коричневый, желтый, сѣрый, бѣлый, зеленый, голубой, синій. При этомъ, чтобы получить впечатлѣнія съ полной силой нужно всегда начинать съ la3, которое вызываетъ ощущеніе снѣжно-бѣлаго цвѣта и затѣмъ идти въ вверхъ или внизъ; отдѣльныя же ноты ощущенія цвѣта не вызываютъ. Звуки скрипки и рояля сопровождатся тѣмъ же эффектомъ, кларнетъ производитъ менѣе сильное впечатлѣніе, а человѣческій голосъ дѣйствуетъ еще слабѣе.

Для всѣхъ лицъ, обладающихъ цвѣтнымъ слухомъ, самое существенное условіе появленія цвѣтовыхъ ощущеній состоитъ не въ томъ, чтобы они дѣйствительно услышали соотвѣтствующій звукъ, а въ томъ, чтобы они обратили на него вниманіе, причемъ достаточно бываетъ одного только изображенія звука или представленія о немъ: для нѣкоторыхъ изъ этихъ субъектовъ достаточно подумать о какомъ-либо звукѣ, чтобы передъ глазами у нихъ появилось соотвѣтствующее цвѣтное изображеніе. Вотъ преимущественно въ виду этой особенности разсматриваемыхъ явленій Клавьеръ наиболѣе склоняется къ принятію анатомической гипотезы. Однако, предполагаемыя ею измѣненія въ строеніи мозга онъ не относитъ къ уродствамъ или патологическимъ явленіямъ, такъ какъ по наблюденіямъ оказалось, что цвѣтной слухъ не болѣе часто встрѣчается у людей съ измѣненной въ остальныхъ отношеніяхъ нервной системой, чѣмъ у лицъ совершенно нормальныхъ. Анатомическая гипотеза можетъ быть доказана непосредственнымъ изслѣдованіемъ мозга послѣ вскрытія, но такихъ изслѣдованій до сихъ поръ еще произведено не было. Рѣзкія различія въ явленіяхъ, относящихся къ этой области—достаточно вспомнить, что одни изъ лицъ, обладающихъ цвѣтнымъ слухомъ, прямо видятъ передъ собою окрашенныя поверхности, тогда какъ другія находятъ только, что цвѣта хорошо «идутъ» къ звукамъ—указываютъ, что трудно найти для нихъ общее объясненіе: вѣроятнѣе всего, что въ разныхъ случаяхъ и причины бываютъ различны. Какъ бы то ни было, многія изъ этихъ явленій крайне интересны сами по себѣ и вполнѣ заслуживаютъ серьезнаго и всесторонняго изученія, такъ какъ оно обѣщаетъ оказать серьезное содѣйствіе выясненію такого сложнаго и загадочнаго ряда явленій, какъ психическіе процессы.

2) *О вліяніи дѣятельности нѣкоторыхъ органовъ человѣческаго тѣла на органы, не производящіе въ данное время работы.* Обыкновенно мы полагаемъ, что работа, напримѣръ, извѣстной группы мышцъ или органовъ умственной дѣятельности отзывается исключительно на нихъ самихъ, и наблюденія, по крайней мѣрѣ, что касается рѣзкихъ результатовъ, какъ будто указываютъ

на отсутствіе связи между дѣятельными и недѣятельными органами. Однако, болѣе детальныя изслѣдованія показываютъ, что такая связь существуетъ, что благодаря ей происходятъ нѣкоторыя совершенно неожиданныя явленія и что особенно въ періодъ развитія организма, слѣдовательно при воспитаніи дѣтей, эту связь нужно имѣть въ виду. Въ № 10 131-го тома «Comptes rendus» Парижской академіи помѣщена небольшая статья Кронекера и Кюттера, въ которой сообщаются интересныя изслѣдованія и наблюденія, подтверждающія указанное соотношеніе. Авторы произвели цѣлый рядъ опытовъ, опредѣляя измѣненія силы мышцъ руки послѣ восхожденія на горы различной высоты, причемъ было обращено особенное вниманіе, чтобы руки совершенно не производили никакой работы: при этихъ восхожденіяхъ они не носили съ собой даже и тросточекъ. Опредѣленія силы мышцы руки посредствомъ особаго аппарата показали, что работа ножныхъ мышцъ отзывается на нихъ весьма рѣзко. Эти опредѣленія производились слѣдующимъ образомъ: изслѣдуемый субъектъ поднималъ одной рукою тяжесть въ $4^1/_2$ килограмма (т.-е. около 11 фунтовъ) на высоту въ 30 сант. (немного менѣе $^1/_2$ аршина), скорость движеній регулировалась метрономомъ; число движеній, которыя могли быть произведены въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, служило указаніемъ на то, какую работу способна произвести данная группа мышцъ, т.-е. какъ велика ея сила. Такія опредѣленія силы мышцъ руки послѣ восхожденія на горы различной опредѣленной высоты производились съ промежутками въ нѣсколько дней, чтобы между отдѣльными опытами всѣ мышцы тѣла могли совершенно отдохнуть. Результаты всѣхъ наблюденій авторовъ приведенной статьи могутъ быть резюмированными въ слѣдующихъ положеніяхъ. Если молодой и сильный субъектъ послѣ продолжительнаго бездѣйствія совершаетъ небольшое упражненіе, какъ, наприм., одинъ, два раза въ теченіе дня взойдетъ на возвышенность въ 300 метровъ (около $^1/_3$ версты. На это требуется 25 — 40 мин.), то сила мышцъ его руки немного увеличивается; восхожденіе въ теченіе 2 часовъ увеличиваетъ весьма замѣтно силу рукъ; утомительныя восхожденія на возвышенность около 3 верстъ уменьшаютъ силу мышцъ, находившихся въ покоѣ, на 2—3 дня, на четвертый же день наблюдается весьма значительное увеличеніе силы рукъ. Изъ этихъ фактовъ можно вывести заключеніе, что умѣренная мышечная работа укрѣпляетъ даже и тѣ группы мышцъ, которыя въ ней не участвуютъ; этотъ эффектъ, вѣроятно, зависитъ отъ усиленнаго кровообращенія во время работы. Съ другой стороны—чрезмѣрная работа мышцъ вызываетъ, повидимому, появленіе въ крови вредныхъ веществъ, вслѣдствіе присутствія которыхъ и неработавшія мышцы теряютъ силу, и что удаленіе этихъ веществъ необходимо, чтобы могъ сказаться выгодный результатъ упражненія. Значеніе описаннаго изслѣдованія прекрасно иллюстрируется слѣдующимъ случайнымъ наблюденіемъ, которое и послужило исходной точкой для опытовъ. Кронекеръ замѣтилъ, что послѣ восхожденій, предпринимавшихся въ видѣ прогулки, онъ въ обычное время, будучи дальнозоркимъ, видѣлъ лучше, т.-е. дальнозоркость его уменьшалась. Какъ извѣстно, способность ясно видѣть предметы на различныхъ разстояніяхъ зависитъ отъ сокращенія или ослабленія мышцы, измѣняющей форму хрусталика, у дальнозоркихъ сокращенія этой мышцы недостаточны, чтобы придать хрусталику извѣстную форму, при которой только и можетъ получиться на сѣтчаткѣ глаза (снутри на задней его стѣнкѣ) ясное изображеніе предметовъ, находящихся на близкомъ разстояніи. Въ разсматриваемомъ случаѣ умѣренная работа ножныхъ мышцъ отзывалась и на мышцѣ глаза, измѣняющей форму хрусталика, увеличивая ея силу.

Подобное же отношеніе, но уже между умственной и физической дѣятельностью, указываетъ извѣстный итальянскій физіологъ Моссо. А именно, по его наблюденіямъ, утомленіе мышцъ сопровождается явленіями тожественными съ

тѣми, которыя вызываются утомленіемъ органовъ умственной дѣятельности. Нервныя клѣтки обладаютъ весьма малой сопротивляемостью, и въ среднемъ онѣ обнаруживаются стремленіемъ къ отдыху по прошествіи каждыхъ 10 секундъ, такъ что, по всей вѣроятности, въ каждый отдѣльный моментъ въ психической дѣятельности принимаетъ участіе лишь часть клѣтокъ мозга, тогда какъ остальныя отдыхаютъ. Поэтому, съ нервнымъ утомленіемъ нужна особенная осторожность. Мышечная работа, судя по вышесказанному, можетъ оказывать двоякое вліяніе на органы психической дѣятельности. Во-первыхъ, мышцы при помощи которыхъ мы совершаемъ ту или другую физическую работу, сокращаются при этомъ лишь вслѣдствіе импульсовъ, исходящихъ отъ нервныхъ клѣтокъ, такъ что собственно всякій мускульный трудъ заключаетъ въ себѣ и дѣятельность нервной ткани; если движенія, совершаемыя при этомъ, разнообразны и постепенно усложняются, то вслѣдствіе неразрывно связаннаго съ ними упражненія нервной ткани они будутъ вызывать и ея развитіе. Во-вторыхъ, подобно тому, какъ въ вышеприведенныхъ опытахъ не принимающія участія въ работѣ мышцы испытываютъ на себѣ послѣдствія работы дѣйствующихъ мышечныхъ группъ,—и нервныя клѣтки не остаются индифферентными къ упражненію мышцъ. Поэтому Моссо, указывая на связь, существующую между процессами въ организмѣ, выражающимися умственной и физической дѣятельностью, приходитъ къ заключенію, что физическое воспитаніе и гимнастика (въ широкомъ смыслѣ) содѣйствуютъ развитію не только мышцъ, но и нервныхъ аппаратовъ, и высказываетъ мнѣніе, что дѣтей не слѣдуетъ учить читать и писать ранѣе 9-ти-лѣтняго возраста и что мускульнымъ упражненіямъ нужно посвящать не менѣе времени, чѣмъ умственнымъ.

Зоологія. *О разведеніи полярной лисицы (песца).* Полярная лисица или песецъ водится въ арктическихъ странахъ: на Шпицбергенѣ, въ сѣверной Сибири, на Новой Землѣ, въ Гренландіи и на сѣверѣ Америки. Это животное любопытно во многихъ отношеніяхъ. Изъ числа различныхъ видовъ, принадлежащихъ къ роду собакъ (canis—песецъ въ зоологія называется canis-lagopus), это, вѣроятно, единственный, который обнаруживаетъ наклонность къ переселеніямъ. Песецъ живетъ обществами въ 20—30 семей. Зимою песцы переселяются къ югу, спасаясь отъ холода и недостатка пищи. Такъ, напримѣръ, съ Мельвильскаго полуострова они уходятъ въ ноябрѣ, такъ что къ январю ихъ почти тамъ не остается. Южная граница ихъ переселеній не вполнѣ постоянна: они спускаются болѣе вдоль береговъ, чѣмъ внутри страны, и достигаютъ 65-й параллели, но попадаются также иногда и около 59°, а въ видѣ исключенія даже около 53-го. Какъ и остальныя лисицы, они питаются преимущественно мясомъ. Песецъ не отличается хитростью: въ этомъ отношеніи онъ много уступаетъ своему родичу умѣренныхъ странъ. Случается, что онъ попадаетъ въ ту же самую западню, изъ которой освободился нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Онъ не особенно боится человѣка, приручить его удается довольно легко: песецъ не злопамятенъ, даже можно сказать кротокъ и довѣрчивъ; еще онъ отличается отъ лисицы тѣмъ, что не имѣетъ ея сильнаго запаха. Песецъ отличается чистоплотностью, очень заботится о своей особѣ и избѣгаетъ пачкать свое логовище. Эскимосы ловятъ песцовъ въ западни, представляющія собою небольшія круглыя помѣщенія, построенныя изъ камня, со всѣхъ сторонъ закрытыя, кромѣ вершины, гдѣ находится квадратное отверстіе. Отверстія прикрыты тонкими пластинками китоваго уса, укрѣпленными однимъ концомъ. Эти пластинки засыпаютъ снѣгомъ. Песецъ, привлекаемый приманкой, которую кладутъ такъ, что онъ долженъ пройти къ ней по пластинкамъ китоваго уса, пробирается къ ней на вершину западни; пластинки китоваго уса подъ его тяжестью сгибаются, и онъ падаетъ въ западню, которая настолько глубока, что выбраться оттуда онъ уже не можетъ. Послѣ этого пла-

стинка китоваго уса по своей упругости принимаютъ прежнее положеніе и въ западню можетъ попасться еще песецъ, что случается нерѣдко.

Какъ и многіе другіе виды, песецъ отличается тѣмъ, что мѣхъ его измѣняется по густотѣ и окраскѣ въ разное время года. Зимою мѣхъ его бѣлый, лѣтомъ же онъ имѣетъ сѣровато-бурый цвѣтъ, иногда съ голубымъ оттѣнкомъ. Это превращеніе цвѣта у другихъ животныхъ того же рода, повидимому, не наблюдается, и у песца оно не является вполнѣ постояннымъ. Есть песцы, которые весь годъ остаются темными, или же весь годъ бѣлыми. Это побудило Кювье различить среди нихъ два вида, но въ дѣйствительности песцы того и другого сорта принадлежатъ къ одному виду: случалось наблюдать, что отъ одной самки происходятъ дѣтеныши того или другого сорта. Въ Исландіи, повидимому, песцы всегда сохраняютъ одну окраску, а именно буровато-сѣрую.

Шкура песца въ то время, когда она бываетъ темною, стоитъ около 100 фр. и болѣе (приблизительно 37 р.), тогда какъ бѣлая шкура не имѣетъ почти никакой цѣны. Неудивительно поэтому, что нѣкоторымъ промышленникамъ пришла идея разводить песцовъ, чтобы имѣть возможность получать ихъ шкуры въ желаемое время года. Этимъ занимается, напр., Alaska Commercial Company, воспользовавшись для этой цѣли островами въ особенности около Кадіака, гдѣ попытка разведенія песцовъ превосходно удалась и гдѣ устроены такъ называемыя фермы для песцовъ. Эти фермы устроены весьма просто: разведеніе, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что компанія доставляетъ песцамъ пищу, охраняетъ ихъ противъ естественныхъ враговъ и ловитъ только въ то время, когда мѣхъ ихъ обладаетъ желаемыми качествами. Нѣсколько паръ пойманныхъ на твердой землѣ песцовъ были помѣщены на острова, гдѣ раньше они не водились и откуда они не могутъ убѣжать. На островахъ устроены особыя станціи или же туда пріѣзжаютъ служащіе компаніи и привозятъ животнымъ пищу. Эта пища состоитъ преимущественно изъ рыбы, свѣжей, сушеной или сохраненной въ маслѣ, но только не соленой: существуетъ мнѣніе, что отъ соленой пищи портится мѣхъ. Рыбу раскладываютъ ежедневно въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ. Песцы знаютъ эти мѣста и приходятъ въ нихъ за пищей. Весьма остроумно придумали помѣщать пищу въ западняхъ, но только эти западни закрѣплены такъ, что въ обыкновенное время песцы не попадаются въ нихъ. Такимъ образомъ они вполнѣ привыкаютъ къ этимъ западнямъ и входятъ въ нихъ безъ всякой боязни. Когда наступаетъ время ловли, то западню устанавливаютъ какъ надо, и песцы попадаются въ нее во множествѣ. Какъ выше сказано, пищу доставляютъ имъ круглый годъ, оставляя ее столько, сколько нужно, о чемъ можно судить по быстротѣ, съ которой песцы съѣдаютъ оставленное. Въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ даютъ больше пищи, такъ какъ въ это время у нихъ бываютъ дѣтеныши.

Въ то время года, когда мѣхъ удовлетворяетъ требованіямъ, песцовъ ловятъ въ западню. Самокъ при этомъ выпускаютъ, предварительно сдѣлавъ у нихъ отмѣтку ножницами на хвостѣ; самцовъ, которые окажутся годными, убиваютъ, но самыхъ лучшихъ выпускаютъ на свободу для улучшенія породы. Бѣлыхъ самокъ также убиваютъ, чтобы уничтожить бѣлую разновидность. Западни устраиваются весьма большихъ размѣровъ: онѣ могутъ вмѣстить сразу до 40 штукъ животныхъ. При указанныхъ условіяхъ песцы попадаются въ западню очень легко: бывали случаи, что у самки всѣ волосы на хвостѣ были отрѣзаны для отмѣтокъ. Это вовсе не показываетъ, чтобы песцы не отличались сообразительностью: приняты всѣ мѣры предосторожности, чтобы они не могли догадаться, какая участь постигла тѣхъ, которые не были выпущены. Убиваютъ ихъ на суднѣ, на водѣ, чтобы не пролить крови ихъ на сушѣ и не дать, такимъ образомъ, возможности остальнымъ догадать я о гибели ихъ родичей. Впрочемъ, эта предосторожность едва ли не излишня: спесцы не отли-

чаются деликатностью: слѣды крови врядъ ли производятъ на нихъ впечатлѣніе; побуждаемые голодомъ, они даже сами убиваютъ и съѣдаютъ себѣ подобныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что песцы не исключительно питаются тѣмъ, что имъ доставляютъ. Они ѣдятъ также и то, что могутъ сами найти. Выходятъ на берегъ и подбираютъ дохлую рыбу, выброшенную моремъ, иногда сами охотятся за лососемъ; слѣдуютъ за медвѣдями и подбираютъ остатки того, что тѣ ѣдятъ; охотятся за мелкими грызунами и въ особенности за мышами, которыя вслѣдствіе этого на нѣкоторыхъ островахъ совершенно исчезли. Зимою иногда они ѣдятъ морскихъ ежей, собирая ихъ во время отлива, червей выкапывая ихъ изъ песку и асцидій. Обыкновенно имъ отъ рыбы даютъ, только наименѣе цѣнимыя части: головы, внутренности, словомъ то, что не идетъ въ консервы и пищу человѣка, преимущественно имъ даютъ остатки лососины и палтусины: трески они не ѣдятъ. Повидимому, не всѣ песцы относятся довѣрчиво къ человѣку, потому что въ большинствѣ фермъ имѣются среди нихъ такіе, которые никогда не ѣдятъ пищу, приносимую человѣкомъ и не входятъ въ западню. На островахъ, гдѣ находятся фермы, пытались разводить нѣкоторыхъ грызуновъ, близкихъ къ зайцу, но неудачно. Пытались кормить песцовъ консервами: сухарями и мукой изъ сѣмянъ льна. Эта мука не понравилась песцамъ; но въ смѣси съ тюленьимъ жиромъ, они ѣли ее очень охотно. Пробовали также давать имъ тюленье мясо и для этой цѣли цѣлые трупы тюленей сохраняли посоленными въ ямахъ. Такъ какъ для песцовъ не годится соленое мясо, то передъ употребленіемъ его вымачивали долгое время въ водѣ. Однако у песцовъ оказалось слишкомъ хорошее обоняніе: однажды стая въ 60 или 70 песцовъ разыскала яму съ тюленями и растащила ихъ; многіе песцы такъ при этомъ объѣлись, что подохли отъ несваренія желудка. На фермахъ песцы настолько многочисленны, что ихъ легко можно видѣть на свободѣ, тѣмъ болѣе, что они очень любопытны и не трусливы. На одной фермѣ песцовъ пріучили приходить въ небольшое помѣщеніе близъ самой станціи, гдѣ ихъ и ловятъ, когда нужно. Обыкновенно это бываетъ отъ 20-го декабря до 10-го января.

Въ естественныхъ условіяхъ песцы живутъ въ единобрачіи. Для цѣлей промышленности стараются устроить такъ, чтобы они перешли къ полигаміи. Есть указанія, что привычки песцовъ измѣняются въ желаемомъ смыслѣ. Несмотря на то, что убиваются преимущественно самцы и убито ихъ не мало, число рожденій, повидимому, не уменьшается. Переходу къ полигаміи, какъ кажется, благопріятствуетъ и то обстоятельство, что множество песцовъ собирается къ тому мѣсту, куда кладутъ имъ пищу.

По слѣдующимъ цифрамъ можно судить, насколько успѣшно идетъ дѣло разведенія песцовъ. Въ теченіе «сезона», который, какъ было выше сказано продолжается около 20 ти дней въ 1898—1899 году было поймано и убито 334 самца темнаго цвѣта, 18 бѣлыхъ самцовъ и самокъ; было поймано и выпущено на свободу 110 темныхъ самцовъ и 389 темныхъ самокъ. («Revue scientifique»). Д. Н.

Химія. *Горючіе газы воздуха.* Уже двѣсти лѣтъ тому назадъ Лемери высказалъ въ первый разъ гипотезу, что воздухъ содержитъ въ себѣ горючіе газы. Съ тѣхъ поръ много ученыхъ брались за изученіе этого вопроса, но результаты этихъ изслѣдованій, за несовершенствомъ методовъ, остались не вполнѣ надежными и полными. Муниципальный совѣтъ города Парижа, желая опредѣлить точный составъ воздуха этого города, поручилъ химику Арманду Готье сдѣлать анализы воздуха столицы. Результаты своихъ изслѣдованій Готье сообщилъ интернаціональному конгрессу химиковъ.

Чтобы опредѣлить количество свободнаго водорода, далѣе водорода, находящагося въ соединеніяхъ, и углерода, находящагося въ углеводородахъ воздуха,

Готье примѣнилъ приборы, расположенные въ слѣдующемъ порядкѣ. День и ночь воздухъ съ улицы втягивался въ стеклянную трубку, наполненную тончайшими стеклянными волокнами; здѣсь воздухъ фильтровался и очищался отъ содержащихся въ немъ нечистотъ. Далѣе воздухъ поступалъ въ небольшой аппаратъ, вродѣ стекляннаго змѣевика, гдѣ онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ ѣдкимъ кали и лишался большей части, содержавшейся въ немъ, угольной кислоты. Затѣмъ воздухъ пропускался черезъ трубы, наполненныя влажнымъ гидратомъ барита, отчего онъ лишался послѣднихъ слѣдовъ углекислаго газа. Далѣе воздухъ проходилъ три трубки, наполненныя фосфорнымъ ангидридомъ. Лишившись вслѣдствіе послѣдней операціи паровъ воды, воздухъ проходилъ цѣлую серію аппаратовъ, предназначенныхъ для опредѣленія количества окиси углерода, заключавшейся въ немъ. Убѣдившись въ томъ, что воздухъ заключаетъ лишь ничтожные слѣды окиси углерода (около одной полумилліонной дозы), Готье исключалъ эту часть аппарата, когда не было надобности дозировать этотъ газъ.

Наконецъ, воздухъ поступаетъ въ фарфоровую трубку, наполненную окисью мѣди. Фарфоровая трубка помѣщалась въ особой жаровнѣ, нагрѣваемой газомъ. Все, что въ воздухѣ есть способнаго къ окисленію—окисляется: вода собирается въ трубкахъ съ фосфорнымъ ангидридомъ, углекислый газъ—въ трубкахъ съ ѣдкимъ кали и баритомъ. Выходящій воздухъ пропускается черезъ особый счетчикъ. Всѣ части этого сложнаго аппарата соединяются посредствомъ каучуковыхъ трубокъ, причемъ вначалѣ былъ сдѣланъ повѣрочный опытъ, показывающій, что взятый каучукъ не оксидируется.

Изслѣдовавъ парижскій воздухъ, взятый на высотѣ $3^1/_3$ метровъ надъ землею на бульварѣ Сенъ-Жерменъ, Готье получилъ слѣдующіе результаты: въ среднемъ на 100 литровъ воздуха при 0^0 и 760 mm. давленія получается количество водорода равное по вѣсу 4,2 миллиграмма и количество углерода равное 13,2 миллиграмма. Отношеніе углерода къ водороду $\frac{C}{H}$ достаточно постоянно и выражается числомъ 3. Отношеніе это характерно для болотнаго газа, выражающагося формулой CH_4 : $\frac{C=12}{H=4}=3$.

Однако, если въ воздухъ, лишенный предварительно всѣхъ соединеній углерода, ввести болотный газъ въ небольшомъ количествѣ, и произвести дозировку по вышеописанному способу, теоретическое отношеніе 3 не получается, отношеніе $\frac{C}{H}$ получается 2,5, потому что уголь сгораетъ меньше, чѣмъ водородъ. Выше мы видѣли, что анализъ воздуха Парижа далъ отношеніе болѣе высокое, чѣмъ 2,5, и приближающееся къ теоретическому. Слѣдовательно, на ряду съ болотнымъ газомъ, онъ долженъ заключать еще другіе углеводороды, болѣе богатые углеродомъ, чѣмъ этотъ газъ и въ то же время небольшое количество свободнаго водорода.

Съ гигіенической точки зрѣнія интересно выясненіе того факта, что въ воздухѣ Парижа заключается болотный газъ. Его образованіе связано прежде всего съ процессами броженія, происходящими въ почвѣ. Возможно также, что нѣкоторое количество этого газа вводится въ воздухъ вмѣстѣ съ дымомъ. Готье захотѣлъ сдѣлать также повѣрочные опыты надъ чистымъ воздухомъ: съ этой цѣлью онъ установилъ свои аппараты въ лѣсахъ окрестностей Парижа въ 70 километрахъ отъ города. Аппараты были помѣщены въ заброшенной хижинѣ, вдали отъ всякаго жилья и дыма. Лѣсной воздухъ далъ другіе результаты. Въ среднемъ на 100 метровъ воздуха оказалось: водорода—1,54 миллиграмма, угле-

рода 3,04 мил. т.-е. $\frac{C}{H} = 2,2$. Слѣдовательно, въ воздухѣ лѣсовъ должно находиться соединеніе болѣе бѣдное углеродомъ, чѣмъ болотный газъ. Но такъ какъ изъ всѣхъ углеводородовъ болотный газъ наиболѣе богатъ водородомъ, то изъ этого слѣдуетъ, что здѣсь имѣется свободный водородъ и въ количествѣ превышающемъ его содержаніе въ воздухѣ Парижа.

Съ цѣлью найти воздухъ еще болѣе чистый, Готье поднялся на высокія горы, уходя вдаль отъ всякой растительности: онъ перенесъ свою лабораторію на вершину Канигу, поднимающуюся на 2.785 метровъ въ Пиринейской цѣпи горъ. Тощія сосны и ели здѣсь не поднимаются выше 1.500—2.000 метровъ.

Расположившись въ хижинѣ на высотѣ 2.400 метровъ, онъ пропускалъ чрезъ трубы своего аппарата горный воздухъ, взятый на разстояніи 30 метровъ отъ хижины и на вышинѣ 3 метровъ надъ уровнемъ снѣга, покрывавшаго землю. Полученные результаты обнаружили слѣдующій средній составъ: водорода—1,97 миллигр., углерода—0,66 на 100 литровъ. Отношеніе $\frac{C}{H}$ — 0,35. Если допустить, что углеродъ въ воздухѣ находится въ видѣ болотнаго газа, мы получили бы слѣдующія цифры его содержанія на 100 литровъ воздуха: въ Парижѣ—21,6 куб. сент., въ воздухѣ лѣсовъ—11,3 и, наконецъ, въ воздухѣ высокихъ горъ 2,19 куб. сентиметровъ.

Но является ли, въ самомъ дѣлѣ, горный воздухъ наиболѣе чистымъ? Все же нѣкоторое количество растеній тамъ есть и въ глубинахъ ущелій горный воздухъ смѣшивается съ лѣснымъ. Эти соображенія направили Готье на изслѣдованіе морского воздуха. Онъ отправился на маякъ Рошъ-Дуврь ко времени осенняго равноденствія, когда вѣтеръ дуетъ обыкновенно съ запада на берега Бретани сильными порывами. Вотъ результаты: морской воздухъ содержитъ: водорода—1,21 милл., углерода 0,0. Относительно отсутствія углерода три послѣдовательные опыта дали такія цифры: 0,0001 гр.; 0,0000 гр.; 0,0001 гр. Такимъ образомъ, самый чистый воздухъ на морскомъ берегу содержитъ минимальныя количества углерода. Присутствіемъ углерода, слѣдовательно, характеризуется воздухъ городовъ; въ деревенскомъ воздухѣ онъ присутствуетъ благодаря процессамъ броженія, совершающимся въ почвахъ. Что же касается водорода, то онъ существуетъ всегда и въ количествѣ, легко поддающемся опредѣленію; онъ образуется, повидимому, постоянно и его количество увеличивается. Онъ образуется при всѣхъ гнилостныхъ броженіяхъ и выдѣляется при вулканическихъ явленіяхъ. Готье показалъ, что при дѣйствіи воды на гранитъ въ запаянной трубкѣ при 300° образуется водородъ и притомъ въ значительномъ количествѣ; это явленіе должно имѣть мѣсто въ природѣ, гдѣ вода проникаетъ въ гранитные слои подъ значительнымъ давленіемъ: свободный водородъ проникаетъ чрезъ всѣ щели и постоянно распространяется въ атмосферѣ.

И однако этотъ водородъ не накопляется въ количествѣ, которое могло бы оказаться вреднымъ. Отчего же это происходитъ? Кинетическая теорія газовъ Клаузіуса приводитъ къ тому слѣдствію, что скопленіе водорода невозможно въ земной атмосферѣ. Какъ самый легкій газъ, водородъ обладаетъ такою скоростью движенія своихъ частицъ, что вполнѣ логично допустить, что нѣкоторыя частицы этого газа могутъ, благодаря такой скорости, ускользнуть отъ притяженія земли въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Эти частицы, слѣдовательно, уходятъ въ пространство и водородъ, постоянно выдѣляющійся на поверхности можетъ постепенно уходить въ междупланетное пространство и не скопляться въ атмосферѣ нашей земли. («Revue générale des sciences». № 17, 1900).

Техника. *Регенерація испорченнаго воздуха.* Въ прошломъ году Дегрэ и Бальтазаръ обратили вниманіе на химическое вещество, такъ называемую пе-

рекись натрія, примѣняющуюся въ красильномъ дѣлѣ, вещество, которое обладаетъ свойствомъ въ присутствіи воды на холодѣ разлагаться съ образованіемъ кислорода и окиси натрія. Въ лабораторіи проф. Бушара на медицинскомъ факультетѣ имъ удалось заставить животныхъ жить въ замкнутомъ сосудѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, возобновляя воздухъ посредствомъ перекиси натрія. Такимъ образомъ было доказано, что въ замкнутой герметически средѣ двуокись натрія, брошенная въ воду въ небольшомъ количествѣ, освобождаетъ кислородъ въ количествѣ, достаточномъ для дыханія, тогда какъ образующаяся окись натрія въ то же самое время фиксируетъ освобождающійся при выдыханіи углекислый газъ. Въ то же время окисленіемъ разрушаются токсины, заключающіеся въ выдыхаемомъ легкими воздухѣ.

Очевидно, что такой способъ регенераціи воздуха примѣнимъ и для человѣка, дышащаго въ замкнутомъ пространствѣ. Дегрэ и Бальтазару удалось устроить очень практичный аппаратъ, который даетъ возможность дышать въ замкнутомъ пространствѣ, напр., подъ водою. Правда, всѣмъ извѣстно, что эта техническая задача уже рѣшена на практикѣ: водолазы опускаются глубоко въ воду, но во всѣхъ случаяхъ, требующихъ долговременнаго пребыванія подъ водою, приходится посредствомъ насоса накачивать воздухъ подъ значительнымъ давленіемъ. Аппарата Дегрэ и Бальтазара достаточно самого по себѣ: онъ фабрикуетъ свѣжій воздухъ по мѣрѣ надобности безъ всякихъ побочныхъ приспособленій. Онъ состоитъ изъ трехъ частей, образующихъ вмѣстѣ одно цѣлое: во-первыхъ, изъ призматическаго стального ящика, предназначеннаго для храненія перекиси натрія и ея употребленія, смотря по надобности. Для этого онъ раздѣленъ на 10 отдѣленій десятью горизонтальными пластинками. На каждой пластинкѣ находится порція перекиси натрія. Часовой механизмъ опрокидываетъ черезъ равные промежутки времени каждую пластинку послѣдовательно. Перекись натрія попадаетъ во второй кубическій ящикъ, также изъ стали, заключающій воду и помѣщающійся ниже перваго. Наконецъ, маленькій вентиляторъ, приводимый въ движеніе электрическимъ моторомъ при посредствѣ аккумуляторовъ, вызываетъ постоянное движеніе испорченнаго и обновленнаго воздуха въ аппаратѣ и замкнутомъ пространствѣ, гдѣ дышитъ человѣкъ. Такъ какъ воздухъ, вслѣдствіе процессовъ регенераціи, нѣсколько нагрѣвается, его заставляютъ проходить черезъ холодильникъ, приводящій его къ обыкновенной температурѣ. Всѣ описанныя части заключены въ аллюминіевую коробку, круглой формы и герметически замкнутую.

Водолазъ надѣваетъ на верхнюю часть туловища обыкновенную водолазную рубаху, находящуюся въ сообщеніи съ регенерирующимъ аппаратомъ посредствомъ трубокъ. Вѣсъ всего аппарата не превышаетъ 12 килограммовъ (около 29 фунтовъ) и объемъ циркулирующаго въ аппаратѣ воздуха не превышаетъ 5 литровъ. Эти пять литровъ могутъ обновляться въ теченіе по меньшей мѣрѣ одного часа, посредствомъ 200 граммовъ перекиси натрія. Увеличивая дозу этого вещества можно продолжить срокъ обновленія воздуха на два, на три часа и т. д Цѣна перекиси натрія въ настоящее время равна 4 фр. (1 р. 50 к.) за одинъ килограммъ. Слѣдовательно, расходъ матеріала, необходимый для часовой работы, обходится около 80 сантимовъ (30 коп.). Новый аппаратъ, понятно, можетъ оказать важныя услуги въ разныхъ случаяхъ, гдѣ человѣку приходится работать въ испорченномъ воздухѣ или въ плохо вентилируемомъ помѣщеніи. («La Nature», № 1424).

Географія и путешествія. *Полярная экспедиція герцога Абруццкаго.* 5-го сентября благополучно вернулась къ берегамъ Норвегіи полярная экспедиція герцога Абруццкаго на «Полярной Звѣздѣ». Изъ до сихъ поръ опубликованныхъ отчетовъ видно, что добытые экспедиціею результаты вполнѣ удовлетворительны. Съ земли Франца-Іосифа—главной цѣли и операціоннаго базиса

экспедиціи, были сдѣланы повторныя попытки проникнуть къ сѣверу. При первой попыткѣ удалось только устроить склады запасовъ. Вторая экспедиція, состоявшая изъ норвежскаго машиниста Штёккена и двухъ итальянцевъ — морского лейтенанта Гуарини и альпійскаго проводника Ули—вѣроятно погибла, такъ какъ она должна была продолжиться всего двѣнадцать дней, а между тѣмъ до сихъ поръ о ней нѣтъ никакихъ извѣстій. Третья экспедиція продолжалась 24 дня и перешла 83° сѣв. широты. Четвертая же и послѣдняя продолжалась цѣлыхъ сто пять дней. Эта экспедиція, состоявшая изъ капитана Каньи-Куэденъ и трехъ другихъ участниковъ, достигла 86°33′ сѣв. широты, слѣдовательно проникла къ сѣверу на 19′ дальше, чѣмъ дошелъ Нансенъ 7-го апрѣля 1895 года. Долгое время экспедиціи пришлось питаться исключительно собачьимъ мясомъ; она устроила нѣсколько складовъ провіанта для трехъ утерянныхъ членовъ экспедиціи на случай, если бы они были еще живы. Герцогъ Абруццкій не могъ принять участія въ послѣдней, удачной экспедиціи, потому что подъ Рождество онъ отморозилъ себѣ два пальца, которые ему пришлось ампутировать. Въ февралѣ холодъ достигалъ до—52° Ц.

Экспедиція, покинувшая Италію 8-го мая 1899 г. вернулась значительно раньше, чѣмъ предполагалось; продолжительность ея была разсчитана на 3 года. Причиной ранняго возвращенія было серьезное поврежденіе судна, которое не вынесло бы новой зимовки; 8-го сентября 1899 года напоромъ льда бортъ судна былъ вдавленъ на полтора фута. На обратномъ пути экспедиція въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ была заперта во льдахъ.

Герцогъ Абруццкій, которому уже его восхожденіе на гору Иліи доставило, по справедливости, почетное имя въ ряду географовъ-путешественниковъ, можетъ гордиться успѣшнымъ выполненіемъ трудной задачи: онъ довелъ до конца изслѣдованіе сѣверной части земли Франца Іосифа. **Н. М.**

Астрономическія извѣстія.

Туманность вокругъ Плеядъ. Большую сенсанцію произвело въ 1885 году извѣстіе, что на фотографическомъ снимкѣ извѣстнаго звѣзднаго скопленія—Плеядъ, полученномъ астрономами братьями Henry въ Парижѣ, одна изъ свѣтлыхъ звѣздъ скопленія, носящая названіе Майя, оказалась окруженной слабой спиральной туманностью. Повидимому, былъ обнаруженъ остатокъ той массы матеріи, изъ которой сформиловалась звѣзда—Майя. Существованіе слабой туманности около этой звѣзды несомнѣнно. Оно было подтверждено цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ снимковъ и непосредственнымъ наблюденіемъ въ 30-ти-дюймовый рефракторъ въ Пулковѣ. Туманность начали различать даже въ меньшія трубы—разглядѣть то, на что указываютъ, конечно, легче, чѣмъ найти неизвѣстное.

Дальнѣйшее изученіе интереснаго скопленія обнаружило присутствіе и другихъ туманностей, также, повидимому, связанныхъ съ наиболѣе яркими звѣздами.

Еще въ 1859 году W. Tempel нашелъ къ югу отъ звѣзды Меропы эллиптическую туманность. Правда, еще въ недавнее время нѣкоторые наблюдатели, имѣющіе въ распоряженіи большія трубы, сомнѣвались въ ея существованіи, но свидѣтельство другихъ, дававшихъ независимо другъ отъ друга даже рисунки туманности, въ общемъ очертаніи схожіе между собой, внушало скорѣе подозрѣніе, что для наблюденія туманности имѣетъ громадное значеніе состояніе атмосферы. Было даже высказано предположеніе, что туманность измѣняетъ свою яркость, вслѣдствіе чего она и не всегда одинаково доступна. И дѣйствительно, на снимкахъ бр. Henry нѣтъ ничего подобнаго этой туманности—вмѣсто нея, нѣсколько ту-

манныхъ полосъ. Но на прекрасныхъ фотографіяхъ англійскаго любителя Робертса, полученныхъ въ октябрѣ 1886 г., она есть и кромѣ нея еще три— вокругъ Альціоны, Электры и Майи.

Въ своемъ описаніи снимка, полученнаго при трехъчасовой экспозиціи, Робертсъ замѣчаетъ, что туманность вообще является въ видѣ клочьевъ и снѣжинокъ, что она, повидимому, наполняетъ пространство между звѣздами и даже тянется дальше внѣ ихъ. Нѣсколько новыхъ слабыхъ туманностей обнаружилось въ 1896 г. на снимкахъ ташкентскаго астронома Стратонова, доводившаго экспозицію до 20 часовъ.

Но особенно интересна исторія большой туманности, которая охватываетъ все скопленіе Плеядъ и тянется на громадное пространство. Впервые указалъ на нее художникъ, любитель-астрономъ Goldschmidt въ Парижѣ въ 1863 году, который опредѣлилъ распространеніе туманности на 5 градусовъ. Такъ какъ никто другой не видѣлъ этой туманности, то наблюденія Goldschmidt'а сочли за оптическій обманъ. Только на снимкѣ, полученномъ 9-го октября 1890 года проф. Вольфомъ въ Гейдельбергѣ, появляется она опредѣленно. Туманность видна и на цѣломъ рядѣ снимковъ, полученныхъ въ началѣ сентября 1891 года, когда черезъ Плеяды проходила періодическая комета, открытая въ 1884 году тѣмъ же Вольфомъ. Еще явственнѣе выступаетъ она на октябрьскихъ снимкахъ того же года при $7^{1}/_{2}$-часовой экспозиціи.

Проф. Вольфъ работаетъ съ коротко-фокусными свѣтосильными аппаратами. Его средства все болѣе и болѣе расширяются. Съ новымъ свѣтосильнымъ объективомъ Voigtländer'а въ 160 mm. діаметромъ при фокусномъ разстояніи всего только въ 5 разъ большемъ діаметра объектива, онъ получилъ три интересныхъ снимка Плеядъ: первый 26-го, 1-го, 2-го и 3-го декабря 1894 года при общей экспозиціи за 4 ночи въ 12 часовъ, второй 9-го—10-го января 1896 г. при экспозиціи въ 11 часовъ и третій 6-го декабря 1898 г. съ экспозиціей въ 4 часа 50 минутъ. Послѣдній снимокъ, несмотря на короткое сравнительно время экспозиціи не только не уступаетъ первымъ двумъ, но имѣетъ даже преимущества передъ ними. Онъ полученъ уже на новой королевской обсерваторіи, находящейся на высокой горѣ (600 метровъ), тогда какъ первые сдѣланы на частной обсерваторіи проф. Вольфа внизу, въ самомъ городѣ.

Яркость внѣшней туманности была все-таки такъ незначительна, что невозможно было мечтать о непосредственномъ воспроизведеніи ея на бумагѣ. Вольфъ долженъ былъ нанести уже отъ руки слабѣйшія части ея на отпечаткѣ. Эта операція, конечно, сопряжена съ большими затрудненіями, тѣмъ болѣе, что на трехъ снимкахъ по мѣстамъ обнаруживается разница въ яркости нѣкоторыхъ областей туманности.

Вольфъ выбралъ 28 точекъ и тщательно опредѣлилъ по сравненію ихъ относительную яркость. Въ 12 случаяхъ разность доходила до 2—3 единицъ при десятиразрядной скалѣ Вольфа. Возможно, что она происходитъ не только отъ различія въ чувствительности пластинокъ въ различныхъ мѣстахъ, и представляетъ собой свидѣтельство реальнаго измѣненія яркости туманности. Особенно одно мѣсто послѣдней подозрительно въ этомъ отношеніи. Въ 1896 году оно значительно ярче, чѣмъ въ 1894 и 1898 г.

На такихъ же пластинкахъ и при той же экспозиціи фотографировались другія туманности—въ Оріонѣ, Лебедѣ и пр. Отсюда является возможнымъ сравнить яркость отдѣльныхъ точекъ ихъ съ таковыми въ туманности въ Плеядахъ. Для приближенной оцѣнки этой слабой интенсивности Вольфъ сравнивалъ фотографіи Плеядъ съ снимками куска неба, освѣщеннаго луной. Оказалось, что небо въ зенитѣ въ случаѣ, если полная луна стоитъ, на высотѣ 28 градусовъ, круглымъ счетомъ въ 100 разъ ярче, чѣмъ самая яркое мѣсто внѣшней туманности въ Плеядахъ, что подтверждаютъ и другія сравненія.

Трудно установить правильное распредѣленіе полосъ въ туманности. Особенно выступаютъ двѣ — одна къ сѣверу, другая къ югу отъ скопленія. Обѣ тянутся на 3° къ востоку. Но и вся остальная область покрыта или слабыми, или нѣсколько болѣе плотными облаками, такъ что у Вольфа явилось предположеніе, что при болѣе длинной экспозиціи съ лучшими еще средствами будутъ заполнены и остающіяся пустоты.

Большая туманность вокругъ Плеядъ сфотографирована была также нѣсколько разъ Барнардомъ. Онъ видѣлъ ее и прямо. Хорошіе снимки получены въ отдѣленіи знаменитой обсерваторіи Гарвардскаго колледжа въ горахъ Перу, а также Wilson'омъ въ Нортфильдѣ (въ шт. Миннезота), такъ что открытіе Goldschmidt'а получило полное подтвержденіе.

Для насъ оно интересно потому, что туманность по всей вѣроятности имѣетъ непосредственную связь со скопленіемъ, которое составляетъ одну физическую систему, на что указываетъ и общій характеръ спектровъ звѣздъ. Всѣ онѣ имѣютъ спектры 1-го типа, подобные спектру Сиріуса. Такъ какъ послѣдній въ 40 разъ ярче главной звѣзды въ Плеядахъ—Альціоны, то можно съ нѣкоторой степенью вѣроятности заключить, что Плеяды удалены отъ насъ на разстояніе, въ 6 разъ большее, чѣмъ Сиріусъ. Такъ какъ нѣкоторыя изъ туманныхъ облаковъ на снимкахъ Вольфа имѣютъ видимый діаметръ до 10 минутъ, то можно разсчитать, что они занимаютъ пространство, радіусъ котораго въ 10.000 разъ больше разстоянія земли отъ солнца Если бы мы вообразили, что солнце, сохраняя свою массу, было раздуто до предѣловъ земной орбиты, то его плотность составляла бы только $^{1}/_{8000}$ часть плотности воздуха на уровнѣ моря. Если бы такимъ образомъ каждое облачко въ туманности Плеяды имѣло массу солнца, то плотность его была въ 8.000 билліоновъ разъ менѣе плотна, чѣмъ нашъ воздухъ. Едва ли бы мы съ земли могли замѣтить его мерцаніе! Само собой напрашивается предположеніе, что каждое облачко имѣетъ массу, во много разъ превосходящую массу нашего солнца, такъ что въ Плеядахъ еще есть запасъ на громадное число такихъ свѣтилъ, какъ наше животворящее солнце. На рисункахъ проф. Вольфа туманная масса тянется на 43 квадратныхъ градуса. По Барнарду она покрываетъ цѣлые 100 квадратныхъ градусовъ, что въ нѣсколько тысячъ разъ превосходитъ поверхность каждаго облачка, діаметромъ до 10 минутъ.

Интересно, что и въ другихъ частяхъ неба были найдены слабыя туманности, распространяющіяся на большія пространства. Такъ, напримѣръ, по наблюденіямъ на перуанскомъ отдѣленіи обсерваторіи Гарвардскаго колледжа туманность Оріона охватываетъ всю южную часть громаднаго созвѣздія. Проф. Вольфъ съ одной стороны и Барнардъ—съ другой на своихъ фотографическихъ снимкахъ Млечнаго пути получали большія туманныя облака, Searle и другіе американскіе наблюдатели при своемъ изученіи Зодіакальнаго свѣта отмѣчали матовое сіяніе въ нѣкоторыхъ областяхъ неба и наконецъ недавно скончавшійся директоръ обсерваторіи Лика Keeler съ помощью свѣтосильнаго рефлектора Crossley открылъ очень много новыхъ туманностей (См. «Астроном. Извѣстія» за августъ), такъ что можно считать весьма вѣроятнымъ, что въ міровомъ пространствѣ неуплотненной еще матеріи такъ же много, какъ и собственно звѣздъ, а можетъ быть, даже больше. Болѣе точное изслѣдованіе этого вопроса, помимо непосредственнаго интереса, имѣетъ большое значеніе и для объясненія такъ называемыхъ собственныхъ движеній звѣздъ, которыя въ среднемъ оказываются значительно большими сравнительно съ тѣмъ, что можно было ждать, дѣлая приближенные разсчеты о взаимномъ притяженіи видимыхъ звѣздъ. Уже этого обстоятельства было достаточно для предположенія, что въ міровомъ пространствѣ разсѣяна масса тончайшей космической матеріи. Большихъ результатовъ въ этомъ отношеніи можно ждать отъ работъ проф. Вольфа,

если принять во вниманіе силу фотографическаго рефрактора, который находится теперь въ его распоряженіи и высокое положеніе новой Гейдельбергской обсерваторіи (См. «Астрон. Изв». за іюль).

Parkhurst съ помощью 40-дюймоваго рефрактора Іеркской обсерваторіи наблюдалъ *перемѣнныя звѣзды, значительно измѣняющія свою яркость*, съ цѣлью установить величину ихъ во время minimum'а. Онъ показалъ, что яркость нѣкоторыхъ изъ выбранныхъ имъ звѣздъ спускается до 15-ой и 16-ой величины, тогда какъ во время maximum'а она равна 9-ой или 8-ой. Для звѣзды V въ созвѣздіи Дельфина предѣлами колебанія яркости являются $7^1/_2$ и 17-ая величины, такъ что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ уменьшеніе блеска въ 10.000 разъ.

Для изслѣдованія причинъ такихъ интересныхъ явленій, конечно, существенно важно установленіе возмижно точныхъ предѣловъ измѣненія яркости въ каждомъ случаѣ. Отсюда понятна та польза, какую могутъ принести новые гигантскіе телескопы.

Текущій годъ является годомъ minimum'а солнечной дѣятельности. Часто впродолженіи большихъ періодовъ на дискѣ солнца не бываетъ видно ни одного пятнышка, рѣдко встрѣчаются факелы, не наблюдаются и протуберансы. Поэтому особенный интересъ получаетъ наблюденіе іезуита Fényi (въ Колоччо, въ Венгріи) громаднаго выступа 1-го іюня. Когда онъ былъ замѣченъ, размѣры его оказались незначительные, яркость прямо указывала на эруптивный характеръ образованія. Въ 2 час. 14 мин. по гринвичскому времени вершина протуберанса отстояла на 290″ отъ края солнечнаго диска, при чемъ непосредственной связи, повидимому, съ солнечной поверхностью не было, потому что нижняя граница протуберанса отстояла отъ фотосферы на 145″. Размѣры протуберанса быстро росли. Въ 2 час. 19 мин. верхняя граница была уже на 431″, нижняя на 190″ отъ края солнца, что соотвѣтствуетъ дѣйствительной высотѣ въ 312.000 и 138.000 километровъ.

Средняя скорость изверженія достигала до 334 километровъ въ секунду по направленію, перпендикулярному къ поверхности; къ этому нужно прибавить еще смѣщенія по лучу зрѣнія по направленію къ нимъ, на что указывало сильное смѣщеніе спектральныхъ линій къ фіолетовому краю спектра. Настоящая скорость такимъ образомъ была не меньше 500 километровъ въ секунду.

Еще интереснѣе была быстрота, съ которой таяли блестящія облачныя массы. Можно было предположить, что онѣ находятся подъ чрезвычайно высокой температурой, которую Fényi готовъ оцѣнить выше 30.000 градусовъ. Та область солнечной поверхности, надъ которой поднялся протуберансъ, была покрыта большой группой факеловъ, окружавшихъ маленькое солнечное пятно.

Вскорѣ по прекращеніи изверженія поднялись одинъ за другимъ еще протуберансы высотой въ 80″ и 135″, со скоростью, уже значительно меньшей. Источникъ этихъ трехъ изверженій, конечно, былъ общій и находился глубоко подъ поверхностью солнца.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".
Ноябрь. 1900 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы. — Юридическія науки.— Политическая экономія — Соціологія. — Философія. — Географія.—Естествознаніе.—Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Антонъ Чеховъ. «Разсказы», т. I и II.—*Ѳ. И. Тютчевъ.* «Сочиненія. Стихотворенія и политическія статьи».

Антонъ Чеховъ. «Разсказы». Кн. I и II. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1900 г. Кому незнакомы эти небольшіе разсказы, такіе изящные, отдѣланные по формѣ, глубоко художественные и содержательные, то полные веселаго безобиднаго юмора, то хватающіе за сердце своей трагической жизненной правдой? Въ этихъ незначительныхъ по размѣру вещахъ ранняго періода литературной дѣятельности Антона Чехова ярко проявляются всѣ тѣ особенности, которыя достигаютъ полнаго развитія въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Въ большинствѣ ихъ звучитъ затаенная нотка глубокой грусти, даже въ иныхъ самыхъ веселыхъ разсказахъ чувствуется грустное настроеніе автора. Кажется, будто онъ самъ нимало не испытываетъ веселья отъ своихъ юмористическихъ сценъ и веселыхъ анекдотовъ, и развѣ слабая улыбка промелькнетъ на его лицѣ, когда онъ разсказываетъ про своихъ винтеровъ, напримѣръ, или о ловлѣ налима. И когда вы подрядъ читаете эти разсказы, настроеніе автора постепенно овладѣваетъ вами всецѣло, веселіе исчезаетъ и щемящее чувство тоски вызываетъ невольный вздохъ: «да, жизнь не весела вообще!» И васъ охватываетъ безконечная жалость къ людямъ, какъ бы сожалѣніе о чемъ-то дорогомъ, такомъ нужномъ и важномъ, что утрачено нами навсегда и безъ чего жизнь превращается въ сѣрую, скучную канитель, которую тянетъ каждый безъ увлеченія, безъ радости, безъ бодрой надежды на близкую цѣль.

А между тѣмъ, авторъ, повидимому, не дѣлаетъ ничего, чтобы вызвать нарочно именно такое настроеніе. Онъ только разсказываетъ сдержанно и спокойно обо всемъ, что видитъ и слышитъ, отнюдь не гоняясь за выборомъ темъ. Всѣ его разсказы просты и правдивы, какъ жизнь, и въ этомъ ихъ подавляющая сила. Чеховъ — огромный художникъ прежде всего и въ концѣ всего. Это значитъ, что онъ умѣетъ въ каждомъ случаѣ не только воспроизвести этотъ случай, сценку, анекдотъ, но и освѣтить его особымъ внутреннимъ свѣтомъ, при которомъ мы видимъ нѣчто большее, чѣмъ только анекдотъ, только сценку или любопытный экземпляръ человѣчества, въ родѣ его мыслителя или упраздненнаго прапорщика («Мыслитель» и «Упразднили»). Мы видимъ какъ бы частичку собственной души, обнаженной, трепещущей и страждущей отъ жгучаго стыда, какой каждому приходится испытывать подчасъ наединѣ съ самимъ собой. Иногда это чувство стыда и жалости усили-

вается почти до физической боли, когда читаешь тѣ его разсказы, гдѣ вся низость человѣческой души выступаетъ съ особой наглядностью, какъ, напр., «Анюта», «Переполохъ» или «Хористка». Въ другихъ, благодаря поэтичности картинки, чувство жалости смягчается красотою образа, вдохновившаго художника. Таковъ одинъ изъ шедевровъ Чехова, напечатанный во второй книгѣ разсказовъ, «Шуточка». Даже среди другихъ чудесныхъ разсказовъ Чехова, этотъ ярко выдѣляется своимъ поэтическимъ колоритомъ, удивительной граціозностью и изяществомъ. Разсказъ ведется отъ перваго лица о томъ, какъ въ ранней молодости разсказчикъ любилъ, катаясь съ горъ съ своей знакомой юной дѣвушкой, шептать ей въ моментъ самаго сильнаго раската санокъ: «Я люблю васъ, Наденька». Продѣлывалъ онъ это съ такимъ искусствомъ и такъ спокойно выдерживалъ потомъ ея недоумѣвающій взглядъ, что Наденька такъ и не уяснила себѣ, онъ-ли шепталъ ей это признаніе, или вѣтеръ. «Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужемъ; ее выдали, или она сама вышла— это все равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у нея уже трое дѣтей. То, какъ мы вмѣстѣ когда-то ходили на катокъ и какъ вѣтеръ доносилъ до нея слова «я васъ люблю, Наденька», не забыто; для нея теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминаніе въ жизни... А мнѣ теперь, когда я сталъ старикъ, уже непонятно, зачѣмъ я говорилъ эти слова, для чего шутилъ...» Въ нашей сжатой передачѣ этотъ разсказъ, всего пять страничекъ, теряетъ свой неуловимый колоритъ воздушности и поэтической грезы, что вмѣстѣ съ этимъ грустнымъ заключительнымъ акордомъ придаетъ ему характеръ настоящаго стихотворенія въ прозѣ. И въ концѣ все же невольно является тоскливое чувство, какъ не весела жизнь вообще, если на всю жизнь, какъ самое трогательное и прекрасное воспоминаніе, сохраняется какой-нибудь пустякъ изъ дней юности.

Таковъ общій колоритъ разсказовъ двухъ первыхъ книгъ. Всѣхъ разсказовъ въ обоихъ 119, въ первой—72 и во второй—47. По внѣшности изданіе г. Маркса не оставляетъ желать ничего лучшаго. *А. Б.*

Сочиненія Ѳ. И. Тютчева. Стихотворенія и политическія статьи. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1900. Самая распространенная въ Россіи «Исторія новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскаго причисляетъ Тютчева къ тѣмъ жрецамъ чистаго искусства, которые «замкнулись въ эстетическія созерцанія прекрасныхъ образовъ классическаго искусства древнѣйшихъ и новѣйшихъ временъ, причемъ изолировались не отъ однѣхъ только злобъ дня и такъ называемыхъ «гражданскихъ мотивовъ», но и отъ жизни вообще, въ обширномъ смыслѣ этого слова». Достаточно самаго поверхностнаго знакомства со стихотвореніями Тютчева, чтобы убѣдиться, что къ нему приведенная характеристика рѣшительно непримѣнима. Безспорно, стихотворенія, посвященныя природѣ, любви и красотѣ, принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ музы Тютчева и по артистичности формы, и по глубинѣ мысли. Не даромъ Тургеневъ поставилъ Тютчева, какъ художника, выше Полонскаго, Майкова и Фета. Но Тютчевъ не былъ исключительно «жрецомъ чистаго искусства»; цѣлая половина его стихотвореній написана подъ вліяніемъ «злобъ дня» и полна «гражданскихъ мотивовъ», хотя и своеобразнаго характера. Даже и помимо «злободневныхъ» стихотвореній, изъ-подъ пера Тютчева выливались прекрасныя строки, подъ которыми не отказался бы подписаться «поэтъ мести и печали». Достаточно указать на стихотвореніе, кончающееся строфой:

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду
Бредетъ по знойной мостовой,—

и привести чудное шестистишіе:

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Что касается стихотвореній Тютчева, вызванныхъ событіями русской и западно-европейской жизни, то по нимъ можно составить нѣчто вродѣ поэтической исторіи Европы за цѣлую половину XIX вѣка, начиная со смерти Наполеона I и бунта декабристовъ и кончая смертью Наполеона III. Особенно горячо отзывался Тютчевъ на событія, послѣдовавшія за февральской революціей. Политическія стихотворенія Тютчева по своимъ внѣшнимъ достоинствамъ гораздо ниже его чисто-художественныхъ произведеній, но зато они имѣютъ немаловажный историческій интересъ и представляютъ богатый матеріалъ для ознакомленія съ общественно-политическимъ credo самого поэта. Прежде всего въ политическихъ стихотвореніяхъ Тютчева бросаются въ глаза панславистическія тенденціи, которыя можно прослѣдить на пространствѣ цѣлыхъ четырехъ десятилѣтій его поэтической дѣятельности. Еще въ 1831 г., одновременно съ Пушкинымъ, онъ мечталъ «славянъ родныя поколѣнья подъ знамя русское собрать». Черезъ десять лѣтъ въ Прагѣ онъ пишетъ посланіе къ Ганкѣ и обращается къ нему съ вопросомъ:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ?
И подать другъ другу руки,
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Въ 1850 г. Тютчевъ написалъ «пророчество» о скоромъ паденіи Константинополя, о возстановленіи тамъ «Христова алтаря» и обратился къ императору Николаю I съ призывомъ:

Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Для осуществленія идеи панславизма Россія должна занять Константинополь и примириться съ Польшей. Эта мысль выражена у Тютчева въ слѣдующихъ стихахъ:

Тогда лишь въ полномъ торжествѣ
Въ славянской міровой громадѣ
Строй вожделѣнный водворится,
Какъ съ Русью Польша помирится.
А помирятся-жъ эти двѣ
Не въ Петербургѣ, не въ Москвѣ,
А въ Кіевѣ и въ Цареградѣ.

Неудачи Крымской войны не заставили Тютчева отказаться отъ любимой мысли. Въ 1866 г. во время австро-прусской войны онъ взываетъ: «Славянскій міръ, сомкнись тѣснѣй». Когда же его призывъ «спаять» единство славянъ не желѣзомъ и кровью, по рецепту Бисмарка, а «любовью» — остался безъ отвѣта, нашъ поэтъ въ слѣдующемъ году тоскливо вопрошаетъ пріѣхавшихъ въ Москву славянъ:

Опально-міровое племя!
Когда же будешь ты народъ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни, и невзгодъ?

Не мало у Тютчева и славянофильскихъ мотивовъ. Достаточно привести общеизвѣстное четверостишіе: «Умомъ Россіи не понять, аршиномъ общимъ не измѣрить: у ней особенная стать — въ Россію можно только вѣрить», и напомнить то стихотвореніе, въ которомъ поэтъ превозноситъ «край родной долго-

терпѣнья» съ его «бѣдными селеньями», «скудной природой» и «смиренной наготой».

Горячо отзывался Тютчевъ и на отдѣльныя событія русской жизни. Онъ глубоко скорбитъ о бѣдствіяхъ отечества въ эпоху Крымской войны, когда

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя свѣта и свободы

и грозили Россіи «ниспроверженьемъ». Онъ съ негодованіемъ гонитъ прочь «австрійскаго Іуду отъ гробовой доски» императора Николая. Послѣ войны вмѣстѣ съ лучшими русскими людьми Тютчевъ мечтаетъ объ освобожденіи крестьянъ и выражаетъ надежду, что «золотой лучъ свободы» оживитъ темныя толпы непросвѣщеннаго народа, а «старыя, гнилыя раны, рубцы насилій и обидъ», оставленные крѣпостнымъ правомъ, «излѣчитъ и прикроетъ риза чистая Христа». Девятнадцатое февраля для Тютчева — «великій день, нововавѣтный день, година обновленья»: этотъ день «рабскій образъ сдвинулъ съ человѣка и возвратилъ семьѣ меньшую братью».

Польскій мятежъ снова настроилъ лиру Тютчева на минорный ладъ.

Ужасный сонъ отяготѣлъ надъ нами,
Ужасный, безобразный сонъ:
Въ крови до пятъ мы бьемся съ мертвецами,
Воскресшими для новыхъ похоронъ.

Такъ писалъ поэтъ подъ впечатлѣніемъ братоубійственной рѣзни и «всемірнаго клича къ неистовой борьбѣ».

Не менѣе горячо откликался Тютчевъ и на событія западно-европейской жизни, являясь ихъ лѣтописцемъ и судьей. Такъ, напримѣръ, по поводу знаменитой энциклики папы Пія IX, изданной въ 1864 г. и сопровождавшейся Sillabus'омъ (спискомъ ересей религіозныхъ, философскихъ, политическихъ и научныхъ), Тютчевъ написалъ по адресу «лже-намѣстника Христа», между прочимъ, слѣдующія строки:

Столѣтья шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темныя дѣла,
Но не простится правдой Бога
Его послѣдняя хула...
Его погубитъ роковое слово:
«Свобода совѣсти есть бредъ».

По поводу смерти Наполеона III «старѣйшій жрецъ чистаго искусства» написалъ длинное стихотвореніе, гдѣ упрекаетъ этого «сфинкса, разгаданнаго и пошлою толпой», за то, что онъ «много, много лжи посѣялъ» и «ложью развратилъ и погубилъ въ конецъ народъ, взложившій на него вѣнецъ».

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что служеніе чистому искусству не помѣшало Тютчеву быть и поэтомъ-гражданиномъ, особенно въ послѣднее двадцатипятилѣтіе его жизни. *С. Ашевскій.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

С. А. Рачинскій. «Татевскій сборникъ». — *Максъ Кохъ.* «Исторія нѣмецкой литературы».

«Татевскій сборникъ» С. А. Рачинскаго. Спб. 1899. Въ названномъ сборникѣ напечатаны интересные историко-литературные матеріалы, извлеченные изъ хранящагося въ с. Татевѣ семейнаго архива издателя. Матеріалы эти касаются цѣлаго ряда замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, между прочимъ

Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, Баратынскаго, И. Кирѣевскаго, князя В. Одоевскаго, Пирогова, Хомякова и др. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе письма Е. А. Баратынскаго (самъ онъ подписывался Боратынскій) къ И. В. Кирѣевскому, относящіяся къ 1829—1833 годамъ. Въ этихъ письмахъ, между прочимъ, говорится объ изданіи «Европейца» и находятся интересные отзывы Баратынскаго о современныхъ ему русскихъ писателяхъ. Въ изданіи «Европейца» Баратынскій принималъ самое живое участіе. Вѣсть о запрещеніи журнала сильно поразила поэта и навела его на самыя мрачныя размышленія. «Отъ запрещенія твоего журнала,—писалъ онъ Кирѣевскому,—не могу опомниться. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ дѣйствовалъ тайный, подлый и несправедливый доносчикъ, но что въ этомъ утѣшительнаго? Гдѣ найти на него судъ? Что послѣ этого можно предпринять въ литературѣ? Я вмѣстѣ съ тобой лишился сильнаго побужденія къ трудамъ словеснымъ. Запрещеніе твоего журнала просто наводитъ на меня хандру... Что дѣлать! Будемъ мыслить въ молчаніи и оставимъ литературное поприще Полевымъ и Булгаринымъ! (Очень характерное сопоставленіе для представителя литературной аристократіи!)... Заключимся въ своемъ кругу, какъ первые братья христіане, обладатели свѣта, гонимаго въ свое время, а нынѣ торжествующаго. Будемъ писать, не печатая».

Для исторіи отношеній Пушкина и Баратынскаго очень интересенъ отзывъ послѣдняго о «Евгеніи Онѣгинѣ». «Въ разныя времена,—писалъ онъ въ 1832 году,—я думалъ о немъ разное. Иногда мнѣ «Онѣгинъ» казался лучшимъ произведеніемъ Пушкина, иногда—напротивъ. Если бы все, что есть въ «Онѣгинѣ», было собственностью Пушкина, то, безъ сомнѣнія, онъ ручался бы за геній писателя. Но форма принадлежитъ Байрону, тонъ тоже. Множество поэтическихъ подробностей заимствовано у того и у другого. Пушкину принадлежатъ въ «Онѣгинѣ» характеры его героевъ и мѣстныя описанія Россіи. Характеры его блѣдны Онѣгинъ развитъ не глубоко. Татьяна не имѣетъ особенности. Ленскій ничтоженъ. Мѣстныя описанія прекрасны, но только тамъ, гдѣ чистая пластика. Нѣтъ ничего такого, чтобы рѣшительно характеризовало нашъ русскій бытъ. Вообще, это произведеніе носитъ на себѣ печать перваго опыта, хотя опыта человѣка съ большимъ дарованіемъ. Оно блестящее, но почти все ученическое, потому что все подражательное». Читая подобные отзывы, лишній разъ убѣждаешься, какъ необходима была критическая дѣятельность Бѣлинскаго и какое громадное значеніе она имѣла для уясненія русскому обществу не только Гоголя и Лермонтова, но и самого Пушкина. Если такой образованный человѣкъ и даровитый поэтъ, какъ Баратынскій, колебался въ оцѣнкѣ «Евгенія Онѣгина», то чего же можно было требовать отъ менѣе образованныхъ читателей?

Послѣ писемъ Баратынскаго, наибольшій интересъ въ «Татевскомъ сборникѣ» представляютъ письма Жуковскаго Елагиной и И. Кирѣевскому. Въ письмѣ Елагиной Жуковскій предсказываетъ, что ея сынъ, И. В. Кирѣевскій, «можетъ быть хорошимъ писателемъ», такъ какъ «у него все для этого есть: жаръ души, мыслящая голова, благородный характеръ, талантъ авторскій».

Интересны и четыре письма Пирогова, имѣющія отношеніе къ его первому браку. Въ первомъ письмѣ (1842 г.) Пироговъ является передъ нами счастливымъ женихомъ «настоящаго ангела по своему характеру». Во второмъ—онъ уже выражаетъ недовольство своимъ положеніемъ. «Кто хочетъ оставаться,—говоритъ онъ, — въ правилахъ благоразумія, кто дорожитъ своимъ здоровьемъ, своими занятіями, своимъ сердцемъ и умомъ, тому не совѣтую любить, по крайней мѣрѣ не такъ любить и жениться, какъ я». Послѣднія два письма Пирогова (1851 г.) проникнуты глубокимъ горемъ по случаю потери имъ первой жены. «Воспоминаніе,—пишетъ онъ, между прочимъ, подъ влія-

ніемъ тяжкой потери,—лучшій памятникъ, воздвигаемый нами усопшимъ; въ воспоминаніи заключается откровеніе безсмертія души».

Какъ ни велико было горе Пирогова, съ теченіемъ времени онъ все-таки утѣшился и женился во второй разъ. Гораздо сильнѣе поразила смерть жены другого замѣчательнаго русскаго человѣка, Хомякова. По свидѣтельству Юрія Самарина, въ его воспоминаніяхъ, отрывокъ изъ которыхъ напечатанъ въ «Татевскомъ сборникѣ», у Хомякова послѣ смерти жены «остыла способность увлекаться чѣмъ бы то ни было, что прямо не относилось къ его призванію. Повидимому, онъ сохранилъ свою прежнюю веселость и общительность, но память о женѣ и мысль о смерти не покидали его... Жизнь его раздвоилась. Днемъ онъ работалъ, читалъ, говорилъ, занимался своими дѣлами... Но когда наступала ночь и вокругъ него все улегалось и умолкало, начиналась для него другая пора. Тутъ поднимались воспоминанія о прежнихъ свѣтлыхъ и счастливыхъ годахъ его жизни, воскресалъ передъ нимъ образъ его покойной жены, и только въ эти минуты полнаго уединенія давалъ онъ волю сдержанной тоскѣ». Почти каждую ночь онъ вставалъ съ постели и долго молился на колѣняхъ и плакалъ, а утромъ выходилъ «веселый, бодрый, съ обычнымъ своимъ добродушнымъ смѣхомъ».

Затѣмъ въ «Татевскомъ сборникѣ» напечатанъ рядъ стихотвореній, между прочимъ, четверостишіе Жуковскаго о Петрѣ Великомъ, и рядъ прозаическихъ разсказовъ, въ томъ числѣ обширное начало повѣсти «Раздѣлъ», принадлежащей перу графини Саліасъ (Евгеніи Туръ). Все это богатая пожива для записныхъ библіографовъ. Для обыкновеннаго же читателя, кромѣ указаннаго матеріала, представляютъ нѣкоторый интересъ перепечатанная съ рѣдкой брошюры біографія Д. А. Валуева и замѣтка князя В. Ѳ. Одоевскаго: «Жить—дѣйствовать», гдѣ проводится парадоксальная мысль о самоистребленіи природы, предотвратимой только дѣятельностью человѣка. Одоевскій призываетъ «жить» и «дѣйствовать», не смущаясь неудачами и препятствіями. «Всѣ такіе господа,—говоритъ онъ,—какъ Неронъ, Калигула, Филиппъ II, герцогъ д'Альба и, въ низшей сферѣ, Аракчеевъ, Магницкій, Руничъ, принесли противъ воли поддержку именно тому, что они старались истребить своею нечестивою дѣятельностью».

С. Ашевскій.

Проф. Максъ Кохъ. «Исторія нѣмецкой литературы». Пер. съ нѣмецкаго. Спб. 1900 г. Исторія нѣмецкой литературы такъ основательно разработана и съ фактической стороны, и со стороны послѣдовательности формъ и идей, что оригинальности въ общемъ изложеніи этого предмета можно ожидать только отъ дѣйствительно крупныхъ научныхъ талантовъ, какимъ былъ, напр., Вильгельмъ Шереръ. Въ подробностяхъ конечно существуетъ масса неразрѣшенныхъ и даже неразрѣшимыхъ вопросовъ, литература которыхъ все пополняется, но частныя разногласія изслѣдователей не нарушаютъ основныхъ чертъ общей картины, какъ горные рельефы не нарушаютъ сфероидальности земли. И чѣмъ болѣе сжато изложеніе, тѣмъ менѣе мѣста для самостоятельности автора. Бреславскій профессоръ Максъ Кохъ, извѣстный и въ русской литературѣ своей прекрасной работой о Шекспирѣ и его времени, въ разсматриваемой здѣсь исторіи нѣмецкой литературы изложилъ свой предметъ такъ кратко, что она часто похожа на повторительный конспектъ. Необъятный матеріалъ, который представляетъ нѣмецкая письменность, насчитывающая болѣе тысячи лѣтъ, съ большимъ трудомъ умѣщается на 200 страницахъ, особенно въ виду того, что авторъ не ограничивается изображеніемъ главныхъ моментовъ и характеристикой наиболѣе важныхъ явленій, а стремится къ полнотѣ фактической стороны. Такимъ образомъ сужденія его даже относительно довольно видныхъ писателей и произведеній часто выливаются въ краткія, избитыя формулы, иногда въ одинъ эпитетъ, а нерѣдко случается, что онъ просто перечисляетъ авторовъ и назы-

ваетъ ихъ важнѣйшія сочиненія. Особенно неблагопріятно это отзывается на изложеніи древняго, дореформаціоннаго періода, которымъ авторъ повидимому спеціально не занимался, и русскій читатель, который бы началъ свое знакомство съ нѣмецкой литературой чтеніемъ Коха, не получилъ бы никакого представленія о богатой средне-верхне-нѣмецкой литературѣ. Нѣсколько пространнѣе изложенъ второй классическій періодъ, т. е. конецъ XVIII и начало XIX вѣка, но и здѣсь напрасно было бы искать живой и яркой картины, которая дала бы читателю ясное представленіе о предметѣ. Наиболѣе слабы послѣднія главы, гдѣ излагается новая и новѣйшая литература. Авторъ обнаруживаетъ здѣсь отсутствіе критическаго чутья къ современнымъ явленіямъ, гдѣ приходилось разбираться самому безъ указки безчисленныхъ предшествующихъ изслѣдованій. Еще непріятнѣе, чѣмъ недостатокъ вкуса, дѣйствуетъ прусскій государственный патріотизмъ автора. Въ концѣ своей книги онъ утверждаетъ, что высшая задача литературы—«въ разнообразныхъ формахъ, но съ неизмѣнной преданностью служить отечеству». И дѣйствительно онъ никогда не забываетъ отмѣтить, даже если онъ посвящаетъ данному писателю всего двѣ строчки, патріотическое настроеніе его или патріотическіе подвиги, если таковые существуютъ. Какого характера патріотизмъ автора, яснѣе всего изъ доходящаго до нелѣпости поклоненія передъ Бисмаркомъ и Мольтке. Казалось бы, какое они могутъ имѣть отношеніе къ исторіи художественнаго слова? Но проф. Кохъ находитъ, что эти «вожди послѣдней побѣдоносной войны... также повліяли на нѣмецкую литературу. Исторія литературы должна отмѣтить то какъ особую честь и счастье». Мольтке, хотя онъ, конечно, никакого вліянія на литературу не оказалъ, все-таки былъ писателемъ: ему принадлежатъ восемъ томовъ сочиненій по военнымъ вопросамъ. Проф. Кохъ видитъ въ этомъ «обширную и глубокую литературную дѣятельность». Но ужъ Бисмарка-то никакъ нельзя упрекнуть въ слабости тратить время на мараніе бумагъ, поэтому пр. Кохъ прибѣгаетъ къ весьма своеобразному способу, чтобы причислить и его къ великимъ писателямъ. Мало того, что онъ называетъ Бисмарка «величайшимъ нѣмецкимъ ораторомъ», чѣмъ онъ въ дѣйствительности, какъ извѣстно, никогда не былъ, но Кохъ находитъ кромѣ того, что «письма (Бисмарка) къ сестрѣ и женѣ принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ этого рода въ нѣмецкой литературѣ». Если бы Бисмарку кто-нибудь сообщилъ, что его семейная переписка принадлежитъ нѣмецкой литературѣ и даже вліяетъ на нее, онъ вѣроятно удивился бы не менѣе, чѣмъ мольеровскій m-r Пурсоньяхъ, когда ему открыли, что онъ всю жизнь говоритъ «прозой». Сдѣлавъ изъ великаго фельдфебеля великаго писателя, авторъ, въ силу своего шовинизма, не можетъ сохранить безпристрастія къ дѣйствительнымъ геніямъ слова. Само собою разумѣется, что Гейне, котораго Кохъ съ подчеркиваніемъ называетъ не Генрихомъ, а Гарри, долженъ внушать ужасъ всякому правовѣрному прусскому патріоту. И говоря о немъ, авторъ не считается даже съ фактической правдой. Такъ онъ утвержаетъ, что съ 1831 г. поэта «приковалъ къ себѣ Парижъ *и его наслажденія*», но не упоминаетъ о томъ, что истинною причиною его переселенія въ Парижъ была ужасная политическая реакція въ нѣмецкихъ странахъ. Далѣе повторяется старая клевета, что Гейне изъ-за пенсіи, получаемой отъ Гизо, осмѣивалъ свою родину. Это обнаруживаетъ уже прямое игнорированіе документовъ: на основаніи подлинныхъ писемъ доказано (Жюлемъ Легра), что Гизо не зналъ и не интересовался знать, что и какъ пишетъ Гейне. Но хуже всѣхъ этихъ частныхъ недостатковъ то, что авторъ совершенно не связываетъ исторію литературныхъ формъ и умственныхъ теченій съ явленіями общественной жизни, и поэтому въ его изложеніи литературная эволюція теряетъ всякій характеръ необходимости.

Принимая во вниманіе все вышесказанное, трудно понять, зачѣмъ понадоби-

лось предлагать русскимъ читателямъ такую плохую книжку, да притомъ еще въ чрезвычайно небрежномъ переводѣ. Не говоримъ уже о томъ, что почти на каждой страницѣ встрѣчаются прямыя неграмотности, ошибки въ датахъ, самыя варварскія передѣлки именъ; все это повидимому надо отнести насчетъ переписчика, такъ какъ нельзя себѣ представить, чтобы человѣкъ, имѣющій передъ глазами нѣмецкій текстъ, могъ писать Аттилла, Готты, Гротсвитта (Hrosvita), Кантонъ, (вм. Катонъ), Байретъ (Бапрейтъ), Рапсинитъ (Рампсенитъ) и т. д. Но вотъ образцы стиля, красоты котораго уже никакъ нельзя отнести ни насчетъ переписчика, ни насчетъ наборщика: «Десять лѣтъ, которыя путешествіемъ (вторымъ) въ Швейцарію, предпринятымъ съ герцогомъ осенью 1779 года и описаннымъ въ «Письмахъ о путешествіи на Сенъ-Готардъ», раздѣляются на 2 части, были чрезвычайно важны для внутренняго развитія Гете». «Въ своей написанной уже въ 1784 г., напечатанной только въ 1820 г. работѣ, доказывавшей, что человѣку, какъ и животнымъ, слѣдуетъ приписать междучелюстную кость въ верхней челюсти, онъ прибавилъ дальнѣйшее чрезвычайно важное для естественной исторіи открытіе». Если изъ этихъ словъ совсѣмъ ничего нельзя понять, то слѣдующія строки могутъ привести къ недоразумѣнію, если читатель не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь: «Въ національныхъ строфахъ Нибелунговъ, въ которыхъ встрѣчается больше ассонансовъ, чѣмъ рифмъ, создавалъ самый древній изъ извѣстныхъ миннезенгеровъ, нижне-австрійскій рыцарь Кюренбергъ, свои наполовину эпическія пѣсни, слагающіяся въ небольшой разсказъ». Можно понять, будто Кюренбергъ написалъ Нибелунги а также будто въ Нибелунгахъ больше ассонансовъ, чѣмъ рифмъ. На самомъ дѣлѣ пѣсни Кюренберга написаны только въ одинаковомъ съ Нибелунгами стихотворномъ размѣрѣ, и ассонансы встрѣчаются у Кюренберга, а не въ Нибелунгахъ, гдѣ рифма достигаетъ уже полнаго развитія. Приведенные примѣры совсѣмъ не составляютъ исключеній; скорѣе возникаетъ затрудненіе рѣшить, какіе пассажи наиболѣе несовершенны. Такимъ образомъ, если курсъ пр. Коха по своему содержанію не заслуживаетъ вниманія, то форма, которую онъ получилъ въ русскомъ переводѣ, дѣлаютъ его совершенно неудобоваримымъ.

Е. Дегенъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

А. Д. Градовскій. «Собраніе сочиненій», т. IV.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго, томъ IV. Цѣна въ отд. продажѣ 4 рубля. Настоящій томъ собранія сочиненій покойнаго А. Д. Градовскаго воспроизводитъ уже напечатанный при жизни автора курсъ исторіи государственнаго права европейскихъ державъ, представляющій начало большого труда, задуманнаго Градовскимъ, но не оконченнаго имъ. Вслѣдъ за исторической частью послѣдовалъ первый отдѣлъ догматическій, заключающій изложеніе общихъ основъ конституціоннаго устройства; онъ былъ изданъ редакціей проф. Н. М. Коркунова въ 1895 г. Два слѣдующихъ отдѣла, въ которыхъ должны были быть разсмотрѣны институты конституціонныхъ монархій, республикъ и федерацій не были отпечатаны.

Предпосылая изложенію государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ исторію развитія и распространенія конституціонныхъ учрежденій въ Европѣ, Градовскій руководился вѣрной и плодотворной мыслью. «Развитіе и распространеніе конституціонныхъ учрежденій въ XIX столѣтіи,—говоритъ онъ въ предисловіи,—было результатомъ нѣкоторыхъ общихъ условій политической,

національной, духовной и экономической жизни европейскихъ народовъ. Ознакомленіе съ ними необходимо для каждаго, желающаго ознакомиться не только съ юридической системой западныхъ учрежденій, но и съ условіями ихъ возникновенія. Такое знакомство будетъ всегда полнѣе и, такъ сказать, *жизненнѣе* *).

Съ такимъ взглядомъ трудно не согласиться, хотя на Западѣ онъ далеко не можетъ считаться господствующимъ. Поэтому мы имѣемъ всѣ основанія привѣтствовать появленіе второго изданія книги Градовскаго. Это—прежде всего обстоятельный обзоръ государственныхъ учрежденій Европы, но разсматривать его можно исключительно въ связи съ остальной частью всего труда, какъ напечатанной, такъ и ненапечатанной. Это объяснитъ и пробѣлы книги, и весь ея своеобразный планъ. Если бы она имѣла въ виду исторію развитія конституціонныхъ учрежденій an und für sich, критическій масштабъ былъ бы совершенно иной. Съ этой существенной оговоркой необходимо приступать къ ея оцѣнкѣ.

Планъ книги таковъ: первая половина цѣликомъ посвящена конституціонной исторіи Англіи, начиная отъ англо-саксонской эпохи и до французской революціи, причемъ періодъ послѣ Кромвеля разсмотрѣнъ въ бѣглыхъ чертахъ, а періодъ послѣ 1688 г. на двухъ страницахъ. Вторая часть открывается главою объ элементахъ и принципахъ великой революціи, и затѣмъ излагается судьба этихъ принциповъ во Франціи и въ Европѣ. Подробнѣе всего разсмотрѣнъ тутъ періодъ до паденія первой имперіи; конституціонная исторія Европы послѣ Ватерло получаетъ лишь сжатое обозрѣніе.

Понятны основанія такого плана. Англійскій строй росъ вѣками; конституціи Европы появляются въ связи съ революціей и заимствуютъ свои основныя черты у англійской или американской конституціи. Заимствованіе подъ давленіемъ обстоятельствъ производится односторонне. Люди 1789 года стараются поскорѣе покончить съ носительницей идеи стараго порядка—королевской властью; народы Европы, почувствовавшіе деспотическій гнетъ наполеоновскаго цезаризма, получаютъ другой поводъ стремиться къ ограниченію верховной власти; наконецъ, люди 1848 г., изнывавшія три десятилѣтія подъ игомъ метерниховскаго режима, обрѣтаютъ новую причину покончить съ абсолютизмомъ. Всѣ эти политическія условія—о другихъ мы не говоримъ—приводятъ къ тому, что всѣ реформаторскіе планы и всѣ революціонные порывы направлены къ одной цѣли: къ пересозданію верховной власти. Руководители и вдохновители революцій, обращаясь за справкой въ Англію, проглядѣли поэтому основной моментъ ея конституціи, главную основу ея политическаго быта, развитіе системы мѣстнаго самоуправленія. Въ этомъ отношеніи и политическая мысль мало помогала политической жизни; она вертѣлась въ полуметафизическомъ кругу понятій естественнаго права и, перечисляя прирожденныя права человѣка, не была въ состояніи указать наиболѣе цѣлесообразныя формы ея осуществленія. Поэтому, оставаясь въ узкихъ рамкахъ исторіи учрежденій, Градовскій естественно долженъ былъ прійти къ той схемѣ, которая имъ усвоена. Исторія англійскихъ политическихъ учрежденій являетъ примѣръ постепеннаго роста конституціи, гдѣ революціи не прокладываютъ новыхъ путей, а возвращаютъ политическую жизнь въ старое историческое русло. Въ исторіи Англіи настоящими революціями были не движенія 1642—1649 и 1688 годовъ, а эпоха Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ и реставрація. Органически политическій строй Англіи сложился къ началу XVIII в.; его дальнѣйшая исторія—образованіе кабинета въ XVIII в. и демократизація XIX вѣка—есть исторія техническихъ усовер-

---

* Курсивъ автора.

шенствованій, легко укладывающаяся въ рамки догматическаго изложенія *). Показавъ на конституціонной исторіи Англіи особенности политическихъ учрежденій, непрерывно развивавшихся по однажды намѣтившемуся направленію, Градовскій переходитъ къ разсмотрѣнію непосредственнаго источника европейскаго конституціонализма, къ великой революціи, и тщательно анализируетъ какъ ея причины, такъ и ея элементы. Дальнѣйшій ходъ изложенія ясенъ самъ собою. Пробѣлы, относящіеся, главнымъ образомъ, къ исторіи республиканскихъ учрежденій должны были быть восполнены въ догматической части.

Переходя къ фактической части курса А. Д. Градовскаго, мы должны сдѣлать одно замѣчаніе. Въ немъ оригинальна только общая конструкція, поскольку она выясняется въ вступительныхъ главахъ. Въ остальномъ трудъ представляетъ не болѣе, какъ хорошую компиляцію.

Спеціально историческая точка зрѣнія Градовскаго до сихъ поръ не устарѣла, что для книги напечатанной въ 1885 г., а составлявшейся гораздо раньше, служитъ блестящей рекомендаціей. Исторія политическихъ учрежденій—область, въ которой скрещиваются всевозможныя вліянія, и разлагать въ генезисѣ и эволюціи политическаго института юридическій моментъ отъ экономическаго и соціальнаго—задача по современнымъ научнымъ требованіямъ совершенно элементарная. Градовскій, не въ примѣръ нѣкоторымъ изъ своихъ русскихъ и иностранныхъ коллегъ, сумѣлъ избѣжать присущей спеціалисту односторонности и нигдѣ не закрываетъ глаза на экономическія и соціальныя условія, входившія въ качествѣ слагаемыхъ въ причины политической эволюціи. Онъ, правда, ограничиваетъ вліяніе экономическихъ отношеній (см. прим. на стр. 162), но ограничиваетъ настолько, что о дальнѣйшемъ можно лишь спорить. За то его нигдѣ нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ ихъ игнорировалъ, а для конституціонной исторіи Европы послѣ 1848 года онъ признаетъ возникновеніе соціальнаго вопроса однимъ изъ важнѣйшихъ условій развитія.

Книга Градовскаго цѣнна и какъ чисто-историческій трудъ, ибо въ той области, которую она разрабатываетъ, приходится быть благодарнымъ и за хорошую компиляцію.

Въ выборѣ руководителей Градовскій былъ очень осмотрителенъ, и если его изложеніе въ настоящее время во многихъ пунктахъ устарѣло, то вина въ этомъ лишь въ незначительной степени падаетъ на него. По исторіи Англіи онъ принужденъ былъ положить въ основу Стэббса и Гнейста для среднихъ вѣковъ и Галлама для эпохи Тюдоровъ и Стюартовъ. Въ настоящее время исторія англійскихъ учрежденій обогатилась цѣлымъ рядомъ сочиненій, въ числѣ которыхъ есть классическій трудъ Поллока-Мэтланда, не говоря о монографіяхъ. Изложеніе частностей пришлось бы совершенно передѣлать; послѣ изслѣдованій Виноградова и Мэтланда никто ужъ не считаетъ folkland за ager publicus; послѣ изслѣдованій Гросса и Мэтланда никто не излагаетъ исторію города въ Англіи такъ, какъ она изложена у Градовскаго, и проч., и проч. Такого же пересмотра потребовала бы и вторая половина книги, ибо литература по исторіи революціонной эпохи и XIX в. растетъ съ головокружительной быстротой.

Но всѣ ошибки и недосмотры, въ которыхъ Градовскій, повторяемъ, виноватъ очень мало, не колеблютъ его общей конструкціи, а въ ней, намъ кажется, главное значеніе книги. Фактическая исторія учрежденій цѣнна, особенно первая часть, которая во многомъ дополняетъ Гнейста. Но гораздо важнѣе широкая, набросанная умѣлой рукой, живая картина постепеннаго поли-

---

*) Ср. А. Д. Градовскій, «Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ». Лекціи, читанныя въ 1885 г. Издано подъ ред. Н. М. Коркунова. Стр. 455 и слѣд.

тическаго развитія Европы, постепеннаго торжества идеи правового государства. Наши читатели легко поймутъ, что такая картина, помимо научнаго, представляетъ и громадный общественный интересъ. Самый главный недостатокъ книги—совершенно невозможная цѣна. *А. Дживелеговъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Л. Брентано. «Классическая политическая экономія».—*Поль Лафаргъ.* «Экономическая роль биржи».

Луйо Брентано. «Классическая политическая экономія». Вступительная лекція, читанная при Вѣнскомъ университетѣ 17-го апрѣля 1888 года. Переводъ съ нѣмецкаго И. Бѣлявскаго. Изданіе Зябицкаго и Пятина. Спб. 1900. Цѣна 20 к. Чрезмѣрная абстрактность дедукцій классической политической экономіи, чуть ли не полное забвеніе ихъ условнаго, гипотетическаго характера—все это давно уже вызвало противъ классиковъ рѣзко отрицательное отношеніе со стороны многихъ экономистовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Брентано.

Брентано не удовлетворяютъ ни теорія трудовой цѣнности классиковъ, ни выработанная ими теорія ренты и теорія заработной платы. Главный недостатокъ онъ усматриваетъ въ томъ, что «экономическій человѣкъ» классиковъ не живой человѣкъ, что онъ черезчуръ абстрактенъ, лишенъ конкретныхъ чертъ мѣста и времени. Хозяйственной дѣятельности человѣка—думаетъ Брентано—нельзя понять, если ограничиться однимъ только предположеніемъ, что основнымъ импульсомъ дѣятельности человѣка является эгоизмъ, стремленіе къ наибольшей выгодѣ. Такое представленіе объ «экономическомъ человѣкѣ», по мнѣнію Брентано, невѣрно: оно невѣрно и исторически, и статистически, т.-е. примѣнительно къ тому, что наблюдается въ настоящее время. Брентано бѣглыми штрихами рисуетъ процессъ развитія хозяйственныхъ отношеній, начиная съ далекихъ временъ господства рода, общины—марки и вообще натуральнаго хозяйства и кончая развитымъ товарно-капиталистическимъ строемъ. Не говоря уже о времени господства общины и феодальнаго хозяйства, когда всюду царила регламентація, традиція, когда всѣ отношенія непосредственно выливались въ искони-установленныя формы, не говоря уже объ этомъ времени, даже по отношенію къ современному нельзя прилагать такъ категорически принципъ стремленія къ наибольшей выгодѣ, какъ это дѣлаетъ классическая политическая экономія: обычай, регламентація, общественная и государственная, въ той или иной формѣ, въ большей или меньшей степени, имѣютъ значеніе и теперь.

Чтобы избѣжать подобной чрезмѣрной абстрактности сужденій, чтобы создать теорію, болѣе соотвѣтствующую конкретнымъ историческимъ условіямъ, необходимо, по мнѣнію Брентано, «непосредственное наблюденіе экономическихъ явленій. Оно должно установить, въ какой степени хозяйственная жизнь испытываетъ на себѣ вліяніе эгоизма или какихъ-либо иныхъ факторовъ; выяснить, какимъ образомъ конкретныя условія, на почвѣ которыхъ проявляется эгоизмъ, видоизмѣняютъ этотъ послѣдній; привести насъ къ пониманію морфологическихъ измѣненій народнаго хозяйства, находящихся въ связи съ измѣненіями упомянутыхъ конкретныхъ условій».

Значитъ, теорія классиковъ совершенно безпочвенна, совершенно лишена всякаго реальнаго значенія? Мы этого не думаемъ. Несмотря на всю свою абстрактность, несмотря на всю свою категоричность сужденій, классики все же шли вѣрнымъ путемъ въ дѣлѣ созданія теоріи экономіи. Какъ ни цѣнно и ни необходимо изученіе явленій конкретной исторической жизни различныхъ

народовъ, но одного такого изученія недостаточно, недостаточно уже по одному тому, что самое изученіе это можетъ вестись плодотворно только при наличности тѣхъ или иныхъ теоретическихъ предпосылокъ. Разница между различными экономистами, въ данномъ отношеніи, можетъ быть только та, что одни создаютъ эти предпосылки сознательно, а другіе — безсознательно, руководясь случайно и попутно выработанными представленіями. Классики, проникнутые здоровымъ научнымъ чутьемъ, поняли, что лишь установка извѣстныхъ координирующихъ моментовъ можетъ дать руководящую нить для того, чтобы разобраться и понять многообразный хаосъ явленій конкретной хозяйственной жизни современнаго общества. Они поступили, на нашъ взглядъ, вполнѣ правильно, положивъ въ основу своихъ дедукцій эгоизмъ, какъ руководящій принципъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Не менѣе правильно поступали они, разсматривая цѣнность, какъ функцію затраченной рабочей силы.

Эти основныя посылки сами по себѣ нисколько не обязываютъ переносить экономическія категоріи капиталистическаго строя въ далекое прошлое хозяйственной жизни человѣка; какъ, съ другой стороны, онѣ не предполагаютъ также, что конкретное хозяйственное явленіе можетъ и должно быть ихъ *полнымъ* воплощеніемъ.

Переводъ брошюры Брентано сдѣланъ хорошимъ литературнымъ языкомъ.

I. Давыдовъ.

Поль Лафаргъ. «Экономическая роль биржи». Переводъ А. П. Ненашева. Москва. 1900. 33 стр. Задача брошюры Лафарга—дать популярное описаніе и объясненіе функцій биржи въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ. Принимая во вниманіе сухость и спеціальность предмета, нужно признать, что свою задачу авторъ выполнилъ удачно. На небольшомъ пространствѣ онъ знакомитъ читателя съ механизмомъ, который автоматически регулируетъ колебанія биржевыхъ цѣнностей. Сами капиталисты преслѣдуютъ лишь свои индивидуальные интересы; ими руководитъ лишь погоня за прибылью и страхъ передъ потерей; но вопреки этому хаотическому и безпорядочному столкновенію интересовъ, колебанія биржевыхъ цѣнностей опредѣляются неизмѣннымъ независимымъ отъ воли капиталистовъ закономъ. Функція биржи—привести къ среднему, нормальному въ странѣ уровню прибыли, приносимый капиталами. Эту функцію она выполняетъ постояннымъ колебаніемъ биржевыхъ цѣнностей, которыя ежедневно переходятъ на биржѣ изъ рукъ въ руки. Едва дивиденды какого-либо акціонернаго предпріятія начинаютъ повышаться, или даже едва распространяется слухъ на биржѣ о томъ, что доходность извѣстнаго предпріятія въ будущемъ обѣщаетъ повыситься, немедленно владѣльцы этихъ бумагъ начинаютъ «играть на повышеніе». Цѣна акцій повышается до тѣхъ поръ, пока доходъ, приносимый ими, не будетъ равняться среднему проценту. Для того, чтобы биржа могла исполнять свою роль уравнителя процента доходности капиталовъ, вложенныхъ въ бумаги, она должна обезпечить съ одной стороны возможно большую гласность въ ходѣ дѣлъ своихъ кліентовъ, съ другой—обезпечить легкость перехода бумагъ изъ рукъ въ руки. Первую задачу исполняетъ биржевая пресса, сообщающая всѣмъ заинтересованнымъ въ движеніи биржевыхъ цѣнностей состояніе дѣлъ различныхъ акціонерныхъ предпріятій, вторую же особая форма купли-продажи бумагъ, называемая сдѣлкой на срокъ. Суть этой сдѣлки состоитъ въ томъ, что капиталистъ не уплачиваетъ владѣльцу бумагъ ихъ всей стоимости, какъ дѣлается при покупкѣ на наличныя, а лишь разницу въ ихъ цѣнѣ, причемъ сами бумаги не выходятъ изъ портфеля ихъ перваго владѣльца.

Свое изложеніе авторъ иллюстрируетъ двумя таблицами, въ которыхъ указана цѣна различныхъ бумагъ, процентъ прибыли, относящіеся къ различнымъ

годамъ. Благодаря этимъ таблицамъ пониманіе текста для читателя, не посвященнаго въ тайны биржевыхъ операцій, значительно облегчается.

Книжка Лафарга можетъ быть рекомендована какъ популярное изложеніе роли биржи для читателей, не знакомыхъ съ политической экономіей. Жаль только, что переводчикъ оказался не вполнѣ на высотѣ своей задачи. Переводъ сдѣланъ тяжело. Особенно неудачно выбрано слово «интересъ» для передачи французскаго—l'intérêt, который скорѣй нужно было бы переводить словомъ «процентъ» или «доходность». *С. Ш.*

СОЦІОЛОГІЯ.

Л. Гумпловичъ. «Соціологическіе очерки».

Л. Гумпловичъ. «Соціологическіе очерки». Пер. М. Гуковскаго. Изд. книгоизд. «Знаніе». Одесса. 1899. Стр. 1—68. О Гумпловичѣ приходится обыкновенно слышать самыя противоположныя мнѣнія. Даже нѣмецкіе профессора, отступая въ этомъ случаѣ отъ своей обычной сдержанности въ сужденіяхъ о другихъ, часто объявляютъ сочиненія Гумпловича «безсодержательной и пустой болтовней». Извѣстный государствовѣдъ Іеллинекъ въ своемъ сочиненіи о «Субъективныхъ общественныхъ правахъ» утверждаетъ, что вся теорія государственнаго права Гумпловича основана на отрицаніи государственнаго права. Съ другой стороны Гумпловичъ нерѣдко прославляется какъ выдающійся мыслитель и весьма талантливый писатель.

Такія разногласія въ мнѣніяхъ о Гумпловичѣ правильнѣе всего будетъ объяснить противорѣчіемъ между свойствами его таланта и характеромъ его литературной дѣятельности съ одной стороны и его внѣшнимъ положеніемъ съ другой. Волею судебъ Гумпловичъ занимаетъ мѣсто профессора государственнаго права (въ Грацѣ). Между тѣмъ, его дарованія по преимуществу дарованія публициста. Если принять это во вниманіе, т. е. разсматривать Гумпловича не столько какъ ученаго и мыслителя, сколько какъ публициста и литератора, то поводъ для разногласія въ оцѣнкѣ его устранится.

Несмотря, однако, на такой характеръ писательской физіономіи Гумпловича, у него есть крупныя заслуги въ наукѣ и несомнѣнныя достоинства. Онъ былъ въ числѣ первыхъ, настаивавшихъ на томъ, что объектомъ соціологіи является соціальная группа и соціальное явленіе, въ то время какъ еще большинство соціологовъ клали въ основу соціологіи чисто этическое понятіе человѣческой индивидуальности. Ему также соціологія обязана тѣмъ, что онъ выдвинулъ борьбу соціальныхъ группъ какъ основной элементъ соціальной жизни. Эти стороны литературной дѣятельности Гумпловича не такъ маловажны, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, если принять во вниманіе, что понятіе соціальной группы еще до сихъ не окончательно выработано и не вошло въ повседневный обиходъ какъ всеобщее достояніе. Кромѣ того, значеніе Гумпловича часто умаляютъ, указывая на то, что, высказавъ въ своемъ первомъ сочиненіи всю свою соціологическую теорію, онъ затѣмъ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ. Но и этотъ упрекъ мы считаемъ не совсѣмъ справедливымъ: кругъ идей, въ которомъ онъ вращался, и запасъ его мыслей дѣйствительно не великъ, и потому, прочитавъ одну или двѣ изъ его работъ, не узнаешь изъ слѣдующихъ много новаго; однако въ своей научной дѣятельности онъ не стоялъ на одномъ мѣстѣ, такъ какъ, начавъ съ проповѣди очень узкой теоріи расовой борьбы, онъ постепенно перенесъ центръ тяжести своей соціологіи на болѣе общее и всеобъемлющее понятіе соціальной группы; при этомъ хотя онъ

и теперь попрежнему удѣляетъ главное вниманіе борьбѣ группъ, но не какъ единственному, а какъ наиболѣе яркому проявленію соціальной жизни. Такимъ образомъ онъ на своемъ собственномъ примѣрѣ какъ бы опровергъ теорію соціальной среды, такъ какъ это ослабленіе значенія расовой борьбы въ его теоріи шло параллельно съ обостреніемъ національной борьбы въ его отечествѣ въ Австріи.

Очерки Гумпловича, появившіеся теперь въ русскомъ переводѣ, даютъ довольно полное представленіе какъ о его взглядахъ и теоріяхъ, такъ и о томъ матеріалѣ, надъ которымъ онъ оперируетъ. Подобно нѣкоторымъ русскимъ публицистамъ позитивнаго направленія, онъ начинаетъ изложеніе своихъ взглядовъ не съ анализа явленій дѣйствительности на основаніи собраннаго имъ фактическаго матеріала, а съ опроверженія взглядовъ и теорій, высказанныхъ какимъ-нибудь болѣе или менѣе извѣстнымъ авторомъ. Всѣ очерки этого сборника написаны по поводу какого-нибудь сочиненія и только попутно при разборѣ его авторъ защищаетъ свои собственныя теоріи и обосновываетъ ихъ фактическими данными. Этимъ своимъ внѣшнимъ пріемомъ позитивисты часто противъ своей воли опровергаютъ свой собственный взглядъ, по которому почетное наименованіе настоящаго знанія присваивается исключительно лишь фактическимъ даннымъ, такъ какъ они сами стремятся прежде всего установить правильную точку зрѣнія, т.-е. опредѣлить пріемы и методы изслѣдованія.

Въ цѣломъ сборникъ Гумпловича представляетъ полный обзоръ его соціологическихъ теорій. Въ первомъ очеркѣ «Индивидуумъ, группа и окружающая среда» онъ выясняетъ понятіе соціальной группы и изслѣдуетъ обстоятельства, сопровождающія ея возникновеніе, а въ послѣднемъ «Рождаемость во Франціи» онъ занимается вопросомъ о гибели соціальной группы. Лучшій очеркъ въ сборникѣ озаглавленъ: «Преступленіе, какъ соціальное явленіе»; авторъ критикуетъ въ немъ взгляды итальянской «позитивной школы криминалистовъ», во главѣ которой стоитъ Ломброзо. Для критики Ломброзо точка зрѣнія Гумпловича наиболѣе умѣстна, и онъ приходитъ къ высокогуманнымъ выводамъ, оставаясь исключительно на научной почвѣ и пользуясь богатымъ запасомъ фактовъ. Наиболѣе слабые очерки въ сборникѣ тѣ, которые требуютъ значительнаго отвлеченія отъ единичныхъ подробностей и частностей и большого напряженія абстрактнаго мышленія, какъ «Что такое право?» и «Единство закона». По отношенію къ нимъ отчасти справедливы самые строгіе приговоры надъ сочиненіями Гумпловича. Если, напр., примѣнить мнѣніе Іеллинека о Гумпловичѣ къ очерку «Что такое право», то надо признать, что Іеллинекъ вполнѣ правъ, такъ какъ Гумпловичъ даже не касается юридической природы права, т.-е. какъ бы отрицаетъ въ правѣ то, что единственно является «правовымъ». Съ другой стороны, однако, нельзя не отмѣтить, что Гумпловичъ вполнѣ вѣрно понимаетъ соціальную основу права, которая является необходимой предпосылкой его возникновенія и обусловливаетъ его. Когда Гумпловичъ доказываетъ, «что право всегда и вездѣ является результатомъ соціальной борьбы между различными соціальными группами государства и имѣетъ цѣлью установить границу между сферами власти и дѣятельности этихъ соціальныхъ группъ» (стр. 22), то въ этомъ случаѣ онъ, оставляя совершенно въ сторонѣ «правовыя» свойства права, приходитъ къ правильнымъ выводамъ при анализѣ соціальнаго субстрата, на которомъ возникаетъ и существуетъ право.

Б. К—скій.

ФИЛОСОФІЯ.

А. Гиляровъ. «Что такое философія, что она можетъ и чего не можетъ дать».— *А. Сутерландъ.* «Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта».

А. Н. Гиляровъ, проф. ун. св. Вл. «Что такое философія? что она можетъ и чего не можетъ дать?» Кіевъ. 1899 г. Стр. 30. Авторъ этой брошюры говоритъ какъ въ заглавіи, такъ и въ текстѣ, главнымъ образомъ, о философіи. Между тѣмъ всякій, болѣе близко знакомый съ предметомъ читатель сейчасъ же замѣтитъ, что рѣчь идетъ больше объ исторіи философіи, чѣмъ о философіи въ строгомъ смыслѣ слова. Многіе рѣшатъ, что это вопросъ чисто формальный, и стоитъ замѣнить одно выраженіе другимъ, чтобы устранить всякое недоразумѣніе. Но въ дѣйствительности здѣсь затронутъ принципіальный вопросъ. Начиная съ средины нашего столѣтія, долго господствовало убѣжденіе даже въ средѣ общепризнанныхъ представителей философіи, что вся философія сводится къ исторіи философіи. Представителями этого направленія до сихъ поръ являются Куно Фишеръ и отчасти Целлеръ.

У насъ, гдѣ умственныя теченія Западной Европы часто переживаются съ большимъ опозданіемъ и притомъ, такъ сказать, въ оффиціально-искаженномъ видѣ, это направленіе отчасти отразилось на новомъ университетскомъ уставѣ. По его первоначальному плану философія сводилась даже не къ исторіи философіи вообще, а къ исторіи древней философіи. Многимъ приходилось прослушивать курсы какъ исторіи философіи, такъ и исторіи философіи права, въ которыхъ Гоббсу, Монтескьё, Руссо, Канту и Гегелю посвящались лишь послѣдніе пять часовъ.

Гиляровъ принадлежитъ къ профессорамъ уже реформированнаго университета, и это не могло не отразиться на характерѣ его отвѣта на поставленный въ заглавіи брошюры вопросъ. Цѣлый рядъ философскихъ системъ онъ излагаетъ не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ являются теперь, а такъ, какъ онѣ были формулированы когда-то. «Матеріализмъ въ его крайнемъ выраженіи, по его мнѣнію, разсматриваетъ матерію какъ совокупность атомовъ *качественно безразличныхъ*, но отличающихся одинъ отъ другого фигурой, положеніемъ, величиной и вѣсомъ...» (Стр. 4). Но матеріализмъ этого рода имѣлъ своихъ представителей только въ до-сократовской философіи, въ настоящее же время нельзя найти его защитниковъ. Если авторъ въ данномъ случаѣ разсматриваетъ систему, которая уже окончательно устранена научнымъ развитіемъ, то въ другомъ случаѣ онъ впадаетъ въ противоположную ошибку. Такъ, напр., на скептицизмѣ онъ не считаетъ нужнымъ останавливаться, ибо скептицизмъ самъ убиваетъ себя своимъ основнымъ положеніемъ, какъ авторъ брошюры доказываетъ, силлогизмомъ, высказаннымъ еще древними: «если не можетъ быть достовѣрнаго знанія ни о чемъ, то, очевидно, не можетъ быть такого знанія и о томъ, чего ни о чемъ не можетъ быть достовѣрнаго знанія». (Стр. 11). Но, по нашему мнѣнію, для характеристики современныхъ философскихъ теченій особенно интересно остановиться на скептицизмѣ. Дѣло въ томъ, что античный, т.-е. болѣе научный, чѣмъ философскій скептицизмъ, который авторъ единственно имѣетъ въ виду, также безвозвратно сошелъ со сцены, какъ и вышеупомянутый матеріализмъ. Смѣнившія его теченія—позитивизмъ и матеріализмъ, соединенныя съ метафизическимъ агностицизмомъ, отличаются въ сферѣ рѣшенія научныхъ вопросовъ даже чрезмѣрнымъ самомнѣніемъ и самоувѣренностью. Но для современнаго скептицизма характерно то, что онъ направилъ свои усилія не столько на познаніе (науку и метафизику), сколько на нравственность. Не менѣе односторонне, чѣмъ скептицизмъ, авторъ характеризуетъ мистицизмъ, когда онъ утверждаетъ, что мистицизмъ усматриваетъ «путь къ безусловной истинѣ не въ

разумной дѣятельности, но въ особаго рода безуміи, когда въ экстазѣ разумъ выходитъ изъ себя и, соединяясь съ божествомъ, непосредственно вмѣщаетъ въ себя истину». (Стр. 14). Ясно, что авторъ имѣетъ здѣсь въ виду лишь гностическій мистицизмъ александрійской эпохи, развившій ученіе объ экстазѣ, и совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе нѣмецкій пантеистическій мистицизмъ и особенно заслуживающій вниманія самобытный русскій нравственный мистицизмъ. Наконецъ, говоря о новѣйшихъ системахъ философіи, авторъ возбуждаетъ вопросы, которые уже рѣшены послѣдующею разработкой этихъ системъ. Такъ, напримѣръ, критической философіи онъ дѣлаетъ упрекъ, что, «критикуя чистый разумъ, она не поясняетъ, какой разумъ она критикуетъ, единичный ли, принадлежащій критическому философу, или общечеловѣческій». (Стр. 11). Между тѣмъ, неокантіанская литература неопровержимо доказала, что въ критической философіи Канта рѣчь идетъ не объ единичномъ и индивидуальномъ, а объ общечеловѣческомъ сверхиндивидуальномъ разумѣ.

Всѣ перечисленныя странности въ брошюрѣ проф. Г-ва можно объяснить только тѣмъ ненормальнымъ положеніемъ, въ которое поставлена наша оффиціальная наука. Искуственно создавая преувеличенный интересъ къ одной эпохѣ или области извѣстной науки, оно способствуетъ тому, что утрачивается перспектива по отношенію ко всѣмъ остальнымъ областямъ, а вслѣдстіе этого давно прошедшее и исчезнувшее принимается за настоящее и существующее. Если однако не требовать отъ произведенія г. Г ва полнаго отвѣта на поставленный имъ вопросъ, а разсматривать его лишь какъ отвѣтъ на то, что можно вынести для расширенія философскаго кругозора и знакомства съ философіей изъ изученія исторіи философіи, то выполненіе ея надо признать очень хорошимъ. Авторъ самъ говоритъ вначалѣ, что онъ хочетъ «на основаніи всего многовѣковового философскаго опыта выяснить сжато и опредѣленно, что такое философія» (стр. 2), а въ концѣ онъ излагаетъ, въ какихъ отношеніяхъ можетъ быть плодотворно изученіе исторіи философіи. (Стр. 26 — 27). Автору слѣдовало бы послѣдовательнѣе провести эту точку зрѣнія и сузить тему, и тогда никто не могъ бы сдѣлать ему тѣхъ упрековъ, которые мы высказали выше, такъ какъ въ исторіи все имѣетъ смыслъ, даже уже отжившее.

Однако, несмотря на эти недочеты, брошюра г. Г-ва, несомнѣнно представляетъ выдающійся интересъ, и мы считали бы необходимымъ рекомендовать ее и желать ей возможно большаго распространенія, даже если бы наша философская литература не была такъ бѣдна. Изложеніе автора при поразительной сжатости чрезвычайно доступное, ясное и выпуклое, нѣкоторыя же страницы и отдѣльныя характеристики и опредѣленія, какъ напр., опредѣленіе сущности и границъ познанія (стр. 9—10), противопоставленіе творческихъ элементовъ въ философіи простой спеціализаціи (стр. 25 — 26) отличаются глубиной и продуманностью. **Б. К—скій.**

А. Сутерландъ. «Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта». Переводъ съ англійскаго Н. Кончевской. С.-Петербургъ. Изд. Павленкова. 1900. Книга Сутерланда написана подъ вліяніемъ двухъ англійскихъ мыслителей: Чарльса Дарвина и Адама Смита. У Дарвина авторъ заимствовалъ принципъ борьбы и отбора, у Адама Смита теорію *симпатіи*, какъ источника и фундамента нравственности. Авторъ поставилъ себѣ задачу—прослѣдить, какъ постепенно «изъ потребностей животной жизни, по мѣрѣ того какъ онѣ возникаютъ и развиваются, выростаетъ сначала съ необычайной медленностью, а затѣмъ незамѣтно ускоряя свое развитіе вмѣстѣ съ его поступательнымъ движеніемъ, тотъ нравственный инстинктъ, который съ сопутствующимъ ему разумомъ составляетъ благороднѣйшее явленіе, когда-либо виданное на нашей старой планетѣ». Наиболѣе первичной стадіей симпатіи является родительскій инстинктъ, который служитъ могучимъ средствомъ въ борьбѣ за сущестованіе.

На низшихъ ступеняхъ животной жизни выживаніе потомства достигается громаднымъ числомъ зародышей, изъ которыхъ остаются въ живыхъ лишь немногіе. Громадное расточеніе жизней и силъ—вотъ методъ, посредствомъ котораго природа достигаетъ медленнаго прогресса, замѣчаемаго въ животномъ мірѣ. Однако, уже скоро къ этому расточительному пріему природы присоединяется болѣе экономный способъ борьбы, сущность котораго заключается въ уходѣ родителей за своимъ потомствомъ. Вмѣсто того, чтобы выбрасывать на произволъ стихійныхъ силъ природы милліоны зародышей, изъ которыхъ суждено выжить лишь единицамъ, самка производитъ немного яицъ, но болѣе обезпечиваетъ ихъ развитіе. Это обезпеченіе на низшихъ ступеняхъ проявляется въ томъ, что самка снабжаетъ свои яйца большимъ количествомъ питательнаго матеріала, или же въ томъ, что яйца, вмѣсто того, что бы быть выброшенными въ среду, гдѣ ихъ окружаютъ всевозможныя опасности, держатся самкой до своей полной зрѣлости. Эти примитивныя, чисто механическія формы родительскаго ухода служатъ уже настолько дѣйствительнымъ средствомъ въ борьбѣ вида за сохраненіе, что одинаковые результаты достигаются при значительно меньшемъ количествѣ выбрасываемымъ зародышей. Такъ напр., рыбы, проявляющія нѣкоторую заботливость о своемъ потомствѣ, имѣютъ всего въ среднемъ 20 дѣтенышей, тогда какъ треска, не проявляющая этой заботливости, выбрасываетъ до 5.000.000 зародышей.

На высшихъ ступеняхъ животнаго царства—у птицъ и млекопитающихъ—уходъ за дѣтенышами пріобрѣтаетъ болѣе сложныя и совершенныя формы; изъ чисто механическихъ пріемовъ онъ превращается въ сознательную заботу о физическомъ и психическомъ развитіи молодого поколѣнія. Симпатія родителей къ дѣтенышамъ развивается настолько, что мать жертвуетъ жизнью для спасенія дѣтей. Параллельно сокращается число дѣтенышей. Такъ напр., у млекопитающихъ среднее число дѣтенышей на каждую самку въ годъ равняется только 3,2, а обезьяны съ однимъ дѣтенышемъ могутъ такъ же хорошо поддерживать свой видъ, какъ рыбы съ ихъ милліонами зародышей. У низшихъ дикарей родительскій уходъ является лишь продолженіемъ и развитіемъ соотвѣтствующихъ чертъ, наблюдаемыхъ среди обезьянъ. Этотъ уходъ постепенно возростаетъ и становится болѣе дѣйствительнымъ у варварскихъ и цивилизованныхъ народовъ, причемъ на каждой послѣдовательной ступени его развитія уменьшается среднее число рождаемыхъ дѣтей. Но люди уже не довольствуются ожиданіемъ, пока сама природа выработаетъ типъ, производящій менѣе многочисленное потомство и обладающее высшимъ умственнымъ развитіемъ. Они достигаютъ тѣхъ же результатовъ искусственно: сначала посредствомъ выкидыванія и дѣтоубійствъ, позже, съ развитіемъ симпатіи, посредствомъ болѣе поздняго вступленія въ бракъ. Такъ, средній возрастъ вступленія въ бракъ для дѣвушекъ дикихъ племенъ немного превышаетъ одиннадцать лѣтъ, въ то время какъ среди культурныхъ европейскихъ народовъ возрастъ выхода замужъ превышаетъ въ среднемъ 25 лѣтъ.

Уходъ за дѣтенышами, являющійся условіемъ возникновенія высшаго типа животныхъ, служитъ источникомъ симпатическихъ чувствъ, которыя лежатъ въ основаніи нравственности. Прежде всего развитіе симпатіи отразилось на отношеніи между супругами; періодическое отношеніе, двигающимъ мотивомъ котораго была первоначально половая страсть, подъ вліяніемъ развитія симпатіи постепенно превратилось въ прочный союзъ. Возникаетъ и укрѣпляется чувство женскаго цѣломудрія, позже дѣлающагося обязательнымъ и для мужчины. Наконецъ, родительская симпатія переходитъ въ соціальную. «Эти основныя симпатіи къ ребенку и женѣ оказываются самыми глубокими и сильными даже среди наиболѣе развитыхъ человѣческихъ расъ, но невозможно было, чтобы нервная организація человѣка сдѣлалась воспріимчивой къ такимъ утонченнымъ

и вмѣстѣ тѣмъ могучимъ стимуламъ, не порождая болѣе общей способности къ симпатіи, распространяющейся на братьевъ, сестеръ, кровныхъ родственниковъ и сосѣдей». (303). Соціальная симпатія, въ свою очередь, явилась могучимъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе, такъ какъ она увеличивала во много разъ силу соединенныхъ индивидовъ. «Самый бѣглый ретроспективный очеркъ человѣческой исторіи,—говоритъ Сутерландъ,—покажетъ намъ, что въ главныхъ чертахъ это была исторія подчиненія расъ съ слишкомъ мало развитой симпатіей, неспособныхъ образовать могущественные союзы, народами, болѣе способными къ внутренней солидарности. Слѣдовательно законъ симпатіи былъ закономъ прогресса. Чѣмъ болѣе развивался человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ ощущалъ потребность и наклонность къ жизни среди непрерывно расширявшихся ассоціацій». (11).

Таково происхожденіе и развитіе естественной симпатіи, этого истиннаго фундамента нравственности. Но симпатія представляетъ лишь фундаментъ нравственности, а не самую нравственность. Никакая нравственность немыслима безъ симпатіи, но для того, чтобы она превратилась въ нравственность, къ ней должно прибавиться чувство долга, самоуваженіе и, наконецъ, нравственный идеалъ или чувство красоты нравственнаго поведенія.

Что же представляетъ долгъ, этотъ таинственный внутренній голосъ, приказывающій намъ совершать одно дѣйствіе и запрещающій другое. Есть ли это врожденная, абсолютная идея, какъ полагаютъ метафизики? Или же это— та же симпатія, только ставшая болѣе устойчивой, менѣе импульсивной и подчиненной субъективному чувству и, наоборотъ, получившая внѣшнюю санкцію? Авторъ «Происхожденія нравственнаго инстинкта» присоединяется ко второму мнѣнію. Онъ не можетъ понять, какъ возможно считать долгъ чѣмъ-то сверхъэмпирическимъ, абсолютнымъ, неизмѣннымъ. Достаточно взглянуть на то безконечное разнообразіе и даже противоположность дѣйствій, которыя въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ считались долгомъ, достаточно заглянуть въ нашу собственную душу, гдѣ на каждомъ шагу происходитъ колебаніе между противорѣчивыми и неясными велѣніями долга, чтобы согласиться съ тѣмъ, что чувство долга и связанное съ ними чувство совѣсти вытекаетъ изъ эмпирическихъ условій общественной жизни. Въ каждомъ обществѣ существуетъ извѣстный средній уровень симпатическихъ чувствъ. Этотъ средній уровень симпатіи и образуетъ *содержаніе* того, что считается должнымъ. Что касается *санкціи*, то она имѣетъ различные источники. Здѣсь имѣютъ значеніе общественное мнѣніе, подражаніе, подчиненіе авторитету, наконецъ, привычка. Но откуда тогда эта таинственность долга и совѣсти? Она объясняется тѣмъ, что основныя понятія должнаго и недолжнаго образуются въ такой ранній періодъ дѣтства, о которомъ не остается никакихъ воспоминаній. Эта неизвѣстность для насъ генезиса чувства, которое мы ощущаемъ въ себѣ, и обусловливаетъ представленіе о супра-натуральности и врожденности идеи долга.

Еще высшую ступень нравственности обозначаетъ развитіе чувства самоуваженія. Чувство долга требуетъ постоянно внѣшней санкціи. Мы поступаемъ хорошо, потому, что хорошее поведеніе одобряется окружающими людьми плохое же—встрѣчаетъ всеобщее порицаніе. Чувство самоуваженія развивается, когда мотивомъ къ поступку является не внѣшняя норма, но внутренняя самооцѣнка. Это чувство должно сопровождаться извѣстной самокритикой. Мы должны предъявлять къ себѣ извѣстныя требованія, какъ мы ихъ предъявляемъ къ другимъ, и какъ другіе ихъ предъявляютъ къ намъ. Не трудно видѣть, что и въ этомъ высшемъ случаѣ нравственности мы имѣемъ дѣло съ симпатіей, такъ какъ чувство самоуваженія это — тотъ же долгъ, только перенесенный на самого себя. Наконецъ, своего кульминаціоннаго пункта нравственность достигаетъ

въ формѣ преданности добру ради самого добра, въ формѣ энтузіазма къ нравственному идеалу.

Таково въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе богатой фактами и мыслями обширной книги Сутерланда. Въ основаніе ея положенъ громадный трудъ, необходимый для обзора и систематическаго объясненія необозримаго матеріала, связаннаго съ темой. Такія книги, несмотря на всѣ ихъ недочеты, всегда полезны. Поэтому мы не можемъ не привѣтствовать переводъ изслѣдованія Сутерланда на русскій языкъ и не пожелать ему болѣе широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что написано оно, несмотря на свой объемъ, общедоступно и даже почти популярно. **С. Штейнбергъ.**

ГЕОГРАФІЯ.

А. Н. Красновъ. «Индія и Цейлонъ».—«Россія», т. 1.

Проф. А. Н. Красновъ. «Индія и Цейлонъ». Съ 19-ю рисунками въ текстѣ. (Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Изданіе О. Н. Поповой). Спб. 1900 г. Стр. 101 in 8°. Цѣна 40 коп. Проф. А. Н. Красновъ пишетъ всегда живо и занимательно; также написана и настоящая книга, которой, вѣроятно, предстоитъ выдержать не одно изданіе. Въ виду этого, мы и желали бы сдѣлать нижеслѣдующія замѣчанія, такъ какъ указываемые въ нихъ недосмотры легко устранимы.

Прежде всего—небрежная корректура, оставившая много опечатокъ, тѣмъ болѣе неудобныхъ, что онѣ касаются особенно собственныхъ именъ; вотъ нѣкоторыя изъ этихъ опечатокъ: стр. 4. Кейбарскій, читай Хайберскій; 26. пайры, читай наиры; 29. Когорійскую, читай Коларскую; 30. Васпати, читай Виспати (вѣрнѣе Вишьпати); 36. Суддаданы, читай Суддоданы; 43. Сангара Агарья, читай по транскрипціи Краснова Санкарачарья; 47. Мизоре, читай Майсоръ; 48. Свани, читай Свами; 54. Месхидъ, читай Месджидъ (мечеть); 56. Амрицарѣ, читай Амритсарѣ; 98. Гурду, читай урду. На стр. 63 см. еще серьезную опечатку 200 милл. мусульманъ (?). Рядъ неправильностей, иногда совершенно искажающихъ собственныя имена—произошелъ онъ отъ недоразумѣній въ пониманіи транскрипціи индійскихъ именъ въ англійскихъ книгахъ; вотъ рядъ примѣровъ: Джумна и рядъ подобныхъ словъ, въ которыхъ англійское у произносится, не какъ русское у, а какъ нѣчто среднее между а и е, ихъ слѣдуетъ писать Джамна и т. д. Стр. 31. Азвины надо выкинуть, правильно только Ашвины. Стр. 41. Бекара, читай Бихара. Стр. 47. Рамануйя, читай Рамануджа. Стр. 62. Лукнова, читай Лакнау. Стр. 83. Ганезу или Ганешу, читай только Ганешу. Стр. 94. Гуркасовъ, лепчасовъ, лимбусовъ—это совершенно невозможныя формы, образованныя безъ откинутія англійскаго с множественнаго числа, читай гурка, лепча, лимбу; хорошо было бы разстаться и съ совершенно неправильнымъ индусъ-индіецъ. Стр. 96. Кесубъ-Хундеръ-Сенъ Раммяунъ-Рой, читай Кешаб-Чандр-Сенъ и Раммохан-рой. Этимъ нѣсколько, сознаемся, длиннымъ спискомъ, къ сожалѣнію, далеко не исчерпываются неправильныя написанія собственныхъ именъ.

Отъ внѣшностей перейдемъ къ возраженіямъ по существу. Несмотря на заявленіе автора (стр. 1), что въ различныхъ частяхъ Индіи природа и люди чрезвычайно мало похожи другъ на друга, мы именно изъ его книги не получаемъ въ достаточной мѣрѣ этого впечатлѣнія, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о людяхъ: въ Индіи цѣлый рядъ совершенно чуждыхъ другъ другу міровъ, болѣе чуждыхъ между собою, чѣмъ, напр., Россія и Франція, Англія и Испанія. Соотвѣтственно этому и надлежало разбить книжку на отдѣлы и

говорить отдѣльно о разныхъ частяхъ Индiи. Историческiй очеркъ оставляетъ желать весьма многаго и нуждается въ полной переработкѣ, укажемъ на нѣсколько пунктовъ для примѣра: совершенно ошибочно считать Веды произведенiемъ какого-то патрiархальнаго перiода въ жизни Индiи, это творенiя вполнѣ сложившейся жреческой касты, съ весьма сложнымъ уже ритуаломъ. Слѣдуетъ совершенно бросить устарѣвшую манеру говорить о 4-хъ кастахъ (самъ авторъ, впрочемъ, далѣе говоритъ о многообразiи кастъ, и все же подробно останавливается на первыхъ четырехъ, которыхъ правильнѣе считать классами). Взглядъ автора на законы Ману (стр. 35, 39) совершенно неправильный. Литература и вообще духовная культура представлены неудовлетворительно; не занимая большаго числа страницъ, можно было сказать гораздо больше, а главное избѣжать странностей вродѣ, напр., «Магабхарата, или хроника королей Дели»—что это значитъ? Появленiе, исчезновенiе и значенiе буддизма въ Индiи совершенно не поняты, и главнымъ образомъ, опять, вслѣдствiе ошибочнаго взгляда на Индiю, какъ на болѣе или менѣе однородное цѣлое. Говорить, напр., о борьбѣ и объ искорененiи буддизма невѣрно, онъ весьма постепенно и медленно вымеръ въ Индiи. Въ исторiи буддизма легенды и дѣйствительные историческiе факты совершенно перемѣшаны.

Говоря о томъ, что представляетъ современная Индiя, необходимо было сказать кое-что и о томъ, какъ она управляется, и выяснить значенiе англiйскаго управленiя, по отношенiю къ которому русская публика особенно страдаетъ предвзятыми, ни на чемъ серьезномъ не основанными, взглядами. Авторъ же только говоритъ о дорогахъ и школахъ, причемъ на послѣднiя посмотрѣлъ черезчуръ теоретически-розово. Такъ, напр., туземная литература на европейскiй образецъ вовсе не такого высокаго качества, чтобы стоило на нее указывать, какъ на особенно положительное явленiе. Индiя, во многихъ частяхъ своихъ, настолько древняя культурная страна, нѣкоторые изъ индiйскихъ народовъ имѣютъ такое богатое духовное наслѣдство, что имъ врядъ ли принесетъ особенную пользу передѣлывать себя на европейскiй ладъ. Напрасно поэтому авторъ говоритъ, что населенiю, теперь, благодаря желѣзнымъ дорогамъ болѣе приходящему въ соприкосновенiе другъ съ другомъ, «очевиднѣе становится нелѣпость древнихъ вѣрованiй и понятiя». Такой взглядъ совершенно ошибоченъ по отношенiю къ Индiи—надо помнить, что ея культура имѣла на Востокѣ то же значенiе, что греческая на Западѣ. Индiи, конечно, надо учиться многому новому, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, не забывать и не презирать стараго, а напротивъ, помнить его и изучать.—Исправить допущенные авторомъ недосмотры легко—хорошихъ пособiй для этого много, и мы пожелаемъ проф. Краснову поскорѣе приступить ко второму изданiю его интересной книжки.

Сергѣй Ольденбургъ.

«Россiя». Полное географическое описанiе нашего отечества. Подъ редакцiей В. П. Семенова и подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова (вице предсѣдателя Имп. Русс. Геогр. Общества) и В. И. Ламанскаго (предсѣдателя этнографическаго отдѣла Имп. Русс. Геогр. Общества). Томъ I. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. 484 стр. въ 8°. Цѣна 1 р. 75 к. Какъ видно изъ предисловiя редактора, названная книга представляетъ собою первый томъ большой серiи, разсчитанной на 22 тома, изъ которыхъ каждый посвященъ одной «естественной и культурной области Россiи» и распадается на три отдѣла: I. Природа. II. Населенiе. III. Замѣчательныя населенныя мѣста и мѣстности. Въ настоящемъ первомъ томѣ мы находимъ на первомъ мѣстѣ прекрасный очеркъ А. П. Нечаева «О формахъ поверхности и строенiи земной коры въ предѣлахъ Московской промышленной области и Верхняго Поволжья» (къ которой отнесены губернiи: Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимiрская и Калуж-

ская). Далѣе слѣдуетъ краткій очеркъ «Климата», П. П. Семенова и «Растительнаго и животнаго міра» А. В. Ѳомина и П. Ю. Шмидта. Всего отдѣлу «Природа» отведено 69 страницъ, сопровождаемыхъ нѣсколькими хорошими иллюстраціями и 4 маленькими карточками—орографической, геологической, почвенной и лѣсной. Діаграмма показываетъ площадь лѣсовъ, какъ истребленныхъ за послѣднія 100 лѣтъ, такъ и имѣющихся еще въ настоящее время. Второй отдѣлъ, посвященный населенію и занимающій 140 страницъ, даетъ въ очень сжатой формѣ множество интересныхъ свѣдѣній о данной области. Послѣ краткаго обзора историческихъ судебъ области, слѣдуетъ глава о распредѣленіи населенія по территоріи, о его этнографическомъ составѣ, бытѣ и культурѣ. Здѣсь много наглядныхъ діаграммъ и таблицъ, говорящихъ о количествѣ городскаго и сельскаго населенія, о распредѣленіи его по полу и по сословіямъ, о приростѣ населенія за полвѣка, о быстромъ ростѣ фабричныхъ центровъ и т. д.

Глава, посвященная промысламъ и занятіямъ населенія, заключаетъ множество любопытныхъ данныхъ о распредѣленіи земель по угодьямъ, и по сословію владѣльцевъ, о степени задолженности и устойчивости землевладѣнія различныхъ сословій, о характерѣ и доходности земледѣлія, объ избыткѣ и недостаткѣ хлѣба для мѣстнаго населенія, о численности скота и лошадей, о процентѣ безлошадныхъ хозяйствъ и т. д. Далѣе слѣдуетъ описаніе кустарныхъ промысловъ и, наконецъ, фабрично заводской промышленности, сопровождаемое также множествомъ таблицъ и нѣкоторыми очень наглядными діаграммами. Послѣдняя глава этого отдѣла посвящена путямъ сообщенія, исторіи ихъ развитія и ихъ современному состоянію.

Третій отдѣлъ, самый обширный представляетъ собою «дорожную книгу для русскихъ людей». На 230 страницахъ, описаны во первыхъ, мѣстности, расположенныя вдоль желѣзныхъ дорогъ и вблизи нихъ, по 10 желѣзнымъ путямъ, расходящимся радіусами изъ сердца области—Москвы, краткимъ описаніемъ которой и начинается этотъ дорожникъ. Затѣмъ, въ особой главѣ «мѣстности, расположенныя вдоль водныхъ путей съ пароходнымъ сообщеніемъ» и, наконецъ, мѣстности, лежащія «въ сторонѣ отъ желѣзнодорожной сѣти и водныхъ сообщеній».

Трудъ составленія книгъ, подобныхъ разсматриваемой, трудъ очень неблагодарный. Нельзя на всѣхъ угодить, когда приходится считаться съ самыми разнообразными требованіями, какія только могутъ быть предъявлены читающей и путешествующей публикой къ такой «настольной и дорожной книгѣ». Этого не нужно забывать, давая оцѣнку такого сочиненія. Въ данномъ случаѣ авторы большей части статей отнеслись весьма добросовѣстно и серьезно къ своей задачѣ и имъ удалось создать нѣчто очень полезное какъ для человѣка, желающаго оріентироваться въ общихъ географическихъ и культурно-экономическихъ условіяхъ края, такъ и тому, кто, послѣдовавъ совѣту Гоголя пожелаетъ «проѣздиться по Россіи».

Внѣшняя сторона изданія очень хороша. Бумага, печать и большая часть иллюстрацій, при сравнительно низкой цѣнѣ книги, не оставляютъ ничего желать. Только карты должны были бы быть лучше. Общая карта области въ масштабѣ 1 : 2.520.000 (60 верстъ въ дюймѣ) совсѣмъ плоха: телеграфнымъ линіямъ оказано непонятное предпочтеніе передъ всѣмъ другимъ, онѣ буквально замѣняютъ все; орографія отсутствуетъ совершенно, границы губерній непомѣрно широки и т. д. За то очень хорошо составлены указатель литературы, книгъ, статей, картъ и даже фотографій, относящихся къ описанной области. Есть также подробный указатель именъ и предметовъ. *С. Ч.*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

П. Н. Бородинъ. «Курсъ анатоміи растеній»,—*В. Н. и В. В. Половцовы.* «Ботаническія весеннія прогулки въ окрестностяхъ Петербурга».—*Гетчинсонъ.* «Вымершія чудовища».

Проф. И. П. Бородинъ. «Курсъ анатоміи растеній». Съ 254 рисунками. Второе, переработанное изданіе. Цѣна 2 р. 50 к. Петербургъ и Москва. 1900 г. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ появилось первое изданіе прекрасной книги проф. Бородина, не только сразу занявшей выдающееся мѣсто въ нашей небогатой учебной литературѣ по ботаникѣ, но во многомъ превосходящей и западно-европейскіе Compendium'ы и Lehrbuch'и, страдающіе часто или болѣзненной полнотой, или схематическимъ убожествомъ. Въ книгѣ проф. Бородина нѣтъ ни того, ни другого: все важное, нужное изложено съ достаточной полнотой, на второстепенное сдѣланы указанія и сноски, не мѣщающія цѣльности изложенія. По всякому болѣе или менѣе важному вопросу авторъ приводитъ очень полную литературу, причемъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на работахъ русскихъ ученыхъ, сдѣлавшихъ, какъ извѣстно, не мало открытій въ области анатоміи растеній. Наконецъ, множество хорошо исполненныхъ рисунковъ поясняютъ текстъ и могутъ служить для справокъ, а также при самостоятельныхъ занятіяхъ съ микроскопомъ.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ книга проф. Бородина совершенно вышла изъ продажи и новое изданіе ея являлось настоятельно необходимымъ.

Появившееся недавно второе изданіе, значительно превосходя по объему первое, отличается отъ него лишь новыми достоинствами. Число рисунковъ почти удвоилось. Всѣ отдѣлы книги пересмотрѣны заново и вездѣ изложеніе стоитъ на уровнѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій, вплоть до 1900 года.

Порядокъ изложенія и группировка матеріала остались тѣ же, что и въ первомъ изданіи. Прежде всего авторъ подробно сообщаетъ свѣдѣнія о растительной клѣткѣ, ея составныхъ частяхъ, образованіи и взаимныхъ отношеніяхъ клѣтокъ. Здѣсь автору пришлось внести не мало измѣненій въ свою книгу, такъ какъ за двѣнадцать лѣтъ накопилось множество новыхъ фактовъ. Укажемъ хотя бы на вопросъ о дѣленіи ядра, гдѣ изслѣдованіями проф. Бѣляева устанавливаются три типа—вегетативное, гетеротипное и редукціонное.

Въ слѣдующей затѣмъ небольшой главѣ «Ткани», авторъ является и нынѣ противникомъ анатомофизіологической классификаціи тканей, предложенной Габерландомъ, и придерживается своей прежней системы изложенія, какъ болѣе удобной съ педагогической точки зрѣнія.

Давъ во вступительной главѣ общія понятія о тканяхъ, описавъ подробнѣе кожицу и сосудистоволокнистые пучки, авторъ переходитъ затѣмъ къ анатоміи отдѣльныхъ органовъ растенія и начинаетъ со стебля. Здѣсь наиболѣе существеннымъ дополненіемъ является новое ученіе о перициклѣ, созданное французскимъ ученымъ проф. ванъ-Тигемомъ и принятое въ настоящее время даже и въ Германіи. Впрочемъ оно отнюдь не можетъ еще считаться прочно установленнымъ.

Выяснивъ строеніе корня и листьевъ, авторъ переходитъ къ анатоміи цвѣтка, но и здѣсь не ограничивается описаніемъ цвѣточныхъ покрововъ и органовъ воспроизведенія, а излагаетъ существующія свѣдѣнія по интереснѣйшему морфологофизіологическому вопросу объ оплодотвореніи у растеній.

Въ дѣлѣ выясненія хода этого процесса у высшихъ растеній первое мѣсто принадлежитъ русскимъ ученымъ, и мы приведемъ здѣсь нѣсколько важнѣй-

шихъ моментовъ развитія ученія объ оплодотвореніи. Въ 1880 г. проф. Горожанкинъ замѣтилъ выскользаніе клѣточнаго ядра изъ пыльцевой трубки въ зародышевый мѣшокъ. Къ началу 90-хъ годовъ относятся работы проф.. Бѣляева по развитію пыльцевыхъ трубокъ и проф. Навашина по халазогаміи. 1898 г. особенно богатъ открытіями: въ январѣ было заявлено японскими учеными Икено и Хиразо объ открытіи ими сперматозоидовъ у саговниковаго (Cycas) и хвойнаго (Gingko), а въ августѣ того же года ботаники, бывшіе на X съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ, слушали докладъ а нѣкоторые, въ томъ числѣ и авторъ этихъ строкъ, могли любоваться подъ микроскопомъ сперматозоидами, открытыми проф. Навашинымъ у лиліи; вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Навашинъ открылъ у тѣхъ же растеній и двойное оплодотвореніе—яйца и центральнаго ядра.

Не сомнѣваемся, что разсматриваемая книга будетъ имѣть самое широкое распространеніе, и надѣемся въ недалекомъ будущемъ привѣтствовать и третье изданіе ея. *Б. Федченко.*

В. Н. и В. В. Половцовы. «Ботаническія весеннія прогулки въ окрестностяхъ Петербурга». С.-Петербургъ (1900 г.), цѣна 50 коп., въ коленк. перепл. 65 к. При крайней бѣдности нашей популярной ботанической литературы—приходится привѣтствовать появленіе всякой новой книжки, маломальски со смысломъ составленной. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ беремъ мы въ руки книжку, заглавіе которой мы выписали, такъ какъ она является вполнѣ оригинальной и выдающейся, а немногіе недосмотры вполнѣ выкупаются массой интересныхъ фактовъ, изложенныхъ хорошо и толково.

Кто любитъ и знаетъ природу и сможетъ вырваться весной изъ города, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если, уѣзжая, запасется книжкой Половцовыхъ, въ которой найдетъ, вѣроятно, кое-что для себя извѣстное или же, по крайней мѣрѣ, вспомнитъ о забытомъ.

Но есть много людей, еще не полюбившихъ и не знающихъ весенней природы; для нихъ книжка Половцовыхъ будетъ особенно полезной; она является прекраснымъ руководствомъ для тѣхъ учителей школъ, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, которые захотѣли бы ввести своихъ питомцевъ въ царство весенней природы. Полезнымъ пособіемъ она будетъ служить и для семейныхъ экскурсій, и для отдѣльныхъ экскурсантовъ, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего неудобопонятнаго, а четыре десятка рисунковъ и три плана мѣстностей помогутъ разобраться всякому.

Вся книжка состоитъ изъ описанія того, что можно встрѣтить въ апрѣлѣмаѣ на пяти прогулкахъ, въ трехъ мѣстностяхъ—Удѣльномъ лѣсу, Лѣсномъ паркѣ и въ Дудергофѣ. Въ описаніи каждой изъ 5 прогулокъ авторы придерживаются вполнѣ опредѣленнаго пути, ссылаясь постоянно на приложенные планы, такъ что воспроизвести прогулки эти и на нихъ увидать и показать другимъ все, на что указываетъ авторъ, задача весьма не сложная. Перечислять всѣ интересные факты и явленія, на которыхъ авторы останавливаютъ вниманіе экскурсантовъ, мы здѣсь не будемъ, но позволимъ себѣ указать на нѣкоторые недосмотры, которые, вѣроятно, были бы и безъ этого исправлены въ слѣдующемъ изданіи.

Большая часть недосмотровъ представляютъ лишь неловкіе и не вполнѣ правильные способы выраженія, вызывающіе недоразумѣнія; но встрѣчаются и прямыя ошибки, какъ, напр., то, что говорится о сурѣпицѣ,—Barbarea vulgaris. Весной всюду и вездѣ дѣйствительно встрѣчается настоящая сурѣпица, Barbarea, но то, что также называется этимъ именемъ и встрѣчается, какъ сорное растеніе лѣтомъ въ яровыхъ посѣвахъ, есть совсѣмъ другое растеніе (Raphanus raphaniskrum), хотя и изъ того же семейства крестоцвѣтныхъ. За-

тѣмъ, говоря о томъ, что семейство мотыльковыхъ называютъ теперь обыкновенно семействомъ бобовыхъ, надо было бы прибавить, что къ бобовымъ же относятъ еще и цезальпиніевыя и мимозовыя. Говоря о существующихъ пособіяхъ для опредѣленія растеній, авторы забываютъ упомянуть о вполнѣ пригодной книжкѣ покойнаго П. Ф. Маевскаго «Весенняя флора средней Россіи», недавно вышедшей третьимъ изданіемъ.

Нѣкоторые недочеты представляютъ, вѣроятно, лишь описки. Укажемъ одну изъ нихъ: «они (*хвойныя деревья*) уступаютъ по высотѣ только могучимъ австралійскимъ деревьямъ, эвкалиптамъ и американскимъ *веллингтоніямъ*». Но вѣдь и веллингтоніи относятся къ хвойнымъ.

Во всякомъ случаѣ, желаемъ книжкѣ заслуженнаго успѣха. *Б. Федченко.*

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. Общедоступныя бесѣды по палеонтологіи. Изданіе товарищества «Знаніе». Цѣна 1 р. 20 к. Задача этой книги— описать нѣкоторыя изъ крупныхъ и чудовищныхъ формъ прошлыхъ эпохъ, нѣкоторыя изъ вымершихъ созданій древняго міра. «Мы одѣнемъ, — говоритъ авторъ, — ихъ высохшія кости мясомъ; мы изобразимъ ихъ въ естественной обстановкѣ, насколько это возможно при современномъ состояніи геологическихъ знаній. Словомъ, мы попытаемся при помощи пера и карандаша вернуть ихъ къ жизни *)... Мы постараемся изобразить ихъ такими, какими они были въ дѣйствительности, когда жили, когда ходили по сушѣ, плавали въ морѣ или летали въ воздухѣ. Мы попытаемся объяснить ихъ строеніе, сдѣлать заключеніе объ ихъ внѣшнемъ видѣ и, если возможно, выяснить ихъ родственныя отношенія» **).

Первая и главная часть поставленной авторомъ задачи выполнена превосходно. Благодаря его знаніямъ, его добросовѣстному изученію первоисточниковъ, образности изложенія, а также таланту и вдумчивому отношенію къ дѣлу рисовальщика Смита, передъ читателемъ, дѣйствительно, какъ живыя встаютъ разныя чудовища, населявшія землю сотни тысячъ и милліоны лѣтъ тому назадъ,—и исполинскій рыбоящеръ—ихтіозавръ, съ ужасной, чуть не саженной головой, и хищный плезіозавръ съ ластами кита, короткимъ хвостомъ и длинной лебединой шеей, увѣнчанной маленькой головкой, и динозавры—«драконы древнихъ временъ», превосходившіе размѣрами всѣхъ когда-либо жившихъ животныхъ, и летающія пресмыкающіеся—настоящіе драконы народной фантазіи, и морскія змѣи, и волосатые мамонты и мастодонты.

Авторъ не только реставрируетъ внѣшность этихъ вымершихъ чудовищъ. онъ подробно, иногда даже слишкомъ подробно для популярной книжки, знакомитъ насъ съ ихъ внутреннимъ строеніемъ и, насколько возможно, съ ихъ образомъ жизни.

Ископаемыя представляютъ громадный интересъ для философіи естествознанія: иные изъ этихъ организмовъ восполняютъ утерянныя звенья той великой эволюціонной цѣпи, которая связываетъ человѣка съ амебой, другіе, совмѣщая въ себѣ признаки нѣсколькихъ классовъ современнаго намъ организованнаго міра, являются такъ называемыми «сборными типами» и указываютъ на родство формъ, о которомъ нельзя было бы догадаться изъ одного изученія нынѣ живущихъ организмовъ. Гетчинсонъ стремится попутно выяснить читателю и эти основные вопросы палеонтологіи, стремится «связать прошлое съ настоящимъ», но эта часть задачи выполнена имъ далеко не съ той полнотой, какъ первая—реставрація вымершихъ «чудовищъ». Оно и понятно, такъ какъ

*) Предисловіе автора.
**) Введеніе, стр. 2.

авторъ, имѣя цѣлью подѣйствовать, главнымъ образомъ, на воображеніе читателя, выхватываетъ изъ прошлаго только необыкновенныя, наиболѣе уклоняющіяся отъ современныхъ намъ, «чудовищныя» формы, и тѣмъ самымъ уже уменьшаетъ возможность сравненія и параллелизаціи организмовъ.

Книга написана весьма популярно, изложена простымъ, яснымъ языкомъ и доступна для пониманія самой широкой публики. Много способствуетъ живости изложенія также и то, что авторъ всегда знакомитъ насъ съ исторіей открытія и изученія даннаго ископаемаго и часто приводитъ подлинные разсказы самихъ изслѣдователей. Передъ читателемъ встаютъ и долгія, утомительныя путешествія въ «Mauvaises terres», и трудности первоначальныхъ изслѣдованій, выемокъ и извлеченія изъ нѣдръ земли гигантскихъ костей, и упорная работа многихъ выдающихся ученыхъ надъ изученіемъ этихъ остатковъ, и блестящіе синтезы Кювье, Оуэна, Марша, а на-ряду съ ними и ошибки и заблужденія многихъ другихъ. Прекрасный педагогическій пріемъ—ввести начинающаго въ самую лабораторію мысли и изслѣдованія.

Разбираемая нами книга входитъ въ составъ «Общедоступной научной библіотеки», издаваемой подъ редакціей К. Пятницкаго, и, какъ всѣ остальные № этой библіотеки, переведена и издана прекрасно; превосходное исполненіе какъ помѣщенныхъ въ самой книгѣ, такъ и приложенныхъ къ ней рисунковъ (150) не оставляетъ желать ничего лучшаго. *В. А.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

С. Круковская. «Китай. Очеркъ жизни и нравовъ».—«Китай и китайцы».—«События въ Китаѣ».—*В. Колокольникова.* «Корея».

Китай. Очерки жизни и нравовъ Небесной имперіи. Составила С. К. Круковская. Съ 50-ю рисунками и картой Китая. С.-Петербургъ. 1900 г. Изданіе журнала «Товарищъ». Цѣна 50 к. Стр. 119. Очень тщательно изданная книжечка, сообщающая краткія свѣдѣнія о географическихъ особенностяхъ, занятіяхъ, бытѣ и управленіи Китая. Говорится понемногу обо всемъ, притомъ достаточно систематично, но слишкомъ кратко и блѣдно, такъ что у читателя не получится сколько-нибудь яркаго представленія ни объ одной сторонѣ жизни этой своеобразной страны. Въ общемъ книжка г-жи Круковской составлена добросовѣстно, но не всегда достаточно рельефно оттѣняетъ особенности китайской культуры; такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что всѣ китайцы грамотны; между тѣмъ эта всеобщая грамотность китайцевъ далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о грамотности вообще, благодаря самому способу обученія китайской грамотѣ: большая часть этихъ грамотныхъ китайцевъ не можетъ прочесть ни одной книги, кромѣ той, по которой велось обученіе. Книжка г-жи Круковской, собственно говоря, не совсѣмъ правильно названа «Очерками жизни и нравовъ Небесной имперіи». Она представляетъ собою скорѣе географическое описаніе Китая, гдѣ описанію природы и внѣшнихъ особенностей городовъ, деревень, разныхъ построекъ и т. п. удѣлено несравненно больше мѣста, чѣмъ собственно нравамъ и жизни китайцевъ. Историческія свѣдѣнія о Китаѣ переданы въ нѣсколькихъ словахъ, а о современныхъ событіяхъ не говорится ничего. Такимъ образомъ, книжка г-жи Круковской приближается по своему характеру къ хорошему, старательно составленному учебнику по географіи для гимназистовъ IV—V класса и, въ качествѣ таковой, можетъ оказаться очень полезной, дополняя собою далеко не удовлетворительныя описанія Китая, помѣщаемыя

въ нашихъ общепринятыхъ учебникахъ. Издана книжка очень хорошо: иллюстрирована многими рисунками, нѣсколькими раскрашенными картинками и хорошо исполненной раскрашенной картой китайской имперіи, но цѣна ея все же довольно высока. *М. Б.*

«Китай и китайцы». «Новая библіотека». Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Москва. 1901 г. Цѣна 25 коп. Стр. 135. Съ картой. Редакція журнала «Русская мысль» также отозвалась на злобу дня—китайскія событія послѣдняго времени—изданіемъ народной книжки о Китаѣ и китайцахъ. Книга разсказываетъ о бытѣ китайцевъ, государственномъ устройствѣ, экономическомъ и военномъ положеніи и о русскихъ владѣніяхъ въ Китаѣ. Начинаясь съ сообщенія необходимыхъ географическихъ свѣдѣній о Китаѣ, она даетъ далѣе краткій историческій очеркъ, въ которомъ сообщаетъ почти исключительно внѣшнія данныя: перечисленіе династій и описаніе постепеннаго роста сношеній съ европейцами. Этотъ очеркъ служитъ какъ бы введеніемъ къ дальнѣйшему изложенію, въ которомъ, правда нѣсколько поверхностно и не вполнѣ послѣдовательно, но достаточно живо и интересно разсказывается о разныхъ сторонахъ быта и нравовъ сыновъ Небесной имперіи. Ради объясненія многихъ своеобразныхъ чертъ китайскаго народа излагаются довольно подробно основанія его трехъ религій—конфуціанства, даосизма и буддизма, разбираются особенности китайскаго языка, письменности и науки, а также и искусствъ—живописи, архитектуры, музыки и т. п. Государственный строй китайской имперіи съ его бюрократической патріархальностью, столько же безконтрольной, сколько и продажной, съ его правосудіемъ, котораго какъ огня боится населеніе, съ его другими характерными въ своей неподвижности особенностями, нашелъ себѣ въ книжкѣ «Китай и китайцы» должную оцѣнку и достаточно яркое изображеніе. Странно только послѣ того звучитъ отзывъ автора о китайскихъ законахъ: «По словамъ знающихъ людей, они (т.-е. законы) отличаются последовательностью и вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію». Дальше въ книгѣ сообщаются въ хронологическомъ порядкѣ свѣдѣнія по новѣйшей исторіи Китая, главнымъ образомъ опять-таки о внѣшнихъ событіяхъ ея, выразившихся въ смѣнѣ императоровъ, столкновеніяхъ съ другими государствами и въ народныхъ возстаніяхъ,—какъ, напр., тайпинговъ; неоднократно при этомъ упоминается и объ извѣстномъ дѣятелѣ Ли-Хунгъ-Чангѣ. Финансовому положенію Китая посвященъ отдѣльный очеркъ, въ которомъ подробно разсматривается система государственныхъ доходовъ, говорится о земледѣльческомъ хозяйствѣ, рисовыхъ и чайныхъ плантаціяхъ и садоводствѣ, описывается состояніе промышленности добывающей (каменный уголь, благородные металлы и т. п.) и обрабатывающей, а также торговли внутренней и внѣшней, причемъ для характеристики роста послѣдней приводятся соотвѣтствующія цифры. Описанію японско-китайской войны 1895 г. посвящена отдѣльная глава, что объясняется тѣмъ вліяніемъ, какое оказала эта война съ ея фатальнымъ для Китая исходомъ на дальнѣйшія событія. Сравнительное усиленіе европейскаго вліянія, заботы объ улучшеніи войска и флота, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и т. п. явились результатомъ печальнаго урока, полученнаго китайцами въ этой войнѣ, но въ то же время повлекли за собой реакцію со стороны неподвижнаго въ своей тысячелѣтней культурѣ народа, выразившуюся въ возстаніяхъ «Большихъ кулаковъ» (боксеровъ) и другихъ тайныхъ обществъ. Авторъ книжки о китайцахъ нашелъ нужнымъ особенно остановиться на подробномъ разсмотрѣніи китайскихъ военныхъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, въ ихъ новомъ положеніи послѣ китайско-японской войны. Онъ приводитъ подробныя свѣдѣнія объ административномъ дѣленіи войскъ, численности ихъ, расположеніи, цвѣтѣ знаменъ, родѣ и калибрѣ оружія, о военныхъ судахъ и

т. п. Всѣ эти подробности и малопонятны для обыкновеннаго читателя изъ народной среды (исключая развѣ солдатъ), и совершенно не интересны, а потому излишни. Одна-двѣ картинки изъ быта военныхъ и общее описаніе положенія войскъ дали бы читателю гораздо больше для пониманія современнаго состоянія военныхъ силъ китайской имперіи. Въ заключеніе сообщаются свѣдѣнія о русскихъ владѣніяхъ въ Китаѣ. Очень жаль, что въ книжкѣ о «Китаѣ и китайцахъ» не сообщается хотя бы въ общихъ чертахъ о ходѣ событій за текущій годъ, интересъ къ которымъ несомнѣнно уже возбужденъ въ народной массѣ посредствомъ газетъ и всякихъ слуховъ о происходящихъ военныхъ столкновеніяхъ. Несмотря на это упущеніе, появленіе книжки о «Китаѣ и китайцахъ» нужно признать вполнѣ своевременнымъ, такъ какъ по своему содержанію она въ значительной мѣрѣ можетъ удовлетворить стремленіе читателей къ знакомству съ бытомъ и нравами нашихъ восточныхъ сосѣдей. Что касается изложенія книги, то оно является далеко не равномѣрнымъ: въ началѣ видно стремленіе сдѣлать изложеніе доступнымъ, выразившееся въ объясненіи всѣхъ непонятныхъ словъ и въ легкой конструкціи фразъ; затѣмъ вниманіе автора къ читателю какъ бы ослабѣетъ и по мѣрѣ усложненія темы все чаще и чаще встрѣчаются трудные для средняго читателя обороты и выраженія. Такова, напримѣръ, слѣдующая фраза: «Въ зависимости отъ предполагаемаго протяженія желѣзныхъ дорогъ, Китай, сохраняя свою независимость, оказался раздѣленнымъ на сферы вліянія» (102) и много другихъ въ томъ же родѣ. Издана книжка опрятно, снабжена большой картой, но не иллюстрирована рисунками. *М. Б.*

«Событія въ Китаѣ. Кровавыя смуты секты «Большого кулака». Съ рисунками. Москва. 1900 г. Стр. 94. Цѣна 20 (?) коп. Какъ видно изъ заглавія, книга посвящена тѣмъ именно событіямъ послѣдняго времени, умолчаніе о которыхъ мы отмѣтили въ обѣихъ разобранныхъ выше книгахъ. Авторъ книги о «Китайскихъ событіяхъ» свелъ въ одинъ послѣдовательный разсказъ сообщенія газетъ, начиная съ майскихъ дней, приблизительно до середины іюля. Ни исторіи Китая, ни описанія быта книга не даетъ, да это и не входитъ въ задачи ея автора; правда, онъ начинаетъ съ указанія на возникновеніе сношеній Китая съ иностранцами, углубляясь въ такія отдаленныя времена, какъ VII вѣкъ, но затѣмъ переходитъ непосредственно къ текущимъ событіямъ, упомянувъ лишь о возстаніи 1860 г., какъ о прототипѣ современной войны. Характеристика китайскихъ сектъ и въ частности секты «Большого кулака» вводитъ читателя въ центръ бурной драмы, разыгрывающейся и до сихъ поръ на Востокѣ. Разсказывая затѣмъ о первыхъ нападеніяхъ на иностранцевъ, авторъ приводитъ свѣдѣнія о состояніи различныхъ христіанскихъ миссіонерствъ, въ частности и о составѣ русской миссіи, сообщаетъ цифровыя данныя объ иностранцахъ, проживающихъ въ Китаѣ и о размѣрахъ торговли Китая съ иностранными государствами за послѣднее время, наконецъ, вкратцѣ перечисляетъ русскія владѣнія въ Китаѣ. Затѣмъ онъ переходитъ къ самому разсказу о военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ, описываетъ взятіе Таку, походъ лорда Сеймура и занятіе Тіенцзина вплоть до предстоявшаго тогда движенія союзныхъ войскъ на Пекинъ. Вездѣ особенное вниманіе въ книгѣ удѣляется русскимъ войскамъ, постоянно подчеркивается ихъ храбрость и посвящается не мало мѣста перечисленію подвиговъ того или иного начальника русскихъ войскъ. Вообще, автору отнюдь нельзя отказать въ чувствѣ патріотической гордости, выражающейся при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ, въ сообщеніи о русскихъ владѣніяхъ въ Китаѣ мы видимъ торжество по поводу того, что Россія «наконецъ, стала твердою ногою на томъ Востокѣ, гдѣ она призвана играть первенствующую роль...» Взятіе Таку авторъ приписываетъ исключи-

тельно русскимъ силамъ и прибавляетъ, что «всѣ русскіе моряки въ восторгѣ отъ этого великолѣпнаго дѣла». Освобожденіе Тіенцзина и отряда Сеймура онъ приписываетъ опять-таки, главнымъ образомъ, русскимъ войскамъ, почему удѣляетъ имъ «львиную долю славы». «Стрѣльба русскаго отряда была превосходна», китайская батарея была взята «нашими лихими солдатиками» и т. д. и т. д., тогда какъ дѣйствія всѣхъ другихъ войскъ, особенно англійскихъ, оказываются всегда слабыми. Чтобы представить болѣе наглядно положеніе китайскихъ дѣлъ, авторъ знакомитъ читателя съ положеніемъ правительства и иностранныхъ посольствъ въ Пекинѣ, этомъ центрѣ вниманія всей Европы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ особой главѣ онъ разсказываетъ о дворцовомъ переворотѣ послѣдняго времени и приводитъ характеристики «главныхъ героевъ китайской драмы»—вдовствующей императрицы, принцевъ Туана и Чинга и другихъ, почему-то обходя Ли Хунгъ-Чанга, упоминаемаго, однако, въ книгѣ неоднократно и называемаго даже китайскимъ Бисмаркомъ. Затѣмъ тутъ же описывается убійство германскаго посла, впечатлѣніе, произведенное этимъ фактомъ въ Европѣ, и участь остальныхъ посольствъ въ виду звѣрствъ «Большого кулака» съ одной стороны, и двусмысленности поведенія правительства—съ другой. Далѣе авторъ разсказываетъ о столкновеніяхъ китайцевъ съ русскими войсками въ Манджуріи, гдѣ нападенію подверглась строющаяся желѣзная дорога, о бомбардировкѣ китайцами Благовѣщенска и дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, описываетъ города Благовѣщенскъ и Айгунь и въ заключеніе указываетъ на одну хорошую сторону кровавыхъ событій въ Китаѣ, — на «возстановленіе согласія во внѣшней политикѣ всѣхъ европейскихъ великихъ державъ», нравственно значеніе котораго очень велико.

То же чувство патріотизма, о которомъ мы уже говорили, помѣшало автору отнестись достаточно объективно и къ событіямъ на амурской границѣ. Возмущаясь и удивляясь нападеніямъ китайцевъ на русскія владѣнія, въ частности на мирныхъ тружениковъ — строителей желѣзной дороги, авторъ умалчиваетъ о тѣхъ нападеніяхъ и грабежѣ, какимъ подверглись мирные китайцы, жители Благовѣщенска со стороны русскаго населенія, и не безъ удовольствія упоминаетъ о пожарѣ китайской телеграфной станціи и о поджогѣ китайскаго города Айгуня по распоряженію русскихъ властей; китайское селеніе онъ называетъ разбойничьимъ гнѣздомъ и т. п.

Отвѣчая на злобу дня, книжка о кровавыхъ смутахъ «Большого кулака» заинтересуетъ читателей и поможетъ неопытнымъ изъ нихъ оріентироваться въ той массѣ газетныхъ сообщеній, какая можетъ сбить съ толку даже заправскаго читателя изъ народной среды. Изложеніе книги живое и она читалась бы очень легко, если бы не трудные, недоступные пониманію средняго читателя изъ народной среды термины и выраженія, которыми испещрена книга. Издана книга хорошо и снабжена многочисленными рисунками; приложенныя къ тексту карты исполнены не важно. *М. Б.*

«Корея. (Страна утренней ясности)». Составила В. Колокольникова. Изданіе Панафидина. Москва. 1900 г. Цѣна 10 коп. Стр. 24. Корея—ближайшая сосѣдка Китая, Японіи и Россіи, — привлекла къ себѣ вниманіе европейцевъ со времени японско-китайской войны. Появленіе книжки, посвященной описанію этой небольшой страны теперь въ виду китайскихъ событій вполнѣ умѣстно, такъ какъ она можетъ служить дополненіемъ къ описанію Китая. По своему государственному устройству и по многимъ особенностямъ культуры, Корея тѣсно связана съ своей сосѣдкой китайской имперіей. Г-жа Колокольникова въ своей книжкѣ чрезвычайно просто и непритязательно сообщаетъ географическія свѣдѣнія о Корейскомъ полуостровѣ, устройствѣ его поверхности,

климатѣ, флорѣ и фаунѣ, а также объ ископаемыхъ богатствахъ; описываетъ жителей Кореи, ихъ нравы и обычаи, устройство жилищъ, деревни и города, разсказыветъ о религіи и суевѣріяхъ корейцевъ, приводя корейское сказаніе о переселеніи душъ и богатыряхъ, и, наконецъ, описываетъ государственное устройство Кореи и ея отношенія къ Китайской имперіи, Японіи и Россіи. Описаніе Кореи занимаетъ такъ мало мѣста, что всѣ сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія отличаются чрезвычайной краткостью, но это не лишаетъ, однако, книжку извѣстной содержательности и занимательности. *М. Б.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го сентября по 15-ое октября 1900 г.).

Л. Вольтманъ. Историческій матеріализмъ. Излож. и критика марксистскаго міросозерцанія. Перев. съ нѣм. подъ ред. д-ра философіи М. Филиппова. Спб. Изд. Зябицкаго и Пятина. 1901 г. Ц. 1 р. 35 к.

П. Вейзенгрюнъ. Конецъ марксизма. Спб. 1901 г. Изд. Зябицкаго и Пятина. Ц. 40 коп.

Антоніо Лабріола. Историческій матеріализмъ и философія. Перев. съ франц. Изд. Зябицкаго и Пятина. Спб. Ц. 75 к.

Баденъ-Поуэллъ. Происхожденіе и развитіе деревенскихъ общинъ въ Индіи. Перев. съ англ. Н. Кончевской. М. 1900 г. Ц. 70 коп.

Луи Брентано. Классическая политическая экономія. Перев. съ нѣм. И. Бѣлявскаго. Спб. 1900 г. Изд. Зябицкаго и Пятина. Ц. 20 к.

Указатель къ межевой картѣ Мышк. уѣзда. Ярославль. 1900 г.

Геффдингъ. Исторія новѣйшей философіи. Пер. съ нѣм. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Т. III. (Озерная область). Изд. А. Девріена. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 90 коп.

Поль Бэръ. Божій Міръ. Въ бесѣдахъ и картинахъ. Годъ приготовит.; годъ первый; годъ второй. Вып. I и II. Перев. съ франц. Е. Чижовымъ. Изд. «Посредникъ». Ц. г. пр. 15 к., годъ I 30 к., годъ II, вып. I 40 к. и вып. II 40 к.

Отвѣтъ мертвеца. Разсказъ. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. 1½ к.

Отчетъ о дѣятельности кружка любителей художествен. чтенія и музыки въ С.-Петербургѣ. 1899—1900 гг. Спб. 1900 г.

М. И. Покровской. Воспитаніе здоровыхъ привычекъ. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Отчетъ за 1898 г. Естественно-историческій музей Полт. губ. земства. Полтава. 1899 г.

В. Бекетовъ. Опредѣленіе механич. состава почвы и свойствъ ея по отношенію къ водѣ. Изд. К. Тихомирова. М. Ц. 20 к.

С. Т. Семеновъ. Супротивникъ. Изд. «Посредникъ». М. 1900 г. Ц. 3 к.

М. Горькій. Дружки. М. Изд. «Посредника». 1900 г. Ц. 1½ к.

А. Додэ. Крушеніе корабля и другіе разсказы. Перев. В. Микуличъ. М. Изд. «Посредника». 1900 г. Ц. 1½ к.

И. Горбуновъ-Посадскій. Бѣлый гость и другіе притчи и разсказы. М. Изд. «Посредника». 1900 г. Ц. 1½ к.

Томсона. Подарокъ пруссака. Перев. съ англ. С. О. М. Изд. «Посредника». 1900 г. Ц. 1½ к.

Малымъ ребятамъ. Разсказы и стихи. М. Изд. «Посредника». 1900 г. Ц. ½ к.

И. Д. Арскій. По рельсамъ и шпаламъ. Харьковъ. 1900 г. Ц. 50 к.

П. Добротворскій. Простая душа. М. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

И. Горбуновъ-Посадскій Притчи и разсказы. М. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

Всеволодъ Гаршинъ. Сказаніе о гордомъ Агеѣ. М. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

Джезиппо Моро. Бѣлая мышка. М. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

В. Б. Пойдемъ за Нимъ! Сборникъ стихотвореній. М. Изд. «Посредника». Ц. 3 к.

П. Хотымскій. Гришка и Дабытчикъ. М. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

В. Львовъ. Верблюдъ и сѣверный олень. М. Изд. «Посредника». Ц. 1½ к.

В. Саводникъ. Е. А. Баратынскій. 1800—1900 гг. М. 1900 г. Ц. 1 руб.

Статистическій очеръ по Яросл. губ. Вып. 7-й. Изд. губ. земск. упр. Ярославль. 1900 г.

Предположенія Яросл. губ. зем. управы объ основаніяхъ оцѣнки земель Мышкинскаго уѣзда. Ярославль. 1900 г.

Оцѣнка недвижимыхъ имуществъ города Мышкина. Ярославль. Изд. губ. зем. управы. 1900 г.

Журналы Ярославск. губ. оцѣночной коммиссіи за 1899 г. Ярославль. 1900 г.

Г. Генкель. Ребъ Дувидъ. Спб. 1900 г. Изд. Зяблицкаго.

П. И. Кедровъ. Условія труда и жизни служащихъ въ аптекахъ фармацевтовъ. Воронежъ. 1900 г.

Его же. Современная организація Московскаго работнаго дома. Воронежъ. 1900 г.

И. Горбуновъ-Посадскій. Русскій сельскій календарь на 1900 г. Ц. 20 к.

Графа Л. Н. Толстого. Смерть Ивана Ильича. М. Изд. «Посредника». 1900 г. 6 коп.

Аполлонъ Коринфскій. Д. Н. Садовниковъ и его поэзія. Спб. Изд. Сойкина.

М. Я. Герценштейнъ. Реформа ипотечнаго кредита въ Германіи. Изд. Комитета съѣздовъ предст. учрежд. русск. земельн. кредита. Спб. 1900 г.

Земск. врачъ У. А. Флеровъ. Распоряд. собранія всероссійск. пироговскихъ съѣдовъ. Изд. И. И. Ѳомина. Харьковъ. 1900 г. Ц. 35 к.

Ѳ. Крыштофовичъ. Сушеніе фруктовъ на солнцѣ и приготовленіе изюма. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1900 г. Ц. 50 коп.

Сельско-хозяйственный обзоръ. Вятск. губ. за 1900 г. Вып. I. Вятка. 1900 г.

Д. Ризовъ. Романо-бѣлградскій конфликтъ. Софія. 1900 г.

Краткій сельскохозяйствен. обзоръ. Харьк. уѣзда. Харьковъ. 1900 г.

Врача П. Праздникова. Дурная болѣзнь. Вятка. 1900 г. 5 к.

И. Горбуновъ - Посадскій. Народный календарь на 1001 г. Ц. 5 к.

Густавъ Карпелесъ. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмецк. С. Гринберга. Вып. 2-й. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.

Делавиль. Элементарная греко-римская миѳологія. Перев. П. Первовъ. Изд. К. Тихомирова. М. 1900 г. Ц. 60 коп.

Фуртье и Мольтеки. Научныя демонстраціи при помощи волшебнаго фонаря. Перев. М. П. Воскресенскаго. М. 1900 г. Ц. 1 руб.

Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе И. Тэна. Перев. съ франц. Е. И. Герье. Изд. К. Солдатенкова. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Врачъ В. В. Рахмановъ. Общедоступный лѣчебникъ. М. Изд. «Посредника» 1900 г. Ц.

И. Вороновъ. Къ вопросу о школьныхъ помѣщеніяхъ. Воронежъ. 1900 г.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской Коммиссіи народныхъ чтеній за 1899 г. Харьков. 1900 г.

Р. Н. Поляковъ. Каковы наши искусствен. минеральн. шипучія воды и сиропы. Одесса. 1900 г.

Отчетъ Борисоглѣбск. публичн. библіотеки за 1900 г. Борисоглѣбскъ. 1900 г.

В. П. Сахаровъ. О запрещеніи браковъ въ родствѣ. Вып. Екатеринославль. 1899 года. Ц. 80 коп.

Ежегодникъ. Физико-математическій. Изд. Кружка автоповъ «Сборникъ въ помощь самообразованію». Годъ I. М. 1900 г. Ц. 2 р. 25 к.

Отчетъ о дѣятельности Петропавловск. санитарнаго попечительства за 1898 и 1899 годовъ. Одесса. 1900 г.

Монтескье. О духѣ законовъ. Пер. съ франц. подъ ред. А. Горнфельда со вступительн. статьей М. М. Ковалевскаго. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1900 г. Ц. 4 руб.

В. Гиляровскій. Негативы. М. 1900 г. Ц. 75 коп.

В. П. Алексѣевъ. Русская исторія въ разсказахъ для школъ и народа. М. Изд. Т-ва Сытина. 1900 г. Ц. 8 коп.

Нернстъ и Шенфлисъ. Собраніе формулъ, относящихся къ дифференціальн. и интегральн. исчисленіямъ. Перев. подъ ред. А. В. Васильева. Изд. Ненашева. М. 1900 года. Ц. 40 коп.

Л. Вольтманъ. Теорія Дарвина и соціализмъ. Перев. съ нѣмецк. М. М. Филиппова. Изд. Зябицкаго и Пятина. Спб. 1900 г. Ц. 1 р 25 к.

Врача В. П. Успенскаго. Докладъ совѣщаній врачей и предсѣдатель земскихъ управъ. Воронежъ. 1900 г.

Описаніе коллекцій естественно-историч. музея полт. губ. земства. Полтава. 1900 г.

Врачъ. П. Н. Соколовъ. Бесѣды о скарлатинѣ и дифтеритѣ. Изд. сарат. губ. земства. Саратовъ. Ц. 5 коп.

Статистическій обзоръ экономическаго положенія крестьянскаго населенія Орл. у., Вятск. губ. за 1899 и 1900 гг. Вятка. 1900 г.

И. Я. Неклепаевъ. Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. Спб. 1900 г.

Продовольственный отчетъ аккерманскаго земства. Аккерманъ. 1900 г.

Литературная хрестоматія для всѣхъ. Т. I. Вып. I. Изд. акціонерн. южно-русск. об-ва печатнаго дѣла. Одесса. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эмиля Дюркгейма. О раздѣленіи общественн. труда. Перев. съ франц. П. Юшкевича. Одесса. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Генри Джефсонъ. Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Перев. съ англ. Н. Н. Мордвиновой. Подъ ред. проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Т. I. Спб. 1901 г.

Годичный отчетъ Императорск. московск. общества испытателей природы за 1899—1900 гг. М. 1900 г.

Н. Г. Вороновъ. Опытъ сравнительной исторіи Европы. М. 1900 г. Ц. 2 руб.

Стенографическій отчетъ засѣданій очереднаго Тверск. губернск. земск. собранія сессіи 1899 г. Тверь. 1900 г. Изд. губ. зем. упр.

Петръ Резеггеръ. Разсказы. Перев. съ нѣмецк. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901 г. Ц. 15 коп.

По книгѣ П. Ганзена. Трудовая помощь въ въ скандинавскихъ государствахъ. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901. Ц. 20 к.

А. Ш. Рабство въ древнемъ Римѣ. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901. Ц. 10 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Things Scen: Impressions of Men, Cities and Books» by G. W. Steevens (*Blackwood and Sons*). (*Видънное: впечатлънія, произведенныя людьми, городами и книгами*). Талантливый авторъ этой книги погибъ отъ эпидеміи въ Ледисмитѣ, во время осады. Онъ считался однимъ изъ самыхъ талантливыхъ корреспондентовъ и въ теченіе своей журналистской карьеры видѣлъ и наблюдалъ очень многое. Онъ былъ спеціальнымъ корреспондентовъ газеты «Daily Mail» во время греко-турецкой и испано-американской войны, сопровождалъ Омдурманскую экспедицію и теперь отправился въ Южную Африку, гдѣ и нашелъ преждевременную могилу. Книга его заключаетъ въ себѣ интересный и разнообразный матеріалъ, такъ какъ авторъ не только разсказываетъ о событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, но и о современныхъ выдающихся и извѣстныхъ людяхъ, съ которыми ему приходилось вступать въ сношенія, и о книгахъ, вызвавшихъ какое-либо движеніе общественнаго мнѣнія.

(Bookseller).

«Discours aux Etudiants» (*Colin et C°*). (*Рѣчи къ студентамъ*). Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, студенты парижскаго университета основали общество «Association Générale» съ цѣлью самообразованія, кооперацiи и поощренія товарищескихъ отношеній. На ежегодный банкетъ этой ассоціаціи и различныя собранія приглашаются обыкновенно выдающіеся литераторы, ученые и художники, и рѣчи, произнесенныя по этому поводу разными современными знаменитостями, собраны въ этой брошюрѣ и рекомендуются вниманію читателей. Между прочимъ, въ брошюрѣ напечатаны рѣчи Ренана, Пастёра, Жюля Симона, Сюлли Прюдома, Жюля Ферри и мн. др.

(Temps).

«South Africa» by Professor Douglas Mackenzie. (*Horac Marshall and Son*). (*Южная Африка*). Это прекрасно написанная и интересная исторія Южной Африки раздѣляется на четыре тома. Въ первомъ томѣ описывается климатъ, исторія и промышленность Южной Африки, а также наиболѣе выдающіеся дѣятели этой страны и наиболѣе важныя событія; нѣсколько главъ спеціально посвящены дѣятельности миссіонеровъ. Второй томъ исключительно посвященъ Сесилю Родсу и его дѣятельности въ Южной Африкѣ, а третій—президенту Крюгеру. Въ послѣднемъ томѣ говорится о войнѣ и послѣднихъ событіяхъ южноафриканской исторіи. Книга заканчивается на выступленіи англійскихъ войскъ въ Преторію. Во всѣхъ четырехъ томахъ заключается до 80 портретовъ и фотографическихъ снимковъ.

(Bookseller).

«Boticelli and his School» by Conht Plunkett, with illustrations ox all the Known works of Boticelli. (*George Belland Sons*). (*Ботичелли и его школа*). Въ книгѣ заключается подробное изслѣдованіе произведеній знаменитаго итальянскаго художника Ботичелли и описаніе его жизни. Въ числѣ иллюстрацій находятся воспроизведенія нѣсколькихъ картинъ Ботичелли, составляющихъ частную собственность и поэтому неизвѣстныхъ публикѣ и ни разу не описанныхъ ни въ одномъ изъ сочиненій, посвященныхъ этому художнику. Авторъ подробно изучаетъ значеніе Ботичелли, какъ художника и его вліяніе.

(Bookseller).

«Human Personality and its Survival of bodily Death» by Frederick. W. H. Myers 2 vols. (*Longmans, Green and C°*). (*Человѣческая личность и ея переживаніе тѣлесной смерти*). Эта книга, написанная президентомъ общества психическихъ изслѣдованій, заключаетъ въ себѣ собраніе отвѣтовъ, наблюденій, фактовъ и разсказовъ, иллюстрирующая безсознательную дѣятельность головного мозга. Авторъ изслѣдуетъ различныя проявленія этой дѣятельности во снѣ и на яву и приводитъ примѣры, указывающіе на продолженіе жизни души послѣ того, какъ всѣ жизненныя отправленія организма уже прекратились. Цѣль автора — включить въ область экспериментальной психологіи такія явленія и факты,

которые до сихъ поръ наука всегда игнорировала, между тѣмъ какъ предметъ этотъ достаточно созрѣлъ для серьезнаго научнаго изслѣдованія и обсужденія.

(Bookseller).

«*The Child: A study in the evolution of Man*» *by D-r. Aletander Francis Chamberlain, Lectures on Anthropology in Clark University, Worcesles. Mars. (Havelock Ellis: The Conrемporary Science Series). (Дитя: изслѣдованіе эволюціи человѣка).* Книга представляетъ цѣнный вкладъ въ литературу, посвященную изслѣдованію человѣческой эволюціи. Съ точки зрѣнія этой эволюціи, научное изученіе ребенка очень важно и поэтому авторъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, занимался этимъ и теперь обнародовалъ результаты своихъ долговременныхъ наблюденій и изслѣдованій.

(Bookseller).

«*The Autobiography of a Charwoman*» *aschronided by Annie Wakeman, with 6 fall-page illustrations. Price 6 s. (Macqueen). (Автобіографія поденщицы).* Интересная книга, знакомящая читателя съ внутреннею жизнью рабочихъ классовъ; она написана женщиной, принадлежащей къ этому классу и поэтому представляетъ сроего рода научный человѣческій документъ, заставляющій призадуматься надъ многими вопросами современной соціальной жизни.

(Academy).

«*The Science of Civilisation*» *by C. B. Phipson. (Swan Sonneschien). (Исторія цивилизаціи).* Очень цѣнный трудъ, излагающій принципы промышленнаго, земледѣльческаго и коммерческаго прогресса и благосостоянія.

(Academy).

«*In den Sternenbanner Republik*» *Reise Errinerungen von D-r Carlo Gardini. (Въ республикѣ звѣзднаго знамени).* Увлекательно написанные путевые очерки развертываютъ передъ читателемъ картину жизни и природы Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Особенно интересна глава, поовященная мормонамъ, а также поѣздкѣ въ Калифорнію. Авторъ очень подробно описываетъ американскіе университеты и коллегіи, которые онъ посѣтилъ. Къ тексту приложено множество иллюстрацій.

(Frankfurter Zeitung).

«*America's Working People*» *by M. Spohr. (Longmans). (Американское рабочее населеніе).* Авторъ написалъ прекрасную книгу, очень занимательную и въ то же время представляющую научный интересъ, такъ какъ въ ней затронуты весьма серьезные экономическіе вопросы. Горячо любя свою страну, авторъ однако не лишенъ способности различать недостатки ея организаціи и одинаково безпристрастно описываетъ темныя и свѣтлыя стороны американской жизни. Книга проникнута гуманнымъ чувствомъ, производящимъ впечатлѣніе на читателя.

(Daily News).

«*American Inventions and Inventors*» *by William A. Mowry and Arthus May Mowry. New-York. (Silvr Burdett and C°). (Американскія изобрѣтенія и изобрѣтатели).* Значеніе промышленнаго развитія въ жизни американскаго народа достаточно хорошо извѣстно и, по словамъ авторовъ книги, оно выражается въ стремленіи американцевъ къ изобрѣтеніямъ всякаго рода. Въ исторіи изобрѣтеній послѣднихъ лѣтъ американцамъ, конечно, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Книга раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ и въ каждомъ разсказывается исторія изобрѣтеній, относящихся къ этому отдѣлу; такъ, напр., въ отдѣлѣ «свѣтъ и освѣщеніе», описаны всѣ новѣйшія изобрѣтенія и усовершенствованія электрическаго освѣщенія и т. д.

(The Chautauquan).

«*In Ghostly Japan*». *By Lafcadis Hearn. Imperial University Tokkio (Brown and C°). Boston. (Японскія привидѣнія).* Подъ такимъ заглавіемъ извѣстный авторъ, очень много писавшій о Японіи и познакомившій европейскихъ читателей съ духовною жизнью страны и всѣми ея особенностями, собралъ и напечаталъ рядъ очерковъ, описывающихъ соціальныя привычки и религіозные предразсудки японскаго народа. Нѣкоторые изъ разсказовъ, иллюстрирующихъ эти предразсудки и суевѣрія, обнаруживаютъ такое богатство народной фантазіи, которое невольно поражаетъ европейскаго читателя. Вообще всѣ очерки читаются съ захватывающимъ интересомъ, такъ какъ раскрываютъ одну изъ самыхъ любопытныхъ сторонъ японскаго характера и японской жизни.

(The Chautauquan).

«*The Antarctic: its Geography, Exploration, Superficial and Geological Structure Climate, Flora and Fauna, by D-r Karl Fricker, with numerous illustrations. (Антарктическая область).* Авторъ знакомитъ читателей съ результатами послѣднихъ изслѣдованій антарктической области, и разсказываетъ о прежнихъ и нынѣшнихъ экспедиціяхъ къ южному полюсу.

(Bookseller).

«*Trois ans à la cour de Perse*» *par le docteur Feuvries. (Три года при персидскомъ дворѣ).* Авторъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ приближеннымъ шаха и въ качествѣ таковаго могъ ознакомиться не только съ интимною жизнью персидскаго двора, но и съ такими сторонами персидской жизни, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ взоровъ путешественника. Свое повѣствованіе авторъ дополняетъ многочисленными фото-

графическими снимками и набросками, сдѣланными имъ самимъ, и даетъ такимъ образомъ весьма полное представленіе о народѣ. (Revue de Paris).

«Les races et les peuples de terre» par J. Deniker. (Schleicher frères) Расы и народы земли). Авторъ собралъ въ своей книгѣ результаты современныхъ антропологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій. Интересующіеся этими научными вопросами найдутъ въ книгѣ огромный матеріалъ и полныя указанія.

(Journal des Débats).

«The Struggle for Success» by A. Stodart Walker. London. (Grant Richards) Price: 6 s. (Борьба за успѣхъ). Въ книгѣ изслѣдуются условія соціальнаго успѣха въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и притомъ съ точки зрѣнія эволюціи. Многое изъ того, что говоритъ авторъ, заслуживаетъ вниманія читателей. (Daily News).

«Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte». Erstes Theil. Das Alterthum. Von Hans Delbrück. Berlin (Georg Stilke). (Исторія военнаго искусства въ рамкахъ политической исторіи). Военное искусство можетъ существовать только въ организованномъ культурномъ государствѣ—такова точка зрѣнія автора, ученаго историка, который относитъ такимъ образомъ начало высшаго искусства къ эпохѣ персидскихъ войнъ. Какъ и всякое другое искусство, военное искусство также подлежитъ законамъ развитія, но эти законы тѣсно связаны съ народною жизнью и организаціей народнаго войска. Авторъ старательно отдѣляетъ легенды отъ дѣйствительности и изслѣдуетъ взаимное отношеніе политической исторіи народа и развитія военнаго искусства.

(Frankfurter Zeitung).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

X-й г. изд. **МІРЪ БОЖІЙ.** X-й г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 28 печ. листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала «МІРЪ БОЖІЙ»—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе. Имѣя въ виду не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность слѣдить за движеніемъ современной мысли и пріобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, историческимъ и общественнымъ.

Въ 1901 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Отдѣлъ I. Беллетристика. Стихотворенія гг. Allegro, Бунина, Колтоновскаго, Ладыженскаго, Маковскаго, Тана, Чюминой; «Сирота», повѣсть **М. Альбова**; «Инженеры», романъ **Н. Гарина**; «Современная помѣщица Коробочка и ея хозяйство», деревенскіе очерки **Лид. Нелидовой**; «Янгъ-Хунъ-цзы» («Заморскій чортъ»), разск. **А. В. Потаниной и Вацл. Сѣрошевскаго**; «Изъ гимназической жизни» (очерки недавняго прошлаго), **А. Яблоновскаго**; «Записки студента Павлова», разск. **С. Юшкевича**: повѣсть **И. Потапенки**. Разсказы **Бунина, Тана, Яблоновскаго, Потапенко, Станюковича** и др.—Переводные романы: «Незамѣтныя жизни», **Сам. Гордэна**, изъ общ. жизни, Англіи, пер. съ англ.; «Неудачникъ», съ датскаго, **Іонаса Ли**.

Отдѣлъ II. Научныя статьи и сочиненія. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ: «Атомъ и кристаллъ», **В. Агафонова**; статья **проф. Амалицкаго**; «Историческій очеркъ геологическихъ знаній», **проф. Павлова**.—ИСТОРІЯ: «Очерки исторической мысли въ XIX в.», **проф. Виппера**; «Возрожденіе и гуманизмъ», историческій очеркъ, **А. Джживелегова**; «Очерки по исторіи русской культуры» (продолженіе ч. III), **П. Милюкова**; «Адольфъ Тьеръ», историко-біографическій очеркъ **Ев. Тарле**; «Умственная жизнь во Франціи отъ эпохи Возрожденія до XIX в.», историческій очеркъ **Ев. Тарле**.—КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ: «Польская молодая литература» (современные польскіе беллетристы), **Ев. Дегена**; «Новалисъ—поэтъ голубого цвѣтка» и «Гофманъ—поэтъ-сказочникъ», два очерка изъ исторіи романтизма, **Ев. Дегена**; «На рубежѣ столѣтій» (просвѣтительное движеніе русской литературы XIX в.) **В. Острогорскаго**; «Искусство на всемірной выставкѣ въ Парижѣ», **Вл. Стасова**; «Актеры, театръ и публика въ изображеніи Островскаго», **А. Ѳомина**; «Эволюція нѣмецкой художественной литературы въ XIX в.», **М. Г.**—ФИЛОСОФІЯ: «Очеркъ первобытной философіи», **Л. Кржививцкаго**; «Кантъ и его значеніе для современной философіи», **проф. Г. Челпанова**.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ: «Портреты изъ общественной исторіи Англіи», **Л. Давыдовой**; «Аграрный вопросъ на Западѣ», **І. Давыдова**; «Историческій матеріализмъ», **П. Струве**; «Очерки изъ исторіи политической экономіи», **М. Туганъ-Барановскаго**; «Еврейскій пролетаріатъ въ Галиціи и Англіи», **Б. Вольфензона**.—ПУБЛИЦИСТИКА И РАЗНЫЯ СТАТЬИ: «Наканунѣ

реформы» (по поводу реформы средней школы), мысли и наблюденія педагога, Н. П.: «Англія и Индія», Т. Богдановичъ. — ПЕРЕВОДНЫЯ ЦѢЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ: «Исторія хозяйственнаго быта въ связи съ соціальными ученіями до французской революціи 1789 г.», проф. Георга Адлера, пер. съ нѣм. подъ ред. П. Струве; «Въ страну ламъ» (путешествіе по Китаю и Тибету), Вильяма Рокхилла, пер. съ англ. подъ ред. В. Агафонова.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Отчеты о болѣе выдающихся произведеніяхъ и книгахъ, русскихъ и иностранныхъ.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и фактахъ русской текущей жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, съѣздахъ, дѣятельности разныхъ обществъ, и т. п.

Изъ русскихъ журналовъ. Содержаніе болѣе выдающихся статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, различныхъ культурныхъ явленіяхъ, выставкахъ и т. п. на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Содержаніе болѣе интересныхъ для русскихъ читателей статей, напечатанныхъ въ иностранныхъ журналахъ.

Научный обзоръ. Статьи и сообщенія по разнымъ вопросамъ естествознанія и техники, написанныя спеціалистами. Дополненіемъ къ нему служатъ **научныя новости**, составляемыя по иностраннымъ и русскимъ журналамъ.

Библіографическій Отдѣлъ. Рецензіи и отзывы о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно - спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще - образованныхъ читателей. — **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по иностраннымъ библіографическимъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о болѣе важныхъ или интересныхъ книгахъ, появляющихся за границей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . .	8 руб.
Безъ доставки на годъ	7 »
За границу на годъ	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода . 4 р.

За границу . . . . 5 »

Безъ доставки по соглашенію съ конторой.

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:

въ январѣ . . . . 3 р.

» апрѣлѣ . . . . 3 »

» августѣ . . . . 2 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной платы.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

съѣсть немного хлѣба. Затѣмъ она принесла свою чашку и усѣлась на коврикѣ, у ногъ Элеоноры.

— Я знаю, о чемъ вы думаете,—сказала она, глядя вверхъ со своей мимолетной кроткой улыбкой. — Вы хотите уѣхать скорѣе прочь отсюда.

— Можемъ ли мы довѣрять ему?—жалобно выговорила Элеонора.—Эдуардъ не знаетъ, гдѣ онъ, но вѣдь онъ каждую минуту можетъ написать Эдуарду.

Она отвернулась, чтобы Люси не могла видѣть ея лица, при каждомъ напоминаніи о Мэнистеѣ покрывавшагося краской стыда — стыда побѣжденнаго, который живетъ лишь по милости побѣдителя.

— Можетъ,—въ раздумьи выговорила Люси.—Но вѣдь вы же просили его? Нѣтъ, я не думаю, чтобы онъ написалъ. Я увѣрена, что душа его прекрасна, какъ и его лицо.

— Бѣдный, вы не знаете, какъ онъ измѣнился!

— Да, вѣдь карабинеръ сказалъ мнѣ вчера, — онъ отлученъ отъ церкви, — шепнула Люси.

И она передала свой разговоръ съ красавцемъ Антоніо, а Элеонора разсказала, какъ съ нимъ обошлись дѣти.

— Это все изъ-за его книги,—нахмурясь сказала Люси.—Что за тираннія!

Онѣ обѣ замолкли. Люси думала о поѣздкѣ въ Неми, о словахъ и взглядахъ Мэнистея; Элеонора вспомнила послѣдній визитъ священника на виллу и тайную бурю страсти, охватившую ее послѣ его ухода.

Но когда Люси стала соображать, что могло произойти съ отцомъ Бенеке, Элеонора едва отвѣчала ей. Она впала въ какую-то сонную молчаливость, побороть которую было очень трудно. Для Люси было совершенно очевидно, что личное горе отца Бенеке мало интересовала ее. Ничему постороннему не было мѣста въ ея душѣ. Она была вся всецѣло поглощена жгучимъ вопросомъ, могутъ ли онѣ чувствовать себя въ безопасности въ Торре Аміата, или надо складывать пожитки и ѣхать дальше.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

День выпалъ знойный, и Элеонора замѣтно страдала отъ жары, хотя воздухъ оставался чистымъ и свѣжимъ, и Люси, въ тѣни широкой *лоджіи*, не испытывала ничего, кромѣ остраго физическаго наслажденія отъ яркихъ красокъ и ослѣпительнаго свѣта, которымъ было залито все вокругъ.

Онѣ только что позавтракали, и Люси усѣлась на наружной стѣнѣ *лоджіи*, господствовавшей надъ частью дороги, что возлѣ монастыря, какъ вдругъ она замѣтила человѣческую фигуру, поднимавшуюся по тропинкѣ на холмъ.

— Вонъ идетъ отецъ Бенеке!—сказала она Элеонорѣ.—Трудно ему карабкаться на гору въ этакую жару! Вы, кажется, говорили, что онъ ушелъ въ Сельвапенденте? Бѣдный старикъ! какъ ему должно быть жарко! у него такой утомленный видъ! И еще этотъ тяжелый узелъ!

Люси помѣстилась такъ, чтобъ ея самой не было видно, и стала слѣдить за священникомъ. Войдя въ послѣднюю полосу тѣни, онъ остановился перевести духъ послѣ долгаго восхожденія. Онъ положилъ свой узелъ на камень, вытащилъ большой цвѣтной носовой платокъ изъ кармана и, тяжело вздыхая, отеръ потъ съ лица, потомъ уперся руками въ бока и осмотрѣлся кругомъ. Какъ разъ напротивъ его былъ небольшой алтарь съ грубыми фресками и Мадонной на тронѣ за рѣшеткой. Священникъ перешелъ черезъ дорогу и опустился на колѣни.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и взялъ свой узелъ. Люси видѣла, какъ онъ, входя въ монастырскія ворота, нервно оглядывался вправо и влѣво. Но его опасенія были напрасны. Былъ часъ отдыха, *сіесты*, и его давешніе мучители сидѣли по домамъ.

Узелъ, который онъ несъ въ рукѣ, немного растрепался отъ долгой дороги, и Люси могла разсмотрѣть, что въ немъ были какія-то принадлежности костюма,

— Бѣдный!—повторила Люси, обращаясь къ Элеонорѣ.—Нельзя ли раздобыть кого-нибудь, кто бы помогъ ему нести этотъ узелъ—какого-нибудь мальчишку, что ли? Какъ мнѣ хотѣлось бы усадить его здѣсь, чтобы онъ отдохнулъ, и напоить его кофе, не послать ли намъ Чекко пригласить его сюда?

Элеонора покачала головой.

— Лучше не надо. Да онъ и не придетъ. Его придется приручать, какъ птицу.

Время шло. Солнце начало заглядывать и въ *лоджію*, съ запада. Въ просторныхъ кельяхъ на восточной сторонѣ монастырскаго зданія было теперь прохладно, но онѣ выходили на внутренній дворъ монастыря, пріютъ играющихъ дѣтей и всѣхъ обитателей фермы. Элеонора же избѣгала и шума, и многолюдства. А между тѣмъ она обнаруживала все большее безпокойство и, видимо, изнывала отъ жары. Люси сбѣгала разузнать, куда бы укрыться отъ солнца и, возвратившись, предложила прогулку въ лѣсъ.

Онѣ храбро прошли нѣсколько шаговъ по большой дорогѣ на самомъ припекѣ и свернули вправо, пробираясь по узенькой тропинкѣ сквозь густую поросль вереска и ежевики къ тому, что казалось имъ прохладной чащей лѣса.

Неожиданно онѣ очутились передъ небольшой калиткой, за которой лежала довольно широкая расчищенная тропинка, извивавшаяся зигзагами по лѣсистому склону холма.

— Это, должно быть, частный паркъ,—сказала Элеонора, нерѣшительно поглядывая на калитку.—А тамъ, видите, палаццо Гверини.

Она указала рукой туда, гдѣ, въ просвѣтѣ между деревьями, виднѣлось огромное желтое зданіе на краю небольшого плато. Лѣсъ, карабкаясь по крутому откосу, протягивалъ свои объятія этому зданію и уже охватывалъ его снизу.

— Ну, такъ что же?—возразила Люси.—Это намъ не мѣшаетъ. Гверини насъ не выгонятъ, если это ихъ паркъ. Не идти же опять на припекъ. Этого я допустить не могу.

И она увлекала за собой Элеонору, ища тѣнистаго мѣстечка для отдыха.

Но вдругъ она запнулась, тихонько вскрикнула, и обѣ остановились въ удивленіи при видѣ страннаго и прелестнаго зрѣлища, неожиданно открывшагося передъ ними.

— Я знаю!—вскричала Люси.—Такъ вотъ о чемъ мнѣ пыталась разсказать та женщина, въ монастырѣ,—а я-то никакъ не могла понять! Она говорила, что намъ необходимо посмотрѣть «*Sassetto*»—что это чудо—и что всѣ иностранцы имъ восхищаются. И это, дѣйствительно, чудо. И какъ здѣсь прохладно!

Съ самаго гребня холма, въ эпоху, когда еще не народился человѣкъ, страшная сила какого то первобытнаго переворота низвергла потокъ лавы и сплавленныхъ камней къ самому ложу Пальи. И потокъ уцѣлѣлъ до сего дня—каменная рѣка изъ огромныхъ глыбъ базальта, широкая, крутая стремнина, ярдовъ въ двѣсти шириной, ниспадающая черезъ весь лѣсъ, отъ вершины холма до подножья.

Суровъ и угрюмъ былъ бы видъ этого каменнаго потока, еслибъ не Италія и не могучая сила итальянскаго солнца. Но лѣсъ и всякая лѣсная поросль, верескъ и ползучія травы, папоротники и барвинки и мхи съ лишаями накинулись на застывшую лаву, прикрыли и смягчили рѣзкость ея очертаній, выгнали изъ разсѣлинъ въ базальтѣ высокіе дубы и сосны и каждую трещинку убрали воздушной перистой зеленью, и мало-по-малу, въ мягкомъ освѣщеніи лѣса все, что было ужасомъ, стало прелестью и сама природа превратила свою причуду въ поэзію.

На всемъ «*Sassetto*» царила особая, восхитительная прохлада смѣшанное дыханіе горъ и лѣса. Дорожка, по которой шли Люси съ Элеонорой, очевидно, стоившая много денегъ и труда, бѣжала извивами, то выходя наружу, то прячась между камнями. Скоро стали по-

падаться, и довольно часто, сѣрыя гранитныя скамьи по бокамъ ея.

— Вотъ гдѣ намъ надо жить! — въ восторгѣ вскричала Люси. — Присядьте, дайте, я подстелю вамъ платокъ—вотъ здѣсь—отсюда видна рѣка.

Онѣ повернули за уголъ. Люси, взоръ которой былъ устремленъ въ голубую даль, въ сторону Орвіето, услыхавъ торопливый шепотъ Элеоноры, обернулась и увидала отца Бенеке, поднимающагося со скамейки напротивъ.

Увидала и вздрогнула отъ неожиданности. Священникъ стоялъ передъ ними, растерянный, жалкій, съ яркой краской на впалыхъ щекахъ. На немъ уже не было одежды, присвоенной его сану. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрую пару изъ альпага и шляпу тонкой соломы, съ широкой черной лентой. Обѣ женщины смотрѣли на него въ нерѣшимости, почти боясь заговорить съ нимъ.

Но минуту спустя Люси подбѣжала къ нему, сверкая влажными глазами и пылая румянцемъ.

— Какъ ваше здоровье, отецъ Бенеке? Вы меня не помните, но мы съ вами знакомы; насъ познакомили за завтракомъ—помните—на Авентинскомъ холмѣ?

Священникъ взялъ протяную руку и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Люси.

— Да—я помню—вы были съ миссъ Мэнистей.

— Мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ вы позвали меня сегодня утромъ! — неожиданно вскричала дѣвушка.—Я помогла бы вамъ донести этотъ узелъ. Вамъ слишкомъ тяжело было тащить его на гору, въ такую жару.

Лицо ея выражало нѣжное пламенное сочувствіе и вмѣстѣ страстное негодованіе—дань юности несправедливо оскорбленному преклонному возрасту. Элеонора была удивлена не меньше отца Бенеке. Куда дѣвалась чопорная сдержанность Люси?

Священникъ сдѣлалъ усиліе, чтобы овладѣть собой и, улыбаясь, отнялъ свою руку.

— Путь показался бы вамъ долгимъ, синьорина. Я пытался найти въ Сельвапенденте мальчика, который бы взялся нести мои вещи, но ни одинъ не захотѣлъ.

Онъ помолчалъ минутку, потомъ продолжалъ, видимо неохотно заставляя себя говорить и не подымая глазъ:

— Я лишенъ сана, и Орвіетскій епископъ оповѣстилъ объ этомъ всѣхъ своихъ викаріевъ. Эта вѣсть скоро разнеслась по округѣ и теперь меня, кажется, ненавидятъ. Для меня никто ничего не хочетъ сдѣлать. Хуже того, каждый охотно обидѣлъ бы меня, еслибъ могъ.

Краска сбѣжала со щекъ старика. Онъ стоялъ съ непокрытой головой, и тонзура явственно выдѣлялась среди густыхъ еще сѣдыхъ кудрей. Съ этими кудрями и тонкими чертами лица онъ казался изваяніемъ изъ слоновой кости и серебра на фонѣ густой тѣни «*Sassetto*».

— Отецъ мой, отчего бы вамъ не присѣсть и не разсказать мнѣ все подробно,—ласково сказала Элеонора.— Вы вѣдь не велѣли мнѣ уходить—тогда—на виллѣ, помните?

Священникъ вздохнулъ, но все еще колебался.

— Я не знаю, сударыня, зачѣмъ докучать вамъ моей печальной исторіей.

— Мнѣ не будетъ скучно слушать. И потомъ я уже многое знаю Присядемъ.

Она указала на скамью, съ которой онъ только что всталъ.

— А я,—сказала Люси,—пойду принесу книгу, которую я оставила на *лоджіи*. Отецъ Бенеке, м-рсъ Бергойнъ не очень сильна. Она прошла больше, чѣмъ обыкновенно. Будьте такъ добры, заставьте ее отдохнуть до моего возвращенія.

Она устремила на него кроткій, умоляющій взглядъ. Сочувствіе и уваженіе, съ какимъ относились къ нему эти двѣ женщины, благотворно подѣйствовали на старика. Лицо его немного прояснилось.

Люси бѣжала внизъ по извилистой тропинкѣ, пылая гнѣвомъ и жалостью. Эта сломленная сила, эта утренняя старость—какое яркое свидѣтельство могущества традиціи, за которую борется

м-ръ Мэнистей, ея безжалостной, тираннической силы!

За что такая кара? За «кроткій либерализмъ», «частицу истины», заключавшуюся въ злополучной книгѣ отца Бенеке? Люси еще слышала эти слова, сказанныя по дорогѣ въ Неми. Иронической голосъ Мэнистея отдавался у нея въ ушахъ. Еслибъ онъ увидалъ своего друга теперь—неужели онъ и теперь сталъ бы защищать—извинять? Ея мысли страстно боролись съ нимъ, потомъ вдругъ отхлынули и бѣжали съ поля битвы.

Тѣмъ временемъ сдержанность отца Бенеке понемногу уступала мѣсто довѣрію. Онъ долго печально смотрѣлъ на Элеонору и, наконецъ, выговорилъ просто:

— Сударыня, вы видите передъ собой человѣка съ разбитымъ сердцемъ...

Онъ запнулся и уныло потупилъ взоръ. Элеонора ободрила его нѣсколькими ласковыми словами, и онъ мало-по-малу нашелъ въ себѣ мужество продолжать:

— Вы помните, сударыня, что мое письмо появилось въ *Osservatore Romano* послѣ того, какъ мнѣ было обѣщано, что публикѣ будетъ извѣстенъ только самый фактъ моего подчиненія—только формула, всегда сопровождающая изъятіе изъ продажи книги, попавшей въ *Index*. И вдругъ появляется мое письмо. Тутъ мнѣ сразу все стало ясно. Я даже не могу объяснить, какъ это сдѣлалось. Меня точно вдругъ озарило, какъ св. Павла. *Placuit Domino ut revelaret filium suum in me*!» Сердце всколыхнулось во мнѣ, твердя: «Ты измѣнилъ истину!»—«*Tradidisti Sanctum et Justum*!» Уйдя отъ васъ въ тотъ день, я тотчасъ написалъ другое письмо, въ которомъ бралъ назадъ и первое свое письмо, и свое отреченіе, и копію съ этого письма послалъ въ одну изъ либеральныхъ газетъ.

Потомъ меня стала грызть совѣсть. Одинъ кардиналъ въ Ватиканѣ очень хорошо относился ко мнѣ. Я написалъ ему—пытался объяснить, что я сдѣлалъ и почему такъ поступилъ. Написалъ и еще нѣсколькимъ въ Ватиканѣ, жалуясь на то, какъ со мной поступили. Ни слова въ отвѣтъ, никто не отозвался. Всѣ молчатъ, словно я уже мертвый. Попытался я, было, увидѣться кой съ кѣмъ изъ старыхъ друзей. Ни одинъ не принялъ меня; у меня прямо-таки захлопывали дверь передъ носомъ. И я уѣхалъ изъ Рима...

— Но я не могъ убѣдить себя вернуться домой, пока не узналъ самаго худшаго. Вы понимаете, сударыня? Вѣдь я былъ профессоромъ богословія; мой факультетъ имѣлъ право уволить меня; факультетъ повинуется епископамъ, а епископы святѣйшему отцу. Я вспомнилъ объ этомъ мѣстечкѣ, оставилъ адресъ въ Римѣ и пріѣхалъ сюда ждать. Ахъ! Ждать пришлось недолго!

Онъ выпрямился, горько улыбаясь.

— Два дня спустя послѣ пріѣзда сюда я получилъ сразу два письма—одно отъ своего епископа, другое отъ совѣта богословскаго факультета—меня одновременно увольняли и отъ священническихъ, и отъ академическихъ обязанностей. А съ слѣдующей почтой пришло извѣщеніе отъ епископа здѣшней епархіи, лишавшее меня права пріобщаться Св. Таинъ.

Онъ остановился. Одинъ разсказъ о происшедшемъ снова ошеломилъ его напоминаніемъ о той душевной мукѣ, которую онъ пережилъ. Элеонора шептала слова сочувствія. Отецъ Бенеке посмотрѣлъ ей въ лицо и съ внезапной горячностью продолжалъ:

— Я ждалъ этого, сударыня, но, когда это пришло, я былъ оглушенъ ударомъ,—пригнутъ къ землѣ. Нѣсколько дней спустя я получилъ анонимное письмо—кажется, изъ Орвіето; мнѣ напоминали, что священникъ, отлученный *a divinis*, не имѣетъ право носить рясу. «Пусть измѣнникъ сниметъ одежду, которую онъ обезчестилъ,—писали мнѣ,—неужели у него не хватитъ порядочности даже на это?» Въ своемъ разстройствѣ я и не подумалъ объ этомъ... И вотъ я написалъ одному пріятелю въ Римъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ свѣтское платье.

Глаза Элеоноры были полны слезъ. Она думала объ одинокомъ старикѣ, уныло поднимающемся на пыльную крутую гору, сгибаясь надъ своей нерадостной ношей.

Самъ онъ въ смущеніи смотрѣлъ на свое новое платье и вдругъ выговорилъ, почти шепотомъ:

— И за что?—за то, что я сказалъ правду? Вѣдь каждый образованный человѣкъ въ Европѣ знаетъ, что это правда.

— Отецъ мой, — начала Элеонора, стремясь хоть чѣмъ-нибудь утѣшить его и высказать свое уваженіе къ нему,— вы тяжко страдали—и будете еще страдать,—но не за себя.

Онъ покачалъ головой.

— Сударыня, вы видите передъ собой человѣка, умирающаго отъ голода и жажды. Онъ не можетъ обманывать себя красивыми словами. Онъ голодаетъ!

Элеонора смотрѣла на него, удивленная, начиная понимать.

— Сорокъ два года—продолжалъ онъ тихо и трогательно, — я каждый день вкушалъ отъ Тѣла и Крови своего Господа—день за днемъ—безъ перерыва. А теперь—«они взяли Его и не знаю, гдѣ положили Его!»

Взглядъ и голосъ его выражали полную безнадежность. Элеонора поняла. Ей и раньше случалось видѣть такой голодъ. Она вспомнила монастырь въ Римѣ, гдѣ въ Страстную Пятницу нѣкоторыя изъ монахинь прямо заболѣвали отъ тоски и томленія, изъ-за того, что на алтарѣ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ не было Св. даровъ.

Передъ ея почтительнымъ и сочувственнымъ молчаніемъ отецъ Бенеке понемногу овладѣлъ собой. Осторожно, съ большой деликатностью выбирая слова, она стала утѣшать его, напирая на то, что его участь—общая со всѣми мучениками міра, что это непремѣнно создаетъ вокругъ него атмосферу сочувствія и поддержки, что онъ найдетъ новыхъ друзей, которые замѣнятъ старыхъ. И по мѣрѣ того, какъ она говорила, въ душѣ ея росла такая острая, такая страстная зависть къ нему, что минутами она готова была бросится передъ нимъ на колѣни и открыть ему свое измученное сердце.

Онъ мученикъ идеи, страдающій отъ потери общенія съ другими христіанами! Она — опаленная, сжигаемая страстью, способной питаться болью и обидой любимаго человѣка, или другого, ни въ чемъ неповиннаго, разъ ей отказываютъ въ ея собственномъ, эгоистическомъ удовлетвореніи! Былъ моментъ, когда она чувствовала себя недостойной дышать однимъ воздухомъ съ отцомъ Бенеке.

Она смотрѣла на него, сдвинувъ брови, блѣдная, прижимая руку къ груди, чтобы онъ не услыхалъ біенія ея сердца.

Потомъ рука ея опустилась. Душевная буря прошла. И въ то же мгновеніе послышались приближавшіеся шаги.

Вдали, изъ-за угла, показались двѣ дамы, видимо, направлявшіяся въ ихъ сторону. Обѣ были въ глубокомъ траурѣ. Первая была уже старуха, сильнаго и плотнаго сложенія. Ея сѣдые волосы, свернутые толстымъ жгутомъ подъ простенькой черной шляпой, обрамляли большой, широкій лобъ; черные глаза и другія черты лица выражали доброту и силу. Она была очень блѣдна, и въ лицѣ ея читалась неотступная тяжкая скорбь. Элеонора замѣтила, что она шла одна, немного впереди своей спутницы, высоко подбирая черныя юбки рукой безъ перчатки, видимо, не заботясь о внѣшности. За нею шла другая дама, помоложе, лѣтъ тридцати, съ изжелта блѣднымъ недовольнымъ лицомъ, очень тонкая и высокая.

Проходя мимо Элеоноры и ея собесѣдника, старшая дама остановила на нихъ долгій испытующій взглядъ. Въ этомъ пристальномъ взглядѣ было что-то повелительное. Младшая дама чопорно прошла мимо, не подымая глазъ.

Элеонора и отецъ Бенеке, естественно, прервали разговоръ и, молча ждали, пока тѣ пройдутъ мимо. Элеонора только что начала какую-то фразу, какъ вдругъ услыхала обращенную къ ней французскую рѣчь.

Она съ удивленіемъ подняла глаза и увидала передъ собой возвратившуюся старую даму.

— *Madame*,—вы позволите предложить вамъ вопросъ?

Элеонора кивнула головой.

— Вы, кажется живете въ *Santa Frinità*.

— *Oui*, *madam*. Мы пріѣхали вчера.

Отъ испытующаго взора графини, острота котораго какъ разъ въ мѣру смягчалась любезностью, не ускользнуло тонкое изящество фигуры и костюма Элеоноры.

— Я боюсь, сударыня, что вамъ очень неудобно жить въ *Frinità*. Тамъ не привыкли къ требованіямъ англійскихъ дамъ. Дочь моя и я постоянно живемъ здѣсь; если мы можемъ чѣмъ-нибудь быть вамъ полезны, прошу васъ, приказывайте.

Элеонора ничего не чувствовала, кромѣ досады и нетерпѣнія. Неужели и въ этой глуши нельзя уйти отъ людей?— Тѣмъ не менѣе, она отвѣчала со своей обычной привѣтливостью:

— Вы очень добры, сударыня. Я, по всей вѣроятности, имѣю удовольствіе говорить съ графиней Гверрини?

Пожилая дама утвердительно кивнула головой.

— Мы кое-что привезли съ собой изъ Орвіето.

— Я живу съ одной пріятельницей. Мы пробудемъ здѣсь недолго, нѣсколько недѣль. У насъ, кажется, есть все нужное. Но все-таки я очень признательна вамъ за вашу любезность.

Это было сказано безъ особенной восторженности, даже, можетъ быть, нѣсколько суховато. Графиня поняла. Она предложила еще нѣсколько вопросовъ, дала нѣсколько совѣтовъ относительно тропинокъ и красивыхъ видовъ, указала проѣзжую дорогу, проходящую за Сельвепенденте, по склону холма, поклонилась и пошла дальше.

Ея поклонъ относился исключительно къ Элеонорѣ, но отецъ Бенеке этого не замѣтилъ. Пока дамы разговаривали между собой, онъ стоялъ въ сторонѣ, держа кончиками пальцевъ шляпу, которая, казалось, жгла ему руки. Въ его печальномъ блуждающемъ взорѣ отражалось только внутреннее видѣніе, которое было и раемъ, и мученіемъ пророка.

Прошло три недѣли. Элеонора уже не заводила рѣчи о томъ, чтобы ѣхать дальше. Нѣсколько дней она прожила въ страхѣ, пугаясь каждаго звука шаговъ на дорогѣ. Потомъ, какъ показалось Люси, она примирилась съ необходимостью положиться на скромность отца Бенеке, чему, безъ сомнѣнія, способствовало и сознаніе собственной физической слабости и настоятельной потребности въ отдыхѣ.

При томъ же теперь, въ первыхъ числахъ іюля, рискуя, что ихъ убѣжище здѣсь будетъ открыто, безъ сомнѣнія. было еще меньше, чѣмъ прежде. Мэнистей, очевидно, забылъ о существованіи *Torre Amiata*—еще лишняя заноза въ сердцѣ Элеоноры! Онъ должно быть уѣхалъ изъ Италіи. Каждый разъ, встрѣчая новый день, м-рсъ Бергойнъ угрюмо говорила себѣ, что онѣ здѣсь въ безопасности.

Что касается жары — она не уменьшалась; солнце поистинѣ было полновластнымъ царемъ и владыкой этой центральной части Италіи. Но на высотахъ *Torre Amiata* зной рѣдко бывалъ удручающимъ. Люси скоро узнала отъ своего пріятеля карабинера, что между тѣмъ какъ въ долинѣ свирѣпствовала малярія, опустошая Больсенскій округъ, лежавшій къ югу, здѣсь, на горахъ, чаще всего болѣли воспаленіемъ легкихъ—благодаря внезапнымъ переходамъ отъ зноя внизу къ рѣзкой свѣжести вечерняго воздуха на высотѣ,—переходамъ, которые ежедневно приходилось испытывать рабочимъ при восхожденіи на гору.

Нѣтъ, жара не слишкомъ тяготила, ее можно было терпѣть. А между тѣмъ Элеонора блѣднѣла и слабѣла съ каждымъ днемъ. Люси увивалась около нея съ нѣжной заботливостью и постоянно возраставшей тревогой. Вскорѣ уже она стала настаивать на отъѣздѣ, на измѣненіи плана путешествія. Это безуміе съ ихъ стороны оставаться на югѣ. Почему не двинуться въ Швейцарію, или въ Тироль?

Элеонора только головой качала.

— Но я не могу допустить, чтобы вы оставались здѣсь,—въ отчаяніи вскричала Люси.

Она поставила свою любимую скамеечку возлѣ кресла Элеоноры и прижалась головой къ ея плечу.

— Не лучше ли вамъ поѣхать домой?—начала она тихимъ умоляющимъ голосомъ, гладя руку Элеоноры.—Отошлите меня къ дядѣ Бену. Я во всякое время могу уѣхать домой. А вамъ необходимо быть въ Шотландіи. Позвольте мнѣ написать миссъ Мэнистей?

Элеонора съ милой упрямой улыбкой закрыла ей ротъ рукой, говоря:

— Помните, вы обѣщали!

— Но вѣдь я не имѣю права позволять вамъ подвергаться такому риску. Это—это нехорошо съ моей стороны.

— Я не подвергаюсь никакому риску. Мнѣ не хуже здѣсь, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Докторъ въ Орвіето не имѣлъ ничего противъ моего пребыванія здѣсь—по крайней мѣрѣ, въ теченіе мѣсяца.

— Отошлите меня домой,—снова прошептала Люси, нѣжно цѣлуя руку, лежавшую въ ея рукѣ.—Я не знаю, зачѣмъ мнѣ было и пріѣзжать сюда.

Элеонора вздрогнула. Губы ея исказились горькой усмѣшкой. Но она только сказала:

— Дайте мнѣ условленныя шесть недѣль. Мнѣ нужны только вы—и покой.

Она съ мольбой протянула обѣ руки, и Люси взяла ихъ—побѣжденная, хотя и не убѣжденная.

— Если бы въ самомъ дѣлѣ надъ нами стряслась бѣда, вы могли бы обратиться къ старой графинѣ. У нея лицо матери Израиля.

— Здѣсь кажется, все и всѣ у нея въ рукахъ,—сказала Люси, вставая.—Она завѣдуетъ всѣми ихъ дѣлами. Но сама она—ахъ, бѣдная, бѣдная! Вы читали это описаніе въ сегодняшнемъ номерѣ *Tribuna?*

Голосъ дѣвушки оборвался, какъ будто она коснулась темы, слишкомъ ужасной, для того, чтобы о ней можно было говорить.

Элеонора посмотрѣла на нее и вздрогнула. Дѣйствително, сегодня въ номерѣ *Tribuna,* которую ей ежедневно приносилъ почтальонъ, помѣщено было письмо, описывающее погребеніе—черезъ три мѣсяца!—останковъ арміи, уничтоженной во время рѣзни при Адовѣ 1-го марта. Три мѣсяца валялись на землѣ эти тысячи итальянскихъ труповъ, добыча итальянскаго солнца и итальянскихъ коршуновъ, прежде чѣмъ Италія могла ускользнуть отъ своего побѣдоноснаго врага, чтобы отдать послѣдній долгъ своимъ сынамъ.

А этотъ красавецъ юноша, предметъ толковъ всего околодка, оставившій столько теплыхъ воспоминаній о своей энергіи и добротѣ, кумиръ своей матери—неужели и его побѣлѣвшія кости лежали тамъ, на этомъ полѣ ужаса? Думать объ этомъ было нестерпимо.

Люси пошла внизъ распорядиться по хозяйству. Было около десяти часовъ утра. Немного погодя Элеонора услыхала стукъ почтальона въ наружную дверь. Мари принесла наверхъ письма.

Четыре или пять изъ нихъ были адресованы Люси, которая не скрыла отъ дяди своего здѣшняго адреса, хотя и просила, чтобы его пока не сообщали другимъ. Поэтому онъ самъ пересылалъ ей письма, получавшіяся на ея имя дома. Мари положила всѣ письма на столъ; тутъ же лежали и письма Люси, только что написанныя и запечатанныя. Почтальонъ, обойдя деревню, долженъ былъ вернуться за ними.

Лишь только горничная вышла, Элеонора вскочила съ дивана и, краснѣя, испуганно озираясь кругомъ, принялась разсматривать адреса на письмахъ Люси.

Можетъ ли она быть вполнѣ спокойной? Не обманываетъ ли ее Люси, не лукавитъ ли съ ней? Письма были адресованы всѣ въ Америку, кромѣ одного, адресованнаго въ Парижъ. Безъ сомнѣнія заказъ въ какой-нибудь магазинъ? Но Люси ничего не говорила объ этомъ, и это письмо наполнило ревнивую душу Элеоноры безумными подозрѣніями, которыхъ она, по малодушію, не имѣла силъ отогнать.

— Что же это однако?.. Я даже не умѣю держать себя какъ порядочная женщина!..—выговорила она сквозь стис-

iутые зубы, черезъ силу отходя отъ ·тола и принимаясь шагать по *loggia*.

И все же, когда Люси вернулась,)леонора очень ловко выпытала у нея iазначенiе каждаго изъ писемъ. И тутъ она стала бранить и стыдить себя за свои сомнѣнiя и до конца дня была чрезвычайно нѣжна и предупредительна съ Люси.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Тѣмъ временемъ Ѳлеонора нашла себѣ iаленькое развлеченiе въ отцѣ Бенеке.

Настроенiе бѣднаго священника малоiо-малу немного прояснилось. Этому, езспорно, не мало содѣйствовало дружiое отношенiе къ нему Элеоноры и Люси.)нѣ скоро прiобрѣли популярность въ ,еревнѣ, такъ какъ, не жалѣя, сыпали ,еньгами направо и налѣво — гораздо щедрѣе, чѣмъ обычные лѣтнiе гости, :акихъ привыкли видѣть въ *Torre Amiata*, чѣмъ даже синдикъ изъ Сель:апенденте. Онѣ даже успѣли сдѣлаться iевинною причиной зла. Докторъ изъ)рвiето велѣлъ Элеонорѣ пить козье моiоко и счастливецъ, умѣвшiй получить :аказъ на поставку его отъ *Massaja* :уть было не поплатился жизнью, бла·одаря зависти двухъ его односельчанъ, :оторые оказались менѣе счастливыми. Iо въ общемъ онѣ принесли довольство i за это ихъ всюду встрѣчали улыбками.

Такъ что, когда было замѣчено, что)нѣ уже знакомы съ таинственнымъ iностраннымъ священникомъ и явно)асположены покровительствовать ему, зъ деревнѣ обнаружилось парализующее ;ѣйствiе конфликта интересовъ. Въ данiый моментъ, въ силу различныхъ приiинъ, господами положенiя были клери:алы. А клерикалы объявили отца Бенеке измѣнникомъ и еретикомъ. Въ то же время деревня не могла открыто из:лѣдовать друга прiѣзжихъ дамъ, не рискуя прогнать этимъ и самихъ дамъ изъ *Torre Amiata*. А это очевидно значило бы легкомысленно бросить вызовъ пекущемуся о нихъ Провидѣнiю. Даже дѣти понимали трудность положенiя и теперь отецъ Бенеке могъ продолжать свои прогулки, не видя иныхъ обидъ, кромѣ кислыхъ взглядовъ и отвороченныхъ физiономiй.

Все это время онъ былъ занятъ редактированiемъ новаго изданiя своей книги. Этотъ обзоръ своего положенiя успокоилъ его. Соприкосновенiе со всей массой честнаго, трудомъ добытаго знанiя, результатомъ котораго явилась эта книга, возвратило ему его достоинство, подняло его надъ бездной униженiя, куда онъ, казалось, впалъ безвозвратно. О духовныхъ лишенiяхъ, которыя влекло за собою его теперешнее состоянiе, ему удавалось иногда забывать; но бывали моменты, когда поистинѣ мечъ пронзалъ ему душу.

Лишь только въ половинѣ шестого утра начинали звонить въ колоколъ маленькой церкви, онъ уже ждалъ въ уголкѣ за дверью. Крестьяне, проходя мимо, задѣвали его своей одеждой и тотчасъ подозрительно отстранялись. Онъ не видѣлъ ихъ. Онъ весь былъ поглощенъ наблюденiемъ, или, вѣрнѣе, мучительной завистью къ священнику, служившему обѣдню и въ эти минуты испытывалъ всѣ муки, какихъ только могли пожелать ему «ватиканцы».

Но когда онъ возвращался домой, къ своимъ книгамъ, на него вѣяло порою новой и странной свободой. Свою философскую книгу, поссорившую его съ церковью, онъ писалъ несвободно и робко. Его связывалъ постоянный страхъ, не только передъ духовной цензурой, но и передъ мнѣнiемъ старыхъ и уважаемыхъ имъ друзей; постоянная неувѣренность относительно того, въ какихъ размѣрахъ католикъ можетъ пользоваться свободой; все это сковывало ему языкъ. Что онъ долженъ сказать? О чемъ умолчать? Онъ прекрасно понималъ, что гипотезу нельзя высказывать, какъ истину. Но огромный запасъ бiологическихъ фактовъ съ одной стороны и исторической

критики съ другой, сдѣлавшіеся собственностью каждаго развитаго ума, обогащеннаго знаніемъ—какъ совмѣстить все это съ ограниченіями, налагаемыми католицизмомъ?

Оръ писалъ въ страхѣ, все время точно ступая по раскалненымъ угольямъ. Религія была его жизнью, но при этомъ онъ былъ одаренъ острымъ умомъ и мистическимъ темпераментомъ шваба. Онъ страшился коллизіи, которая въ свое время и наступила. Но остановить разъ начавшійся умственный процессъ было уже невозможно.

И вотъ, съ послѣднимъ актомъ драмы возмущенія, втайнѣ наростaвшаго въ его душѣ и завершившагося вырвавшимся изъ груди протестомъ, для него наступило чудесное освобожденіе души. Въ шестьдесятъ пять лѣтъ онъ чувствовалъ себя новорожденнымъ, нагимъ и слабымъ, въ этомъ былъ трагизмъ, но были и невѣдомыя доселѣ возможности роста и новой жизни впереди.

Его книгу надо не пересмотрѣть, а написать вновь. Теперь уже нечего дрожать за каждую фразу! Надо говорить всю правду. Отецъ Бенеке снова углубился въ изученіе своего предмета и на этотъ разъ міръ мысли встрѣтилъ его радушнѣе и дружественнѣе. Повсюду для него сверкали искры и лучи новаго свѣта. Его охваченная трепетомъ душа еще не знала, насколько она можетъ довѣриться этимъ путеводнымъ лучамъ, съ какихъ предѣловъ идти за ними. Но сейчасъ въ ней было необычайное, хотя и мучительное ликованіе—радость отъ сознанія, что помочи, на которыхъ его водили до сихъ поръ, отняты и стѣны, замыкавшія горизонтъ, пали.

Это освобожденіе привело его, однако, къ странному конфликту съ самимъ собой. Онъ имѣлъ темпераментъ аскета и религіознаго мечтателя, умъ же, пожалуй, не менѣе острый и гибкій, чѣмъ у другого, болѣе знаменитаго усумнившагося—родомъ тоже изъ южной Германіи, подобно отцу Бенеке — автора «Жизни Іисуса». Но *характеръ* его слагался изъ темперамента и привычекъ и нерѣдко съ трудомъ уживался съ его живымъ и быстрымъ умомъ.

По своимъ привычкамъ, отецъ Бенеке былъ истый священникъ, строгій къ себѣ и набожный. Онъ жилъ вдвоемъ со своей старушкой сестрой, такой же молчаливой, тихой и въ то же время пылкой, какъ самъ онъ, и почти не зналъ другихъ женщинъ, встрѣчаясь съ ними только въ исповѣдальнѣ. Къ его собственному удивленію, женщины часто выбирали его духовникомъ. Но въ обществѣ онъ почти не встрѣчался съ своими духовными дочерьми и о соціальномъ ихъ положеніи зналъ очень мало. Для него онѣ были только «душами», духовными объектами, которыхъ онъ изучалъ съ усердіемъ врача. Да и некогда ему было бывать въ обществѣ: небольшая бенефиція, представленная ему въ одномъ южно-германскомъ городкѣ, лекціи въ университетѣ и работа дома поглощали все его время.

Отсюда большая невинность и отсутствіе суетности, но зато и большая строгость къ себѣ и другимъ. Его потребности были очень скромны и чувственныя желанія давнымъ-давно умерли въ немъ. Къ женщинамъ, говоря правду, онъ испытывалъ странное безсознательное пренебреженіе, составляющее весьма реальный и грубый элементъ въ католицизмѣ, несмотря на обожаніе св. Дѣвы, поклоненіе св. Терезѣ и св. Екатеринѣ. Церковь не позволяетъ женщинѣ, даже монахинѣ, стирать антиминсы и другіе покровы, возлагаемые на алтарь во время обѣдни. Идея, вложенная въ этотъ запретъ, беретъ свое начало очень далеко, въ той эпохѣ, когда еще только чуть брезжилась заря человѣчества. Она сотнями различныхъ путей можетъ вліять на священника; сказалось ея вліяніе и на отцѣ Бенеке, хотя натура у него была нѣжная и духовная. Въ качествѣ духовника, онъ выказывалъ по отношенію къ женщинамъ всю ту безличную кротость и благодушіе, какія завѣщаны пастырю традиціями католицизма; тѣмъ не менѣе часто онѣ сторонились отъ него, угадывая подъ этой кротостью непреклонность, смѣшанную съ состраданіемъ.

Поэтому, когда случай, помимо его воли, свелъ его съ двумя женщинами, вторгшимися въ его уединеніе, когда Люси уха-

живала за нимъ, какъ дочь, придумывая тысячи милыхъ способовъ выказать ему свое уваженіе и сочувствіе, когда Элеонора приглашала его къ себѣ пить кофе и начинала говорить съ нимъ о его книгѣ и о вопросахъ, затронутыхъ въ ней, старикъ священникъ испытывалъ и удивленіе, и неловкость.

Откуда ей могутъ быть извѣстны такія вещи? Онъ зналъ, что м-рсъ Бергойнъ помогала Мэнистею въ работѣ, но чтобъ она помогала ему, какъ товарищъ, какъ равная — это никогда не приходило ему въ голову.

Вначалѣ рѣчи м-рсъ Бергойнъ отталкивали его. Онъ умолкалъ, какъ только она начинала говорить, испытывая въ душѣ то же возмущеніе, какое испытывалъ св. Павелъ, не выносившій, чтобы «жены учительствовали»,—и на время замыкался въ себѣ.

Во время своего визита на виллу и въ первую ихъ встрѣчу въ *Torre Amiata* онъ былъ подъ вліяніемъ удара, раздавившаго его и убившаго его сдержанность. Тѣмъ не менѣе отъ природы эта сдержанность была очень сильна и наряду съ ней въ его душѣ жили деспотическія наклонности, которыя Элеонора съ удивленіемъ подмѣчала подъ его изысканной вѣжливостью. Бывали моменты, когда она отчаявалась приручить его.

И все же она продолжала борьбу, понемногу завоевывая его довѣріе. Она посовѣтовала ему помѣстить статью о своемъ «инцидентѣ» въ одномъ нѣмецкомъ періодическомъ изданіи; ея, изрѣдка вставляемыя, бѣглыя замѣчанія показывали такое знаніе положенія дѣлъ въ Германіи и современной нѣмецкой литературѣ, что священникъ былъ повергнутъ въ изумленіе. Онъ скоро убѣдился, что она прекрасно понимаетъ, что онъ хотѣлъ сказать въ своей книгѣ и гдѣ сознательно смягчилъ выраженія, изъ уваженія къ властямъ предержащимъ, и гдѣ необходимо сказать сильнѣе, подчеркнуть и исправить, если онъ хочетъ дѣйствительно произвести впечатлѣніе на европейски образованнаго читателя. Вначалѣ старый священникъ пытался неловко возражать, или просто молчалъ, потомъ, мало-по-малу пошелъ на удочку. Онъ началъ говорить, потомъ понемногу сталъ спорить, доказывать, критиковать. Умъ одержалъ верхъ, характеръ сдался. Элеонора выиграла битву.

Кончилось тѣмъ, что онъ сталъ почти неразлученъ съ ними. Онъ приносилъ Элеонорѣ всѣ получаемыя имъ газетныя замѣтки и письма, спрашивалъ ея мнѣнія о каждой фразѣ спора, завязавшагося изъ-за него и его книги въ нѣкоторыхъ католическихъ кружкахъ и газетахъ. Онъ сталъ рѣзокъ, забывчивъ, даже требователенъ. Люси начинала бояться за Элеонору; порой визиты отца Бенеке порядкомъ утомляли ее. Съ Люси онъ попрежнему держалъ себя, какъ священникъ, любезно и отечески ласковый; для Элеоноры онъ постепенно сдѣлался — подобно Мэнистею,—товарищемъ въ умственномъ трудѣ, нерѣдко скрещивающимъ съ ней оружіе въ равномъ бою, порою даже забывавшемъ о снисхожденіи къ ней, какъ къ женщинѣ, когда она бросала ему вызовъ, какъ критикъ.

— И вотъ такъ со мною всегда бываетъ,—сказала она себѣ однажды, разводя руками, полусмѣясь, полугнѣвно, когда онъ ушелъ оставивъ ее на *лоджіи,* гдѣ они всѣ втроемъ пили кофе.

А между тѣмъ *ее* привлекалъ вовсе не ученый и не противникъ въ спорѣ, а священникъ, христіанинъ, аскетъ.

Истерзанная страстью и страхомъ, она угадывала въ немъ руководителя и питала къ нему то особое влеченіе, которое такъ свойственно питать женщинѣ къ этой безполой загадкѣ—священнику. Всякій другой мужчина можетъ сдѣлаться возлюбленнымъ ея самой, или другихъ женщинъ; она чувствуетъ себя ему равной. Но священникъ—это нѣчто совсѣмъ особое; онъ для нея воплощенная совѣсть, нравственный судія, который равнодушенъ къ ней, какъ къ женщинѣ, и наблюдаетъ ее только, какъ душу. На эту приманку она летитъ, какъ бабочка на огонь; и такъ было всегда, отъ начала вѣка. Отчасти это потребность въ руководителѣ и подчиненіи, отчасти—тайная гордость: для другихъ мужчинъ она женщина, и только, а для него—духъ и безсмертный. Она преклоняется передъ нимъ, но въ то же время

ей кажется, что путемъ этого подчиненія она вступаетъ въ сферу духовной независимости, гдѣ если она и раба, то не человѣка, а Бога.

Кромѣ того, мучимая ревностью и жаждой мести, она просто-на-просто жаждала человѣческой помощи и поддержки, какъ всѣ покинутые и слабые. Исповѣдь, судъ, указаніе пути—вотъ о чемъ она думала и думала, не переставая, все время, пока разговаривала съ отцомъ Бенеке о вліяніи евреевъ въ Баваріи или же о послѣднемъ нумерѣ «Civilità Cattolica».

Однажды вечеромъ, въ началѣ іюля, Элеонору и Люси захватила въ лѣсу гроза. Температура вдругъ упала; послѣ дождя подулъ холодный вѣтеръ, и Элеонора въ своемъ легкомъ бѣломъ платьѣ страшно продрогла.

Послѣдствіемъ этого была простуда и лихорадка. Люси съ Мари ухаживали, какъ могли, за больной, но силы быстро измѣнили ей, и вскорѣ наступилъ моментъ, когда Люси мѣста себѣ не находила отъ тревоги.

Какъ быть? Позвать мѣстнаго врача, состоящаго на жалованьи у муниципалитета Сельвапенденте? Люси уже успѣла замѣтить, что его не любятъ крестьяне. И наружность у него не привлекательная; еще удастся ли убѣдить Элеонору посовѣтоваться съ нимъ?

Внезапно ей пришла блестящая мысль. Не сказавшись м-рсъ Бергойнъ, она взяла шляпу и храбро пошла въ палаццо, возвышавшійся на холмѣ. Здѣсь она спросила графиню Гверрини, но графини не было дома. Люси оставила ей французскую записочку съ просьбой посовѣтовать, что дѣлать—можно ли пригласить доктора изъ Сельвапенденте или надо посылать въ Орвіето.

Она не успѣла вернуться домой, какъ принесли отвѣтъ. Графиня крайне сожалѣла, что *mademoiselle* Фостеръ не застала ея дома. Въ Сельвапенденте есть хорошій врачъ, и графиня съ удовольствіемъ пошлетъ за нимъ верховаго. Она очень сожалѣетъ о болѣзни *madame*. Въ Сельвапенденте есть хорошая аптека. Тѣмъ не менѣе она опасается, что въ *Torre Amiata* слишкомъ мало удобствъ для больной. Не будетъ ли *mademoiselle* такъ любезна приготовить необходимыя указанія для доктора—верховой сейчасъ заѣдетъ.

Люси была искренно признательна и, пожалуй, немножко удивлена. Пришлось сказать Элеонорѣ; та взволновалась, но была слишкомъ слаба, чтобы протестовать.

Пріѣхалъ докторъ и оказался весьма свѣдущимъ. Лихорадка скоро прошла и, Элеонора начала выздоравливать. Изъ палаццо каждый день присылали цвѣты, фрукты, разныя лакомства; два раза сама графиня подъѣзжала къ монастырю и выходила изъ своей маленькой колясочки, чтобы справиться о здоровьѣ Элеоноры.

Оба раза Люси видѣла ее и говорила съ ней. Графиня произвела на нее впечатлѣніе доброй, полной достоинства и властной женщины, удрученной недавней утратой, но тѣмъ не менѣе очень отзывчивой и какъ то по старинному милостиво внимательной къ нуждамъ заѣзжихъ иностранцевъ, состоящихъ какъ бы подъ покровительствомъ мѣстныхъ магнатовъ. Ее, казалось, особенно привлекало то обстоятельство, что Люси была американка, а Элеонора—англичанка.

— Я два раза ѣздила въ Англію,—сообщала она по-англійски, правильно выговаривая слова, хотя и съ грубоватымъ акцентомъ.—Мой мужъ научился въ Англіи многому полезному—для имѣнія. Но меня удивляетъ, *mademoiselle*, что вы пріѣхали къ намъ въ это время года.

Люси засмѣялась и покраснѣла, говоря, что Италію пріятно посмотрѣть безъ *forestieri*—это все равно, что захватить птичку въ гнѣздѣ. Но, говоря это, она запнулась, и графиня замѣтила и ея смущеніе, и румянецъ на щекахъ.

Какъ только Элеонорѣ позволили выходить, за ней прислали колясочку, и ни она, ни Люси не рѣшились отказаться. Онѣ долго катались по извилистымъ дорогамъ, проложеннымъ дономъ Эмиліо черезъ лѣсъ, по обоимъ берегамъ рѣки и соединяющимъ палаццо Гверрини съ *casa di caccia*—охотничьимъ домикомъ по ту сторону горы. Дороги

были пустынны и уже заростали травой. Крестьяне почти не пользовались ими, предпочитая старыя крутыя тропинки, по которымъ ходили ихъ дѣды. Маленькія, но рѣзвыя лошадки въ нарядной сбруѣ съ бубенчиками бѣжали бойко, и Элеонора, еще болѣе хрупкая и томная, чѣмъ прежде, сидя рядомъ съ Люси, разсѣянно смотрѣла на красоты окружающей природы, которая ничего болѣе не говорила ея душѣ.

Въ заключеніе пришла записка отъ графини съ просьбой оказать честь ей и ея дочери, пожаловать къ нимъ въ палаццо на чашку чаю. «Мы въ глубокомъ траурѣ и не принимаемъ,—говорилось въ запискѣ,—но если *madame* и ея пріятельница посѣтятъ насъ запросто, онѣ доставятъ намъ большое удовольствіе и, можетъ быть, сами испытаютъ его, любуясь видомъ, открывающимся съ высоты на нашу прекрасную страну».

Элеонора поморщилась, но поѣхала.

Палаццо вблизи оказался внушительнаго вида зданіемъ архитектуры послѣднихъ годовъ семнадцатаго столѣтія; нижнія окна были заложены тяжелыми рѣшетками; вдоль верхнихъ, по сѣверному и западному фасадамъ тянулись граціозныя лоджіи, придававшія дому изящный и обитаемый видъ. Съ сѣверо-восточной стороны лѣсъ, прерываемый каменной грядой *sassetto*, круто спускался къ рѣкѣ; съ противоположной—деревня и виноградники тѣснились къ самымъ дверямъ замка. Огромныя ворота открывались прямо на грязную деревенскую улицу, кишащую играющими ребятишками и болтливыми кумушками.

У этихъ воротъ, сквозь которыя виденъ былъ большой дворъ съ кущами олеандровъ и журчащими фонтанами, имъ устроили довольно торжественную встрѣчу. Старикъ дворецкій вышелъ привѣтствовать ихъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ и кресла-носилокъ, въ которое усадили Элеонору и понесли ее сначала по высокой каменной лѣстницѣ, затѣмъ черезъ амфиладу огромныхъ покоевъ съ черепичнымъ, или кирпичнымъ поломъ и огромными каменными каминами, со старинными шифоньерками и комодами, съ цѣлою коллекціей французскихъ гравюръ прошлаго столѣтія и какими-то неинтересными картинами на стѣнахъ. Нѣкоторыя изъ комнатъ были расписаны фресками, изображавшими охотничьи или жанровыя сценки въ легкомъ стилѣ XVIII столѣтія. Мѣстами стѣны были обиты старинными тканями, или увѣшаны персидскими коврами.

Но, въ общемъ, палаццо, несмотря на свою огромность, производилъ впечатлѣніе старинной англійской помѣщичьей усадьбы, принадлежавшей людямъ со вкусомъ и не особенно большими средствами, но отъ времени обветшалой и даже обезображенной. Но традиціи и владѣльцы все тѣ же. Такъ и здѣсь. Просторныя прохладныя комнаты говорили о скромномъ образѣ жизни и достоинствѣ, увѣренномъ въ себѣ и не нуждающемся въ показной роскоши.

Графиня и дочь ея сидѣли въ маленькой и болѣе современной гостиной, выходящей окнами на лѣсъ и рѣку. Элеонору усадили въ низенькое кресло вблизи открытаго окна, и графиня не могла удержаться отъ нѣсколькихъ любопытныхъ и участливыхъ взглядовъ на обострившіяся, но все еще прекрасныя черты англичанки, на ея запекшіяся отъ лихорадки губы и явные слѣды истощенія всего тѣла, которыхъ не могло вполнѣ скрыть просторное черное платье изящнаго покроя.

— Мнѣ кажется, *madame*,—начала графиня, когда Элеонора, со свойственной ей милой экспансивнестью высказала свою признательность, — мнѣ кажется, что вы были прошлою осенью въ *Torre Amiata*.

Элеонора вздрогнула.

— Навѣрное, *massaja* разболтала. Это было непріятно, но хорошее воспитаніе обязывало ее быть откровенной.

— Да, я была здѣсь съ друзьями, и вашъ управляющій былъ такъ любезенъ, что пріютилъ насъ на ночь.

Графиня какъ будто удивилась.

— Ахъ! вы были здѣсь съ Д.

Элеонора кивнула головой.

— А зиму вы провели въ Римѣ?

— Часть зимы. Какой чудный видъ открывается изъ вашихъ оконъ!

Графиня поняла.

— Какъ она больна!—подумала она про себя,—и какъ изящна!

Съ своей стороны, Элеонора, не прерывая быстрой и нервной рѣчи на всевозможныя знакомыя и незнакомыя темы, невольно наблюдала за хозяйкой. Четырехугольное лицо графини съ крупными чертами было блѣдно и носило слѣды скорби, какъ и въ тотъ разъ, когда Элеонора видѣла его впервые. Но теперь она замѣтила еще, что вѣки графини распухли и были красны, какъ бы отъ постоянныхъ слезъ; а ея худенькая, блѣдная дочка казалась еще болѣе печальной и робкой, чѣмъ прежде. Элеонора уже знала, что онѣ живутъ очень уединенно и никого не принимаютъ, и, дивясь, спрашивала себя «Зачѣмъ она заговорила съ нами тамъ на *Sassetto*? Зачѣмъ пригласила къ себѣ теперь? Ахъ! это, должно быть, его портретъ».

На столикѣ возлѣ самаго кресла графини Элеонора замѣтила большой фотографическій, портретъ въ рамкѣ, задрапированной чернымъ. Портретъ изображалъ высокаго молодого человѣка въ артиллерійскомъ мундирѣ, съ красивымъ, энергичнымъ и въ то же время печальнымъ лицомъ. Лицо это говорило о характерѣ пылкомъ и легко поддающемся отчаянію, но сдерживаемомъ сильною волей. Элеонора вздрогнула, вспомнивъ недавно прочитанное описаніе ужасовъ войны и разсказъ *массайи*.

Ея сердце, отъ природы доброе и любящее, раскрылось для состраданія къ бѣдной матери. У нея развязался языкъ, и онѣ съ графиней до самыхъ сумерекъ бесѣдовали о здѣшнемъ краѣ и крестьянахъ, объ улучшеніяхъ въ мызномъ хозяйствѣ, о старомъ монастырѣ и его исторіи.

Ни слова о войнѣ и точно также ни слова—Элеонора замѣтила это—объ ихъ сосѣдѣ, отцѣ Бенеке. По различнымъ признакамъ она уже сообразила, что блѣдная дочь графини—*девотка* и «черничка». Мать производила совсѣмъ иное впечатлѣніе и во всякомъ случаѣ была женщиной образованной. Это достаточно показывали уже книги, которыми она себя окружила. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней виденъ былъ проницательный умъ и трезвость сужденій, грубоватая простота и дѣловитость. Было очевидно, что имѣніемъ управляетъ не столько ея *fattore*, сколько она сама и что она до тонкости знаетъ хозяйство.

Между двумя женщинами скоро возникла тайная, но сильная симпатія. Въ послѣдующіе дни онѣ видѣлись часто. Графиня уже не разспрашивала о прошлой жизни заѣзжихъ иностранокъ и ихъ планахъ на будущее. Зато, не выдавая своихъ новыхъ друзей, она косвеннымъ путемъ навела справки въ Римѣ. И вотъ что ей написали оттуда Д..., тѣ самые, съ которыми раньше пріѣзжала сюда Элеонора:

«Англичанъ, которыхъ мы въ прошломъ году возили смотрѣть вашу прелестную *Torre Amiata*, было трое— джентльменъ и двѣ дамы Джентльменъ— нѣкій м-ръ Мэнистей, бывшій членъ англійскаго парламента, обращавшій на себя въ Римѣ прошлою зимой большое вниманіе своимъ сочувствіемъ Ватикану и враждебностью къ господствующему итальянскому режиму. Большинство считали его позеромъ, но такъ какъ онъ и его тетка люди богатые и знатнаго рода, а м-ръ Мэнистей, кромѣ того, еще и блестящій собесѣдникъ,—когда онъ этого захочетъ—ихъ вездѣ охотно принимали; Римъ порядочно таки носился съ ними. «Дама, жившая съ ними, была м-рсъ Бергойнъ, очень изящная и очень милая женщина, которую всѣ мы полюбили. Для всѣхъ было очевидно, что она и м-ръ Мэнистей очень близки между собой. Я не подразумѣваю ничего грязнаго. Боже избави! Ничего подобнаго никому и въ голову не приходило. Но я думаю, что многіе ихъ добрые знакомые чувствовали, что было бы очень естественно и хорошо, еслибъ онъ женился на ней. Она выказывала по отношенію къ нему трогательную преданность, была его секретаремъ и ловила каждое его слово. Весной они переѣхали въ горы и къ нимъ пріѣхала гостить молоденькая американка—какъ говорили, красавица, хотя немножко дикая. Я такъ много наслу-

шалась о ея красотѣ отъ m-me Вивіани, что жаждала увидать ее. И миссъ Мэнистей обѣщала какъ-нибудь привезти ее къ намъ, прежде чѣмъ они уѣдутъ. Но въ іюнѣ они всѣ куда-то вдругъ исчезли, и больше мы ихъ не видали.

«Ну, кажется, я вамъ сообщила все главное. Удивляюсь только, почему васъ это интересуетъ Я часто думаю о бѣдной м-рсъ Бергойнъ и надѣюсь, что она еще когда-нибудь будетъ счастлива. Не могу сказать, чтобы м-ръ Мэнистей казался мнѣ особенно привлекательнымъ, какъ женихъ и будущій мужъ. А всетаки мнѣ жаль, что васъ не было съ нами осенью. Вы бы, навѣрное, не взлюбили его, но тѣмъ не менѣе находили бы его интереснымъ и *piquant*. И потомъ у него дивная голова—голова бога, приставленная къ довольно неуклюжему и громоздкому тулувищу».

Счастлива! Что угодно, только не это. Симпатичная англичанка безусловно не была счастлива. Въ этомъ графиня Гверрини почти убѣдилась уже послѣ перваго разговора съ ней. Наблюденіе за этимъ хрупкимъ и печальнымъ созданіемъ до нѣкоторой степени отвлекало ее отъ ея собственнаго грызущаго горя, и она невольно строила догадки и предположенія. Очевидно, молоденькая американка—миссъ Фостеръ. Но зачѣмъ же онѣ здѣсь вмѣстѣ въ такую жару, вдали отъ всѣхъ своихъ друзей?

Однажды Элеонора сидѣла съ графиней на *лоджіи* въ палаццо, выходящей на сѣверъ къ Радикофани. Послѣ знойнаго дня вечеръ выпалъ прохладный и облачный. Неожиданно подошедшій дворецкій доложилъ:

— Его преподобіе, донъ Теодоро!

Появился молоденькій *padre parocco*, тоненькій, симпатичный; стоя въ дверяхъ, между раздвинутыхъ портьеръ, онъ смотрѣлъ на обѣихъ дамъ робко и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчиво.

На привѣтствіе графини онъ отвѣчалъ пространнымъ привѣтствіемъ, низко склонившись надъ ея рукой. Когда она представила его англійской леди, онъ церемонно поклонился, но голубые глаза его перестали улыбаться, поклонъ вышелъ оффиціальнымъ, взглядъ былъ принужденный. Элеонора вспомнила отца Бенеке и поняла.

Однако, въ разговорѣ съ графиней къ молодому священнику снова вернулись полудѣтская ласковость и непосредственность, повидимому составлявшія его отличительную особенность. Элеонора съ восхищеніемъ наблюдала за нимъ, любуясь тонкимъ тактомъ и деликатностью, присущими итальянцамъ и сквозившими въ каждомъ его словѣ, несмотря на изысканную простоту обращенія. Онъ, видимо, ни на минуту не забывалъ, что находится въ домѣ скорби. Движенія его были мягки, голосъ звучалъ сдержанно, лицо выражало участіе. Но въ то же время онъ понималъ и другое—что трауръ перешелъ во вторую сталію, когда уже можно говорить не о причинѣ его, но о постороннемъ предметѣ и выбиралъ темы съ удивительнымъ тактомъ.

Онъ пришелъ по двумъ причинамъ—во-первыхъ, сообщить, что на рождественскій постъ онъ назначенъ проповѣдникомъ въ одну извѣстную церковь въ Римѣ; во-вторыхъ, обратить вниманіе графини на мѣстнаго поэта, даровитаго, но бѣднаго, живущаго въ Орвіето;—духовенство имѣло свои причины культивировать его дарованіе.

Графиня поздравила *padre* съ новымъ назначеніемъ, онъ, молча, низко поклонился, не скрывая своего удовольствія, потомъ опять заговорилъ о поэтѣ, наивно декламируя стансы за стансами своимъ звучнымъ голосомъ, просто, безъ всякой рисовки. Кончивъ, онъ тихонько вздохнулъ и опустилъ глаза, какъ виноватый ребенокъ, просящій прощенія.

Элеонора была въ восторгѣ отъ него; графиня, повидимому, болѣе требовательная, тоже улыбалась. Ея набожная дочь Тереза, отправилась съ Люси на *Sassetto*. Тереза, очевидно, была въ большой дружбѣ съ маленькимъ *padre*. Онъ сразу замѣтилъ ея отсутствіе и спросилъ, гдѣ она.

— Нѣкоторые стихи напоминаютъ мнѣ Кардуччи,—начала графиня, обращаясь къ Эленорѣ;—а это, въ свою очередь напоминаетъ мнѣ, что я впервые видѣла Кардуччи минувшей весной.

Это было на одномъ засѣданіи академіи въ Бимѣ. Очень торжественное засѣданіе—съ участіемъ короля и королевы. Маццоли читалъ свое сочиненіе о наукѣ и религіи. Вамъ не знакомо это имя? Маццоли былъ у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Элеонора не слушала. Ее вниманіе было отвлечено внезапной перемѣной въ лицѣ и всей фигурѣ *padre parocco*. Голубка вдругъ превратилась въ ястреба. Свѣжее молодое лицо разомъ утратило наивность выраженія, сдѣлалось старымъ, суровымъ, злобнымъ.

— Маццоли!—повторилъ онъ *Eccelenza, é un Ebreo!*

Графиня нахмурилась. Да Маццоли еврей, но честный человѣкъ. И брошюра его весьма интересна; она свидѣтельствуетъ о возрожденіи религіозныхъ идей въ такихъ кругахъ, которые давнымъ давно стоятъ внѣ религіи.

У *padre* даже губы дрожали отъ гнѣва. Онъ помнилъ это засѣданіе. Скандальнѣйшая исторія! Въ присутствіи короля и королевы *жидъ* осмѣливается проповѣдывать необходимость «новой религіи»,—въ Италіи, отчизнѣ апостольской и римско-католической церкви, въ Италіи, гдѣ католицизмъ первымъ параграфомъ *Statuto* признанъ національной религіей.

Графиня довольно сухо возразила, что Маццоли разсматриваетъ вопросъ съ философской точки зрѣнія. *Padre* съ жаромъ доказывалъ, что внѣ церкви не можетъ быть истинной философіи. Графиня засмѣялась и подняла на священика свои большіе, блестящіе глаза.

— Пусть бы церковь присоединила немножко патріотизма къ своей философіи, *padre mio*,—тогда ее лучше оцѣнятъ.

Донъ Теодоръ выпрямился подъ ударомъ.

— Я римлянинъ, *Eccelenza*; вы— также. *Scusi!*

— Я итальянка, отецъ мой, и вы также. Но вы ненавидите свою родину.

Собесѣдники оба немного поблѣднѣли.

— Я не имѣю ничего общаго съ Италіей 20-го сентября,—сказалъ священникъ, нерно сжимая и разжимая свои длинные пальцы.—Италія въ глазахъ Европы имѣетъ три отличительныхъ свойства, по которымъ можно узнать ее.

— А именно?

— Долгъ! *Eccelenza*—голодъ! Кровавыя преступленія! *Sono il suo primato—l'unico*!

Онъ бросилъ на нее сверкающій, ядовитый взглядъ. Вся прелесть молодости въ его лицѣ исчезла. Элеонора вдругъ увидала его передъ собой такимъ, какимъ онъ, навѣрное, сдѣлается черезъ нѣсколько лѣтъ—типичнымъ заговорщикомъ, подстрекателемъ.

Графиня даже вспыхнула.

— А въ прежнія времена, при папахъ этого не было? При Бурбонахъ? При австрійцахъ? Подите! Мы отлично понимаемъ, что вы уничтожили бы насъ, еслибъ могли.

— *Eccelenza*, Іисусъ Христосъ и Его намѣстникъ существовали раньше Савойскаго дома!

— Что-жъ, губите насъ—посмотримъ, много ли вы выиграете!

— *Eccelenza*, правимъ не мы, а Господь Богъ.

— Хорошо, хорошо! Бейте яйца— это не трудное дѣло. Но выйдетъ ли яичница такой, какъ желательно іезуитамъ, это другой вопросъ.

Оба противника улыбнулись и перевели духъ.

— Вотъ мы постоянно такъ сражаемся,—молвила графиня, покачавъ головой.—Извините, мнѣ нужно пойти распорядиться по хозяйству.

И къ не малой тревогѣ Элеоноры, она встала и вышла изъ комнаты.

Молодой священникъ также нѣсколько смутился, оставшись глазъ на глазъ съ иностранкой, но замѣшательство его скоро прошло. Съ минуту онъ сидѣлъ молча, потупивъ глаза и скрестивъ пальцы на колѣняхъ, потомъ мягко выговорилъ:

— Вы, можетъ быть, еще не знакомы съ картинами въ здѣшнемъ палаццо, сударыня? Могу я предложить вамъ свои услуги? Я, кажется знаю имена всѣхъ предковъ, изображенныхъ на портретахъ.

Элеонора была благодарна ему за

такую изобрѣтательность, и они отправились бродить по пустыннымъ комнатамъ, разсматривая весьма сомнительныя произведенія искусства, украшавшія стѣны.

Уже возвращаясь обратно въ ту самую гостиную, откуда они вышли, Элеонора замѣтила прекрасную старинную копію съ Рафаэлевой св. Цециліи въ Болоньѣ. Она знала, что оригиналъ сильно поврежденъ и тѣмъ болѣе была поражена совершенствомъ копіи. И тот часъ же въ ея душѣ воскресло воспоминаніе объ одномъ счастливомъ днѣ, проведенномъ вмѣстѣ съ Мэнистемъ въ картинной галлереѣ Болоньи.

Она почти перебѣжала черезъ комнату, чтобы ближе взглянуть на картину. Священникъ послѣдовалъ за нею.

— Ахъ! Это, *madame*,—это *capolavore* (шедевръ). Это Микеля-Анжело.

Элеонора посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Это?.. Отецъ мой, это копія съ св. Цециліи, что въ Болоньѣ—очень интересная и старинная копія.

Донъ Теодоро нахмурился, подошелъ ближе, критически посмотрѣлъ на картину, выпятивъ нижнюю губу, потомъ вернулся къ Элеонорѣ и мягко, но настойчиво повторилъ:

— О нѣтъ, *madame*! Извините меня, но вы ошибаетесь. Это оригинальное произведеніе великаго Микель-Анжело.

Элеонора не возражала.

Когда графиня вернулась, Элеонора возвратила ей томикъ стихотвореній изъ греческой онтологіи во французскомъ переводѣ, взятый ею наканунѣ. При этомъ она указала нѣсколько стихотвореній и назвала нѣсколько именъ своихъ любимыхъ поэтовъ.

У падре вытянулось лицо.

— Ахъ, это съ греческаго!—молвилъ онъ, скромно потупляя глаза, когда графиня протянула ему книгу.—Я пять лѣтъ изучалъ греческій языкъ, *eccelenza*, но...—Онъ шутливо пожалъ плечами.

И переводя взоръ съ одной собесѣдницы на другую, онъ продолжалъ, съ виноватой улыбкой:

— Впрочемъ, кое-что я помню. Я могу объяснить, какія изъ греческихъ словъ вошли въ итальянскій языкъ. Напримѣръ «математика».

Онъ выговорилъ это слово съ гордымъ смиреніемъ, подчеркивая каждый слогъ.

— «Экономія»—«теократія»— «аристократія».

Онъ произносилъ греческія слова, какъ ребенокъ, отвѣчающій урокъ, не всегда увѣренно раза два или три поправлялся и, кончивъ, откинулъ голову назадъ съ естественной гордостью.

Дамы избѣгали смотрѣть и на него, и другъ на друга.

Элеонора думала объ отцѣ Бенеке и о томъ, сколько знаній умѣщалось въ этой сѣдой головѣ. А между тѣмъ отецъ Бенеке—отщепенецъ, а этотъ юноша, навѣрное, сдѣлаетъ карьеру.

Когда онъ вышелъ, графиня всплеснула руками.

— И этотъ человѣкъ назначенъ проповѣдникомъ въ одну изъ лучшихъ римскихъ церквей!

Она запнулась и докончила, нѣсколько надменно, обращаясь къ Элеонорѣ:

— На ряду съ этимъ, *madame*, у насъ есть образованные священники и очень много.

Элеонора поспѣшила согласиться.

— Это все злополучное семинарское воспитаніе! — продолжала графиня.—У насъ одна половина націи никогда не пойметъ другой. Да и какъ понять! Они говорятъ на разныхъ языкахъ. Съ одной стороны, весь капиталъ добытаго наукой знанія; съ другой—вотъ такія опасныя невинности. А между тѣмъ всѣмъ намъ нужна религія, всѣмъ нужна какая-нибудь надежда за предѣлами этой жизни.

Ея звучный голосъ оборвался. Она отвернулась, и Элеонора видѣла только массивныя очертанія ея головы и бюста, и завитки сѣдыхъ волосъ на затылкѣ.

М-рсъ Бергойнъ придвинула свой стулъ къ креслу графини. Молча и робко она положила руку ей на колѣни.

— Я не могу понять,—начала она тихо,—какъ у васъ хватило терпѣнія, какъ вы могли быть такъ добры къ намъ въ эти двѣ недѣли!

Графиня повернулась къ ней, не пы-

таясь болѣе скрывать слезъ, катившихся по ея красивому старческому лицу.

— Знаете, почему?

— Нѣтъ—скажите мнѣ!

— Потому что Эмиліо любилъ англичанъ. Онъ однажды провелъ очень счастливое лѣто въ Англіи. Не—не знаю, былъ ли онъ влюбленъ тамъ въ когонибудь. Какъ бы тамъ ни было, онъ всегда вспоминалъ объ этомъ лѣтѣ съ глубокимъ чувствомъ и всегда дѣлалъ, что могъ, для каждаго англичанина, съ которымъ его сводила судьба, особенно въ этой глуши. Ради этого онъ бралъ на себя часто такіе хлопоты, что его называли чудакомъ и Донъ-Кихотомъ. Но это его не смущало. И когда я увидѣла васъ въ тотъ день на *Sassetto*, я уже знаю, чтобы онъ сдѣлалъ. Вы смотрите такой хрупкой, а въ монастырѣ такъ мало удобствъ... Съ тѣхъ поръ, какъ мы получили эту ужасную вѣсть, я почти ни съ кѣмъ не говорю, кромѣ Терезы, но я не могла удержаться, чтобы не заговорить съ вами.

Элеонора пожала ея руку, и помолчавъ, тихо спросила: Онъ былъ съ генераломъ Аримонди?

— Да, съ Аримонди. Ихъ было три колонны.

— Вы помните? Онъ былъ въ той колоннѣ, которая въ началѣ какъ будто побѣждала. Я узнала все подробно только на прошлой недѣлѣ отъ его товарища-офицера, котораго до конца іюня держали въ плѣну. Эмиліо, какъ и всѣ остальные, думалъ, что позиція взята, что они одержали побѣду,—онъ поднялъ свою каску и крикнулъ: «*Viva il Re! Viva l'Italia*», и какъ разъ въ это мгновеніе абиссинцы хлынули на нихъ, какъ потокъ, все унося за собой. Эмиліо нѣсколько разъ собиралъ своихъ людей. Дрались въ рукопашную, подъ градомъ пуль. Многіе слышали, какъ онъ кричалъ: «Бодрѣе, ребята! держись! Вашъ капитанъ умретъ вмѣстѣ съ вами! *Avanta! Avanta! Viva l'Italia!*» Потомъ онъ былъ страшно раненъ и можетъ быть вамъ разсказывали на деревнѣ—бѣдная мать отвернула лицо,—что онъ сказалъ капралу, стоявшему рядомъ съ нимъ, — капралъ былъ изъ нашей деревни и Эмиліо зналъ его раньше: «Федериго, возьми ружье и прикончи меня». Онъ боялся,—мой любимый,—попасть въ руки враговъ. Они видѣли по дорогѣ много раненыхъ, страшно изувѣченныхъ. Капралъ отказался. «Я не могу сдѣлать этого, *эчеленца*, — сказалъ онъ, — мы унесемъ васъ отсюда, или умремъ вмѣстѣ съ вами!» Потомъ опять, какъ будто, улыбнулась надежда на побѣду. Они уже думали, что врагъ отброшенъ. Его товарищъ видѣлъ, какъ его несли двое солдатъ и Эмиліо сдѣлалъ ему знакъ подойти. «Вы будете моимъ духовникомъ», сказалъ онъ улыбаясь и далъ ему нѣсколько порученій ко мнѣ и Терезѣ, кое-какія указанія относительно дѣлъ. Потомъ спросилъ: «Это побѣда, не правда ли? Мы все-таки выиграли битву?» И у того духу не хватило сказать ему правду. Онъ сказалъ: «Да», а Эмиліо говоритъ: «Вы можете поклясться?»—«Клянусь»! Тогда мой мальчикъ перекрестился, еще разъ повторилъ: «*Viva l'Italia*» и умеръ... Они зарыли его въ ту же ночь въ рощицѣ. Боже, благодарю Тебя, что онъ не лежалъ на этой проклятой равнинѣ!

Она прижала платокъ къ лицу, чтобы скрыть свое волненіе; губы ея дрожали. Элеонора ничего не сказала. Она положила руки на колѣни графини и скрыла въ нихъ лицо.

— Характеръ у него былъ не очень счастливый—продолжала бѣдная мать,—очень ужъ щепетильный: все-то его тревожило. Мнѣ иногда казалось, что на него слишкомъ большое вліяніе имѣлъ Леопарди. Онъ постоянно цитировалъ его. Это часто бываетъ съ нашими молодыми людьми. Но Эмиліо былъ въ то же время христіанинъ, искренно вѣрующій. Пожалуй, лучше было бы для него, если бы онъ женился. Но онъ всю свою привязанность отдалъ мнѣ и Терезѣ, а послѣ насъ своей родной деревнѣ и народу. Онъ хотѣлъ, чтобы я продолжала его дѣло, но я вѣдь уже старуха, и очень устала... А вотъ зачѣмъ молодые уходятъ преждевременно?... Но я думаю о войнѣ безъ горечи. Это была ужасная ошибка и униженіе для насъ, какъ для націи. Но націи создаются не только

успѣхами, а и ошибками. Эмиліо не пожалѣлъ бы своей жизни. Онъ всегда думалъ, что Италія «слишкомъ наскоро сдѣлана», какъ они выражаются, что дни испытаній и слабостей еще впереди.. Но, *Gesu mio*, если бы только *я* не была такъ живуча!

Элеонора подняла голову.

— Я тоже,— выговорила она почти шепотомъ,—я тоже потеряла сына, но онъ былъ еще маленькій.

Графиня съ удивленіемъ посмотрѣла на нее и залилась слезами.

— Такъ мы съ вами обѣ несчастныя!—вскричала она.

Элеонора бросилась ей на шею, но съ острой болью въ сердцѣ, отъ сознанія своего недостоинства. Она чувствовала себя лицемѣркой. Въ ея умѣ и воображеніи мальчикъ ея отступилъ на второй планъ, сдѣлался блѣдной тѣнью, въ сравненіи съ Мэнистеемъ. Не святая материнская скорбь изсушила ея тѣло, отнимала ея жизнь каплю по каплѣ.

Вечеромъ, когда онѣ ѣхали домой, среди прохладной тишины, въ душѣ Элеоноры шла все та же одинокая, нескончаемая борьба.

Люси сидѣла съ ней рядомъ и Элеонора то и дѣло вскидывала украдкой виноватый взоръ на лицо дѣвушки. По временамъ сердце ея сжималось мимолетнымъ страхомъ. Не ошибается ли она? Правда ли, что Люси становится съ каждымъ днемъ блѣднѣе и грустнѣе. Правда ли, что около этихъ чудныхъ глазъ прибавились новыя линіи, что эта ясная, дѣвственная красота начинаетъ вянуть? И, если такъ, чья рука сдѣлала это? Чья вина?

Раза два ей стало жутко отъ предчувствія угрызеній; но лишь только эта мысль шевельнулась въ ея умѣ, какъ она поспѣшила отогнать ее прочь.

Она думала объ умной, мужественной женщинѣ, съ которой она только что бесѣдовала—въ атмосферѣ, окружавшей эту женщину, было нѣчто, заставлявшее Элеонору еще ощутительнѣе чувствовать огонь, пылающій въ ея крови. Это было то же самое, что съ отцомъ Бенеке; она только чувствовала себя униженной и нѣмой передъ этимъ высшимъ горемъ—возносящимъ, облагораживающимъ.

Ночью она проснулась отъ тревожнаго сна, съ подавленнымъ крикомъ ужаса. Во снѣ она боролась, какъ безумная, съ Мэнистеемъ, пытаясь оттолкнуть его своими слабыми руками, напрягая всѣ свои силы. Но онъ вырвался изъ ея рукъ. Она видѣла, какъ онъ пробѣжалъ мимо нея, радостный, ликующій. А тамъ, вдали, его ждала бѣлая фигура, протягивая руки ему навстрѣчу!...

— Нѣтъ, нѣтъ, неправда! Она не любитъ его! Не любитъ! — кричало ея сердце, вкладывая въ этотъ крикъ всю свою безумную жажду жизни.

Элеонора сѣла на постели, блѣдная, вся дрожа; потомъ прокралась въ сосѣднюю комнату. Люси мирно спала, свѣсивъ съ постели красивую тонкую руку. Элеонора опустилась предъ ней на колѣни, жадно вглядываясь въ нее.

«Развѣ могла бы она спать такъ спокойно, если бы—если бы она любила»,—мысленно повторяла Элеонора, и понемногу она успокоилась и уже улыбалась своимъ угрызеніямъ.

Она коснулась губами свѣсившейся руки Люси и ощутила къ ней внезапный приливъ нѣжности, павшей благодарной росою на ея сожженную страстью душу. Потомъ прокралась назадъ къ себѣ въ комнату, легла въ постель и плакала, плакала... А надъ монастыремъ уже занималась золотая заря.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Время шло. Между Элеонорой и Люси росла и крѣпчала живая и сильная, но очень мучительная привязанность. Ни одна изъ нихъ не была вполнѣ откровенна съ другой; Элеонора чѣмъ дальше, тѣмъ ярче сознавала ничтожность и

вмѣстѣ чудовищность того, что она сдѣлала, но это только обостряло сопротивленіе ея воли, по прежнему пылкой и непреклонной.

Нерѣдко она наблюдала за своей сожительницей съ неотвязчивымъ, томящимъ любопытствомъ. Что такое нашелъ въ ней Мэнистей? Чѣмъ она такъ неотразимо привлекала того, кого не могло привлечь болѣе тонкое искусство обольщенія ея самой, Элеоноры?

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Люси была слишкомъ проста, даже первобытна, какъ называлъ ее Мэнистей. Элеонора знала, что такіе типы теперь уже не часто встрѣчаются въ Америкѣ, гдѣ всѣ дѣвушки учатся въ гимназіи и потомъ рыщутъ по свѣту въ поискахъ жизненнаго опыта. Но въ то же время ея сильная, глубокая натура обѣщала распуститься въ будущемъ пышнымъ цвѣтомъ. Она еще оставалась дочерью Новой Англіи, со многими характерными чертами, теперь уже исчезающими, но и для нея уже начиналась космополитическая метаморфоза, которой такъ легко поддаются женщины ея расы.

И въ этомъ сказывалось вліяніе Мэнистея. Бѣдные глаза Элеоноры подмѣчали слѣды этого вліянія на каждомъ шагу. Большая часть интересовъ и вопросовъ, на которыхъ такъ долго былъ сосредоточенъ умъ Мэнистея, теперь были близки и сердцу Люси. Имъ регулярно присылали книги изъ Рима, и Элеонора не разъ дивилась выбору Люси, пока однажды въ умѣ ея не блеснула разгадка.

Дѣйствительно, Люси безъ шума, но быстро проникала все глубже въ новыя для нея области мысли и чувства. Она читала и думала. Она наблюдала поселянъ и даже заходила иногда въ ихъ скромную церковь, хотя ни за что не соглашалась пойти къ обѣднѣ вмѣстѣ съ Элеонорой. Какой-то смутный, непобѣдимый инстинктъ удерживалъ ее отъ этого.

При всемъ томъ ея личныя вѣрованія и привычки — религіозность, сдержанность, нѣкоторая строгость—повидимому, ничуть не измѣнились. Онѣ только получили иную окраску и съ теченіемъ времени должны были вылиться въ другую форму—это было очевидно. Такъ же очевидно было для Элеоноры и другое— что разница мнѣній и взглядовъ не станетъ преградой между нею и Мэнистеемъ. Люси могла отстаивать свое мнѣніе пылко, даже неразумно, но она была не изъ тѣхъ, кто ставитъ жизнь въ зависимость отъ взглядовъ. Натура у нея была великодушная, терпѣливая, отличающаяся широкою терпимостью. Способность чувствовать въ ней была всего сильнѣе и глубже, и никакія умственныя различія не могли бы помѣшать ея чувству найти себѣ естественный выходъ.

Между тѣмъ, Люси, казалась самой себѣ въ высшей степени отсталой и невѣжественной, въ особенности, рядомъ съ Элеонорой.

— О! я совсѣмъ глупышка! — сказала она однажды Элеонорѣ, улыбаясь и вздыхая, когда та стала разспрашивать ее про ея дѣтство и воспитаніе.— Меня слѣдовало бы отдать въ гимназію. Всѣ мои знакомыя дѣвочки ходили въ гимназію. Но тогда дядѣ Бену пришлось бы остаться совсѣмъ одному. Ну, меня и не отдали.

— Но вы знаете многое, чего не знаютъ другія дѣвушки.

Люси пожала плечами.

— Я знаю немножко латыни и греческаго и еще кое-что, чему меня научилъ дядя Бенъ. Но въ Бостонѣ я чувствовала себя такой простушкой!

— Отставшей отъ вѣка?

Люси засмѣялась.

— Не въ томъ дѣло. Вѣкъ тутъ ни при чемъ. Видите ли, я очень тяжела на подъемъ, а у насъ всѣ очень живые. Американецъ, не умѣющій ловить моментъ, не имѣетъ права существовать. Вы обязаны знать послѣднюю новость, прочесть послѣднюю книгу—иначе васъ будутъ спрашивать, зачѣмъ вы здѣсь и что вы здѣсь дѣлаете?

— Почему о васъ могутъ думать, что вы тяжелы на подъемъ? —выговорила Элеонора особеннымъ тономъ, такъ часто ставившимъ втупикъ Люси, потому что въ немъ звучала, невѣдомо почему, нотка враждебности, иногда пробивавшаяся наружу.

— Это нелѣпо. Посмотрите, какъ бы-

*

стро вы выучились по итальянски — и одѣваться! и мало ли еще чему.

Она улыбнулась и ласково провела рукой по темнымъ волосамъ дѣвушки.

Люси покраснѣла, наклонилась надъ работой и не отвѣтила.

Обыкновенно онѣ проводили утро на *лоджіи*, за чтеніемъ и рукодѣліемъ. Люси была большая искусница и, за время пребыванія ихъ въ *Torre Amiata*, красивая полоса вышивки, начатая ею, значительно подвинулась впередъ. Въ душѣ Люси не разъ задавала себѣ вопросъ: неужели это вышиваніе придется и окончить здѣсь? Элеонора избѣгала теперь всякаго намека на перемѣну, а Люси, великодушно взявшая на себя бремя, уже не смѣла сложить его и не знала когда ей это позволятъ. Она несла это бремя бережно, нѣжно, съ любовью, половину которой составляло жгучее угрызеніе. Но вѣдь какъ же быть съ дядей Беномъ? Еще немного—и онъ серьезно разсердится. А Портеры, съ которыми она поступаетъ такъ странно? Они, навѣрное, въ сентябрѣ вернутся въ Америку, если не раньше. Не должна ли она ѣхать вмѣстѣ съ ними?

Да и въ состояніи ли будутъ онѣ, сѣверянки, выносить жару въ августѣ? Уже и теперь онѣ проводили часть дня въ комнатахъ съ запертыми ставнями, и Элеонора была бѣлѣе бѣлыхъ вьюнковъ, покрывавшихъ недавно скошенныя поля.

Но какая прелесть дядя Бенъ! какъ онъ милъ и рыцарски добръ! Она просила его вѣрить ей, и онъ такъ благородно выполнилъ ея просьбу, хотя по письмамъ видно было, какъ онъ разстроенъ и встревоженъ.

«Я не могу сказать вамъ *всего*—писала ему Люси, — это значило бы выдать чужую тайну, — но я чувствую, что поступаю, какъ должно, и увѣрена, что, еслибъ вы знали все, вы одобрили бы мое поведеніе. М-рсъ Бергойнъ *очень* слаба, и привязана ко мнѣ. Я не могу вамъ объяснить, какъ и почему это вышло, но это такъ. Пока я не могу оставить ее. Мѣстность здѣсь дивная, жара не слишкомъ сильна, и писать я вамъ буду каждую недѣлю. Только, пожалуйста, не говорите никому, гдѣ я; скажите, что я не могу дать постояннаго адреса, и пусть мнѣ пересылаютъ письма черезъ васъ».

А онъ въ отвѣтъ:

«Милое дитя мое, все это очень таинственно; мнѣ это не нравится. Было бы нелѣпо съ моей стороны утверждать противное. Но не затѣмъ, я вѣрилъ моей Люси четырнадцать лѣтъ, чтобы начать преслѣдовать ее теперь за то, что она не можетъ выдать мнѣ тайны. Только предупреждаю: если не будешь писать аккуратно каждую недѣлю, мое великодушіе, какъ ты называешь это, лопнетъ, и я пошлю кого-нибудь или самъ отправлюсь на розыски... Не нужно ли тебѣ денегъ? Крѣпко надѣюсь, что твое приключеніе не продлится дольше конца іюля!».

Такъ ли это? Сбудется ли его надежда? Элеонора читала вслухъ, но Люси, занятая своими тревожными мыслями, почти не слушала ея.

Вдругъ она замѣтила, что въ ея корзиночкѣ недостаетъ мотка шелка, необходимаго ей для работы. Она перерыла все въ своемъ старомъ рабочемъ ящичкѣ съ инкрустаціей, стоявшемъ на столикѣ возлѣ, но и тамъ мотка не было.

— Пожалуйста, погодите минутку,— сказала она Элеонорѣ;— боюсь, что мнѣ безъ этого шелка не обойтись.

Она поспѣшно встала и при этомъ опрокинула хромой тростниковый столикъ. Ея рабочій ящикъ съ трескомъ ударился о полъ и все его содержимое разсыпалось по-полу. Люси вскрикнула съ отчаяніемъ:

— Ахъ! мои терракотты, мои бѣдныя терракотты!

Элеонора вздрогнула и тоже невольно поднялась съ мѣста. На полу валялись всѣ головки, подаренныя Мэнистеемъ Люси, тщательно завернутыя въ папиросную бумагу и хранившіяся въ ея старомъ рабочемъ ящикѣ.

Элеонора помогла собрать ихъ. Нотка отчаянія, звучавшая въ голосѣ Люси до сихъ поръ звенѣла въ ея ушахъ.

— Къ счастью, онѣ не очень повреждены,—сказала она.

Дѣйствительно, благодаря тщательной

упаковкѣ, терракотты пострадали немного: отбилось нѣсколько кусочковъ да коегдѣ оказались трещинки и царапинки. Но и такихъ изъяновъ на нѣжныхъ греко-римскихъ терракоттахъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы повергнуть въ огорченіе ихъ владѣльца, и Люси, разложивъ ихъ на колѣни, склонилась надъ ними съ пылающимъ, полнымъ раскаянія лицомъ, разсматривая каждую отдѣльно и закутывая ее снова.

— Лучше было бы завернуть въ вату,—выговорила она озабоченно. — Вы какъ уложили свои?

Не успѣла она выговорить это, какъ почувствовала, что лучше было бы не спрашивать.

Густая краска залила впалыя щеки Элеоноры.

— Боюсь, что я обошлась съ ними довольно небрежно, — пробормотала она и смолкла.

Наступила неловкая пауза. Минуту спустя Элеонора опять поднялась, между тѣмъ, какъ Люси продолжала сидѣть на полу, держа на колѣняхъ свои сокровища.

— Я пойду, отдохну часокъ передъ завтракомъ; можетъ быть даже усну.

Она плохо провела ночь, и Люси, знавшая это, посмотрѣла на нее съ нѣжной заботливостью, потомъ быстро, но осторожно отложила въ сторону терракотты и пошла укладывать Элеонору.

Но, оставшись одна въ своей комнатѣ, не смотря на закрытыя ставни и спущенныя занавѣси, Элеонора не въ состояніи была уснуть. Она лежала въ тоскѣ, мысленно переживая послѣднюю ночь на виллѣ, вспоминая свой неудержимый порывъ и думая, что Мэнистей былъ въ это время въ саду.

Вдругъ какой-то звукъ донесся до нея съ *лоджіи*. Она быстро повернулась въ ту сторону. Рыданіе? Кто это плачетъ? Люси?

Сердце въ ней замерло. Она безшумно соскользнула на полъ. Дверь на *лоджію* была полуотворена ради воздуха. Въ образовавшуюся щель она совершенно явственно видѣла Люси. Дѣвушка сидѣла почти спиной къ двери, но повернувшись такъ, что ея профиль и руки были видны.

Какъ спокойна была ея поза—но какъ краснорѣчива! Въ рукахъ, сложенныхъ на колѣняхъ, она держала одну изъ терракоттовыхъ головокъ. Элеонора могла разсмотрѣть ее въ подробностяхъ. То была головка отъ статуэтки, вродѣ той, которую она выбросила, только меньше и грубѣе,—головка Артемиды съ короной Цибелы. Въ памяти Элеоноры мгновенно блеснула сценка: Мэнистей на скамьѣ, за сторожкой, объясняющій значеніе терракоттъ, — его пылкая рѣчь, сдвинутыя черныя брови, — и рядомъ Люси — ея кроткіе глаза — и въ нихъ невинная радость.

Теперь у Люси не было собесѣдника, кромѣ собственныхъ мыслей. Лицо ея было приподнято, глаза закрыты, прелестный ротикъ искривился отъ усилія сдержать дрожь въ уголкахъ губъ. Она хорошо владѣла собой, но въ данный моментъ не могла вполнѣ побѣдить въ себѣ тоски и горя. Судорога исказила ея черты; послышался еще заглушенный звукъ рыданія. Потомъ Элеонора видѣла, какъ она подняла терракотту, наклонилась и долго нѣжно прижимала ее къ своимъ губамъ. То былъ жестъ, говорившій: «прости навсегда!»—и въ этомъ дѣтскомъ жестѣ вылилось сердце женщины.

Элеонора съ трудомъ добрела до своей кровати, присѣла на край ея и сидѣла, не двигаясь, въ темнотѣ, пока стукъ посуды и шаги Чекко въ корридорѣ, несущаго завтракъ, не предупредили ее, что ея отдыху насталъ конецъ.

Вечеромъ Элеонора сидѣла одна на *Sassetto*. Люси, чувствовавшая присущую молодости потребность въ движеніи, отправилась на прогулку черезъ лѣсъ до перваго моста надъ Пальей. Элеонора весь день чувствовала себя очень усталой и въ первый разъ за пребываніе здѣсь раздражительной Люси. втайнѣ почти рада была уйти, и Элеонора, провожая ее, въ свою очередь испытывала облегченіе.

М-рсъ Бергойнъ лежала въ качалкѣ, обитой парусиной, въ зеленой тѣни *Sassetto*. Вокругъ нея былъ хаосъ обросшихъ мохомъ скалъ, увѣнчанныхъ де-

ревьями, молодыми и старыми; сквозь просвѣтъ въ вѣтвяхъ виднѣлось далекое розоватое съ золотымъ отблескомъ небо надъ воздушными вершинами гребня Аміаты; вѣтерокъ шелестилъ листвою; птицы молчали, но большія зеленыя ящерицы то и дѣло шмыгали между камнями, оживляя этотъ прохладный тѣнистый уголокъ.

Элеонора условилась встрѣтиться здѣсь въ 6 часовъ съ графиней. Но отъ графини пришла записка съ извиненіемъ: она не могла быть; къ ней пріѣхали какіе-то родственники.

Тѣмъ не менѣе, немного послѣ шести на тропинкѣ послышались приближавшіеся шаги; Элеонора еще издали узнала шаги отца Бенеке и, ради него, обрадовалась, что графини не будегъ.

Что касается донны Терезы, завидѣвъ священника въ деревнѣ или на дорогѣ, она кидалась въ сторону, какъ будто уже самая тѣнь приносила проклятіе.

Ея крошечное личико и худенькая фигурка, казалось, становились еще меньше и тоньше подъ вліяніемъ страха и отвращенія. Элеонора видѣла это и удивлялась.

Но графиня не находила что сказать разстриженному священнику.

— *Non, madame, c'est plus fort que moi!*—объясняла она однажды, послѣ встрѣчи съ Элеонорой и отцомъ Бенеке на *Sassetto*, какъ бы оправдывая свое поведеніе съ нимъ.—Между нами—*bien entendu*, каждый воленъ думать, какъ ему нравится. Богу извѣстно, что я не ханжа. Тереза и то сокрушается обо мнѣ.—Величавая властная женщина подавила вздохъ, говорившій многое.—Я беру отъ религіи, что мнѣ нужно и не справляюсь объ остальномъ. Также поступалъ и Эмиліо. Но священникъ, который не повинуется церкви—бросаетъ свое дѣло... Нѣтъ! Это совсѣмъ другое. Тутъ я не могу разсуждать; это хватаетъ меня прямо за горло. Это инстинктъ, наслѣдственность—назовите, какъ хотите, но въ данномъ случаѣ я чувствую то же, что и Тереза; я способна убѣжать при видѣ его.

Надо замѣтить, однако, что случая убѣжать ей не представлялось. Какъ только онъ оправился отъ перваго потрясенія, къ нему вернулось его достоинство; блѣдный, углубленный въ себя, онъ бродилъ какъ отшельникъ, по дорогамъ и тропинкамъ *Torre Amiata*, не глядя по сторонамъ и никого не замѣчая. Онъ никого ни о чемъ не просилъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ, кромѣ дамъ, живущихъ въ монастырѣ, да старухи, неохотно прислуживававшей ему въ маленькомъ, полуразвалившемся домикѣ у самой рѣки, куда онъ перенесъ самого себя и свои книги—ради большаго уединенія. Элеонора угадывала, что онъ не хочетъ возвращаться въ Германію къ прежней жизни и прежнимъ друзьямъ, пока не кончитъ пересмотра своей книги и пока въ немъ самомъ не завершится процессъ эволюціи мысли. Элеонора понимала это и не безъ основанія думала, что онъ смотритъ на свое одиночество и враждебное отношеніе къ нему сосѣдей итальянцевъ, какъ на необходимый искусъ, который нужно сносить безропотно.

Шаги приближались; Элеонора выпрямилась и стряхнула съ себя дремоту. По лицу ея можно было бы угадать, что ожиданіе втайнѣ волнуетъ ее.

Подойдя, отецъ Бенеке поздоровался съ ней съ обычной своей манерой, сдержанно и въ то же время сердечно. Онъ принесъ нумеръ нѣмецкой клерикальной газеты центра, гдѣ была напечатана статья о немъ и всей его исторіи, настолько рѣзкая, что онъ счелъ необходимымъ отвѣтить. Отвѣтъ также лежалъ у него въ карманѣ.

Элеонора взяла статью и стала просматривать ее, но внутренній голосъ подсказывалъ ей, что она больше неспособна играть роль критика и совѣтчика. Неожиданно отецъ Бенеке сказалъ:

— Я послалъ свой отвѣтъ на просмотръ м-ру Мэнистею. Мнѣ хотѣлось бы показать вамъ, что онъ пишетъ по этому поводу.

Элеонора откинулась на спинку кресла.

— Вы знаете, гдѣ онъ?—вскричала она.

Ея удивленіе было такъ велико, что въ первую минуту она даже не съумѣла

скрыть своего волненія. Отецъ Бенеке также смутился.

— Я писалъ ему на имя его банкира, сударыня, зная, что письма по этому адресу всегда доходятъ до него.

Онъ запнулся отъ изумленія и совсѣмъ растерялся. М-рсъ Бергойнъ все еще задыхалась отъ волненія и не могла овладѣть собой. Въ первый разъ онъ остановилъ на ней свой разсѣянный взоръ, обратилъ на нее вниманіе, какъ на человѣческое существо и вдругъ сразу понялъ, что передъ нимъ женщина очень больная и, повидимому, очень несчастная, и что слова, только что произнесенныя имъ, повергли ее въ трепетъ и волненіе, которое ей, при ея физической слабости, побороть очень трудно.

Онъ самъ покраснѣлъ отъ волненія.

— Сударыня, спѣшу увѣрить васъ, что я въ точности выполнилъ вашу просьбу. Вы были такъ добры, что сообщили мнѣ о своемъ нежеланіи увѣдомлять кого бы то ни было о своемъ пребываніи здѣсь. Я ни словомъ не заикнулся объ этомъ м-ру Мэнистею и вообще никому изъ моихъ корреспондентовъ. Позвольте мнѣ показать вамъ его письмо.

Онъ подалъ ей листокъ. Элеонора взяла его дрожащими пальцами и, помолчавъ, выговорила:

— Вы захватили меня врасплохъ. Миссъ Фостеръ и я—мы такъ долго, такъ давно не имѣли извѣстій о своихъ друзьяхъ.

Она наклонилась надъ письмомъ. Ей казалось, что чернила едва успѣли высохнуть на немъ, что оно еще сохранило теплоту руки Мэнистея. Дата на письмѣ была совсѣмъ недавняя—третьяго дня. А мѣсто—откуда оно? Козенца? Козенца въ Калабріи? Такъ онъ еще въ Италіи?

Она отдала письмо назадъ отцу Бенеке.

— Не прочтете ли вы сами? У меня сегодня что-то голова болитъ.

Отецъ Бенеке началъ читать нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ. Ему припоминались нѣкоторыя фразы, на которыя онъ почти не обратилъ вниманія при первомъ бѣгломъ чтеніи. Элеонора слушала, лежа; глазъ ея не было видно подъ тѣнью большой шляпы; она сжимала руки, удерживая одной рукой другую, чтобъ она не дрожала.

Странная гордость наполняла ея душу. Письмо было хорошее, дышащее силой и добротой, проникнутое такимъ теплымъ участіемъ къ отцу Бенека, какого до сихъ поръ Мэнистей не позволялъ себѣ выражать,—письмо, дѣлавшее честь писавшему его, отличавшееся свободой и плавностью рѣчи и красотой слога, на каждомъ шагу приводившее на память Элеонорѣ голосъ, движенія, идеи и симпатіи его автора.

Подъ конецъ обычная выходка въ духѣ Мэнистея.

«А все-таки ихъ отвѣтъ вамъ очень хорошъ. Система должна или рухнуть, или процвѣтать. Они, естественно, предпочитаютъ, чтобы она процвѣтала. Но съ такими людьми, какъ вы, она не можетъ процвѣтать. Ихъ инстинктъ никогда не ошибается; это вѣрный инстинктъ.»

А затѣмъ:

«Не знаю, какъ мнѣ удалось дописать до конца это письмо, при всей его безсодержательности. Моя голова въ данный моментъ занята вовсе не умозрительной философіей и политикой. Я нашелъ пріютъ на ночь на склонѣ горы, густо поросшей буковымъ лѣсомъ, въ глухой калабрійской деревушкѣ, гдѣ однакоже въ прошломъ году какой-то предпріимчивый господинъ построилъ санаторію, куда пріѣзжаютъ больные изъ Неаполя и даже изъ Рима. Лѣса здѣсь большіе, населеніе дикое. Разбойники перевелись, или переводятся; электричества сколько угодно. Я пріѣхалъ сегодня утромъ и завтра уѣду. Я теперь странствую по Италіи. Уже шесть недѣль я брожу, какъ пилигримъ, прошелъ всѣ Абруццы, отъ сѣвера къ югу. Всюду, гдѣ только праздные люди ищутъ убѣжища отъ зноя равнинъ, я побывалъ. Но я ищу не того, что они... и не того, чего вы ищете, *padre*. Исканія бываютъ разныя. Мое — одно изъ древнѣйшихъ, извѣстныхъ человѣку. Мое сердце неутомимо стремится впередъ. И въ концѣ концовъ я достигну цѣли».

Послѣднія фразы священникъ читалъ невѣрнымъ голосомъ и торопливо, чув-

ствуя, что при каждомъ словѣ, словно электрическій токъ пронизываетъ хрупкое тѣло женщины, сидящей возлѣ него, но все же читалъ, чтобы она не подумала, что онъ пропустилъ что-нибудь, не зная, какъ уклониться отъ этого.

Когда онъ опустилъ письмо, руки его также дрожали. Наступило молчаніе.

Элеонора медленно, съ усиліемъ приподнялась въ своемъ креслѣ, сдвинула шляпу назадъ и обратила къ священнику блѣдное, измученное лицо.

— Отецъ мой,—начала она, наклоняясь къ нему,—вы священникъ и исповѣдникъ?

Лицо его измѣнилось. Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Да, сударыня, — выговорилъ онъ наконецъ твердо и съ достоинствомъ.

— Но въ данный моментъ вы не можете исполнять обязанности священника. Да и я не католичка. А все же я живой человѣкъ—съ душой, если только у людей есть души; вы же настолько стары, что могли бы быть моимъ отцомъ, и опытъ у васъ большой .. У меня страшная тяжесть на душѣ, и я, по всей вѣроятности, скоро умру... Хотите выслушать мою исторію, какъ выслушали бы исповѣдь на тѣхъ же условіяхъ.

Она устремила на него пристальный взоръ. Выраженіе лица ея собесѣдника нечувствительно измѣнилось. Теперь это было истое лицо священника, участливое, задумчивое. Онъ посмотрѣлъ на нее пристально, съ состраданіемъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ никого, къ кому бы для васъ было полезнѣе обратиться съ этою исповѣдью, кто имѣлъ бы на нее больше права, чѣмъ я?

— Никого.

— Въ такомъ случаѣ я не могу отказать вамъ. Я не могу отказаться выслушать человѣка въ горѣ, и, если можно, помочь ему. Но позвольте мнѣ напомнить вамъ, что это не можетъ быть настоящей исповѣдью, ни въ какомъ отношеніи. Это можетъ быть только дружеской бесѣдой.

Элеонора провела рукой по глазамъ.

— Я должна смотрѣть на это, какъ на исповѣдь; иначе я не могу говорить. Я не стану просить васъ отпустить мнѣ грѣхи. Это — это не принесло бы мнѣ пользы.—Она засмѣялась коротенькимъ, страннымъ смѣхомъ.—Мнѣ нуженъ совѣтъ, указаніе—отъ человѣка, привыкшаго видѣть людей такими, какъ они есть, и говорить имъ правду. Скажите «да», падре. Вы, можетъ быть, держите въ эту минуту участь трехъ человѣкъ въ своихъ рукахъ.

Ея молящій взоръ не отрывался отъ него. Онъ подумалъ еще немного, потомъ потупилъ глаза и сжалъ руки.

— Говорите, дочь моя, все, что вы имѣете сказать.

Эти слова придали ей мужества.

Она съ трудомъ перевела духъ и помедлила немного, собираясь съ мыслями, потомъ начала тихо, медленно, съ усиліемъ выговаривая слова.

— Я собственно хотѣла бы знать, отецъ мой, до какого предѣла человѣкъ можетъ, *долженъ* отстаивать свои права, свою личность. Вотъ факты. Я не буду называть именъ. Прошлой зимой, отецъ мой, я имѣла основаніе думать, что жизнь улыбнулась мнѣ послѣ многихъ лѣтъ горя. Я отдала все свое сердце, всю душу.—Все это она выговорила однимъ духомъ и сразу вдругъ ослабѣла, какъ будто съ этой тирадой ушла часть ея силы.—Я думала, что, взамѣнъ этого, меня высоко цѣнятъ, питаютъ ко мнѣ истинную привязанность, что... что для моего друга я дороже всѣхъ остальныхъ, что современемъ онъ будетъ моимъ всецѣло. Вы понимаете, это была моя великая надежда— не болѣе. Но я многое сдѣлала, чтобы заслужить его доброе отношеніе—онъ мнѣ многимъ обязанъ. Я подразумѣваю не ничтожную помощь, которую я ему оказала, но всю мою любовь, то, что я день и ночь думала только о немъ.

На минуту она склонила голову на руки. Священникъ сидѣлъ неподвижно; Элеонора продолжала, измученная и возбужденная своей странной исповѣдью.

— Я не одна такъ думала и надѣялась. И другіе думали то же. Это не было съ моей стороны только глупостью или самонадѣянностью. Но, ахъ! это

старая исторія, падре. Не знаю, зачѣмъ докучать вамъ ею!

Она остановилась, ломая руки.

Священникъ не поднялъ глазъ; онъ сидѣлъ неподвижно, холодный и строгій, и это подѣйствовало успокоительно на ея возбужденіе. Она овладѣла собой и продолжала:

— Какъ водится, тутъ было еще третье лицо, отецъ мой—вы, конечно, догадывались объ этомъ съ самаго начала—другая женщина, моложе и гораздо привлекательнѣе меня. Это длилось всего полтора мѣсяца, даже меньше. Сродства натуръ и души между ними не было—такъ я, по крайней мѣрѣ, думала. Мнѣ казалось, что все это сдѣлалось въ одинъ моментъ, просто потому, что она была красива. Не могла же я перенести это спокойно, примириться сразу съ потерей всего, что красило для меня жизнь—развѣ можно было требовать этого отъ меня?

Священникъ все еще не поднималъ глазъ.

— Вы противились этому? — спросилъ онъ.

— Противилась, и съ успѣхомъ,— продолжала она, задыхаясь отъ волненія.—Я разлучила ихъ. Дѣвушка, вытѣснившая меня изъ его сердца, была мила, нѣжна, добра. Она жалѣла меня, и я дѣйствовала на ея чувство состраданія. Я увезла ее отъ... отъ моего друга. Почему бы и нѣтъ? Почему это мы обязаны вѣчно жертвовать и жертвовать собой? Мнѣ это ученіе казалось такимъ жестокимъ, суровымъ и безчеловѣчнымъ! Я знала, что моя жизнь разбита, испорчена безвозвратно; но я не могла перенести такой жестокости,—простить такой обиды—не могла! не могла! Я увезла ее, и моя власть надъ ней еще и теперь велика, и, если я захочу, всегда будетъ достаточно велика для того, чтобы держать ихъ вдали другъ отъ друга!

Она прижимала руки къ груди, какъ бы стараясь утѣшить біеніе сердце, грозившее заглушить ея голосъ. Когда она заговорила о «жертвахъ», въ голосѣ ея зазвучало презрѣніе, почти ненависть, и это заставило отца Бенеке сдвинуть брови.

Она кончила, а онъ все еще сидѣлъ, согнувшись, погруженный въ раздумье. Когда онъ поднялъ глаза, она вся разомъ подобралась, какъ бы уже предчувствуя суровый приговоръ. Но онъ только спросилъ:

— А ваша молоденькая пріятельница—ея счастье при этомъ не пострадало?

Элеонора вздрогнула и отвернулась.

— Я думала, что нѣтъ... вначалѣ,— прошептала она чуть слышно.

— А теперь?

— Не знаю — у меня есть подозрѣнія... Но, отецъ мой, если бы даже и такъ, она молода — у нея все впереди. То, что убило бы меня, только ускоритъ — для нея — день, который неизбѣжно наступитъ. Она рождена быть любимой.

Она опять обратила къ нему свое лицо, искаженное усиліями овладѣть собой; въ глазахъ ея блестѣли крупныя слезы. Она, какъ упрямое дитя, отстаивала свои правоту, моля о прощеніи.

Чистый взоръ священника также отуманился, но онъ не сводилъ глазъ съ Элеоноры.

— Сударыня—Богъ оказываетъ вамъ великую честь.

Эти слова были сказаны едва слышно, но не дрогнувшимъ голосомъ. Элеонора внимала имъ безмолвно, съ раскрытыми устами,какъ бы доискиваясь ихъ значенія.

— На свѣтѣ очень немного людей, которымъ Богъ удостоиваетъ такъ открыто показать Свою волю, какъ теперь вамъ. Не все ли равно, сударыня, говоритъ ли съ нами Господь среди терній, или среди цвѣтовъ? Я даже не помню, чтобы Онъ когда-нибудь говорилъ съ нами среди цвѣтовъ, но часто... часто Онъ взываетъ къ намъ въ глуши и въ пустынѣ. Но когда Онъ взываетъ, поймите же, великое снисхожденіе, благодать уже въ томъ, что Онъ далъ намъ услышать Свой голосъ, что Онъ, нашъ Творецъ и Господь удостоилъ обратиться къ намъ, просить насъ, какъ будто Онъ такое же смиренное существо, какъ мы сами! И тогда— о! какъ мы должны торопиться отвѣтомъ, съ какой готовностью мы должны

поспѣшить предать въ Его руки себя и все, что имѣемъ!

Элеонора отвернулась, безсознательно обрывая мохъ съ дерева, росшаго возлѣ. По лицу ея катились слезы.

Но священникъ взывалъ къ ея религіозному, не къ нравственному чувству, и это помогло ей собраться съ силами.

— Вы говорите, отецъ мой, какъ священникъ и христіанинъ. Я понимаю, конечно, что такова и должна быть рѣчь христіанина, христіанская точка зрѣнія. .

— Дочь моя,—возразилъ онъ просто. я не могу говорить инымъ языкомъ.

Наступила пауза. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Но, на минуту, взгляните на это съ другой точки зрѣнія. Вы говорите, что для себя лично вы уже не ждете счастья отъ жизни. Чего же вы, въ такомъ случаѣ, желаете? Только горя и униженія другихъ? Но развѣ кто бы то ни было, мужчина или женщина, имѣетъ законное право добиваться этого — все равно, будь онъ язычникъ, или христіанинъ? Тотъ, кто сказалъ: «Люди существуютъ одинъ для другого», не былъ христіаниномъ. А между тѣмъ, когда двое — вашихъ друзей — сами того не зная и не желая—причинили вамъ зло...

Элеонора молча покачала головой.

Священникъ наблюдалъ за ней.

— Вы сами говорили, что по краймѣрѣ одна изъ двухъ была добра и ласкова съ вами—выказывала вамъ участіе и не хотѣла сознательно сдѣлать вамъ зло. А вы хотите наказать ее — ради удовлетворенія своей гордости. Она молода. Вы, какъ старшая, болѣе ея способны управлять своими страстями; развѣ не слѣдовало бы вамъ относиться къ ней съ нѣжностью, какъ старшей сестрѣ — какъ матери — а не какъ соперницѣ?

Онъ говорилъ спокойно и властно, вкладывая въ эти слова всю силу протеста его собственной души, возмущенной этимъ признаніемъ.

Элеонора поднялась съ мѣста, негодующая.

— Это безполезно! — вскричала она съ отчаяніемъ —Поняли ли вы, отецъ мой, что я сказала вамъ въ самомъ началѣ?—что мнѣ, по всей вѣроятности, не долго осталось жить—нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть годъ? И что, если я сведу этихъ двухъ людей вмѣстѣ, это отравитъ послѣдніе дни и часы моей жизни — сдѣлаетъ для меня невозможнымъ вѣрить—надѣяться на что бы то ни было?

— Нѣтъ, нѣтъ, бѣдная душа!—сказалъ глубоко растроганный священникъ. Съ вами будетъ, какъ со св. Іоанномъ: «Теперь мы знаемъ, что перешли отъ смерти къ жизни, ибо возлюбили братьевъ своихъ».

Элеонора пожала плечами.

— У меня нѣтъ вѣры и нѣтъ надежды.

Глаза его загорѣлись, приняли другое выраженіе, почти повелительное.

— Вы несправедливы къ самой себѣ. Развѣ вы могли бы заставить себя попросить у меня совѣта, если бы сила Божія не коснулась уже вашей души — если бы вашъ грѣхъ не былъ уже на половину побѣжденъ?

Она отшатнулась, словно отъ удара. Щеки ея пылали.

— Грѣхъ!—повторила она съ горечью, почти съ презрѣніемъ: ей нестерпимо было слышать это слово.

Но священникъ не смутился.

— Всякое эгоистическое желаніе есть грѣхъ — тѣмъ болѣе желаніе, которое бросаетъ вызовъ Господу Богу и стремится причинить горе ближнему. Но вы побѣдите въ себѣ это желаніе. Въ васъ уже началась внутренняя борьба, которая должна сдѣлать изъ васъ христіанку.

— Отецъ мой, вѣрованія и догматы для меня ничего не значатъ; я не признаю ихъ.

— Можетъ быть. А религіи вы также не признаете?

У Элеоноры дрогнули губы.

— О! я слабая женщина. Я цѣпляюсь за все, что сулитъ утѣшеніе. Когда я вижу монахинь изъ обители внизу, прогуливающихся по этой самой тропинкѣ, я часто думаю, что онѣ избрали благую часть, — что для меня, можетъ быть, единственный исходъ — католицизмъ и

монастырь—на то недолгое время, которое мнѣ остается прожить.

— Иными словами:—Богъ указываетъ вамъ одинъ путь покаянія, а вы хотите избрать другой. Что же, Господь и Давиду предложилъ самому выбрать для себя кару; но мнѣ всегда казалось, что этотъ выборъ былъ только добавочнымъ наказаніемъ. Я бы не сталъ выбирать. Я бы все предоставилъ Его Божественной власти! Этотъ крестъ вы не сами на себя наложили—Господь послалъ его вамъ. Развѣ это не явное доказательство Его любви къ вамъ? Онъ проситъ у васъ того, что могутъ снести лишь самые сильные, даетъ вамъ возможность послужить Ему вмѣстѣ съ лучшими. Какъ я уже говорилъ раньше, — не есть ли это Его излюбленный способъ почтить Свое созданіе?

Элеонора сидѣла молча, опустивъ голову.

— И еще,—продолжалъ священникъ измѣнившимся голосомъ,—вы говорите, что вѣрованія и догматы для васъ ничто. Мнѣ ли, извергнутому изъ лона видимой церкви, отстаивать ихъ передъ вами, пытаться уяснить вамъ ихъ обязательность, сдѣлать ее очевидной для вашего сознанія? Но одно я могу сдѣлать, и какъ простой смертный, и какъ священникъ—я могу попросить васъ задать самой себѣ вопросъ: дѣйствительно ли *Христосъ* и Его крестная смерть ничто для васъ?

Онъ подождалъ, глядя на нее своими ясными, но не видящими глазами, смотрѣвшими внутрь, въ глубь собственной души, гдѣ волна чувства всколыхнулась съ новой силой послѣ недавней грозы сомнѣній и душевной борьбы, пережитой имъ самимъ.

— Почему же, — продолжалъ онъ медленно и убѣдительно, — почему всѣ мы носимъ этотъ дивный образъ, если не въ глубинѣ любящаго сердца, то, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи? Почему въ душѣ современнаго человѣка, при всей его страсти къ наживѣ, жаждѣ знанія, жаждѣ наслажденій, все же живетъ и горитъ яркимъ пламенемъ...

(Онъ протянулъ впередъ сложенныя, дрожащія руки, словно держа въ нихъ трепещущее сердце человѣческое).

— Странная, безумная потребность жертвы, жажда страданія, стремленіе послѣдовать Христу? Почему же это стремленіе живо въ культурныхъ и цивилизованныхъ расахъ, управляющихъ міромъ? Почему, какъ бы ни раздѣляли насъ вѣрованія и церкви, насъ глубже всего трогаетъ и крѣпче всего связуетъ вмѣстѣ именно этотъ разсказъ о страшной смерти, которая, по словамъ очевидцевъ, была добровольной, которую Невинная Жертва встрѣтила съ радостью, ради искупленія своихъ братьевъ—смерти, поистинѣ сообщившей тѣмъ, кто присутствовалъ при ней, новую жизнь — жизнь, Божественную Тайну, возобновляющуюся на нашихъ глазахъ каждый день, въ тысячахъ человѣческихъ существъ? Что все это значитъ? Спросите себя? Откуда такое стремленіе въ нашемъ мірѣ похотей и желѣза? Какъ объяснить его себѣ, если не видѣть въ немъ ключа къ міровой загадкѣ? Ахъ! дочь моя, думайте что хотите о природѣ и свойствахъ Распятаго, но обратите глаза ваши на Крестъ! Не утруждайте себя критикой вѣрованій, — я говорю это, снисходя къ вашей слабости,— но углубитесь въ исторію страданій нашего Господа и вліянія ихъ на міръ! А потомъ сравните ихъ съ вашими собственными страданіями. Въ васъ сидитъ корень злого желанія—гнѣва и злобы,— *cupido*, держащій васъ вдали отъ вашего Господа. Искорените его, бросьте его къ ногамъ Распятаго, и радуйтесь— радуйтесь!—что у васъ есть, что дать вашему Господу, прежде чѣмъ Онъ дастъ вамъ Самого Себя!

Голосъ стараго священника дрогнулъ и оборвался.

Элеонора не отвѣчала. Ея способность чувствовать какъ-то вдругъ истощилась. Нервы и мозгъ отказывались работать.

Минуту спустя она поднялась и протянула руку.

— Благодарю васъ отъ всего сердца. Ваши слова очень трогаютъ меня, но смыслъ ихъ, кажется мнѣ какимъ-то далекимъ — невозможнымъ. Дайте мнѣ подумать о нихъ. Я недостаточно сильна, чтобы продолжать разговоръ теперь.

Она пожелала ему доброй ночи и ушла.

Медленной усталой походкой она поднималась по тропинкѣ, и ея стройная фигура и бѣлое платье еще долго мелькали между деревьями.

Отецъ Бенеке остался одинъ, волнуемый самыми противорѣчивыми мыслями.

И онъ, послѣ разговора съ Элеонорой, испытывалъ странное возбужденіе и тревогу; ея признанія перевернули всю его душу. Будь это обычная католическая исповѣдь, онъ легко могъ бы дать тѣ указанія, какія требовались отъ него, какъ отъ духовника Но тутъ ему пришлось справляться собственными силами, прибѣгать къ новымъ методамъ, которыя теперь, когда критическая минута прошла, отягощали его совѣсть нежданнымъ бременемъ укоровъ и сомнѣній.

Поддержка великой системы, традиція была отнята у него, и онъ до сихъ поръ чувствевалъ себя чѣмъ то неопредѣленнымъ, ни обыкновеннымъ смертнымъ, ни священникомъ — идущимъ ощупью во мракѣ.

Бѣдная женщина! Онъ сознавалъ, что ея разсказъ вызвалъ въ немъ нѣчто вродѣ гнѣва—такъ горячо и не краснѣя защищала она свой эгоизмъ. Даже при его долгомъ опытѣ это казалось ему чудовищнымъ. Достаточно ли онъ былъ нѣженъ и терпѣливъ?

Больше всего его смущало, что, рядомъ съ кающейся, онъ чувствовалъ *женщину*—хрупкую, съ слабымъ здоровьемъ, съ разбитымъ сердцемъ, съ ея страхомъ смерти... Новые сложные вопросы и сомнѣнія нахлынули на него, и онъ уже не могъ заградить имъ путь въ свою душу плотинами католицизма. Ночь уже спускалась на землю, а онъ все сидѣлъ и думалъ, и судьба человѣческая казалась ему такой смущающей, мучительной загадкой. Надъ яснымъ ландшафтомъ католическаго міросозерцанія, къ которому такъ привыкли его глаза, все омрачилось; тучи нависли надъ нимъ; отдѣльныя черты его принимали новый видъ, становились въ новыя соотношенія. Какъ странно складывается судьба человѣка! Руководительство извнѣ отнято—вмѣсто него предлагается чисто духовное руководительство. «*Domine, in coelo misericordia tua—judicia tua abyssus multa*».

Припомнивъ все, что онъ зналъ о м-рсъ Бергойнъ и Мэнистей, священникъ, долгимъ опытомъ развившій въ себѣ проницательность и пониманіе тонкостей людскихъ отношеній, скоро подобралъ разрозненныя звенья и составилъ изъ нихъ одно цѣлое. Очевидно, молоденькая американка, живущая у м-рсъ Бергойнъ и относящаяся къ нему съ такимъ милымъ участіемъ, и есть та—другая женщина.

Онъ инстинктивно угадывалъ, что м-ръ Бергойнъ еще разъ обратится къ нему, хотя они и разстались холодно. Она выдала себя, показала ему все болѣзненное смятеніе мыслей и чувствъ въ ея душѣ, скрывавшееся подъ ея наружной энергіей и умственнымъ развитіемъ. Ихъ положеніе по отношенію другъ къ другу радикально измѣнилось. Онъ отложилъ въ сторону почтительность и смиреніе и принялъ на себя роль руководителя; для него, какъ священника и эксперта въ нравственныхъ дѣлахъ, это было естественно.

У нея нѣтъ вѣры, а между тѣмъ вѣра спасла бы ее. Она бродитъ во мракѣ, рискуя погибнуть сама и погубить другихъ. И она обратилась къ нему за совѣтомъ и помощью. Старый священникъ съ необычайной готовностью ухватился за трудную задачу, которая представилась ему такъ неожиданно и странно. Онъ жаждалъ покорить и исцѣлить ея душу — привести ее къ вѣрѣ, самопожертвованію, къ Богу. Здѣсь были затронуты двѣ главныя черты его натуры—невинность и деспотизмъ, и можетъ быть, что-нибудь еще? — рвеніе солдата, жаждущаго искупить свое ослушаніе какимъ-нибудь спеціальнымъ и нарочито труднымъ подвигомъ. Получить дозволеніе попытаться — уже милость; успѣть въ попыткѣ—равносильно прощенію.

Неужели она умираетъ, бѣдняжка? Или это заблужденіе, самообманъ, лишній поводъ жалѣть себя? Но нѣтъ! Онъ припомнилъ худобу ея лица и стана, кашель, усталую походку, тревогу миссъ

Фостеръ, кое-какіе разговоры, мимоходомъ подслушанные въ деревнѣ.

А если она умретъ непримиренной, несчастной? Неужели же ничѣмъ нельзя помочь ей извнѣ—подвинуть ее на что-нибудь активное—пока еще есть время?

Въ обсужденіе этого вопроса онъ вложилъ всѣ тонкости казуистики, всю наивность отшельника. Въ трагическомъ переворотѣ душевномъ, который онъ переживалъ, даже эти навыки мысли и дѣйствія, сдѣлавшіеся для него, какъ священника, второю натурой, были до нѣкоторой степени потрясены. Будь Элеонора католичкой и сдѣлай она ему свое признаніе на исповѣди, онъ не смѣлъ бы ни словомъ, ни взглядомъ напомнить ей о томъ, что произошло между ними, ни тѣмъ менѣе пытаться воздѣйствовать на нее въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Сила традиціи такъ велика, такъ связываетъ душу и умъ католическаго священника, что ему не могло бы даже придти искушеніе сдѣлать то, что его церковь считаетъ смертнымъ грѣхомъ.

Далѣе—если бы Элеонора не на исповѣди, но какъ кающаяся — въ письмѣ или разговорѣ — разсказала ему свою исторію, его страстно щепетильное отношеніе къ своимъ обязанностямъ священника точно также связало бы ему руки и языкъ. Другіе католики могли бы не соглашаться съ нимъ, но для него самого было бы ясно, что ему дѣлать.

Но теперь, когда онъ выбился изъ колеи, когда, вмѣсто того, чтобы руководствоваться авторитетами, ему приходилось считаться исключительно съ своей собственной совѣстью, для него открывались новые горизонты. Онъ припоминалъ нѣкоторые вопросы нравственнаго богословія, которые тщательно изучалъ, будучи студентомъ. Въ наше время гнетъ «печати тайны», обязательной для исповѣдника, болѣе суровъ, чѣмъ въ средніе вѣка. Бенеке вспомнилъ, что св. Ѳома Кемпійскій находитъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ исповѣдникъ имѣетъ право воспользоваться тѣмъ, что онъ слышалъ на исповѣди, чтобы устранить какое нибудь препятствіе къ нравственному прогрессу кающагося, — препятствіе, о существованіи котораго ему было сообщено на исповѣди. Современные богословы категорически отрицаютъ законность такого акта, видя въ этомъ оскверненіе таинства.

Но въ глазахъ Бенеке, въ эту минуту любовные доводы св. Ѳомы внезапно пріобрѣли особую красоту и убѣдительность.

Онъ долго обсуждалъ этотъ вопросъ. Онъ думалъ о своемъ другѣ Мэнистеѣ, которому его признательное сердце было обязано долгомъ благодарности, о Мэнистеѣ, блуждающемъ по Италіи въ поискахъ наудачу дѣвушки, которую оторвали и увезли отъ него. Онъ думалъ о самой дѣвушкѣ и ея любви къ Мэнистею—любви, которой даже м-ссъ Бергойнъ въ ея ревнивой тоскѣ не рѣшалась отрицать. Затѣмъ мысли его обратились къ самой м-рсъ Бергойнъ, къ ея напраснымъ и безплоднымъ страданіямъ.

Спускались сумерки. Дойдя до послѣдняго изгиба дороги отецъ Бенеке увидалъ свой домикъ на самомъ берегу и свѣтъ въ окнѣ.

Онъ оперся на палку, испытывая какое-то странное волненіе, какъ бы чувствуя на своихъ плечахъ тяжесть трехъ человѣческихъ жизней, о которыхъ говорила м-рсъ Бергойнъ.

— Господи, дай ихъ мнѣ!—взмолился онъ въ сердечномъ порывѣ смиренія и вмѣстѣ отваги.

Сообщить Мэнистею или кому бы то ни было о пребываніи м-рсъ Бергойнъ въ *Torre Amiata*, само собой, невозможно. На это онъ не имѣетъ права.

Но...

— Развѣ онъ не можетъ пріютить у себя путника, гостя, какъ всякій одинокій человѣкъ?..

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Жаркій вечеръ переходилъ уже въ ночь. Элеонора и Люси сидѣли на *лоджіи*.

Сквозь отверстіе въ стѣнѣ парапета, во время оно продѣланное для крыльца, спускавшагося въ закрытый со всѣхъ сторонъ монастырскій садъ, Элеонорѣ видны были свѣтляки, мелькавшіе искорками въ древесной листвѣ, и дальше, надъ теменью лѣса, воздушныя террасы темной лазури, тонувшія въ звѣздномъ свѣтѣ, а на юго-западѣ, гдѣ кончались горы—небо, еще пламенѣвшее и изрѣзанное темными полосами, предвѣстницами грозы. Еслибъ она привстала, она могла бы увидать еще дальше, за лѣсистыми склонами, бѣлые туманы, поднимающіеся по ночамъ широкой груди Больсены.

Поселяне спѣшили домой съ работъ—мужчины верхомъ на ослахъ и мулахъ, женщины пѣшкомъ, часто съ тяжестями на головахъ, таща за руки ребятъ; фигуры ихъ выдѣлялись мутно пурпурными на синевѣ итальянскаго неба, полныя той вѣчной граціи, присущей итальянской жизни, воспѣтой Вергиліемъ, жизни хлѣбовъ и вина, орѣшника и оливы Люси, перевѣсившись черезъ перила, слѣдила за кавалькадами, иногда посылая привѣтствія рукой женщинамъ или дѣтямъ, узнаннымъ ею, несмотря на надвигавшіяся сумерки. Эта вечерняя картина никогда не надоѣдала ей. Она всей душой сочувствовала этому труженику-народу, идеализируя его съ оптимизмомъ чистой юности. Втайнѣ, чувствуя въ себѣ непочатый запасъ юныхъ силъ, она завидовала имъ, ихъ первобытной жизни, ихъ обязательной работѣ. Ихъ тяготы не пугали ее, она не отступила бы передъ лишеніями, не испугалась бы простой и грубой пищи. Болѣзнь, старость, грѣхъ, насиліе, жестокость, смерть—всѣ эти мрачныя стороны ихъ жизни она представляла себѣ очень смутно. Она не хотѣла вѣрить сердцемъ тому, что иногда угадывала умомъ, тѣмъ болѣе, что въ ея душѣ были задатки рѣдкой, широкой гуманности и сочувствія, которымъ суждено было когда-нибудь найти себѣ примѣненіе и при этомъ много страдать. Теперь, наталкиваясь иногда на тяжелыя и безобразныя жизни, она съ замираніемъ сердца говорила себѣ: «Богъ вѣсть!» чтобы уйти отъ тягостныхъ сомнѣній, и чувствовала себя, точно ребенокъ, который спѣшитъ изъ темноты въ объятія защитницы-матери.

Потомъ она подошла и усѣлась возлѣ Элеоноры, стараясь развлечь ее разсказомъ о случайномъ разговорѣ во время прогулки съ старымъ *spaccapietre*, каменщикомъ, участвовавшимъ въ битвѣ при Ментонѣ.

Элеонора слушала разсѣянно, почти не отвѣчая. Но она все время наблюдала за Люси, вглядываясь въ ея фигуру въ простенькомъ бѣломъ платьѣ, ея красивую голову, медленныя и граціозныя движенія; вслушиваясь въ ея голосъ, несмотря на веселый тонъ, выдававшій, что его обладательница постоянно сдерживается, слѣдитъ за собой, и что это самообладаніе стоитъ ей немалыхъ усилій. И мгновеніями въ душѣ ея молніей вспыхивала мысль:

— Что, еслибъ я сказала ей? Еслибъ она знала, что я нѣсколько часовъ тому назадъ видѣла письмо отъ него, что онъ въ Италіи, что онъ ищетъ *ее* день и ночь? Еслибъ я проболталась, что бы она сказала, какъ бы приняла это?

Но ни слова не сорвалось съ ея устъ. Она снова начала перебирать въ умѣ отдѣльныя фразы письма и вдумываться въ ихъ значеніе. Почему ему вздумалось искать ихъ непремѣнно въ Абруццахъ?

И вдругъ она вспомнила.

Однажды на виллѣ, гости, пріѣхавшіе къ нимъ изъ Рима,—итальянецъ депутатъ съ женой—описывали имъ лѣто, проведенное въ глуши, въ Абруццахъ. Депутатъ владѣлъ даромъ слова и весьма красиво описывалъ дикость и вмѣстѣ

область знанія о столь удивительныхъ и любопытныхъ явленіяхъ, однако, вся хорологія оставалась все еще отрывочнымъ знаніемъ только массы отдѣльныхъ *фактовъ*. Ее нельзя было назвать наукой, пока недоставало дѣйствующихъ *причинъ* для объясненія этихъ фактовъ. Эти причины открываетъ намъ тѣсно связанная съ теоріей пыдбора миграціонная теорія, ученіе о *разселеніяхъ* животныхъ и растительныхъ видовъ, и со времени Дарвина мы можемъ говорить о самостоятельной хорологической *наукѣ*. Рядомъ съ Дарвиномъ этимъ успѣхамъ содѣйствовали Уоллесъ и Морицъ Вагнеръ.

Первый естествоиспытатель, ясно высказавшій основныя положенія миграціонной теоріи и правильно понявшій ея значеніе для происхожденія новыхъ видовъ, былъ знаменитый нѣмецкій геологъ Леопольдъ Бухъ. Въ своемъ «физическомъ описаніи Канарскихъ острововъ» уже въ 1825 году, поэтому за 34 года до появленія дарвиновскаго сочиненія, онъ пришелъ къ чрезвычайно важнымъ положеніямъ, приведеннымъ мной выше (въ V лекціи). Въ качествѣ важнѣйшихъ причинъ, обусловливающихъ преобразованіе видовъ, онъ признаетъ здѣсь разселеніе, распространеніе и мѣстное отдѣленіе разновидностей; вліянія ихъ достаточно для того, чтобы вызвать при посредствѣ внутренняго взаимодѣйствія измѣнчивости и наслѣдственности возникновенія новыхъ видовъ. При этомъ Бухъ превосходно выясняетъ на почвѣ своихъ собственныхъ, весьма обширныхъ наблюденій во время продолжительнаго путешествія, высокое значеніе *мѣстнаго отдѣленія* разселившихся животныхъ на изолированныхъ островахъ. Къ сожалѣнію глубокій геологъ въ то время не развилъ этихъ важныхъ мыслей и не убѣдилъ своего друга Александра Гумбольдта въ глубокомъ значеніи ихъ. Вагнеръ, въ своей статьѣ о Леопольдѣ Бухѣ и Чарльзѣ Дарвинѣ, съ полнымъ правомъ заявилъ, что первый въ отношеніи миграціонной теоріи долженъ считаться важнѣйшимъ предшественникомъ послѣдняго.

Разсматривая вмѣстѣ явленія географическаго и топографическаго распространенія организмовъ, независимо отъ ученія о постепенномъ развитіи видовъ, и слѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ обычному предразсудку—считать отдѣльные животные и растительные виды отдѣльно созданными и другъ отъ друга независимыми формами, мы становимся въ положеніе, въ которомъ не остается ничего другого, какъ только удивляться этимъ явленіемъ, какъ собранію непонятныхъ и необъяснимыхъ чудесъ. Но какъ только мы оставимъ эту низменную точку зрѣнія и, принявъ родство различныхъ видовъ, поднимемся до высоты теоріи развитія, то тотчасъ эта мистическая область чудесъ озарится яркимъ блескомъ истины, и въ то же время мы вынесемъ убѣжденіе въ томъ, что всѣ эти хорологическіе факты весьма просто и легко могутъ быть поняты, стоитъ только допустить общее *происхожденіе* видовъ въ связи съ пассивнымъ и активнымъ *разселеніемъ* ихъ.

Важнѣйшій основной законъ, изъ котораго мы исходимъ въ хорологіи и въ справедливости котораго каждый разъ убѣждаетъ насъ болѣе глубокое разсмотрѣніе теоріи естественнаго подбора, состоитъ въ томъ, что обыкновенно каждый животный и растительный видъ возникъ путемъ естественнаго разведенія только *однажды* во времени и только въ *одномъ* мѣстѣ земли, въ такъ называемой «центральной точкѣ творенія». Я безусловно раздѣляю этотъ дирвиновскій взглядъ въ отношеніи громаднаго большинства высшихъ и болѣе совершенныхъ организмовъ; онъ касается всѣхъ тѣхъ животныхъ и растеній, у которыхъ раздѣленіе труда и дифференцированіе клѣтокъ и орга-

новъ достигли уже извѣстной высоты. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно невѣроятно и возможно лишь благодаря чрезвычайно рѣдкому случаю, чтобы всѣ многоразличныя и сложныя обстоятельства, всѣ разнообразныя условія борьбы за существованіе, оказывающія свое вліяніе въ происхожденіи каждаго новаго вида путемъ естественнаго разведенія, совмѣстно дѣйствовали точно въ одномъ и томъ же соотношеніи и зависимости болѣе одного раза въ исторіи земли или одновременно въ нѣсколькихъ различныхъ точкахъ земной поверхности.

Наоборотъ, я считаю весьма вѣроятнымъ, что нѣкоторые крайне несовершенные организмы простѣйшаго строенія, поэтому виды вполнѣ индифферентной натуры, какъ, напр., многіе одноклѣточные протисты (какъ водоросли, такъ амебы и инфузоріи) и особенно простѣйшіе изъ нихъ, монеры, возникали нѣсколько разъ или одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ земли. Въ самомъ дѣлѣ, немногія простыя условія, опредѣлившія въ борьбѣ за существованіе ихъ видовую форму, чаще могли повторяться въ разное время или одновременно независимо другъ отъ друга въ нѣсколькихъ мѣстахъ земной поверхности. Затѣмъ, высшія видовыя формы, возникшія не путемъ естественнаго разведенія, но при помощи *образованія помѣсей*, выше разсмотрѣнные смѣшанные виды, также могли повторно возникать въ различныхъ мѣстахъ земли въ одной и той же формѣ. Но такъ какъ это относительно незначительное число организмовъ пока насъ близко не интересуетъ, то въ хорологическомъ отношеніи оставимъ ихъ безъ вниманія и обратимся къ явленію распространенія громаднаго большинства животныхъ и растительныхъ видовъ, у которыхъ *однократное происхожденіе* каждаго изъ нихъ *въ одномъ единственномъ мѣстѣ*, въ особой такъ называемой «центральной точкѣ творенія» по многимъ важнымъ причинамъ можетъ считаться въ достаточной степени вѣроятнымъ.

Каждый животный и растительный видъ отъ начала своего существованія обладаетъ стремленіемъ перешагнуть ограниченную мѣстность своего происхожденія, предѣлы своей «срединной точки творенія или центра возникновенія», лучше сказать, своей *первоначальной родины* или своего *мѣста происхожденія*, и дальше распространиться. Это является необходимымъ слѣдствіемъ выше изложенныхъ отношеній населенія и перенаселенія. Чѣмъ сильнѣе размножается животный или растительный видъ, тѣмъ меньше доставляетъ пропитанія ограниченная область его происхожденія, тѣмъ упорнѣе должна быть борьба за существованіе, тѣмъ быстрѣе наступаетъ *переселеніе* въ ней и вслѣдствіе этого *выселеніе*. Эти разселенія, общія всѣмъ организмамъ, являются истинной причиной широкаго распространенія различныхъ ограническихъ видовъ на земной поверхности. Какъ люди выселяются изъ перенаселенныхъ государствъ, такъ и животныя и растенія оставляютъ перенаселенную свою родину.

На высокое значеніе этихъ весьма интересныхъ разселеній организмовъ уже раньше неоднократно обращали вниманіе многіе отличные естествоиспытатели, особенно Леопольдъ Бухъ, Ляйель, Шлейденъ и др. Способы перенесенія, при помощи которыхъ они совершаются, крайне разнохарактерны. Дарвинъ въ одиннадцатой и двѣнадцатой главѣ своего сочиненія, посвященной исключительно «географическому распространенію», отлично выяснилъ ихъ. Способы переноса частью активны, частью пассивны, т.-е. организмъ совершаетъ эти переселенія частью свободнымъ передвиженіемъ, исходящимъ отъ

него самого, частью при помощи передвиженій другихъ естественныхъ тѣлъ, въ которыхъ онъ не принимаетъ самостоятельнаго участія,

Активныя разселенія, само собою разумѣется, играютъ чрезвычайно важную роль въ жизни свободно движущихся животныхъ. Чѣмъ свободнѣе допускаемое организаціей животнаго вида движеніе во всѣхъ направленіяхъ, тѣмъ легче этотъ видъ можетъ разселяться, тѣмъ быстрѣе онъ можетъ распространиться на землѣ. Наиболѣе благопріятно въ этомъ отношеніи поставлены, разумѣется, *летающія* животныя, и особенно среди позвоночныхъ птицы, среди членистыхъ—насѣкомыя. Эти два класса легче всѣхъ другихъ животныхъ могутъ тотчасъ послѣ своего происхожденія распространиться по всей землѣ, и этимъ объясняется отчасти поразительное внутреннее однообразіе, отличающее отъ другихъ эти два животныхъ класса. Хотя они содержатъ чрезвычайно большое число различныхъ видовъ и хотя классъ насѣкомыхъ долженъ обладать большимъ разнообразіемъ видовъ, чѣмъ всѣ другіе животные классы вмѣстѣ взятыя, однако всѣ эти безчисленные виды насѣкомыхъ, точно такъ же, какъ разнообразные виды птицъ, обнаруживаютъ поразительное сходство во всѣхъ существенныхъ особенностяхъ своей организаціи. Отсюда, какъ въ классѣ насѣкомыхъ, такъ и въ классѣ птицъ, можно отличать только весьма незначительное число обширныхъ естественныхъ группъ или «порядковъ», и эти немногіе порядки лишь весьма мало отступаютъ другъ отъ друга. Богатые видами, порядки птицъ далеко не такъ сильно отличаются другъ отъ друга; они гораздо менѣе богатые видами порядка класса млекопитающихъ, и крайне богатые родовыми и видовыми формами насѣкомыя въ отношеніи внутренняго строенія стоятъ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ менѣе обширные порядки класса ракообразныхъ животныхъ. *Полная параллель между птицами и насѣкомыми* чрезвычайно важна въ этомъ систематическомъ отношеніи; величайшее значеніе богатства ихъ формъ въ научной морфологіи лежитъ въ томъ, что оно указываетъ намъ, какъ въ узкихъ анатомическихъ предѣлахъ можетъ образоваться величайшее многообразіе внѣшней тѣлесной формы безъ глубокихъ измѣненій существенныхъ особенностей внутренняго строенія. Очевидно, причина этого лежитъ въ летающемъ образѣ жизни и въ свободномъ передвиженіи. Вслѣдствіе этого какъ птицы, такъ и насѣкомыя весьма быстро распространились по всей поверхности земли, водворились во всѣхъ возможныхъ, недоступныхъ для другихъ животныхъ, мѣстностяхъ, и вотъ, благодаря этому, такъ сказать, поверхностному приспособленію къ безчисленнымъ мѣстнымъ условіямъ, столь многообразно видоизмѣнилась ихъ видовая форма.

Среди летающихъ позвоночныхъ особенный интересъ для хорологіи представляютъ *летающія мыши*. Нѣтъ ни одного острова, который, будучи отдѣленъ отъ ближайшаго материка болѣе чѣмъ тремя стами морскихъ миль, былъ бы населенъ какими-либо другими туземными видами млекопитающихъ. Наоборотъ, на этихъ изолированныхъ островахъ можно найти безчисленное множество видовъ летающихъ мышей, и многіе уединенные острова или группы островов отличаются совершенно особенными видами или своеобразными родами летучихъ мышей. Эти замѣчательные факты чрезвычайно просто объясняются теоріей подбора и разселенія, безъ чего они остаются непонятной загадкой. Наземныя млекопитающія, не умѣющія летать, не въ состояніи перейти огромныя разстоянія морской поверхности и достигнуть отдаленныхъ острововъ.

*

Это возможно только для привыкшихъ къ полету летучихъ мышей, которыхъ кромѣ того бури легко относятъ на сотни миль отъ берега. Занесенныя на отдаленные острова, онѣ должны приспособиться тамъ къ совершенно другимъ условіямъ существованія; потомки же ихъ рано или поздно превратятся въ новые виды или новые роды.

Вслѣдъ за летающими животными, разумѣется, наиболѣе быстро и широко распространяются виды, наиболѣе приспособленные къ переселеніямъ, хорошо бѣгающіе среди наземныхъ обитателей, искусно плавающіе среди водныхъ обитателей; однако, способность къ разселенію не ограничивается только животными, вся жизнь которыхъ проходитъ въ свободномъ перемѣщеніи. Также неподвижныя животныя, какъ, напр., кораллы, трубчатники, плащеноски, морскія лиліи, мшанки, усоногія ракообразныя и многія другія низшія животныя, прикрѣпляющіяся къ морскимъ растеніямъ, камнямъ и проч., въ своей молодости, однако, пользуются способностью къ свободнымъ передвиженіямъ. Всѣ они, прежде чѣмъ укрѣпиться, странствуютъ нѣкоторое время. Обыкновенно первой свободно подвижной стадіей ихъ является мерцающая мшанка, округленное тѣльце, плавающее въ водѣ при помощи подвижныхъ рѣсничекъ. Всѣ эти плавающія рѣсничныя личинки низшихъ животныхъ первоначально развиваются изъ общей зародышевой формы, изъ бокаловидной *гаструлы* (таб. VI фиг. 8); послѣдняя, благодаря своему рѣсничному покрову, можетъ широко распространяться.

Однако, не только животные обладаютъ способностью къ свободному передвиженію и связанному съ нимъ активному разселенію, многія растенія также способны къ разселенію. Многія низшія водяныя растенія, особенно изъ класса водорослей, подобно только что упомянутымъ низшимъ животнымъ, свободно плаваютъ въ ранней юности, и именно посредствомъ мерцающихъ волосковъ, подвижного жгутика или дрожащихъ рѣсничекъ; и только впослѣдствіи они прикрѣпляются. Даже у многихъ высшихъ растеній, извѣстныхъ подъ именемъ лазающихъ или ползающихъ, можно замѣтить проявленіе активнаго разселенія. Распростертый стебель такого растенія впродолженіи всего времени своего роста ползетъ къ новому мѣсту и посредствомъ широкаго развѣтвленія завоевываетъ новое жилище, прикрѣпляясь къ нему ногами, и образуя новую колонію другихъ индивидовъ такого же вида.

Но какъ ни велико значеніе активнаго разселенія громаднаго большинства животныхъ и многихъ растеній, одного его далеко недостаточно для объясненія хорологіи организмовъ. Гораздо болѣе важное и значительно болѣе обширное дѣйствіе, по крайней мѣрѣ у большинства животныхъ и многихъ растеній, съ давнихъ поръ производило *пассивное разселеніе*. Эти пассивныя перемѣщенія вызываются крайне разнообразными причинами. Воздухъ и вода въ ихъ вѣчномъ движеніи, вѣтеръ и волны въ ихъ разнообразномъ теченіи играютъ при этомъ величайшую роль. Вѣтеръ вездѣ и всегда поднимаетъ вверхъ легкіе организмы, мелкихъ животныхъ, именно ихъ юныхъ зародышей, яица животныхъ и сѣмена растеній, далеко разнося ихъ черезъ материки и моря. Падая въ воду, они подхватываются теченіями или волнами и относятся въ другія мѣста. Какъ далеко во многихъ случаяхъ относятся древесные стволы, плоды со скорлупой и другія медленно растлѣвающія части растеній посредствомъ теченія рѣкъ или морскихъ теченій отъ ихъ первоначальной родины, хорошо извѣстно изъ многочисленныхъ примѣровъ. Пальмовые стволы гольфштремъ переносилъ изъ Вестъ-Индіи къ британскимъ и норвежскимъ островамъ. Всѣ ве-

дикіе потоки несутъ сплавной лѣсъ изъ горныхъ хребтовъ и нерѣдко альпійскія растенія изъ источниковъ, протекающихъ среди нихъ, и отлагая ихъ въ равнинахъ, затѣмъ относятъ ихъ къ своимъ устьямъ въ море. На корняхъ этихъ относимыхъ растеній, среди вѣтвей плавучихъ древесныхъ стволовъ часто располагаются многочисленные обитатели ихъ, принужденные такимъ образомъ къ участію въ пассивномъ разселеніи. Древесная кора покрыта мхомъ, лишаями и паразитическими насѣкомыми. Другія насѣкомыя, пауки и т. п., даже мелкія рептиліи и млекопитающія, скрываются въ duплѣ стволовъ или крѣпко держатся на вѣтвяхъ. Въ землѣ, связанной корневыми волосками, въ пыли, наполняющей щели древесной коры, находятся многочисленныя яица и зародыши мелкихъ животныхъ и растеній. Если такой плавучій стволъ благополучно достигаетъ морского берега или отдаленныхъ острововъ, то его гости, противъ своей воли принужденные къ путешествію, оставляютъ свое судно и водворяются въ новомъ своемъ отечествѣ.

Совершённо особенную форму этого воднаго транспорта представляютъ плавучія ледяныя горы, ежегодно отрывающіяся отъ вѣчнаго льда полярныхъ морей. Хотя эти холодныя зоны вообще весьма скудно населены, однако, нѣкоторые изъ ихъ обитателей, случайно находившіеся на этихъ горахъ въ моментъ ихъ отдѣленія, вмѣстѣ съ ними переносятся морскими теченіями къ болѣе теплымъ берегамъ. Такимъ способомъ вмѣстѣ съ оторванными ледяными глыбами сѣвернаго Ледовитаго океана переносится все небольшое растительное и животное населеніе къ сѣвернымъ берегамъ Европы и Америки. Иногда даже полярные медвѣди и лисицы достигали такъ береговъ Исландіи, Норвегіи и Британскихъ острововъ.

Не меньшее значеніе въ пассивномъ разселеніи, чѣмъ этотъ водяной транспортъ, представляетъ воздушный переносъ. Пыль, покрывающая наши улицы и крыши, земная кора, обнаженная въ сухихъ поляхъ и высохшихъ водяныхъ вмѣстилищахъ, короче, вся поверхность сухой земли содержитъ милліоны мелкихъ организмовъ и зародышей. Многія изъ этихъ мелкихъ животныхъ и растеній могутъ безъ вреда для себя совершенно изсохнуть и снова пробудиться къ жизни, лишь только ихъ коснется влага. Каждый порывъ вѣтра поднимаетъ въ вышину вмѣстѣ съ пылью безчисленное множество такихъ живыхъ существъ и часто относитъ ихъ въ другія мѣста далеко за много миль. Но также и большіе организмы, именно ихъ зародыши, нерѣдко могутъ совершать такіе пассивные полеты. Сѣмена многихъ растеній снабжены легкой пушистой кроной, которая, дѣйствуя подобно парашюту, облегчаетъ ихъ полетъ и мѣшаетъ ихъ паденію. Пауки со своей легкой паутиной совершаютъ воздушное путешествіе на протяженіи многихъ миль. Молодыя лягушки нерѣдко тысячами поднимаются вверхъ воздушными вихрями и падаютъ въ отдаленныхъ мѣстахъ въ видѣ такъ-называемаго «дождя лягушекъ». Птицы и насѣкомыя могутъ быть отнесены бурями въ противоположныя полушарія. Поднятыя въ Англіи, они опускаются въ Соединенныхъ Штатахъ. Будучи подхвачены въ Калифорніи, они оставляются въ покоѣ только въ Китаѣ. Вмѣстѣ же съ птицами и насѣкомыми и другіе организмы могутъ совершать путешествіе отъ одного континента къ другому. Само собою разумѣется, вмѣстѣ со всякимъ организмомъ, разселяются населяющіе ихъ паразиты, число же послѣднихъ легіонъ: блохи, вши, клещи, грибы и т. д. Въ землѣ, приставшей къ пальцамъ птицъ, содержатся мелкія живот-

ныя и растенія или зародыши ихъ. Такимъ-то образомъ добровольное или недобровольное разселеніе одного единственнаго болѣе или менѣе значительнаго организма при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ перенести изъ одной части свѣта въ другую небольшую флору или фауну со множествомъ различныхъ видовъ.

Кромѣ указанныхъ способовъ переноса существуютъ также многіе другіе, объясняющіе распространеніе животныхъ и растительныхъ видовъ на обширномъ пространствѣ земной поверхности, и особенно распространеніе такъ-называемыхъ космополитическихъ видовъ. Однако, этимъ однимъ нельзя объяснить всѣ вообще хорологическіе факты. Какъ, напр., произошло то, что многіе прѣсноводные обитатели живутъ въ многочисленныхъ, далеко отстоящихъ и совершенно изолированныхъ рѣчныхъ областяхъ или озерахъ? Какъ могло случиться, что многіе горные обитатели, неспособные къ жизни на равнинѣ, находятся въ совершенно разъединенныхъ и далеко удаленныхъ горныхъ цѣпяхъ? Трудно допустить, а во многихъ случаяхъ даже невозможно представить себѣ, чтобы прѣсноводные обитатели активно или пассивно переселились изъ одной водной области въ другую черезъ отдѣляющую ихъ сушу, чтобы горные обитатели какимъ-либо образомъ перешли равнины, расположенныя между горными хребтами ихъ родины. Въ этомъ случаѣ великою помощью можетъ послужить намъ *геологія*. Она вполнѣ рѣшаетъ намъ эту трудную загадку.

Исторія развитія земли показываетъ намъ, что размѣщеніе суши и воды вѣчно совершается въ направленіи непрерывнаго обмѣна ихъ. Повсюду происходятъ вслѣдствіе геологическихъ измѣненій внутренняго ядра земли, а главное, благодаря образованію обширныхъ складокъ земной коры, *поднятія* и *опусканія* почвы, то здѣсь, то тамъ усиливающіяся или ослабляющіяся. Хотя они совершаются весьма медленно, такъ что въ теченіе столѣтія морской берегъ поднимается или опускается на нѣсколько дюймовъ или только на двѣ-три линіи, однако, въ продолженіе большихъ промежутковъ времени они производятъ поразительные результаты. Въ этихъ же продолжительныхъ, неизмѣримо продолжительныхъ промежуткахъ времени въ исторіи земли никогда не было недостатка. Въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возникла органическая жизнь на земномъ шарѣ, суша и море непрестанно ведутъ борьбу изъ-за господства. Прибрежныя земли и острова опускаются въ море, морское же дно выступаетъ изъ него. Озера и моря медленно поднимались и высыхали, и новые водные бассейны возникали путемъ опусканія почвы. Полуострова превращались въ острова, въ то время, когда узкія полосы суши, соединяющія ихъ съ материкомъ, погружались въ воду. Острова архипелага обратились бы въ остроконечія горной цѣпи, если бы значительно приподнялось все дно его моря.

Средиземное море нѣкогда представляло озеро, въ то время, когда на мѣстѣ Гибралтарскаго пролива Африка соединялась узкой полосой земли съ Испаніей. Еще раньше соединенія Сициліи съ Тунисомъ при помощи лежащаго между ними хребта, послѣдній отдѣлялъ два замкнутыхъ озерныхъ бассейна, восточный и западный; обитатели обоихъ еще и понынѣ отчасти различны. Англія многократно соединялась и отдѣлялась отъ европейскаго материка даже въ болѣе позднюю пору исторій земли, когда уже существовалъ человѣкъ. Даже Европа непосредственно сообщалась съ Сѣверной Америкой. Зондское море принадлежало прежде къ индѣйскому континенту, и безчисленные мелкіе

острова, разсѣянные въ немъ въ настоящее время, составляли тогда вершины горнаго хребта этого континента. Индѣйскій океанъ существовалъ въ формѣ континента, простиравшагося отъ Зондскихъ островов вдоль Южной Азіи до восточныхъ береговъ Африки. Этотъ нѣкогда существовавшій континентъ, названный англичаниномъ Шлетеромъ ради характерныхъ для него полуобезьянъ *Лемуріей*, быть можетъ, служилъ колыбелью человѣческаго рода, происшедшаго изъ антропоидныхъ обезьянъ.

Но особенный интересъ представляетъ важный выводъ, сдѣланный Альфредомъ Воллесомъ на основаніи хорологическихъ фактовъ,—выводъ, заключающійся въ томъ, что нынѣшній Малайскій архипелогъ составленъ изъ двухъ совершенно различныхъ частей. Западная часть, Индомалайскій архипелагъ, обнимаетъ большіе острова, Борнео, Ява и Суматра, и прежде при посредствѣ Малакки былъ связанъ съ азіатскимъ материкомъ и, по всей вѣроятности, съ только что названной Лемуріей. Напротивъ, восточная часть, Австрало-малайскій архипелагъ, Целебесъ, Моллукскіе острова, Новая Гвинея, острова Саломоновы и др., въ прежнее время находились въ непосредственномъ сообщеніи съ Австраліей. Обѣ эти части, нѣкогда представлявшія два континента, раздѣленныхъ узкой полосой моря, въ настоящее время по бо́льшей части опустились ниже морского уровня. На основаніи своихъ тщательныхъ хорологическихъ наблюденій Уоллесъ съумѣлъ весьма точно и остроумно опредѣлить положеніе бывшаго моря, южная оконечность котораго проходила между Бали и Ломбокомъ. Еще и теперь эта глубокая полоса моря, въ ширину достигающая лишь 15 морскихъ миль, образуетъ рѣзкую границу между обоими небольшими островами Бали и Ломбокомъ; животный міръ перваго принадлежитъ главнымъ образомъ къ Восточной Индіи, населеніе же второго къ Австраліи.

Такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ на землѣ жидкая вода, границы суши и воды вѣчно перемѣщаются, и можно сказать, очертанія континентовъ и острововъ измѣняются каждый часъ, каждую минуту. Вѣчно, непрестанно прибой волнъ разъѣдаетъ морской берегъ, и что теряетъ поверхность суши въ однихъ мѣстахъ вслѣдствіе расширенія моря, то въ другихъ мѣстахъ она пріобрѣтаетъ, благодаря отложенію ила, уплотняющагося въ твердую породу и возвышающагося надъ поверхностью моря въ видѣ новой суши. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе представленія о постоянныхъ неизмѣнныхъ очертаніяхъ нашихъ континентовъ,—представленія, внѣдреннаго намъ въ ранней юности нашимъ скуднымъ географическимъ обученіемъ, лишеннымъ геологическаго основанія.

Едва ли теперь нужно обращать ваше вниманіе на то, въ *какой степени важны эти издавна совершающіяся геологическія измѣненія земной поверхности для разселенія организмовъ и поэтому для ихъ хорологіи*. Мы научаемся, такимъ образомъ, понимать, какъ могли появиться одни организмы или близко родственные имъ животные и растительные виды на различныхъ островахъ, не смотря на невозможность перейти раздѣляющую ихъ воду, какъ могли другіе организмы, прѣсноводные обитатели, оказаться въ различныхъ замкнутыхъ водныхъ бассейнахъ, несмотря на непреодолимую преграду въ видѣ лежащей между ними суши. Въ прежнее время эти острова были горными вершинами цѣльнаго материка, и эти озера нѣкогда находились въ непосредственномъ сообщеніи между собой. Первыя были отдѣлены геологическими опусканіями, вторыя—геологическими поднятіями. Если

мы теперь представимъ себѣ, какъ часто и многообразно происходили въ различныхъ мѣстахъ земли эти взаимно дѣйствующія поднятія и опусканія почвы и какъ разнообразно вслѣдствіе этого мѣнялись границы областей географическаго распространенія видовъ, если мы вдумаемся, какому чрезвычайно многоразличному вліянію должны были вслѣдствіе этого подвергаться активныя и пассивныя разселенія организмовъ, то мы вполнѣ съумѣемъ понять пестрое разнообразіе картины, представляющей настоящее распредѣленіе животныхъ и растительныхъ видовъ.

Однако, здѣсь слѣдуетъ указать еще другой факторъ, также имѣющій важное значеніе для полнаго пониманія этой пестрой географической картины, и объясняющій, кромѣ того, другія, весьма темныя и безъ него непонятныя явленія. Это, именно, постепенное *измѣненіе климата*, совершающееся на всемъ протяженіи органической исторіи земли. Какъ мы это уже видѣли въ предшествующихъ лекціяхъ, въ началѣ органической жизни на землѣ господствовала вообще гораздо болѣе высокая и равномѣрная температура, чѣмъ въ настоящее время. Столь рѣзко замѣтныя теперь различія зонъ, въ то время еще совсѣмъ не опредѣлились. Вѣроятно, въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ на всей поверхности земли господствовалъ климатъ, близкій или даже превосходящій тропическій климатъ настоящаго времени. Крайній сѣверъ, до котораго теперь проникъ человѣкъ, былъ покрытъ пальмами и другими тропическими растеніями, окаменѣлые остатки которыхъ мы еще и теперь находимъ здѣсь. Затѣмъ, медленно и постепенно температура стала убывать, но полюсы все еще оставались столь теплыми, что вся поверхность земли населена была организмами. Только въ сравнительно весьма недавній періодъ исторіи земли, именно въ началѣ третичнаго періода наступило, повидимому, значительное охлажденіе земной коры у полюсовъ, и такимъ образомъ, произошло первое дифференцированіе или раздѣленіе различныхъ поясовъ температуры или климатическихъ зонъ. Медленное и постепенное убываніе температуры усилилось въ срединѣ третичнаго періода, пока, наконецъ, не образовался первый ледъ на обоихъ полюсахъ земли.

Едва ли стоитъ говорить о томъ, насколько сильно должна была отразиться эта перемѣна климата на географическомъ распространеніи организмовъ и на возникновеніи многочисленныхъ новыхъ видовъ. Животные и растительные виды, находившіе до наступленія третичнаго періода мягкій тропическій климатъ, всюду по всей землѣ до самыхъ полюсовъ, были затѣмъ принуждены или приспособляться къ наступающимъ холодамъ, или бѣжать отъ нихъ. Виды, приспособившіеся и привыкшіе къ пониженной температурѣ, благодаря этой акклиматизаціи и подъ вліяніемъ естественнаго подбора, превратились въ новые виды. Другіе виды, убѣжавшіе отъ холода, должны были разселиться въ поискахъ за болѣе мягкимъ климатомъ низшихъ широтъ. Вслѣдствіе этого области географическаго распространенія видовъ должны были сильно измѣниться.

Но въ послѣдній обширный періодъ исторіи земли, въ слѣдующій за третичнымъ четвертичный періодъ (въ дилювіальный періодъ) пониженіе температуры ни въ какомъ случаѣ не остановилось. Напротивъ, она падала все ниже и ниже, даже гораздо ниже настоящей температуры. Сѣверная и средняя Азія, Европа и сѣверная Америка покрылись на огромномъ протяженіи, начиная отъ полюса, сплошнымъ льдомъ, достигавшимъ въ нашей части свѣта даже Альповъ. Подобнымъ же

образомъ холодъ распространился отъ южнаго полюса и заключилъ обширное, нынѣ свободное отъ льда южное полушаріе въ неподвижный ледяной покровъ. Такимъ образомъ, между громадными, лишенными жизни ледяными континентами остался еще узкій поясъ, куда могла быть стянута жизнь органическаго міра. Этотъ періодъ, заставшій уже человѣка и составляющій первую часть *диллювія*, обыкновенно носитъ имя и извѣстенъ, *ледяная эпоха* или *ледниковый періодъ*.

Первый натуралистъ, пришедшій къ мысли о ледниковомъ періодѣ и на основаніи такъ называемыхъ переносныхъ или эрратическихъ валуновъ, а также «глетчерныхъ шлифовъ», показавшій обширное распространеніе прежнихъ ледниковъ Средней Европы, былъ геніальный Карлъ Шимперъ. Это открытіе, также какъ самостоятельныя изслѣдованія отличнаго геолога Шарпантье, послужили толчкомъ швейцарскому натуралисту Луи Агассизу къ дальнѣйшему расширенію теоріи ледниковаго періода. Въ Англіи прославился этой теоріей геологъ Форбесъ, примѣнившій ее къ теоріи разселеній и связаннаго съ ними географическаго распространенія видовъ. Агассизъ же, напротивъ, повредилъ ей своимъ одностороннимъ пониманіемъ, пытаясь объяснить въ руку Кювье съ его теоріей катастрофъ при помощи внезапно наступившихъ холодовъ и связанной съ этимъ «революцій» полную гибель жившаго тогда органическаго міра.

Здѣсь я не имѣю намѣренія подробно входить въ разсмотрѣніе ледниковаго періода и остроумныхъ изслѣдованій о его предѣлахъ, и тѣмъ болѣе долженъ отказаться отъ этого, что имъ полна вся новѣйшая геологическая литература. Подробное изложеніе вы можете найти главнымъ образомъ въ произведеніяхъ Котта, Ляйеля, Циттеля, Зюсса и другихъ. Для насъ здѣсь важно только весьма вѣрно понятое Дарвиномъ великое значеніе ледниковаго періода для объясненія труднѣйшихъ хорологическихъ проблемъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что распространеніе ледниковъ въ умѣренномъ теперь поясѣ должно было оказать чрезвычайно сильное вліяніе на географическое и топографическое распредѣленіе организмовъ и на ихъ преобразованіе. Медленно подвигающійся съ полюсовъ къ экватору холодъ, сковывая сушу и море сплошнымъ льдомъ, естественно, долженъ былъ гнать передъ собою весь живой міръ организмовъ. Животныя и растенія должны были переселяться подъ угрозой замерзнуть. Но такъ какъ въ то время, надо думать, умѣренные и тропическіе пояса были населены животными и растеніями не менѣе густо, чѣмъ въ настоящее время, то между этимъ населеніемъ и пришедшими съ полюсовъ поселенцами должна была завязаться жестокая борьба за существованіе. Въ этой борьбѣ, продолжавшейся, разумѣется, цѣлыя тысячелѣтія, многіе виды должны были погибнуть, многіе виды измѣнились, превратившись въ новые виды. Но тогдашнія области распространенія видовъ должны были вполнѣ измѣниться. И эта борьба затѣмъ должна была дальше затянуться, частью вновь возгорѣться, и перешла въ новыя формы въ то время, когда ледниковый періодъ достигъ своей наивысшей точки, когда температура въ постледниковый періодъ стала снова повышаться и когда организмы снова стали разселяться по направленію къ полюсамъ.

Какъ бы тамъ ни было, эта великая перемѣна климата, все равно, приписываемъ ли мы ей бо́льшее или меньшее значеніе, явилась однимъ изъ тѣхъ событій въ исторіи Земли, которыя оказали могущественное вліяніе на распредѣленіе органическихъ формъ. Именно, благодаря ей,

чрезвычайно просто объясняется весьма важное и съ трудомъ понимаемое хорологическое отношеніе,—видовое сходство многихъ альпійскихъ обитателей со многими обитателями полярныхъ странъ. Существуетъ великое число вполнѣ опредѣленныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, общихъ обѣимъ весьма отдаленнымъ странамъ и нигдѣ не находимыхъ въ лежащемъ между ними пространствѣ. Переселеніе ихъ изъ полярныхъ странъ въ альпійскія высоты, или наоборотъ,—при настоящихъ климатическихъ условіяхъ совершенно немыслимо или возможно только въ весьма немногихъ рѣдкихъ случаяхъ. Но это же переселеніе могло и даже должно было происходить при постепенномъ наступленіи и слѣдующемъ за нимъ сокращеніи прежнихъ ледниковъ. Такъ какъ послѣдніе распространились въ сѣверной Европѣ до Альпійской цѣпи, то сопровождающіе ихъ полярные обитатели, горечавки и камнеломки, полярныя лисицы и зайцы, населили сѣверную Германію и вообще среднюю Европу. Когда же температура снова повысилась, то одна часть арктическаго населенія вмѣстѣ съ отступающимъ льдомъ снова удалилась въ полярныя зоны; другая же часть его вмѣсто этого поднялась въ горные высоты Альповъ и здѣсь нашла подходящій ей холодный климатъ. Такъ просто объясняется это загадочное хорологическое явленіе.

Мы изложили здѣсь ученіе о разселеніяхъ организмовъ или *миграціонную теорію*, главнымъ образомъ, постольку, поскольку оно объясняетъ намъ распространеніе всякаго животнаго и растительнаго вида отъ единственнаго мѣста первоначальной родины ихъ, изъ *мпста происхожденія* или «центра творенія», поскольку оно облегчаетъ намъ пониманіе разселенія ихъ на большей или меньшей части земной поверхности. Но эти разселенія кромѣ, того, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для теоріи развитія, давая намъ могущественное орудіе для объясненія *происхожденія новыхъ видовъ*. При разселеніи животныя и растенія, подобно человѣку, встрѣчаютъ въ новомъ отечествѣ новыя отношенія, болѣе или менѣе отличныя отъ привычныхъ передающихся изъ рода въ родъ условій существованія. Къ этимъ новымъ непривычнымъ условіямъ жизни переселенцы должны или приладиться, приспособиться или же погибнуть. Вслѣдствіе же ихъ приспособленія, свойственный имъ видовой характеръ измѣнится, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше различіе между прежней и новой родиной. Новый климатъ, новая пища и особенно новое сосѣдство другихъ животныхъ и растеній дѣйствуютъ преобразующимъ образомъ на унаслѣдованный характеръ переселившагося вида, и если послѣдній недостаточно устойчивъ, чтобы противодѣйствовать этимъ вліяніямъ, то рано или поздно изъ него долженъ возникнуть новый видъ. Въ большинствѣ случаевъ это превращеніе переселившагося вида подъ вліяніемъ измѣненной борьбы за существованіе совершается столь быстро, что уже черезъ нѣсколько генерацій возникаетъ новый видъ.

Въ этомъ отношеніи особенное значеніе разселенія представляетъ для всѣхъ *гонохористовъ*, т.-е. для всѣхъ раздѣльнополыхъ организмовъ. Именно, у послѣднихъ происхожденіе новыхъ видовъ путемъ естественнаго разведенія задерживается и замедляется тѣмъ, что варіирующіе потомки случайно могутъ вступить въ половое соединеніе съ неизмѣненной формой и, благодаря этому скрещиванію, снова перейти въ первоначальную форму. Напротивъ, при разселеніи эти помѣси, отдаленныя отъ прежней родины большимъ разстояніемъ или естественными препятствіями, въ видѣ моря, горнаго хребта и т. д.,

не подвергаются опасности смѣшаться съ первоначальной формой; изолированіе выселившейся формы, переходящей въ новый видъ, мѣшаетъ скрещиванію и возврату къ первоначальной основной формѣ.

Значеніе разселенія для изолированія возникающихъ видовъ и предохраненія ихъ отъ быстраго возвращенія къ основной формѣ прекрасно было выяснено геніальнымъ путешественникомъ Морицомъ Вагнеромъ, частью въ отдѣльномъ сочиненіи его о «дарвиновской теоріи и миграціонномъ законѣ разселенія», частью въ нѣсколькихъ статьяхъ, появившихся въ «Kosmos» и «Ausland». Позже (1889) онѣ были собраны въ одномъ томѣ, подъ заглавіемъ «Происхожденіе видовъ путемъ пространственнаго отдѣленія». Путемъ собственнаго обширнаго наблюденія Вагнеръ собралъ значительное число превосходныхъ примѣровъ, подтверждающихъ высказанную Дарвиномъ въ одиннадцатой и двѣнадцатой главѣ его сочиненія миграціонную теорію, и особенно выясняющихъ великое значеніе полнаго изолированія разселившихся организмовъ для происхожденія новыхъ видовъ. Простѣйшія причины, «пространственно обособившія данную форму и укрѣпившія ее въ ея техническомъ отличіи», онъ высказываетъ въ слѣдующихъ предположеніяхъ: 1) «Чѣмъ больше сумма видоизмѣненія жизненныхъ условій, встрѣченныхъ эмигрирующими индивидами при водвореніи ихъ въ новой области, тѣмъ интенсивнѣе должна проявиться свойственная всякому организму измѣнчивость. 2) Чѣмъ менѣе задерживается эта индивидуальная измѣнчивость организмовъ въ спокойномъ процессѣ развитія дѣйствіемъ смѣшиванія съ многочисленными пришельцами того же вида, тѣмъ скорѣе удастся природѣ посредствомъ суммированія и унаслѣдованія новыхъ признаковъ создать новую разновидность (подвидъ или расу), т.-е. начинающій видъ. 3) Чѣмъ выгоднѣе для разновидности пріобрѣтенныя отдѣльными органами видоизмѣненія, чѣмъ лучше послѣднія приспособлены къ окружающимъ условіямъ и чѣмъ дольше продолжается ненарушаемое размноженіе начинающей разновидности колонистовъ въ новой территоріи при отсутствіи смѣшенія съ водворяющимися пришельцами того же вида, тѣмъ чаще изъ разновидности будетъ возникать новый видъ».

Съ этими тремя положеніями Морица Вагнера, конечно, каждый согласится. Наоборотъ, безусловно ошибочнымъ надо считать то представленіе его, что разселеніе и сопровождающее его изолированіе разселенныхъ индивидовъ составляетъ необходимое условіе происхожденія новыхъ видовъ. Вагнеръ говоритъ: «При отсутствіи долго продолжающагося раздѣленія колонистовъ отъ ихъ прежнихъ соплеменниковъ, образованіе новой расы не можетъ совершиться, и естественный подборъ вообще не можетъ произойти. Ничѣмъ не стѣсняемое скрещиваніе, свободное половое смѣшеніе всѣхъ индивидовъ одного и того же вида постоянно будетъ создавать однообразіе формы, и разновидности, не достигшія устойчивости въ ряду поколѣній, снова возвратятся къ первоначальному типу».

Это положеніе, въ которомъ самъ Вагнеръ выразилъ весь результатъ своихъ работъ, онъ могъ бы защитить его лишь въ томъ только случаѣ, если бы всѣ организмы были раздѣльнополыми, если бы всякое возникновеніе новаго вида происходило бы при необходимомъ посредствѣ смѣшиванія мужскихъ и женскихъ индивидовъ. Однако, въ дѣйствительности этого нѣтъ. По непонятной причинѣ Вагнеръ совершенно ничего не говоритъ о многочисленныхъ обоеполыхъ организмахъ или гермафродитахъ, которые, обладая двоякаго рода половыми

органами, способны къ самооплодотворенію, и также ничего не говоритъ о безчисленныхъ организмахъ, лишенныхъ половой дифференцировки. Съ древнѣйшихъ временъ органической исторіи земли существовали и еще теперь существуютъ тысячи органическихъ видовъ, не достигшихъ еще полового различія и вообще размножающихся никакъ не половымъ образомъ, а исключительно безполымъ путемъ, дѣленіемъ, почкованіемъ, спорообразованіемъ и пр. Огромное множество *грибовъ* и *протистовъ*, монеръ, амебъ, слизистыхъ организмовъ, корненожекъ и т. д., короче, почти всѣ низшія организмы, заполняющіе расположенное между растительнымъ и животнымъ міромъ царство протистовъ, размножаются *исключительно безполымъ путемъ!* А къ этому царству принадлежитъ одинъ изъ богатѣйшихъ формами классовъ, даже въ нѣкоторомъ отношеніи самый богатый изъ всѣхъ классовъ, поскольку онъ заключаетъ въ себѣ всѣ геометрически возможныя основныя формы. Это — удивительный классъ ризоподъ или корненожекъ, обнимающій таламофоръ съ известковой раковиной и радіоляріи съ кремневой.

Само собою разумѣется, теорія Вагнера совершенно неприменима ко всѣмъ этимъ безполымъ организмамъ. Но то же самое, кромѣ того, относится ко всѣмъ обоеполымъ организмамъ или гермафродитамъ, способнымъ къ самооплодотворенію, благодаря существованію у нихъ мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ. Таковы—большинство растеній, а также многіе черви (рѣсничные черви, сосальщики, ленточные черви), далѣе неподвижные усоногіе раки (cirripedia), оболочниковыя и многія другія. Многочисленные виды ихъ возникли, благодаря естественному подбору, при отсутствіи возможности «скрещиванія» возникающаго вида съ первоначальной формой.

Какъ я уже показалъ въ восьмой лекціи, возникновеніе обоихъ половъ и, поэтому, вообще все половое размноженіе надо разсматривать, какъ процессъ, наступившій только въ болѣе поздній періодъ органической исторіи земли вслѣдствіе дифференцированія или *раздѣленія труда*. Но древнѣйшіе организмы могли размножаться только простѣйшимъ безполымъ путемъ. Даже въ настоящее время большинство протистовъ, какъ и многочисленныя клѣточныя формы, составляющія тѣло высшихъ животныхъ, размножается исключительно безполымъ путемъ. И тѣмъ не менѣе всюду, благодаря дифференцированію, возникаютъ «новые виды»; также клѣтки тканей суть «постоянные виды» элементарныхъ организмовъ.

Но даже разсматривая только животные и растительные виды съ раздѣльными полами, нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ Вагнера, что «*миграціоорганизмы и образованіе колоній составляютъ необходимое условіе естественнаго подбора*». Уже Августъ Вейсманъ въ своей статьѣ «О вліяніи изолированія на происхожденіе видовъ» вполнѣ опровергнулъ это положеніе, доказавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что опредѣленный видъ путемъ естественнаго разведенія можетъ распасться на нѣсколько видовъ даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ обитанія. Присоединяясь къ этому замѣчанію, я хотѣлъ бы еще разъ отмѣтить высокое значеніе физіологическаго *раздѣленія труда* и связаннаго съ нимъ морфологическаго *измѣненія формы*, притомъ какъ для преобразованія цѣлаго организма, такъ и для составляющихъ его отдѣльныхъ клѣтокъ. Какъ индивидуальное расхожденіе, такъ и расхожденіе клѣтокъ, суть необходимыя слѣдствія естественнаго разведенія. Всѣ различные виды клѣтокъ, составляющихъ тѣло высшихъ организмовъ, нервныя, мускульныя, железистыя клѣтки и т. д., всѣ эти *хорошіе виды* пластидъ, эти

«bonae species» элементарныхъ организмовъ, возникли только вслѣдствіе раздѣленія труда и естественнаго подбора, несмотря на то, что они никогда не были изолированы въ пространствѣ и со времени своего происхожденія всегда существовали въ тѣснѣйшемъ союзѣ другъ съ другомъ. Но то, что относится къ этимъ элементарнымъ организмамъ или «индивидамъ перваго порядка», приложимо также ко всѣмъ *гистонамъ*, или многоклѣточнымъ организмамъ высшаго порядка, возникшимъ изъ соединенія простѣйшихъ формъ и представляющихъ теперь «хорошіе виды».

Разумѣется, вполнѣ вѣренъ тотъ взглядъ Леопольда Буха, Дарвина и Уоллеса, что расселеніе организмовъ и изолированіе ихъ въ новомъ мѣстожительствѣ является весьма благопріятнымъ и *выгоднымъ* условіемъ происхожденія новыхъ видовъ; но нельзя согласиться съ тѣмъ, что это составляетъ, какъ утверждаетъ Вагнеръ, *необходимое* условіе, безъ котораго новые виды не могли бы возникнуть. Разсматривая взглядъ Вагнера, «что миграція составляетъ необходимое условіе естественнаго подбора», какъ особый *«миграціонный законъ»*, мы легко опровергнемъ его вышеприведенными фактами. *Изолированіе*, вслѣдствіе миграціи представляетъ только особенный случай *естественнаго подбора*. Теорія «происхожденія видовъ путемъ пространственнаго обособленія» не можетъ замѣнить и вытѣснить, какъ думаетъ Вагнеръ, дарвиновское ученіе о происхожденіи видовъ путемъ «естественнаго подбора», ибо оно составляетъ только отдѣльную часть и слѣдствіе послѣдняго. Сверхъ того, мы уже раньше показали, что происхожденіе новыхъ видовъ при помощи естественнаго разведенія является *математической и логической необходимостью*, прямо вытекающей изъ простого сопоставленія трехъ великихъ фактовъ. Эти три основные факты суть: борьба за существованіе, способность къ приспособленію и способность къ наслѣдственной передачѣ.

Здѣсь мы не можемъ входить въ остальное разсмотрѣніе многочисленныхъ интересныхъ явленій географическаго и топографическаго распространенія организмовъ, вполнѣ объясняемыхъ теоріей естественнаго подбора и расселенія. Эти подробности содержатъ указанныя сочиненія Дарвина, Уоллеса и Морица Вагнера. Важное ученіе о *предѣлахъ распространенія*, о рѣкахъ, моряхъ и горныхъ хребтахъ, превосходно въ нихъ разобрано и освѣщено многочисленными примѣрами. Здѣсь слѣдуетъ только еще разъ, въ виду особеннаго значенія, выдвинуть три явленія. Это, во-первыхъ, близкое родство формъ, поразительное «семейное сходство», существующее между характеристичными мѣстными формами каждаго участка земли и ихъ вымершими, ископаемыми прародителями тѣхъ же участковъ; во-вторыхъ, не менѣе поразительное «семейное сходство» обитателей островов и отдѣлившихъ ихъ материковъ, населеніе которыхъ перешло на острова; вообще весь своеобразный характеръ островной флоры и фауны въ ихъ взаимномъ соотношеніи; и, наконецъ, въ-третьихъ, «семейное сходство» типически родственныхъ группъ даже при рѣзкомъ различіи мѣстныхъ и климатическихъ условій жизни. Эти-то три явленія навели Дарвина еще въ его юности (1832) на мысль о измѣняемости видовъ.

Всѣ эти хорологическіе факты, именно замѣчательныя явленія ограниченныхъ областей фауны и флоры, отношенія островныхъ обитателей къ материковому населенію, широкое распространеніе такъ называемыхъ «космополитическихъ видовъ», близкое родство мѣстныхъ видовъ настоящаго времени съ вымершими видами тѣхъ же самыхъ обла-

стей, доказанное распространеніе каждаго вида изъ одного единственнаго центральнаго мѣста творенія,—всѣ эти и всѣ другія явленія географическаго и топографическаго распространенія организмовъ вполнѣ и весьма просто объясняются теоріей естественнаго подбора и теоріей разселенія, безъ чего они остаются вообще непонятными. Поэтому, въ каждомъ рядѣ всѣхъ этихъ явленій мы видимъ множество *убѣдительныхъ доказательствъ справедливости теоріи измѣняемости видовъ.*

ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦІЯ.

Развитіе вселенной и земли.

Первичное зарожденіе. Углеродная теорія. Теорія пластидъ.

Исторія развитія земли.—Кантовская теорія развитія вселенной или космологическая газообразная теорія. — Развитіе солнцъ, планетъ и спутниковъ.—Первое возникновеніе воды.—Сравненіе организмовъ съ анорганами.—Органическое и неорганическое вещество.—Степени сгущенія и аггрегатное состояніе. — Бѣлковыя углеродныя соединенія. — Плассоновое тѣло.—Органическія и неорганическія формы.—Кристаллы и монеры (безструктурные организмы, лишенные органовъ).—Стереометрическія основныя формы кристалловъ и организмовъ. — Органическія и неорганическія силы.—Жизненная сила.—Ростъ и приспособленіе кристалловъ и организмовъ.—Созидающія силы кристалловъ.—Единство органической и неорганической природы.—Первичное зарожденіе или архигонія.—Автогонія и пласмогонія. — Происхожденіе монеръ путемъ первичнаго зарожденія.—Возникновеніе клѣтокъ изъ монеръ.—Клѣточная теорія.—Теорія пластидъ.—Пластиды, или образователи.—Цитоды или клѣтки.—Четыре различныхъ вида пластидъ.

До сихъ поръ во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ мы старались, главнымъ образомъ, отвѣтить на вопросъ, вслѣдствіе какихъ причинъ новые растительные и животные виды возникаютъ изъ существующихъ. Мы отвѣтили на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что образованіе помѣсей съ одной стороны, съ другой—естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе, взаимодѣйствіе законовъ приспособленія и наслѣдственности, являются достаточно могущественными причинами для того, чтобы механически создать безконечное многообразіе различныхъ, повидимому, цѣлесообразно по опредѣленному плану организованныхъ животныхъ и растеній. Однако, уже многократно напрашивался вопросъ: какъ же возникли эти первые организмы, или тотъ первоначальный основной организмъ, отъ котораго ведутъ свое происхожденіе всѣ прочіе?

Ламаркъ разрѣшилъ этотъ вопросъ гипотезой *первичнаго зарожденія или архигоніи.* Дарвинъ, напротивъ, обошелъ этотъ вопросъ, замѣтивъ лишь, что онъ «ничего не имѣетъ противъ возникновенія основныхъ силъ духа и даже самой жизни». Въ заключеніи своего сочиненія онъ опредѣленнѣе выражается объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я допускаю, что, по всей вѣроятности, всѣ органическія существа, когда-либо жившія на землѣ, возникли отъ одной первичной формы, впервые одухотворенной творцомъ, сообщившимъ ей жизнь». Кромѣ того, Дарвинъ, спѣша успокоить всѣхъ тѣхъ, котовые въ теоріи измѣняемости видовъ усматривали гибель всего «нравственнаго мірового порядка», приводитъ слѣдующія замѣчанія одного писавшаго ему извѣстнаго духовнаго автора: «Онъ постепенно дошелъ до сознанія, что возвышенное представленіе о божествѣ выражается какъ въ вѣрѣ въ то, что это божество создало только немногіе первичные

типы, способные въ своемъ саморазвитіи переходить въ новыя и необходимыя формы, такъ и въ то, что оно совершало новые творческіе акты, необходимые для восполненія пробѣловъ, оставшихся при исполненіи его собственныхъ законовъ». Тѣ, для которыхъ вѣра въ сверхъестественное твореніе составляла необходимость духа, могли успокоиться при этомъ представленіи. Они могли совмѣстить свою вѣру съ теоріей измѣняемости видовъ: и въ самомъ дѣлѣ, они гораздо больше должны были удивляться силѣ изобрѣтательности и мудрости Творца, создавшаго одинъ единственный первоначальный организмъ, способный развить изъ себя при посредствѣ наслѣдственности и приспособленія всѣ остальные, чѣмъ отдѣльному независимому творенію различныхъ видовъ.

Мы прежде всего должны разсмотрѣть естественную исторію сотворенія земли и всей вселенной въ ея общихъ чертахъ. Изъ строенія земли, какъ мы его знаемъ въ настоящее время, мы выводили важное и до сихъ поръ еще не опровергнутое представленіе объ огненно-жидкомъ состояніи внутренней массы ея; твердая, составленная изъ различныхъ слоевъ земная кора, на поверхности которой обитаютъ организмы, образуетъ только весьма тонкую скорлупу огненно-жидкаго ядра. Въ пользу этого прежде всего говоритъ то наблюденіе, что температура земной коры постепенно возрастаетъ по мѣрѣ углубленія внутрь земли. Чѣмъ глубже мы спускаемся, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ теплота земной почвы, и именно въ такомъ отношеніи, что на каждые сто футовъ глубины температура повышается приблизительно на одинъ градусъ. Соотвѣтственно этому, на глубинѣ 6 миль должна господствовать температура въ 1.500°, достаточная для того, чтобы привести въ расплавленное огненно-жидкое состояніе большую часть твердыхъ веществъ нашей земной коры. Но эта глубина составляетъ только 286-ю часть всего поперечника (1.717 миль). Намъ извѣстно также, что источники, выходящіе изъ значительной глубины, обладаютъ весьма высокой температурой и выносятъ на земную поверхность воду почти въ состояніи кипѣнія. Наконецъ, весьма важными свидѣтелями являются вулканы, выбрасывающіе черезъ лопнувшіе мѣста земной коры огненно-жидкія горныя породы. Накаленные, только что изверженные на земную кору потоки лавы обнаруживаютъ температуру въ 2.000° и болѣе. Всѣ эти явленія съ большой вѣроятностью приводятъ насъ къ тому важному признанію, что твердая земная кора, подобно тонкой кожицѣ яблока, составляетъ лишь весьма ничтожную часть всего поперечника земного шара, и что послѣдній еще и понынѣ находится въ расплавленномъ или огненно-жидкомъ состояніи.

Размышляя на почвѣ этого предположенія о давно минувшей исторіи земного шара, мы логически принуждены будемъ ступить шагъ дальше и допустить, что въ прежнее время *вся земля представляла огненно-жидкій шаръ*, и что образованіе такой отвердѣвшей коры на поверхности этого шара составляетъ болѣе поздній процессъ. Поверхность накаленнаго шара лишь постепенно путемъ лучеиспусканія внутренняго жара сгустилась въ тонкій корковый слой. Что температура земли прежде была вообще гораздо выше, доказывается многими явленіями. Между прочимъ въ пользу этого говоритъ фактъ равномѣрнаго распредѣленія организмовъ въ прежніе періоды исторіи земли. Въ то время какъ теперь различнымъ зонамъ и ихъ мѣстнымъ температурамъ соотвѣтствуетъ, какъ извѣстно, различное жи-

вотное и растительное населеніе, прежде совершенно не было этого. Изъ распредѣленія окаменѣлостей въ древнѣйшіе періоды мы видимъ, что только весьма поздно, въ одинъ изъ относительно новыхъ періодовъ органической исторіи земли (въ началѣ такъ называемаго третичнаго періода) произошло отдѣленіе зонъ вмѣстѣ съ ихъ органическимъ населеніемъ. Въ теченіе чрезвычайно продолжительныхъ первичной и вторичной эры тропическія растенія, требующія высокой температуры, жили не только въ теперешнихъ жаркихъ поясахъ подъ экваторомъ, но и въ умѣренныхъ теперь и холодныхъ зонахъ. Также многія другія явленія указываютъ на постепенное пониженіе температуры всего земного шара и въ особенности на позже наступившее охлажденіе земной коры со стороны полюсовъ. Бронъ въ своихъ превосходныхъ изслѣдованіяхъ законовъ развитія органическаго міра приводитъ въ пользу этого множество палеонтологическихъ и геологическихъ доказательствъ.

На этихъ явленіяхъ, съ одной стороны, и на математическо-астрономическомъ познаніи строенія мірозданія съ другой стороны основана теорія, что вся наша земля въ давно минувшія времена, задолго до перваго появленія организмовъ на ней, представляла огненно-жидкій шаръ. Но эта теорія находится, кромѣ того, въ согласіи съ величественной теоріей происхожденія вселенной и въ частности нашей планетной системы, съ теоріей, предложенной въ 1755 г. критическимъ философомъ Кантомъ на основаніи извѣстныхъ ему математическихъ и астрономическихъ фактовъ, и затѣмъ подробнѣе обоснованной знаменитыми математиками Лапласомъ и Гершелемъ. Эта *механическая космогенія*, или теорія развитія вселенной, еще и теперь пользуется почти общимъ признаніемъ; до сихъ поръ она не была замѣнена лучшей теоріей, и благодаря стараніямъ математиковъ, астрономовъ и геологовъ получила весьма твердое научное обоснованіе.

Космогонія Канта утверждаетъ, что *вся вселенная* нѣкогда представляла собой *газообразный хаосъ*. Всѣ вещества, отдѣльно встрѣчающіяся въ настоящее время на землѣ и на другихъ небесныхъ тѣлахъ въ различныхъ степеняхъ сгущенія, въ твердомъ, твердо-жидкомъ, капельно-жидкомъ и упруго-жидкомъ аггрегатномъ состояніи, первоначально представляла однородную равномѣрно наполняющую вселенную массу, чрезвычайно высокая температура которой поддерживала ее въ газообразномъ или воздухообразномъ, крайне тонкомъ состояніи. Милліоны небесныхъ тѣлъ, разсѣянныхъ теперь въ различныхъ солнечныхъ системахъ, въ то время еще не существовали. Они возникли вслѣдствіе общаго вращенія, при которомъ нѣкоторое число болѣе твердыхъ массъ сравнительно съ остальною газообразною массою подверглись еще большему сгущенія и стали дѣйствовать на эту послѣднюю, какъ центръ притяженія. Такъ произошло раздѣленіе первоначальнаго хаотическаго тумана или мірового газа въ опредѣленное число вращающихся, болѣе или менѣе сгущенныхъ туманныхъ шаровъ. Также и наша солнечная система нѣкогда представляла собой такой исполинскій газообразный шаръ, частицы котораго всѣ вмѣстѣ вращались около общаго центра, солнечнаго ядра. Этотъ туманный шаръ вслѣдствіе вращательнаго движенія подобно всѣмъ прочимъ получилъ форму сфероида или сплюснутую форму шара.

Въ то время, какъ центростремительная сила все ближе притягивала вращающіяся частицы къ твердому центру туманнаго шара, центробѣжная сила, напротивъ, стремилась все дальше отбросить отъ него

Глава X.

Fin de siècle.

Общій характеръ времени.

Всякая эпоха есть, въ извѣстномъ смыслѣ, переходная эпоха. Но врядъ ли когда-нибудь для какого-либо поколѣнія было такъ очевидно, какъ для нашего, что наступающій вѣкъ непремѣнно будетъ носить характеръ болѣе опредѣленный, болѣе ясно выраженный, чѣмъ послѣднее десятилѣтіе заканчивающагося теперь вѣка. И фактически мы не только живемъ въ переходную эпоху, но—и въ этомъ заключается болѣе глубокій смыслъ «Fin de siècle»'я,—мы также чувствуемъ себя людьми переходной эпохи. Но переходное время—плохое время, прежде всего потому, что оно вноситъ разладъ во всѣ наши мысли и чувства. Прежде всего находимъ разладъ въ отношеніяхъ къ государству и политикѣ: съ одной стороны — напряженность національнаго чувства, которая часто принимается за шовинизмъ, а иногда и на самомъ дѣлѣ переходитъ въ него, съ другой—возрожденіе гуманитарныхъ принциповъ и усиленіе соціальныхъ стремленій, которыя, наоборотъ, пугаютъ своими антинаціональными и космополитическими тенденціями. Съ одной стороны — культъ героевъ, переходящій тамъ, гдѣ героевъ нѣтъ, въ византинизмъ, съ другой стороны — демократизація общества, допускающая вновь старую, отвергнутую исторіей мысль объ абсолютномъ равенствѣ людей. Разладъ замѣчается и въ нашемъ отношеніи къ церкви и религіи: замѣтно пробуждается интересъ къ религіознымъ вопросамъ, и на-ряду съ этимъ все еще живетъ старое отвращеніе ко всему, что относится къ церкви и христіанству. Несогласны мы и въ вопросахъ нравственности: съ одной стороны, все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ симпатіи духъ соціализма, требующій отъ всѣхъ одинаковой преданности общему благу, а рядомъ съ нимъ находитъ себѣ горячихъ поклонниковъ ученіе Ницше съ его индивидуализмомъ, безграничнымъ правомъ самоудовлетворенія для геніальной личности, даже если бы для этого пришлось ниспровергнуть всѣ нравственные устои. Такой же разладъ въ области искусства и поэзіи: классицизмъ все еще играетъ роль въ образованіи, и за нимъ признаются историческія заслуги, но на-ряду съ этимъ растетъ протестъ противъ идеаловъ классицизма, какъ невѣрныхъ по существу, и реалистическое признаніе искусства, изображающаго истину насчетъ красоты. И, наконецъ, разладъ во взглядахъ на основы современнаго общества и всей современной культуры: съ одной стороны, мы цѣпко держимся за настоящій порядокъ вещей, какъ за вполнѣ разумный и цѣнный, съ другой—мы видимъ ярыя нападки на него, какъ будто всѣ добрые духи разума и нравственности уже покинули его, и его нужно какъ можно скорѣе снести съ лица земли и разрушить до послѣдняго камня: историческое направленіе столѣтія столкнулось здѣсь съ революціоннымъ «Sturm und Drang». Такъ волнуется и кипитъ все вокругъ и увлекаетъ насъ съ собой въ водоворотъ. Весь «Fin de siècle» полонъ противорѣчій; происходитъ какое-то хаотическое броженіе и смѣшеніе противоположностей: карнавалъ и постъ; сильный, стремительный ренессансъ и пессимистическій, усталый декадансъ; время «безпокойства и возбужденія», но также стремленія къ покою и пресыщенія; жажда разрушить внѣшній міръ и мечты возстановить еди-

ный внутренній. Таковы и люди этой эпохи: съ одной стороны—исполненные преклоненія передъ интеллектомъ, болѣзненно-надорванные отъ самой юности вслѣдствіе односторонняго развитія ума, и въ своей нервозности мятущіеся подъ властью прихотливыхъ и смутныхъ настроеній, а рядомъ съ ними—практики, утилитаристы, съ энергіей и характеромъ; пессимисты и равнодушные, исполненные глубокой, внутренней усталости съ одной стороны, съ другой — жизнерадостные, охваченные жаждой жизни, смѣло и сильно рвущіеся впередъ и ввысь; свободные отъ предразсудковъ, невѣрующіе и критически настроенные, смѣло добирающіеся до самыхъ тайниковъ души, а рядомъ съ ними отуманенные всякаго рода мистицизмомъ, полные любопытства и интереса ко всему загадочному и таинственному, ко всему глубокомысленному и сверхчувственному, низводящіе самую науку на службу суевѣрію или даже облекающіе послѣднее въ форму науки.

Но не будемъ несправедливы по отношенію къ текущему столѣтію. Эдм. Пфлейдереръ, въ своей рѣчи въ память князя Бисмарка, говоритъ, что это было «замѣчательное столѣтіе серьезнаго реальнаго труда, исторической силы и бодрой предпріимчивости»; въ этомъ заключается его значеніе для насъ, его солидное основаніе и твердыя точки опоры въ быстрой смѣнѣ явленій. При этомъ я имѣю въ виду не только политическія и соціальныя явленія, но прежде всего прогрессъ въ области промышленности и техники, я имѣю въ виду людей, подобныхъ Вернеру Сименсъ, которые обязаны своимъ выдающимся положеніемъ только личному труду и, стоя во главѣ крупныхъ техническихъ предпріятій, «употребляютъ всю свою энергію на то, чтобы доставить отечественной промышленности въ міровой конкуренціи руководящую роль или, по крайней мѣрѣ, такую, какая подобаетъ ей по природѣ и по положенію страны». Въ личности Сименса, какъ въ фокусѣ, сосредоточились всѣ великія и активныя тенденціи такого рода дѣятельности: союзъ естествознанія, техники и промышленности, увеличеніе общей пользы и общаго блага, благодаря такимъ предпріятіямъ, гдѣ всякая отдѣльная личность въ концѣ концовъ всегда получаетъ должное, и удовлетвореніе соціальнаго чувства въ томъ, что тысячамъ прилежныхъ рабочихъ данъ кусокъ хлѣба и что участіе въ прибыляхъ сообщаетъ имъ импульсъ къ бодрому, самодѣятельному общему труду. Въ этомъ смыслѣ мы много поработали и многаго достигли.

Союзъ науки съ техникой произвелъ еще другое, глубокое измѣненіе въ условіяхъ нашего существованія. Повышеніе общаго уровня жизненныхъ потребностей уже было нами отмѣчено выше. Оно дѣлаетъ нашу жизнь болѣе утонченной, за-то мы сами, съ одной стороны, становимся болѣе чувствительными къ лишеніямъ, съ другой—болѣе дорожимъ наслажденіями всякаго рода. Особенно много обязаны мы этому союзу побѣдой пара и электричества надъ пространствомъ и временемъ. Въ ней заключается переворотъ, который, по словамъ фонъ-Герланда, отмѣчаетъ наше столѣтіе: паровая машина, фабрика, рабочее населеніе, соціальный вопросъ; локомотивъ, желѣзныя дороги, товарное обращеніе и передвиженіе населенія; телеграфъ и телефонъ, міровая торговля и міровое обращеніе, газетное дѣло и пресса—все это имѣетъ между собою самую тѣсную связь. Люди стали сходиться между собою тѣснѣе и ближе, многія разъединяющія перегородки упали, но за то и столкновенія стали чаще, круговоротъ жизни все быстрѣе; не такъ хорошо чувствуется дома, привычка къ осѣдлости утрачивается, и поэтому желѣзнодорожное время одерживаетъ побѣду надъ мѣстнымъ.

Но вся эта зависимость мировой жизни отъ обращенія хотя и составляетъ тріумфъ техники и доказательство прогресса, имѣетъ однако и свои темныя стороны; газеты разносятъ зачатки образованія въ самые глухіе углы, но онѣ же вредятъ образованію, дѣлая его поверхностнымъ и лишая индивидуальности. Мы «побѣдили» пространство и еще въ одномъ отношеніи: рядомъ съ телескопомъ стоитъ микроскопъ и открываетъ намъ совершенно новый міръ — міръ безконечно малыхъ величинъ. И естествознаніе отыскиваетъ смыслъ въ этой жизни безконечно малаго. Но не только оно, но и науки о духѣ—исторія, психологія—вооружились микроскопомъ: изслѣдованіе отдѣльныхъ частностей считается выше общаго изображенія, послѣднее часто считаютъ ненаучнымъ и дилеттантскимъ; при этомъ забываютъ, что детальное изслѣдованіе служитъ только средствомъ, и что, напр., въ исторіи общее изложеніе имѣетъ высшее значеніе и какъ художественная работа является болѣе трудной. Даже искусство не обошлось безъ этого микроскопическаго изслѣдованія: и оно стало обращать вниманіе на все мелкое и незамѣтное: вмѣсто выступающихъ на первый планъ и видимыхъ простымъ глазомъ душевныхъ движеній, оно выдвинуло разлагающій психологическій анализъ, проникающій въ сокровеннѣйшія глубины духовной жизни, въ то, что безсознательно копошится на самомъ ея днѣ. Такъ тѣсно связано здѣсь внѣшнее съ внутреннимъ, механическое съ духовнымъ, наука съ практикой и послѣдняя съ психической жизнью.

Но чѣмъ сильнѣе и рѣзче перемѣны въ нашей внѣшней и внутренней жизни и въ ея тонкой и сложной структурѣ, чѣмъ богаче противоположностями и противорѣчіями эта жизнь, тѣмъ труднѣе выразить все это словами и исчерпать, хотя бы только приблизительно. Только самое грубое, то, что давно всплыло на поверхность и уже настоятельно требуетъ выраженія въ словѣ и образѣ, — только это могу я представить здѣсь въ моемъ изложеніи и назвать настоящимъ именемъ. Вѣдь это—та атмосфера, гдѣ живемъ мы сами и не чувствуемъ ни ея давленія, ни колебаній, именно потому, что тотъ же самый воздухъ наполняетъ насъ самихъ, такъ что дѣйствіе и противодѣйствіе взаимно уравновѣшиваются. И еще одно замѣчаніе. «Fin de siècle» начинается съ отставки Бисмарка весною 1890 года, но, по справедливому мнѣнію Marks'а, эта «молодая Германія эпохи, слѣдующей за 1890 годомъ, уже всецѣло подготовлена предъидущимъ десятилѣтіемъ и тѣми, кто въ то время сражался подъ знаменами императора Вильгельма»—и Бисмарка, прибавимъ мы. Для того, чтобы понять это новое, мы должны вернуться къ восьмидесятымъ, а отчасти даже къ семидесятымъ годамъ, и многое изъ того, что принадлежитъ исключительно болѣе ранней эпохѣ, придется воспроизвести здѣсь въ связи съ новымъ и болѣе позднимъ временемъ, именно умственная жизнь выражается ярче и становится все богаче и разностороннѣе только за послѣднее десятилѣтіе нашей эры. Въ наши дни, въ одномъ аккордѣ, часто съ рѣзкими диссонансами, звучитъ многое, что только въ этомъ созвучіи получаетъ свое значеніе и даже принимаетъ совершенно иной тонъ, и поэтому его относятъ къ «Fin de siècle»'ю, хотя-бы отдѣльно, само по себѣ оно существовало и дѣйствовало уже раньше.

Женскій вопросъ

Прежде всего мы будемъ говорить здѣсь о той сторонѣ соціальнаго вопроса, которая въ настоящее время достигла своего полнаго развитія

и извѣстна подъ общимъ названіемъ женскаго вопроса со всѣми его подраздѣленіями. Предыдущія столѣтія не знали такого вопроса. Въ эпоху абсолютизма и просвѣщеннаго деспотизма, мужчина въ домашнемъ быту былъ неограниченнымъ господиномъ, деспотомъ, иногда только просвѣщеннымъ; вопросъ о положеніи женщины такъ же, какъ и объ ея образованіи еще почти не подымался въ это время исключительнаго мужского господства. Марія-Терезія и Екатерина II считались и были въ дѣйствительности исключеніями. Даже французская революція не внесла ближайшихъ перемѣнъ въ это положеніе вещей, хотя во Франціи женщина уже раньше пользовалась большимъ значеніемъ въ обществѣ. Если справедливо мнѣніе Фр. Шлегеля, что «Вильгельмъ Мейстеръ» Гете на-ряду съ французской революціей и научной теоріей Фихте выражаетъ три великихъ тенденціи нашего столѣтія, то, безъ сомнѣнія, мы должны признать за этимъ романомъ огромное значеніе для женскаго вопроса; вообще отношенія Гете къ женщинѣ являются прогрессивными для своего времени. Въ «Германѣ и Доротеѣ» мы читаемъ:

Жребій женщины—быть заранѣ готовой къ услугамъ,
Только ими она, наконецъ, достигаетъ до власти
Той заслуженной, которая въ домѣ ей подобаетъ.
Брату служитъ сестра, съ малолѣтства родителямъ служитъ,—
Такъ и вся жизнь у насъ ограничена вѣчнымъ уходомъ,
Или занятьемъ всегда и то, и другое готовить.
Благо, если она привыкла во всякое время,
Днемъ и ночью равно, поспѣвать на каждое дѣло,
Если работа пустой, игла ей не кажется тонкой,
Если, живя для другихъ, она о себѣ забываетъ!
Всѣ эти добрыя качества будущей матери нужны
Въ часъ, какъ младенецъ ее больную разбудитъ, отъ слабой
Требуя пищи, и къ боли еще пріобщится забота.
Двадцать мужчинъ сообща не вынесутъ трудности этой,
Да и сносить не должны, но быть намъ должны благодарны *).

Далѣе слѣдуетъ типъ Гретхенъ:

Повѣрьте, вижу я,
Что человѣка, кто такъ много видѣлъ, знаетъ,
Мой бѣдный разговоръ совсѣмъ не занимаетъ.
. . . .
И вотъ одна дитя безпомощное я.

Иностранцы часто принимаютъ Гретхенъ за общій типъ нѣмецкой женщины. А рядомъ съ нимъ стоитъ, навѣянный личнымъ знакомствомъ Гете съ г-жей фонъ-Штейнъ, возвышенный женскій образъ, полный богатой внутренней жизни, съ мужскимъ складомъ ума и сознаніемъ своего достоинства. Средину между ними занимаетъ Ифигенія.

...счастье слабой женщины! Какъ узко,
Какъ тѣсно ограничено оно!

И далѣе слѣдуетъ вопросъ:

Мужъ одинъ ли
На подвиги отважные рожденъ?
Одинъ ли онъ въ груди своей геройской
Вмѣщаетъ невозможное другимъ? **)

И, наконецъ,

А мужу благородному прилично
Чтить слово женщины **).

Въ «Тассо» мы находимъ хвалебную пѣснь образованію:

А если хочешь съ точностью узнать
Пристойности священныя границы,
У благородныхъ женщинъ ты спроси **).

---

*) Переводъ А. А. Фета. «Собраніе сочиненій Гете». Спб. 1894 г. т, IV, стр. 434.

**) Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскихъ писателей, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. IV. Спб. 1878.

Но все богатство женскихъ типовъ развертывается въ Вильгельмѣ Мейстерѣ—Миньона и Филина, Аврелія и прекрасная душа (дѣвица фонъ-Клеттенбергъ), Тереза и Наталія, и еще болѣе сложные, а поэтому болѣе современныя—Шарлотта и Оттилія въ «Wahlverwandtshaften». Здѣсь заключается почти цѣлый трактатъ по вопросу о женскомъ воспитаніи и женскомъ образованіи.

И наоборотъ, какъ бѣденъ въ этомъ отношеніи Шиллеръ! Ему удалась женщина, какъ героиня подвига или страданія, въ «Валленштейнѣ» и «Орлеанской дѣвѣ», въ «Маріи Стюартъ» и «Мессинской невѣстѣ»; она удалась ему, какъ хозяйка и мать въ «Теллѣ» и «Пѣснѣ о колоколѣ». Зато его Амаліи и Луизѣ Миллеръ, его Теклѣ и Бертѣ недостаетъ силы и жизненности, онѣ впадаютъ въ нездоровую сантиментальность. Сантиментальны также женщины Жанъ Поля: онъ не избѣжалъ того нездороваго элемента, который онъ заимствовалъ такъ же, какъ и Шиллеръ, въ противоположность г-жѣ фонъ-Штейнъ у г-жи фонъ-Кальбъ; послѣдней и Эмиліи Берлепшъ онъ обязанъ своимъ типомъ геніальной титаниды, съ «всемогущимъ» сердцемъ.

Но не въ этихъ восторженныхъ женщинахъ, которыя съ обожаніемъ толпятся вокругъ Жанъ Поля, а въ поэтическихъ произведеніяхъ Гете вылился новый типъ женщины. Даровитыя еврейки — Доротея Вейтъ, Генріетта Герцъ и Рахиль, впослѣдствіи жена Варнгагена—были первыя женщины въ Германіи, признававшія права женщинъ на образованіе и умственное развитіе. И, чтобы не ограничиваться только еврейками, я прибавлю сюда Каролину Шлегель, безспорно, самую умную женщину въ Германіи, зато она же была и «Dame Lucifer» и не особенно стѣснялась правилами моногаміи. Всѣ онѣ принадлежали къ романтическому кружку. Шлейермахеръ, другъ Генріетты Герцъ, изложилъ романтическій символъ вѣры по отношенію къ женщинѣ въ видѣ «катехизиса благоразумія» для благородныхъ женщинъ. «Десять заповѣдей: 1. Не имѣй возлюбленнаго кромѣ него: но съумѣй быть подругой, не играя въ любовь, не кокетничая и не благоговѣя передъ нимъ. 2. Не сотвори себѣ кумира ни изъ ангела на небѣ, ни изъ героя поэмы или романа, или собственныхъ грезъ и фантазій, но люби мужа такимъ, каковъ онъ есть. Потому что природа, твоя повелительница, строгая богиня, и она караетъ мечты дѣвушки въ женщинѣ до третьяго и четвертаго цикла ея чувствъ. 3. Не злоупотребляй ни малѣйшимъ сокровищемъ любви, потому что губитъ свое нѣжное чувство та, которая оскверняетъ свое расположеніе и отдается за подарки или за то только, чтобы спокойно и мирно сдѣлаться матерью. 4. Помни субботу твоего сердца и чти ее, и если тебя удерживаютъ, освободись или погибни. 5. Чти природныя свойства и характеръ своихъ дѣтей, чтобы имъ было благо, и чтобы они были сильны на землѣ. 6. Не давай преднамѣренно жизни другому существу. 7. Не вступай въ бракъ, который надлежитъ расторгнуть. 8. Не желай любви отъ того, кого сама не любишь. 9. Не лжесвидѣтельствуй въ пользу мужчинъ; не прикрашивай ихъ грубость словами или дѣйствіями. 10. *Пожелай себѣ мужского образованія, искусства, науки, чести.* — Символъ вѣры: 1. Вѣрую въ вѣчное человѣчество, существовавшее прежде, чѣмъ оно приняло оболочку мужчины и женщины. 2. Вѣрую, что я живу не для того, чтобы повиноваться или развлекаться, но для того, чтобы совершенствоваться; вѣрую въ силу воли и образованія для того, чтобы снова приблизиться къ безконечному, освободиться изъ цѣпей невѣжества и сдѣ-

латься независимой отъ ограниченій, налагаемыхъ поломъ. 3. Вѣрую во вдохновеніе и добродѣтель, въ значеніе искусства и прелесть науки, въ дружбу мужчинъ и любовь къ отечеству, въ прошлое его величіе и въ будущее совершенствованіе.»

Самое важное было то, что эти женщины, дѣйствительно, стремились къ мужскому образованію, обсуждали съ мужчинами серьезные вопросы философіи и эстетики, своими совѣтами или сотрудничествомъ принимали участіе въ ихъ работахъ и сами неоднократно выступали публично въ качествѣ писательницъ.

Но все это пока были лишь отдѣльные эпизоды. Романтика вначалѣ очень смѣло выступила въ защиту женской эмансипаціи въ Люциндѣ Шлегеля и въ высшей степени тонко пропагандировала ее въ письмахъ Шлейермахера по поводу этой книги, наконецъ и въ жизни проводила ее почти по слѣдующему рецепту:

Мы обмѣняемся своими женами,
И все должно быть общимъ;

но въ скоромъ времени она капризно и робко свернула съ этого пути. Возвратившись въ своихъ идеалахъ къ XVI столѣтію и среднимъ вѣкамъ, она стала хвалить въ женщинѣ благочестіе и простоту, цѣломудріе и домовитость, и этимъ самымъ осуждала все прошлое какъ ошибку и заблужденіе. Эта тенденція была усилена еще религіозно-католическимъ настроеніемъ позднѣйшихъ романтиковъ; кромѣ того, наступившія бѣдствія войны и неурожаевъ предъявили къ женщинамъ новыя требованія. Героиня, отправлявшаяся въ мужскомъ платьѣ на поле сраженія, нѣмецкая дѣвушка, отдавшая на жертву отечеству свои украшенія и свои волосы, женщина—сестра милосердія, которая ходила за ранеными въ лазаретахъ, исполняла не видную работу дома и молилась объ ушедшихъ герояхъ—вотъ о какомъ идеалѣ женщины мечтала христіанско-нѣмецкая молодежь.

Только въ тридцатыхъ годахъ наступила перемѣна. Молодая Германія до нѣкоторой степени снова вернулась къ первымъ началамъ романтизма, и Рахиль и Беттина образовали живую связь между этими двумя періодами. Гуцковъ, издавъ интимныя письма Шлейермахера о Люциндѣ, развилъ въ предисловіи и приложеніи къ нимъ свою программу. Уничтоженіе церковнаго брака—одинъ ея пунктъ, право дѣвушекъ интеллигентнаго класса «устроивать свое семейное счастіе свободно, разумно и здорово»—другой. Шлейермахеръ писалъ: «И въ любви должны быть первые опыты, изъ которыхъ не выходитъ ничего прочнаго, но всякій выноситъ что-либо, отчего чувство дѣлается опредѣленнѣе, взглядъ на любовь шире и выше. Итакъ, предоставь себѣ самую неограниченную свободу и старайся только сохранить здравый умъ и нѣжное чувство тамъ, гдѣ дѣло идетъ лишь объ опытѣ, и тѣхъ отношеній, которыя служатъ простымъ опытомъ, не закрѣпляй и не освящай сильною привязанностью, ибо сильное чувство по самой природѣ своей должно быть концомъ ученическихъ опытовъ и началомъ истинной и прочной любви». Гуцковъ, по справедливому замѣчанію Прельса, возвелъ это въ «требованіе соціальной реформы»: такая вѣрность первой любви ведетъ «къ бракамъ, отравленнымъ еще до свадьбы», съ выдохшимся чувствомъ, съ жалкимъ ординарнымъ воспитаніемъ дѣтей и тягостными заботами о насущномъ хлѣбѣ». И наоборотъ, мужчина требуетъ «любви изъ первыхъ рукъ, чтобы его избранница на немъ первомъ остановила свое вниманіе», поэтому дѣвушка до замужества должна имѣть «по возможности самую краткую

біографію». Отъ этого много теряетъ свѣжесть чувства, и настоящая любовь является подорванной въ самомъ зародышѣ. Въ противовѣсъ этому, онъ приглашаетъ къ реформѣ въ слѣдующихъ довольно двусмысленныхъ выраженіяхъ: «Не стыдитесь страсти и не считайте нравственность за государственный институтъ! Но прежде всего думайте о методикѣ любви и освящайте свое желаніе тѣмъ, что вы совершаете его свободно и по свободному выбору. Единственный священникъ, вѣнчающій сердца, пусть будетъ блаженное мгновеніе, а не церковь съ ея церемоніаломъ и тонзированными служителями».

Нравственность въ общеніи половъ, освященномъ любовью, всего хуже вяжется съ привычкой, которая всегда будничиа и обыденна.» Его «Wally» могла дать только новый поводъ къ самымъ ужаснымъ недоразумѣніямъ. Здѣсь борьба молодой Германіи за освобожденіе женщины очень близко соприкасалась съ освобожденіемъ ея тѣла: могло казаться, что дѣло идетъ исключительно о послѣднемъ. И дѣйствительно, здѣсь существовала отмѣченная Гейне связь съ сенъ-симонизмомъ или вѣрнѣе, цинизмомъ Анфантена, который подъ освобожденіемъ тѣла понималъ именно свободную любовь и общность женъ и мужей. Именно въ этомъ движеніи, женщины, подобныя Беттинѣ и главнымъ образомъ Рахили, оказывали возвышающее и умѣряющее вліяніе: онѣ требовали не переворота, но только «дальнѣйшаго органическаго развитія того, что установлено нравами и обычаемъ», требовали не эмансипаціи чувственности, но такого же права на самоопредѣленіе личности и на свободную дѣятельность во всѣхъ областяхъ умственной жизни для женщины, какимъ пользуются мужчины. Однако, чувственная сторона тѣмъ не менѣе продолжала играть роль въ движеніи, благодаря французскому вліянію, романамъ Жоржъ Зандъ, которые были поняты какъ протестъ противъ брака вообще, а не только противъ извращенной современнымъ обществомъ и оскорбительной для искренняго чувства его формы. Несомнѣнно, въ этомъ искаженномъ видѣ поняла ее Ида Ганъ-Ганъ, между тѣмъ какъ Фанни Левальдъ пошла по слѣдамъ Рахили, только трезво и разумно, безъ всякаго увлеченія романтизмомъ, зато вслѣдствіе этого она не была оцѣнена по заслугамъ въ качествѣ писательницы.

Движеніе 1848 года увлекло въ своемъ потокѣ и женщинъ, не въ погонѣ за особыми правами, а въ качествѣ участницъ въ общей борьбѣ. Прежде всего, въ радикальной средѣ выдѣлилось нѣсколько женщинъ, каковы г-жа Струве, Гервегъ, и при этомъ онѣ выказали гораздо больше горячности, страсти и мужества, чѣмъ мужчины. Но онѣ также щедро внесли свою долю въ мартирологъ этой эпохи; я назову только великую страдалицу Іоганну Кинкель и Мальвиду фонъ-Мейзенбургъ, автора «Мемуаровъ идеалистки», которая за свой политическій и религіозный либерализмъ вынесла тяжелый разрывъ съ семьей. Наступившая реакція коснулась также и женщинъ; на это указываетъ запрещеніе фонъ-Раумеромъ Фребелевскихъ дѣтскихъ садовъ въ Пруссіи въ 1851 году: они считались атеистическими и соціалистическими. Фребель призналъ въ женщинахъ спеціальныя способности для руководства такими садами, такъ какъ дѣтство и женскій характеръ, уходъ за дѣтьми и женское сердце близко подходятъ одно къ другому. Итакъ, правительственное запрещеніе коснулось и женщинъ и прежде всего даровитой г-жи фонъ-Маренгольцъ. Точно также реакція не могла допустить существованія «Высшаго учебнаго заведенія для женщинъ», основаннаго Фребелемъ въ Гамбургѣ въ демо-

кратическомъ духѣ. Въ тѣ времена вообще не было мѣста для подобныхъ начинаній; даже дѣла милосердія женщины должны были совершать только подъ эгидой церкви.

Итакъ, стремленіе женщины къ эмансипаціи было заподозрѣно въ религіозномъ и политическомъ вольнодумствѣ. Но въ то же время и въ другихъ областяхъ появляются новыя попытки улучшить положеніе женщины, прежде всего въ сферѣ фабричнаго труда. Въ высшихъ слояхъ общества женскій вопросъ касался главнымъ образомъ семьи и образованія, здѣсь же это былъ прежде всего вопросъ о матеріальномъ положеніи фабричныхъ работницъ. Глава семьи, съ трудомъ зарабатывая на свои собственныя надобности, для содержанія семьи вынужденъ былъ посылать на фабрику жену и дѣтей. Послѣдствіемъ этого является пониженіе заработной платы и распаденіе семьи. Нѣкоторыя работы могутъ съ одинаковымъ успѣхомъ исполняться какъ мужчинами, такъ женщинами и дѣтьми. Но женскій и дѣтскій трудъ. «само собой разумѣется»,стоитъ дешевле, поэтому фабрикантъ съ радостью ухватился за эти маленькія и слабыя руки. Кромѣ того, женскій трудъ кажется ему выгоднѣе, благодаря большей ловкости женщинъ, ихъ эстетическому вкусу, меньшей силѣ сопротивленія и терпѣливому согласію на все растущія требованія предпринимателей. Такимъ образомъ, дѣти успѣшно конкурируютъ съ родителями, жены съ мужьями, и то, что должно было облегчить послѣднимъ борьбу за существованіе, въ концѣ концовъ значительно увеличило для обѣихъ сторонъ ея тяжесть. Но самымъ ужаснымъ послѣдствіемъ все возрастающаго примѣненія женскаго и дѣтскаго труда во всѣхъ почти отрасляхъ фабричной промышленности было вырожденіе населенія. Усиленной дѣтской смертностью и всевозможными болѣзнями матерей природа мстила за пренебреженіе необходимыми семейными обязанностями. Не могло быть и рѣчи о заботливомъ веденіи хозяйства и воспитаніи дѣтей со стороны матери, занятой цѣлый день на фабрикѣ. Въ результатѣ: жена, истощенная и преждевременно состарившаяся, заброшенныя физически и нравственно дѣти, особенно дѣвочки, не пріученныя къ домашней работѣ, не имѣющія ни малѣйшаго понятія о семейныхъ добродѣтеляхъ и обязанностяхъ; мужъ изъ отвращенія къ бѣдности и неопрятности своего семейнаго очага — завсегдатай трактировъ, алкоголикъ, домашній тиранъ, избивающій въ пьяномъ видѣ жену и дѣтей. Такова семейная жизнь многихъ рабочихъ.

Такое вопіющее положеніе вещей гибельно отзывалось на населеніи поэтому, чувство національнаго самосохраненія требовало настоятельнаго вмѣшательства государства. Поэтому, этого рода факты почти всюду являются исходнымъ пунктомъ соціально-политическаго законодательства. Въ данномъ случаѣ, благодаря господству манчестерской школы, введено было лишь ограниченіе и запрещеніе труда дѣтей, какъ неспособныхъ къ самозащитѣ. Но постепенно крѣпнетъ сознаніе необходимости особыхъ государственныхъ постановленій въ защиту женскаго труда, въ интересахъ морали, будущихъ поколѣній и улучшенія домашняго быта, особенно въ виду того, что мѣры, принятыя наиболѣе разумными и дѣятельными фабрикантами по собственной иниціативѣ и въ союзѣ съ городскимъ управленіемъ и частной благотворительностью, особенно по вопросу о жилищахъ, объ учрежденіяхъ для физическаго ухода, воспитанія и образованія дѣтей, — всѣ эти мѣры оказались далеко неудовлетворительными.

Фабричное законодательство въ защиту женщинъ въ настоящее

время, на-ряду съ Англіей, Австріей и Швейцаріей, получило особенное развитіе въ Германіи. Въ виду растущаго участія женщинъ во всѣхъ отрасляхъ профессіональнаго труда, въ основу законодательства легла мысль, что женщинамъ присущи особыя индивидуальныя задачи и обязанности, поэтому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ради извѣстныхъ цѣлей онѣ должны пользоваться льготами, иными словами: мужчины и женщины, какъ прежде, такъ до извѣстной степени и теперь, образуютъ однородную массу «рабочихъ рукъ»; дѣло идетъ о разчлененіи и дифференцированіи этой массы, такимъ образомъ, чтобы было принято въ разсчетъ фактически существующее, основанное на естественныхъ половыхъ отправленіяхъ, различіе между мужчиной и женщиной. Цѣлый рядъ требованій остается еще неудовлетвореннымъ, даже послѣ закона 1-го іюня 1891 года. Такъ, прежде всего, почти всюду отсутствуетъ институтъ фабричныхъ инспектрисъ, у которыхъ работницы могли бы найти лучшее пониманіе своихъ нуждъ. Точно также женщины пользуются болѣе ограниченнымъ правомъ союзовъ и сходокъ, чѣмъ рабочіе-мужчины, что мѣшаетъ имъ выступать на защиту своихъ классовыхъ интересовъ. Поэтому всюду, гдѣ дѣло идетъ о законодательной защитѣ и расширеніи правъ рабочихъ, женщинъ за нихъ должны выступать мужчины; въ такихъ дѣятеляхъ недостатка не чувствуется: такъ какъ женскій вопросъ вообще есть только часть соціальнаго или рабочаго вопроса, естественно, что въ качествѣ его передовыхъ борцовъ выступаютъ соціалъ демократы: я назову здѣсь Бебеля и его книгу «Женщина и соціализмъ».

Самая необходимость мужского представительства указываетъ на другую сторону женскаго вопроса: правовую и политическую подчиненность женщины вообще, доходящую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ до полнаго безправія. На этой почвѣ главнымъ образомъ ведутъ борьбу образованныя женщины, но только очень немногія отваживаются добиваться активнаго и пассивнаго избирательнаго права, общегосударственнаго и мѣстнаго, въ церкви и общинѣ. Онѣ предоставляютъ это пока наиболѣе прогрессивнымъ государствамъ Сѣверной Америки и Австраліи, а также будущему. Но наряду съ институтомъ фабричныхъ инспектрисъ, было бы вполнѣ безопасно, справедливо и крайне важно для женщины въ общественно-воспитательномъ смыслѣ, еслибы имъ было предоставлено участіе въ выборахъ мѣстной школьной инспекціи, или была бы создана для нѣкоторыхъ случаевъ должность женской полиціи или же имъ было предоставлено сотрудничество въ третейскихъ судахъ рабочихъ и управленіи ихъ кассами. Точно также женщины чувствуютъ себя обездоленными въ постановленіяхъ гражданскаго кодекса, касающихся брака и распоряженія имуществомъ, но онѣ тщетно агитировали за реформу въ этихъ пунктахъ. Почти безрезультатнымъ остается также до сихъ поръ ихъ справедливое требованіе уравненія правъ мужчины и женщины въ законодательныхъ постановленіяхъ, касающихся проституціи и половыхъ болѣзней. Это составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей во многихъ отношеніяхъ жалкой общественной морали.

Въ вопросѣ о расширеніи политическихъ и гражданскихъ правъ одинаково заинтересованы всѣ женщины, хотя во главѣ борьбы за эти права стоятъ, преимущественно, женщины интеллигентнаго слоя. За то исключительно послѣдними выставляется требованіе высшаго образованія, равнаго мужскому, съ чего и началось женское движеніе въ нашемъ столѣтіи. Оно по внѣшности и по существу отличается

отъ женскаго рабочаго движенія: тамъ добиваются признанія особенностей женской природы, хотятъ изъ работницы вновь сдѣлать женщину; здѣсь, гдѣ женщина фактически и юридически держалась въ сторонѣ отъ всякой почти профессіональной дѣятельности мужчинъ, нужно было, наоборотъ, женщину и дѣвушку сдѣлать работницей и уменьшить пропасть, искусственно расширенную культурой и обычаемъ, между образованнымъ мужчиной и образованной женщиной. Итакъ, ближайшимъ вопросомъ здѣсь является вопросъ объ образованіи, какъ и въ первыя времена романтизма и молодой Германіи: женщина *желаетъ* одинаковаго образованія съ мужчиной. Но, если взглянуть глубже, то окажется, что и здѣсь, въ нашъ вѣкъ матеріальныхъ интересовъ, дѣло идетъ о борьбѣ за существованіе. Хотя въ среднемъ мальчиковъ рождается больше, чѣмъ дѣвочекъ (106 на 100), но уже на первомъ году жизни это отношеніе почти уравнивается, вслѣдствіе большей смертности мальчиковъ; далѣе съ возрастомъ отношеніе въ пользу женщинъ все растетъ, такъ что во всей Европѣ и въ частности въ Германіи число женщинъ значительно превышаетъ число мужчинъ: въ Германіи излишекъ достигаетъ милліона. Сюда присоединяется отвращеніе къ браку среди нашей молодежи, особенно высшихъ классовъ: отчасти оно имѣетъ основаніемъ соціально-экономическія условія, отчасти является результатомъ развращенныхъ вкусовъ и привычекъ мужской молодежи. Съ этимъ нежеланіемъ или невозможностью жениться для многихъ молодыхъ людей тѣсно связано другое зло, разъѣдающее физически и морально народную жизнь, — именно проституція, которая превращаетъ женщину изъ человѣка въ простую игрушку мужской похоти. Но главный фактъ состоитъ въ томъ, что въ высшихъ классахъ еще болѣе, чѣмъ въ низшихъ, число незамужнихъ женщинъ постоянно растетъ. Имъ нужны средства для существованія. Часто повторяемое изреченіе: «женщина принадлежитъ семьѣ» обратилось въ пустую фразу съ тѣхъ поръ, какъ исчезла возможность для всякой женщины имѣть мужа и семью, съ тѣхъ поръ, какъ считается вполнѣ естественнымъ, чтобы женщины рабочаго класса раздѣляли тяжелый трудъ своихъ отцовъ, мужей, братьевъ, и только женщины высшихъ классовъ лишены этого права.

Собственно одна только преподавательская дѣятельность женщинъ не возбуждаетъ споровъ. Онѣ работаютъ въ качествѣ воспитательницъ и учительницъ не только въ частныхъ домахъ, дѣтскихъ садахъ и школахъ, но также и въ народныхъ школахъ и среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; для этого существуютъ образовательныя учрежденія и семинаріи, иногда даже на государственный счетъ. Но этого недостаточно: это поприще давно уже переполнено. Кромѣ того, особенно настоятельнымъ является спросъ на женщинъ-врачей. При спеціально женскихъ болѣзняхъ женщины очень часто избѣгаютъ изъ чувства стыдливости мужского изслѣдованія и лѣченія, и онѣ вполнѣ правы. Но для того, чтобы быть врачемъ, требуется университетское образованіе, поэтому, первое мѣсто въ наши дни заняла борьба за допущеніе женщинъ въ высшія учебныя заведенія. Конечно, дѣло не ограничивается однимъ медицинскимъ факультетомъ: даже право давать уроки въ старшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній предполагаетъ академическое образованіе. И, наконецъ, почему же не можетъ женщина, хотя бы для себя самой, изучать юриспруденцію и политическую экономію, математику и естественныя науки, философію и теологію?

Борьба за эти требованія носила сначала теоретическій характеръ: по даннымъ физіологіи и психологіи доказывались низшія способности женщины сравнительно съ мужчиной. Но указанія на вѣсъ и структуру мозга и на составъ крови не помогли: вопросъ о томъ, обладаетъ ли женщина достаточной физической силой для изученія наукъ оставался открытымъ. Его могъ разрѣшить только опытъ, который въ отдѣльныхъ случаяхъ давалъ благопріятныя для женщинъ показанія, хотя при этомъ, правда, приводился аргументъ, что женщина запоминаетъ, а не изучаетъ. Если говорятъ, что женщины не могутъ заниматься наравнѣ съ мужчинами, потому что до сихъ поръ онѣ этого не доказали, то факты требуютъ оговорить это положеніе: даже теперь, при исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ, отдѣльно занимающіяся женщины достигли нормальныхъ результатовъ и въ среднемъ по занятіямъ стоятъ не ниже студентовъ-мужчинъ, и во всякомъ случаѣ, часто выше ихъ по прилежанію. Что касается того, что у многихъ женщинъ нѣтъ интереса и вкуса къ умственному труду, то здѣсь виновата не природа женщины, а воспитаніе нашихъ дѣвушекъ изъ высшихъ классовъ. Послѣ совершенно недостаточнаго, поверхностнаго школьнаго образованія, ихъ вводятъ въ пошлую, ничтожную жизнь нашего такъ-называемаго общества; тамъ беззаботныя, какъ мотыльки, онѣ кружатся и танцуютъ, наряжаются, флиртуютъ и кокетничаютъ, а вмѣсто умственной пищи имѣютъ французскіе или въ лучшемъ случаѣ англійскіе романы или совершенно игрушечныя занятія музыкой, только еще болѣе изнѣживающія. Что же удивительнаго, если многія женщины тщеславны и кокетливы, мелочны, не воспріимчивы къ умственнымъ интересамъ, нелогичны и безхарактерны! И вмѣсто того, чтобы помочь, передъ ними насильственно закрываютъ единственный выходъ: путь серьезнаго умственнаго труда. Между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ женщины уже давно допущены въ университеты, въ Германіи все еще противятся этому; самое упорное сопротивленіе оказывали профессора: многіе изъ нихъ и до сихъ поръ рѣшительно закрываютъ двери своихъ аудиторій для женщинъ; врядъ ли кто болѣе консервативенъ, чѣмъ они, и нигдѣ предразсудки и педантизмъ не держатся дольше, чѣмъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Правительство осторожно медлитъ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса, и совершенно противно своимъ традиціямъ охотно предоставляетъ его отвѣтственности отдѣльныхъ профессоровъ. Съѣзды врачей молчатъ изъ страха передъ грозящей конкуренціей слабаго пола; особенно нерѣшительнымъ оказался Висбаденскій съѣздъ, въ 1898 году. Общественное мнѣніе раздѣлилось: въ парламентахъ оппозицію составляютъ главнымъ образомъ ультрамонтанская и консервативная партіи: завѣтъ апостола Павла «taceat mulier» они считаютъ для себя обязательнымъ. Въ защиту женскаго дѣла, на-ряду съ соціалъ-демократами, выступили прежде всего свободомыслящіе. Всякое противодѣйствіе кажется тѣмъ болѣе нелѣпымъ, чѣмъ несомнѣннѣе успѣхъ самого движенія. Насколько это противодѣйствіе непослѣдовательно, ясно изъ того, что въ Германіи разрѣшена практика женщинамъ-врачамъ, а между тѣмъ изученіе медицины и даже экзаменъ на врача воспрещенъ: женщинѣ предоставляется искать медицинскаго образованія за границей, но родина не отказывается воспользоваться пріобрѣтенными ими тамъ познаніями.

Мнѣнія самихъ женщинъ тоже раздѣлились. Масса наивныхъ дѣвицъ, которыя ожидаютъ жениха и ловятъ его въ танцовальномъ залѣ,

и много сытыхъ и тучныхъ женщинъ совершенно игнорируютъ движеніе: ихъ, стало быть, надо привлечь къ нему и поколебать ихъ равнодушіе. Но и среди женщинъ, сочувствующихъ движенію, существуетъ разногласіе. Однѣ ограничиваютъ свою общественную роль исключительно работой по уходу за больными, воспитанію дѣтей и пополненію образованія окончившихъ школу дѣвушекъ; къ этой области особенно относится дѣятельность нѣмецкихъ женскихъ союзовъ, въ которыхъ многія участвуютъ исключительно изъ честолюбія въ виду высочайшаго покровительства. Естественно, что у нихъ всякое стремленіе выйти изъ рамокъ этой дѣятельности осуждается, какъ «неженственное». Въ противоположность имъ, союзъ для содѣйствія женскому образованію (Frauenbildungsverein) основанный Луизой Отто-Петерсъ и Августой Шмидтъ въ Лейпцигѣ, въ февралѣ 1865 года, съ самаго начала поставилъ себѣ задачей поднять образованіе женщинъ и направить ихъ интересы къ идеальнымъ цѣлямъ. Сюда относится также созванный въ томъ же году первый женскій конгрессъ и основаніе всеобщаго германскаго женскаго союза. Въ § 1 его программы говорится, что «трудъ, который будетъ основой будущаго общественнаго строя, долженъ и для женщины стать долгомъ и честью», поэтому «союзъ» предъявляетъ требованіе «права на трудъ» и считаетъ необходимымъ «удалить всѣ препятствія, стоящія на пути женскаго труда». Соціальная подкладка въ духѣ шестидесятыхъ годовъ выразилась въ § 2, который гласитъ такъ: «Мы считаемъ непреложной необходимостью освобожденіе женскаго труда отъ оковъ предубѣжденія, которыя опутываютъ его со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи, на ряду съ агитаціей посредствомъ женскихъ союзовъ и прессы, мы находимъ цѣлесообразнымъ основаніе производительныхъ товариществъ, которыя особенно рекомендуются женщинамъ, устройство профессіональныхъ выставокъ для продуктовъ женскаго труда, открытіе профессіональныхъ школъ для дѣвочекъ, учрежденіе убѣжищъ для дѣвицъ и, наконецъ, доступъ къ высшему научному образованію». Эта программа развиваетъ, главнымъ образомъ ту сторону женскаго вопроса, которую можно назвать морально-образовательною, «воспитаніе въ женщинѣ самостоятельной личности»; между тѣмъ, другіе женскіе союзы и прежде всего Lettevereіn обращали главное вниманіе на нужды женщинъ работницъ и на расширеніе ихъ профессіональной дѣятельности. На женскомъ конгрессѣ въ Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1876 году произошло соглашеніе между обѣими этими группами: и тѣ, и другія объединили свои требованія и организовали въ 1894 году союзъ нѣмецкихъ женскихъ ферейновъ, который возникъ въ связи съ приготовленіями къ всемірной выставкѣ въ Чикаго. Своей цѣлью онъ ставитъ «объединеніе для общей пользы всѣхъ нѣмецкихъ женскихъ ферейновъ, которые стремятся поднять положеніе женщины въ умственномъ, экономическомъ, правовомъ и соціальномъ отношеніи». Еще раньше. въ 1888 году, средства позволили ферейну приступить къ основанію женскихъ гимназій, чтобы отказъ отъ допущенія женщинъ въ университеты не могъ быть мотивированъ ссылкой на недостаточность средняго женскаго образованія. Первая женская гимназія въ Карлсруэ значительно пострадала отъ того, что съ ней была соединена попытка быстраго введенія новой гимназической программы; удачнѣе дѣло пошло въ Лейпцигѣ, и на гимназическихъ курсахъ, основанныхъ Еленой Ланге еще раньше въ Берлинѣ. Но баварское министерство запретило основать подобное учрежденіе въ Мюнхенѣ, а въ 1898 году и прусскій министръ народнаго просвѣщенія Боссе на предло-

женіе бреславльскаго магистрата открыть женскую гимназію отвѣтилъ отказомъ, безъ объясненія причинъ. На интерпелляцію въ прусскомъ ландтагѣ онъ высказался противъ всякаго «прогресса въ духѣ современнаго женскаго движенія; стремленіе женщинъ выступить всюду конкурентами мужчинъ—ложно: таково мнѣніе всего прусскаго министерства». Въ палатѣ, образованной трехклассной системой выборовъ, подобный взглядъ на стремленіе женщинъ къ образованію, какъ на «дѣло моды», нашелъ себѣ живѣйшее сочувствіе среди консерваторовъ и ультрамонтанъ, одинъ изъ послѣднихъ поясняетъ: для женщинъ нѣтъ недостатка въ дѣятельности: всюду ощущается нужда въ служанкахъ, а образованныя дамы высшаго класса должны посвящать себя общественной благотворительности, если не могутъ выйти замужъ. Такъ грубо до сихъ поръ противятся женскому движенію люди даже изъ такъ называемаго интеллигентнаго общества.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобныя стѣсненія и такое непониманіе возбуждаютъ у женщинъ чувство горечи, и многимъ въ этой упорной борьбѣ движеніе кажется слишкомъ медленнымъ, и онѣ неудержимо стремятся впередъ, считая достижимыми самые крайніе и конечные пункты. Въ рѣчахъ и сочиненіяхъ этой радикальной фракціи слышатся горячія нападки на мужчинъ вообще, какъ будто дѣло идетъ о борьбѣ между полами и объ основаніи новаго царства амазонокъ: проповѣдуется, какъ это ни смѣшно и ни безнадежно, освобожденіе отъ мужчины. Точно также неразумно и преждевременно требованіе политической равноправности: для этого нужна продолжительная подготовка въ воспитаніи и образованіи. Но такъ какъ женщины отрицаютъ эту переходную стадію, то многія изъ нихъ примыкаютъ къ утопическому соціализму и надѣются, что въ новомъ общественномъ строѣ ихъ желаніе будетъ удовлетворено. Другія отрицаютъ особенности женской природы, подражаютъ во внѣшности мужчинамъ, образуютъ студенческіе ферейны и поютъ на комершахъ гимны Аѳинѣ-Воительницѣ. На соціалъдемократическомъ партейтагѣ въ Штутгартѣ (1898 года) обнаружилось, какъ легко женщина, выступая публично, впадаетъ въ преувеличенія и кричитъ; черезъ все лѣвое крыло этихъ поборницъ женскихъ правъ яркой нитью проходитъ ихъ стремленіе пробить себѣ дорогу локтями и перекричать не только своихъ враговъ, но и болѣе умѣренныхъ единомышленниковъ. Поэтому, уже изъ ихъ собственнаго лагеря раздаются голоса, предостерегающіе противъ «злоупотребленія женской силой». Понятно, что подобное вызывающее и опрометчивое поведеніе, необдуманность и поспѣшность вредятъ дѣлу. Враги находятъ въ этомъ себѣ оружіе, другіе пугаются и отстраняются, и даже друзья женскаго движенія среди мужчинъ стараются оградить себя и отдѣлить отъ подобныхъ единомышленницъ и находятъ необходимымъ тщательно различать преходящій элементъ въ этихъ теченіяхъ отъ постояннаго. Сюда же относится назойливый, диллетантскій и крикливый типъ «женщины-литератора», который рисуетъ женщину, какъ писательницу, часто въ довольно непривлекательномъ и мало заслуживающемъ уваженія свѣтѣ.

Несмотря на эти крайности, справедливость и назрѣвшая потребность, успѣхъ этого дѣла въ другихъ странахъ и, прежде всего, твердая рѣшимость самихъ женщинъ обезпечиваютъ побѣду въ недалекомъ будущемъ. На нашихъ глазахъ растетъ новое поколѣніе женщинъ, полныхъ любви къ труду и энергичной настойчивости стать свободными, самостоятельными личностями при помощи труда и исполненія долга.

И здѣсь идетъ упорная борьба за каждый шагъ и, несомнѣнно, усилія эти не останутся безплодными. Тѣмъ болѣе, поэтому, важно сохранить мирный наступательный ходъ движенія и не потерять вслѣдствіе нетерпѣнія и крайностей уже занятыхъ позицій или не вызвать хотя бы временнаго застоя. Не нужно быть особенно проницательнымъ, чтобы предсказать, что въ двадцатомъ столѣтіи женщинъ ожидаетъ осуществленіе цѣлаго ряда ихъ требованій, достиженіе ихъ ближайшихъ цѣлей. Можно уже теперь предвидѣть, какимъ смѣшнымъ покажется тогда противодѣйствіе нашего правительства, нашего академическаго сената, факультетовъ, докторскихъ ферейновъ. Донкихотское стремленіе задержать грядущее всегда нелѣпо и смѣшно.

Возрожденіе индивидуализма.

Слѣдуетъ еще указать на одинъ очень важный и существенный пунктъ этой борьбы женщины за индивидуальность. Въ соціализмѣ на первый планъ выступаетъ нивелирующая тенденція: фабричный рабочій представляетъ себѣ государство будущаго въ видѣ фабрики, гдѣ каждый занятъ болѣе или менѣе одинаковымъ дѣломъ и ничѣмъ не отличается отъ другого. Широкое участіе женщины въ общественной жизни будущаго государства составитъ нѣкоторый противовѣсъ нивелирующимъ тенденціямъ соціализма, потому что женщины, какъ хранительницы индивидуальности, сумѣютъ проявить здѣсь бòльшую силу сопротивленія, чѣмъ мы, мужчины, привыкшіе не только къ внѣшней, но, къ сожалѣнію, и къ внутренней формалистикѣ. Въ дѣйствительности, соціализмъ связанъ съ нивелировкой только въ представленіи господствующихъ классовъ. Съ точки зрѣнія низшихъ классовъ, онъ, какъ и либерализмъ, стремится къ освобожденію и развитію индивидуума: изъ рабочихъ «рукъ» должны выйти люди, изъ массъ — отдѣльныя существа, имѣющія свою долю участія въ благахъ культуры и образованности. Но эта индивидуализирующая сторона соціализма остается въ тѣни и, поэтому, многими не замѣчается, въ виду чего соціализмъ до извѣстной степени справедливо считается прямой противоположностью индивидуализму; въ послѣднемъ пробуждается опаснѣйшій врагъ соціальнаго духа.

Въ соціализмѣ вопросъ идетъ о благѣ всѣхъ или возможно большаго числа, т.-е. о массовыхъ потребностяхъ и ихъ удовлетвореніи, вообще объ интересахъ массы. Поэтому, соціальный вѣкъ есть эпоха массовыхъ инстинктовъ и чувствъ, которыя вслѣдствіе «ускореннаго жизненнаго темпа» обращаются въ массовыя страсти и «опьяненіе». Усовершенствованные пути сообщенія собираютъ огромныя толпы людей по всякому поводу, способствуютъ постоянному приливу населенія изъ деревень въ большіе города, которые и достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Между тѣмъ, атмосфера большихъ городовъ усиливаетъ массовое чувство. Особенно непріятно выражается оно въ Берлинѣ, со сказочной быстротой обратившемся въ столицу имперіи; здѣсь даже въ вопросахъ вкуса толпой руководятъ внушенія и стадные инстинкты, и увлекаютъ за собой нерѣдко самыхъ образованныхъ людей. Индивидуализмъ также входитъ здѣсь въ моду и обычай, становится лозунгомъ партіи или даже приводитъ къ сектантству. Далѣе, соціализмъ ставитъ на первый планъ улучшенія внѣшнихъ условій жизни, съ этимъ согласится и тотъ, кто въ конечномъ счетѣ сводитъ

соціальный вопросъ къ вопросу нравственности и въ этомъ видитъ лучшее оправданіе соціализма: сначала можетъ быть перестроена внѣшняя среда, а потомъ уже наступитъ время для внутренняго преобразованія личности. Противъ всего этого индивидуализмъ выражаетъ страстный протестъ.

Въ началѣ этого столѣтія индивидуализмъ съ своимъ исключительнымъ вниманіемъ къ внутренней жизни достигъ наивысшаго развитія. Эстетическое воспитаніе Шиллера помогло ему создать прекрасные образы. Съ другой стороны Гумбольдтъ, какъ классикъ, и Шлейермахеръ, какъ романтикъ, были поистинѣ виртуозными представителями индивидуалистическаго воспитанія. Въ своемъ отношеніи къ государству всѣ трое избѣжали односторонности, которой грѣшитъ этотъ индивидуализмъ. Для Шиллера всего характернѣе въ этомъ смыслѣ «Вильгельмъ Телль», гдѣ личность героя сливается съ отечествомъ и, въ концѣ концовъ, уступаетъ мѣсто тому цѣлому, къ которому принадлежитъ. Для Гумбольдта характерна его дѣятельность въ качествѣ прусскаго министра и проведеніе имъ въ жизнь соціалистической педагогики Песталоцци; для Шлейермахера — его этика, такъ побѣдоносно выступившая въ видѣ ученія о великихъ нравственныхъ силахъ человѣчества противъ индивидуалистическаго ученія Канта о долгѣ. Либерализмъ, бывшій до 1848 года и послѣ него религіей интеллигентной буржуазіи, принялъ крайне индивидуалистиское направленіе. Молодая Германія имѣла ярко выраженную индивидуалистическую окраску; женщины того времени боролись за права своей личности. Противовѣсомъ этому теченію является связь молодой Германіи съ гегелевской философіей, съ ея панлогическимъ признаніемъ общаго и идеальнаго, съ ея обоготвореніемъ государства. Фейербахъ противопоставлялъ въ практической дѣятельности «я» и «ты», боги являлись для него не индивидуальными существами, а коллективнымъ выраженіемъ человѣчества въ его цѣломъ. Фейербахъ былъ соціалистъ.

Максъ Штирнеръ.

При первомъ же потокѣ соціалистическихъ идей въ сороковыхъ годахъ, индивидуализмъ, сознавая всю глубину грозящей опасности, съ грубой плебейской дерзостью тотчасъ же набросился на нихъ. Максъ Штирнеръ написалъ свою книгу: «Der Einzige und sein Eigenthum». Конечно, это былъ уже не тотъ индивидуализмъ начала нашего столѣтія, представителями котораго были Шиллеръ, Гумбольдтъ и Шлейермахеръ. Индивидуализмъ послѣднихъ былъ эстетиченъ: его дѣломъ было воспитаніе совершеннаго человѣчества. Ничего подобнаго нѣтъ у Штирнера, который самъ лично лучше всего чувствовалъ себя въ кругу «свободныхъ у Гиппеля», гдѣ время проводилось крайне грубо и распутно. Основная точка зрѣнія его книги была самая радикальная: крайній номинализмъ, совершенно отвергавшій всякія идеи, полнѣйшій атеизмъ, который далеко ушелъ въ отрицаніи всего божественнаго и духовнаго и считалъ этотъ призрачный міръ царствомъ тѣней и суевѣрій, наконецъ, самое главное, это былъ смѣлый эгоизмъ и индивидуализмъ: ни на чемъ не основывая свои положенія, онъ объявлялъ исключительность и суверенитетъ я, котораго надѣлялъ властью и всѣми правами и все отдавалъ ему въ собственность и для самоуслажденія, а всѣ обязанности, наоборотъ, отрицалъ и упразднялъ. Но при этомъ

интереснѣе всего то, что Штирнеръ на ряду съ политическими либералами и гуманистами въ духѣ Бруно Бауера побиваетъ и соціальный либерализмъ и особенно борется противъ Прудона и Вейтлинга, какъ его представителей. Въ уста одного изъ этихъ соціалистовъ онъ влагаетъ такую формулировку коммунистическаго ученія. «Мы—свободорожденные люди, а куда ни посмотримъ, всюду сдѣлались мы слугами эгоистовъ! Неужели, поэтому, мы должны также сдѣлаться эгоистами? Сохрани Богъ! Мы предпочитаемъ сдѣлать такъ, чтобы не было эгоистовъ! Мы хотимъ сдѣлать ихъ всѣхъ «нищими», мы хотимъ, чтобы никто ничего не имѣлъ для того, чтобы имѣли «всѣ». Или: «человѣкъ опредѣляется тѣмъ, что онъ имѣетъ. По имуществу люди неравны. Слѣдовательно, никто не долженъ имѣть, подобно тому, какъ, по ученію политическаго либерализма, никто не долженъ повелѣвать, иначе сказать: какъ тамъ только государство имѣетъ власть, такъ здѣсь только общество имѣетъ собственность». Эти соціальные дѣятели ставятъ себѣ цѣлью «найти совершенный общественный строй». Но они при этомъ не дѣлаютъ человѣка свободнымъ: они принуждаютъ его къ труду, налагаютъ на него общественный долгъ, подчиняютъ верховной власти общества рабочихъ. Слѣдовательно, они перемѣнили только господина: мѣсто государства у нихъ занимаетъ общество, а это—«новое пугало, новое высшее существо, которое беретъ насъ къ себѣ на службу и въ подданство». То положительное, что Штирнеръ противопоставляетъ государству либераловъ, рабочему обществу соціалистовъ и человѣческому обществу гуманистовъ,—есть простое *я*. Это *я* по отношенію къ государству является преступникомъ, по отношенію къ обществу, оно обладаетъ правомъ захватывать и присвоивать все, что ему нужно. «По мнѣнію коммунистовъ община должна быть собственницей. Наоборотъ, *я* собственникъ и только договариваюсь съ другими относительно своей собственности. Если община мнѣ мѣшаетъ, *я* возстаю противъ нея и защищаю свою собственность. *Я* собственникъ, но собственность не священна». На мѣсто государства и общества Штирнеръ ставитъ свободный союзъ эгоистовъ, который не соединяютъ никакія естественныя и духовныя связи, и который поэтому не является ни естественнымъ, ни духовнымъ союзомъ. «Не союзъ владѣетъ тобой, а ты владѣешь имъ или пользуешься имъ въ своихъ выгодахъ»; въ этомъ союзѣ собственность признается; въ него вкладываешь ты всю свою силу и свое имущество, проявляешь свою личность, живешь въ немъ эгоистической жизнью, а главное,—«ты безцеремонно и вѣроломно покидаешь его, какъ только онъ становится тебѣ безполезенъ». «Союзъ служитъ тебѣ только орудіемъ или мечемъ, посредствомъ котораго ты изощряешь и увеличиваешь свою естественную силу. Союзъ существуетъ для тебя и тобою; общество свято, союзъ—твоя собственность; общество пользуется тобой, союзомъ пользуешьси ты самъ».

Въ виду этого неудивительно, что какъ со стороны гуманистовъ Фейербахъ, такъ со стороны соціалистовъ Моисей Гессъ выступили съ возраженіями противъ этой книги; Моисей Гессъ, одинъ изъ самыхъ серьезныхъ коммунистовъ 40-выхъ годовъ, сотрудникъ «Reinische Zeitung», сдѣлалъ это въ брошюрѣ, озаглавленной: «Послѣдніе философы»: здѣсь на ряду съ Бруно Бауеромъ, онъ особенно нападаетъ на Штирнера и его принципъ эгоизма, который ему, какъ соціалисту, кажется даже преступленіемъ, и не безъ основанія высмѣиваетъ союзъ эгои-

стовъ, который Штирнеръ сохранилъ и долженъ былъ сохранить въ видѣ рудиментарной формаціи.

Но въ общемъ сочиненіе Штирнера не возбудило къ себѣ много вниманія и, во всякомъ случаѣ, не имѣло вліянія, и мнѣ сдается, что, несмотря на принятіе его въ составъ Рекламовскихъ изданій и частое упоминаніе о немъ въ литературѣ, оно и теперь мало читается. 1848 годъ далъ перевѣсъ политическому либерализму, и послѣ него Штирнеръ еще самъ имѣлъ случай наблюдать реакцію, послѣдствіемъ чего явилось послѣднее его произведеніе въ 1852 году—«Исторія реакціи». Тогда, въ шестидесятыхъ годахъ, государство, въ противоположность идеаламъ Штирнера, достигло полнаго своего расцвѣта и силы; на ряду съ нимъ, выросталъ соціализмъ, и оба угрожали индивидууму и его собственоости: государство подчинило индивидуума своимъ общимъ законамъ и одѣло его въ «мундиръ», соціализмъ готовился уничтожить собственность и вставлялъ индивидуума въ рамки рабочаго общества,—такъ что многіе готовы были видѣть въ будущемъ обществѣ нѣчто вродѣ смирительнаго и рабочаго дома, убивающаго всякую свободу личности. Въ государственномъ соціализмѣ оба міровоззрѣнія соединились и, такимъ образомъ, сфера индивидуализма начинаетъ подвергаться нападеніямъ со всѣхъ сторонъ.

Анархизмъ.

Противъ этихъ нападеній индивидуализмъ долженъ былъ защищаться, чтобы не быть окончательно побѣжденнымъ и уничтоженнымъ. Какъ представитель индивидуалистическаго теченія съ семидесятыхъ годовъ, конечно, высоко стоитъ Ницше; и съ исторической точки зрѣнія не безъ основанія видятъ въ его міросозерцаніи какъ бы продолженіе штирнеровскихъ идей. Но оба, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слишкомъ различны — не только, какъ плебей и аристократъ, — для того, чтобы ихъ можно было поставить въ непосредственную связь другъ съ другомъ; вслѣдствіе этого между ними необходимо промежуточное переходное звено, — таковымъ является анархизмъ. Связь послѣдняго съ Штирнеромъ особенно видна у Джона-Генри Макая, который высказался впервые, какъ анархистъ, въ своемъ романѣ «Анархисты», появившемся въ 1891 году, затѣмъ явился самымъ ярымъ приверженцемъ штирнеровскаго индивидуализма въ своихъ трудахъ по собиранію воспоминаній о Штирнерѣ и по изданію его біографіи и мелкихъ сочиненій (то и другое въ 1898 году).

Въ сороковыхъ годахъ, въ эпоху хаотическаго броженія, къ туманнымъ идеямъ Прудона тѣсно примыкали анархизмъ и коммунизмъ. Уже упомянутый нами Моисей Гессъ былъ въ одно и то же время соціалистомъ и анархистомъ. Въ этотъ первоначальный періодъ, когда рѣзкія противорѣчія еще нераздѣльно существовали рядомъ, сложилось мнѣніе о внутренней связи обоихъ направленій, на самомъ дѣлѣ діаметрально противоположныхъ другъ другу, такъ какъ одно изъ нихъ проповѣдуетъ организацію, другое—уничтоженіе всякой организаціи. Поэтому, анархизмъ даже на русской почвѣ явился не въ видѣ «абсолютнаго разрушенія», и Бакунинъ находился подъ вліяніемъ Прудона такъ же, какъ и Штирнеръ. Его призваніе — быть «commis voyageur'омъ» революціи во что бы то ни стало и въ какой бы то ни было формѣ. Но успѣха онъ ожидалъ только при томъ условіи, если бы удалось воспользоваться въ своихъ цѣляхъ борьбой рабочихъ про-

тивъ капитала. Поэтому, онъ старался соединить основанный имъ «союзъ соціалистической демократіи» (Alliance de la démocratie socialiste) съ марксистской интернаціональной рабочей ассоціаціей. Это и состоялось въ 1869 году, но уже на базельскомъ конгрессѣ осенью этого же года обнаружились непримиримыя противорѣчія между марксистами и бакунистами, и такимъ образомъ уже въ 1872 году Бакунинъ былъ снова исключенъ изъ интернаціонала. Въ это время онъ основалъ свой собственный интернаціональный рабочій конгрессъ, который объявилъ первой обязанностью пролетаріата уничтоженіе всякой политической власти.

Вмѣстѣ съ этимъ произошло окончательное раздѣленіе. Связь между анархизмомъ и соціализмомъ порвалась, послѣдній вышелъ изъ своего дѣтскаго возраста. Поэтому, гдѣ, подобно Германіи, существуетъ сильная и замкнутая соціалъ-демократическая партія, тамъ нѣтъ мѣста для анархизма, И тѣмъ не менѣе именно изъ Германіи получилъ онъ новый толчокъ. Когда, вслѣдствіе исключительнаго закона о соціалистахъ, агитація на законной почвѣ сдѣлалась для соціалъ-демократовъ почти невозможной, мысль Іоганна Моста о томъ, что настало время для революціонной дѣятельности, нашла откликъ и приверженцевъ въ радикальныхъ кружкахъ рабочей среды. Его органъ «Свобода» велъ съ этой цѣлью шумную и ловкую демагогическую пропаганду и на лондонскомъ конгрессѣ въ іюлѣ 1881 года было постановлено, что для уничтоженія князей, министровъ, дворянъ, духовенства, выдающихся капиталистовъ и другихъ эксплуататоровъ дозволены всѣ средства, и поэтому особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на изученіе химіи и приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, какъ на самое дѣйствительное оружіе. Во Франціи и Испаніи, въ Швейцаріи и Австріи движеніе пошло очень быстрымъ ходомъ, конечно, чтобы вскорѣ снова вернуться назадъ или угаснуть. Рядъ историческихъ убійствъ снова ввелъ въ обычай мостовскій анархизмъ дѣйствія и показалъ, какое броженіе и клокотаніе происходитъ на самомъ днѣ котла. Послѣднее изъ нихъ, самое отвратительное, убійство итальянцемъ австрійской императрицы Елизаветы возмутило весь міръ противъ этихъ пропагандистовъ дѣйствія; тотчасъ за этимъ послѣдовавшее покушеніе на жизнь германскаго императора указало на новую дерзость банды. Въ самой Германіи анархизмъ, конечно, не могъ развиться: Мостъ и Гассельманъ, хотя и нѣмцы по происхожденію, меньше всего нашли послѣдователей у себя на родинѣ, и соціалъ-демократія, изъ нѣдръ которой они, несомнѣнно, вышли, исключила ихъ изъ своихъ рядовъ тотчасъ же, какъ только они открыто признали себя анархистами. Бебель на всѣхъ международныхъ конгрессахъ, куда хотѣлъ проникнуть анархизмъ, самымъ рѣзкимъ и недвусмысленнымъ образомъ возставалъ противъ него. Въ Германіи тѣсно сплоченная соціалъ-демократія осуждаетъ анархизмъ на полное ничтожество; если случайно въ Берлинѣ происходятъ собранія анархистовъ, то это не имѣетъ никакого значенія.

Наоборотъ, въ анархистахъ - теоретикахъ нѣтъ недостатка именно среди нѣмцевъ съ ихъ извѣстнымъ пристрастіемъ ко всякой оригинальной и самостоятельной мысли. Мы уже упоминали объ онѣмечившемся Генри Макаѣ, какъ о послѣдователѣ Штирнера. Страннымъ мечтателемъ въ иномъ духѣ является Морицъ фонъ-Эгиди. При случаѣ, онъ высказывается совершенно какъ анархистъ, ему только не нравится самое имя: «Величайшая ошибка анархизма по отношенію къ противнику, котораго онъ желаетъ побѣдить, это—его названіе. Соб-

ственно это и по-дѣломъ представителямъ этой идеи: почему необходимо всему давать названіе, и почему искать имена, упраздняющія существующее, вмѣсто того, чтобы выбирать такія, которыя означаютъ высшую степень уже признанныхъ понятій? Почему говорятъ: безвластіе? Не лучше ли: самообузданіе и самовластіе? Обузданіе и власть—понятія, безъ которыхъ мы не можемъ представить себѣ человѣческое существованіе. Весь вопросъ только въ томъ, кто будетъ пользоваться властью надъ нами и обуздывать насъ—другіе или мы сами?» Въ противоположность кровавымъ анархистамъ, онъ объявляетъ себя «благороднымъ анархистомъ». Какъ и многое другое, такъ и это различіе является только симптомомъ страшной путаницы въ воззрѣніяхъ этого проповѣдника единаго христіанства, который въ одинъ мигъ хочетъ преобразовать религію и воспитаніе, быть сразу соціалистомъ и анархистомъ, анархистомъ и монархистомъ, и несмотря на все это, представляется смѣлой и честной личностью. Онъ стоитъ за этическую культуру въ связи съ общественной жизнью; здѣсь все соединяется въ смутномъ смѣшеніи, между прочимъ и анархистскія тенденціи. Въ своемъ «единомъ христіанствѣ» онъ особенно отмѣчаетъ самостоятельность и независимость и здѣсь приходитъ въ соприкосновеніе со взглядами такого остроумнаго мыслителя, какъ Христофъ Шремпфъ, котораго его энергичная борьба за свободу личности приводитъ къ отрицанію церкви т.-е. къ религіозному анархизму; на этомъ основаніи онъ считаетъ себя не вправѣ и въ области политики окончательно отрѣшиться отъ выводовъ теоретическаго анархизма, отрицающаго государство.

Фридрихъ Нитцше.

Но наша молодежь въ своихъ анархистскихъ воззрѣніяхъ находится прежде всего подъ вліяніемъ Фридриха Нитцше, этого защитника индивидуализма на исходѣ XIX столѣтія. Подобно тому какъ въ Ренесансѣ индивидуумъ освобождается отъ средневѣковыхъ путъ во всѣхъ сферахъ жизни и становится на ноги въ самоувѣренномъ обладаніи собственными силами, точно такъ же и Нитцше,—въ противоположность Штирнеру аристократъ, тонко организованная, нервно-подвижная, эстетически-настроенная душа,—обращается противъ господства массъ и ихъ инстинктовъ. Онъ имѣетъ смѣлость быть вполнѣ самимъ собою и требуетъ, чтобы міръ призналъ за нимъ право на полное пользованіе жизнью. Хотя филологъ и классикъ, поклонникъ грековъ, сознательно проникнутый настроеніемъ Ренесанса, онъ тѣмъ не менѣе, какъ послѣдователь Шопенгауера и Вагнера, является въ то же время романтикомъ въ современномъ духѣ. Рядомъ съ свѣтлымъ аполлоновскимъ элементомъ онъ уже въ глубинѣ греческой древности находитъ мрачнаго Діониса; соотвѣтственно этому его индивидуализмъ обращается въ культъ генія, въ которомъ одномъ желаніе жить приводитъ къ страстной жаждѣ господства. При этомъ Нитцше наталкивается прежде всего на ограниченія, налагаемыя традиціями и моралью, т.-е. стѣсненія, обусловленныя историческимъ прошлымъ. Поэтому въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній онъ говоритъ о вредѣ исторіи для жизни. Мы, люди XIX столѣтія, страдаемъ отъ избытка и пресыщенія исторіей. Исторія дѣлаетъ насъ объективными, т.-е. безсодержательными и обезличиваетъ; она своимъ анатомическимъ анализомъ разрушаетъ народные инстинкты и мѣшаетъ созрѣть какъ частностямъ,

такъ и цѣлому, дѣлаетъ невозможнымъ гармоническое развитіе личности; она плодитъ вѣрующихъ, отсталыхъ, эпигоновъ, она есть занятіе старческое, нѣчто въ родѣ прирожденной сѣдины, въ ней гнѣздится еще средневѣковое memento mori, между тѣмъ какъ гораздо болѣе необходимое memento vivere едва рѣшается робко заявить о себѣ. Въ ней слишкомъ много также гегеліанскаго преклоненія передъ разумностью и силой существующаго: кто привыкъ гнуть спину и голову передъ дѣйствительностью за то, что она побѣдила, тотъ, въ концѣ концовъ механически, какъ китаецъ, будетъ признавать всякую силу. А между тѣмъ успѣхъ, фактъ всегда безсмысленъ: противъ исторіи съ ея: «Это было когда-то» выступаетъ нравственность и заявляетъ: «Но оно не должно было такъ быть»: мораль есть отрицаніе исторіи, какъ слѣпого преклоненія передъ фактами. Но всего опаснѣе писать исторію съ точки зрѣнія массъ. На самомъ дѣлѣ послѣднія заслуживаютъ вниманія только, какъ «стертыя копіи великихъ людей на плохой бумагѣ и негодныхъ пластинкахъ, какъ противовѣсъ великимъ и орудіе ихъ; во всемъ прочемъ, да поберутъ ихъ черти и статистика!» Мысль о томъ, что «конечную цѣль человѣчества должны составлять исключительно его высшіе экземпляры» легла въ основу его историческаго и культурнаго міровоззрѣнія.

Въ томъ же духѣ написано его полемическое сочиненіе противъ Фр. Штрауса. Авторъ «Старой и новой вѣры» кажется ему типичнымъ «ученымъ филистеромъ»; а филистерство «является преградой для всего сильнаго и творческаго, лабиринтомъ для всѣхъ сомнѣвающихся и заблуждающихся, болотомъ для всѣхъ утомленныхъ, кандалами для всѣхъ, стремящихся къ высокимъ цѣлямъ, ядовитымъ туманомъ для всякаго живого зародыша, изсушающей песчаной пустыней для нѣмецкаго ума, ищущаго и жаждущаго новой жизни; ученые филистеры именно за то ненавидятъ нѣмецкій умъ, что онъ ищетъ и не хочетъ повѣрить имъ, что они нашли уже то, что онъ ищетъ». Ученику Шопенгауера и другу Вагнера въ этомъ «главѣ филистеровъ» кажется вдвойнѣ непростительнымъ: оптимизмъ его міросозерцанія, слишкомъ легко игнорировавшій Шопенгауера съ его пессимизмомъ, и строгій классицизмъ его музыкальныхъ вкусовъ. Но онъ самъ называетъ свою полемику «несвоевременной», потому что, дѣйствительно, въ то время не одинъ Штраусъ былъ оптимистомъ. «Старая и новая вѣра» была написана подъ вліяніемъ радужнаго политическаго настроенія въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Германія достигла многаго: она завоевала себѣ побѣду и единство, мы получили императора и имперію. Переживши ужасное время междуцарствія, мы были исполнены радостью и счастьемъ. Но это было не одно торжество по поводу достиженія цѣли, это было также чувство ожиданія и надежды: мы думали, что у насъ, какъ за эпохой Персидскихъ войнъ, наступитъ вѣкъ Перикла съ расцвѣтомъ культуры. Нитцше не былъ политикомъ и жилъ въ Швейцаріи, гдѣ въ то время трудно было развиться нѣмецкому патріотическому чувству, поэтому оно у него отсутствуетъ или, по крайней мѣрѣ, развито недостаточно; вмѣсто ожиданій и упованій, онъ озабоченъ тѣмъ, разовьется ли вслѣдъ за побѣдами и объединеніемъ нѣмцевъ единая и сильная нѣмецкая культура. Учредительная эпоха и послѣдовавшее за ней похмѣлье еще разъ довели ad absurdum всякій оптимизмъ, и ржа разочарованія и отрезвленія еще разъ пала на возбуждавшую богатыя надежды весеннюю ниву.

Причины своего недовольства современной нѣмецкой культурой

Нитцше всего яснѣе выразилъ въ своихъ базельскихъ лекціяхъ о будущемъ нашихъ учебныхъ заведеній. Наши гимназіи не даютъ общаго образованія, онѣ служатъ подготовкой къ спеціальному; онѣ страдаютъ массовымъ производствомъ и перепроизводствомъ. Виновно въ этомъ государство. Для грека государство было здоровымъ, сильнымъ, вооруженнымъ къ бою товарищемъ и спутникомъ, оно прокладывало путь черезъ грубую дѣйствительность своему болѣе благородному и духовному другу — культурѣ. У насъ, наоборотъ, государство это — «культурное государство», а между тѣмъ истинная культура и духъ истиннаго просвѣщенія,—тотъ духъ, который такъ чудно говоритъ съ нами изъ сокровеннѣйшихъ нѣдръ нѣмецкой реформаціи, нѣмецкой музыки и нѣмецкой философіи,—находится въ явномъ противорѣчіи съ тенденціями государственности. Точно также наше государство стоитъ въ видѣ надзора въ скромномъ отдаленіи отъ университетовъ съ ихъ столь прославленной свободой преподаванія; поэтому и университеты не даютъ образованія. Если измѣрять образованіе тремя функціями, именно считая потребность въ философіи, влеченіе къ искусству и отношеніе къ греческимъ и римскимъ древностямъ, категорическимъ императивомъ всякой культуры, то что можно сказать объ образованіи нашихъ студентовъ? Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ мѣсто философіи заняла исторія, къ искусству они не имѣютъ никакого отношенія, о классическомъ образованіи заботятся только филологи, поэтому студентъ остается неподготовленнымъ къ философіи и чуждымъ ей, не понимаетъ истиннаго искусства и по отношенію къ грекамъ чувствуетъ себя совершеннымъ варваромъ. Кромѣ всего этого, у нихъ нѣтъ руководителей; между тѣмъ, истинное образованіе начинается не съ того, что въ наше время прославляется, какъ академическая свобода, а какъ разъ съ обратнаго: съ послушанія, подчиненія, дисциплины, услужливости.

Образецъ такого руководителя Нитцше представляетъ современникамъ въ своемъ произведеніи: «Шопенгауеръ, какъ воспитатель». Въ Шопенгауерѣ его привлекаетъ не столько содержаніе его философіи, сколько сама его личность, тотъ Шопенгауеръ, какимъ его такъ мастерски изобразилъ позднѣе Куно Фишеръ,—философъ-художникъ съ геніальнымъ складомъ ума и эстетическимъ отвращеніемъ къ современной культурѣ. Онъ служилъ Нитцше олицетвореніемъ высшей цѣли культуры, а цѣль эта такова: «Человѣчество должно непрерывно работать для воспитанія отдѣльныхъ великихъ личностей, и въ этомъ, а не въ чемъ иномъ его задача». Отсюда вытекаетъ вопросъ избраннымъ: «въ чемъ величайшая цѣна твоей жизни и ея глубочайшее значеніе и на что ее менѣе всего слѣдуетъ тратить?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдующій: «конечно, только въ томъ, чтобы жить на пользу самымъ рѣдкимъ и цѣннымъ экземплярамъ, отнюдь не на пользу большинства, состоящаго изъ отдѣльныхъ ничтожныхъ единицъ». Поэтому Нитцше осуждаетъ нашу культуру за то, что она не признаетъ своей задачей воспитаніе геніальной личности. Виновно въ этомъ своекорыстіе промышленныхъ классовъ, виновна наука и ея служители и, главнымъ образомъ, государство съ его стремленіемъ къ возможному расширенію и обобществленію культуры; а между тѣмъ дѣло заключается не въ массахъ и не въ общемъ, а въ исключительныхъ личностяхъ. Положительная же задача состоитъ въ томъ, чтобы эту геніальную личность, какъ воплощеніе высшей цѣли культуры, довести до классическаго совершенства. Онъ рисуетъ человѣка въ духѣ Руссо, съ его революціоннымъ стремленіемъ къ природѣ и съ опасностью стать ка-

тилинаріемъ, затѣмъ человѣка въ духѣ Гёте, созерцателя высшаго порядка, устойчивую и миролюбивую силу, но съ опасностью выродиться въ филистера, и въ-третьихъ — не человѣка дѣла (homme d'action), какъ это можно бы было ожидать въ семидесятые годы, а соотвѣтственно своимъ субъективнымъ потребностямъ и склонностямъ,—человѣка-мыслителя въ духѣ Шопенгауера, художника и вмѣстѣ съ тѣмъ святого, такъ какъ онъ страдаетъ отъ жизни и долженъ отъ нея избавиться. Всѣмъ этимъ указывается путь къ истинной культурѣ, именно: «воспитывать философа, художника, святого въ насъ самихъ и внѣ насъ и этимъ содѣйствовать усовершенствованію природы».

Другимъ «воспитателемъ» былъ Рихардъ Вагнеръ. Но какъ разъ въ то время, когда Нитцше окончилъ свой гимнъ ему, произошелъ переворотъ въ его отношеніи къ Вагнеру, и такимъ образомъ этотъ трудъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отреченіемъ отъ Вагнера, и прощаніемъ съ нимъ. Этимъ потокомъ былъ смытъ затѣмъ и Шопенгауеръ, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ быстрый скачекъ въ сторону позитивизма. Сразу поднятъ былъ на пьедесталъ Сократъ, прежде подвергавшійся ярымъ нападкамъ, какъ плебей и виновникъ упадка трагедіи; самая исторія и вмѣстѣ съ нею двѣ добродѣтели: скромность и разсудительность—осыпаются похвалами, и наоборотъ геній и искусство отступаютъ на второй планъ. Дѣльное трудолюбіе ремесленника имѣетъ болѣе цѣны, чѣмъ природное дарованіе и талантъ, прилежаніе выше геніальности. Вѣрить великимъ и сильнымъ умамъ нѣтъ надобности: это—какое-то суевѣріе, и тотъ, кто вѣритъ въ свой геній, доходитъ, въ концѣ концовъ, до безумнаго фатализма, подобно Наполеону I, который вслѣдствіе этого лишился своей проницательности и наблюдательности и кончилъ гибелью. И выше искусства и всего «діонисовскаго» ставитъ онъ теперь умѣренную и спокойную атмосферу науки: «христіанству, философамъ, поэтамъ, музыкантамъ обязаны мы всѣмъ напряженіемъ глубокихъ и страстныхъ эмоцій; но чтобы не дать имъ надъ собой силы, мы должны обратиться къ духу знанія, который въ общемъ дѣлаетъ насъ болѣе трезвыми и скептичными и въ особенности охлаждаетъ горячій приливъ вѣры въ послѣднія конечныя цѣли». Цѣлью культуры такимъ образомъ является теперь не произведеніе художественныхъ геніевъ, а познаніе истины.

Но для Нитцше это была лишь показная сторона его философіи, составлявшая исключительно переходную ступень къ третьему фазису его воззрѣній, назрѣвавшему въ глубинѣ. Самъ позитивизмъ давалъ ему оружіе противъ себя и толкалъ впередъ: если всякое познаніе индивидуально и относительно, а міръ есть только представленіе, то, слѣдовательно, нѣтъ истины и нѣтъ истиннаго знанія. Это освобождаетъ его отъ тираніи истины, и познаніе снова получаетъ для него значеніе лишь постольку, поскольку оно увеличиваетъ красоту міра и освѣщаетъ все, что въ немъ находится. Этимъ путемъ мы снова входимъ въ область художественнаго творчества и искусства. Онъ поклоняется поэтамъ, какъ «астрономамъ идеала» и пророкамъ, раскрывающимъ передъ нами «ярко-багряныя созвѣздія и млечные пути красоты»; и вмѣстѣ съ аффектомъ и чувствомъ, стремленіемъ и инстинктомъ — снова появляется на сцену геній. Такъ совершается новый переломъ, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и поворотъ назадъ: періодъ Заратустры ближе стоитъ къ первому діонисовскому, чѣмъ ко второму позитивному.

Заратустра былъ основатель религіи, проповѣдовавшей практиче-

скую дѣятельность и усовершенствованіе житейскихъ условій. Такимъ является онъ и въ неоконченномъ поэтическомъ произведеніи Нитцше: «Такъ говорилъ Заратустра». Онъ провозглашаетъ очень старое, вновь воскрешенное ученіе о вѣчной повторяемости жизни. «Ты еще разъ и еще безчисленное число разъ долженъ пережить эту жизнь, какъ ты ее теперь живешь и прожилъ, и въ этомъ не будетъ ничего новаго, но всякое горе, и всякая радость, и всякая мысль, и вздохъ, и все несказанно малое и великое твоей жизни должно опять возвратиться, и все въ томъ же порядкѣ и послѣдовательности, — и этотъ паукъ, и этотъ лунный свѣтъ между деревьями, и это мгновеніе, и я самъ. Вѣчные песочные часы бытія постоянно вновь пересыпаются и ты съ ними, ничтожная пылинка». И Нитцше, какъ человѣкъ страданія и горя, приходилъ въ ужасъ отъ подобнаго возврата и повторенія своей жизни; эта мысль особенно подавляетъ наиболѣе благородныя, тонко чувствующія натуры, которыя страдаютъ отъ жизни; чтобы желать вновь прожить эту жизнь, нужно ее особенно любить и цѣнить, а это — дѣло «сволочи, холодной и безъ большихъ внутреннихъ запросовъ». Это — дѣло здоровыхъ и сильныхъ, жизнерадостныхъ и счастливыхъ. Нитцше не былъ ни силенъ, ни здоровъ: жизнь заставляла его страдать. Но именно поэтому онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою: ему должно было казаться трусостью нежеланіе увѣровать въ это ученіе; съ тѣхъ поръ онъ страстно вѣритъ въ то, что причиняетъ ему страданіе. Но для того, чтобы быть въ состояніи сдѣлать это, т.-е. чтобы не только быть обязаннымъ, но и желать жить снова,—онъ долженъ сначала пересоздать эту жизнь; но такъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ наполовину, то онъ дѣлаетъ человѣческую жизнь не только достойной, но божественной, — апоѳеозъ жизни и человѣка является для него потребностью.

Здѣсь вводится ученіе о сверхчеловѣкѣ. Такимъ образомъ, вначалѣ оно было для него только средствомъ и утѣшеніемъ, какъ бы вспомогательной гипотезой, и только постепенно, развитое и дополненное оно разрослось до самостоятельнаго значенія. У Нитцше находимъ два или три опредѣленія сверхчеловѣка: одно натуралистическое, въ духѣ, дарвинизма—свехчеловѣкъ, какъ особый высшій видъ; сюда относится выраженіе: «человѣкъ не есть окончательная форма»; другое опредѣленіе, болѣе личное, болѣе соотвѣтствуетъ образу мыслей Нитцше, его аристократизму и... его нетерпѣнію и примыкаетъ къ его прежнимъ взглядамъ о томъ, что созданіе геніевъ является цѣлью культурнаго развитія. Здѣсь дѣло идетъ не объ особомъ высшемъ видѣ, но о выдающихся и геніальныхъ исключеніяхъ и о воспитаніи и созданіи подобныхъ личностей изъ среды остающейся неизмѣненной человѣческой породы. Сюда относится изрѣченіе: «человѣкъ есть окончательная форма»; здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, что должно смѣнить человѣка въ ряду другихъ существъ, но о томъ, какой типъ человѣка должно воспитывать и должно желать, какъ самый высшій, наиболѣе достойный жизни и способный создать будущее».

Еще одно отличіе. Прежде всего здѣсь совершенно въ духѣ натурализма вопросъ идетъ объ образованіи новой аристократіи, особой благородной породы людей при помощи брака: «ты долженъ не только продолжать свой родъ, но и улучшать его, въ этомъ поможетъ тебѣ бракъ»; это новое дворянство образуетъ касту по крови и происхожденію. Но, въ концѣ концовъ, онъ отбрасываетъ и этотъ остатокъ натурализма. «Результатомъ сознательнаго отбора является домашнее жи-

вотное, стадное животное, больное животное—человѣкъ, христіанинъ»; наоборотъ, сверхчеловѣкъ есть счастливая случайность, «отдѣльные удачные случаи изъ самыхъ различныхъ мѣстностей и среди самыхъ различныхъ культуръ»; при этомъ имѣются въ виду, главнымъ образомъ, не цѣлыя семьи, племена и народы, а великія единицы, исключительныя личности, геніи. О нихъ говорится въ «Сумеркахъ боговъ»: «великіе люди, какъ и великія эпохи, это—взрывчатое вещество, въ которомъ сосредоточена огромная сила, въ исторической или физіологической сферѣ; предварительнымъ условіемъ является постепенное накопленіе энергіи, большіе промежутки между взрывами. Если напряженіе въ этой массѣ слишкомъ велико, достаточно самого случайнаго раздраженія для того, чтобы вызвать къ жизни генія, великія дѣла и великія событія. И что тогда значитъ среда, эпоха, духъ времени, общественное мнѣніе!» И далѣе: «великій человѣкъ есть окончательная форма; великая эпоха—Ренессансъ напр.—есть также высшая форма. Геній въ словѣ и дѣлѣ—непремѣнно расточитель, онъ расходуетъ свои силы,—въ этомъ и состоитъ его величіе».

Но недостаетъ еще самаго главнаго: содержанія этого понятія о сверхчеловѣкѣ. Его опредѣляетъ философъ, не человѣкъ знанія или науки, не историкъ, но художникъ и творецъ. Уже въ первый періодъ Нитцше ставитъ философу задачу «стремиться къ улучшенію того, что считается въ мірѣ неизмѣннымъ»; теперь онъ полагаетъ его задачу въ творчествѣ: «истинные философы—повелители и законодатели, они говорятъ: такъ должно быть, они опредѣляютъ стремленія и цѣли людей, они творческой рукой касаются будущаго. Ихъ познаніе есть творчество, ихъ творчество есть законодательство, ихъ стремленіе къ истинѣ есть стремленіе къ господству». «Въ этомъ заключается глубокое различіе между Нитцше и Гегелемъ съ его скромнымъ теоретическимъ и историческимъ опредѣленіемъ философіи и ея задачъ.

Эта творческая сила должна проявляться прежде всего въ области морали. Философы это психологи и моралисты, или скорѣе «имморалисты», съ обычной точки зрѣнія, потому что критерій нравственности у свободныхъ умовъ противоположенъ общепринятому критерію. Итакъ, Нитцше «имморалистъ», но не въ томъ смыслѣ, что онъ желаетъ уничтожить всѣ нравственные законы,—наоборотъ, старой аскетической морали онъ противопоставляетъ новую, высшую: мораль сремленія къ жизни и господству. Здѣсь выразилась анти-историческая черта въ міровоззрѣніи Нитцше, напоминающая просвѣтительную эпоху прошлаго вѣка. Нравы, нравственность, право, государство, религія является у него не продуктомъ многовѣковаго развитія, но результатомъ произвола отдѣльныхъ лицъ,—старая мораль съ ея аскетическими идеалами есть дѣло священниковъ, въ противоположность имъ философъ есть творецъ новыхъ идеаловъ. Полный разрывъ со старымъ возможенъ, начало совершенно новой жизни необходимо; для этого требуется лишь «сильная рука культурнаго главы и повелителя», а этимъ главой и повелителемъ является философъ, самъ Заратустра—Нитцше. Такъ философъ выростаетъ у него въ сверхчеловѣка, и та роль, какую онъ присвоиваетъ себѣ въ качествѣ философа, вполнѣ соотвѣтствуетъ величественному образу Заратустры и, въ концѣ концовъ, достигаетъ гигантскихъ размѣровъ.

Въ силу этого творческаго права философа онъ начинаетъ ниспровергать общіе принципы практическаго характера. Проблемы нравственности живо занимали его еще въ періодъ его позитивнаго міро-

созерцанія; тогда онъ предпринялъ, въ сотрудничествѣ со своимъ другомъ Полемъ Ре, изслѣдованіе по исторіи нравственныхъ чувствъ въ духѣ англійскихъ моралистовъ, и нѣкоторое время высказывался за утилитаризмъ въ этикѣ. Но эта англійская философія морали скоро оказалась для него слишкомъ современной; благодаря своему принципу наибольшей пользы она нашла многочисленныхъ приверженцевъ также и въ Германіи: она была для него также, какъ соціальный эвдемонизмъ, слишкомъ альтруистична, слишкомъ приноровлена къ массамъ, слишкомъ демократична. Онъ обращалъ вниманіе не на всѣхъ и не на многихъ, но только на отдѣльныя личности, онъ велъ борьбу за единицы, противъ стаднаго чувства. Первый врагъ, на котораго онъ нападаетъ, это—соціализмъ. Въ этомъ отношеніи Нитцше остался вѣренъ себѣ, что для него—рѣдкость, и попрежнему въ соціализмѣ онъ нападаетъ на всеобщее равенство. Онъ выступаетъ противникомъ всякой демократіи и либерализма,—онъ былъ «антилибераленъ до бѣшенства». Въ «Заратустрѣ» особенно достается проповѣдникамъ равенства, «тарантуламъ», какъ онъ ихъ называетъ: «люди не равны, такъ говоритъ справедливость». «Плебейская мѣшанина», такъ называетъ онъ идеалы соціализма. Его, который сознавалъ себя высшимъ существомъ, особенно возмущало непризнаніе умственнаго труда и отрицаніе индивидуальныхъ запросовъ въ человѣкѣ. На всѣ другія стороны движенія онъ не обращаетъ вниманія: онъ не знаетъ въ точности или не интересуется узнать ни его причинъ, ни его цѣлей, и отъ него совершенно ускользаетъ, сколько мѣста въ сущности, если взглянуть поближе, занимаетъ въ этомъ движеніи борьба за личность.

Поистинѣ странное недоразумѣніе заключается въ томъ, что для него соціализмъ и анархизмъ тождественны, и на послѣдній нападаетъ онъ съ особеннымъ ожесточеніемъ. А между тѣмъ, по мѣрѣ удаленія отъ соціализма, онъ самъ приближается къ анархизму. Мы не найдемъ у Нитцше ни одного сочувственнаго слова по адресу современнаго государства. Молодую германскую имперію онъ осыпаетъ насмѣшками и злобными шутками: «Мы, европейцы», не признаемъ болѣе національныхъ отличій и королей,— «что намъ теперь въ короляхъ!» Преступники, въ которыхъ раньше онъ видѣлъ типы вырожденія, кажутся ему теперь сильными личностями, или больными, или находящимися въ неблагопріятныхъ условіяхъ, ихъ добродѣтели клеймятся обществомъ, какъ преступленія. Это положеніе вполнѣ совпадаетъ съ воззрѣніями анархистовъ, тѣмъ не менѣе, послѣднихъ онъ считаетъ вредной и ненавистной шайкой. Здѣсь кроется противорѣчіе. Противъ современнаго государства съ его хотя и робкими, но все же демократическими тенденціями Нитцше долженъ бы былъ стать на сторону анархистовъ, чтобы вмѣстѣ съ ними добиваться упраздненія его. Но этому противилась его избранная натура, онъ сторонился отъ этой «сволочи», принципъ равенства, присущій также и анархизму, претилъ ему. Конечной цѣлью въ его міровоззрѣніи была не анархія, а власть (ἀρχή) сильныхъ и могущественныхъ, въ формѣ ли аристократіи или господствующей касты избранныхъ, или въ видѣ тираніи, насильственной и сильной власти какого-нибудь Цезаря Борджіа или Наполеона I. Этому соотвѣтствуетъ и мораль нашего имморалиста. Въ противоположность шопенгауеровской морали состраданія и англійскому утилитаризму, онъ утверждаетъ, что опредѣленіе «хорошій» должно исходить не отъ тѣхъ, кому оказана услуга или польза; но «хорошіе»,

т.-е. избранные и сильные, могучіе и высшіе, сами называютъ себя и свой образъ дѣйствій хорошими, высокими, въ противоположность всему низменному, пошлому и плебейскому. Итакъ, стремленіе выдѣлиться, возвыситься и превзойти другихъ является источникомъ моральной цѣнности и противоположности между добромъ и зломъ. Основнымъ стимуломъ нравственности является стремленіе къ господству. Эти сильные и рожденные властвовать типы, то являются у него въ видѣ цѣлой расы—греки въ противоположность варварамъ,—римляне въ противоположность семитамъ,—германцы, какъ противоположность до-историческому населенію Европы: въ основѣ ихъ легко узнать хищное животное, свѣтловолосаго звѣря;—то это будетъ властная единица, геніальная личность, напр., Наполеонъ I, «воплощеніе высшаго идеала, синтезъ не-человѣка и сверхчеловѣка», въ которомъ нѣтъ мѣста состраданію. Рядомъ съ нимъ, въ Заратустрѣ стоитъ болѣе тонкій и болѣе одухотворенный типъ. Могущественъ только тотъ, кто одолѣетъ самъ себя, съ суровостью и жестокостью борется съ самимъ собой постояннымъ самообузданіемъ, слѣдовательно, прошелъ черезъ страданія: жестокость является здѣсь особымъ видомъ состраданія: «то, что падаетъ, слѣдуетъ еще подтолкнуть».

Противъ этихъ представителей силы и насилія поднимаются «многіе»: это—въ исторіи морали есть возстаніе рабовъ, которое начинается еще въ еврействѣ и побѣдоносно продолжается въ христіанствѣ. И здѣсь представителями являются или отдѣльныя племена и расы, или, какъ у первыхъ христіанъ, маленькіе люди, соціально слабые и обездоленные; къ нимъ принадлежитъ крестьянскій сынъ и плебей Лютеръ. Необходимо отмѣтить еще одинъ пунктъ въ его воззрѣніяхъ: лучшіе у него отождествляются съ физически сильными, крѣпкими и здоровыми; слѣдовательно, худшіе являются, въ противоположность имъ, слабыми и больными, физическими и психическими дегенерантами, декадентами. Между тѣмъ, какъ эти заурядные противопоставляются аристократамъ и лучшимъ, какъ «худшіе», послѣднимъ, въ свою очередь, эти сильно желающіе и домогающіеся кажутся «злыми». Мораль маленькихъ людей впервые создала и внесла въ міръ противоположность между добрымъ и злымъ. Злой въ смыслѣ этой морали—то же, что «добрый по другой морали, избранный, сильный, господствующій, только превращенный и искаженный подъ ядовитымъ взглядомъ злобы». Эта побѣда плебса, толпы, рабовъ повела за собой полный переворотъ въ морали; теперь добро то, что полезно толпѣ, именно посредственность, а зло есть то, что поднимаетъ отдѣльныя личности надъ толпой. Это извращеніе нравственныхъ принциповъ необходимо уничтожить, пора сдѣлать это, такъ какъ въ современномъ государствѣ съ его системой наказаній и въ христіанствѣ съ его аскетическими идеалами сильные люди разсматриваются какъ преступники; мало того, сильные люди сами гибнутъ и задыхаются въ этомъ дурномъ воздухѣ—въ подавляющей узости и регулярности обычаевъ, они больно ушибаются о желѣзные прутья своихъ клѣтокъ, дѣлаются слабыми, больными, декадентами. Культура дѣлаетъ человѣка больнымъ—эта черта въ міровоззрѣніи Нитцше напоминаетъ Руссо, а культура наша преимущественно христіанская, отсюда выводъ: Ecrasez l'imfâme! долой аскетическую мораль христіанства! — это чисто-вольтеровское настроеніе; подъ его вліяніемъ написано послѣднее, уже совершенно больное произведеніе «Антихристъ». Блестящей противоположностью представляется ему Ренесансъ; здѣсь сказался эстетическій аристократизмъ Нитцше. И

надъ всѣмъ паритъ духъ Заратустры, совершенно личный, своеобразный, индивидуальный духъ Нитцше: самъ декадентъ, онъ мечтаетъ о давнихъ временахъ господства сильной, совершенной, избранной личности и предвѣщаетъ въ будущемъ сверхчеловѣка, но затѣмъ въ нервномъ нетерпѣніи и маніи величія забѣгаетъ впередъ своей художественной фантазіей и самого себя воображаетъ этимъ все пересоздающимъ философомъ и сверхчеловѣкомъ.

Вліяніе Нитцше.

Само собой понятно, что это ученіе должно было оказать громадное вліяніе и прежде всего увлечь молодежь. Въ каждомъ государствѣ, и особенно въ бюрократическомъ и военномъ нѣмецкомъ государствѣ, кроется тенденція облечь все въ мундиръ, поэтому, съ усиленіемъ нѣмецкаго государства въ 1866 и 1870 гг., съ возрастаніемъ въ немъ милитаризма, бюрократіи и государственности, все болѣе и болѣе стѣсняется свободное проявленіе и самобытность отдѣльной личности. Полиція и государственная власть подавляютъ у насъ всякую частную иинціативу, къ самопомощи мы не привыкли: мы тотчасъ апеллируемъ къ государству. Въ политическомъ либерализмѣ также коренится сильная антииндивидуалистическая тенденція: въ нынѣшнемъ вѣкѣ онъ является главнымъ представителемъ демократическаго теченія съ рѣшительной склонностью послѣдняго къ нивеллировкѣ; рядомъ съ свободой стоитъ демократическое равенство, всеобщее избирательное право ведетъ за собой господство массъ и подавляетъ права меньшинства, а тѣмъ болѣе права отдѣльной самостоятельной личности. То же и въ соціализмѣ; я, конечно, не отрицаю въ немъ организующаго, расчленяющаго, дифференцирующаго элемента, но по отношенію къ отдѣльной личности онъ въ силу своихъ альтруистическихъ тенденцій требуетъ отъ индивидуума подчиненія и служенія цѣлому. Кромѣ того, въ соціалъ-демократіи разлитъ принципъ демократическаго равенства, и въ будущемъ, соціалистическое общество представляется въ видѣ огромныхъ общественныхъ мастерскихъ и столовыхъ; духовная и внутренняя сторона, гдѣ покоится вся самобытность индивидуума, не находитъ себѣ достаточнаго выраженія. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и церковь съ ея традиціонализмомъ и историческій духъ вѣка, который разсматриваетъ личность, какъ звено общей цѣпи. Примемъ еще во вниманіе массовое скопленіе людей въ большихъ городахъ, задающихъ тонъ въ современной жизни, крайнюю доступность общенія при современныхъ средствахъ передвиженія, благодаря чему сглаживаются мало-по-малу различія и противоположности, вытѣсненіе ручного труда безличнымъ фабричнымъ производствомъ, господство моды, вѣчно измѣнчивой, но уравнивающей всѣ классы и сословія и вытѣсняющей оригинальные костюмы,—примемъ все это во вниманіе, и мы поймемъ жалобы на отсутствіе индивидуальности, шаблонъ, казенщину и монотонность нашего современнаго общества; нѣтъ больше оригинальности, и что еще хуже, нѣтъ индивидуальности, нѣтъ индивидуальныхъ личностей. Шопенгауеровскіе фабрикаты природы, филистеры образованія Нитцше, дюжинныя личности—вотъ безотрадныя явленія нашей общественности.

Они проникли и въ теорію, нашли тамъ себѣ отраженіе въ видѣ очень распространеннаго ученія о вліяніи среды. Указаніе на это мы найдемъ у индивидуалиста Шиллера. Но разработано это ученіе было

впервые во Франціи, гдѣ не только было признано безспорнымъ значеніе среды, но и провозглашено ея всемогущество, полное раствореніе въ ней индивидуума. Наиболѣе крайнее выраженіе этотъ взглядъ нашелъ себѣ у историка Тэна, въ изящной литературѣ его представителемъ является Зола. Подобное признаніе исключительнаго значенія среды ведетъ за собой детерминизмъ: отдѣльный индивидуумъ опредѣляется и объясняется средой и изъ среды, для его собственнаго существа не остается ничего. Но этотъ детерминизмъ имѣетъ за собою твердое научное обоснованіе. Статистика, по своему содержанію и методу, есть собственно антииндивидуалистическая наука: она оперируетъ съ массами и большими числами, вычисляетъ среднія величины; она прежде всего имѣетъ въ виду массы людей. является «наукой о соціальныхъ массахъ», причемъ ей приходится игнорировать индивидуальныя отличія атомовъ, составляющихъ соціальныя массы, по этой причинѣ она служитъ методомъ для самой современной изъ всѣхъ наукъ—соціологіи. Статистическая регулярность такихъ случаевъ, какъ самоубійство и преступленіе, не доказываетъ, конечно, детерминизма, но, сообщая поразительныя цыфры, она поддерживаетъ детерминистическій складъ нашего мышленія, которымъ мы, главнымъ образомъ, обязаны естествознанію. И философъ вѣритъ своему Канту и своему Шопенгауеру, что въ мірѣ явленій все предопредѣлено, даже каждый отдѣльный человѣческій поступокъ; оставить какое-нибудь мѣсто свободѣ, хотя бы только въ области мыслимаго, т.-е. за предѣлами реальности, многимъ кажется излишней роскошью или опаснымъ мистицизмомъ. Но именно потому, что этотъ детерминизмъ опирается прежде всего на естественно-научное объясненіе природы и человѣка, къ нему переходитъ изъ дарвинизма понятіе о наслѣдственности. Чего не можетъ объяснить среда, какъ нѣчто непосредственно существующее, то относятъ на счетъ прошлаго: къ вліянію обстоятельствъ присоединяется фатумъ наслѣдственности, которая устраняетъ послѣдній ирраціональный остатокъ индивидуальнаго, объясняя его условіями среды въ прошломъ. Среда и наслѣдственность—эти факторы не противорѣчатъ, но пополняютъ другъ друга. Примѣненіе ихъ въ соціологіи, исторіи, криминалистикѣ—здѣсь вмѣстѣ съ итальянцемъ Ломброзо я назову нѣмца фонъ-Лицта (v.-Litzt)—не подлежитъ сомнѣнію. О ихъ вліяніи на изящную литературу я скажу ниже, здѣсь только упомяну рядомъ съ Зола имя Ибсена.

Во власти этого ученія о средѣ и наслѣдственности находилось общество въ эпоху соціализма и дарвинизма, когда явился Нитцше и пропѣлъ свой гимнъ личности. Конечно, онъ также былъ детерминистомъ, онъ слишкомъ много говорилъ о расѣ и о происхожденіи, но это не было у него на первомъ планѣ: самымъ важнымъ въ его ученіи справедливо считается его выступленіе въ защиту индивидуума. Теперь многіе, особенно старшее поколѣніе, говорятъ: ничего этого не нужно, мы уже знаемъ все это отъ Шиллера и Гумбольдта, отъ Гёте и Шлейермахера; и затѣмъ индивидуализмъ, какъ эгоизмъ, какъ желаніе пробиться впередъ, уже самъ по себѣ лежитъ въ природѣ человѣка, и его нужно подавлять, а не вызывать и усиливать. То и другое справедливо. Но эстетическій индивидуализмъ нашего классическаго и романтическаго періодовъ погибъ и похороненъ подъ массовымъ сознаніемъ и массовымъ чувствомъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, заглушенъ демократическими требованіями равенства и соціалистическими и коммунистическими идеалами будущаго. И если личное «я» все еще играетъ слишкомъ большую роль въ жизни, то

здѣсь уже дѣло идетъ не о безразличномъ ego, но о ярко окрашенномъ индивидуумѣ, о самоопредѣляющейся личности. Въ этой области Нитцше сдѣлалъ съ одной стороны слишкомъ мало, съ другой—слишкомъ много; слишкомъ мало—такъ какъ онъ принимаетъ свою отдѣльную личность въ узко натуралистическомъ смыслѣ и безъ оговорокъ радуется свѣтловолосому звѣрю съ его хищническими наклонностями. Слишкомъ много—такъ какъ признаетъ только геніальное и сильное я, высшихъ личностей, сверхчеловѣковъ, а всѣхъ остальныхъ какъ рабовъ подчиняетъ ихъ власти.

Очень понятно, что громкое слово о сверхчеловѣкѣ опьянило и отуманило прежде всего молодежь, которая никогда не страдаетъ избыткомъ скромности; всякій молокососъ вообразилъ себя геніемъ и въ этомъ нашелъ оправданіе для того, чтобы разыгрывать изъ себя властелина и жить по принципамъ соотвѣтствующей морали. Но этотъ туманъ не былъ бы такъ распространенъ, увлеченіе Нитцше не носило бы эпидемическаго характера, если бы за всѣмъ этимъ не стояло нѣчто справедливое и своевременное, именно притязаніе индивидуума на свою личность, на свои права, необходимость защищать ихъ и охранять отъ посягательствъ. Борьба за личность получила историческое оправданіе и сдѣлалась необходимой. Это было возмущеніе молодежи противъ сѣтей, которыми ее съ первыхъ шаговъ хотѣли опутать въ видѣ среды и наслѣдственности, традиціи и нравовъ; это былъ протестъ романтизма противъ прозаичности и трезвости статистическихъ массовыхъ наблюденій и среднихъ чиселъ и, наконецъ, протестъ жизни и живущихъ противъ отжившихъ лицемѣрныхъ аскетическихъ идеаловъ нашей традиціонной христіанской морали. И это происходило въ эпоху, когда дѣйствовалъ великій человѣкъ, когда можно было видѣть, что можетъ дать *единичная* личность. И здѣсь противорѣчія и противоположности сталкивались и боролись другъ съ другомъ, но въ этомъ была виновна прежде всего сама жизнь.

Нитцше сдѣлался великимъ ловцомъ молодежи и женщинъ fin de siècle'я еще и по другимъ причинамъ. Матеріализмъ и позитивизмъ обезцвѣтили наше мышленіе, естественно-научный методъ, столь плодотворный и тонкій въ изслѣдованіи внѣшнихъ явленій, оказывался часто безсильнымъ по отношенію къ духовной жизни и не проникалъ въ ея глубину. Въ частности, это обнаружилось въ области примѣненія экспериментальнаго метода въ психологіи. Также и философія съ ея мелочнымъ теоретико-познавательнымъ педантизмомъ обращалась съ людьми такъ, какъ будто въ ихъ жилахъ текъ только «разжиженный сокъ разума, какъ исключительно мыслительной дѣятельности», и слишкомъ долго игнорировала инстинктъ и влеченіе, чувство и волю; она не находила и не давала цѣлаго, да и не искала его. Явился Нитцше, великій психологъ и символистъ, для котораго все было одинаково важно, и заставилъ предполагать глубокое и внутреннее, тамъ и здѣсь подъ внѣшней оболочкой подозрѣвать загадки и тайны. Заратустра—его величайшее по красотѣ символистическое произведеніе. И не только въ глубь велъ онъ, но также въ даль: не назадъ, но впередъ заставлялъ онъ устремлять взоры, въ страну нашихъ потомковъ, на новые пути развитія; онъ шелъ навстрѣчу одной изъ характерныхъ чертъ соціализма—любви къ утопическимъ картинамъ будущаго, и вообще, какъ прозорливый человѣкъ и пророкъ, онъ удовлетворялъ тѣмъ великимъ чаяніямъ и упованіямъ, какими были переполнены его истерзанные и недовольные собою современники. Дѣйствительно ли при

этомъ глубина была достаточно глубока, желательная форма развитія возможна,—это было безразлично, лишь бы люди вѣрили.

Наконецъ, Нитцше былъ поэтъ и художникъ. Философія въ формѣ символическаго и поэтическаго произведенія, въ которое такъ много можно вложить при чтеніи, въ которомъ многое остается совсѣмъ непонятнымъ,—это было ново и интересно. Къ тому же привлекалъ и самый языкъ книги о Заратустрѣ,—Нитцше говоритъ о немъ: «Языкъ Лютера и поэтическая форма библіи, какъ основа новой нѣмецкой прозы—это мое изобрѣтеніе». Но, если его языкъ по временамъ напоминаетъ книгу «Іова» и «Пѣснь Пѣсней», то, съ другой стороны онъ и отличается отъ нихъ, какъ небо отъ земли, такъ какъ онъ вполнѣ современенъ; Нитцше—это Бёклинъ слова. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что Нитцше противопоставилъ небрежной прозѣ нашего новонѣмецкаго языка образецъ истиннаго «стиля». Онъ—художникъ нѣмецкой прозы въ хорошемъ, но и въ дурномъ смыслѣ: прозы слишкомъ искусственной и утонченной. И эта высокая чувствительность къ изяществу рѣчи должна была очаровывать и привлекать, тонкое и пикантное должно было выигрывать именно тамъ, гдѣ пресыщенному вкусу все простое кажется скучнымъ и пошлымъ, и поэтому все должно подаваться подъ пикантнымъ соусомъ. Нитцше—афористъ, въ духѣ Монтаня и Ларошфуко, Лабрюера и Фонтенеля, Вовенарга и Шамфора—это тоже было ново и вполнѣ современно. Нашъ слишкомъ торопливый вѣкъ не имѣетъ ни времени, ни досуга для чтенія серьезныхъ книгъ; какъ бы спеціально для него предназначены цѣлые тома тонко отточенныхъ афоризмовъ; стоитъ только раскрыть эти книги, чтобы всегда найти нѣчто цѣлое, каждую минуту можно отложить ихъ въ сторону, чтобы, затѣмъ, во всякое время перелистывать снова. Наконецъ, за всѣмъ этимъ стоитъ интересная, трагическая по своей судьбѣ личность автора, особенно привлекательная тѣмъ, что всегда мѣняетъ свои маски и, полная противорѣчій, всегда вызываетъ на возраженія; она заключаетъ въ себѣ много типично-человѣческаго; авторъ самъ—загадочная натура и интереснѣе всѣхъ своихъ сочиненій.

Было бы чудомъ, если бы несовременный человѣкъ не сдѣлался бы популярнымъ, и весь міръ не побѣжалъ бы за нимъ! Молодежь и женщины, которыя всегда особенно охотно льнутъ ко всему самому новому и парадоксальному, и которымъ импонируетъ евангеліе своеволія и силы, подняли Нитцше на пьедесталъ; горячіе поклонники и поклонницы начали страстно выступать въ защиту его и писать книги для его прославленія: женщина Лу Андреасъ-Саломе является до сихъ поръ его лучшей истолковательницей, странствующіе проповѣдники, исполненные паѳоса и благоговѣнія, разносятъ всюду его слова и ученіе, и нетерпимые нитцшеніанцы вызывающе нападаютъ на всѣхъ, кто вмѣстѣ съ ними не поклоняется Нитцше. Таковъ этотъ одинокій человѣкъ, который сторонился отъ своихъ первыхъ послѣдователей и всего охотнѣе плылъ противъ теченія, подъ конецъ самъ былъ захваченъ широкимъ потокомъ моды и пошелъ вмѣстѣ съ толпой, и его, искаженный маніей величія, образъ исказился еще болѣе. Когда схлынетъ этотъ потокъ, тогда опредѣлится, былъ ли это мимолетный метеоръ и блуждающій огонекъ или настоящее свѣтило, которое и свѣтитъ, и грѣетъ. Теперь этотъ образъ еще колеблется, опутанный пристрастіями всякаго рода, и наблюдатель стоитъ отъ него еще слишкомъ близко.

Другіе представители индивидуализма.

Нитцше былъ не единственнымъ выразителемъ этой индивидуалистической реакціи противъ соціализма; и до него, и одновременно съ нимъ она имѣла другихъ представителей. Изъ англичанъ можно указать Карлейля, котораго самъ Нитцше, какъ уже было упомянуто, называлъ «геніальнымъ сумасбродомъ»; достаточно указать, что изъ нѣмцевъ онъ выбралъ себѣ за образецъ Жанъ-Поля. Карлейль былъ также романтикомъ, имѣлъ сношенія съ Новалисомъ, и изъ произведеній Фихте его привлекали больше всего послѣднія, всего ярче окрашенныя политическимъ и религіознымъ идеализмомъ; но равнымъ образомъ ему понятно величіе Фридриха Великаго, потому, что Фридрихъ, при нивелирующей тенденціи своего раціоналистическаго времени, былъ индивидуальностью, былъ героемъ, а Карлейль проповѣдуетъ культъ героевъ. Онъ былъ также и соціалистомъ, и многихъ изъ насъ толкнулъ на путь этого міросозерцанія, но въ соціализмѣ онъ видѣлъ прежде всего индивидуализирующую тенденцію: онъ понималъ его, какъ борьбу за отдѣльную личность. Именно поэтому, онъ отрицательно относится къ современнымъ формальнымъ отношеніямъ между рабочими и предпринимателями; онъ требуетъ, чтобы послѣдніе стали вождями и такимъ путемъ организовали общество; онъ также мечталъ о сильномъ соціальномъ королевствѣ. Но главная роль при этомъ выпадаетъ у него на долю героевъ; послѣдними являются въ наше время писатели и поэты, которые призваны возвѣщать міру вѣчныя истины все въ новыхъ символахъ и формахъ; для себя самого онъ оставляетъ скромную роль поклонника героевъ.

На ряду съ Карлейлемъ, въ послѣднее время пользуется у насъ вліяніемъ Денъ Соренъ Киркегардъ (Däne Sören Kierkegaard). Его родство съ Нитцше сказалось въ томъ, что и для него истина имѣетъ значеніе не сама по себѣ, а лишь постольку, поскольку она даетъ указанія для общаго міровоззрѣнія и взглядовъ на жизнь. Она должна датъ ему отвѣтъ на вопросъ: какъ могу я существовать, какъ нравственная личность? Его переводчикъ Шремпфъ приписываетъ ему «тонкую чувствительность къ субъективной истинѣ и горячее стремленіе къ интенсивной жизни» и парадоксально называетъ его эгоизмъ самымъ замѣчательнымъ и наиболѣе цѣннымъ его свойствомъ.

Изъ нѣмцевъ я назову здѣсь прежде всего Дюринга и Лагарда. Дюрингъ — позитивистъ, дѣйствительность есть для него единственно реальное и разумное. Онъ также соціалистъ и пользовался вліяніемъ среди берлинскихъ соціалъ-демократовъ, такъ что Энгельсъ находилъ нужнымъ съ нимъ считаться въ партійномъ органѣ. Но по отношенію къ самому себѣ онъ—индивидуалистъ: онъ не допускаетъ ни малѣйшаго стѣсненія въ своемъ правѣ индивидуально мыслить и свободно высказываться, онъ энергично охраняетъ оригинальность своей мысли и такъ высоко ее цѣнитъ, что этимъ напоминаетъ манію величія Нитцше. Это приводитъ его къ конфликту со всѣмъ оффиціальнымъ: со своими коллегами по университету, съ вождями соціалъ-демократической партіи. Съ другой стороны многіе изъ студентовъ видѣли въ немъ своего «вождя», и для нѣкоторой группы рабочихъ онъ былъ чѣмъ-то вродѣ основателя соціалистической секты. При этомъ онъ остался вѣренъ своему основному положенію, что философъ долженъ проводить въ жизнь свою философію и оправдывать ее своей личностью.

Дюрингъ изъ событій своей личной жизни вывелъ отрицательное отношеніе къ культурѣ и хотя возражаетъ противъ пессимизма, тѣмъ не менѣе самъ можетъ считаться озлобленнымъ пессимистомъ. Въ этомъ, а также въ сильно развитомъ чувствѣ собственнаго достоинства и въ своихъ антисемитскихъ антипатіяхъ онъ согласенъ съ Лагардомъ, который осуждаетъ современное государство и церковь, политику и школу и прежде всего наше нѣмецкое образованіе считаетъ поверхностнымъ, потому что оно есть образованіе массъ. Лагардъ также идетъ своей собственной дорогой и энергично плыветъ противъ теченія. Во внѣшней политикѣ его защита «органическаго» сліянія съ Австріей и пріобрѣтенія значительныхъ колоніальныхъ земель въ восточной Европѣ или западной Азіи напоминаетъ фантазіи Карла-Іенча. Во внутренней политикѣ онъ требуетъ уничтоженія недостойной комедіи нашихъ выборовъ и нашего народнаго представительства, и требуетъ императора, который дѣйствительно былъ бы императоромъ; для церкви онъ проектируетъ организацію не-католиковъ въ четыре германо-австрійскія свободныя церкви и такую теологію, которая бы дѣйствительно пролагала пути нѣмецкой религіи; и, наконецъ, онъ требуетъ реформъ въ области обученія въ томъ смыслѣ, чтобы въ гимназіяхъ и университетахъ было введено серьезное преподаваніе. Онъ нападаетъ то на либераловъ и евреевъ, то на кабинетныхъ ученыхъ съ ихъ «заговорческимъ снарядомъ»—прессой, то на нашихъ чиновниковъ, которые «студентами вмѣсто аудиторій посѣщали кабаки и фехтовальные залы и занимались спортомъ, а потомъ, благодаря своимъ семейнымъ связямъ, получили мѣста». Такъ онъ всюду указываетъ на темныя стороны нашей общественной жизни. По его мнѣнію, мы близки къ банкротству, умственный капиталъ почти исчерпанъ, помочь можно только однимъ: «серьезнымъ отношеніемъ» ко всѣмъ сферамъ жизни, дѣлая отвѣтственной отдѣльную личность за существованіе, счастіе, будущее цѣлаго.

Сюда нужно отнести также Христофа Шремпфа, послѣдователя Киркегарда, въ которомъ онъ больше всего цѣнитъ его «эгоизмъ». Какъ пастырь, онъ оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ для него, въ противоположность цитированному выше выраженію Штрауса, все значеніе не въ паствѣ, но въ его собственной нравственной личности. Онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ своею должностью, церковными вѣрованіями и связаннымъ съ ними лицемѣріемъ; «жертвовать изъ-за этого своею личностью нѣтъ достаточнаго основанія». «Истинное служеніе обществу состоитъ только въ томъ, чтобы отдѣльная личность, какъ таковая, росла, крѣпла и развивалась». Поэтому, въ своемъ журналѣ «Die Wahrheit» онъ выступаетъ въ защиту личности и въ заключеніе оставляетъ редакторство, видя, что и въ качествѣ редактора онъ такъ же мало можетъ оставаться самимъ собою, какъ и въ качествѣ священника: онъ не желаетъ поступиться, хотя бы по внѣшности только, своей индивидуальностью, субъективностью и оригинальностью.

И всѣ эти люди имѣли вокругъ себя кружки поклонниковъ и послѣдователей: Шремпфъ, напр., основалъ въ Швабіи нѣчто въ родѣ секты. Во всѣхъ этихъ кружкахъ настаиваютъ, въ противоположность государству и церкви, обществу и традиціи, на правахъ индивидуальности и противопоставляютъ себя массамъ, въ качествѣ своеобразныхъ и высшихъ особей.

Наука.

По пути сближенія науки съ жизнью во главѣ идутъ медицина и естествознаніе: ихъ практическая польза наиболѣе очевидна. Гигіена властно вторгается въ общественную жизнь и своими требованіями свѣта, воздуха и воды для бѣдныхъ классовъ населенія въ большихъ городахъ, народныхъ бань и санаторій для чахоточныхъ—идетъ рука объ руку съ другими усиліями, направленными къ разрѣшенію соціальныхъ задачъ. Большое значеніе пріобрѣла бактеріологія, благодаря своему ученію о передачѣ болѣзней посредствомъ грибковъ. Однако, терапія еще не очень много выиграла отъ этой новой теоріи; намъ извѣстны холерныя бациллы и другіе опасные микробы, но мы еще не научились убивать ихъ въ больныхъ. Только противудифтеритная сыворотка, открытая Берингомъ, съ успѣхомъ примѣняется на практикѣ. Наоборотъ, преждевременное опубликованіе коховскаго туберкулина, которое публика привѣтствовала настоящими побѣдными кликами и приняла въ дикомъ упоеніи восторга, свидѣтельствуетъ о томъ, что и наука заплатила свою дань стремленію къ рекламѣ, столь свойственному нашему вѣку. Если принять во вниманіе, что нѣкоторыя теоріи, какъ, напр., теорія Шенка объ условіяхъ происхожденія того или другого пола, пускаются въ публику въ совершенно необработанномъ и незрѣломъ видѣ съ разсчетомъ на сенсацію, только чтобы хоть на минуту сосредоточить на себѣ вниманіе,—то станетъ понятнымъ, почему публика часто относится недовѣрчиво къ компетентности и значенію медицины и либо впадаетъ въ остроумный скептицизмъ Швеннингера, либо хватается за перваго попавшагося пачкуна, который въ лучшемъ случаѣ, какъ Кнейпъ, смѣло и дерзко преподноситъ ей подъ новой формой давно извѣстное и испробованное средство, съ односторонностью невѣжды примѣняя его ко всякимъ случаямъ. И наоборотъ, вполнѣ заслуженно обратило на себя всеобщее вниманіе открытіе Рентгеновскихъ лучей. Научное значеніе этого электро-оптическаго явленія для теоріи, равно и примѣненіе его въ хирургіи—было для всѣхъ очевидно. Тѣмъ не менѣе, отношеніе къ нему прессы и тріумфъ, который она устроила по этому поводу, представляются намъ неумѣстными: это вредитъ наукѣ, которая работаетъ въ тишинѣ и ищетъ награды только въ себѣ самой.

Представители наукъ о духѣ ограждены отъ подобной опасности со стороны рекламы: ихъ труды и выводы рѣдко производятъ такое большое впечатлѣніе, какъ труды ихъ болѣе счастливыхъ собратьевъ; поэтому то онѣ менѣе всего въ чести въ настоящее время. Однако, даже наиболѣе отдаленная отъ жизни, классическая филологія не избѣгла современнаго стремленія къ сенсаціонному, то выступая съ утерянным сочиненіемъ Аристотеля объ аѳинскомъ государствѣ, то откапывая въ Египтѣ стихотворенія Бакхилида. Гораздо значительнѣе выступаютъ эти явленія въ области наукъ о духѣ тамъ, гдѣ эти науки ближе соприкасаются съ общими теченіями современной жизни и частью сами обусловливаются послѣдними, частью, въ свою очередь, оказываютъ на нихъ вліяніе. Мы не будемъ говорить о теологіи и политической экономіи, о нихъ уже была рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Что касается юриспруденціи, то тутъ слѣдуетъ только указать, что великія законодательныя работы послѣднихъ лѣтъ и соціальныя стремленія выдвигаютъ для нея все новыя задачи, вслѣдствіе этого въ ней совершается научный переворотъ, требующій измѣненій всей ея поста-

новки. Въ области исторіи дѣло представляется совсѣмъ въ особомъ видѣ. Достаточно говорилось о томъ, что нашъ вѣкъ—по преимуществу вѣкъ исторіи, и поэтому изученіе исторіи и исторіографія пользуются особеннымъ вниманіемъ. На первомъ планѣ стояла прежде политическая исторія, все прочее или отступало передъ нею на заднiй планъ, какъ, напр., у Зибеля, или, какъ у Трейчке, занимаетъ только подчиненное и служебное положеніе, настолько, что онъ всѣхъ—поэтовъ, писателей, ученыхъ—разбираетъ исключительно съ точки зрѣнія ихъ значенія для политическаго успѣха или даже прямо по ихъ положенію и роли въ политическихъ партіяхъ и національной борьбѣ. Только изрѣдка, побѣжденный силою фактовъ, онъ выпускаетъ изъ рукъ свой невѣрный масштабъ и забываетъ о немъ. При этомъ на переднемъ планѣ всегда стоитъ отдѣльная личность, герой, индивидуумъ, вслѣдствіе чего получили такое громадное распространеніе историческія біографіи; хорошо еще, если онѣ выбираютъ себѣ предметомъ дѣйствительныхъ героевъ, въ родѣ Фридриха Великаго или Бисмарка. Съ этимъ связано современное пристрастіе къ памятникамъ; оно является не простымъ знакомъ народной признательности къ своимъ вождямъ,—это такое же явленіе упадка, какъ въ 360 году въ Аѳинахъ статуи Димитрію Фалерскому.

Гегеліанская школа имѣла собственно иное представленіе объ исторіи: она не пренебрегала индивидуумомъ, но послѣднiй не представлялъ для нея исключительнаго интереса. Въ исторіи она также отыскивала идеи и законы, философія исторіи была для нея важнѣе отдѣльныхъ фактовъ. Этотъ взглядъ довольно скоро былъ оставленъ, и въ настоящее время считается спорнымъ вообще право исторіи на обобщеніе, и самое существованіе философіи исторіи подвергается сомнѣнію; какъ бы то ни было, исторіи всегда приходится считаться съ отдѣльными, единичными фактами. Однако если обратимся къ всемірной исторіи Ранке, то въ ней также найдемъ «идеи», хотя въ нѣсколько другомъ значеніи, не въ видѣ великихъ всемірныхъ тенденцій, противоположеній и производительныхъ силъ, происхожденіе которыхъ относилось романтиками въ область трансцендентальнаго, приписывалось его божественной силѣ: Ранке отыскиваетъ свои «идеи» чисто эмпирическимъ путемъ въ мірѣ явленій; ихъ носителями являются великія историческія личности, которыхъ онъ мастерски умѣетъ изображать.

Въ противоположность этому, ученіе о средѣ и ея значеніи является чисто эмпирическимъ въ томъ видѣ, какъ его широко признавалъ Зибель въ своей исторіи французской революціи; оно было эмпирическимъ и коллективистическимъ въ одно и то же время. Но специфическій коллективизмъ представляетъ собою нѣчто иное, онъ выразился въ ученіи Маркса, въ томъ, что въ настоящее время извѣстно подъ именемъ марксистскаго или матеріалистическаго пониманія исторіи. Характерной чертой послѣдняго является рѣзко выраженный детерминизмъ, который всюду ищетъ причиннаго взаимодѣйствія и только последнему придаетъ значеніе; не идеи опредѣляютъ людей, а человѣкъ создаетъ идеи. Но такъ какъ въ фейербаховскомъ смыслѣ идеи создаетъ плотскій человѣкъ, то въ конечномъ результатѣ онѣ являются продуктомъ экономическихъ тенденцій, двигающихъ человѣка и руководящихъ имъ. Выражаясь точнѣе, совокупность производственныхъ отношеній и данное состояніе техники опредѣляютъ экономическую структуру общества и обусловливаютъ въ дальнѣйшемъ юридическую и политическую надстройку и весь процессъ духовной жизни. Идеи,

AP 50
.M67
v.9
Nov
1900

Mir Bozhii

U of Chicago
54634027